

3 3433 08190622 8

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

1878

ЯНВАРЬ .

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА ПО ГЕККЕЛЮ. И. О. Цюна.
- II. КНЯЖНА ***. Трагедія въ октавахъ. А. Н. Майкова.
- III. КРИТИКА ОТВЛЕЧЕННЫХЪ НАЧАЛЪ. Гл. X—XI. В. С. Соловьева.
- IV. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Р.
- V. ВЪ СЕРБІИ 1876—1877. Записки добровольца. Гл. I—III. В. В. Яшерева.
- VI. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ. Романъ. Часть первая. В. Г. Австенъ.
- VII. ТУРЦІЯ И ТУРЕЦКІЕ ДѢЯТЕЛИ. Н. В. Щербаня.
- VIII. НИКШИЧЪ. (Изъ Пенадовича.) Стихотвореніе. Н. Боева.
- IX. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. LIX—LXIV. Андрея Печерскаго.
- X. ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ. Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Д. В. Аверкіева.
- XI. ТОЧНОСТЬ НИКОГДА НЕ ИЗЛИШНЯ. (По поводу главы объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ *Полицейской правѣ*, профессора Бунге.) X.
- XII. ПО ПОВОДУ РОМАНА АЛЬФОНСА ДОДЭ „НАБАВЪ“. Г.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

50.
издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

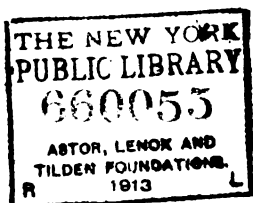
ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

11.
МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1878



ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА ПО ГЕККЕЛЮ

Die Wissenschaft ist ewig in ihrem
Quell, unermesslich in ihrem Umfang,
endlos in ihrer Aufgabe, unerreichbar
in ihrem Ziele.

Carl Ernst v. Baer.

Какъ слѣдуетъ писать популярныя сочиненія по естествознанію? Намъ необходимо отвѣтить на этотъ вопросъ не столько для того чтобъ уяснить читателю какъ мы намерены исполнить предпринятую нами въ этой статьѣ задачу, сколько чтобы мотивировать строгость критическаго мѣрила которое мы приложимъ къ популярно-научнымъ сочиненіямъ профессора Геккеля, составляющимъ предметъ настоящей статьи.

Необыкновенные успѣхи сдѣланные въ этомъ столѣтіи почти всѣми областями естествознанія, громадное вліяніе которое оказываютъ эти успѣхи на всѣ проявленія общественной жизни, неизбѣжно должны были породить желаніе распространять знаніе болѣе выдающихся результатовъ изслѣдованія природы въ массѣ публики стоящей вдали отъ научной жизни. Это желаніе популяризовать естественныя науки вскорѣ подавало поводъ къ образованію двухъ областей популярно-научной литературы, значительно расходящихся по своимъ ближайшимъ цѣлямъ: одна область

старается распространять въ удобопонятной формѣ познанія по своему практическому приложенію полезныя для общечеловѣчества; другая имѣетъ отвѣчать другой болѣе высокой потребности человѣческаго духа—идеальному стремленію къ знанію и истинѣ.

Вопросъ поставленный нами во главѣ этой статьи относится только ко второму роду популярной литературы, единственно занимающей насъ въ данную минуту. Съ перваго взгляда казалось бы что отвѣтъ на этотъ вопросъ крайне простъ: популярное сочиненіе должно въ легко понятной и увлекательной для образованной публики формѣ изложить тѣ результаты естественныхъ знаній, которые представляютъ общечеловѣческій интересъ, т.-е. которые касаются вопросовъ болѣе всего занимающихъ мыслящаго человѣка.

Насколько возможно, изложеніе этихъ результатовъ науки должно также знакомить публику съ путями по которымъ ученые до нихъ дошли, со трудностями встрѣченными ими на этихъ путяхъ, а главное со степенью научнаго вѣроятія или положительной достовѣрности которую эти результаты заслуживаютъ.

Такъ понимали и понимаютъ популяризацию естествознанія великіе художники въ этой области какъ Гумбольдтъ, Араго, фонъ-Беръ, Тиндаль, Гёксли и др. Къ сожалѣнію не всѣ естествоиспытатели слѣдовали этимъ образцамъ. Деятнадцатый вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ борьбы, борьбы политической, соціальной, религіозной и философской. Люди науки не могли и не должны были оставаться безстрастными зрителями этой борьбы. Вооруженные вѣскимъ запасомъ положительнаго знанія и испытанные въ бою противъ невѣжества и неправды, ученые могли выступать въ этой борьбѣ съ большимъ авторитетомъ.

Не всѣ они однако довольствовались въ этой борьбѣ однимъ всеоружіемъ науки. Многие изъ ученыхъ увлеченные борьбой неоднократно стали прибѣгать къ орудіямъ не имѣющимъ ничего общаго съ чистою наукой. Пользуясь тѣмъ что популярныя сочиненія болѣею частью не допускаютъ строгой, послѣдовательной аргументаціи, что не специальная публика не въ состояніи оцѣнить какіе изъ сообщаемыхъ ей подъ видомъ несомнѣнныхъ научныхъ фактовъ дѣйствительно могутъ претендовать на полное довѣріе,

какіе суть тѣмъ плодъ болѣе или менѣе необузданнаго воображенія популяризатора и разчитаны на незрѣлость или некомпетентность читателя, пользуясь этимъ нѣкоторые ученые не устояли противъ искушенія употребить во зло авторитетъ связанный съ ихъ именемъ. Ихъ научная совѣсть слишкомъ часто усыплялась убѣжденіемъ что въ борьбѣ съ незнѣжествомъ и суевѣріемъ всякое оружіе пригодно; популярное сочиненіе по ихъ мнѣнію даже требуетъ известной лиценціи не допустимой въ чисто-научныхъ твореніяхъ.

Совершенно естественно что публика въ своей жаждѣ знанія всегда отдастъ предпочтеніе автору дающему ей много законченныя отвѣты на всѣ томѣніе ея любознательности вопросы предъ тѣмъ ученіемъ которое на каждомъ шагѣ указываетъ на пробѣлы въ нашемъ знаніи или опредѣляетъ предѣлы которыхъ наше знаніе вообще перешагнуть не можетъ. Между ученымъ который подобно Дюбуа-Реймону говоритъ „ignorabimus“ или другимъ по примѣру Геккеля знающимъ все и еще кое-что, довѣрчивая публика первое время рѣдко колеблется. Ямарочный шарлатанъ, предлагающій эликсиры способные исцѣлять всѣ болѣзни бывалыя и небывалыя, всегда привлекаетъ толлу больше чѣмъ добросовѣстный и благоразумный врачъ. Если популяризаторъ громко возвыщаетъ міру что онъ нашелъ что психическій процессъ есть не болѣе какъ рефлексъ, то легкомысленная публика восторгается какъ де просто объяснилась одна изъ величайшихъ тайнъ природы. Она рѣдко въ состояніи разобрать что въ сущности ей вмѣсто одного непонятнаго процесса предложили другой столь же для нея непонятный; еще менѣе подозреваетъ она что эта замѣна одного непонятнаго другимъ непонятнымъ произошла только оттого что самъ популяризаторъ не вполне отдалъ себѣ отчетъ что собственно есть психическій процессъ, для котораго онъ такъ легко находитъ объясненіе. Публика въ подобномъ случаѣ уже довольна тѣмъ что ученые могли де разъяснить одну изъ тайнъ природы; какъ разъяснить, для нея часто безразлично.

Не меньшій успѣхъ долженъ выпасть на долю другаго шарлатана увѣряющаго что онъ открылъ тайну созданія органическаго міра, столь же для него ясную какъ самый элементарный химическій процессъ, что онъ не только объяснилъ происхожденіе человека, но и построилъ его генеа-

логическое дерево, указавъ на тѣ десятки поколѣній которыя начиная отъ элементарно-простаго батибія до человека населяли въ теченіе милліоновъ лѣтъ нашу землю.

Публикѣ остается только восторгаться подобными успѣхами науки и преклоняться предъ гениемъ сдѣлавшимъ ихъ возможными. Но соответствуетъ ли подобная популяризація науки своему дѣйствительному назначенію? Дѣйствительно ли обогащается запасъ познаній общества, если ему сообщаютъ множество исковерканныхъ или просто вымышленныхъ фактовъ, если вмѣсто истинныхъ объясненій его забрасываютъ кучей непонятныхъ словъ, зачастую только скрывающую скудость мысли и бѣдность фактовъ? Въ состояніи ли подобнаго рода популяризація разсѣивать невѣжество, искоренять суевѣріе и вселять уваженіе къ наукѣ? Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе что отвѣтъ на эти вопросы неизбѣжно долженъ быть отрицательный. Наука приближающаяся къ такимъ средствамъ борьбы компрометируетъ себя, и *à la longue* теряетъ дѣйствіе на умы. Когда первое увлеченіе публики проходитъ и она начинаетъ понимать всю лустоту и ничтожность системъ которыя ей подносили подъ покровомъ науки, она отворачивается отъ нихъ. Медленный и тернистый путь ведущій къ истинному знанію только тогда можетъ прочно увлечь умы, когда есть полная увѣренность что на этомъ пути даже самый мелкій шагъ впередъ добытъ честнымъ научнымъ трудомъ и самое малое звено въ цѣли положительныхъ знаній такъ крѣпко связано что не разорвется при первомъ усилии пытливой критики.

Для того чтобы несмотря на неизбѣжныя недомолвки наука все-таки способна была надолго прельщать массы, необходимо чтобы все сообщаемое ею какъ положительныя данныя науки дѣйствительно было недоступно опроверженію.

Читатель теперь понимаетъ какъ по моему мнѣнію слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ поставленный во главѣ этой статьи. Популярное сочиненіе по естествознанію, если по способу изложенія и по формѣ и должно отличаться отъ чисто-научнаго труда, то по своему строго-научному характеру должно стоять на той же высотѣ. Мало этого. Популяризаторъ, обращаясь къ мало-подготовленной публикѣ,

весьма часто долженъ быть гораздо осторожнѣе и воздержнѣе въ своихъ заключеніяхъ чѣмъ когда онъ имѣетъ дѣло съ учеными специалистами. Слишкомъ смѣлая гипотеза или болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе высказанное въ специальномъ сочиненіи рѣдко вводитъ въ заблужденіе ученаго читателя, способнаго отличать гипотезу отъ теоріи или теорію отъ закона. Не такъ въ сочиненіи популярномъ. Здѣсь читатель весьма часто ухватывается именно за блестящую гипотезу или за какое-нибудь удачное сравненіе и не рѣдко ихъ-то и принимаетъ за самую сущность всего ему излагаемаго.

Мало вопросовъ естествознанія возбуждаетъ въ чловѣкѣ столь высокій интересъ какъ вопросъ о его происхожденіи и положеніи въ животномъ царствѣ. Вопросъ этотъ уже самъ по себѣ представляетъ весьма обширное поприще для удовлетворенія любознательности. Онъ приобретаетъ однако еще гораздо большее значеніе отъ того что, смотря по смыслу въ которомъ онъ находитъ свое разрѣшеніе, мѣняется и все міросозерцаніе чловѣка. Помянуто поэтому что если разрѣшенію этого вопроса посвящали себя многіе изъ лучшихъ умовъ между учеными, то нѣкоторые изъ нихъ не сумѣли всегда удержаться на узкой почвѣ чисто-научнаго анализа. Чѣмъ больше трудностей представляетъ разрѣшеніе этого вопроса помощью однихъ строго-научныхъ аргументовъ, тѣмъ сильнѣе искушеніе прибѣгать при его разрѣшеніи къ мотивамъ часто внушаемымъ только индивидуальными чувствами ученаго.

Настоящая статья далеко не имѣетъ цѣлью излагать и разбирать теоріи происхожденія чловѣка предложенныя разными учеными. Ближайшая цѣль наша ограничивается критическимъ разборомъ того ученія которое, благодаря своей научной маскѣ, успѣло въ послѣднее время приобрести въ публикѣ такое значительное число приверженцевъ. Мы говоримъ объ ученіи Геккеля.

Исходя изъ ученія Дарвина о происхожденіи видовъ, ученія которое онъ а priori принимаетъ за непреложный научный догматъ, Геккель считаетъ неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ этого ученія объясненіе образованія чловѣка изъ болѣе низшихъ животныхъ формъ путемъ трансформациі (измѣняемости видовъ?).

Взгляды Геккеля на происхожденіе человѣка изложены кратко въ его *Generelle Morphologie*, а болѣе обширно и въ популярной формѣ въ двухъ объемистыхъ сочиненіяхъ: *Die Schöpfungsgeschichte* и *Die Anthropogenie*. Первое изъ этихъ популярныхъ сочиненій занимается преимущественно исторіей созданія органическаго и неорганическаго міровъ, второе исключительно посвящено происхожденію человѣка. Оба они изложены въ формѣ лекцій, которыя авторъ въ различное время читалъ въ Іенскомъ университетѣ. Популярное изложеніе этихъ лекцій дѣлало ихъ доступными слушателямъ всѣхъ факультетовъ, также какъ и другимъ членамъ образованной публики, интересующейся успѣхами естествознанія. Въ печати успѣхъ сочиненій Геккеля лучше всего засвидѣтельствованъ какъ значительнымъ числомъ изданій, такъ и переводами ихъ на иностранные языки. Успѣхъ этотъ ограничивается однако преимущественно публикой не ученою. На специально ученые круги, особенно въ Германіи, дѣйствіе произведенное сочиненіями Геккеля было совершенно противоположно успѣху. Его система изложенная въ *Generelle Morphologie* просто оставлена была учеными безъ вниманія. Только необыкновенный успѣхъ съ какимъ она принята была публикой когда появилась въ популярномъ изложеніи заставилъ ученыхъ отнестись къ ней болѣе серьезно и подвергнуть ее строгой критикѣ. Вотъ въ какихъ словахъ Геккель самъ признаетъ подобное отношеніе ученаго міра къ его ученію. „Тогда какъ большая часть специалистовъ, для которыхъ я писалъ *Die Generelle Morphologie* просто ее игнорировали, другіе осмѣяли какъ сборникъ натуръ-философскихъ бредней или сожалѣли о ней какъ о заслуживающемъ состраданія заблужденіи. Ее, подобно другимъ попыткамъ реформы, совершенно убили бы молчаніемъ (*totdt geschwiegen*), еслибъ я не изложилъ часть новыхъ мыслей изложенныхъ въ *Generelle Morphologie* въ *Natürliche Schöpfungsgeschichte* и позже въ *Антропогеніи* въ популярной формѣ и этимъ бы не сдѣлалъ ихъ доступными болѣе обширной части образованной публики. Интересъ возбужденный этимъ въ болѣе обширномъ кругу заставилъ и прямо затронутыхъ специалистовъ обращать вниманіе на мое новое пониманіе и изложеніе исторіи развитія.“ *

* *Ziele und Wege der neuitigen Entwicklungsgeschichte. Ienaische Zeitschrift. Bd. 10. Supplement. pag. 9.*

Это вниманіе высказалось въ весьма мало лестной для новаго ученія формѣ.

Пренія вызванныя безчисленнымъ множествомъ научныхъ промаховъ сдѣланныхъ Геккелемъ въ пылу его пропагандистской дѣятельности и заслужившихъ тѣмъ болѣе строгое осужденіе что они болѣею частью были умышленны, пренія эти вскорѣ дискредитировали въ чисто ученомъ мірѣ какъ сочиненія Геккеля такъ и самого автора ихъ.

Мало этого. Ученіе Геккеля повидимому представлялось давящимъ *научнымъ* развитіемъ идей Дарвина и именно этому обязано было своею популярностію въ массѣ публики. Въ ученомъ мірѣ оно имѣло однако результатъ противоположный тому какого авторъ надѣялся достигнуть: оно заставило ученыхъ отнестись и къ дарвинизму съ болѣе строгою критикой.

Какъ извѣстно ученіе Дарвина стремится къ тому чтобъ объяснить происхожденіе органическихъ формъ помощью постепеннаго перехода болѣе простыхъ видовъ въ болѣе сложные, перехода совершающагося подъ вліяніемъ слѣдующихъ четырехъ главныхъ моментовъ:

1) *Борьбы за существованіе*, постепенно истребляющей виды или индивидуумы мало способные выходить побѣдителями всѣхъ вредныхъ вѣншихъ вліяній.

2) *Естественнаго отбора*, по которому болѣе совершенные типы того же вида особенно охотно сочетаются между собою и такимъ образомъ производятъ потомство способное къ болѣе выдержкѣ въ борьбѣ за существованіе.

3) *Приноровленія къ окружающей средѣ*, постепенно ведущаго къ преобразованію отдѣльныхъ органовъ или даже къ ихъ новообразованію подъ вліяніемъ вѣншихъ обстоятельствъ климатическихъ, геологическихъ и т. л.

4) *Наслѣдственной передачи* врожденныхъ или приобретенныхъ качествъ и органическихъ особенностей.

Дарвинъ былъ далеко не первый мыслитель вздумавшій объяснить происхожденіе видовъ помощью постепенной ихъ трансформации изъ болѣе низкихъ въ болѣе высокія формы.

Уже въ началѣ этого столѣтія французскій зоологъ Ламаркъ пытался ввести эволюціонную теорію въ зоологію и сравнительную анатомію. А первые зачатки воззрѣній Дарвина можно отыскать даже у Аристотеля и Гиппократы.

Тѣмъ не менѣе Дарвину принадлежитъ честь полнаго введенія теоріи трансформациі въ науки, а заслуги его въ этомъ отношеніи такъ велики что ставятъ его между величайшими естествоиспытателями.

Громадный матеріалъ наблюденій собранный и сгруппированный имъ послѣ почти полувѣка желѣзнаго труда уже одинъ достаточенъ чтобы поставить его въ ряды первоклассныхъ естествоиспытателей. Но Дарвинъ сдѣлалъ гораздо больше. Въ то время когда зоологія и ботаника въ рукахъ систематиковъ все болѣе и болѣе превращались въ чисто механическое описываніе вѣшнихъ формъ и внутренняго строенія животныхъ и растений, въ то время когда связь существующая между близкими формами и ближайшій смыслъ описываемыхъ органовъ и главное законы ихъ образованія все болѣе и болѣе отходили на задній планъ, въ это время Дарвинъ своею теоріей трансформациі далъ новый толчокъ этимъ наукамъ и указалъ имъ болѣе широкіе и болѣе плодотворные пути изслѣдованія. Подъ вліяніемъ этого толчка и другія сродныя науки, какъ эмбриологія, палеонтологія и антропологія, тоже получили новую жизнь и въ весьма короткое время достигли развитія какого они безъ введенныхъ Дарвиномъ принциповъ и новыхъ точекъ зрѣнія быть-можетъ не достигли бы и чрезъ полстолѣтія.

Всѣ эти громадныя заслуги Дарвина нисколько не мѣшали серьезнымъ ученымъ видѣть и слабыя стороны его ученія. Отсутствіе всякихъ доказательствъ дѣйствительной трансформациі органовъ подъ вліяніемъ естественнаго подбора и приноровленія ко вѣшной обстановкѣ съ самаго начала не позволяло дать дарвинизму другаго значенія какъ значеніе гипотезы, которая въ данную минуту удобнѣе всего объясняетъ множество научныхъ фактовъ и служитъ плодотворною исходною точкой для новыхъ изслѣдованій въ области біологіи. Эволюціонная теорія не только не способна въ одномъ спеціальному случаѣ дѣйствительно доказать переходъ одного вида въ другой, но даже въ гипотетической цѣли подобныхъ переходовъ, которую она предполагаетъ, принуждена оставить безчисленное множество самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ, которыхъ это ученіе никогда не въ состояніи будетъ заполнить, въ виду того что мы не можемъ надѣяться найти слѣды *отъѣхъ* вымершихъ формъ.

Никакому серьезному ученому поэтому и въ голову не приходило принимать эволюціонную теорію Дарвина за дѣйствительное выраженіе закона развитія органическаго міра. Между закономъ и теоріей разница громадная. Значеніе закона въ естествознаніи придаютъ только такому положенію которое вполнѣ и въ непреложной формѣ выражаетъ связь между извѣстными явленіями,—положенію которое первоначально устанавливается эмпирически на основаніи ряда *недопускающихъ возраженій* наблюденій, и вѣрность котораго затѣмъ теоретически доказывается помощью *неопровержимыхъ* выводовъ изъ установленныхъ уже принциповъ.

Когда естествоиспытатель говоритъ о законѣ, то этимъ само собою разумѣется что онъ способенъ доказать его вѣрность во всѣхъ отношеніяхъ и въ состояніи дать отчетъ о каждомъ отъ него зависящемъ явленіи; мало этого, онъ долженъ умѣть предсказывать какое явленіе при данныхъ обстоятельствахъ наступитъ подъ вліяніемъ этого закона.

Нужно ли еще особенно доказывать что никакая эволюціонная теорія не способна и приблизительно претендовать на то чтобы дать намъ *законы* органическаго образованія, если мы слову законъ придаемъ его истинное значеніе. Прежде всего всякое генеалогическое дерево которое подобная теорія намъ дастъ неизбѣжно будетъ представлять больше пробѣловъ чѣмъ дѣйствительныхъ фактическихъ указаній. Специально ученіе Дарвина еще въ добавокъ приуждено допустить рядъ гипотезъ весьма мало вѣроятныхъ: укажемъ только на наслѣдственную передачу пріобрѣтенныхъ особенностей, на приниманіе морфологическаго сходства за признакъ родственной связи, на плодовитость ублюдковъ рожденныхъ отъ скрещиванія двухъ недѣлимыхъ принадлежащихъ къ двумъ сосѣднимъ видамъ и т. д.

Понятно поэтому что естествоиспытатели могли принять ученіе Дарвина только какъ крайне остроумную теорію, въ данную минуту лучше всего удовлетворяющую требованіямъ прогрессивной науки. Ни одному серьезному ученому не приходило въ голову ставить выводы этого ученія на одну доску съ закономъ тяготѣнія или съ закономъ сохранения силъ. Дарвинъ не иначе понималъ значеніе своей теоріи. Съ рѣдкою добросовѣстностью онъ при всякомъ удобномъ случаѣ настойчиво указываетъ на слабыя стороны своей доктрины; никто тщательнѣе его не подбираетъ

фактовъ стоящихъ въ кажущемся или дѣйствительномъ противорѣчii съ его взглядами.

Совершенно иначе отнесся къ дарвинизму Геккель. Уже въ первыхъ своихъ сочиненiяхъ онъ является не ученымъ стремящимся отыскивать истину въ столь сложныхъ и темныхъ вопросахъ, а проповѣдникомъ, которому истина извѣстна чрезъ вдохновенiе,—проповѣдникомъ призваннымъ распространять ученiе Дарвина, доведенное до самыхъ абсурдныхъ заключенiй. Противорѣчiе и опроверженiя не допускаются этимъ апостоломъ, ищущимъ навязать лубки свои взгляды всѣмъ правдами и неправдами. Правда, для привлеченiя адептовъ Геккель не прибѣгаетъ къ огню и мечу; но для этого онъ не имѣетъ и силы; за то онъ щедро пользуется другими орудiями фанатиковъ, бранью и проклятiями, щедро раздаваемыми имъ всѣмъ относящимся скептически къ его ученiямъ, т.-е. громадному большинству естествоиспытателей. Геккель не пренебрегаетъ и пророческими предсказанiями: „еще до окончанiя этого столѣтiя“, говоритъ онъ (*Anthropogenie*. 5 Auflage p. 332), „наши филогенетическiя гипотезы, которыя теперь осмѣиваются большинствомъ ограниченныхъ естествоиспытателей, какъ натуръ-философскiя бредни, будутъ всѣмъ признаны за истинны“.

Самые рискованные выводы изъ ученiя Дарвина принимаются Геккелемъ не за простыя предположенiя, а за непреложные законы; большинство ихъ даже стоитъ гораздо выше законовъ; они прямо догмы. Всѣ его сочиненiя кстати и не кстати наполнены насмѣшками весьма дешеваго разбора надъ непогрѣшимостью папы или новымъ католическимъ догматомъ и множествомъ другихъ вещей вовсе не подлежащихъ сужденiю естествоиспытателя. Зато непогрѣшимость Дарвина или его самого ни на минуту не кажется ему сомнительною; происхожденiе человѣка отъ монера или вовсе не существующаго батибiа для него непреложная истина. На каждомъ шагѣ Геккель выдумываетъ небывалыя формы животныхъ, необходимыя ему для пополненiя безчисленныхъ пробѣловъ его проблематичной генеалогiи, а говоритъ объ этихъ вымершихъ формахъ съ увѣренностью, какъ будто бы онъ только-что вернулся съ ихъ похоронъ. Мало этого, онъ на каждой страницѣ своихъ книгъ приводитъ подробные рисунки этихъ несуществовавшихъ формъ, какъ будто бы

они до смерти оставили ему свои фотографическія карточки. Объ образъ жизни и привычкахъ *антропоида*, несуществовавшей формы безхвостой обезьяны (*Catarrhinae*), котораго Геккель намъ сулитъ въ непосредственнаго предка, онъ говоритъ со спокойною увѣренностью, какъ будто бы онъ съ нимъ десятокъ лѣтъ провелъ на школьной скамьѣ.

Никогда самый гордый феодалъ не говорилъ съ такимъ благоговѣніемъ о своемъ предкѣ сопровождавшемъ Готфрида Бульйовскаго въ Іерусалимъ, какъ Геккель говоритъ о „достопочтенномъ амфіоксѣ“, котораго онъ впрочемъ самъ никогда въ глаза не видалъ, а знаетъ только по описаніямъ Ковалевскаго.

Впечатлѣніе произведенное на ученый міръ подобнымъ доведеніемъ теоріи Дарвина *ad absurdum* не замедлило обнаружиться: лично Геккель сразу потерялъ то почетное мѣсто въ наукѣ которое онъ сталъ пріобрѣтать своими первыми учеными трудами, теоріи же Дарвина онъ нанесъ ударъ отъ котораго она врядъ ли скоро оправится.

Совершенно иное впечатлѣніе произвели сочиненія Геккеля на не ученую публику. Авторитетная самоувѣренность съ которою Геккель излагаетъ свое ученіе, фальшивый научный характеръ который онъ вездѣ придаетъ своей аргументаціи, безчисленное множество рисунковъ повидимому почеркнутыхъ изъ лучшихъ спеціальныхъ сочиненій, которыми испещрены его книги, а болѣе всего обильная варварская терминологія, созданная Геккелемъ при помощи греческаго словаря, дѣлающая залугиваніе публики, все это вмѣстѣ не могло не произвести эффекта и не убѣдить той части публики которая только и желала быть убѣжденною. Люди не находящіе достаточно насмѣшекъ для аристократа гордящагося своими предками были необыкновенно польщены своимъ родствомъ съ безголовымъ амфіоксомъ; сомнѣваться въ вѣрности генеалогическаго дерева прямо связывающаго ихъ съ батибѣмъ казалось для нихъ верхомъ научной ереси. Болѣе всего прельстилъ Геккель необыкновенною простотою съ которою онъ сразу разрѣшилъ всѣ міровые вопросы: вся природа и органическая и неорганическая не представляетъ больше никакихъ тайнъ для ея изслѣдователя. *

* Къ сожалѣнію сѣдуетъ признать что если геккелизмъ въ Германіи нашелъ себѣ поклонниковъ почти исключительно въ публикѣ, то у насъ въ Россіи не мало ученыхъ по профессіи слѣпо

Я уже уломянулъ выше что популярность какую геккелизмъ сталъ пріобрѣтать въ публикѣ заставила многихъ ученыхъ специалистовъ подвергнуть теоріи и факты Геккелевой системы строгой критической оцѣнкѣ. Хотя въ сущности между геккелизмомъ и дарвинизмомъ существуетъ такое же громадное разстояніе какъ между вполне добросовѣстнымъ отношеніемъ къ наукѣ Дарвина и болѣе чѣмъ легкомысленнымъ наслоюваніемъ науки Геккеля, тѣмъ не менѣе при критическомъ разборѣ системы Геккеля не обошлось безъ того что и въ ученіи Дарвина строже была разграничена фактическая часть отъ части гипотетической. Дарвинъ къ сожалѣнію имѣлъ неосторожность высказаться объ ученіи Геккеля менѣе сдержанно, чѣмъ бы слѣдовало; неизбежно поэтому было что изъ ударовъ направленныхъ въ систему Геккеля нѣкоторые чрезъ контре-суп или рикошетомъ попали также въ теорію Дарвина. *

Большая часть нѣмецкихъ дарвинистовъ поэтому особенно рѣзко выступила противъ увлеченій Геккеля грозившихъ уровить въ глазахъ серьезныхъ ученыхъ ученіе о послѣдовательномъ развитіи видовъ. Между этими учеными достаточно указать на Карла Фохта, котораго, полагаемъ, нельзя заподозрить въ излишнемъ консерватизмѣ въ наукѣ, и на блестящаго юрцбургскаго зоолога Семпера.

вѣрять всему его абсурдамъ. Я помню, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на диспутѣ въ университетскомъ залѣ одинъ намекъ что есть еще люди достаточно ослабленные которые не преклоняются предъ Геккелемъ вызвалъ общій смѣхъ и чуть ли даже не годованіе.

* Теперешнее отношеніе ученаго міра въ Англіи къ дарвинизму лучше всего высказалось въ слѣдующемъ фактѣ. На послѣднемъ конгрессѣ ученыхъ въ Манчестерѣ президентъ біологической секціи Dr. Gwyn Jeffreys по случаю весьма интереснаго сообщенія о моллюскахъ коснулся и эволюціонной теоріи. Какъ ученіе о постоянствѣ такъ и ученіе Дарвина по мнѣнію Джефриса одинаково гипотетичны; первое повидимому болѣе соответствуетъ законамъ природы, второе скорѣе является продуктомъ человѣческаго воображенія, не имѣющимъ до сихъ поръ никакихъ доказательствъ. Въ концѣ своей рѣчи почтенный ученый пригласилъ собравшихся специалистовъ признать свое незнаніе въ этомъ вопросѣ, требующемъ еще цѣлыхъ столѣтій дальнѣйшихъ изслѣдованій. Собраніе тутъ же единогласно вытировало благодарность ученому за его сообщеніе и этимъ высказало свое сочувствіе его заключеніямъ.

Не менѣ категорическое опроверженіе встрѣтило ученіе Геккеля со стороны знаменитаго гистолога и эмбриолога Гиса. Въ популярномъ сочиненіи *Unsre Körperform* (Leipzig 1875), по прекрасному изложенію и по строго научному характеру своему могущемъ служить образцомъ научной популяризаціи, Гисъ при случаѣ разбираетъ нѣкоторыя фундаментальныя стороны Геккелевой системы и подвергаетъ ихъ безпощадной критикѣ. Подобно профессору Рютимеберу, и Гисъ между прочимъ настаиваетъ на нѣкоторыхъ крайне ненаучныхъ приемахъ Геккеля, особенно на его болѣе чѣмъ свободномъ обращеніи съ рисунками. Псевдонаучная мантія въ которую Геккель старается облечь свои фантазіи болѣе всего возмущала серьезныхъ ученыхъ.

Къ сожалѣнію сочиненіе Гиса подобно другимъ сочиненіямъ направленнымъ противъ геккелизма все еще слишкомъ спеціально для того чтобъ оно могло быть доступно массѣ публики, на которую особенно разчитаны сочиненія Геккеля. Приступая съ своей стороны къ анализу геккелизма, я дѣлаю это въ полномъ убѣжденіи что даже въ статьѣ вполне популярной можно воочію доказать всю его несостоятельность.

Всякій образованный, непредубѣжденный человекъ, способный понять значеніе научной аргументаціи, долженъ былъ бы при одномъ чтеніи сочиненій Геккеля вынести самое неблагоприятное заключеніе. Но объемъ ихъ и крайне утомительный способъ изложенія обыкновенно мѣшаютъ полному ознакомленію читателя съ основами геккелизма: обыкновенно читатель предпочитаетъ ознакомиться съ его выводами и мало заботится о томъ на чемъ они основаны. Ближайшая цѣль настоящей статьи именно указать на основы этого новаго ученія. Внимательный читатель, надѣюсь, вынесетъ изъ нея убѣжденіе что никогда еще болѣе смѣшныя фантазмагоріи не подносились публикѣ подъ маской научной теоріи какъ въ *Антропогеніи* Геккеля; никогда еще ученый не позволялъ себѣ въ угоду какой-то пропагандѣ до такой степени насилловать логику и исказить самые очевидные факты и скажемъ откровенно никогда еще не было примѣра въ ученой литературѣ подобной *mauvaise foi*. „Will ich aber einmal einen Roman lesen, so weiss ich mir etwas Besseres als Schöpfungsgeschichten“, сказалъ недавно въ Берлинской

Академіи Наукъ знаменитый фізіологъ Дюбуа-Реймонъ. Въ сущности даже названіе романа еще слишкомъ лестно для *Антропогеніи* Геккеля; она гораздо болѣе напоминаетъ дѣтскія сказки.

Я не имѣю, повѣрно, въ виду входить въ обсужденіе всѣхъ подробностей Геккелевой системы; я сначала изложу главныя ея черты, причемъ по возможности буду прибѣгать къ обильнымъ цитатамъ изъ оригинала, такъ какъ онѣ лучше всего обнаружатъ совершенно своеобразный образъ мышленія нашего автора. Затѣмъ я выберу изъ фактической части его книги самыя крупныя факты, служащія основаніемъ всей его системы, и подвергну ихъ обстоятельному разбору. Здѣсь мнѣ разумѣется трудно будетъ избѣгать нѣкоторыхъ подробностей изъ сравнительной анатоміи и эмбриологіи. Для того однако чтобы читатель и о нихъ могъ себѣ составить вполне вѣрное сужденіе, я, по возможности, буду подтверждать всѣ мои фактическія возраженія цитатами изъ спеціальныхъ сочиненій такихъ авторитетныхъ ученыхъ имя которыхъ извѣстно всякому образованному человѣку.

Какъ я уже упомянулъ, Геккель въ своей *Антропогеніи* стремится въ дальнѣйшемъ развитіи идей Дарвина свести всѣ существующія формы животныхъ на одну первоначальную форму, состоявшую изъ одной клѣточки. Прослѣдить мыслью всѣ измѣненія которымъ подвергался органическій міръ въ продолженіе сотенъ тысячъ лѣтъ, опредѣлить какіе виды животныхъ существовали въ разныхъ геологическія эпохи нашей земли, по какимъ законамъ и подъ вліяніемъ какихъ факторовъ эти формы видоизмѣнялись, начиная отъ одноклѣточного монара до человѣка, создать однимъ словомъ полную генеалогію всѣхъ теперь существующихъ животныхъ видовъ, вотъ колоссальная задача какою задался Геккель.

Въ первые три геологическія періода (Лаврентійскій, Кембриджскій и Силурійскій), занимающіе почти половину всего времени существованія органической жизни на земномъ шарѣ, по Геккелю всѣ животныя и растенія жили въ водѣ. Ископаемые организмы представляющіе первые слѣды жизни на сухой землѣ появляются только въ началѣ такъ-называемаго Девонскаго періода. Принимая что начиная отъ

монера человекѣ имѣеть между своими предками двадцать два различныя вида, Геккель полагаетъ что приблизительно половина этихъ предковъ жила еще въ морѣ. Изъ этихъ видовъ первые восемь были безпозвоночныя, а послѣдніе четырнадцать позвоночныя животныя.

Геккель классифицируетъ животныхъ совершенно иначе чѣмъ обыкновенно дѣлають зоологи. Какъ дѣйствительныя типы или классы животныхъ онъ допускаетъ только первые шесть зоологическихъ типовъ: позвоночныя животныя, членистоногія, мягкотѣлыя, иглокожія, черви и кишечно-полостныя. Седьмой же типъ, простѣйшія (*Urthiere*, *Protozoa*), по Геккелю не представляетъ особеннаго типа, а состоитъ изъ совокупности всѣхъ низшихъ животныхъ, изъ которыхъ образовалась *гастрей*, первоначальная форма, какъ бы родоначальникъ шести остальныхъ типовъ.

Геккель такимъ образомъ раздѣляетъ всѣхъ животныхъ на двѣ большія группы: *Простѣйшія* и *Кишечныя* (*Urthiere* und *Darmthiere*). Въ родоначальникъ послѣдней группы онъ назначаетъ гастрею (*Urdarmthier*), будто бы жившую въ Лаврентійскомъ періодѣ. Отъ этой гастреи произошли черви, а отъ червей позвоночныя животныя.

Главныя черты генеалогіи человека по Геккелю такимъ образомъ слѣдующія:

Первая группа (простѣйшія, *Protozoa*) состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: пластидовъ и многокѣточныхъ организмовъ. Первая форма пластидовъ есть монеръ, состоящій изъ комка бѣлаго вещества, протоплазмы, а вторая амеба, имѣющая уже строеніе кѣточки, то-есть состоящая изъ протоплазмы и кѣточного ядра. Многокѣточные организмы состоятъ изъ двухъ формъ: зинамебійевъ и планеадовъ.

Вторая группа, *кишечныя животныя* (*Metazoa*), дѣлится на безпозвоночныхъ и позвоночныхъ. Изъ первыхъ *гастрей* состоитъ изъ одного кишечнаго канала, имѣющаго одно отверстіе для приѣма пищи, а другое для ея удаленія, а *хордоніи* сначала представляются въ видѣ червей безъ полости и безъ крови, а затѣмъ получаютъ полость, кровь и хорду; въ этой послѣдней формѣ онѣ приближаются къ асцидіямъ.

Позвоночная группа сначала состояла изъ безголовыхъ, въ родѣ амфіокса; затѣмъ появились *Monorhinae* (одноносые?), имѣвшія челюсти въ родѣ миноги, еще позже *Ictiodae*

(рыбы) и наконецъ амніоты, то-есть животныя которыхъ зародыши имѣютъ амніон; эти послѣднія сначала были протамніи, затѣмъ проамаліи (Ursänger), нѣчто въ родѣ Monotremata. Проамалій непосредственно перешелъ въ сумчатые животныя (Marsupialia), эти послѣднія въ полуобезьяны (Prosimiae), затѣмъ въ обезьяны. Непосредственные предки человека были сначала обезьяны Старого Свѣта (Simiae Catarrhinae), снабженные хвостомъ, затѣмъ безхвостая обезьяна, которую онъ зоветъ *антропидъ*.

Вотъ въ краткихъ чертахъ генеалогическое происхожденіе человека. Прибавимъ еще, что Геккель не только обозначаетъ общія характеристическія черты этихъ предковъ нашихъ, но даетъ подробное описаніе ихъ анатомическихъ и физиологическихъ особенностей, опредѣляетъ геологическую эпоху въ которой эти предполагаемые родоначальники наши жили и въ добавокъ сопровождаетъ свои описанія весьма обстоятельными анатомическими рисунками.

Посмотримъ теперь какія доказательства онъ приводитъ въ пользу своей грандіозной генеалогіи. Очевидно, что прежде всего слѣдуетъ искать доказательства дѣйствительнаго существованія этихъ различныхъ животныхъ въ минувшія геологическія эпохи. Подобное доказательство можетъ быть дано только отысканіемъ ихъ остатковъ въ соответствующихъ слояхъ земной коры. Но и ископаемые остатки этихъ животныхъ сами по себѣ не могли бы служить доказательствомъ происхожденія *изъ однихъ отъ другихъ*. Для того чтобы сдѣлать вѣроятнымъ *родственную связь* между этими видами необходимо было бы еще найти и слѣды *переходныхъ формъ* отъ одного поколѣнія къ другому; а самое главное, для того чтобы имѣть право говорить объ нихъ какъ о нашихъ предкахъ, необходимо было бы отыскать слѣды *антропиды* и переходныя формы отъ него къ человеку.

Скажемъ тотчасъ же, что не только ничего подобнаго этимъ переходнымъ формамъ до сихъ поръ не найдено, но и бѣлая часть животныхъ которыхъ Геккель сулитъ намъ въ прадѣды исчезла, не позаботившись оставить намъ хоть какой-нибудь слѣдъ своего земнаго бытія. Геккель самъ признаетъ отсутствіе палеонтологическихъ документовъ, которые бы могли подтвердить вѣрность его генеалогическаго дерева: „на одинъ видъ который мы находимъ,

говорить онъ, есть это, тысяча такихъ которые не оставили ни малѣйшихъ слѣдовъ своего существованія" (стр. 322 *Антропогеніи* 5е издание) *.

Въ виду подобнаго отсутствія всякихъ *прямыхъ* палеонтологическихъ доказательствъ Геккель не можетъ не признать, что созданные имъ „aus sich selbst“ виды животнаго на основаніи однихъ предположеній не могутъ разчитывать на особенное довѣріе со стороны точной науки. Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ что они все-таки заслуживаютъ довѣрія, ибо де языковѣдніе, которое тоже не имѣетъ другихъ доказательствъ существованія вымершихъ нарѣчій, какъ лишь слѣды встречаемые въ теперь еще употребляемыхъ языкахъ, тѣмъ не менѣе допускаетъ существованіе одной общей формы языка, нѣкогда служившей корнемъ всѣхъ извѣстныхъ нарѣчій.

Не берусь судить какъ и насколько допускаетъ это языковѣдніе. Но, полагаю, языковѣды правы, когда найдя что люди самыхъ разнообразныхъ племенъ выражаютъ извѣстныя представленія или аффекты тѣми же звуками или слогами, заключаютъ, что эти языки имѣютъ общій корень. Этимъ только констатируется фактъ, въ сущности сводящійся на то что въ нашемъ органѣ слова (взявъ его въ самомъ обширномъ смыслѣ) даны извѣстныя условія, заставляющія всѣхъ людей выражать тождественными звуками извѣстныя представленія о предметахъ. Совершенно другое, выдумать цѣлую скалу несуществовавшихъ формъ животныхъ, приписать каждой изъ нихъ какое-нибудь сходство съ существующими теперь видами и въ добавокъ еще видѣть въ своихъ произвольныхъ измышленіяхъ доказательство родства между этими видами.

Геккель впрочемъ самъ сознаетъ что палеонтологія даже и въ этомъ болѣе широкомъ ея приложеніи не даетъ серьезныхъ опоръ его системѣ. Онъ поэтому главнымъ образомъ старается основать свое ученіе на эмбриологіи, то-есть на ученіи о развитіи зародышей. Поводъ къ построенію своей системы происхожденія видовъ на данныхъ эмбриологіи Геккель видитъ въ созданномъ имъ естественноисторическомъ законѣ, по которому въ развитіи зародышей различныя

* Всѣ наши цитаты сочиненія Геккеля относятся къ 5му изданію.

видовъ должны повторяться главныя черты тѣхъ измѣненій которыя претерпѣлъ самый видъ въ своемъ развитіи отъ болѣе простыхъ формъ. Этотъ биогенетическій законъ, какъ называетъ его Геккель, составляетъ весь фундаментъ его антропогеніи. Онтогенезисъ, то-есть развитіе отдѣльнаго индивидуума, есть только сокращенное повтореніе филогенезиса, т.-е. развитія вида. Другими словами условія развитія зародыша даны тѣми измѣненіями чрезъ которыя самый видъ прошелъ въ теченіе десятковъ или сотенъ тысячъ лѣтъ пока онъ достигъ своей телерешивей формы. Мы слѣдовательно въ продолженіе девяти мѣсяцевъ проводимыхъ нами въ утробѣ матери проходимъ вкратцѣ чрезъ всѣ тѣ главныя двадцать двѣ формы чрезъ которыя наши предки начиная отъ монара прошли въ теченіе миллионныхъ лѣтъ необходимыхъ имъ по Геккелю для того чтобы принять наконецъ организацію телерешиваго человѣка!

Читатель теперь понимаетъ чѣмъ Геккель руководствовался при построеніи своей генеалогической лѣстницы. Принимая свой биогенетическій законъ за несомнѣнно вѣрное выраженіе закона образованія органическаго міра, Геккель выбралъ десятка два формъ чрезъ которыя человѣческій зародышъ проходитъ въ первыя фазы своего развитія и соотвѣтственно каждой формѣ создалъ намъ одно поколѣніе предковъ. Такъ какъ при своемъ развитіи зародышъ постоянно отъ болѣе простыхъ формъ переходитъ къ болѣе сложнымъ, то и придуманные родоначальники человѣка тоже начиная отъ несложнаго строенія простаго монара дѣлаются все совершеннѣе, пока доходятъ до антропоида. Человѣческое яйцо неоплодотворенное, по Геккелю, есть не болѣе какъ безструктурный комокъ протоплазмы; слѣдовательно нашъ первый предокъ есть монаръ. Оплодотворенное яйцо соотвѣтствуетъ амебѣ; носая сегментаціи яйцо состоитъ изъ кучи кѣтокъ и Геккель создаетъ намъ предка, который есть непосредственный потомокъ амобы, и называетъ его зинамебіемъ. Сегментаціонной полости мы обязаны планеадомъ. Такимъ образомъ наша генеалогія доведена до гастреи, интереснаго животнаго состоявшаго изъ одного кишечнаго канала. Этимъ латымъ предкомъ мы обязаны той стадіи развитія зародыша, когда въ немъ образуются два зародышевыхъ листа, кишечно-желѣзистый, изъ кото-

раго развиваются главные органы растительной жизни, и перво-роговой, отъ котораго происходят остальные наши органы.

Мы уже намекали на важное значеніе которое въ системѣ Геккеля имѣетъ эта гастрей, какъ родоначальница всѣхъ шести типовъ животныхъ. Согласно биогенетическому закону всѣ эти животныя должны въ своемъ развитіи пройти чрезъ форму гастреи, или какъ выражается Геккель, состоять изъ одной гастролы, т.-е. кишечнаго канала съ двумя отверстіями, однимъ для приѣма, другимъ для удаленія пищи. * Замѣтимъ мимоходомъ, что теорія гастрей Геккеля почти единогласно отвергается всеми зоологами и эмбриологами какъ не соответствующая самымъ несомнѣннымъ фактамъ. И предположеніе следовательно что нѣсколько милліоновъ лѣтъ тому назадъ существовало подобное животное состоявшее изъ одного кишечнаго канала есть не болѣе какъ плодъ собственной фантазіи Геккеля.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта гастрей по Геккелю перешла въ червя и сдѣлалась асцидией. И мы поэтому обязаны въ извѣстной стадіи нашего развитія быть червемъ. Затѣмъ мы превращаемся въ амфиокса (лацетникъ), животное не имѣющее ни черепа, ни сердца (по Геккелю), ни конечностей. Этотъ амфиоксъ, прямой потомокъ асцидіевъ, есть въ то же время родоначальникъ всѣхъ позвоночныхъ животныхъ. Дальнѣйшія метаморфозы которыя Геккель заставляетъ насъ въ честь нашихъ предковъ продолжать въ утробѣ матери уже дѣтскія игрушки въ сравненіи съ трудностями превратить монера въ амфиокса.

На восьмой стадіи мы морская минога, на девятой обыкновенная рыба, на десятой сразу производимся въ высшее позвоночное животное, снабженное околоплоднымъ оболочкой, въ амниота. Затѣмъ намъ еще предстоитъ превращенія въ монотремату, въ промамалію, въ сумчатое животное, въ полуобезьяну, въ настоящую обезьяну снаб-

* Зачатки этой такъ-называемой Gasträen-Theorie впервые появились въ монографіи Геккеля „Объ известковыхъ губкахъ“. На дняхъ появилось новое сочиненіе Геккеля въ которомъ онъ развиваетъ ее далѣе.

женную хвостомъ, въ безхвостую обезьяну, пока мы наконецъ удостоиваемся одѣлаться человѣкомъ.

Читатель позволитъ мнѣ не входить въ болѣе подробное изложеніе этого чинопроизводства зародыша. Для нашей цѣли достаточно удержать въ памяти что мы должны по Геккелю продѣлывать всѣ эти превращенія, ибо немолчимый біогенетическій законъ заставляетъ насъ точно слѣдовать благому примѣру поданному намъ нѣсколько миліоновъ лѣтъ тому назадъ нашимъ родоначальникомъ монеромъ. Прибавимъ еще что по Геккелю далеко не одно пустое честолюбіе побудило монера перемѣнить свое скромное, но беззаботное существованіе на днѣ моря на исполненную тревоженій жизнь человѣка. Онъ имѣлъ къ этому гораздо болѣе уважительныя причины, совершенно независія отъ его воли. Первое мѣсто между этими причинами занимаютъ борьба за существованіе и естественный отборъ; затѣмъ слѣдуетъ приноровленіе ко вѣтшней средѣ и наследственная передача. Прибавимъ къ этому геологическія катастрофы, какъ движенія льдинъ, высыхание почвы, землетрясенія, наводненія и тому подобныя невагоды, и самый упрямый мизантропъ долженъ будетъ признать, что бѣдному монеру трудно было устоять противъ всѣхъ этихъ невзгодъ и не превратиться въ гастрею, асцидію, амфиокса, миногу и человѣка! Геккель такъ убѣжденъ что монеру при этой обстановкѣ не оставалось другаго исхода что считаетъ излишнимъ хоть намекомъ объяснить намъ связь между извѣстными геологическими или метеорологическими катастрофами и вызванными ими измѣненіями въ организаціи животныхъ и растений. Здѣсь мы все должны принимать на вѣру; тѣмъ хуже для насъ если мы любопытствуемъ доискиваться объясненій и если указанная связь остается для насъ проблематичною.

Въ предшествующихъ строкахъ мы старались представить голый скелетъ ученія Геккеля, по мнѣнію его приверженцевъ долженствующаго составить эпоху въ міросозерцаніи человѣчества. Остальное содержаніе его весьма объемистой *Антропогеніи* служить только болѣе или менѣе удачнымъ покровомъ, имѣющимъ скрыть все что въ этомъ ученіи есть угловатаго, все что оскорбляетъ зрѣніе всякаго логически мыслящаго человѣка. Подыскиваніе псевдо-научной мотивировки для системы, которой несостоятельность

глаза колетъ, вотъ главное стараніе Геккеля. Чѣмъ слабѣе приводимые доводы, тѣмъ обширнѣе они развиваются. Недостатокъ глубины въ аргументаціи Геккеля старается закрывать утомительною шириной дискуссіи.

При сколько-нибудь внимательномъ чтеніи *Антропогеніи* непредубѣжденный читатель неизбѣжно выводитъ убѣжденіе что Геккель самъ часто чувствуетъ слабость своихъ доводовъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ затруднительное положеніе автора обнаруживается отчаяннымъ приемомъ: и съ того и съ сего Геккель начинаетъ забрасывать своихъ противниковъ, то-есть почти весь ученый міръ, бравою и сарказмами, какъ бы въ досадѣ что ихъ критика заставляетъ его подыскивать доказательства тамъ гдѣ онъ скотѣе всего удовольствовался бы однимъ голословнымъ сообщеніемъ. Иногда однако слабость аргументаціи Геккеля вытекаетъ и не изъ одного желанія отводить читателя глаза, она часто обнаруживаетъ отсутствіе у автора той способности къ строго-научному, такъ-сказать, математическому мышленію, безъ котораго ни одинъ естествоиспытатель не можетъ теперь разчитывать на сколько-нибудь плодотворное служеніе наукъ.

Для деказательства несостоятельности Геккелевой системы мы считаемъ достаточнымъ разобрать главныя ея основныя; ибо вполнѣ убѣждены что читатель, разъ составивъ себѣ вѣрное представленіе о научныхъ приемахъ и о характерѣ аргументаціи Геккеля, вынесетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливое сужденіе о всей его системѣ.

Начнемъ прежде всего съ общихъ взглядовъ Геккеля на значеніе разбираемыхъ имъ вопросовъ и на методы которые онъ считаетъ наиболее пригодными для своихъ трудовъ. Намъ придется при этомъ приводить часто такіе образчики самой неопозволительной научной ереси что для избѣжанія укора въ произвольномъ искаженіи мысли Геккеля, мы вездѣ будемъ приводить его же собственныя слова. Эти цитаты, которыя коснутся всѣхъ главнѣйшихъ основъ его ученія, познакомятъ читателя и со слогами автора. „Слогъ есть человекъ“, ни на комъ такъ не подтверждается какъ на Геккелѣ.

Ближайшая цѣль которую Геккель стремится достигнуть своими учеными трудами вполнѣ откровенно высказана въ предисловіи къ первому изданію его *Антропогеніи*. Эта

наука должна по его мнѣнію служить главнымъ оружіемъ въ культурной борьбѣ занимающей теперь человечество: „Въ этой духовной борьбѣ волнующей все мыслящее человечество стоять на одной сторонѣ подъ свѣтлымъ знаменемъ: свобода мысли и правда, разумъ и культура, развитіе и прогрессъ; на другой сторонѣ подъ чернымъ знаменемъ іерархіи: умственное рабство и ложь, неразуміе и грубость, суевѣріе и реакція.... Въ этой громадной исторической культурной борьбѣ, въ которой мы имѣемъ счастье принимать личное участіе, мы не можемъ желать лучшаго союзника какъ антропологию.“ Предисловіе, стр. XVI.

Итакъ антропология по Геккелю должна быть оружіемъ въ борьбѣ противъ чернаго знамени какой-то іерархіи. Безпристрастное отысканіе истины, которое до сихъ поръ считалось первою задачей науки, отступаетъ сдѣловательно на задній планъ. Если истина не въ состояніи служить намъ подобнымъ оружіемъ, то она должна быть скрыта или насильована. Горе ученому держащему высказывать истину которая „можетъ заслужить одобреніе со стороны Ecclesia militans“ (ibid). Геккель въ подобномъ случаѣ немедленно же прибѣгаетъ къ самымъ нецеремоннымъ приемамъ и забрасываетъ этого ученаго грязью. Въ упомянутомъ же предисловіи мы находимъ этому весьма поучительный примѣръ, въ нападеніяхъ на одного изъ самыхъ блестящихъ представителей современнаго естествознанія, Дюбуа - Реймона, осмѣлившася указать на границы распознаванія (die grenzen des Erkenntnisse) которыя человеческій умъ никогда не въ состояніи будетъ перешагнуть. Что такое матерія и сила и какъ мы мыслимъ — эти двѣ задачи, какъ съ неумолимою логикой доказалъ Дюбуа - Реймонъ, останутся вѣчно неразрѣшенными *. Этого ignoabimus Геккель не можетъ простить знаменитому берлинскому физиологу. Не можемъ не привести здѣсь возраженій которыми Геккель думаетъ

* На невозможность разрѣшенія одной изъ этихъ задачъ я въ томъ же смыслѣ какъ и Дюбуа-Реймонъ указалъ въ моей рѣчи *Сердце и Мозгъ*, сказанной на актѣ Петербургской Медико-Хирургической Академіи 1873. Критики *Отечественныхъ Записокъ* не могли придти въ себя отъ подобной ереси.

опровергнуть его заключенія, ибо они весьма характерны для способа аргументаціи автора *Антропогеніи*. На приведенныхъ Дюбуа-Реймономъ доказательствахъ, на сущности дѣла онъ вовсе не останавливается; онъ считаетъ болѣе чѣмъ достаточнымъ слѣдующій аргументъ. „Еслибы мы захотѣли дать понять нашему одноклѣточному амебному предку изъ Лаврентійскаго періода что его потомки въ Кембриджскомъ періодѣ будутъ представлять собою многоклѣточный организмъ червя снабженнаго кожей, кишечнымъ каналомъ, мышцами и нервами, почками и кровеносными сосудами, то онъ никогда бы этому не повѣрилъ; также мало какъ повѣрили бы черви, еслибы имъ рассказали что ихъ потомки превратятся въ безчерешныхъ позвоночныхъ животныхъ въ родѣ амфіокса, и также мало эти безчерешные животные поняли бы что ихъ эпигоны будутъ имѣть голову и т. д... Всѣ бы они отвѣтили единогласно: „мы никогда не измѣнимся, мы никогда не узнаемъ исторіи нашего развитія! Nunquam mutabimur! Semper ignorabimus.“

Поклонники Геккеля съ особеннымъ торжествомъ приводятъ эти напыщенные фразы, какъ блестящее опроверженіе Дюбуа-Реймоновскаго изреченія. А между тѣмъ трудно придумать что-нибудь слабѣе этой аргументаціи. Прежде всего Геккель въ основу своего возраженія полагаетъ свою генеалогію какъ несомнѣнную истину; хотя прежде чѣмъ пользоваться ею какъ аргументомъ слѣдовало бы еще доказать ея вѣрность. Еслибы амебы, черви и амфіоксы могли понять и въ состояніи были бы отвѣтить на вопросы Геккеля, то они бы съ гораздо болѣе правомъ сказали ему что какъ ни лестны для нихъ его увѣренія, къ сожалѣнію они ложны. Амеба увѣрила бы Геккеля что она во второй половинѣ XIX столѣтія еще будетъ амебой, червь червемъ, и амфіоксъ что онъ никогда не будетъ до такой степени безъ черепа какъ въ вѣкѣ Геккеля.

Но даже, если допустить что генеалогія Геккеля вѣрна, то развѣ всѣ эти животныя не были бы вполне правы, отвѣчая: „мы никогда не узнаемъ исторіи нашего развитія“? Если не предположить что *Антропогенія* Геккеля составляетъ любимое чтеніе амфіокса послѣ завтрака, то очевидно что амфіоксъ никогда не узнаетъ что между его честными но бѣдными родителями находились гастрей и асцидія и что

онъ будетъ имѣть честь считать между своими потомками профессора Іенскаго университета.

Каково бы впрочемъ ни было самое возраженіе Геккеля, оно въ сущности вовсе не относится къ тому что утверждалъ Дюбуа-Реймонъ. Вѣдь *ignobimus* этого послѣдняго относится къ человѣку, и Дюбуа-Реймонъ никогда и не думалъ утверждать что если чрезъ милліоны лѣтъ человѣкъ превратится въ созданіе настолько же совершеннѣе насъ, насколько мы выше одноклѣточныхъ амебъ, то и это созданіе не въ состояніи будетъ перешагнуть предѣловъ пониманія положенныхъ нашему мозгу. Этимъ бы существомъ, которыя по теоріи Геккеля вѣроятно будутъ многоголовыя, и слѣдовало предоставить предпринимаемую имъ борьбу.

Въ предисловіи къ третьему изданію *Антропогеніи*, Геккель впервые старается отвѣтить на многочисленныя возраженія на его ученіе со стороны всѣхъ серіозныхъ специалистовъ, какъ Карла Фохта, Семпера, Келликера, Гиса, Рютимейера и др. Въ текстъ своего сочиненія Геккель къ этимъ возраженіямъ больше уже не возвращается. Мы начнемъ по этому обсужденіе ученія Геккеля съ тѣхъ его основъ которыя составляютъ главный предметъ этихъ возраженій.

Мы уже намекнули что вся система Геккеля покоится на двухъ главныхъ основаніяхъ: 1) На біогенетическомъ законѣ, по которому развитіе зародыша животнаго есть только сокращенное повтореніе развитія всего вида и 2) на такъ-называемой теоріи гастрей, по которой всѣ шесть вышнихъ типовъ животныхъ на извѣстной стадіи своего развитія непременно должны состоять изъ одного кишечнаго канала, снабженнаго двумя отверстиями, ртомъ и заднимъ проходомъ. Въ сущности эта теорія есть только слѣдствіе біогенетическаго закона; она требуется для того чтобы засвидѣтельствовать существованіе въ Кембриджскомъ періодѣ гастрей, имѣвшей по Геккелю столь прозаическое строеніе.

Въ своемъ капитальномъ сочиненіи *Entwicklungsgeschichte der Thiere und des Menschen*. II Auflage 1876 Келликеръ подробно разбираетъ какъ біогенетическій законъ такъ и теорію гастрей, и основываясь на множествѣ фактовъ эмбриологіи и сравнительной анатоміи, безъ труда доказыва-

есть что и законъ и теорія оба противорѣчаютъ истинѣ. Со многими изъ фактовъ мы еще встрѣтимся ниже; укажемъ теперь только на одинъ, именно что у млекопитающихъ и у птицъ не существуетъ ничего похожаго на Геккелеву гастралу! Въ виду важности этихъ двухъ классовъ животныхъ, этого факта уже болѣе чѣмъ достаточно чтобы разрушить все карточное зданіе возведенное Геккелемъ. Келликеръ поэтому въ концѣ своей аргументаціи съ полнымъ правомъ заключаетъ что Геккелева филогенія не можетъ быть признана наукой, ибо она не соответствуетъ истинѣ. На столь вѣскія возраженія Келликера Геккель отвѣчаетъ нѣсколькими словами. Противъ отсутствія гастралы у млекопитающихъ и у птицъ онъ возражаетъ: „этому противорѣчатъ новѣйшія изслѣдованія Ванъ-Бенедена и Раубера, изъ коихъ первый у кролика, второй у цыпленка описали ценогенетическую форму гастралы, которая по теоріи гастрей можетъ быть легко сведена на палингенетическую гастралу амфиокса“ (стр. 24).

На первый взглядъ приведенныя слова дѣйствительно смотрять опроверженіемъ: приводится авторитетное имя Ванъ-Бенедена; употребляются такія ученые названія какъ „ценогенетическій“ и „палингенетическій“. Чего кажется лучше и желать. Въ сущности оказывается однако что наблюденія Ванъ-Бенедена вовсе не опровергаютъ Келликера. Вся суть заключается именно въ приведенныхъ двухъ словахъ и въ смыслѣ который Геккель съ ними связываетъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ самыхъ основныхъ положеній всего ученія Геккеля и постараемся по возможности разъяснить его.

Мы уже видѣли что исходя изъ своего біогенетическаго закона Геккель помощью данныхъ изъ исторіи развитія зародыша старается создать тѣ двадцать одинъ или двадцать два типа животныхъ которые служили переходными ступенями отъ монары къ человеку. Типы эти по большей части не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ, вѣроятно по той простой причинѣ, что никогда не существовали.

При описаніи этихъ типовъ Геккель пользуется съ одной стороны выдающимися чертами зародышей въ различныхъ стадіяхъ ихъ развитія, съ другой стороны сравнительною анатоміей тѣхъ изъ теперь существующихъ или же иско-

паемыхъ животныхъ которыя по его мнѣнію ближе всего подходятъ къ приписываемымъ намъ предкамъ. При этомъ ему постоянно нужно, во первыхъ, изглаживать по возможности громадныя различія существующія между зародышами различныхъ животныхъ, во вторыхъ, находить большія аналогіи въ строеніи или по крайней мѣрѣ въ наружномъ видѣ этихъ зародышей и соответствующихъ типовъ животныхъ. Несмотря на большую ловкость съ которою Геккель умѣетъ отыскивать сходства тамъ гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, несмотря на безцеремонное обращеніе его съ самыми крупными фактами эмбриологіи, Геккель все-таки на каждомъ шагѣ наталкивается на факты такъ резко противорѣчащіе его биогенетическому закону что при всѣхъ усиліяхъ ихъ невозможно втиснуть въ его узкія рамки.

Вмѣсто того чтобы въ этихъ фактахъ, касающихся *остѣй безъ исключенія самыхъ капитальныхъ морфологическихъ особенностей*, видѣть лучшее доказательство невѣрности своего закона, Геккель наоборотъ ухитряется найти въ нихъ несомнѣнное подтвержденіе его взглядовъ. Для этого ему достаточно допустить гипотезу что эти факты суть *слѣдствія подлоговъ* (Fälschungen) которыя природа позволила себѣ мало-по-малу вводить въ теченіе миллионныхъ лѣтъ; этимъ она изгладила слѣды родства между различными видами. Однимъ словомъ природа постоянно сама фальшивила свой биогенетическій законъ. Разъ допустивъ эту странную но удобную оговорку Геккель въ дальнѣйшемъ развитіи своей системы прибѣгаетъ къ ней всякій разъ когда факты позволяютъ себѣ вступать въ непримиримое противорѣчіе съ его теоріями. Считаемо полезнымъ опять привести нѣсколько цитатъ.

„Естественно что при этомъ филогенетическомъ толкованіи онтогенетическихъ процессовъ прежде всего необходимо ясно и точно различать между первоначальными палингенетическими и позднѣйшими ценогенетическими процессами развитія. *Палингенетическими процессами мы называемъ тѣ явленія въ исторіи развитія недѣлимаго котораго переносятся чрезъ консервативное (!) наслѣдіе изъ рода въ родъ и которыя поэтому (?) допускаютъ непосредственное заключеніе о соответствующихъ процессахъ въ исторіи развитія предковъ. Ценогенетическими процессами*

или фальсификаціями процессовъ развитія мы называемъ тѣ процессы въ исторіи зародыша которые не могутъ быть сведены на подобное наслѣдіе отъ древней основной формы (Stammform), но которые происходятъ отъ приковреленія зачатковъ зародышей или молодыхъ формъ къ извѣстнымъ условіямъ развитія зародышей (sic). Эти ценогенетическія явленія суть чуждые придатки которые ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ непосредственныхъ заключеній о соответственныхъ процессахъ въ родословномъ рядѣ, но наоборотъ прямо окрываютъ (!) или фальшиватъ пониманіе этихъ послѣднихъ“...

„Собственно говоря, это различіе между лалингенезисомъ или развитіемъ чрезъ извлеченіе (Anzugsentwicklung) и ценогенезисомъ, развитіемъ съ подлогами (Fälschungsentwicklung) не удостоились до сихъ поръ со стороны естествоиспытателя *ни малѣйшаго вниманія*. Я однако считаю его первымъ условіемъ для вѣрнаго пониманія исторіи развитія и думаю что соответственно этому въ исторіи развитія слѣдуетъ различать лалингенезисъ и ценогенезисъ“...

Перечисливъ нѣсколько процессовъ развитія встречаемыхъ у человека и у высшихъ позвоночныхъ животныхъ Геккель продолжаетъ:

„Всѣ эти и многія другія важныя явленія *очевидно* (!) вѣрно и чрезъ постоянное наслѣдіе перенесены отъ древнихъ предковъ млекопитающихъ и *должны быть* (?) отнесены къ соответствующимъ лалингенетическимъ явленіямъ развитія въ исторіи ихъ рода (!). Наоборотъ это не можетъ имѣть мѣста у слѣдующихъ процессовъ развитія, которые *должны быть* (?) приняты за ценогенетическіе процессы: образованіе желточной полости (Dottersack), аллантоиса, послѣда, амниона и хоріона, вообще различныхъ оболочекъ яйца и соответственныхъ развѣтвленій кровеносныхъ сосудовъ; дальѣ временное раздѣленіе первично позвоночныхъ и боковыхъ пластинокъ, послѣдовательное закрытіе брюшныхъ стѣнокъ и кишекъ, образованіе луковины и т. д. *Всѣ эти и многія другія явленія* очевидно не могутъ быть отнесены къ соответственнымъ явленіямъ прежней самостоятельной и вполне развитой основной формы (Stammform), а скорѣе произошли отъ особенныхъ условій жизни зародыша въ

яйцѣ (внутри оболочекъ яйца). Ценогенетическіе подлоги первоначальнаго палингенетическаго хода развитія болѣею частью зависятъ отъ постоянно наступавшаго пересовыванія (?) явленій, которое произошло отъ приворавливанія въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ къ измѣненнымъ эмбриональнымъ условіямъ существованія. Это пересовываніе можетъ касаться какъ *мѣста* такъ и *времени* явленія (?). Первое мы называемъ гетеротоліей, послѣднее гетерохроніей“ (стр. 9—11).

Замѣчательно это наивное объясненіе развитія *оболочекъ яйца*, происходящее отъ приспособленія зародыша къ жизни „внутри оболочекъ яйца“. Еще любопытнѣе этотъ ценогенезъ по времени и по мѣсту продолжающійся много тысячъ лѣтъ и производящій (вѣроятно каждое тысячелѣтіе по куточку!) то аллантоисъ, то послѣдъ, то амнионъ, то раздѣляющій позвонки, то закрывающій кишечныя стѣнки и т. п. Все это вдобавокъ выдается какъ вещи совершенно „естественныя“ или „очевидныя“, и для вящаго залугиванія читателя помощью греческаго словаря создаются варварскія названія, не имѣющія никакаго смысла.

„Wo die Begriffe fehlen da stellt ein passend Wort sich ein“, сказалъ Гёте, и никто не прибѣгаетъ такъ часто къ этому изобрѣтенію словъ какъ Геккель.

Обратимся однако къ главному результату аргументаціи Геккеля, именно къ необходимости для поддержанія всей его системы прибѣгать къ такъ-называемымъ фальсификаціямъ природы всякій разъ когда факты прямо противорѣчатъ біогенетическому закону. Для вѣрной оцѣнки значенія такого ценогенезиса необходимо добратъсь до источника у котораго Геккель почерпнулъ основную мысль какъ біогенетическаго закона, такъ и его фальсификаціи. Въ брошюрѣ „Für Darwin“ талантливый нѣмецкій зоологъ Фрицъ Миллеръ впервые въ общихъ выраженіяхъ высказалъ мысль что историческое развитіе вида должно отражаться въ исторіи развитія каждаго недѣлимаго этого вида; что потомки слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ вкратцѣ пробѣгаютъ то же развитіе что ихъ предки. Мысль эта брошена была Миллеромъ какъ простое предположеніе, которое, по его мнѣнію, не *можетъ однако быть теперь проверено при развитіи отдѣльныхъ недѣлимыхъ*: различіе вѣшнихъ обстоятельствъ при которыхъ теперь развивается

человѣкъ или вообще позвоночное животное отъ тѣхъ при которыхъ развивались наши предполагаемые предки слѣдующимъ для того велико. Тогда какъ, напримѣръ, нашъ зародышъ приспособленъ ко внутриматочной жизни во все время своего развитія, наши филэмбриональные предки должны были быть приморвлены къ самостоятельному обитанію лица. Кожа, нервы, мышцы и т. под. приспособлены были у нихъ къ борьбѣ за существованіе, слѣдовательно должны были развиваться совершенно иначе чѣмъ у зародышей, удобно плавающихъ въ родильной водѣ. Однимъ словомъ мотеръ или гастрей, жившіе совершенно при другихъ условіяхъ, должны были значительно отличаться отъ теперешнихъ соответствующихъ имъ формъ зародыша. Фрицъ Миллеръ, хотя и стоящій на точкѣ зрѣнія приверженцевъ теоріи происхожденія видовъ, все-таки очень хорошо понималъ что его предположеніе о связи между филогенезисомъ и онтогенезисомъ не можетъ быть *оправдано*. Онъ поэтому и ограничилъ свою гипотезу, прибавивъ „что историческіе документы (Urkunden), сохранившіеся въ исторіи развитія зародыша, постепенно подвергались измѣненію тѣмъ что развитіе все болѣе и болѣе сокращало путь отъ яйца къ готовому животному. Такимъ образомъ документы эти дошли до насъ со значительными передѣлками и такъ-сказать *фальсифицированы*.“ (Für Darwin. Leipzig. 1869, стр. 77.) Слово фальсификація употреблено очевидно въ фигуральномъ смыслѣ, и только означаетъ что слѣды прежнихъ животныхъ не могутъ быть *найдены въ формахъ* зародыша, ибо подъ вліяніемъ измѣнявшихся вѣдшихъ обстоятельствъ мало-по-малу *изгладились*.

Но даже въ этомъ смыслѣ оговорка Фрица Миллера въ сущности имѣетъ только цѣлью объяснить почему теперь невозможно на дѣлѣ провѣрить предположенія что онтогенія есть только повтореніе филогеніи. (Говорка эта слѣдовательно признаетъ что біогенетическій законъ, даже облеченный въ форму гипотезы, не имѣетъ доказательствъ.

Геккель присвоилъ себѣ какъ предположеніе, такъ и оговорку Фрица Миллера и передѣлалъ первое въ фундаментальный законъ образованія органическаго міра, вторую въ весьма важное исключеніе изъ этого закона, служащее лучшимъ его подтвержденіемъ. Для всякаго неувлеченнаго естествоиспытателя не можетъ быть сомнѣнія что

одна необходимость допустить что природа постоянно фальшивить собственныя законы доказываетъ уже что законы эти ложны. Въ добавокъ еще эти фальсификаціи встрѣчаются въ системѣ Геккеля не разъ и не два, а почти на каждой страницѣ его *Антропогеніи*. Мы уже выше перечислили рядъ самыхъ основныхъ моментовъ развитія зародыша которые Геккель принужденъ признать подобными подлогами. „Всѣ эти и многія другія явленія... прибавляетъ онъ, должны быть приняты за поддѣлки.“ Если дѣйствительно перечестъ всѣ подобныя „поддѣлки“, находящіяся въ *Антропогеніи*, то окажется что три четверти всѣхъ формъ развитія зародыша суть фальсификаціи, т.-е. прямо противорѣчатъ пресловутому биогенетическому закону.

Приведемъ только два примѣра. Описавъ сегментацію яйца у нѣкоторыхъ животныхъ, и съ грубою пополамъ доказавъ мнимое сходство этого процесса у разныхъ видовъ, Геккель на стр. 163 заключаетъ что этотъ способъ сегментация есть палингенетическая форма этого процесса. Затѣмъ онъ говоритъ: „У большей части животныхъ дѣло происходитъ однако не такъ. У этихъ животныхъ первоначальный ходъ развитія въ теченіе многихъ милліоновъ (!) дѣтъ постепенно измѣнялся, и чрезъ привораживание къ новымъ условіямъ развитія подвергся передѣлкѣ. Какъ сегментация яйца такъ и образованіе гастролы (гаструдация) вслѣдствіе этого получили совершенно другой видъ. И эти различія съ теченіемъ времени сдѣлались такъ значительны что у большей части животныхъ сегментация нѣвѣрно была истолкована (!) а гаструда не была узнаваема“... Геккель изъ всего этого заключаетъ что эти формы развитія—„у большей части животныхъ!“ слѣдуетъ считать *ценогенетическими*; соотвѣтствующую же форму зародыша, не имѣющую ничего похожаго на гастролу, предлагаетъ назвать *метагастролой*! Слова Геккеля „сегментация нѣвѣрно была истолкована“ слѣдуетъ понять такимъ образомъ что почти всѣ эмбриологи и сравнительные анатомы попрежнему продолжаютъ истолковывать сегментацию въ прежнемъ (нѣвѣрномъ по Геккелю) смыслѣ, а о гастролѣ и слышать не хотятъ.

На страницѣ 232, при описаніи развитія зародыша млекопитающихъ, онъ опять наталкивается на капитальное противорѣчіе. Какъ же объяснить это противорѣчіе? „Только(?)

через особенныя и весьма странныя ценогенетическія отклоненія, которыхъ настоящія причины до сихъ поръ еще не могли выяснены. Очевидно (?) они стоятъ въ связи съ тѣмъ что предки млекопитающихъ животныхъ, рождающихъ живыхъ животныхъ, были амниоты, которые каали яйца, и только постепенно приняли обычай (!) рожать живыхъ.“ Вместо того чтобы признать что это противорѣчіе прямо опровергаетъ его ученіе Геккель предпочитаетъ находить ~~очевиднымъ~~ что животныя клавшія яйца, постепенно, вѣроятно сдѣлая модѣ, приняли обычай рожать живыхъ дѣтей.

Читатель видитъ какой вѣсъ имѣетъ возраженіе Геккеля на приведенные выше доводы Келликера противъ теоріи гастрей, именно на отсутствіе гастролы у птицъ и у млекопитающихъ. То что Геккель въ изслѣдованіи Ванъ-Бемедена принимаетъ за ценогенетическую форму гастролы ~~вообще не есть гастролы~~.

„Какъ только какое-нибудь явленіе не входитъ въ рамку его предвзятыхъ идей“, совершенно вѣрно говоритъ Карлъ Фохтъ (*Revue scientifique*. 1877, № 45), „оно тотчасъ же обвивается въ поддѣлку и этимъ нужно удовольствоваться. Такъ, напримеръ, онтогенетическое развитіе человека и вообще всѣхъ млекопитающихъ и другихъ животныхъ не желющихъ подчиниться теоріи гастрей и упрямо продолжающихъ пользоваться первичнымъ отверстіемъ кишечнаго ущелья какъ заднимъ проходомъ, вместо того чтобы сдѣлать изъ него ротъ, не можетъ быть ничемъ инымъ какъ поддѣлкой, уклоненіемъ отъ нормальнаго направленія, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ причинъ. Это весьма удобно, но нисколько не уясняетъ вопроса.“

Геккель самъ очень хорошо сознаетъ что его способъ аргументаціи не имѣетъ ничего общаго съ чисто-научною дискуссіей. Нееднократно когда ему приходится излагать уже черезчуръ фантастическія вещи, онъ самъ считаетъ необходимымъ предупредить читателя, что его доказательства не имѣютъ научнаго характера; но онъ слѣпшитъ сдѣлать оговорку, что слишкомъ большая точность не только невозможна въ антропологию и эмбриологию, но и излишня.

Науки на которыхъ построена *Антропогенія* дѣйствительно далеки отъ того чтобы претендовать на одинаковую степень научной точности. Палеонтологія, геологія, эмбриологія и сравнительная анатомія находятся на весьма различ-

ныхъ ступеняхъ развитія и кромѣ того весьма сильно другъ отъ друга отличаются какъ въ отношеніи методовъ извѣствованія такъ и по степени точности достигаемой этими методами.

Палеонтологія, изучающая преимущественно ископаемая растенія и животныя, занимаетъ въ естествознаніи совершенно своеобразное положеніе. Боле или мене хорошо сохранившіеся остатки вымершихъ породъ животныхъ и растеній, находямые при раскопкахъ въ различныхъ слояхъ земной коры, безспорно могутъ служить драгоценнымъ матеріаломъ для опредѣленія строенія этихъ породъ. Въ рукахъ искуснаго сравнительнаго анатома этотъ матеріалъ можетъ приобрести большое значеніе. Стоитъ только вспомнить случаи воссозданія всего скелета ископаемаго животного помощью нѣсколькихъ найденныхъ косточекъ (Кювье и др.).

Но дальнѣйшія заключенія выводимыя изъ подобныхъ находокъ и касающіяся древности ископаемыхъ, точнаго опредѣленія геологической эпохи въ которую впервые показались эти животныя, ихъ образа жизни, особенностей окружающей ихъ природы и т. п. имѣютъ только весьма относительную цѣну. Степень вѣроятности подобныхъ заключеній опредѣляется столько же богатствомъ матеріала служащаго имъ научною подкладкой сколько остроуміемъ и степенью научной строгости ученаго обрабатывающаго этотъ матеріалъ. Въ этомъ отношеніи ископаемая растенія и животныя какъ научный матеріалъ вполне сравнимы съ археологическими документами, служащими для историческаго изученія какой-нибудь эпохи.

Палеонтологи къ сожалѣнію весьма склонны вознаграждать бѣдность находящагося въ ихъ распоряженіи матеріала богатствомъ выводимыхъ заключеній. Груды костей находимыхъ въ какой-нибудь пещерѣ въ Шотландіи или Швейцаріи въ сообществѣ съ нѣкоторыми примитивными каменными инструментами считаются палеонтологами достаточнымъ чтобы заключить что въ этихъ пещерахъ наши предки собирались для пиршествъ. Изъ мнимыхъ слѣдовъ зубовъ на костяхъ они далѣе заключаютъ что ихъ предки были антролофаги и чуть ли не составляютъ самого *тепи* этихъ пиршествъ, увѣряя что мозгъ человеческихъ костей былъ ихъ любимымъ блюдомъ! Еслибы физикъ или

физиологъ позволяетъ себѣ въ своей наукѣ подобнаго рода фантазію, то онъ бы сразу лишился права считаться серьезнымъ естествоиспытателемъ. Конечно, при теперешнемъ состояніи фактическаго матеріала палеонтологіи, такъ строго относиться къ палеонтологамъ нельзя.

Антропологъ поэтому долженъ быть крайне остороженъ въ своихъ заключеніяхъ основанныхъ на одной палеонтологіи. Но уже совершенно недопустимо со стороны естествоиспытателя если онъ помощью весьма шаткихъ софизмовъ и въ угоду своимъ изъ палеонтологіи почерпнутымъ заключеніямъ относится съ такою же свободой къ другимъ естественнымъ наукамъ, допускающимъ гораздо бѣльшую точность. Сравнительная анатомія и эмбриологія по степени допускаемой ими точности стоятъ бесконечно выше палеонтологіи; насилостію этихъ наукъ, какъ это дѣлаетъ Геккель, утѣшая себя тѣмъ что онъ въ нихъ прилагаетъ методъ геологіи или палеонтологіи, только показываетъ что онъ не отдаетъ себѣ отчета, или, лучше сказать, не желаетъ отдавать себѣ отчета въ громадвой разницѣ между этими науками. Не только въ своей *Антропогеніи* но и въ рѣчи сказанной имъ на пятидесятомъ съѣздѣ натуралистовъ въ Мюнхенѣ, Геккель пытается обезоружить направленныя противъ него обвиненія въ его крайне ненаучномъ насилостію фактовъ сравнительной анатоміи и эмбриологіи тѣмъ что антропологія не есть де точная наука, что слѣдовательно приложеніе физико-математическихъ методовъ въ ней невозможно. Никто впрочемъ не упрекаетъ Геккеля въ томъ что онъ въ *Антропогеніи* не прилагаетъ математическаго анализа. Но какъ отъ естествоиспытателя отъ него въ правѣ требовать строгаго *математическаго мышленія*, которое одинаково необходимо для всякаго ученаго. Описательная наука какъ сравнительная анатомія можетъ въ своемъ родѣ быть столь же точна, какъ и всякая другая отрасль естествознанія. И никто не имѣетъ права, подъ предлогомъ что факты этой науки не поддаются математическому анализу, исказить самые эти факты или выводить изъ нихъ столь же смѣлыя заключенія какъ это нѣкоторые дѣлаютъ въ палеонтологіи.

Сравнительная анатомія и эмбриологія относятся къ такъ называемымъ морфологическимъ отраслямъ біологіи. Между морфологическими и физиологическими науками суще-

ствуешь, какъ извѣстно, такое различіе: тогда какъ первыя занимаются преимущественно *описаніемъ* внѣшнихъ формъ и внутренняго строенія животныхъ и растений, также какъ и группировкой ихъ, физиологическія науки изучаютъ *значеніе* этихъ формъ и этого строенія и пытаются найти *объясненіе* отправления отдѣльныхъ органовъ.

Соотвѣтственно этому различію въ дѣлахъ эти науки расходятся также въ употребляемыхъ ими методахъ изслѣдованія.

Морфологическія науки преимущественно науки *описательныя*; онѣ ограничиваются наблюденіемъ существующихъ фактовъ и ихъ группировкой. Физиологическія науки главнымъ образомъ науки *экспериментальныя*; онѣ уже не довольствуются однимъ наблюденіемъ существующаго факта, но произвольно измѣняя условія подъ которыми фактъ обыкновенно обнаруживается, вызываютъ новые факты. Благодаря этому онѣ успѣваютъ отдать себѣ отчетъ въ силахъ управляющихъ появленіемъ этихъ фактовъ, что по телерешному состоянію этихъ наукъ равнозначуще со стремленіемъ свести всѣ явленія органической жизни на извѣстныя механическіе законы.

И морфологическія науки говорятъ иногда о законахъ, но ихъ законы имѣютъ совершенно другое значеніе. Эти законы суть не что иное какъ простыя правила получаемыя отъ обобщенія большого числа наблюденій или группировки большого числа фактовъ, но въ которыхъ нѣтъ *внутренней необходимости*, характеризующей законы физико-математическіе. Изъ физико-математическаго закона мы можемъ дѣлать путемъ анализа дальнѣйшіе выводы въ абсолютной увѣренности что еслибы эти выводы подверглись контролю опыта, то мы получимъ ихъ подтвержденіе. Другое дѣло морфологическіе законы.

Когда мы напримѣръ при распиливаніи какого-нибудь куска ископаемой кости находимъ въ ней извилистую улитку, то мы заключаемъ что эта кость принадлежала млекопитающему животному. Это заключеніе мы основываемъ на морфологическомъ законѣ, по которому только млекопитающія имѣютъ подобныя улитки.

Но такъ какъ нѣтъ никакой внутренней необходимости которая бы мѣшала и другимъ животнымъ обладать извилистою улиткой, то наше заключеніе также какъ и самый за-

комъ, въ одинъ прекрасный день, могутъ потерять свое значеніе, если мы найдемъ подобную улитку у не млекопитающаго животнаго.

Въ послѣднее время дѣйствительно найдено было не мало фактовъ опровергнувшихъ нѣсколько подобныхъ морфологическихъ законовъ. Укажемъ только на обратное положеніе зародыша у нѣкоторыхъ грызуновъ, на развитіе эхинодермны, и т. д.

Дюбуа-Реймонъ весьма удачно сравнилъ морфологическіе законы съ грамматическими правилами; и эти послѣднія выражаютъ только извѣстное обобщеніе фактовъ, но не имѣютъ внутренней необходимости. И Келлеровы законы движенія планетъ были только правилами до тѣхъ поръ пока Ньютонъ не свелъ ихъ на законъ всеобщаго тяготѣнія и этимъ не доказалъ ихъ неизбѣжности.

Морфологическія правила не только не имѣютъ абсолютнаго значенія, но они и не даютъ никакого объясненія обобщаемыхъ ими фактовъ. Если на примѣръ морфологія учитъ что у всѣхъ позвоночныхъ животныхъ аорта расположена одинаковымъ образомъ, то это обобщеніе большого числа наблюденій нисколько еще не разъясняетъ, какія механическія или физическія условія дѣлаютъ это расположеніе у позвоночныхъ неизбѣжнымъ.

Сказаннаго надѣюсь достаточно чтобъ убѣдить читателя, что науки лежація въ основаніи антропогеніи далеки отъ того чтобъ имѣть право на одинаковую вѣру къ своимъ выводамъ. Калитальная ошибка сдѣланная Геккелемъ при построеніи его системы заключается именно въ томъ что онъ не уяснилъ себѣ относительнаго достоинства выводовъ почерпнутыхъ имъ въ столь различныхъ наукахъ. „Одаренный, по выраженію Дюбуа-Реймона, болѣе артистическою чѣмъ научно вышколенною фантазіей“ Геккель совершенно произвольно приписываетъ самымъ вычурнымъ фантазмагоріямъ палеонтологовъ значеніе непреложныхъ естественноисторическихъ законовъ; съ правилами же и фактами сравнительной анатоміи онъ обращается съ безцеремонностью недозволительною даже въ палеонтологіи. Хуже всего достается физическимъ и физиологическимъ законамъ, когда Геккелю приходится объ нихъ говорить: такъ на примѣръ лустившись въ концѣ *Антропогеніи* въ разсужденія о душѣ онъ касается закона соотношенія силъ и при этомъ обнаруживаетъ

полную неспособность понимать этотъ основной законъ телерешнаго естествознанія.

Въ досадѣ на это Геккель не скрываетъ своего нерасположенія къ точнымъ наукамъ и къ ученымъ ими занимающимся. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ осыпаетъ сарказмами физиологовъ. „Дѣлаютъ величайшую ошибку, говорить онъ въ предисловіи, стр. XXIV, если ту или другую историческую естественную науку желаютъ разсматривать и изучать какъ точную науку;“ и для того чтобы имѣть предлогъ къ болѣе свободному обращенію съ фактами эмбриологии онъ тутъ же прибавляетъ что и она „по своей сущности такая же историческая естественная наука какъ и геологія.“ Прежде всего не вполнѣ вѣрно считать геологію чисто историческою наукой. Если она по формациямъ слоевъ земли и старается опредѣлить происходившія въ различные эпохи геологическія измѣненія почвы и приблизительно найти возрастъ этихъ формаций, то въ то же время главная задача геологіи все-таки состоитъ въ изученіи состава почвы въ моментъ самаго наблюденія. Эта послѣдняя задача и составляетъ болѣе точный отдѣлъ геологіи.

Еще болѣе невѣрно считать эмбриологию историческою наукой. Эмбриологъ беретъ оплодотворенный зародышъ и вооруженный всѣми точными методами наблюденія шагъ за шагомъ слѣдитъ за ходомъ его постепеннаго развитія. Изъ большого числа наблюденій онъ устанавливаетъ извѣстные правила развитія, которыя онъ произвольно можетъ провѣрять при тѣхъ же или же при измѣненныхъ условіяхъ. Историкъ же очевидно ничего подобнаго дѣлать не можетъ; правила или законы которые онъ устанавливаетъ поэтому носятъ всегда печать субъективныхъ воззрѣній.

Подобный взглядъ на эмбриологию тѣмъ непростительнѣе что Геккель высказываетъ его по поводу упомянутого сочиненія Гиса, въ которомъ сдѣлана первая попытка превратить эмбриологию изъ чисто-морфологической науки въ науку физиологическую. Какъ первый опытъ объясненія развитія зародыша помощью чисто механическихъ законовъ, сочиненіе Гиса весьма часто должно ограничиться одною постановкой вопросовъ и опредѣленіемъ пути по которому слѣдуетъ искать ихъ разрѣшенія.

Благодаря этому, книга Гиса призвана произвести въ эмбриологии подобный же переворотъ какой сдѣланъ былъ

въ свое время въ физиологіи, когда Іоганнесъ Миллеръ, братья Веберы и ихъ ученики впервые стали вводить въ ней точные методы изсѣдованія. Для Геккеля подобное превращеніе эмбриологіи въ точную науку разумѣется крайне неудобно; ибо оно неизбежно должно вести къ обнаруженію всей фальши его биогенетическаго закона.

Не будучи однако въ состояніи вытолкнуть противъ механическаго воззрѣнія Гиса съ серьезными возраженіями, Геккель принужденъ довольствоваться шуточками весьма дешеваго разбора. „Знаменитыя теоріи Гиса, лишить ихъ, которыя я называлъ теоріями конвертовъ, каучуковыхъ трубокъ... суть блестящіе плоды тѣхъ гениальныхъ стремленій и математическихъ вычисленій“ (стр. 24). Въ концѣ концовъ Геккель самъ принужденъ признать что теоріи Гиса приняты были учеными съ большимъ довѣріемъ. „Они не только тотчасъ по своему появленіи многократно были прославлены какъ начало новой механической эры въ онтогеніи, но и теперь еще имѣютъ многочисленныхъ почитателей и послѣдователей, которые стараются расширить ложныя пути Гиса въ широкіе научныя пути“ (стр. 656).

Разъ примирившись съ необходимостью прибѣгать въ антропогеніи къ методамъ едва допускаемымъ въ самыхъ неточныхъ отдѣлахъ нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ, находящихся во младенчествѣ, Геккель однако и ими пользуется далеко не безукоризненно. Слѣдующій примѣръ лучше всего это докажетъ. „Мы при этомъ съ большою пользою употребимъ методъ, лишить ихъ, приступа къ установкѣ генеалогіи человека, которымъ такъ давно уже пользуются геологи для установки послѣдовательности горныхъ породъ нашей земной коры. Вы знаете что твердая кора нашего земнаго шара, какъ тонкая скорлупа обнимающая его раскаленную жидкую внутреннюю массу, состоитъ изъ двухъ горныхъ породъ: во первыхъ изъ лавтоническихъ или вулканическихъ скалъ, образовавшихся непосредственно чрезъ застываніе расплавленной внутренней земной массы и вторыхъ изъ пелтунической (или осадочной) горной породы, образовавшейся подъ дѣйствіемъ воды изъ первой и послѣдней осадившейся на днѣ водъ. Сначала каждый изъ этихъ пелтуническихъ слоевъ состоялъ изъ отложенія мягкаго ила; въ теченіе тысяче-

лѣтій онъ постепенно сгущался и превращался въ твердую, крѣпкую и скалистую массу (песчаникъ, мергель, известнякъ и т. д.) и удержалъ въ себѣ тѣ твердыя и неразрушаемыя тѣла, которыя случайно попали въ мягкій илъ. Изъ этихъ тѣламъ, которыя такимъ образомъ или сами окаменѣли, или оставили характеристическій отпечатокъ своей формы, прежде всего принадлежатъ болѣе твердыя части животныхъ и растений, во время образованія этого ила жившихъ и умиравшихъ въ немъ. Каждый мелтуническій слой горной породы такимъ образомъ заключаетъ характеристическія окаменѣлости, остатки растений и животныхъ, которыя жили въ соответственный періодъ исторіи земли. Сопоставляя и *сравнивая* эти слои можно обозрѣть связь цѣлаго ряда періодовъ земли. Всѣ геологи теперь согласны что можно доказать опредѣленную историческую послѣдовательность горныхъ формаций, и что болѣе глубокіе слои принадлежатъ древнимъ, а болѣе поверхностные новѣйшимъ временамъ. Ни на одномъ мѣстѣ земнаго шара нельзя найти всего ряда слоевъ наложенныхъ одинъ на другой; нигдѣ этотъ рядъ даже приблизительно не полонъ. Послѣдовательность пластовъ земли и имъ соответствующихъ періодовъ исторіи земли принимаемая геологами есть идеальное, въ дѣйствительности не существующее построение, создаваемое при помощи сопоставленія отдѣльных наблюденій, сдѣланныхъ въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара надъ порядкомъ слоевъ. Точно также мы будемъ поступать при филогеніи человека (стр. 329).“

Еслибы заключенія Геккеля о филогеніи дѣйствительно могли имѣть хоть ту приблизительную точность, какой геологи достигаютъ въ сказанныхъ вопросахъ, то это былъ бы уже немалый успѣхъ въ столь шаткой наукѣ какъ антропгенія. Но Геккель самъ хорошо знаетъ что его филогенія еще безконечно далека отъ того чтобъ обладать для своихъ выводовъ фактическимъ матеріаломъ который былъ бы сравнимъ съ матеріаломъ находящимся въ распоряженіи геологовъ. Своимъ приведеннымъ сравненіемъ онъ желаетъ только увѣрить поверхностнаго читателя, что если антропологи и не могутъ въ одномъ мѣстѣ найти слѣды *всѣхъ* промежуточныхъ ступеней между мономеромъ и человекомъ, то за то въ разныхъ мѣстахъ найдены *отдѣльные* экземпляры

ры позволяющие создать полную лестницу этих ступеней. А между тѣмъ Геккель на каждомъ шагѣ принужденъ признавать что не только нигде, никогда и нигдѣ не найдено малѣйшаго слѣда перехода отъ одного вида къ другому, но и что большая часть видовъ животныхъ которыхъ онъ называетъ намъ въ предки суть исключительные продукты собственнаго его воображенія; вся его генеалогія сѣдовѣтельно никакой серьезной фактической опоры не имѣетъ. Когда Дюбуа-Реймонъ говоритъ что Геккелево „родословное дерево нашего вида.... приблизительно имѣетъ ту же форму какъ родословная Гомеровыхъ героев въ глазахъ исторической науки“, то онъ еще сашкомъ высоко оцениваетъ фактическую подкладку филогеніи. Безсмертные творенія Гомера все-таки могутъ служить какъ нѣкоторое свидѣтельство въ пользу существованія его героев. А что свидѣтельствуетъ о существованіи гастрей, проамниата или антропоида?

Ознакомивъ такимъ образомъ читателя съ необыкновенною шаткостью методовъ помощью которыхъ Геккель приступилъ къ построенію своей системы, намъ необходимо теперь убѣдиться какіе результаты дали эти методы при ихъ приложеніи. Для ученаго само собою разумѣется что ошибочные методы должны въ столь сложной наукѣ неизбѣжно повести къ ложнымъ результатамъ. Въ популярной статьѣ не излишне будетъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ доказать эту неизбѣжность.

Намъ уже неоднократно приходилось упоминать о біогенетическомъ законѣ, на которомъ построена вся система Геккеля. По этому закону онтогенія должна повторять вкратцѣ всю филогенію, т.-е. зародыши животныхъ должны при своемъ развитіи постепенно пройти чрезъ всѣ формы развитія чрезъ которыя прошелъ самый видъ этого животного при своемъ филогенетическомъ образованіи.

Зародышъ человѣка долженъ такимъ образомъ въ утробѣ матери быть постепенно то монеромъ, то гастролой, то червею, то амфиоксомъ и рыбой, чтобы наконецъ превратиться въ безхвостую обезьяну и затѣмъ уже сдѣлаться человекомъ.

Приведенная выше цитаты изъ сочиненій Геккеля показали читателю что этотъ произвольный біогенетическій законъ въ добавокъ еще въ большей части случаевъ вовсе

не приложимъ и требуетъ еще дальнѣйшаго допущенія, что природа въ многочисленныхъ случаяхъ сама подвергала его фальсификаціи. Изъ сдѣланнаго выше опредѣленія того что научное естествознаніе называетъ закономъ ясно что мы можемъ говорить только о біогенетическомъ *правилѣ*, а никакъ не о біогенетическомъ *законѣ*. Намъ остается разобранъ насколько необходимость онтогенетическаго повторенія филогенія можетъ дѣйствительно считаться основнымъ *правиломъ* образованія животнаго царства.

Во *всѣхъ* объемистыхъ сочиненіяхъ Геккеля вы тщетно стали бы искать попытки доказать справедливость біогенетическаго закона. Авторъ вездѣ принимаетъ его за аксіому и направляетъ *всѣ* свои усилія только на то чтобы болѣе или менѣе удачно согласить данныя эмбриологіи и сравнительной анатоміи съ требованіями этого *мнимаго* закона. Геккель почти въ каждой главѣ своей *Антропогеніи* натакивается на необходимость привести *какіе-нибудь* доводы въ пользу своего основнаго положенія, но всякій разъ когда онъ какъ бы рѣшается приступить къ этому, онъ вдругъ уходитъ въ сторону, и вопросъ опять ускользаетъ отъ анализа.

Разъ онъ принимаетъ что эволюціонная теорія несомнѣнно доказана путемъ индукціи и объявляетъ что въ такомъ случаѣ біогенетическій законъ неизбежно слѣдуетъ какъ дальнѣйшая дедукція изъ эволюціонной теоріи. Другой разъ онъ наоборотъ изъ вѣрности своего закона заключаетъ объ истинѣ эволюціонной теоріи. Иногда Геккель просто ограничивается тѣмъ что основываетъ доказательства на сравненіяхъ: то біогенетическій законъ необыкновенно напоминаетъ какой-то небывалый законъ образованія государствъ, то вѣрность его генеалогіи несомнѣнно вытекаетъ изъ сравненія съ какими-то азбуками.

Въ 16й лекціи Геккелемъ спеціально развивается связь біогенетическаго закона съ эволюціонною теоріей. Здѣсь онъ излагаетъ „тѣ умственныя операціи“ которыя онъ прилагаетъ „къ этому натуръ-философскому изслѣдованію“. Эти операціи, говоритъ онъ, „имѣютъ частію индуктивный, частію дедуктивный характеръ“. Вся исторія рода (*gesammte Stammesgeschichte*) есть наука индуктивная... „*Такъ какъ* мы въ состояніи понять и объяснить *всѣ* безконечно разнообразныя массы явленій (*Erscheinungsmassen*) этихъ различныхъ обла-

той въ ихъ внутренней связи единственно чрезъ эволюціонную теорію, то мы постолю теорію эту должны считать общирнымъ индуктивнымъ закономъ.“

„Когда же мы действительно прилагаетъ этотъ индуктивный законъ... то мы принуждены создавать *биогенетическія законы* имѣющія главнымъ образомъ *дедуктивный* характеръ... Эти спеціальныя *дедуктивныя* заключенія по мнѣніямъ законовъ логики въ нашей области столь же необходимы, столь же основательны, столь же неизбежны какъ и общія *индуктивныя* заключенія, на которыхъ построена вся эволюціонная теорія. И ученіе о животныхъ родоначальникахъ человѣческаго рода есть спеціальнымъ дедуктивнымъ закономъ, который съ логическою необходимостью слѣдуетъ изъ общихъ индуктивныхъ законовъ эволюціонной теоріи.“ (стр. 405—406)

Но прежде всего замѣтимъ что изъ вѣрности эволюціонной теоріи ничуть не слѣдуетъ вѣрность биогенетическаго закона. Изъ того что болѣе сложные виды животныхъ чрезъ естественный отборъ и наследственную передачу приобретшихъ въ борьбѣ за существованіе усовершенствованій развились изъ болѣе низшихъ видовъ, еще отнюдь не слѣдуетъ необходимость для зародышей пройти въ утробѣ матери чрезъ всѣ тѣ формы развитія, чрезъ которыя прошелъ въ теченіе милліоновъ лѣтъ ихъ видъ. Лучшимъ доказательствомъ отсутствія подобной необходимости можетъ уже служить то обстоятельство что всѣ серіозные натуралисты, даже между самыми рьяными приверженцами эволюціонной теоріи, и самыя не хотятъ о биогенетическомъ законѣ Геккеля.

Капитальная ошибка лежащая въ основѣ Геккелевой системы заключается именно въ томъ что онъ счелъ возможнымъ путемъ *дедукціи* построить систему на основаніи эволюціонной теоріи. Мы уже неоднократно имѣли случай выставить положеніе эволюціонной теоріи въ современной наукѣ и научное ея значеніе какъ попытки объяснить органическій міръ. Читатель внимательно слѣдившій за нашею аргументаціей и судящій безъ предвзятыхъ мыслей вынесетъ, надѣюсь, убѣжденіе что при всемъ ея плодотворномъ вліяніи на развитіе биологическихъ наукъ, на эту теорію нельзя еще смотрѣть иначе какъ на блестящую гипотезу, въ данную минуту лучше всего соответствующую

требованіямъ науки. Не имѣя за себя до сихъ поръ никакихъ прямыхъ доказательствъ, гипотеза эта можетъ каждый день быть опровергнута, если мы найдемъ какіе-нибудь факты прямо ей противорѣчащіе или же указывающіе другой путь развитія органическаго міра.

Какъ ни полезны подобныя гипотезы, какъ ни заслуживаютъ онѣ права гражданства въ наукѣ, если построены путемъ индукціи на основаніи большаго числа наблюденій, тѣмъ не менѣе онѣ ни *изъ какихъ случаевъ* не могутъ служить исходною точкой для новыхъ дедукцій. Только на несокрушимо построенномъ законѣ наука имѣетъ право создавать путемъ дедукціи новыя системы. Иначе она рискуетъ что все возведенное на зыбкой почвѣ зданіе обрушится при первомъ дуновеніи вѣтра. „Прежніе врачи, говоритъ Гельмгольцъ, воображали что они могутъ дедуцировать прежде чѣмъ успѣли твердо обезлечить общія положенія помощью индукціи. Они забывали что каждая дедукція лишь настолько вѣрна насколько вѣрно само положеніе на которомъ она основана и что каждая новая дедукція прежде всего всегда должна быть только новымъ средствомъ для провѣрки ея собственныхъ опытныхъ основаній. Изъ того что заключеніе строго логичнымъ методомъ выведено изъ такого начальнаго положенія, оно ни на волосъ не дѣлается ни болѣе вѣрнымъ ни болѣе цѣннымъ.“ (*Das Denken in der Medicin*. Berlin 1877, стр. 15.) Слѣдующія слова Гельмгольца какъ бы прямо направлены противъ ученія Геккеля:

„Когда однако исходною точкой взята гипотеза, которая или *опирается на какой-нибудь авторитетъ или просто избрана потому что она соответствуетъ тому что мы желали бы считать вѣрнымъ*, то каждая трещина можетъ безвозвратно разрушить все зданіе убѣжденій“ (тамъ же).

Мы до сихъ поръ указали читателю уже не на одну „трещину“ въ зданіи Геккеля; мы еще и не мало такихъ трещинъ раскроемъ въ немъ. Что же тогда останется отъ новаго зданія?

Геккель впрочемъ чувствуетъ что ему необходимо дать какія-нибудь новыя опоры для эволюціонной теоріи, для того чтобы построенная на ней филогенія имѣла болѣе устойчивый видъ. Не довольствуясь поэтому даннымъ на стр. 93й обѣщаніемъ, въ слѣдующихъ лекціяхъ представить

много доказательствъ „вѣрности эволюціонной теоріи“ взятыхъ изъ онтогеніи, Геккель тутъ же предлагаетъ такое удивительное доказательство вѣрности этой теоріи что читатель навѣрное одобритъ что онъ счелъ дальнѣйшія доказательства излишними и поэтому своего обѣщанія послѣ не исполнилъ.

„Наконецъ еще слѣдуетъ привести, читаемъ вслѣдъ за приведеннымъ обѣщаніемъ, что въ новѣйшее время важный теоретическій вопросъ о сущности понятія о видѣ, который составляетъ краеугольный камень всѣхъ споровъ о теоріи происхожденія видовъ, окончательно разрѣшенъ. Болѣе столѣтія вопросъ этотъ разбирался съ самыми различными точекъ зрѣнія, но удовлетворительнаго его рѣшенія не было найдено. Тысячи зоологовъ и ботаниковъ все это время занимались ежедневно систематическимъ различеніемъ и описаніемъ видовъ, не выяснивъ себѣ ихъ значенія. Сотни тысячъ видовъ растений и животныхъ были описаны и т. д.“ (стр. 93). Но наконецъ, какъ говоритъ Геккель, вопросъ окончательно былъ разрѣшенъ въ пользу эволюціонной теоріи и противъ теоріи постоянства видовъ. Но какъ бы вы думали, что же наконецъ рѣшило вопросъ, надъ которымъ „не выяснивъ себѣ его значенія“ работали *тридцати пяти тысячъ дней тысяча* зоологовъ и ботаниковъ, между которыми были и такіе не совсѣмъ бездарные ученые какъ Кювье и Линней? Удивительный отвѣтъ на этотъ вопросъ приведемъ словами самого Геккеля.

„Послѣ того, говоритъ онъ, какъ въ 1873 году сошелъ въ могилу послѣдній остроумный представитель теоріи постоянства видовъ и чудотворнаго созданія, Луи Агассисъ, *догма постоянства видовъ разрушена* (курсивъ въ подлинникѣ) и противоположное мнѣніе, что различные виды происходятъ отъ общихъ предковъ, не встрѣчаетъ большіе затрудненій“ (стр. 94).

„Après cela il faut tirer le rideau!“ говорятъ въ подобныхъ случаяхъ Французы. Вѣрность эволюціонной теоріи доказана тѣмъ что „остроумный“ Агассисъ сошелъ въ могилу въ 1873 году! А еслибъ онъ еще жилъ когда Геккель „угадалъ“ свой біогенетическій законъ, то постоянство видовъ еще могло бы восторжествовать?

Геккель между прочимъ называетъ Агассиса „послѣднимъ остроумнымъ“ защитникомъ постоянства видовъ.

Чѣмъ же онъ считаетъ Караа-Эраста фонъ-Бара (жившаго еще во время появленія *Антропогенія* Геккеля), Катрфажа, Мильна-Эдвардса и сотню другихъ извѣстныхъ противниковъ эволюціонной теоріи?

Мы до сихъ поръ имѣли дѣло только съ такого рода доказательствами біогенетическаго закона и построенной на немъ генеалогіи человѣка о которыхъ можно сказать что Геккель прибѣгаетъ къ намъ *fante de mieux* и что въ сущности онъ самъ не вполнѣ увѣренъ въ ихъ непогрѣшимости. Намъ теперь осталось поговорить объ одномъ еще родѣ доказательствъ, которому Геккель и многіе другіе увлекающіеся послѣдователи Дарвина приписываютъ капитальное значеніе: о доказательствахъ почерпнутыхъ изъ *сходства морфологическихъ формъ различныхъ животныхъ*.

Въ разныхъ фазахъ эмбриональной жизни зародыши нѣкоторыхъ млекопитающихъ представляются въ нѣкоторыхъ чертахъ наружно сходными; развитое тѣло человѣка во многихъ отношеніяхъ по своему строенію напоминаетъ тѣло нѣкоторыхъ обезьянъ; мало этого, при нѣсколько живомъ воображеніи можно отыскать отдаленное сходство между зародышевыми формами высшихъ животныхъ и между нѣкоторыми развитыми низшими животными. Подобнаго рода сходства по мнѣнію Геккеля несомнѣнно доказываютъ существованіе *родственной связи* всѣхъ этихъ животныхъ между собой и то что зародыши высшихъ животныхъ обязаны пройти въ утробной жизни всѣ ступени развитія ихъ вида.

Оставивъ пока въ сторонѣ вопросъ насколько подобныя сходства дѣйствительно существуютъ, укажемъ что самый принципъ, изъ каждаго морфологическаго сходства заключать о родствѣ соответственныхъ формъ, какъ нельзя болѣе несостоятеленъ.

Положимъ, что оплодотворенное яйцо кролика или собаки на видъ дѣйствительно до того схоже съ яйцомъ человѣка что мы при самомъ тщательномъ наблюденіи не въ состояніи ихъ отличить другъ отъ друга. Но такъ какъ мы въ то же время знаемъ что изъ этихъ яицъ развиваются организмы безконечно другъ отъ друга отличные, то мы изъ каждаго сходства въ правѣ вывести только одно заключеніе, а именно, что *сказанное сходство только кажущееся и что наши методы наблюденія не достаточны для того чтобы открыть тѣ глубокія различія которыя уже даны въ яйцѣ*.

Стоитъ только взять во вниманіе что въ этомъ яйцѣ микроскопической величины заключаются уже задатки для будущаго устройства всего организма; что многія особенности какъ отца такъ и матери открыто уже заключены въ этомъ яйцѣ, или, лучше сказать, что въ яйцѣ уже находятся всѣ механическія условія для того чтобы въ послѣдствіи въ развившемся организмѣ мы могли найти известныя особенности его родителей, что въ яйцѣ однимъ словомъ даны уже всѣ условія для будущей утробной и внѣутробной жизни организма. Стоитъ только, взявъ это во вниманіе, сопоставить въ то же время то немногое что мы въ яйцѣ вообще видимъ, чтобы понять какъ безконечно далеки мы еще отъ того чтобы на основаніи видимаго простымъ глазомъ или помощью микроскопа судить о дѣйствительныхъ сходствахъ или различіяхъ зародышей.

Мы въ правѣ въ подобномъ случаѣ судить только о сходствахъ или различіяхъ *конечныхъ результатовъ развитія яйца*; о самомъ же яйцѣ намъ еще слишкомъ мало известно для того чтобы сколько-нибудь серьезно могла быть рѣчь о сравненіяхъ между разными животными.

Передача нѣкоторыхъ наследственныхъ особенностей, какъ на примѣръ болѣзней проявляющихся только въ известномъ возрастѣ индивидуума, несомнѣнно свидѣтельствуетъ что въ оплодотворенномъ яйцѣ уже даны условія которыя только чрезъ 20—30 лѣтъ ведутъ къ известнымъ патологическимъ явленіямъ въ организмѣ. А въ состояніи ли мы не только въ зародышѣ, но хотъ въ первые годы внѣутробной жизни даже при самомъ тщательномъ изслѣдованіи открыть хотъ малѣйшій слѣдъ этихъ несомнѣнно существующихъ въ организмѣ зачатковъ болѣзни? А наследственная передача чрезъ поколѣніе, гдѣ опять-таки несомнѣнно что въ яйцѣ находятся уже условія для того чтобы развившійся организмъ передалъ зачатки болѣзни своимъ дѣтямъ чрезъ яйцо или сѣмянное тѣльце?

Возьмемъ два оплодотворенныхъ яйца одного и того же вида или даже однихъ и тѣхъ же родителей. Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе сходнаго между собой по наружному виду! А вѣдь они уже заключаютъ въ себѣ всѣ морфологическія задатки тѣхъ грубыхъ различій которыми развившіяся изъ нихъ недѣлимые будутъ отличаться какъ по внѣшнимъ такъ и по внутреннимъ качествамъ.

Дѣло въ томъ что одна триллионная часть яйца или зародыша имѣетъ иногда такое же значеніе какъ улитые сантиметры развитаго тѣла. Если на примѣръ головы двухъ зародышей отличаются въ какой-нибудь эмбриональной стадіи только весьма ничтожною на видъ лобною выуклостью и мы въ то же время знаемъ что когда эти зародыши достигаютъ полнаго развитія то одна голова получаетъ видъ человѣческой головы, а другая головы кролика, то это лучше всего доказываетъ что малая выуклость зародыша имѣла капитальное значеніе. Но совершенно ложно изъ этой *повидимому* ничтожной разницы заключить о тождествѣ головъ у человѣка и кролика въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія.

Однимъ словомъ еслибъ яйца и зародыши всѣхъ животныхъ дѣйствительно были настолько схожи между собою что мы при самомъ тщательномъ наблюденіи не въ состояніи были отыскивать въ нихъ различія, еслибы даже эти сходства сохранялись еще въ теченіе нѣсколькихъ стадій развитія, то изъ этого слѣдовало бы только что наши способы наблюденій даютъ намъ лишь весьма недостаточныя представленія о значеніи эмбриологическихъ формъ. *Безконечное различіе конечныхъ результатовъ несомнѣнно доказываетъ существованіе такихъ же громадныхъ различій въ первыхъ зачаткахъ организмовъ.*

Геккель въ этомъ вопросѣ дѣлаетъ еще другой капитальный промахъ мышленія: стараясь всѣми правдами и неправдами открывать аналогіи между зародышами различныхъ животныхъ, онъ воображаетъ будто бы этимъ значительно *облегчаетъ* пониманіе органическаго развитія. А между тѣмъ очевидно что еслибы дѣйствительно удалось доказать полное тождество различныхъ зародышей, то мы стали бы въ туликъ предъ самою непроницаемою тайной. Въ самомъ дѣлѣ могло ли бы быть что-нибудь чудеснѣе того какъ изъ двухъ совершенно равныхъ зародышей развивается то амфиоксъ, то человѣкъ!

На самомъ дѣлѣ однако такихъ сходствъ вовсе нѣтъ; всякій разъ когда Геккель старается указать ихъ, онъ, какъ это легко видѣть, постоянно насилуетъ факты.

Приведемъ прежде всего нѣсколько примѣровъ той необыкновенной легкости съ какою Геккель иногда изъ самаго отдаленнаго сходства немедленно заключаетъ о родствѣ

различныхъ животныхъ формъ. Изложивъ сущность своего біогенетическаго закона, онъ на страницѣ 8й говоритъ:

„Изъ того обстоятельства что человѣческое яйцо есть простая кліточка мы можемъ непосредственно вывести заключеніе что въ самое древнее время предкомъ человѣческаго рода была однокліточная форма похожая на амебу. Точно также изъ того обстоятельства что человѣческій зародышъ первоначально состоитъ изъ двухъ зародышевыхъ листовъ можно непосредственно вывести *вѣрное* заключеніе что между его предками находилась двулистная гастрема. Позднѣйшая эмбріональная форма столь же положительно (sic!) указываетъ на предковъ имѣвшихъ видъ червей, родственныхъ теперешнимъ асцидіямъ. Какія животныя находились между однокліточною амебой и гастреей, между гастреей и асцидіей можно только опредѣлить косвенно и съ приблизительною вѣрностью помощію сравнительной анатоміи и онтогеніи.“

Итакъ изъ того что яйцо человека состоитъ изъ одной кліточки или что зародышъ въ извѣстной стадіи своего развитія состоитъ изъ двухъ листовъ Геккель считаетъ себя въ правѣ *положительно и непосредственно* заключить что амеба и гипотетическая гастрема были нашими предками! Свои заключенія о другихъ вымышленныхъ формахъ животныхъ которыхъ онъ помѣстилъ въ нашей генеалогіи Геккель считаетъ хотя *косвенными*, но тѣмъ не менѣе *приблизительно вѣрными*!

Но, спрашивается, изъ того что человеку дабы дойти до восьмидесятилѣтняго возраста необходимо имѣть сначала 1, 2, 3, 4, 5..... и т. д. лѣтъ отъ роду, слѣдуетъ ли что всѣ животныя умирающія на 1, 2, 3, 4, 5 году жизни были когда-то его предками? Не болѣе основанія имѣетъ и „непосредственный“ выводъ Геккеля. Даже допустивъ вѣрность принципа эволюціонной теоріи, нельзя не отвергнуть подобнаго рода нелогическія заключенія.

Если мы для того чтобы дожить до восьмидесятилѣтняго возраста должны прежде имѣть 1, 2, 3 и т. д. года отъ роду, то эта необходимость вовсе *не обуславливается тѣмъ* что наши пращцы тоже когда-то имѣли 1, 2, 3 года отъ роду; она наоборотъ зависитъ исключительно отъ того что нельзя дойти до восьмидесяти лѣтъ не пройдя болѣе ранніе возрасты. Нельзя имѣть развитый организмъ состоящій изъ милліардовъ

кѣлочекъ безъ того чтобы сначала не состоять изъ одной кѣлочкы; и это совершенно *независимо* отъ того, изъ какого числа кѣлочекъ состояли наши предки.

Мы слѣдовательно не имѣемъ никакого права изъ однокѣлочной формы яйца заключать что наши предки непременно должны были быть однокѣлочными животными, а еще менѣе видѣть въ подобномъ заключеніи подтвержденіе эволюціонной теоріи.

Приведеннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы убѣдить читателя до какой степени шатокъ фундаментъ всей Геккелевой системы: вся его генеалогія построена на томъ, что изъ поверхностнаго морфологическаго сходства заключается о родствѣ различныхъ формъ и о происхожденіи однихъ видовъ отъ другихъ. Для полной оцѣнки этой системы необходимо однако еще коснуться ея фактической стороны; мы тогда легко убѣдимся что и сходства-то на дѣлѣ вовсе нѣтъ.

Имѣя дѣло съ читателями не специалистами я выберу нѣсколько наиболѣе выдающихся и важныхъ примѣровъ.

Начнемъ съ родоначальника всего растительнаго и животнаго царства, съ батибія (Bathybius Haeckeli). Этотъ батибій, безформенная слизистая масса находимая на днѣ моря, по Геккелю представляетъ первое органическое тѣло образовавшееся чрезъ *generatio spontanea*; отдѣльныя частицы батибія образовывали монеры, которые, какъ читатель помнитъ, имѣютъ быть родоначальниками человѣка. Вотъ по Геккелю исторія батибія: „Когда въ первый разъ живыя тѣла показались на нашей до тѣхъ поръ неоживленной планетѣ, то прежде всего чисто-химическимъ путемъ *должно было (!)* изъ неорганическихъ углеродистыхъ соединений образоваться то крайне сложное азотисто-углеродистое соединеніе, которое мы называемъ плассономъ или первичною слизью. На глубочайшемъ морскомъ днѣ еще теперь живетъ подобный однородный безформенный плассонъ въ самой простой его формѣ подъ именемъ батибія. Каждый индивидуальный кусокъ этой безструктурной массы мы называемъ *монеромъ*. Самые древніе монеры образовались на морскомъ днѣ чрезъ произвольное рожденіе, подобно тому какъ кристаллы образуются изъ маточнаго раствора.“ (стр. 400)

Какъ читатель видитъ батибій играющій столь важную

роль въ нашей генеалогіи дѣйствительно весьма замѣчательное созданіе. Къ несчастію подобно знаменитому коню Роланда тоже обладавшему всеми возможными добродѣтелями и батибій имѣеть одинъ капитальный недостатокъ:— онъ *вовсе не существуетъ!* Наблюденія сдѣланныя недавно естествоиспытателями на кораблѣ *Challenger* несомненно доказали что пресловутый батибій есть не болѣе какъ гипсовый осадокъ образующійся изъ морской воды подъ вліяніемъ алкоголя! Бѣдный батибій есть слѣдовательно простой неорганическій продуктъ и его претензія быть родоначальникомъ всего органическаго царства была просто самозванствомъ. Карлъ Фохтъ совершенно вѣрно назвалъ его: „*Sulfas calois Haesckelii*“.

Не менѣе поучительно сравненіе яйца съ амебой, которому Геккель посвящаетъ всю шестую лекцію. Изъ этого сравненія онъ выводитъ фундаментальный фактъ происхожденія всѣхъ животныхъ организмовъ отъ амевъ.

Описать главные свойства этихъ одноклѣточныхъ организмовъ, способныхъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, выпускающихъ отростки, которыми они захватываютъ пищу и т. д. Геккель на страницѣ 117 начинаетъ доказывать почему амeba должна считаться нашимъ предкомъ. „У многихъ низшихъ животныхъ, говоритъ онъ, яйцо до оплодотворенія остается въ первоначально вагомъ (!) состояніи, не получаетъ оболочекъ и часто весьма трудно различается отъ амевы.“ Подобныя яйца по Геккелю находятся у губокъ * а также и „у тѣхъ колокольчатыхъ животныхъ которыя мы называемъ медузами“. „Слѣдовательно, продолжаетъ онъ, *вовсе не будетъ рискованною гипотезой, а напротивъ совершенно трезвымъ заключеніемъ*, если мы на амebu будемъ смотрѣть какъ на тотъ одноклѣточный организмъ который дастъ намъ приблизительное представленіе о древней общей одноклѣточной родовой формѣ всѣхъ (!) многокѣточныхъ организмовъ. Нагая простая амeba обладаетъ болѣе индифферентнымъ (?) и болѣе непосредственнымъ (?) характеромъ, чѣмъ всѣ другія клѣтки. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить вотъ фактъ что новѣйшія изслѣдованія показали присутствіе *амебовидныхъ* клѣтокъ и во взросломъ

* Другіе наблюдатели принимаютъ эти клѣтки не за яйца губокъ, а за паразитовъ живущихъ на губкахъ.

тѣхъ всѣхъ многокѣлочныхъ организмовъ. Такъ напримѣръ въ крови человѣка кромѣ красныхъ кровяныхъ шариковъ находятся еще и бѣлые шарики; то же самое встрѣчается и у другихъ позвоночныхъ животныхъ.“ (стр. 118)

Другими словами, изъ того что яйца (паразиты?) губокъ и медузъ „трудно различаются отъ обыкновенныхъ амѣбъ“ Геккель выводитъ „третье заключеніе“, что амѣба есть предокъ человѣка и всѣхъ животныхъ организмовъ! Геккель видитъ подтвержденіе своего „третьяго заключенія“ въ томъ что въ крови человѣка и позвоночныхъ животныхъ находятся миллионы бѣлыхъ шариковъ, способныхъ дѣлать амѣбовидныя движенія. Между тѣмъ очевидно что если изъ послѣдняго факта вообще дозволено дѣлать какія-нибудь сюда относящіяся заключенія, то первое должно состоять въ томъ что яйца этихъ животныхъ не имѣютъ ничего общаго съ амѣбами; иначе по Геккелю выходило бы что въ крови человѣка (у мужскаго недѣлимаго) находятся миллионы яицъ! Сложный процессъ приготовленія яицъ въ яичникахъ также какъ и сама женщина вообще сдѣлались бы излишними для поддержанія вида!

Въ слѣдующей лекціи Геккель, опять-таки на основаніи вовсе не существующаго сходства, изводитъ оплодотворенное яйцо на степень монара. Замѣтимъ прежде всего что у Геккеля здѣсь встрѣчается любопытное противорѣчіе: монаръ какъ организмъ *ниже* амѣбы и въ генеалогіи человѣка предшествуетъ послѣдней; а между тѣмъ монаръ тождественъ съ *оплодотвореннымъ* яйцомъ, амѣба же съ *неоплодотвореннымъ*. По біогенетическому закону выходитъ, слѣдовательно, или что предокъ (монаръ) явился *послѣ* потомка (амѣбы), или же что въ развитіи яйца оплодотворенное состояніе *предшествуетъ* неоплодотворенному!

Какъ бы то ни было, но по Геккелю оплодотворенное яйцо *должно* быть похоже на безформенный кусокъ протоплазмы, на монаръ; иначе монаръ не можетъ удостоиться чести быть нашимъ родоначальникомъ.

Какъ извѣстно, первые процессы происходящіе въ зрѣломъ яйцѣ послѣ оплодотворенія суть исчезаніе зародышеваго лузырька и дробленіе желтка. Это дробленіе состоитъ въ томъ что желтокъ распадается на двѣ части, изъ которыхъ каждая опять дѣлится на два отдѣла и т. д. Въмѣсто одного желтка получается такимъ образомъ множество

желточных шариковъ, состоящихъ изъ мелкозернистой протоплазмы и имѣющихъ пятнышко, принимаемое за ядро.

Начиная отъ момента оплодотворенія до начала этого дробленія яйцо имѣетъ сложное строеніе; въ немъ различаютъ зопу pellucidam, гранулезную мембразу, сѣмечатки и желтокъ съ зародышевымъ пузырькомъ и зародышевымъ латномъ. Въмѣсто зародышевого пузырька, еще до дробленія, въ яйцѣ показывается ядро. Каково бы ни было объясненіе происхожденія этого ядра, — а въ этомъ отношеніи мнѣнія весьма сильно расходятся, — но во всякомъ случаѣ яйцо съ зародышевымъ латномъ или съ ядромъ все еще имѣетъ довольно сложное строеніе, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сравниваемо съ монеромъ. Но для Геккеля нѣтъ ничего невозможнаго. Прежде всего онъ предлагаетъ (стр. 144) чтобы яйцо снабженное ядромъ до дробленія желтка называть цитолой (Stammzelle), а самое ядро назвать Cytococcus (Stammkern). До сихъ поръ предложеніе невинное и въ угоду Геккелю можно принять эти названія. Затѣмъ онъ совершенно голословно и въ противорѣчій со всѣми наблюдателями утверждаетъ что прежде чѣмъ оплодотворенное яйцо переходитъ въ цитолу, оно, лишившись уже зародышевого пузырька, нѣкоторое время еще остается *безъ ядра*. На этой (несуществующей) стадіи Геккель называетъ яйцо *монерулой*. Пораженный затѣмъ необыкновеннымъ сходствомъ названія *монерула* съ *монеромъ*, Геккель, чтобы окончательно убѣдить читателя, на стр. 146 приводитъ изображеніе этой монерулы (рис. 19), а на слѣдующей страницѣ даетъ рисунокъ монера (рис. 20). Откуда Геккель почерпнулъ свое изображеніе монерулы онъ осторожно умалчиваетъ, и довольствуется только утверженіемъ что это есть монерула кролика. Въ сущности этотъ рисунокъ представляетъ обыкновенное оплодотворенное яйцо съ его оболочками, *но въ желткѣ опущено ядро или зародышевый пузырекъ!* Какъ бы то ни было, но даже и въ этомъ видѣ монерула (рис. 19) также похожа на монера (рис. 20) какъ муха на слона. Геккель въ объясненіи своего 19го рисунка самъ буквами различаетъ отдѣльныя части въ монерулѣ, какъ зопу pellucida, окружающій ее слой слизи, сѣмечатка и пр. Монерула представляется кромѣ того весьма правильнымъ, шарообразнымъ тѣломъ. Между тѣмъ рис. 20 представляетъ весьма неправильнаго очертанія безформенный кусокъ протоплазмы! Читатель не имѣющій подъ рукой

Антропогенія Геккеля можетъ лучше всего получить понятіе о маинкомъ сходствѣ оплодотвореннаго яйца съ монеромъ, если сравнить дыокъ вырѣзанный изъ апельсина * съ разрѣзомъ какого-нибудь уродливаго картофеля.

Открывъ это поразительное сходство между оплодотвореннымъ яйцомъ и монеромъ Геккель восклицаетъ: „По нашему мнѣнію необыкновенно высокій интересъ имѣетъ тотъ фактъ что *человѣкъ* (выдуманный рисунокъ монерулы по Геккелю же принадлежитъ *кролику*!) какъ и всякое другое животное въ первой стадіи своего индивидуальнаго существованія представляетъ лишенный ядра шаръ изъ протоплазмы, настоящій цитодъ, однородное тѣло не имѣющее ни строенія, ни составныхъ частей (?). Въ этой формѣ монерулы животное и человѣческое тѣло имѣютъ самую простую форму которую мы вообще можемъ себѣ представить (!). Самые простые организмы какіе мы знаемъ и вообще можемъ себѣ представить суть монеры... Эти монеры потому и особенно важны что даютъ намъ вѣрныя (!) указанія о появленіи жизни на нашей землѣ...“ (стр. 147)

Оплодотворенное яйцо имѣетъ „самую простую форму какую мы можемъ себѣ представить“, а „такъ какъ монеръ есть самый простой организмъ какой мы себѣ можемъ представить“, то слѣдовательно монеръ есть нашъ родоначальникъ. Эта логика нѣволью напоминаетъ отвѣтъ данный знаменитымъ математикомъ Бернулли схоластамъ: „Ослы имѣютъ уши, вы имѣете уши, слѣдовательно вы ослы!“

Приведенное разсужденіе убѣждаетъ Геккеля „что мы теперь уже не должны находить чудеснымъ какимъ образомъ дитя образующееся изъ *Stammzelle* имѣетъ индивидуальныя особенности обоихъ родителей“ (тамъ же). И въ самомъ дѣлѣ: монерула звучитъ совершенно какъ монеръ, а монеръ есть простѣйшее тѣло которое мы вообще можемъ себѣ представить, какъ же послѣ этого еще удивляться что на-примѣръ сынъ Наполеона Перваго обнаруживалъ блестящія способности своего отца и въ то же время обладалъ гордостью и граціей своей Габсбургской матери! Геккель вообще значительно упрощаетъ пониманіе самыхъ сложныхъ и темныхъ явленій природы. То чтò для другихъ естество-

* Оплодотворенное яйцо послѣ дробленія обыкновенно и сравниваютъ по виду съ апельсиномъ.

мыслителей представляется еще непроницаемой тайной, для него весьма просто и легко помнят. Такъ, самый актъ оплодотворенія для Геккеля „очень простъ и не заключается ничего таинственнаго (стр. 143). Онъ состоитъ въ томъ что двѣ кѣточки сходятся, сплавляются и сращиваются въѣтъ. Прежде объ этомъ актѣ господствовали самыя чудесныя воззрѣнія“ (тамъ же).

Процессъ наследственной передачи особенностей родителей для Геккеля ясенъ какъ Божій день. „Во всѣхъ случаяхъ мы напередъ уже должны ожидать что дѣтскіе индивидуумы, которые, какъ выражаются, суть мясо и кости ихъ родителей, въ то же время сохраняютъ жизненныя явленія и форменныя качества родителей. Всегда это только большее или меньшее количество родительской матеріи и именно бѣлковой протоплазмы, которая переходитъ на дѣтскій индивидуумъ. *Съ матеріей переносятся также физическія явленія (?), молекулярныя движенія плазмы (?), которыя послѣ и обнаруживаются въ своей формѣ.*“

Гисъ совершенно вѣрно сравниваетъ это объясненіе (!) Геккеля съ извѣстнымъ отвѣтомъ Моальеровскаго докторанда на вопросъ отчего зависитъ усыпляющее дѣйствіе опія:

Quia est in eo
Virtus dormitiva,
Cujus est natura
Sensus assoupire!

Геккель на вопросъ о причинахъ передачи формы и качествъ родителей чрезъ зародышевую протоплазму довольствуется отвѣтомъ:

Quia est in eo
Virtus formativa,
Cujus est natura
Formam recreare.

Еще одинъ примѣръ подобной игры словами, при которой за объясненіе факта принимается замѣнъ однихъ словъ другими. На стр. 165 Геккель съ грѣхомъ пополамъ описавъ процессъ борожденія яйца заключаетъ: „Поверхностныя границы между различными кѣточками, которыя появляются чрезъ дѣленіе яйца, имѣютъ форму *бороздки*; поэтому весь этотъ процессъ названъ *борожденіемъ*. Въ сущности это такъ-называемое *борожденіе*, на которое прежде смотрѣли

какъ на явленіе въ высшей степени чудесное, есть не что иное, какъ часто повторяемое *дѣленіе клятокъ*.”

Читатель мало знакомый съ сущностью вопроса изъ этихъ словъ непременно выведетъ заключеніе что Геккелю удалось найти простое объясненіе одного изъ загадочныхъ, какъ онъ выражается, чудесныхъ явленій, тѣмъ что онъ свелъ его на вполнѣ уже понятный процессъ. На самомъ же дѣлѣ ближайшія причины дѣленія клятокъ столь же мало извѣстны какъ причины борожденія яйца. Замѣна одного слова другимъ поэтому ни на іоту не дѣлаетъ самаго процесса болѣе понятнымъ.

Но вернемся къ сущности вопроса. Приведенные примѣры уже достаточно показали до чего фантастичны сравненія дѣлаемыя Геккелемъ между первыми формами эмбриональной жизни и высшими формами животныхъ. На самомъ дѣлѣ *между этими формами нѣтъ даже и отдаленнаго сходства*.

Намъ слѣдовало бы теперь продолжить разборъ эмбриональных формъ сравнительно съ соответствующими членами навязываемой намъ генеалогіи. Но, увы, мы встрѣчаемъ здѣсь непреодолимое препятствіе: такъ какъ почти всѣ наши мишныя предки отошли въ вѣчность еще до изобрѣтенія фотографіи и не озаботились оставить намъ фамильныхъ портретовъ, то мы и не въ состояніи провѣрить насколько Геккелевы сравненія вѣрны. Геккель для того чтобы обойти это маленькое затрудненіе, правда, представляетъ намъ рисунки этихъ предковъ, *взявъ за образцы эмбриональныя формы!* Онъ послѣ даже самъ удивляется необыкновенному сходству ихъ съ этими формами зародыша и видитъ въ этомъ сходствѣ самое блестящее подтвержденіе біогенетическаго закона! Въ сущности процедура его сводится къ слѣдующему. Представимъ себѣ, что желая имѣть фамильный портретъ нашего предка, жившаго положимъ въ X вѣкѣ, мы *предполагаемъ* что онъ вѣроятно похожъ былъ на насъ, и заказываемъ *нашъ* портретъ въ костюмѣ X вѣка. Портретъ готовъ; и мы до того поражены сходствомъ нашего предка съ нами что уже болѣе не сомнѣваемся что портретъ дѣйствительно нашего предка и что семейныя сходства могутъ передаваться даже чрезъ девять столѣтій! Мало того, *выбравъ* при заказѣ портрета какой-нибудь королевскій ко-

опять, мы из сходства портрета съ нами заключимъ что происходимъ отъ королевской фамиліи! Въ сущности Геккелевы заключенія еще фантастичнѣе. Мы по крайней мѣрѣ можемъ-быть увѣрены что имѣли какого-нибудь предка въ X столѣтіи, но существованіе гастрей, плавеадовъ, протамнозоевъ и т. п. животныхъ болѣе чѣмъ проблематично. Въ эти животныя не оставили по себѣ никакого слѣда, хотя до сихъ поръ намъ удалось найти не мало ископаемыхъ слѣдовъ животныхъ относящихся къ тѣмъ же періодамъ. Геккель впрочемъ и тутъ объясненіемъ не затрудняется: „если эти животныя не оставили слѣдовъ, то это потому что они состояли изъ мягкой массы“. Откуда Геккель знаетъ что они состояли изъ мягкой массы, если они не оставили слѣдовъ, это опять-таки секретъ автора *Антропогеніи*. „Такъ какъ амфиоксъ совершенно мягокъ (?), такъ какъ онъ не имѣетъ твердыхъ составныхъ частей тѣла и не можетъ окаменѣвать, то мы можемъ принять что и всѣ его многочисленные вымершіе родственники тоже были мягки и потому не могли оставить ископаемыхъ отпечатковъ или окаменѣлостей.“ Отсутствие окаменѣлостей или отпечатковъ принимается за доказательство существованія рода амфиокса! Да и отчего мягкія тѣла не могутъ оставить отпечатковъ или снимковъ? Карлъ Фохтъ между прочимъ указываетъ на то что мы имѣемъ примѣры окаменѣлостей мягкихъ животныхъ, напримѣръ морскихъ звѣздъ.

Довѣріе какое могутъ внушать Геккелевы сравненія эмбріональных формъ съ безслѣдно исчезнувшими животными формами лучше всего выясняется изъ слѣдующаго ряда фактовъ. Теорія Геккеля требуетъ чтобы зародыши различныхъ позвоночныхъ животныхъ въ извѣстное время эмбріональной жизни были совершенно сходны между собой. Ихъ происхожденіе отъ одного общаго позвоночнаго тѣла, также какъ требованія биогенетическаго закона, ставятъ это сходство въ непремѣнную имъ обязанность. Геккель въ полномъ сознаніи этой необходимости уже въ первомъ изданіи своей *Schöpfungsgeschichte* на стр. 242 сопоставляетъ три рисунка имѣющихъ изобразить лицо человѣка, обезьяны и собаки, при увеличеніи во сто разъ; на стр. 248 онъ тоже въ одинаковомъ увеличеніи предлагаетъ три изображенія зародышей собаки, курицы и черепахи.

Дѣйствительно трудно себѣ представить болѣе поразительное сходство какъ между отдѣльными рисунками каждой группы. Сходство доходитъ до того что всѣ размеры *одинаково увеличенныя* препаратовъ абсолютно между собою равны; черепаха и собака, человекъ и собака въ извѣстныхъ стадіяхъ эмбріональной жизни представляются намъ абсолютно одинаковой величины. Подобное равенство у зародышей одного и того же животнаго было бы уже довольно странно; у столь далеко отстоящихъ животныхъ оно просто чудесно и должно было бы служить однимъ изъ самыхъ блестящихъ подтвержденій Геккелевыхъ воззрѣній. Но, увы! на этотъ разъ чудо дѣйствительно объясняется весьма просто: Геккель счелъ позволительнымъ *одно и то же клише отпечатать три раза, подписавъ подъ каждымъ изображеніемъ названіе другаго животнаго!*

„Согласіе, говоритъ Гисъ, двухъ рядовъ рисунковъ совершенное, и трудно представить себѣ что-нибудь болѣе убѣдительное чѣмъ это полное тождество формъ различныхъ существъ. Это согласіе распространяется даже повидимому на второстепенныя вещи; гдѣ ядра въ собачьемъ лицѣ немного кружище, тамъ они таковы же и у человека и у обезьяны; гдѣ въ одномъ лицѣ зона немного свѣтлѣе, тамъ она и у другихъ представляется такою же. Зародыши собаки, курицы и черепахи имѣютъ каждый по 10 первичныхъ позвонковъ на каждой сторонѣ и у всѣхъ первый позвонекъ правой стороны немного округленнѣе, а девятый немного уже. Должно считать необыкновенно счастливымъ случаемъ для науки что Геккель натолкнулся на три до такой степени сходные зародыша и получилъ такимъ образомъ столь убѣдительный матеріалъ для своихъ доказательствъ. Еще болѣе замѣчательное согласіе оказывается при тщательномъ изученіи рисунковъ. Абсолютная тождественность не ограничивается только лицами одной группы и зародышами другой; она распространяется также на мѣсто и форму буквъ служащихъ для обозначенія отдѣльныхъ частей, она касается даже числа и длины черточекъ соединяющихъ эти буквы съ рисунками. Другими словами, *Геккель поднесъ намъ три клише того же рисунка подъ тремя различными названіями!* Поступокъ немного рискованный и былъ немедленно же осужденъ какъ погрѣшеніе противъ научной правды сильно подрывающее

кредитъ ученаго, осуждая челоуѣкомъ столь же высоко стоящимъ по значенію и глубинѣ какъ по необыкновенной добросовѣстности своихъ работъ, именно профессоромъ Рютимейеромъ. Послѣ этого слѣдовало ожидать по крайней мѣрѣ извиненія и поправки совершеннаго промаха. Вмѣсто этого Геккель въ слѣдующихъ изданіяхъ забрасываетъ бранью профессора Рютимейера, бранью столь же недостойною по своей формѣ, какъ незаслуженною по своей сущности.“

Приведенный случай далеко не единственный въ которомъ Геккель позволилъ себѣ подобныя *ценогенетическія* поправки природы. Во всѣхъ изданіяхъ его *Schöpfungsgeschichte* отпечатаны двѣ большія таблицы, изображающія съ одной стороны тождественность формъ челоуѣческаго и собачьяго зародышей, а съ другой—зародышей курицы и черепахи. „Изъ этихъ рисунковъ, пишетъ Гисъ, одни суть копіи, другіе просто выдуманы.“ Рисунокъ будто бы четырехнедѣльнаго зародыша собаки взятъ у Бишофа, Табл. XI, 42 В., четырехнедѣльный (?) же зародышъ челоуѣка взятъ у Эккера (*Icones physiol.* Taf. XXX, 2). Но и въ этихъ копіяхъ Геккель въ угоду биогенетическому закону позволилъ себѣ большія поправки. Зародышъ собаки у Бишофа имѣетъ только 25 дней, у Геккеля превращается въ четырехнедѣльный. Эккеръ *вовсе не обозначилъ возраста* челоуѣческаго зародыша, Геккель и ему даетъ четыре недѣли. Въ дѣйствительности зародыши эти разнятся въ весьма существенныхъ пунктахъ; но Геккель позаботился объ изглаженіи этихъ неудобныхъ для его системы разницъ помощью нѣкоторыхъ самовольныхъ поправокъ. Такъ, напримѣръ, онъ удлинилъ лобную часть собаки на $3\frac{1}{2}$ миллиметра и у челоуѣка укоротилъ ее на 2 миллиметра. Въ то же время онъ у челоуѣка сузилъ лобъ на 5 миллиметровъ и значительно удлинилъ его хвостъ.

Въ *Антропогеніи* повторяются многіе изъ рисунковъ *Schöpfungsgeschichte*. Изъ новыхъ рисунковъ большая часть заимствованныхъ у другихъ авторовъ передана невѣрно; оригинальные же рисунки просто выдуманы. Гисъ приводитъ этому нѣсколько доказательствъ: „Выдуманъ рисунокъ 49й, изображающій первичный зародышъ челоуѣка въ видѣ жодовы, увеличенный въ 40 разъ. Ни одинъ наблюдатель не видѣлъ еще этой стадіи развитія, а на основаніи теперь

существующаго матеріала, могу положительно утверждать что зародышъ этой стадіи не можетъ имѣть на данное вида ни данныхъ размѣровъ. Также выдуманы два рисунка человѣческаго зародыша на стр. 272, у которыхъ аллонтаисъ, никогда не представляющійся у человѣка въ видѣ лузыря, изображенъ какъ *ansehnliches Bläschen* и не только нарисованъ въ этомъ видѣ, но еще таковымъ и описанъ. Большая часть рисунковъ зародыша на таблицахъ IV и V тоже выдумана; достаточно привести одинъ грубый примѣръ: зародыши рыбъ и лягушекъ, столь же безцеремонно свободно снабжены темяною кривизной мозга какъ и зародыши черепахи, курицы и млекопитающихъ.“

Еще поучительнѣе примѣры поддѣлокъ рисунковъ на которые указываетъ знаменитый Вюрцбургскій зоологъ профессоръ Семлеръ въ недавно появившейся брошюрѣ *Offener Brief an Herrn Prof. Haeckel in Jena. Hamburg. 1877*. Двадцать страницъ заняты перечисленіемъ искаженій рисунковъ совершенныхъ Геккелемъ въ его *Антропогеніи*. Не говоря уже о такихъ фантастическихъ рисункахъ, какъ тѣ которые представляютъ разрѣзы не существовавшихъ *Urthiere*, которыми такъ богато это сочиненіе Геккеля и которые просто выдуманы, укажемъ на пресловутаго „выстаго червя“ изображеннаго въ 7мъ рисункѣ 4й таблицы, и на шесть рисунковъ имѣющихъ демонстрировать процессъ борожденія у человѣка (таблица II, рис. 12—17). Всѣ эти рисунки просто выдуманы. Съ нравственной точки зрѣнія заслуживаютъ еще большаго осужденія поправки и передѣлки рисунковъ лочерпнутыхъ Геккелемъ у другихъ наблюдателей.

Можетъ ли, спрашивается, ученый позволяющій себѣ подобныя пріемы съ цѣлью вводить въ заблужденіе своихъ читателей еще претендовать на званіе серьезнаго естествоиспытателя? Какъ Гисъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, подобная игра *фактами* еще гораздо непростительнѣе игры *словами*. Каждый мыслящій человѣкъ въ концѣ разгадываетъ ложность этой послѣдней игры; тогда какъ поддѣлка фактовъ можетъ быть распознаваема только специалистомъ. Чѣмъ больше Геккель разчитываетъ дѣйствовать на массу публики тѣмъ неопозволительнѣе подобныя фокусы.

Въ виду столь ясно говорящихъ фактовъ Геккель и не

пытался опровергнуть всѣя обвиненія высказанныя противъ него Рютимейеромъ, Гисомъ, Семлеромъ и др.

Онъ только старается лаедировать смягчающія обстоятельства утѣряя въ предисловіи къ третьему изданію *Антропогеніи* что приведенные имъ рисунки только схематическіе.

„Схематическіе рисунки *Антропогеніи*, говоритъ онъ, заслужили особенно рѣзкое порицаніе со стороны естествоиспытателей. Особенно эмбриологи-спеціалисты осылали меня самыми тяжелыми упреками и советовали мнѣ вмѣсто приведенныхъ мною изображеній дать большее число хорошо исполненныхъ и по возможности точныхъ рисунковъ. Я однако считаю первые гораздо болѣе поучительными, особенно въ популярно-научныхъ статьяхъ. Каждое схематическое изображеніе передаетъ только главнѣйшія форменныя отношенія, которыя оно имѣетъ объяснить и оставляетъ въ сторонѣ неважныя подробности, которыя при точныхъ рисункахъ больше мѣшаютъ и запутываютъ, чѣмъ объясняютъ и поучаютъ. Чѣмъ форменныя отношенія запутаннѣе, тѣмъ болѣе простыя діаграммы облегчаютъ ихъ пониманіе. Поэтому немногіе простые и грубые схематическіе рисунки которыми Бэръ ловѣйка тому назадъ снабдилъ свою классическую „Исторію развитія животныхъ“ болѣе содѣйствовали пониманію изображеннаго чѣмъ многочисленныя и крайне тщательныя помощью камеры-люиды исполненные рисунки которые теперь украшаютъ роскошныя и дорогіе атласы Гиса, Гетте, и другихъ. Если моимъ схематическимъ рисункамъ дѣлаютъ упрекъ что они „выдуманы“ и меня обвиняютъ въ „фальсификаціи науки“, то то же самое слѣдуетъ отнести и ко всѣмъ другимъ діаграммамъ ежедневно употребляемымъ въ преподаваніи. Всѣ схематическія изображенія, какъ таковыя, вымышленны.“ (Стр. XXV).

Читатель изъ собственныхъ словъ Геккеля можетъ видѣть въ какомъ онъ находится затрудненіи, будучи уличенъ въ искаженіи фактовъ.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что когда дѣло идетъ о томъ чтобы доказать *тождественность* формъ схематизованіе рисунковъ вообще недопустимо. Если довольствоваться нѣсколькими контурными линіями, то можно легко доказать что Медицейская Венера сдѣлана по модели Юліи

Пастраны или что Лувръ тождественъ съ любой казармой. Сотни разъ въ своихъ сочиненіяхъ Геккель настаиваетъ на томъ что самое тщательное сравненіе не можетъ открыть отличій между зародышами животныхъ, и онъ желаетъ доказать это схематичными рисунками! Еслибъ онъ подъ своими рисунками подписалъ что они схематичны, то его система не только не приобрѣла бы себѣ такого значительнаго числа приверженцевъ въ публикѣ, но и малая дѣлти ее осмѣляли бы.

Указаніе на рисунки фонъ-Бэра крайне неудачно, ибо Геккель очень хорошо знаетъ какое капитальное различіе существуетъ между схемами фонъ-Бэра и его рисунками: Бэръ схематизовалъ только то что онъ дѣйствительно наблюдалъ, тогда какъ Геккель рисуетъ плоды своего воображенія!

Но дѣло въ томъ, что рисунки Геккеля вовсе не схематичны. Всѣ безъ исключенія рисунки о которыхъ выше была рѣчь, какъ тѣ которые онъ почерпнулъ у другихъ авторовъ такъ и его собственные, представляютъ форменныя отношенія зародышей съ *мельчайшими деталями*, часто съ точнымъ обозначеніемъ употребленнаго увеличенія!

Развѣ можно назвать представленіемъ диаграммъ поднесеніе публикѣ, какъ это дѣлаетъ Геккель, одного и того же клише подъ тремя различными названіями, съ приглашеніемъ убѣдиться какъ сходны между собою зародыши человека, обезьяны и собаки? Развѣ это называется схематизованіемъ, когда въ рисункѣ взятомъ у другаго автора Геккель опускаетъ одні части, прибавляетъ другія, и измѣняетъ размѣры отдѣльных частей? Неужели поперечные и продольные разрѣзы никогда не существовавшихъ животныхъ тоже суть только схемы? Это не схемы а вымыслы, сказать рѣзче подлоги!

Геккель для своего біогенетическаго закона долженъ былъ допустить безчисленное множество фальсификацій и поддѣлокъ будто бы совершенныхъ природою въ этомъ законѣ. Нельзя не жалѣть что Геккель счелъ себя въ правѣ подражать *приемамъ* которые онъ приписываетъ природѣ.

Желая внушить публикѣ особенное благоговѣніе къ своей теоріи Геккель вздумалъ поставить ее подъ стѣною Гёте. Помощью нѣкоторыхъ выхваченныхъ изъ общей связи цитатъ Геккель изъ сочиненій Гёте вычитываетъ что онъ

былъ приверженцемъ эволюціонной теоріи. Какъ однако доказали докторъ Косманъ и профессоръ Сепперъ, Геккель и въ описаніи цитатъ изъ Гёте позволялъ себѣ нѣкоторыя вольности, совершенно искажившія смыслъ словъ Гёте. Даже рыцарь приверженецъ дарвинизма страбургскій зоологъ О. Шмидтъ недавно доказалъ изъ сочиненій Гёте что онъ наоборотъ склонялся въ пользу теоріи постоянства видовъ. (См. *Was Goethe ein Darwinianer?* von O. Schmidt).

Изъ предыдущаго читатель могъ убѣдиться какого довѣрія заслуживаютъ рисунки и наблюденія автора *Антропогеніи* даже въ тѣхъ случаяхъ гдѣ ихъ контроль не представляеть никакихъ трудностей. Какимъ же должны быть его изображенія и описанія животныхъ видовъ не оставившихъ послѣ себя никакого слѣда и выдуманныхъ Геккелемъ только въ угоду неясной генеалогіи? „Я выросъ въ убѣжденіи, говоритъ почтенный профессоръ Гисъ, что изъ всѣхъ качествъ необходимыхъ естествоиспытателю правдивость и безусловное уваженіе къ фактической истинѣ занимаютъ первое мѣсто. И теперь я еще того мнѣнія что всѣ другія качества, даже самыя блестящія, блѣднѣютъ если эти отсутствуютъ. Другіе могутъ уважать въ Геккелѣ дѣятельнаго и неустрашимаго вождя партіи; я же считаю что его способъ веденія борьбы лишилъ его права считать-ся равнымъ въ кругу серіозныхъ ученыхъ.“ (I. с. Стр. 171.)

Полагаю излишнимъ приводить еще возраженія противъ Геккелевой *Антропогеніи*. Въ сочиненіяхъ упомянутыхъ нами авторовъ, читатель можетъ найти сотни другихъ примѣровъ нисколько не уступающихъ приведеннымъ образцамъ. При болѣе близкомъ ознакомленіи со способомъ постройки системы Геккеля читатель еще болѣе убѣдится во всей ея шаткости. На каждомъ шагѣ *Антропогеніи* онъ встрѣтится съ произвольнымъ искаженіемъ фактовъ и столь же безцеремоннымъ игнорированіемъ самыхъ несомнѣнныхъ эмбриональных признаковъ если они почему-нибудь не подходятъ къ узкой рамкѣ системы. То онтогенія играетъ у Геккеля главную роль при опредѣленіи родственной связи между различными видами животныхъ (напримѣръ ациди и амфиокса); то она имѣетъ только второстепенное значеніе, если ея факты явнымъ образомъ противорѣчатъ его произвольной генеалогіи.

Въ одномъ случаѣ только первымъ стадіи развитія зародыша могутъ быть принимаемы для установленія родства (асцидія и амфиокс); въ другомъ, наоборотъ, только позднѣйшія степени развитія заслуживаютъ вниманія (рыба и человекъ).

У однихъ животныхъ при отыскиваніи родословной мозгъ, черепъ и сердце играютъ первостепенную роль, въ другихъ они отодвигаются на задній планъ и въ угоду гастронъ только кишечный каналъ принимается въ разчетъ.

Когда необходимо доказать родство амфиокса съ позвоночными животными, то только одна гастрона удостоивается вниманія. Сегментация, играющая теперь столь важную роль въ развитіи зародыша, роль признаваемую и самимъ Геккелемъ для позвоночныхъ животныхъ, вдругъ теряетъ все свое филогенетическое значеніе, ибо отсутствуетъ у амфиокса (стр. 216).

Черепъ и мозгъ, почки и сердце, конечности, органы слуха и зрѣнія, всѣ эти столь важные для повятія о позвоночномъ животномъ органы, отсутствуютъ у амфиокса, и вдругъ они дѣлаются „unwesentliche secundäre Bildungen“ (стр. 217).

„Насколько важны въ *физиологическомъ* отношеніи черепъ и мозгъ для человека и вообще для высшаго позвоночнаго животного—настолько не важны они *морфологически*, ибо первоначально они вовсе не существуютъ, а образуются только послѣ...“

До сихъ поръ эволюціонная теорія встрѣчала самую капитальную трудность въ отысканіи связи между позвоночными и безпозвоночными животными. Геккель самъ признаетъ что всѣ сдѣланныя въ этомъ направленіи сравненія были неосновательны. „Послѣ того, говоритъ онъ, какъ Дарвинъ своею реформой далъ толчокъ эволюціонной теоріи, рѣшеніе этого вопроса казалось особенно труднымъ. Когда я самъ предпринялъ въ моей *Общей Морфологіи* (1866) первую попытку провести спеціально теорію происхожденія видовъ и приложить ее къ естественной системѣ,—ни одна задача не возбуждала во мнѣ столько сомнѣній какъ связь позвоночныхъ животныхъ съ непозвоночными.“ (Стр. 353) Послѣ замѣчательныхъ изслѣдованій нашего зоолога Ковалевскаго надъ развитіемъ асцидеевъ и амфиокса, сомнѣнія исчезли. Изслѣдованія эти послужили Геккелю для того чтобы найти „что амфиоксъ со стороны позвоночныхъ животныхъ, а асцидія со стороны безпозвоночныхъ создаютъ

мость который *одинъ* позволяет наполнить бездну (!) между этими главными группами животных.... Согласіе обнаруживаемое между амфиоксомъ и асцидіемъ... показываетъ также и ихъ кровное родство и ихъ происхождение отъ одной общей формы; этимъ (!) оно проливаетъ самый яркій свѣтъ и на древнѣйшіе корни родословной человека." (Стр. 370).

Это мнимое родство между амфиоксомъ и асцидіемъ съ одной стороны и между амфиоксомъ и позвоночными животными съ другой дѣйствительно составляетъ красугольный камень Геккелевой системы. Понятно поэтому что если Геккель направилъ всѣ свои усилія для доказательства этого родства, то антагонисты его, и между ними главнымъ образомъ профессоръ Семперъ, направили тяжелыя орудія своихъ возраженій именно противъ этого родства. Борьба за происхождение амфиокса отъ асцидіевъ велась съ обѣихъ сторонъ съ ожесточеніемъ, которому въ такой мирной наукѣ какъ зоологія можетъ-быть еще не было примѣра. Борьба эта еще особенно характеристична тѣмъ что одинъ изъ бойцовъ, именно Геккель, самъ никакихъ наблюденій надъ развитіемъ амфиокса никогда не дѣлалъ, а опирался въ своей борьбѣ на изслѣдованія и рисунки Ковалевскаго, которые онъ съ карандашомъ въ рукѣ обрабатывалъ со свойственною ему свободой. Семперъ же наоборотъ послѣ работы Ковалевскаго сдѣлалъ самыя подробныя изслѣдованія надъ развитіемъ ланцетника. Понятно, на чью сторону должна была склоняться лобѣда въ подобной борьбѣ: врядъ ли теперь кто еще сомнѣвается что амфиокса съ асцидіемъ связать никакъ нельзя; Геккелевъ мостъ который одинъ въ состояніи „наполнить бездну“ слѣдовательно рухнулъ. Амфиоксъ котораго Геккель во что бы то ни стало хочетъ имѣть своимъ предкомъ, чтобы чрезъ него породниться со знатнымъ родомъ асцидій, такимъ образомъ покажется остается бездѣтнымъ сиротой. И охота же была Геккелю признать что амфиоксъ „есть плоть нашей плоти и кровь нашей крови“ (стр. 371), когда на стр. 342 онъ самъ же признаетъ что амфиоксу не достаетъ всего что составляетъ неотъемлемую принадлежность даже самаго низшаго позвоночнаго животнаго. „Правда, что амфиоксъ остается еще дадеко ниже всѣхъ теперь живущихъ позвоночныхъ животныхъ.

Правда что ему не достаетъ вмѣстѣ съ отдѣльною головою и развитаго череда и мозга, характеризующихъ всѣхъ другихъ позвоночныхъ животныхъ. Ему не достаетъ органа слуха и центральнаго сердца, которые всѣ другіе имѣютъ; ему не достаетъ также развитыхъ почекъ...“ (стр. 342).

Необыкновенно поучительно для всякаго желающаго составить себѣ понятіе какого рода тотъ мостъ которымъ Геккель „наполняетъ бездну“, сравнить между собою отдѣльныя столбцы Геккелевой десятой таблицы на стр. 373.

Во второмъ столбцѣ вычислены всѣ анатомическіе признаки амфиокса, а въ третьемъ и четвертомъ рыбы и человека. Изъ двадцати приведенныхъ органовъ, которыми одарены послѣдніе, четырнадцать у амфиокса вовсе нѣтъ; между ними находятся: черепъ, мозгъ, сердце, почки, позвоночный столбъ, челюсти, конечности, селезенка и т. д. Въ столбцѣ амфиокса противъ этихъ органовъ вездѣ сказано „kein“ т.-е. отсутствуетъ. Остальные шесть признаковъ у амфиокса совершенно отличны; такъ напримѣръ, у рыбы и у человека кровь алая, у амфиокса безцвѣтная, у послѣдняго эпителий кишечнаго канала мерцательный, у первыхъ немерцательный и т. д. У амфиокса по Геккелю глаза „рудиментарны“, но въ сущности у этого животнаго вовсе нѣтъ глазъ, а то что Геккель принимаетъ за глаза есть не что иное какъ накопленіе чернаго пигмента, не имѣющаго ничего общаго со зрѣніемъ. Для большаго подобія своего любимца съ асцидіемъ Геккель даже говоритъ о *глазахъ*, во *множественномъ* числѣ, хотя въ крайнемъ случаѣ у амфиокса можетъ быть рѣчь только объ *одномъ* глазѣ. Это подобіе вообще ограничивается однимъ расположеніемъ дыхательнаго органа; во всемъ остальномъ эти животныя капитально другъ отъ друга отличаются.

Такова новая система органическаго созданія которую Геккель имѣетъ смѣлость выдавать за послѣднее слово естественно - историческаго изученія природы. Горе тому естествоиспытателю который изъ уваженія къ научной правдѣ позволитъ себѣ скептическое отношеніе къ новой „исторіи творенія“. Громы Геккелевскаго гнѣва немедленно разразятся надъ нимъ; и если нашъ авторъ въ чемъ-нибудь дѣйствительно необыкновенно силенъ такъ это въ брани, которою забрасываетъ самыхъ почтенныхъ представителей науки.

Особенно беспощаденъ онъ когда возраженія касаются пресловутаго „фундаментальнаго біогенетическаго закона“; чувствуя что вся его шаткая система должна рухнуть какъ только искусственность этого якобы закона докажется, онъ съ особеннымъ жаромъ силится защитить именно его. Читатель который съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочелъ нашу статью, надѣюсь, убѣдился что этотъ законъ даже въ видѣ простаго обобщающаго правила крайне несостоятеленъ.

Законъ этотъ вовсе не требуется для пониманія развитія органическаго міра, не объясняетъ этого развитія и не есть даже обобщеніе какого-нибудь большаго числа органическихъ явленій. *Этотъ законъ выдуманъ Геккелемъ единственно для того чтобъ имѣть возможность при его помощи построить генеалогію человека!* При отсутствіи всякихъ фактическихъ данныхъ для построенія антрологеніи столь легкой какъ его, вся система Геккеля могла быть создана только при помощи закона который далъ бы ему предлогъ для выдумыванія якобы фактическихъ данныхъ. Другими словами необходимость для онтогеніи повторять филогенію лежитъ не въ природѣ вещей, а принимается Геккелемъ только для того чтобъ имѣть предлогъ создать произвольную филогенію при помощи онтогеніи! Біогенетическій законъ такимъ образомъ оказывается не закономъ природы, а просто рецептомъ для написанія антрологеніи! Этого одного уже болѣе чѣмъ достаточно чтобъ осудить всю Геккелеву систему. А между тѣмъ сколько еще другихъ капитальныхъ возраженій можно противъ нея привести. Такъ, Геккель на каждомъ шагу пользуется основными принципами дарвинизма какъ непоколебимыми законами, ни разу не задавая себѣ труда разобрать ихъ или хотъ указать на вѣскія возраженія противниковъ этихъ принциповъ. Усовершенствованіе и новообразование органовъ чрезъ естественный отборъ, наследственная передача приобретенныхъ особенностей—все это для Геккеля догмы которыми онъ сплошь и рядомъ пользуется для созданія своей генеалогіи. А между тѣмъ кому изъ серьезныхъ естествоиспытателей неизвѣстно что если въ пользу этихъ принциповъ нельзя привести никакихъ прямыхъ доказательствъ, то нѣтъ недостатка въ фактахъ прямо имъ противорѣчащихъ, и въ теоретическихъ соображеніяхъ сильно противъ нихъ говорящихъ.

Возможность хоть съ грѣхомъ пополамъ объяснить явленія органическаго міра безъ помощи телеологическихъ воззрѣній такъ привлекательна для естествоиспытателя что онъ иногда добровольно закрываетъ глаза на всѣ зіяющіе пробѣлы въ теоріи измѣняемости видовъ. Не мало естествоиспытателей держащихся ученія о естественномъ отборѣ испытываютъ, говоря словами Дюбуа-Реймона, „ощущеніе утопающаго ухватывающагося за едва удерживающую его надъ водой доску. При выборѣ между гибелью и доской преимущество несомнѣнно на сторонѣ доски“ (*Darwin versus Galiuni*. Berlin 1876. Стр. 23). Но что сказать о человѣкѣ который подобно Геккелю вздумалъ бы изъ этой едва удерживающей надъ водой доски построить сложное и прочное судно?

На лятидесятомъ конгрессѣ нѣмецкихъ натуралистовъ, состоявшемся истекшею осенью въ Мюнхенѣ, Геккель въ публичной рѣчи приглашалъ естествоиспытателей агитировать въ пользу введенія антрологеніи въ школьное преподаваніе! Но присутствовавшій на конгрессѣ знаменитый профессоръ Вирховъ счелъ необходимымъ немедленно возстать всею силой своего несомнѣннаго авторитета противъ подобнаго злоупотребленія наукой.

Въ прекрасной рѣчи Вирховъ показалъ всю фальшь антрологеніи и всю незаконченность всѣхъ эволюціонныхъ теорій. Рѣчь Вирхова произвела тѣмъ большее впечатлѣніе, что въ послѣдніе годы онъ почти исключительно посвящалъ себя антропологии и быстро занялъ въ этой наукѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Какъ политикъ и ученый, Вирховъ предостерегалъ нѣмецкихъ ученыхъ отъ употребленія въ культурной борьбѣ подобныхъ обоюдоострыхъ оружій какъ искусственныя и не научныя системы.

Дѣйствительно, ничто такъ не скомпрометтировало бы современное естествознаніе въ глазахъ мыслящихъ людей какъ антрологенія Геккеля, еслибы серіозные ученые немедленно же единодушно не возстали противъ его ученія и не отвергли его, основываясь на фактахъ.

Карлъ Фохтъ гдѣ-то говоритъ, что когда онъ нѣкоторое время читалъ Геккеля, то чувствовалъ непреодолимую потребность снять съ полки запылившуюся *Логику* Стюарта Милля и прочесть въ ней нѣсколько главъ. Дѣйствительно нѣтъ лучшаго противоядія для антрологеніи какъ руководство къ логикѣ.

Не можемъ лучше закончить нашъ разборъ геккелизма какъ словами Гельмгольца, очевидно направленными противъ нашего автора. Послѣ столькихъ абсурдовъ, которые намъ пришлось приводить изъ *Антропогеніи*, читателю пріятно будетъ услышать свѣтлое слово геніальнѣйшаго изъ современныхъ естествоиспытателей: „До тѣхъ поръ пока еще будутъ существовать люди съ достаточно высокимъ самомнѣніемъ, которые воображаютъ что они своею геніальностью въ состояніи совершить то что родъ человѣческій можетъ надѣяться достичь только помощью тяжелаго труда, до тѣхъ поръ мы еще будемъ встрѣчать гипотезы предлагаемыя намъ какъ догмы и общающія сразу разрѣшить всѣ загадочные вопросы. И до тѣхъ поръ пока еще будутъ люди легко и безъ критики вѣряющіе всему тому что они желали бы видѣть правдой, гипотезы первыхъ будутъ еще приниматься на вѣру. Оба класса людей не вымрутъ, и послѣдній даже всегда будетъ составлять большинство.“ (*Das Denken in der Medicin*. Berlin. 1877. Стр. 25)

И. ЦЮНЬ.

Парижъ.

Октябрь. 1877.

КНЯЖНА ***

ТРАГЕДІЯ ВЪ ОКТАВАХЪ

„Какъ наши годы-то летятъ.“

Давно ль, давно-ль, на траурныхъ коняхъ,
Подъ балдахиномъ съ княжеской короной,
Богатый гробъ въ гирляндахъ и цвѣтахъ
Мы провожали.... Поѣздъ похоронный
Былъ безъ конца... всѣ въ лентахъ и звѣздахъ,
Посланники, придворныя персоны,
И духовенство высшихъ степеней,
И во главѣ его—архіерей....

Мы крестимся всегда при видѣ гроба,
Прощаемся, молясь за упокой,
Будь то бѣднякъ, будь важная особа....
Обычай полный смысла, глубиной
И злѣйшаго лѣтѣвшій руссофоба....
И тутъ прощалась съ чьею-то душой
И дальше шла толпа.... Но въ вышемъ свѣтѣ
Событьемъ были похороны эти....

Княжна... Но вѣтъ! письму я не предаю,
 Нѣтъ, не предаю я новому вѣсловью
 Фамиліи извѣстной съ дѣтства намъ!
 Въ войну и миръ, и разумомъ и кровью,
 Служилъ сей родъ отчизнѣ и царю,
 И встарь почтенъ народной былъ любовью....
 Онъ въ наши дни, съ достоинствомъ, одной
 Представленъ былъ покойною княжой.

И видимъ—ахъ! теперь-какъ исполны
 Предъ нами тѣ герои старины!...
 Видали-ль вы времяя Екатерины
 Ея штатсъ-дамъ портреты?... Въ, полны
 Величія полунощной Аеиы
 И гениемъ ея оцѣнены,
 Онъ глядятъ какъ бы съ пренебреженьемъ
 Во свѣтъ идущимъ мимо покоивнымъ....

Могучій духъ не знающій оковъ,
 Для подвиговъ не знающій границы,
 Безъ похвалы свершавшій ихъ, безъ словъ,—
 Все говорить что это тѣ ораицы
 Къ кому изъ царства молній и громовъ,
 Свершители словесъ своей царицы,
 Ея орлы—съ поднебесья порой
 Спускалися на мигъ вкусить покой....

Изъ этой же породы самобытной
 Была княжна, хотъ сгладила ужъ въ ней
 Весь этотъ пылъ, весь пламень ненасытный
 Подъ вѣяньемъ пныхъ, счастливыхъ дней.
 Тамъ—гордый стражъ пустыни сфинксъ гранитный,
 Въ тысящелѣтней простотѣ своей;
 Здѣсь—Пракситель или рѣзецъ Кановы,
 Гдѣ грація и духъ ужъ вѣтъ новый.

Ей этотъ лоскъ былъ Франціею данъ!
 Да, Франція—и Франція Бурбоновъ,
 Чтѣ пережить сумѣла какъ Титанъ
 Республику и гнетъ Наполеоновъ,—
 Она княжну—цвѣтокъ полночныхъ странъ
 Къ ней кинутой крылами аквилоновъ,—
 Съ любовью въ объятія приняла,
 И матерью второю ей была.

Ея пѣнцовъ она внимала дирамъ,
 Ораторовъ волнующимъ рѣчамъ,
 Все приняла чтобъ властнымъ быть кумиромъ
 И первую звѣздой въ созвѣзды дамъ,
 И даже Онь, пришедшій къ людямъ съ миромъ,
 И взоры ихъ поднавшій къ небесамъ,
 Ей просіялъ какъ свѣтъ и какъ защита
 Въ проповѣдахъ отца іезуита...

Что?... Странно вамъ слова мои звучать?...
 Народность—все же изъ понятій узкихъ,
 И въ этомъ шагъ мы сдѣлали назадъ,
 Отъ образцовъ отрекшися французскихъ....
 Но—вѣкъ таковъ! и всѣ теперь хотятъ
 Преобразиться въ православныхъ Русскихъ,
 Межъ тѣмъ какъ многіе едва-едва
 Осилить могутъ русскія слова....

Вонъ—князь Андрей на это, лобъ нахмура,
 Глядитъ какъ на опасную игру!
 И говоритъ что ужъ „глаза зажура
 Давно живу и вѣчно на-юру“,
 Что „впрочемъ, насъ бы не застала буря,
 А тамъ—все пропадай, когда умру!...“
 Онь въ этомъ видитъ признаки ладенья
 И нравственныхъ началъ и просвѣщенья....

И до сихъ поръ, упрямый старый тузъ
 Твердитъ одно: „Европа есть обширный
 Салонъ, гдѣ всякій—Нѣмецъ или Французъ—
 Своя семья! у всѣхъ одинъ, всемірный,
 Тонъ, образованность, и умъ, и вкусъ!
 Насъ только *терпятъ* тамъ пока мы смиренъ
 Сидимъ себѣ, какъ дѣти за столомъ,
 On nous subit — à contre sens *яритомъ*!...“

Но князь чудакъ! онь парадоксъ ходячій!
 Онь отрицалъ Россію! и съ княжной
 У нихъ всегда, бывало, споръ горячій.
 Патріотизмъ княжны былъ огонь живой!
 Россіи честь, побѣды, неудачи,
 Воспринимала всей она душой,
 Все обсуждая, безъ предубѣжденья,
 Съ высокой, европейской точки зрѣнья....

И вотъ съ такой душою и умомъ,
 Все воспринявъ что Западъ просвѣщенный
 Взрождавъ вѣками въ цвѣтникѣ своемъ,
 Она явилась съ ношею благовонной
 Въ нашъ свѣтъ—и такъ поставила свой домъ
 Что самъ Кюстинъ вторично занесенный
 Судьбой въ нашъ край ужъ бы не написалъ
 Что къ медвѣдямъ и варварамъ попалъ!

Свидѣтели—олять-таки Французы!
 Да! изъ Французовъ—сливки, высшій слой,
 Твердили въ хоръ что Граціи и Музы
 Изъ Франціи, отъ черни бунтовской,
 Какъ отъ Персея съ головой Медузы,
 Умчались на сѣверъ ледяной,
 Перенеся въ салонъ княжны, въ Россіи,
 Весь умъ французской старой монархіи.

И это зналъ и ощущалъ нашъ свѣтъ,—
 И передъ нею все въ немъ преклонилось....
 И хоть прошло событій много, лѣтъ,
 И хоть княжна давно ужъ устроилась
 Отъ поприща успѣховъ и побѣдъ,
 Но все ее звѣзда не закатилась—
 Отшельница изъ своего угла
 На мнѣнія вліяла и дѣла.

Къ обычному стремились поклоненью
 Къ ней Несторы правительственныхъ сферъ;
 Вступая въ свѣтъ, къ ея благословенью
 Являлися искатели карьеръ;
 Къ ней шли, къ ея прислушаться сужденью,
 Творцы реформъ по части новыхъ мѣръ,
 И отъ княжны имѣть имъ одобренье
 Бывало то жъ что выиграть сраженье....

Всѣ знали что ея слово одно
 Имѣло вѣсъ и слушалось мнѣнье
 Въ такихъ предѣлахъ, гдѣ не всѣмъ дано
 Имѣть и смѣть сказать свое сужденье....
 Конечно умъ тутъ много значилъ.... но
 Одишь ли умъ?... у васъ ужъ и сомнѣнье?
 О жалкій вѣкъ! Какъ скоръ твой приговоръ!
 Мерещится тебѣ лишь грязь, да соръ!

Нѣтъ-съ! ужь Парижъ, знатокъ по этой части,
 Выдавшій цвѣтъ сыновъ своихъ княжной
 Отвергнутыхъ, со всѣмъ ихъ пыломъ страсти,
 Клялся богами, небомъ и землею
 Что нѣжныхъ чувствъ она не знаетъ власти,
 Что передъ ней, въ досадѣ плача злой,
 Самъ Куликовъ, лукавый богъ и сѣрый,
 Разбилъ колчанъ и изломалъ всѣ стрѣлы!

Хоть хроника ладеній и любѣдь
 Для свѣта служить легкой лишь забавой,
 И не ледантъ онъ въ нравственности, свѣтъ,—
 Но высоко и достодождной славой
 Почтитъ онъ ту въ которой лянень нѣтъ!
 Всегда въ виду весталки величавой,
 Какъ въ оно время развращенный Римъ,
 Разстулится съ почтеніемъ нѣмцы!....

Княжна всю жизнь, какъ съ кованной броней,
 Гдѣ каждая блеститъ на солнцѣ грань,
 Сквозь этотъ міръ соблазновъ, предъ толпою
 Чиста какъ день прошла.... и отдалъ дайъ
 Ей гордый свѣтъ, упрочивъ за княжною
 До позднихъ дней названье chaste Diane....
 Былъ этотъ титулъ ей всего дороже,
 Она гордилась имъ.... и вдругъ.... о Боже!....

Нѣтъ! не могу!.... Ея вступленія въ свѣтъ
 Я не засталъ—но съ перваго мгновенія,
 При первой встрѣчѣ, юноша-поэтъ
 Былъ пораженъ.... Серіозность выраженія
 (Ее встрѣчалъ я не на балѣ, нѣтъ!
 Въ прогулкахъ, по утрамъ, въ уединеніи),
 Задумчивость, вдаль устремленный взоръ—
 По небу ль грусть, землѣ ль нѣмой укоръ?....

О, дальнія дорожки Моплезира....
 Или тѣнистый Царскосельскій садъ....
 И вдругъ—видѣнье неземнаго міра....
 Чуть слышно коки быстрые летать....
 О Пушкинъ!—думалъ я—твоя бы лира....
 Ты лишь умѣлъ, твой вдохновенный взглядъ,
 Вмигъ указать гдѣ божество во храмѣ,
 Вмигъ разгадать Мадонну въ свѣтской дамѣ!....

Признавше позднее.... Кляжна была
 Моимъ надолго тайнымъ идеаломъ....
 Трагической кончиной умерла—
 Трагедию жь смѣшали-со скандаломъ!
 Она всегда извѣстнаго числа
 Давала балъ, и передъ самымъ баломъ,
 Упалъ кумиръ, и что страшнѣй всего
 Съ нимъ рухнулъ образъ нравственный его!....

Да, падаютъ имперіи—но слава
 Переживаетъ. Уладеть храмъ,
 Но богъ въ немъ жившій составляетъ право
 На память и почетъ тѣмъ племенамъ
 Что съ именемъ его прошли какъ лава,
 Какъ Божій бичъ по сушѣ и морямъ....
 Но человекъ въ которомъ уважались
 Достоинства, котораго боялись

Лишь потому что онъ былъ совершенъ,
 Со всѣхъ сторонъ великъ и безупреченъ—
 И вдругъ внутри его лишь гниль и тлѣнь!....
 Но вѣтъ! Я не сужу!.... Кто безпороченъ?
 Въ паденіи, быть-можетъ, сокровявъ
 Глубокій смыслъ, и, можетъ-быть, улаченъ
 Имъ страшный долгъ.... а мы съ своимъ умомъ
 Въ чужой душѣ что смыслимъ? что прочтемъ?...

II.

На мѣстѣ я изъ первыхъ былъ. Успѣли
 Едва лишь подхватить ее—куафѣръ,
 Модистка и сложили на постели.
 На головѣ богатый былъ уборъ,
 А между тѣмъ глаза ужъ потускнѣли....
 А тутъ кругомъ блескъ лампъ, трюмо, приборъ
 Помадъ, духовъ и надо всѣмъ—незримый
 Изъ вѣчности посолъ неумолимый.

Да, этотъ гость былъ всѣмъ ощутимъ....
 Взглянулъ онъ всѣмъ въ глаза мертвящимъ взглядомъ,
 Всѣмъ, въ ужасѣ стоявшимъ тутъ живымъ....

И дрогнули подъ праздничнымъ нарядомъ
 У всѣхъ сердца.... Эхъ! шутимъ мы, трунимъ
 Надъ смертію, надъ судищемъ и адомъ,—
 А покажись чуть-чуть она—ей, ей,
 Раскланяться забудемъ даже съ ней!

Конечно все, какъ при внезапномъ громѣ,
 Что было дворъ, что около двора,
 Что приживало въ старомъ барскомъ домѣ,
 Все—въ будуаръ! явились доктора,
 Но, главное, при эдакомъ содомѣ,
 Швейцаръ, безъ ногъ и въ полыхахъ съ утра,
 И не въ домѣкъ чтобъ, при событіи этомъ,
 Отказывать являвшимся каретамъ.

И бальною, разряженной толпой
 Весь домъ наполнился. Толпа врывалась
 И въ будуаръ. При вѣсти роковой
 Цвѣты, брильянты, гасло все, казалось.
 Но надъ ломеркшей этой пестротой
 Одна фигура рѣзко отдѣлялась:
 Недвижно, руки на груди сложивъ,
 И—точно съ вызовомъ на бой—вперивъ

Въ покойную узорный взглядъ, стояла
 Одна предъ ней дѣвица. Все кругомъ
 Ее какъ будто въ страхѣ обѣгало.
 Чужимъ для всѣхъ, казалось, существомъ
 Она была и точно предвѣщала
 Что роковое.... Такъ передъ судомъ
 Господнимъ ангель, можетъ-быть, предстанетъ
 Намъ возвѣстить, что—се грядетъ и грянетъ....

Сравненіе это, впрочемъ, я схватилъ
 Такъ, на лету.... Передо мной ихъ много
 Въ тотъ мигъ какъ будто вихорь проносилъ.
 То вспоминалъ дельфійскаго я бога,
 Когда стрѣлу въ Писона онъ пустилъ,
 То Каина мнѣ чудилась тревога,
 Когда онъ смерть увидѣлъ въ первый разъ,
 Оставшись съ мертвымъ братомъ глазъ-на-глазъ....

Въ разрѣзъ со всѣмъ была дѣвица эта.
 Одѣта—самый будничныи нарядъ—

Въ суконномъ черномъ платьѣ, безъ корсета,
И волосы откинуты назадъ
А l'étudiant. Ни брошки ни браслета.
Всѣмъ уловить ея хотѣлось взгляды,
Хотѣлось угадать что въ ней творится.
Что на челѣ высокомъ отразится?

Но ничего—все тщетно!—не прочли!
Княжнѣ судьба какъ будто услужила,
Чтобъ угадать у мертвой не могли
Какая мысль въ послѣдній мигъ застыла
У ней въ лицѣ, подъ дымкой poudre de riz,—
Но та, живая, юная, таила,
Пожалуй, глубже чувства и вездѣ
Держалъ ихъ умъ въ натавнутой уздѣ....

А между тѣмъ хотѣлось такъ страстно
Ихъ допросить.... Не смерть ужъ тутъ одна,
Тутъ шепотъ пробѣгалъ еще ужасный....
„Какъ? Эта самая.... она.... она—
„Воспитанница эта—вотъ прекрасно!
„Она—ей дочь?... Возможно ли! княжна,
„La chaste Diane?... И такъ все скрыто было?
„И вотъ она-то, дочь, ее убила?...“

III.

И матери увозятъ дочерей
Скорѣ прочь. Во всѣ концы столицы
Летитъ толпа распугнутыхъ гостей;
Вѣстовщики помчались, вѣстовщицы,
Заволновался свѣтъ, и князь Андрей
Уже къ восходу розовой денницы,
Сообразя всѣ факты и слова,
Доказывалъ что все—какъ дважды два...

„Волевыми—сходство. Чуждыми глазами
Извѣстно отличался весь ихъ родъ.
Глаза княжны воспиты и стихами,
И очень мѣтко: „въ нихъ гроза живетъ.
„Когда въ душѣ все тихо—то надъ нами

„Зарницами играетъ—все цвѣтетъ,
„Смѣется вкругъ; но мысль одна царя саго—
„И молнія разрушить міръ готова!

„И счастье что надъ этою грозой
Сильна такъ власть ума и сердца.“—Это
Едва ль не самъ Гюго своей рукой
Вписалъ въ альбомъ княжны—два, три куплета,
У дѣвочки точь въ точь: и взгляда такой,
Зрачки того жъ измѣнчиваго цвѣта,
Рѣсницы только больше и острѣй,
И та же складочка между бровей.

„Засимъ—характеръ. Помните сравненье—
Вѣдь ваше—та была еще дитя—
Другъ противъ друга станутъ въ изумленьѣ,
Ужъ больше словъ какъ бы не находѣ—
Ну, такъ похожи какъ изображенье
Большаго Я и маленькаго я!
Въ обихѣ та жъ нелогичность, вѣтра
Въ себя и то жъ произношенье эра...

„Ну-съ, а когда бывало та поетъ,—
Вѣдь у княжны, мы помнимъ, на всю залу
Бывало сердце просто такъ ей бьетъ!
Ну-съ а когда“....—„Да будетъ! Ну пожалуй,
„Будь такъ, по-вашему!... Мы послѣ счетъ
„Сведемъ грѣхамъ и всякому скандалу!...
„Теперь же вспомните—вѣдь кто угасть?
„Кого не стало?... Лучшей между васъ!“...

О человѣкъ! о слабое творенье!
За честь княжны я обнажаю мечъ,
А въ самого ужъ крадется сомнѣнье,
И падаетъ на полусловъ рѣчь...
А если—да?... Какое откровенье!..
Но какъ же узелъ Гордіевъ разсѣчь?!..
Сравненье съ „Я“ мое; безъ мысли всякой—
Княжна тогда вся вспыхнула однако!

Но пусть какъ знаютъ и рѣшаютъ вопросы!
Одно я помню: сколько счастья, свѣта
Съ собою въ домъ ребенокъ этотъ внесъ!

Что красоты, гармоніи, привѣта
 Въ самой княжнѣ Богъ вѣсть отколь взялось!
 Ахъ, это былъ вѣнецъ ея разцвѣта!
 Всѣ думали тогда: „ну! влюблена!
 Да! наконецъ-то!“... Бѣдная княжна!...

Но маленькое „я“ все подрастало
 И начало тѣснить большое „Я“,
 И выше все головку подымало.
 Тутъ нуженъ сталъ ужъ высшій судія,
 И миротворцемъ явля выступала—
 Старушка крѣпкая, хотъ житія
 Подъ пятьдесятъ тогда ей вѣрно было:
 Она княжну вскормила и взростила.

Она, ввизу слыша только „бой“,
 Взойдетъ да покачаетъ головою,
 Да на княжну посмотритъ, какъ водой
 Ее обдастъ, и ласково рукою
 Потреласть двѣточку: „в ты, герой,
 Поди-ка, ловишься передъ княжною“,—
 И та на шею къ нянѣ, а потомъ
 Ужъ и княжнѣ, и плачутъ всѣ втроемъ...

Но эти бури только лишь скрѣпляли
 Сюзъ сердецъ. Уютна и тиха
 Текла ихъ жизнь, и въ ладъ сердца стучали
 Какъ два съ богатой риемою стиха.
 Одна росла; глаза другой читали
 Въ ея душѣ, и не было грѣха
 (Какіе же грѣхи!), ни мысли тайной,
 Чтобы отъ нихъ укрылись хотъ случайно!

И дивный миръ ихъ души наполнялъ,
 И все вокругъ сіяло чистотою,
 И къ нимъ входя порой я ощущалъ
 Что вотъ сейчасъ же, слугнутый лишь мнѣю,
 Отъ нихъ какъ будто ангелъ отлеталъ.....
 Княжна умѣла обладать собою,
 И хотъ ходилъ я къ нимъ съ доклада слугъ,—
 Въ ней точно легкій пробѣгалъ слугъ....

IV.

Ахъ, эти дни! Ужъ какъ они далеко!
 Я молодежь былъ... я принять былъ княжной
 Такъ, запросто.... О, какъ стоитъ высоко
 Она, всегда казалось, предо мною!
 Нѣтъ, свѣтъ ея не зналъ, я былъ глубоко
 Въ томъ убѣждать: лѣнясь красотою,
 Героя видитъ только въ полѣ боя!
 Нѣтъ, какъ онъ дома, посмотри героя!

И этотъ дѣдовскій, старинный домъ
 Въ одинъ этажъ какимъ-то властелиномъ
 Съ задумчиво нахмуреннымъ челомъ,
 Стоялъ съ своимъ высокимъ мезониномъ,
 Съ колоннами.... два льва передъ крыльцомъ...
 Теперь, увы! запаснымъ магазиномъ
 Иль складомъ служить, въ улицы же онъ
 Другимъ большимъ со сѣмъ загорелъ....

Внутри же эти залы—точно храмы
 Исторіи... Портреты вамъ твердятъ:
 Бендеры, Куинерсдорфъ, гдѣ самъ упрямый
 Великій Фридрихъ былъ разбитъ... весь рядъ,
 Все служить историческою рамой
 Жилымъ локоямъ, гдѣ „Армидинъ Садъ“,
 Какъ говорили, гдѣ ужъ шло движеніе
 Вокругъ самой, при новомъ освѣщеніи...

Но этотъ старый міръ въ пыли, въ тѣни,
 Изъ сумрака вѣковъ какъ бы глядящій
 Разумнымъ окомъ, въ шумѣ болтовни
 И смѣха строгій видъ одинъ хранящій,
 Лишь съ глазу на глазъ намъ про наши дни,
 Про насъ самихъ свой судъ произносящій—
 Княжна ихъ понимала ль?.. Да!.. Но какъ?
 По-своему... Одинъ тамъ былъ чудакъ,

Чудакъ совсѣмъ особеннаго рода,
 Не дѣдъ, и не отецъ—последній былъ
 Лихой гусаръ Двѣнадцатаго Года

И декабристъ—въ Парижѣ больше жилъ;
 Дѣдъ—вольтерьянедъ: вѣкъ такой ужъ, мода
 Тогда была. Нѣтъ; тотъ который слылъ
 При жизни чудакомъ,—глубоко читала
 Его княжна, хотъ часто говорила:

„Il me fait peur parlois, мой прадѣдъ—тотъ
 Чтѣ съ Фридрихомъ сражался. Онъ желѣзный
 Былъ человекъ; фантастъ во всемъ, деспотъ;
 Какъ на войнахъ ни пропасти, ни бездны
 Ему ничто, и самъ всегда впередъ,—
 Онъ для солдатъ былъ идолъ ихъ любезный—
 Таковъ и въ мирѣ! ужасъ наводилъ
 На цѣлый край! Чего ужъ не творилъ!

„Въ дому—гаремъ; дѣла по всѣмъ приказамъ,—
 И вдругъ онъ всю губернію зоветъ
 На пиръ. Всѣ ѣдутъ. Всѣ къ его приказамъ
 Привыкли. Ждутъ. И вотъ двѣнадцать бьетъ
 И въ черной ризѣ входитъ полъ. Все разомъ
 Смолкаетъ, музыканты, пиръ. Встаетъ
 Съ сидѣнья князь и—въ ноги всѣмъ, прощенья
 Прося за всѣ грѣхи и преступленья,

„Готямъ, жевъ и людямъ, въ ноги всѣмъ.
 Приносятъ гробъ—ложится. Полъ читаетъ
 Надъ нимъ отходную, и онъ затѣмъ
 Какъ бы совсѣмъ изъ міра исчезаетъ....
 Дверь на залоръ—и двадцать лѣтъ ни съ кѣмъ
 Не говоритъ, не видится. Вкушаетъ
 Лишь хлѣбъ съ водой. Когда же умеръ, тутъ
 На немъ нашли вериги слишкомъ въ людъ.

„En voilà un homme!...“ Да, въ человекѣ этомъ
 Та крѣпкая сказала старина,
 Чтѣ вынесла Россію.... Предъ портретомъ
 Подолагу такъ стоитъ порой княжна....
 На немъ онъ былъ изображенъ атлетомъ,
 Генералъ-аппефъ. Живопись темна,
 И лишь глаза, ихъ взглядъ невозмутимый,
 Ихъ каждый чувствовалъ кто шелъ лишь мимо.

„Смирися, нянька говорить о немъ,
И спласса.... и въ ея помятахъ это
Возможно и теперь.... прійти во всемъ
Покаяться и — умереть для свѣта!
Въ Ерусалимъ уйти, одной, лѣшкомъ...
Какъ просто все у нихъ! Все кѣмъ-то, гдѣ-то,
Уставлено....“ сказала разъ она....
Я думалъ: эй, хандрите вы, княжна!

А въ Крымъ поѣздка?... Жажда ль искупленья
Во дни войны туда ее вела?
Тамъ весь дворецъ она въ своемъ имѣньи
На берегахъ Салгира отдала
Подъ госпиталь.... что ангелъ воскресенья
Для страждущихъ у ихъ одра была....
Охъ, узнаю! подъ бранной лишь грозой
Становишься ты, Русь, сама собою!...

Геройскій духъ, что тамъ осуществилъ
Великую въ народахъ эпопею,
На всѣхъ свой отблескъ славный положилъ,
Всѣхъ озарилъ поэзіей своею...

Генералъ-аншефъ—что жъ, доволенъ былъ?
Доволенъ былъ и очень, думать смѣю!
Когда княжна изъ Крыма воротясь,
О тамошнихъ дѣлахъ вела разказъ,

О томъ какъ подъ огнемъ, на бастіонахъ,
Шутя со смертью, смѣхъ не умолкалъ;
Какъ наконецъ, въ виду враговъ смущенныхъ,
Нашъ старый вождь имъ городъ оставлялъ.
„Въ развалинахъ твердынь окровавленныхъ,“—
Суровый аншефъ точно повторялъ:
„Парижскій миръ—не велика проруха!
За нами главное: побѣда духа!...“

Съ загаромъ на лицѣ, душа полна
Невѣдомыхъ дотошъ впечатлѣній,
Какъ хороша тогда была княжна!
Что въ этотъ міръ ничтожныхъ тревоженій
Въ салонный свѣтъ свой принесла она
И новыхъ чувствъ, и новыхъ откровеній,
Душой святому подвигу ужъ разъ
Со всѣмъ народомъ купно причастясь!...

V.

А если—дочь?... такъ вотъ она, изнанка
И тайный смыслъ тревогамъ и слезамъ!
Такъ вотъ она какая „Итальянка!“
Въ Италиі подобрана, вишь тамъ!
Вотъ для кого нужна и Англичанка,
Француженка и Нямка—языкамъ,
Предметамъ обучать, а тамъ, съ годами,
Учителя—и что съ учителями!...

„Вотъ за дѣтей кто Богу дастъ отвѣтъ!“
Княжна, бывало: „ужь не то что Жени,
Большому огаулѣтъ!... j'en perds la tête!
Тотъ буквы ѣ и з, а тотъ спряженій
Не признаетъ!... Поззиу—ужь нѣтъ!
Однѣ, такъ вмѣсто всякихъ упражненій
Въ грамматикѣ, сталъ дѣвочку учить—
Да нѣтъ! о томъ мнѣ стыдно говорить!“

„Взяла другаго. Тѣмъ же началось?
Читать стихи далъ Пушкина „Поэтъ“,
И сдѣлалъ двѣсти тридцать два вопроса
Чтобъ дѣвочка на всѣ дала отвѣтъ.
На этомъ—годъ ученье уперлося!
Да всѣ поэты опротивятъ!... Нѣтъ,
Они — о прелести!—сдѣлали открытѣ,
Что нужны намъ не знанья, а—развитіе!“

Развитіе, впрочемъ, удалось,—хотя
Въ ущербъ грамматикѣ, и Музъ и Грацій.
Но что-то въ насъ проснулось, свѣта
Огнемъ въ глазахъ; мы все, безъ аллеллюцій,
Рѣшили въ мигъ; всѣ силы посвяти
Развитію смертныхъ безъ различья націй,
Мы стали „женщиной“ въ осымнадцать лѣтъ,
Въ которой все ново отъ А до Z.

Въ то время всѣ, Севастопольскимъ громомъ
Отъ гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ломомъ

Все старое, за всё его вины;
 Вдругъ очутились въ міръ незнакомѣ,
 Гдѣ свились всѣмъ блистательные сны,
 Свобода, правда, честность, просвѣщенье
 И даже—злыхъ сердцеъ перерожденье....

И у княжны сіялъ тогда салонъ;
 Сужденья были лаемны и смѣлы,—
 Но умѣрялъ ихъ вкусъ, хорошій тонъ,
 И знала мысль разумные предѣлы.
 Потомъ все въ стройный облеклось законъ,
 И жизнь пошла и началось дѣло,
 Корабль былъ спущенъ—лозунгъ кормчимъ данъ—
 И мы вошли въ безбрежный Океанъ....

Все Женя слушала и—не бѣда бы...,
 Но тутъ къ княжнѣ лаемнычекъ ходилъ,
 Блондинъ и золотушный мальчикъ, слабый
 И въ золотыхъ очкахъ. Онъ подружилъ
 Своихъ „сестричекъ“ съ Женей: „то-то бабы,
 Да-съ, Новая Россія!“—онъ твердилъ:
 „Не вѣженки, не шваль, не сибаритки!
 Все вынесутъ, и казематъ, и пытку!“

Смѣшныя были: садутъ всё кружкомъ
 Какъ заговорщики; такъ смотрятъ строго
 Изъ-подъ бровей и шелчутся тайкомъ.
 На все отвѣтъ короткій, словъ не много,
 Отрубятъ разъ, и ужъ стоятъ на томъ.
 Княжна терялась: рѣзкость мысли, слога,
 „Ужасный тонъ“ и эта брань на свѣтъ,
 Что это міръ фразерства, лжи, клеветъ....

„Откуда это? что это такое?
 Послушать ихъ, такъ всё мы только лжемъ,
 Живемъ чѣмъ жуировать! въ локоѣ
 И праздности! свой „ксмфортъ“ создаемъ
 На крови и костяхъ! а остальное—
 Народъ, le peuple, держимъ подъ ярмомъ
 Въ невѣжествѣ чтобъ намъ покорны были,—
 Народъ, который мы жь освободили!..“

„А о себѣ что думаютъ! какой
 При этомъ фанатизмъ! Въ огонь и воду
 Сейчасъ готовы! *жертвуютъ* собой!
 Увѣрены что бѣдному народу
 Въ нихъ лишь спасенье! Вѣкъ, вишь, золотой
 Откроютъ, братство, равенство, свободу!
 Ну—пусть племянникъ—онъ ужъ изъ лапѣй
 Былъ исключенъ,—но Женья? съ ней что, съ ней?“

Княжна терялась, и что день, то видитъ,
 Все хуже. Началось молчанье. Слоръ
 Лишь вспышками, бывало, только выйдетъ
 И помню разъ: „Всѣ эти толки вздоръ!“
 Княжна сказала съ жаромъ: „ненавидитъ
 Она меня—вотъ въ чемъ весь разговоръ!“
 И разрыдалась. Мнѣ досадно стало:
 Вѣдь малодушие только оказала!

VI.

Пропало все веселіе у насъ!
 Весь домъ затихъ, и пѣнье замолчало,
 И музыка какъ бы оборвалась,
 Какъ будто два хозяина въ немъ стало
 И надвое душа разодралась
 Что въ немъ жила и жизнь всему давала,
 И стало двѣ, и каждая съ враждой
 Слѣдить упорно всюду за другой....

„Хоть кто-нибудь прійдите, ради Бога,
 Да помогите!...“ Слава въ дни тѣ шла
 Про одного въ столицѣ педагога—
 Княжна тотчасъ его и позвала,
 Про умъ его наслышавшись много,
 А главное что велъ свои дѣла
 Онъ безъ ледяности, дѣйствуя съ успѣхомъ
 На молодежь пропѣй и смѣхомъ.

Ужъ былъ въ чинахъ и въ гору вдругъ лопель,
 Благодаря проекту пересадки

Какихъ-то къ намъ изъ-за границы школъ.
Введись-ка лланъ и всѣ его порядки,
Онъ, увѣряютъ, чудо бѣ произвелъ!
Вся бѣ наша Русь, отъ Прута до Камчатки,
Однообразіемъ лѣвая взглядъ,
Вся бѣ обратилась въ чудный дѣтскій садъ!

Прекрасная и смѣлая попытка
Уравновѣшенія духовныхъ силъ!
У насъ въ умахъ не стало-бѣ ни избытка,
Ни недостатка: все бѣ онъ устранилъ,
Всѣ бѣ ровно шли, ни вяло и не прытко.
И вотъ свой лланъ онъ въ общемъ изложилъ;
Потомъ, когда ужъ по его расчетамъ
Была пора, онъ ловкимъ поворотомъ

На главный пунктъ направилъ разговоръ,
Что молъ хаосъ вездѣ, раздоръ, тревога:
„Мальчишки—даже тѣ вошли въ задоръ,
Учителямъ толкуютъ что нѣтъ Бога,
Отечество, религія—все вздоръ!
Что требуютъ отъ нихъ ужъ слишкомъ много,
И, съ важностью взъерошивши вихри,
Шипать: одно спасенье—топоры!

„Пусть мальчишки бѣ одни, молокососы,—
Нѣтъ съ барышнями sprawy! Покидавъ
И музыку, и ляльцы, рѣжутъ косы,
И, какъ-то вдругъ свирѣло одичавъ,
Въ лицо кричатъ намъ: вы, молъ, Эскимосы,
У женщинъ все украли! Правъ намъ, правъ!
Работы намъ, разбойники, работы!...
Какъ будто мы-то трудимся съ охоты!...“

Онъ былъ доволенъ. Думалъ—удалось.
Смѣялся больше всѣхъ, но не смѣялась
Литъ молодежь; и только поднялось
Все общество какъ... еничка подкралась
И показала педагогу „нось“,
И съ хохотомъ на верхъ къ себѣ помчалась;
Блондинъ же хамкнулъ: „въ полдорогъ, братъ,
Глушцы да подлецы одни стоятъ.“

Какъ полководецъ потерявъ сраженье,
 Стоялъ нашъ риторъ.... Но грустныйъ всего
 Что вывела такое заключенье
 Потомъ княжна, по поводу его:
 „Пусть Жени неприлично проявленье,—
 Но въ сущности и стоить онъ того:
 Они все—красивые! кто такъ, изъ моды,
 Отъ глупости, кто лаутъ ужъ отъ природы.“

VII.

А занимала Женичка меня!...
 Былъ у княжны обѣдъ—кой-кто изъ свѣта
 И, между знаменитостями дня,
 Ея друзья, извѣстныхъ два поэта.
 Одинъ—онъ чудная душа! огня,
 Любви исполненъ, жаждалъ мира, свѣта,
 Могъ все смѣть, но презрѣлъ блескъ и шумъ,
 И предпочелъ свободу чистыхъ думъ....

Онъ горячо душой скорбѣлъ за долю
 Что Русскому народу суждена.
 Разбросанъ по лѣсамъ, прикованъ къ полю,
 Онъ искони и самъ, и вся страна
 Обречены на вѣчную неволю...
 Сперва—Орда!.. едва низложена,
 Встаетъ Москва—съ ней батоги и плаха,
 И какъ Молохъ царить лишь силой страха....

„Чѣмъ можемъ мы гордиться? гдѣ тутъ честь?
 Гдѣ рыцарство? Крестовые Походы?
 Гдѣ революціи святая мѣсть?
 Гдѣ истинны исканье и свободы?
 Что человечеству могла принести
 Россія въ даръ чтобы ее народы
 Благословить могли? Что создала?
 Угрозою лишь для нихъ всегда была!

„А жаль! Народъ съ душой какъ мѣръ широкой,
 Съ поэзіей, со страстью и умомъ!...“
 Все лопали порывъ души высокой,

И князь Андрей воскликнулъ съ торжествомъ:
 „Я говорю, заплатимся жестоко
 За гордость мы, и бѣды наживемъ:
 Дождутся эти наши самоучки,
 Что насъ возьмутъ, да въ Азію подъ ручки!“

Тутъ вышелъ споръ... Не чудно ли, ей-ей!
 Россія! ты—съ заоблачной главою
 Разлегшійся между пяти морей
 Чудесный сфинксъ,—а мы передъ тобою,
 Предъ вѣчною загадкою твоей,
 Кружимъ, жужжимъ подобно мошекъ рсю,
 И споримъ,—ты же, въ думу углубясь,
 Глядишь куда-то.... только не на насъ....

Другой поэтъ—онъ, голову понуря,
 Сидѣлъ и слушалъ, но въ душѣ его
 Ужъ видимо накапливалась буря...
 О, полное видѣній существо!
 Я какъ теперь гляжу: глаза зажмура,
 Какъ бы помимо зримаго всего,
 Ты въ глубь вѣковъ уносишься душою,
 И говоришь какъ будто самъ съ собою:

„Да, бѣдная Россія!... Лѣсъ и боръ,
 А съ юга—степь! Не обозрѣть равнину!
 И въ людяхъ: *родъ возста на родъ*, раздоръ,
Живящу бо по образу звѣрину....
 И вотъ туда идетъ съ Аеонскихъ горъ
 Смиренный инокъ, что *во челюсть львину*,
 И диарямъ являетъ идеалъ,
 Что на крестѣ Распятый міру далъ....

„Идетъ одинъ—въ лѣса, въ мѣста глухія—
 До Соловковъ—и край преображень!...
 Нахлынули народы кочевые,
 Встаетъ Исламъ и Пала, съ трехъ сторонъ
 Крушится все, крушится Византія,
 Но ужъ въ Москвѣ оллоть сооружень,
 И пробилъ часъ изъ мрака ей изыти
 Какъ третій Римъ, четвертому жъ не быти....

„И сталъ отсель ея народовъ духъ
 Единъ хранитель истины Христовой....
 Чтѣ жь? Продолжать?...“ Смотря съ улыбкой вокругъ
 Спросилъ поэтъ:—„Одно лишь, впрочемъ, слово!
 Мы—высшій свѣтъ—мы спрашиваемъ вдругъ
 Чтѣ создала Россія, и намъ нѣво,
 Въ чадѣ чужихъ идей забывъ свое
 Припомнить то чтѣ создало ея!...“

„Тамъ—силою мѣръ былъ сплоченъ феодальный
 И пестрый сбродъ племенъ въ одинъ народъ;
 Здѣсь весь народъ, дотолъ какъ бы олаальный
 Великое призванье сознаетъ,
 И ради той идеи колоссальной
 Онъ весь—отъ смерда до царя—идетъ
 И государству въ крѣпость отдается,
 И терпитъ все, лишь вѣра да спасется!“

„И вотъ предсталъ онъ въ образѣ Петра
 Предъ міромъ вдругъ какъ грозный триумфаторъ....
 Содрогся мѣръ: ужъ не пришла ль пора
 И ужъ идетъ Восточный императоръ?....
 Но тутъ и блескъ Версальскаго двора
 И Залада профессоръ и ораторъ
 Пафнвали насъ, повѣрили мы имъ,—
 Да на раздумьи грустномъ и стоимъ!...“

Поэтъ умолкъ. Въ его горячемъ словѣ
 Послышалась такая глубина
 Чтѣ смолкли всѣ.... „E pur si muove“,
 Послышалось—„и все идетъ она,
 Все та жь святая Русь, своей основѣ,
 Сама того не вѣдая, вѣрна!
 И все ей въ прокъ! Чтѣ нмиче такъ оставитъ,
 То завтра взять само себя ваставитъ“....

То высказалъ какой-то старичокъ,
 Когда-то бывшій консулъ на Востоцкѣ.
 Онъ продолжалъ: „Востоцкѣ—намъ свѣтъ Востоцкѣ!
 Въ Россіи—всѣ несемъ мы въ лотокъ;
 Намъ не видать куда летитъ потокъ,
 Чтѣ Океанъ могучій и широкій!
 Нѣтъ! встань на Гималай, смотри съ Балканъ,
 Лишь тамъ поймешь ты этотъ Океанъ!...“

Его слова затронули поэта,
 Онъ подхватилъ: „И только бѣ раздалось
 Съ высотъ Кремля и до высотъ Тайгета
 Одно слово,—и разрешенъ хаосъ!
 Слово—Восточный Императоръ“.... Это
 Я потому привелъ что весь вопросъ
 Тогда же предложилъ на обсужденіе
 Дѣвицъ, и Женя высказала мнѣнье:

„Нашъ вѣкъ—слова чеканила она—
 Вѣкъ личности. И разумъ, и свобода—
 Его девизъ. Былая жизнь должна
 Окончиться для всякаго народа;
 И будетъ жизнь людей вездѣ одна,
 Безъ государствъ и безъ различья рода
 И племени“.—„Коммуна, такъ-сказать?“
 „Какъ вамъ угодно можете назвать,

„А ужъ такъ будетъ.“—„Это ваша вѣра?“
 Спросилъ я.—„Математика“, отвѣтъ.
 „Я не люблю ханжи и лицемѣра,
 Но искренни тотъ и другой поэтъ,—
 Да старики!... Для нихъ свята химера
 Ихъ государства!... Тысячи вѣдъ лѣтъ
 Уходятъ на него умы, таланты...
 А про святыхъ онъ—ну ужъ, обскуранты!“

VII.

Потомъ я видѣлъ Женю только разъ.
 Кой-кто собрался. Свѣтская живая
 Шла болтовня, и Женя, наклонясь
 Въ углу между своихъ надъ чашкой чая,
 Ну—отпускать „слова“ на всѣхъ на насъ
 И вслухъ. „Какая же вы нынче злая“,
 Сказалъ я ей, смѣясь, какъ всѣ ушли.
 Она жъ запальчиво: „жгу корабли!“

Тотъ вечеръ былъ рѣшительный. Пролала
 Она изъ виду съ этихъ лоръ. Княжна
 Старалась скрыть отъ свѣта все, сначала.

Все вышло такъ: оставшиися одна,
 Ужь проводивъ гостей, она послала
 Позвать къ ней Женю. Въ этотъ разъ она
 Явилася тотчасъ же предъ княжною,
 Но—Боже!—какъ?.... Съ обрѣзанной косою!....

Княжна лишь ахнула. И вдругъ, въ сердцахъ:
 „Вонъ, стриженная, вонъ!“ Не дрогнувъ бровью,
 Та повернулась и пошла. Въ слезахъ
 Легла княжна въ постель. На утро—кровью
 Въ ней сердце облилось: нѣтъ Жени! страхъ,
 Двойкій страхъ: и полприще злословью,
 Да и жива ль?.... И какъ она могла?
 И отчего, зачѣмъ, куда ушла?...

Куда ушла!.... Въ невѣдомое море!
 Какъ утлый челнъ оторванный волной!
 Чтó жь манитъ такъ тебя въ его просторъ?
 Какую пристань видишь предъ собой,
 Безумная!.... Нѣтъ пристани! лишь горе
 Да вѣчное скитанье предъ тобой!
 И часъ прійдетъ—очнешься ты надъ бездной
 Разбитая, одна, во тьмѣ беззвѣздной....

Я говорилъ, но ужь трещалъ канатъ,
 Ужь вѣтеръ дулъ; она лишь улыбалась!
 Гремѣлъ громовъ далекихъ пережатъ,
 Въ ея глазахъ лишь лама разгоралось,
 И на меня поднявъ съ насмѣшкой взглядъ,
 Она хотѣла высказать, казалось:
 „Ты слышишь ли чтó сердце маѣ поетъ?
 Звучитъ ль лѣсъ мнѣ разумъ твой найдеть?....“

О, еслибы да нашъ не зачерствѣлый
 Въ сомнѣньяхъ умъ иную тему далъ,
 И сами бъ мы увѣренно и смѣло
 Держали путь на свѣтлый идеалъ,—
 Иную лѣсъ тогда бъ ей сердце пѣло,
 Иной бы вѣтеръ челнъ ея помчалъ!..
 Но развѣ въ насъ душа такъ обнищала,
 Чтó у самихъ у насъ нѣтъ идеала?

И, цвѣтъ народа, мы бредемъ въ лотьмахъ,
 И мечемся въ кругу какъ эфемеры,
 Безъ вѣрной цѣли, безъ любви въ сердцахъ.
 Безъ корня, безъ плода?.. Для насъ—химеры
 Добро и зло? и для всего въ рукахъ
 У каждаго свои вѣсы и мѣры?
 Нѣтъ идеала, нѣтъ того у насъ
 Что живо такъ въ инстинктѣ темныхъ массъ?

Нѣтъ, много ихъ, но служатъ лишь отзвонъ
 Всѣ на чужой! Побрежный людъ, должны
 Бороться мы безъ устали съ приливомъ
 Къ намъ издали катящейся волны...
 Взлетитъ къ намъ всплескъ неистовымъ порывомъ
 Богъ знаетъ гдѣ взмущенной глубины,
 Зальетъ поверхность, и, до новой смѣны,
 Уйдетъ, оставя гнить здѣсь клубы тѣны....

IX.

Отъ Жени, впрочемъ, на столѣ у ней
 Нашлась записка: „Рано или поздно
 Мы разоитись должны, и чѣмъ скорѣй
 Тѣмъ лучше. вмѣстѣ жить, глядѣть же розно—
 И тяжело и подаю. Изъ дѣтей
 Я вышла. Въ жизнь давно смотрю серьезно.
 Иду. Вамъ не понять чего ищу.
 Ищу я *правды*; правды лишь хочу“.
 И все.....

X

О какъ съ тѣхъ поръ всѣ измѣнились лица!
 И какъ неправъ къ княжнѣ я былъ! Она,
 Видалъ я, то какъ бѣшеная львица
 По комнатѣ металась: „Я сильна,
 Скажу лишь слово, и она, срамница,
 Ужъ будетъ здѣсь!... Я ѣзжу къ ней, княжна!
 Прошу, молю.... и что жъ я ей? Забава?
 Наладила одно:—У васъ нѣтъ права!“

Не то, такъ слезы, малодушный стонъ,
 Лицо въ подушку, и рыдаетъ страстно....
 Я изумленъ бывалъ и возмущенъ.
 Я думалъ: вотъ онъ, деслоть самовластный!
 Привыкла жить и не встрѣчать препонъ
 И вдругъ теперь отъ сироты несчастной
 Нашла отпоръ!... Конечно, права явтъ!
 Не дочь тебѣ и вышла ужъ изъ лѣтъ....

Но.... еслибъ знать что въ этихъ мукахъ лютыхъ
 Больное сердце матери скорбитъ;
 Что это—львица въ собственныхъ же путяхъ
 Захлестнута, босильная, лежитъ;
 Что въ этихъ горькихъ дняхъ, часахъ, минутахъ,
 Всей жизни дожь несчастную казнить....
 О какъ теперь все кажется иначе!
 Любви что было въ гнѣвѣ томъ и плачѣ!...

Любви!... И вотъ чего ей не понять:
 „Такъ измѣниться вдругъ!.. И отчего же?
 Ребенкомъ безъ меня не шла и спать,—
 Откуда жъ ненависть? за что? за что же?“
 Да, да, княжна! теперь могу сказать:
 Въ госпиталѣ вамъ легче было (Боже!),
 Гдѣ вольный крестъ на рамена взложивъ,
 Вы въ воздухѣ вдыхали кровь и тифъ!...

Такъ слишкомъ годъ прошелъ. О бѣгствѣ Жени
 Узнали всѣ, жалѣли о княжнѣ.

Сама она отъ первыхъ потрясеній
 Ужъ успокоилась, и даже мнѣ
 О ней ни слова. Впрочемъ на домъ твои
 Какъ будто пали. Въ мертвой тишинѣ
 Княжна какъ будто погреблась. Часами
 Сидитъ, схватить голову руками,

Не слышитъ ничего, не говоритъ....
 Или въ огромномъ залѣ ходить, ходить...
 Поѣдетъ вдругъ въ соборъ и тамъ стоитъ,
 Слустивъ вуаль; съ Пречистой взглядъ не сводить,
 И руки жметъ, душой вся къ Ней летитъ,
 И шепчетъ Ей, и точно не находитъ
 Словъ наконецъ, на помость уладеть....
 А вокругъ—кадилъ бряцанье... хоръ поетъ....

Такъ подошелъ и балъ. И какъ все было,
 Мнѣ куафѣръ разказывалъ потомъ.
 Княжна казалась въ духѣ, и шутила,
 Прической любовалась и вѣякомъ..
 Вдругъ входитъ та, да разомъ и хватила:
 „Позвольте документы о моемъ
 Рожденіи. Замужъ выхожу. Желаютъ
 Читать полны. Иначе не вѣячаютъ.“

Княжна глядитъ, недвижна и вѣяма.
 Та жъ, глазъ не опуская, безъ смущенья:
 „А не дадите, такъ пойду сама
 И разкажу все въ Третьемъ Отдѣленіи.
 Я знаю, чья я дочь.“—„Да ты съ ума
 Сошла! чья дочь!“—„Да ваша.“ Въ то жъ мгновенье,
 Глядимъ, княжна шатнулась: „Эдуаръ“,
 Кричитъ—„воды!“—И кончилась. Ударъ.

Тутъ шумъ и гвалтъ. Никакъ уже скандала
 Не избѣжать. Прихлынули толпой.
 Очнулась няня первая и стала
 Всѣхъ просто гнать. Тотчасъ, сама собой,
 Ставъ выше всѣхъ, одна уже вступала
 Въ безспорныя права надъ трупомъ тоѣ,
 Чтѣ ей младенцемъ, съ Божья изволенья,
 Была дана въ любовь и береженье.

Осталась только Женя какъ была,
 Да я промѣшкалъ нѣсколько мгновений.
 Крестясь, старуха къ трупу подошла.
 „Чего жъ стоишь, протись!“ сказала Жени.
 Та только тутъ какъ будто поняла.
 Въ лицѣ невольныхъ нѣсколько движеній,
 И вдругъ—что вижу?—Женя—Боже мой!....
 Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, какъ будто ледяная,
 Обрушилась внезапно надъ княжною,
 И страстно трупа холодный обнимая,
 Къ княжнѣ на грудь прижалась головою
 И плакала.... и плакать не мѣшая,
 Взглядъ на нее кидая лишь косою,
 Кругомъ старушка стала прибираться....
 Мнѣ долѣе не шло ужъ оставаться.. .

XI.

О, тутъ романъ и интересъ огромный,
 Я чувствовалъ.... Но нить ужъ порвана!
 Одинъ источникъ, но источникъ темный,
 Старушка яная, и притомъ она
 Къ княжнѣ пристрастна, вѣрный, не наемный,
 Старинный человѣкъ, и хоть умна,
 Но гдѣ жъ лопать ей высшихъ сферъ волненье,
 И тонкость чувствъ, и даже словъ значенье!...

Весь вѣкъ съ княжной, и страствовала съ ней
 И въ воды и по столицамъ міра,
 Видала жизньъ народовъ и людей
 До береговъ почти Гвадалквивира,
 Фортуны прихоти, игру страстей,
 Всего видала на вѣку, но мира
 Души ея ничто не потрясло,
 И, какъ миражъ, все мимо лишь прошло....

Ничто ее не подчинило игу
 Ни чуждыхъ формъ, ни вѣяній чужихъ;
 Неся свой крестъ какъ вольную веригу,
 Она жила все въ мірѣ душъ простыхъ,
 Гдѣ набожно одну читають книгу,
 Одной лишь вѣрятъ: Житія Святыхъ,
 Какъ встарь еще, въ блаженные тѣ вѣки,
 О внутреннемъ радѣя человѣкъ....

Но какъ же быть! Всѣ бросились къ ней
 Какъ на медовый цвѣтъ шмели и осы.
 „И какво жъ! представьте (князь Андрей
 Разказывалъ потомъ): на всѣ разспросы
 Насулилась, молчить! глядитъ темнѣй
 Чѣмъ изъ-подъ тучъ Каламовы утесы!
 Ужь я просилъ, все ставилъ ей на видъ,
 И соблазнялъ, и уличалъ,—молчить!“...

Я спрашивать не думалъ ужъ ни мало,
 И вообще, жалѣлъ лишь о княжнѣ.
 „Вотъ подивись, она мнѣ разказала:
 т. сxxxiii.

Вхожу къ ней утромъ. Вижу—вся въ огнѣ,
И говорить—какъ разъ канунъ былъ бала—
Я видѣла прадѣдушку во снѣ:
Что жь? говорю.—Да приходилъ за мною.
Ну полно, я олять, Господь съ тобою!

„Перекрестила, ну, молъ, ничего!
Анъ—вотъ и сонъ!“ Межь тѣмъ ужъ въ ходъ пустили
И телеграфъ, и почту; до всего
Дошли и все какъ должно разъяснили.
И князь Андрей скакалъ (о торжество!)
Разказывать какія вѣсти были
Получены имъ первымъ: въ мигъ одинъ
Онъ просіялъ и выросъ на аршинъ!

Я, кажется, безъ очерка оставилъ
Вамъ князь - Андрея? Впрочемъ про него
Что жъ и сказать? Себя онъ не прославилъ
Ничѣмъ, хотя честили всѣ его;
Ни чертъ лица особенныхъ, ни правилъ...
Милѣйшее былъ, впрочемъ, существо!
Княжна, его хоть въ шутку называла
Le Prince Tout-le Monde, но очень уважала.

„*Cette pauvre princesse!*“ онъ говорилъ: „какъ разъ
Tout est connu! Теперь все очень ясно!
Экстазъ, религіозный былъ экстазъ—
И—оскорбленье! Переходъ ужасный!
Душа искала лица, а у насъ
Гдѣ эта лица—да съ такою страстной
Притомъ натурой?... Ну-съ, въ Парижѣ былъ
Тому лѣтъ двадцать проповѣдникъ. Слылъ

„Онъ за святаго. Дѣлалъ обращенья
Во множествѣ. *Un saint François* собой,
Аскетъ, трапистъ. Княжнѣ какъ откровенье
Онъ свыше былъ. Всей бросилась душой
Въ католицизмъ. Ужъ всѣ приготовленья
Окончены, и вдругъ какъ громовой
Ударъ—уѣхала!.. И вотъ теперь—разгадка!
Faut convenir что сдѣлано все гладко!“

И радъ былъ, радъ и счастливъ князь Андрей.
Свѣтъ былъ не то что радъ, но злоязычю

Дать лицу радъ; радъ каждый былъ пигмей
Подставить ножку ладшему величию
(Самоуслада маленькихъ людей),—
Но вытѣшему не измѣнилъ приличью,
Въ глубокомъ траурѣ и въ орденахъ
На лысныхъ весь онъ былъ похоронахъ....

Шли рѣчи въ группахъ... образъ величавый
Еще въ сердцахъ у всѣхъ былъ какъ живой.
И кто ее замѣнитъ: столько здоровой
Въ ней было мысли, этотъ взглядъ прямой,
Возвышенный характеръ, вкусы, нравы....
Вопросъ же на счетъ Жени, судъ людской
Такъ порѣшилъ: „да! анекдотъ скабрѣзной,
Но ей вольно же брать все такъ серьезно!“

„Что анекдотъ! ну долгула струна,
Не въ этомъ дѣло!— слышалось сужденье—
Тутъ—историческій моментъ! Княжна—
Появившее его лишь выраженье.
Въ исторіи нѣтъ личностей. Одна
Идея смыслъ даетъ имъ и значенье“—
Сказалъ одинъ адъютантъ, конечно, вздоръ,
Но подхвативши этотъ приговоръ,

Москвичъ извѣстный—борода большая—
Припомнилъ вотъ что: кто-то разъ весной,
Княжну въ чужіе края провожая,
Сказалъ ей вслѣдъ: „поѣхала домой!...“
О Жени тоже что она „такая
Какъ и княжна, но только вѣкъ иной:
Въ нихъ въ каждой книжка говоритъ чужая,
Въ княжнѣ одна, а въ дѣвочкѣ другая.“

О Жени, кстати, отзывъ привелось
Иной мнѣ слышать. Встрѣтились „сестрички“,
И въ голосъ прокричали на вопросъ:
Что Женья?—„Сволочь! барскія привычки!
Разрушилась, какъ дѣйствовать пришлось!“
И вдаль помчались, стайкою какъ птички,
Какъ будто несъ ихъ вихорь-богатырь,
Что по Руси гуляетъ вдооль и вширь....

XII.

Итакъ—княжна.... Но—миръ во гробѣ спящимъ!
 И грѣхъ живымъ, идущимъ къ ихъ гробамъ
 Съ своимъ судомъ, лишь въ злобѣ дня судящимъ
 И въ похвальбѣ своимъ дѣламъ и днямъ!
 И мы, чредой, и съ нашимъ настоящимъ
 Предстанемъ всѣ къ такимъ же судиямъ....
 А кто безгрѣшенъ? Всѣ мы—человѣки!
 Миръ праху твоему, княжна, во вѣку!

Два слова, впрочемъ. Няня сорокъ дѣтъ
 Служила ланнихиды, все какъ надо.
 По случаю какихъ-то похоронъ
 Я съ нею встрѣтился. Казалось, рада,
 Что видитъ, ласковый, спокойный тонъ.
 Рѣчь о княжнѣ, конечно,—вотъ—отрада
 Была ей Жема, да и та.... „Да, да,
 Вздохнувъ она сказала—молода,

„Еще глула; ни что къ добру что къ худу—
 Понятъя нѣтъ!... Вонъ—замужъ-то идетъ:
 Я только такъ, молъ, съ нимъ и жить не буду!...
 Всѣ на нее теперь что вотъ, молъ, вотъ!...
 Дивятся дѣтской дури, словно чуду!
 Эхъ, другъ! *и небо, и земля пройдетъ,*
 А дурь-то вѣчная?... Минуетъ!
 Духъ у нея большой. Вотъ и бушуетъ...

„Княжна, бывало, по ночамъ не спить,
 За что, молъ, на меня-то держитъ злобу!
 А, чай, теперь въ нуждѣ какой сидитъ!
 Снеси-ка, денегъ дасть мнѣ, да попробуй,
 Пообразумь. Прийду: нѣтъ, говоритъ,
 И не могу! Нога моя до гробу
 Не будетъ къ вамъ. А денегъ—хоть умру,
 А не возьму.—Ну, въ эдакомъ жару,

„Гляжу, что дѣлать? Время только трачу!
 А бѣдность-то кругомъ: диванчикъ, столъ

Да стулъ—и все!... Вѣдь забрала жь задачу?
 Гостей встрѣчала у нея. Пришелъ
 Разъ цѣлый сонмъ. Галдятъ! А я-то плачу;
 Въ уголушкѣ сижу. Да съ кѣмъ тѣ свѣдъ
 Нелутный, говорю. Она жь:—Да, лутныхъ мало!
 Сама, лоди жь ты, это понимала....“

„А что телерь она?“—„Да какъ сказать!
 Никто какъ Богъ! Захочетъ, сердце тронетъ.
 Что гордость-то людская? Благодать,
 Земныхъ владыкъ, и тѣхъ главу приклонить!...“
 Тутъ, признаюсь, не съ тѣмъ чтобы болтать
 Ее заставить, я сказалъ: „прогонить
 Всю эту дурь, какъ разглядить, она—
 Какъ прогнала жь вѣдь латера княжна....“

Старушка на меня взглянула косо,
 И поднялася съ мѣста, отъ меня
 Боясь прямого можетъ-быть вопроса,
 Но обернулась.... Изумилъ я:
 Я чувствовалъ что скорби поднялося
 Въ ея душѣ!... И, голову склоня,
 „Коли судить, сказала мнѣ, берешься,—
 Слыхалъ ли то: не ладши, не спасешься?..“

„Затѣмъ—прости!“ И тихими шагами
 Вдаль побрела. Смотрѣлъ я долго вслѣдъ.
 Тутъ свѣжій холмъ усыпанный цвѣтами,
 Ея любовь и гордость столькихъ лѣтъ,
 Та что прошла побѣдными столами
 Свой въ мірѣ луть, вкругъ разливая свѣтъ,
 Дѣлая со *остми* блескъ, всѣ жизни розы,—
 Съ одной лишь съ ней—страданія и слезы.

Но отчего жь?... И кто ей указалъ?...
 Та для кого великія стремленья
 И всякій высшій вѣка идеалъ
 Доступенъ былъ и близокъ,—утѣшенье
 Нашла лишь тамъ куда не проникалъ
 Ни блескъ, ни шумъ всемірнаго движенія,
 Гдѣ теплится лампада да однѣ
 Лишь теплются молитвы въ тишинѣ....

Пылинка влаги, въ небеса взлетая,
Тамъ золотомъ горитъ и серебромъ,
То въ радугахъ цвѣта переливая,
То разнося и молнію, и громъ....
Отбуживавъ и отблоставъ, кончая
Свой горній путь, теряется потомъ
Въ бездонныхъ глубинахъ, гдѣ отъ начала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шквала....

Счастливы, тысячекратъ счастливы народъ,
Въ чьемъ духѣ есть тѣ жь глубины сватыя,
Невозмутимыя и въ дни невзгодъ,
Гдѣ всякія страданія земныя
Врачуются, гдѣ разумъ обрѣтеть
И нищій духомъ на дѣла благія,
Затѣмъ что тамъ отъ искони вѣковъ
Царить всецѣло чистый духъ Христовъ.

А. МАЙКОВЪ.

КРИТИКА ОТВЛЕЧЕННЫХ НАЧАЛЪ *

Х. Ученіе о различіи эмпирическаго и умопостижимаго характера и о совмѣстимости феноменальной необходимости съ трансцендентальною свободою.

Въ опытѣ мы имѣемъ только дѣйствительныя явленія. Наши дѣйствія и самая наша воля, съ эмпирической точки зрѣнія, суть только явленія, и въ этомъ смыслѣ они подлежатъ безусловной власти закона причинности или достаточнаго основанія, т.-е. они безусловно необходимы. Законъ причинности и слѣдовательно необходимость есть общій, неизбѣжный законъ явленій какъ явленій, но уже для здраваго смысла ясно различіе между явленіями и существующимъ само по себѣ. Всякое явленіе есть представленіе и предполагаетъ дѣйствіе являющагося на другое, въ которомъ оно вызываетъ это представленіе или для котораго оно становится явленіемъ. Ясно при этомъ что и являющееся, и то для котораго оно является, существуютъ помимо этого сами по себѣ, и что слѣдовательно ихъ существованіе не исчерпывается ихъ являемостью. Но такъ какъ опытное знаніе о чемъ-нибудь возможно лишь

поскольку это что-нибудь заявило свое существованіе или проявилось, т.-е. стало явленіемъ, то опытнымъ или эмпирическимъ образомъ мы можемъ познавать исключительно только явленія, и слѣдовательно всѣ законы которые мы знаемъ изъ опыта суть только общіе законы явленій.

Если человѣкъ, какъ и все другое, будучи явленіемъ, въ то же время есть и сущее въ себѣ, то его существованіе должно опредѣляться двоякаго рода законами, и если какъ явленіе въ опытѣ существованіе его и дѣйствія подчинены безусловною необходимостью законамъ причинности, какъ законамъ явленій, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ по отношенію къ нему какъ въ себѣ сущему.

Въ отношеніи всего существующаго можно мыслить лишь два закона или двѣ причинности: причинность *природы* и причинность *свободы*. Первая есть соединеніе извѣстнаго состоянія съ предшествующимъ въ чувственномъ мірѣ, по которому послѣдующее состояніе необходимо слѣдуетъ за предыдущимъ, согласно извѣстному постоянному правилу.

Такъ какъ причинность явленій основывается на условіи времени, и прежнее состояніе, еслибъ оно существовало всегда, не могло бы произвести дѣйствія начинающагося во времени, то причина дѣйствія всего совершающагося или происходящаго во времени также *произошла* и согласно разсудочному закону нуждается сама въ причинѣ *.

Подъ свободой, напротивъ, разумѣется способность начинать само собою извѣстное состояніе, котораго причинность такимъ образомъ не стоитъ по естественному закону оять подъ другою причиной опредѣляющее ее во времени. Свобода въ этомъ смыслѣ есть чисто трансцендентальная идея, которая, во первыхъ, не содержитъ въ себѣ ничего взятаго изъ опыта, и во вторыхъ, самый предметъ ея не можетъ быть данъ опредѣленно ни въ какомъ опытѣ, такъ какъ это есть всеобщій законъ самой возможности какого бы то ни было опыта, чтобы все совершающееся имѣло необходимо причину, а слѣдовательно и дѣйствующая сила самой причины, какъ нѣчто совершившееся или происшедшее, оять должна имѣть свою причину, посредствомъ чего вся область опыта, какъ бы далеко ояъ

* Kant, *Kritik der reinen Vernunft*, Kirchmann's Ausgabe, Berlin. 1868, стр. 435.

на простирался, превращается въ совокупность одной природы. Но такъ какъ отсюда не можетъ получиться никакой абсолютной дѣлности условій въ причинномъ отношеніи, такъ какъ является нескончаемый или никогда не замыкающійся рядъ опредѣляющихъ одна другую причинъ, то разумъ необходимо приходитъ къ идеѣ самопроизвольности или способности къ самодѣятельности, то-есть дѣйствию безъ предшествующей причины. Замѣчательно что на этой трансцендентальной идеѣ свободы основывается ея практическое понятіе, и присутствіе этой трансцендентальной идеи въ практическомъ вопросѣ обуславливаетъ всѣ тѣ трудности которыя всегда его окружаютъ *. Легко видѣть что еслибы всякая причинность въ мірѣ сводилась къ естественной необходимости, то всякое событіе было бы опредѣлено другимъ во времени по необходимымъ законамъ. И слѣдовательно такъ какъ явленія, поскольку они опредѣляютъ волю, должны бы были сдѣлать всякое дѣйствіе безусловно необходимымъ какъ ихъ естественное слѣдствіе, то устраненіе трансцендентальной свободы уничтожило бы разомъ и всю практическую свободу, ибо эта послѣдняя предполагаетъ что явленіе, хоть оно и не случилось, однако должно было случиться, и слѣдовательно его причина въ явленіи не была настолько опредѣляющею чтобы въ нашей волѣ не находилась другая причинность, независимая отъ тѣхъ естественныхъ причинъ, и по которой мы могли бы, вопреки силѣ и вліянію этихъ послѣднихъ, произвести сами изъ себя новый рядъ событій.

Такимъ образомъ здѣсь случится то что всегда бываетъ, когда разумъ принужденъ перейти за границы всякаго возможнаго опыта (такъ такъ опытъ говоритъ намъ лишь о томъ что въ дѣйствительности случилось, а не о томъ что могло и должно было случиться, но не произошло): задача перестаетъ быть физическою или психологическою, а становится трансцендентальною. Поэтому вопросъ о возможности свободы, хотя касается психологіи, но такъ какъ онъ долженъ разрѣшиться діалектическими доводами чистаго разума, то онъ принадлежитъ собственно трансцендентальной философіи. **

* Kant, *Kritik d. r. Vern.* стр. 436.

** Kant, *Krit. d. r. Vern.* 437.

Еслибъ явленія были существующими сами по себѣ или вещами по себѣ и такимъ образомъ пространство и время, составляющія общую форму явленій, были бы формами существованія самыхъ вещей, тогда условіе съ обусловленнымъ принадлежали бы всегда какъ члены къ одному и тому же ряду, а отсюда и въ настоящемъ случаѣ произошла бы та антиномія которая присуща всѣмъ трансцендентальнымъ идеямъ, именно что съ одной стороны рядъ являлся бы безконечнымъ и слѣдовательно не было бы полной цѣлости условій, а съ другой стороны не было бы никакого основанія опредѣленнымъ образомъ ограничить этотъ рядъ, такъ что онъ является для разсудка необходимо или слишкомъ большимъ или слишкомъ малымъ.

Но динамическія понятія, съ которыми приходится имѣть дѣло въ вопросѣ о свободѣ, имѣютъ ту особенность что такъ какъ они относятся не къ какому-нибудь предмету, рассматриваемому какъ величина, а лишь къ самому существованію предмета, то можно отвѣстись отъ величинъ ряда условій, и здѣсь имѣетъ значеніе лишь динамическое отношеніе условія къ обусловленному. Такъ что въ этомъ вопросѣ мы имѣемъ ту трудность что нужно рѣшить возможна ли свобода вообще, и что если она возможна, то можетъ ли она быть совмѣстна со всеобщностью естественнаго закона причинности, слѣдовательно есть ли это правильно раздѣлительное сужденіе что всякое дѣйствіе въ мірѣ должно происходить или изъ природы или изъ свободы, а не должно ли допустить напротивъ что при одномъ и томъ же событіи и то и другое можетъ одинаково имѣть мѣсто въ различномъ только отношеніи.

Правильность того основоположенія что всѣ событія или явленія въ чувственномъ мірѣ находятся въ совершенной связи, по неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, правильность этого основоположенія не подвергается сомнѣнію. Вопросъ только въ томъ, можетъ ли несмотря на это, въ одномъ и томъ же дѣйствіи, которое опредѣляется природою, имѣть также мѣсто и свобода, или же эта послѣдняя исключается естественнымъ закономъ? При рѣшеніи этого вопроса прежде всего оказываетъ дурное вліяніе общее, но тѣмъ не менѣе ошибочное предположеніе объ абсолютной реальности явленій, ибо если явленія имѣютъ абсолютную реальность, т.е. суть вещи по себѣ, тогда свобода очевидно

не имѣеть мѣста, тогда природа есть полная и самодовольствующая причина всякаго событія, и условія этого событія каждый разъ содержатся лишь въ рядѣ явленій которыя вмѣстѣ съ ихъ дѣйствіями необходимо опредѣляются естественными законами.

Если же напротивъ признать явленія лишь за то что они въ дѣйствительности суть, то-есть лишь за представленія, * а не вещи сами по себѣ, представленія связанныя по эмпирическимъ законамъ, тогда они должны имѣть сами такія основанія которыя уже не суть явленія. Но такое умопостигаемое, т.-е. не феноменальное или не эмпирическое основаніе уже не можетъ опредѣляться, относительно своей причинности, чрезъ явленія, хотя дѣйствія его являюся и такимъ образомъ могутъ опредѣляться другими явленіями.

Такимъ образомъ эта умопостигаемая причина вмѣстѣ со своею дѣйствующею силою находится внѣ ряда; дѣйствія же ея напротивъ находятся въ ряду эмпирическихъ условій. Слѣдовательно одно и то же дѣйствіе по отношенію къ его умопостигаемой причинѣ можетъ разсматриваться какъ свободное, по отношенію же къ явленіямъ, съ которыми оно связано, оно подлежитъ необходимости природы.

Это различіе въ такомъ общемъ и отвлеченномъ видѣ кажется въ высшей степени тонкимъ и темнымъ, но въ примѣненіи оно выясняется. Здѣсь я хотѣлъ только замѣтить что такъ какъ вообще связь всѣхъ явленій въ контекстѣ природы есть непреложный законъ, то онъ необходимо опровергалъ бы всякую свободу еслибы только нужно было признавать исключительную реальность явленій. Поэтому тѣ кто въ этомъ предметѣ держатся общаго мнѣнія или общихъ предразсудковъ, никогда не могутъ достигнуть того чтобы примирить природу со свободой. **

То что въ извѣстномъ предметѣ не есть явленіе и слѣдовательно не подлежитъ опыту я называю *умопостигаемымъ*. Если такимъ образомъ извѣстное существо, которое въ чувственномъ мірѣ должно разсматриваться какъ явленіе,

* Что явленія суть представленія это положеніе можетъ быть выяснено и доказано только при разсмотрѣніи теоретическаго вопроса объ истинѣ сущаго. Пока достаточно и условнаго признанія этого положенія какъ предположенія.

** Kant, *Krit. d. r. Vern.* 437—439.

вѣсть съ тѣмъ само по себѣ имѣть способность неподлежащую чувственному опыту, посредствомъ которой (способности) оно можетъ однако быть причиной явленій, то эту способность, или эту причинность такого существа, можно разсматривать съ двухъ сторонъ: вопервыхъ, какъ умолостигаемую по ея внутреннему акту какъ существа самого по себѣ, и вовторыхъ, какъ чувственную или феноменальную по вѣшнему ея дѣйствию какъ явленію въ чувственномъ мірѣ. Такимъ образомъ, о способности такого субъекта мы составимъ себѣ эмпирическое и вѣсть съ тѣмъ умолостигаемое понятіе которыя сойдутся въ одномъ и томъ же дѣйстви. Такая двусторонность при представленіи способности чувственнаго предмета не противорѣчитъ никакому изъ тѣхъ понятій которыя мы должны составить себѣ о явленіяхъ и о возможномъ опытѣ; ибо такъ какъ эти познаваемыя въ опытѣ явленія не суть вещи сами по себѣ, и слѣдовательно они должны имѣть въ своей основѣ нѣкоторый иной, трансцендентальный предметъ, который опредѣляетъ ихъ какъ только представленія, то ничто не препятствуетъ намъ придать этому трансцендентальному предмету, кромѣ того свойства чрезъ которое онъ является, еще нѣкоторую причинность которая уже не есть явленіе, хотя дѣйствіе этой причинности находится въ явленіи.

Но всякая дѣйствующая причина должна имѣть нѣкоторый *характеръ*, т.-е. законъ ея причинности, безъ котораго она не можетъ быть причиной. И въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть у извѣстнаго субъекта чувственнаго міра, вопервыхъ, нѣкоторый эмпирический характеръ чрезъ который его дѣйствія находятся въ связи, какъ явленія, съ другими явленіями по постояннымъ естественнымъ законамъ и могутъ быть изъ этихъ явленій выведены какъ изъ своихъ условій, составляя такимъ образомъ съ ними членъ одного ряда въ естественномъ порядкѣ; вовторыхъ, должны будемъ допустить у того же субъекта нѣкоторый умолостигаемый или идеальный характеръ, посредствомъ котораго онъ хоть и есть причина того дѣйствія какъ явленія, но который (характеръ) не находится ни подъ какими условіями чувственности и не есть самъ явленіе. Можно также первый характеръ назвать характеромъ этого существа или субъекта въ явленіи, второй же характеромъ его какъ вещи самой по себѣ.

Этотъ дѣйствующій субъектъ по своему умопостигаемому характеру не будетъ стоять такимъ образомъ ни подъ какими условіями времени, ибо время есть лишь условіе явленій, а не вещей самихъ по себѣ; въ немъ никакое дѣйствіе не будетъ *происходить* или начинаться и не будетъ *преходить* или исчезать и такимъ образомъ онъ не будетъ подчиненъ закону всѣхъ временныхъ опредѣленій, всего измѣнчиваго, въ силу котораго все совершающееся находитъ свою причину въ явленіяхъ (предыдущаго состоянія). Однимъ словомъ, его причинность, поскольку она есть умопостигаемая, не будетъ стоять въ ряду эмпирическихъ условій, которыя дѣлаютъ событіе необходимымъ въ чувственномъ мірѣ. Разумѣется, этотъ умопостигаемый характеръ не можетъ никогда быть познанъ непосредственно, такъ какъ мы не можемъ воспринять что-нибудь иначе какъ лишь поскольку оно является. Но этотъ умопостигаемый характеръ долженъ мыслиться въ нѣкоторомъ отношеніи къ эмпирическому, поскольку мы вообще должны класть извѣстный трансцендентальный предметъ въ основу явленій, хотя мы и не знаемъ объ этомъ предметѣ что онъ есть самъ въ себѣ. *

Слѣдовательно по эмпирическому своему характеру этотъ субъектъ, какъ явленіе, подчиненъ всѣмъ законамъ явленій, которые сводятся къ причинной связи, и постольку онъ есть не что иное какъ часть чувственнаго міра, дѣйствія которой также какъ всякое другое явленіе неизбежно слѣдуютъ изъ ея природы. Сообразно вліянію внѣшнихъ явленій на этотъ субъектъ—разъ мы узнаемъ его эмпирическій характеръ, то-есть законъ его причинности, посредствомъ опыта,—всѣ его дѣйствія должны быть объясняемы по естественнымъ законамъ и все требуемое для полного и необходимаго опредѣленія этихъ дѣйствій должно быть найдено въ возможномъ опытѣ. Но по умопостигаемому характеру его (хотя о немъ мы ничего не знаемъ кромѣ его общаго понятія) тотъ же самый субъектъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ вліяній чувственности и опредѣленія чрезъ явленія, и такъ какъ въ немъ поскольку онъ есть *Noumenon*, ничто не совершается, не находится никакое измѣненіе, для котораго требовалось бы динамическое

* Kant, *Kr. d. r. V.* 440.

опредѣленіе во времени, слѣдовательно въ немъ нѣтъ никакой связи съ явленіями какъ причинами, то такимъ образомъ это дѣйствующее существо тѣмъ самымъ независимо и свободно въ своихъ дѣйствіяхъ отъ всякой естественной необходимости, которая встрѣчается только въ мірѣ явленій или чувственномъ мірѣ. О немъ въ этомъ смыслѣ можно совершенно вѣрно сказать что оно само начинаетъ свои дѣйствія въ чувственномъ мірѣ, безъ того однако чтобы дѣйствія начинались въ немъ самомъ, и это будетъ имѣть силу несмотря на то что дѣйствія въ чувственномъ мірѣ не начинаются сами собою, такъ какъ они въ немъ всегда заранѣе опредѣлены эмпирическими условіями предыдущаго времени (но однако лишь посредствомъ эмпирическаго характера, который есть лишь явленіе характера умолостижимаго) и съ этой стороны являются лишь продолженіемъ ряда естественныхъ причинъ. Такимъ образомъ свобода и природа, каждая въ полномъ своемъ значеніи, безъ всякаго противорѣчія, могутъ быть вразѣ найдены въ однихъ и тѣхъ же дѣйствіяхъ, смотря по тому сравниваютъ ли ихъ (дѣйствія) съ ихъ умолостижаемою или же съ ихъ чувственною причиною. *

Естественный законъ, что все совершающееся имѣетъ причину и что сама эта причина какъ дѣйствующая во времени опредѣляется къ своему дѣйствию другою причиною, составляющею опять нѣкоторое явленіе во времени, и что слѣдовательно всѣ событія или факты эмпирически опредѣлены въ нѣкоторомъ естественномъ порядкѣ,—этотъ законъ, чрезъ который только явленія составляютъ природу и даютъ предметы нѣкотораго опыта, есть разсудочный законъ, отъ котораго непозволительно отступать ни подъ какимъ предлогомъ или исключать изъ него какое бы то ни было явленіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ это явленіе было бы поставлено внѣ всякаго возможнаго опыта, чрезъ это отличено отъ всѣхъ предметовъ возможнаго опыта и сдѣлано такимъ образомъ простымъ être de raison или вымысломъ. **

Здѣсь такимъ образомъ является вопросъ: признавая въ цѣломъ ряду всѣхъ событій исключительно естественную

* Kant, *Kr. d. r.* V. 441.

** Kant, *Kr. d. r.* V. 442.

необходимость, возможно ли однако этотъ самый рядъ событий, который съ одной стороны есть лишь дѣйствіе природы, признавать съ другой стороны какъ свободное дѣйствіе, или же между этими двумя родами причинностей находится прямое противорѣчіе?

Между причинами въ явленіи безспорно не можетъ быть ничего такого что могло бы прямо и само по себѣ начинать рядъ событий. Всякое дѣйствіе, какъ явленіе, поскольку оно производитъ событие, само есть событіе или происшествіе, предполагающее другое состояніе, въ которомъ находится причина, и такимъ образомъ все что совершается есть лишь продолженіе ряда, начало же само себя опредѣляющее здѣсь невозможно. Такимъ образомъ всѣ акты естественныхъ причинъ во временномъ ряду суть сами лишь слѣдствія предполагающія точно также свои причины въ этомъ временномъ ряду; первоначальный же актъ, чрезъ который совершается нечто такое чего прежде не было, не можетъ быть ожидаемъ отъ причинной связи явленій. Но есть ли необходимость чтобы если дѣйствія суть явленія, дѣйствующая сила ихъ причины, которая (именно причина) сама есть также явленіе, чтобы эта дѣйствующая сила была исключительно эмпирическою? И не возможно ли, напротивъ, чтобы, хотя для всякаго дѣйствія въ явленіи требуется связь съ его причиною, по законамъ эмпирической причинности, чтобы сама эта эмпирическая причинность, нисколько не нарушая своей связи съ естественными причинами, была однако дѣйствіемъ въ некоторой не эмпирической, а умолостигаемой причинности, то-есть въ некотораго по отношенію къ явленіямъ первоначальнаго акта извѣстной причины, которая такимъ образомъ въ силу этой своей способности не есть уже явленіе, но умолостигаемая причина, хотя по своему дѣйствию въ чувственномъ мірѣ она совершенно принадлежитъ какъ звено къ общей естественной цѣли *. Законъ причинности явленій связующій ихъ между собою необходимъ для того чтобы можно было искать и находить для естественныхъ событий естественныя условія, т.-е. причины въ явленіи.

Когда это признано и не ослаблено никакимъ исключеніемъ, то разсудокъ, который въ своемъ эмпирическомъ примѣ-

* Kant, *Kr. d. r.* V. 443.

неніи ничего не видитъ во всемъ происходящемъ кромѣ природы и имѣетъ на это право, тогда разсудокъ, говорю я, имѣетъ все чего онъ можетъ требовать, и физическія объясненія идутъ своимъ чередомъ безо всякой помѣхи. И ему не наносится никакого ущерба, если признать что между естественными причинами находятся и такія которыя помимо своего естественнаго отношенія и связи съ явленіями имѣютъ еще такую способность которой принадлежитъ лишь умолостигаемое значеніе, поскольку опредѣленіе ея къ дѣйствию никогда не основывается на эмпирическихъ условіяхъ, но на однихъ основаніяхъ ума, такъ однако что дѣйствіе этой причины въ явленіи сообразно со всеми законами эмпирической причинности. Ибо при этомъ дѣйствующій субъектъ какъ causa phaenomenon будетъ неразрывно связанъ съ природою по зависимости всѣхъ своихъ дѣйствій отъ естественныхъ условій, и лишь по-мимо этого субъекта (со всею причинностью его въ явленіи) будетъ содержать въ себѣ нѣкоторыя условія которыя, если мы захотимъ перейти отъ эмпирическаго предмета къ трансцендентальному, должны быть признаны какъ только умолостигаемая. Ибо если мы въ томъ что можетъ быть между явленіями причиною слѣдуемъ естественному правилу, то мы можемъ не заботиться о томъ что въ трансцендентальномъ субъектѣ (который намъ эмпирически неизвѣстенъ) можетъ быть мыслимо какъ основаніе этихъ явленій и ихъ связи. Это умолостигаемое основаніе насколько не касается эмпирическаго вопроса, но относится лишь къ мышленію въ чистомъ умѣ; дѣйствія же этого мышленія находимыя въ явленіяхъ хотя и связаны съ умолостигаемою причиною, однако они должны тѣмъ не менѣе совершенно объясняться съ эмпирической стороны изъ ихъ причинъ въ явленіяхъ, по естественнымъ законамъ, поскольку мы ограничиваемся эмпирическимъ характеромъ какъ послѣднимъ основаніемъ объясненія, и оставляемъ въ сторонѣ умолостигаемый характеръ, который есть трансцендентальная причина эмпирическаго. Примѣнимъ это къ опыту.

Человѣкъ есть одно изъ явленій чувственнаго міра и по-стольку одна изъ естественныхъ причинъ, дѣйствующая сила которой должна находиться подъ эмпирическими законами. Въ этомъ смыслѣ долженъ онъ также какъ и всѣ

другія естественныя вещи имѣть нѣкоторый эмпирическій характеръ. Мы замѣчаемъ этотъ послѣдній въ силахъ и способностяхъ, которыя онъ обнаруживаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ неодушевленной или только животное-одушевленной природѣ мы не находимъ никакого основанія мыслить какую-нибудь способность иначе какъ лишь чувственно опредѣленную. Но человѣкъ, который цѣлую природу познаетъ лишь посредствомъ чувствъ, самъ себя познаетъ еще чрезъ внутреннее воспріятіе, именно въ дѣйствіяхъ и внутреннихъ опредѣленіяхъ которыя онъ никакъ не можетъ причислить ко впечатлѣніямъ чувствъ и есть такимъ образомъ самъ для себя частью явленіе, частью, именно относительно извѣстныхъ способностей, лишь умопостигаемый предметъ, такъ какъ дѣйствіе этихъ способностей никакъ не можетъ быть причислено къ воспріятіямъ чувственности: мы назовемъ эти способности разсудкомъ и разумомъ. Въ особенности этотъ послѣдній по преимуществу отличается отъ всѣхъ эмпирически обусловленныхъ силъ, такъ какъ онъ оцѣниваетъ свои предметы лишь по идеямъ*.

Что этотъ разумъ имѣетъ причинную силу, что во всякомъ случаѣ мы можемъ представить себѣ такую причинность разума, это очевидно изъ императивовъ которые мы ставимъ во всемъ практическомъ какъ правило для дѣйствующихъ силъ. *Долженствованіе* (das Sollen) выражаетъ необходимость и связь съ такими основаніями которыя во всей остальной природѣ не встрѣчаются. Въ этой природѣ разсудокъ можетъ познавать лишь то что есть или было, или будетъ; но невозможно чтобы въ этой природѣ что-нибудь *должно было быть* иначе чѣмъ оно въ дѣйствительности есть въ своемъ временномъ явленіи. *Долженствованіе*, если имѣть въ виду только теченіе природы, не имѣетъ рѣшительно никакого смысла и значенія; мы совсѣмъ не можемъ спрашивать, что *должно* совершаться въ природѣ, также какъ мы не можемъ спрашивать, какія свойства *должны* имѣть кругъ; мы можемъ только спрашивать что *совершается* въ природѣ, или какія свойства *имѣетъ* кругъ. Это *долженствованіе* выражаетъ возможное дѣйствіе, основаніе котораго есть не что иное какъ чистое

* Kant, Kr. d. r. V. 444—5.

понятіе, тогда какъ напротивъ основаніе всякаго естественнаго событія какъ такого необходимо есть явленіе. Разумѣется и дѣйствія по императивамъ должны быть возможныы подѣ естественными условіями, но эти естественныя условія не касаются самаго опредѣленія воли, а лишь дѣйствія и результата его въ явленіи. Могутъ быть сколько угодно естественныхъ основаній которыя побуждаютъ меня къ хотѣнію, сколько угодно чувственныхъ возбужденій, они однако не могутъ произвести долженствованія, а лишь далеко не необходимое, а всегда условное хотѣніе, которому напротивъ долженствованіе, выражаемое разумомъ, полагаетъ мѣру и цѣль, запрещеніе или допущеніе. Будетъ ли мотивомъ предметъ простой чувственности (пріятное), или же чистаго разума (доброе), разумъ не уступаетъ тому основанію которое дается эмпирически и не слѣдуетъ порядку вещей какъ они представляются въ явленіи, но съ полною самопроизвольностью создаетъ себѣ собственный порядокъ по идеямъ къ которымъ онъ прилаживаетъ эмпирическія условія и по которымъ (идеямъ) онъ объявляетъ необходимыми даже такіа дѣйствія которыя однако никогда не случались и можетъ-быть никогда не случатся, предполагая при этомъ все-таки что разумъ въ отношеніи къ этимъ дѣйствіямъ можетъ имѣть причинную силу, ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы отъ своихъ идей ожидать дѣйствій въ опытѣ *.

Признавая такимъ образомъ возможнымъ чтобы разумъ дѣйствительно имѣлъ причинную силу относительно явленій, онъ долженъ однако выказывать и нѣкоторый эмпирическій характеръ, такъ какъ всякая причина предполагаетъ правило по которому извѣстныя явленія слѣдуютъ какъ дѣйствіе, а всякое правило требуетъ однороднаго дѣйствія, на чемъ основывается понятіе причины какъ способности, которое, поскольку оно должно быть узнаваемо изъ однихъ явленій, мы можемъ назвать эмпирическимъ характеромъ. Этотъ характеръ постояненъ, тогда какъ дѣйствія его согласно различію сопутствующихъ и частію ограничивающихъ условій являються въ измѣняемыхъ образахъ. Такимъ образомъ каждый человѣкъ имѣетъ эмпирическій характеръ своей воли, который есть не

* Кант, *Kr. d. r.* V. 445—6.

что иное какъ извѣстная причинная сила его разума, поскольку она показываетъ въ его дѣйствіяхъ въ явленіи нѣкоторое правило, по которому должно принимать разумныя основанія дѣйствій его по ихъ роду и степени и судить о субъективныхъ принципахъ его воли. Такъ какъ этотъ эмпирическій характеръ самъ долженъ быть выведенъ изъ явленій и изъ ихъ правила, которое дается опытомъ, то всѣ дѣйствія человѣка въ явленіи опредѣляются изъ его эмпирическаго характера и другихъ содѣйствующихъ причинъ (мотивовъ) по порядку природы. И еслибы мы могли всѣ явленія его производа изучить до послѣдняго основанія, то не было бы ни одного человѣческаго дѣйствія которое мы не могли бы съ увѣренностью предсказать и признать какъ необходимое изъ его предшествующихъ условій.

Относительно этого эмпирическаго характера такимъ образомъ нѣтъ никакой свободы, и такимъ несвободнымъ является человѣкъ если мы только эмпирически его наблюдаемъ и хотимъ изслѣдовать физиологически движущую причину его дѣйствій; но если мы то же самое дѣйствіе будемъ оцѣнивать по отношенію къ разуму, и не къ теоретическому или умозрительному разуму, который можетъ только объяснять происхожденіе этихъ дѣйствій, но по отношенію къ практическому разуму, который самъ есть причина ихъ производящая,—если мы такимъ образомъ будемъ рассматривать эти дѣйствія съ практической или нравственной стороны, то мы найдемъ совершенно другое правило и другой порядокъ нежели порядокъ природы. По этому новому порядку можетъ-быть все то что по ходу природы случилось и по своимъ эмпирическимъ основаніямъ необходимо случилось, не должно было случиться. Иногда же мы находимъ, или по крайней мѣрѣ думаемъ найти что идея разума дѣйствительно показала причинную силу относительно дѣйствій людей какъ явленій, и что такимъ образомъ эти дѣйствія случились не потому что они опредѣлялись эмпирическими причинами, а потому что опредѣлялись причинами умопостигаемыми, или чистаго разума, хотя и въ согласіи съ эмпирическими условіями. *

Предполагая теперь что можно сказать: разумъ имѣетъ причинную силу относительно явленій, можетъ ли его

* Kant, *Kr. d. r. V.* 446—8.

дѣйствіе назваться свободнымъ, когда оно съ точностью опредѣлено въ его эмпирическомъ характерѣ и слѣдовательно въ этомъ смыслѣ необходимо; эмпирическій же характеръ опять-таки опредѣляется характеромъ умопостигаемымъ, а этотъ послѣдній самъ въ себѣ намъ неизвѣстенъ, но обозначается лишь посредствомъ явленій, которыя собственно даютъ знать непосредственно только объ эмпирическомъ характерѣ. Дѣйствіе же, поскольку оно должно приписываться умопостигаемому характеру какъ его причинѣ, происходитъ изъ него однако совсѣмъ не по эмпирическимъ законамъ, т.-е. не такъ чтобъ условія частнаго разума предшествовали, а только такъ что предшествуютъ его дѣйствія въ явленіи для внутренняго чувства. Чистый разумъ какъ умопостигаемая способность не подчиненъ формѣ времени, а слѣдовательно и условіямъ временной послѣдовательности. Причинная сила разума въ умопостигаемомъ характерѣ *не происходитъ*, т.-е. не начинается съ извѣстнаго времени чтобы произвести дѣйствіе, ибо въ такомъ случаѣ она сама была бы подчинена естественному закону явленій, опредѣляющему причинные ряды по времени, и тогда эта причинная сила была бы природой, а не свободой.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать: если разумъ можетъ имѣть причинную силу относительно явленій, то она (причинная сила) есть способность чрезъ которую чувственные условія нѣкотораго эмпирическаго ряда дѣйствій впервые начинаются, ибо условіе которое лежитъ въ самомъ разумѣ не чувственно и само слѣдовательно не начинается. Здѣсь такимъ образомъ имѣетъ мѣсто то чего мы не можемъ найти во всѣхъ другихъ эмпирическихъ рядахъ, а именно: что условіе послѣдовательнаго ряда событій само можетъ быть не обусловленнымъ эмпирически, ибо здѣсь первое условіе находится внѣ ряда явленій, въ умопостигаемомъ, и слѣдовательно не подчинено никакому чувственному условію и никакому временному опредѣленію предшествующими причинами.

Въ другомъ отношеніи однако эта самая дѣйствующая причина принадлежитъ къ ряду явленій. Человѣкъ самъ есть явленіе, его произволъ имѣетъ эмпирическій характеръ, составляющій эмпирическую причину всѣхъ его дѣйствій. Нѣтъ ни одного условія опредѣляющаго человѣка согласно этому характеру, которое бы не содержалось въ ряду естественныхъ дѣйствій и не повиновалось бы ихъ закону, по

которому не можетъ имѣть мѣста никакая эмпирически необусловленная причинность того что совершается во времени. Поэтому никакое данное дѣйствіе (такъ какъ оно можетъ быть воспринимаемо только какъ явленіе) не можетъ само собою начинаться. Но о разумѣ нельзя сказать что тому состоянію въ которомъ онъ опредѣляетъ волю предшествуетъ другое состояніе какъ его опредѣляющее условіе.

Ибо такъ какъ разумъ самъ не есть явленіе и не подчиненъ никакимъ условіямъ чувственности, то въ немъ даже относительно его причинной силы не имѣетъ мѣста никакая временная послѣдовательность, и слѣдовательно къ нему не можетъ быть примѣненъ динамическій законъ природы, опредѣляющій по правиламъ временную послѣдовательность.

Разумъ есть такимъ образомъ постоянное условіе всѣхъ произвольныхъ дѣйствій, въ которыхъ проявляется чело-вѣкъ. Каждое изъ этихъ дѣйствій заранее опредѣлено въ эмпирическомъ характерѣ чело-вѣка прежде еще чѣмъ оно совершится. Но относительно умолостигаемаго характера, котораго эмпирический характеръ есть лишь чувственная схема, не имѣетъ мѣста никакое „прежде или послѣ“ (такъ какъ онъ свободенъ отъ формы времени), и всякое дѣйствіе, совершенно помимо временнаго отношенія въ которомъ оно стоитъ съ другими явленіями, есть непосредственное дѣйствіе умолостигаемаго характера чистаго разума, который такимъ образомъ дѣйствуетъ свободно, не опредѣляясь въ цѣли естественныхъ причинъ внѣшними или внутренними, но по времени предшествующимъ основаніямъ, и эта его свобода можетъ быть признана не только отрицательно, какъ независимость отъ эмпирическихъ условій (ибо въ такомъ случаѣ разумъ пересталъ бы быть причиной явленій), но также и положительно можетъ быть она обозначена способностью начинать сама собою рядъ событій, такъ что въ ней самой ничто не начинается, но она, какъ безусловное условіе всякаго произвольнаго дѣйствія, не допускаетъ надъ собою никакихъ по времени предшествующихъ условій. Хотя дѣйствіе ея начинается въ ряду явленій, но никогда не можетъ въ этомъ ряду оставлять безусловно первое начало. *

* Kant, *Kr. d. r.* V. 448—450.

Чтобы регулятивный принципъ разума пояснить примѣромъ изъ его эмпирическаго употребленія (пояснить, а не подтвердить, такъ какъ подобное эмпирическое подтвержденіе или доказательство не годится для трансцендентальнаго положенія), возьмемъ какое-нибудь произвольное дѣйствіе, напримѣръ ложь со злымъ намѣреніемъ, посредствомъ которой человѣкъ внесъ нѣкоторое замѣшательство въ общество и которую хотятъ изслѣдовать въ ея побужденіяхъ, и послѣ того судить, насколько она можетъ быть ему вѣнена вмѣстѣ съ ея послѣдствіями. Въ первомъ намѣреніи, т.-е. для изслѣдованія причинъ, обращаются къ его эмпирическому характеру до самыхъ его источниковъ, которые отыскиваютъ въ дурномъ воспитаніи, дурномъ обществѣ, частью также въ дурной и нечувствительной къ добру натурѣ, а частью въ легкомысліи и необдуманности, причемъ не оставляютъ безъ вниманія и лобочныхъ причинъ, давшихъ поводъ къ этому дѣйствію. Во всемъ этомъ поступаютъ такъ какъ вообще въ изслѣдованіи ряда опредѣляющихъ причинъ къ необходимому данному естественному дѣйствію. Но хотя признаютъ дѣйствіе опредѣленнымъ посредствомъ всего этого, тѣмъ не менѣе порицаютъ того кто совершилъ это дѣйствіе и притомъ не за несчастную натуру его, не за повліянія на него обстоятельства и даже не за веденный имъ прежде образъ жизни, ибо предполагаютъ что можно совершенно устранить свойство этой жизни и протекшій рядъ условій и смотрѣть на данное дѣйствіе какъ совершенное безусловно по отношенію къ предыдущему состоянію, какъ будто дѣйствующій совершенно самостоятельно начиналъ этимъ дѣйствіемъ новый рядъ событій. Такое порицаніе основывается на законѣ разума, по которому разумъ признается какъ причина которая могла бы и должна бы иначе опредѣлить дѣйствіе того человѣка, несмотря на всѣ названныя эмпирическія условія. И притомъ мы должны смотрѣть на причинную силу разума не какъ на конкурирующую или содѣйствующую только, но какъ на достаточную саму въ себѣ, хотя бы всѣ чувственныя побужденія не только не говорили въ пользу ея, но были даже прямо ей противоположны. Такимъ образомъ, дѣйствіе выѣдается умопостижаемому характеру этого человѣка, который теперь, въ ту минуту какъ лжетъ, вполне виноватъ; слѣдовательно, раз-

умъ, несмотря на всѣ эмпирическія условія дѣйствія, былъ совершенно свободенъ, и это дѣйствіе вмѣняется исключительно его полущенію.

Легко видѣть въ этомъ порицающемъ или вмѣняющемъ сужденіи то предположеніе что практическій разумъ совершенно не видоизмѣняется всѣми чувственными условіями (хотя его явленія, именно способы какими онъ проявляется въ своихъ дѣйствіяхъ, и измѣняются); далѣе что въ немъ не предшествуетъ состояніе коимъ бы опредѣлялось состояніе послѣдующее, что слѣдовательно онъ совсѣмъ не принадлежитъ къ ряду чувственныхъ условій, дѣлающихъ необходимыми явленія по естественнымъ законамъ. Практическій разумъ всегда и одинаково присущъ человѣку во всѣхъ дѣйствіяхъ и во всѣхъ обстоятельствахъ времени; самъ же онъ не находится во времени и не приходитъ въ какое-нибудь новое состояніе, въ которомъ онъ прежде не былъ: онъ относительно времени и временныхъ дѣйствій есть опредѣляющее, а не опредѣляемое. Поэтому нельзя спрашивать почему не опредѣлился разумъ иначе, а можно спрашивать только почему онъ не опредѣлился иначе явленіе своею причинною силой. Но на это невозможенъ никакой отвѣтъ, ибо другой умопостигаемый характеръ далъ бы и другой эмпирическій характеръ, и когда мы говоримъ что несмотря на всю предшествующую свою жизнь данный субъектъ могъ бы не солгать, то это означаетъ только что дѣйствіе непосредственно находится во власти разума, и разумъ въ своей причинности не подчиненъ никакому условію явленій и временной послѣдовательности, что различіе времени, хотя и есть главное различіе явленій относительно другъ друга, но такъ какъ эти явленія не суть вещи въ себѣ, а слѣдовательно и не суть причины сами по себѣ, то это и не составляетъ различія дѣйствій по отношенію къ разуму какъ первоначальной причинѣ. Такимъ образомъ, при сужденіи о свободныхъ дѣйствіяхъ относительно ихъ причинности мы можемъ дойти только до умопостигаемой причины, но не далѣе ея: мы можемъ познать что она свободна, т.-е. что она опредѣляетъ независимо отъ чувственности и слѣдовательно можетъ быть тѣмъ самымъ безусловленною чувственною причиною явленій. Но почему умопостигаемый характеръ даетъ именно эти явленія и этотъ эмпирическій характеръ при данныхъ обстоятельствахъ, отвѣчать на

это также превосходить всѣ способности нашего разума и даже самое право его на вопросъ, какъ еслибы спрашивалось, почему трансцендентальный предметъ нашего внѣшняго чувственного воспріятія даетъ только воззрѣніе въ пространство, а не какое-нибудь другое. Но задача которую мы должны были разрѣшить и не обязываетъ насъ къ отвѣту на этотъ вопросъ, ибо она состояла только въ томъ чтобы разрѣшить, противорѣчитъ ли свобода естественной необходимости въ одномъ и томъ же дѣйстви, и на этотъ вопросъ мы отвѣчали, показавъ что такъ какъ въ свободѣ возможны отношенія къ совершенно другаго рода условіямъ нежели въ природѣ, то законы этой послѣдней нисколько не касаются первой, слѣдовательно, обѣ другъ отъ друга независимы и могутъ быть совмѣстно, не препятствуя другъ другу *.

Въ поясненіе изложеннаго ученія Канта прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній его изъ *Критики Практическаго Разума*. Понятіе причинности какъ естественной необходимости въ различіи отъ нея какъ свободы касается только существованія вещей поскольку онѣ опредѣляемы во времени, слѣдовательно, какъ явленій, въ противоположность ихъ причинности какъ вещей самихъ по себѣ. Если же теперь принять опредѣленіе существованія вещей во времени за опредѣленіе ихъ какъ самихъ по себѣ, что составляетъ самую обыкновенную точку зрѣнія, тогда необходимость въ причинной связи не можетъ быть не только соединена со свободой, но онѣ прямо противорѣчатъ другъ другу, ибо изъ первой слѣдуетъ что каждое событіе, слѣдовательно и каждое дѣйствіе происходящее въ извѣстномъ пунктѣ времени есть необходимо подъ условіемъ того что было въ предшествующемъ времени, а такъ какъ прошедшее время уже не находится въ моей власти, то каждое дѣйствіе которое я совершаю должно быть необходимо по опредѣляющимъ основаніямъ *не находящимся въ моей власти*, т.-е. въ каждомъ пунктѣ времени, въ которомъ я дѣйствую, я не свободенъ. Еслибъ я даже принялъ все мое существованіе за независимое отъ какой-нибудь посторонней причины, такъ что опредѣляющія основанія моей причинности и даже всего моего существованія не находились бы внѣ меня, то это

* Kant, *Kr. d. r. V.* 450—452.

нѣсколько бы еще не превращало естественной необходимости въ свободу, ибо въ каждомъ пунктѣ времени я все-таки стою подъ необходимостью быть опредѣляемымъ къ дѣйствию тѣмъ что не находится въ моей власти, и безконечный а *parte priori* рядъ событій, который я только продолжалъ бы въ предопредѣленномъ уже порядкѣ, а никогда не начиналъ бы его самъ собою, былъ бы непрерывною естественною цѣлью, и моя причинная сила такимъ образомъ никогда бы не была свободною. Такимъ образомъ, свобода не можетъ быть приписана никакому существу, поскольку оно есть явленіе во времени, и слѣдовательно, если свобода вообще возможна, то она можетъ принадлежать только существу не какъ явленію, а какъ вещи о себѣ; это во всякомъ случаѣ неизбѣжно, если нужно соединить эти два противоположныя понятія. Но въ примѣненіи, когда ихъ соединяють въ одно и то же дѣйствіе, являются большія трудности, которыя повидимому дѣлаютъ это соединеніе неисполнимымъ. Когда я о какомъ-нибудь человѣкѣ, совершившемъ кражу, говорю: „это дѣйствіе было необходимымъ результатомъ, согласно естественнымъ законамъ причинности, результатомъ опредѣленныхъ основаній въ предшествующемъ времени, такъ что было невозможно чтобы это дѣйствіе не случилось“, то какимъ образомъ оцѣнка по нравственному закону можетъ произвести здѣсь измѣненіе и предположить что это дѣйствіе могло не случиться, такъ какъ законъ говоритъ что оно не должно было случиться, т.-е. какимъ образомъ одно и то же существо въ одномъ и томъ же пунктѣ времени и относительно одного и того же дѣйствія можетъ быть свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подлежить неизбѣжному закону естественной необходимости? Было бы напрасно искать примиренія въ томъ чтобы только согласовать способъ опредѣляющихъ основаній естественной причинности со сравнительнымъ или относительнымъ понятіемъ свободы, по которому иногда дѣйствіе называется свободнымъ, когда опредѣляющія естественныя основанія его лежатъ внутри, въ самомъ дѣйствующемъ существѣ, какъ на примѣръ въ случаѣ брошеннаго тѣла, находящагося въ свободномъ движеніи, причемъ слово „свобода“ употребляется потому что во время этого движенія тѣло не толкается ничѣмъ изъшнимъ; или когда мы называемъ движеніе часового механизма свободнымъ потому что оно

само двигаетъ свою стрѣлку, которая такимъ образомъ не передвигается извнѣ; и точно также въ этомъ смыслѣ дѣйствія человѣка, хотя они совершенно необходимы, посредствомъ своихъ опредѣляющихъ основаній предшествующихъ во времени, могутъ быть названы свободными, такъ какъ они производятся нашими собственными силами и представленіями въ нашемъ собственномъ умѣ. Видѣть въ этомъ примиреніе свободы и необходимости значило бы прибѣгать къ очень жалкому средству и разрѣшать трудную задачу, надъ которою бились тысячелѣтія, посредствомъ простой игры словъ. Въ самомъ дѣлѣ, при вопросѣ о свободѣ, которая предполагается всякимъ нравственнымъ закономъ и согласно съ этимъ закономъ вмѣняемостью, никакого значенія не имѣетъ, опредѣляется ли естественная причинность дѣйствія основаніями лежащими въ субъектѣ или же внѣ его, и въ первомъ случаѣ: имѣютъ ли эти основанія характеръ инстинкта или разума. Если эти внутреннія основанія въ формѣ представленій имѣютъ условія своего существованія во времени и именно въ предшествующемъ состояніи, а это послѣднее въ другомъ предшествующемъ и т. д., то, хотя бы эти опредѣленія были внутренними психологическими, а не механическими, т.-е. производящими дѣйствія посредствомъ представленій, а не посредствомъ тѣлесныхъ движеній, то все-таки это будетъ опредѣляющимъ основаніемъ причинности существа, поскольку его существованіе опредѣляемо во времени, и слѣдовательно подъ необходимыми условіями предшествующаго времени, которыя такимъ образомъ, когда субъекту приходится дѣйствовать, уже не находятся болѣе въ его власти и которыми слѣдовательно хотя присуща психологическая свобода—если можно назвать этимъ словомъ внутреннюю связь или сцѣпленіе представленій въ душѣ—но такая свобода сама есть только нѣкоторый видъ естественной необходимости. Но здѣсь не остается мѣста для настоящей трансцендентальной свободы, которая должна быть мысляма какъ независимость отъ всѣхъ эмпирическихъ условій и отъ природы вообще, будь она предметомъ внутренняго чувства (т.-е. только во времени) или также и вѣшняго (т.-е. въ пространствѣ и времени вмѣстѣ), а безъ такой свободы (въ этомъ послѣднемъ собственномъ смыслѣ), которая

одна только имѣетъ практическое дѣйствіе а priori, невозможно никакой нравственный законъ и никакая вѣѣняемость. Поэтому же можно всякую необходимость событій во времени по естественному закону причинности называть *механизмомъ* природы, хотя подъ этимъ нѣтъ надобности разумѣть что вещи подчиненныя ему суть дѣйствительно *матеріальныя* машины. Здѣсь имѣется въ виду лишь необходимость связи событій во временномъ ряду какъ она развивается согласно естественному закону, будетъ ли субъектомъ въ которомъ совершается это развитіе матеріальный автоматъ или же духовный, побуждаемый представленіями. И если свобода нашей воли есть только эта, психологическая и сравнительная, а не трансцендентальная или абсолютная вѣѣствъ съ тѣмъ, то эта свобода въ сущности не будетъ лучше свободы любой машины, которая, будучи разъ заведена, сама собою продолжаетъ свои движенія *.

Чтобы разрѣшить теперь это видимое противорѣчіе между естественнымъ механизмомъ и свободой въ одномъ и томъ же дѣйствіи, нужно вспомнить что естественная необходимость, не могущая быть совмѣстною со свободой субъекта, принадлежитъ только опредѣленію той вещи которая стоитъ подъ условіями времени, т.е. опредѣленію дѣйствующаго субъекта только какъ явленія, что, слѣдовательно, поскольку опредѣляющее основаніе каждаго дѣйствія этого субъекта находится въ томъ что принадлежитъ къ прошедшему времени, оно *не подлежитъ его власти*. Но тотъ же самый субъектъ, сознавая себя съ другой стороны какъ вещь о себѣ, разсматриваетъ свое существованіе, поскольку оно не стоитъ подъ условіями времени, и себя самого какъ опредѣляемаго только тѣми законами которые онъ самъ даетъ себѣ посредствомъ разума, и въ этомъ его существованіи ему ничто не предшествуетъ относительно опредѣленія его воли, но каждое дѣйствіе и вообще каждое опредѣленіе его бытія, измѣняющееся согласно внутреннему чувству, даже весь рядъ его существованія какъ чувственнаго существа, въ сознаніи его умопостигаемаго бытія есть

* Kant, *Kritik der praktischen Vernunft*, Kirchmann's Ausgabe. Berlin 1869. Стр. 113—117.

не что иное какъ только слѣдствіе, а никакъ не можетъ быть признанъ за опредѣляющее основаніе его умолости-гаемой причинности. Въ этомъ отношеніи, разумное существо можетъ справедливо сказать о каждомъ противонравственномъ дѣйствиіи которое оно совершаетъ, хотя бѣ это дѣйствіе какъ явленіе было достаточно опредѣлено предыдущимъ и постольку было бы неизбѣжно необходимо,—оно можетъ справедливо сказать что дѣйствіе это могло бы и не совершиться, такъ какъ оно со всѣмъ предыдущимъ, которымъ опредѣляется, есть лишь только единичное явленіе его характера, который создается имъ самимъ и по которому оно вмѣляетъ себѣ причинную силу того явленія,—вмѣляетъ ее себѣ въ качествѣ независимой отъ всякой чувственности причины *.

Съ этимъ совершенно согласенъ приговоръ той удивительной способности въ насъ, которую мы называемъ совѣстью: что мы ни измышляли бы для того чтобъ оправдать какое-нибудь безнравственное дѣйствіе какъ нѣчто такое чего мы совершенно не могли избѣжать, при совершеніи котораго мы были унесены потокомъ естественной необходимости,—всегда мы находимъ что говорящій здѣсь въ нашу пользу адвокатъ никакъ не можетъ заглушить внутреннего обвинителя, если только мы сознаемъ что во время совершенія дѣйствія мы обладали яснымъ разумомъ, т.-е. пользовались свободой. И хотя безнравственное дѣйствіе *объясняется* естественными причинами, но это объясненіе не есть *оправданіе*, такъ какъ висколько не уничтожаетъ самопорицанія. На этомъ же основывается раскаяніе въ давно совершенномъ дѣйствиіи при каждомъ воспоминаніи о немъ. Это скорбное, нравственнымъ настроеніемъ производимое ощущеніе практически безплодно, такъ какъ не можетъ превратить сдѣланное въ несдѣланное, и съ этой точки зрѣнія оно было бы совершенно бессмысленно (каковымъ его и признаетъ между прочимъ Пристлей въ качествѣ настоящаго послѣдовательнаго фаталиста, и за эту откровенность онъ заслуживаетъ большаго одобренія чѣмъ тѣ которые на самомъ дѣлѣ, утверждая механизмъ воли, на словахъ признають свободу и включаютъ въ свою синкретистическую систему понятіе вмѣляемости, не будучи

* Kant, *Kr. d. pr.* V. 117—118.

однако въ состояніи сдѣлать его понятнымъ), но оно получаетъ свое законное оправданіе изъ того что разумъ не можетъ признавать никакого различіе времени когда дѣло идетъ о законахъ нашего умолостигаемаго, т.-е. нравственнаго существованія, а спрашиваетъ только принадлежитъ ли это событіе мнѣ какъ мое дѣйствіе и затѣмъ, связываетъ съ нимъ морально то ощущеніе безо всякаго различія, совершенно ли дѣйствіе теперь или же давнымъ давно. Раскаиваніе и вѣнчаемость относятся собственно не къ отдѣльному дѣйствію какъ такому, т.-е. какъ явленію во времени, опредѣленному предшествовавшими явленіями и поэтому необходимому, а ко внутренней причинѣ этого дѣйствія, лежащей за предѣлами явленій, не подчиненной сѣдовательно формѣ времени и относительно которой такимъ образомъ вѣтъ прошедшаго. Я могу вѣнчать себя, порицать и раскаиваться въ дѣйствіи лишь поскольку въ немъ выражается мой постоянный характеръ или постоянная черта этого характера, независимая отъ времени и составляющая свободный продуктъ моего умолостигаемаго характера. Ибо развивающаяся во времени чувственная жизнь по отношенію къ умолостигаемому содержанію существованія, представляетъ безусловно единичное явленіе, которое поскольку оно содержитъ только проявленіе нравственнаго характера должно быть оцениваемо не по естественной необходимости (которою опредѣляется только его обнаруженіе, а не оно само), но по безусловной произвольности его свободы какъ вещь о себѣ. Поэтому можно допустить что еслибы даже для насъ было возможно такъ глубоко проникать въ характеръ человѣка поскольку онъ проявляется какъ во внутреннемъ такъ и во вѣнчаемъ дѣйствіи, что намъ было бы извѣстно всякое даже самое незначительное побужденіе къ тому дѣйствію, а также и всѣ на него дѣйствующіе вѣнчіе поводы, причемъ можно было бы разсчитывать поведеніе этого человѣка въ будущемъ съ такою же достовѣрностью какъ лунное или солнечное затменіе, тѣмъ не менѣе можно было бы утверждать что этотъ человѣкъ свободенъ, такъ какъ намъ все-таки оставалась бы возможность другой точки зрѣнія на этотъ же субъектъ, именно, умственное воззрѣніе на него какъ на noumenon. Причемъ намъ было бы ясно что вся эта цѣль явленій по нравственному своему значенію сама зависитъ отъ произвольности

субъекта какъ вещи о себѣ, объ опредѣленіяхъ которой нельзя дать никакого физическаго понятія или объясненія. Съ этой точки зрѣнія, которая естественна для нашего разума, хотя и необъяснима эмпирически, оправдываются даже такіа сужденія которыя на первый взглядъ кажутся совершенно несправедливыми. Бываютъ случаи, когда люди съ самаго ранняго дѣтства показываютъ рѣшительную злость, которая постоянно возрастаетъ съ лѣтами несмотря на самое лучшее воспитаніе, такъ что ихъ приходится считать за прирожденныхъ злодѣевъ и совершенно неисправимыхъ, и между тѣмъ, несмотря на это, ихъ преступленія вѣняются имъ такъ же какъ и другимъ, какъ будто бы, несмотря на это прирожденное и слѣдовательно независимое отъ ихъ воли злое свойство ихъ натуры, они остаются такими же отвѣтственными за свои дѣйствія какъ и всякій другой. Это было бы невозможно еслибы мы не предполагали что все что они дѣлаютъ имѣетъ въ своей основѣ нѣкоторую свободную причинность, независимую отъ временныхъ явленій и только обнаруживающуюся въ этихъ явленіяхъ, такъ что весь этотъ обнаруженный дурной характеръ есть не основаніе, а напротивъ только результатъ ихъ свободной воли, по существу предшествующей воимъ своимъ временнымъ явленіямъ (предшествующей слѣдовательно или первѣйшей и относительно самаго ихъ рожденія, въ которомъ обнаруживается уже результатъ этой умопостигаемой свободной воли), вслѣдствіе чего они съ самаго начала и проявляютъ одинъ и тотъ же дурной характеръ, висколько не мѣшающій имъ быть отвѣтственными за то жервоначальное свободное опредѣленіе, изъ котораго произошелъ и этотъ характеръ.*

* Kant, *Kr. d. pr.* V. 118—120.

XI. Результаты раціоналистической этики.— Переходъ отъ субъективной къ объективной этикѣ.

Изложенное различіе умопостигаемаго и эмпирическаго характера показываетъ что каждый человѣкъ, какъ существо само въ себѣ или умопостигаемая причина, есть самостоятельное начало своихъ дѣйствій по отношенію ко внѣшнимъ чувственнымъ побужденіямъ. Уже эмпирическое изслѣдованіе вопроса о свободѣ воли показало намъ что внѣшнія побужденія сами по себѣ недостаточны для произведенія какого бы то ни было человѣческаго дѣйствія, что ихъ опредѣляющая сила обуславливается индивидуальнымъ свойствомъ или натурой, то-есть эмпирическимъ характеромъ дѣйствующаго существа. Но такая относительная независимость отъ *внѣшнихъ* только условій не есть очевидно свобода воли въ собственномъ смыслѣ, ибо самый этотъ эмпирическій характеръ есть уже нѣчто данное, опредѣленное, слѣдовательно невольное. Какъ всѣ явленія онъ опредѣляется трансцендентальнымъ свойствомъ являющагося какъ существа самого въ себѣ и слѣдовательно зависить отъ умопостигаемаго характера. Этотъ послѣдній свободенъ уже ото всѣхъ эмпирическихъ условій не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ, такъ какъ вся совокупность этихъ внутреннихъ условій, составляющая эмпирическій характеръ субъекта, есть лишь собственное произведеніе характера умопостигаемаго, который такимъ образомъ опредѣляетъ свой эмпирическій характеръ, но не опредѣляется имъ; но легко видѣть что и этимъ еще не разрѣшается настоящій вопросъ о свободѣ воли, такъ какъ и свобода умопостигаемаго характера есть только относительная. Ибо если собственная причина моихъ дѣйствій есть мой умопостигаемый характеръ, не опредѣляемый никакими эмпирическими условіями, то изъ этого еще не слѣдуетъ чтобъ этотъ умопостигаемый характеръ не опредѣлялся чѣмъ-нибудь другихъ помимо этихъ условій. Какъ умопостигаемое существо или существо само въ себѣ человѣкъ принадлежитъ къ иному существенному или умопостигаемому міру, радикально отличному отъ міра природы, и если какъ чувственное существо или явленіе человѣкъ въ своихъ эмпирическихъ

дѣйствіяхъ подчиняется закону этой чувственной природы или закону явленій, то въ качествѣ умопостигаемаго существа не долженъ ли онъ быть также подчиненнымъ, — но только иному закону, — закону міра умопостигаемаго? Въ обоихъ случаяхъ есть опредѣленіе и слѣдовательно не свобода, только сами опредѣляющія причины суть другія. Или можетъ — быть человекъ какъ умопостигаемое существо, самъ себя опредѣляетъ извѣстнымъ сверхприроднымъ трансцендентальнымъ актомъ и даетъ себѣ опредѣленный характеръ, выражающійся потомъ въ рядѣ временныхъ его дѣйствій, причемъ такъ какъ этотъ трансцендентальный актъ по самому понятію своему не можетъ подлежать формѣ времени, и слѣдовательно по отношенію къ нему не можетъ быть никакой временной раздѣльности дѣйствій, то каждое дѣйствіе и воѣ они вмѣстѣ въ своей внутренней связи безо всякаго различія времени составляютъ единое проявленіе этого свободного трансцендентального акта и воѣ одинаково относятся къ нему какъ къ своей умопостигаемой причинѣ. Но, во первыхъ, должно замѣтить что нельзя говорить о трансцендентальномъ *актѣ* въ собственномъ смыслѣ, ибо всякій актъ или дѣйствіе есть переходъ отъ одного состоянія къ другому, предполагаетъ, слѣдовательно, время въ которое совершается этотъ переходъ и такимъ образомъ не можетъ имѣть трансцендентального или умопостигаемаго, т.-е. свободного отъ всякихъ условій времени характера. Если же, далѣе, подъ актомъ разумѣть вѣчно иное, если утверждать *стичный* актъ какъ единое и неизмѣнное состояніе, а не движеніе, переходъ отъ одного состоянія къ другому, въ такомъ случаѣ характеръ человека какъ умопостигаемый или трансцендентальный явится вѣчнымъ всегда и неизмѣнно существующимъ, слѣдовательно независимымъ отъ его воли, а потому и несвободнымъ. Очевидно, въ этомъ ученіи Канта (раздѣляемомъ Шеллингомъ и Шлегелемъ) свобода принимается въ чисто относительномъ смыслѣ. Человекъ, въ силу своего умопостигаемаго характера или какъ существо само въ себѣ, свободенъ отъ закона вѣшной необходимости, опредѣляющей эмпирическія явленія. Такая свобода принадлежитъ ему вмѣстѣ со всеми другими существами, такъ какъ каждое существо (все что существуетъ), будучи съ одной стороны явленіемъ и подчиняясь слѣдовательно закону явленій, съ другой стороны есть вещь въ себѣ или умопостигаемая сущность (noumenon), незави

симаа отъ этого закона и слѣдовательно по отношенію къ нему свободная. Каждое существо и каждая вещь въ природѣ не опредѣляются безусловно въ своемъ дѣйствіи закономъ феноменальной причинной связи, каждое существо и каждая вещь имѣетъ сама въ себѣ безусловно свойственный ей извѣстный умолостигаемый характеръ, которымъ собственно и опредѣляются способы ея проявленія, т.-е. ея эмпирическій характеръ, причемъ вѣшнія причины служатъ только поводомъ этому проявленію. И различіе въ этомъ отношеніи между человѣкомъ и другими низшими существамъ можетъ состоять развѣ лишь въ томъ что эти послѣдніе имѣютъ только извѣстный родовой характеръ безъ различія особей въ отношеніи умолостигаемому свойству, тогда какъ въ человѣкѣ умолостигаемый характеръ есть различный для каждой особи. Но затѣмъ еще остается роковой вопросъ: чѣмъ опредѣляется самый этотъ умолостигаемый характеръ cadaго существа, почему такое-то существо можетъ дѣйствовать въ силу своего трансцендентальнаго характера только такъ, а не иначе? Рационалистическая этика, въ лицѣ Канта, отказывается отвѣчать на этотъ вопросъ, отказывается слѣдовательно отъ окончательнаго разрѣшенія вопроса о свободѣ воли. Но если это разрѣшеніе лежитъ за предѣлами того или другаго философскаго ученія, то еще изъ этого не слѣдуетъ чтобы вопросъ былъ неразрѣшимъ по самому существу дѣла. Очевидно только что почву или основаніе для его разрѣшенія нужно искать не въ эмпирической дѣйствительности и не въ формальныхъ опредѣленіяхъ апріорнаго мышленія, а въ томъ умолостигаемомъ мірѣ, къ которому человѣкъ принадлежитъ своимъ внутреннимъ существомъ, въ силу своего умолостигаемаго характера, и существованіе котораго необходимо признается какъ эмпирическою, такъ и рационалистическою философіей.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ вопросъ о свободѣ воли сводится къ вопросу: опредѣляется ли человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ какими-нибудь причинами, кромѣ самой своей воли, и такъ какъ признано что онъ не опредѣляется съ безусловною необходимостью никакими эмпирическими причинами, принадлежащими къ міру явленій, то остается только вопросъ: не опредѣляется ли онъ причинами трансцендентальными, т.-е. принадлежащими къ міру умолостигае-

тому, и для того чтобы разрѣшить этотъ вопросъ необходимы нѣкоторыя положительныя знанія этого умопостижаемаго міра и его законовъ. Но возможно ли это знаніе? Очевидно, здѣсь вопросъ принимаетъ чисто теоретическій или умозрительный характеръ и слѣдовательно отвѣтъ на него лежитъ совершенно за предѣлами этики. Но для этой послѣдней и имѣть непосредственной необходимости въ *окончательномъ*, метафизическомъ разрѣшеніи вопроса о свободѣ воли; для нея достаточно пока и тѣхъ результатовъ которые получены путемъ эмпирическаго и рacionalesнаго изслѣдованія. Основной вопросъ этики, какъ мы знаемъ, есть слѣдующій: въ чемъ состоитъ коренное различіе нравственнаго и безнравственнаго дѣйствія и на чемъ это различіе для человѣка основывается? На этотъ вопросъ рациональная этика въ связи съ послѣдними результатами этики эмпирической можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ. Мы знаемъ что особенный характеръ нравственной дѣятельности (въ отличіе отъ безнравственной) состоитъ въ ея внутренней всеобщности и необходимости, то-есть въ возможности чтобы принципъ или правило этой дѣятельности сдѣлалось всеобщимъ закономъ, тогда какъ характеръ противоположной, т.-е. нравственно дурной дѣятельности состоитъ въ томъ что правило ея не можетъ безъ внутренняго противорѣчія сдѣлаться всеобщимъ закономъ. Это есть различіе въ самой общей формѣ; что касается до предмета дѣятельности, то коренное различіе между нравственною и безнравственною дѣятельностями въ этомъ отношеніи опредѣлилось тѣмъ что предметы перваго рода дѣятельности суть другія существа какъ цѣли сами по себѣ, тогда какъ втораго рода дѣятельность имѣетъ своимъ предметомъ только само дѣйствующее, притомъ какъ чувственное или случайное существо. Наконецъ, относительно послѣдней цѣли дѣйствія, она опредѣлилась для дѣятельности нравственной въ видѣ всеобщаго и внутренне необходимаго царства цѣлей, тогда какъ дѣятельность безнравственная имѣетъ лишь частныя, случайныя и преходящія цѣли. Эти три опредѣленія имѣютъ между собою то общее и сводятся къ тому что дѣятельность нравственно добрая имѣетъ какъ свою форму, такъ равно предметъ и цѣль въ мірѣ умопостижаемомъ, всеобщемъ и внутренне необходимомъ, тогда какъ противоположная дѣятельность имѣетъ какъ свою форму, такъ равно предметъ и цѣль въ

міръ случайныхъ эмпирически-обусловленныхъ, относительныхъ явленій. Перваго рода дѣятельность *нормальна*, потому что ея принципъ можетъ стать всеобщимъ и необходимымъ, т.-е. можетъ стать безусловною *нормой* (для всѣхъ одинаково), тогда какъ втораго рода дѣятельность не можетъ имѣть по существу своему, какъ относящаяся исключительно къ частному эмпирическому существованію дѣйствующаго, никакой общей безусловной нормы и слѣдовательно ненормальна. Если собственный характеръ нравственной дѣятельности связываетъ ее съ міромъ умопостигаемаго; въ которомъ она имѣетъ свою форму, предметъ и цѣль, то точно также связана она съ этимъ умопостигаемымъ міромъ и по своему субъективному основанію, т.-е. по своему основанію въ человѣкѣ какъ дѣйствующемъ. Это основаніе есть то что человѣкъ самъ по себѣ не есть только явленіе, но обладаетъ какъ вещь въ себѣ трансцендентальнымъ или умопостигаемымъ характеромъ, вслѣдствіе чего онъ и можетъ давать своей дѣятельности умопостигаемую или идеальную форму: ставить ей умопостигаемые предметы и цѣли, т.-е. можетъ дѣйствовать нравственно, и въ этой возможности, или способности дѣйствовать по идеямъ, а не по эмпирическимъ или чувственнымъ побужденіямъ заключается та его несомнѣнная свобода которая одна только и необходима съ практической или нравственной точки зрѣнія. Для того чтобы человѣкъ могъ дѣйствовать нравственно, нѣтъ надобности чтобы онъ былъ свободенъ въ томъ смыслѣ чтобы не опредѣляться никакими мотивами; достаточно что онъ свободенъ въ томъ смыслѣ что можетъ опредѣляться идеальными мотивами. Свобода человѣка въ послѣднемъ смыслѣ есть внутреннее субъективное условіе нравственной дѣятельности.

Всякая дѣятельность можетъ разсматриваться съ двухъ сторонъ или точекъ зрѣнія: волевыхъ, со стороны своихъ внутреннихъ субъективныхъ основаній въ дѣйствующемъ, и восторыхъ, со стороны своего осуществленія въ предметѣ дѣйствія. Эти двѣ стороны такъ тѣсно и неразлучно связаны между собою что было бы неосновательно и невозможно ограничивать эту изслѣдованіемъ только одной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, если даже допустить что нравственная воля и основанная на ней дѣятельность имѣютъ всю свою моральную цѣну только въ своихъ внутреннихъ

основаніяхъ, т.-е. въ томъ чѣмъ опредѣляется субъектъ въ этой дѣятельности, то вѣдь сами эти внутреннія основанія предполагаютъ по крайней мѣрѣ возможность осуществленія ихъ во внѣшней дѣятельности. Нравственная воля требуетъ нравственнаго дѣйствія, нравственное же дѣйствіе стремится къ своему осуществленію въ дѣйствительности. Еслибы не предполагалось этого послѣдняго, то и сама нравственная воля субъекта была бы невозможна: еслибъ я зналъ, или былъ увѣренъ что осуществить въ дѣйствительности добро также невозможно какъ сдѣлать чтобы дважды-два было лять или чтобы квадратъ былъ кругомъ, то въ такомъ случаѣ, во мнѣ самое желаніе нравственнаго добра было бы субъективно невозможно въ смыслѣ рѣшительной дѣйствительной воли, какъ я не могу серьезно хотѣть чтобы квадратъ былъ кругомъ. Такимъ образомъ для того даже чтобы нравственное начало существовало субъективно во внутренней волѣ, необходимо чтобы была увѣренность въ возможности его объективнаго осуществленія, а такая увѣренность предполагаетъ изслѣдованіе необходимыхъ условій этого объективнаго существованія.

Итакъ, *субъективная этика*, которою мы до сихъ поръ занимались, т.-е. ученіе о внутреннихъ опредѣленіяхъ нравственной воли (сначала матеріальныхъ—въ этикѣ эмпирической, а затѣмъ и главнымъ образомъ формальныхъ—въ этикѣ рациональной), необходимо требуетъ знанія *этики объективной*, т.-е. ученія объ условіяхъ дѣйствительнаго осуществленія нравственныхъ цѣлей.

Нравственная дѣятельность, какъ мы знаемъ, имѣетъ своею формой безусловную всеобщность, своимъ предметомъ—всѣ живыя существа, своею окончательною цѣлью—организацию этихъ существъ въ царствѣ цѣлей. Такимъ образомъ, нравственная дѣятельность по необходимости выходитъ за предѣлы единичной личной жизни и обуславливается (какъ объективная) существованіемъ *общества*. Отсюда ясно что полное осуществленіе этой объективной нравственной дѣятельности полагается въ *долженствующемъ* быть или *нормальномъ* *обществѣ*, и слѣдовательно задача объективной этики заключается въ опредѣленіи условій этого нормальнаго общества какъ высшаго практическаго идеала.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВЛАДИМИРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ИТАЛІЯ ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Въ превосходномъ этюдѣ своемъ о Макиавелли Маколей высказалъ между прочимъ мысль что лишь тогда заслуги великаго флорентійскаго писателя и государственнаго чело-вѣка получать надлежащую оцѣнку „когда будетъ дости-гнута цѣль которой посвящалъ онъ общественную свою дѣятельность и Италія свергнетъ съ себя чужеземное иго“. Время это наступило. Италія достигла независимости, пре-одолѣла прелютствія лежавшія на пути ея къ политиче-скому объединенію и именно теперь Макиавелли не менѣе чѣмъ Дантъ сдѣлался въ Италіи предметомъ самаго тща-тельнаго изученія. Съ одной стороны приступлено ко вполнѣ достойному изданію всего что вышло изъ-подъ его пера (мы говоримъ объ изданіи графа Пассерини, Фанфани и Миланези), съ другой, въ теченіе лишь двухъ послѣднихъ лѣтъ, не го-воря уже о предшествовавшемъ времени, появилось не менѣе четырехъ обширныхъ монографій посвященныхъ исключи-тельно ему. По достоинству первое мѣсто между ними

принадлежить книгѣ Виллари „Niccolo Machiavelli ei suoi tempi“, точнось же переведенной на нѣмецкій и англійскій языки. Авторъ ея пользуется почетною извѣстностью: это человѣкъ не только большой учености, но и чрезвычайно талантливый, какъ могла убѣдиться въ этомъ публика изъ написанной имъ же превосходной біографіи Саванаролы. До сихъ поръ мы имѣемъ предъ собой только первый томъ его новаго труда, въ которомъ изложенъ лишь самый ранній періодъ общественной дѣятельности Макиавелли, но г. Виллари знакомитъ насъ въ немъ съ тѣмъ взглядомъ съ которымъ приступилъ онъ къ исполненію своей задачи. По справедливому его замѣчанію хотя о флорентійскомъ „государственномъ секретарѣ“ писано очень много, но еще и до сихъ поръ ни одна историческая личность не вызывала столько противоположныхъ сужденій. Еще не такъ давно всякія попытки увѣковѣчить его память казались чѣмъ-то въ высшей степени предосудительнымъ. Г. Виллари упоминаетъ о томъ негодованіи съ какимъ встрѣчено было многими особенно во Франціи рѣшеніе Тосканскаго временнаго правительства ознаменовать переворотъ 1859 года новымъ изданіемъ полнаго собранія сочиненій Макиавелли. Противники знаменитаго писателя старались главнымъ образомъ выставить въ ненавистиомъ свѣтѣ его личныя свойства, а поклонники говорили въ его оправданіе что въ твореніяхъ Макиавелли отразились не его собственные пороки, а пороки окружавшаго его общества. „Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. Виллари, вопросъ сводился повидимому къ тому — были ли „Principe“ и „Discorsi“ написаны честнымъ или безчестнымъ человѣкомъ, республиканцемъ или рабобѣльнымъ придворнымъ, тогда какъ гораздо основательнѣе было бы изслѣдовать научное достоинство его теорій: въ какой мѣрѣ онѣ правдивы или ложны, содержались ли въ нихъ какія-нибудь новыя истины, содѣйствовали ли онѣ въ свое время прогрессу человѣческой мысли? И это вслѣдствіе того что ложь никогда не сдѣлается истиной, если ее проповѣдуетъ добродѣтельный человѣкъ, точно также какъ истина не превратится въ ложь, если она будетъ высказана человѣкомъ порочнымъ. Конечно, не было недостатка въ писателяхъ вполне безпристрастно занимавшихся изученіемъ Макиавелли, но изъ-подъ пера ихъ выходили лишь историческіе очерки, кри-

тическія диссертациі, а не біографіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Занявшись исключительно философскою оцѣнкой его твореній, они не обращали достаточнаго вниманія ни на время когда онъ жилъ, ни на его характеръ, или доводились развитіемъ той темы, что Макиавелли получилъ свой отпечатокъ отъ современной ему эпохи, отразившейся какъ нельзя болѣе вѣрно въ его произведеніяхъ. Но въ каждой эпохѣ есть мѣсто для разнообразныхъ людей и теорій, для разнообразныхъ пороковъ и добродѣтелей; не достаточно указать на эпоху для уясненія всего того въ чемъ проявляется личная дѣятельность гениальнаго человека. Именно эту-то сторону и слѣдуетъ изучать если хотимъ составить себѣ вѣрное понятіе о мыслителѣ, особенно о такомъ мыслителѣ, какъ Макиавелли, который много заимствовалъ отъ окружающей его среды и столь же много самъ внесъ въ эту среду своими произведеніями. Я намѣреваюсь поэтому заняться подробно его эпохой, его жизнью и его трудами, чтобы изобразить его такимъ какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, со всѣмъ что было порочнаго и заслуживающаго уваженія въ его характерѣ.

Мы не сочли нужнымъ дожидаться окончанія монографіи г. Виллари, который говоритъ, что и самому ему еще неизвестно когда выйдутъ въ свѣтъ послѣдніе ея томы, ибо книга находящаяся предъ нами какъ бы представляетъ собою отдѣльное цѣлое. Макиавелли былъ безспорно однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей эпохи Возрожденія въ своемъ отечествѣ, и г. Виллари прежде чѣмъ говорить о немъ самомъ весьма естественно счелъ необходимымъ представить очеркъ этой эпохи. Въ сжатомъ, но весьма обстоятельномъ очеркѣ знакомитъ онъ читателя съ италійскимъ обществомъ конца XV вѣка, съ громаднымъ политическимъ переворотомъ совершавшимся въ его средѣ, съ научнымъ и умственнымъ его движеніемъ, съ состояніемъ его нравовъ, со всею этою привлекательною и вмѣстѣ съ тѣмъ поражающею странными аномаліями картиной, которой трудно приискать что-либо подобное въ исторіи. Еще весьма недавно приходилось намъ читать другое сочиненіе посвященное той же эпохѣ и принадлежащее извѣстному знатоку Италіи Альфреду Реймону: „Lorenzo de Medici il Magnifico“. Это такой трудъ который по обширности и основательности изслѣдованія не оставляетъ желать ничего

лучшаго, но даже и послѣ него очеркъ г. Виллари возбуждаетъ живѣйшій интересъ, благодаря таланту автора [и многимъ вполне оригинальнымъ мыслямъ.

Мы сказали сейчасъ что Италія переживала громаднѣйшій переворотъ который въ XV вѣкѣ достигъ полнаго своего развитія. Повсюду рушатся старинныя преданія и учрежденія, схоластика уступаетъ мѣсто философіи, широкій просторъ открытъ для свободнаго изслѣдованія, торговля и промышленность процвѣтаютъ какъ никогда прежде, общество со страстью изучаетъ древнихъ классическихъ писателей и такъ какъ латинскій языкъ дѣлается языкомъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, то благодаря этому Италія вступаетъ въ близкое соприкосновеніе съ Европой, которая признаетъ культурное превосходство ея надъ собою; античное искусство какъ бы снова пробуждается къ жизни на италіанской почвѣ: Брунеллески создаетъ новую архитектуру, Донателло пролагаетъ оригинальные пути для скульптуры, а Мазаччіо и дѣлая плеяда тосканскихъ и умбрійскихъ живописцевъ служатъ уже предвѣстниками Рафаеля и Микель-Анжело. Но среди всего этого блеска насъ поражаютъ странныя противорѣчія. Съ одной стороны несомнѣнно что италіанское общество достигло высокаго процвѣтанія, а съ другой точно также не подлежитъ сомнѣнію что оно находится наканунѣ глубокаго упадка или даже что упадокъ этотъ уже наступилъ для него. Мало-по-малу исчезаетъ свобода которую оно гордилось; всюду возникаютъ тираны, ослабѣваютъ семейныя узы, вся нація въ политическомъ и нравственномъ отношеніи обнаруживаетъ такую презрѣнную слабость что чужеземцы безнаказанно наносятъ ей одинъ ударъ за другимъ, и первое изъ этихъ враждебныхъ полчищъ, появившихся въ предѣлахъ Италіи, проходитъ чрезъ всю страну не сдѣлавъ почти ни одного выстрѣла. Какимъ же образомъ объяснить это малодушное безсиліе цѣлаго народа только-что заявшаго первое мѣсто сравнительно съ другими на поприщѣ литературы, науки и искусства? На вопросъ этотъ обыкновенно отвѣчаютъ тѣмъ что Италія была раздроблена, что трудно было ей совокупить разрозненныя свои силы для обороны. Но развѣ въ Средніе Вѣка раздробленность эта не была еще сильнѣе, развѣ кровавыя распри не происхо-

дали еще чаще между итальянскими областями, а была ли тогда Италия въ такомъ бѣдственномъ положеніи, въ какомъ очутилась въ концѣ XV вѣка? Еслибы было присуще ей патріотическое чувство, она изыскала бы средство мужественно отразить угрожавшую ей страшную опасность, но вмѣсто патріотизма мы не видимъ со стороны ея правителей и государственныхъ людей ничего кромѣ гнусныхъ интригъ и готовности продавать себя врагу для того чтобы съ его помощью губить другъ друга, что какъ нельзя болѣе согласовалось съ глубокою безнравственностью охватившею всѣ классы итальянскаго общества. Гдѣ же искать разгадку того что блестящее процвѣтаніе націи какъ бы идетъ рука объ руку съ жалкимъ ея растлѣніемъ?

Разгадкой должно служить то обстоятельство что переворотъ въ политическомъ и общественномъ устройствѣ Италіи былъ неизбеженъ, что переворотъ этотъ долженъ былъ породить сильную смуту во всѣхъ житейскихъ ея отношеніяхъ и что именно среди этого кризиса обрушилось на нее чужеземное нашествіе. Средневѣковая Италія даже болѣе чѣмъ другія страны Европы не представляла собою государства въ томъ смыслѣ какъ мы понимаемъ его теперь; она распадалась на болѣе или менѣе обширныя феодальныя владѣнія, на болѣе или менѣе значительныя городскія общины, причемъ каждая изъ этихъ общинъ вмѣщала въ себѣ нѣсколько корпорацій и цеховъ, соединенныхъ между собою лишь внѣшнею и слабою связью. Надъ всею этою лестрою и разрозненною массою возвышались папство и императорская власть, которая съ одной стороны хотя и усиливали зло своими непрерывными распрями, но съ другой—поддерживали нѣкоторое единство тамъ, гдѣ безъ нихъ исчезло бы всякое сознаніе этого единства. Все это измѣнилось въ XV вѣкѣ. По сосѣдству съ Италіей различныя государства усиливаются упрочивая у себя политическую централизацию и начинаютъ угрожать ей; императоры отказываются отъ своихъ притязаній на нее, а папы хотя и удерживаютъ за собою высокое положеніе въ церкви, но уже не стремятся какъ прежде быть руководителями политическихъ судебъ Европы; все вниманіе ихъ поглощено болѣе ограниченными планами, заботой о томъ чтобы въ своей Области создать для себя прочное и неограниченное свѣтское господство. Среди всего этого город-

ская община, игравшая столь важную роль въ исторіи Италіи, предоставлена была исключительно самой себѣ,—обстоятельство, на которое по мнѣнію г. Виллари, не было до сихъ поръ достаточно обращено вниманія историками. Города достигли того самостоятельнаго положенія къ которому они стремились такъ долго и должны были отнынѣ полагаться лишь на собственные силы; имъ нечего было какъ прежде ни страшиться императоровъ или папъ, ни разчитывать на нихъ. Но именно вслѣдствіе того честолюбіе и чувство самосохраненія пробудились въ нихъ сильнѣе чѣмъ когда-нибудь и каждая изъ наиболѣе значительныхъ городскихъ общинъ старается усилиться, расширить свои предѣлы. Въ виду могущественныхъ военныхъ монархій складывавшихся въ Европѣ, могли ли напримѣръ Флоренція или Венеція, желавшія играть роль въ общей европейской политикѣ, не подумать объ увеличеніи своихъ средствъ? Но тутъ-то именно и ожидала ихъ оласность. Внутреннее устройство городскихъ общинъ было таково что чѣмъ болѣе расширялись ихъ территоріи, тѣмъ сильнѣйшими отражалось это на нихъ смутами. Правами пользовались только свободные граждане самаго города, жившіе въ стѣнахъ его и число коихъ было крайне ограничено. Флоренція напримѣръ была самою демократическою изъ италіянскихъ республикъ, но и въ ней въ 1494 году, т.-е. въ то время когда конституція ея отличалась наиболѣе либеральнымъ характеромъ, изъ 90.000 жителей право гражданства принадлежало лишь 3.200. Распространить это право на людей которые не считались коренными гражданами, хотя бы эти люди и не уступали никому ни знатностью, ни богатствомъ, казалось дѣломъ совершенно невозможнымъ. Петрарка былъ ревностнымъ поклонникомъ Колы ди Ріенци, онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ провозглашеніе республики въ Римѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ и слышать о предоставленіи гражданскихъ правъ даже такимъ фамиліямъ какъ Колонна и Орсини, потому что они были „чуждаго рода“. Г. Виллари замѣчаетъ что видѣть въ то время уроженца Пизы или Пистойи въ верховномъ совѣтѣ Флоренціи было бы также страшно какъ видѣть теперь Парижанина или Берлинца засѣдающими въ италіянскомъ парламентѣ. Увеличеніе числа подданныхъ не было такимъ

образомъ источниковъ силы для того или другаго города, но служило ему во вредъ, ибо завоеванное населеніе ни въ какомъ случаѣ не мирилось съ своею участью и готово было прибѣгнуть ко всякимъ средствамъ чтобы сбросить съ себя ненавистное иго. Неудивительно что именно въ описываемое время, когда республиканскія городскія общины начинаютъ расширять свои предѣлы, возникаетъ во многихъ мѣстностяхъ Италіи сильное расположеніе къ монархіи. Макиавелли мечталъ какъ извѣстно о единой италіанской республикѣ, но Гвиччардини возражалъ противъ этого, что монархія гораздо предпочтительнѣе, ибо республика принесла бы пользу только какому-нибудь одному городу и погубила бы остальные „такъ какъ въ свойствѣ ея лежитъ предоставлять свободу лишь собственнымъ гражданамъ, а монархія заботится о благѣ всѣхъ безразлично“. Общимъ негодованиемъ встрѣчены были попытки Венеціи распространять свое владычество на полуостровѣ, ибо всѣ знали чего слѣдуетъ ожидать когда та или другая италіанская республика съ своею исключительностью и нетерпимостью подчиняетъ себѣ различныя области.

Итакъ объединеніе средней или сѣверной Италіи подъ властью какой-либо изъ сильныхъ городскихъ общинъ представлялось дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ, но точно также было трудно утверждать и монархію: этому противились всѣ преданія италіанскаго общества, обособленіемъ которыхъ дорожилъ каждый изъ городовъ, и наконецъ происки папской власти, безсильной разрѣшить эту задачу, но въ то же время достаточно могущественной для того чтобы не допустить къ разрѣшенію ея другихъ. Италія переживала этотъ мучительный кризисъ въ то время какъ все болѣе и болѣе скоплялась надъ нею гроза, разразившаяся наконецъ страшнымъ ударомъ.

Если возьмемъ теперь каждую городскую общину въ отдельности, то увидимъ что и внутри ихъ происходилъ тотъ же процессъ разложенія. Средневѣковые италіанскіе города представляли собою аггломератъ разнообразныхъ цеховъ и корпорацій; ничего не могло быть лестрѣе тогдашняго общества, распадавшагося на группы, которыя вѣчно соперничали между собою, исполнены были взаимнаго недовѣрія, но въ средѣ коихъ развитіе личности стѣнено было до крайнихъ предѣловъ. Каждый гражданинъ

имѣлъ значеніе лишь настолько, насколько принадлежалъ онъ къ извѣстной корпораціи и помимо ея не значилъ ровно ничего. Мы удивляемся напримѣръ, изумительнымъ памятникамъ архитектуры возникшимъ въ Средніе Вѣка, но намъ не извѣстны имена художниковъ трудившихся надъ ними, точно также какъ мало извѣстны имена нолководцевъ, администраторовъ бывшихъ виновниками величія своихъ городскихъ общинъ. Товарищество, корпорація стояли на первомъ планѣ, а личность совершенно ступеньвалась въ нихъ. И въ этомъ отношеніи наступаетъ рѣзкая перемена: уже въ XIV вѣкѣ мощная фигура Данта выдѣляется изъ общаго уровня, онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ что одинъ составлялъ цѣлую партію, и чѣмъ далѣе протекаетъ время, тѣмъ все опредѣленнѣе обозначаются предъ нами характеры, тѣмъ все чаще приходится намъ имѣть дѣло съ отдѣльными личностями, а не съ толпой. Происходить это отъ того что средневѣковыя корпораціи городскихъ общинъ начинаютъ распадаться, онѣ уже не поглощаютъ человѣка до такой степени какъ прежде, не въ состояніи достигнуть того чтобы въ пользу ихъ онъ жертвовалъ всецѣло своими интересами. Въ XV вѣкѣ этотъ кризисъ достигъ своего крайняго развитія. Нужно только не упускать изъ виду что если рушились старые порядки, то новые еще не успѣли сложиться и переходная эпоха отзывалась самыми гибельными послѣдствіями на общественной нравственности: человѣкъ не сдерживаемый узами, опутывавшими его нѣкогда со всѣхъ сторонъ, былъ вполне предоставленъ самому себѣ, не зналъ никакого другаго мѣрила для своихъ дѣйствій кромѣ личнаго интереса, привыкъ къ мысли что вся его будущность, положеніе его въ обществѣ зависать единственно отъ его предприимчивости и отваги....

Этимъ объясняются многія явленія въ Италіи XV вѣка, которыя иначе были бы совершенно непонятны для насъ. То было время такъ-называемыхъ тирановъ: какой-нибудь искатель приключеній, человѣкъ вовсе не отличавшійся своимъ происхожденіемъ, вдругъ становится во главѣ города или области, управляетъ ими желѣзною рукой, наводитъ ужасъ на своихъ сосѣдей. Обстоятельства были какъ нельзя болѣе благоприятны для подобныхъ подвиговъ: среди шаткости тогдашняго общаго положенія дѣлъ, когда каждый

городъ страшился утратить свою независимость, или если онъ уже утратилъ ее, то ежеминутно готовился вступить въ борьбу съ своими новыми властелинами, нельзя было пренебрегать энергическимъ вождемъ способнымъ обезпечить побѣду. Въ то время никто особенно не тревожился вопросомъ, откуда являлись эти люди и какія права имѣли они на присваиваемую ими себѣ роль,—все дѣло было въ ихъ личныхъ свойствахъ, въ ихъ умѣннн собрать около себя какъ можно болѣе приверженцевъ и искусно пользоваться обстоятельствами. Безправственность окружающаго ихъ общества отражалась на этихъ искателяхъ приключеній особенно рельефными чертами: рѣшительно все, самая наглая измѣна, отравы и убійство были вполне извинительны въ ихъ глазахъ, лишь бы достигнуть цѣли; какое бы ни совершали они возмутительное преступленіе, но если обезпечивался имъ успѣхъ, то не только они сами, но и публика видѣли въ этомъ преступленіи лишь политическую мудрость. Ведя постоянно упорную борьбу съ врагами своего города они зорко осматривались по сторонамъ, не становится ли на ряду съ ними какой-нибудь соперникъ, и если бы соперникомъ этимъ былъ даже самый близкій родственникъ, ни одинъ изъ нихъ не поколебался бы отдѣлаться отъ него страшными средствами; если война затихала на время, то нужно было принимать мѣры противъ недовольныхъ, предупреждать со стороны ихъ заговоры,—такимъ образомъ тирану приходилось постоянно быть насторожѣ, не ослабѣвать ни на минуту въ борьбѣ за существованіе. Чтобы выполнить съ успѣхомъ подобную задачу недостаточно было только желѣзной энергіи и отваги, требовалась также глубокая проникательность, знаніе людей и привычка обуздывать въ случаѣ нужды свои страсти. Тиранъ обязанъ былъ внимательно извѣшивать всѣ обстоятельства, изучить до тонкости людей надъ которыми простиралась его власть, обязанъ былъ существовавшія до него старинныя учрежденія замѣнить другими, болѣе приспособленными къ потребностямъ времени, словомъ обладать качествами настоящаго государственнаго человѣка. Эти оригинальные правители вели переговоры съ палами, королями Неаполитанскими, съ республиками Флорентійскою и Венеціанскою, старались разрушить направленные противъ нихъ интриги и сами изощряли свой умъ въ коварныхъ интригахъ, они ревностно

собирали свѣдѣнія о всемъ что происходило при соседнихъ дворахъ. Удивительно ли поэтому что итальянская дипломатія достигла въ описываемую эпоху высшаго своего совершенства? Репутація ея повсюду была такъ велика что каждый Итальянецъ считался какъ бы прирожденнымъ дипломатомъ: купецъ, писатель, предводитель какой-нибудь банды являлись къ королямъ и императорамъ и въ совѣщаніяхъ съ ними обнаруживали такъ много ловкости и такта, такое глубокое знаніе условленныхъ формъ, что возбуждали общее удивленіе.

На ряду съ успѣшною военною и политическою дѣятельностью тираны сильно интересовались литературой и были тонкими цѣнителями искусства. Эта черта въ ихъ характерѣ не можетъ не возбуждать особеннаго изумленія: что было повидимому общаго между подобными людьми, погрязавшими въ злодѣйствахъ, и благороднѣйшими проявленіями человѣческаго духа? „Если тираны, отвѣчаетъ г. Виллари, обнаруживали литературныя и артистическія наклонности, то это не было съ ихъ стороны только дѣломъ разчета, средствомъ отвлечь вниманіе подданныхъ отъ политики, но вытекало вполне изъ ихъ положенія, являлось у нихъ непритворною потребностью. Чему другому какъ не своимъ умственнымъ способностямъ обязанъ былъ тиранъ своимъ завиднымъ положеніемъ? Могъ ли онъ сдѣловательно отнестись съ презрѣніемъ ко всему тому что развиваетъ и укрѣпляетъ эти способности? Часы отдыха отъ невѣроятныхъ трудовъ, отъ кровавыхъ битвъ, охотно проводилъ онъ за книгами, окруженный писателями и художниками; библиотеки и картинныя галереи служили для него тѣмъ же самымъ чѣмъ для средневѣковаго феодалаго барона конюшня и погребъ. Все что воспитывало и облагораживало духъ было для него жизненнымъ элементомъ; въ его дворцѣ выработывался мало по-малу типъ изящнаго царедворца, представителя позднѣйшей аристократіи.“

Людей подобнаго закала насчитывались въ Италіи исхода XV вѣка цѣлые десятки. Такимъ былъ напримѣръ Франческо Сфорца, о которомъ говорили что онъ соединяетъ въ себѣ свойства льва и лисицы, искусный политикъ и храбрый полководецъ, предлагавшій свои услуги воимъ партіямъ и одинаково измѣнявшій всѣмъ имъ до тѣхъ поръ пока удалось ему захватить въ свои руки Миланъ, который при-

являть его сначала какъ избавителя, а потомъ долженъ былъ подчиниться его деспотической волѣ; человекъ не знавшій угрызений совѣсти, на душѣ коего тяготѣли страшныя преступленія, но оказывавшій ревностное покровительство наукъ и искусству; дочь его Ипполита славилась своими латинскими рѣчами, извѣстный ученый Симонета былъ его секретаремъ, а Франческо Филельфо придворнымъ поэтомъ. Таковы были тираны Баліони въ Перуджіи, о которыхъ читаемъ въ одной хроникѣ, что при нихъ вся окрестная область превратилась въ пустыню, поля оставались не засеянными и „волки жрали безпрепятственно христіанское мясо“; но не слѣдуетъ забывать что при этихъ же правителяхъ и подъ ихъ покровительствомъ Перуджія служила центромъ школы въ живописи, отличавшейся возвышеннымъ идеальнымъ направленіемъ и проложившей путь Рафаелю. Такимъ былъ Сигизмундъ Малатеста, тиранъ города Римины, чудовище жестокости, не вѣрившій въ Бога и презиравшій людей, но необыкновенно щедрый относительно ученыхъ и поэтовъ, восхвалявшихъ въ своихъ стихотвореніяхъ любовь его къ обольстительной Изоттѣ, которой въ послѣдствіи воздвигнутъ былъ въ соборной церкви великолѣпный саркофагъ—*divae Isottae sacrum*; не лучше его были и тираны Феррары, въ родѣ герцога Борсо, во дворцѣ коихъ разыгрывались неистовыя кровавыя драмы, хотя позднѣе изъ этого же дворца исходили милости на Аріоста и Тасса. Поразительная безнравственность вовсе не являлась тутъ какимъ-либо исключеніемъ; то же самое зрѣлище представляютъ намъ и другіе правители тогдашней Италіи, но по крайней мѣрѣ власть ихъ опиралась на преданія, на давнишней связи которая соединяла народъ съ ихъ династіями, тогда такъ тираны—уотребляя англійское выраженіе—были „the architects of their own fortune,“ они выступали предъ толпой со всеми своими пороками, гордясь своимъ вѣроломствомъ столько же сколько отчаяннымъ мужествомъ, и общій голосъ признавалъ что именно такіе-то люди и нужны были для тогдашней тревожной эпохи.

Военное искусство въ Италіи XV вѣка тоже находилось въ переходномъ состояніи. Въ Средніе Вѣка главную роль въ войнахъ между италіянскими городами играла легко вооруженная пѣхота: купецъ и ремесленникъ облакались въ ланцыръ и шли противъ замковъ или сосѣднихъ городовъ,

а потомъ снова возвращались къ мирнымъ своимъ занятіямъ. Конница, въ рядахъ коей стояли преимущественно люди знатнаго происхожденія, имѣла неважное значеніе. Позднѣе однако, когда войны сдѣлались продолжительнѣе, главная сила арміи заключалась во всадникахъ (*uomini d'arme*), носившихъ весьма тяжелыя вооруженія и небольшой отрядъ которыхъ способенъ былъ иногда разсѣять многочисленное пѣхотное войско. Изобрѣтеніе пороха и усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія произвели огромную перемѣну въ военномъ дѣлѣ и Флорентійцы имѣли случай убѣдиться въ этомъ на самихъ себѣ, когда въ сраженіи при Монтапери они были разбиты на-голову, несмотря на значительное превосходство своихъ силъ, небольшимъ нѣмецкимъ ополченіемъ. Необходимо было измѣнить военную организацію, но это представлялось дѣломъ крайне труднымъ для италіянскихъ республикъ. Всадниковъ слѣдовало обучать въ теченіе продолжительнаго времени, они должны были постоянно заниматься военными упражненіями, а возможно ли было требовать этого отъ ремесленниковъ и купцовъ? Постоянныхъ войскъ не существовало; дворянское сословіе наиболѣе пригодное для военнаго дѣла было почти уничтожено въ городахъ,—какъ же помочь бѣдѣ? Оставалось только прибѣгнуть къ наемнымъ войскамъ, тѣмъ болѣе что недостатка въ нихъ не оказывалось. Отъ походовъ предпринимаемыхъ императорами, отъ вторженій Французовъ и Испанцевъ оставалось не мало чужеземцевъ, бывшихъ хорошими воинами, которые не хотѣли возвратиться на родину и предлагали свои услуги всякому кто могъ хорошо заплатить за нихъ. Къ этимъ наемникамъ разнообразнаго происхожденія присоединялись мало-по-малу и Италіяны, испробовавшіе всѣ средства въ погонѣ за счастіемъ и думавшіе достигнуть его на войнѣ; многіе изъ нихъ занимали даже мѣсто во главѣ подобныхъ ополченій. То была далеко не надежная сила, солдаты повиновались вождямъ, но лишь до тѣхъ поръ пока вожди удовлетворяли ихъ страсти къ наживѣ; они безпрепятственно переходили изъ однихъ рядовъ въ другіе; что касается до вождей, то отъ нихъ требовалось много искусства, предпримчивости и нравственнаго обаянія чтобъ удерживать подъ своими знаменами какъ можно болѣе подчиненныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ

образовали какъ бы цѣлую школу въ этомъ отношеніи: таковы были Альберико Барбіано, Браччіо Монте, Сфорца, Пиччинини. Справедливо замѣчено было объ этихъ кондоттерахъ, что они пролагали въ Италію новые пути военной науки и военному искусству точно также какъ тираны выступали предвозвѣстниками новыхъ началъ въ государственномъ управленіи. И тѣ и другіе всѣмъ обязаны были своимъ личнымъ способностямъ; и въ тѣхъ и другихъ одинаково поражаетъ полнѣйшее отсутствіе нравственнаго чувства. Въ теченіе короткаго времени достигали они на избранномъ ими поприщѣ такихъ результатовъ которые производили необычайную перемѣну въ ихъ общественномъ положеніи: Муціо Сфорца получилъ титулъ коннетабля Неаполитанскаго королевства и стоялъ такъ высоко что сынъ его сдѣлался Миланскимъ герцогомъ, а въ молодости онъ собственными руками обрабатывалъ землю; знаменитый Карманьола, главнокомандующій всей Венеціанской арміи, былъ когда-то пастухомъ, а Пиччинини прежде чѣмъ взяться за оружіе принадлежалъ въ Перуджіи къ цеху мясниковъ. Наемныя войска открывали широкое поприще для всякаго имѣвшаго способности достигнуть высшихъ почестей, какъ бы низко ни стоялъ онъ до тѣхъ поръ на ступеняхъ общественной лѣстницы; всѣ эти искатели приключеній отнюдь не были одушевляемы какимъ-нибудь принципомъ, очень мало заботились объ отечествѣ, привыкли издѣваться и надъ военною честью, и надъ ненарушимостью даннаго слова: каждому изъ нихъ показалось бы крайне забавнымъ стѣснять себя подобными соображеніями когда единственною ихъ цѣлью было только пріобрѣсти вліяніе и пользоваться матеріальными благами жизни. Въ лагерѣ своемъ они вели переговоры съ посланцами отъ республикъ и государей, вступавшими съ ними въ торгъ и—характеристическая черта времени—были окружены учеными и поэтами, которые читали имъ отрывки изъ Ливія и Цицерона и сравнивали ихъ въ работѣльных стихотвореніяхъ съ Александромъ Македонскимъ, Аннибаломъ и Цезаремъ.

Занятія такого рода и среди подобной обстановки представляются для насъ въ высшей степени странными, но нужно привыкнуть къ мысли что тогдашняя Италія исполнена была волюющихъ противорѣчій. Какъ объяснить

например что люди известные пороками о какихъ не пригодно теперь даже и упоминать, люди для которыхъ страшнѣйшія преступленія были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, умѣли дѣлать и не притворно восхищались Мадоннами Беато Анжелико и Луки делла-Роббиа? Не въ XV только вѣкѣ, но и въ послѣдующемъ столѣтіи, общественная нравственность была отнюдь не лучше, а между тѣмъ едва ли когда-нибудь публика была такъ чутка къ произведеніямъ великихъ художниковъ, во главѣ коихъ стояли Микель-Анжело и Рафаель. Можно сколько угодно объяснять эти изумительныя аномаліи, это совпаденіе идеальныхъ стремленій съ глубокимъ развратомъ, но никогда они не будутъ объяснены вполне удовлетворительнымъ образомъ. „Страсти и характеры принадлежащіе къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ, замѣчаетъ г. Виллари, до такой степени переплелись въ это переходное время что они выступаютъ предъ нашими глазами какимъ-то таинственнымъ сфинксомъ, возбуждая въ насъ изумленіе граничащее съ ужасомъ.“

Кризисъ отразился на всемъ и между прочимъ на литературѣ. Извѣстно что въ описываемую эпоху изученіе писателей классической древности сопровождалось увлеченіемъ и восторгомъ какому ни прежде, ни поздѣе нельзя было бы приискать ничего подобнаго. Г. Виллари рѣшительно не согласенъ съ нѣкоторыми изъ итальянскихъ историковъ изумляющихся тому что Итальянцы, уже положившіе основы своей національной литературѣ такими произведеніями какъ *Божественная Комедія* Данта, *Декамеронъ* Боккачіо и *Canzoniere* Петрарки вдругъ исключительно обращаются къ древности и относятся съ презрѣніемъ къ своему родному языку. Нужно только внимательно изучить упомянутыя творенія, говоритъ онъ, чтобы убѣдиться что они-то и проложили тотъ путь на который выступила Италія въ XV вѣкѣ. Въ *Божественной Комедіи* классическая древность занимаетъ почетное мѣсто, почти обоготворена, *Декамеронъ* свидѣтельствуетъ какое сильное вліяніе оказала она на Боккачіо, а Петрарка былъ первымъ изъ гуманистовъ. Если сравнить названныхъ великихъ авторовъ съ писателями XVI вѣка, то тотчасъ же видно, какую громадную пользу извлекала для себя Италія въ тотъ періодъ времени когда она сосредоточивала все свое вни-

маніе на греческой и римской литературѣ, и какъ бы не хотѣла знать ничего другаго. Дантъ еще не освободился отъ схоластики, міросозерцаніе его провинуто мистицизмомъ и средневѣковыми аллегоріями, тогда какъ въ Гвиччардини и Макиавелли, хотя ихъ образъ мыслей и не согласенъ съ нашимъ, мы видимъ людей родственныхъ намъ по духу, видимъ что все вниманіе ихъ сосредоточено на дѣйствительности, что жизнь представляется имъ такою какою она есть. Они обязаны этимъ гуманистамъ: италіянскіе гуманисты XV вѣка поглощены были только древностію, а между тѣмъ открыли новый міръ, совершенно такъ же какъ Колумбъ, который искалъ путь въ Индію, а открылъ Америку. Въ обществѣ нарождались новыя понятія, новыя идеи, для выраженія коихъ прежняя національная литература, особенно по отношенію къ философіи и историческимъ наукамъ, оказывалась крайне скудною и понятенъ поэтому тотъ энтузіазмъ съ какимъ лучшіе умы обратились къ литературѣ древнихъ Грековъ и Римлянъ, открывавшей предъ ними новый горизонтъ столь привлекательный для ихъ духовнаго настроенія. Подражаніе классической древности знаменовало собою освобожденіе отъ средневѣковыхъ узъ. Все одинаково искало для себя лицу въ этой древности: живопись и скульптура учились у нея изящному воспроизведенію формъ человѣческаго тѣла; архитектура—стройности и удивительной гармоніи различныхъ стилей; литераторы—необыкновенной красотѣ и точности рѣчи; философы заимствовали у нея глубокую вѣру въ силу разума, а политики—государственныя идеи, которыми обезпечивалось вѣкогда величіе и могущество Римской республики и Римской имперіи и которыя служили указаніемъ для Италіанской націи къ чему должна она стремиться. Поклоненіе классической древности не знало границъ: тираны непремѣнно хотѣли уподобиться Цезарю и Августу; республиканцы — Бруту; кондотьеры — Сципіону и Авибабу; философы—Аристотелю и Платону; писатели—Виргилію и Цицерону. Такъ какъ въ дѣйствительности не легко было достигнуть этого идеала, то многіе спѣшили по крайней мѣрѣ отречься отъ христіанскихъ своихъ именъ, замѣняя ихъ именами излюбленныхъ ими древнихъ героев, мыслителей и поэтовъ. Нѣкоторые изъ этихъ поэтовъ и мыслителей извѣстны были и въ Средніе Вѣка и внушали къ себѣ

почти религіозное уваженіе, но изучали ихъ тогда совершенно особеннымъ образомъ. У нихъ непремѣнно хотѣли найти подтвержденіе всему тому что было особенно дорого средневѣковому обществу: ученые старались показать что Виргилій предрекалъ пришествіе Спасителя, что нравственныя воззрѣнія Цицерона были уже проникнуты евангельскимъ духомъ. Совершенно иначе относилось къ древнимъ писателямъ италіанское общество XV вѣка: оно не пыталось облечь язычество христіанскимъ характеромъ, а напротивъ какъ бы хотѣло само проникнуться язычествомъ; не довольствовалось знакомствомъ лишь съ немногими авторами, а старалось усвоить ихъ себѣ по возможности всѣхъ; древнія рукописи были отыскиваемы съ лихорадочнымъ рвеніемъ; Италіянцы постановили себѣ задачей вызвать изъ могилы, снова оживить этотъ чудный античный міръ, сами не замѣчая что новый оригинальный духъ присущъ былъ всѣмъ ихъ ловидимому рабскимъ подражаніямъ, что они трудятся не надъ возстановленіемъ того что безвозвратно отошло въ вѣчность, а утверждаютъ основы новаго зданія.

Мы не имѣемъ конечно возможности останавливаться здѣсь сколько-нибудь подробно на литературной и ученой дѣятельности въ Италіи XV вѣка и ограничимся лишь немногими замѣчаніями о тогдашнихъ гуманистахъ, съ цѣлью показать въ какомъ отношеніи находились они къ обществу и какъ отражалось на нихъ вліяніе общественной среды. О великихъ заслугахъ ихъ упоминали мы сейчасъ; что касается недостатковъ, то недостатки эти были различными и обуславливались разнообразными причинами. Чаще всего обращаются къ нимъ съ упреками въ томъ что произведенія ихъ лишены оригинальности. Подобный упрекъ слѣдуетъ считать съ одной стороны основательнымъ, а съ другой—въ высшей степени несправедливымъ. Несомнѣнная оригинальность гуманистовъ состоитъ въ общемъ направленіи ихъ дѣятельности, въ томъ что они уразумѣли великое значеніе классической древности и приглашали всѣхъ черпать изъ этого обильнаго и никогда неизсякаемаго источника. Но благоговѣніе ихъ предъ античнымъ міромъ было до такой степени безгранично что они не могли приступить къ изученію его съ самостоятель-

ными требованіями; предъ вами находилась литература справедливо очаровавшая ихъ богатствомъ своихъ идей и изяществомъ своей формы; въ виду рѣдкаго совершенства этой литературы, они полагали свою задачу единственно въ томъ чтобы собирать ея памятники, усваивать ея содержание и постоянно имѣть ее образцомъ во всемъ что выходило изъ-подъ ихъ пера. Еще не наступило время когда новыя поколѣнія, вполнѣ усвоивъ себѣ достояніе завѣщанное античнымъ міромъ, начали обнаруживать творчество въ умственной своей дѣятельности,—до тѣхъ же поръ повсюду и во всемъ мы встрѣчаемъ только подражанія, сперва неуклюжія и неудачныя, а затѣмъ достигавшія замѣчательнаго совершенства. Это подражательное направленіе выставляетъ италіянскихъ гуманистовъ съ одной стороны въ весьма невыгодномъ свѣтѣ: слово находится у нихъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ дѣломъ, вся забота обращена на то чтобы щегольнуть изящнымъ слогомъ, красивымъ оборотомъ рѣчи, не заботясь о вѣрной передачѣ мысли и чувства. Что за важность въ томъ что предметъ похвальной рѣчи служилъ иногда явный злодѣй, если только удавалось въ рѣчи этой уловить манеру Цицерона, и кого могло интересовать—проникнуть ли былъ авторъ патріотизмомъ и другими возвышенными стремленіями, если онъ умѣлъ излагать ихъ стилемъ древнихъ писателей! На недостатокъ этотъ г. Виллари указываетъ и у Петрарки, который вѣсть съ Боккачіо былъ предтечей италіянскихъ гуманистовъ. Никто напримѣръ пламеннѣе его не выхвалялъ дружбу; ознакомившись съ его письмами можно подумать что не было человека болѣе преданнаго своимъ друзьямъ, такъ увлекательно говоритъ онъ о своихъ чувствахъ, а между тѣмъ тщетно искали бы мы подтвержденіе этого въ его жизни. Возьмемъ также его страстную любовь къ Лаурѣ: конечно въ своихъ *Canzoniere* онъ нашелъ мелодражаемые мотивы для выраженія этой страсти; повидимому всякое сомнѣніе въ его искренности становится неумѣстнымъ, но не слѣдуетъ однако забывать что въ то самое время когда въ советахъ повѣщалъ онъ всему міру о глубокомъ отчаяніи испытываемомъ имъ отъ того что Лаура не удостоиваетъ его взглядомъ, Петрарка находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ другою жеззичкой, которая

советовъ отъ него не получала, но была матерью нѣсколькихъ его дѣтей. Кого же могъ увѣрить онъ что Лаура была единою неизмѣнною владычицей его думъ? Еще поразительнѣе обнаруживался этотъ разладъ во всемъ что касалось отношеній Петрарки къ современнымъ ему политическимъ событіямъ. Онъ считалъ себя однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ знаменитей фамиліи Колонна, которой по собственнымъ его словамъ былъ обязанъ всѣмъ—„счастьемъ, тѣломъ и душой“, но когда Кола ди-Риенци воздвигъ въ Римѣ гоненіе противъ этого семейства, Петрарка, въ увлеченіи своимъ знаменитымъ трибуномъ котораго такъ удобно можно было приравнивать къ героямъ древней Римской республики, увѣщевалъ его не ослабѣвать въ предпринятой имъ задачѣ: „Относительно ихъ самая неумолимая строгость будетъ угодна Богу, всякое къ нимъ состраданіе противно человѣческому чувству. Истребляй ихъ оружіемъ, не давай имъ пощады еслибы пришлось тебѣ преслѣдовать ихъ даже въ подземномъ царствѣ“. Это нисколько не мѣшало ему писать въ то же самое время кардиналу Колоннѣ: „что за важность если отъ величаваго вашего заданія и отпадетъ нѣсколько Колоннъ? Основы все-таки останутся незыблемы. Юлій Цезарь стоялъ одиноко и не смущался этимъ“. Петрарка хвалился своими республиканскими убѣжденіями, онъ говорилъ что въ его глазахъ только Брутъ достигъ саужить предметомъ безусловнаго подражанія, и призывалъ однако императора Карла IV въ Италію, которая „ждетъ его какъ невеста ожидаетъ своего жениха“, онъ обращался съ упреками къ папамъ за то что они покинули Римъ не выносящій будто бы ихъ отсутствія. Можно относиться свисходительно къ подобнымъ противорѣчіямъ, замѣчаетъ г. Виллари, если примемъ во вниманіе что все это были „не болѣе какъ литературныя упрямствія, отнюдь не выражавшія дѣйствительныхъ сколько-нибудь глубокихъ политическихъ убѣжденій, которыя ищутъ случая отъ словъ перейти къ дѣлу. Нужна была лишь тема и авторъ искусно обрабатывалъ ее по образцамъ указаннымъ Цицерономъ, заботясь преимущественно о гармоническомъ сочетаніи періодовъ“.

Тѣ же самые недостатки присущи и гуманистамъ жившимъ столѣтіемъ позднѣе чѣмъ Петрарка. „Для большинства ихъ—по замѣчанію нашего автора—слова имѣли ве-

сравненно важнѣйшее значеніе чѣмъ дѣло; позволительно было и не гоняться за добродѣтелью лишь бы умѣть краснорѣчиво разсуждать о ней; чему другому обязаны были эти великіе люди древности своею славой какъ не краснорѣчію съ которымъ ихъ жизнь и подвиги изображены были такими писателями какъ Титъ-Ливій? Развѣ Акиви-адъ и Александръ, Ганнибалъ и Сципионъ могли бы разчитывать на безсмертіе еслибы не было Ливія и Паутарха? Все зависѣло сдѣдовательно отъ краснорѣчія. Человѣкъ умѣвшій писать изящно по-латынѣ способенъ былъ упрочить не только собственную славу, но покрыть славой другихъ, на комъ онъ останавливалъ свой взоръ.“ Съ этой точки зрѣнія смотрѣли гуманисты на самыя знаменательныя явленія совершавшіяся предъ ихъ глазами. Одинъ изъ нихъ напримѣръ, пользовавшійся громкою извѣстностью въ первой половинѣ XV вѣка, Поджіо, присутствовалъ при процессѣ и казни Іеронима Пражскаго и подробно говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей. Нельзя не удивляться отвагѣ съ которою онъ выхваляетъ несчастнаго страдальца, но чѣмъ же возбудилъ онъ его сочувствіе? Своимъ ученіемъ, безстрашною борьбой съ Римскою куріей? Нисколько. Поджіо замѣчаетъ въ своемъ письмѣ что если Іеронимъ дѣйствительно проповѣдывалъ противъ папской власти, то онъ вполне заслужилъ постигшую его кару. Онъ цѣнитъ въ реформаторѣ главнымъ образомъ „мужество Катона и Мудіа Сцевола“; онъ изумляется его „ясному, пріятному и благозвучному голосу, способному съ одинаковымъ совершенствомъ выражать презрѣніе и возбуждать къ себѣ состраданіе; его учености и поразительному краснорѣчію, съ какимъ даже у подножія костра ссылался онъ на свидѣтельство Сократа, Анаксагора, Платона и отцовъ церкви“. Указанная нами черта въ направленіи италіанскихъ гуманистовъ XV вѣка объясняется почему столь охотно расточали они похвальные рѣчи тогдашнимъ правителямъ, которые своими дѣйствіями могли возбуждать лишь негодованіе и относились и тогда равнодушно къ самымъ возмутительнымъ явленіямъ въ общественной жизни. Литературный интересъ преобладалъ у нихъ надъ всѣми остальными. „Постоянное сосредоточеніе ума, говоритъ г. Виллари, на вопросахъ касавшихся не столько содержания сколько формы; незавидная жизнь многихъ

ученыхъ и поетовъ, вынужденныхъ похвальными одами и рѣчами снискивать себѣ пропитаніе, не могли конечно способствовать облагороженію ихъ характера. Если присоединить къ этому что дѣятельность ихъ протекала въ такое время когда свобода была уже подавлена, общественная жизнь находилась въ уладкѣ, а религія самими римскими первосвященниками была предавана постыдному поруганію, то не трудно составить себѣ понятіе о жалкомъ положеніи Италіи въ описываемую эпоху, когда гуманисты явились представителями общественнаго мнѣнія.“

Испорченность нравовъ отразилась и на нихъ. Подобный приговоръ не относится конечно ко всемъ одинаково—были въ высшей степени почтенныя исключенія—но большинство не въ состояніи было сохранить достоинство характера и чистоту помысловъ ереди всеобщаго разврата. Мы упоминали сейчасъ о Поджіо. Онъ принадлежалъ въ молодыхъ лѣтахъ къ духовенству и краснорѣчиво клеймилъ распущенность нравовъ духовнаго сословія, но самъ велъ жизнь далеко не безупречную. Когда одинъ кардиналъ упрекалъ его за то что онъ, не взирая на свое званіе, имѣетъ дѣтей, Поджіо отвѣчалъ ему: „дѣйствительно у меня есть дѣти и прижиты они мною съ наложницей, но вѣдь это ужъ очень старинный обычай духовенства“. Съ видимымъ удовольствіемъ рассказываетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ анекдотъ о какомъ-то аббатѣ, представившемъ папѣ Мартину V своего сына и въ отвѣтъ на упреки папы отвѣчавшемъ при громкомъ хохотѣ кардиналовъ что у него есть еще четыре другихъ, готовыхъ сложить головы въ войнѣ за интересы его святѣйшества. Карло Марзуллини, извѣстный болѣе подъ именемъ Аретино, славился позорными своими нравами. То же самое слѣдуетъ сказать о знаменитомъ между римскими гуманистами Лореацѣ Валла, одномъ изъ секретарей Римской куріи и каноникѣ Латеранскаго собора. Антоніо Панормита, пользовавшійся огромнымъ успѣхомъ въ Неаполѣ, издалъ подъ заглавіемъ *Hermaphroditus* сборникъ эпиграммъ такого постыднаго содержанія, что послѣ того, какъ выражается г. Виллари, не было мерзости къ которой не привыкло бы ухо италіанской публики. На ряду съ этою книгой нельзя поставить даже *Liber Facetiarum* Поджіо, хотя и относительно этого иславеннаго

цинизма произведенія нельзя не удивляться какъ могло оно появиться въ свѣтъ. Любопытно что *Hermaphroditus* Памориты встрѣчалъ защитниковъ даже между весьма почитаемыми людьми: такъ напримѣръ Гварико, очень извѣстный ученый и вполнѣ честный человекъ, доказывалъ что упомянутый оборотъ грязныхъ элиграммъ отнюдь не заслуживаетъ порицанія, „ибо между задачей жизни и задачами которыя преслѣдуетъ поэзія нѣтъ рѣшительно ничего общаго“. Гуманисты XV вѣка непрерывно вступали въ споры между собою и эти взаимныя пререканія выставляли ихъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтъ: любимымъ приемомъ каждаго изъ нихъ было разоблачать, частную жизнь своего противника, изображать его чудовищемъ всевозможныхъ и даже невозможныхъ пороковъ. Все это казалось въ порядкѣ вещей. „Мы не можемъ, говорить г. Виллари, воздержаться отъ изумаенія, даже отвращенія, вида что самые непристойные разговоры велись тогда въ присутствіи не только высокообразованныхъ женщинъ, но и юныхъ дѣвушекъ. Итальянецъ эпохи Возрожденія былъ убѣжденъ что обо всемъ совершавшемся въ жизни—а стыдъ и совѣсть были не рѣдко совершенно изгоняемы изъ общественныхъ отношеній—можно говорить и писать безъ малѣйшаго стѣсненія. Хотя это свидѣтельствуетъ о глубокомъ упадкѣ нравовъ, но не въ немъ только нужно искать разгадку: то было неизбежнымъ послѣдствіемъ реализма, овладѣвавшего обществомъ, потребностью духа не останавливавшегося ни предъ чѣмъ въ своемъ стремленіи къ наблюденію и изслѣдованію.“

Если лучшіе люди того времени, какими по справедливости мы должны считать гуманистовъ, не оградили себя отъ общаго растлѣнія, то и они въ свою очередь покорили себя окружающее общество, оставили на немъ неизгладимую свою печать. Никогда ни прежде, ни позднѣе значеніе представителей науки и литературы не стояло такъ высоко. Нѣчто подобное мы видимъ въ концѣ XVIII вѣка, но далеко не въ такихъ размѣрахъ. Итальянскіе правители соперничали между собою въ томъ чтобы привлечь къ себѣ лучшихъ ученыхъ и поэтовъ; они были весьма искренно проникнуты мыслью что только этимъ и могутъ придать особый блескъ своимъ дворамъ; „подобно тому.

какъ теперь, замѣчаетъ г. Виллари, нельзя устроить бала безъ музыки, въ то время не находили лучшаго и болѣе пріятнаго развлеченія для гостей какъ латинскую рѣчь или латинское стихотвореніе. Извѣстно какую славную роль игралъ знаменитѣйшій изъ Медичисовъ—Лоренцо. Великолѣпный, который самъ обладалъ многостороннимъ образованіемъ и изящнымъ вкусомъ, умѣлъ оказывать чарующее вліяніе на людей посвящавшихъ свою жизнь наукѣ и искусству и угадывая органами своимъ взоромъ таланты проложилъ путь, начиная съ Микель-Анжело, не малому числу тѣхъ имена коихъ гремѣли потомъ въ Италію; извѣстно какую обильную пищу находили для себя представители тогдашняго ученаго и артистическаго міра въ его дворцѣ, откуда не только направлялъ онъ нити своей политики во все концы Европы, но гдѣ ежедневно происходили оживленныя бесѣды о поэзіи, философіи и филологіи. Другіе итальянскіе государи, которые никакъ не заслуживали чести быть поставленными на ряду съ Лоренцо, были не менѣе его охвачены могущественнымъ движеніемъ совершавшимся вокругъ нихъ. Альфонса Арагонскаго сабдууетъ по справедливости причислить къ тѣмъ тиранамъ, о которыхъ мы говорили выше; война служила ему ремесломъ и въ войнахъ провелъ онъ всю свою жизнь. О немъ сохранились однако вполнѣ достовѣрныя извѣстія, что онъ всячески старался привлечь къ себѣ ученыхъ и поетовъ и ежегодно расходовалъ на пенсіи имъ не менѣе 20.000 дукатовъ; Тита-Ливія цѣнилъ онъ такъ высоко что Козьма Медичисъ счелъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для того чтобы склонить его къ миру—послать ему въ подарокъ рѣдкую рукопись этого историка. Когда однажды случилось ему съ войскомъ проходить около мѣсторожденія Овидія, онъ выстроилъ солдатъ и приказалъ имъ воздать почести памяти славнаго поэта; Филельфо увѣрялъ будто Квинтъ Курцій служилъ ему лѣкарствомъ отъ болѣзней,—онъ чувствовалъ облегченіе прочитавъ нѣсколько страницъ изъ этого писателя. Историкъ Фазіо подарилъ онъ 1.500 дукатовъ, сверхъ обычной пенсіи, замѣтивъ ему при этомъ: „мнѣ вовсе не приходится на мысль цѣнить этою суммой вашъ трудъ, ибо онъ не имѣетъ цѣны“, а оратора Манетти вынужденнаго спастись бѣгствомъ изъ Флоренціи приглашалъ къ

себя, обѣщаясь „раздѣлить съ нимъ въ случаѣ нужды послѣдній кусокъ хлѣба“. Что касается названнаго нами сейчасъ ученаго, Флорентійское правительство отправило его въ 1447 году въ Римъ чтобы поздравить папу Николая V съ востшествіемъ на престолъ; какъ только пронеслась вѣсть о его прибытіи, множество любопытныхъ стало стекаться отовсюду въ вѣчный городъ; папа выслушалъ рѣчь Манетти съ величайшимъ вниманіемъ и по окончаніи ея началъ осылать и оратора и всѣхъ сопровождавшихъ его Флорентинцевъ — рассказываетъ авторъ одной хроникѣ—„такими восторженными похвалами какъ будто Флоренція одержала громкую побѣду“. Венеціанскіе кардиналы тотчасъ же написали своему правительству что если заботится оно о достоинствѣ республики, то обязано отправить въ Римъ посла который не уступалъ бы Манетти въ краснорѣчіи. О гуманистѣ Франческо Филельфо сохранилось извѣстіе что не только въ Италіи—особенно въ Миланѣ, служившемъ почти постояннымъ его мѣстопробываніемъ—пользовался онъ безграничнымъ авторитетомъ, но что даже султанъ Магометъ II освободилъ изъ темницы его тещу и невестку, вслѣдствіе того что получалъ отъ него греческую оду и письмо, въ которомъ содержалась между прочимъ слѣдующія строки: „Я одинъ изъ тѣхъ которые употребляютъ краснорѣчіе свое на прославленіе славныхъ дѣлъ и великихъ людей; смертныхъ дѣлаю я бессмертными, и намѣренъ воспѣть и твои подвиги оставившіе тебѣ побѣду по волѣ Божьей и по винѣ Латинянъ“.

Удивительное и исполненное странныхъ противорѣчій общество! Съ одной стороны достигло оно необыкновеннаго процвѣтанія культуры, а съ другой—истощаетъ силы въ судорожныхъ безплодныхъ попыткахъ установить у себя какой-нибудь прочный политическій порядокъ; на ряду съ рѣдкою утонченностью нравовъ мы видимъ такіа дикія проявленія страстей которыя наводятъ на мысль о варварскихъ временахъ; воинственное настроеніе овладѣваетъ всеми до такой степени, что даже папы становятся во главѣ армій и лично руководятъ осадой крѣпостей; среди этого грома оружія люди съ неописаннымъ энтузіазмомъ предаются мирнымъ занятіямъ наукой и искусствомъ,

вмѣтатія эти тѣсно сближаютъ всѣ сословія, всѣ классы общества; женщины не хотятъ ни въ чемъ уступить мужчинамъ, изучаютъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, ведутъ философскіе диспуты, со страстью предаются политическимъ интригамъ и участвуютъ въ войнахъ. Разумъ ставится единственнымъ мѣриломъ всего и достигая великихъ результатовъ обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на каждомъ шагѣ свое жалкое безсиліе. Религіозныя вѣрованія какъ бы совершенно исчезаютъ, а между тѣмъ проявляется неутолимая жажда вѣрить во что-нибудь и найти какую бы то ни было опору для своихъ сомнѣній: каждый правитель, каждый кондотьеръ держитъ при себѣ астролога, безъ совѣта котораго не отваживается ни на какое предпріятіе.

Многіе изъ итальянскихъ писателей, подъ вліяніемъ весьма законнаго патріотизма, стараются оправдать нравственное раставіе Италіи въ XV вѣкѣ, утверждая что то была общая черта эпохи, что другія европейскія государства представляли отнюдь не болѣе привлекательное зрѣлище. Имъ не трудно конечно приискать примѣры въ подтвержденіе своихъ словъ. Не такъ думали однако Итальянцы въ описываемое время: венеціанскіе и флорентійскіе послы при дворѣ Карла VIII и Лудовика XII постоянно издѣваются надъ французскимъ обществомъ,—по мнѣнію ихъ французскіе государственные люди лишены способностей, дипломаты невѣжественны, въ правленіи нѣтъ никакой системы и все предоставлено на волю случая, но даже и они вынуждены сознаться что общественный порядокъ Франціи зиждется на прочныхъ основахъ, а прочность эта обуславливается обаяніемъ королевской власти въ глазахъ народа. Делеши Гвиччардини изъ Испаніи доказываютъ что онъ и презиралъ и ненавидѣлъ эту страну, но и у него однако встрѣчаются частыя указанія на то что политика которую преслѣдовалъ Фердинандъ-католикъ, какъ нельзя болѣе согласовалась съ интересами Испанскаго народа и что именно это обстоятельство обуславливало величіе и значеніе Испаніи. Макіавелли приравнивалъ нравы Нѣмцевъ и Швейцарцевъ ко нравамъ древнихъ Римлянъ,—многозначительная похвала въ устахъ такого ревнистаго поклонника старинной доблести своихъ предковъ. Словомъ, всѣ лучшіе люди сознавали что въ современной имъ Европѣ было что-то

такое чего именно не доставало ихъ отечеству, и не трудно догадаться чего именно не доставало ему. Тогдашнія, на-
примѣръ, Французское и Испанское правительства, какъ бы
ни казались они дурны, преслѣдовали національныя цѣли,
созидали политическое единство своихъ государствъ, и въ
этомъ заключалось неизмѣримое превосходство ихъ предъ
итальянскими тиранами, для которыхъ ничего не было выше
личнаго интереса, которые ломышляли лишь о томъ чтобы
захватить власть и пользоваться ею какъ можно долѣе. Къ
этому присоединяется еще и другое соображеніе: политика
XV вѣка была вообще крайне неразборчива на средства,
но занималась ею въ европейскіхъ государствахъ толь-
ко лица стоявшія во главѣ управленія; въ Италіи же —
по уломанутымъ нами причинамъ — политика отдѣлялась
васущною потребностью, любимымъ занятіемъ множества
людей принадлежавшихъ къ различнымъ классамъ обще-
ства; всякій изъ нихъ считалъ возможнымъ достигнуть
высшихъ почестей; всякій принималъ участіе въ загово-
рахъ и позволялъ себѣ не останавливаться ни предъ ка-
кимъ преступленіемъ чтобы отдѣлаться отъ враговъ. Та-
кимъ образомъ зло приняло здѣсь гораздо большіе размѣры,
заразило почти все общество, — обстоятельство, на которое
необходимо обратить вниманіе если хотимъ объяснить себѣ
причины печальнаго улада нравовъ, выставляющаго тог-
дашнюю Италію въ столь невыгодномъ свѣтѣ сравнительно
съ другими европейскими странами.

II.

Исторія Италіи въ эпоху Возрожденія имѣетъ не только
огромное культурное значеніе, но отличается также и въ
высшей степени драматическимъ интересомъ. Какіе мощ-
ные оригинальные характеры проходятъ предъ нами, какая
сложная борьба страстей, сколько движеній и самыхъ по-
разительныхъ катастрофъ! Весьма естественно что поэти-
ческое вдохновеніе не переставало пользоваться для своихъ
цѣлей этимъ богатымъ матеріаломъ и еще не далѣе какъ
на днѣхъ одѣлана была подобная же попытка. Одинъ изъ
французскихъ писателей, графъ Гобино, долгое время за-
нимавшій дипломатическій постъ на Востоку и извѣстный,

между прочимъ, своею исторіей Персіи, * издалъ рядъ драматическихъ хроникъ, въ которыхъ поставилъ себѣ задачей воспроизвести лица и событія итааліанской исторіи XV и XVI вѣковъ. Впервые книга эта сдѣлалась намъ известна по отзыву появившемуся въ англійскомъ журналѣ *The Academy*. Вотъ что было тамъ сказано о ней: „Г. Гобино тщательно изучилъ избранную имъ эпоху и представилъ намъ изумительно вѣрную (*wonderfully true*) и рельефную картину ея въ драматическихъ своихъ сценахъ, героями коихъ служатъ Саванарола, Цезарь Борджіа, Юліи II, Левъ X и Микель Анжело. Не знаемъ, будутъ ли эти сцены вполнѣ понятны для читателей не достаточно знакомыхъ съ событіями, сумѣютъ ли они оцѣнить надлежащимъ образомъ историческую ихъ правду и психологическую тонкость въ очертаніи характеровъ, но всякому сколько-нибудь свѣдущему читателю доставятъ онѣ высокое наслажденіе. Колоритъ эпохи воспроизведенъ какъ нельзя болѣе точно и въ нѣкоторыхъ сценахъ есть нѣчто почти Шекспировское, особенно слѣдуетъ это сказать о тѣхъ гдѣ появляются Саванарола и Цезарь Борджіа.“ Главнымъ образомъ на нихъ-то и хотимъ мы остановиться, уже потому что сказанное нами выше можетъ послужить къ уясненію общаго содержанія упомянутыхъ сценъ заимствованныхъ изъ XV вѣка.

Отдавая полную справедливость достоинству хроникъ г. Гобино, позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе. По нашему мнѣнію авторъ сдѣлалъ ошибку поставивъ себѣ слишкомъ широкую задачу. Онъ не ограничился нѣсколькими отдѣльными эпизодами, а захотѣлъ изобразить цѣлое столѣтіе, не остановился на немногихъ наиболѣе выдающихся историческихъ личностяхъ, а вознамѣрился познакомить насъ со всѣми дѣятелями эпохи. Кого только не видимъ мы предъ собою въ начертанныхъ имъ сценахъ: Саванаролу и короля Лудовика XII, папу Александра VI и Филиппа Комина, Цезаря Борджіа и Макіавелли, Лукрецію и Бембо, Микель-Анжело и Рафаеля, Юлія II,

* *Histoire des Perses, d'après les auteurs orientaux, grecs et latins, et particulièrement d'après les manuscrits orientaux inédits, les monuments figurés, les médailles et les pierres gravées.* 2 vol. Тому же автору принадлежитъ сочиненіе: *Céphononie. Naixie et Terre-Neuve* 1 vol.

Льва X, Франциска I, императора Карла V, поэта Кле-
 мама Маро и Витторіо Колонна! Мы далеко не перечисли-
 ли здѣсь всѣхъ дѣйствующихъ лицъ носившихъ громкія
 имена въ политическомъ мірѣ, литературѣ и искусствѣ.
 Нужно дѣйствительно обладать Шекспировскимъ тала-
 нтомъ чтобъ очертить рельефно каждый изъ этихъ харак-
 теровъ, чтобы, заставляя ихъ иногда проходить почти
 мелькомъ предъ глазами читателя, отчетливо запечатлѣть
 въ умѣ его каждую изъ этихъ оригинальныхъ физіономій,
 но хотя въ названной нами англійской газетѣ и упомянуто
 имя Шекспира, мы полагаемъ что сравненіе съ нимъ слиш-
 комъ опасно для г. Гобино. Очерки его черезчуръ отзыва-
 ются лампой Демосеена. Въ нихъ мало творчества, а глав-
 ное вниманіе обращено на то чтобы не впасть въ противо-
 рѣчіе съ историческими документами. Этой цѣли достигъ
 авторъ какъ нельзя лучше, хотя и не удалось ему избѣ-
 жать, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, крутыхъ
 погрѣшностей. Укажемъ для примѣра на характеристику
 Макиавелли. Г. Гобино хотѣлъ прослѣдить какимъ образомъ
 постепенно складывались и видоизмѣнялись убѣжденія это-
 го государственнаго человѣка и съ этою цѣлью выводитъ
 онъ его въ каждой изъ своихъ хроникъ, заставляя его про-
 износить двинные монологи о политикѣ. Пріемъ довольно
 странный для драматическаго произведенія. Къ сожалѣнію
 онъ влагаетъ въ уста флорентійскаго государственнаго се-
 кретаря такія рѣчи которыя никакимъ образомъ не могли
 принадлежать ему. Въ молодости своей Макиавелли являет-
 ся подъ перомъ нашего автора страстнымъ поклонникомъ
 Саванаролы. „Бѣдный отецъ Іеронимъ“, восклицаетъ онъ,—
 „враги погубили его! Нѣсколько лѣтъ сряду преслѣдовали
 они его какъ звѣря, окружили наконецъ со всѣхъ сторонъ,
 прижали къ стѣнѣ и нанесли ему смертельный ударъ. Ина-
 го исхода не могло и быть. Этотъ человѣкъ жилъ своими
 мечтами, онъ создалъ для себя цѣлую поэму, въ которой все
 было проникнуто религіознымъ одушевленіемъ, чистотой
 помысловъ, мудростью, честностью и искренностью. Онъ
 самъ глубоко вѣрилъ въ истину и ему казалось что такъ
 легко заставить вѣрить въ нее другихъ; весь поглощенный
 своими благородными фантазіями онъ не замѣчалъ что
 окружавшій его людъ похожъ на идиотовъ Моавитянъ съ уша-
 ми чтобы ничего не слышать и съ глазами чтобы ничего

не видѣть. Вся задача его жизни состояла въ томъ чтобы водворить среди насъ господство мира, свободы, справедливости, а мы отплатили ему междуусобною войной, кровопролитіемъ и нарушеніемъ всѣхъ правъ...“ О молодости Макиавелли мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, но какъ нарочно сохранилось отъ этого времени письмо, въ которомъ онъ выражаетъ свое мнѣніе о Саванаролѣ. До него дошелъ слухъ, пишетъ онъ какому-то своему другу, о проповѣди монаха который „обращается съ духовными лицами хуже чѣмъ съ собаками“; который „дозволяетъ себѣ говорить даже о папѣ такія возмутительныя вещи какъ еслибы дѣло шло о самомъ презрѣнномъ человѣкѣ“; который „очевидно поставилъ себѣ задачей угодить вкусу публики, стараясь въ то же время облечь свою ложь въ привлекательную форму.“ Макиавелли изумляется какимъ образомъ могли Флорентійцы подчиниться подобному вліянію. Вотъ и все что извѣстно объ отношеніяхъ его къ Саванаролѣ. Но еслибы даже и не существовало этого историческаго документа, то уже на основаніи произведеній Макиавелли трудно было бы предположить чтобы человѣкъ съ такимъ холоднымъ, трезвымъ, разсчитаннымъ умомъ могъ увлечься проповѣдью монаха судившаго обо всемъ съ точки зрѣнія своихъ восторженныхъ видѣній. Это было вовсе не въ характерѣ Макиавелли. Такимъ образомъ при всѣхъ своихъ стараніяхъ соблюсти историческую вѣрность г. Гобино очевидно отступилъ здѣсь отъ нея. Многое можно было бы возразить также противъ того какъ выставилъ онъ палу Александра VI. Несомнѣнно что этотъ папа былъ тонкій политикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великій злодѣй, но не слѣдуетъ предполагать чтобы умъ его былъ занятъ только обдумываніемъ политическихъ плановъ и изобрѣтеніемъ гнусныхъ интригъ для осуществленія ихъ. Прежде всего и болѣе всего хотѣлъ онъ наслаждаться жизнью; въ злодѣйствѣхъ его не было ничего суроваго, мрачнаго, напротивъ съ перваго взгляда онъ поражалъ даже добродушіемъ, которымъ прикрывается иногда глубоко развращенная натура. „Спокойствіе его казалось невозмутимымъ, говорить г. Виллари, улыбка не сходила съ его устъ, особенно очарователенъ былъ онъ съ женщинами, страсть къ которымъ преобладала въ немъ надъ всѣми другими страстями.“ Такимъ именно изображаютъ Александра въ

своихъ делешахъ венеціанскіе послы, очень нерѣдко появлявшіеся въ компаніи знатныхъ дамъ, въ испанскомъ костюмѣ, съ кинжаломъ за поясомъ и съ бархатнымъ беретомъ на головѣ; такимъ именно былъ этотъ человѣкъ, вплоть сознававшій свои преступленія—*conscious sui criminis*—и висколько не тяготившійся ими, который не рѣдко проводилъ цѣлыя ночи въ шумныхъ оргіяхъ, позволялъ себѣ всякія излишества и висколько не страдалъ отъ нихъ, такъ что венеціанскій посолъ, Калеалло, съ изумленіемъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Палѣ минуло семьдесятъ лѣтъ, а между тѣмъ онъ молодѣетъ съ каждымъ днемъ; происходитъ это оттого что онъ всегда находится въ веселомъ настроеніи духа и не мучитъ себя никакими заботами“. Ни одною изъ этихъ чертъ не воспользовался г. Гобино. Онъ посвящаетъ между прочимъ Александру VI довольно длинную сцену, въ которой заставляетъ его бесѣдовать съ Лукреціей исключительно о политикѣ; лала нѣсколько мрачнымъ тономъ излагаетъ своей дочери различные политическіе планы и старается облегчить горе причиненное убійствомъ ея супруга, донъ-Альфонса. „Воздержись отъ недостойныхъ слезъ хотя бы только потому что онѣ безполезны; помышляй болѣе о славѣ нашего дома, о его будущности, и пусть всякія другія соображенія исчезнутъ предъ этимъ благороднымъ честолюбіемъ. Знай что къ людямъ призваннымъ господствовать надъ другими не примѣняются обычныя правила жизни, что обязанности свои они должны понимать совершенно особымъ образомъ. Качества быть-можетъ весьма почтенныя во всякой другой женщинѣ, оказались бы пороками въ тебѣ, еслибъ они послужили причиной гибели нашего дома. Великій міровой законъ состоитъ не въ томъ чтобы дѣлать непременно то или это, стремиться къ одной цѣли или избѣгать другой, а чтобъ упрочивать свое могущество, развивать энергію“ и т. д. все въ томъ же родѣ. Конечно, правоученія подобнаго рода характеристичны въ устахъ Александра VI, но какъ мало исчерпывается ими образъ этого человѣка! Что касается неутѣшной вдовы Лукреціи Борджіи, то г. Гобино очевидно при изображеніи ея руководился извѣстною монографіей Грегоровіуса. Онъ лопалъ даже гораздо далѣе. Грегоровіусъ старается оправдать Лукрецію отъ вводимыхъ на нее преступленій, но все-таки изображаетъ ее

женщиной легкомысленною, не обладавшею сильными страстями и служившею лишь орудіемъ въ рукахъ своей отвратительной семьи. У французскаго автора, напротивъ, онъ выходитъ на сцену только для того чтобъ или горько жаловаться на свою судьбу, или подавать мудрые совѣты своему мужу, герцогу Феррарскому, или же бесѣдовать с Бембо о будущихъ судьбахъ Италіи. Вотъ между прочимъ что заставляетъ онъ ее говорить въ отвѣтъ на разсужденія влюбленнаго въ нее поэта о томъ какъ можно было бы спасти отечество отъ постигшихъ его бѣдствій: „Вы—большой ребенокъ. Я не хочу оспаривать ваши фантазіи, но поймите же что еслибъ онъ и осуществились, это не принесло бы счастья ни вамъ самимъ, ни другимъ. Истинно великое въ этомъ мірѣ заключается лишь въ любви къ искусству, въ любви къ произведеніямъ ума, наконецъ въ сердечной любви двухъ существъ; когда жизнь въ теченіи своемъ увлекаетъ васъ на одинъ изъ острововъ, не изобилующій цвѣтами, и надъ которымъ скопились тучи, отрадно въ эти минуты направлять свою мысль къ предметамъ имѣющимъ вѣчное, непреходящее значеніе, но недостаточно цѣняемымъ нами въ ранней молодости.“ Рисуя такимъ образомъ Лукрецію, авторъ имѣетъ по крайней мѣрѣ оправданіе въ томъ что и настоящіе историки старались выставить ее по возможности въ привлекательномъ свѣтѣ. Другой вопросъ—насколько были справедливы подобные историки. Любопытно между прочимъ что г. Виллари рѣшительно не раздѣляетъ пристрастія Грегоровіуса къ знаменитой дочери палы Александра VI. Онъ не вѣритъ чтобы Лукреція могла сохранить нравственную чистоту среди пролитанной ядомъ атмосферы, которою дышала она съ юныхъ лѣтъ; онъ не придаетъ значенія условнымъ фразамъ современныхъ ей писателей въ родѣ той что она отличалась „мудростью и честностью“. Подобные термины были употребляемы тогда безъ малѣйшаго разбора. Одинъ изъ людей близкихъ къ папѣ Александру, Вуркардъ, говоря въ своемъ дневникѣ объ оргіи устроенной Цезаремъ Борджіей, на которую была приглашена цѣлая толпа женщинъ замѣдомо лозорной жизни, употребляетъ слѣдующее выраженіе: *In sero fecerunt coenam cum duce Valentinense in camera sua, in palatio Apostolico, quinquaginta meretrices honestae...*

Замѣчаніями нашими мы хотѣли только показать что обративъ вниманіе свое главнымъ образомъ на историческую вѣрность событій и лицъ, г. Гобино все-таки не вполнѣ достигъ своей цѣли. А между тѣмъ до какой степени стѣсняя его этотъ страхъ не очутиться въ противорѣчіи съ документами, эта заботливость не давать слишкомъ много простора своей фантазіи! Вотъ почему наиболѣе удачными вышли у него народныя сцены и вообще тѣ въ которыхъ онъ имѣетъ дѣло не съ историческими лицами. Какъ бы то ни было книга читается съ большимъ интересомъ. Постараемся хотя отчасти познакомиться съ ея содержаніемъ.

Героемъ первой изъ хроникъ является Савонарола. Большинство нашихъ читателей не постыгутъ на насъ если въ краткомъ очеркѣ—руководствуясь превосходною монографіей г. Виллари *—мы остановимся на замѣчательной личности. Не задолго до нашествія Карла VIII на Италію, Савонарола, доминиканскій монахъ, пріоръ монастыря Св. Марка, приобрѣлъ громадное вліяніе во Флоренціи своею восторженною проповѣдью противъ распущенности нравовъ и постыднаго уклада католическаго духовенства. Никакъ нельзя сказать чтобъ его образъ мыслей соотвѣтствовалъ господствовавшему тогда общественному настроенію: индифферентизмъ въ дѣлахъ вѣры неудержимо распространялся вокругъ него, а онъ былъ проникнутъ религіознымъ энтузіазмомъ; лучшіе люди жадно изучали древнюю классическую литературу, а онъ былъ воспитанъ въ понятіяхъ средневѣковой схоластики; тогдашнее—какъ выражался онъ—языческое направленіе науки и искусства не возбуждало въ немъ ничего кромѣ ненависти и презрѣнія; онъ не лишенъ былъ однако политическаго смысла, во по временамъ дѣйствовалъ и говорилъ какъ истуленный; онъ самъ твердо вѣрилъ что призванъ спасти Италію, очистить церковь отъ вкравшихся въ нее злоупотребленій, и весьма искренно считалъ себя пророкомъ: эту увѣренность раздѣляла и толпа послѣ того какъ случилось ему въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ предсказать нашествіе цезарей, и послѣ того какъ предсказаніе это было оправдано событіями 1494 года. Даже люди скептическаго образа

* Означенная монографія извѣстна намъ въ нѣмецкомъ переводѣ: „Geschichte Savonarola's und seiner Zeit“ uebers. von Berduscheck, 1868.

мыслей не могли не поддаться обаянію Савонаролы: такъ на примѣръ Лоренцо Великолепный, находясь на смертномъ одрѣ, пожелалъ видѣться съ нимъ и просилъ у него отпущенія грѣховъ. Разгадку громаднаго значенія которымъ пользовался краснорѣчивый монахъ слѣдуетъ однако считать главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ что, сосредоточивая свои взоры на церковныхъ дѣлахъ, онъ являлся въ то же время ревностнымъ приверженцемъ народного правленія: онъ не возлагалъ большихъ надеждъ для успѣха задуманной имъ церковной реформы на господствовавшіе классы общества, при содѣйствіи коихъ власть сосредоточилась въ рукахъ Медичисовъ, и проповѣдывалъ о необходимости возстановить старинныя учрежденія, старинныя вольности и свободу. Вотъ что привлекало къ нему горячее сочувствіе толпы, которая иначе быть-можетъ, не откликнулась бы вовсе на призывъ, обращенный исключительно къ ея религиознымъ чувствамъ.

Въ 1494 году, съ прибытіемъ во Флоренцію Карла VIII, вліяніе Савонаролы сдѣлалось безграничнымъ: въ эту трудную минуту когда Медичисы вынуждены были удалиться изъ города, когда всюду господствовало страшное замѣшательство, а Французы пользовались имъ для своихъ корыстныхъ цѣлей, Савонарола дѣйствовалъ съ рѣдкимъ присутствіемъ духа, являлся къ королю, угрожалъ ему гнѣвомъ Божиимъ если онъ не очиститъ отъ своихъ войскъ территорію республики и успѣлъ склонить его къ этому мѣрѣ. Вслѣдъ затѣмъ по совѣтамъ и указанію его установлена была новая форма правленія. Среди политической дѣятельности Савонарола не забывалъ ни на минуту главную свою задачу, состоявшую въ преобразованіи церкви: онъ былъ ревностный католикъ, не нападалъ вовсе на принципъ папской власти, а настаивалъ лишь на необходимости созвать соборъ и изложить Александра VI за его порочный образъ жизни. Пала прибѣгалъ ко всякимъ средствамъ чтобы подѣйствовать на отважнаго монаха: въ ласковыхъ выраженіяхъ звалъ его къ себѣ въ Римъ, но тотъ не поддавался на эту приманку; запретилъ ему проповѣдывать, но на запрещеніе такого рода не обращено было ни малѣйшаго вниманія во Флоренціи; предлагалъ ему кардинальскую палку, но Савонарола лишь усиливъ свои обличенія. Вниманіе всей Италіи обращено было на эту борьбу

въ которой Александръ Борджіа торжествовавшій не разъ надъ несравненно болѣе могущественными противниками не могъ справиться съ простымъ монахомъ. Неизвѣстно каковъ былъ бы ея конецъ, еслибы Флоренція осталась вѣрна Саванаролѣ, но онъ жестоко ошибался, думая что вліяніе его тамъ было обезпечено вполне надежнымъ образомъ. Въ сущности у него и у большинства его согражданъ были, какъ уже упомянуто выше, совершенно различныя цѣли: онъ отстаивалъ свободное правленіе для того чтобъ обезпечить успѣхъ церковной реформы, а Флорентинцы обнаруживали сочувствіе къ его реформаторскимъ планамъ лишь для того чтобы утвердить у себя свободу. Проповѣдь Саванаролы служила имъ рычагомъ для низверженія Медичисовъ и приверженцевъ этой фамиліи; проповѣдь эта воспламенила народъ, подвинула его на отважныя рѣшенія, — во всемъ этомъ было много искренности, Флорентинцы дѣйствительно увлеклись на время стремленіями совершенно чуждыми ихъ понятіямъ и правамъ, но было большою ошибкой разчитывать что подобное настроеніе можетъ быть продолжительно, что Флоренція какъ бы превратится въ монастырь. Лишь только политическая цѣль была достигнута, общество начало отъноситься уже равнодушіемъ къ рѣчамъ Саванаролы, предписывавшимъ постъ, молитву и христіанскіе подвиги. Этимъ не замедлили воспользоваться люди которые давно уже жаждали возвратиться къ прежнему разгульному образу жизни и относились съ насмѣшкой къ увѣщаніямъ доминиканскаго монаха и его друзей (такъ-называемые *Contrapassati*); къ нимъ присоединилась олигархическая партія (*Arrigbiatti*) и партія приверженцевъ Медичисовъ (*Bigi*). Въ 1497 году сдѣлана была попытка возобновить прежній веселый карнавалъ съ его вакханаліями и непристойными зрѣлищами: Саванарола послѣшилъ принять противъ этого мѣры; ему удалось на время пробудить снова религіозное увлеченіе и даже въ послѣдній моментъ оно проявилось бытъ-можетъ сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, — по наущенію проповѣдника дѣти выступили обличителями порока, они входили въ дома, отыскивали соблазнительныя книги, картины и рисунки, маскарадные костюмы, сожигали ихъ и все это совершалось безпрепятственно со стороны гражданъ, но то былъ лишь послѣдній проблескъ пламени. Число враговъ Саванаролы увеличивалось съ каждымъ днемъ.

А между тѣмъ никогда еще не нуждался онъ такъ сильно въ общемъ сочувствіи какъ именно въ это время. Пала изрекъ противъ него отлученіе отъ церкви; Саванарола объявилъ что подобный приговоръ не имѣетъ никакого значенія въ устахъ человѣка достигшаго престола симоніей и поддерживавшаго свою власть убійствами; онъ обращался съ посланіями ко всѣмъ европейскимъ государямъ, убѣждая ихъ содѣйствовать созванію собора, чтобы предотвратить конечную гибель католической церкви. Страсти разгорались все сильнѣе и сама Флоренція уже раздѣлена была на два враждебные лагеря. Непредвидѣнное обстоятельство ускорило катастрофу: францисканскій монахъ Франческо Пулья, проповѣдывавшій противъ Саванаролы, заявилъ однажды что готовъ вмѣстѣ съ нимъ пройти чрезъ костеръ съ цѣлью обнаружить справедливость того или другаго изъ защищаемыхъ ими ученій. Самъ Саванарола промолчалъ, но одинъ изъ его учениковъ, Доменико Буонвичини, человѣкъ недалекаго ума, но отличавшійся религіознымъ рвеніемъ, принялъ вызовъ отъ его имени и въ такой опредѣленной формѣ что отступить оказалось невозможнымъ. Особенно Arriabiatti и Compagnacci настаивали на упомянутомъ испытаніи съ цѣлью компрометтировать своего противника. Такимъ образомъ должно было состояться зрѣлище, представлявшее дикій анахронизмъ въ то время и особенно въ тогдашней Италіи,—все уже было приготовлено для него и въ назначенный день явились на площадь предъ городской ратушей съ одной стороны Саванарола и Доменико, съ другой Пулья и Джульиано Рандинелли; не трудно вообразить какая ужасная толпа собралась смотрѣть на ихъ предстоящій подвигъ. Любопытство толпы было однако обмануто, цѣлый день прошелъ въ пререканіяхъ между монахами, а сильный дождь разогналъ вечеромъ присутствовавшихъ; вліяніе Саванаролы было окончательно потрясено: напрасно приверженцы его доказывали—и довольно основательно—что онъ самъ былъ готовъ идти въ огонь, что прелѣтствія возникли преимущественно со стороны францисканцевъ; толпа твердила что въ такомъ случаѣ слѣдовало ему одному, не дожидаясь своихъ противниковъ, подвергнуться испытанію, и что если онъ не отважится на это, то по недостатку вѣры. Реакція возрастала съ каждымъ днемъ. Нѣкоторые изъ учениковъ проповѣдника были даже умерщвлены на улицахъ; затѣмъ

вооруженная толпа напала на монастырь Св. Марка, извлека оттуда Саванаролу вмѣстѣ съ наиболѣе преданными его почитателями, Сильвестромъ Маруффи и Доменико, и бросила ихъ въ темницу.

Исходъ этой печальной исторіи былъ очевиденъ теперь для всякаго. Надъ несчастными узниками назначено было судебное сѣдство, во время котораго они неоднократно подвергались жестокому пыткамъ. Вслѣдъ за тѣмъ папа Александръ прислалъ во Флоренцію двухъ комиссаровъ съ порученіемъ осудить Саванаролу „во что бы то ни стало, еслибы даже онъ былъ самымъ Ионномъ Крестителемъ“. Весной 1498 года на ризаа Signoria воздвигнутъ былъ костеръ, а на верху его крестъ, на которомъ повѣсили Саванаролу и двухъ его товарищей; немедленно послѣ этой казни трупы ихъ были сожжены и пепелъ брошенъ въ Арно. „Въ этой драмѣ, говоритъ г. Виллари, было много геройскаго и много поверхностнаго: геройскимъ сѣдуетъ считать непоколебимую вѣру и самопожертвованіе Саванаролы, а поверхностнымъ то религіозное рвеніе, которое, какъ казалось ему, онъ устрѣмлялъ пробудить въ своихъ согражданахъ. Флорентинцы стремились достигнуть лишь свободы и съ энтузіазмомъ относились къ проповѣдямъ монаха только потому что идея о народномъ господствѣ встрѣчала въ нихъ опору для себя. Но какъ скоро свобода, по мнѣнію ихъ, была упрочена и Саванарола своею церковною реформой сталъ создавать опасности для республики, они не задумались привести его въ жертву злобѣ и мстительности Александра VI Борджіа.“

Вотъ событія которыя г. Гобино попытался изобразить въ своей драматической хроникѣ.

Первая сцена происходитъ въ Болоньѣ, въ монастырѣ доминиканцевъ. Полночь. Луна освѣщаетъ внутренній дворъ, посреди коего видны деревья, цвѣты и нѣсколько надгробныхъ памятниковъ; на стѣнахъ старинныя фрески: изображенія святыхъ въ красныхъ и голубыхъ одеждахъ съ истощенными лицами, въ смиренной позѣ; около одной изъ стѣнъ огромный мраморный крестъ. Настоятель монастыря, Иеронимъ Саванарола и Сильвестръ Маруффи тихо прохаживаются по двору.

Саванарола. Да, часъ наступилъ. Пора дозвать торжество слову Божію и наполнить имъ весь міръ. Мракъ

разстѣвается и зараждающійся свѣтъ безпомядно выставляеть на видъ всю срамоту укоренившагося разврата. Сколько-ни демонами окружены мы въ нашихъ недугахъ! Они стараются умножать ихъ. Они раздуваютъ пламя лишь только начинается оно гаснуть. Изгонимъ ихъ отъ себя. Примемъ мѣры чтобы нашъ вѣкъ былъ менѣе постыденъ чѣмъ предшествовавшій, освободимся отъ оцѣленія которое охватило нашихъ предковъ, но освободимся отъ него не для того чтобы сѣять на землѣ зло. Повѣдаемъ истину народамъ, станемъ во главѣ ихъ, внушимъ имъ энергію... Ахъ, честный отецъ, вы скажете конечно что не такому недоноску какъ мыѣ приimatingся за подобную задачу, но помните ли вы подвиги бѣднаго пастуха Давида?

Н а с т о я т е л ь. Конечно. Но убѣжденъ ли ты что голосъ съ неба призываетъ тебя къ столь великому предпріятію?

С а в а н а р о л а. Богъ повелѣваетъ мнѣ, Богъ руководитъ мною. Могу ли я ошибиться въ этомъ, испытывая все что происходитъ теперь въ моей груди!

С и л ь в е с т р ь. Это такъ. Онъ правъ. Его ученость, его краснорѣчіе, его добродѣтели—развѣ все это не достаточно убѣдительные признаки? Что же можетъ быть яснѣе этого и не слѣдуетъ ли ему воспользоваться своими дарами?

Н а с т о я т е л ь. Я ничего не отрицаю, но къ чему такая послѣдствіе? Не лучше ли дѣйствовать осторожно? Въ сущности чего ты домогаешься, Иеронимъ? Сколько могу повѣять тебя, ты хочешь преобразовать церковь, привудить и великихъ и малыхъ къ соблюденію евангельскаго закона, но полагаешь ли ты что задача эта легка? Вспомни что еще недавно ученѣйшіе люди и соборы тщетно пытались разрѣшить ее и что мы живемъ теперь подъ лавицей Александра VI. Удобная ли это минута чтобы обратиться къ міру съ проповѣдью объ умерщвленіи плоти?

С а в а н а р о л а. Для Бога нѣтъ удобныхъ и неудобныхъ минутъ, все онъ одинаково для Него пригодны. Повторяю: часъ наступилъ, нужно дѣйствовать. Ничего нѣтъ прочнаго въ телерешнее время, столь отличное отъ предшествовавшихъ вѣковъ; все находится въ водоворотѣ и покрыто льной; отнынѣ среди обновленнаго горизонта суждено произойти еще небывалому зрѣлищу и зрѣлище это будетъ направлено къ добру если восторжествуетъ святой Крестъ, и ко злу—если нечестивымъ удастся испровергнуть его. Неужели не видите что происходитъ предъ вашими глазами? Появляются мнимые мудрецы которые совлекаютъ со стѣнъ потускнѣвшія и вышедшія изъ моды изображенія, столь лѣтнвшія нашихъ предковъ; Италія кипитъ дерзкими искателями приключеній, неизвѣстно откуда явившимся государами, наемными солдатами, тиранами въ городахъ и деспотами въ замкахъ, — и вся безъ различія ответственность, большая и малая, отдана на расхищеніе этой алчной толпы, къ которой присоединяются еще воики

цѣлыми стадами переселяющіеся къ намъ изъ Франціи и Испаніи. И сколько однако утѣшительнаго посреди такихъ невыразимыхъ дѣйствій! Народы пробуждаются, протираютъ себѣ глаза, алчутъ и жаждутъ лишь одного — спокойствія и свободы; главнымъ образомъ спокойствія и справедливости, блага коихъ никогда не были извѣстны предшествовавшимъ поколѣніямъ. А я твержу имъ: просите прежде всего вѣры. Безъ вѣры ничто не имѣетъ смысла и все превращается въ адъ. Но гдѣ же эта вѣра? Гдѣ искать ея источникъ? Духовенство не умѣетъ дать отвѣта, кардиналы раздираютъ церковь, а папа — не стану говорить о немъ: вы сами знаете что это такое. Если не уберечься заранее, то ненавистныя ереси распространятся повсюду. Уже и теперь возникаютъ онѣ въ различныхъ христіанскихъ государствахъ, а на помощь имъ являются другія исчадія зла — ученые, опьянѣвшіе отъ гордости что они могутъ наконецъ читать произведенія сохранившіяся отъ древней Греціи и Рима. Развѣ вы не слышите какіе совѣтники, по мнѣнію ихъ, должны замѣнить для насъ великія свѣтила богословской науки? Это — Платонъ, Сенека, презрѣнный Марціалъ, непотребный Овидій, развратный Анакреонъ, а затѣмъ всѣ эти Луканы, Петроніи, Стаціи, Апулеи и Катуллы; даже убѣжденные сѣдинами старики, чуть ли не болѣе обезумѣвшіе чѣмъ молодежь, осмѣливаются утверждать въ своемъ нечестивомъ энтузізмѣ что любая страница Цицерона стоитъ цѣлой главы Святаго Евангелія! Кажется довольно было бы и этой опасности, достаточно и ея чтобы сбить съ толку вѣрующіхъ, но нѣтъ! Кисть солеричааетъ съ перомъ, а съ кистью рѣзецъ скульптора, выставляя во всей наготѣ предъ изумленной толпой постыдныя тайны... Не приходилось ли вамъ слышать о томъ что они называютъ любовью къ искусству и что въ сущности есть не что иное какъ гнусная похоть? Безобразія эти проникли даже въ наши церкви, превратившіяся такимъ образомъ въ синагоги дьявола. Рисуя Св. Магдалину и Св. Себастіана считаютъ долгомъ обнажать человѣческое тѣло съ такимъ же безстыдствомъ какъ еслибъ это были Аполлонъ и Венера. Неужели же хотите вы чтобъ я, я, который видитъ, осязаетъ, чувствуетъ, понимаетъ всю эту мерзость, душа котораго преисполнена бѣшеннымъ къ ней отвращеніемъ, — что бы я дозволилъ ей грязнить несчастное человѣчество и не поставилъ бы свою жизнь преполой противъ ея налыва. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я не хочу предаваться бездѣйствію въ виду этого нашествія скопищъ сатаны. Я вступаю на защиту времени въ которое живемъ мы и — главное — изготовляю оружіе для будущаго. Наступающій вѣкъ, возродившись, движется по пути къ безконечнымъ пространствамъ вѣчности, поглотивъ безслѣдно грязные остатки зла и порожденнаго имъ разврата.

Настоятель. Итакъ, говоря болѣе спокойною и разумною рѣчью, ты намѣренъ вступить въ борьбу со всеми предрѣжащими властями: въ борьбу со властью духовною, съ могуществомъ свѣтскихъ государей, со слабостями, пороками и погрѣшностями обыкновенныхъ смертныхъ? Не это ли твоя задача?

Саванарола. Да, и я возьмусь за нее. Пусть я погибну, но что за важность... Стоять ли мои кости чтобы беречь ихъ!.. Но если ожидаетъ меня успѣхъ, если я буду проклятъ, раздавленъ, обезчещенъ, но Италия, наша дорогая Италия будетъ обязана мнѣ свѣтлою вѣрой, мощною свободой, чистыми добродѣтелями, то что могло бы возбудить ваши жалобы?

Настоятель. Рѣшительно ничего. Гдѣ же ты думаешь начать свою проповѣдь? Въ Венеціи?

Саванарола. Венеція слишкомъ олутана узами свѣтской мудрости. Она присоединится къ намъ послѣдняя.

Настоятель. Въ Римѣ?

Саванарола. Римъ это — столпъ спасенія погруженный въ море нечистотъ. Флоренція — вотъ настоящее мѣсто. Смерть Лоренцо Медичиса развязываетъ мнѣ руки; онъ преградилъ бы мнѣ путь, потому что былъ язычникъ, но власть его сына Піетро подколола въ самомъ корнѣ; и высшее сословіе и народъ потерпѣли много бѣдствій; если они и преисполнены пороковъ, то по крайней мѣрѣ понимаютъ что такое справедливость и добродѣтель; они умѣютъ разсуждать и на нихъ можно дѣйствовать для успѣха реформы. Къ тому же во Флоренціи народъ любитъ меня, прислушивается къ моимъ рѣчамъ и ожидаетъ моего поавленія.

Настоятель. Иди же и я благословлю тебя. Почтуйте меня оба. Вамъ суждено трудиться надъ тѣмъ о чемъ я самъ мечталъ въ молодые мои годы и что кажется мнѣ неизмѣримо труднымъ... Быть-можетъ, вы правы... Глубокая грусть сжимаетъ мое сердце..

Саванарола. А я одушевленъ напротивъ безпредѣльно радостными надеждами. Братъ Сильвестръ, готовъ ли ты слѣдовать за мною?

Сильвестръ. На жизнь и смерть. Никогда я не отстану отъ тебя.

Саванарола. Ну такъ въ путь! Отворяй ворота. Какая обширная долина разстилается предъ моими взорами: точно также широко и предпріятіе задуманное нами! Не замѣчаешь ли ты кого-то тамъ на дорогѣ?...

Сильвестръ. Я ничего не вижу.

Саванарола. А я ясно вижу двѣ человѣческія фигуры, освѣщенныя луной, и свѣтъ отъ коихъ падаетъ по направлению къ Флоренціи...

Сильвестръ. Но гдѣ же?

Саванарола. Вонъ тамъ, тамъ... Смотри лучше: это вѣра въ Бога и отечество. Онѣ простираютъ къ намъ руки. Впередъ, Сильвестръ, за мною!

Послѣ этой сцены, такъ живо рисующей Саванаролу, авторъ переноситъ насъ въ кабинетъ миланскаго регента, Лудовика Мора, злаго генія тогдашней Италіи, главнаго виновника намѣстствія Франгузовъ; въ бесѣдѣ съ ближайшими друзьями онъ отчасти разоблачаетъ предъ ними свои адскіе замыслы и въ то же самое время льститъ Леонардо да Винчи сладкими рѣчами: „О какъ жизнь была бы привлекательна и отрадна еслибы протекала она подобно райскому ручью среди зеленѣющихъ и плодоносныхъ луговъ науки и искусства! Но ты знаешь насколько дѣйствительность не соответствуетъ этимъ благороднымъ помысламъ; на какія страданія обречены злополучные люди поставленные небомъ во главѣ народовъ!“ Затѣмъ предъ нами Ватиканъ, другой вертелъ интригъ, гдѣ глава католической церкви даетъ инструкціи посланъ которыхъ отправляетъ онъ въ Константинополь чтобы заключить тѣсный союзъ съ Турками; а вотъ—лагерь Франгузовъ, посреди коего самъ король Карлъ VIII съ его легкомысліемъ и пустотой явившійся въ Италію только для того чтобы „обнаружить предъ цѣлымъ міромъ свою доблесть и изумить его блестящими подвигами своего оружія.“ Никому изъ этихъ властителей, среди грубаго ихъ эгоизма, коварства и жестокости, не приходитъ и мысль какими ужасными дѣйствіями отзывается ихъ безчеловѣчство на народъ. Съ одной стороны безвыходное безпомощное горе, а съ другой—до такой степени очерствѣвшія сердца что они становятся совершенно неспособны откликнуться на него! Автору достаточно иногда немногихъ и даже не слишкомъ рѣзкихъ чертъ чтобы обозначить эти поразительные контрасты. Вотъ напримѣръ дорога посреди пустаго поля недалеко отъ французскаго лагеря: по близости отъ нея горитъ крестьянскій домъ; хозяинъ этого дома лежитъ на землѣ и горько плачетъ, а рядомъ съ нимъ сидятъ два стрѣлка королевскихъ войскъ, Жанъ Бонно и Жакъ Лами; они ѣдятъ хлѣбъ съ лукомъ, заливая этотъ завтракъ виномъ.

Жакъ Лами (*обращаясь къ крестьянину*). Сколько же лѣтъ было твоей женѣ?

Крестьянинъ (*продолжая плакать*). Около двадцати лѣтъ.

Жанъ Бонно. А хорошенькая была она? Да полно, не плачь. Что ты реवेशь словно теленокъ. Ну убили ее такъ убили, что жь тутъ дѣлать....

Крестьянинъ (съ отчаяніемъ). Боже мой, Боже....

Жакъ Лами. Это все отъ того что—изволишь видѣть—мы Гасконцы охулки на руки не положили. Хочешь хлѣба?

Крестьянинъ. Нѣтъ... О Боже...

Жанъ Бонно. Да пойми же, любезнѣйшій, что стараго не вернешь. Вѣдь теперь война. Надо же солдату и позабыться немножко...

Крестьянинъ. Бѣдная, бѣдная моя жена...

Жакъ Лами. Вотъ вмѣсто того чтобы хныкать, ты бы шелъ тушить пожаръ. Вѣдь домъ сгорить до тла.

Крестьянинъ. Мыѣ все равно.

Жанъ Бонно. Чтѣ за скотина! Ну прощай, братъ. Пойдемъ Жакъ.

Жакъ Лами. Пойдемъ. Это дѣйствительно какая-то безчувственная скотина.

Мы говорили выше о наемныхъ войскахъ въ Италіи, о предводителяхъ этихъ войскъ, людяхъ безъ чести и совѣсти, продававшихъ свои услуги кому угодно, но очень часто не остававшихся чуждыми тому умственному и артистическому движенію которое совершалось вокругъ ихъ. Картина г. Гобино была бы не полна еслибы онъ не познакомилъ насъ съ этимъ страннымъ явленіемъ принадлежавшимъ исключительно Италіи XV и XVI вѣковъ. Онъ посвятилъ ему только одну сцену, но краски его отличаются такою яркостью что сцена эта говоритъ гораздо краснорѣчивѣе воображенію читателей чѣмъ всякаго рода комментаріи объ италіанскихъ кондотьерахъ. Мы находимся недалеко отъ ихъ лагеря, въ саду наполненномъ кипарисами и цвѣтами; среди этого сада небольшой, но чрезвычайно красивый палаццо съ колоннами, аркадами, статуями и съ loggia, которую поддерживаютъ сатиры изъ терракотты. Внутри дворца—роскошно убранная зала, въ одномъ изъ угловъ коей стоитъ на мольбертѣ картина. Картиною любуются предводитель наемниковъ Ангилара, товарищъ его Брандолино и реалолитанскій поэтъ Каритео.

Ангилара. Ну синьйоръ Каритео,—здѣсь вы такой тонкій цѣнитель искусства,—какъ вамъ нравится эта вещь?

Каритео. Если не ошибаюсь, она вышла изъ подъ кисти Барбарелли.

Ангилара. Угадали! Картина принадлежитъ Джіоржіоне и едва ли не лучше всего чтѣ онъ когда-нибудь сдѣлалъ. Впрочемъ не стѣсняйтесь, критикуйте какъ хотите...

Каритео. Дѣйствительно, это превосходное произведение.

Ангилара. Очень радъ что вы такъ думаете. Мнѣ только-что сейчасъ привезли ее.

Каритео. Удивительно, удивительно хорошо. Никогда еще колоритъ не достигалъ такой яркости и къ тому же на всемъ какъ бы отражается манера Леонардо Винчи. И какая оригинальность! (Жолько смѣлости и огня! Джіоржіоне безспорно составляетъ славу нашего вѣка.

Калитанъ Брандолио. Что касается меня, я предпочитаю флорентійскихъ живописцевъ Венеціанцамъ: рисунокъ ихъ гораздо строже, а въ манерѣ есть что-то мужественное, приводящее меня въ восторгъ.

Каритео. Нѣтъ, ужъ повѣрьте мнѣ, Джіоржіоне и Беллини—богоподобные люди.... Позволю себѣ однако замѣтить что синьйоръ Ангилара не посовѣтовалъ кажется художнику отскакивать на небѣ образецъ для этой великолѣпной Ююны, а чуть ли не указалъ ему этотъ образецъ на землѣ...

Ангилара (улыбаясь). Вы слишкомъ нескромны, а дамы никогда не прощаютъ нескромности... Однако шутки въ сторону, вы въ самомъ дѣлѣ узнали ее?

Каритео. Еще бы, хотя нужно сознаться что художнику, несмотря на его гений, не удалось воспроизвести всю несравненную прелесть оригинала.

Ангилара. Да, оригиналъ недурень.

Брандолио. Нельзя не позавидовать синьйору Ангиларѣ: онъ счастливъ во всемъ.

Входитъ калитанъ Бартеломео Фальчіера, тоже кондотьеръ, находящійся съ своимъ отрядомъ въ войскѣ Ангилары.

Фальчіера (обращаясь къ Ангиларѣ). Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Ангилара. Чтѣ такое? Я очень теперь занятъ. Впрочемъ говорите.

Фальчіера. Вчера по жалобѣ негодныхъ горожанъ сиваченъ былъ одинъ изъ лучшихъ моихъ солдатъ и говорить что вы хотите его повѣсить.

Ангилара. Знаю эту исторію. Дѣйствительно вашъ солдатъ будетъ повѣшенъ. Мнѣ жалко васъ, но все-таки его повѣсать.

Фальчіера. Примите однако во вниманіе, синьйоръ, какой я потеряю убытокъ. Вотъ уже цѣлыхъ четыре года какъ я обучалъ молодца, содержалъ его на свой счетъ, давалъ ему впередъ жалованье, а онъ еще долженъ мнѣ не меньше лятнадцати дукатовъ. Кто же возвратитъ мнѣ ихъ?

Ангилара. Согласенъ, что все это прискорбно, но я не могу допустить чтобы мучили и терзали горожанъ и поселятъ, а именно этимъ и занимался вашъ воинъ. Онъ лоймалъ крестьянина и преспокойно поджаривалъ его правую ногу, обѣщаясь сдѣлать то же самое и съ лѣвою, если тотъ не отдастъ ему своихъ денегъ (всѣ сплываются).... Но вѣдь если

мы будемъ допускать подобное обращеніе съ жителями, то скоро сами умремъ съ голоду, за нами будутъ охотиться какъ за хищными звѣрями. Надо принимать противъ этого мѣры. Будемъ заниматься своимъ ремесломъ, но пусть же и другіе предаются своимъ занятіямъ. Нѣтъ, дѣло рѣшеное, я повѣшу вашего солдата.

Фальчіеро. Ужъ такова моя судьба,—одно несчастье за другимъ. Вотъ еще недавно, въ послѣдней нашей встрѣчѣ съ Венеціанцами, одинъ изъ моихъ жандармовъ упалъ и умеръ.

Ангилара. Неужели же кто-нибудь изъ непріятелей рѣшился убить его?

Фальчіеро. О нѣтъ, товарищи наши съ противной стороны даже помогали поднять трупъ: вѣдь это были люди изъ отряда Бендивольой. У жандарма просто приключилась апоплексическій ударъ отъ жары и отъ тяжести вооруженія.

Ангилара. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Утѣштесь, капитанъ, нужно умѣть переносить горе; у Сенеки вы найдете на этотъ счетъ отличные совѣты, а между тѣмъ присядьте-ка къ столу и выпейте бутылку фрѳуальскаго, которое смѣло могу рекомендовать вамъ.

Въ эту минуту къ собесѣдникамъ присоединяется венеціанскій сенаторъ Винченцо Квирини; въ ушахъ у него серьги съ рубинами, на шеѣ массивная золотая цѣпь, шапка увязана жемчугомъ.

Ангилара. А, это вы, сивьѳоръ Винченцо! какъ я радъ, какое счастье....

Квирини. Привѣтъ мой сивьѳору Каритео и всѣмъ вашимъ почтеннымъ гостямъ. Безъ предисловія объявляю прямо что я имѣю къ вамъ порученіе отъ моего правительства. Оно желаетъ знать, хотите ли вы поступить къ нему на службу?

Ангилара. Срокъ моего условія съ Аррагонцами истекаетъ чрезъ мѣсяцъ... Сколько же вы дадите мнѣ?

Квирини. Двѣнадцать тысячъ дукатовъ ежемѣсячно на полномъ содержаніи.

Ангилара. Этого слишкомъ мало. Я и теперь получаю не менѣ четырнадцати тысячъ; сивьѳоръ Сфорца и Французы дѣлаютъ мнѣ самыя лестныя предложенія.... Если желаете чтобы я поступилъ къ вамъ на службу, то платите сколько нужно, а не желаете—я сойду съ другими.

Квирини. Боже, какая великолѣпная картина!.. Юнона обнимаетъ Юпитера... Превосходно... Какъ не узнать Джоржіоне: только онъ способенъ на подобныя чудеса... Но позвольте, мнѣ кажется что Юнона... поздравляю васъ, сивьѳоръ Юпитеръ! Увѣряю васъ, любезный другъ, что если вы перейдете къ намъ, я буду въ восторгѣ, но конечно вамъ

нужно прежде всего соблюсти свои интересы. Что же делать! Мы найдемъ другихъ кондотьеровъ, не столь славныхъ, но за то болѣе податливыхъ...

Ангилара. Нѣтъ, за такую цѣну вы найдете развѣ какую-нибудь дрянъ: ни кардиналъ Калуанскій, ни Колеоне, ни Пиччинино, ни даль-Верме не примутъ вашихъ условій. Впрочемъ постуляйте какъ хотите. Не забудьте только что слишкомъ дешевый товаръ не приноситъ покупщику ничего кромѣ убытка... Примите въ соображеніе что у меня уже было шесть осадныхъ орудій, а теперь я купилъ еще столько же; вчера привезли ихъ мнѣ. Два изъ нихъ изобрѣтены Микель-Анжело Буанаротти. Посмотрѣли бы вы какъ они стрѣляютъ...

Брандолино. Я присутствовалъ при опытахъ и просто пришелъ въ содроганіе.

Ангилара. Ни у одного ополченія нѣтъ такой артиллеріи какъ у меня. Прислуга при ней состоитъ изъ Нѣмцевъ; каждому изъ нихъ я плачу по шестнадцати флориновъ въ мѣсяцъ. Кромѣ того подъ моимъ начальствомъ двѣ тысячи отлично вооруженныхъ и обученныхъ всадниковъ, тысяча албанскихъ страдіотовъ и четыре тысячи прекраснѣйшей пѣхоты.... Неужели же по вашему мнѣнію я поступаю безсовѣстно прося шестнадцать тысячъ дукатовъ?..

Квирино. Такъ-то такъ... Конечно, можно было бы согласиться на эту сумму... Только злые языки утверждаютъ будто вы не очень любите подвергать ваши войска опасности изъ боязни испортить ихъ.

Ангилара (залащиво). А это отъ того что подобно всѣмъ настоящимъ полководцамъ я стараюсь одерживать побѣды искуснымъ маневрированіемъ. Къ чему мнѣ обрѣкать своихъ людей на рѣзню безъ всякой необходимости? что за глупость, что за дикое варварство не щадить бѣдныхъ солдатъ только изъ желанія безсмысленно расточать удары направо и налево! Это хорошо для какихъ-нибудь Швейцарцевъ, Испанцевъ, Французовъ, для всѣхъ этихъ варваровъ, но вѣдь мы Италіянцы!

Квирино. Увы, эти варвары не останавливаются ни предъ чѣмъ и въ концѣ-концовъ перевѣсъ долженъ оказаться на ихъ сторонѣ.

Ангилара. Пусть они дѣлаютъ какъ знаютъ, а я всегда буду вести войну по правиламъ... Спросите-ка вашего Альвиано, считаетъ ли онъ благоразумнымъ жертвовать своими солдатами, а вѣдь нельзя отрицать что это очень храбрый человѣкъ.

Квирино. Онъ не можетъ пожаловаться на насъ ни относительно почестей, ни богатства; между прочимъ мы подарили ему мѣстечке Парденоне съ округомъ.

Ангилара. И онъ превратилъ его въ рай, сдѣлавъ его сборищемъ для артистовъ, литераторовъ, устроивъ тамъ

академію, которая славится повсюду. Дайте мнѣ средства обезлечить себя такой же изящный и благородный образ жизни и я стану служить вамъ не хуже чѣмъ онъ.

К в и р и н и. Но для этого олять-таки нужно то о чемъ я уже говорилъ, обязуетесь ли вы всякій разъ когда представится необходимость стоять твердо не щадя вашихъ солдатъ?

А н г и л а р а. Я отвѣчу вамъ съ полною откровенностью: противъ другихъ кондотьеровъ—никогда! Согласитесь сами, было ли бы прилично, благородно, честно причинить потери товарищу, который при первомъ удобномъ случаѣ не пожалѣлъ бы и моихъ войскъ, съ которыми я разсорился бы на вѣки и не могъ бы уже очутиться подъ одними знаменами? Повторяю вамъ—никогда! Но что касается варваровъ, я смѣло пойду противъ нихъ,—конечно въ томъ случаѣ если вы согласитесь улачивать мнѣ столько-то за cadaго убитаго человека, столько-то за cadaго раненаго, за каждую лошадь и т. п. Угодно или нѣтъ?

К в и р и н и. Мнѣ кажется, мы можемъ сойтись на этихъ условіяхъ.

А н г и л а р а. Слѣдовательно нужно только заключить формальный договоръ. Оставимъ это до завтрашняго дня, а теперь садитесь съ нами ужинать.

Б р а н д о л и н о. Предупреждаю васъ что синьора Морелла находится здѣсь.

К в и р и н и. Въ самомъ дѣлѣ?

А н г и л а р а. Браво! Посмотрите какъ онъ покраснѣлъ...

К в и р и н и. Но, любезный другъ, вашъ лагерь представляеть собою и Аены и Аматыту!

Б р а н д о л и н о. Мы угостимъ васъ также превосходною музыкой, а синьоръ Каритео и Серафимъ Аквилано прочтутъ намъ свои новыя стихотворенія.

К в и р и н и. Еще одно слово. Если мы согласимся вполнѣ на счетъ условій и вы поступите на службу республики, то можете ли поручиться что войска ваши не будутъ слишкомъ разорять поселянъ?

А н г и л а р а. Я строго слѣжу за дисциплиной. На этотъ счетъ будьте спокойны. Спросите вотъ капитана Фальчиеру, онъ имѣетъ возможность подтвердить вамъ мои слова.

К в и р и н и. И прекрасно. Для насъ это дороже золота.

А н г и л а р а. Довольно говорить о дѣлахъ; пора предаться удовольствіямъ. Пойдемъ ужинать...

Изъ лагеря кондотьеровъ авторъ переноситъ насъ во Флоренцію, гдѣ Савонарола находится уже въ апогеѣ своего вліянія и славы. Необычайное зрѣлище представлялъ собою этотъ проповѣдникъ, принадлежавшій къ разряду тѣхъ немногихъ избранныхъ, которыхъ одинъ нѣмецкій писатель * справедливо называетъ „воплощенными идеями“; мы

* Hermann Grimm, *Leben Michelangelo's*, I, 99.

уже знаетъ какая идея всецѣло овладѣла имъ; только для нея онъ и жилъ и она сообщала словамъ его неопровержимую убѣдительность, ибо искусство играло въ рѣчахъ его незначительную роль. Судя по отзывамъ современниковъ, Савонарола не былъ ораторомъ въ настоящемъ смыслѣ слова,—о немъ существуетъ преданіе что фантазія его не была роскошна, что онъ не поражалъ блескомъ сравненій и образовъ, но за то было у него другое средство дѣйствовать на толпу, — такая сила убѣжденія предъ которою ничто не могло устоять. То во что вѣрилъ Савонарола представлялось для него какъ бы совершившимся фактомъ и вѣру эту онъ умѣлъ сообщать скептическому, насмѣшливому обществу, сначала съ недоумѣніемъ прислушивавшемуся къ его проповѣди, затѣмъ мало-по-малу безусловно покорившемуся ей. Подъ вліяніемъ ея женщины слѣпили снимать съ себя всякія украшенія и появлялись въ самой скромной одеждѣ, заклятые враги примирялись между собою, люди которые нечестными путями приобрѣли богатство, отказывались отъ него. Г. Гобино попытался дать коматіе объ одной изъ проповѣдей Савонаролы, но можно было бы сказать заранѣе что попытка его окажется неудачною: подобныя вещи не поддаются воспроизведенію. За то какъ нельзя лучше обозначилъ онъ въ нѣсколькихъ сценахъ разладъ все болѣе и болѣе усиливавшійся въ обществѣ, оппозицію реформѣ задуманной Савонаролой, которая сначала едва осмѣливалась возвышать свой голосъ, а затѣмъ вступила въ открытую борьбу съ проповѣдникомъ, и отчаянными средствами къ которымъ прибѣгалъ онъ чтобы подавить ее. Мы присутствуемъ при ожесточенныхъ распряхъ художниковъ: одни изъ нихъ готовы смотрѣть на прославившее ихъ искусство какъ на языческій грѣхъ, другіе только и мечтаютъ о томъ чтобы освободиться отъ гнета тяготѣвшаго надъ ихъ дѣятельностью вслѣдствіе необычайнаго настроенія общества; на ряду съ этимъ купцы повѣряютъ другъ другу свои сѣтованія на застой торговли всякими предметами роскоши; любовная встрѣча ночью въ саду указываетъ на то что Флоренція уже возвращается къ своимъ прежнимъ правамъ. А вотъ еще одна сцена, столь живо рисующая тогдашнее время: въ кабинетѣ заваленномъ книгами и рукописями ученый сидитъ за столомъ погружившись въ чтеніе. Вбѣгаетъ горничная:

Синьйоръ докторъ, сейчасъ начнется проповѣдь. Развѣ вы не слышите благовѣсть?.. Если не хотите идти въ церковь, такъ и скажите прямо... Вѣдь я напоминаю вамъ уже въ четвертый разъ. Глухи вы что ли? Синьйоръ докторъ....

Эллинистъ. Что такое, мой другъ?

Горничная. Проповѣдь, проповѣдь, проповѣдь! Отецъ Геронимъ проповѣдуетъ сегодня въ S. Maria dei Fiori. Весь городъ собирается тамъ... Понимаете?

Эллинистъ. Да, проповѣдь... проповѣдь... Отчего же не пойти послушать проповѣдь...

Горничная. Скажите пожалуйста: отчего же не пойти! Какъ вамъ нравится это! Да если вы не пойдете, то и готовьте себѣ сами обѣдъ. Сохрани меня Богъ прислуживать безбожнику...

Эллинистъ. Ты совершенно права. Прекрасная ты женщина: меня радуетъ что ты питаешь такія чувства. Стулай, а я сейчасъ же надѣну свое коричневое платье и отправлюсь вслѣдъ за тобою.

Горничная. Смотрите же не опоздайте. Полно вамъ каркать надъ книгами, а то не найдете мѣста въ церкви.

Эллинистъ. Говорю тебѣ что сейчасъ иду. (*Горничная уходитъ.*) Ах! Нужно прервать изслѣдованія этого труднаго мѣста чтобы слушать бредни которыми ублажаютъ уши простонародья. Смыслъ этой необычайно важной фразы очевидно зависитъ отъ того надъ какимъ слогомъ поставить удареніе. Надъ предпоследнимъ?... кажется такъ... впрочемъ еще увидимъ, а теперь предстоитъ одурѣть отъ глупостей Савонаролы. Боже, что за рабство! О невѣжды, о фанатики! Когда же, бессмертные боги, музы и нимфы, отдѣляемся мы отъ этого стада... Нужно однако слышать чтобы не подвергнуться гоненіямъ: хорошо еще что до сихъ поръ не было у меня полицейскаго обыска. Неужели эта тираниа будетъ долго продолжаться!...

Въ другихъ домахъ и на улицѣ проносятся еще болѣе поразительныя сцены, въ изображеніи коихъ авторъ нисколько не уклонился отъ исторической истины. Онъ такъ характеристиченъ что не можемъ не привести ихъ здѣсь.

Толпа дѣтей бродитъ по главной городской площади. Одинъ изъ нихъ, маленькій Бони, громко плачетъ.

Мальчикъ (*обращаясь къ нему*). Что съ тобою?

Бони. Какой-то грубиянъ ударилъ меня кулакомъ по головѣ. Вотъ тотъ самый который лосеалъ въ ту сторону...

Мальчикъ. За что же онъ тебя ударилъ?

Бони. Потому что я хотѣлъ сорвать у него съ шеи венеціанское кружево.

Дѣти. Ахъ, проклятый! Побѣдимъ, оборвемъ его со всѣхъ сторонъ.

Одинъ изъ мальчиковъ. Сохрани васъ Богъ! Въдъ это чудовище, это скульпторъ Торреджіани. Онъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ Богородицу и уничтожитъ насъ всѣхъ однимъ взмахомъ руки.

Въ эту минуту проходятъ двѣ дамы. Дѣти тотчасъ же бросаются къ нимъ.

Одинъ изъ мальчиковъ. Во имя Іисуса Христа, истиннаго монарха этого града, и его Божественной Матери приказываемъ вамъ снять съ себя и бархатъ и золотыя украшения.

Дама. Сейчасъ же все это сдѣлаемъ, но только у себя дома. Пропустите насъ.

Другой мальчикъ. Я ихъ знаю. Съ ними нѣтъ никакого лада. Еще вчера мы убѣждали ихъ не ридиться, а онѣ все-таки продолжаютъ.

Дама. Поймите же, мои друзья, что въ одинъ день нельзя сшить другія платья.

Дѣти. Оборвемъ, оборвемъ ихъ...

Дѣти бросаются на обѣихъ дамъ и срываютъ все что было на нихъ цѣннаго.

Мальчикъ. Славная добыча: два ожерелья, серьги, браслеты, цѣлочка... Все это пойдетъ бѣднымъ.

Подходитъ другая толпа дѣтей.

Мальчикъ. О чемъ плачутъ эти дамы?

Другой мальчикъ. О, это закоренѣлыя грѣшницы, которыхъ мы обратили на путь добродѣтели. Откуда вы идете?

Мальчикъ. Мы собирали милостыню... цѣлыхъ пятьдесятъ дукатовъ, а потомъ заставили игроковъ отдать намъ деньги. Послушайте-ка: я навѣрное знаю что на углу улицы Кокомеро стоитъ домъ въ которомъ есть свѣтскія книги, арфа, шателница и кажется даже зеркало. Пойдемъ и очисти́мъ хорошенько это логовище...

Дѣти. И прекрасно...

Гражданинъ. Эй Николо, поди сюда.

Николо. Что прикажете, батюшка?

Гражданинъ. Стулай домой, ты мнѣ нуженъ.

Николо. Теперь мнѣ некогда; я призванъ служить Богу и обуздывать грѣшниковъ.

Гражданинъ. Негодный мальчишка, будемъ ты меня слушаться или нѣтъ?

Николо. Гораздо лучше повиноваться Богу чѣмъ людямъ. Ну друзья, въ улицу Кокомеро! *(дѣти уходятъ.)*

Краснорѣчивымъ допоясаниемъ къ этой сценѣ служить еще слѣдующая. На этотъ разъ мы въ домъ одного изъ знатныхъ гражданъ, Танаи Нерли.

Нерли. Однимъ словомъ, довольно... Все это ужъ лордочно мнѣ надоѣло. Я хочу жить какъ мнѣ нравится и требую чтобъ уважали мою волю.

Сивьѳора Нерли. Что касается меня, я вовсе не расположена подчиняться игу дьявола.

Нерли. Кого это ты подразумеваешь подъ дьяволомъ? Ужъ не меня ли?

Сивьѳора Нерли. Нисколько, но духъ который въ тебя проникнулъ. Зачѣмъ, скажи ради Бога, зачѣмъ держать въ домѣ непотребную книгу, сожженную на площади по приказанію самого пророка? Неужели тебѣ такъ трудно разстаться съ *Декамерономъ*?

Нерли. Стоить ли заводить ссору изъ-за сочиненія которое вотъ уже сколько десятковъ лѣтъ находится въ рукахъ cadaго грамотнаго человѣка...

Сивьѳора Нерли. Развѣ это оправденіе? Цѣлые вѣка протекли съ тѣхъ поръ какъ человечество грѣшитъ, — неужели поэтому не нужно подумать ему о раскаяніи?

Нерли. Я хочу чтобы у меня въ домѣ былъ миръ и тишина. Говорю это тебѣ очень серьезно.

Мальчикъ. Слышишь, мама, онъ самъ сознается что у него есть книга которую отецъ Іеронимъ приказалъ сжечь. Сожжемъ же ее...

Сивьѳора Нерли. Успокойся душевья, успокойся. Я не потерплю того чего не сѣдуетъ терпѣть.

Нерли. Да вѣдь это просто какое-то дикое безуміе! Опять повторяю тебѣ, образумься, иначе я прибѣгну къ такимъ мѣрамъ...

Сивьѳора Нерли. Пожалуста не надѣйся запугать меня. Всякія угрозы бесполезны когда дѣло идетъ о спасеніи моей души.

Мальчикъ. Да, мама, спаси пожалуста свою душу.

Сивьѳора Нерли. Спасу, мой ангелъ, не бойся ничего.

Нерли. Ну какъ не сказать что Флоренція превратилась въ домъ сумасшедшихъ съ тѣхъ поръ какъ этотъ проклятый монахъ...

Сивьѳора Нерли (*съ бѣшенствомъ*). Не богохульствуй, не богохульствуй! Не смѣй произносить такихъ словъ объ отцѣ Іеронимѣ!

Нерли. Съ радостью отправилъ бы я къ чорту и вашего отца Іеронима и всѣхъ васъ вмѣстѣ съ нимъ. Понимаешь ты это?

Сивьѳора Нерли. А я, чудовище, тотчасъ же доведу на тебя кому сѣдуетъ и буду умолять чтобы ты былъ подвергнутъ самому строгому наказанію.

Мальчикъ. Да, да, нужно чтобы лапа былъ наказанъ...

Нерли. Ахъ, провалитесь вы въ преисподнюю!

Для самого Саванаролы было наконецъ вполне ясно что господство которымъ пользовалась его партія во Флоренціи должно разразиться страшною катастрофой. Нельзя властвовать надъ народомъ поддерживая въ немъ постоянно лихорадочное возбужденіе; рано или поздно возбужденіе это должно уступить мѣсто упадку силъ, алатіи, особенно подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а обстоятельства складываются въ высшей степени невыгодно для Флорентійцевъ. Французы, на создѣіе коихъ они возлагали столько надеждъ, были слишкомъ заняты собственными дѣлами на югѣ полуострова; война съ Пизой не приводила ни къ какому результату; въ городѣ распространились заразительныя болѣзни; торговля совершенно остановилась. Не удивительно что и противъ Саванаролы возникла оппозиція отнюдь не менѣе ожесточенная чѣмъ та которая не за долго предъ тѣмъ принудила Медичисовъ спастись бѣгствомъ. Авторъ разбираемой нами книги обнаружилъ много искусства въ тѣхъ сценахъ которыя посвящены имъ изображенію послѣдней судьбы Саванаролы. Самъ Саванарола почти вовсе не появляется въ этихъ сценахъ, а между тѣмъ вниманіе сосредоточено исключительно на немъ; мы не присутствуемъ ни при его допросахъ, ни при пыткахъ, которымъ былъ онъ подвергнутъ вмѣстѣ съ ближайшими своими послѣдователями, но цѣлый рядъ мастерскихъ очерковъ знакомитъ насъ какъ рѣзко измѣнилось относительно его настроеніе народа. Послѣдняя сцена, на площади, въ виду воздвигнутаго эшафота—особенно поразительна.

Одинъ изъ горожанъ. Вы увидите что намъ придется еще ждать добрый часъ. Ужь таковъ обычай нашего правительства. Какое ему дѣло до того что мы стоимъ здѣсь цѣлое утро.

Горожанка. Ахъ какой прелестный мальчикъ! Это вашъ сынъ?

Другая горожанка. Да, моя красавица. Это мой старшій сынъ.

Горожанка. Поцѣлуй меня, херувимчикъ! Зачѣмъ же ты и твои товарищи обтачиваєте ножами палки?

Мальчикъ. Чтобъ онѣ были острыѣ.

Горожанка. Для чего же нужны вамъ острые палки?

Мальчикъ. Для того чтобы колоть ноги отцу Геролиму когда онъ будетъ проходить мимо. Мы побѣдимъ за нимъ вотъ такъ его, вотъ такъ... *(Всѣ смеются.)*

Горожанка. Чтѣ за прелесть эти дѣти! Поцѣлуй меня еще разъ, мое сокровище...

Черезъ нѣсколько времени на подмосткахъ эшафота появляются Саванарола, Сильвестръ и Доменико въ сопровожденіи чаквизитора, солдатъ и палачей.

Горожанинъ. Тотчасъ видно что его пытали по крайней мѣрѣ шесть разъ сряду.

Мальчикъ. И хорошо сдѣлали.

Купецъ. Вотъ и съ тобою, негодяй, нужно было бы сдѣлать то же самое: какъ ты смѣлъ, съ сорванцами своими товарищами, перебить всѣ зеркала въ моемъ магазинѣ?

Мальчикъ. Чѣмъ же я виноватъ? Намъ сказали что нужно бить; мы и били.

Старуха. Разумѣется, чѣмъ онъ виноватъ! Всѣ мы были обмануты злодѣемъ монахомъ, который заставлялъ насъ поститься въ теченіе цѣлаго года сряду.

Работникъ. Перестаньте болтать. Вотъ онъ поднимается по лѣстницѣ: должно-быть его сожгутъ живымъ.

Молодая дѣвушка. Должно-быть что такъ. Скажите пожалуйста, господинъ солдатъ, его тотчасъ же сожгутъ?

Солдатъ. Нѣтъ, моя безцѣнная красавица, сначала его повѣсятъ.

Молодая дѣвушка. Какая досада! А я впрочемъ притащилась изъ такой дали...

Солдатъ. Не угодно ли вамъ подвинуться немного впередъ... Станьте предо мною: вотъ такъ... Вамъ будетъ здѣсь удобнѣе.

Молодая дѣвушка. Въ самомъ дѣлѣ тутъ лучше... Только пожалуйста не трогайте меня за талию... А кто же эти двое другихъ?

Солдатъ. Неужели вы не узнаете отца Сильвестра и отца Доменико? Я тотчасъ же узналъ ихъ потому что не пропускалъ ни одной изъ ихъ проповѣдей.

Молодая дѣвушка. Да перестаньте же, господинъ солдатъ; ведите себя скромнѣе... Ну а кто эти которые размахиваютъ руками?

Солдатъ. Богиня моя, это лалскіе комиссары... Къ сожалѣнію, забылъ ихъ имена. Впрочемъ не въ этомъ дѣло. Скажите-ка мнѣ лучше гдѣ вы живете?

Казнь совершена. Толпа расходится во всѣ стороны.

Горожанинъ (своей жени). Надо сознаться что церемонія была очень занимательна. Но кажется накрапываетъ дождь... Пойдемъ поскорѣе...

Горожанка. Пойдемъ, мой дружокъ, пойдемъ. Я ужасно боюсь простудиться.

Мы довольно подробно изложили одну изъ драматическихъ хроникъ г. Гобано. Сожалѣемъ что ограниченныя

размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ сдѣлать того же самаго относительно другой, героемъ коей является одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ личностей италіанской исторіи конца XV вѣка, цезарь Борджія. Здѣсь точно также какъ въ сценахъ посвященныхъ изображенію состоянія Флоренціи при Саванаролѣ, авторъ обнаружилъ наибольшую силу своего таланта. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобъ и остальные не представляли значительнаго интереса. Последняя изъ нихъ посвящена Микель-Анжело, именно той эпохѣ въ жизни великаго художника, когда удрученный и недугами, и скорбію въ виду бѣдствій постигшихъ его отечество, онъ проживалъ въ Римѣ почти одинокимъ, довольствуясь обществомъ лишь весьма тѣснаго кружка друзей. Между этими друзьями видное мѣсто занимала Витторія Колонна, одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ того времени. Она находилась въ замужествѣ съ однимъ изъ полководцевъ императора Карла V, Пескарой, который былъ смертельно раненъ въ битвѣ при Павіи; оставшись вдовой еще въ весьма молодыхъ годахъ, она хотѣла сдѣлаться монахиней, но такъ сильно было обаяніе ея красоты, ума и образованія что употреблены были самыя энергическія усилія чтобъ отклонить ее отъ этого намеренія, и даже самъ папа Климентъ VII запретилъ принимать ее въ какой бы то ни было монастырь. Витторія Колонна была сохранена такимъ образомъ для свѣтскаго общества, но не любила появляться въ немъ. Она находила развлеченіе лишь въ бесѣдѣ съ избранными лицами, тщетно старавшимися отклонить Италію отъ того гибельнаго пути на который все болѣе и болѣе увлекалъ ее роковой ходъ событій. Въ средѣ католическаго духовенства образовалась партія настаивавшая на необходимости преобразовать церковь и прибѣгнуть къ соглашенію съ протестантами: замѣчательнѣйшими представителями ея были кардиналы Поло и Контарини. Тѣсная дружба связывала ихъ съ Витторіей Колонна. Къ числу ея приближенныхъ принадлежалъ также Бернардино Окино, ученія коего заключали въ себѣ не мало сходнаго съ тѣми которыя изъ Германіи распространились по всей западной Европѣ. Всѣ эти люди не только не скрывали своихъ мнѣній, но имѣли привычку разчитывать на полное ихъ торжество, пока событія не убѣдили ихъ какъ горько заблуждались они на

этотъ счетъ. Все измѣнилось со вступленіемъ на латскій престолъ кардинала Караффы подъ именемъ Павла IV, который самъ когда-то былъ воодушевляемъ мыслью о реформахъ, но затѣмъ явился непреклоннымъ, неумолимымъ и жестокимъ представителемъ враждебнаго имъ направленія. Всякая мысль объ уступкахъ протестантизму была безусловно имъ отвергнута; инквизиція, установленная имъ, воздвигла неистовое гоненіе не только противъ всего что находилось въ явномъ противорѣчій съ догматами католической церкви, но что въ самомъ Римѣ дозволялось до того времени подвергать болѣе или менѣе свободному обсужденію. Контарини не дожидъ до этого мрачнаго переворота; кардиналъ Поло удался въ Неаполь и желалъ лишь одного, чтобы совершенно забыли о немъ. Витторія Коломна отправилась туда же, но инквизиція зорко слѣдила за нею; Бернардино Окино потребованъ былъ въ Римъ; онъ отправился въ путь, доѣхалъ уже до Флоренціи, но затѣмъ одумался, не разчитывая на безпристрастіе своихъ судей и рѣшился сластись бѣгствомъ. Прежде чѣмъ покинуть Италію, онъ нашелъ средство препроводить къ Витторіи письмо, въ которомъ подробно излагалъ свое ученіе, и письмо это она тотчасъ же послѣшила представить инквизиціи, подъ вліяніемъ страха навѣяннаго на людей независимаго образа мыслей религіознымъ фанатизмомъ. Новый духъ распространялся по Италіи искореняя слѣды того могучаго интеллектуальнаго движенія которое господствовало въ этой странѣ съ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка.

Такимъ людямъ какъ Микель-Анжело и Витторія Коломна не оставалось ничего болѣе подъ конецъ ихъ жизни какъ предаваться воспоминаніямъ о славномъ прошломъ. Это прошлое нельзя было воскресить, а съ окружавшимъ ихъ переродившимся или, лучше сказать, выродившимся обществомъ они не имѣли ничего общаго. Изъ одного любопытнаго документа почерпаемъ мы свѣдѣнія о томъ какъ протекала ихъ жизнь: графъ Рачинскій отыскалъ въ Лисабонской бібліотекѣ и помѣстилъ въ своей книгѣ объ искусствѣ въ Португаліи рукопись, помѣченную 1549 годомъ. Авторомъ этой рукописи былъ живописецъ Франческо Олава, посѣтившій Италію и имѣвшій тамъ случай познакомиться съ Витторіей Коломна. Онъ сдѣлался однимъ изъ членомъ интимнаго ея кружка. Кружокъ этотъ былъ по-

видимому весьма немногочисленъ, ибо Франческо называетъ только Микель-Анжело, Клавдіо Толомеи и фра-Амброзіо: всѣ они собирались въ саду сохранившейся еще доселѣ церкви на Монте-Кавалло, противъ Квиринальскаго дворца, которая была тогда женскимъ монастыремъ, служившимъ пристанищемъ для Витторіи Колонны. Бесѣда шла преимущественно объ искусствѣ, о различныхъ философскихъ вопросахъ и очень рѣдко касалась политическаго и общественнаго состоянія Італіи, а если направлялась въ эту сторону, то была проникнута глубоко скорбнымъ чувствомъ. Г. Гобино не могъ закончить лучше свои драматическія хроники какъ выставивъ это избранное общество людей—и между ними наиболѣе славнаго свѣдѣтеля блестящей эпохи Медичисовъ, Юлія II и Льва X—у которыхъ не осталось ничего кромѣ воспоминаній. Глубокою правдой проникнутъ монологъ вложенный имъ въ уста Микель-Анжело: „Съ этимъ міромъ, который окружаетъ насъ, суждено мнѣ было совершить руку объ руку длинный путь, но онъ уже изнемогъ, колеблется и готовъ упасть на окраинѣ дороги, между тѣмъ какъ въра въ ожидающую меня будущую жизнь поддерживаетъ мою бодрость и наполняетъ мою душу самыми сладкими надеждами. Когда на зарѣ нынѣшняго вѣка выступили мы съ нимъ на открывавшееся предъ нами полприще, онъ поражалъ избыткомъ своихъ жизненныхъ силъ и взоры его самонадѣянно были обращены къ горизонту. Я сомнѣвался, а для него не существовало сомнѣній: съ необузданною отвагой молодости міръ о которомъ говорю я отрекся отъ гибельныхъ примѣровъ завыщавшихъ ему предшествовавшими поколѣніями и прежде всего сосредоточилъ свое вниманіе на религіи. Я зналъ Савонаролу и никогда эта величавая фигура не изгладится изъ моей памяти. Я литался его уроками. Потому ли что онъ требовалъ отъ насъ слишкомъ многого или потому что бѣдное наше общество не соразмѣрило своихъ силъ, что воображеніе преобладало у него надъ трезвымъ пониманіемъ дѣйствительности, но Італія высвободилась изъ его рукъ и очутилась въ рукахъ порока. Во всякомъ случаѣ она знала себѣ цѣну; она была проникнута сознаніемъ своего превосходства надъ всѣми остальными народами. Она презирала другія страны и пользовалась ихъ средствами для своихъ цѣлей; извѣстно было ей что Европа преклоняется

предъ нею. Ея художники.... кто не помнить что это были за люди! Теперь все кончилось. Огонь угасъ. Италиі болѣе не существуетъ. Тѣ самые которыхъ мы презирали сдѣлались нашими властелинами. Искусство въ упадкѣ. Изъ знаменитой фаланги остался только я одинъ; люди утверждающіе будто они идутъ теперь по нашимъ слѣдамъ не болѣе какъ торгаши и притомъ торгаши безстыдные. Дѣйствительно, пора умирать, и мы умираемъ тихо, печально... Но что за важность! Все-таки мы видѣли на своемъ вѣку не мало великихъ, славныхъ личностей въ этой поработочной нынѣ и поверженной въ прахъ Италиі. Я не жалѣю своей протекшей жизни....“

Р.

ВЪ СЕРБІИ

1876—1877

ЗАПИСКИ ДОВОВОЛЬЦА

I. Отъ моего имѣнія до границы..

....Итакъ мой отъѣздъ въ Сербію рѣшенъ 19го сентября 1876. Ко крыльцу деревенскаго дома подана тройка, и пока я слушалъ напутственный молебень, тарантасъ быстро наполнялся чемоданами, узелками, всякимъ дорожнымъ скарбомъ.

Молебень конченъ. Я простился съ отцомъ, съ бабушкой, съ дворней и крестьянами, сѣлъ съ женой въ экипажъ, и въ сопровожденіи коляски гдѣ помѣстились дѣти, матушка, сестры и братъ, тронулся въ далекій путь.

Въ уѣздномъ городѣ, до котораго провожали меня родные, посажъ неизбѣжнаго шампанскаго съ тостами за освобожденіе Славянъ, разцѣловавъ дѣтей и всѣхъ присутствующихъ и получивъ отъ одной добройшей купчихи лачку корпіи для сербскихъ равенныхъ, я усѣлся въ экипажъ съ женой и помчался къ желанной цѣли.

Какое чувство наполняло душу въ эти минуты? Что составляло биться сердце? ей-Богу, трудно опредѣлить!

Цѣль поѣздки, разлука съ близкими можетъ-быть навсегда,—все это производило въ головѣ такой хаосъ что я не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ волновавшихъ меня ощущеніяхъ.

Очулся я на первой станціи. Станціонный смотритель перекрестилъ меня и вручилъ мнѣ серебряный двугривенный „на доброе дѣло въ Сербію“. Это меня глубоко тронуло. Да, святое дѣло искренно охватило весь народъ.

24го, утромъ, мы благополучно очутились въ Москвѣ; 25го я отправился въ Славянскій Комитетъ. Привѣтливый молодой брюнетъ съ золотымъ prince-nez, записавъ мое имя, познакомилъ меня съ находившимся тутъ полковникомъ К. Н. Ч—вымъ, съ партіей котораго мнѣ приходилось отправляться, и снабдивъ меня бланкомъ въ канцелярію генералъ-губернатора для скорѣйшаго полученія заграничнаго паспорта, просилъ 28го зайти въ Комитетъ для полученія денегъ и окончательныхъ инструкцій.

Паспортъ былъ выданъ въ теченіе двухъ часовъ съ большою предупредительностью.

Закупивъ оружіе, платье, разныя мелочи для путешествія, я простился съ московскими родными и знакомыми, и 28го, утромъ, поѣхалъ въ Комитетъ.

Тотъ же самый брюнетъ вручилъ мнѣ восемьдесятъ рублей и билетъ на поѣздъ, затѣмъ сдалъ находившемуся тутъ же полковнику Ч—ову пакеты на имя уполномоченнаго Комитета (въ Кішеневѣ — исыравника г. Иванова, въ Бѣлградѣ—генерала Дандевиля) и любезно простился съ нами, съ чувствомъ пожавъ намъ руки, предупредивъ, между прочимъ, что при поѣздѣ по Румыніи слѣдуетъ припрятать не только оружіе, но даже и военную фуражку, которую я маниакально вертѣлъ въ рукѣ.

Маршрутъ нашъ былъ на Тулу, Орелъ, Курскъ, Кіевъ, Жмеринку, Раздѣльную, Кішеневъ, Унгемы, Яссы, Браиловъ, Турна-Северинъ и наконецъ, Кладово, гдѣ въ то время находился, какъ писалось въ газетахъ, сборный пунктъ русскихъ добровольцевъ.

Въ день отъѣзда, 29го сентября, въ гостиницу Парижъ гдѣ мы остановились, пріѣхалъ утромъ мой двоюродный братъ и привезъ жемъ цѣлый коробъ сластей на дорогу, а маѣ залазъ папирозъ, закусокъ и патроновъ.

Отобѣдавъ въ два часа, простившись съ братомъ, мы тронулись, и отслуживъ по дорогѣ молебень у Иверекон, прибыли на Курскій вокзалъ за двадцать минутъ до отхода поѣзда.

Тамъ уже находился К. Н. Ч—овъ, съ нимъ штабъ-ротмистръ И. М. А—мовъ, поручикъ И—въ, подпоручикъ, кавказскій казакъ, К. И. К—новъ, портулей-юнкеръ, саперъ, Н. В. Ж—въ, съ женой Александрой Николаевной, которая сопровождала его въ Сербію чтобы принять на себя обязанность сестры милосердія, механикъ Н. П. П—овъ, ѣхавшій на собственные послѣднія средства, и два унтеръ-офицера. Всѣ мы, въ числѣ десяти человѣкъ, составили партію Ч—ова.

Публики было не много; присутствовавшіе безмолвно осѣдали насъ крестомъ, махая платками и шляпами вслѣдъ удалявшемуся поѣзду.

Я думалъ что наша будущая сестра милосердія не выдержитъ при прощаніи съ родными, но какъ ни наворачивались слезинки на ея глазахъ, она съ ними справилась, лишь слѣпно прыгнула въ вагонъ.

Все время нашего пребыванія въ Москвѣ было холодно, пасмурно, шелъ снѣгъ; въ минуту отъѣзда солнце освѣтило отходящій поѣздъ, прорвавшись сквозь сѣрыя облака. Вскорѣ небо окончательно разчистилось.

Я воспитывался въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, гдѣ всегда особенно былъ силенъ духъ товарищества. Я не знаю ни одного изъ бывшихъ ея питомцевъ который съ братою пріязнью не встрѣчался бы съ каждымъ изъ бывшихъ одноклассниковъ, если случай сталкивалъ ихъ на жизненномъ пути. Каждый изъ насъ всегда легко сходился и съ посторонними лицами, часто приобретая ихъ доброе расположеніе, внося въ среду чуждаго общества веселый товарищескій духъ. Неудивительно что и я, очутившись между людьми мнѣ совершенно незнакомыми, сблизившимися съ разныхъ сторонъ обширной Руси и соединившимися случайно, во имя одной общей идеи, отнесся

къ нимъ какъ къ товарищамъ и рѣшилъ сразу сойтись съ ними. Полковникъ Ч—овъ помогъ мнѣ въ этомъ. Едва тронулся нашъ поѣздъ и мы размѣстились окончательно, онъ немедленно перезнакомилъ насъ и представилъ меня Н. А. Ж—ной. Я, въ свою очередь, познакомилъ со всеми жену. Пока наши барыни размѣщались удобнѣе, я, какъ старый кавалеристъ, раскулирилъ бутылку... У салера оказались стаканы, изъ сакъ-вояжа А—мова показались сыръ, и фундаментъ сближенія былъ заложенъ.

Слѣдующій день пролетѣлъ незамѣтно въ разказахъ о нашемъ прошломъ. Особенно заинтересовалъ насъ полковникъ Ч—овъ, отставной конно-артиллеристъ, разказомъ эпизодовъ изъ Венгерской кампаніи, въ которой онъ принималъ участіе еще молоденькимъ офицеромъ. Встрѣчи въ послѣдствіи въ Бѣлградѣ со многими его сослуживцами доказали что достойный офицеръ скромничалъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Живой разговоръ поддерживалъ самое веселое настроеніе въ нашемъ маленькомъ обществѣ; болтали и смѣялись безъ умолку; пѣли пѣсни, которыми держивровалъ Ж—инъ, становясь по срединѣ. Въ своей красной рубашкѣ, съ красивою рыжевато-русою бородой, онъ былъ очень молодцоватъ, да вдобавокъ и голосъ имѣлъ порядочный; часто подсаживались къ намъ, съ самою радушною улыбкой, прочіе пассажиры, и болтовня въ вагонѣ дѣлалась общею. Оставлявшіе дорогой поѣздъ прощались съ нами какъ съ родными.

Отрадныя минуты!

— Проснись, соня, и взгляни направо! Прозвучалъ надъ моимъ ухомъ голосъ жены, часовъ въ восемь утра.

Я протеръ глаза, поднялъ занавѣску, и привскочилъ съ дивана, при видѣ прелестной картины открывшейся предо мной, какъ въ рамкѣ, въ квадратѣ вагоннаго окна: на крутизнахъ, оттѣвненной различными цвѣтами горныхъ ластовъ, изрѣзанной причудливыми темными рытвинами и обрывами, широко раскинулся предъ нами, съ пестрѣющими церквами, скитами и домиками, златоглавый Кіевъ, „мать городовъ Русскихъ“.

Я только вскрикнулъ: „Смотрите господа!“ и замеръ у окошка.

Предъ отходомъ поѣзда изъ Кіева, въ вокзалъ прибыли еще трое добровольцевъ, отправлявшихся съ походнымъ телеграфомъ; они сѣли въ нашъ вагонъ и присоединились къ нашему кружку.

Тронулись. Поѣздъ быстро уносилъ насъ по направленію къ Жмеринкѣ. По бокамъ разстилалась Малороссія съ ея безконечными степями и такими же обозами, запряженными громадными волами. Я съ большимъ интересомъ слѣдилъ за новою для меня обстановкой и костюмами поселянъ, и не безъ удовольствія поглядывалъ на черноглазыхъ хохлушекъ, видѣвшихся кой-гдѣ въ поляхъ и у дорожныхъ сторожекъ. Полковникъ и К—новъ любезничали съ барынями, и видимо составляли какой-то заговоръ, изрѣдка поглядывая на меня; Абаносимовъ спалъ. Увлеченный сочувствіемъ къ страдальцамъ, онъ покинулъ жену и дѣтей, которыхъ только съ дороги уведомилъ о своемъ отъѣздѣ. Богатырскому храму его вторилъ съ присвистомъ механикъ П—въ, а Ж—въ царалалъ въ своей записной книжкѣ.

Время летѣло, поѣздъ остановился въ Бирзултѣ, гдѣ мы простояли часъ. Пообѣдавъ наскоро мы отправились въ желѣзнодорожную мастерскую, гдѣ П—овъ отточилъ наши сабли, шашки и кинжалы. Затѣмъ попробовали револьверы въ цѣль и двинулись далѣе. До Раздѣльной недалеко: тамъ нашъ поѣздъ долженъ былъ продолжать путь на Одессу, а мы ожидать одесскаго поѣзда на Кишиневъ.

Невольная грусть овладѣла мною: приходилось окончательно разстаться съ женой.

До Раздѣльной я не замѣтилъ какъ доѣхалъ погруженный въ свои лично-семейныя думы и тутъ обнаружился заговоръ составлявшійся противъ меня чуть не отъ самаго Кіева: моя добрая подруга заявила что желаетъ ѣхать съ нами сестрой милосердія!

Я вытаращилъ глаза, а когда вся компанія зашла мнѣ въ уши то же самое, чуть не ошалѣвъ отъ этого сюрприза; тактика была удачна; моментъ выбранъ вѣрно: жена знала что я люблю рѣшенія очерта голову. Дѣйствительно, у меня въ головѣ уже мелькнуло что мысль добрая. Но въ время воспоминавъ болѣзнь и слабость жены я объявилъ свое несогласіе.

Второй звонокъ возвѣстилъ что поѣздъ скоро тронется; мы горячо распростились; у всѣхъ наvertsывались слезы,

что меня еще болѣе привязало къ моимъ спутникамъ. Раздался свистокъ; я обнялъ жену и прыгнулъ на рельсы.... Поѣздъ умчался, скоро исчезнувъ изъ вида.

Одесскій поѣздъ, который наконецъ принялъ насъ въ Раздѣльной, везъ человѣкъ тридцать тоже добровольцевъ; изъ нихъ восемь Кавказцевъ, подъ начальствомъ юнкера Нижегородскаго драгунскаго полка К.

Надо было познакомиться со вновь прибывшими, болѣею частію оставшими солдатами: я поднесъ имъ по чаркѣ водки. Солдаты развеселились. „Ставемъ братцы въ круговую, грянемъ пѣсню въ добрый часъ!“ грянулъ загвалло.

Хоръ лихо подхватилъ: „То-то люди!—то-то люди! то-то люшеньки мои!“

Наши отношенія къ новымъ товарищамъ тотчасъ приняли дружественный характеръ и рѣшено было не разставаться. Подъ вліяніемъ минуты, я схватилъ карандашъ, и черкнулъ слѣдующее:

Смѣло, братцы въ бой кровавый:
Въ бой за вѣру и Славянь!
Съ нами нашъ Черкасовъ бравый;
Разутѣшимъ мусульманъ!

Мы случайно здѣсь сошлись
Съ разными мѣсть Руси родной,
И предъ Богомъ покаялися
Умереть за Крестъ Святой....

Но не всѣ сошлись для битвы:
Съ нами ѣдетъ (такъ добра)
Ангель братства и молитвы—
Милосердія сестра.

Смѣло жъ, братцы, въ бой кровавый,
Въ бой за вѣру и Славянь!
Съ нами нашъ Черкасовъ бравый;
Разутѣшимъ мусульманъ.

Утѣжая изъ Кишинева мы не досчитались И—ва, который остался въ Кишиневѣ и котораго я не встрѣчалъ болѣе; за то къ намъ присоединилось еще нѣсколько десятковъ

добровольцевъ разныхъ сословій, въ лестрѣйшихъ костюмахъ. Изъ нихъ отмѣчу юнкера Р—на, въ сѣромъ чекменѣ и громадной бѣлой лапахѣ, юнкера Кавказца Магометъ-Ага А—скаго, и О—ева, очень молодаго человѣка, въ синей вѣстеркѣ съ черными шнурами, очень милаго брюнета и большаго лѣвуна. За двѣ минуты до отъѣзда въ нашъ вагонъ помѣстились Горбатовскій, въ штатскомъ платьѣ и сербскомъ военномъ келпи, рекомендовавшій себя адъютантомъ сербскаго военнаго министра Николича и два русскіе полковника. Съ однимъ изъ нихъ, сослуживцемъ Черяева по Ташкенту, была его родственница, вѣхавшая сестрой милосердія.

Поездъ двинулся, и мы распростились громкимъ ура! съ послѣднимъ русскимъ губернскимъ городомъ. Поездъ мчался. Вотъ и граница Румыніи.

Невольно стихли разговоры. Что-то необъяснимое закралось въ душу и сердце cadaго, глаза затуманились слезой.

„Съ Богомъ, братцы! Прости матушка Русь православная!... Свидимся ли?“ раздался чей-то голосъ, среди благоговѣйнаго молчанія, и безмолвная толпа, осылая себя крестомъ, и мысленно посылая всему дорогому послѣднее „прости“ тронулась черезъ желѣзнодорожный мостъ на берегъ Румыніи.

II. Отъ Румыніи до Сербіи.

Советъ полученный въ Московскомъ Комитетѣ припрятать проездомъ Румыніей всѣ воинственныя признаки цѣли нашего путешествія, несмотря на успокоительныя свѣдѣнія на этотъ счетъ полученныя въ Кишеневѣ, ставилъ насъ въ недоумѣніе: какъ быть? Если Румынская таможня внимательно освидѣтельствуетъ нашъ багажъ, сколько ни припрятывай, укрывательство не послужитъ въ прокъ, напротивъ осрамить укрывателей...

Мнѣ вовсе не хотѣлось краснѣть съ перваго шага за рубежомъ родной земли. Я и лошадь смѣло къ таможенѣ при revolverѣ, саблѣ, въ военной фуражкѣ. Всѣ спутники сдѣлали то же.

Оказалось что „чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюють“: чиновники Румынской таможни встрѣтили насъ самымъ радушнымъ образомъ, даже не отпирали наши чемоданы и, продержавъ насъ ровно столько времени сколько было нужно для отмѣтки нашихъ паспортовъ, сочувственно пожали намъ руки, когда мы усаживались въ поѣздъ.

Часа черезъ полтора залестрѣли вдали очерки скученныхъ строеній и обрисовались оригинальные кулоны какого-то храма: „Господа! Ясны видно!“ раздалось въ вагонѣ.

Намъ объявили что мы ночуемъ въ Яссахъ; движемся дѣле на слѣдующее утро. Наша партія, оставивъ свои вещи въ залѣ, подъ наблюденіемъ унтеръ-офицеровъ, рѣшила отправиться отдохнуть въ одну изъ яскихъ гостиницъ. Людямъ дали наказъ размѣститься поближе къ вокзалу, и держать себя прилично. Я вышелъ на подѣздъ. Десятка два щеголеватыхъ извозничьихъ фаэтоновъ, запряженныхъ доброю парой въ шорной упряжи, съ лентами на гривахъ, стояли по обѣ стороны крыльца.

— Фиакръ! позвалъ я.

Коляска подѣхала. Я усѣлся съ полковникомъ и П—вымъ.

— Куда прикажете? раздалось на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ (извѣстно что большинство яскихъ извозчиковъ—наши бѣглые сколцы).

Я приказалъ везти въ лучшую гостиницу, гдѣ мы и заняли три номера. Размѣстившись, умывшись, пріодѣвшись, всѣ мы отправились въ общую столовую. Постороннихъ было немного; обѣдъ подали прекрасный. Хозяинъ былъ особенно предупредителенъ. Послѣ обѣда, мы съ А—скимъ отправились запастиись перчатками; затѣмъ прокатились по городу, который своею миловидностью, чистотой, прекрасными мостовыми произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Встрѣчавшіеся и выглядывавшіе изъ оконъ жители, особенно жительницы, добродушно раскланивались съ нами и дарили насъ самыми благосклонными улыбками. Сочувствіе проглядывало во всѣхъ.

Въ семь часовъ мы отправились по улицамъ, сіявшимъ ярко освѣщенными магазинами, въ общественный садъ. Вечеръ былъ теплый, хотя и облачный; благодаря гладкой какъ полъ мостовой, не было слышно надоедливаго стука экипажей и лишь мягко раздавались удары подковъ объ

асфальтъ. Непривычная для нашего уха тишина тѣмъ болѣе поражала что улицы были полны движенія, экипажей, пѣшеходовъ. Въ каскѣ сада намъ предложили войти безъ билетовъ, давъ понять что на насъ смотрятъ какъ на гостей, далеко не неприятныхъ. Мы поблагодарили за любезность, но настояли на уплатѣ за входъ.

Садъ оказался уютнымъ и оригинальнымъ: травы почти не видно; деревья, очень еще молодыя, прямо выходили изъ гладко утрамбованной площадки; дернъ лишь вдоль ограды; подъ тѣнью деревъ, обстриженныхъ шалками, скамейки, стулья, столы для кофе, чая, лива, закуски, ужина. Въ глубинѣ небольшая сцена. Шло какое-то представленіе. Мы съ любопытствомъ слѣдили за игрой, стараясь по выраженію лицъ актеровъ и по жестамъ уловить суть діески на незнакомомъ языкѣ. Садъ былъ почти полонъ; публика видимо интересовалась нами; у сосѣдняго столика помѣщалось нѣсколько милостивыхъ дамъ, очевидно принадлежавшихъ къ высшему обществу; онѣ и молодой гусарскій поручикъ въ синей венгеркѣ съ красными шнурами не слускали съ насъ глазъ. Въ другомъ углу игралъ военный оркестръ; когда мы подошли къ нему, грянуло попури изъ русскихъ лѣсенъ, потомъ нашъ гимнъ. Мы сняли шалки, чему слѣдно послѣдовала и вся публика.... Мы раскланялись съ публикой и пожали руку капельмейстеру.

Въ семь часовъ утра мы были уже въ вокзалѣ, въ восемь мчались къ дунайскимъ берегамъ. Хоръ нашъ оканчивалъ „ахъ вы сѣни, мои сѣни!“ когда поѣздъ подкатилъ къ платформѣ Браиловскаго вокзала, переполненной многочисленною публикой, ожидавшею насъ съ неизмѣннымъ любопытствомъ, перешедшимъ вскорѣ въ горячее сочувствіе. Прислушивались къ незнакомому веселому напѣву, улыбались намъ; едва мы вышли изъ вагоновъ, толпа осадила насъ съ виноградомъ и фруктами; поселянки ухаживали за солдатами; цѣлыя толпы осаждали стараго, но молодцоватаго „кандидата“ Кавказца, унтеръ-офицера Виднаго, съ любопытствомъ осматривая его лапаху, черкеску, особенно патроны пестрѣвшіе по обѣимъ сторонамъ груди, увѣшанной крестами и медалями. Сѣдой ветеранъ добродушно позволялъ тормозить себя и даже поймалъ за подбородокъ одну болѣе смѣлую, хорошенькую поселянку, которая со смѣхомъ отпрыгнула отъ него, ударивъ по рукѣ: „Эхъ! кабы годковъ сорокъ съ

плечъ долой!.. Не отвертѣлась бы красавица!“ разсмѣялась ей вслѣдъ почтенный „кандидатъ“.

На другой день утромъ мы отправились далѣе. Румынскіе офицеры, горожане и горожанки щедро отбѣдали насъ прощальными рукопожатіями. Не одна пара живыхъ глазокъ выронила слезинку, и это провожая людей которыхъ видѣли нѣсколько минутъ! Спасибо вамъ, добрые глазки!

При послѣднемъ звонкѣ мы прильнули къ окнамъ, высыпали на балкончики и сняли шалки: толпа рванулась къ вагонамъ, шляпы и платки залестрѣли въ воздухъ, и громовое ура! до этой минуты чужихъ намъ людей заглушило свистъ трогательнаго поѣзда. „Ура! Да здравствуетъ князь Карлъ! Да здравствуетъ Румынія!“ не могли не отвѣтить мы на растрогавшее насъ напутствіе, и поѣздъ умчался провожаемый криками и возгласами браиловскихъ горожанъ.

Въ Браиловѣ наши добровольцы держали себя прекрасно; ни ссоры, ни брани, ни лаяства. Многіе въ ожиданіи отъѣзда собрались на платформѣ, лѣли пѣсни; два лаясуна откололи лихаго трелака, къ великому удовольствію Румынъ; нѣкоторые изъ старыхъ солдатиковъ лобывавшихъ въ Румыніи во время Дунайской кампаніи 1854 года полагали что припомнили когда-то выученныя ими слова и завязали уморительные разговоры съ окружающими. Подходить Румынка съ большимъ кувшиномъ и говорить „ley, ley!“ * „Да! да, тѣтка! лей!“, восклицаетъ солдатикъ. „Ада!“ говоритъ старушка, суя подъ носъ кружку съ водой: „Не надо!“ остритъ солдатикъ: „Лучше вотъ „лей“ хлебнемъ!“, и всѣ хохочутъ.

Погода стояла сѣрая, но теплая. Не доѣзжая одной станицы до Букурешта, мы скрестились съ поѣздомъ Болгарскихъ усташей, съ которыми услѣли обмѣняться криками: „Живіо Руси! живіо Болгары!“ Это было первое привѣтствіе страдалцевъ за которыхъ мы ѣхали сложить свои головы: можно себѣ представить какія чувства пробудила въ насъ эта встрѣча...

Смерклось. Въ Питешти мы остановились на ночевку; на другой день продолжали путь, и вечеромъ добрались наконецъ до Турнъ-Северина, пограничнаго румынскаго города

* Монета равная франку, или 25 коп.

съ Австро-Венгріей и Сербіей. Темнота мѣшала любоваться живописною и, говорятъ, дикою мѣстностью, по которой вилась дорога къ городу; мѣстами чернѣли то будто обрывы, то глубокіе проѣзды, чуть ли даже не тоннель промелькнулъ надъ нами. Дорога дѣлала крутые изгибы, что ощущалось наклоненіемъ вагоновъ то въ ту, то другую сторону; вѣтрово обозначалась иногда свѣрая туманная полоса, оказавшаяся Дунаемъ; впереди и вправо то мелькая, то скрываясь во тмѣ мигали огоньки.

При выходѣ изъ вагоновъ, насъ встрѣтилъ мущина высокаго роста съ длинными съ просвѣдью баками, очень живой и любезный, какой-то агентъ, какъ оказалось. Переговоривъ съ полковникомъ Горбатовскимъ, онъ рекомендовалъ намъ Европейскую гостиницу, куда и отправилась наша партія.

Наконецъ мы почти у цѣли: только Дунай отдѣлялъ насъ отъ Сербіи, страны которая забывая свою слабость, въ союзѣ лишь съ микроскопичною пространствомъ, но великою духомъ Черногоріей, подняла оружіе за угнетенныхъ братьевъ! Воображеніе рисовало мнѣ Сербовъ народомъ мужественнымъ, имѣющимъ видъ грозный; начитавшійся о ихъ былой воинственности, я представлялъ ихъ себѣ какими-то богатырями, и ломышлялъ лишь о томъ, какъ сдѣлаться достойнымъ чести биться рядомъ съ этими героями.

Мы размѣстились въ гостиницѣ; на другой день отдохнувъ и пооправившись съ дороги, я сошелъ внизъ, въ общую залу, гдѣ уже набралось много нашихъ, атакующихъ Горбатовскаго вопросами о переправѣ на желанный берегъ. Онъ отвѣчалъ что надо дожидаться казаковъ, которые должны прибыть съ минуты на минуту.

Дѣйствительно, чрезъ часъ подѣхалъ казацкій офицеръ и сообщилъ что Донцы здѣсь. Я взялъ извозчика и поспекалъ на ставцію.

На поворотѣ къ набережной открылся весь Дунай, на мутныхъ волнахъ котораго прыгали зайчики. Ветеръ былъ свѣжій и развелъ сильное волненіе. Прямо предъ нами, на разстояніи около 300 сажень, видѣлась сербская деревушка, правѣе лествѣла домиками крѣпость Кладова, стѣны которой омывались Дунаемъ, показывая едва замѣтныя издали жерла чугунныхъ орудій. Такъ и тянуло перелетѣть черезъ эту полосу воды.

Обѣжавъ вагоны гдѣ размѣщались Донцы, мы стали разспрашивать ихъ, какъ имъ удалось отдѣлаться на границѣ? Они указали на концы лѣтъ обвязанные циночками, на красные кресты на лошадяхъ, и объяснили что на вопросы таможенныхъ отвѣтили: лошади назначены въ санитарный отрядъ, а то обвернутое—складныя носилки для раненыхъ. Конечно, чиновники могли спросить объясненія на счетъ берданокъ, пашекъ, сѣделъ и т. д.; но Румынія не только смотрѣла сквозь пальцы, а видимо сочувствовала движенію добровольцевъ....

Поболтавъ съ Донцами, мы проѣхали къ пристани узнать нельзя ли переправиться на тотъ берегъ. Небольшія лодки, которыя мы разыскали, не рѣшались пуститься въ такое волненіе. Случившійся тутъ Сербъ изъ Кладова, показавшійся намъ далеко не воинственнымъ, объявилъ что къ ночи придутъ съ той стороны военные катера, которые и примутъ насъ. Какъ ни грустна была эта задержка, какъ мы ни уговаривали лодочниковъ, пришлось возвратиться ни съ чѣмъ.

Мы и рѣшили было переправиться въ эту же ночь по прибытіи сербскихъ катеровъ, но полковникъ Горбатовскій разочаровалъ всѣхъ, объявивъ что по свидѣтельству сербскаго офицера, котораго онъ тутъ же намъ представилъ, и который именно и привелъ катера, врядъ ли придется перѣѣхать ранѣе трехъ дней, потому что Дунай едва ли успокоится раньше, а при волненіи и быстромъ теченіи переправа далеко не безопасна.

Мы съ Ч—вымъ втихомолку удалились и поскакали къ Дунаю: зайчики обратились въ цѣлые бугры желтой лѣны; нечего было и думать о ночной переправѣ... Возвращаясь, мы встрѣтили Донцовъ, отправлявшихся верхами на водолой; эта встрѣча какъ-то утѣшительно отдалась въ сердцѣ.

7го октября я поднялся на разсвѣтъ. Всѣ еще спали. Я разбудилъ Ч—ова и К—нова. Петровъ уже трудился надъ укупориваніемъ чемодановъ. Было пасмурно; мелкій дождь сѣялъ какъ сквозь сито. Одѣвшись, мы лѣтшкомъ отправились на пристань. Волненіе хотя уменьшилось, но было настолько сильно что сербскіе матросы отказывались перевозить; чрезъ переводчика - Болгарина, который присоединился къ намъ въ Браиловъ тоже въ качествѣ добровольца, мы стали ихъ уговаривать. Дукать, показанный

въ видѣ вящаго убѣжденія, возбудилъ въ нихъ видимую борьбу между желаніемъ получить его и опасеніемъ риска. Въ дѣтствѣ на Волгѣ, въ юношествахъ на Невѣ, я видѣлъ волны посерьознѣе; товарищи также не боялись; матросы поддавались увѣщаніямъ... Оставался вопросъ объ А. Н. Ж—ной. Я бѣгомъ отправился въ гостиницу. Александра Николаевна объявила что не боится, и мы, расслабившись, навьючивъ себя и унтеръ-офицеровъ вещами, поспѣшили къ пристани. На пристаницѣ намъ попался А—скій; догадавшись о нашихъ замыслахъ, онъ просилъ чтобъ и его взяли. Я согласился съ условіемъ чтобъ онъ никому не говорилъ ни слова и торопился за нами. На берегу, по моему знаку, всѣ начали сближаться къ первому катеру; и въ то время какъ Ж—нъ занималъ караульныхъ разговоромъ, я и двое изъ моихъ слугачковъ прыгнули въ катеръ, а остальные быстро перекинули намъ вещи. Я помогъ вскочить къ намъ Александрѣ Николаевнѣ, вслѣдъ за нею перебрались и остальные и завладѣли веслами на глазахъ опешелевшихъ неожиданно матросовъ. Я спросилъ ихъ, желаютъ ли она получить по два динара съ каждого и отвѣтъ къ весламъ, иначе мы уѣдемъ одни. Цѣна соблазнила и матросы заняли свои мѣста. Въ эту минуту показался бѣгущій къ намъ съ горы и махающий руками ихъ начальникъ. Я крикнулъ „отваливай“, оттолкнулъ отъ берега попавшимся подъ руку шестомъ; весла ударили по мутнымъ волнамъ. „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ!“ залѣлъ Ж—нъ, хоръ подхватилъ, матросы усердно заработали подъ тактъ лѣсна. Катеръ заковылялъ посреди брызгавшей лѣсы. Когда офицеръ добѣжалъ до пристани, мы были уже отъ нея саженьяхъ во ста, и крикъ его почти заглушался шумомъ ударявшихся о бортъ волнъ. Мы разомъ оборвали лѣсню; громкое *ура! живео князь Миланъ! живео Сербія!* поддержанное и матросами, доказало сербскому офицеру что теперь ужъ не вернешь насъ; ему оставалось только раскланяться съ нами, что онъ исполнилъ, вмѣстѣ со всеми бывшими на пристани.

Между тѣмъ мы были уже на срединѣ рѣки и переступали заветную границу.

Общее сочувствіе и вѣжливость, дешевизна во всемъ. Румынія оставила въ насъ самое признательное воспоминаніе.

III. Отъ вступленія въ Сербію до перемирія 20го октября.

По мѣртѣ нашего удаленія отъ румынскаго берега на немъ возникла лорадочная суета; народу къ приставамъ прибывало; добровольцы оставшіеся въ Тураъ-Северинѣ, узнавъ о нашемъ отъѣздѣ, съ завистью и любоблѣтствомъ слѣпили смотрѣть на результатъ нашей попытки, и когда мы благополучно, хотя и обрызганные съ головы до ногъ водяною пылью, причалили къ сербской сторонѣ, суета видимо увеличилась; Гербатовскому и сербскому офицеру была фактически доказана возможность переправы и они не могли уже сдержать общаго лорыва. Не успѣли мы добраться до деревушки (къ которой насъ отвнесло теченіемъ, хотя мы держали курсъ прямо на Кладово) какъ уже четыре катера переполненные добровольцами отваливали по нашему саѣду.

Наконецъ-то стали мы на Сербскую землю! Мы сжали шалки, молча перекрестились... Минута болѣе чѣмъ трогательная: каждый сознавалъ что можетъ-быть эта земля покроетъ его на вѣки и величавый Дунай ляжетъ навсегда между имъ и родною Россіей.

За невозможностью достать подводу, мы оставили наши вещи подъ присмотромъ Егорова въ катеръ (который матресы лоталили бичевой въ Кладово, ибо нельзя было идти на веслахъ противъ теченія), а сами берегомъ усалавными мелкими камнями прошли въ деревушку, гдѣ и забрались въ первую хатку. Поселане приняли насъ радушно, усадили на галлерей у очага, предъ которымъ мы и обсушивались въ ожиданіи товарищей, уничтожая виноградъ, предложенный хозяевами. Я принялся разсматривать все вокругъ и съ грѣхомъ пополамъ чрезъ переводчика разспрашивать хозяевъ о ихъ житьѣ-бытьѣ. Сербское „сѣло“ рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ нашими русскими деревнями. Здѣсь не встрѣтишь непрерывнаго ряда бревенчатыхъ избъ съ высокими коньками, соединенныхъ крытыми соломой дворами и навѣсами, доставляющими такую обильную пищу пожарамъ. Каждая „куча“ (такъ зовется домъ съ надворными строеніями) стоитъ въ центрѣ принадлежащей къ ней земли, выходя лицевымъ фасадомъ на улицу и отдѣляясь

отъ нея садикомъ съ вишнями, аблонями, грушами, сливами, абрикосами; кругомъ расположены конюшни для лошадей и вольеры, овчарни, рѣшетчатые амбары для хлѣба и другія хозяйственныя постройки. Поле прилегающее къ „кучѣ“ большею частію дѣлится на четыре части: виноградникъ, кукуруза, пшеница и ячмень, замѣняющій здѣсь овесъ, и огородъ, гдѣ садится картофель, капуста, горохъ, овощи, и неизбѣжная „паприка“, красный стручковый перецъ, которымъ Сербъ до того приправляютъ всѣ кушанья что съ непривычки невозможно ихъ есть. Когда я въ первый разъ попробовалъ національное сербское блюдо изъ рѣзаной небольшими кусками говядины, баранины, свинины, подъ соусомъ съ вареными стручками „паприки“ и лукомъ, присыпаннымъ тою же „паприкой“, истолченной въ сухомъ видѣ, я чуть не закричалъ. Потомъ мы попривыкли, и по своимъ климатическимъ условіямъ, Сербія дѣйствительно не можетъ обойтись безъ „паприки“.

Меня заинтересовали рѣшетчатые амбары: они удобны тѣмъ что хлѣбъ въ нихъ одновременно и укрытъ отъ непогоды, и провѣтривается. Самая „куча“ сдѣлана изъ битой глинны, иногда изъ кирпича, большею частію въ одинъ этажъ; крыта черепицей и заключаетъ въ себѣ не менѣе четырехъ „соби“, комната (вѣроятно отъ слова „особые, отдѣльные“). Крытая терраса, примыкающая къ стѣнѣ со стороны крыльца, составляетъ непремѣнную принадлежность всякой „кучи“. На нее выходитъ очагъ, гдѣ идетъ стряпня, и на ней же обѣдаетъ семья сербскаго селянина. Стѣны всѣ выбѣлены и снаружи увиты хмѣлемъ и другими вьющимися растеніями.

Вслѣдствіе расположенія каждой „кучи“ посреди принадлежащей къ ней земли, разстояніе до сосѣдней довольно значительно (не ближе 50 саж.), что хотя и растагиваетъ большое селеніе на нѣсколько верстъ, за то дѣлаетъ положительно невозможнымъ олустошительные пожары. Этому же расположенію Сербъ обязанъ процвѣтаніемъ своего хозяйства: у него не пропадаетъ ни одинъ вершокъ удобренія, ни одна сажень земли не остается не унавоженною, потому что все поле подъ рукою. Вообще, сербское село представляетъ соединеніе множества хуторковъ разставленныхъ вдоль улицы и раздѣляемыхъ въ большихъ селеніяхъ еще переулками. Общій видъ очень красивъ: бѣлыя мазанки съ

цвѣтными крышами, одѣтыя ползучими растеніями, весело выглядываютъ изъ густой зелени садовъ и виноградниковъ. И не разстался бы съ такимъ уютнымъ, привѣтливымъ мѣстечкомъ! Главная рабочая сила — волы: на нихъ нашествуютъ, убираютъ поля, возятъ тяжести; лошади мелки, но слива горбомъ, ноги крѣпки, и онѣ удивительно сильны и выносливы. Ихъ употребляютъ для ѣзды въ „кóлахъ“; „кóла“—это рѣшетчатая телѣжка, въ родѣ вѣтычанки, однокопная или дышлавая, на желѣзныхъ осяхъ, съ откиднымъ задкомъ, очень легкая на ходу (есть и болѣе массивныя—для воловъ); тяжести же лошади возятъ болѣе въ видѣ вьюка на спинахъ, для чего устроены коромыслообразныя прясла, на которыя наваливается кладъ по обѣ стороны лошади. Какъ волы, такъ и кони куются на глухія подковы, по милости каменистой почвы.

Молочнаго коровьяго хозяйства нѣтъ, сливки и масло можно достать только по заказу; за то нѣтъ ни одной „кучи“ гдѣ бы не приготовлялся овецій сыръ, — любимое кушанье сербскаго крестьянина. Только здѣсь можно встрѣтить такіа огромныя стада овецъ, и пастбища для нихъ роскошно приласаны природой. Сербія страна плодородная, впрочемъ развѣ половина ея пригодна къ воздѣлыванію, остальная часть — каменистая, обрывистыя горы, изобильно покрыты мелкимъ кустарникомъ и сочною травой и мхами, гдѣ стада находятъ себѣ великолѣпный кормъ. Винодѣліе тоже отрасль хозяйства: у каждаго селянина найдется красное или бѣлое вино собственнаго приготовленія. Лучшіе сорта винограда находятся въ окрестностяхъ города Неготина, и лучшее вино „Неготинско црно вино“—червонное или темнокрасное. Хлѣбной водки нѣтъ; ее замѣняетъ „ракія“ или сливовица, которая гонится изъ сливовыхъ косточекъ. Важную отрасль хозяйства составляетъ разведеніе свиней; откармливаемыя виноградными выжимками, фруктами, кукурузными шипками, онѣ доставляютъ великолѣпное мясо: „свинско мясо, свинско печенье“—безспорно одно изъ вкуснѣйшихъ національныхъ блюдъ; свиное сало такого высокаго качества что можетъ замѣнять коровье масло въ приготовленіи кушаній. Изъ птицъ обильно разводятся гуси, „лаавки“—утки; „чурки или индѣяны“—индѣйки, голуби и др.

Сербскому крестьянину дорога его „куча“; онъ трудолюбивъ; мнѣ случалось встрѣчать пастуха или пастушку:

у каждаго за поясомъ торчитъ лалка съ навязанною на верху мочкой льна, а въ рукахъ веретено, ни на минуту не перестающее вертѣться и жужжать; тѣмъ же заняты и „коморжія“—грузовой извозчикъ; группы женщинъ и мужчинъ идущихъ на полевые работы всегда вооружены этимъ инструментомъ. Минута даромъ не пропадаетъ! Оттого и довольство вездѣ полное; бобылей нѣтъ, да и быть не можетъ. Хотя Сербъ, едва продравъ глаза, пропускаетъ латошакъ стаканчика два ракии, и пьетъ вообще много, но между ними нѣтъ пьяницъ, тѣмъ болѣе пропойцъ. Обезпеченный обильною жатвою, окруженный заботами трудолюбивой хозяйки, Сербъ привязанъ къ дому и семьѣ до того что рѣдко удаляется отъ нихъ даже на 20 верстъ. Онъ не понимаетъ какъ можно уйти на чужую сторону на заработки. Отлучившись повеноль отъ дому, онъ болѣетъ. Сербъ добръ, гостепріименъ, общителенъ; въ свободное время онъ не прочь посидѣть въ „кафанѣ“—родъ чистенькаго кабака, при которомъ есть и отдѣльныя комнаты и кушанье, иногда даже билліардъ. Тамъ онъ поговоритъ о политикѣ и покурить свой „дуванъ“—табакъ.

Еще одно качество присуще Сербскому народу: это—защитительная честность; воровства здѣсь почти нѣтъ.

Возвращаясь къ разказу.

Когда всѣ перебрались на сербскій берегъ (кромя казаковъ, которымъ положительно невозможно было переправляться съ лошадьми), мы направились лѣшкомъ въ Кладово, „сборный пунктъ русскихъ добровольцевъ“, какъ гласилъ тогда русскія газеты. До него было верстъ около трехъ.

Подъ названіемъ „сборный пунктъ“ вѣроятно вся читающая Россія подразумѣвала мѣсто гдѣ добровольцы собираются, формируются въ отряды, вооружаются и направляются къ мѣсту военныхъ дѣйствій: слѣдовательно, здѣсь уполномоченный славянскихъ комитетовъ или его помощникъ, довѣренный, назовите какъ хотите...

Оказалось что ничего подобнаго не было. Что намъ собственнымъ измышленіемъ пришлось добратъ до города лѣшкомъ всею толлою—на это никто не былъ въ претензіи: Какія подводы тамъ, гдѣ всѣ лошади и воны взяты въ армию! Но чтобы некому было насъ встрѣтить на мѣстѣ, указать помѣщеніе, руководить дѣйствіями нашими, этого никто не ожидалъ. А это было такъ! Господа уполномочен-

ные русскихъ комитетовъ, сидя въ Бѣлградѣ, упустили именно эту мелочь изъ виду!...

Мы кое-какъ размѣстились сами по разнымъ „кафанамъ“ мизернаго городка. Первое впечатлѣнiе было скверное; тѣмъ болѣе что въ городишкѣ крѣпость, а въ ней было много порядочнаго совершенно свободнаго помѣщенiя (какъ случай открылъ намъ лотомъ), гдѣ могли насъ расположить не вводя бѣдняковъ (а такихъ было большинство) въ трату своихъ послѣднихъ грошей.

Вторая непрiятность, — Горбатовскiй объявилъ что онъ пошлетъ въ Бѣлградъ военному министру телеграмму о присылкѣ за нами парохода и что ждать его надо здѣсь.

Опять ждать! На дождѣ и холодѣ въ легкомъ платьѣ!

Въ Кладовѣ мы нашли болѣе сотни прежде прибывшихъ добровольцевъ, которые тоже ждали. То-есть безъ толку шлялись по „кафанамъ“, продавая всѣ свои деньги въ ожиданiи. Но никому не было до нихъ дѣла. А какъ идти безъ провожатыхъ, безъ лица, безъ подвода, безъ оружiя, и куда? До сихъ поръ вижу господина въ цилиндрѣ, въ подбитомъ воздухомъ пальто, дрожащаго отъ холода и просящаго подлѣниться кускомъ хлѣба: у него не было ни гроша, а до генерала Давдевиля далеко.

На другое утро переправились казаки; такимъ образомъ насъ набралось 200 человекъ лѣвшихъ и 120 казаковъ, которые одни только и были вооружены какъ слѣдуетъ.

Прошло 7е, наконецъ 8е число; мы все ждали подъ дождемъ и въ грязи; о пароходѣ ни слуху ни духу.

Тутъ случилось происшествiе еще болѣе подбавившее намъ досады: 7го, въ самый день нашего прибытiя въ Кладово, изъ крѣпости бѣжали двое Турокъ, считавшихся важными арестантами. 8го, мы легли уже спать; около полуночи меня толкаютъ подъ бокъ: „Вставайте! Турки идутъ на Кладово!“ разбудилъ меня полковникъ Ч—овъ. Я вскочилъ; не хотѣлось вѣрить, но вотъ звуки рожка. Всѣ уже подымались. Черезъ три минуты съ револьверомъ и саблей я пробирался съ остальными въ составяю „кафану“, гдѣ помѣщался Горбатовскiй, у котораго собралось уже довольно много народа. Мы выбрали общимъ начальникомъ на время предполагаемой осады инженеръ-подполковника Т—ва, который тотчасъ же привелъ въ порядокъ кавалерiю и пѣхоту, назначилъ къ себѣ двухъ ординарцевъ и повелъ будущiй гарнизонъ въ крѣпость.

Но настоящій гарнизонъ вовсе не былъ расположенъ впускать насъ въ часъ ночи.... Послѣ заявленія что мы высадимъ ворота, насъ наконецъ впустили. Т—въ спросилъ о комендантѣ, чтобы вытребовать у него оружіе добровольцами: вѣдь не съ голыми же руками встрѣчать непріятеля и отбивать штурмъ. Комендантъ оказался въ Турнъ-Северинѣ, равно какъ и его помощникъ. Разсерженный Т—въ взялъ нѣсколько ружей у Сербовъ, къ сербскимъ часовымъ прибавилъ русскихъ, обошелъ всю крѣлость, выслалъ казачіе развѣзды въ окрестности города на развѣдку, послалъ нарочнаго за комендантомъ.

Когда всѣ мѣры на случай нападенія были приняты, мы отправились высмотрѣть себѣ помѣщеніе и нашли два очень просторные и чистые дома, совершенно пустые, въ которыхъ мы и расположились, спрашивая себя, отчего же намъ до сихъ поръ ихъ не отвели?

На другой день оказалось что тревога была фальшивая и подготовлена нѣкоторыми изъ добровольцевъ для того чтобы получить оружіе и аммуницію и двинуться въ походъ, не ожидая сербскаго парохода, который, не давался какъ казнь. Выдумка удалась тѣмъ легче что въ самомъ дѣлѣ бѣжавшіе изъ крѣлости Турки могли сообщить первому своему отряду о плохомъ состояніи укрѣпленій и о малочисленности гарнизона.

Безплодное ожиданіе томилло и злило насъ. Я наотрѣзъ объявилъ Ч—ву что сидѣть въ Кладовѣ, когда гибнетъ Кривецъ — безсмысленно. Всѣ согласились со мной, и мы рѣшили на слѣдующее утро ѣхать на австрійскомъ пароходѣ прямо въ Бѣлградъ. Тотчасъ я отправился на пристань. Здѣсь сказали что пароходъ зайдетъ сюда на другой день въ пять часовъ и немедленно двинется далѣе. Всѣ мы отправились ночевать поджидая его на пристань.

Вся она состояла изъ большой барки, притянутой цѣпями къ каменистому берегу, съ небольшимъ трюмомъ, гдѣ помѣщался сторожъ со своею супругой и собакой. Небольшая желтая рубка, снятая вѣроятно съ какого-нибудь парохода, стояла на берегу, служа кассой и пріютомъ для пассажировъ и багажа. Мы оставили вещи въ этой рубкѣ подъ надзоромъ нашихъ унтеръ-офицеровъ, а сами забрались на барку къ сторожу, который любезно предложилъ намъ

раздѣлить свой уголокъ. Въ чугунной печкѣ трещалъ привѣтливый огонекъ, хозяйка угощала насъ кофеемъ и плодами, хозяинъ виномъ.

Утро наступило мерзвѣйшее; туманъ густо покрывалъ всѣ окрестности; Дунай шумѣлъ и волновался, раскачивая довольно чувствительно пристань-барку. Мы прождали часъ, два, четыре, — парохода нѣтъ какъ нѣтъ. Туманъ наконецъ разсѣялся часовъ около десяти, и предъ нами открылся видъ на Турнъ-Северинъ. Мы взяли за бинокли: вонъ пароходъ, но онъ и не думаетъ разводить пары... Спрашиваемъ телеграммой, когда же онъ прибудетъ; отвѣтъ: „завтра“.

Опять жди!

Мы готовы были разразиться бранью — вдругъ благовѣсть.... Намъ, не слышавшимъ уже нѣсколько дней колокольнаго звона и ужь никакъ не ожидавшимъ слышать его, теперь онъ показался чѣмъ-то особенно отраднымъ.

Къ обѣднѣ, господа!

Мы направились въ Кладовскую церковь, уговорившись дорогой стать на клиросъ и пѣть. Полковникъ остался на баркѣ, наблюдать за приготовленіемъ обѣда, который взялась состряпать любезная хозяйка: наблюденіе было необходимо для устраненія внимательства „паприки“.

Церковь оказалась совершенно похожею на русскую; богослуженіе шло на славянскомъ языкѣ; ну точно вошелъ въ нашъ сельскій храмъ.

Захвативъ въ лавкахъ закусокъ къ обѣду и купивъ винограду (который здѣсь вяжется вѣвникамъ, изъ цѣлыхъ лозъ), мы возвратились на пристань. Нашъ хозяинъ возился на лубѣ съ какою-то сѣткою; это онъ намѣревался ловить рыбу. Я началъ разсматривать сѣть и никакъ не могъ понять, какъ ею возможно что-нибудь изловить? Она имѣла форму круга, сажени полторы въ діаметрѣ, съ отверстіемъ въ центрѣ, чрезъ которое протянуты радіусами шестнадцать тонкихъ бичевокъ къ краямъ, усаженнымъ нѣсколькими десятками свинцовыхъ пуль... Оказалось что для ловли сѣть складывается въ шесть сгибовъ, такъ что бичевки свиваются въ одну общую веревку, приходясь внутри складокъ. Держась правою рукой за центръ, а лѣвою за сложенные края съ пулями, съ размаху бросаютъ сѣтку такъ что она развертывается на воздухъ и полнымъ кругомъ покрываетъ воду. Нашъ хозяинъ, бросивъ такимъ образомъ, далъ

сѣткѣ, увлеченной тяжестью пулекъ, опуститься на глубину двухъ аршинъ и сталъ тянуть за скрученный конецъ бичевокъ; натягиваясь, онъ стягивали кругъ, вслѣдствіе чего изъ сѣтки образуется что-то въ родѣ пузыря, изъ котораго рыбѣ нѣтъ выхода. Рыбы такъ много въ рѣкѣ что изъ семи разъ только два сѣть вытащили пустою. Мы поймали между прочимъ двухъ стерлядей, одну въ три четверти, другую въ полный аршинъ. Рѣшено было сдѣлать уху, да кромѣ того „свиуско печенье“ и битки. Обѣдъ вышелъ на славу, какого намъ и не снилось.

На слѣдующее утро насъ разбудилъ сторожъ, объявивъ что видимъ пароходъ. Мы живо вскочили и стали собираться. Пароходъ подошелъ къ пристани: какъ только мы перебрались на него, конечно, распростившись съ добрыми хозяевами, онъ отвалилъ, направляясь вверхъ по Дунаю. За мѣста взяли съ насъ по двѣнадцати съ чѣмъ-то франковъ до Бѣлграда. Пароходъ былъ небольшой, лоскодонный; мы должны были перемѣнить его въ первомъ австрійскомъ городѣ Орсовѣ, пройдя пороги.

Пароходъ оказался тѣсный, гаденькій. Мы прошли пороги по очень узкому фарватеру; стремительно бѣгущая рѣка разводила безчисленные круги около высывающихся во множествѣ подводныхъ камней и обдавала лѣвой борты. Мы шли настолько скоро насколько позволяло встрѣчное теченіе. Съ каждымъ шагомъ берега Дуная становились грандіознѣе въ своей дикости; отвѣсныя гранитныя скалы, въ нѣсколько десятковъ саженъ вышиной, мѣстами голыя, нависшія надъ рѣкой, мѣстами покрытыя рѣдкимъ кустарникомъ, вылѣзающимъ изъ рытвинъ и трещинъ, круто поднимались по обѣимъ сторонамъ рѣки, и наконецъ почти сходились, стѣсная русло на ширину немного болѣе ста саженъ, а можетъ-быть и менѣе, въ такъ-называемыхъ Желѣзныхъ Воротахъ. Мѣстность очаровательная! Безпрестанно новыя причудливыя формы скалъ, по которымъ изрѣдка лѣзлятъ остатки старинныхъ укрѣпленій, посты съ сербскими часовыми. Рѣка дѣлаетъ причудливыя изгибы; кажется пароходъ такъ и наскочитъ на гранитную стѣну; но онъ дѣлаетъ крутой поворотъ, огибаетъ каменный вдавшійся въ воду краѣ, оканчивающійся какъ бы треснувшею сверху сахарною головой, и стрѣлой идетъ по открывшемуся прямому каналу или скорѣе корридору, полъ котораго — волнующійся Дунай,

стѣны—скалы, испещренныя лещерами и трещинами, какъ отдушинами, а потолокъ—сѣрые облака, застилавшія небо. Пасмурная погода придавала особую мрачность и безъ того дикой природѣ, подавлявшей своею мощною величественностью. Невольно приходили думы о томъ, сколько времени нужно было быстрому и неудержимому въ своемъ стремленіи Дунаю чтобы проложить дорогу въ этой каменной массѣ и промыть ее до такой глубины. Вдругъ свистъ локомотива, аккомпанируемый на различные лады сотнями горныхъ отголосковъ, поразилъ нашъ слухъ, придавая окружающей мѣстности и могильной тишинѣ, нарушаемой лишь бурчаньемъ Дуная да шумомъ колесъ парохода, новый характеръ. По узкому желѣзному пути подъ навѣсомъ гигантскихъ скалъ, на остаткахъ древней римской дороги мчался поѣздъ изъ Орсова въ Кладово.

Чѣмъ ближе подходили мы къ Орсовѣ, тѣмъ болѣе терялъ лѣвый берегъ Дуная свою скалистость и дикость; рѣка расширялась, предъ Орсовой она разлилась въ широкое озеро, вздымавшееся грязно-мутными волнами. Залестрѣли строенія города, замелькали мачты, зачернѣли трубы парохода, на который насъ должны были пересадить.

На пристани мы всѣ сошли. Вдругъ намъ объявляютъ что мы должны отправляться на соседнюю пристань черезъ таможенную... Вотъ тебѣ и разъ! Австрійская таможня—не румынская: о враждебномъ отношеніи Австріи къ добровольцамъ мы слышали и читали... Я не на шутку струсилъ за свою саблю, отбитую въ Венгерскую кампанію однимъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ и подаренную мнѣ на память; ея блестящія мѣдныя ножны слишкомъ краснорѣчиво изобличали ея происхожденіе; а залпывать ее теперь было уже невысказуемо; даже чехоль съ нея я забылъ въ Кладовѣ...

Давъ себѣ слово лучше бросить ее въ Дунай (все же славянская рѣка) нежели позволить Австрійцамъ конфисковать ее, я съ улыбкой подошелъ къ таможенному чиновнику. Въ такомъ же положеніи находился и К—новъ; онъ былъ въ казацкой линейной формѣ, въ лапахъ и буркѣ, въ рукѣ держалъ шашку, святыню какъ горцевъ, такъ и нашихъ линейцевъ...

— Нѣтъ ли у васъ запрещенныхъ къ провозу вещей? спросилъ очень вѣжливо чиновникъ.

— Что подразумѣваете вы подъ этимъ словомъ? отвѣтилъ я.

— Чай, табакъ, военные снаряды и прочее.

Я заявилъ что у насъ есть и чай, и табакъ, для *собственной* употребы, и патроны для своихъ дорожныхъ револьверовъ.

— Больше ничего?

Съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства на лицѣ я отвѣтилъ: „посмотрите!“

— Пропустите! рѣшилъ чиновникъ, любезно раскланявшись съ нами.

Признаюсь, мы никакъ ужъ не ожидали такой свисходительности. О какихъ же придиркахъ толковали? Всѣ наши спутники заявили что ихъ вещей или вовсе не откулорили, или только отпирали, для очищенія совѣсти, очень ужъ большіе чемоданы; откидывали крышку и, приподнявъ двѣтри вещи, пропускали безпреляственно.

Выбравшись изъ таможи мы тронулись дальше на пароходъ *Арго*.

Берега нѣкоторое время сохраняли прежній характеръ, но вскорѣ австрійская сторона стала замѣтно опускаться, переходить въ небольшіе холмы и открывать долины, а сербскія скалы исчезать, уступая мѣсто вершинамъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ. Къ вечеру мы бросили якорь у какой-то пристани. Къ утру поднялся большой вѣтеръ и волненіе усилилось; капитанъ началъ было поговаривать что опасно лускаться въ путь, но удачно пущенныя нѣкоторыми изъ нашей братіи насмѣшки насчетъ рѣшимости австрійскихъ моряковъ вѣбѣсили его и онъ приказалъ разводить лары. Вскорѣ пароходъ разрѣзалъ своимъ носомъ мутныя, пѣнящіяся волны, пересѣкая почти поперекъ громадную площадь воды, шириной по крайней мѣрѣ версты въ три, образуемую слияніемъ Моравы и Дуная. Мы оставили позади себя послѣдніе остатки скалистыхъ горъ, съ развалинами какой-то старинной крѣпостцы, съ башнями и зубчатыми стѣнами, красиво расположенной по скату крутизны, и пещеру, замѣчательную тѣмъ что молва народная населяетъ ее какими-то мошками, которыя иногда дѣлаютъ чувствительныя наладенія на оба берега и портятъ растительность. Горизонтъ сталъ быстро расширяться; австрійская сторона, т.-е. лѣвый берегъ, окончательно понизилась; на громадной равнинѣ кой-гдѣ вдали видѣлись городки и селенія съ бѣлѣющими церквами, что мнѣ напомнило наше

Заволжье; правый берегъ также окончательно потерялъ свою дикость; Дунай широкою лентой извивался предъ нами, образуя много островковъ; на нѣкоторыхъ видѣлись домики и мѣстами австрійскіе двухъэтажные каменные блокгаузы.

Мы приближались къ Смедереву или Семендрию: сербская крѣпость, башни и стѣны которой начинали выдвигаться предъ нами изъ-за мыса, который огибалъ пароходъ. Мы съ любопытствомъ смотрѣли на древнюю постройку съ неуклюжими сѣро-желтыми башнями, числомъ кажется двадцать одна, со стѣнами огрѣбанными зубцами, съ продолговатыми въ нихъ бойницами. Крѣпость имѣетъ форму неправильнаго пятиугольника, двѣ стороны котораго отвѣсно опускаются въ воду; видомъ она вообще напоминаетъ наши кремни; не знаю, есть ли у нея приспособленія новойшей фортификаціи; такъ какъ мы не стояли и получаса у Смедерева, а крѣпость расположена съ полверсты отъ города.

Здѣсь намъ положили нѣсколько раненыхъ, которыхъ отправляли въ Бѣлградъ. Мы старались окружить ихъ всевозможными заботами. При видѣ первыхъ изувѣченныхъ не то чтобы боязнь овладѣла мною, но точно крючкомъ зацѣпило сердце и потянуло медленно, медленно съ мѣста. И намъ не предстоитъ ли то же? Нѣтъ! ужь лучше смерть!

„Бѣлградъ! Бѣлградъ!“ раздалось на палубѣ и я не помню какъ очутился на грудѣ тюковъ, сложенныхъ на носу парохода. Солнце почти сѣло, послѣдними лучами освѣщая громадную гору, испещренную какими-то неясными линиями и пятнами, съ чѣмъ-то бѣлѣющимъ на вершинѣ и усеянную у подножія и по скатамъ массой неясно очерченныхъ зданій. Я безмолвно смотрѣлъ на темнѣющій вдали городъ...

Волны быстрыя Дуная!
Передайте въ край родной,
Что на чуждый берегъ вступая,
Шаю ему привѣтъ я свой!

Я о немъ воспоминаю
Вѣчно буду сохранять,
И свершивъ свое призванье,
Полечу его обнять.

Если жь пасть въ защиту края
 Мнѣ назначено судьбой,—
 Я умру, не посрамая
 Честь страны моей родной!

Стішки эти внезапно сложились въ моей головѣ, я написалъ ихъ на вырванномъ изъ записной книжки листкѣ и бросилъ на волны, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ мое сердечное посланіе могло доплыть въ Черное Море и быть прибитымъ къ родному берегу!

Гора заискрилась огнями, пароходъ медленно заворотилъ въ рѣку Саву, на которой находится пристань. Неясно рисовались въ темнотѣ контуры крѣпости и строеній. „Живіо Сербіа!“ раздалось изъ толлы нетерпѣливыхъ добровольцевъ и прокатившись по волнамъ замерло въ отдаленности.

Ни одного звука въ отвѣтъ; на берегу царствовало полное молчаніе; темнота не позволяла ничего различить, и только высоко надъ нами огромная масса какого-то дома глядѣла на насъ ярко освѣщенными окнами своихъ трехъ этажей (оказалось потомъ что это былъ госпиталь).

12го октября въ 8 часовъ вечера мы ступили на завѣтный берегъ. Улица была темна, ни одного фонаря, ни одного извозчика; еле-еле нашли мы трехъ носильщиковъ, и то благодаря жандармамъ. Кассиръ на пристани присовѣтовалъ намъ отправиться въ гостиницу Христича. Навьюченные багажомъ мы поднялись чуть не на седьмое небо по безконечной деревянной, потомъ каменной лѣстницѣ, прошли мимо двухъ лазаретовъ, вступили въ узенькую улицу, шли, шли, и наконецъ вышли къ большому освѣщенному двухъэтажному дому на широкой улицѣ. Это и была гостиница Христича. Позвонили въ ворота (входъ во всѣ гостиницы въ Бѣлградѣ изъ воротъ, а съ улицы стеклянная дверь въ кафаны или общія залы). Вскорѣ явился молодой Сербъ, въ фуфайкѣ, и повелъ насъ на верхъ.

Объясняясь съ прислугой помощью знаковъ, а съ хозяиномъ по-нѣмецки, мы добрались до прекрасныхъ постелей, которыхъ было восемь въ одной общей залѣ.

Утромъ мы отправились къ генералу Дандевилю; здѣсь намъ сказали что онъ уѣхалъ въ Толчидеръ, загородный конакъ (дворецъ) князя Милана, и посоветовали придти

завтра, въ приемные часы отъ 10ти до 2хъ (какъ гласило и печатное объявленіе вывѣшенное у дверей). Я употребилъ день на осмотръ города.

Бѣлградъ расположенъ въ углу образуемомъ владеніемъ рѣки Савы въ Дунай. Онъ раскинутъ на высокой горѣ, которая очень крута къ углу слиянія и гораздо положе къ берегамъ. Мѣстоположеніе великолѣпное, напоминающее Нижній-Новгородъ, крѣпость окаймленная бульваромъ по гребню гласиса расположена также какъ Нижегородскій кремль со своимъ бульваромъ; ея рвы и стѣны сбѣгаютъ внизъ по обрывамъ; крѣпостной „конакъ“ расположенъ совершенно также какъ губернаторскій домъ. Дунай изображаетъ Волгу, Сава—Оку, только въ меньшихъ размѣрахъ; за Савой, въ десяти минутахъ ѣзды на пароходѣ, на томъ же берегу Дуная, виденъ австрійскій городъ Землингъ. Самый Бѣлградъ похожъ на порядочный губернский городъ; улицы (лучшія князя Михаила и князя Милана) широки, прямы, съ очень порядочными зданіями; на нѣкоторыхъ бульвары изъ пирамидальныхъ тополей. Дома болѣе двухъэтажные, съ воротами по срединѣ; тротуары и мостовыя не особенно хороши. Дворецъ — хорошій барскій домъ въ Москвѣ, съ парадникомъ за желѣзною рѣшеткой. Къ нему примыкаетъ слѣва министерство иностранныхъ дѣлъ, справа запасной „конакъ“, въ которомъ помѣщался М. Г. Черняевъ. Военное министерство, очень простенькое зданіе, находится въ переулкѣ за министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Гостилицы и кафаны безчисленное множество. Изъ зданій замѣчательны въ городѣ, кромѣ княжескаго дворца, университетъ, который былъ обращенъ въ лазаретъ на время войны, кафедральный соборъ, театръ, также обращенный въ складъ, казарма гдѣ собирались нижніе чины изъ добровольцевъ; „Старо зданье“, въ которомъ помѣщалось въ послѣдствіи управленіе и канцелярія генерала Никитина, и т. д. Церквей не много; всего пять. Между городомъ и крѣпостью разбитъ хорошенькій садъ.

Осмотрѣвъ городъ и пообѣдавъ, мы зашли къ „Ильичу“. Это Сербъ, бывшій когда-то въ австрійскихъ войскахъ и теперь мирно проживающій съ женой и дѣтьми въ Бѣлградѣ, гдѣ онъ имѣетъ винный магазинъ; при магазинѣ двѣ хорошо меблированныя комнаты съ роялемъ. Вина оказались прекрасныя и на русскій взглядъ очень дешевыя.

Самъ Ильичъ оказался такимъ милымъ человекомъ что мы въ послѣдствіи поощряли его каждый день и наши собранія, благодаря ему и любезности его жены, принимали чисто семейный характеръ.

14го числа, вся наша партія отправилась къ генералу Давидову. Генералъ принялъ насъ любезно; Ч—овъ представилъ ему всѣхъ, затѣмъ передалъ письмо Комитета, и мы тутъ же получили отъ него 25 рублей дукатами: (8 дукатовъ и $3\frac{1}{2}$ динара), и отношеніе въ военное министерство о зачисленіи насъ въ Сербскую армію. Прямо отъ него мы и отправились въ министерство, но было уже поздно (сербскія учрежденія открыты отъ 8 часовъ утра до 12ти и отъ 4хъ до 6ти). Намъ предложили явиться утромъ на слѣдующій день.

Утромъ въ 10 часовъ мы были уже въ министерствѣ. Насъ приняла съ большою предупредительностью, написали намъ прошенія, которыя мы и подали тутъ же вмѣстѣ съ паспортами. Менѣе чѣмъ черезъ часъ намъ предложили подписать обязательство не оставлять Сербію до окончанія войны, что мы и исполнили. Затѣмъ спросили, въ какую армію мы желаемъ. Мы отвѣчали: „въ Тимоко-Моравскую“. Тотчасъ же намъ выдали каждому „объяву“, нѣчто въ родѣ открытаго листа на полученіе пары лошадей и „колы“ до Делуграда; затѣмъ дали „требованье“ въ цейхгаузъ и арсеналъ, на платье и оружіе, сказавъ что можно все получить въ тотъ же день, въ 4 часа, въ „дольнемъ граду“, то-есть въ нижней крѣпости. Наконецъ вручили по 15 динаровъ суточныхъ денегъ на дорогу и любезно отпустили.

Мы тотчасъ поскакали въ коляскахъ въ крѣпость. Извозчики въ Бѣлградѣ такіе же какъ въ Яссахъ; только по-русски не говорятъ и упражъ менѣе щеголевата; часъ стоить $2\frac{1}{2}$ динара, конецъ—1 динарь.) Нижними воротами, пройдя мимо казармъ, мы въѣхали во дворъ двухъэтажнаго бѣлаго зданія на берегу Дуная. Насъ провели въ контору коменданта. Тутъ же оказался и арсеналъ, гдѣ намъ выдали сабли, револьверы съ патронами, кавалеристамъ—шлемы, все это въ прекрасномъ видѣ. Затѣмъ проводили насъ черезъ дворъ въ цейхгаузъ, гдѣ мы получили походную форму, то-есть блузу, рейтузы, „калу“ и пальто.

Возвратившись домой, мы рѣшили ѣхать утромъ на пароходѣ чрезъ Смедерево до Дубровицъ, а оттуда уже на

„колахъ“, такъ какъ въ Бѣлградѣ трудно было достать коней. Около полуночи, когда мы возились укладывая вещи и записывая другъ другу свои адреса въ Россіи для уведомленія родныхъ на случай смерти, вдругъ по корридору раздались звяканье сабли; дверь отворилась, и жандармъ, остановившись на порогѣ, передалъ приглашеніе всѣмъ русскимъ добровольцамъ пожаловать немедленно въ военное министерство. Мы живо одѣлись, и скоро приемная военного министра наполнилась пестрою толпой добровольцевъ и сербскихъ офицеровъ, которые также получили приказъ явиться. Въ ожиданіи Николича, намъ подали кофе. Наконецъ насъ пригласили въ кабинетъ министра. Когда мы вошли, онъ отпуская Сербовъ, и встрѣтилъ насъ стоя за письменнымъ столомъ.

Николичъ брюнетъ, высокаго роста, очень красивый, молодцоватый, съ выразительными глазами; на лицѣ его ясно была видна, несмотря на все желаніе сохранить хладнокровіе, сильная озабоченность.

Мы почтительно поклонились и ждали въ молчаніи; онъ отдалъ поклонъ, и окинувъ всѣхъ пристальнымъ взглядомъ сказалъ по-сербски:

— Господа! Я получилъ дѣлешу отъ генерала Чераяева; онъ уведомляетъ что въ послѣднихъ сраженіяхъ армія потеряла большія потери и проситъ прислать къ нему подкрѣпленія и всѣхъ добровольцевъ находящихся въ Бѣлградѣ. Надѣюсь вполнѣ что не все еще потеряно, но тѣмъ не менѣе рѣшился потревожить васъ въ такое позднее время и просить доблестныхъ добровольцевъ послѣшить на помощь безотлагательно.

— Ура! Живіо князь Миланъ! Живіо Сербія! отвѣчали мы единодушно.

Находившіеся съ нами извѣстный Хаудовъ отвѣтилъ за всѣхъ, выражая нашу готовность пролить послѣднюю каплю крови за своихъ братьевъ. Слова „живіо“ и „ура!“ Когда поуспокоились, многіе заявили Николичу что еще не получили ни обмундировки, ни оружія; онъ тотчасъ послалъ адъютанта въ крѣпость, немедленно отпереть арсеналы и склады. Вся толпа направилась туда.

Понятно, никто уже не ложился спать, и въ 6 часовъ утра 16го октября мы на знакомомъ уже намъ пароходѣ *Арго* покинули Бѣлградъ.

Изъ нашей компаніи оба унтеръ-офицера наши были отпущены со втораго дня нашего пріѣзда въ Бѣлградъ; ихъ присоединили къ отряду который долженъ былъ выступить вѣже; но мы дали имъ слово перевести ихъ непременно въ ту часть войскъ гдѣ сами пристроимся.

Подгоняемый быстрымъ теченіемъ пароходъ быстро шёлъ по рѣкѣ; скоро мы миновали и Смедерево, и устье Моравы, и подвалили къ пристани мѣстечка Дубровицъ. Зѣсь мы отправились прямо на почту, гдѣ и предъявили свои „объявы“. Хотя мы имѣли каждый право на пару лошадей и „колу“, но въ виду и безъ того обременительнаго разгона, потребовали всего три „колы“; ѣхали Ч—овъ и я, потомъ Ж—изъ съ женой, которая получила назначеніе въ Ягодинскіе лазареты: поѣздъ замыкали А—мовъ и К—мовымъ; прочіе, ѣхавшіе съ нами на пароходѣ, кто вышелъ на берегъ еще въ Семендріи, надѣясь выиграть время, кто остался закусить въ Дубровицахъ. Мы прибыли въ Чупрію ранѣе вѣхъ.

Легкія колы, запряженныя парой маленькихъ сербскихъ лошадокъ, крупнымъ галопомъ унесли насъ по очень порядочному шоссе; день былъ довольно ясный и теплый; мѣстность, то холмистая, то ровная, смотрѣла весело и пріятно; на пути попадались деревни, утопавшія въ зелени садовъ и мѣстами не убранныхъ виноградниковъ; кое-гдѣ видѣлись поля еще не срѣзанной кукурузы, той самой знаменитой кукурузы въ которую, какъ говорили намъ въ Бѣлградѣ, такъ усердно прятались сербскіе „войаки“ что даже возникла мысль выбить особые серебряные медали: на одной сторонѣ—кукурузное поле, на другой—надпись: „на тя уловахомъ!“ Узнавъ покороче характеръ Сербовъ и обстановку при которой приходилось имъ драться, думаю что этотъ народъ имѣетъ право на участіе и вознагражденіе, а не на насмѣшку. Но объ этомъ послѣ.

Первый открывшійся городокъ былъ Пожаревацъ; въ немъ шоссе расходилось: направо въ Чупрію, куда лежалъ нашъ путь, налево—въ Кладово; на обширной площади между ними стояли два лазарета, надъ которыми развѣшались громадные флаги, бѣлые съ краснымъ крестомъ и національные полотнища, синія, бѣлая и красная полосы. Закуривъ трубочки мы тронулись далѣе. Замѣчу кстати что табакъ здѣсь превосходный и дешевъ неимоверно.

Новыя лошади мчались не хуже первыхъ; возницы попадались молодые, веселые; они скоро разболтались съ нами и нашли что мы „таки добре братушки“, что предложили намъ не останавливаясь на слѣдующей станціи провезти насъ еще одинъ перегонъ, что конечно было намъ на руку. Я просто дивился крѣпости и выносливости этихъ мышатъ, какъ по справедливости можно назвать крошечныхъ сербскихъ лошадокъ: два перегона по 25 верстъ каждый, съ маленькимъ отдыхомъ въ четверть часа для водопоя, нисколько ихъ не утомили, и онѣ бѣжали все тѣмъ же галопомъ, въ перемежку со спорою иноходью.

Мѣстность дѣлалась все волнистѣе и разнообразнѣе; холмы становились выше; долины покрытыя великолѣпными пастбищами стали глубже; кое-гдѣ причудливо извиваясь, серебрились ручьи и рѣчки; вдали туманились вершины олушенные уже снѣгомъ, который выпадаетъ здѣсь въ горахъ съ конца сентября. По сторонамъ дороги попадались стада; пастухи неутомимо работая своими прялками съ любопытствомъ поглядывали на насъ. Мѣстами шоссе прорѣзывали громадные буковые, грабиновые и дубовые лѣса, перегибаясь черезъ холмы и лѣлясь надъ глинистыми обрывами; иногда почва представляла природное шоссе, до того она усыпана мелкими камнями. На одной полянкѣ, около сваленныхъ громадныхъ деревьевъ я увидѣлъ группу дровосѣковъ, разводившихъ костеръ. Дорога круто поднималась; пока наши лошади шагомъ шли въ гору, я соскочилъ съ „колы“ и лобѣжалъ къ костру закурить папироску. Мнѣ любезно подали уголекъ; я въ свою очередь предложилъ дувану изъ кошеля висѣвшаго на моемъ пояскомъ ремнѣ, и присѣлъ на обрубкѣ около костра. Сербка, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, полотчивала меня яблоками; я взялъ у нея шесть штукъ и далъ ей новенькій динаръ. Дѣвочка покраснѣла отъ удовольствія, но сочла нужнымъ сперва отказаться, но я настоялъ на своемъ, и довольные Сербы тотчасъ же предложили мнѣ изъ бутылочной тыквы чашу ракии. Съ возгласомъ „живію братушки“ я выпилъ столчикъ и распростился съ добрыми людьми. Говорили они много, но я почти ничего не понималъ.

Я догналъ наши „колы“ за полверсты впереди; ямщикъ исполнялъ въ точности приказаніе и „чекалъ“ меня на:

вершинъ хома, дремля въ растяжку на земаѣ предъ лошадиными мордани; наши также спали. Я всунулъ каждому изъ нихъ въ руки по яблоку, разбудилъ ямщика, сѣлъ въ „колу“, и мы въ карьеръ помчались далѣе. Было уже темно когда мы добрались до городка. На почтѣ коней не оказалось и надо было достать обывательскихъ, о чемъ мы и распорядились. На восходѣ солнца мы тронулись далѣе.

Мѣстность начинала принимать сильно гористый характеръ: впереди, налѣво и направо горизонтъ замыкался открытыми снѣгомъ вершинами; глубокія лоцины перерѣзывали горные кряжи; чрезъ нѣсколько верстъ дорога стала заворачивать вправо и предъ нами открылась долина Моравы, главный театръ военныхъ дѣйствій. Стали поладаться обоянные, рашеные солдаты; встрѣчались цѣлые обозы съ семьями крестьянъ, цѣлыя стада воловъ, овецъ, свиней, индюшекъ: все это удалялось отъ мѣстъ военныхъ операций, все заранѣе сплсало, чтобы не быть захваченными въ расплохъ и не попасть въ звѣрскія лапы. Разстояніе между нами и цѣлями горъ замѣтно уменьшалось; казалось онѣ наступали на насъ, хотя до нихъ оставалось еще добрыхъ верстъ сорокъ. Намъ уже мерещились на нихъ и батальоны и клубы дыма, и даже слышались какъ будто выстрѣлы орудій. Я началъ то-ропить ямщика; что-то такъ и тянуло въ эту таинственную даль. Утро было прекрасное; солнце грѣло какъ въ маѣ; густые лары подыались блестящимъ облакомъ съ Моравскаго дола, и переливаясь радужными цвѣтами въ капляхъ росы постепенно открыли отъ глазъ горы, но лишь на полчаса; туманъ сталъ подыматься какъ завѣса, открывая всѣ окрестности, и наконецъ поднялся и исчезъ въ безпредѣльной лазури. Морава какъ серебристая змѣйка извивалась среди изумрудной долины; то темные, то ярко освѣщенные солнцемъ видѣлись большіе лѣса, поля, деревни какъ бы купающіяся въ зелени, и все это замыкалось темно- и свѣтло-лиловыми контурами горъ съ вершинами серебрившимися блестящимъ на солдѣ молодымъ снѣжкомъ. Картина была восхитительна!

Дорога видимо стала понижаться; мы спустились въ долину, и въ три часа дня колеса наши застучали по Чупрійской мостовой. Мы ѣхали набережной Моравы; направо показался длинный мостъ на шоссе; за нимъ—арсеналъ, домъ коменданта, домъ станичнаго начальника (то-же что город-

ничій), все это въ зелени. Протѣжая мимо кафана, вдругъ увидѣли мы знакомыя лица и раздался голосъ Андрухаго: „Господа! останавливайтесь здѣсь! Есть двѣ свободныя комнаты; болѣе помѣщеній не найдете!“

Оказалось что омы пріѣхали на четверть часа раньше насъ, пристроившись въ Бѣлградѣ къ какому-то нарочному. Съ нами былъ еще одинъ изъ добровольцевъ. Послѣ обѣда Ж—нъ проводилъ свою жену въ Ягодикъ, въ назначенный ей госпиталь. Тѣмъ временемъ намъ сообщили о приходѣ партіи добровольцевъ; я бросился на крыльцо, и что же? Это были всѣ наши оставшіеся въ Кладовѣ ждать сербскаго парохода. Пошли цѣлованья, рукопожатія; немедленно солдатъ и казаковъ развели по квартирамъ, офицеровъ залучили въ свои комнаты, гдѣ и размѣстились человекъ по десяти въ каждой, буквально не зная какъ повернуться. Начались разспросы. Оказалось что на слѣдующій день послѣ нашего отплытія изъ Кладова была получена Горбатовскимъ депеша изъ Бѣлграда, съ извѣщеніемъ о невозможности прислать пароходъ и приказаніемъ вести отрядъ лѣшкомъ на Смедерево и Бѣлградъ. 12го партія выступила; но не доходя восьмидесяти верстъ до крѣпости получила вторую депешу: усиленными переходами идти на Чупрію. Пришлось помучиться! Дѣлали отъ сорока до пятидесяти верстъ въ день, то взбираясь въ густомъ туманѣ на страшныя горы, ида буквально въ облакахъ, то опускаясь въ глубокія лощины; въ довершеніе удовольствія погода стояла ужасная, дождь и снѣгъ хлестали безпощадно, одежда промокла до послѣдней нитки,—маленькіе ручейки обратились въ шумные потоки бѣшено скачущей грязной лѣвы; ихъ приходилось переходить въ бродъ почти по грудь; питаться было нечѣмъ; попадавшіеся изрѣдка деревни были брошены жителями бѣжавшими внутрь страны; за счастье считалось изловить забытаго гдѣ-нибудь поросенка или индѣйку. Богъ видимо хранилъ добровольцевъ; ни одного не заболѣло, а захворалъ кто—и умирай гдѣ остался, да еще умирай съ голоду.

До 9ти часовъ я и нѣкоторые изъ офицеровъ пошли по глубокой грязи посмотрѣть въ порядкѣ ли наши добровольцы. Мы застали солдатиковъ и казаковъ за самыми разнообразными занятіями: кто очищался, кто ужиналъ, кто перемѣнялъ бѣлье, готоваясь къ сраженію, очевидно ожи-

дѣшему насъ. Пожелавъ отдохнуть хорошенько людямъ, мы вернулись, наскоро написали письма домой, и улеглись спать въ раздѣвѣхъ.

Бой барабановъ и звукъ рожковъ заставили насъ вскочить на ноги около полуночи. Тревога была настоящая, не Младовская; мы послѣшнѣ нацѣпили оружіе и высыпали изъ кафана. Тьма была хоть глазъ выколи; по улицѣ мелькали тѣни съ фонарями въ рукахъ; надъ городомъ стоялъ какой-то неясный гулъ, смѣшеніе людскаго говора, ржанья лошадей, скрипа воловыхъ колъ, стука оружія и шлепанья по грязи множества ногъ. Дома постепенно освѣщались. Мелкій дождь довершалъ картину. Мы послѣшили къ мѣсту расположенія нашихъ казаковъ и остальныхъ добровольцевъ; Горбатовскій почти одновременно съ нами явился сюда же. Казаки уже выводили осѣдланыхъ лошадей; лѣшіе всѣ были въ сборѣ. Провесся настойчивый слухъ что вчера была подъ Дюнишемъ страшная канонада, что сегодня на разсвѣтѣ ожидается общая атака Дюнишскихъ высотъ, и что нѣсколько тысячъ Турокъ идутъ въ обходъ праваго фланга Моравской арміи, долиной рѣки Моравы, чтобы напасть на Парачинъ, и взять его, отрѣзать Чернаву путь отступленія на Ягодинъ и Бѣградъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердились вѣсти о несчастныхъ дѣлахъ при Криветѣ и Шлиговацѣ. Говорили что штабъ переведенъ уже въ Рожаны. Въ итогѣ выходило что Абдуль-Керимъ, своею семидесяти-тысячною арміею намѣревался раздавить тридцати-тысячное сербское войско, и конечно идти на Бѣградъ, а намъ выпадало на долю защищать Парачинскіе шанцы до послѣдняго человѣка.

Задача предстояла серьезная, отъ насъ зависѣла участь Моравской арміи, еслибы дѣйствительно обходное движеніе Турокъ подтвердилось.

Нашихъ пѣхотинцевъ повели въ арсеналъ, гдѣ тотчасъ же выдали ружья системы Пибоди. Затѣмъ Горбатовскій, принявъ начальство надъ всеми добровольцами, раздѣлилъ пѣхоту на двѣ партіи: первой назначилъ командиромъ меня, второй Константинова; казаки составили нашу кавалерію и мы въ числѣ 200 человѣкъ пѣхоты и 120ти конницы, руководимые провожатыми, чуть не по колѣню въ грязи, безпрестанно остулаясь о камни изковерканной мостовой, и идя положительно во тмѣ кромешной, ощуюлю,

двинулись по направленію къ Парачину. Часа въ три утра мы уже заняли правый флангъ Парачинскихъ танцевъ. Остальная линія, то-есть центръ и лѣвый флангъ были кажется заняты исключительно Сербами; говорю кажется, потому что въ темнотѣ ничего не было видно.

Забылъ сказать, что хотя ружья намъ выдали, но патроновъ раздать не успѣли, и комендантъ хотѣлъ прислать ихъ вслѣдъ за нами на позицію.

Горбатовскій послалъ казацкіе разѣзды и выставилъ часовыхъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія патроновъ. Вѣдь положеніе было глупѣйшее: нельзя было встрѣтить гостей свинцовыми орѣхами, и единственная надежда оставалась на штыки и приклады, хорошо что у казаковъ было еще 120 Берданокъ. Людямъ разрѣшено было дремать. Я тоже заснулъ, пока не разбудилъ меня дождь и холодъ. Тишина была мертвая; утомленные усиленнымъ переходомъ солдаты спали какъ убитые, прикорнувъ одинъ къ другому; видѣлась перемѣщавшаяся взадъ и впередъ тѣнь часового. Я подошелъ къ нему.

— Что патроны?

— Не были еще, ваше благородіе!

— Все тихо?

— Благополучно, ваше благородіе!

Дрожь прожимала меня, костра разложить было нельзя и я повелѣлъ долженъ былъ согрѣваться движеніемъ. Выскзъ на фитиль огня, взглянулъ на часы: около шести. Я пошелъ вдоль ровика; добровольцы выдѣлывали акробатическія движенія чтобы согрѣться хотя сколько-нибудь.

— Что братцы, васъ тоже промочило?

— Порядкомъ, ваше благородіе! Хотя бы *оно-то* скорѣй подошелъ, погрѣлись бы ужъ такъ что и ему окаянному жарко бы пришлось!

— Жарко-то жарко, да вотъ патроны наши чортъ знаетъ гдѣ путешествуютъ.

— Коли Богъ поможетъ, такъ и за прикладомъ доволенъ останется; хоша конѣ и луля не дура, да и штыкъ-то чай не разучился молодецкѣмъ похаживать! Залажемъ въ ровикъ, ну и лущай себѣ палить; а сунется къ валу, ну тогда не взыщи!

Востокъ началъ сѣрѣть и вскорѣ стало свѣтло; казацкіе разѣзды вернулись, объявивъ что о непріятелѣ не слыш-

но; мы были и довольны, и злы: довольны потому что, какъ бы бѣшено ни дрались, но неравенство силъ раздавало бы насъ и, по всей вѣроятности, Турки отрѣзали бы отступление; следовательно, слава Богу что не пришли. Злы потому что желаніе перевѣдаться съ врагомъ не исполнилось.

Около восьми часовъ адъютантъ изъ штаба привезъ приказаніе идти къ Рожанамъ. Мы вышли на Парачинскую дорогу, оставивъ Сербовъ занимать шанцы. Предъ Парачиномъ сдѣлали маленькій привалъ; привели людей въ порядокъ, разочли рядами и двинулись далѣе. Картины представлявшіяся намъ на пути выше всякаго описанія! Все шоссе, всѣ поля были заняты бѣгущими жителями и солдатами: вотъ мчится въ галопъ огромная „кола“, переполненная всякимъ крестьянскимъ скрабомъ, съ лѣляющимися на этой грудѣ женщинами и дѣтьми; огромные воды неуклюже подпрыгиваютъ отъ непривычнаго бѣга, лопукаемые батогами; здѣсь, одна „кола“ наѣхала на другую и опрокинула ее прямо въ средину стада свиней и овецъ, и надъ этою группой стоятъ столбъ отъ рева воловъ, плача дѣтей, бѣгущаго овецъ и хрюканья свиней; вотъ, крупною рысью протѣкаетъ огромная фура четверкой, съ краснымъ крестомъ на дверцахъ, за ней таетея цѣлый обозъ съ ранеными, которые безучастно, мутными глазами глядятъ въ пространство. По полямъ, по дорогѣ группы бѣгущихъ сербскихъ солдатъ, въ самомъ плачевномъ видѣ: въ оборванныхъ блузахъ, безъ шапокъ, безъ оружія, безъ опалокъ; вотъ два Сербъ тащатъ на двухъ палкахъ третьего, съ перевязанными ногами и головой; онъ, охая и стѣная, упирается слабыми руками за ихъ ободранныя плечи; далѣе бредутъ двое ужъ совсѣмъ безъ блузъ, поддерживая другъ друга; у одного босая нога перевязана выше щиколки окровавленной тряпкой; онъ опирается на суковатую палку, замѣняющую костыль, а другою рукой на единственную здоровую руку своего товарища. Я очелъ умѣстнымъ вручить несчастнымъ двугривенный переданный мнѣ окопникомъ на первой станціи при отъѣздѣ.

Далѣе, по горамъ таялись отступающіе сербскіе батальоны, обозы и тяжелыя орудія на волахъ. Вдали раздавались выстрѣлы; нашъ разношерстный отрядъ, гдѣ рядомъ съ солдатскою шивелю видѣлось штатское пальто, былъ

неузнаваемъ: откуда явилась непривычная или почти забытая дисциплина! Ряды равнялись и молодцовато выступали, видимо прибавляя шагъ; старикъ рядовой, Ефимъ Ильченко, лѣтъ семидесяти лѣтъ, бодро и серьезно шелъ въ первой шеренгѣ, служа примѣромъ. Чудака былъ этотъ Ефимъ: дряхлъ, и почти безъ зубовъ. „Ты-то зачѣмъ, старикъ, потревожилъ свои кости въ такую даль?“ спрашивали его.

— Не на полатахъ-же помирать, когда рѣжутъ православныхъ! А тутъ все-таки умру за вѣру Христову, а можетъ не одного и сулостата еще уложу! отвѣчалъ онъ шамка.

— Вызовите пѣсenniковъ, капитанъ, приказалъ имѣ подѣхавшій Горбатовскій.

— Пѣсenniки впередъ!

Хоръ грянулъ: „Было дѣло подъ Полтавою!“ за тѣмъ пошла пѣснь веселѣе, и наконецъ родимая: „Свѣи“ огласила окрестность, заставляя встрѣчныхъ бѣглецовъ останавливаться, а нѣкоторыхъ даже и приставать къ людямъ такъ весело идущимъ на смерть. Два добровольца вылетѣли впередъ, и чрезъ минуту всѣ лица просвѣтаѣли, глядя на мудрые козѣнца отчаяннаго трелака который на ходу отказывали плясуны...

Не стану описывать Дюнишскаго боя: мы такъ-сказать явились къ обѣду когда всѣ вставали изъ-за стола. Могу сказать только что добровольцы честно клали свои головы; изъ полутора тысячъ ихъ врядъ ли уцѣлѣла третья часть. Да и могли ли они дурако драться имѣя во главѣ такихъ людей какъ Меженниковъ или Депрерадовичъ. Меженниковъ, по просьбѣ горсти сербскихъ артиллеристовъ, приостанавливаетъ разломку моста, бросается съ ротой Сербовъ, въ виду многочисленной толпы Турокъ, въ береговой кустарникъ, вытаскиваетъ четыре оставленныхъ Сербами орудія, первый даетъ сигналъ къ ломкѣ Моравскаго моста, когда и орудія и люди уже перебрались, и послѣдній по оставшимся перекладинамъ переходитъ къ своимъ. Депрерадовичъ, въ котораго чуть не прицѣльно направляются гранаты, хладнокровно сидитъ на лошади, куря палиросу, и на просьбы слѣзть, увѣрляетъ совершенно серьезно что земля сыра, и что онъ боится зубной боли, которая у него бываетъ нестерпима, когда случится промочить ноги...

Когда адъютантъ передалъ приказъ ототулить, мы были въ отчаяніи. Но дѣлать было нечего: грустно, мрачно

повернулъ отрядъ; повуря голову вернулись мы въ Парачинъ. Городъ представлялъ чистое столпотвореніе Вавилонское; не говоря уже о смѣшеніи языковъ: сербскаго, русскаго, италіянскаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и даже горскихъ нашихъ кавказскихъ нарѣчій, которые всѣ имѣли здѣсь своихъ представителей въ числѣ добровольцевъ,—безпорядокъ былъ невообразимый! Поминутно являлись разбитые баталіоны, тянулись обозы, орудія, остатки и безъ того немногочисленной кавалеріи, таборы бѣгущихъ поселенъ, стада, раненные: все это мѣшалось, луталось, кричало, бравилось, ревѣло, хрюкало; никто не могъ отыскать свою часть. Я успѣлъ захватить для моихъ людей три кафаны, которыя мы и удержали за собой; Горбатовскій и всѣ наши офицеры помѣстились въ гостиницѣ Ристича. Я еле-еле къ одинадцати часамъ вечера добился людямъ хлѣба и ракии; болѣе нечего было достать. Еслибы Турки догадались преслѣдовать насъ, то могли бы въ Парачинѣ покончить съ Сербіей...

Впрочемъ, едва водворилась тѣнь порядка, вечеромъ же открылись всѣ парачинскіе склады, и мы отправились получать для людей полушубки, салоги, капы и аммуницію. Полушубковъ не хватило, роздали ихъ тѣмъ у кого во все не было, остальные удовольствовались собственными, захваченными изъ Россіи. Измученный, вернулся я въ свою комнату. Утромъ 19го, съ семи часовъ пришлось быть уже на ногахъ. Мой отрядикъ вчера почти ничего не ѣлъ; я взялъ фельдфебеля Забродина и восемь человѣкъ рядовыхъ и отправился съ объявами къ станционному начальнику. Онъ еще спалъ и разбуженный вышелъ очень недовольный и вѣроятно въ наказаніе вздумалъ заставить насъ ждать. Я настойчиво потребовалъ приватія объявъ и выдачи требованія на полученіе провіанта. Дерзкое „подождите“. Я вѣжливо заявилъ ему что если онъ сію минуту не выдастъ мнѣ требуемыхъ записокъ, то я самъ возьму все что нужно моимъ людямъ, а онъ будетъ отвѣчать за этотъ безпорядокъ.

— Попробуйте!

Я громко подозревалъ фельдфебеля.

— Оставь при мнѣ людей, самъ сейчасъ отправляйся, поставь отрядъ въ ружье и веди сюда.

Это подѣйствовало, въ ту же минуту выдамы мнѣ четыре записки въ четыре разныя лавки: на мясо, на хлѣбъ, на

ачмень и сѣно для нашихъ лошадей, и на крупу, лукъ, паприку и ракию...

Возвратившись въ дверяхъ кафана вижу лицо въ очкахъ что-то мнѣ очень знакомое; вглядываюсь—Д. Н. Е—въ, Нижегородецъ, одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ; онъ уѣхалъ въ Сербію полторы недѣли раньше меня, въ обществѣ еще трехъ моихъ хорошихъ знакомыхъ и сосѣдей по имѣнію.

Е—въ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, очень обрадовался нашей встрѣчѣ и потащилъ меня въ гостиницу. Разказавъ съ обѣихъ сторонъ не было конца... Отправившись потомъ провѣдать своихъ людей, узнаю что провизія до сихъ поръ не являлась и люди ничего не ѣли. Я далъ имъ нѣсколько франковъ, на которые они и закусили, а самъ остался ждать посланныхъ. Они явились часовъ въ семь; фельдфебель объяснилъ что еле-еле добился провизіи. Въ семь часовъ, 20го, я былъ уже на ногахъ и прямо отправился въ станицу; начальникъ былъ уже окруженъ цѣлою толлою жаждущихъ требованій. Я со своею командой скромно сталъ въ сторонѣ, ожидая очереди; но достойный майоръ, такъ нелюбезно обошедшійся со мною вчера, тотчасъ замѣтилъ меня, узналъ и немедленно оставивъ въ сторонѣ другихъ, просилъ подойти. Я поблагодарилъ за вниманіе и отдалъ объявы. Черезъ минуту требованія были подписаны. Я отправился съ моею свитой въ лавку хлѣбника, затѣмъ въ овощную и наконецъ въ мясную; вездѣ все выдали безъ задержки. Въ винномъ погребѣ ракии не оказалось; мнѣ отлустили одиннадцать окъ винограднаго вина; я попробовалъ—кислотина. Прошу перемѣнить; отвѣчаютъ что лучше вѣтъ. Я налилъ стаканъ, вручилъ его фельдфебелю и отправился опять къ майору; за мною важно выступалъ фельдфебель, держа стаканъ обѣими руками, за нимъ четверо солдатъ, по два въ рядъ. Казачій офицеръ, котораго я видѣлъ въ лавкѣ, со смѣхомъ спросилъ, куда я веду такую процессію? Я отвѣчалъ что хочу достать хорошаго вина.

— Ну, не удастся! Мы даже лоругались, а все не добились!

Это меня не обезкуражило, я храбро вступилъ въ контуру и взявъ стаканъ изъ рукъ фельдфебеля, поднесъ его майору, и мѣшая русскій языкъ съ сербскимъ, сковеркалъ ему такіа фразы:

— Молимъ васъ, майоръ, попробовать: то не дѣло вино? Тотъ сдѣлалъ глотокъ, и хотя поморщился, однако отвѣчалъ что вино хорошо.

— То свинско вино! возразилъ я: — молимъ васъ писать чтобъ дали добра цѣна вина!

Милый майоръ тотчасъ написалъ, и я вернулся тѣмъ же порядкомъ въ лавку. По запискѣ мнѣ сейчасъ же подкатили бочку; попробовалъ: хорошее. Я налилъ стаканъ и выпилъ здравицу Сербіи; купецъ пришелъ въ восторгъ, залилъ немедленно стаканъ изъ самой лучшей бочки неготиваскаго себѣ, потомъ мнѣ и всѣмъ пяти солдатамъ и важно произнесъ: „живіо братушки Руси!“ Мы разцѣловались.

Еще съ Дубровицъ мнѣ нездоровилось. Пользуясь свободною минутой, я пошелъ въ лазаретъ посоветоваться съ докторомъ, который и прописалъ мнѣ лѣкарство. Являюсь въ аптеку, говорятъ „этихъ медикаментовъ нѣтъ, а есть русски сигары“, то-есть папирсы готовые. Я остался доволенъ и этимъ. Возвращаясь домой, слышу звонъ колокольчика; что-то во мнѣ залпыгало, такъ и пахнуло Русью! Бросаюсь къ мосту, вижу несется тройка. Ура! гремитъ вслѣдъ коляскѣ, управляемой красивымъ кучеромъ съ окладистой бородой. Это пріѣхалъ главнокомандующій Черняевъ, печальный, съ осунувшимся лицомъ. Толпа офицеровъ, пришедшая колокольчикомъ, бросилась къ коняку, гдѣ онъ остановился. Вышелъ адъютантъ и сказалъ что генералъ будетъ принимать завтра, въ 9 часовъ утра, а теперь, уставъ съ дороги, приметъ только бригадныхъ командировъ.

Черезъ часъ эти послѣдніе вернулись и вѣсть „заключено перемиріе на двадцать восемь дней“, мигомъ облетѣла весь городъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. ЯШЕРОВЪ.

СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЛЧУЩІЕ И ЖАЖДУЩІЕ

I.

Защитники окончили возраженія на вторичную рѣчь прокурора. Первый изъ нихъ, тотъ который защищалъ главнаго подсудимаго, давно уже сѣлъ, поставивъ локоть на узкій пюльпитръ, и пальцами той же руки перебиралъ влажные бѣлокурые волосы, лилнувшіе къ красивому, розовому, разгорѣвшемуся лбу. Онъ былъ еще молодъ, это была еще только третья сапсе сѣлѣбре которую онъ защищалъ; и онъ зналъ что вліяніе ея на всю его карьеру будетъ важнѣе и рѣшительнѣе чѣмъ двухъ предыдущихъ. Онъ никогда не сомнѣвался что карьера будетъ сдѣлана; но ее можно сдѣлать потихоньку, и можно сдѣлать быстро. Онъ хотѣлъ сдѣлать быстро, и оттого былъ такъ взволнованъ. Онъ не слышалъ почти ничего изъ того что говорили послѣ него его товарищи. Онъ былъ тревожно и робко счастливъ сознаніемъ что его рѣчь была блестятельна. Это онъ зналъ по неслабѣвшему, какъ бы тяжелому вниманію, выражавше-

муса на всѣхъ лицахъ, даже на лицѣ министра сидѣвшаго ближе къ нему въ почетномъ полукругѣ позади суда, и по возраставшей первой дрожи въ себѣ самомъ. Даже и теперь еще эта дрожь пробѣгала по спинѣ и слегка застывала ему глаза радостнымъ и какъ будто благоухающимъ туманомъ. Впрочемъ всѣ его воспоминанія о своей рѣчи сосредоточивались главнымъ образомъ на одномъ ея моментѣ—именно на томъ когда, подъ вліяніемъ все разгоравшагося внутреннего огонька, онъ отступилъ отъ приготовленной, строго обдуманной программы и вышелъ совсѣмъ на другую дорогу. Моментъ былъ очень ослѣпительный, можно было все испортить, вдохновеніе могло обмануть, импровизація могла не выйти. Поэтому онъ колебался. Колебаніе продолжалось вѣроятно только нѣсколько мгновений, но онъ помнилъ о немъ. Потомъ уже ничего нельзя было вспомнить. Какая-то волна подхватила его, рѣчь зазвучала горячо, сильно, красиво и самъ онъ навѣрное былъ очень красивъ въ тѣ минуты. Онъ былъ всегда красивъ, онъ это зналъ и любилъ себя за это.

Кромѣ того онъ слышалъ какъ кто-то въ залѣ произнесъ послѣ его рѣчи: „Безбѣдный—геній!“ Можетъ-быть это сказалъ кто-нибудь изъ свидѣтелей, можетъ-быть даже кто-нибудь изъ судей, а всего вѣрнѣе молоденькій приставъ, все время явно любовавшійся имъ. Во всякомъ случаѣ онъ слышалъ свою фамилію, произнесенную рядомъ со словомъ: геній. Онъ не былъ расположенъ тотчасъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ, но ему пріятно было услышать его.

Всѣ эти ощущенія онъ переживалъ въ сотый разъ въ теченіе тѣхъ двадцати или тридцати минутъ которыя были заняты защитительными рѣчами его товарищей. Но временами изъ-за сознанія торжества и успѣха, пріятно подмывавшаго и щекотавшаго его, вставало какое-то недоразумѣніе. Собственное воодушевленіе какъ будто удивляло его. Клиентъ, котораго онъ защищалъ, былъ мошенникъ, поэтому-то онъ такъ тщательно, такъ теоретически подготовилъ защиту. И вдругъ онъ почувствовалъ вдохновеніе, въ голосѣ его прорвались горячія, искреннія ноты. Стало-быть это вздоръ (онъ мысленно возражалъ на какія-то ходячія, общія и безспорныя мнѣнія), стало-быть вдохновеніе вовсе не зависитъ отъ убѣж-

денія и внутренняго чувства, и есть возможность лгать горячо, искренно и красиво. Фактъ этотъ былъ новъ въ его практикѣ, и онъ нѣсколько недоумѣвалъ предъ нимъ. Но онъ тутъ же на первый разъ объяснилъ его себѣ тѣмъ, что все дѣло не въ убѣжденіи, а во впечатлѣніи. Обстановка, роль, произвели на него сильное возбуждающее впечатлѣніе, и онъ почувствовалъ вдохновеніе. Такъ точно и присяжные произнесутъ приговоръ вовсе не по убѣжденію, а по суммѣ пріятныхъ или непріятныхъ впечатлѣній произведенныхъ на нихъ подсудимымъ, защитой, свидѣтелями и т. д.

Онъ опомнился только тогда какъ раздался въ залѣ сухой и членораздѣльный голосъ председателя:

— Подсудимый Каричъ, не желаете ли сказать что-нибудь?

Безбѣдный не обернулся на своего кліента, только сѣлъ прямо, и положивъ обѣ руки на портфель, приваялся играть его толстымъ кожанымъ клапаномъ, стараясь попасть скобкой въ бронзовую прорѣзь замка. Скобка слегка щелкала, ударяясь о металлическую пластину и развлекала вниманіе другаго адвоката, сидѣвшаго рядомъ.

Подсудимый всталъ, съ выраженіемъ гадливости опираясь обѣими руками о засаженный барьеръ. Онъ поднялся тяжело, какъ человѣкъ очень усталый и разбитый нравственно, но очевидно слабость его отзывалась нѣсколько подѣлкой, потому что когда онъ выпрямился во весь ростъ, его представительная и крѣпко сложенная фигура скорѣе свидѣтельствовала о живучести и энергіи. Облеченная въ безукоризненное бѣлье и отличный англійскій сюртукъ, она конечно была украшеніемъ грязнаго ящика, въ который ее помѣстили. Интеллигентное лицо, обложенное слегка лобѣлѣвшею, подстриженною бородой, и очевидно привыкшее къ холѣ, странно глядѣло изъ-за этого захватаннаго мужицкими руками барьера.

— Господа присяжные, я имѣю очень немного прибавить къ словамъ моего защитника, заговорилъ Каричъ усталымъ, слегка сильнымъ голосомъ.—Вы знаете какія прискорбныя обстоятельства привели меня на эту скамью, гдѣ я... съ содроганіемъ оглядываюсь на себя. Вы поняли что предъ вами не преступникъ, а несчастный котораго убила судьба. Вы будете судить по человѣчеству... Обвинитель утверждаетъ что я изъ корысти... какой же смыслъ? Я и такъ

богатъ. Я старъ, у меня только одна дочь. Вы слышали, я дѣлился своими избытками съ нуждающимися. Мои предприятия давали хлѣбъ тысячамъ бѣдняковъ. Я правъ предъ своею совѣстью, но позоръ убьетъ меня. Я пятьдесятъ лѣтъ носилъ незалатанное имя. На преступленіе толкаютъ голодъ, невѣжество, а я... могъ ли я? Ваше осужденіе ляжетъ позоромъ не на меня только, но и на сословіе къ которому я имѣю честь принадлежать...

При послѣднихъ словахъ подсудимаго, Безбѣднаго слегка передернуло. Онъ очевидно не былъ доволенъ этою ссылкою на сословіе.

Каричъ отставилъ руку, какъ бы собираясь еще что-то сказать, но вдругъ поднялъ эту руку къ глазамъ, покачнулся и свѣлъ съ видомъ совершеннаго изнеможенія.

Второй подсудимый, маленькій, тщедушный, одѣтый въ потертое партикулярное платье человѣкъ—однако не безъ нираго блеска въ узкихъ плутоватыхъ глазахъ—заговорилъ тоненькимъ голоскомъ о томъ что-модъ колесо вертится, засасываетъ, а впрочемъ онъ человѣкъ подневольный, что ему прикажутъ, то и дѣлаетъ. Онъ очевидно и робѣлъ предъ своимъ принципаломъ, на случай если того оправдаютъ, и выгородить себя хотѣлъ, еслибы того осудили.

Третій, въ русскомъ старенькомъ кафтанишкѣ, со взлохмаченною бородкой и тупымъ, унылымъ взглядомъ подъ нависшими бровями, только пошевелилъ локтями и пробормоталъ:

— Что сказать? извѣстно... Вонъ онъ говоритъ: по человечеству. Такъ оно и есть.

Предсѣдатель пожевалъ губами, какъ бы сокрушаясь о неудовлетворительности всего имъ слышаннаго, и передалъ вопросный листъ сидѣвшему подлѣ него члену. Тотъ молча прочиталъ и передалъ дальше. Прокуроръ совсѣмъ исчезъ за лежавшею предъ нимъ килой бумагъ и книгъ.

Пока читались поставленные судомъ вопросы, пока предсѣдатель произносилъ свое *résumé*, сопровождая его все тѣмъ же соболѣзнующимъ пожевываньемъ губъ, Безбѣдный пристально глядѣлъ прямо предъ собой, на двойной рядъ присяжныхъ, которыхъ видимо оживила надежда на скорый конецъ этого утомительнаго, тянувшагося трое сутокъ дѣла. Онъ вглядывался въ фizioноміи, производя въ умѣ различ-

ныя приблизительныя сочетанія голосовъ. Несмотря на свою блестящую рѣчь, онъ мало надѣялся на оправдательный приговоръ. Хуже всего то что въ дѣлѣ былъ гражданскій истецъ, интересы котораго были бы нарушены оправданіемъ. Правда, присяжные могли признать подлогъ, и все-таки оправдать подсудимыхъ, но такіе случаи рѣдки. Въ особенности старшина, кругленькій, сѣденькій старичокъ, казался Безбѣдному очень опаснымъ. Онъ нѣсколькими вопросами во время судебного слѣдствія обнаружилъ что былъ очень глупъ. Онъ не пойметъ что можно признать преступленіе и оправдать преступника—и при этомъ навѣрное очень упрямъ и безтолково рѣчисть. И еще два кулца, толстый и тонкій, очень смущали его самоуверенными и злыми взглядами: они непременно будутъ настаивать чтобъ обвинить Карича и оправдать остальныхъ.

Присяжные наконецъ удалились въ совѣщательную комнату. Судъ также вышелъ. Публика шевелилась, сморкалась, разговаривала. Холодный зимній свѣтъ лился въ огромныя окна, скуло освѣщая опустѣлыя кресла и зеленое сукно на столѣ. По серединѣ залы адвокаты, свидѣтели, репортеры, не попавшіе въ очередь присяжные, образовали тѣсную кучку, оживленно судившую и рядившую о только-что оконченныхъ преніяхъ. Второй и третій подсудимые, какъ только судъ ушелъ, отодвинулись отъ Карича, и забившись въ противоположный уголъ ящика, угрюмо глядѣли оттуда на пыльный войлокъ покрывавшій полъ, и на жандарма, съ обнаженною саблей, какъ статуя стоявшаго предъ столомъ вещественныхъ доказательствъ. Они какъ будто и здѣсь, въ эти страшныя минуты, думали не о собственной судьбѣ, а о томъ чтобы не компрометтировать Карича своимъ близкимъ соседствомъ, и потому такъ отодвигались отъ него. Онъ очевидно даже въ этой обстановкѣ остался для нихъ „баринкомъ“.

Безбѣдный, разговаривая съ однимъ изъ тѣхъ важныхъ лосѣтителей для которыхъ были устроены мѣста позади суда, вскользь взглянулъ на Карича, и глаза ихъ встрѣтились. Онъ не желалъ этой встрѣчи, потому что для него не было ничего непріятнѣе какъ видъ собственнаго кліента, въ минуты когда рѣшается его участь; но такъ какъ взгляды ихъ встрѣтились, и глаза Карича выражали тоскаливое желаніе сказать ему что-нибудь или скорѣе услышать что-

набудь отъ него, то надо было подойти къ нему. Оборвавъ улыбку разговоръ съ важнымъ лицомъ, онъ быстро обернулся къ Каричу.

— Рѣшается, сказалъ онъ тихо, не зная можетъ ли онъ ободрить подсудимаго.

— Ужъ лоскорѣй бы, проговорилъ тотъ, съ тѣмъ же тоскливымъ выраженіемъ глазъ.

Онъ надѣялся что Безбѣдный тотчасъ скажетъ свое мнѣніе, но такъ какъ адвокатъ молчалъ, онъ вспомнилъ что надо поблагодарить его за рѣчь. Въ сущности же, онъ этою рѣчью не былъ вполнѣ доволенъ, потому что Безбѣдный не сказалъ о немъ того что онъ просилъ сказать, именно о несправедливости къ нему одного офиціального лица.

— Вы превосходно говорили; кажется лучше невозможно было бы! произнесъ онъ силоватымъ, жирнымъ голосомъ.

Безбѣдный торопливо пожалъ ему руку. Хотя онъ не былъ новичкомъ въ своей профессіи, такъ какъ началъ ее лѣтъ пять назадъ, еще въ провинціи, но многое въ ней до сихъ поръ смущало и удивляло его. Ему, напримѣръ, было неловко сознавать общіе интересы связывавшіе его съ клиентомъ, котораго онъ считалъ очень нечестнымъ человекомъ. Эта неловкость особенно почувствовалась въ ту минуту когда Каричъ, пожимая ему руку, сказалъ съ заискивающимъ, оробѣлымъ выраженіемъ умныхъ глазъ:

— А все-таки кажется дѣло-то наше не выгорить?

Безбѣдный только пожалъ плечами, явно тяготясь тѣмъ что Каричъ можетъ говорить о своемъ скверномъ процессѣ какъ объ ихъ общемъ дѣлѣ. Замѣтивъ что важный господинъ съ которымъ онъ только-что разговаривалъ еще стоитъ на томъ же мѣстѣ, онъ быстро повернулся къ нему и заговорилъ о какихъ-то пустякахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ процессу. Каричъ, желавшій еще что-то сказать, раза два нерѣшительно его окликнулъ; но адвокатъ сдѣлалъ видъ что не слышитъ.

II.

Въ заглъ произительно звякнулъ звонокъ. Каричъ встретился; ему казалось будто этотъ мучительный звукъ раздался въ его собственномъ черепѣ. Что-то заглохнуло въ груди, ударило въ виски и разбѣжалось съ болѣзненнымъ

зудомъ по всему тѣлу. Вся зала зашевелилась и разомъ притихла. Молоденькій приставъ побѣждалъ, поправляя на груди свой мѣдный знакъ, влустить присяжныхъ. Каричъ слегка прикрылъ глаза рукой, пока они гурьбой проходили мимо его, слотыкаясь о ступеньки эстрады и видимо смущаясь вниманіемъ громадной залы.

Судъ занялъ свои мѣста. Одинъ изъ членовъ еще прожевывалъ пирожокъ, которымъ только-что закусывалъ, и отряхалъ крошки съ бороды. Предсѣдатель торопливо пробѣждалъ глазами вопросный листъ и возвратилъ его старшинѣ.

Первый вопросъ былъ о подлогѣ. Присяжные признали его. Второй о Каричѣ. „Нѣтъ, не виновенъ“, громко, слегка отдуваясь отъ волненія, произнесъ старшина.

Рука Карича судорожно сжалась и машинально сдѣлала маленькое крестное знаменіе, звякнувъ тяжелыми звеньями цѣпочки, развѣшенной по животу. Краска ударила ему въ лицо, грудь поднялась, въ вискахъ опять застучало, голова какъ будто слегка закружилась въ ощущеніи блаженной одури. Онъ не слышалъ какъ старшина дочитывалъ вердиктъ. Онъ очнулся только тогда, когда предсѣдатель, съ отгвѣткомъ недоумѣнія и какъ будто даже конфуза, произнесъ среди гробоваго, точно также недоумѣвающего и сконфуженнаго молчанія цѣлой залы:

— Подсудимые, вы свободны.

Тщедушный человѣчекъ, только-что предъ тѣмъ снова занявшій мѣсто подлѣ Карича, вздрогнулъ головой, обдернулся и какъ-то растерянно кланялся—не то предсѣдателю, не то толпѣ, въ которой исчезъ старшина, не то самому Каричу; узкіе съ красными жилками глаза его слезились. Третій подсудимый крестился, сжавъ руку щепотью и широко взмахивая вытертыми локтями. Всѣ трое гуськомъ вылѣзли изъ ящика. Каричъ вышелъ послѣднимъ и остановился, водя обѣими ладонями по бортамъ своего отлично скроеннаго англійскаго сюртука, и въ первую минуту какъ бы не зная, какъ и куда ему ступить. Онъ словно раздѣлялъ недоумѣніе чувствовавшееся въ залѣ, и не совсѣмъ ясно понималъ, какое собственно онъ долженъ занять мѣсто по выходѣ изъ грязнаго ящика. Онъ былъ слишкомъ крупная величина для того чтобы затеряться въ толпѣ, и это сознаніе затрудняло его.

Но тутъ въ публикѣ произошла перемѣна. Она какъ будто уже осилила первое впечатлѣніе вердикта, и тогда какъ

один, шумно толкуя, расходилась по корридорамъ, другіе провожали изъ-за барьера на середину залы и образовали вокругъ Карича кружокъ. Онъ увидѣлъ болѣе десятка знакомыхъ лицъ, потомъ подошли еще другіе. Всѣ улыбались, иные даже съ тѣмъ самымъ заискивающимъ и нѣсколько подлымъ выраженіемъ, къ которому онъ давно привыкъ. Онъ былъ радъ встрѣтить это выраженіе, какъ радъ былъ бы своему обсиженному креслу у письменнаго стола, за которымъ не сидѣлъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ любилъ черты умѣренной, благоприличной подлости на чело-вѣческихъ лицахъ, по той же причинѣ, по которой любилъ эластическія складки своей утренней тужурки, уступавшей каждому движенію его тѣла.

Высокій молодой человѣкъ въ моднѣйшей длиннополой жакеткѣ, съ желтоватымъ но очень нѣжнымъ лицомъ, съ пробормомъ по срединѣ и чуть подвитыми фестонами на углахъ лба, съ воротничками à sonnet, открывавшими тонкую и длинную шею, первый приблизился къ нему и протянулъ бѣлую, нѣжную руку, на которой еще не разгладились складки отъ тѣсной перчатки. Это былъ извѣстный Кoko, единственный сынъ столь же извѣстнаго Павла Юрьевича Духоведкаго.

— Ну, славу Богу, поздравляю васъ. Я впрочемъ ни одной минуты не сомнѣвался, потому что все это было такъ глупо!

Онъ хотѣлъ сказать что по его мнѣнію было глупо привлекать Карича къ отвѣтственности. Когда онъ говорилъ, косточка на его открытой шеѣ вылячивалась, какъ будто у него въ горлѣ все еще сидѣло то яблоко, которымъ по преданію подавился Адамъ.

Карича обступили, жали ему руку, поздравляли. Хвалили также рѣчь Безбѣднаго, но осторожно, чтобы не показать что приписываютъ оправдательный вердиктъ искусству адвоката.

— Какъ будетъ счастлива mademoiselle Анетъ, добавилъ Кoko.

Mademoiselle Анетъ была дочь Карича. Ей было шестнадцать лѣтъ, и она носила длинныя платья; она уже окончила свое образованіе, хотя еще продолжала ѣздить на „особые курсы“ къ madame Труба. Но Кoko упорно отстаивалъ право называть ее уменьшительнымъ именемъ, и это обстоятельство нагоняло иногда на Карича пріятную озабочен-

ность; потому что Коко, несмотря на нѣсколько двусмысленную репутацію, принадлежалъ къ хорошему обществу.

Каричъ благодарилъ, онъ видимо былъ тронутъ. На его лицѣ не оставалось и слѣдовъ недоумѣнія съ которымъ онъ вылезъ изъ-за барьера. Ясно что все само-собою возвращается къ тому моменту на которомъ его застало первое посѣщеніе судебного оцѣдователя. Правда, нѣкоторыя знакомыя ему лица, проходя мимо, старались не глядѣть на него чтобы не кланяться; одна значительная особа, даже встрѣтившись съ нимъ глазами, не отвѣтила на его поклонъ. Но онъ приписывалъ это трусости. Сочувственныя поздравленія, обращенныя къ нему, могли вознаградить его. Въ немъ возникло даже подозрѣніе, не участвуетъ ли онъ въ торжествѣ справедливости. Онъ чувствовалъ признательность къ суду общественной совѣсти. Онъ совершенно ободрился, къ нему вернулась даже размашистая предприимчивость жуира, которою онъ отличался въ лучшія времена. Подмывчатая, удобная русская натура вдругъ сказала въ немъ.

— Господа, а что же еслибы намъ... по этому самому случаю... собраться бы пообѣдать что ли? предложилъ онъ своимъ лакомымъ, жирнымъ голосомъ. — Дома у меня разумѣется не приготолено, такъ къ Огюсту, что ли?

Коко шумно выразилъ одобреніе этой мысли. Двое или трое отказались.

— Евгенийъ Савичъ, а вы? Вѣдь вы настоящій виновникъ торжества! обратился Каричъ къ Безбѣдному.

Первымъ движеніемъ адвоката было отказаться. Что онъ помогъ мошеннику счастливо вырваться изъ рукъ правосудія, въ этомъ онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть ничего предосудительнаго, потому что правильно исполнилъ свою роль въ механизмѣ новаго суда, горячимъ поклонникомъ котораго онъ былъ по убѣжденію. На эту роль онъ смотрѣлъ какъ на состязаніе съ государственнымъ обвинителемъ, и если онъ одержалъ побѣду, то тѣмъ лучше. Но участвовать въ личномъ торжествѣ мошенника, присутствовать при томъ какъ разная дрянь подольетъ и покажетъ на раслашку свои грязныя инстинкты, эта мысль его корбила. Прежде однако чѣмъ отвѣтить Каричу, онъ взглянулъ на вопросъ съ нѣсколько другой точки зрѣнія, именно съ той что торжество въ сущности будетъ вовсе не въ

честь Карича, а въ честь его, молодого присяжнаго повѣреннаго, сказавшаго блестящую рѣчь. Съ этой стороны оцѣна не представляла ничего предосудительнаго, и даже то обстоятельство что въ ней участвовала „разная дрянь“ не имѣло особеннаго значенія, потому что не слѣдуетъ быть слишкомъ строгимъ къ людямъ сочувствующимъ честному дѣятелю и честной идѣе. Поэтому онъ кончилъ тѣмъ что согласился.

— И безплодно. Такъ вотъ господа, я заѣду на минутку домой, надо же показаться, обрадовать,—а въ шесть часовъ милости прошу къ Огюсту. Найдете все готовымъ. Особый залъ, разумѣется.

И Каричъ, радостно потирая бока своими лухлыми ладо-
вьями, вышелъ изъ залы, бывшей мѣстомъ его позора. Этотъ позоръ представлялся ему теперь нечлѣпнымъ своимъ, навѣ-
яннымъ труднымъ лицезвереніемъ.

Адвокатъ защищавшій втораго подсудимаго вѣжно по-
глядывалъ ему вслѣдъ и проговаривалъ, обращаясь къ Безбѣд-
ному:

— Экая широкая натура!

Безбѣдный снисходительно улыбнулся, но на душѣ у него
опять шевельнулось брезгливое чувство.

Къ шести часамъ компанія собралась. Каричъ, оконча-
тельно войдя въ роль биржеваго туза и гурмана, вытребо-
валъ метр-д'отеля и какимъ-то особенно-сочнымъ француз-
скимъ языкомъ отдавалъ приказанія. Глаза у приглашен-
ныхъ принимали все болѣе вѣжливое выраженіе. Кого ужасно
хотѣлось тоже хлопотать, и онъ все вертѣлся подлѣ Ка-
рича, доказывая что надо сходить самому на кухню и
взять сдѣлать какіе-то особенные греки.

Метр-д'отель постарался: обѣдъ былъ такъ хорошъ что
даже мѣшалъ разговаривать. Притомъ въ началѣ воѣ были
какъ-будто нѣсколько стѣснены. Каричъ, не дожидаясь
жаркаго, мигнулъ Татарину чтобы подавали шампанское.
Кого всталъ и провозгласилъ тостъ за счастливое событіе.
Его поддержали, произошелъ шумъ, обѣдъ очень оживился.
Каричъ благодарилъ. Онъ чувствовалъ что по крайней
мѣрѣ въ этомъ кругу все само-собою возвращается къ преж-
нему, и онъ оглядывалъ своихъ гостей веселыми, умиными
глазами. Кромѣ трехъ присяжныхъ повѣренныхъ, тутъ
было нѣсколько капиталистовъ, и съ десятокъ лицъ такъ

или иначе принадлежавшихъ къ хорошему обществу. Если они приняли приглашеніе, значитъ онъ имъ будетъ нуженъ; а честолюбіе Карича главнымъ образомъ заключалось въ томъ чтобы быть нужнымъ людямъ съ вѣсомъ. Во всякомъ случаѣ ясно что у него есть опора чтобы съ достоинствомъ, не сходя со сцены, переждать пока кое-что забудется. Онъ велѣлъ подать еще шампанскаго.

Тостъ Коко сдѣлалъ возможнымъ говорить о „событіи“. Это была нескончаемая тема. Присутствовавшіе знали всѣ подробности процесса, каждый хотѣлъ напомнить то что казалось ему особенно замѣчательнымъ. Находили что не только рѣчь Безбѣднаго была блистательна, но и допросъ свидѣтелей онъ велъ мастерскимъ образомъ. Эти шумные восторги были очень пріятны молодому адвокату. Онъ теперь рѣшительно былъ радъ что не отказался отъ обѣда, и все болѣе убѣждался что его роль въ этомъ дѣлѣ была необыкновенно блестящая. Оживленіе дѣйствовало на него заразительно, и мысль о „разной дряни“ уступала мѣсто снисходительному и даже нѣжному отношенію къ этимъ весьма представительнымъ господамъ, такъ искренно имъ восхищавшимся. Онъ охотно говорилъ о самомъ себѣ, о своей рѣчи и о своей профессіи. Когда кто-то напоминалъ одинъ особенно удачный оборотъ въ его защитѣ, онъ ска- залъ, внутренне нѣсколько рисуясь:

— Представьте, это вышло совершенно случайно. Вообще сколько ни приготовляйся, а самыя лучшія мысли приходятъ внезапно. Въ нашемъ ремеслѣ тоже нужно вдохновленіе.

— Ну еще бы, согласился тучный капиталистъ,—ораторское искусство та же поэзія.

Сосѣдъ Безбѣднаго выразилъ сожалѣніе, зачѣмъ онъ занимается преимущественно уголовными дѣлами, тогда какъ гражданская практика гораздо выгоднѣе. Евгенийъ Савичъ, находившійся уже въ очень хорошемъ расположеніи духа, весело разсмѣялся.

— Ну вѣтъ, не говорите, богатые люди нынче больше судятся уголовнымъ судомъ чѣмъ гражданскимъ, сказалъ онъ.

Шутка очень понравилась присутствовавшимъ тутъ богатымъ людямъ, и они весело разсмѣялись. Разговоръ сдѣлался еще болѣе шумнымъ. Коко опять всталъ и, взмахи-

вая бокаломъ, сказалъ что присяжные, произнося оправдательный приговоръ, почтили полезную общественную дѣятельность подсудимаго и что въ этомъ приговорѣ есть глубокий смыслъ. Каричъ тоже почувствовалъ желаніе сказать нѣсколько словъ.

— Господа, сказалъ онъ, опираясь обѣими руками о столъ, такъ точно какъ онъ опирался о грязный барьеръ предъ скамьей подсудимыхъ,—слова нашего уважаемаго Константина Павловича для меня тѣмъ болѣе дороги что, не принадлежа самъ къ средѣ промышленныхъ дѣятелей, онъ не знаетъ всѣхъ опасностей окружающихъ это полприще. Онъ не знаетъ что оставаясь вѣрнымъ своимъ полезнымъ и смѣю сказать честнымъ цѣлямъ, мы иногда бываемъ принуждены нарушать формальное право, жертвовать буквой закона. Поэтому намъ болѣе чѣмъ кому-нибудь дорогъ судъ общественной совѣсти, судъ по убѣжденію. Господа, я предлагаю выпить за судъ присяжныхъ и за находящихся между нами даровитыхъ представителей этого новаго учрежденія!

Нѣсколько бокаловъ протянулось къ Безбѣдному. Онъ чокнулся. Но брезгливое чувство олять шевельнулось въ немъ. Тамъ, въ залѣ суда, на адвокатской трибунѣ, ему нравилась эта игра словъ, ломающая мысль прихотливыми зигзагами. Онъ могъ также извинить эту безнравственную игру въ устахъ челоуѣка преданнаго какъ и онъ новымъ идеямъ, потому что самая преданность этимъ идеямъ уже составляла заслугу. Но кругъ въ которомъ онъ теперь находился не былъ ему сочувственъ, и когда эти люди пили тостъ за новыя идеи, Безбѣдный сознавалъ что они понимаютъ ихъ не совсѣмъ такъ какъ онъ. Впрочемъ это была такая область въ которую онъ не любилъ углубляться, потому что никогда не могъ распутать тамъ свою мысль до конца; притомъ же онъ былъ практическій и дѣловой челоуѣкъ, и ему некогда было заниматься такими вещами. Онъ и теперь, взглянувъ на часы, вспомнилъ что дома у него переписываются бумаги по очень важному дѣлу, бывшему у него на рукахъ, и что ему необходимо еще захватить въ редакціи двухъ газетъ и просмотрѣть свою сегодняшнюю рѣчь въ рукописи стенографа.

Когда стали уже расходиться, Коко подошелъ къ нему и сказалъ, цѣдя по привычкѣ сквозъ зубы:

— У насъ пятнадцатаго раутъ. Вы получите приглашеніе. Пожалуста пріѣзжайте.

Адвокатъ отвѣтилъ что постарается. Коко оглянулся, и замѣтивъ что Каричъ былъ на другомъ концѣ комнаты, прибавилъ:

— Надѣюсь, процессъ не долженъ разорить его? Иначе было бы очень жаль что его оправдали: на какого чорта намъ разбитая биржевая кляча?

III.

Кучеръ Ермолай, привезя Безбѣднаго домой и отстегнувъ великолѣпную медвѣжью подость, концы которой безжалостно волочились по грязному свѣгу, повернулъ къ нему свое красивое лицо и сказалъ:

— Вотъ что, Евгенийъ Савичъ: отъ каретника давеча олять приходили.

— Ну? протянулъ съ признакомъ нѣкотораго неудовольствія Безбѣдный.

— Да все на счетъ денегъ... Какъ прикажете сказывать? Каживный день сталъ таскаться, даже до нестерпимости.

— Скажи, на дняхъ заплачу половину, проворчалъ Безбѣдный, собираясь скрыться за зеркальными стеклами ярко освѣщеннаго подъѣзда.

Ермолай повернулся къ нему всѣмъ туловищемъ.

— Да вы, Евгенийъ Савичъ, не извольте беспокоиться, сказалъ онъ внушительно.—Онъ вѣдь не то чтобы что... Что ему деньги! Онъ вотъ сказывалъ что ежели бы вамъ мериканскій шарабанъ понравился...

— Что такое?

— Мериканскій шарабанъ у него есть, такъ звалъ намерялись посмотреть. На заказъ дѣланъ, игрушечка. Ежели бы, говорить, купили, съ деньгами подождать можно.

Безбѣдный уже настолько зналъ практическую сторону петербургской жизни что его не удивило странное желаніе каретника навязать ему шарабанъ, когда еще не заплачено за карету и санки. Онъ зналъ что кредитъ расширяется по мѣрѣ долговъ, и суживается по мѣрѣ добросовѣстности и осторожности. Приобрѣсть къ веснѣ щеголь-

скую американку было очень катати, и онъ сказалъ Ермакову что зайдетъ посмотреть.

Практика уже доставляла ему значительныя средства, но онъ пріѣхалъ въ Петербургъ ни съ чѣмъ и много истратилъ на обстановку. Онъ рѣшился сразу обзавестись на широкую ногу, и его квартира производила внушительное впечатлѣніе. Онъ даже лѣстницу отдѣлалъ на свой счетъ, и двери въ переднюю держалъ всегда открытыми, отчего приходившимъ къ нему могло показаться что онъ занимаетъ весь домъ. За богатую мебель, за бронзу, за предметы роскоши, разставленные въ пріемныхъ комнатахъ, даже за дорогую шубу, висѣвшую у него на плечахъ, еще не было заплачено; но кому жь какое дѣло до его счетовъ съ поставщиками? Клиенты ахали и благоговѣли.

Онъ прошелъ прямо въ большую, убранную дубовою мебелью комнату, гдѣ помѣщалась его канцелярія. Блѣдный молодой человѣкъ, въ нѣсколько потертой жакеткѣ, работалъ на высокомъ табуретѣ предъ конторкой; два писца писали что-то за большимъ столомъ, подъ висячею лампой. Безбѣдный подошелъ прямо къ конторкѣ и не садясь принялся перелистывать килу бумагъ, вложенную въ особую папку.

— А коліи? спросилъ онъ секретаря.

Тотъ оглянулся на писцовъ.

— Сейчасъ начнутъ списывать, сказалъ онъ явно оробѣвшимъ голосомъ.

Безбѣдный съ неудовольствіемъ пожалъ плечами.

— Какъ же вы занимаете писцовъ тѣмъ что терпите, а не позаботились приготовить то что нужно къ завтрашнему утру! сказалъ онъ.

— Послѣтъ, Евгенийъ Савичъ, успокоивалъ его блѣдный молодой человѣкъ.

„Нѣтъ, онъ не годится“, подумалъ адвокатъ: „пока его не ткнешь носомъ, ни о чемъ не догадается; того и гляди поладешь съ нимъ въ бѣду.“ Онъ вспомнилъ что не сегодня, завтра къ нему долженъ явиться новый помощникъ, отличный юноша, только-что кончившій курсъ въ университетѣ и желающій пріобрѣсть подъ его руководствомъ практическія знанія. Съ нимъ вѣроятно все пойдетъ иначе: онъ будетъ другомъ, а не наемникомъ. „Поскорѣй бы пріѣхалъ“, подумалъ Безбѣдный.

— Письма есть? спросилъ онъ секретаря.

— Я положилъ у васъ въ кабинетъ.

По большей части это была дѣловая корреспонденція. Только одинъ конвертъ со штемпелемъ городской почты не походилъ на другіе. Когда Безбѣдный разорвалъ его, оттуда выпалъ маленькій листокъ, на которомъ безъ подписи и явно измѣненнымъ почеркомъ были написаны слѣдующія слова: „Пріѣзжайте сегодня въ маскарадъ въ Кулеческое Собраніе.“ Безбѣдный только улыбнулся и отложилъ его въ сторону. Ему часто случалось получать подобныя записки. Онъ былъ молодъ, его считали богатымъ, и онъ составлялъ предметъ довольно многочисленныхъ покушеній. Но пока онъ просматривалъ другія письма, имѣвшія дѣловой характеръ, его мысль остановилась на нѣкоторыхъ особенностяхъ анонимной записки. Она не походила на приглашенія отъ женщинъ того круга съ которыми онъ соприкасался чрезъ свои холостыя связи. Измѣненный почеркъ заставлялъ думать что записка писана знакомымъ лицомъ, желавшимъ скрыть себя. Верхняя часть листка, гдѣ обыкновенно бываетъ вензель, была срѣзана. Зачѣмъ столько предосторожностей? Притомъ ему казалось что несмотря на стараніе измѣнить почеркъ, въ немъ обнаруживалась рука образованной женщины. Онъ кажется узнавалъ эту бумагу. Неужели Мме Олжанская? Но ей не было никакой надобности прибѣгать къ мистификаціи. Или она написала по просьбѣ княжны Полины?

Это была очень неправдоподобная мысль, но вѣдь случаются же неправдоподобныя вещи! Какъ всѣ люди съ воображеніемъ, Безбѣдный былъ расположенъ иногда допускать ихъ. Притомъ же были обстоятельства сообщавшія его предположенію нѣкоторую вѣроятность. Полина была дочь стараго князя Бакшеева, брюзги и самодура. Онъ былъ вдовъ и задалъ жизнь своимъ тремъ дочерей, Aline, Pauline и Nadine. Старшая была очень дурна, меньшая очень толста и гаула, а средняя хорошенькая. Безбѣдный бывалъ у нихъ въ домѣ, но не часто, потому что старый князь не любилъ стѣсняться, когда на него находило дурное расположеніе духа; притомъ же третировалъ молодого адвоката свысока и называлъ его будто по ошибкѣ то Бездѣтнымъ, то Безсребреннымъ. Несмотря на рѣдкія посѣщенія средняя, хорошенькая княжна Полина очень заинтересовалась

Безбѣднымъ и нашла возможность видѣться съ нимъ часто у Мше Олжанской, куда старый князь хотя неохотно, но отпуская дочерей, потому что Олжанская приходилась ему сродни. Полина была самая самостоятельная и избалованная изъ сестеръ, и одна только рѣшалась возставать открыто противъ самодурства отца; князь за это звалъ ее мальчишкой и гусаромъ, но любилъ больше другихъ. Она не стѣсняясь всѣмъ разказывала про чудачества отца, жаловалась на свою жизнь и говорила что убѣжить. Ей пожалуй могла придти фантазія назначить свиданіе въ маскарадѣ. Безбѣдному нравилось это предположеніе, потому что хотя онъ нисколько не былъ влюбленъ въ княжну, но когда ему приходила мысль о женитьбѣ, онъ говорилъ себѣ что если старый князь дастъ за ней тысячъ сто, то пожалуй можно жениться. Но это была совершенно случайная и праздная мысль, потому что покаместъ онъ не видѣлъ надобности разставаться съ своею свободой.

Такъ какъ у него не было никакихъ плановъ на сегодняшній вечеръ, то онъ рѣшилъ что поѣдетъ въ маскарадъ. Но было еще рано, и чтобы занять время, онъ подвинулъ къ себѣ портфель съ надписью „à répondre“ и принялся перелистывать залежавшіеся листки.

Тутъ была исключительно частная переписка, не требовавшая немедленнаго отвѣта: письмо университетскаго товарища, заднимъ числомъ поздравлявшаго его съ успѣхами; вѣсти изъ провинціального города гдѣ онъ провелъ первые годы своей дѣловой жизни; письмо отъ матери, благодарившей за послѣднюю небольшую присылку и сообщавшей что у нихъ „на слободкѣ“ опять кого-то зарѣзали. Подлѣ этого письма лежалъ листокъ покрытый мелкимъ, торолливымъ почеркомъ; замѣтно было что его писала взволнованная, слабая рука. Онъ былъ помѣченъ изъ того же провинціального города; отъ него пахло жасминомъ. Безбѣдный только взглянулъ на него и положилъ назадъ, какъ будто этотъ запахъ жасмина напомнилъ ему все что заключалось въ письмѣ. Онъ уже давно каждый день собирался отвѣчать на него. Онъ и теперь протянулъ руку къ перу, но перо осталось на столѣ и онъ задумался. Быть-можетъ запахъ жасмина напомнилъ ему не только то что стояло въ письмѣ, но гораздо больше.

По свойственной авторамъ нескромности, мы познакомимъ читателя съ содержаніемъ этого листка:

„Черезъ цѣлый мѣсяцъ ожиданія я наконецъ получила ваше письмо, но какое письмо! Отъ него повѣяло чѣмъ-то до такой степени подозрительнымъ что я проплакала всю ночь (вы видите, мнѣ не стыдно въ этомъ сознаться)—и рѣшилась просить васъ: или разсѣять мои сомнѣнія, или высказать прямо и откровенно то о чемъ вы какъ будто хотите заставить меня догадаться. Что означаютъ эти неожиданныя наладки на мою наивность, на мое незнаніе жизни, на мои розовыя мечты и т. д.? Что значать эти намеки на „утрату многихъ иллюзій“, на какіе-то „уроки жизни, заставляющіе насъ на многое глядѣть иначе“ и проч.? Еслибъ я была подлѣ васъ, еслибъ я слышала эти слова прямо отъ васъ, ваши глаза объяснили бы мнѣ ихъ. Я догадалась бы что имъ не надо придавать того гадкаго значенія какое они имѣютъ на бумагѣ. Но я далеко и одна, и мнѣ больно было читать ваше письмо. Вы знаете какъ я мнительна, вы сами говорили что мое воображеніе существуетъ только на то чтобы создавать ужасные призраки. Зачѣмъ же вы сами лугаете меня? Если это неосторожность, она непростительна; если это сдѣлано съ расчетомъ чтобы приготовить меня къ развязкѣ, которая можетъ-быть ожидаетъ наши отношенія, тогда предоставляю вамъ самому отыскать слово соотвѣтствующее вашему поступку. О, пожалуйста не цадите меня—пощада въ этомъ случаѣ была бы самымъ жестокимъ оскорбленіемъ. Скажите прямо и рѣзко, если имѣете сказать что-нибудь новое: лучше мнѣ узнать разомъ, чѣмъ мучиться тѣми муками которыя я создаю себѣ.

„Милый, хорошій другъ мой, простите мнѣ мои гадкія подозрѣнія. Когда вы скажете мнѣ что все это вздоръ, что вы все такой же милый, милый, тысячу разъ милый, я заплачу такими радостными слезами, которыя въ минуту вернутъ мнѣ мое счастье, и за которыя вы простите мнѣ всѣ оскорбленія. Вѣдь я оскорбила васъ? да? да? Не сердитесь на глулую дѣвочку, которая въ этотъ годъ—безконечный годъ разлуки—такъ разстроила свои нервы, такъ искапризначилась и измучилась что вы ее не узнаете когда увидите, если только намъ суждено увидѣться. (Опять! въ наказанье хочу на цѣлый день отложить отправку этого письма—и не могу.)

„Хотя вы гадкій, очень гадкій, и хотя вчера былъ морозъ, я прошла по снѣгу въ садъ—стыдно даже и сказать зачѣмъ: мнѣ хотѣлось просто взглянуть. Но тамъ теперь все такъ печально, а снѣгъ такъ чистъ, что одинъ видъ его способенъ заморозить душу. Глядя на него, не приходитъ даже мысль чтобы зима могла когда-нибудь кончиться. Ахъ какіе скучные будутъ праздники!

„Хотѣла бы еще написать вамъ многое, очень многое и важное (въ самомъ дѣлѣ важное), но успѣла уже такъ себя разстроить что не умѣю ничего какъ слѣдуетъ сообразить. Перечитываю свое письмо и вижу что Богъ знаетъ чего напутала. Но вы не тревожьтесь, а только отвѣчайте мнѣ сейчасъ, сейчасъ. Вашъ другъ Липочка Илатова.“

Это нетерпѣливое, взволнованное „сейчасъ“ какъ будто еще стояло въ ушахъ Безбѣднаго. Прошли уже недѣли, а онъ все собирался отозваться на него—и не могъ. У него не было отвѣта котораго отъ него требовали. Онъ безъ сомнѣнія любилъ Липочку. Это была его первая и до сихъ поръ единственная серьезная привязанность. Даже и теперь, когда онъ мучился необходимостью и невозможностью отвѣта, онъ сознавалъ всю силу неостывшаго чувства. Еслибы вопросъ здѣсь кончался, отвѣтъ не затруднилъ бы его; но онъ здѣсь не кончался.

Липочка была дѣвушка, дочь небогатаго губернскаго чиновника, въ домъ котораго Безбѣдный нанималъ квартиру, когда жилъ въ провинціи. Они не были объявлены женихомъ и невѣстой, но оба понимали что это рѣшено самособою. Предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ между ними было условлено что какъ только онъ устроится и обезлечитъ себя опредѣленными средствами, то пріѣдетъ за ней. Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ, и ихъ отношенія ограничивались перепиской, становившеюся все менѣе дѣятельною съ его стороны. Это происходило не потому чтобъ онъ охлаждалъ къ Липочкѣ, а потому что чѣмъ болѣе ему везло, тѣмъ болѣе понятіе объ „устройствѣ“ и объ „опредѣленныхъ средствахъ“ оказывалось эластичнымъ. Онъ шелъ шибко, но былъ весь въ долгу; это конечно не значило чтобъ онъ устроился. Бракъ представлялся ему преимущественно въ двухъ видахъ: какъ выгодная партія или какъ роскошь. Первому условію Липочка совсѣмъ не соотвѣтствовала, для втораго онъ самъ не былъ готовъ: онъ

еще не могъ позволить себѣ такой роскоши какъ семейная жизнь, потому что не могъ поставить эту жизнь на такую же широкую ногу какъ холостую. Онъ признавалъ также и третій родъ брака—по необходимости. Онъ допускалъ что бываетъ такая любовь, когда жизнь безъ любимой женщины утрачиваетъ всякую цѣль и всякую прелесть. Это онъ называлъ несчастіемъ, и хотя очень любилъ Липочку, однако не могъ сказать чтобъ она была для него безусловно и фатально необходима. Будь онъ богатъ, очень богатъ, онъ взялъ бы ее какъ роскошь, какъ лучшее украшеніе жизни, не достававшее для него полнаго счастья; но такъ какъ ему предстояло еще много труда и борьбы, чтобы достигнуть богатства, то онъ сомнѣвался, можно ли ему, не рискуя своимъ будущимъ, жениться на совершенно бѣдной дѣвушкѣ. Отказаться же отъ нея совсѣмъ также было очень трудно и даже мучительно, и не только потому что такой поступокъ представлялся ему нечестивымъ, но и потому что въ немъ заключалось большое нравственное лишеніе. И вотъ онъ съ болью тянулъ день за днемъ, какъ человѣкъ который, попавъ въ безвыходное положеніе, бессмысленно ждетъ вмѣшательства какой-то посторонней случайности. Рѣшеніе не могло сдѣлаться труднѣе оттого что откладывалось до завтра, и онъ откладывалъ до завтра.

IV.

Зада Кулеческаго Собранія была уже полна, когда вошелъ Безбѣдный. Съ трудомъ пробираясь сквозь толлу, онъ протѣснлся въ гостиную. Здѣсь было просторнѣе, но отъ непрерывнаго движенія мундировъ, фраковъ и домино могла закружиться голова. Знакомые, зѣвая и улыбаясь, раскланивались съ нимъ и проходили мимо; какія-то маски пробѣгали, волоча замыленные шлейфы, кивали ему головой или ударяли вѣеромъ по рукѣ. Коко, тонкій какъ хлыстъ, тащилъ подъ руку залыхавшуюся до полусмерти даму, нарочно для него и подъ большимъ секретомъ пріѣхавшую въ маскарадъ; она все боялась чтобъ онъ не сказалъ чего-то громко, и лишь только онъ раскрывалъ ротъ, дергала его за руку съ испуганнымъ „шт!“ Толстая Француженка, у которой маска закрывала только кончикъ носа, пристала къ Безбѣдному, предлагаяетъ бить на завтрашній ликнукъ

у Дорота, устраиваемый ея поклонниками для спасенія ея отъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Безбѣдному становилось скучно; мысль чтобы записка могла быть отъ княжны Полины казалась ему теперь очень глупою. Онъ зѣвнулъ, упрекая себя за то что поддался мистификаціи, и хотѣлъ уже уѣхать, но въ эту самую минуту маленькая рука въ черной перчаткѣ просунулась подъ рукавъ его фрака и тихій, явно измѣненный голосъ произнесъ:

— Здравствуй, Безбѣдный.

Подлѣ него стояло тонкое, стройное домино, закутанное въ непроницаемыя складки кашемира и кружевъ. Эти складки такъ искусно драпировали маску что никакой глазъ не могъ бы даже сказать, блондинка она или брюнетка. Густая кружевная бахрома закрывала подбородокъ. Глаза кажутся были сѣрые, но они щурились и имѣли то странное, общее выраженіе которое дѣлаетъ знакомое лицо совершенно неузнаваемымъ подъ маской. Тѣмъ не менѣе Безбѣдный не допускалъ сомнѣнія что предъ нимъ княжна.

— Наконецъ-то, сказалъ онъ;—я ужъ собирался исчезнуть, и думалъ что твоя записка—чья нибудь шутка.

— Записка? я не писала къ тебѣ никакой записки, возразила маска.—Я вижу что тебѣ здѣсь также скучно какъ и мнѣ, и хочу попробовать не веселѣе ли будетъ скучать вмѣстѣ. Только пойдемъ куда-нибудь, гдѣ не такъ тѣсно.

Безбѣдный провелъ ее въ читальную комнату, обыкновенно пустую во время маскарадовъ. Онъ продолжалъ вглядываться въ прищуренные глаза, въ походку, во всѣ движенія маски; но она оставалась все также непроницаемою. Только узенькій кончикъ ботинки выглянулъ изъ-подъ черной юбки, когда она сѣлась. „Разумѣется это княжна“, подумалъ еще разъ Безбѣдный, вспомнивъ красивыя ножки которыми она щеголяла. Но зачѣмъ она назначила ему это свиданіе? Она казалась молчаливою и взволнованною, и ея выходка не походила на простую шалость. Не предстоитъ ли ему серьезная атака? Онъ рѣшился быть осторожнымъ.

— Итакъ, о чемъ же мы будемъ говорить, маска? сказалъ онъ, садясь подлѣ нея.

— О чемъ хочешь. Пожалуй о тебѣ, такъ какъ я тебя немножко знаю. Вѣдь тебя здѣсь всѣ знаютъ.

— Ты также умѣешь перемѣнить голосъ какъ и дочеркъ,

сказалъ Безбѣдный, находя болѣе осторожнымъ предупредить княжну что онъ узналъ ее.

— Ты никогда не слыхалъ моего голоса, также какъ никогда не видалъ моего почерка, возразила маска.

— Если тебѣ угодно, будемъ разговаривать такъ какъ будто я тебя не знаю, отвѣтилъ Безбѣдный.

— Но ты даже никогда не видѣлъ меня.

— Я согласенъ, княжна.

Маска съ удивленіемъ раскрыла на него прищуренные глаза.

— Ты ошибаешься, сказала она.

Безбѣдному начинало казаться что онъ въ самомъ дѣлѣ могъ ошибиться. Хотя маска говорила замѣтно измѣненнымъ голосомъ, но все же можно было бы узнать голосъ Полины, еслибъ это была она.

— Я вижу что княжна интересуется тебя, продолжала маска.—Но она слишкомъ осторожна чтобы назначить свиданіе въ маскарадѣ.

„Это она, нѣтъ никакого сомнѣнія,“ подумалъ Безбѣдный.

— Или, можетъ-быть, она еще не до такой степени влюблена въ тебя, продолжала маска.— Ты кажется очень самонадѣянъ. Я бы не совѣтовала ей слишкомъ довѣрять тебѣ, не узнавъ твоихъ намѣреній.

„А, княжна, вы торопитесь прямо къ цѣли,“ подумалъ Безбѣдный.

— Какія же могутъ быть у меня намѣренія? возразилъ онъ вслухъ.—У женщинъ привычка на всякаго холостаго человѣка смотреть какъ на жениха.

— Потому что каждая дѣвушка желаетъ выйти замужъ. Но ты конечно еще не находишь чтобы тебѣ пора была жениться. Ты дорожишь свободой. Притомъ ты остороженъ и желалъ бы прежде опредѣлить, насколько этотъ бракъ можетъ содѣйствовать твоему благосостоянію.

„Ого, княжна, вы рѣшительно не церемонитесь,“ подумалъ Безбѣдный.

— Какъ ты меня хорошо знаешь, сказалъ онъ вслухъ;—но кажется не съ очень лестной стороны.

— Нѣтъ, отчего же? возразила маска.—Ты какъ всѣ. Вы всѣ нынче очень практическіе люди, и такъ какъ жениться по-вашему взгляду значитъ продать себя, то вы стараетесь взять хорошую цѣну. Сколько же? Тысячъ сто? двѣсти? Скажите же вашу цѣну!

— Вы не церемонитесь, княжна, повторилъ Безбѣдный вслухъ.

— Опять эта княжна! возразила ложаемая плечами маска.— Я говорю тебѣ что ты ошибаешься. Ты не можешь меня узнать, потому что никогда не видалъ меня. Но я хорошо тебя знаю и тѣхъ кого ты знаешь. Во всемъ Петербургѣ нѣтъ никого кто бы зналъ тебя лучше меня. Итакъ, бракъ съ княжной еще не рѣшенъ. Можетъ-быть ты все еще думаешь жениться на Липочкѣ?

Безбѣдный съ изумленіемъ взглянулъ на маску. Княжна не могла знать о Липочкѣ. Никто изъ его петербургскихъ знакомыхъ не зналъ о ней. Кто же наконецъ это непроницаемое домино?

— Я вижу что ты умѣешь мистифицировать, сказалъ онъ.— Будемъ продолжать; это весело.

— Весело? повторила съ ироніей маска;—мнѣ, напротивъ, очень грустно, потому что я слишкомъ много знаю. Я читаю въ твоихъ мысляхъ. Хочешь, я скажу тебѣ, на чемъ остановились твои отношенія къ Липочкѣ? Ты ее все еще немножко любишь... Такъ?

Она остановилась, ожидая отвѣта.

— Продолжай пожалуста, сказалъ Безбѣдный.

— Нѣтъ, мнѣ надо прежде знать, не ошибаюсь ли я въ самомъ главномъ. Ты долженъ быть откровененъ какъ и я. Итакъ, ты все еще немножко любишь ее, правда?

— Я не знаю что значить: немножко, отвѣтилъ Безбѣдный.

— Это значить что ты любилъ бы ее больше, еслибъ... еслибъ у нея было большое приданое.

— Мерси, сказалъ Безбѣдный;—я это уже слышалъ.

— Или еслибъ она не полагала что молодой человѣкъ который любить ее и ухаживаетъ за нею долженъ на ней жениться, продолжала маска.— И еще еслибы тебѣ не повезло въ Петербургѣ больше чѣмъ ты надѣялся, увѣзая изъ Т**...

— Ты сама изъ Т**?

— Не знаю. Я тебѣ сказала что читаю въ твоихъ мысляхъ. Дай же мнѣ кончить. Ты думалъ что пріобрѣтешь въ Петербургѣ достаточныя средства и женишься на Липочкѣ. Но тебѣ повезло свыше ожиданія. Ты пріобрѣлъ положеніе, ты въ модѣ, планы твои раздвинулись. Ты можешь жениться

на княжѣ, на дочери откушника, на дочери богатого мопшенника, котораго ты защищаль сегодня. Лилочка стала мала для тебя и... неудобна. У нея нѣтъ приданого, и она считаетъ что ты должень на ней жениться. Это два большіе порока. Такъ?

— Мнѣ странно что тебя такъ занимаетъ, на комъ я хочу жениться, отвѣтилъ пожимая плечами Безбѣдный.— Я ни на комъ не хочу: изъ-за однихъ выгодъ не стѣбитъ, потому что я не нуждаюсь, но вмѣстѣ съ тѣмъ я не такъ богатъ чтобы жениться на бѣдной дѣвушкѣ.

Онъ не опасался высказать свой взглядъ. Если подъ маской была княжна, онъ ничѣмъ не залутывалъ свои отношенія къ ней; если это была другая женщина—не все ли ему равно? Онъ не замѣчалъ что рука въ черной перчаткѣ все сильнѣе вздрагивала подъ кружевною оборкой рукава.

— Разумѣется, сказала маска.—Надо подождать чтобы ты влюбился въ богатую невесту и счастливо соединилъ оба условія. Чувство и деньги... нѣтъ, *деньги* и чувство, что можетъ быть лучше? А теперь прощай.

Она быстро встала чтобъ уйти. Безбѣдный заступилъ ей дорогу.

— Это невозможно, ты должна сказать свое имя. Я не отстану, я буду слѣдить за тобой, пока не узнаю твое имя.

— Зачѣмъ? возразила маска.

— Скажи твое имя.

— Ты никогда не слыхалъ его.

— Сними маску.

— Что за вздоръ!

Она сдѣлала движеніе чтобъ уйти. Безбѣдный схватилъ ее за руку. Ему показалось что онъ узналъ маленькій камей, выглянувшій изъ-подъ кружевъ на ея груди.

— Княжна, это вы, сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.

Маска засмѣялась.

— Далась тебѣ эта княжна! проговорила она, и закинувъ голову, остановила на Безбѣдномъ долгій, пристальный взглядъ. Какая-то новая мысль бредила въ ея прищуренныхъ глазахъ.—А впрочемъ, проговорила она медленно,—почему бы тебѣ и не узнать кто я? Хотя я не люблю эффектовъ.

Она подняла руку, какъ бы собираясь сбросить маску, но тотчасъ опять опустила ее.

— Нѣтъ, здѣсь неудобно. Да и не надо. Прощай.

Безбѣдный крѣпко удержалъ ее за руку.

— Нѣтъ, ради Бога, ты общала. Я не отстану отъ тебя. Хочешь, поѣдемъ ужинать? Тамъ кромѣ меня никто тебя не увидитъ.

Маска продолжала глядѣть на него и въ раздумьи качала головой.

— Мнѣ смѣшно что ты такъ добиваешься, сказала она.— Что жъ, пожалуй. Мнѣ въ сущности все равно. Только помни, ты самъ хотѣлъ.

Безбѣдный провелъ ее къ выходу, усадилъ въ санки и велѣлъ Еромолаю ѣхать къ Татарамъ. Было холодно и маска, спрятавъ руки въ рукава очень скромный шубки, вздрагивала озлявшими плечами и неохотно отвѣчала на вопросы. Пятиминутный переездъ оказался очень долгимъ имъ обоимъ.

Когда Татаринъ, получивъ приказанія, вышелъ изъ кабинета, маска медленно стянула перчатки и отколола капышонъ. Разстроенныя темнорусыя пряди низко спустились на лобъ; маска упала.

Безбѣдный отступилъ въ изумленіи: предъ нимъ стояла Липочка Илатова. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ оломниться силы совершенно оставили ее, и она съ глухими рыданіями упала въ кресло.

V.

Такъ долго сдерживавыя, эти рыданія грозили перейти въ истерическій припадокъ. Всѣ нервы были разбиты, сухой слезамъ душилъ за горло.

Старая отъ стыда, вѣя себя отъ неожиданности, отъ боли и радости этой встрѣчи, растерянный и несчастный, Безбѣдный стоялъ предъ нею олутивъ голову и молча прижимаясь губами къ ея похолодѣвшимъ рукамъ. Онъ хотѣлъ согрѣть ихъ, хотѣлъ позвать кого-нибудь, хотѣлъ брызнуть водой ей въ лицо, и не зналъ что ему дѣлать.

— Оставьте, сейчасъ пройдетъ, не надо... тихо проговорила Липочка, когда онъ поднесъ къ ея побѣлѣвшимъ губамъ стаканъ съ водой.

Говоря это, она машинально отхлебнула глотокъ. Онъ освѣжилъ ее. Она приподнялась въ креслѣ, и сжать обѣими руками задыхающуюся грудь, старалась пересилить спазмы. Отъ напряженія краска слабо вспыхнула на ея лицѣ.

— Это пройдетъ. Охъ, больно.... Я очень устала. Мнѣ такъ тяжела была моя роль... говорила она, чуть прихвѣтавъ вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Безбѣдный продолжалъ въ смущеніи стоять предъ нею.

— Сядьте же, Евгенийъ Савичъ, сказала она, указывая глазами мѣсто подлѣ себя.

Онъ повиновался; но ясный и печальный взглядъ ея стрѣлыхъ глазъ еще болѣе смущалъ его. Онъ чувствовалъ себя безконечно виноватымъ, недостойнымъ и наказаннымъ.

Татаринъ внесъ ужинъ. Появленіе посторонняго лица, звонъ тарелокъ, вторженіе всенедельнаго житейскаго элемента, ободрило Безбѣднаго. Онъ подвинулъ приборъ, выбравъ водку, положилъ Липочкѣ на тарелку рѣдисуку—не потому чтобы думалъ что она станетъ ѣсть, но потому что эта обыкновенная, прозаическая обстановка облегчила его. Онъ еще не овладѣлъ своимъ положеніемъ и не находилъ въ себѣ обычной дѣловой увѣренности.

— Скажите прежде всего, какъ вы попали въ Петербургъ, обратился онъ къ Липочкѣ, когда она машинально придвинулась къ столу.

— Очень просто: мнѣ стало невыносимо ждать, думать и ничего не знать, отвѣтила она.—Я была увѣрена что вы тотчасъ отзоветесь на мое послѣднее письмо; но дни, недѣли проходили, вы не писали, у меня голова шла кругомъ. Чего только я ни передумала! иногда мнѣ казалось что я съ ума схожу. Не было силъ продолжать такъ. Отецъ понималъ мое положеніе, пробовалъ „разговорить“ меня, наконецъ предлагалъ поѣхать въ Петербургъ объясниться съ вами. Я не могла этого допустить, мнѣ необходимо было самой видѣть васъ. Ужъ если узнавать все, такъ самой. Онъ сначала ни за что не хотѣлъ отлучить меня, наконецъ сдался. На другой же день я и поѣхала. Онъ даже помогалъ мнѣ укладываться и все крѣпился, а самъ едва на ногахъ держался—начнетъ что-нибудь говорить, и вдругъ голосу не хватаетъ. Ужасно мнѣ было жалко его! Такъ и поѣхала. Сперва я думала просто явиться къ вамъ, увидѣть своими глазами.... потомъ почему-то такъ страшно стало этого свиданія, такіа глулости приходили въ голову...

Липочка остановилась, слезы опять началъ щекотать ей горло. Безбѣдный молча налилъ ей стаканъ воды съ виномъ.

— Я разсудила, продолжала Липочка, собравшись съ силами,—что лучше мнѣ сперва хоть что-нибудь разузнать о васъ; вы же тутъ на виду, не трудно это. Я наняла комнату въ гостиницѣ, сегодня уже пятый день какъ я въ Петербургѣ. Знакомый судебный слѣдователь тутъ отыскался, онъ васъ еще изъ Т* знаетъ. Онъ и разказалъ мнѣ всякія чудеса, какая у васъ квартира, какія лошади.... А я и радоваться-то не могла.... Захотѣлось мнѣ посмотрѣть какъ вы живете, я и пришла нарочно въ такое время когда васъ не бываетъ дома. Въ комнаты разумѣется меня не пустили, но я видѣла по крайней мѣрѣ изъ передней какъ у васъ устроено. Мнѣ и во снѣ такая роскошь не снилась...

— Но вѣдь я завелъ это изъ простаго расчета, вѣдь безъ этой роскоши у меня была бы одна грошовая практика, возразилъ Безбѣдный;—здѣсь по обстановкѣ адвоката судить о его искусствахъ, какъ по обстановкѣ банкира—о состояніи его кассы.

Липочка съ неопредѣленнымъ выраженіемъ покачала головой.

— Не знаю.... Мнѣ кажется что съ какою бы цѣлью ни заводилась роскошь, она должна перемѣнять человѣка. И вы мнѣ вдругъ представились совершенно другимъ человѣкомъ, совсѣмъ чужимъ. Когда я васъ увидѣла наконецъ въ маскарадѣ...

— Вѣдь это вы писали записку? перебилъ ее Безбѣдный.

— Да. Я хотѣла все-таки увидѣть васъ, и притомъ... мнѣ пришла мысль что когда вы будете говорить со мною не зная что это я, мнѣ легче будетъ узнать то что я хотѣла знать. Можетъ-быть это не хорошо, что я сдѣлала, но я должна была знать. Когда я васъ увидѣла, мнѣ даже странно стало что вы совсѣмъ такой же какъ были: я такъ долго оставалась одна со своими мыслями, что стала представлять васъ себѣ совершенно иначе. Только когда вы заговорили, я почувствовала что была права, что вы другой стали. А вы не замѣтили, какъ мнѣ было страшно, какъ я дрожала вся. Я хорошо сыграла свою роль?

— Непужная роль, Липочка... Олимпиада Васильевна, поправился Безбѣдный.—Я вовсе не сдѣлался другимъ человѣкомъ, вы только видите меня въ нѣсколько другихъ

условіяхъ. Мнѣ горько думать что вы могли предположить перемѣну въ моихъ чувствахъ. Липочка, позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно?

Липочка молча кивнула головой.

— Сядьте сюда, поближе... сказалъ Безбѣдный, указывая мѣсто подаль себя на диванъ.

Липочка сдѣлала движеніе плечомъ, какъ будто выражавшее: что за капризъ! и какъ-то вся подобравшись, пересѣла на диванъ.

— Еслибъ я сказалъ вамъ что все также люблю васъ— вы не повѣрили бы мнѣ? Нѣтъ? тихо спросилъ Безбѣдный, заглядывая ей въ глаза. И не получивъ отвѣта, продолжалъ, осторожно взявъ ея руки въ свои:

— А между тѣмъ это такъ. Во весь этотъ годъ не было ни одного дня когда бы я не думалъ о васъ. Встрѣчаясь съ другими женщинами, я чувствовалъ что никого не могу любить кромѣ васъ. Я не стану увѣрять чтобъ это была такая пламенная и безпредѣльная любовь, о которой мечтаютъ очень молодыя или очень старыя дѣвы. Она не поглощаетъ меня цѣликомъ, напротивъ оставляетъ мѣсто другимъ, очень важнымъ интересамъ. Я человѣкъ занятой, и мои занятія слишкомъ хорошо оплачиваются для того чтобъ я могъ пренебрегать ими. Можетъ-быть такого рода чувство не способно удовлетворить васъ? Повѣрьте, на него стоить положиться. Въ наше время роковыя страсти сдѣлались достояніемъ людей ни къ чему болѣе негодныхъ; да и тѣ я думаю больше врутъ.

Липочка продолжала глядѣть на него съ недоувѣрчивымъ и выжидающимъ выраженіемъ, но не отнимала своихъ рукъ.

— Почему вы не отвѣчали на мое письмо? сказала она.

Говоря это, она думала о томъ что онъ похорошѣлъ и возмужалъ въ Петербургѣ. Безбѣдный чувствовалъ что ея заплаканные глаза любятъ имъ.

— Ахъ, Боже мой, да потому что я умѣю писать только дѣловыя письма! возразилъ онъ.—Помилуйте, какъ вы хотите чтобъ я объяснилъ на бумагѣ тысячу такихъ вещей которыхъ я и на словахъ-то разказать не умѣю... Вы забываете что я вожусь съ прошеніями, апелляціонными жалобами, конкурсами, балавами...

Онъ всегда говорилъ ей о себѣ какъ о дѣловомъ человѣкѣ, и она къ этому привыкла, рѣшивъ что у него „такая

мавера". Но ей самой онъ представлялся вовсе не дѣловымъ, а только очень умнымъ и современнымъ человѣкомъ, у котораго притомъ свѣтлорусые съ золотымъ отблкомъ волосы вились отъ природы кольцами, и прекрасные голубые глаза имѣли почти идеальное выраженіе. Вотъ, еслибъ онъ сказалъ что не хочетъ на ней жениться, тогда онъ былъ бы въ самомъ дѣлѣ чертовымъ, сухимъ, дѣловымъ человекомъ.

— Вы не можете себя представить, до чего эта жизнь овладѣваетъ всѣмъ человекомъ, продолжалъ Безбѣдный.— Люди видятъ только одну показную сторону—комфортабельную обстановку, приемы въ назначенный часъ, красивую роль въ судѣ, красивые рѣчи въ стенографическомъ отчетѣ, а что дѣлается за кулисами, какого труда, какихъ заботъ, какого вѣчнаго напряженія требуетъ эта жизнь, вы и вообразить себя не можете. Я изо дня въ день въ непрерывной суматохѣ, въ чаду, такъ что не знаю какъ мнѣ хватало времени даже думать о васъ, не только вести съ вами романтическую переписку.

— Но если вы думали, вы должны были знать что я мучусь, что я съ ума схожу, не получая ни строки на такое письмо... проговорила Липочка, и краска возмущеннаго, горькаго воспоминанія опять вспыхнула на ея лицѣ.—И если это такая каторжная жизнь, то зачѣмъ мучиться, чего добиваться? Неужели можно до такой степени желать богатства, роскоши?

— Кто говоритъ о богатствѣ? Я тружусь потому что трудъ, горячка дѣятельности—моя стихія, и потому что у меня впереди есть цѣли которыя не достигаются сложа руки. Богатство—составная часть, безъ него не бываетъ другого. Въ нашемъ ремеслѣ, какъ въ ремеслѣ актера, только первые сюжеты имѣютъ право жить.

— Но когда же жить? повторила свое возраженіе Липочка.

— Вотъ въ этой самой горячкѣ и жить, отвѣтилъ Безбѣдный.—Вы сказали: каторга; а знаете ли что на каторгѣ всѣ впечатлѣнія въ тысячу разъ сильнѣе, острѣе, чѣмъ въ обыкновенной жизни? Знаете ли что потребность чувства никогда не бываетъ такъ ненасытна какъ среди этой лихорадочной дѣятельности, въ немногія украденныя минуты отдыха? Сколько разъ, послѣ безпокойнаго дня,

послѣ блестящаго успѣха или тяжелой неудачи, я съ горечью возвращался къ своему одиночеству и скорбѣлъ, зачѣмъ подлѣ меня нѣтъ ни одного сочувствующаго друга... Отдыхъ нуженъ тому кто много усталъ.

Безбѣдный зналъ что „горячка труда“ вовсе не составляетъ его стихіи, а нравится ему только до тѣхъ поръ пока удовлетворяетъ его тщеславію; но онъ любилъ даже въ собственныхъ мысляхъ своихъ подкрашивать ту роль которая выпадала ему на жизненной сценѣ. Несмотря на свою дѣловитую практичность, онъ не былъ чуждъ артистической жилки; онъ имѣлъ даръ импровизаціи, и какъ всѣ импровизаторы былъ немножко актеръ.

— Въ эти минуты, когда утомившіяся силы требуютъ восстановленія, и съ особенною тяжестью давить черствая сторона жизни, продолжалъ онъ, поднявъ на Липочку загорѣвшіеся глаза,—величайшимъ наслажденіемъ для меня было мечтать о томъ счастьи, въ которомъ вы всегда занимали такое большое мѣсто. Какъ высшей награды, какъ роскоши, которою будетъ скрашена моя трудовая жизнь, я ждалъ часа когда ваша рука будетъ въ моей, чтобы различать горести и наслажденія этой жизни.

Онъ подвинулъ бутылку, наполнилъ оба стакана, и держа свой въ рукѣ какъ будто ожидалъ чтобы Липочка съ нимъ чокнулась. Она глядѣла на него въ нерѣзительности, удивляясь одушевленію съ которымъ онъ говорилъ. „Но что же это собственно значить? и что же онъ хочетъ сказать собственно *мнѣ*, такое что объяснило бы мнѣ мои отношенія къ нему?“ переворачивалось въ ея мысляхъ. Они говорили уже цѣлый часъ, и между тѣмъ то главное что такъ мучительно тревожило ее и что она не имѣла силы высказать, оставалось для нея все также необъясненнымъ. Она понимала что это происходитъ потому что мучительный вопросъ двоится въ ея мысли. Дѣло шло конечно о томъ, любитъ ли онъ ее попрежнему; но это не все. Для нея за этимъ вопросомъ существовалъ другой, отъ котораго зависѣло самое главное—ея личное положеніе. Но то что такъ безпокойно двоилось въ ея умѣ, повидимому вовсе не двоилось у него. И ей показалось что вся ошибка на ее сторонѣ, и что она не выйдетъ изъ своего мучительнаго недоумѣнія, пока не перестанетъ различать двухъ вопросовъ въ одномъ.

Отставивъ нетронутый стаканъ, она подняла на Безбѣднаго внимательный взглядъ.

— Вы говорите совершенно серьезно? я должна вамъ вѣрить? спросила она.

Безбѣдный вмѣсто отвѣта осторожно притянулъ ее къ себѣ. Его глаза и губы улыбались какъ у ребенка который еще никогда не хитрилъ. Но это улыбающееся лицо имѣло также другое выраженіе, заставившее Липочку потупиться. Она тихонько посторожила отъ него, но точнось опять подняла глаза, и протянувъ руку, дотронулась до его волосъ.

— Все тѣ же золотые кудри... проговорила она какимъ-то смѣющимся и ослабѣвшимъ голосомъ. Ей дѣйствительно и смѣяться хотѣлось, и въ то же время она была такъ слаба, какъ послѣ сильнаго истерического припадка. Цѣлый мѣсяцъ мучительнаго нервнаго напряженія разбилъ ее. Ей стало окончательно ясно что существуетъ только одинъ вопросъ—на который отвѣчали его глаза. И она удивлялась, какъ могла не понимать этого раньше.

Были еще тысячи вещей которыя она хотѣла сказать Безбѣдному. Но лучше въ другой разъ.

— Когда вы бываете свободны днемъ? спросила она.

Безбѣдный предложилъ завтра вмѣстѣ обѣдать, и условился пріѣхать въ пять часовъ къ ней въ гостиницу.

— А я думала что завтра уѣду изъ Петербурга... улыбнулась ему Липочка, пока онъ заботливо закутывалъ ее въ старельскую шубку.

VI.

Подвезя Липочку къ подъѣзду гостиницы и еще разъ простившись съ ней, Безбѣдный возвращался домой въ довольно пріятномъ расположеніи духа. Онъ очень любилъ когда въ жизнь его вторгалось что-нибудь новое и романтическое. Первое впечатлѣніе произведенное внезапнымъ появленіемъ Липочки изгладилось въ ту минуту когда онъ прочелъ на ея разстроенномъ лицѣ какъ сильно она его любитъ и какъ ему легко пользоваться своимъ вліяніемъ на нее. Неожиданно-серіозная развязка маскарадной интриги даже нравилась ему, потому что въ концѣ-концовъ онъ все-таки не видѣлъ для себя никакихъ особенныхъ затрудненій.

До настоящаго времени онъ держалъ себя относительно Липочки такъ осторожно, что она не могла предъявить никакихъ существенныхъ притязаній на его свободу. Безъ сомнѣнія, онъ говорилъ ей о своей любви, и она рассчитывала выйти за него замужъ; но вѣдь тысячи дѣвушекъ рассчитываютъ выйти за тѣхъ кто говоритъ имъ о любви. Безъ сомнѣнія, если она останется на неопредѣленное время въ Петербургѣ, ея положеніе будетъ очень щекотливо, и она разсорится съ отцомъ. Во всемъ этомъ есть извѣстныя неудобства. Но въ томъ кругѣ гдѣ онъ вращался, подобныя неудобства никого не останавливали. Блескъ привлекаетъ, и очень естественно что бабочка летитъ на огонь, рискуя обжечь себя крылья. Нельзя обвинять человека за то что его любятъ, также какъ нельзя заставить его жениться на каждой женщинѣ которую онъ полюбитъ. Между тѣмъ пребываніе Липочки въ Петербургѣ общаемо въ самомъ дѣлѣ украсить его жизнь. Мимолетныя связи ему уже значительно прискучили. Съ своей точки зрѣнія онъ могъ сказать что любитъ Липочку. Онъ сознавалъ что красота ея дѣйствуетъ на него обаятельно. Притомъ онъ не зналъ женщины съ болѣе удобнымъ по своему благородству характеромъ. Она проститъ тамъ гдѣ сама лично страдаетъ. Надо приискать ей какія-нибудь занятія, какую-нибудь приличную цѣль пребыванія въ Петербургѣ. Можетъ-быть она захочетъ дополнить свое образованіе—тутъ есть какіе-то женскіе курсы. Или можетъ-быть стенографія, или еще что-нибудь; кажется устраивается даже общество женщинъ-юристовъ. Все это очень современно, и пожалуй ей въ самомъ дѣлѣ не слѣдуетъ глохнуть въ провинціи. Для провинціи она слишкомъ хороша. Во всякомъ случаѣ онъ никогда не отрицалъ что сердце имѣетъ свои потребности.

Всѣ эти мысли очень свободно и стройно развивались въ умѣ Безбѣднаго еще во время разговора съ Липочкой, а когда Ермолай подвезъ его домой, онъ былъ уже окончательно радъ ся пріѣзду и рѣшилъ непремѣнно удержать ее въ Петербургѣ и устроить себя то „тихое пристанище“, о которомъ онъ иногда мечталъ, когда потребность чувства сказывалась въ немъ среди лихорадки дѣловой жизни.

Между тѣмъ дома у него въ этотъ вечеръ происходило слѣдующее:

Часу въ двѣнадцатомъ, какъ только онъ уѣхалъ въ ма-
скарадъ, къ подъѣзду его подтащились извозничьи санки.
Молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, смуглый, тонко-
носый, съ едва пробивающимся чернымъ пушкомъ на лицѣ,
одѣтый въ какую-то странную пальто-шинель со множе-
ствомъ клапановъ и кармановъ и въ помятую, еще болѣе
странную шалку съ огромнымъ мягкимъ козырькомъ, под-
мался въ саняхъ и съ усиленіемъ старался разглядѣть нумер-
ную цифру на стѣнѣ дома. Убѣдившись что это тотъ са-
мый домъ который онъ отыскиваетъ, онъ отстегнулъ по-
лость, и зацѣпившись ногой за чемоданъ, выпрыгнулъ на
тротуаръ. Въ освѣщенномъ подъездѣ никого не было. Толь-
ко когда онъ отпустилъ неосторожно дверь, и она сильно
хлопнула за нимъ, въ кругломъ окошечкѣ швейцарской по-
казалось недовольное лицо, и затѣмъ вылѣзъ изъ коморки
самъ швейцаръ.

— Скажи пожалуста, любезный, не здѣсь ли живетъ Ев-
геній Савичъ Безбѣдный? спросилъ молодой человѣкъ
скромнымъ и какъ бы даже задабривающимъ тономъ.

Швейцаръ, не отвѣчая ни единымъ звукомъ на вопросъ,
прошелъ не торопясь къ хлопнувшей двери, осмотрѣлъ ее
и даже попробовалъ рукой, и уже тогда, повернувшись въ
полоборота къ пріѣзжему, произнесъ строго:

— Дома нѣтъ.

Молодой человѣкъ былъ ужасно сконфуженъ, и тѣмъ что
Безбѣднаго дома нѣтъ, тогда какъ это предположеніе ни
на минуту не входило ему въ голову, и тѣмъ что дверь
такъ сильно хлопнула, и болѣе всего безпощадно строгимъ
тономъ швейцара и безукоризненнымъ блескомъ галуна на
его фуражкѣ.

— Гдѣ жъ это Евгенийъ Савичъ? можетъ-быть недалеко
гдѣ-нибудь? спросилъ онъ опять, и въ ту же минуту по-
краснѣлъ отъ своей наивности.

Швейцаръ даже не усмѣхнулся, только кончики усовъ у
него чуть-чуть тронулись.

— Про то они не сказываютъ, отвѣтилъ онъ, оглядывая
съ тѣмъ же невозмутимымъ равнодушіемъ пріѣзжаго и его
странный нарядъ.

— Я во всякомъ случаѣ подожду. Которая же его квар-
тира? продолжалъ молодой человѣкъ.

— Евгенийъ Савичъ принимаютъ по утрамъ отъ десяти до
т. сxxxiii.

одиннадцати, возразилъ швейцаръ, поднявъ толстый указательный палецъ къ доскѣ прибитой у двери.

Пріѣзжій переместъ глаза по направленію указательнаго пальца и прочелъ надпись.

— Но я вовсе не по дѣлу, я пріѣхалъ совсѣмъ. Я вѣроятно жить здѣсь буду, объяснилъ онъ, и опять покраснѣлъ, но уже не отъ смущенія, а оттого что ему наконецъ непріятно и досадно стало объясняться такъ долго со швейцаромъ.—Вѣдь есть же въ квартирѣ кто-нибудь изъ прислуги? прибавилъ онъ уже съ нетерпѣніемъ.

Швейцаръ ничего не зналъ о томъ что къ Безбѣдному долженъ кто-то пріѣхать „совсѣмъ“. Это до него уже не касалось, и онъ ткнулъ въ пуговку электрическаго звонка, чтобы вызвать лакея.

Черезъ минуту въ передней появился молодой, франтовато одѣтый и даже подвитой камердинеръ.

— Вотъ они спрашиваютъ Евгенія Савича; говорятъ жить у васъ будутъ совсѣмъ, отрекомендовалъ ему пріѣзжаго швейцаръ.

— Пожалуйте, пригласилъ щеголеватый слуга, предупреденный еще съ утра насчетъ пріѣзжаго.—Евгеній Савичъ въ настоящую минуту не находится у себя, однако приказали во всякомъ случаѣ васъ принять.

Камердинеръ Безбѣднаго былъ человѣкъ совсѣмъ петербургскій, умный, рѣшительно все знающій, деликатный и въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ очень дерзкій. Звали его Аваниромъ. Онъ до тонкости понималъ обращеніе съ людьми, получалъ благодарности отъ клиентовъ, находился въ какихъ-то тайныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ кредиторамъ Безбѣднаго и любилъ посѣщать нѣкоторые клубы, куда являлся въ батистовыхъ рубашкахъ своего барина. На руку онъ былъ очень не чистъ, но съ такимъ видомъ, какъ будто это рѣшительно не стоило никакого вниманія. Безбѣдный до нѣкоторой степени находился даже подъ его вліяніемъ, и произошло это потому что въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ Аваниръ имѣлъ надъ нимъ рѣшительное превосходство въ знаніи иныхъ порядковъ и тонкостей практической петербургской жизни.

Повѣсивъ не безъ нѣкотораго недоумѣнія на вѣшалку запыленное пальто пріѣзжаго, Аваниръ повелъ его черезъ рядъ слабо освѣщенныхъ комнатъ, причемъ въ болѣе тем-

ныхъ корридорчикахъ пріостанавливался, проговаривалъ: „пожалуйте“ и слегка даже взмахивалъ рукой, какъ бы желая этимъ движеніемъ разогнать темноту. Предъ одною изъ дверей онъ наконецъ остановился, шаркнулъ очутившея у него откуда-то въ рукѣ спичкой, и еще разъ, но уже болѣе значительнымъ тономъ сказалъ свое „пожалуйте“. Всѣмъ затѣмъ онъ зажегъ обѣ свѣчи на маленькомъ письменномъ столѣ и остановился въ благородно-почтительной позѣ, впрочемъ не столько въ ожиданіи какихъ-нибудь приказаній, сколько потому что ему очень любопытно было хорошенько осмотрѣть пріѣзжаго и даже поговорить съ нимъ.

— Съ какимъ же это поѣздомъ вы изволили пріѣхать? должно-быть съ пассажирскимъ? адресовался онъ къ нему не безъ усвоенной имъ особаго рода вѣжливой фамиліарности.

— Да, съ пассажирскомъ, только онъ опоздалъ, въ Любани какая-то задержка вышла, отвѣтилъ молодой человѣкъ, оглядываясь на собранную въ комнатѣ довольно разнохарактерную мебель.

— Больше все съ курьерскимъ ѣздить, наставительно заявилъ Авериръ. — Разчетъ простой-съ: время. Ежели вы, напримѣръ, нынче опоздали на курьерскій, то лучше до завтра отложить, потому сутки проведете на мѣстѣ, а пріѣдете вѣсто ночи завтра поутру.

— Я въ первый разъ, не зная, проговорилъ снова смущаясь молодой человѣкъ. — Вообще желѣзныя дороги — товка; надо привыкнуть. Евгенийъ Савичъ я думаю скоро вернется.

Авериръ тряхнулъ подвитыми кудрями.

— Навѣрное я конечно не могу вамъ сказать, но надо полагать что еще не скоро. Кажется изволили въ маскарадъ поѣхать, добавилъ онъ нѣсколько какъ бы таинственно.

— А, въ маскарадъ, повторилъ съ разсѣяннымъ видомъ пріѣзжій.

— Человѣкъ холостой-съ.

Молодой провинціалъ неуверенными шагами ходилъ назадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ не зналъ сѣсть ли ему, разлѣться ли, отлустить ли деликатнаго слугу, и вообще какъ ему расположиться.

— Не прикажете ли чаю? я принесу-съ, предложилъ Авериръ. — Хотя собственно я такъ полагаю что Евгенийъ Савичъ прикажутъ Матвѣю около васъ прислуживать, потому

я собственно при Евгѣнѣ Савичѣ... пояснѣлъ онъ для большей внушительности.—Впрочемъ все одно-съ.

— Хорошо, дайте чаю, согласился прѣзжій.

— Сію минуту.

Авениръ удалился, но дойдя до двери тотчасъ повернулся.

— А какъ же, вещей-то развѣ никакихъ съ вами нѣтъ? спросилъ онъ.

— Ахъ Боже мой, я и забылъ совсѣмъ, вѣдь надо извозчика отлустить, схватился молодой человѣкъ.—Спросите пожалуйста его, сколько ему слѣдуетъ, да велите кому-нибудь чемоданъ мой везти.

Оставшись одинъ, прѣзжій опять и уже внимательнѣе оглядѣлъ приготовленное для него помѣщеніе. Комната была большая, въ три окна во дворъ, перегородженная драпировкой. До сихъ поръ она оставалась безъ употребленія, и потому убранство ея не отличалось вкусомъ и обдуманностью; ставили сюда очевидно то что не помѣстилось въ другихъ комнатахъ. Но сегодня, въ ожиданіи прѣзжаго, сюда были внесены нарочно для него нѣкоторыя принадлежности кабинета и спальни, и все это были хотя разнохарактерныя, но очень хорошія вещи.

Не прошло и пяти минутъ какъ Авениръ явился со стаканомъ чаю на серебряномъ подносѣ. Поставивъ его на столъ, онъ остановился въ нѣсколько встревоженной позѣ.

— Вы изволили въ каретѣ прѣхать, или въ санкахъ? спросилъ онъ.

— Въ санкахъ, отвѣтилъ прѣзжій.

— А номерокъ изволили замѣтить?

— Нѣтъ. Какой номерокъ?

— Ну, стало-быть бѣда случилась! воскликнулъ Авениръ.—Извозчика-то нѣтъ.

Молодой человѣкъ поглядѣлъ на него съ совершенно растеряннымъ видомъ.

— Ахъ, Боже мой, что жъ я теперь буду дѣлать, воскликнулъ молодой человѣкъ.—Вѣдь тамъ всѣ мои вещи, самыя необходимыя!

— Надо-быть пропали. А денегъ тамъ не было?

— Нѣтъ, денегъ не было.

Авениръ укоризненно помолчалъ.

— Да не отъѣхалъ ли онъ куда-нибудь къ сторонѣ?

можетъ-быть тутъ же въ кабацѣ гдѣ-нибудь сидитъ? Волкомъ прѣзжій, шагая изъ угла въ уголъ.

— Теперь невозможно смыкать-ся, возразилъ Авериръ.— Непремѣнно въ этихъ случаяхъ надо нумерокъ замѣчать. А всего лучше карету брать, тѣ при вокзалѣ постоянныя. И разнища вся въ рубляхъ. А теперь вотъ и для швейцара тоже непріятно, выговаривалъ онъ съ нѣкоторою даже строгостью въ голосѣ.

Вообще надо замѣтить, что и наружность прѣзжаго, и странный нарядъ его, и исторія съ чемоданомъ произвели на Аверира столь же невыгодное впечатлѣніе какъ и на швейцара. Послѣдній даже выразился: „Эва ворона деревенская заѣхала, лѣтрохи свои сразу растеряла!“ на что Авериръ замѣтилъ какъ бы не безъ внутренняго удовольствія: „А и народъ же у насъ въ Петербургѣ—лаутъ народъ!“

— Пальца въ ротъ не клади, откусить, одобрительно усмѣхнулся швейцаръ.

Прѣзжій все продолжалъ тревожно шагать назадъ и впередъ по комнатамъ, прикусывая кончики коротенькихъ черныхъ усовъ. Ему было досадно и еще болѣе стыдно, въ особенности предъ укоризненнымъ взоромъ Аверина, очевидно все знавшаго и понимавшаго лучше его.

— Ну, что жь дѣлать, впередъ наука, сказалъ онъ наконецъ.—А вы идите, мнѣ ничего больше не нужно.

— Слушаю-ся. Еслибы что понадобилось, извольте вотъ такъ пуговку нажатъ, пояснилъ Авериръ, явно уже утратившій всякое довѣріе къ прѣзжему.—А лавабѣ этотъ извѣстна вамъ какъ дѣйствуетъ? ногой подавить. Педаль-ся.

— Да знаю я! сказалъ съ нетерпѣніемъ молодой человѣкъ.

VII.

Безбѣдный вернулся поздно. Авериръ въ этихъ случаяхъ какъ-то болѣе обыкновеннаго за нимъ ухаживалъ, и хотя молодой адвокатъ ни разу еще не возвращался домой въ состояніи требовавшемъ особенной заботливости камердинера, но послѣдній почему-то всегда этого ждалъ и внутренне къ этому готовился.

— А у насъ гости: Сергій Михайловичъ, сообщилъ онъ барину, помогая раздѣваться.

— Какъ, пріѣхалъ? Сергій Михайловичъ? обрадовался Безбѣдный.

— Такъ точно: Сергій Михайловичъ Молоствовъ.

Авериръ никогда ни отъ кого не слышалъ этого имени, и если могъ теперь съ такою увѣренностью назвать его, то этимъ былъ обязанъ своей по истинѣ необычайной смѣтливости: отсылая въ послѣднее время довольно часто въ почтовый ящикъ письма адресованныя Молостovu въ провинціальный городъ, онъ сообразилъ что пріѣзжіи и должны быть никто иной какъ этотъ самый Молоствовъ.

— Что жъ онъ, спитъ? спросилъ Безбѣдный.

— Должно-быть спятъ. Съ пассажирскимъ поѣздомъ пріѣхали, объяснилъ Авериръ, очевидно придававшій этому обстоятельству особенное значеніе. — Никакихъ порядковъ они совсѣмъ не понимаютъ.

— Что такое?

— Какже-съ, помилуйте, чемоданъ у нихъ пропалъ, то-ропился сообщить Авериръ. — Пріѣхали изъ вокзала на простомъ извозникѣ, и ни нумера не замѣтили, ни швейцара не предупредили, ничего. Пока я провелъ ихъ въ комнату, да побѣждалъ за вещами, извозника и слѣдъ простылъ.

„Экая, въ самомъ дѣлѣ, розня“, подумалъ съ неудовольствіемъ Безбѣдный.

— Что жъ онъ, очень встревожился?

— Никакъ нѣтъ-съ; очень даже равнодушно приняли. Только, повидимости, стыдно имъ было.

„Будетъ, значитъ, денегъ впередъ просить на обзаведеніе“, сообразилъ Безбѣдный.

Почувствовавъ себя въ одномъ бѣлѣ, онъ сладко потянулся и зѣвнулъ.

— Я имъ показалъ какъ въ пуговку позвонить и какъ съ лѣвабоб обращаться. А какъ Евгеній Савичъ прикажете: Матвѣю при нихъ прислуживать? добивался Авериръ.

— Хорошо, хорошо, ступай, процѣдилъ сквозь новый зѣвокъ Безбѣдный.

— Иначе никакъ нельзя, потому комната ихъ отъ насъ очень далеко, досказалъ Авериръ, на цыпочкахъ отступая по мягкому коврау.

Безбѣдный вытянулся во весь ростъ, погасилъ ночникъ и заснулъ.

Пока онъ спитъ, мы воспользуемся этою паузой, необходимою даже въ столь дѣятельной жизни, какова жизнь

петербургскаго адвоката, и дополнимъ свѣдѣнія уже полученныя читателемъ объ этой личности.

Происхожденіе Евгенія Савича было темное. Мать его, изъ оберъ-офицерскихъ дочерей, кончила курсъ на казенный счетъ въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ и нѣсколько лѣтъ мыкалась въ губерніахъ. Красивая собой и потому избалованная еще въ институтѣ, она очень тяготилась своимъ положеніемъ; на бѣду ей все попадались дома какіе-то не то скарёдные, не то дикіе, гдѣ бывало по цѣлымъ мѣсяцамъ мало-мальски интереснаго лица человѣческаго не увидишь. Годы шли, красота ея развивалась и достигла уже той зрѣлости, за которою дѣвушки начинаютъ быстро вянуть, а перемѣны въ положеніи не предвидѣлось. Наконецъ судьба какъ будто улыбнулась ей. Она поступила въ богатое свѣтское семейство, а чрезъ полгода перѣѣхала оттуда въ большую и прекрасно отдѣланную квартиру, необходимымъ дополненіемъ которой были коляска съ парой рысаковъ и ложа во Французскомъ театрѣ. На этой квартирѣ у нея родился сынъ. Но въ томъ же самомъ году покровитель ея внезапно умеръ, не сдѣлавъ относительно ея никакого распоряженія, и Татьяна Васильевна увидѣла себя снова безо всякихъ средствъ. Тянуть прежнюю лямку губерніаки показалось ей ужаснымъ, да и ребенокъ мѣшалъ. Чтобы создать себѣ хоть какой-нибудь пріютъ, она вышла замужъ за отставнаго чиновника изъ самыхъ мелкихъ, содержавшаго табачную лавочку. Переходъ былъ рѣзокъ, но по крайней мѣрѣ она признавала себя хозяйкой, хотя и хозяйничать-то было почти не надъ чѣмъ. Савъ Безбѣдный заливалъ, впрочемъ не слишкомъ часто; хуже было то, что онъ какъ-то не умѣлъ ни за чтѣ взяться, и даже табачную лавочку свою держалъ въ беспорядкѣ. Двѣ комнаты, занимаемая ими подлѣ этой лавочки (въ старомъ, сыромъ домѣ на Фонтанкѣ), украсились кое-какими остатками недавняго великолѣлія, перетаченными изъ нарядной квартиры Татьяны Васильевны; но съ теченіемъ времени эта обветшалая роскошь стала глядѣть вдвое печальнѣе изъ темныхъ угловъ, возбуждая странное, ничѣмъ не удовлетворяемое любопытство маленькаго Женички. Ребенокъ не понималъ, какой смыслъ имѣють эти диковинные предметы среди нищеты, выступавшей подлѣ нихъ съ особенною рѣзкостью. Сначала его дѣтскому

тщеславію льстило завистливое удивленіе съ какимъ разсматривали ихъ странные, несовсѣмъ опрятные субъекты заходившіе изрѣдка къ его отцу; но потомъ онъ тѣмъ сильнѣе возненавидѣлъ ихъ. Онъ до сихъ поръ помнилъ туалетное зеркало матери, оббитое гирляндой фарфоровыхъ цвѣтовъ и задралированное красивыми складками голубаго атласа, сквозившаго изъ-подъ тюля и кружевъ. Дорогая отдѣлка поблекла, атласъ примялся и пошелъ лятами, часть кружевъ получила какое-то другое назначеніе; полинялыя складки висѣли такъ жалко, словно онъ служили эмблемой другого, еще болѣе жалкаго существованія...

Ребенку выпало на долю скучное, чахлое дѣтство петербургскаго мѣщанства. Зимой часть времени поглощалась ученіемъ, сперва въ какой-то дешевой и безтолковой школкѣ, потомъ въ гимназій. Но лѣтомъ, въ эти длинные, блѣдные, пропитанные залахомъ черныхъ лѣстовицъ дни онъ испытывалъ невыразимое томленіе. Пока онъ былъ еще малъ и не могъ уходить далеко, весь міръ его заключался въ оградѣ Инженернаго садика. Онъ обожалъ это скучное мѣсто. Неуклюжія изваянія фурій на рѣшеткѣ сада изумляли его. Жизнь Фонтанки сливалась съ его жизнью. За цѣлый мѣсяцъ впередъ онъ начиналъ ждать ледохода. Въ тотъ день когда наконецъ это событіе наступало, онъ опаздывалъ въ школу. Повиснувъ на холодной рѣшеткѣ набережной, онъ проводилъ цѣлые часы наблюдая какъ локрытыя сверкающимъ снѣгомъ льдины медленно скользили въ мутной водѣ и напирали къ купальнѣ. Видъ лодки заставлялъ его мечтать. Потомъ наступали счастливые дни, когда можно было бѣгать съ такими же какъ онъ бѣдняками за оградой сада, вокругъ статуи Петра I, и наконецъ пользоваться высшимъ наслажденіемъ доступнымъ юному пролетаріату этого квартала—удить рыбку въ канавкѣ вытекающей изъ Фонтанки. Въ тотъ годъ когда всѣ эти радости перестали удовлетворять его, онъ сталъ вполнѣ несчастнымъ. Это случилось вскорѣ по поступленіи его въ гимназій и совпало съ другимъ обстоятельствомъ. Во время его отсутствія въ домѣ что-то произошло. Онъ догадывался объ этомъ по взволнованному, но не печальному виду матери и частымъ перешелтываньямъ ея съ отцомъ. На другой день, когда онъ пришелъ изъ гимназій, мать сказа-

за ему чтобъ онъ не снималъ мундирчика, что она пойдетъ съ нимъ куда-то. Дорогой она прибавила что она поведетъ его къ одной очень богатой и знатной барынь, и что тамъ надо держать себя умникомъ. Кто жъ она такая? хотѣлъ знать мальчикъ. Мать отвѣчала, что ее зовутъ Ксеніей Михайловной, что она баронесса, вдова и желаетъ сдѣлать ему добро.

— Но откуда же она меня знаетъ?

— Знаетъ, отвѣтила мать.

Ити пришлось не далеко. Они вошли въ подъездъ красиваго двухэтажнаго дома, поднялись по широкой гравитной лѣстницѣ и остановились въ небольшой комнатѣ, имѣвшей видъ не то будуара, не то модельной. Мягкая атласная мебель составляла странный контрастъ съ огромною божицей, занимавшею одинъ изъ угловъ, и массивнымъ серебрянымъ Распятиемъ, поставленнымъ на высокой колоннѣ посреди комнаты. Изъ-за тяжелой портьеры появилась маленькая, худенькая женщина, на видъ лѣтъ сорока-лѣти, вся въ черномъ, съ незначительнымъ, но добрымъ и весьма приятнымъ лицомъ.

— Благодарю васъ, привѣтливо сказала она, приглашая Татьяну Васильевну садиться. — Мнѣ очень хотѣлось видѣть вашего сына. Подойдите ко мнѣ, мой милый. Какъ васъ зовутъ?

— Евгенийъ, проговорилъ мальчикъ, бѣгая глазами отъ баронессы къ убранству комнаты, къ которому онъ еще не успѣлъ приглядѣться.

Баронесса повернулась къ матери.

— Въ честь отца? спросила она совершенно спокойно.

Татьяна Васильевна покраснѣла. Она никакъ не ожидала этого вопроса.

— Такъ пришлось, едва могла она отвѣтить.

— Онъ у васъ прехорошенькій. Очень похожъ, сказала баронесса, не замѣчая ея смущенія, и ласково провела рукой по золотистымъ волосамъ мальчика.

— Вы хорошо учитесь, мой милый? Который вамъ годъ?

Ребенокъ отвѣтилъ. Ксенія Михайловна, продолжая ласкать его одною рукой, повернулась къ Татьянѣ Васильевнѣ и заговорила съ нею по-французски. Это продолжалось минутъ десять. Женюшка ничего не ловилъ, только видѣлъ

что его мать все время была очень взволнована, и наконецъ съ порывистымъ движеніемъ поцѣловала руку баронессы. Это ужасно ему не понравилось.

Самыя страшныя фантазіи зародились съ тѣхъ поръ въ головѣ мальчика. Онъ чувствовалъ какое-то необъяснимое отвращеніе къ этому таинственному посѣщенію, вмѣстѣ съ раздражительнымъ и страшнымъ любопытствомъ. Потомъ одно за другимъ, мало-по-малу, ему все объяснилось, и дало сильный толчокъ его развитію. Толчокъ былъ впрочемъ скорѣе въ дурную сторону. Все близкое ему опротивѣло. Для семьи какъ будто нѣсколько поправились, за обѣдомъ стало появляться иногда лишнее блюдо, но именно съ этихъ поръ бѣдность сдѣлалась ему ненавистна. Онъ не любилъ оставаться дома; дребезжащій звукъ колокольчика, подвѣшеннаго къ дверямъ лавочки, гдѣ отецъ съ какою-то тулою хлопотливостью копался въ своемъ жалкомъ товарѣ—выво-
дчилъ его изъ себя. Лѣтомъ въ особенности, духота маленькихъ комнатъ, мутный видъ Фонтанки, прилекъ солнца на пыльной мостовой, были ему нестерпимы. Онъ уходилъ на острова, пропадалъ по нѣскольку дней, ночуя у товарищей. Иногда имъ овладѣвало ожесточеніе, и онъ дрался съ кѣмъ случится—не для забавы, а съ цѣлью непременно избить. Разъ онъ спросилъ мать:

— У баронессы есть дѣти?

— Есть.

— Сыновья?

— И сыновья есть.

Для три потомъ онъ все ходилъ около знакомаго ему дома на набережной, словно подстерегая кого-то. Но баронесса съ дѣтьми была въ деревнѣ.

Это состояніе раздраженнаго безпокойства стало ослабѣвать только тогда, когда онъ увидѣлъ что ему везетъ. Онъ былъ первый ученикъ, и кромѣ того сознавалъ что гораздо умнѣе своихъ товарищей. Ему приходили мысли о томъ, о чемъ никто изъ нихъ никогда не думалъ. Къ тому же онъ былъ очень красивъ и здоровъ. Онъ окончилъ гимназію съ золотомъ медалью и поступилъ на юридическій факультетъ. Ирѣдка онъ даже посѣщалъ баронессу Ксенію Михайловну, и встрѣчаясь съ ея дѣтьми, которыя были немногимъ старше его, уже не испытывалъ желанія избить ихъ. Онъ только думалъ что они всѣ обязаны вознаградить его.

Когда онъ оканчивалъ кандидатскій экзаменъ, Сава Безбѣдный умеръ. Татьяна Васильевна къ этому времени уже такъ постарѣла и опустилась, что не могла бы сама завѣдывать лавочкой. Да и сынъ совѣтовалъ ей бросить это жалкое ремесло и уѣхать съ нимъ въ провинцію, гдѣ онъ хотѣлъ начать свою адвокатскую карьеру. Баронесса опять помогла. Въ Т* у нея былъ большой деревянный домъ—правда, на самомъ краю города, въ слободкѣ. Она подарила его Татьянѣ Васильевнѣ, дала ей денегъ—впрочемъ немного—и назначила скромную пенсію. Евгенийъ Савичъ ожидалъ большаго, но надо было довольствоваться тѣмъ что дали. Притомъ онъ чувствовалъ себя уже ставшимъ на ноги, и рассчитывалъ что лѣтъ черезъ пять не будетъ нуждаться ни въ чьей помощи.

VIII.

Сначала однакожъ ему было очень трудно. Домъ на слободкѣ, подаренный баронессой, хотя и большой, представлялъ такую мерзость запустѣнія, и отъ бывшаго въ немъ кожевеннаго завода до такой степени пропитался спеціальными запахами, что извлечь изъ него какую-нибудь выгоду оказывалось очень трудно. Мать кое-какъ устроилась въ маленькомъ флигелькѣ, гдѣ прежде жилъ управляющій, а большой корпусъ удалось сдать лишь на второй годъ, какому-то лошадиному барышнику, и за самую ничтожную цѣну. Самъ же Безбѣдный поселился въ гостиницѣ, такъ какъ жить на слободкѣ было не выгодно, а меблировать и устроить квартиру не хватало средствъ. Съ практикой ему повезло не сразу. Новый судъ открылся недавно, мѣстные кулечество и мѣщанство держались больше старыхъ дѣльцовъ изъ приказныхъ, а въ дворянскомъ обществѣ Безбѣднаго долго не видѣли и не знали. Онъ впрочемъ не унывалъ, цѣплялся за что могъ, бѣгалъ по мелочамъ, выжидалъ и высѣживая чего-нибудь покрупнѣе. Въ эти первые мѣсяцы провинціальной практики ему случалось даже голодать, не по нуждѣ, а потому что надо было копить на обстановку. Онъ уже тогда понималъ, что обстановкой можно взять сразу, а тѣмъ болѣе въ провинціи, гдѣ все на виду и гдѣ наружности вѣрятъ охотнѣе чѣмъ въ Петер-

бургъ; притомъ этотъ луть какъ-то болѣе всего приходился ему по характеру. Когда наконецъ, послѣ одной значительной казенной защиты, къ нему начали обращаться люди по-крупаѣе, онъ выписалъ изъ Москвы отличное платье и сдѣлалъ нѣкоторые визиты. Это его подвинуло. Еще черезъ годъ онъ уже могъ нанять въ центрѣ города хорошую квартиру и считать себя не только мѣстною адвокатскою знаменитостью, но и членомъ хорошаго общества. Его дѣйствительно приглашали на губерскіе жур-фиксы, отчасти даже ухаживали за нимъ. Но за эти успѣхи въ провинціаль-ныхъ гостиныхъ ему приходилось расплачиваться въ совершенно другомъ кругу. Самыми выгодными кліентами были конечно не савонники губернской администраціи и не благо-воспитанныя губерскія дамы, отдававшія справедливость счастливой наружности молодого адвоката, а люди для которыхъ Безбѣдный не представлялъ ничего больше какъ нанятаго за деньги ходатая, обязаннаго помнить и чувствовать, что благодѣтели бросили ему кушъ. Такія отношенія были подчасъ очень тяжелы. Въ особенности одинъ богатый купецъ и подрядчикъ, по фамиліи Фамалѣевъ, долекалъ Безбѣднаго. У него была всегда куча дѣлъ въ судахъ, по преимуществу самыхъ кляузныхъ, и платилъ онъ хотя съ прижимкой и оттяжкой, но крупо. За эти крупныя деньги онъ считалъ себя въ правѣ куражиться. Безбѣдный долженъ былъ участвовать въ его грязныхъ попойкахъ и волей-неволей войти съ нимъ въ отношенія самаго провинціального „ами-кошакства“. Пробовалъ было онъ поставить себя на болѣе политическую ногу, но Фамалѣевъ прямо объявилъ ему:

— Ты, братъ, чего кобениться? Слѣсъ мнѣ твоя нужна что ли, али тамъ наука твоя? Ты думаешь я для чего тебя зову? У меня дѣла старыя, не новѣшнія, мнѣ по моимъ дѣламъ любой подъячій не въ примѣръ лучше твоего прошеніе всякое обрабатаетъ, вотъ чтѣ! А если я тебя зову и жалую, такъ единственно потому что ты изъ себя видный, словно вицъ-губернаторъ какой — вотъ такъ ты меня понимать долженъ.

И дѣйствительно, Фамалѣеву уже надоѣло куражиться надъ подъячими, и „за свои деньги“ ему пріятнѣе было имѣть такого „аблакаты“ который на вицъ-губернатора похожъ. Безбѣдный, какъ умный человѣкъ, умѣлъ встрѣчать

грубости съ добродушнымъ подсмѣиваньемъ и заблаговременно обращаться въ шутку нѣкоторыя болѣе рѣзкія выходки своего патрона. Онъ зналъ что до поры до времени необходимо потерпѣть, сжаться, даже пожертвовать кое-чимъ изъ своего человѣческаго достоинства. Но въ душѣ онъ злобствовалъ невыразимо и не только къ Фамалѣеву, но кажется къ цѣлому городу питалъ несказанную ненависть.

Такъ прошли цѣлые три года. Репутація Безбѣднаго подымалась настолько, что по одному большому уголовному процессу его даже выписывали въ Москву. Въ городѣ его носили на рукахъ, дамы въ него влюблялись, мужчины находили что безъ него нельзя устроить ни одного обѣда или ужина, ни холостяго ни параднаго. Даже Фамалѣевъ сталъ догадываться, что его „аблакать“ мѣтитъ далеко. Безбѣдный повеселѣлъ, онъ теперь видѣлъ что его время близко, очень близко. Городъ пересталъ казаться ему мерзкою ямой, гдѣ онъ принужденъ барахтаться въ грязи; онъ сознавалъ что уже вкушаетъ счастье—то счастье которое встрѣчаетъ насъ на самомъ порогѣ главной и окончательной цѣли. Провиціальная жизнь не то чтобы втягивала его въ себя—онъ не переставалъ грезить Петербургомъ—но ему нравились эти ощущенія успѣха, эти чѣмъ далѣе тѣмъ легче достаются удачи, эта лѣнивая безпритязательность общаго склада жизни и даже ея чисто-матеріальная подкладка...

Сытый такого рода ощущеніями, онъ однако испытывалъ иногда какое-то странное безпокойство, словно вдругъ замѣчалъ что гдѣ-то въ немъ самомъ еще остались неудовлетворенныя потребности, и что онъ какъ будто меньше того чѣмъ самъ представлялся себѣ. Особенное обстоятельство усилило и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснило ему это чувство.

Домъ въ которомъ онъ нанималъ квартиру имѣлъ небольшой садикъ. Хозяинъ, отставной чиновникъ Илатовъ, копался тамъ иногда, сажалъ малину, поправлялъ клумбы; изрѣдка Безбѣдный замѣчалъ подлѣ него тонкую фигуру дѣвушки, но по петербургской привычкѣ избѣгалъ повода къ знакомству. Разъ, однако, остановивъ на этой изящной полулѣтской фигурѣ болѣе внимательный взглядъ, онъ вдругъ сдѣлалъ открытіе, что mademoiselle Илатова прелестна. Высунувшись въ окно, онъ сталъ смотрѣть. Дѣвушка, разостлавъ на травѣ носовой платокъ и опустившись на него на колѣни, торопливо, почти съ ожесточеніемъ

вырывала сорную траву, заглушавшую клумбу съ резедой, гвоздикой и астрами. Маленькія, слегка загорѣлыя ручки быстро мелькали въ зелени, а солнце, ударяя изъ-за почернѣвшей крыши сарая, обливало косыми лучами наклоненную головку и край щеки, озолоченной горячимъ загаромъ. При малѣйшемъ вѣтрѣ узорчатая тѣни, отброшенная старымъ кленомъ, струилась по свѣтленькому ситцу платья и гасила игру солнечнаго луча въ темно-бронзовыхъ волосахъ. Эта картина была такъ очаровательна, что Безбѣдному хотѣлось бы взглянуть на нее поближе. Онъ припомнилъ что былъ какъ-то представлень mademoiselle Илатовой, и что еще въ прошломъ году нѣсколько разъ встрѣчался съ нею мелькомъ, когда она съ книгами и нотами въ рукѣ возвращалась изъ гимназіи. Тогда онъ почти не обратилъ на нее вниманія, кланялся ей мимоходомъ какъ ребенку. Когда же она успѣла такъ вырасти и похорошѣть? Безбѣдный сошелъ въ садъ и заговорилъ въ нею. Разговаривая, онъ съ удивленіемъ продолжалъ свои наблюденія. Предъ нимъ была совсѣмъ взрослая дѣвушка съ умными, внимательными глазами и строгимъ лбомъ, которому тонкая подвижная складка придавала особую выразительность. Свѣжесть молодости, но ничего дѣтскаго во всемъ складѣ. Простенькое ситцевое платье такъ туго охватывало круглыя плечи и тонкій, еще стремящійся развиться станъ, какъ будто этому молодому тѣлу было тѣсно въ его слегка обмятыхъ складкахъ. Обнаженные по локоть руки съ загорѣлыми и немножко запачканными землей и зеленью пальчиками уже получили дѣтъ мягкія круглыя очертанія, которыхъ не бываетъ у подростковъ...

Старикъ Илатовъ тоже пришелъ въ садъ. Знакомство, котораго какъ будто избѣгали два года, заключилось сразу. Всѣ трое разговорились, сошлись, рѣшили вмѣстѣ пить чай. Илатовъ учился давно и на мѣдныя деньги, но человѣкъ былъ не совсѣмъ глупый и добрыйшій. Къ Безбѣдному онъ выражалъ безусловное уваженіе и во всемъ торопливо и предупредительно соглашался съ нимъ. Онъ былъ какъ будто задавленъ преувеличеннымъ сознаніемъ своей провинціальной старомодности и незначительности. Липочка, напротивъ, дѣтъ несколько разъ начинала спорить. Ей какъ будто даже непріятно было что отецъ такъ уничтожается предъ Безбѣднымъ; но потомъ этотъ оттѣнокъ сгладился;

голосъ Безбѣднаго раздавался почти одинъ въ маленькой узенькой гостиной хозяйскаго флигелька; старики совѣтъ блаженствовали; Липочка то раскрывала, то щурила свои внимательные сѣрые глаза, какъ будто стараясь что-то хорошенько разглядѣть въ этомъ человѣкѣ, который такъ остроумно говоритъ и такъ красивъ собою.

Безбѣдный сталъ часто ходить къ Илатовымъ. Онъ говорилъ самъ себѣ что „подружился“ съ Липочкой. Ему какъ будто не хотѣлось сознаться что онъ любитъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, любовь — это такая старомодная вещь. Нынѣшнему человѣку, занатому, практическому, матеріальному, привыкшему принимать все впечатлѣнія жизни сквозь призму ироніи, холодной и дешевой какъ стекло изъ котораго дѣлается призма — нынѣшнему человѣку любовь не къ лицу. Ему стыдно сознаться въ ней, какъ стыдно показаться въ старомодномъ платьѣ, надѣтомъ съ отцовскаго плеча. Онъ можетъ ухаживать за женщиной, можетъ имѣть съ ней связь, можетъ сказать что уважаетъ ея убѣжденія, но любить — это звучитъ такъ странно! Безбѣдный не рѣшился бы взглянуть на себя со стороны въ этомъ состояніи влюбленнаго, и отрицалъ его самъ предъ собою всеми силами воли и логики. Онъ просто „подружился“, это такъ естественно когда молодые люди нравятся другъ другу и одинаково смотрятъ на вещи. При такихъ отношеніяхъ незачѣмъ задавать себѣ вопроса: что будетъ дальше? А вопросъ этотъ былъ совершенно неудобенъ, потому что вздыхать по Липочкѣ было бы глупо, жениться на ней еще глупѣе, а обмануть ее — слишкомъ хлопотливо.

Но вопреки всему, и какъ это ни странно, а Безбѣдный именно любилъ Липочку. Ихъ отношенія развивались со всеми признаками этого снѣжнаго старомоднаго чувства. Отрицая его, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мучился какъ самый заполучный романтикъ, когда ему по свойственной влюбленными мнительности казалось что чувство Липочки не было такъ сильно какъ его собственное чувство. Ему не къ кому было ревновать ее, но онъ испытывалъ ненасытную потребность новыхъ доказательствъ, безмолвныхъ увѣреній, тайно раздѣленныхъ волненій.

Онъ не замѣчалъ какъ много принесло ему это чувство, не замѣчалъ что переживаетъ лучшій годъ своей жизни;

лучшій потому что самъ онъ вдругъ сталъ гораздо лучше чѣмъ когда-нибудь былъ раньше или послѣ. Липочка вдругъ растолкала, растревожила, озарила все что въ немъ было хорошаго, заставила вспыхнуть какія-то ему самому невѣдомыя искры. Смутное ощущеніе неудовлетворенности, происходившее отъ сознанія что онъ какъ будто меньше того чѣмъ самъ представлялся себѣ, смѣнилось почти романтическимъ возбужденіемъ. Онъ вдругъ отдѣлился отъ той жизни которая начинала его затягивать, и взглянулъ на нее сверху блистающимъ, смѣлымъ и презрительнымъ взглядомъ.

Липочка восхищалась его золотыми волосами и полупшутя говорила ему что у него идеальное лицо, и что онъ идеальный характеръ. Слово „идеальный“ нѣсколько коробило его, но онъ съ удовольствіемъ придавалъ ему смыслъ чего-то болѣе толкаго, красиваго и благороднаго чѣмъ окружающій его уровень. И можетъ-быть незамѣтно для него самого, кое-какія глубокія струны начинали звучать въ его душѣ, и тамъ впереди, куда онъ глядѣлъ, зажигались чистыя молніи, и жизнь казалась озаренною ихъ блескомъ. Это была иллюзія, но и отъ иллюзіи остается нѣчто, когда заставъ ладаеть предъ волшебною декораціей, и холодный воздухъ врывается въ разгораченную атмосферу театральной залы.

Слѣдующею зимой Безбѣдный сталъ окончательно собираться въ Петербургъ. Это было необходимо, неизбѣжно, логично. Провинція сдѣлала свое дѣло; ожидать чего-нибудь впереди можно было только отъ Петербурга. Безбѣдный уѣзжалъ со спокойною совѣстью. Для него было ясно что какъ только онъ устроится тамъ, тотчасъ пріѣдетъ за Липочкой, обвѣнчается съ ней и увезетъ ее на новое гнѣздышко. Это была очаровательная мечта, о которой оба какъ будто боялись много и часто говорить, чтобы не спугнуть ее. Но все о чемъ они говорили въ послѣднее время имѣло только одинъ смыслъ, связанный съ этою мечтою.

Наканунѣ отъѣзда Липочку очень огорчило что онъ былъ такой грустный. Ей и самой было не весело, но она старалась думать не о томъ что предстоитъ ей съ завтрашняго дня, а о томъ какъ радостна будетъ ихъ новая, близкая встрѣча. Поэтому она была оживлена болѣе обык-

мелкого. Но къ концу вечера его тоскливая задумчивость подѣйствовала на ея нервы. Она отвернулась къ темному окну, за которымъ печально чернѣли оголенные верхушки сада, и изъ глазъ ея вдругъ тихо закапали слезы. Безбѣдный не видѣлъ ея лица, но тотчасъ понялъ что она плачетъ. Старика не было въ комнатѣ. Онъ подошелъ къ Липочкѣ и взялъ ея руку. Она быстро подняла на него большіе заплаканные глаза.

— Вы не полюбите другую женщину? сказала она просто.

— Никогда, отвѣтилъ съ убѣжденіемъ Безбѣдный.

Липочка продолжала глядѣть на него широко-раскрытыми и словно испуганными глазами. Тонъ которымъ онъ сказалъ это „никогда“ какъ будто разубѣдилъ ее въ главной опасности, внезапно представившейся ея воображенію. Но его лицо оставалось такъ печально-задумчиво, и въ этой задумчивости было что-то до такой степени зловѣщее для ея разстроенныхъ нервовъ, что она въ первый разъ смутно почувствовала возможность какой-то другой опасности, о которой никогда раньше не думала.

Послѣ этого необходимаго отступленія, мы можемъ продолжать нашъ разказъ.

IX.

Благодаря своему желѣзному здоровью, Безбѣдный могъ вставать рано, какъ бы поздно онъ ни легъ и какъ бы ни провелъ ночь. Одѣваясь и прихлебывая чай, онъ вспомнилъ что еще не видался съ Молостовымъ.

— Сергѣй Михайловичъ всталъ уже? спросилъ онъ Аверкира.

— Встали-съ.

Безбѣдный рѣшилъ сейчасъ же пойти къ нему. Онъ былъ очень радъ его пріѣзду. Дѣла его сильно разрослись въ послѣднее время, и ему былъ необходимъ помощникъ, на котораго можно было бы положиться какъ на человека вполне порядочнаго и лично ему преданнаго. Въ Сергѣѣ Михайловичѣ онъ разчитывалъ найти именно такого человека. Онъ его зналъ еще изъ Т*, куда тотъ пріѣзжалъ студентомъ къ своему отцу. Съ послѣднимъ Безбѣдный даже близко сошелся и имѣлъ случай оказать ему какую-то значительную услугу. Это былъ славный, свѣжій старикъ,

имѣвшій только единственную слабость, которую Евгений Савичъ называлъ „американизмомъ“. Онъ дѣйствительно воображалъ себя какимъ-то русскимъ Яки, терпѣть не могъ казенной службы, пускался (впрочемъ безъ большого успѣха) въ разныя необычайныя предпріятія, считалъ себя химикомъ и механикомъ, хотя образованіе получалъ въ кадетскомъ корпусѣ, и говорилъ что изъ сына своего сдѣлается „человѣкъ“. Сначала онъ готовилъ изъ него агронома, техника и инженера, но когда сынъ вопреки его настояніямъ пошелъ по юридическому факультету, онъ поклялся что не пуститъ его на государственную службу, а сдѣлаетъ нотариусомъ или адвокатомъ. Сынъ не противорѣчилъ—ему самому не хотѣлось тянуть чиновничью лямку. Но онъ совсѣмъ не наследовалъ практическихъ качествъ отца, и по мнѣнію послѣдняго, просто ступить не умѣлъ въ жизни. Его разсѣянность, невниманіе къ личнымъ матеріальнымъ интересамъ и другіе опасные признаки „романтизма“ выводили т—скаго Яки изъ себя. „Эхъ, глупость я сдѣлалъ что отдалъ его въ русскій университетъ; въ Америку бы его!“ думалъ онъ. Тутъ пришла ему въ голову довольно оригинальная мысль,—отдать сына въ науку къ Безбѣдному. „Тамъ, въ Петербургѣ, да еще подѣй этакого доки, дурь-то съ него соскочитъ, увидитъ гдѣ раки зимуютъ и какъ люди дѣло дѣлаютъ.“ Не раздумывая долго, онъ написалъ Безбѣдному о своемъ желаніи, причемъ прибавилъ что денегъ не дастъ, такъ какъ посылаетъ его именно затѣмъ чтобы научить самому помышлять о себѣ. „Вы тамъ положите ему сколько онъ будетъ стоить, писалъ старикъ, а въ случаѣ чего займы ему не давайте и отъ себя не помогайте, а напишите мнѣ. И вообще, прошу васъ, не балуйте молодца и не будьте ему нянькой, потому что собственный опытъ, хоть и горькій подчасъ, дороже всего. Пусть онъ у васъ тамъ не только дѣлу научится, но и всякую самую грубую штуку узнаетъ. Молодецъ не дѣвица и безъ познанія зла не узнаешь жизни. Словомъ дѣйствуйте по-американски!“ Безбѣдный не разъ улыбался, читая это посланіе, но предложеніе было для него удобно. Положимъ, „молодецъ“ при своей неопытности на первый разъ принесетъ не много пользы; но важно то что подъ рукой будетъ человѣкъ который не обманетъ и не продастъ. А у Безбѣднаго бывали дѣла требовавшія именно такого человѣка.

Онъ засталъ Молостова въ состояніи самаго мучительнаго бездѣйствія. Единственнымъ возможнымъ употребленіемъ времени въ его положеніи было бы разобрать съ доктори свои вещи; но такъ какъ чемоданъ его былъ потерявъ, и кромѣ портсигара никакихъ вещей съ нимъ не было, то выливъ чай и закуривъ послѣднюю палироску, онъ мрачно прохаживался съ нею изъ угла въ уголъ, проклиная мысленно и Петербургъ, и затыю отца, и собственную недогадливость. Какъ многіе русскіе люди, онъ былъ склоненъ капризничать и брюжжать при первой неудачѣ, подтверждая тѣмъ мнѣніе отца что „хоть онъ и съ душкомъ, но выдержки никакой нѣтъ“.

Постучавъ въ дверь и получивъ обычное „войдите“, Безбѣдный радушно и крѣпко пожалъ ему руку.

— Очень, очень радъ. Ну какъ вамъ показалась комната? хорошо ли спали?

— Благодарю васъ. Спалъ хорошо, но проснулся очень скверно. Вы вѣдь слышали? Отличился съ перваго шага.

— Чемоданъ-то? Да, тутъ вы кругомъ виноваты.

— Знаю что виноватъ. Это вашъ лакей откуда-то взялъ что швейцару будетъ непріятно. Никому я думаю кромѣ меня. Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ палиросъ.

Безбѣдный высыпалъ на столъ все что у него было въ портсигарѣ.

— А вы успокойтесь, сказалъ онъ съ едва примѣтною улыбкой.—Чего-нибудь очень цѣннаго у васъ въ чемоданѣ не было? Денегъ, документовъ какихъ-нибудь?

— Нѣтъ.

— Ну, стало-быть дѣло не особенно важно. Однако платье и бѣлье вамъ необходимо пріобрѣсть.

Онъ хотѣлъ было предложить ему денегъ, но удержался. „Если попросить—дамъ; а предлагать никогда не слѣдуетъ, это не въ характерѣ денегъ,“ подумалъ онъ.

— Батюшка вашъ здоровъ ли? спросилъ онъ.

— Какъ всегда. Онъ далъ письмо къ вамъ, да я къ сожалѣнію запряталъ его въ чемоданъ...

— Вотъ это ужъ не хорошо, писемъ никогда не слѣдуетъ возить въ чемоданахъ, замѣтилъ Безбѣдный.—Увѣдомьте его пожалуйста что потеряли письмо. Ну, а на счетъ занятій я васъ не тороплю, оглянитесь прежде, справьте свои

надобности. У меня сейчасъ начнется пріемъ по дѣламъ, не хотите ли присутствовать?

— Что жь, съ удовольствіемъ. Мнѣ нечего дѣлать.

— Такъ приходите черезъ четверть часа.

„Родятся же такіе странные люди на свѣтѣ“, подумалъ каждый изъ нихъ, когда они разошлись. Но Молоствовъ подумалъ это не безъ нѣкоторой зависти, потому что не допускалъ сомнѣнія въ чрезвычайномъ превосходствѣ надъ нимъ Безбѣднаго.

Блѣдный молодой человѣкъ завѣдывавшій канцеляріей адвоката уже зналъ о пріѣздѣ новаго секретаря, и очень тревожился на счетъ своего положенія. Подавая адвокату заготовленные съ ночи бумаги, онъ рѣшился спросить, чего ему слѣдуетъ ожидать. Безбѣдный этого ужасно не любилъ.

— Пожалуста, дѣлайте свое дѣло, сказалъ онъ ему сухо. Если вы мнѣ довѣряете, такъ и не волнуйтесь; а контракта я не могу съ вами заключать. Есть кто-нибудь въ залѣ?

Тамъ было уже нѣсколько посетителей: благообразный господинъ лѣтъ пятидесяти, съ „англійскою складкой“ въ костюмѣ, два какіе-то купца съ выраженіемъ тоскливаго недосуга на озабоченныхъ лицахъ, и дама уже не первой молодости и съ тѣмъ особеннымъ отпечаткомъ какой имѣютъ вдовы лекушіяся о своихъ дѣлахъ. Она то вскакивала со стула, то опять садилась, вертя въ рукѣ какія-то бумаги, и вообще находилась въ сильнѣйшей ажитаціи. Ее первую пригласили въ кабинетъ. Она вошла чрезвычайно быстро, все съ тѣми же признаками величайшаго раздраженія и волненія.

— Помилуйте, Евгеній Савичъ, какихъ же вы еще денегъ отъ меня требуете? Вѣдь чтò было условлено впередъ, я уплатила, у меня и росписка ваша есть, заговорила она лорывисто, не сядя и продолжая держать въѣромъ находившіяся у нея въ рукѣ бумаги.

— Садитесь пожалуйста, предложилъ Безбѣдный, подвигая ей кресло.—Вы вѣроятно по поводу моего письма? Я васъ просилъ объ окончательномъ разчетѣ, такъ какъ дѣло ваше рѣшено въ послѣдней инстанціи.

— Такъ чтò жь что рѣшено? развѣ я получила что-нибудь? вслыхнула дама.—У насъ было условіе: десять процентовъ отъ взысканной суммы; гдѣ жь она?

— Не отъ взысканной, а отъ присужденной, поправилъ Безбѣдный;—вотъ не угодно ли взглянуть.

И онъ подвинулъ къ ней лежавшій предъ нимъ на столѣ листъ гербовой бумаги.

Дама сдѣлала только видъ что заглянула въ листъ, и съ презрѣніемъ откинула его отъ себя.

— Это Богъ знаетъ что такое, платить десять процентовъ изъ суммы которой я вовсе не получала! воскликнула она почти провозительно.—Какой же послѣ того интересъ что я выиграла дѣло? въ рамку мнѣ повѣситъ вашъ исполнительный листъ, что ли?

— Я вамъ ручался что вы выиграете дѣло, но не ручался получите ли вы деньги; возразилъ почти съ провіей Безбѣдный.—Послѣднее меня не касается. У васъ могли быть свои причины вести процессъ во что бы то ни стало, но мнѣ заниматься вашими дѣлами бесплатно нѣтъ никакого повода. Я васъ предупреждалъ что сомнѣваюсь въ состоятельности вашего противника.

— Такъ что жъ что предупреждали! поэтому я теперь должна платить вамъ изъ своихъ собственныхъ денегъ? продолжала съ явнымъ ожесточеніемъ дама.

— Я не буду интересоваться, изъ какихъ денегъ вы заплатите, возразилъ Безбѣдный.

— Но это... я не знаю какъ назвать такія дѣйствія! горчилась клиентка.—Я буду жаловаться министру, буду кричать на площади...

— Какъ вамъ угодно, сказалъ адвокатъ, вставая и кланяясь.

Дама сжавъ губы, поднялась съ кресла, бросила ему чуть замѣтный поклонъ и удалилась.

— Заготовить? спросилъ какъ-то таинственно писмоводитель, принимая со стола гербовый листокъ.

— Заготовьте, отвѣтилъ столь же кратко адвокатъ.

— Вы хотите взыскивать съ нея эти деньги? вдругъ спросилъ его присутствовавшій при этой сценѣ Молоцовъ.

— Разумѣется, отвѣтилъ Безбѣдный, и пристально взглянулъ на него. Лицо молодого человѣка выражало почти болязненное волненіе.

— Но вѣдь это явная несправедливость! сказалъ онъ замѣтно дрожащимъ голосомъ.—Вѣдь она очевидно пола-

лась на томъ что подписывая условіе не сообразила разницы между выраженіями „взысканная“ и „присужденная“ сумма. Со стороны женщины это такъ естественно!

Безбѣдный спокойно сдѣлаавъ нѣсколько шаговъ по ковру. Отъ предыдущей сцены у него оставалась недовольная морщина между бровями.

— Ваше замѣчаніе можетъ-быть дѣлаетъ честь вашимъ чувствамъ, сказалъ онъ почти насмѣшливо, но оно очень необдуманно. Вы судите по впечатлѣнію, а это никуда не годится. Еслибы люди руководились чувствами и впечатлѣніями, то не надо было бы ни законовъ, ни контрактовъ, ни адвокатовъ, ни нотаріусовъ. Я допускаю что кто-одинъ можетъ не выкинуть въ то или другое выраженіе въ принятомъ имъ на себя обязательствѣ, хотя и не думаю чтобы такъ было въ настоящемъ случаѣ. Но положимъ. Чтѣ же изъ этого? Доказательства въ вѣрности предположенія выгоднаго для него и невыгоднаго для меня я не имѣю. Между тѣмъ я съ такою же достовѣрностью могу сдѣлать рядъ другихъ предположеній. Эта дама, хотя и предупрежденная насчетъ несостоятельности своего противника, могла по легкомыслію поддаться надеждѣ что деньги все-таки какъ-нибудь будутъ взысканы. Кто же долженъ платиться за ея легкомысліе — она или я? Съ другой стороны, она могла увлекаться чувствомъ личнаго мщенія. Весьма возможно что въ то время какъ она предлагаетъ повѣсить исполнительный листъ въ рамку, она уже сдѣлала изъ него очень важное для нея употребленіе, т.е. посадила ненавистнаго ей человѣка въ долговое отдѣленіе, или вообще нанесла ему процессомъ нравственный или матеріальный ущербъ. Обязанъ ли я всѣ эти услуги оказать ей даромъ? Единственное правильное заключеніе то, что не слѣдуетъ брать такихъ дѣлъ. Я поддался на ея просьбы и слезы, и это дѣйствительно была большая глупость съ моей стороны.

Безбѣдный улыбнулся, и не интересуясь больше тѣмъ, какъ принято его объясненіе неопытнымъ молодымъ человѣкомъ, велѣлъ пригласить дожидавшагося въ залѣ господина благообразной каружности. Но господинъ желалъ говорить съ нимъ безъ свидѣтелей. Письмоводитель, привыкшій къ такимъ посѣтителямъ, мгновенно скрылся. Безбѣд-

онъ повернулся къ Молостову, и отойдя съ нимъ на два шага, проговорилъ, дружески пожимая ему руку:

— Мнѣ приходится съ вами проститься до вечера: ѣду въ судъ, и не буду сегодня дома обѣдать. Но обѣдъ будетъ ладанъ. Располагайте собою какъ знаете:

— Къ вашимъ услугамъ, повернулся онъ къ клиенту.

Молостовъ поторопился уйти. Онъ былъ взволнованъ гораздо больше чѣмъ могъ догадываться Безбѣдный. Его мысль востула въ область для нея совершенно чуждую. Въ словахъ адвоката была логика, но какая-то совѣтъ для него новая, особенная и страшно его раздражавшая. Фактъ оставался все-таки нехорошимъ для его инстинктивного чувства. Но Безбѣдный былъ правъ и въ томъ что не слѣдуетъ брать такихъ дѣлъ, и въ томъ что взявъ такое дѣло, надо было поступить такъ какъ онъ поступилъ. И между тѣмъ это гадко. Гадокъ не самый фактъ, а что-то другое, и это „что-то“, неопредѣленное и неослаемое, дѣйствовало на него въ высшей степени раздражительно.

Вопреки неудовлетворенному и почти болѣзненному впечатлѣнію вынесенному имъ изъ этой четверти часа проведенной въ кабинетъ адвоката, онъ жалѣлъ что его нѣтъ тамъ больше. Онъ словно дѣлалъ наблюденія надъ неизвѣстнымъ организмомъ, раздражавшимъ его любопытство. Организмъ былъ гадокъ, но онъ дышалъ, двигался, жилъ. И Молостовъ не испытывалъ потребности безразлично бѣжать отъ него; онъ хотѣлъ знать и—думать.

Х.

Къ пяти часамъ Безбѣдный окончилъ всѣ свои дѣла и подѣхалъ къ отелю гдѣ остановилась Липочка. Приказавъ Еромолаю пріѣхать за нимъ черезъ два часа на другой лошади, онъ поднялся въ третій этажъ и стукнулъ въ показавшую ему дверь. Липочка сама его впустила. На столѣ у нея лежали сегодняшнія газеты, развернутыя на „судебной хроникѣ“.

— Я проводила время съ вами: читала вашу вчерашнюю рѣчь въ судѣ, оказала она, усадивъ его въ кресло и сама садясь.

Безбѣдный бросилъ на газеты свою дорогую соболью шалку и ставилъ перчатки.

— Я только мелькомъ пробѣжалъ ее; кажется, вышло недурно, сказалъ онъ;—но вообще въ печати эти вещи пропадають. Живое слово, цитонація, воодушевленіе—всего этого стенографія не передастъ. Я всегда проигрываю въ печати.

— Нѣтъ, очень хорошо, умно, изящно, возразила Липочка.—И вотъ тутъ сказано (она указала на редакціонную замѣтку, помѣщенную впереди отчета) что это ваша лучшая рѣчь, и что она окончательно выдвигаетъ васъ въ первый рядъ адвокатскихъ талантовъ. Но мнѣ многое не нравится.

— Въ моей рѣчи? спросилъ, снисходительно улыбаясь, Безбѣдный.

— Да. Можетъ-быть я не ловимаю, но на меня производитъ странное впечатлѣніе что вы такъ горячо защищали явнаго мошенника. Развѣ это непременно такъ нужно?

— Разумѣется, если я веду его дѣло, отвѣтилъ все съ тою же снисходительною усмѣшкой Безбѣдный.

— Но вѣдь вы знаете что онъ сдѣлалъ подлогъ, и изъ самыхъ низкихъ побужденій?

— Моя цѣль была добиться оправдательнаго приговора, я такъ и дѣйствовалъ, и вы видите что это удалось, объяснилъ уже болѣе скучнымъ тономъ Безбѣдный.

— Но развѣ это хорошо что его оправдали? Вѣдь онъ не заслуживалъ, продолжала Липочка со всею настойчивостью неопытности.

— Кто жъ имъ велѣлъ оправдывать? возразилъ адвокатъ.— Они не рѣшились сказать „виновенъ“, потому что я залуталъ дѣло, ввелъ психологическій элементъ. Еслибъ они были умнѣе, они не дали бы себя слутать.

— Но зачѣмъ же было залутывать? развѣ судъ не долженъ рѣшать по справедливости? добивалась Липочка.

— Ахъ, Боже мой, адвокатъ не судья и не моралистъ, возразилъ съ замѣтною неохотою Безбѣдный.— Приговоръ суда складывается изъ разности нѣсколькихъ силъ, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи. Защитникъ имѣетъ свою частную задачу, и долженъ стараться исполнить ее какъ можно лучше. Оттого новый процессъ и называется состязательнымъ.

Липочка съ нетерпѣніемъ толкнула газеты.

— Ну да, я сто разъ это слышала, но все-таки я не могу понять какъ можно защищать неправое дѣло. Еще еслибы было какое-нибудь сомнѣніе, а то никакого! проговорила она какъ будто даже съ уныніемъ въ голосъ.

— Какъ же такъ никакого, если присяжные оправдали! возразилъ Безбѣдный. — Положимъ признали подлогъ (я и не отрицалъ его), но освободили подсудимаго — психологическій мотивъ! Мнѣ только и надо было. И вообще — прибавилъ онъ снисходительно — вы судите по впечатлѣнію, а для насъ, юристовъ, не существуетъ впечатлѣнія.

— Нѣтъ, существуетъ, не можетъ быть чтобы не существовало! возразила почти запальчиво Липочка. — Вѣдь что меня поражаетъ: не эта формальная защита, къ которой вы можете-быть тамъ какъ-нибудь обязаны, а горячность, одушевленіе, словно вы сами вѣрите въ каждое ваше слово. Вотъ этой фальши я никакъ не могу понять!

— А я вамъ не могу ее объяснить, потому что вы не юристъ, отвѣтилъ Безбѣдный. — Но это тема нескончаемая, а мы еще не обѣдали! добавилъ онъ все съ тою же снисходительною улыбкой. — Васъ не испугаетъ откровенное признаніе что мнѣ вѣсть хочется?

Липочка тоже улыбнулась, хотя предыдущій разговоръ оставилъ на ея душѣ какой-то неприятный осадокъ, который впрочемъ она охотно желала объяснить своимъ неумѣніемъ понять такіа серьезныя и чуждыя ей вещи.

— Гдѣ жъ мы будемъ обѣдать? спросила она.

— Сойдемте внизъ, я велю подать въ особомъ кабинетѣ, предложилъ Безбѣдный.

За обѣдомъ Липочка уже не возобновляла прежняго разговора, и даже упрекала себя за то что завела его раньше. Было много вещей представлявшихъ для нихъ обоихъ гораздо болѣе интереса. Ей хотѣлось вернуть весело-возбужденное настроеніе, въ которомъ она находилась съ утра, пока его не испортили эти газеты. Она сегодня въ первый разъ выходила изъ отеля безъ мучительной заботы, преслѣдовавшей ее всѣ эти дни. Многолюдная, красивая улица, полная праздничнаго движенія въ мерзвый солнечный день, вдругъ показала ей Петербургъ въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, что ей стало безотчетно весело. Она вся отзывалась на это шумное движеніе какими-то ей самой невѣдомыми струнами. На этихъ струнахъ звучала

отравная и новая мелодія, которою отразилась въ ея душѣ вчерашняя импровизація Безбѣднаго о горячкѣ труда, о лихорадочной дѣятельности, о ѣдкости всѣхъ впечатлѣній въ этой доведенной до высшаго напряженія жизни. Тамъ, въ Т*, все тихо и буднично: вялый трудъ, вялый праздникъ, вялое чувство. На минуту она съ легкимъ стѣсненіемъ сердца вспомнила о старикѣ-отцѣ, который сегодня вѣрно лопадется въ вокзалъ желѣзной дороги, въ тревожной надеждѣ встрѣтить ее; но что-то безжалостное быстро вытѣснило эту мысль, и она стала думать о Безбѣдномъ и о скорой встрѣчѣ съ нимъ.

Адвокатъ усталъ и проголодался, и ѣлъ серьезно. Поэтому онъ былъ мало расположенъ говорить, и предпочелъ бы чтобы Лилочка сама занимала его въ эти часы заслуженнаго отдыха.

— Ну, какъ же вы поживали тамъ безъ меня? Расскажете, сказалъ онъ, прожевывая жирный кусокъ филе, для орошенія котораго заранѣе былъ приготовленъ стаканъ темнаго какъ гранатъ шамбертена.

Лилочка сказала что ей было скучно, и всѣ были противны. Такъ какъ онъ поинтересовался нѣкоторыми общими знакомыми, то она сообщила кое-какія свѣдѣнія.

— А знаете, Молоствовъ, этотъ вашъ т—скій Американецъ, прислалъ мнѣ своего сына на выучку. Хочетъ чтобы я его посвящалъ въ тайны практической жизни и научилъ уму-разуму, сообщилъ въ свою очередь Безбѣдный.

— Вотъ вы какой! улыбнулась ему Лилочка.—Я его мало видала. Да и вообще этотъ годъ я избѣгала всѣхъ и почти совсѣмъ не выходила изъ дому. Грустно мнѣ было очень!

— Ну, а какъ ваше лѣтніе? я съ нетерпѣніемъ жду опять васъ услышать, вспомнилъ Безбѣдный.

Лилочка покачала головой.

— Я почти не подходила къ роялю; такъ, мурлыкала иногда что-нибудь одна въ своей комнатѣ, отвѣтила она.

— Вотъ ужъ это не хорошо, пренебрегать такимъ талантомъ! упрекнулъ Безбѣдный.—Помните, съ какимъ восторгомъ я всегда отзывался о вашемъ лѣтніи? А я кое-что смыслю въ этомъ дѣлѣ. Вашъ голосъ нуждается въ обработкѣ, но онъ чистъ и силенъ какъ рѣдко можно встрѣтить. Еслибы вы жили въ Петербургѣ, можетъ-быть вы

уже давали бы концерты. Но провинція погребаетъ таланты.

— Тамъ и учиться-то не у кого, сказала Лилочка.

— Но разъ что вы здѣсь, надо непременно чтобы васъ испыталъ кто-нибудь изъ профессоровъ консерваторіи. Хотите я это устрою? я знакомъ съ ними со всѣми. По крайней мѣрѣ вы тогда сами будете знать цѣну своему таланту.

— Къ чему это послужить? возразила Лилочка:— дома мнѣ не у кого учиться.

— Дома! но развѣ вы пріѣзжали сюда только для того чтобы сказать мнѣ въ маскарадѣ нѣсколько обидныхъ словъ? улыбнулся Безбѣдный.—Я не могу себѣ представить чтобы вы уѣхали опять въ вашъ ненавистный Т*.

Лилочка взглянула на него и тотчасъ опустила глаза: ей становилось неловко каждый разъ когда разговоръ касался той подразумеваемой стороны вопроса о которой оба они, хотя по разнымъ причинамъ, не могли говорить съ полною искренностью.

— Что жъ бы я стала тутъ дѣлать? подъ какимъ предлогомъ я бы осталась? возразила она осторожно.

— Ахъ, если дѣло идетъ о предложенияхъ, то ихъ сколько угодно, заговорилъ послѣднимъ адвокатъ.—Петербургъ—центръ, куда стремятся изъ провинціи все выходящее изъ ряда. Во-первыхъ вы владѣете такимъ контральто который при правильной обработкѣ можетъ сдѣлаться украшеніемъ сцены, доставить вамъ славу, положеніе, независимость. Затѣмъ, тутъ такъ много средствъ дополнить общее образованіе. Развѣ вы не хотѣли бы напримѣръ посѣщать высшіе курсы устроенные для женщинъ? Тамъ можно встрѣтить и замужнихъ дамъ, и дѣвушекъ вполне обезпеченныхъ, которыя учатся вовсе не для того чтобы поступить въ гувернантки или въ классныя дамы, а просто ради интересовъ высшаго образованія, такъ какъ женщины въ наше время призваны къ нему наравнѣ съ мужчинами. Я познакомилъ бы васъ съ одною особой, которая очень близко стоитъ къ этому дѣлу...

Безбѣдный упомянулъ о замужнихъ дамахъ и о дѣвушкахъ вполне обезпеченныхъ для того чтобы показать Лилочкѣ что женскіе курсы и консерваторія вовсе не представляются ему несомнѣстными съ болѣе прочнымъ устройствомъ ея положенія.

— Вы видите, добавилъ онъ,—что въ „предлагахъ“ недостатка не будетъ. Но вѣроятно вашъ батюшка не одобритъ этой идеи и будетъ требовать чтобы вы вернулись домой и чтобы я самъ прѣхалъ за вами.... Признаюсь, мнѣ было бы большимъ лишеніемъ разстаться съ вами даже на самое короткое время.

Лилочка поблагодарила его взглядомъ. Это было самое определенное изъ всего что онъ сказалъ со вчерашняго дня. Теперь она болѣе прежняго думала что всѣ недоразумѣнія и недомолвки происходили оттого что она видѣла два вопроса тамъ гдѣ для него былъ одинъ.

— Еслибъ я рѣшила... еслибы мнѣ нужно было здѣсь остаться, то это было бы такъ серьезно что нечего говорить о томъ, какъ на это посмотрѣлъ бы отецъ, сказала она.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ вопросъ второстепенный. Она принадлежала къ тому поколѣнію которое значительно реформировало прежнія отношенія между родителями и дѣтьми. Она очень любила своего отца, но была твердо уверена что во всѣхъ касающихся ея самой обстоятельствахъ жизни рѣшеніе принадлежало ей одной. Что она понимаетъ всѣ такіа обстоятельства правильнѣе и реальнѣе старика-отца, въ этомъ для нея не существовало никакого сомнѣнія; впрочемъ она допускала уступки, однако не въ такихъ серьезныхъ вещахъ. Чувство независимости было очень сильно развито въ ней, несмотря на большую ея неопытность.

Безѣдный былъ пріятно удивленъ ея отвѣтомъ. Онъ ожидалъ что „старикъ“ будетъ большимъ прелатствомъ. Отыскавъ подъ столомъ руку Лилочки, онъ прижался къ ней только-что вытертыми губами.

— Значитъ вы остаетесь? вы отгоняете всѣ свои подозрѣнія, свое недовѣріе? значитъ вы все такая же милая, добрая, хорошая? говорилъ онъ, не отрываясь отъ ея руки и глядя на нее блистающими глазами.

Она ничего не сказала, и опершись на свободную руку глядѣла мимо него въ тулой уголъ комнаты, заслоненный пыльнымъ зеркаломъ надъ едва тлѣющимъ каминкомъ. Какое-то радостное безпокойство слегка кружило ей голову. Множество мыслей, страшно цѣпляясь одна за другую, налетали и разлетались. Она чувствовала какъ горячая кровь широко приливала къ сердцу, но не обременяла его, а толь-

ко возбуждала къ усиленной дѣятельности. Она была прелестна въ этой безсознательно-изящной позѣ, со слегка разгорѣвшимся лицомъ и улавшими на лобъ мягкими нитями волосъ, въ которыхъ свѣтъ газа и свѣчей вызвалъ темно-золотистыя искры.

Бѣзбѣдный осторожно взялъ другую руку; она должна была подвѣть голову. Сѣрые глаза взглянули на него со страннымъ, почти грустнымъ выраженіемъ.

— Я думаю: для чего вамъ было-бы меня обманывать? проговорила она тихо, не отводя отъ него глазъ.—Развѣ въ Петербургѣ мало красивыхъ женщинъ? Какую цѣну я имѣла бы для васъ, если-бы вы не любили меня?

— Этого вопроса даже не должно быть между нами, отвѣтилъ Бѣзбѣдный.

— Потому что если не вѣрить, то не надо любить, добавила Липочка.—Боже мой, сколько я думала; какъ я мучилась... продолжала она, и на мгновеніе у нея вдругъ захватило голосъ.—Вчера въ маскарадѣ... какъ это было глупо съ моей стороны! Правду говорятъ, что когда полюбишь—погаулѣешь, прибавила она съ виноватою улыбкой.—А кто эта княжна, за которую вы меня приняли? вдругъ спросила она.

— Да просто одна изъ знакомыхъ, довольно экстравагантная дѣвушка, объяснилъ Бѣзбѣдный.—У васъ въ фигурѣ есть много сходнаго съ ней.

— И вы тутъ безъ меня ухаживали за ней?

— Какъ и за всеми остальными, отвѣчалъ смѣясь Бѣзбѣдный.

— А вы ломчите какая я ревнивая?

— Помню.

— Ну то-то же, сказала Липочка, и серьезная, хмурая складка быстро прорѣзалась между ея темными бровями.

XI.

Ермолай, пріѣхавшій въ назначенный часъ за бариномъ, подалъ ему полученную въ его отсутствіе записку. Бѣзбѣдный пробѣжалъ ее при свѣтѣ фонаря. Записка была отъ madame Олжанской, звавшей его къ себѣ, если можно сегодня же, по одному важному дѣлу. Онъ рѣшился поѣхать.

Madame Олжанская была очень известна въ Петербургѣ, хотя права ея на известность были какія-то странныя. Ея знали вопервыхъ потому что она не жила съ мужемъ. Хотя женщины въ такомъ положеніи нмѣче очень много, тѣмъ не менѣе ихъ всегда знаютъ: мужчины интересуются ими въ некоторому невольному влеченію любопытства, а дамы потому что могутъ обходить ихъ своими приглашеніями и оглядывать ихъ съ ногъ до головы при случайной встрѣчѣ. Но кромѣ того что Олжанская не живетъ съ мужемъ, о ней ничего больше на этотъ счетъ не знали. Ея мужъ тутъ же въ Петербургѣ занималъ довольно видное мѣсто. Они жили вѣстѣ и вдругъ перестали; вотъ все что могла сказать городская хроника. Другою причиною известности madame Олжанской была ея нѣсколько загадочная роль въ общественной благотворительности, соприкасавшейся съ женскимъ вопросомъ. Роль эта была принята ею на себя еще въ то время когда она жила съ мужемъ и давала хорошенькіе вечера. Она говорила что посвятила себя интересамъ лицъ своего пола ищущихъ самостоятельности. Въ этой сферѣ она обнаруживала неустанную, хлопотливую дѣятельность. Она была знакома со всѣми артистами, профессорами, литераторами, расположенными участвовать въ литературно-музыкальных вечерахъ и утрахъ, изрѣдка устраиваемыхъ ею съ благотворительными цѣлями. Кромѣ того она умѣла привлекать къ пожертвованіямъ капиталистовъ и даже цѣлыя учрежденія. Черезъ ея руки въ теченіе года переходили значительныя суммы, направляемыя въ интересахъ женской самостоятельности. Иногда она вносила и скромныя пожертвованія отъ собственнаго имени; но неосторожныя языки утверждали что въ этихъ случаяхъ болѣе чѣмъ когда-нибудь оправдывались слова поэта: „Что имя? — звукъ пустой!“ Впрочемъ, у нея было свое состояніе, а потому и послѣ размолвки съ мужемъ она могла превосходно одѣваться и жить въ небольшой, но восхитительно обставленной квартирѣ.

Она встрѣтила Безбѣднаго вопросомъ: Вы пріѣхали на своей лошади? и получивъ утвердительный отвѣтъ, быстро схватила лежавшую на столѣ шляпу.

— Такъ прокатите меня, у меня голова разболѣлась, сказала она.

Безбѣдный былъ очень радъ оказать ей эту небольшую услугу. Олжанская могла быть ему весьма полезна въ новыхъ заботахъ созданныхъ для него Лилочкой. Къ тому же она была очень эффектная женщина, и онъ еще недавно самъ за ней ухаживалъ.

— Куда прикажете? спросилъ онъ, подсаживаясь подлѣ нея въ узенькія санки и съ трудомъ застегивая полость.

— По Невскому, по Морской, за Неву, куда хотите. Лошадь не устала? Это воровой, мой любимый? Здравствуйте Ермолай, а для васъ купила сигаръ.

Ермолай, которому уже случалось катать Олжанскую и получать отъ нея каждый разъ ассигнацію, да еще пачку крылчайшихъ сигаръ, пошевелилъ локтями, и свѣжій рысакъ помчалъ ихъ во весь духъ по ярко освѣщеннымъ улицамъ.

— Вы стали рѣдки; неужели заняты? упрекнула Олжанская, щурясь подъ синюю вуалеткой отъ душаго прямо въ лицо рѣзкаго морознаго вѣтра.

Безбѣдный отвѣтилъ что дѣйствительно былъ очень занятъ.

— Да, правда, процессъ Карича. Говорятъ, вы превзошли самого себя. Видите, я даже не могла васъ до сихъ поръ поздравить, продолжала Олжанская. — Это вѣдь очень выгодное дѣло, не правда ли? прибавила она по-французски.

— Дѣло хорошее, подтвердилъ Безбѣдный.

Онъ подозрѣвалъ что будетъ приглашенъ къ посильному пожертвованію въ пользу женской независимости; но при настоящихъ обстоятельствахъ онъ самъ готовъ былъ вызваться на благотворительное приношеніе, такъ какъ интересы женскаго труда и высшего женскаго образованія неожиданно совпадали съ его личными интересами.

— Не будетъ нескромнымъ спросить, сколько именно? полюбопытствовала Олжанская.

— Вы это легко узнаете, такъ какъ я намѣренъ десять процентовъ предоставить въ ваше распоряженіе на благотворительныя цѣли, отвѣтилъ Безбѣдный.

Олжанская горячо поблагодарила его.

— По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прибавилъ онъ, — а въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-нибудь сочувствую этимъ вашимъ цѣлямъ...

— А, я очень рада... живо обернулась къ нему Олжанская (разговоръ продолжался на французскомъ языкѣ,

которымъ Безбѣдный владѣлъ довольно хорошо).—Когда у такого человека какъ вы являются „нѣкоторыя обстоятельства“, это непременно очень любознательно.

— Нѣтъ, самый простой случай. Сюда пріѣхала одна дѣвушка, которую я знаю еще въ провинціи. У нея превосходный контральто, и желательнаго чтобъ она его обработала. Она хотѣла бы также дополнить свое общее образованіе. Вообще это личность съ очень независимымъ характеромъ, и вполне заслуживаетъ вашего вниманія.

— Ну и прекрасно, въ чемъ же дѣло? я вся къ ея услугамъ. Ей нужна маленькая стипендія, чтобы дать положеніе?

— Да, это очень хорошо было бы, согласился Безбѣдный.— И кромѣ того, она лишена здѣсь всякаго дамскаго знакомства, а для молодой дѣвушки, вы знаете, это очень неудобно...

— Познакомьте ее со мной, вотъ и все. И знаете, какъ это лучше всего сдѣлать? Устройте у себя маленькій завтракъ, пригласите эту вашу protégée, какого-нибудь музыканта, чтобъ испытать ея голосъ, и я тоже пріѣду.

Олжанская вообще держала себя очень независимо, въ чемъ отчасти помогала ей и ея роль въ женскомъ вопросѣ; поэтому пріѣхать на завтракъ къ Безбѣдному для нея было очень легко. По своимъ филантропическимъ обязанностямъ она совершала и болѣе рискованныя посѣщенія.

Безбѣдный тоже былъ очень доволенъ. Онъ какъ-то уже привыкъ что всѣ практическія задачи его жизни разрѣшались за завтраками, обѣдами и ужинами. Онъ и самъ находилъ что всякое дѣло удивительно какъ облегчается, когда въ него входитъ гастрономическій элементъ. Проектированный завтракъ, съ участіемъ такой опытной и общительной женщины какъ madame Олжанская, долженъ былъ внушить Липочкѣ довѣріе.

— Вы рѣшительно богаче меня счастливыми идеями, сказалъ онъ.—И чтобы не откладывать, назначимъ въ эту же субботу: день неприсутственный.

— И прекрасно, согласилась Олжанская. — А что, прибавила она по-французски,—этотъ артистическій цвѣтокъ, выросшій въ провинціи, близко васъ интересуеть?

— Вы знаете, какъ я люблю музыку, отвѣтилъ Безбѣдный.

— О, да! засмѣялась Олжанская; — но не бойтесь моей нескромности. Я вѣдь спрашиваю потому что вспомнила о

моей бѣдной княжнѣ Полинѣ... Non, sérieusement, значить вы въ самомъ дѣлѣ не имѣете видовъ?

— На кого?

— Ахъ, Боже мой, да на княжну! объяснила нетерпѣливо Олжанская.

— Какая это несносная привычка у женщинъ, смотрѣть на каждаго холостаго человѣка какъ на статиста брачной церемоніи, отвѣтилъ адвокатъ.—Развѣ я вамъ не говорилъ что не помышляю о женитьбѣ на комъ бы то ни было?

Олжанская отвернулась отъ него съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: даже и замужнія женщины не любятъ, когда молодые говорятъ при нихъ что никогда не вступать въ бракъ.

— Тѣмъ хуже для васъ: такіе люди всегда женятся Богъ знаетъ на комъ, сказала она.

Безбѣдный зналъ что Олжанская нисколько лично не заинтересована въ его отношеніяхъ къ Полинѣ, и можетъ-быть только по врожденному всякой женщинѣ инстинкту сватовства желала бы соединить ихъ; поэтому онъ и не стѣснялся говорить съ ней объ этомъ откровенно. Олжанская перемѣнила разговоръ; она была неистощима въ веселой, слегка ликантной болтовнѣ, изрѣдка присыланной крупными кристаллами злости. Уже подѣзжая домой, она проговорила какъ бы между прочимъ:

— Кстати, у Луховецкихъ затѣвается какой-то раутъ. Вы приглашены?

— Мнѣ говорилъ Кoko, но приглашеній кажется еще не разсылали, отвѣтилъ адвокатъ.

— Я такъ давно съ ними не встрѣчалась, что они вѣроятно забыли о моемъ существованіи, сказала все тѣмъ же небрежнымъ тономъ Олжанская.—А мнѣ бы хотѣлось быть; у нихъ всегда очень оживлено. Напомните madame Луховецкой мой адресъ.

— Непремѣнно, обѣщаль Безбѣдный.

— Мнѣ кажется, имъ слѣдовало бы также пригласить и Карича, продолжала Олжанская.—Его положеніе такъ тяжело, и притомъ незаслуженно-тяжело. Вѣдь это все интрига, не правда ли? Я читала вашу рѣчь, мнѣ кажется, вы совершенно вѣрно поняли его роль въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Его надо поддержать, ободрить, не такъ ли?

— Онъ кажется и безъ того ужъ ободрился! замѣтилъ Безбѣдный, вспомнивъ вчерашній обѣдъ.

— Мнѣ его ужасно жаль. Право, онъ въ сущности достойный человѣкъ. И въ особенности жалка его дочь. Она бѣдная, лишена матери и ведетъ такую скучную жизнь. Какая ей польза что она богата? Да и знаете, богата ли еще она? продолжала Олжанская, понизивъ голосъ:—послѣ этого процесса стали ходить слухи что дѣла Карича очень опустились, и что чуть ли онъ даже не разорился совсемъ. Вы не слышали?

— Слухи дѣйствительно есть, но только это вздоръ, отвѣтила адвокатъ.

— Однако онъ не такъ уже богатъ какъ былъ?

— Можетъ-быть не такъ, но все-таки очень богатъ!

— Ну напримѣръ? продолжала спрашивать Олжанская, и что-то безпокойное и жадное отразилось на ея лицѣ подъ оледѣвѣвшею отъ дыханія вуалеткой.

— Я полагаю что миллионъ все-таки у него есть, сказалъ подумавъ Безбѣдный.

— Однако! произнесла на это Олжанская.

Ермолай осадил рысака у подъѣзда. Олжанская пригласила Безбѣднаго пить у нея чай; но ему было некогда, и онъ отказался.

— Такъ вы устройте чтобы Карича пригласили, повторила она, пожимая ему руку своею согрѣвшеюся въ муфтьѣ рукой.

— Постараюсь. Я самъ думаю что для него самое подходящее было бы выступить въ первый разъ у Луховецкихъ, сказалъ Безбѣдный.—Но какое же собственно дѣло по которому вы хотѣли меня видѣть? вспомнилъ онъ.

— Да вотъ это самое и есть! отвѣтила, признательно ему улыбаясь, Олжанская.

ХІІ.

Безбѣдный не былъ бы вполнѣ современный и петербургскій человѣкъ, еслибы музыка и все къ ней относящееся не занимали въ его жизни очень большого мѣста. Музыку нынче всѣ любятъ. Число ея служителей необычайно, а легіоны ея поклонниковъ покрываютъ міръ. Это искусство,

очень высокое и очень вульгарное въ одно и то же время, пришлось какъ нельзя болѣе по плечу современному чело-вѣку. Оно властвуетъ имъ на всѣхъ ступеняхъ общественнаго положенія. Государственные люди и лоденщики при-оставляиваютъ свои занятія, заслышавъ любимый мотивъ. Что-то такое очень важное, необходимое для другихъ искусствъ, не требуется въ музыкѣ. Если она въ послед-нее время стремится вульгаризоваться, то причина ле-житъ вѣроятно въ упадкѣ вкуса среди самихъ артистовъ, а не среди толпы. Оффенбахъ вовсе не нуженъ, толпа бѣ-гла бы точно также слушать Бетховена. Для наслажденія музыкой нѣтъ особыхъ требованій. Ея впечатлѣнія дѣйстви-тельны даже въ такія минуты, когда человѣкъ потерянъ для всякаго другаго искусства. Послѣ сытнаго обѣда, залитаго нѣсколькими стаканами бургомскаго и элернѣ, биржевыи гро-ки, концессионеры, адвокаты, конскіе заводчики ѣдутъ въ оперу или въ концертъ и горячо спорятъ о томъ, кто изъ пѣвцовъ сбился на четверть такта. Въ этомъ состояніи, они въ большинствѣ случаевъ даже презируютъ легкую музыку. Люди у которыхъ десять разъ слились бы глаза прежде чѣмъ одолѣть коротенькое лирическое стихотвореніе, вы-сидиваютъ по пяти часовъ въ душной залѣ, гдѣ знамени-тость третьяго разбора работаетъ на клавишахъ до судорогъ въ рукахъ. Ожирѣвшій лутъ, въ мозгу котораго ни-когда не являлось ни одной неглулой и нескверной мысли, выходитъ послѣ *Гугенотовъ* очень довольный испытаннымъ наслажденіемъ; но этотъ господинъ конечно не будетъ чи-тать стиховъ Байрона и не пойметъ Шекспира.

Общество, облѣвившееся до совершенной неспособности разговаривать, каждый день все больше научается цѣнить услуги музыки. Въ каждой гостиной есть рояль и неопѣ-ненное существо готовое по первому знаку хозяйки сласти оцѣнившихъ гостей отъ необходимости что-нибудь думать, о чемъ-нибудь говорить. Даже танцовать больше не нужно.

Безбѣдный не могъ жить безъ музыки. Чѣмъ бы ни былъ занятъ его вечеръ, онъ заѣзжалъ хоть на полчаса въ кон-цертъ или въ оперу. Онъ былъ знакомъ не только со зна-менитостями, но со всеми солистами въ оркестрѣ. Въ го-ловѣ его вмѣщался необъятный музыкальный репертуаръ. Въ кабинетѣ у него были и піанино, и гармоніумъ, и скрип-ка, и виолончель, и даже cornet-à-piston. Онъ самъ могъ

немножко играть на всевозможныхъ инструментахъ. Еслибъ его сдѣлали министромъ, онъ смѣнилъ бы всѣхъ чиновниковъ не знающихъ музыки. Поэтому онъ пригласилъ къ своему завтраку не одного, а цѣлыхъ трехъ музыкантовъ.

Одинъ былъ русскій композиторъ, написавшій оперу другой италіанскій теноръ; третій скрипачъ славянскаго происхожденія. Комбинируя въ умѣ своемъ эти разнообразные таланты, Безбѣдный почти задыхался отъ мысли что предстоящее ему наслажденіе можетъ дойти до степени вакханаліи. Было не вполне достоверно чтобъ Олжанская и другія постороннія лица охотно раздѣлили эти восторги; но для любителей музыки очень трудно допустить мысль, чтобы кому-нибудь могло быть скучно, когда воздухъ наполненъ трелями и аккордами.

Безбѣдный обратилъ впрочемъ вниманіе и на гастрономическую часть. Онъ держалъ очень хорошаго повара, и ни какія издержки не казались ему чрезмѣрными, когда приходилось угощать отечественнаго композитора, италіанскаго тенора и скрипача славянскаго происхожденія. Поэтому завтракъ превзошелъ ожиданія даже мадаме Олжанской, очень любившей хорошо покушать. Къ сожалѣнію ее посадили между скрипачемъ и композиторомъ, вступившими тотчасъ въ болѣе чѣмъ оживленный споръ о новой русской музыкѣ, причемъ оба они, чтобы лучше видѣть другъ друга, перегибались черезъ ея приборъ и почти сталкивались носами тогда въ тарелкой, то за ея спинѣ. Это ей ужасно мѣшало и заставляло сожалѣть, зачѣмъ знаменитые таланты не всегда соединяются съ благовоспитанностью.

Липочкѣ сначала было очень весело. Согласившись послѣ вѣкотораго колебанія пріѣхать, она немножко робѣла при мысли встрѣтиться въ первый разъ съ незнакомыми людьми въ положеніи которое могло казаться нѣсколько двусмысленнымъ. Сама она не находила его такимъ, потому что если она осталась въ Петербургѣ въ качествѣ невѣсты Безбѣднаго, то конечно не для того чтобы не видаться съ нимъ. Но пріятливая встрѣча со стороны Олжанской очень ее ободрила, а шумный говоръ поднятый виртуозами сообщилъ ей оживленіе. Она никогда не находилась въ обществѣ артистическихъ знаменитостей, тѣмъ болѣе въ тройственномъ ихъ сочетаніи. Это было очень любопытно. Все что они говорили казалось ей весьма умнымъ и изящнымъ; даже ска-

брѣзвый анекдотъ, извлеченный италіянскимъ теноромъ изъ своихъ студенческихъ воспоминаній (онъ никогда не былъ студентомъ), хотя заставилъ ее покраснѣть, но очень ей понравился. Ее восхищало что Безбѣдный такъ коротко знакомъ съ такими людьми; разумѣется, это возможно только въ Петербургѣ. Мысленно она все время хвалила себя за то что пріѣхала въ Петербургъ. Только огромные, вылученные глаза италіянскаго тенора, постоянно обращенныя на нее, немножко ее стѣсняли. Одну минуту она даже перепугалась, когда объясняя ей что-то, онъ вдругъ положилъ ей на плечо руку, унизанную брилліантами, рубинами и бирюзой; но замѣтивъ ея замѣшательство, артистъ послѣшню заложилъ большой палецъ въ карманъ своего бархатнаго съ красными клѣтками жилета.

Амфитріонъ былъ счастливъ. Онъ очень любилъ собрать у себя иногда, за тонкою трапезой, небольшое общество. Обыкновенно такое общество составляли люди ему нужные дѣловые и капиталныя; но сегодня все было посвящено исключительно наслажденію. Присутствіе дамъ и трехъ артистическихъ знаменитостей сообщало банкету отлѣчатокъ такого изящества. Молодому адвокату казалось что даже стукъ ножей и звонъ стакановъ выражаетъ мелодію. Лилочка была прелестна, и онъ взглядывалъ на нее почти съ чувствомъ собственности.

Только одинъ человѣкъ въ этомъ такъ счастливо настроенномъ обществѣ посматривалъ на всѣхъ скорѣе съ признаками люболытства и нѣкотораго еще неразрѣшившагося удивленія, чѣмъ съ выраженіемъ удовольствія. Молодцовъ согласился выйти къ завтраку только по усиленной просьбѣ Безбѣднаго. Онъ былъ еще такъ мало искушенъ жизнію, что незнакомое общество стѣсняло его. При томъ онъ былъ подверженъ тому нестерпимому чувству, какое испытываютъ очень застѣнчивые и очень самолюбивые люди въ присутствіи знаменитостей. Сверхъ всякаго ожиданія, эти знаменитости оказались ему довольно тулыми и совсѣмъ не пріятными людьми. Въ особенности композиторъ, съ его черными зубами, рыжими веснушками и растягивающимися точно гуттаперча губами, сдѣлаалъ ему рѣшительно нестерпимъ, послѣ того какъ произнесъ нѣсколько разъ тономъ не допускающимъ возраженія:

— Искусства еще нѣтъ; но оно будетъ.

„Да какъ же онъ смѣетъ говорить такой вздоръ?“ чуть не вскрикнулъ Молоствовъ. И вообще все что онъ видѣлъ и слышалъ было для него вопросомъ, начиная съ того зачѣмъ у Безбѣднаго завтракаютъ музыкальныя знаменитости, и зачѣмъ тутъ какія-то дамы. Отчасти былъ повятевъ только екрилачь славянскаго происхожденія, который отдѣлавшись отъ композитора, принялся ѣсть съ поразительною жадностью. Безбѣдный подкладывалъ ему почти съ нѣжностью во взглядѣ.

Наконецъ завтракъ кончился. Олжанская подошла къ Липочкѣ и граціозно объяла ее за талію.

— Теперь вы намъ скажете что-нибудь, не правда ли? Мы всеждемъ васъ услышать, сказала она.

— Messieurs et mesdames, прошу всѣхъ въ кабинетъ. Музыкальное утро начинается! радостно подхватилъ хозяинъ.

Липочка никогда не явля въ незнакомомъ обществѣ, да еще въ присутствіи такихъ опытныхъ цѣнителей. Но надо было преодолѣть свою робость. Впрочемъ оживленіе, царствовавшее за завтракомъ, и вино, котораго она по неопытности выпила больше чѣмъ слѣдовало, ободрили ее. Италіанскій темеръ подалъ ей руку и подвелъ къ піанино.

— Вы вѣроятно больше все италіанское? обратился къ ней композиторъ, съ интонаціей пренебреженія на словѣ „италіанское“.

— Я хотѣла слѣть арію Зибеля, сказала нѣсколько удивленная этою интонаціей Липочка.

Композиторъ подобралъ свои гуттаперчевыя губы.

— Ну что жъ, начинающимъ нельзя безъ этого обойтись, проговорилъ онъ снисходительно.—Послѣ вашъ вкусъ очистится.

Липочка была въ недоумѣніи. Она считала арію Зибеля верхомъ совершенства; и вдругъ ей говорятъ что это годится для начинающихъ. Должно-быть она сдѣлала большую глупость что не посоветовалась съ Безбѣднымъ.

Композиторъ любезно сѣлъ за піанино, и его грязноватые пальцы забѣгали по клавишамъ. Липочка залѣла. У нея былъ дѣйствительно чудесный голосъ; густые, полные звуки лились и ширились. Всѣ прослушали до конца, не шелохнувшись.

— Bravo! bravissimo! закричалъ и захолопалъ Безбѣдный,

когда она кончила. Всѣ тоже локричали. Олжанская подошла къ ней и раздѣлавала.

— Матеріалъ превосходный, произнесъ композиторъ, вставая изъ-за піанино.— Съ такимъ голосомъ, да еслибы раціональная школа.... А то никакой реальности нѣтъ. Вотъ напимѣръ даже въ этой аріи: тутъ, понимаете ли, надо чтобы цвѣты пахли, непременно чтобы пахли! досказалъ онъ, и при этомъ потеръ сложенными щелотью пальцами и потянулъ носомъ.—У меня въ оперѣ есть хорошенькій речитативъ для контраalto. Вы не знаете?

Лилочка въ замѣшательствѣ отвѣчала что не знаетъ. Композиторъ сталъ наигрывать.

— Попробуйте. Мотивъ впрочемъ довольно трудный. Это, видите ли, въ дождь, въ слякоть, уличная женщина пристаётъ къ прохожему. Ее мучить голодъ, оркестръ выражаетъ именно это чувство голода, подъ холоднымъ дождемъ. Гдѣ-нибудь на Невскомъ, понимаете ли.... въ то самое время какъ рыщеть тутъ же сытая роскошь.

Говоря это, онъ бѣгалъ обѣими руками по клавишамъ, выжимая изъ піанино какіе то странные, все больше отдаленные звуки. Лилочка не знала что ей дѣлать.

— Вотъ въ этомъ самомъ мѣстѣ. Голодъ подводитъ ей нутренности. Слышите:

Меня выгналъ голодъ,

Меня треплетъ холодъ....

вдругъ залѣлъ онъ, сопровождая слова „голодъ“ и „холодъ“ какимъ-то протяжнымъ, скрипучимъ аккомпаниментомъ.

— Сильора, не угодно ли вамъ спѣть со мною дуэтъ изъ послѣдняго дѣйствія *Trovatore*? предложилъ по-французски итальянскій теноръ, и безъ церемоніи потрясъ за плечо композитора.

— Monsieur, puisque mademoiselle ne connaît pas votre oeuvre.... пояснилъ онъ ему, выговаривая „луискъ“ вмѣсто *puisque*.

„Проклятіе, проклятіе!“ заканчивалъ между тѣмъ композиторъ свой речитативъ, извлекая изъ піанино столько скрипу и скрежету, сколько невозможно было и предполагать въ этомъ инструмѣнтѣ.

— Monsieur, puisque mademoiselle....

Но композиторъ не желалъ вторично услышать объ ограниченности своей славы, и заигралъ изъ *Trovatore*.

Дуэтъ прѣшелъ великолепно. Липочка совсѣмъ овладѣла собой и своимъ богатымъ голосомъ. Безбѣдный подошелъ къ Олжанской и кивалъ головой на стройную фигуру дѣвушки, улыбаясь и какъ-то радостно подергивая плечами. Онъ кажется находилъ Липочку еще красивѣе послѣ того какъ убѣдился что она на всѣхъ производитъ впечатлѣнiе.

— Она у васъ прелесть, сказала Олжанская, тоже люблюсь ею.—*Ecoutez....* продолжала она, понизивъ голосъ,—*c'est une liaison sérieuse?*

Безбѣдный въ замѣшательствѣ только передернулъ плечами. Онъ еще не приготовился какъ отвѣчать на подобные вопросы.

— Вы опасный человѣкъ, сказала съ улыбкой Олжанская.— Но талія и рука у нея удивительныя.

Молоствовъ съ другого конца комнаты случайно видѣлъ какъ оба они указывали на Липочку, улыбались и перешептывались. Это было ужасно ему противно. Онъ зналъ отца Липочки и видѣлъ ее мелькомъ въ Т*. Онъ не могъ понять зачѣмъ она прѣѣхала въ Петербургъ и что она дѣлаетъ у Безбѣднаго. Олжанская, съ ея эффектною наружностью, высокимъ бѣлокурымъ шиньономъ и гибкими движенiями, была ему подозрительна. Что-то враждебное онъ чувствовалъ сегодня и къ самому Безбѣдному, и въ особенности къ выраженiю чисто-физическаго и какъ бы наглаго удовольствiя, лежавшему на всей его вѣншности.

— А когда вы исполните ваше благое намѣренiе? рѣшилась напомнить Безбѣдному Олжанская.

Адвокатъ не могъ сразу вспомнить, какое у него было благое намѣренiе.

— А десять процентовъ въ пользу женщинъ ищущихъ образованiя?

— Ахъ да, мерсі что напомнили, спохватился онъ.—Я сію минуту.

Онъ подошелъ къ бюро, написалъ чекъ и передалъ его Олжанской.

— Стало-быть вы получили пять тысячъ? сосчитала она, прочитывая съ явнымъ удовольствiемъ выставленную на чекъ сумму.—Мерсі, добрыйшій Евгенийъ Савичъ. Еслибы всѣ богатые люди были такъ щедры какъ вы! Тенерь я вдвой-

въ рада исходу этого несчастнаго процесса. Кетати: видѣли вы Луховецкихъ?

— Вчера онъ прѣзжалъ звать меня на свой раутъ. Вы разумѣется получите приглашеніе.

— А Каричъ?

— Каричъ.... тутъ были нѣкоторыя затрудненія, но такъ какъ вы этого непремѣнно желаете, то я устроилъ.

— Мерсі, поблагодарила съ очаровательною улыбкой Олжанская.

XIII.

Дуетъ давно кончилась, но композиторъ продолжалъ играть. Поэту или художнику можетъ придти въ голову что кого-нибудь утомило продолжительное наслажденіе искусствомъ; у музыкантовъ такія сомнѣнія являются очень рѣдко. Поэтому композиторъ не располагалъ покидать піанино, а скрипачъ присоединился къ нему со скрипкой. Потомъ теноръ сыгралъ что-то на *cornet-à-piston*, а Безбѣдный предложилъ разыграть квартетъ и взялъ самъ віолончель. Потомъ сыграли еще одинъ квартетъ. Потомъ теноръ пропѣлъ изъ *Пророка*; просили также Лилочку, но она была такъ оглушена предшествовавшимъ гамомъ что отказалась. Тогда Безбѣдный самъ пристѣлъ къ піанино и пропѣлъ со теноромъ дуэтъ. Авениръ, явившійся собрать чашки, со стыдливою улыбкой пріостановился въ дверяхъ: онъ всегда совѣстился, когда баринъ пѣлъ. Олжанская хотя очень любила музыку, но ей стало наконецъ скучно, а отъ продолжительнаго шума даже страдала голова. Она подошла къ Лилочкѣ и увела ее на другой конецъ комнаты.

— Вамъ необходимо серіозно заняться вашимъ голосомъ, и вы мнѣ позвольте помочь вамъ устроить это. Вѣдь вы останетесь въ Петербургѣ? сказала она ей.

Лилочка дѣйствительно, еще раньше испытанія предъ тремя знаменитостями, рѣшила что она останется въ Петербургѣ, и еще вчера написала объ этомъ отцу. Но хотя она считала себя совершенно въ правѣ поступить такимъ образомъ, осадокъ какого-то неудобнаго чувства лежалъ на ея

совѣсти, и ей непріятно было говорить объ этомъ съ посторонними.

— У меня еще не рѣшено на этотъ счетъ, отвѣтила она.— Покажѣте мнѣ необходимо остаться здѣсь по нѣкоторымъ моимъ дѣламъ, но не знаю удастся ли поступить въ консерваторію.

— Это было бы ужасно жаль, еслибы не удалось! продолжала Олжанская.— Я съ своей стороны всѣми мѣрами содѣйствовала бы вамъ. Здѣсь есть благотворительное общество, которое непременно приметъ въ васъ участіе и будетъ вносить за васъ плату въ консерваторію.

— Вы очень добры, поблагодарила Липочка.

— И я васъ разъ навсегда прошу, если вамъ что-нибудь будетъ нужно, адресуйтея прямо ко мнѣ, добавила Олжанская.— Я посвящаю все свое время дѣлу независимости и самостоятельности женщинъ; и я убѣждена что самое сильное орудіе въ этомъ дѣлѣ—образованіе, артистическое или научное, все равно.

— Конечно, сказала Липочка, взглянувъ уже съ нѣкоторымъ довѣріемъ на Олжанскую. Она сама очень сочувствовала женскому вопросу, и именно въ такомъ смыслѣ.

— Подумайте, въ какихъ вы находитесь счастливыхъ условіяхъ сравнительно съ другими женщинами, продолжала Олжанская.— Музыкальная карьера въ настоящее время одна изъ самыхъ блестящихъ. Съ вашимъ голосомъ и наружностью вы можете получать современемъ болѣе самыхъ талантливыхъ мужчинъ.

— Объ этомъ я вовсе не думаю, сказала Липочка, и не совсѣмъ искренно: она очень часто думала о томъ, какъ бы хорошо было сдѣлаться знаменитою пѣвицей и получать блестящіе ангажементы.

— А я напротивъ увѣрена что вамъ предстоитъ необыкновенная будущность, возразила Олжанская съ большимъ чувствомъ.

На другомъ концѣ комнаты *cornet-à-piston*, перешедшій снова къ Безбѣдному, издавалъ звуки заглушавшіе ихъ голоса. Потомъ всѣ четверо заплѣли какой-то хоръ, причемъ у скрипача славянскаго происхожденія, къ общему изумленію, оказался необыкновенно странный, пронзительный теорокъ.

Молоствовъ тихонько ходилъ по ковру вдоль комнаты.

Смуглое лицо его хмурилось, и все то же выраженіе неразрѣшившагося недоумѣнія вспыхивало на немъ минутами. Онъ былъ очень доволенъ что на него не обращали вниманія. Онъ ушелъ бы, но кое-что изъ разговора между Олжанской и Лилочкой долетало до него и возбуждало въ немъ странное любопытство. Люди ничего не знающіе въ практической жизни иногда необыкновенно чутко ловимать что-то тайно происходящее въ другихъ людяхъ. И онъ тоже понималъ что пока всѣ они завтракали, пѣли, разговаривали, что-то въ тайнѣ совершалось.

Онъ немножко злоупотреблялъ привычкой думать и мечтать. Ему приходили иногда на умъ идеи очень широкія, общія, мучительныя именно потому что онѣ были очень широки и общи, а между тѣмъ тысячи повсемѣстныхъ, ежедневныхъ фактовъ никакъ не укладывались въ нихъ. Онъ видѣлъ что есть двѣ жизни и двѣ правды; но время когда онъ вѣрилъ въ одну изъ нихъ для него мимовало. Пронизировавъ надъ самимъ собой, онъ говорилъ что если его правда есть единственная и настоящая, то онъ правъ также и въ томъ, что пріѣхалъ съ пассажирскимъ лоѣздомъ вмѣсто курьерскаго, и что потерялъ чемоданъ. Отъ этой пролѣи онъ переходилъ къ страстному желанію овладѣть тою другою правдой, къ которой прикасался до сихъ поръ издали, съ чувствомъ нѣкоторой нравственной безгласности, и иногда даже съ чувствомъ боли.

Тамъ, за предѣлами своего созерцательнаго прозябанія, онъ видѣлъ необъятную борьбу. Идеи сталкивались, перекрашивались или ливались; люди схватывали другъ друга за горло, грызлись, торжествовали и умирали. И вездѣ были жертвы—явные, тайныя, неискулимыя, неотмщенныя. Жертва—элементъ міровой жизни, кислородъ поглощаемый горѣніемъ, пока продолжается горѣніе.

Онъ привыкъ всюду чувствовать присутствіе жертвы. Онъ чувствовалъ его и теперь, въ этомъ роскошномъ кабинетѣ, въ тепломъ воздухѣ, потрясаемомъ торжествующими звуками голосовъ и инструментовъ.

— Такъ вы не вернетесь больше въ Т*? вдругъ обратился онъ къ Лилочкѣ, съ нерѣшительнымъ видомъ подхода къ ней.

Она повторила что должна нѣкоторое время остаться въ Петербургѣ. И она, и Олжанская невольно переглянулись,

удивленныя тѣмъ что этотъ молчаливый молодой человекъ вдругъ вздумалъ подойти къ нимъ.

— Но вѣдь вашъ батюшка попрежнему въ Т*? предложилъ другой вопросъ Молостовъ.

— Да, онъ въ Т*, отвѣтила Липочка.

Ей было непріятно всякое напоминаніе о Т*, объ отцѣ, обо всемъ что относилось до ея прежней жизни. Сегодня ей хотѣлось быть совершенно довольною своимъ рѣшеніемъ. Самое присутствіе Молостова было ей непріятно тѣмъ что напоминало прежде.

— Такъ что вы предполагаете устроиться здѣсь вполнѣ самостоятельно? продолжалъ Молостовъ.

Онъ замѣчалъ что его вопросы непріятны Липочкѣ, и угадывалъ почему. Это его раздражало.

— Да, я предполагаю учиться въ консерваторіи, отвѣтила она съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

— Вы какъ будто не одобряете чтобы дѣвушка могла жить самостоятельно и заниматься своимъ образованіемъ? отнеслась къ нему со снисходительною улыбкой Олжанская.

— Я только думаю что это очень трудно, сказалъ Молостовъ.

— Да, теперь трудно, потому что этою дорогой идутъ только исключительныя натуры, возразила Олжанская.

— Но я убѣждена что со временемъ каждая дѣвушка предпочтетъ быть самостоятельною.—Тогда вѣроятно будетъ легче, сказалъ съ едва замѣтною ироніей Молостовъ.

Олжанская можетъ-быть заспорила бы съ нимъ — она очень любила спорить объ этомъ — но ей пора было уѣзжать. Она встала и объяла Липочку.

— Я очень, очень рада буду видѣть васъ у себя, и разумѣется безъ визитовъ, заходите когда вамъ вздумается, пригласила она.—Я живу очень близко отсюда....

И она назвала свой адресъ.

Липочка крѣпко, по-мужски пожала ей руку. Она была ей очень, очень обязана и признательна.

Артисты тоже собрались уходить. Съ усталыми, раскраснѣвшими, потными лицами они срывали съ инструментовъ послѣдніе звуки, раскачиваясь, вибрируя голосомъ и поводя счастливыми глазами. Когда инструменты были уже уложены, они все еще пролѣзли что-то, и проходя мимо лѣниво потрогали клавиши.

Липочка собралась вслѣдъ за ними, но Безбѣдный удержалъ ее.

— Нѣтъ, останьтесь; куда вамъ? Я все утро не говорилъ съ вами, сказалъ онъ, съ ощущеніемъ блаженства потягиваясь усталыми членами.

Въ самомъ дѣлѣ, Липочкѣ некуда было идти. Дома у нея не было никакихъ занятій. Притомъ ей тоже хотѣлось говорить. Она сѣла на широкій диванъ, на который надо было забираться съ ногами. Молоствовъ, издали являвшійся ей, ушелъ къ себѣ.

— Вы позволите? сказалъ Безбѣдный, сядя съ подлѣ нея и тоже протягивая ноги.

Послѣ музыкальной вакханаліи, въ опустѣвшемъ кабинетѣ казалось особенно тихо. Распорядительный Авериръ только - что предъ тѣмъ погасилъ лишнія лампы, и мягкій свѣтъ лился только изъ одного огромнаго шара, висѣвшаго какъ театральная луна подъ темнымъ потолокомъ. Съ улицы сквозь запущенныя драпировки не доносилось ни одного звука. Липочка лѣживо поправила платье; рука ея осталась на складкахъ, а прищуренный взглядъ медленно блуждалъ по слабо освѣщенной комнатѣ.

— Какъ вы умѣли хорошо здѣсь устроиться, сказала она замѣтно усталымъ голосомъ.

— Иначе нельзя, я здѣсь принимаю посѣтителей, по моему кабинету судятъ о положеніи моей практики, объяснилъ Безбѣдный.

— У васъ въ Петербургѣ все на виѣшности основано, проговорила Липочка.—Но за то во всемъ много вкусу, и роскошь не отталкиваетъ. Потому-то и опасно, можно привыкнуть. Вамъ теперь трудно было бы отказаться.

— Провинціальная мораль, замѣтилъ Безбѣдный.—Вѣдь ходить же нарочно гулять на чистомъ воздухѣ, и не бояться что привыкнуть къ нему. Я люблю роскошь. Если она рождаетъ преступленія, то вмѣстѣ съ тѣмъ двигаетъ на полезный трудъ, облагораживаетъ жизнь.

— Это правда, что роскошь привлекаетъ. Не хотѣлось бы уходить отсюда.

Безбѣдный осторожно просунулъ руку между ея таліей и подушкой.

— Не уходите, сказалъ онъ.

Липочка наклонила голову въ его сторону, чтобы взглянуть на него. Она не поняла что онъ хотѣлъ сказать. Но выраженіе лица его было такъ странно, что она невольно отвернулася. Она хотѣла отодвинуться, но рука, сжимавшая ея талію, не пускала ее.

— Не уходите, повторялъ онъ.

XIV.

Онъ находился подъ вліаніемъ до крайности возбужденнаго чувства. Выпитое вино, удовольствіе амфитріона, угощающаго завтракомъ дамъ и знаменитыхъ артистовъ, пріятная праздность цѣлаго дня и особаго рода моціонъ, доставленный музыкальными упражненіями, волновали ему кровь. Онъ ни разу еще не сознавалъ себя такимъ процвѣтающимъ, успѣвающимъ и счастливымъ, какъ сегодня. Его положеніе безъ сомнѣнія было блестящее. Послѣ дѣла Карича, первостепенное значеніе его въ средѣ адвокатовъ было обезпечено. Онъ уже имѣлъ въ виду нѣсколько новыхъ очень крупныхъ дѣлъ. При такихъ условіяхъ можно позволить себѣ самую дорогую роскошь, и сохранить свою личную свободу. Онъ уже два года любилъ Липочку. Она должна понять что на него можно положиться. Такіе люди какъ онъ не попадаютъ на каждомъ шагѣ. Онъ можетъ ее обезпечить, устроить ея музыкальную карьеру, окружить ее роскошью. Странно требовать чтобъ онъ непремѣнно женился. Замужъ за него пойдетъ и княжна Полина, съ которою половина петербургской знати въ родствѣ, и Аннетъ Каричъ, за которою полмилліона приданаго. Наконецъ, когда-нибудь потомъ онъ можетъ-быть даже и женится на Липочкѣ. Такіе примѣры бывали. Отъ нея самой будетъ зависѣть сдѣлать себя необходимою ему. Во всякомъ случаѣ, при ея взглядахъ на нѣкоторыя вещи, она не должна быть слишкомъ чувствительна къ общественнымъ предразсудкамъ. Еслибъ онъ хотѣлъ, онъ могъ бы воспользоваться ея неопытнымъ чувствомъ еще два года назадъ. Онъ поступалъ до сихъ поръ гораздо великодушнѣе чѣмъ всякій другой на его мѣстѣ; пора быть такимъ же какъ всѣ люди.

— Не уходите, сказалъ онъ еще разъ, касаясь горячими губами ея шеи.

Что-то грубо-страстное, смущавшее Лилочку, звучало въ его голосѣ. Но ей было такъ хорошо въ ея спокойной позѣ, чувство неподвижности такъ соблазнительно оковывало все тѣло что ей не хотѣлось пошевеливаться. Она лѣниво отдала ему свою руку. Онъ не взялъ ея, и продолжалъ съ возраставшею страстью цѣловать ея шею и край щеки. Она подумала что тоже имѣетъ право поцѣловать его. Она хотѣла что-то сказать ему, но онъ не отрывалъ своихъ губъ, и она не могла произнести ни слова. Какое-то облако заволокло ей глаза и кружило голову. Ей стало невыразимо страшно. Она сдѣлало сверхъестественное усиліе, и вырвавшись, отошла на другой конецъ комнаты.

Онъ поднялся за нею, тяжело дыша. Блистающіе глаза его имѣли почти злое выраженіе. Испугъ, оледенившій лицо Лилочки, раздражалъ его. Онъ считалъ себя почти оскорбленнымъ.

— Вы меня не поняли, сказалъ онъ. — Я васъ люблю. Я не забавы ищу. Я вамъ предлагаю чувство которое можетъ длиться всю жизнь. Вы будете окружены роскошью, обезпечены отъ всѣхъ случайностей. Вамъ будутъ завидовать.

Лилочка слушала его съ изумленіемъ. Ея глаза, расширенные, потемнѣвшіе, но узнавали его. Неподвижныя губы выражали страданіе. Ее поддерживала мысль что она все еще не понимаетъ его.

— Евгеній Савичъ, что такое? сказала она съ невыразимою болью въ голосѣ.

Онъ догадался что она не хочетъ повѣрить въ дѣйствительный смыслъ его словъ. Онъ могъ ее обманывать. Но онъ былъ слишкомъ возбужденъ чтобы продолжать прежнюю игру неопредѣленныхъ отклоненій. Онъ глядѣлъ ей прямо въ лицо ольгненными глазами.

— Послушайте, будьте какъ всѣ, продолжалъ онъ, играя ея похолодѣвшею рукой. — Надо принимать вещи по существу, а не по имени. Намъ съ вами предразсудки не при- стали. То что я предлагаю имѣетъ цѣну. Я васъ люблю, люблю больше чѣмъ самъ догадывался. Такому чувству можно довѣряться. Вы будете располагать полною властью мною самимъ и всѣмъ что я имѣю и буду имѣть. Вы будете счастливы.

Онъ остановился, удивленный страннымъ спокойствіемъ разлившимся по ея лицу. То было спокойствіе изнеможенія,

которымъ разрѣшилось страданіе этихъ минутъ. Она тихо отняла у него свою руку.

— Теперь я поняла васъ, Евгеній Савичъ. Я совершенно поняла, проговорила она.

Она стояла прислонившись къ столу. Ей надо было побѣдить физическую слабость, разбившую всѣ члены. Мысли стыли, въ головѣ чувствовалась непонятная тяжесть. Она усиливалась припомнить, что такое надо сдѣлать чтобы уйти, и не могла сообразить. Гдѣ-то у нея была шляпка, но она не помнила куда ее положила. Она сдѣлала машинально нѣсколько шаговъ по ковру и остановилась.

— Зачѣмъ вы не сказали прямо что не хотите на меня жениться? выговорила она. — Я бы васъ простила. Но зачѣмъ было такъ гадко оскорблять?

Безбѣдный былъ смущенъ. Онъ не ожидалъ что его слова причиняютъ столько страданія. Онъ хотѣлъ взять ее за руку и не смѣлъ.

— Пойдите, выслушайте меня: я не все сказалъ; у меня въ мысляхъ не было окорбить васъ... пытался онъ удержать ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы все сказали, все! вы сказали гораздо больше, чѣмъ заключали ваши слова! проговорила Липочка и пошла, все ускоряя шаги. Въ столовой ей попалась на глаза ея шляпка, лежащая на зеркальномъ столикѣ; она машинально надѣла ее и вышла въ прихожую. Она чувствовала за собой шаги и это было единственное сознательное ощущеніе владѣвшее ею; поэтому она такъ торопилась.

Безбѣдный дѣйствительно шелъ за нею, опустивъ руки и какъ-то растерянно переступая ногами. Онъ уже не имѣлъ надежды удержать ее. Но чтобы между ними все было кончено, эта мысль не представлялась ему правдоподобною. Липочка была нужна ему, а онъ даже въ эти минуты униженія и смущенія принадлежалъ къ тѣмъ людямъ которые не вѣрятъ чтобы у нихъ могло быть отнято то что имъ нужно.

Такъ какъ въ прихожей никого не было, то Липочка сама сняла съ шляпки свою шубку. Безбѣдный успѣлъ подойти чтобы помочь ей надѣть ее. Она приняла его услугу молча, словно покоряясь необходимости.

— Значитъ мы рѣшительно поссорились? сказалъ онъ, пытаясь улыбнуться.

Она не отвѣтила даже взглядомъ, выбѣжала на лѣстницу и бросилась прямо въ попавшіяся у подъѣзда извожичьи санки.

Когда она поднялась наконецъ на четвертый этажъ отеля и затворила за собою дверь своего маленькаго номера—тогда самообладаніе разомъ оставило ее. Она бросилась на постель, лицомъ въ подушку и зарыдала. Все тѣло ея вздрагивало и холодило, а въ головѣ былъ жаръ. Слезы капали и высыхали.

Такъ прошло можетъ-быть больше часу. Она привсталла на постели и съ чувствомъ отвращенія оглянулась кругомъ. Комнатка, освѣщенная одною свѣчей, имѣла невыразимо-тошкливый видъ. Маленькое, закопѣлое окно, на которомъ она забыла опустить штору, чернѣло у ея изголовья и сквозь него кажется врывались мгла и холодъ петербургскаго зимняго вечера. Зубы ея слабо стукнули. Она провела рукой по лицу, удивляясь что въ этой рукѣ нѣтъ никакой силы. „Если я вдругъ заболѣю здѣсь?“ подумала она съ содроганіемъ. Ей представилась она сама, лежащая пластомъ въ этомъ неуютномъ номерѣ, съ воспаленнымъ лицомъ и помутившимися глазами. Потомъ ее отвозятъ въ больницу и она лежитъ на неопрятной постели, среди чужихъ, равнодушныхъ или искаженныхъ страданіями лицъ. Грубые руки сидѣлки приподнимаютъ ее чтобы насильно дать лѣкарство. Потомъ смерть... Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и пошатываясь встала на ноги. Она почувствовала какъ въ каждомъ нервѣ, въ каждой каплѣ крови разгоралось сопротивленіе этой мысли о смерти. Нѣтъ, нѣтъ, только не смерть!

Изъ окна была видна противоположная сторона улицы. Зеркальныя стекла магазиновъ гербли такъ ярко что фонари тонули въ волнахъ свѣта. Толпа непрерывно двигалась по широкому тротуару. Шумъ каретъ, говоръ и крики, звуки жизни глухо доносились сквозь двойное окно. Дилочка со страннымъ любопытствомъ прислушивалась къ этому невнятному гулу. Тайныя струны опять отозвались въ ней самой на этотъ окликъ куда-то несущейся жизни. Какъ счастлива казалась ей эта многоголовая толпа, подхваченная какою-то невѣдомою волной! А она была одна, одна...

Весь ужасъ положенія разомъ представился ей. У нея было невозможно денегъ; она могла съ ними доѣхать до Т*.

Но это рѣшеніе, самое простое и естественное, было самое ужасное, и она согласилась бы на него только въ послѣдней крайности. Вернуться домой, послѣ того какъ она написала отцу что остается въ Петербургѣ и что здѣсь будетъ ея свадьба—вернуться съ тѣмъ чтобы похоронить себя навсегда въ темнотѣ провинціального существованія, вдвоемъ со старикомъ-отцомъ, съ которымъ она подчасъ не знала о чемъ говорить—объ этомъ она не могла подумать безъ брезгливаго ужаса. Но остаться здѣсь, безъ родной души, безъ опоры, безъ средствъ? Мысль была почти безумная, но чѣмъ чаще она возвращалась къ ней, тѣмъ мѣнѣе эта мысль ее устрашала. Въ этомъ ужасномъ существованіи было что-то непонятно-привлекательное. Тайные инстинкты звали ее къ борьбѣ. Терпѣть нужду, работать надъ собой, пробить своими слабыми дѣвичьими руками дорогу въ жизнь—это была дѣтская мечта, но она вся отзывалась на нее. Развѣ всѣ великія женщины, всѣ большіе жемчужные таланты, всѣ независимые характеры, о которыхъ еще дѣвочкой она читала съ соблазнительнымъ трелетомъ—не пробились изъ нужды, изъ борьбы, изъ опасныхъ искушеній? Развѣ Жоржъ Сандъ не была одинока и несчастна? развѣ Патти выросла въ буржуазной семьѣ? У нея есть даръ, цѣнность котораго на современномъ рынкѣ искусствъ и отличій можетъ быть поднята такъ высоко, какъ и не грезилось бѣднымъ Рафаелямъ, Шекспирамъ, Шиллерамъ, всѣмъ этимъ мученикамъ великаго духа, слишкомъ великаго для того чтобы толпа могла слѣдить за его полетомъ. У нея есть молодость, красота, энергія, и страстное желаніе жить тою самою жизнью которая волновалась въ непрерывномъ кипѣніи тамъ внизу, подъ окнами ея отеля. Олжанская обѣщала ей свою помощь. За нее заплатятъ въ консерваторію, а чтобы прожить—неужели она не въ состояніи заработать бездѣлицу которая необходима ей чтобы перебиться годъ-другой? Она слышала что въ Петербургѣ есть сотни дѣвушекъ наполняющихъ всевозможныя аудиторіи и не имѣющихъ никакихъ постоянныхъ средствъ. Наконецъ есть общественная благотворительность, на которую она смотрѣла какъ на являющуюся даже прямо обязательное въ отношеніи къ стремящейся въ городскіе центры молодежи.

А пока встревоженный умъ перебиралъ эти планы, и будущее рисовалось то полное отреченія, труда и разочаро-

ванія, то озаренное обманчивымъ и яркимъ блескомъ—тайная ранка неутомовно и больно щемила въ груди. Напрасно, съ чувствомъ оскорбленія и обиды, Липочка отгоняла отъ себя мысль о томъ кто былъ виной всѣхъ ея затрудненій: онъ стоялъ предъ нею со своими слегка выючими-ся золотыми кудрями и страстнымъ взглядомъ улыбающихся и наглыхъ глазъ. И вопреки возмущенному чувству обиды она признавалась сама себѣ что въ этомъ выраженіи было что-то бросающее блескъ и тайно ее привлекавшее. Оно было оскорбительно, это выраженіе, но онъ одинъ могъ имѣть его... потому что онъ все-таки былъ круляфе, сильнѣе и изящнѣе всѣхъ кого она знала.

Она сѣла на неудобный коротенькій диванъ, какими меблируютъ номера въ четвертыхъ этажахъ, поставила оба локтя на столъ, и прижавшись холодными ладонями къ горячимъ вискамъ, глядѣла предъ собою неподвижными и усталыми глазами. Ранка въ груди все болѣла и болѣла, словно чья-то сухая, жесткая, тяжелая рука давила сердце. Есибы было куда пойти, чѣмъ-нибудь развлечься, ей стало бы легче. Но у нея не было даже самаго необходимаго для нея—рояля. Завтра она пойдетъ къ Олжанской и вообще постарается сблизиться съ ней. Но до завтра—цѣлая вѣчность. Злобно нахмуривъ брови, она ударила рукой по столу, встала и пробовала ходить взадъ и впередъ. Но комната была такая маленькая что она въ ней показалась сама себѣ зѣремъ залептымъ въ клѣткѣ. Она опять подошла къ окну и прижалась къ стеклу горячимъ лбомъ. Тамъ, на улицѣ, было все также свѣтло, суетливо и шумно. „И никому, никому до меня нѣтъ дѣла!“ съ ожесточеніемъ выговорила она вслухъ.

Минуты проходили, а она все стояла у окна и глядѣла внизъ. Злая складка осталась у нея между бровями. Жизнь волновавшаяся въ непрерывномъ кипѣніи подъ ея окномъ уже не казалась ей такою веселою, радостною и счастливою. Въ глухомъ, невнятномъ гулѣ, доносившемся снизу, она слышала крики нищеты и порока, наглую радость и скрежетъ зубовый. Но еще сильнѣе чѣмъ когда-нибудь она хотѣла принадлежать этой жизни, съ ея горемъ и радостями, со злобой и счастьемъ, съ торжествомъ и скрежетомъ зубовымъ.

В. АВСТЕНКО.

ТУРЦІЯ И ТУРЕЦКІЕ ДѢЯТЕЛИ

Stambul und das moderne Türkenthum. Politische sociale und biographische Bilder, von einem Osmanen.—Leipzig, 1877—1878. 2 B. 269 und 323 Ss.

Величайшій стратегъ второй половины XIX столѣтія, фельдмаршалъ графъ Мольтке, въ началѣ своей карьеры, бывши еще простымъ капитаномъ, провелъ нѣсколько лѣтъ (1836—1839) въ Турціи, куда командировало его, вмѣстѣ съ другими офицерами своей службы, Прусское правительство по просьбѣ тогдашняго султана Махмуда, нуждавшагося въ европейскихъ исполнителяхъ задуманныхъ имъ преобразованій. Цѣлью поѣздки молодого капитана было способствованіе реорганизациі турецкой арміи, но разумѣется такой человѣкъ какъ Мольтке не могъ заниматься своею спеціальною задачей не осматриваясь кругомъ: и онъ внимательно изучалъ Оттоманскую имперію,—не съ военной лишь, а также и съ политической точки. Для литературы, результатомъ его наблюденій были извѣстныя *Письма о Востокѣ*, адресованныя въ частныя руки, въ послѣдствіи, въ 1841 году, вышедшія въ свѣтъ, имѣвшія съ тѣхъ поръ нѣсколько изданій и заключающія въ себѣ множество интересныхъ отзывовъ о турецкихъ обстоятельствахъ, или по ихъ поводу.

Съ первыхъ же шаговъ на почвѣ Ислама, Мольтке со свойственною ему лаковическою жѣткостью опредѣлялъ ненормальность отношеній европейской дипломатіи къ Турціи. „Въ теченіе долгаго времени, прокически замѣчаетъ онъ,* всѣ усилія западныхъ армій клонились къ тому чтобы положить предѣлъ мусульманскому владычеству: теперь же европейская политика точно возложила на себя миссію увѣковѣчить его существованіе!“

Крымская война доказала что „европейская политика“ и въ самомъ дѣлѣ „возлагала“ на себя такую миссію. Въ настоящую минуту, произведенныя событіями послѣднихъ лѣтъ перемѣны въ элементахъ европейскаго „концерта“ не позволяютъ ей *сообща* принять Оттоманскую имперію подъ свое покровительство, и только одна держава вновь явно „возлагаетъ на себя“ болѣе или менѣе платоническія заботы объ охраненіи и сохраненіи мусульманскаго владычества надъ христіанами.

Что же! Доводимыя до неприличія старанія англійскихъ туркофиловъ убѣдить міръ въ нравственной и политической возможности и впредь терпѣть въ Европѣ турецкое государственное *statu-quo* получаютъ опроверженіе съ той стороны съ которой всего менѣе можно было ожидать обличенія коренной несостоятельности ихъ стремленій: со стороны одного изъ представителей самихъ же турецкихъ патріотовъ... На дняхъ появились въ Лейпцигѣ два тома, заглавіе которыхъ выписано въ началѣ этой статьи: *Стамбулъ и современная Турція, политическіе, общественные и біографическіе очерки, набросанные однимъ Оттоманомъ*. Кто такой именно этотъ „Оттоманъ“—неизвѣстно: авторъ сохраняетъ анонимъ, что всакій познакомившійся съ содержаніемъ книги признаетъ естественнымъ по отношенію къ Турецкому правительству. Что авторъ дѣйствительно Турокъ, а не надѣвший маску нѣмецкій писатель, это видно изъ обилія и обстоятельности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, недоступныхъ въ такой полнотѣ и интимности Европейцу. По свѣдѣтельству издателей (одной изъ значительнѣйшихъ германскихъ фирмъ, Дуакера и Гумблота), онъ не просто частный знатокъ своего отечества, а лицо близко стоявшее до сихъ поръ къ оттоманскимъ правительственнымъ сферамъ. Изъ самаго

* Письмо отъ 7го апрѣля 1836.

изложенія явствуетъ (I. 14, II. 259) что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ онъ занималъ различные посты въ турецкой администраціи, посты вѣроятно не маловажные, потому что въ 1874 году напримѣръ ему было поручено составить докладную записку о задуманномъ тогда Портой пересмотрѣ всѣхъ торговыхъ договоровъ. Слѣдовательно, это человекъ коротко и на практикѣ извѣдавшій мѣстные порядки которыхъ онъ касается. Вся его книга доказываетъ къ тому же что это умный, основательно по-европейски образованный человекъ.

Тѣмъ не менѣе европейскаго вліянія онъ не жалуется. Это пріятель, или по крайней-мѣрѣ приверженецъ и послѣдователь Мидхада (какъ должно заключить изъ его восторженныхъ отзывовъ о сочинителѣ оттоманской конституціи), самъ патріотъ на Мидхадовъ ладъ, буквально приглашающій Европу (II. 320) „оставить въ покоѣ Востокъ, который самъ сумѣетъ устроиться сообразно своимъ потребностямъ“. Онъ даже на завзятаго англійскаго туркофила Уркгарта (Urquhart), автора *The spirit of the East*, превозносящаго въ этомъ лагеририкѣ всевозможныя турецкія добродѣтели—пеняетъ (I. 182) за то что тотъ навязывается Турціи со своими совѣтами...

Слѣдовательно, это вѣрующій въ свое отечество гражданинъ. Что касается до Россіи и вообще до Славянъ, то онъ врагъ первой, вторыхъ называетъ (II. 81) „самонадѣянными полуварварскими народами“...

Ясно значеніе того что рассказываетъ о своей странѣ лицо, съ одной стороны вполнѣ компетентное, съ другой—такое которое ужъ никакъ нельзя залодозрить въ лотворствѣ русскому взгляду. Послушаемъ же что оно говоритъ. Отнесемъ къ дѣлу безстрастно. Забудемъ все что мы сами знаемъ объ Оттоманской имперіи; предположимъ что мы о ней ничего не знаемъ, не имѣемъ о ней ни малѣйшаго понятія; освѣдомимся о ней у одного изъ ея собственныхъ сыновъ и посмотримъ какое представленіе вынесемъ мы изъ его показаній. Забудемъ чѣмъ мы считаемъ Турцію: посмотримъ чѣмъ она оказывается въ картинѣ нарисованной сочувственною ей кистью. Каковы требованія отъ каждаго государства—это всякому извѣстно. Въ какой же мѣрѣ, по свидѣтельству не подлежащему отводу, удовлетво-

раетъ этимъ требованіямъ турецкій государственный строй? Каковы въ Турціи, по этому свидѣтельству, управленіе вообще и провинціальное въ особенности, правосудіе, условія промысловъ, торговли, благосостоянія, развитія?

Нашъ авторъ не даетъ отвѣтовъ на эти вопросы въ систематической формѣ; онъ очевидно писалъ „ad narrandum et non ad probandum“, писалъ безо всякаго плана, даже смилкомъ перескакивая съ одного предмета на другой: тѣмъ интереснѣе и „доказательнѣе“ сводъ разбросанныхъ по его книгѣ фактовъ, справокъ и признаній.

Управленіе Оттоманской имперіи (I. 134—137, 205; II. 188—189) сосредоточивается въ рукахъ особаго класса такъ-называемыхъ „стамбульскихъ эфенди“, которые отъ отца къ сыну занимаютъ всевозможныя должности по лицу всего государства. Отецъ—савовникъ или чиновникъ, сыновья его уже по этому самому пристраиваются на службу, на какой угодно постъ, смотря по вліянію родителя, — безо всякихъ условій общаго и спеціальнаго образованія, предварительной практической подготовки и т. л. Естественный результатъ этой монополіи тотъ что пріобрѣтеніе какихъ бы то ни было знаній считается совершенно лишнимъ: красиваго почерка достаточно для полученія всякаго, хотя бы то весьма важнаго мѣста. Такъ ведется изъ рода въ родъ. Появно какъ высокъ долженъ быть умственный уровень турецкихъ высшихъ чиновниковъ. Бюрократія второстепенныхъ и низшихъ слоевъ формируется еще менѣе удовлетворительнымъ способомъ. Всякое турецкое видное лицо окружено, сообразно своимъ гаремнымъ привычкамъ, несмѣтною толпою челядинцевъ, жоваровъ, кучеровъ, конюховъ, гайдуковъ, садовниковъ, „закупателей припасовъ“, „подавателей трубки“, „наливателей кофе“, „привосителей обѣденнаго табурета“, „стоятелей у двери“, и т. д., и т. д. Весь этотъ людъ большею частью не имѣетъ жалованья, лишь кормится въ домѣ, и живетъ подачками съ пресвителей и гостей. Изъ него-то высокопоставленный хозяинъ, въ награду за усердіе, и снабжаетъ провинцію второстепеннымъ начальствомъ всякаго рода, которое при счастіи въ свою очередь верѣдко попадаетъ въ высокопоставленныя лица. Нравственныя черты этого рода бюрократіи таковы какихъ и слѣдуетъ ожидать отъ ея происхожденія. Вышед-

шіе изъ лакейскаго состоянія „администраторы“ навсегда остаются лакеями. Мольтке передаетъ на этотъ счетъ весьма характеристичный случай *. Развѣзжая по Турціи, онъ привезъ одному такому господину свѣженькую константинопольскую новость, извѣстіе о пожалованіи его въ лаши: на радости и въ знакъ признательности за добрую вѣсть, новый лаша, занимавшійся до прохожденія государственныхъ должностей шитьемъ туфель для своего барина, предложилъ Мольтке изготвить ему пару сапогъ...

Но и чиновники изъ эфенди не уступаютъ своимъ собратамъ изъ присауги въ отсутствіи требующихся отъ людей ихъ положенія нравственныхъ качествъ. Казнокрадство и взяточничество—нормальныя явленія. Казну обираютъ всѣ, отъ великаго визиря до послѣдняго чауша, и въ такихъ размѣрахъ которыми не вѣрилось бы, еслибы фактъ не былъ засвидѣтельствованъ человѣкомъ лично принадлежавшимъ къ турецкой администраціи. Въ 1852 году уже давала себя чувствовать масса тяготящихся надъ турецкими финансами ассигнацій. Рѣшено было изъять возможно большее число ихъ изъ обращенія, и на этотъ конецъ установленъ особый налогъ по двадцати піастровъ ** съ каждаго жителя. Налогъ былъ собранъ съ особеннымъ тщаніемъ, бездоумночно; но изъ обращенія не изъяли ни одной ассигнаціи: всѣ деньги куда-то исчезли безъ слѣда...

Что до взяточничества, то не даромъ еще Мольтке замѣтилъ: *** „вся Турція въ турецкой поговоркѣ *алламы-сермили*, дать и взять“. Ни одно ни самое серьезное, ни самое пустое дѣло не можетъ быть конечно безъ подарка, и подарки требуются и принимаются по всей іерархической лѣстницѣ, отъ мелкаго писца до высшаго сановника, требуются и принимаются открыто, никто ихъ не стыдится, не можетъ стыдиться, не долженъ: взяточничество освящено закономъ султана Абдулъ-Меджида, установившимъ сколько именно каждый правотѣрный чинов-

* Письмо ХLI, отъ 28го марта 1838.

** Турецкій піастръ равняется 5 $\frac{1}{2}$ копѣекъ.

*** Письмо LIII, отъ 8го декабря 1838.

какъ въ правѣ получать приношеній не подвергаясь уголовному преслѣдованію *.

Отъ такого персонала какого жь ждать добра? *Полиція* (I. 56), коротко признается нашъ авторъ, какъ бы опасаясь подробно касаться этой щекотливой темы, нисколько не соответствуетъ понятію о ней какъ объ учрежденіи предназначенномъ для охраненія жизни, собственности и здоровья обывателей.

О *правосудіи* (I. 44. 55. 69—30. II. 37—38) и говорить нечего, такъ какъ извѣстно что турецкое правосудіе вошло въ пословицу, и для спасенія отъ него по крайней мѣрѣ проживающихъ въ Турціи европейскихъ подданныхъ потребовались капитуляціи. Высшая инстанція его — шейхъ-уль-исламъ, т.-е. олицетвореніе всѣхъ мусульманскихъ предразсудковъ; низшія, ежегодно нуждающіяся въ новомъ утвержденіи на должности, держатся единственно лодочками своимъ іерархическимъ начальникамъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ открыто признавался знакомымъ что въ первый же годъ своего управленія получалъ десять тысячъ „кошельковъ“ золота (около 279.000 рублей) съ назначенныхъ и утвержденныхъ имъ судей. А это человѣкъ былъ „смирный и хорошій“...

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ задумали было судебную реформу, „начертаніе“ которой и поручили находившемуся тогда по особымъ политическимъ соображеніямъ въ Константинополѣ покойному египетскому принцу Мустафѣ-Фазиль-пашѣ. Мустафа, образованный по-европейски, дѣятельно принялся за работу и изготавилъ проектъ постепеннаго преобразованія судебной части: но тогдашній великій

* Мольтке (письмо LII, отъ 3го ноября 1838) разказываетъ любопытную черту турецкихъ нравовъ относительно наивной беззащитливости съ которою практикуется примципъ „дать и взять“. Когда онъ пріѣхалъ въ Конію, мѣстный губернаторъ, Гаджу-Али-паша, тотчасъ прислалъ ему, какъ близкому къ падишаху лицу, четыре „кошелька“ серебра (около 112 рублей) въ подарокъ, и пришедшій деньги армянскій банкиръ отказался нести ихъ обратно, опасаясь чтобъ его не вздули по пятамъ, и говоря что возвращеніе ихъ будетъ принято пашой лишь за намекъ что подарокъ не достаточно великъ. Пришлось раздать деньги турецкой прислугѣ.

визирь Аали-паша, противникъ всякихъ нововведеній, засылавъ этотъ „драгоценный трудъ“ восточными комплаиментами, сдать его въ архивъ, гдѣ онъ и гниѣть благополучно, а правосудіе продолжаетъ быть даруемо подданнымъ султана (не христіанамъ только, о которыхъ и упоминать лишнее, но всѣмъ вообще) такимъ напримѣръ образомъ. Въ Трапезундѣ жила семья изъ отца, шести сыновей и дочери, которая явно занималась разбоемъ во всевозможныхъ видахъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершила двѣсти тридцать пять завѣдомыхъ убійствъ. Жалобы населенія на силу-насилу принудили подлежащія власти, задобренныя преступниками, подвергнуть ихъ преслѣдованію; процессъ тянулся четыре года, и судъ все-таки приговорилъ къ наказанію лишь двоихъ злодѣевъ, остальныхъ же освободилъ.

Подобные результаты получаются, конечно за деньги, очень простымъ способомъ, и даже съ соблюденіемъ внѣшняго благоприличія. При каждомъ судилищѣ состоитъ шайка выдрессированныхъ свидѣтелей, которые за плату, по требованію судей или указанію сторонъ, показываютъ что угодно, удостовѣряя самые невозможные *alibi*. Лжесвидѣтельство и не особенно дорого, удостовѣряетъ авторъ: не болѣе одной лиры (5 р. 67 к.) за каждое судебное вранье...

Если взглянуть на дѣятельность оттоманскаго управленія съ другой стороны, открывается не менѣ красивая картина. Возьмемъ напримѣръ *пути сообщенія* (I. 36—37, II. 63, 98—99, 306, 308). Во всей Турецкой имперіи, на пространствѣ 363.542 квадратныхъ верстѣ въ Европѣ, 1.925.550 въ Азіи и 892.000 въ Африкѣ, т.-е. всего на пространствѣ, считая и вассальныя владѣнія, 3.181.092 квадратныхъ верстѣ, желѣзныхъ дорогъ имѣется лишь двѣ тысячи верстѣ, которыя обошлись государству вѣтеро и вшестеро дороже ихъ настоящей стоимости; порядочныя шоссе существуютъ только въ Дунайскомъ вилаетѣ, да одно коротенькое возлѣ Трапезунда (начатое въ 1847 году съ тѣмъ чтобы довести его до персидской границы, оно до сихъ поръ готово только на протяженіи ружейнаго выстрѣла); рѣчные фарватеры (за исключеніемъ дунайскаго, находящагося подъ наблюденіемъ особой европейской комиссіи) залуплены до того что по лучшимъ изъ этихъ естественныхъ артерій могутъ плавать лишь мелко-сидящія суда; ни въ одной изъ великолѣпнѣйшихъ гаваней Средиземнаго и Чернаго морей

нѣтъ никакихъ сооруженій для нагрузки и выгрузки и защиты отъ непогоды; въ Константинополѣ залущены возведенные греческими императорами водопроводы и резервуары и новыхъ не устроено, такъ что столица постоянно почти нуждается въ водѣ (и по замѣчанію еще Мольтке, * въ случаѣ осады, если догадаются отрѣзать отъ нея живые источники, чрезъ недѣлю должна будетъ сдаться)...

„Сколько здѣсь утрачивается естественныхъ силъ!“ уже въ 1838 году восклицалъ о Турціи тотъ же Мольтке: ** „сколько течетъ понапрасну рѣкъ, которыя могли бы приводить въ движеніе мельницы и суда! Сколько необъятныхъ лѣсовъ растетъ безъ пользы, потому что къ нимъ не проложено дорогъ! Сколько минералогическихъ сокровищъ въ этихъ горахъ!“ Теперь, ровно черезъ сорокъ лѣтъ, нашъ авторъ пишетъ: „...Вилаеты Кастамуни (Пафлагонія), Ангора (Галація и Фригія), Кайсаріе (Каппадокія) принадлежатъ къ плодороднѣйшимъ странамъ свѣта. Здѣшняя пшеница гораздо лучше южно-русской; кромѣ того здѣсь обильно родится ячмень, и всякій фруктъ и ягода. Однѣ ангорскія козы могли бы составить неисчерпаемый источникъ дохода; къ этому надобно прибавить мѣдныя, серебряныя и соляныя копи. Но недостатокъ путей сообщенія дѣлаетъ непроизводительными даже земледѣіе и скотоводство, ибо доставка продуктовъ до ближайшаго порта такъ дорога что, за исключеніемъ козьего луха, нечего и думать о препровожденіи мѣстныхъ произведеній на европейскіе рынки. Во многихъ деревняхъ мѣѣ сами жители разказывали что по уборкѣ посѣвовъ они бросаютъ прежній урожай въ воду, потому что дѣлаться съ нимъ некуда, пустить въ продажу за неимѣніемъ дорогъ нельзя, сохранять же нѣтъ мѣста. А вѣдь этотъ край могъ бы продовольствовать своимъ зерномъ всю Европу!“

Отчего такое положеніе?

Оттого что завѣдающіе публичными работами смотрятъ на свои обязанности единственно какъ на средство извлекать доходы. Авторъ приводитъ замѣчательный обращикъ плодовъ дѣятельности стамбульскихъ эфенди въ этомъ отношеніи. Извѣстно что собственно-турецкій кварталъ

* Письмо XX, отъ 20го октября 1836.

** Письмо XLVII, отъ 15го іюня 1837.

Константинополя, Стамбулъ, отдѣляется отъ предмѣстій небольшимъ глубокимъ морскимъ заливомъ, „Золотымъ Рогомъ“. Прежде сообщеніе между Стамбуломъ и предмѣстьями производилось на лодкахъ; лѣтъ тридцать-пять тому назадъ, мать султана Абдулъ-Меджида навела отъ Стамбула къ Галатѣ лѣвостороннюю мостъ. Въ 1845 году устроили второй мостъ отъ Галаты прямо къ оживленнѣйшимъ пунктамъ Стамбула, къ Портъ и къ Базару. За проходъ и проѣздъ была установлена особая плата, значительная, пять *пара* (двѣ трети коп.) съ лѣшиходовъ, въ соразмѣрности съ верховыхъ и экипажей: но движеніе здѣсь таково что каждый мостъ давалъ до десяти тысячъ лѣстровъ (лѣтсоть шестьдесятъ рублей) сбору въ день. Было изъ чего временное лѣвостороннее сооруженіе замѣнить постояннымъ чугуннымъ. Въ 1867 году министерство и заказало чугунный мостъ одному марсельскому заводу, конечно выговоривъ приличный процентъ въ свою пользу, но не позаботившись съ точностью вымѣрить глубину залива: мостъ оказался негоднымъ для наводки, отказаться же отъ его принятія и отъ платежа денегъ было нельзя, потому что онъ былъ изготовленъ сообразно указаніямъ контракта. Этотъ бросили, заказали другой, уже заводу англійскому. Когда же собрали доставленные части, оказалось что и онъ не годится—слишкомъ узокъ и коротокъ, а отказаться и отъ него нельзя, потому что нельзя уличить заводъ въ отступленіи отъ указаній: контрактъ пропалъ изъ министерства...

Интересно отмѣтить что турецкая „публика“ и не жалуется на свое положеніе въ этомъ отношеніи. Приведенное выше сѣтованіе землевладѣльцевъ на отсутствіе дорогъ — исключеніе: вообще же авторъ свидѣтельствуетъ что Турки чувствуютъ какое-то непреодолимое отвращеніе отъ удобныхъ путей сообщенія и никто изъ нихъ, ни даже купцы, фабриканты и промышленники не понимаютъ необходимости ни порядочныхъ путей, ни клонящихся къ городскому благоустройству публичныхъ работъ. Какъ-то Мюнифъ-эфенди (недавній министръ народнаго просвѣщенія) предложилъ расширить и выпрямить столь опасный въ пожарныхъ случаяхъ лабиринтъ константинопольскихъ закоулковъ: весь Стамбулъ единогласно провозгласилъ его сумашедшимъ.

Не легче отъ турецкихъ порядковъ *торговли* и *промышленности* (I. 39, II. 35—36, 69, 186—187, 256—257, 272—276, 285). Корабль запрещаетъ взимать за ссужаемыя деньги какіе бы то ни было самые малые проценты, грозя за нарушение этой заповѣди карой въ будущей жизни. Разумѣется, въ торговомъ быту тѣмъ не менѣе деньги берутъ займы за извѣстные проценты, но шейхъ-юль-исламъ, высшая судебная власть Оттоманской имперіи, коммерческихъ судовъ не признаетъ, находящіяся же подъ его завѣдываніемъ и вліяніемъ гражданскія судилища (шерри-шерифъ) куда савдовательно должны поступать иски по долговымъ обязательствамъ, разбираютъ ихъ по Корану. Недобросовѣстный должникъ отказывается отъ платежа, ссылаясь на „законъ“, и дѣло въ шляпѣ.

Такимъ образомъ, главный естественный нервъ торговли, кредитъ, не можетъ существовать въ Турціи. Неумѣлая фискальная мѣры окончательно убиваютъ возможность правильныхъ и серіозныхъ торговыхъ оборотовъ. Извѣстно значеніе Трапезунда для транзитной торговли съ Персіей. Значеніе это поубавлено желѣзною дорогою изъ Поти въ Тифлисъ, со времени открытія которой персидскіе кулцы имѣютъ наклонность торговать черезъ Поти, но оно все еще огромно: Турецкое же правительство распорядилось такъ какъ будто ему желательно уничтожить его совершенно. За провозимые чрезъ Трапезундъ въ Персію товары обыкновенно взималось транзитной пошлины одинъ процентъ съ объявляемой цѣны, съ тѣмъ что если они пробудутъ въ Трапезундѣ болѣе полугода, то съ нихъ взыскивается еще добавочныхъ 7%,—условіе тяжкое, потому что осенній, налпримѣръ, привозъ за отсутствіемъ дорогъ не можетъ быть вовремя препровожденъ къ персидской границѣ и по необходимости лежитъ долѣ льготнаго срока: его еще болѣе усложнили внезапнымъ требованіемъ, чтобы не только товары были вывозимы изъ Трапезундской таможни въ теченіе полугода, но чтобы до истеченія шести мѣсяцевъ въ эту таможню было представляемо удостовѣреніе пограничной турецкой таможни о провозѣ ихъ въ персидскіе предѣлы, да къ тому же на каждый тюкъ положили 3 піастра (16½ копѣйки) особой штемпельной пошлины..

Проживающіе въ Трапезундѣ персидскіе кулцы, пригрозивъ что они всюю массою переселятся въ Поти, сласли

транзитъ отъ этого добавочнаго сбора. Не такъ счастливо табачное производство съ обрушившимися на него тяготами. Начали съ того что табакъ, этотъ великолѣпнѣйшій продуктъ турецкой почвы, главный предметъ заграничнаго сбыта жителей и, по мѣстнымъ правамъ, необходимѣйшій предметъ ихъ потребления, обложили въ шестидесятихъ годахъ акцизомъ по 6, 12 и 24 лиастра съ ока (3 фун. 12 зол.), смотря по качеству. Вскорѣ взиманіе акциза по сортамъ показалось слишкомъ головоломною работою: ввели для табаковъ всѣхъ разборовъ однообразный акцизъ по 12 лиастровъ; въ результатъ получилось совершенное прекращеніе воздѣлыванія табаку въ южныхъ краяхъ Малой-Азіи (кроме Македоніи, Понта и Сиріи), потому что производимые тамъ табаки низкаго сорта, назначенные для просто-народья, и продавались всего по 7, 8 и не дороже 10 лиастровъ за око; обычные потребители ихъ не могли выдержать налогъ болѣе чѣмъ удваивающій ихъ цѣну. Затѣмъ, такъ какъ табачное производство повсемѣстно ушло и доходъ съ него въ казну значительно сократился, то турецкіе финансисты придумали поднять эту отрасль промысловъ и торговли.... обставивъ ее цѣлою вереницей самыхъ сложныхъ формальностей. Съ 1874 года требуется чтобы торговецъ желающій погрузить въ Латакіе или Бейрутъ кулаенный имъ знаменитый ливанскій табакъ, представилъ таможенѣ личность самого производителя для удостовѣренія кому тотъ продалъ свой сборъ и въ какомъ количествѣ. До явки его табакъ задерживается въ таможенѣ. Табачный же грузъ судна обыкновенно пріобрѣтается небольшими партіями, черезъ посылаемыхъ на мѣсто агентовъ, отъ пятидесяти, отъ сотни производителей; пятидесяти, ста поселянамъ изъ-за какихъ-нибудь десятковъ окъ, иногда и меньше, приходится по нѣскольку разъ въ годъ при всякой продажѣ предпринимать трехъ- или четырехдневную поѣздку изъ горъ, гдѣ они разводятъ плантаціи, въ портовый городъ...

Ливанъ тоже отказался отъ табачнаго производства, составлявшаго значительный источникъ дохода для его жителей и въ одномъ лишь Бейрутскомъ санджакѣ доставлявшаго оттоманской казнѣ ежегодный сборъ въ 50.000 турецкихъ лиръ. За то при введеніи новыхъ табачныхъ

порядковъ сильно нажился одинъ паша, членъ Стамбульскаго министерства. Съ 1871 года Константинополь находится на особомъ табачномъ положеніи: онъ платитъ за употребляемое въ немъ курено лишнихъ 20 піастровъ акциза съ oka. Зная о предполагаемой мѣрѣ заранее, паша скупилъ въ 1870 году все количество табаку нужное для годоваго константинопольскаго обихода и спуская его въ 1871 году черезъ подставныхъ лицъ по новой цѣнѣ, получилъ громадный барышъ, оставивъ казну на этотъ разъ безъ ожидаемаго отъ новой пошлыны дохода.

Разумѣется ко всѣмъ угнетающимъ торговлю правительственнымъ распоряженіямъ турецкая администрація прибавляетъ свои собственные измышленія. Сплошь да рядомъ, когда въ какойнибудь портъ входитъ судно съ зерномъ, мукой, дровами, углемъ, масломъ и тому подобными нужными для города припасами, начальникъ этого послѣдняго занимаетъ барку полицейскою командой, объявляетъ ея грузъ „бейликъ“, т.е. подлежащимъ сдачѣ въ казну, уплачиваетъ хозяину небольшую сумму по своему усмотрѣнію, перевозитъ товаръ въ свои амбары, и распродаетъ черезъ своихъ агентовъ въ свою пользу. Подобныя вещи постоянно творятся не только въ приморскихъ заголустяхъ, но и въ самомъ Константинополѣ. Стамбульскій префектъ полиціи Гуссейнъ бей сынъ Тагиръ-паши, монополизовавъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ всю мѣстную торговлю топливомъ.

Нагляднѣе всего выражается значеніе оттоманскихъ порядковъ для хозяйства и промысловъ страны въ слѣдующемъ фактѣ: Въ старину на островѣ Кипрѣ процвѣтала сахарная промышленность; послѣ открытія Америки, Испанцы выписывали сахарный тростникъ для своихъ вестъ-индскихъ владѣній, Кубы, Санъ-Доминго и Порто-Рико, изъ Кипра: теперь сахарнаго тростника не растетъ на всемъ островѣ ни единой ляди... Правду говоритъ турецкая пословица, что „куда Османъ поставитъ ногу, тамъ и трава перестаетъ пробиваться изъ земли“.

Все это—невнятные цѣточки. Съ ягодками знакомятъ насъ тѣ отравицы передаваемой книги которыя описываютъ *протинциальное устройство* (I. 30—32, II. 1—26, 38—48, 50—59, 66—67, 71, 81).

Провинціальное управленіе Турціи, какъ извѣстно, пересоздано въ недавнее время, лѣтъ 10 — 12 тому назадъ, по французскому шаблону. Сущность этой громкой „реформы“, задуманной и приведенной въ исполненіе покойнымъ Фуад-пашой, собственно говоря заключается въ томъ что прежде главные административныя провинціальныя подраздѣленія звались „вилаятами“, а теперь они называются „вилаетами“. Какъ бы то ни было, теперешняя провинціальная организація Турціи такова. За исключеніемъ странъ причисляемыхъ къ Турціи, но находящихся на особомъ положеніи, все Оттоманское государство раздѣляется на „вилаеты“, т. е. генералъ-губернаторства, во главѣ которыхъ стоитъ особый паша, величаемый титуломъ „вали“. Каждый вилаетъ состоитъ изъ двухъ, трехъ, четырехъ и болѣе округовъ, „санджаковъ“ *, управляемыхъ губернаторами, „мутесарифами“. Вали вмѣстѣ съ тѣмъ и мутесарифъ того санджака въ главномъ городѣ котораго онъ имѣетъ резиденцію. Санджаки дробятся на уѣзды, „каза“, завѣдуемые уѣзднымъ начальникомъ „мудиромъ“. Финансовое вѣдомство подчинено особому чиновнику на манеръ французскихъ главныхъ департаментскихъ казначеевъ (receveur général): „дефтердару“. Вали, мутесарифы и мудиръ обставлены провинціальными совѣтами, которыхъ члены частью назначаются по выборамъ, частью принадлежать къ нимъ по своему офиціальному положенію. Этими совѣтамъ принадлежитъ нѣкоторая доля вліянія на управленіе. Въ принципѣ они должны гарантировать его доброкачественность и направлять его къ пользѣ края.

На практикѣ, такъ какъ выборы совершаются по указанію самой администраціи, совѣты составляютъ лишь послушное орудіе въ рукахъ предсѣдающаго ими вали **. Эти послѣдніе вообще въ высшей степени невѣжественны и

* Генералъ-губернаторства имѣющія всего одинъ санджакъ зовутся „валіаликъ“... Дѣленіе провинцій на вилаеты, санджаки и каза совершенно произвольно, безъ всякаго отношенія къ географическимъ, экономическимъ и т. д. условіямъ этихъ административныхъ единицъ.

** Въ прошломъ году палата депутатовъ вотировала законъ устраняющій вали отъ предсѣдательства, но законъ этотъ, по общему турецкому обыкновенію, не исполняется.

неспособны. По свидѣтельству нашего автора, большая часть изъ нихъ находится на такой стелени административнаго развитія что сплошь да рядомъ не знаютъ принадлежить ли такой-то уѣздъ къ ихъ управленію или нѣтъ. Или вотъ еще отличный образецъ ихъ умственного уровня. Во время свирѣпствовавшей въ августѣ 1871 года въ Бруссе холеры, тамошніе европейскіе врачи обратились къ Али-Риза-пашѣ съ мольбой очистить городъ отъ разсадника эпидеміи, столѣтіями накопившихся нечистотъ, и дезинфицировать ханы. Не обративъ ни малѣйшаго вниманія на это коллективное и официальное ходатайство, почтенный Али-Риза, вмѣсто распоряженія объ уничтоженіи миазмовъ, издалъ буквально слѣдующій приказъ: „§ 1й, продажа въ Бруссе форелей воспрещается; § 2й, на случай усиленія эпидеміи обывателямъ предписывается заранѣе приготовить перевозочныя и иныя средства для выѣзда чиновниковъ его величества султана изъ зараженныхъ мѣстностей“.. Въ 1875 году холера вновь посѣтила Сирію съ обычною жестокостью. Европейскій врачебный персоналъ Дамаска тотчасъ обратился къ тамошнему генералъ-губернатору съ перечнемъ необходимыхъ административныхъ мѣръ и просьбою объ ихъ принятіи. Вали отвѣчалъ на это слѣдующею официальною бумагой отъ 24го іюля, напечатанною въ правительственномъ листкѣ генералъ-губернаторства: „Если во время фруктовъ люди объѣдаются, и умираетъ ихъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, то хрістіане и жидаы тотчасъ впадаютъ въ трепетъ, но правовѣрный мусульманинъ, полагаясь на Аллаха, не знаетъ боязни и не нуждается ни въ какихъ мѣрахъ“...

Мимоходомъ сказать, турецкіе порядки въ Европѣ должны бы составить для европейской политики вопросъ не только политическій, но и санитарный. Если Азіатская Турція, особенно Мекка, разсадникъ холеры, то всякій городъ турецкаго характера и въ Европейской Турціи—источникъ заразы. Извѣстный англійскій путешественникъ и публицистъ, пишущій подъ псевдонимомъ Сеніора, въ изданномъ имъ на французскомъ языкѣ описаніи своей поѣздки по Турціи, * разсказываетъ что въ турецкихъ городахъ

* William N. Senior, *la Turquie contemporaine*. Paris, 1861, 1 vol.

трупъ не засыпается вплотную. Между нимъ и самымъ нижнимъ слоемъ покрывающей его земли остается промежутокъ настолько обширный чтобы покойникъ могъ приподняться и сѣсть, когда, по мусульманскому убѣжденію, послѣ погребенія прилетитъ къ нему ангелъ съ требованіемъ отчета о дѣяніяхъ его жизни. И чтобы онъ могъ слышать призывъ и разпросы ангела, отъ самаго трупа до поверхности земли остается щель или отдушина. Отсюда необычайное, и обычное на турецкихъ кладбищахъ, зловоніе; отсюда періодически съ большею или меньшею силою посѣщающая Константинополь чума. Между тѣмъ стамбульскія власти заботятся о ней столько же сколько брусскіе и дамасскіе вали о холерѣ. Мольтке, находившійся въ Константинополѣ въ то самое время когда чума, въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ или пяти мѣсяцевъ, пожрала тамъ отъ 20 до 30 тысячъ жертвъ (двадцатую часть тогдашняго населенія) говоритъ по этому поводу: * „...Въ одной здѣшней батареѣ устроили чумный госпиталь. Около двухъ третей гвардейскаго баталіона умерло. Сколько разъ доводилось мнѣ встрѣчать солдатъ похоронившихъ товарища и возвращающихся весело расшѣвая, съ окутывавшимъ его саваномъ на плечахъ. Они беззаботно раздѣляютъ между собою оставшіеся послѣ покойнаго пожитки и преспокойно носятъ зачумленную куртку и шаровары, которые въ нѣсколько сутокъ и сводятъ ихъ во гробъ. Страшная смертность, ежедневные случаи заболѣванія, явные примѣры заразительности недуга, ничто не прогнываетъ ихъ безлечности. Командиръ баталіона, наслушавшись Европейцевъ, сталъ было вводить различныя мѣры предосторожности: люди подчинялись имъ съ самымъ крайнимъ отвращеніемъ, и скоро пришлось все бросить.... Дѣло въ томъ что для мусульманина чума—все не наказаніе Божіе; умершіе отъ нея формально провозглашаются Кораномъ пріавшими вѣнецъ мученичeskій, слѣдовательно бояться чумы и принимать противъ нея мѣры предосторожности не только излишне, но преступно, грѣшно. Почему, въушавъ при мнѣ своимъ бородатымъ слуша-

354 pp. См. стр. 185. Подлинное имя Сеніора не извѣстно. Есть основаніе предполагать что онъ принадлежитъ ко вліятельнымъ членамъ верхней палаты.

* Письмо XXVI, отъ 22го февраля 1837 года.

телямъ сказочникъ въ одной буюкдереской кофейнѣ, — почему пропало столько солдатъ? Потому что выдумали разные гаулы и мѣры! А вотъ мы всѣ что не боимся чумы и не принимаемъ предосторожностей, развѣ мы умерли? Чума будетъ водиться въ Турціи пока будутъ въ ней улемы, и къ санитарной полиціи можно принудить Турокъ только силой.“

Возвратимся къ провинціямъ и ихъ генералъ-губернаторамъ.

Кромѣ неспособности, провинціальныя вали отличаются корыстолюбіемъ, алчностью, стремленіемъ къ грабительству, составляющими роковую, неизбежную принадлежность ихъ званія. Чтобы добиться этого важнаго поста, они должны по цѣлымъ годамъ интриговать, по цѣлымъ годамъ ждать, входя въ долги какъ для своего содержанія, такъ и для одаренія тѣхъ еще болѣе высокихъ сановниковъ отъ которыхъ зависитъ мѣсто. Получивъ его, надобно поскорѣе набрать какъ можно больше денегъ для расплаты съ кредиторами, для поддержанія связей въ Константинополѣ, въ запасъ на будущее время, — поскорѣе, потому что вали (которому мало было бы трехъ лѣтъ для основательнаго знакомства со своею провинціей) нерѣдко держится на генералъ-губернаторствѣ едва нѣсколько мѣсяцевъ, уступая его новой стамбульской креатурѣ. Какъ бы вынуждаемый совокупностью этихъ обстоятельствъ обирать провинціальныя населенія, чего только ни придумаетъ онъ для быстраго наполненія своихъ кармановъ! Вотъ, напримѣръ, отличный урожайный годъ, лосѣвы дали великолѣпный сборъ.

Вали составляетъ утверждаемый послушнымъ провинціальнымъ совѣтомъ протоколъ, излагающій что хлѣба во все не уродилось, что всей провинціи грозитъ неминуемый голодъ, что поэтому слѣдовало бы запретить вывозъ изъ нея зерна до будущаго урожая. Протоколъ летитъ съ приличнымъ приношеніемъ въ Константинополь, и возвращается утвержденный высшею властью. Вали немедленно разсылаетъ по всѣмъ угламъ своего генералъ-губернаторства нарочныхъ, которые закупаютъ весь наличный хлѣбъ „по волѣ и на счетъ правительства для казенныхъ магазиновъ“ по произвольно-назначенной нязкой цѣнѣ, и свозятъ его въ главный городъ вилайета. Когда эта

операція приведена къ вождѣльному концу, новое донесеніе: „Благодаря своевременнымъ мѣрамъ, продовольствованіе провинціи обезпечено, зерна въ запасъ достаточно, можно разрѣшить вывозъ хлѣба за предѣлы вилаяета.“ Константинополь разрѣшаетъ, и изъ ближайшаго къ резиденціи вааи порта отплавляютъ суда нагруженные перепродавною генераль-губернаторомъ по настоящей цѣнѣ пшеницей. „Земледѣльцы, прибавляетъ авторъ, такъ напуганы этою безпрестанно повторяющеюся продѣлкой что сѣютъ въ обрѣзъ такое лишь количество зерна, какое необходимо для пропитанія семьи, уплаты податей и необходимѣйшихъ закупокъ; а такъ какъ этотъ фокусъ повторяется почти во всѣхъ безъ исключенія провинціяхъ имперіи, то земледѣліе въ ней повсюду окончательно загублено.“

Если же, наоборотъ, благодаря уладкѣ его и другимъ, естественнымъ причинамъ наступаетъ годъ неурожайный, вааи умудряется и изъ него извлечь для себя выгоду. Въ 1874 году въ Ангорскомъ вилаетѣ былъ голодъ. Жители обратились къ генераль-губернатору съ просьбой о помощи. Послѣдовалъ отвѣтъ что лично предпринимать ояъ ничего не въ состояніи, надобно телеграфировать въ Константинополь: а такъ какъ никакой ассигновки на телеграмму нѣтъ, то для отправления ея требуется взносъ особаго сбора... И съ каждой деревушки голодающей провинціи было взыскано отъ 200 до 300 піастровъ (отъ 11 руб. 20 к. до 16 р. 80 к.) на телеграмму,—правительственную, то-есть даровую!

Слѣдующій примѣръ обрисовываетъ валиевъ еще рельефнѣе. Послѣ подавленія послѣдняго Критскаго возстанія, султанъ смиловавшись надъ своими „заблудшими“ и побѣжденными христіанскими подданными, подарилъ острову 12.000 лиръ (68.040 руб.), съ тѣмъ чтобы на эту сумму было куплено двѣ тысячи штукъ рогатаго скота и распредѣлено между наиболѣе пострадавшими отъ военныхъ дѣйствій поселянами. Тогдашній генераль-губернаторъ Крита, Савфетъ-паша (не недавній министръ иностранныхъ дѣлъ, а его одвофамилецъ, бывший потомъ правителемъ Трапезундскаго вилаяета) купилъ и роздалъ всего лишь 360 штукъ, деньги же за остальные 1.640 присвоилъ себѣ, кстати взымавъ съ критскаго населенія въ свою пользу сложенные правительствомъ недоимки за 1866 годъ, а жалобы критскаго собранія делегатовъ отразилъ заключеніемъ лятерыхъ изъ нихъ, „зачинщиковъ“, въ тюрьму....

Довѣріе самихъ Турокъ къ ихъ почтеннымъ валиямъ таково что когда въ 1875 году голодала часть малоазійскихъ провинцій и константинопольская турецкая газета *Бассиретъ* собрала для нихъ значительныя пожертвованія деньгами, съѣстными приласами и одеждой, она не рѣшилась довѣрить раздачу ихъ генералъ-губернаторамъ, а отрядила для этого на мѣсто своего уполномоченнаго. Въ тотъ же голодный годъ во многихъ округахъ мусульманское населеніе отказалось принимать отъ валиевъ присланное правительствомъ пособие деньгами и зерномъ, опасаясь чтобы за полученное не пришлось заплатить сто-рицей.

Если таковы черты дѣятельности валиевъ, которые всѣ облечены саномъ пашей, то-есть „младшихъ братьевъ султана“, * то чего нельзя поразказать объ образѣ дѣйствій подчиненныхъ имъ второстепенныхъ правителей, выскочившихъ болѣею частью даже не изъ стамбульскихъ эфенди, а изъ различныхъ челядинцевъ! Осенью 1875 года вѣкій турецкій поручикъ влюбился въ одну турецкую же дѣвушку. Дѣвушка не отвѣчала ему взаимностью и, чтобы отдѣлаться отъ его предложеній, обратилась по мѣстному суевѣстному обычаю къ муллѣ, на совѣтѣ какъ „отговорить“ отъ себя немиллаго обожателя, какъ расхолодить его къ себѣ.... Когда она находилась у муллы, къ нему пришло четверо обокраденныхъ Армянъ, поворожить о своемъ ворахъ. Поручикъ, сѣдившій за дѣвушкой и видѣвшій куда она пошла, тоже сюда явился. Найдя у муллы Армянъ, онъ завопилъ что они похитили дѣвушку изъ отеческаго дома, послаалъ за полиціей, которая, схвативъ Армянъ, потащила ихъ къ мутессарифу. Губернаторъ, безъ дальнѣйшаго разсѣдованія, приказалъ ихъ высѣчь и посадить въ тюрьму, гдѣ они находились еще въ 1877 году, свидѣтельствуемъ авторъ. Другой случай. Въ томъ же году уздѣнымъ начальникомъ, мудиромъ, Бюланика (въ вилаетѣ Мушъ) былъ

* Паша значитъ по-турецки „меньшой братъ“. Второй султанъ изъ рода Османа, Урханъ, назначилъ визиремъ своего младшаго брата Аледина, котораго и стали величать Алединъ-паша. Съ тѣхъ поръ слово паша и прибавляется къ имени высшихъ турецкихъ чиновъ въ знакъ того что высокія обязанности какъ бы роднять ихъ съ султаномъ (I. 54).

назначенъ нѣкто Абдуррахманъ, только-что выпущенный изъ тюремнаго заключенія въ которомъ онъ содержался шесть лѣтъ, по судебному приговору, за подлогъ. Свою административную карьеру недавній арестантъ началъ, между прочимъ, вымогательствомъ 50 лиръ съ одного Армянина. Армянинъ отозвался неимѣніемъ денегъ. Въ отмѣстку мундиръ подучилъ какого-то Курда требовать съ него мнимый долгъ въ полтора ста лиръ, принялъ жалобу не подтвержденную никакимъ документомъ, ни даже подкупнымъ свидѣтельствомъ, и продержалъ Армянина въ тюрьмѣ, пока его не выкупили родственники.

Впрочемъ о фактахъ турецкаго обращенія съ Армянами, раздѣляющими въ Турціи общую долю христіанскаго населенія, фактахъ еще болѣе возмутительнаго свойства чѣмъ приведенные, нечего распространяться: они слишкомъ извѣстны ужъ изъ составленнаго Армянскимъ патріархомъ во время Константинопольской конференціи подробнаго ихъ перечня. Интересно сообщаемое авторомъ свидѣніе, что во всемъ Константинополѣ не нашлось между турецкими „полиглотами“ смѣльчака который рѣшился бы перевести этотъ перечень на французскій языкъ: переводъ сдѣланъ наконецъ членомъ одного европейскаго торговаго дома и, за уклоненіемъ мѣстныхъ типографій, напечатанъ въ Парижѣ...

И не одинъ чиновническій произволъ тяготеетъ надъ несчастными провинціями: частные люди тоже распоряжаются въ нихъ какъ имъ угодно. Въ 1860 году нѣкій богатый землевладѣлецъ Салоникскаго вилаета, Омеръ-паша, вздумалъ отвести куда ему понадобилось ручей Бозечъ орошающій довольно обширную мѣстность и необходимый для существованія расположенныхъ на ней двухъ десятковъ деревень. Жители принесли кому слѣдуетъ жалобу. Для изслѣдованія дѣла была назначена особая коммиссія, которая рѣшила возвратить ручей въ прежнее ложе и возстановить на немъ разрушенные Омеръ-пашой запруды. Издержки этой гидравлической реставраціи были исчислены въ 100.000 ліастровъ (5.670 руб.), лютую часть которыхъ выдавало правительство, остальные жители охотно принимали на себя, лишь бы получить въ обратное владѣніе свой ручей. Въ 1873 году (исторія тянулась тринадцать лѣтъ!) было формально предписано приступить къ рабо-

тамъ: но сынъ умершаго между тѣмъ Омера, Ибрагимъ, спокойно отозвался, что „сдѣланное его отцомъ онъ не позволитъ передѣлать“,—и ручей остался за нимъ...

Еще болѣе волюющіе факты, уже не только нарушенія земельныхъ правъ, но варварскаго обращенія съ самою личностью, когда эта личность—христіанинъ, факты убійствъ, увода дѣвушекъ и женщинъ въ гаремы, все это такъ извѣстно что не требуетъ подтвержденій. Слѣдуетъ лишь отмѣтить что и нашъ турецкій авторъ приводитъ имъ прѣтры, и добавитъ что не одни оттоманскіе чиновники и сильныя своимъ положеніемъ частныя „особы“, но всякая турецкая сволочь позволяетъ себѣ обращаться съ христіанами какъ со скотами. Повсюду безпрестанно и безъ малѣйшаго повода повторяются сцены въ родѣ слѣдующей. Мусульманинъ, разумѣется увѣщенный оружіемъ, съ которымъ онъ никогда не расстается, ни съ того ни съ сего является на конѣ къ дверямъ христіанскаго дома, зоветъ хозяина, даетъ ему подержать лошадь, входитъ, садится, требуетъ кофе и трубку, которые должны быть поднесены ему женщинами, заставляетъ поднести себѣ куръ, илѣбекъ или иной живности, колотитъ всѣхъ если встрѣчаетъ малѣйшее уклоненіе отъ приказа, или въ домѣ, по бѣдности, нѣтъ требуемаго, и удаляется какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ провинціи невыносимость положенія усиливается еще приводящимъ элементомъ, каковымъ въ Европейской Турціи являются Черкесы, въ другихъ мѣстахъ—Бедуины и прочія кочующія племена. Отъ этого сосѣдства почти въ одинаковой мѣрѣ страдаютъ и христіане, и сами мусульмане. Черкесы, говоритъ нашъ авторъ, для Турціи язва даже худшая ея чиновниковъ. Далеко вокругъ мѣстъ гдѣ они поселены нѣтъ безопасности ни для кого. Стада угоняются, поселяне обираются на поляхъ и въ деревняхъ, проѣзжіе грабятся, въ случаѣ сопротивленія убиваются, похищаются цѣлыя семьи съ требованіемъ выкупа за возвращеніе ихъ на родину. Большею частью населеніе не смѣетъ жаловаться и безропотно сноситъ всякія неистовства. Такъ какъ Черкешенки издавна, и теперь, продаются своими родителями въ Константинополь и не мало ихъ находится въ стамбульскихъ знатнѣйшихъ гаремахъ, то составилось убѣжденіе что всѣ ихъ родичи въ родствѣ съ лапами и что имъ

все дозволено. Жалобамъ трудно и имѣть практическія послѣдствія, даже когда само правительство обращаетъ на нихъ вниманіе. Между Константинополемъ и Адрианополемъ, на линіи желѣзной дороги, въ пяти часахъ ѣзды отъ перваго города и восьми отъ втораго, въ двухъ деревняхъ поселено 800 черкесскихъ семействъ. Они буквально закрѣпили себя въ окрестныя христіанскія и мусульманскія деревни и принудили ихъ работать на себя, а сами занимались грабежомъ. Продѣлки ихъ дошли наконецъ до того что самое движеніе по желѣзной дорогѣ стало не безопасно. Администрація обратилась къ высшимъ властямъ, и въ февралѣ 1876 въ одну изъ деревень прибыла съ обширнымъ полномочіемъ особая коммиссія. Сорокъ черкесскихъ ководовъ залегли, со съѣстными припасами, въ мечеть, и пришлось чинить формальную осаду, которая продолжалась пятьдесятъ дней. Когда они капитулировали и были отосланы въ Константинополь, оттуда вышло повелѣніе переселить остальныхъ на другія земли. Но Черкесы не повиновались, а объявили что вся эта мѣстность принадлежит имъ, что населяющіе ее жители—ихъ „крѣпостные“, и что они подчиняютъ ихъ себѣ силой, для чего въ количествѣ пятидесяти человекъ и собрались у Тюрбе-Дере, близъ желѣзнодорожной станціи Чорлю. Мусульманское населеніе мѣстности тоже вышло въ поле, дать отпоръ. Произошла схватка. Присланные драгуны не могли разнять ее; для возобновленія порядка потребовалось изъ Адрианополя пять баталіоновъ. Подобный же случай былъ въ Тогрукли, близъ Каринабада, тоже въ Адрианопольскомъ вилайетѣ. Черкесы объявили что мѣстные жители ихъ рабы, прогнали присланную для укрощенія ихъ команду, ранивъ ея офицера, обратили въ бѣгство прискакавшій кавалерійскій отрядъ, и угомонились лишь когда подошло большое количество войска.

Таково же хищничество и во вѣв-европейскихъ провинціяхъ. Нѣтъ надобности вдаваться въ подробности о ежечасно разграбляемыхъ тамъ поселкахъ и разбиваемыхъ караванахъ, упомянемъ лишь объ одномъ оригинальномъ обстоятельстве. Нѣкій свирѣлствующій вокругъ Дамаска шейхъ, Мичовъ, безнаказанно собирающій дань съ городовъ, селъ и прозжихъ, женатъ на одной эксцентрической Англичанкѣ, леди Диглей (Digley).

Но „всѣхъ тяготящихся надъ провинціями злоупотребленій и бѣдствій не перечтешь“, категорически заявляетъ нашъ авторъ, поставляя на видъ (II. 59) что такъ ведется не въ какую-нибудь чрезвычайную смуту, а въ самое спокойное мирное время и заявляя что еслибы излагать все сюжета, то пришлось бы однимъ этимъ предметомъ наполнить особый томъ.

Изъ денежныхъ повинностей едва ли не самая тягостная десятина, называемая такъ, но составляющая съ 1874 года не десятую часть произведеній земли, а $12\frac{1}{2}\%$. Она обременительна впрочемъ не столько своимъ размеромъ сколько способомъ взиманія. Правительство отдаетъ ее на откупъ богатымъ капиталистамъ съ торговъ, ежегодно производимыхъ въ каждомъ вилаетъ и утверждаемыхъ въ Константинополѣ. Получивъ утвержденіе, главный откупщикъ частнымъ образомъ сдаетъ весь оной вилаетъ поуздаю въ другія руки, уѣзды—переуступаютъ свои участки въ третьи, уже по деревнямъ. Пока идетъ переплюска съ Константинополемъ и трехсотуленная переуступка откупа (что требуетъ времени), поселяне не имѣютъ права свозить умотъ въ закрома, но обязаны оставлять его въ полѣ, въ колахъ, сложенныхъ подъ надзоромъ особыхъ приетавниковъ, такъ что ежегодно то тамъ, то сямъ дожди портятъ весь сборъ. Чтобы несчастные потихоньку не выбрали чего-нибудь изъ коленъ и тѣмъ не уменьшили бы количество сѣвущей съ нихъ десятины, на верхушкѣ каждой коламы кладется деревянный шаръ: при малѣйшемъ посягательствѣ на ея содержаніе, она осаживается, шаръ измѣняетъ свое положеніе, и происходитъ жестокая расправа... Явившись наконецъ для полученія дани (съ многочисленною свитой писарей, полицейскихъ и слугъ, кормящихся на счетъ жителей), откупщики приступаютъ къ промѣркѣ умота и къ полученію десятины, натурой или деньгами, это какъ имъ заблагоразсудится, что для нихъ выгоднѣе: если деньгами, то по самымъ высокимъ справочнымъ цѣнамъ существующимъ въ данную минуту въ имперіи. Случается что они взимаютъ десятину по два раза, потому что съ нихъ самихъ главные финансовыя чиновники вторично требуютъ взноса откупной суммы. Квитанція въ произведенной уже ея уплатѣ тутъ не помогаетъ. „Можете жаловаться и

судиться, говорить имъ въ подобныхъ случаяхъ, а начните все таки съ того что заплатите.“ Одинъ финансовый чиновникъ, человекъ аккуратный, велъ свои книги въ двухъ экземплярахъ, для правительства и для себя, и хвастался ими знакомымъ. По официальнымъ счетамъ у него значилось въ полученіи 125.000 лиръ (708.750 р.), по конфиденціальнымъ тетрадамъ—вдвое болѣе: половину сборовъ онъ присваивалъ себѣ.

На бумагѣ такое положеніе не представляетъ яркихъ, до слезъ поражающихъ чертъ: это будничная практика; но тѣмъ она и важна что она повседневна; на практикѣ ежегодная уплата десятины равносильна башни-бузукскому опустошенію, тѣмъ болѣе что при требованіи ея въ счетъ принимается не одинъ лишь хлѣбъ и сѣно, но рѣшительно всѣ полевые произрастенія: особые чиновники до умомота еще осматриваютъ полевья, причисляютъ къ нимъ шиповникъ, терновникъ, чертополохъ, крапиву, всякую сорную траву, оцѣниваютъ ее и въ послѣдствіи требуется десятина со всей оцѣнки.

Подлежать также налогу дома и фруктовые деревья, подвергаемая тоже своеобразной оцѣнкѣ: полуразвалившіеся хижины не стоящія и 400 піастровъ (22 р. 40 к.) оцѣниваются піастровъ тысячь въ восемь (448 р.); каждое дерево должно платить по 4 піастра (23 к.), не разбирая того, можетъ ли оно приносить какой-нибудь доходъ, или это дикая яблоня (кислица) дающая мало годные къ употребленію плоды... Не мудрено что населеніе не въ состояніи удовлетворять всѣмъ позитивнымъ требованіямъ Оттоманскаго государства. „Повѣрятъ ли, говоритъ авторъ, что въ обычное время, при отсутствіи всякихъ народныхъ бѣдствій, болѣе сорока тысячъ человекъ ежегодно сидятъ въ Турціи въ тюрьмахъ за недоимки! Положеніе турецкихъ провинцій, продолжаетъ онъ, таково что почти ни одна изъ нихъ не въ состояніи вынести издержекъ требуемыхъ содержаніемъ администраціи, школъ, больницъ, земледѣльческихъ, промышленныхъ и т. л. учреждений, тѣмъ менѣе можетъ выдержать катастрофы въ родѣ голода, эпизоотій, землетрясеній, наводненій.“ Реформа же, свидѣтельствуется онъ въ другомъ мѣстѣ, какъ финансовая, такъ и административная едва ли возможна. „Сказать правду, невольно вырывается у него, хотя Болгары рабочій, послушный, смирный народъ, но имъ не оставалось ничего кромѣ возстанія. Не-

мезида должна была разразиться надъ Оттоманскимъ правительствомъ....“

Замѣчательно что этотъ выводъ о необходимости возстанія въ турецкихъ провинціяхъ совершенно сходенъ съ выводами двухъ другихъ знатоковъ Турціи: уже цитованнаго Сеніора и Англичанина же Фридриха Майнингена. Сеніоръ признается компетентнымъ судьей даже со стороны *Times*, который помѣщаетъ въ настоящее время его новыя письма о турецкихъ дѣлахъ. Что касается до Майнингена, то это извѣстный Сеферъ-бей, Англичанинъ, родившійся въ Константинополѣ, гдѣ семья его въ связяхъ со знатнѣйшими фамиліями страны. Поступившій вопреки желанію отца въ турецкую военную службу, сражавшійся за свое новое отечество въ Крыму, защищавшій его противъ Черногорцевъ, потомъ командовавшій баталіономъ въ Анатолиі и издавшій въ 1869 году книгу на французскомъ языкѣ о *Турціи въ правленіе Абдуль-Азиса*. * Сеніоръ изучилъ преимущественно европейскія провинціи Турціи. Майнингенъ распространяется главнымъ образомъ о Малой Азіи, гдѣ противъ Турецкаго правительства меньше племенной вражды, на которую обыкновенно ссылаются его заступники, гдѣ оно совершенно у себя дома, гдѣ оно должно бы кажется пользоваться расположеніемъ своихъ единовѣрцевъ, и гдѣ если эти единовѣрцы питаютъ къ нему иныя чувства, то это можетъ быть объяснено лишь сущностью дѣла, а никакъ не маимыми „посторонними подстреканіями“. Вотъ что писали они оба, Сеніоръ и Майнингенъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сеніоръ (стр. 182) передаетъ свой разговоръ съ г. Баунтомъ, двадцать лѣтъ сряду занимавшимъ постъ великобританскаго консула въ Салоникахъ. Г. Баунтъ спросилъ его „въ чемъ заключаются надежды всегдашняго друга Турціи, лорда Стратфорда?“

„Онъ надѣется, отвѣчалъ я,—что введеніе равноправности объединитъ мусульманъ и христіанъ, и что всѣ они будутъ вѣрными подданными султана.“

„Надѣюсь и я, возразилъ консулъ, — но что касается до той части Болгаріи которая мнѣ наиболѣе знакома, то-есть Македоніи и Фессалии, то она не склонна подчиняться верховенству султана. Мусульмане этого края съ такой же

* *La Turquie sous le regne d'Abd-ul-Azis*, 1. vol. 8° 491 pp.

мартъ недовольны Константинопольскими правительствомъ, какъ и христіане. Они маѣ сто разъ повторяли: когда же вы изгоните наконецъ этихъ кабановъ изъ Константинополь....“

Съ своей стороны Майнингенъ формально заявляетъ (стр. 312): „Въ Аѳатоліи даже мусульмане готовы возстать. Всѣ безъ исключенія народы Турціи, безъ различія происхожденія и вѣры, потеряли терпѣніе и стремятся къ освобожденію отъ власти, въ которой они окончательно изжились.“

Сами разумѣйшіе изъ оттоманскихъ государственныхъ людей давно убѣдились въ этой истинѣ и сознали весь объемъ турецкихъ золъ, всю сложность положенія въ которомъ находится ихъ отечество. Существуетъ записка покойнаго визиря Аали-паши, составленная имъ во время его чрезвычайной миссіи на островъ Критъ и датанная 30го ноября 1867 султану. До сихъ поръ она сохранялась въ тайнѣ, теперь обнародована въ книгѣ послужившей главнымъ матеріаломъ для этой статьи (I. 75—88). Аали-паша чрезвычайно вѣтко судитъ о положеніи дѣлъ, и сужденіе его тѣмъ замѣчательнѣе, что оно сложилось болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Не входя въ разбирательство какъ и почему существуютъ недовольныя въ Турецкомъ государствѣ и возникаютъ въ немъ возстанія подобныя тому которое было причиной его миссіи, онъ прямо приступаетъ къ вопросу о послѣдствіяхъ такого хода дѣлъ (стр. 79, 80, 77—78, 81). „Когда къ несчастію недовольство христіанъ нашихъ владѣній, говоритъ онъ, приводитъ ихъ къ готовности возстать, и въ положеніи ихъ не происходитъ измѣненій къ лучшему, Россіи невозможно оставаться нравственно или матеріально нейтральною.... Портъ же грозитъ опасность очутиться въ одиночествѣ... На Англію нѣтъ никакой надежды рассчитывать, потому-что она съ нѣкоторыхъ поръ въ корень измѣнила свою прежнюю политику, во всѣхъ случаяхъ не затрагивающихъ самымъ прямымъ образомъ ее самое, исполнѣе воздерживается отъ вмѣшательства, да сообразно свободнымъ началамъ своего внутренняго управленія и не можетъ идти противъ принципа національностей. Постигшіи Австрію рядъ тяжкихъ испытаній мѣшаетъ ей активной дѣятельности въ ближайшее время, такъ что расположеніе ея для Турціи бесполезно. Франція, благодаря собствен-

нымъ ошибкамъ, вскорѣ утратитъ свое европейское значеніе. Со стороны Пруссіи Россія не встрѣтитъ сопротивленій или препонъ по Восточному вопросу. Собственными же средствами Порты едва ли будетъ въ состояніи преодолѣть вѣроятное въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ вѣшнее столкновеніе....“

„Слѣдовательно, заключалъ Аали, нужно не допускать до взрывовъ, предупреждать ихъ....“

Все это совершенно справедливо (и въ высшей степени замѣчательно что турецкій государственный чловѣкъ еще въ ноябрѣ 1867 такъ вѣрно предугадывалъ будущее).

Но чѣмъ же онъ полагалъ возможнымъ предотвратить роковой для Турціи исходъ ея внутренней неурядицы?

„Грозящая намъ оласность, внушаетъ онъ (стр. 86, 84), несомнѣнна и требуетъ быстрыхъ мѣръ для ея отвращенія. Баистательная Порты должна сама принять на себя починъ и изыскать средства къ устраненію недоброжелательнаго настроенія ея христіанскихъ подданныхъ. Для достиженія этой цѣли требуется чтобъ эти подданные, ожидающіе исполненія своихъ желаній отъ постороннихъ державъ, обрѣли осуществленіе своихъ надеждъ отъ своего законнаго владыки, требуется чтобъ имъ не приходилось болѣе завидовать равенства и вообще правамъ подданныхъ другихъ государствъ, и чтобъ они считали себя не слугами мусульманскаго государства, а подданными одинаково съ магометанами покровительствующаго имъ монарха.“

Подобное же мнѣніе выражалъ въ недавнюю уже пору и Мидхатъ-паша въ особомъ *мемуарѣ*, представленномъ имъ, конфиденціально, 9го марта 1876, Германскому, Французскому, Англійскому и Италіянскому кабинетамъ и теперь напечатанномъ нашимъ авторомъ (II. 95—106). По его убѣжденію, въ послѣдствіи проведенному какъ извѣстно на практикѣ, стѣбитъ лишь Турціи облечься въ европейскій либерально-политическій костюмъ, ограничить власть султана, обзавестись „палатой изъ представителей всѣхъ племенъ и исповѣданій“, и не только прекратится внутреннее нестройство Оттоманскаго государства, но оно „безъ труда займетъ принадлежащее ему въ Европѣ по плодородности его почвы видное мѣсто“....

Самъ нашъ авторъ, восторженно знакомящій читателя съ *Записками* Аали-паши и Мидхата, разумѣется вполне раз-

дѣляетъ ихъ взгляды. Исходя изъ той точки что не одни христіане, но и мусульмане бѣдствуютъ отъ турецкихъ порядковъ которые почти одинаково (!) тяготѣютъ надъ всѣми, что сами Турки нуждаются въ реформѣ, онъ считаетъ ее возможною: стоить лишь ее захотѣть.

Оставимъ въ сторонѣ парадоксъ объ одинаковости золь угнетающихъ мусульманское и христіанское населеніе. Но вопросъ именно въ томъ, *можетъ-ли* первое захотѣть такихъ преобразованій какія требуются для дѣйствительнаго устраненія пороковъ турецкаго строя,—и самъ авторъ рѣшаетъ его отрицательно, не прямо конечно, но косвенно—своими показаніями. Говоря, какъ было приведено выше, что реформа едва ли удобоисполнима въ Турціи, онъ полагаетъ (II. 43) что осуществленію ея препятствуетъ *лишь* султанъ и окружающая его серальская камарилья, такъ что если парализовать эти два вредоносные элемента по Мидхатову рецепту, то Турція можетъ сдѣлаться однимъ изъ благоустроеннѣйшихъ государствъ въ мірѣ.

Въ самомъ ли дѣлѣ это такъ, и достиженіе того о чемъ мечтаетъ авторъ въ самомъ-ли дѣлѣ должно избавить Турцію отъ особенностей, составляющихъ изъ нея, по признанію самого Мидхата (II. 96), антиподъ современной цивилизаціи?

Дѣйствительно, верховная власть въ Оттоманской имперіи и ея обстановка представляются чѣмъ-то чудовищнымъ. Мольтке давно указалъ ту характеристичную черту что одинъ изъ титуловъ султана величаетъ его „гукіаръ“, т.-е. „палачъ, душитель“ и что всякій встрѣчающійся съ нимъ слѣдуетъ спрятаться отъ его взоровъ куда пошло. * Престолонаслѣдіе опредѣляется установленнымъ основателемъ династіи кореннымъ семейнымъ закономъ, который, назначая преемникомъ трона старшаго мужскаго представителя династіи, для устраненія претендентовъ изъ боковыхъ линій, статьями 2, 4 и 5 запрещаетъ мужскимъ представителямъ этихъ линій вступать въ законные браки, повелѣваетъ при самомъ появленіи на свѣтъ предавать смерти мальчиковъ родившихся отъ принцессъ цар-

* Письмо IX, отъ 12го февраля 1836.

ствующаго дома и предписываетъ султану при восшествіи на престолъ умерщвлять всѣхъ своихъ братьевъ (I. 21) *....

Едва вѣроятные ужасы! Но развѣ въ Турціи вѣтъ больше никакихъ другихъ несообразныхъ съ нормальными государственными и общественными понятіями аномалій?

Возьмемъ турецкую семью. Молитке напоминаетъ ** что самъ Магометъ не зналъ какое мѣсто отвести женщинъ въ будущей жизни: гуріи магометанскаго рая не суть души земаыхъ жительницъ, и что ожидаетъ турецкую женщину послѣ смерти—никому неизвѣстно. Таково отношеніе къ женщинамъ самой религіи. Отсюда полигамія, о которой самъ нашъ авторъ даетъ поразительныя свѣдѣнія (I. 184—192, II. 143). Всякій правовѣрный въ правѣ имѣть четыре законныхъ жены и столько наложницъ, сколько въ состояніи содержать; заключеніе брака не опредѣляется извѣстнымъ возрастомъ; дѣти часто предназначаются другъ другу родителями еще въ колыбели, обручаются большею частью въ тѣ годы, когда европейскій мальчикъ ходитъ еще въ школу и начинаютъ супружеское сожительство какъ только женахъ получить къ тому физическую возможность, „для испытанія которой вѣрный негръ, *лала*, по приказанію родителей, заранее снабжаетъ его хорошенькою невольницей“. Жена не есть подруга и помощница мужа, ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи. Въ нравственномъ это лишь орудіе наслажденія, въ матеріальномъ, въ низшихъ классахъ—это даромъ бременящее землю существо, кото-

* Одинъ изъ туркофильствующихъ сотрудниковъ *Kölnische Zeitung* отрицаетъ существованіе этого закона. Въ подтвержденіе его можно привести слѣдующій фактъ. Въ декабрѣ 1875 года, султанша-валиде особымъ распоряженіемъ по сераю напомнила всѣмъ обитательницамъ гарема постановленіе относительно мальчиковъ, требуя безусловнаго исполненія его впередъ и сокрытія навсегда отъ чужихъ глазъ тѣхъ которые до сихъ поръ избѣжали „узаконенной“ участи (II. 199). Что до султанскихъ братьевъ, то хотя Абдуль-Меджидъ пощадилъ Абдуль-Азиса, но принципъ остается въ полной силѣ, и передовая статья *Moniteur Universel*, серіозной газеты имѣющей дипломатическія справки (см. № отъ 15го января этого года), свидѣтельствуетъ что въ настоящую минуту окружающіе султана Абдуль-Гамида настаиваютъ на примѣненіи кроваваго закона къ Мураду и Иазедину.

** Письмо VIII, отъ 9го февраля 1836.

рому самый законъ не дозволяетъ помогать мужу даже въ полевыхъ работахъ. Въ одной провинціи, почти все мужское населеніе которой было выгнано въ 1876 году противъ Сербовъ и Черногорцевъ, вали официально приказалъ женщинамъ, сунувшимся было обрабатывать поля взамѣнъ отсутствующихъ мужей, братьевъ и сыновей, чтобъ онѣ не смѣли нарушать такимъ образомъ мусульманское благочиніе....

Отсюда полное отсутствіе въ Турціи рода, семейной связи, даже фамильнаго имени. „Всѣ Турки, говоритъ авторъ, Ахмеды, Юсуфы, и ничего болѣе; знаютъ лишь имя своего отца, и не восходятъ далѣе, въ этомъ отношеніи и попятій у нихъ нѣтъ. Поговорите о семействѣ (familia) со стамбульскимъ эфенди: онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ приобретаемое за деньги гаремное существо: ничего болѣе.“

Отсюда нравственное и физическое вырожденіе турецкой расы: одинъ лишь перворожденный снабженъ сравнительно-здоровымъ организмомъ, одареннымъ нѣкоторою полнотой духовной и матеріальной силы; остальные дѣти — хилый продуктъ преждевременно - истощенной производительности.

Отсюда же наконецъ и количественное уменьшеніе племени. Полигамія сокращаетъ число рожденій въ странѣ, по двумъ причинамъ, одной естественной, другой искусственной. Хотя обыкновенно число женщинъ нѣсколько превышаетъ почти вездѣ число мужчинъ, однако не въ такой пропорціи чтобы на каждого мужчину могло приходиться по двѣ, три, четыре жены. Недостающій персоналъ турецкаго гаремнаго контингента пополнялся въ старину разбоемъ, хищничествомъ, плѣненіемъ, наконецъ покулкой. Съ прекращеніемъ возможности свободно торговать живымъ товаромъ на Кавказѣ, почти единственнымъ источникомъ полученія невольницъ, и то черныхъ, остались африканскія земли. Слѣдовательно громадный процентъ гаремнаго населенія долженъ быть доставляемъ самими турецкими владѣніями, такъ что женская наличность ихъ исчерпывается въ пользу однихъ, тогда какъ другимъ, большинству, приходится по неволѣ оставаться въ безбрачій.

Между тѣмъ, полигамія не даетъ не только большаго, но даже такого количества рожденій какъ моногамія. Среднее число дѣтей у нормальной супружеской четы — четыре;

сообразно съ этимъ, полигамъ имѣющій четыре жены казалось долженъ бы подарить населенію шестнадцать новыхъ членовъ.

Вовсе нѣтъ, говорить статистика, и для нагляднаго доказательства приводить примѣръ султана Абдуль-Меджида, у котораго при гаремѣ въ пятьсотъ женъ и одалисокъ было лишь тринадцать дѣтей, его брата имѣвшаго при трехсотенномъ гаремѣ пятерыхъ дѣтей и т. д.

Дѣло въ томъ что дѣтоубійство (изгнание плода) составляетъ въ Турціи повсемѣстный обычай и практикуется въ громадныхъ размѣрахъ. Коранъ, родникъ мусульманскаго законодательства и регуляторъ восточныхъ нравовъ, совершенно умалчиваетъ о немъ: значить это не грѣхъ. Новѣйшій оттоманскій уголовный кодексъ упоминаетъ о немъ такъ неопредѣленно что нельзя даже уловить, подлежитъ ли оно наказанію и на кого именно послѣднее должно падать, да судебное преслѣдованіе его и невозможно вслѣдствіе гаремныхъ условій, не допускающихъ обыска женской половины. Съ другой же стороны оно (по крайней мѣрѣ для султанскаго гарема) формально предписывается уломянутымъ выше распоряженіемъ султанши-валиде 1875 года. По всему этому турецкія женщины, въ видахъ сохраненія красоты, будто бы повреждаемой родами, безпрестанно прибѣгаютъ къ нему, для практикованія его открыто существуетъ въ Турціи особый классъ такъ-называемыхъ „кровавыхъ бабокъ“ (*каню-абэ*) и оно составляетъ самое заурадное турецкое общественное явленіе.

Съ турецкой точки зрѣнія весь этотъ семейный складъ и вытекающія изъ него послѣдствія могутъ казаться превосходными: съ европейской онъ есть условіе вырожденія Турціи. Въ своей *Запискѣ* Мидхатъ говоритъ (II. 95) что на турецкія преобразовательныя обѣщанія нельзя полагаться, разумѣя обѣщанія Турецкаго правительства. Это совершенно вѣрно, но по вѣяѣ не одного лишь Турецкаго правительства. Нашъ авторъ съ своей стороны думаетъ что съ видоизмѣненіемъ султанской власти все дурное улетучится куда-то и воцарится всеобщее пониманіе настоящихъ государственныхъ требованій...

Но улетучится ли турецкая семья, фундаментъ турецкой

общественности? И откуда взяться этому „пониманію“ отъ котораго туркофилы чають движенія воды? Оно радикально невозможно въ турецкомъ обществѣ. Нашъ авторъ утверждаетъ (I. 144, 147) что лишь высшіе и правительственные классы Турціи гниль, все же остальное населеніе отличается „честностью, трезвоостью, трудолюбіемъ, гостепріимствомъ, обходительностью“ и иными идеальными добродѣтелями.

Отчего же въ такомъ пресловуто-демократическомъ государствѣ, каково Оттоманское, гдѣ „чубукчи“ высказываютъ въ визири, это населеніе не снабжаетъ государственныи строй болѣе здоровыми элементами? Не самъ ли авторъ удостоверяетъ (I. 146) что лучшіе Турки—не Турки: отецъ Ахмета-Вефикъ-паша—обратившійся въ магометанство Еврей, а мать его—Гречанка; Эдхемъ-паша—Грекъ, ребенкомъ плавшій въ турецкія руки во время Хиосской катастрофы 1822; Сюби-паша—родомъ изъ Морен и сынъ Гречанки; покойный Кабризли-Мегеметъ-паша вышелъ изъ Кипра; племя Егилетскаго хедива—изъ Македоніи, и т. д.

Не самъ ли онъ признается что турецкое племя не способно къ государственности: „У Турокъ, говоритъ онъ (I. 183), такое рѣшительное отвращеніе къ правильнымъ порядкамъ, что они готовы скорѣе выселиться чѣмъ подчиниться требованіямъ государственнаго благоустройства. Со времени дарованія Криту органическаго статута, мусульманское населеніе ежегодно убываетъ; оно эмигрируетъ въ тѣ провинціи гдѣ дѣла ведутся по-старому“. „У насъ нѣтъ государственнаго смысла, признается и Али-паша въ своемъ *Мемуарѣ* (I. 86), и еслибы не было у насъ христіанъ, то мы не могли бы управлять своимъ государствомъ“...

И неоткуда взять имъ смыслъ, создающій почтенныя государства и благоустроенныя общества! Ни малѣйшихъ признаковъ того что называется государственнымъ и народнымъ просвѣщеніемъ въ Турціи не имѣется. О турецкомъ „образованіи“ было уже однажды говорено въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, * въ общихъ чертахъ, и со словъ хоть и доброжелателя Оттомановъ, однакоже все-таки Европейца, Вамбери. Что подробно свидѣтельствуетъ о немъ турецкій

* Ноябрь 1876, *Политическое Обзорѣніе*.

писатель (I. 128—152, 164—179)? Существуютъ декорациі: ботаническій садъ, зоологическій кабинетъ, музей антиковъ (случайно попавшихъ въ Константинополь и гдѣ мраморныя плиты съ древними надписями лежатъ надписями внизъ); есть университетъ (съ *канцлеромъ*, двумя факультетами, юридическимъ и философскимъ, и подюжиной профессоровъ), даже Академія Наукъ, основанная Решидъ-пашой по образцу парижской *Academie Française*, съ сорока „безсмертными“, ни одинъ изъ которыхъ не подаетъ ни малѣйшаго знака о своемъ существованіи...

Въ дѣйствительности, ровно ничего нѣтъ.

Первоначальное воспитаніе турецкихъ дѣтей опредѣляется гаремными условіями. Турецкая мать, въ большей части случаевъ купленная на базарѣ рабыня, разумѣется не можетъ имѣть ни малѣйшаго образовательнаго вліянія на свои чада, да и не занимается ими, потому что она занята исключительно собственною особою, искусствомъ нравиться своему повелителю и контръ-маневрами противъ завидующихъ ея положенію соперницъ. Отцу не до дѣтей: онъ вѣчно внѣ дома, когда возвращается—запирается въ гаремъ. Первая шесть-восемь лѣтъ своей жизни ребенокъ проводитъ на рукахъ невольницъ-негритянокъ и евнуховъ, внѣ всякаго нравственнаго и умственнаго вліянія; онъ не *воспитывается* повемножку, а *растетъ* въ полнѣйшей распущенности, физической и духовной. Одно что ему внушается въ домашней средѣ, это презрѣніе ко всѣмъ вѣтрнымъ и убѣжденіе въ превосходствѣ Турецкаго племени надъ остальнымъ человечествомъ.

Изъ такой домашней обстановки, отличающейся въ различныхъ классахъ различіемъ лишь большей или меньшей состоятельности и вѣшняго блеска, ребенокъ простолюдина, помимо всякаго обученія, постукаетъ прямо къ какому-нибудь ремесленнику, или челядинцемъ въ конакъ знатнаго лица (разсадникъ бюрократіи, какъ мы видѣли). Дѣти высшихъ и среднихъ сословій и тѣ изъ простыхъ въ которыхъ „замѣчаются способности“ опредѣляются въ высшія школы, гдѣ учатъ четыремъ правиламъ ариметики, главное же—молитвамъ и Корану, совершенно механически, безъ толкованія непонятныхъ арабскихъ словъ. Затѣмъ

„желающіе“ могутъ постулаты въ высшія школы, „рюшдіе“ (гдѣ преподаются географія и исторія въ размѣрѣ европейскіхъ сельскихъ училищъ), потомъ въ „медресе“—родъ семинарій при мечетяхъ, гдѣ преподается арабскій языкъ, мусульманская догматика, отчасти философія и правовѣдѣніе по Корану, т.-е. вбивается въ голову и зароняется въ душу магометанскій фанатизмъ. Въ прежнее время оттоманскій чиновническій людъ выходилъ исключительно изъ медресе. Со времени султана Махмуда II для будущихъ государственныхъ людей Турціи открытъ новый источникъ просвѣщенія, черпаніе изъ котораго открываетъ гладкую дорогу къ высшимъ почестямъ—„переводное отдѣленіе“ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ молодые люди приобрѣтаютъ высшую премудрость: болѣе или менѣе поверхностное знаніе французскаго языка и умѣнье составлять каверзные дипломатическія и цивыя бумаги.

Но даже въ высшихъ турецкихъ классахъ господствуетъ отвращеніе отъ прохожденія и этихъ нехитрыхъ ступеней науки. Большинство высшей турецкой молодежи выражаетъ обыкновенно нежеланіе чему бы то ни было учиться; отецъ скрѣпляетъ его обычнымъ присловьемъ турецкихъ родителей: „Не хочется ребенку, что съ нимъ подѣлаешь!“ и девяносто девять сотыхъ оттоманскихъ господчиковъ пребываютъ въ первобытномъ состояніи поросятъ. Сынъ Реуфъ-бей, президента одного изъ департаментовъ государственнаго совѣта, внукъ покойнаго Рифать-паши, малый лѣтъ двадцати двухъ, разказываетъ нашъ авторъ, не умѣетъ ни читать, ни писать и проводитъ свое время на улицѣ въ вознѣ съ прислугой находящагося напротивъ отеческаго дома Персидскаго посольства...

Авторъ приводитъ еще одинъ любопытный примѣръ уваженія Турокъ къ образованію. Племянникъ бывшаго визиря Махмудъ-Недимъ-паши жаловался ему что, пречитавъ извѣстный анекдотъ объ изобрѣтателѣ шахматной игры, онъ хотѣлъ вычислить количество потребованнаго имъ вознагражденія, проработалъ три дня и ничего не добился. Авторъ показалъ ему какъ открывается ларчикъ, пояснивъ что посредствомъ алгебраической формулы задача рѣшается въ двадцать минутъ, а при помощи логарифмовъ и десяти минутъ для этого достаточно. „Не можетъ быть.“—Авторъ

показалъ вычисленіе на практикѣ. Пока онъ его дѣлалъ вошелъ родственникъ юности.

— Смотри, смотри какія чедеса! обратился тотъ къ нему:

— А что, развѣ это полезно? флегматически возразилъ родственникъ.

— Ну, пользы конечно не можетъ быть, отвѣчалъ первый, — а все-таки чудо большое!

— Что же мнѣ на пустяки смотрѣть! рѣшилъ родственникъ и величественно удалился...

О пониманіи необходимости образованія массою и толковать нечего. Въ одной турецкой деревнѣ, лежащей на Босфорѣ, рѣшено было завести мусульманскую школу, издержки на устройство которой, 15.000 піастровъ (840 руб.), предположено собрать по подпискѣ: подписка не удалась, и *христианинъ*, Христаки Зографосъ, далъ необходимое для *магометанскаго* училища изъ своего кармана.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойный визирь Аали-паша и президентъ государственнаго совѣта Юсуфъ-Киамиль-паша посѣтили константинопольскіе вечерніе классы мѣстныхъ армянскихъ носильщиковъ. Видѣ этихъ людей, которые послѣ тяжкаго дневнаго труда посвящаютъ вечеръ ученію, до того восхитилъ визиря, что онъ тотчасъ рѣшилъ основать ремесленное училище для мусульманъ, по подпискѣ. Аали подписалъ 500 лиръ (2.835 р.), Фуадъ — 500: тѣмъ дѣло и кончилось, дальше подписка не пошла, хотя между тѣмъ газеты прокричали о просвѣтительномъ движеніи въ Турціи, и *въ кредитъ*, въ счетъ будущихъ благъ, было возведено для училища прекрасное зданіе.

Подобное же „прекрасное зданіе“ болѣе скромныхъ размѣровъ соорудило само правительство, на свой счетъ, въ одной провинціальной мѣстности, въ Айваджикѣ; оставалось снабдить предположенную въ немъ школу средствами содержанія учителей; вмѣсто денегъ турецкое населеніе раскошелилось камнями, которыми перебило всѣ стекла предназначенной для его дѣтей постройки. Школу взяла въ свое завѣдываніе и на содержаніе ея собрала деньги мѣстная греческая община...

„Греческія и армянскія училища растутъ у насъ какъ грибы,“ жалуется авторъ. „Турецкой расѣ очевидно претитъ культура,“ сѣтуетъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

Отсюда—повальное невѣжество. Студенты константинопольскаго „философскаго“ факультета полагаютъ Римъ находящимся въ Египтѣ. Главный органъ стамбульской печати, наиболѣе распространенный въ столицѣ и въ странѣ *Бас-сиретъ*, называется Гаити „республикой великобританскихъ владѣній“, засылаетъ Буенось-Айресъ въ Индію, или прехладнокровно возвѣщаетъ своимъ злополучнымъ читателямъ (№ 920, отъ 24го апрѣля 1873) что „до сихъ поръ въ Швеціи христіане не имѣютъ права пріобрѣтенія поземельной собственности, а въ Россіи до сихъ поръ не могутъ получать офицерскіе чины“...

Во время Іеменской экспедиціи, тогдашній великій визирь Махмудъ-Немикъ-паша простодушно освѣдомлялся, „не въ Персіи ли лежитъ этотъ проклятый Іемень“...

Само министерство народнаго просвѣщенія (заведенное съ 1847 года) и его непосредственные органы чрезвычайно оригинальны. Авторъ сообщаетъ на ихъ счетъ куріозные факты. Высшимъ правительствомъ приказано было однажды изготавить для учебныхъ заведеній имперіи *Руководство ко всеобщей исторіи*. Составили три коммисіи, для древней, средней и новой исторіи, каждую изъ президента-Турка, имѣющаго руководить работой, члена-христіанина, имѣющаго исполнять ее, и секретаря. Президентомъ древней исторіи былъ Сюби-паша, ученый турецкій чело-вѣкъ, очень интересующійся дѣломъ. Обсуждая его, онъ между прочимъ выразилъ: „Франки распространяются въ своихъ книгахъ о нѣкомъ Кирѣ, который будто бы основалъ Персидское государство. Это пустяки: Киръ былъ великимъ визиремъ султана Набукадмезара...“

Въ другой разъ самимъ султаномъ приказано было перевести на турецкій языкъ одно европейское элемент. рное историческое сочиненіе. Трудъ этотъ былъ порученъ одному изъ членовъ „переводнаго бюро“, Ахмету-Гиальми-эфенди (теперешнему депутату Скутарійскаго избирательнаго округа). Окончивъ его, переводчикъ сдалъ печатный экземпляръ книги въ министерство, и здѣсь началось обсужденіе ея въ такомъ родѣ: „Въ книгѣ пишется объ Авраамѣ (да почиетъ на немъ миръ Господень), но ничего не говорится о томъ, какъ Немродъ хотѣлъ спалить его огнемъ, и какой это былъ огонь; говорится о построеніи

Соломонова храма, но не упоминается что храмъ этотъ, по волю Соломона, сына Давидова, возвели духи.“ И на основаніи этихъ и подобныхъ соображеній, все изданіе было заброшено въ министерскія кладовыя.

При Оттоманскомъ дворѣ до сихъ поръ состоитъ *придворный астрологъ*!.. Въ настоящую минуту эту своеобразную должность занимаетъ нѣкто Гаджиръ-Тагиръ-эфенди, бывшій до половины марта 1877 года президентомъ высшаго учебнаго совѣта и облеченный теперь саномъ сенатора. Высшій учебный совѣтъ, сенаторство—и астрологія!.. Обязанности этого звѣздочета состоятъ въ томъ чтобы для каждаго официальнаго торжества вычислять благопріятный часъ и минуту и ежегодно выдавать въ свѣтъ родъ календаря съ точнымъ обозначеніемъ въ какой именно день слѣдуетъ брить голову, стричь ногти, принимать слабительное, покушать дома, сады или невольниковъ, отправляться въ поѣздку и т. д.

Въ 1850 году посѣтилъ Константинополь извѣстный астрономъ Петерсъ (живущій теперь въ Соединенныхъ Штатахъ) съ письмами А. фонъ-Гумбольдта ко всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ. Его никто не захотѣлъ принять, потому что въ самый день его прибытія въ Константинополь взлетѣлъ на воздухъ турецкій линейный корабль *Нустретіе*. Великій визирь Решидъ-паша слѣдующимъ образомъ пояснилъ свое уклоненіе озадаченному имъ прусскому посланцу, тоже рекомендовавшему Петерса: „Или этотъ франкскій астрологъ предвидѣлъ несчастье съ кораблемъ, въ такомъ случаѣ онъ злодѣй, явившійся нарочно ко взрыву для того чтобы потѣшаться имъ; или же онъ не зналъ что должно произойти, въ такомъ случаѣ онъ—невѣжда: въ обоихъ намъ нечего съ нимъ знаться“...

Въ одной изъ окраинъ Константинополя, у Адрианопольскихъ воротъ, находится большой пустырь. У предприимчивыхъ людей, разумѣется изъ мѣстныхъ Европейцевъ, возникла мысль застроить его домами. Для этого понадобилось разрѣшеніе государственнаго совѣта. Долго разбирали въ немъ вопросъ, пока наконецъ президентъ его, Эджемъ-паша (не визирь, а его однофамилецъ, одинъ изъ зятей теперешняго султана) прислушавшись къ преніямъ на которыя онъ сначала не обращалъ вниманія, спросилъ, не о томъ ли пустырь

идеть рѣчь который „состоитъ подъ надзоромъ Римскаго палы“, и получивъ утвердительный отвѣтъ энергически воспротивился предложенію, „потому что государственныи совѣтъ не можетъ принять на себя такую страшную отвѣтственность“... Дѣло въ томъ что по существующему народному преданію отъ этого пустыря идетъ подземный и подводный ходъ въ Римъ, что ежегодно въ ночь на Новый Годъ пала ходитъ этимъ путемъ въ Константинополь, посмотрѣть въ какомъ положеніи пустырь, и что если онъ найдетъ его застроеннымъ, то въ слѣдующемъ же году произойдетъ кончина міра..

Сеніоръ (стр. 216) пишетъ: „Сколько я ни имѣлъ разговоровъ съ Турками, и сколько ни прислушивался къ ихъ разговорамъ, постоянно слышалъ отъ нихъ такіа рѣчи, какія свойственны были бы лишь годовому ребенку, внезапно получившему даръ слова.“

Нашъ авторъ свидѣтельствуетъ (I. 229), что „самый турецкій языкъ, при удивительномъ богатствѣ формъ, чрезвычайно бѣденъ словами для выраженія отвлеченныхъ понятій...“

Изъ совокупности этихъ культурныхъ обстоятельствъ—самомнѣніе въ объемѣ неизвѣстномъ даже той странѣ гдѣ создано словечко „шовинизмъ“. Оттоманская имперія величается по-турецки *Девлетъ-и-алие*, „Высокое государство“, что во мнѣніи народа обозначаетъ: Турція — высшее государство въ мірѣ, государство по преимуществу, которому подчинены всѣ прочія европейскія и иныя державы. Турецкій простолюдинъ, вопреки всѣмъ преподаннымъ ему исторіей урокамъ, серьезно воображаетъ, какъ признается и самъ нашъ авторъ (I. 239), что всѣ европейскіе монархи суть вассалы султана, отъ него получившіе въ даръ свои престолы. Извѣстенъ фактъ который наглядно выразилъ это убѣжденіе: въ Крымскую кампанію, Турки громогласно возглашали что Англичане, Французы и Сардинцы воюютъ за нихъ „по приказанію Бластательной Порты“. Или примѣръ изъ ближайшаго времени: когда въ 1873 году Нидерланды расправлялись съ Ачинскимъ раджей, и этотъ послѣдній просилъ стамбульскаго заступничества, мѣстная печать возопила что вся Европа *должна* по мановенію султана наказать Голландцевъ...

Интересно показаніе Мольтке. „Всякій Турокъ, говоритъ онъ, * охотно сознается намъ что Европейцы *стоятъ выше* его племени по наукѣ, изворотливости, богатству, предпріимчивости и даже могуществу; но ни одному изъ нихъ и въ голову не можетъ придти логическій выводъ изъ этой посылки: слѣдовательно Европейецъ *по крайней мѣрѣ равенъ* Турку. Непомѣрная гордость мусульманъ коренится въ ихъ религіи. Исламъ повелѣваетъ исто-правовѣрному отвѣчать христіанину когда тотъ привѣтствуетъ его „саламъ алейкомъ“ (здравіе тебѣ) *не* обычною между магометанами обратною формулой „алейкомъ саламъ“ (и тебѣ здравіе), а краткимъ „алейкомъ“, которое значитъ и просто „тебѣ“, и „тебѣ проклятіе“, „будь ты проклятъ“. Мало кто изъ Европейцевъ удостоивался въ Турціи такого приѣма какъ мы (прусскіе офицеры присланные по просьбѣ султана Махмуда для реорганизаціи его арміи): высшіе сановники имперіи ухаживали за нами, они поднимались съ мѣста при нашемъ явленіи, усаживали насъ рядомъ съ собой. Полковники уже только уступали намъ шагъ впереди себя, субалтернъ-офицеры были лишь просто вѣжливы, а народъ вовсе не оказывалъ намъ никакихъ знаковъ уваженія, женщины же и дѣти напрямки преслѣдовали насъ оскорбительными выходками. Солдаты не отдавали намъ чести, и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ *не постыли* установить въ принципъ чтобы возможно было брать предъ глауромъ на караулъ.... Турки убѣждены что иностранцы ясны живутъ въ Константинополѣ только для того чтобы вымолить у султана какую-нибудь милость для своихъ монарховъ.... Поселившійся на жительство въ Турціи европейскій христіанинъ долженъ быть готовъ испить чашу всевозможныхъ униженій... Тѣмъ лаче христіанинъ турецко-подданный: его-то ужъ никакъ не согласится Турки признать себя подобнымъ.“ „Мусульмане будутъ недовольны равноправностью не-магометанъ“, подтверждаетъ и Аали-паша въ своей *Запискѣ* (I. 85).

Не отъ такъ-называемой ли „юной Турціи“ ждать измѣненія этой коренной сущности османлизма?

Наивные люди и добросовѣстные туркофилы (если тако-

* Письмо LXXV, отъ 1го сентября 1839.

вые встрѣчаются, именно этою перспективой себя и тѣшатъ. Но что такое „молодая Турція“ и „младо-Турки“? Въ Европѣ склонны воображать что это какой-то „либеральный“, свѣжій, нравственно-бодрый элементъ Оттоманскаго государства, представляющій надежный залогъ его возрожденія...

Вовсе нѣтъ. Факты рисуютъ ихъ совсѣмъ иначе, показывая что эти молодцы, воспитанные на парижскихъ бульварахъ и „либерально“ защищающіе въ своей газетѣ *Ибретъ* коммуу 1871 года, во сто разъ хуже настоящихъ „старыхъ“ Османовъ. Послѣдніе откровенно преслѣдуютъ цѣль возстановленія на всемъ Востокѣ магометанскаго государства во всей его патріархально-мусульманской красѣ: по крайней мѣрѣ знаешь съ кѣмъ имѣешь дѣло. Турки же „молодые“ — это вымазанная европейскими радикальными красками маска, тѣмъ болѣе несостоятельная что она скрываетъ крайній магометанскій обликъ во всемъ его національномъ и религіозномъ безобразіи. Впервые заявили о себѣ младо-Турки въ 1867 году заговоромъ, направленнымъ преимущественно противъ тогдашняго великаго визиря Аали-паши. Цѣлью его, по свидѣтельству нашего автора (I. 66), было устраненіе отъ власти Аали-паши, изверженіе изъ турецкаго строя всѣхъ вкравшихся въ него нововведеній, возвращеніе къ чисто-мусульманскому порядку, открытѣе подавленіе христіанскихъ элементовъ въ государствѣ и, въ концѣ-концовъ, наладеніе на Европу. Съ перваго взгляда кажется страннымъ что первымъ пунктомъ этой милой программы стояло удаленіе Аали, тогда какъ стремленія его во многомъ сходились со стремленіями заговорщиковъ. Но дѣло въ томъ что Аали-паша, какъ правительственному дѣятелю, приходилось подчинять „идеалы“ своего направленія практическимъ требованіямъ дѣятельности, младо-Туркамъ же въ теоріи все казалось возможнымъ и они добивались немедленнаго осуществленія своихъ плановъ. Это разъ. Въ вторыхъ, какъ и всѣ революціонеры они жаждали власти. Разумѣется заговорщиковъ подвергли преслѣдованію; они всѣ бѣжали за границу, въ Парижъ.

И вотъ типическая черта, свидѣтельствующая о сущности ихъ направленія. Органомъ ихъ была газета *Мушбиръ*.

Одновременно съ преслѣдованіемъ партіи, листокъ ея подвергся запрещенію за яростную статью противъ очищенія Бѣградской цитадели. Младо-Турки перенесли печатаніе его въ Парижъ, откуда тайкомъ доставляли его въ Турцію во множествѣ экземпляровъ. Нѣкоторые нумера они распространяли и по Европѣ во французскомъ переводѣ,—старательно выбрасывая изъ этого послѣдняго всѣ выходы противъ христіанъ и Европейцевъ...

Еще бы оставлять ихъ и выдавать себя предъ Европой! Главный редакторъ *Мушбира*, замѣчательнѣйшій изъ этихъ стамбульскихъ „карбомари“ на мусульманскій ладъ, Соави-эфенди, „родъ магометанскаго Петра-Пустынника, Саванаролы и Мадзини“, какъ характеризуетъ его нашъ авторъ, тогда уже требовалъ конституціи (I. 225—228), на томъ основаніи что „по коренной догмѣ Ислама общественныя дѣла должны зависѣть отъ общественнаго обсужденія“: но формально оговаривалъ что „такъ какъ общественное обсужденіе дѣлъ устанавливается *именно догматомъ Ислама*, то разумѣется не магометане не должны принимать въ немъ участія“. Этими ларіямъ Соави-эфенди отводилъ такую роль въ создаваемомъ его мечтаніями „обновленномъ“ Оттоманскомъ государствѣ: „работать, повиноваться и въ государственныя обстоятельства не мѣшаться.“ Онъ печатно доказывалъ что допущеніе христіанъ свидѣтелями на мусульманскихъ судилищахъ—немыслимо. Печатно же внушалъ онъ своимъ правовѣрнымъ читателямъ что христіанская Европа—мыльный пузырь и на свѣтѣ существуетъ лишь одна истинная держава—магометанская Турція. А въ частыхъ бесѣдахъ онъ выражался еще опредѣлительнѣе. „Греки, Болгары, Сербы и всѣ прочіе раи, проповѣдывалъ онъ по свидѣтельству автора, все это дрянь, на которую нужна не конституція, а нагайка. Если же бы Европа за нихъ вступилась, то Европѣ можно показать и двери“...

Кстати, въ бытность свою эмигрантомъ, Соави-эфенди сочетался бракомъ съ богатою Англичанкой, перешедшею въ Исламъ...

Да, самая фанатическая ненависть къ Европѣ, къ цивилизаціи, къ христіанству, вотъ дѣйствительная подкладка младо-Турковъ, и ею-то они и берутъ въ глазахъ мусульманскаго населенія. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Эссадъ-эфенди,

издалъ въ 1875 году брошюру подъ заглавіемъ „Объединеніе Ислама,“ вкратцѣ такого содержанія: Исламъ есть источникъ всякаго образованія и знанія; въ его—невѣжество и варварство; настала пора всѣмъ мусульманамъ слотиться и осяннть знаменемъ калифа, знаменемъ истины и правосудія, всѣ страны отъ Марокко до Китая. Всѣ мусульмане должны сойтись въ религиозное святилище, въ Мекку, и ополчиться на невѣрныхъ христіанъ и язычниковъ...

Брошюра была расхвалена въ стамбульской печати, переведена на арабскій языкъ и разошлась по магометанскому міру въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ (II. 129).

И авторъ логиченъ въ своемъ воззваніи, всѣ младо-Турки логичны въ своихъ поработительныхъ стремленіяхъ. Они прежде всего горячіе представители своей религіи, а Коранъ какъ извѣстно не допускаетъ соглашеній между мусульманами и не-мусульманами: онъ знаетъ и узаконяетъ лишь вѣчную борьбу между ними, прекращаемую лишь конечнымъ покореніемъ послѣднихъ или, на время, истощеніемъ первыхъ...

Какъ бы то ни было, практическіе результаты отвлеченнаго „либеральнаго“ мусульманскаго міросозерцанія ужъ обнаруживаются въ томъ „новомъ порядкѣ вещей“ который мѣстами Мидхаты и ихъ европейскіе лѣстунки и прислѣшники хотѣли выдать намъ за всеустроющее средство. Намъ твердили что созданіе конституціоннаго Турецкаго государства „создастъ въ Оттоманской имперіи единый Оттоманскій народъ, сплоченный равноправностью, заботливою администраціей и дѣйствительнымъ правосудіемъ.“

Что же мы видимъ?

„Либералы“ Оттоманской палаты (объ остальныхъ и говорить нечего) поддерживаютъ одну половину программы, касающуюся администраціи и юстиціи, отъ теперешняго положенія которыхъ они сами изнываютъ, но слышать не хотятъ о другой, объ „объединеніи равноправностью“. Кововодъ турецкихъ либеральныхъ депутатовъ, нѣкто Амедъ-эффенди-Геничерли-Заде, изъ Айдинскаго вилаята, изъ Смирны, богатый, уважаемый въ своей провинціи, образованный по-тамошнему человѣкъ, изъ кулеческаго рода, самъ же не занимающійся торговлей. „Это, отзы-

зается о немъ константинопольскій корреспондентъ газеты *Темпс* *, симпатическая фигура, вполне независимая по положенію и по характеру личность, но идеалъ его вовсе не тотъ какого ожидаютъ отъ турецкихъ либераловъ въ Европѣ.

Дѣйствительно Іеничегирли не стѣснился брякнуть министру финансовъ во время обсужденія одного вопроса рѣзкое: „Господи! кто избавитъ насъ отъ вашихъ чиновниковъ!“ Когда же, по поводу провинціального управленія, дѣло коснулось христіанъ, онъ горячо отстаивалъ необходимость держать ихъ въ загонѣ. „Все безъ исключенія мусульмане, прибавляетъ цитованная выше корреспонденція, изъ которой заимствованы эти подробности, твердо стоятъ на желаніи сохранить свое господство надъ не-магометанами и не допускать ихъ до равноправности.“

Остается возложить надежды на добрую волю и могущество падишаха. Имъ должна быть наложена реформа его турецкимъ подданнымъ, всемъ безъ исключенія, отъ послѣдняго драгилы до перваго визиря.

Но способенъ ли онъ къ такому подвигу?

Нѣтъ: падишаховъ какъ бы нарочно воспитываютъ въ государственной неспособности и держать въ состояніи политическаго безсознанія. „Турки озаботились тѣмъ, говорить Сениоръ (стр. 106), чтобъ ихъ повелитель ничего не вѣдалъ и не имѣлъ возможности пріобрѣсти познанія въ дѣлахъ и людяхъ. Султаны живутъ взаперти до самаго востества на престолѣ, не имѣя ни друзей и никакихъ вѣстныхъ сношеній, окруженные лишь женщинами и рабами. И по востествіи на престолѣ затворничество ихъ не прекращается, съ министрами они видятся изрѣдка, и то лишь когда сами за ними посылаютъ, не посѣщаютъ они никого, никого не принимаютъ, ведутъ животное существованіе въ гаремѣ, умственному совершенно чужды“...

Но если не внутреннимъ собственнымъ сознаніемъ, то вѣншему необходимостію султанъ можетъ быть выведенъ изъ апатіи и оставленъ на преобразовательный путь...

Конечно, только къ чему это приведетъ? „Еслибы во главѣ Турокъ стоялъ настоящій человѣкъ, онъ можетъ-быть

* См. № отъ 13го января 1878.

пробудилъ бы ихъ и ему удалось бы поднять эту державу," такъ думалъ Наполеонъ, высказавшійся въ своей бесѣдѣ съ княземъ А. Б. Куракинымъ. * Въ послѣдствіи явился такой человѣкъ, Махмудъ, подъявшій подвигъ преобразованія своей страны,—и ему онъ не удался, хотя удалось уничтоженіе янычаръ, задача тремъ или четыремъ падишахамъ стоившая жизни.

Почему—это объясняетъ Мольтке. „Турецкіе султаны могутъ разрушать, но не созидать“, замѣчаетъ онъ, ** и приводитъ тому причину: „Султанъ не только государь, онъ вмѣстѣ и глава церкви, и религиозная власть его имѣетъ себѣ подобную развѣ лишь во власти Римскаго папы; но именно потому что онъ „калифъ“, онъ обязанъ сохранять во всей ихъ чистотѣ догматы магометанства, а догматы эти, обнимающіе весь кругъ житейскихъ отношеній, именно ставятъ преграды развитію духа, культуры, и даже матеріальнымъ улучшеніямъ.“

Коснулся султанъ этихъ догматовъ, видоизмѣняя ихъ въ гражданскомъ строѣ, и путешественнику будутъ показывать, какъ Сеніору (стр. 39), киоскъ въ которомъ заболѣлъ отравленный Махмудъ... А чего не могъ довершить энергическій и самъ убѣжденный Махмудъ, то можетъ ли привести въ исполненіе вялый гаремный обитатель, противу воли стоящій лицомъ къ лицу съ предлагаемою ему обстоятельствомъ задачей?

Отсюда тотъ фактъ что никакія европейскія платоническія вліянія въ Турціи не могутъ привести ни къ чему, никакія „благожеланія“ султана не могутъ ничего означать, и никакія международныя бумажныя соглашенія съ нимъ не могутъ быть дѣйствительны. „Договоры въ этомъ отношеніи Турціи съ европейскими державами не имѣютъ въ мусульманскихъ глазахъ никакого значенія, свидѣтельствуешь на этотъ счетъ нашъ авторъ (II. 161). Всякій правовѣрный мусульманинъ смотритъ на нихъ не какъ на ненарушимые документы, а какъ на вынужденныя обязательства, отъ которыхъ при первой возможности слѣдуетъ отдѣлаться.“ Издавае-

* См. *Русскій Архивъ* 1877, № 11, стр. 253.

** Письмо LXV, отъ 1го сентября 1839.

ные на основаніи ихъ гатти-гумаюны не могутъ имѣть никакого практическаго смысла. Отчего?

„Оттого что Порта не имѣетъ ни желанія, ни даже власти приводить ихъ въ исполненіе,“ отвѣчаетъ авторъ (II. 113). И онъ совершенно правъ. „Сила гатти-гумаюна 1856 года прекращается на разстояніи шестидесяти миль отъ Константинополя,“ свидѣтельствуетъ Сеніоръ (стр. 150). „Турки понимаютъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 143), что есаибы гатти-гумаюна были осуществлены на практикѣ, имъ пришлось бы спасовать предъ высшими умственными и нравственными качествами христіанскаго населенія, поэтому они оставляютъ его мертвою буквой. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ простое чтеніе его произвело волненія въ мусульманскихъ жителяхъ, въ другихъ его вовсе не читали...“

И иначе не можетъ быть, и будь возможно иное, не было бы возстанія, не было бы самаго Восточнаго вопроса.

Оттого-то, отъ совокупности всѣхъ перечисленныхъ условій, послѣ Крымской войны и мира упрочившаго за Турціей длинный рядъ спокойныхъ годовъ, не только ничего не было ею сдѣлано, были даже глухія леползновенія подкапаться подъ освященные самимъ миромъ факты. Свѣтило турецкой политики въ глазахъ западныхъ кабинетовъ, „Европеецъ“ — Фуадъ-паша, Фуадъ „либералъ“, Фуадъ „масонъ“, Фуадъ тонкій дипломатъ, понимавшій необходимость ладить по вышности съ европейскими понятіями (онъ обыкновенно сдерживалъ яростно-ненавидѣвшаго христіанъ Абдуль-Азиса, говоря „ваше величество хорошо дѣлаете что не любите ихъ, но не слѣдуетъ этого показывать“ (I. 25),—этотъ хитродумный Улиссъ Оттоманскаго государства едва сдерживалъ себя, когда дѣло касалось уступокъ христіанамъ и втихомолку мечталъ о томъ, какъ бы при первомъ удобномъ случаѣ извратить упроченное Парижскимъ трактатомъ за Дунайскими Княжествами положеніе и подчинить ихъ общимъ законамъ управленія имперіей (II. 155)... Турки, попавшіе въ европейскій концертъ и ознакомившіеся съ европейскими идеями и обстановкой, могутъ подчиняться доходящимъ до нихъ вліяніямъ матеріальной цивилизаціи, подчиняются ей до нѣкоторой степени, копируютъ ея вышніе признаки и приемы: но принять духовную культуру, обновиться по существу они не въ состояніи. Даже

Англичане все это хорошо знаютъ и понимаютъ. Сениоръ передаетъ свои разговоры на этотъ счетъ съ британскими пріятелями-дипломатами. „Что до неприкосновенности Турціи, сказалъ мнѣ W., то прочно сохранить ее нельзя. Мы можемъ пичкать ее гатти-гумахнама, но вылѣчить ее никто не въ состояніи. *Nullum remedium agit in cadaver* (трупу не помогутъ никакія лѣкарства), а это не просто труль, но труль уже гниущій“ (стр. 82).

Или: „Я спросилъ ***: вы конечно тоже имѣете свою теорію касательно будущности Турціи?

„Моя теорія, отвѣчалъ онъ, — состоитъ въ томъ, что съ Турками ничего не подѣлаешь; они отказываются ото всякихъ лѣкарствъ, да пожалуй и правы: какое лѣкарство имъ поможетъ“ (стр. 134).

„Всѣ наши усилія ввести въ Турцію прогрессъ похожи на старанія убѣлить негра, заключаетъ отъ себя Сениоръ (стр. 218). Единственная политика Турка, это война; единственные приемы его внутренняго управленія—адъ, висѣлица и палка. Онъ инстинктивно грубъ и жестокъ, до мономаніи. Къ чему бы онъ ни стремился, онъ употребляетъ средства требующія наименьшаго размышленія. Нужно ему устроить мѣстное управленіе, онъ командируетъ лашу, снабжая его неограниченною властью. Понадобились ему деньги, онъ хватаетъ ихъ гдѣ попало, и если не въ состояніи добыть ихъ силой, пускаетъ въ продажу администрацію, юстицію, благосостояніе и самое существованіе подданныхъ. Заботы объ очисткѣ улицъ онъ возлагаетъ на дождь, о свезеніи нечистотъ—на собакъ, о своемъ здоровьѣ—на климатъ, обо всемъ остальномъ—на Аллаха, и сидитъ себѣ сложа руки, избѣгая не только дѣятельности, но даже разсужденія о ней... Нѣтъ, повторяю, негра не убѣлить: Турки были, есть и пребудутъ неисправимыми варварами.“

Не прибавить ли къ этой характеристикѣ что у всѣхъ у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о чести и о времени, двухъ необходимѣйшихъ условій развитія человѣческихъ обществъ... „Турокъ не знаетъ что такое человѣческое достоинство и личная честь, что значитъ ея обереженіе, говоритъ нашъ авторъ (I. 220), быть уличеннымъ во лжи для него отнюдь не постыдно... Терять время для него ничего не значитъ, онъ тратитъ дни и недѣли на дѣла которое

можетъ быть окончено въ полчаса, цѣлые мѣсяцы безцѣльно проводить въ хану по торговымъ оборотамъ которые могъ бы окончить въ нѣсколько дней“...

Чего ожидать отъ такой національности?

Какой смыслъ имѣютъ хлопоты о „возрожденіи“ Турціи, о томъ чтобъ обновить, спасти, или хотъ поддержать ее?

Поддержать! а кто поддержитъ турецкіе финансы?

Еще за полвѣка до Крымской войны Турція была уже истощена и къ 1854 году принуждена была жеребиваться ассигнаціями и почти фальшивою,—до того она была испорчена,—звонкою монетою, низкопробною до того что въ Европѣ ее называли „металлическими бумажками“. Послѣ „побѣдоносной“ Крымской кампаніи она, волевыхъ, расплатилась свои ассигнаціи до того что онѣ ходили съ неслыханною потерей. Вовторыхъ, это государство, съ 1453 года въ теченіе четырехъ столѣтій не задолжавшее на сторону ни одной копѣйки, принялось заключать вѣншіе займы въ огромныхъ размѣрахъ. По показанію нашего автора (Ц. 190—239), съ 1854 по 1875 годъ заключено, большею частію не на производительныя издержки, а на султанскія затраты и для ежегоднаго сведенія концовъ, не считая выпуска внутренихъ процентныхъ бумагъ и многочисленныхъ сдѣлокъ съ различными мѣстными европейскими кредитными учрежденіями, двѣнадцать вѣншихъ займовъ, на суммы: 1854—3.000.000 ф. стерл., 1855—5.000.000 ф. стерл., 1858—5.000.000 ф. стерл., 1860—2.037.220 ф. стерл., 1862—8.000.000 ф. стерл., 1863—8.000.000 ф. стерл., въ томъ же году—еще 6.000.000 ф. стерл., въ 1869—22.222.220 ф. стерл., въ 1870—31.680.000 ф. стерл., въ 1871—5.700.000 ф. ст., въ 1872—10.000.000 ф. стерл., въ 1873—27.777.780 ф. ст., всего 124.417.220 ф. стерл. (около 800.000.000 р. сер.). Миллатъ въ своей *Запискѣ* (II. 97—98) считаетъ турецкій государственный долгъ (вѣроятно причислая къ нему и внутрениа обязательства) еще выше: въ 277.000.000 лиръ (т.е. одинъ миллиардъ 570 миллионѣвъ 590 тысячъ рублей), круглымъ числомъ по 9% въ годъ, то-есть съ потребностью ежегодной уплаты 24.931.000 лиръ (141.353.100 рублей) процентовъ, или 72 миллионѣвъ рублей по одному исчисленію нашимъ авторомъ вѣншему долгу. Доходы же Тур-

ціи по бюджетнымъ даннымъ 1876 года (П. 323—324) считая и всѣ египетскія и т. д. даны, простираются на 4.776.588 серебряныхъ кошельковъ (132.986.209 рублей), при ежегодномъ расходѣ въ 5.785.729 кошельковъ, т.-е. сомниваются нормальнымъ дефицитомъ болѣе чѣмъ въ миллионъ кошельковъ или около 30 миллионновъ рублей... Известно что съ 6го октября 1875 Порты не платитъ по купонамъ своихъ займовъ: не изъ чего...

Дипломатія ли, столь заботливая о Турціи, ликвидируетъ это финансовое положеніе? Не Турцію нужно спасать, спасти нужно *отъ* Турціи, и не дипломатіи это сдѣлать. Замѣчательный отзывъ о дипломатіи самихъ Оттомановъ. Дипломатія, говоритъ нашъ авторъ, доказала свою несостоятельность по турецкимъ дѣламъ. Когда, подсмѣиваясь оны (П. 115), въ Константинополѣ пьянаго англійскаго консула исколотить турецкая полиція, или случится помянутый пролапандѣ католическаго монаха, дипломатія неукоснительно выступаетъ на сцену; когда же коснется существенныхъ интересовъ, когда однимъ почеркомъ пера какъ бы уничтожаются долговые обязательства относительно англичанъ и французскихъ подданныхъ, дипломатія не ходитъ средствъ заступиться.

Чего же ожидать отъ нея для восточныхъ христіанъ? Найскій фарватеръ приходится оберегать европейскою комиссіей, какъ же довѣрять Туркамъ живыхъ христіанскихъ существа! Нѣтъ, участь ихъ должна быть устроена окончательно и прочно, и руками тѣхъ кто проливалъ ради насъ свою кровь. „Быть-можетъ окончательное рѣшеніе великаго вопроса придется искать подъ древними стѣнами Византии“, предсказывалъ Молотке еще въ 1837 году.

Россія не искала войны. Она приняла войну съ радостнымъ трепетомъ какъ единственное средство создать и утвердить права восточныхъ единоплеменниковъ и единоверцевъ, но она не *вызывала* такой складъ событий который привелъ бы нашу развязку невозможною и не заплеталъ рочно такихъ узловъ которые одинъ мечъ разрѣшилъ въ состояніи. Прежде чѣмъ обнажить мечъ мы терпеливо исчерпали до дна всю чашу дипломатическаго старательства.

Великое должно свершиться. „Новый порядокъ долженъ будетъ возникнуть во всѣхъ этихъ краяхъ“, писалъ 7го марта 1828 года лордъ Додлей.

Да возникаетъ же окончательный „новый порядокъ“ для греческихъ мучениковъ, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ да отпразднуется годовщина освобожденія русскимъ оружіемъ Балканскихъ христіанъ, какъ въ прошломъ году праздновалась полувѣковая годовщина освобожденія Греціи главнымъ образомъ усиліями Россіи....

Н. ЩЕРВАНЬ.

НИКШИЧЪ

(ИЗЪ НЕНАДОВИЧА)

Поле, Никшичское поле
Ты сохой не поднятъ,
Ты усыяно костями,
Кровью поле залито!

Ой ты каменное поле,
Ни дубочка, ни куста!
Сторожить рядъ кулъ турецкихъ
Непривѣтные мѣста.

Мы засѣли костями
Старый, грозный перевалъ,
Ливень лулъ турецкихъ жгучихъ
Здѣсь не разъ насъ поливалъ.

Отъ Требешицы подыались
Тучи черныя враговъ
На Плавинѣ лострѣляли
Черногорскихъ соколовъ....

Что на полѣ забывалось
 Утромъ рано подъ горей?
 То ли нашъ Никола ставитъ
 Князь шатеръ свой боевой!

Старый Никшичъ брать онъ ладитъ....
 Было крови, было слезъ!
 Много разъ ужасныхъ Никшичъ
 Черной ты Горѣ нанесъ!

Сколько лютыхъ стрѣлъ смертельныхъ
 Изъ-за этихъ стѣнъ неслоь,
 Сколько стрѣлъ тѣхъ въ сердце прямо
 Черногоріи впилоь!

Нѣтъ тебѣ теперь пощады!
 Нѣтъ твоихъ угрюмыхъ кулъ!
 Не придетъ тебѣ на помощь
 Умирающій Стамбулъ.

Вотъ за княземъ за Николой
 Наши соколы летятъ.
 Шесть медѣль грохочутъ пушки,
 Ружья шесть медѣль трещать.

Не сдастъ—крѣпится старый,
 Смерть несетъ въ своихъ рукахъ.
 День и ночь стоитъ упорно
 Никшичанинъ на стѣнахъ.

А изъ оконъ свищеть пламя,
 Стѣны падаютъ кругомъ,
 Ядра улицей вьсутся,
 Пули сыплются дождемъ....

Знаемъ васъ мы Никшичане!
 Посчитались мы не разъ,
 Мы не мало подъ стѣнами
 Крови пролили у васъ!

На однихъ взроста мы скалахъ,
Наша сталь—одинъ закалъ,
И юнакъ вашъ крѣпче стали,
Тверже онъ угрюмыхъ скалъ.

Но пробилъ твой часъ послѣдній!
Сломить Черная Гора!
Жемъ и дѣтокъ съ стариками
Убирать тебѣ пора!

Милость вамъ отъ князь Николая,
Выводи куда-нибудь,
Выводи ихъ за ворота
Будемъ биться съ грудью грудъ!

По уступамъ дикимъ горнымъ
Съро-пестрою змѣей
Удаеме баталіоны
Идутъ плотною стѣной.

Назарѣ блестать ханджары
И блестать ряды стволовъ,
Но свѣтаѣ ихъ, ярче—очи
Черногорскихъ удалцовъ.

Гдѣ ни ступать Черногорцы
Кровью мѣтятся слѣды,
Замелькали подъ стѣнами
Шалокъ красные ряды...

Грозно выстрѣлы рокочуть,
Крикнулъ нашъ юнакъ Бошко,*
Крикъ побѣдный баталіоновъ
Раскатился далеко.

* Нака Бошко, воевода Цетиньскаго баталіона.

Растворилися ворота
Петли ржавыя скрипятъ....
Слава, слава Черногорцы!
Наши соколы летятъ!

На конѣ своемъ на бѣломъ,
Князь Никола у воротъ,
Миръ и милость въ Никшичъ старый
Съ бѣлымъ знаменемъ несетъ!

Н. БОЕВЪ.

НА ГОРАХЪ*

РАЗКАЗЪ

LIX.

Среди холмовъ, ложбинъ и овраговъ, среди золотистыхъ полей и поросшихъ кудравымъ кустарникомъ пригорковъ, межъ тѣнистыхъ рощъ и благоуханныхъ сѣнныхъ покосовъ, верстахъ въ пятидесяти отъ Волги, надъ сонной, маловодной рѣчкой, по пологому склону горы больше чѣмъ на версту вытянулась кострикой и леньковыми оческами завѣшенная улица съ тремя сотнями крестьянскихъ домовъ. Дома все большіе, высокіе, но чрезвычайно тѣсно построенные. Бѣда ежели вспыхнетъ пожаръ, не успѣютъ оглянуться какъ все село до тѣхъ погоритъ...

Дома стареньки, за то строены изъ здоровеннаго ульянскаго лѣса и крыты въ два теса. Отъ большой улицы по обѣ стороны внизъ по угорамъ идутъ переулки; дома тамъ поменьше и побѣднѣе, за то много новѣе и не тѣсно построены. Во всемъ селеніи больше четырехсотъ дворовъ наберется, опричь келейныхъ рядовъ, что ставлены на задахъ, ближе ко всполю. Въ тѣхъ келейныхъ рядахъ бобыльскихъ да вдовьихъ дворовъ не меньше пятидесяти.

* См. *Русск. Вѣсти*. № 5 и 10я 1875, № 8 и 10я 1876 и № 5, 6, 7 и 10я 1877.

На самомъ верху горы большая каменная, латиглавая церковь стоитъ. Старинной постройки она, помнитъ дни царя Алексѣя Михайловича... Видно, что въ старыя годы она богата была, но потомъ обѣднѣла до нищеты и обветшала въ конецъ. Зеленая черепица на главахъ въ половину осыпалась, желѣзная крыша проржавѣла, штукатурная облицовка обѣзала, карнизы, наличники, сандрики * и узерочный кафельный вокругъ церкви поясъ обвалились, отъ трехъ крылецъ, на кувшинныхъ столбахъ съ висячими арками, уцѣлѣло только одно, на колокольномъ березка выросла. Вкругъ церкви грязная базарная площадь обстроена деревянными, низенькими, ветхими лавчонками. Кромѣ такого „гостинаго двора“ стоятъ на той площади два старыхъ каменныхъ дома, въ одномъ волостное правленіе, въ другомъ бѣла харчевня. И въ томъ и въ другомъ домѣ зимой, сколько дровъ ни жги—вода мерзнетъ. Подъ горой вдоль рѣчки въ два ряда тянутся кузницы, а на горѣ за селомъ къ одному мѣсту скучились десятковъ до трехъ вѣтряныхъ мельницъ. Не для размолла муки, не для обдирки крупы, не для битья коноплянаго масла ставлены тѣ мельницы, рыболовныя уды точатъ на нихъ.

Село Миршенно зовется, оно казенное, а въ старыя годы бывало „вотчиной дома Живоначальныя Троицы и преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца“, самаго крупнаго во время оно русскаго помѣщика, владѣвшаго больше чѣмъ ста тысячь душами крѣпостныхъ крестьянъ. Земля при Миршенѣ добрая, родить хорошо, но на тысячу душъ ея маловато. Къ тому жъ зѣмли отъ села пошли въ одну сторону клиномъ, и на работу въ дальнія полосы приходится ѣздить верстъ за десятокъ и дальше, оттого заполья ** и не знали ороду навоза, оттого и хлѣбъ на нихъ плохо родился. Промыслами миршенскіе мужики кормятся отхожими и домашними. Изъ бѣдныхъ кто въ бураки идетъ, кто на Низу на ватагахъ ловецкихъ работаетъ, кто въ Самарскихъ степяхъ пшеницу жнетъ, либо гурты скота въ верховыя города прогонять нанимается. Которы люди позажиточнѣй тѣ сами головъ по тридцати крупнаго скота да по сотнямъ барановъ на ярмакѣ у Ханской

* Сандрики—карпики надъ окномъ.

** Заполье—самыя дальнія полосы пахотной земли.

ставки скупаютъ, мясо продаютъ по базарамъ, а зимой мороженное возятъ въ Ростовъ и Ярославль на продажу. Сало тоже топятъ, кожи да овчины выдѣлываютъ. Другіе денежныя люди осенью вѣзятъ въ Уральскъ и Саратовъ и тамъ накуливъ коренной рыбы, развозятъ ее зимой по деревнямъ. А которые за наживой на сторону не отлучаются, тѣ дома два промысла знаютъ—сѣти для живовой рыбной ловли вяжутъ да уды для нея же работаютъ. Бабы треплютъ коволю, прядутъ ее съ мужиками вывостъ и вяжутъ сѣти отъ одноперстника до ладошки. * Кто подостаточнѣе проволоку тянуть изъ желѣза и раздаютъ ее односельцамъ на выдѣлку рыболовныхъ удъ. Тѣ сѣкутъ ее на жеребьи и мальчишкамъ да подросткамъ даютъ оттачивать на вѣтряныхъ мельницахъ устроенныхъ съ особыми точильными. Съ Покрова до великаго Николая всѣ мальчишки лѣтъ отъ десяти до пятнадцати съ ранняго утра до поздней ночи оттачиваютъ жеребейки, взрослые глянчатъ ** ихъ и на уды гнутъ. Большія уды, что зовутся „кованцами“, что идутъ на блугу и вѣсятъ по пяти да по шести фунтовъ каждая, кузнецы куютъ на кузницахъ.

Такъ кормятся Миршенцы, но и у нихъ, какъ вездѣ, бабыши не рабочему люду достаются, а скупщикамъ да хозяевамъ точильныхъ мельницъ, да тѣмъ еще что желѣзо сотнями лудовъ, либо леньку сотнями возовъ покупаютъ. Работая изъ-за низкой платы, бѣдняки вѣкъ свой въ кабалѣ живутъ, выбиться изъ нея и подумать не смѣютъ.

Ропщутъ на судьбу Миршенцы, и такъ говорятъ: „Старики намъ говаривали что въ годы прежніе, когда прадѣды наши жили за монастырщиной, житье всѣмъ было привольное, не такое, какъ намъ довелось. Доброе было житье и во всемъ изобильное. И пахоты богатство, *** и луговъ доволь и лѣсу руби не хочу, сукромѣ **** въ анбарахъ отъ хлѣба ломаются, скирды да одошья ровню горы на гумнахъ стоятъ года по три нетронутые немолоченные. И птицы, и животныя въ каждомъ дому водилось.

* *Одноперстникъ* — сѣть съ мелкими ячеями въ лапцѣ величиной, *ладонникъ* — съ крупными ячеями въ ладонь.

** *Глянчить* — наводить лоскъ, полировать.

*** *Вывостъ* богатство въ Нижегородской губерніи и ниже по Волгѣ народъ говоритъ *богатство*, *богачество* и *богаство*.

**** *Сукромѣ* то же что сучькѣ, *закромъ* — отгороженный въ анбарѣ ларь для ссыпки зерноваго хлѣба.

съ залишкомъ, безъ мясныхъ щей тогда за обѣдъ не садилась, а по праздникамъ у каждой хозяйки жарилась гусятина, либо поросятина. Въ лѣсу свои бортовые ухажья, * меду тѣмъ сколько вѣзетъ, брага да сычѣны квасы безъ переводу бывали въ каждомъ дому. Да, дѣды живали, медъ да ливо ливали, а мы живемъ корочки хлѣбца порой не сжуемъ; прадѣды жили ни о чемъ не тужили, а мы живемъ—не плачемъ, такъ режемъ.“ Такъ говаривали Миршенцы про старые годы, такъ сердцемъ болѣли они по былымъ временамъ, вспоминая монастырщину, и плачась о ней ровно о потерянномъ и невозвратномъ раѣ. „Не нажить намъ прошлыхъ дѣдъ, они жалобились, не свѣтитъ на насъ солнышку по-старому.“

Такъ говорили, не зная монастырскихъ порядковъ, не помня ни владычныхъ десятильниковъ, ни прикащиковъ, ни посельскихъ старцевъ, ни тиуновъ, что судили и рядили по посуламъ, да почестямъ.... Славил Миршенцы старину, забывъ доводчиковъ, что въ старые годы на каждомъ шагу въ свою мощу ебирали лошаины, славил монастырщину, не зная не вѣдая о приказныхъ старцахъ и монастырскихъ слугахъ и служебникахъ **, что саранчой бывало налетали и все лоѣдали въ вотчинахъ. И того не помнили Миршенцы какъ тиуны да прикащики съ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, опричь судныхъ лошаинъ, то и дѣло ебирали „бораны“. Перешелъ кто изъ дома въ домъ, готовъ ему „боранъ переходжій“; хлѣба кто продалъ на торгу, „сплосѣмъ“ подавай, сына выдѣлилъ—„дѣловое“ отдай, женилъ его—и съ князя и съ княгини *** „убрусный алтынъ“, да кромѣ того хлѣбъ съ калачомъ; дочь замужъ выдалъ—„выводную куницу“ заплати. А доводчикамъ, да недѣльщикамъ ****, что

* *Бортъ*—колода выдолбленная въ верху стоящаго на корню дерева для пчеловодства. *Бортевой ухажей*—мѣсто въ лѣсу гдѣ надѣланы бортъ.

** Прикащикъ управлялъ монастырскою вотчиною, *посельскій старецъ* изъ монаховъ велъ монастырское хозяйство въ томъ или другомъ селѣ либо въ цѣлой вотчинѣ, онъ же завѣдывалъ и полевыми работами крестьянъ, мельницами и пр. т. п. *Тиунъ* или *тиуны*—судья, назначаемый монастырскими властями для судныхъ разбирательствъ въ освобожденных отъ свѣтскаго суда вотчинахъ.

*** Князь и княгиня—новобрачные.

**** Недѣльщики тѣ же доводчики, но исправлявшіе должность не постоянно, а по надѣлу. Въ родѣ нынѣшнихъ сотскихъ и десятскихъ при станovýchъ квартирахъ.

ни ступилъ, то деньги залаатилъ: вора онъ поймалъ—плати ему „узовое“; въ кандалы заковалъ его—плати „пожелѣзное“; поспоришь съ кѣмъ, да помиришься, и за то доводчику денежки выкладывай—плати „заворотное“.

До сихъ поръ въ Миршенѣ за базарными лавками поросшій долухомъ и черныбыльникомъ лустырь со слѣдами заброшенныхъ градъ и погребныхъ ямъ — „Васьяновымъ правожомъ“ * зовется. Тутъ во дни оны стоялъ монастырскій дворъ, а жилали въ немъ посельскіе старцы, и навѣзжали туда черны и служебники Троицкіе. На томъ дворѣ безъ малаго сорокъ годовъ проводилъ свою трудолюбивую жизнь преподобный отецъ Вассіанъ, старецъ лютѣй изъ поповскаго рода. Сильной и грозной рукой во всѣ сорокъ лѣтъ надъ Миршенью онъ властвовалъ. Передъ самыми окнами чернической кельи своей смиренный старецъ каждый Божій день опричь воскресенья, передъ божественной литургіей, людей на правожъ становилъ, батогами нещадно выбивая изъ нихъ недоимки. Вымучивалъ старецъ не малые деньги и въ свой карманъ, а сулпротивниковъ на цѣпь въ погребѣхъ сажалъ, и бивалъ ихъ тамъ плетью и ослопьемъ **, а съ неимущихъ чтобъ насытить бездонную утробу свою вымогалъ платежныя записи. *** Зачастую бывало что святой отецъ льянымъ дѣломъ мужиковъ и ножомъ лоролъ. Отъ Васьяновой тѣсноты ****, боя и увѣчья крестьяне въ рознь разбѣгались, иные шли на Волгу разбои держать, другіе насильства не стерпя, въ воду метались и въ летѣ теряли животь.

* *Правожъ* — взысканіе недоимокъ и вообще долга посредствомъ истязаній. Били батогами пока не залаатитъ.

** *Ослопъ*—дубина, колъ.

*** *Платежная записъ*, по-нынѣшнему заемное письмо, вексель

**** *Тѣснота*—въ старину означало то же что нынѣшнее слово *притѣсненіе*. *Посулы, почести, приносы*—взятки, гостинцы, поборы. *Доводчики*—книшіе монастырскіе сауги, такъ-называвшіеся саужебники (нынѣ саужка) изъ непостриженныхъ, исправлявшіе разные полицейскія обязанности въ монастырскихъ вотчинахъ, сыщики и судебные слѣдователи находившіеся въ распоряженіи прикащиковъ или посельскихъ старцевъ и получавшіе въ свою пользу особо установленныя пошачины, именко: ѣздъ—прогоны по деньгѣ за двѣ вероты, въ случаѣ поѣздки доводчика за отвѣтникомъ или за свидѣтелемъ; *хоуженое* по одной и по двѣ деньги по окончаніи дѣла; *ссадное* или *заворотное*

Въ Миршені за каменнымъ трактиромъ, что прежде бывалъ тожъ монастырскимъ дворомъ, мѣстечко есть за огоро- домъ, „Варламовой баней“ зовется оно. Миршенскія бабы да дѣвки баню ту не забыли: въ полпрекахъ подругамъ за разгуль- ную жизнь онѣ и телерь ее поминаютъ. Подъ самый почти ко- нецъ монастырщины въ домѣ томъ проживалъ посельскій старецъ честный отецъ Варлаамъ, великій сластолюбецъ. Распалаямъ бѣсами, искони вѣка сего прю со иноки веду- щими и на мірскія сласти ихъ подвигающими, сей старецъ, предоставляя прикащикамъ и доводчикамъ на крестьян- скихъ свадьбахъ взимать убрусные алтыны, выводима кувницы ч хлѣбы съ калачами, иного рода лошчины собиралъ, за что въ лятнадцатъ лѣтъ правленія цѣлыхъ два раза по жа- лобнымъ челобитьямъ крестьянъ получалъ отъ Троицкаго архимандрита съ братією памяти * съ душеполезнымъ увѣ- щаніемъ о еже бы сократилъ страсти своя и провождалъ жизнь въ трудахъ, постѣ и молитвѣ, и никакого бы дурна на соблазнъ православныхъ чинить не отъаживался...

при окончаніи тяжбнаго дѣла мировою; *посельское* за наложеніе оковъ на отвѣтника и за караулъ его по двѣ деньги въ сутки за че- ловѣка; *узловое* или *сязчее* за арестованіе воровъ и убійцъ съ получ- нымъ. Прикащикъ вмѣстѣ съ доводчикомъ получалъ *смотреное* — за осмотръ людей убитыхъ, раненыхъ, избитыхъ; *сводную кувницу* — съ дѣвокъ выдаваемыхъ въ замужство; *убрусный алтынъ* — съ ново- брачныхъ; *явочное* — съ наемавшихъ работниковъ. Прикащикъ или тиунъ вмѣстѣ съ доводчикомъ получали *ротное* или *отное* съ тажущихся, прибѣгавшихъ для рѣшенія дѣла къ присягѣ; *жере- бейное* — если споръ рѣшался вынудіемъ жеребья, кромѣ того еще равныя пени (штрафы). Прикащикъ или тиунъ безъ раздѣла съ доводчикомъ получалъ въ свою пользу: *судное* или *правый десятокъ* за производство суда по тяжбѣ съ виновнаго по цѣнѣ иска (пять процентовъ); *боранъ* (отъ слова брать) *межевой*, если дѣло шло о поврежденіи межевыхъ знаковъ; *полевой*, *дворовой*, *осу- ленный*, *огородный*, *пожельный* — когда споръ былъ о полатѣ, о дворѣ, гумнѣ, огородѣ, пожнѣ; *переносный* — ежели кто переплачивалъ чужія пожни; *потравной* — если дѣло шло о потравѣ; *перехожій* — за пе- реходъ на житье изъ села въ село или изъ дома въ домъ. *Стожар- ное* и *спозѣль* — пошачны съ крестьянина при продажѣ имъ сѣна или хлѣба; *дѣловое* — пошачна при выдѣлѣ отцомъ дѣтей или при раздѣлѣ, кромѣ того пошачны за пиры, за братчины и пр.

* *Память* — письмо, предписаніе.

Сохранился у Миршенцевъ на памяти „пожаръ Нифонтовъ“, когда на самую Троицу все село безъ остатку выгорѣло. Сухмень * стояла, трава даже вся пригорѣла и въ такое-то время, въ самый полдень подымалась прѣжестокая буря, такая что столѣтніе дубы съ корневищемъ вонъ изъ земли выдрала. А тутъ спасеннымъ дѣломъ обѣдню, да лежащую на листу вечерню ** отлѣвши, посельскій старецъ Нифонтъ съ дорогими гостями что наѣхали изъ властнаго монастыря—соборнымъ старцемъ Діонисіемъ Поскочинымъ, значитъ барскаго рода ***, да съ двумя рядовыми старцами, да съ тиуномъ, да съ прикащикомъ, и съ иными людьми за трапезой великій праздникъ Пятидесятницы справляли, да грѣшнымъ дѣломъ и натянулись хоть выжми. Во хмѣлю межъ ними свара пошла, посельскій съ соборнымъ старцемъ учинили драку—рожи другъ у друга рвали, браны исторгали, за честные волосы и въ келарнѣ и въ поварнѣ по полу другъ дружку возили. Все какъ слѣдуетъ быть по обычаю. Гости отъ хозяевъ не отстали, пошли и они одни на другихъ и была тутъ боевая свалка и многое пролитіе крови. Въ таковое шумное время Богу полуцающему, лаче же врагу дѣйствующу, возгорѣся Нифонтова поварня и отъ огненнаго прещенія во всей Миршенѣ ни кола, ни двора не осталось. Прелодобный же отецъ Нифонтъ сласая отъ пламени туго набитую кубышку, огненною смертію животъ свой скончалъ. Оттого пожаръ тотъ „Нифонтовымъ“ и до нашихъ дней зовется.

* Сухмень—сухая погода, продолжительное бездождіе.

** Въ Троицынъ день вечерня поется послѣ обѣдни безрасходно. На вечерни читаются молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, а въ старину лежа ницъ, съ „травками“ говоря по старинѣ, то-есть съ цвѣтами въ рукахъ. При лежаньи ницъ „травы“ клались подъ лицо молящимся. Отсюда выраженія „лежать на листу“ и „лежащая на листу вечерня“, иногда просто „лежащая вечерня“.

*** Въ старину монахи изъ дворянъ сохраняли и въ иночествѣ родовыя фамиліи, означавшіяся и въ офиціальныя бумаги, на-примѣръ: Авраамій Палицынъ, Симонъ Азарынъ, Игнатій Румскій-Корсаковъ, Георгій Дашковъ и пр. Въ XVIII столѣтіи и не дворяне монахи стали писаться съ фамиліями (но не въ офиціальныя бумаги), но это уже не имѣло и теперь не имѣетъ ни малѣйшаго значенія.

Знали это по преданьямъ Миршенцы, но все-таки ту-жили и горевали по монастырщинѣ, когда и лашки, и по-косовѣ, и лѣсу было въ полномъ достаткѣ, а теперь нѣтъ почти ничего.

Васьяновъ правѣжъ, Варламова баня, Нифонтовъ пожаръ, полузабытыя дѣла минувшихъ лѣтъ, не возбуждали въ Миршенцахъ столь тяжелыхъ воспоминаній какъ Орѣхово поле, Рязановы ложни, да Тимохинъ боръ. Правѣжъ чернобылью поросъ, отъ бани сѣдковъ не осталось, послѣ Нифонтова пожара Миршенъ давно обстроилась и потому еще не одинъ разъ послѣ пожаровъ перестраивалась, но до сихъ поръ кто изъ церкви ни пойдетъ, кто съ базару посмотреть, кто глаетъ изъ воротъ, у того что бѣльмо на глазу Орѣхово поле за рѣчкой, Рязановы ложни подъ самымъ селомъ, а по краю небосклона боръ Тимохинъ сияетъ. Все эти уголья теперь чужія, заказныя, а въ стары годы миршенскими были. Пахали Миршенцы Орѣхово поле, косили они Рязановы ложни, въ Тимохинъ боръ по дрова да по бревна на хорошее строенье вѣзжали безданнымъ, безпошлинно. И все то было во дни монастырщины.

Когда у монаховъ крестьянъ отбирали, въ старыхъ грамотахъ смыскало было что Орѣхово поле, Рязановы ложни и Тимохинъ боръ отдѣльными пустошами значились. Даваны были они дому Живоначальныя Троицы иными вкладчиками, а не тѣмъ что давалъ на поминъ души своей село Миршенъ съ коренной землей. Оттого и поле, и ложни, и боръ въ казну отошли, а спустя немногое время пожалованы были они поковнику Якимову за рабы и увѣчья въ войнѣ съ Турками. И до сей поры оставались они въ родѣ Якова. Не въ терпѣжь стало Миршенцамъ смотреть какъ якимовскіе мужики лашутъ Орѣхово поле и косятъ заливныя луга на Рязановыхъ ложняхъ. Почаству бывали жестокіе бои. Только-что придутъ бывало якимовскіе на ложни, вся Миршенъ съ дубьемъ, съ топорами да съ бердышами на нихъ высылетъ. И въ бояхъ бывали увѣчья, не мало бывало и смертныхъ убійствъ. Судъ падетъ, миршенскихъ бойцовъ изъ девяти десятого кнутомъ отобьютъ, въ Сибирь сошлютъ, остальныхъ розгами перепорятъ. Сланы заживутъ, а къ Петрову дню новое сѣно поспѣетъ, Миршенцы опять за дубье, да за колья,

олять пойдутъ бои не на животь, а на смерть. И сколько въ Миршенѣ начальства ни наѣзжало, сколько мужикомъ законовъ ни вычитывали, на разумъ они придти не могли. Одно твердятъ: „отцы и дѣды наши Орѣхово поле лѣтомъ своимъ облаивали, отцы наши и дѣды Рязановы пожни косили... Наши тебѣ угоды—знать ничего не хотимъ.“

Больше десяти годовъ бывали такіе бои около лѣтнихъ Кузьмы Демьяна на Рязановыхъ пожняхъ, потравами и Орѣховомъ полѣ и лѣснымъ порубкамъ въ Тимоховомъ борѣ не было счету—зѣразъ бывало десятинами хлѣбъ вытравливали, зѣразъ сотнями деревья валили. Отъ штрафовъ и отъ левей, отъ платы за порубки и потравы, отъ воинскихъ постоя что въ такое разбойное село за наказанье ставили, въ конецъ обѣдѣвали Миршенцы. Село обезлюдило—многочисленному роду въ Сибирь ушло. Стало въ Миршенѣ шаромъ покати. Тогда унялись дубинные и топорные споры, за то начались иныя бои—не коломъ, а перомъ; не кровь проливать стали, а чернила. Сколько просьбъ было подавано, сколько ходковъ въ Петербургъ было посылаемо, а все-таки дѣло не выгорѣло, лучше только разорились Миршенцы. Когда же пришлось имъ сумы надѣвать да по міру за подаваемымъ брести, они присмирѣли.

Смирившись, но не могли забыть что дѣды ихъ и прадеды Орѣхово поле пахали, Рязановы пожни косили, въ Тимоховомъ борѣ дрова и лѣсъ рубили. Давно подобранные старики, что жили подъ властями монастырскими, сыномъ ихъ и внуки тоже одинъ за другимъ ушли на ниву Божію, а Орѣхово поле, Рязановы пожни и Тимоховъ боръ въ Миршенѣ попрежнему и старому и малому глаза мозолятъ. Какъ ни взглянуть на нихъ, такъ и вспоминать золотое житье дѣдовъ и прадедовъ и качнуть ролтать на свою жизнь горегорькую.

LX.

Тихо, спокойно жили Миршенцы: пряли дѣла, сѣти вязали, уды точили, а за дѣдовы угоды смертнымъ боемъ больше не дрались. Давнія лобовища остались однако въ людской памяти: и околный и дальній народъ обзывалъ Миршенцевъ

„головотялами“... Иная память осталась еще отъ старинныхъ боевъ: на Петра и Павла, либо на Кузьму Демьяна каждый годъ въ началѣ стѣнокосовъ въ Миршенѣ у кузницъ, сѣпротивъ Разановыхъ ложней, кулачные бои бывають, но дерутся на нихъ не въ дѣло, а только ради потѣхи.

Изъ-за трехъ веротъ акимовскіе мужики на тѣ бой ровно на праздникъ приходятъ. Всѣми деревнями поднимаются съ бабами, съ дѣвками, съ малыми ребятами. Пообѣдавши Миршенцы всѣ поголовно, опрѣчь развѣ старыхъ старухъ, рядятся въ праздничную одѣжу и спѣшно выходятъ на подугорье * гостей встрѣчать. Молодые парни въ красныхъ кумачевыхъ, либо ситцевыхъ рубахахъ, въ смазанныхъ чистымъ дегтемъ сапогахъ, съ княгининскими ** шапками на бекрень, кружками собираются на луговины. Дѣвушки и молодицы въ ситцевыхъ сарафанахъ, съ шерстяными и матерчатыми платочками на головахъ начинаютъ помаленьку „игры заводить“. Громкія пѣсни, звуки гармоникъ, игривый говоръ, веселый задушевный смѣхъ, звонкіе клики разносятся далеко. Люди степенные садятся ближе къ селу подъ самой горой. Въ ихъ кружкахъ одна за другой четвертухи *** распеваются и свои пѣсни распѣваются. Особыми кружками на зеленой муравѣ сидятъ женщины и угощаютъ другъ друга городецкими пряниками **** да цареградскими стручками, щелкають каменны орѣхи, либо сладкіе подсолнухи. Каждый годъ на этомъ гуляньѣ ровно изъ земли выросталъ разбоищикъ. У него на подводѣ много ящичковъ, разставляетъ онъ ихъ и раскладываетъ деревенскія лакомства; въ накладѣ онъ никогда не остается. Мальчишки и подростки борются либо играютъ: кто въ ковы, кто въ крѣгли, кто въ чижъ, кто въ ланту, † съ гакомъ, съ визгомъ, съ задорными криками. Но вотъ голосистая

* Подугорье, подгорье—подоса подъ горой.

** Въ городѣ Княгининѣ, Нижегородской губерніи, особенно въ подгородныхъ слободахъ его весь народъ шьетъ шалки да картузы.

*** Бутылы или штофы въ четверть ведра.

**** Изъ села Городецъ на Волгѣ. Городецкіе пряники сазываютъ Поволжѣ больше чѣмъ владимскіе или тульскіе.

† Ковы—бѣлки, известная и самая обычная игра деревенскихъ мальчишковъ. Крѣгли или городки: тонкіе, круглые столбики вершка.

бойкая молодлица выходитъ изъ толпы, весело вокругъ себя озирается и ловко подбоченясь громкимъ голосомъ заводитъ „созывную“ пѣсню:

Собирайтесь дѣвицы,
Собирайтесь красавицы
На зеленъ на лужокъ,
Собирайтесь дѣвицы,
Собирайтесь красныя
Во единъ во кружокъ.

И молодницы и дѣвицы заливалкѣ дружно подтягиваютъ:

На травкѣ, муравкѣ рвите цвѣточки,
Пошли въ хороводъ!
Пошли въ хороводъ! *
Въ хороводѣ веселитесь,
По забавушкамъ пуститесь,
Пѣсни заливайте,
Подружекъ собирайте!
Пошли въ хороводъ!
Пошли въ хороводъ!
Запоемте дѣвки пѣсню нову,
Нашу радость хороводу!
Въ хороводъ, въ хороводъ!
Пошли въ хороводъ!

Собрались дѣвицы, молодцы къ нимъ подошли, но особымъ кружкомъ стали. Въ хороводѣ пѣсню за пѣсней поютъ, но игра идетъ вяло, не весело. Молодица что созывную пѣсню заливала середь хоровода становится и начинается:

Какъ намъ дѣвушки хороводъ собирать,
Какъ намъ красны новы пѣсни заливать?

Хороводъ продолжаетъ:

Диди ладо, диди ладушки!
Вы подруженьки любимыя,

въ четыре вышиною, ставятся рядами, ихъ сшибаютъ падающими палками. Чижъ заостренная съ обоихъ концовъ палочка въ четверть длины; бьютъ чижъ по концу, онъ летитъ къверху, его подбиззуютъ на воздухъ и онъ летитъ дальше. *Ланга* — игра въ мячъ.

* *Пошли* — ступайте, идите.

Вы красавицы забавницы,
Соходитесь на лужокъ
Становитесь во кружокъ.

Диди ладо, диди ладутки!
Вы сцѣлитесь всѣ за ручки,
Да примите молодцовъ!
Приходите молодцы во двѣичій хороводъ,
Выходите удалие ко краснымъ во кружокъ.

Диди ладо, диди ладутки!
Въ пары становитесь — сохи собирать,
Въ пары, въ пары собирайтесь — лашенку пахать,
Пашенку пахать, сѣять бѣлъ ленокъ,
Въ пары, въ пары, въ пары, во зеленый во садокъ.
Диди ладо, диди ладутки!

Гурьба молодцовъ къ хороводу идетъ. Тихо, неслѣшно
идутъ, охорашиваясь. Пары становятся въ кругъ. Тутъ и мир-
шевскіе и якимовскіе. Всѣ вмѣстѣ весело, дружно играютъ.

Вотъ середь круга выходитъ двѣица. Рдѣютъ пышная
лавиты, высокой волной поднимается грудь, застѣнчиво по-
никли темные очи, робѣетъ чернобровая красавица, первая
по всей Миршеи невеста Мареуша, богатаго скушника Се-
мена Парамонова дочь. Тихо двинулася хороводъ, громкую
лѣсню залѣлъ, и пошла Мареуша лавой ходить, сама бѣлень-
кимъ платочкомъ помахиваетъ. А молодцы и двѣицы дружно
поютъ:

Какъ на кустикъ зеленомъ
Соловейшко сидитъ,
Звонко, громко онъ поетъ,
Въ теремъ голосъ подаетъ,
А по травкѣ, по муравкѣ
Красны двѣицы идутъ,
А котора лучше всѣхъ —
Та сударушка моя.
Бѣлымъ лицомъ круголаичка
И нарядѣе всѣхъ,
Какъ Мареушу не признать,
Какъ милую не узнать?

Влетаетъ въ кругъ Григорій Моргуны, самый удалой мо-
лодецъ изъ всѣхъ Якимовскихъ. Въ ситцевой рубахѣ, синь
кафтанъ болокомъ *, шлала съ подхваткомъ, къ тулѣ при-
стегнуты лавиные перышки. Красавецъ Григорій изъ бога-
таго дома, изъ тысячнаго, два сына у отца, двѣ растивы

* Одѣваться болокомъ — надѣвать одежду въ накидку.

на Волгѣ. Идетъ Гриша улыбається—рѣдко шагаетъ, крѣпко ступаетъ—знать сокола по полету, молодца по выступкѣ. Подходитъ онъ къ Мареушѣ, шаялу снимаетъ, низко кланяется, беретъ за бѣлыя руки красавицу, ведетъ за собой. Сильный и сильный колышется дѣвичья грудь, красный и красный рдѣютъ щеки Мареуши... Вотъ глаза подаяла—и всѣхъ осіяла, взглянула на молодца—сама улыбнулась. А хороводъ лѣсню свою долѣваетъ:

Признавалъ, узнавалъ
Гриша молодецъ удалъ,
За рученьку ее браалъ,
Отъ подругъ прочь отзывать,
Полой ее одѣвалъ,
При народѣ цѣловалъ.

И подъ эти слова Гриша накинувъ на Мареушу лѣлу кафтана цѣлуеъ ее въ уста алыя. Первый силачъ, первый красавецъ изъ всѣхъ деревень якимовскихъ, давно ужъ Гриша Моргуны въ чужой приходѣ сталъ къ обѣднямъ ходить, давно на долѣ Орѣховомъ, на косовицѣ Рязановой, чуть не подъ самыми окнами Семена Парамонича, удалой молодецъ звонко лѣсню поетъ, голосистымъ соловьемъ заливается... Не свивать глѣзда соловью на высокомъ дубу—не видать тебѣ, Гриша Моргуны, Марены Семеновны женой своей. Казенный тысячникъ за барскаго дочери не выдастъ, хоть гаряцами отсылай ему золоту казну.

Лѣсню за лѣсней, игра за игрой, а у степенныхъ людей бесѣда живѣй да живѣй. Малы ребятки локинувши козны и крѣгаи, за новую игру принялись. Расходились они на двѣ ватажки, миршенская становилась подъ горой задомъ къ селу, едакъ отъ нихъ къ рѣчкѣ поближе другая ватажка собиралась—якимовская.

Стали якимовскіе на бой вызывать супротивниковъ. Заочувивъ рукава и ожавъ кулаченки, мальчишки лѣтъ по тринадцати шагнутъ впередъ, остановятся, еще шагнутъ, еще остановятся, и острыми тоненькими голосками, на раслѣвъ кличъ выкликаваютъ:

— Камча, камча, мѣленьки! Камча, камча, мѣленьки!

То—вызывной кличъ на бой. *

* Камча—собственно плеть, нагайка, а также ударъ, битье—слово татарское, употребляемое Русскими въ восточныхъ губерніяхъ.

Слѣпымъ дѣломъ миршенскіе парнишки въ рядъ становились и крикнувъ въ голосъ „качма!“ пошли на якимовскихъ. А тѣ на встрѣчу имъ, но тоже съ разстановками: шагнутъ — останоятся, еще шагнутъ — еще останоятся. Близко сошлись бойцы-мальчуганы, но въ драку локуда не лѣзутъ, задорите только кричать:

— Камча, камча маленьки!.. Камча, камча маленьки!

Мало повременя стали мальцы другъ на дружку насакивать, но это еще только заигрыши... * Вотъ наконецъ съ якимовской стороны выступаетъ паренекъ лѣтъ двѣнадцать, удалой, задорный, забіячливый, недаромъ старостинъ сынъ. Зовутъ его Лёска Баранъ. Засучивъ рукавишки, трахнувъ бѣлыми какъ левъ волосенками, низко нагнувъ голову, астремкомъ ринулся онъ на миршенскихъ. Подбѣжалъ, размахнулъ ладонными рученками, и ровно двѣ тростинки подрѣзалъ двухъ мальчугановъ, а потомъ поднявъ важно голову къ своимъ пошелъ. Не вставая съ земли, зажмуря глаза, раскрывъ рты мальчуганы сбитые съ ногъ хотѣли было звонкую ревку задать, но стоявшіе сзади и по сторонамъ миршенскіе подростки и выростки ** на мальцовъ окрысились и въ сердцахъ закричали на нихъ:

— Не смѣть визжать, заревыши! *** Охота реветъ — ступай къ матери...

Стихли ребятенки и молча поднявшись съ земли стали утирать глаза кулаченками. Ватажки своей они не покинули. Нельзя. И мальчикамъ не охота срамъ принимать. А хуже того срама, что съ боя сбѣжать—нѣтъ и никогда не бывало. Життя послѣ не будетъ отъ чужихъ и своихъ.

Лёска Баранъ сталъ впереди ватаги своей, молодецки подбоченился и гордо поглядывалъ на миршенскихъ. А тѣ языки ему высовываютъ, вылѣвываютъ, вычитываютъ:

Лёска дуракъ
Повадился въ кабакъ,
Тамъ его били,

особенно въ Оренбургской, Уфимской, Казанской, Самарской. Это же слово служить и кликомъ на кулачныхъ бояхъ. Въ иныхъ мѣстахъ на бояхъ это слово нѣсколько искажается: вмѣсто камча кричатъ *качма*.

* *Заигрыши*—заигрыванье, задиранье, затрогиванье шутками.

** *Подростокъ*—отъ 14 до 16 или 17 лѣтъ, *выростки*—отъ 17 до 19.

*** *Заревыши*—кто, начинаетъ реветъ. *Зарѣвъ* начало рева.

Били, колотили
 Бó три дубины,
 Четвертый костыль
 По зубамъ востриазъ,
 Пята дубина
 По бокамъ возила,
 Шесто колесо
 Всего Лёску разнесло,
 По возамъ городамъ,
 По вѣтамъ сѣламъ, деревнямъ.

Глазомъ не моргнувъ Лёзка на задорные, обидливые на-
 лѣвы миршенскихъ парнишекъ. Стоитъ на мѣстѣ ровно въ
 землю вросъ, стоитъ, а самъ охорашивается: „глядите де-
 скать на меня каковъ я богатырь уродился“. Не стерпѣвъ
 того Васютка Чернышъ изъ миршенскихъ. Подобравъ ле-
 страдинные, домотканые штанишки, подтянувъ поясокъ и за-
 сучивъ рукава сарликовой косоворотки, маленькій, луза-
 тельскій, но сильный и смѣлый Васютка, сверкая изъ под-
 лобья темнокарими глазенками и слегка переваливаясь съ
 ноги на ногу, мѣрнымъ, неслышимымъ шагомъ выступалъ на
 якимовскихъ. Тѣ въ голосъ ему:

Требуханъ, требуханъ,
 Съѣлъ корову, да быка,
 Овцу, язовицу,
 Пятьдесять поросать,
 Десяносто утать.

Не сердается Чернышъ, не ругается, не его будто бранять,
 не его корятъ. Былъ онъ на ногу скоръ, на походку ле-
 гокъ, налѣскался на ватажку якимовскую, пошелъ косить
 направо и налево—мальчуганы вкругъ него такъ и валятся.
 Тутъ Лёзка Баранъ на слѣхъ выскакивалъ, ниже пояса
 склонялъ бѣлокурую курчавую голову, со вѣхъ ногъ на
 Васеньку бросился, хочетъ его съ копыть долой, да Васютка
 Чернышъ тутъ увертаивъ былъ—въ бокъ отскочилъ, Лёску
 какъ споль повадилъ, съѣлъ верхомъ на него.... Тутъ
 начинался задорный бой, смѣшались миршенскіе съ якимов-
 скими, давай колотить другъ друга на пропалую.... Дрогнули
 ребятки миршенскіе, смяли ихъ якимовскіе, погнали съ лу-
 говины въ село.

Тутъ миршенскіе подростки и выростки засвистали гром-
 кимъ посвистомъ, созывали товарищей выручать своихъ ма-
 ленькихъ.

— Камча! крикнули они якимовскимъ подросткамъ.

— Камча! отвѣчали якимовскіе.

И тѣ и другіе слѣшкомъ въ ряды становились, крѣлко плечо о плечо улирались и сжавъ кулаки пошли стѣна на стѣну. Тутъ ужъ пошелъ прямой и заправскій * бой,

А побитые ларкишки съ синяками на скулахъ бѣгомъ къ отдамъ, къ матерямъ силой удалю хвастаться. Маленькихъ бойцовъ похвадиваютъ, по головкамъ ихъ поглаживаютъ, одѣляютъ орѣхами, пряниками. У Лёски Барана да у Васютки Черныша полнехоньки подолы орѣховъ, рожковъ и подсолнуховъ.

А хороводы своимъ чередомъ идутъ, играютъ тамъ пѣсни ** попрежнему. Вотъ въ серединѣ круга выступаетъ молодой рослый парень. Алешей звать, Мокея Сергѣева сынъ. У отца у его двѣ мельницы точильни возлѣ Миршени стоятъ. Русыя кудри, искрометныя очи, самъ чистотѣль, бѣлолицъ, во всю щеку румянъ; парень — кровь съ молокомъ, заглядѣнье. Въ ситцевой голубой рубахѣ, олоясанъ шелковымъ алымъ поясомъ, саложки со скрипомъ, шалка на ухо, скосыремъ *** московскимъ глядитъ. Величаво пріосанившись, важно въ хороводѣ оный похаживаетъ, передъ каждой дѣвицей становится, бойко, зорко съ ногъ до головы оглаживаетъ, за руки, за плечи потрогиваетъ. И на то молодыцы съ дѣвицами пѣсню поютъ:

Что по гридня князь,

Что по свѣтлой князь,

Наше красное солнышко похаживаетъ

Что соколий глазъ,

Молодецкій глазъ,

На малыхъ птишекъ—на дѣвицъ оный посматриваетъ.

Что у ласточки,

У касаточки,

Сизы крылья—у красныхъ бѣлы руки оный потрогиваетъ.

Парчевой кафтанъ,

Саложки сафьянъ,

Золоту казну, дорогихъ соболей имъ показываетъ.

* *Заправскій*—настоящій, неподдѣльный, нешуточный.

** Въмѣсто „пѣть пѣсни“ часто говорятъ „играть пѣсни“.

*** *Скосырь*—щеголь, а дальше отъ Волги на востокъ слово это значитъ надмѣнный, нагловатый человѣкъ.

Веселымъ лицомъ,
 Да краснымъ словцомъ,
 Мысли дѣвичьи свѣтлой князь разгадываетъ.
 Не мани насъ князь,
 Не гадай насъ князь,
 Наше красное солнышко, незакатное,
 Не златой казнѣ,
 А твоей крашѣ,
 Ретивы сердца дѣвичьи покоряются;
 Ты взгляни хоть разъ,
 Ты вздохни хоть разъ,
 Любу дѣвицу выбирай изъ насъ.

Становился Алеша Мокшевъ передъ Аннушкой Мutowкиной. Была Аннушка дѣвица смиренная, разумная, изъ себя красавица писаная, одна бѣда—бѣдна была, въ сиротствѣ жила. Не живать сизѹ орлу во долинушкѣ, не видать Алешѣ Мокшеву хозяйкой своей бѣдную Аннушку. Не пошлетъ сватовъ слѣсивый Мокей къ убогой вдовѣ Аграфенѣ Мutowкиной, не посватаетъ онъ за сына ея дочери безприданницы, въ Аграфениномъ дворѣ ворота тѣсны, а мужикъ богатый что быкъ рогатый въ тѣсны ворота не влѣзетъ.

Бой подростковъ межъ тѣмъ разгорается. Старые люди степенные встанутъ съ луговины посмотрѣть на свою молодежь, удалыхъ бойцовъ похваляютъ, неудатныхъ подзадориваютъ.

— Дерись, дерись ребятушки!.. Плохо станете драться, невѣсть не дадимъ.

Килить рукопашная.... Не одними кулаками молодцы работаютъ, бьются ногами и копытами, колотятъ зря по чѣмъ ни попало, лежачаго только тронуть не смѣютъ—таковъ законъ на кулачныхъ бояхъ. Возрастные парни изъ хоровода поглядываютъ крѣпко ль ихъ сторона держится, не пора ль выходить на подмогу, на выручку. Единъ по единому покидаютъ они кругъ дѣвичій, выходятъ на бой ради своей молодецкой потѣхи... Разгорѣлась потѣха та разсыпались бойцы по дугу, а красныя дѣвицы ровно слугвутая лебединая стая, безъ оглядки понеслись подъ угорь—тамъ старики, люди пожилые, молодицы и малолѣтки стоя гурьбами на бой глядятъ.

Не смолоченный хлѣбъ на гумнѣ люди вѣютъ, не бѣеъ вѣтеръ доброе зерно оставая, летучую мякину въ сторону относить, — одинъ за другимъ слабосильные бойцы поле покидаютъ, одни крѣпконогіе да твердорукіе на бою остаются. Дрогнула, ослабѣла ватага якимовская, къ самой рѣчкѣ Миршенцы ее оттѣснили. Миршенскіе старики съ подгорья радостно кричатъ своимъ:

— Молодцы! молодцы!... Мѣси ихъ!... Катай!... Вали въ рѣку!

Всей силой напереди миршенскіе; не устоять бы тутъ якимовскимъ, втолтали бъ ихъ Миршенцы въ грязную рѣчку, но откуда ни возмись два брата родныхъ Сидоръ да Панкратій, сыновья якимовскаго кузнеца Стелана Мотовилова. Нѣскоро стали они строить стѣну порушенную, быстро разставили бойцовъ кого направо кого нѣлѣво, а на самой середкѣ сами становились сѹпротивъ Алеши Мокѣева, что послѣдній изъ хоровода ушелъ, — больно не хотѣлось ему разставаться съ бѣдной сироткой Аннушкой.

— Алеша!... Родимый!... Постой за себя — ломи ихъ, голубчикъ! кричатъ старики съ подугорья.

Не слышитъ Алеша громкихъ ихъ кликовъ, помнятся ему однѣ тихія нѣжныя рѣчи Аннушки, что сказала ему на прощанье, какъ пошелъ онъ изъ хоровода: „Алеша, голубчикъ, не осрами себя. Помни мое слово, желанный!“...

И въ хороводахъ и на бояхъ вездѣ гораздъ бывалъ Алеша Мокѣевъ. Подскочилъ къ одному Мотовиллову, ткнул кулакомъ въ грудь его широкую, падалъ Сидоръ назадъ, и Алеша дебелими руками ухвативъ его полперекъ, изо всей мочи грянулъ о землю.

— Хоть ты и кузнецъ, а самъ-отъ видно не желѣзный, громко на весь народъ похвалился онъ. А Сидорушку одолѣла скорбь неспосная, стало ему за обиду великую, что Мокѣевъ сломавъ его, бросилъ на землю ровно цыпленка и теперь еще надъ нимъ похваляется. Не до того было Панкратію, чтобъ за брата вступаться: двое на него наскочило, одинъ губы разбилъ — посыпались изо рта бѣлые зубы, потекла ручьемъ алая кровь, другой ему въ бедро угодилъ, гдѣ ладья въ бедро входитъ, утѣлъ Панкратій на колѣно, сильной рукой о-земь опёрся, закричалъ громкимъ голосомъ: „братцы не выдайте!“ Встать хотѣлъ, но померкъ бѣлый свѣтъ въ ясныхъ очахъ, темнымъ морокомъ покрыло ихъ. Тутъ

засучивъ рукава влетѣлъ въ середину стѣны красавецъ Григорій Моргувъ, ринулся онъ на Миршенцовъ и пошелъ ихъ косить желѣзной своей латерней. Дружно, крѣлко стали якимовскіе, всею силою пошли напираться на миршенскихъ. Держалась сельщина только богатырской силою да ловкимъ умѣньемъ Алешы Мокшева; но подбѣжалъ Григорій Моргувъ, крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Камча, сельщина, камча дѣльщина! *

И сквозь килія боемъ ватаги пробился къ Алешѣ Мокшеву. Не два орда въ поднебѣсьи слетались — двое ярыхъ бойцовъ, самыхъ крѣлкихъ молодцовъ грудь съ грудью, лицомъ къ лицу сходились. Не желѣзные молоты куютъ красно желѣзо каленое, крѣлкорукіе бойцы сылаютъ удары кулаками увѣсистыми. Сылаются удары и чертятъ бѣлыя лица обоихъ красавцевъ. Ни тотъ ни другой на бокъ не клонится, оба крѣлко на мѣстѣ стоятъ что твои стѣны каменные.

Стоны, дикіе крики, стукотня кулачныхъ ударовъ и громкая ругань несутся надъ луговиной и сливаются въ одинъ страшный гулъ. Всюду искаженные злобой, окровавленные, свирѣлыя лица бойцовъ, разсѣченныя скулы, вслухшія губы, разшибленныя руки и груди.

Во время самаго разгара боя подошелъ къ бойцамъ старый Моргувъ якимовскій тысячникъ. Шалкой махая, сѣдыми кудрями потряхивая, кричитъ изо всей мочи онъ сыну любезному:

— Выручай Гришутка!... Выручай, золотой!... Мѣси супротивниковъ!

Услыхалъ отцовскій приказъ Григорій Моргувъ — и больше стало валиться Миршенцовъ отъ тяжелыхъ ударовъ его. Какъ стебли травяные ложатся подъ острой косою такъ они направо и нѣлѣво падаютъ на мать сыру земаю. Чуть не полстѣны улеглось подъ мощными кулаками Гришиными.

Тутъ на него какъ жестокая буря налетѣлъ Алеша Мокшевъ. Разомъ поднялись два страшныхъ кулака, разомъ грянули — Гриша Моргувъ на сажень отлетѣлъ, но устоялъ на твердыхъ ногахъ, а у красавца Алешы подломились колѣна, назадъ онъ подѣлся. Не садовый макъ отъ дождя тяжелѣя, нѣбокъ клонить головку, тяжело склоняется на траву-мураву Алешина буйная голова. Паль навзничъ, проткнулъ руки

* Работающіе дѣль — пражу и сѣти.

къ товарищамъ, но слова не вымолвилъ.... Куда дѣвалась твоя сила Алеша?... Гдѣ твои крѣпкія руки, гдѣ твои быстрыя ноги? Пластомъ лежитъ красавецъ на зеленой травѣ, обливая ее кровью горячею.

Пасть Алеша и одолѣла сила якимовская. Ровно овечье стадо вогнала она Миршенцевъ въ село, и на улицѣ еще долго колотила ихъ.

Всѣ живы остались, но всѣ обезсилили: кто безъ руки кто безъ ноги, у кого лицо набоко сворочено. Ночь покрывала лобанице, развела бойцовъ по домамъ.

LXI.

Каждый годъ на зеленъ локошь такіе потѣшныя бои у Миршенцевъ съ якимовскими бывали. Кромѣ того еще зимою каждый праздникъ отъ Крещенья до Крестова воскресенья, * но вражды между ними не было. Жили въ миру да въ ладу, какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ. Роднились даже межъ собой: съ великой охотой Миршенцы брали якимовскихъ дѣвокъ—добрыя бывали онѣ работницы, не жаль было платить за нихъ выводное **. Но своихъ дѣвокъ Миршенцы за якимовскихъ парней не давали. Не то отцовъ и матерей кручинило, что дѣтище ихъ барской работой завѣляютъ, того опасались, не вздумалъ бы баринъ, азь управляющій бабенку во дворъ взять. Еще лучше боялись, чтобъ крестьянъ на вывозъ не продали, либо не выселили въ дальни вотчины — не видать тогда дочки до гробовой доски, не знать и ей рода племени, изныть на чужой сторонѣ.

Про былую тяжбу изъ-за пустошей Миршенцы якимовскимъ ни единымъ словомъ не поминали, хоть Орѣхово поле, Разановы пожни и Тимохинъ боръ глаза имъ по

* *Крестова воскресенье*—третье воскресенье Великаго Поста.

** *Выводное*—плата за позволеніе крѣпостнымъ и удѣльнымъ дѣвкамъ и вдовамъ выходить замужъ за сторонняго. Обыкновенно брали рублей по 20 за дѣвку, и рублей по 10—15 за бездѣтную вдову. Во многихъ казенныхъ селеніяхъ общества также брали выводное, но оно въ мірскія суммы не поступало, а обыкновенно пропаладось.

прежнему мозолили. Никому на умъ не въспало, во снѣ даже не грезилось поднимать старыя дрязги—твердо помнили Миршенцы сколько бѣдъ и напастей изъ-за тѣхъ пустошей отцами и дѣдами ихъ принято, сколь долго они послѣ разоренья по міру ходили, да по чужимъ мѣстамъ въ наймитахъ работали.. Но вдругъ ровно вѣтромъ на Миршенцевъ одурь нанесло: заквасили новую дѣжу * на старыхъ дрожжахъ.

Лѣтомъ въ страдную пору, съ котою за плечыи, съ сѣдой, щетинистой, давно небритой бородой, съ серебрянымъ Егорьемъ и лятю медалями на шинели, проходилъ по Горамъ, старый, но рослый и крѣпкій солдатъ. Къ Волгѣ служивый путь свой держалъ, думалъ сплыть водой до Перми, а оттоль на своихъ на двоихъ въ Сибирь шагать на родину. Отслуживъ двадцать лѣтъ Богу и великому государю и получивъ „чистую“ ** пробирался онъ тысячи за четыре версты отъ полка своего. Никого изъ сродниковъ не чаялъ онъ встрѣтить на родинѣ, но все-таки хотѣлось ему хоть разокъ полюбоваться передъ смертью на родныя поля, побродить по роднымъ лѣсамъ и на церковномъ погостѣ поклониться могиламъ родителей.

По утру на самый Ильинъ день приходилъ онъ въ Миршенъ, день былъ воскресный, базарный—праздникъ значить тройной. Пришелъ служивый въ село въ самый благовѣстъ къ обѣдни. Никуда не заходя, ни съ кѣмъ слова не молвя, прямо въ церковь пошелъ и сталъ у праваго крылоса. Положивъ къ сторонкѣ котому и поставивъ въ уголокъ походный посошокъ фунта въ два вѣсомъ, взомелъ онъ на крылосъ и сталъ подлѣвать дьячкамъ да поповичамъ, что на лѣтню побывку пришли изъ семинаріи. Заслушались солдата православные, самъ даже полтъ выслалъ изъ алтаря дьякона узнать что за знатный такой лѣвчій у нихъ проявился. А церковный староста, мужикъ богатый и тароватый, нарочно подошелъ къ служивому осведомиться, кто онъ, откуда и куда путь-дорогу держить. Служивый на все далъ отвѣтъ, а на спросъ отчего лѣтъ гораздъ, отвѣчалъ что больше двадцати годовъ въ полковыхъ лѣвчихъ былъ и тутъ же

* *Дѣжа* — кадка въ которой квасятъ и мѣсятъ тѣсто на хлѣбы, тоже что квашня.

** Отставку.

попросилъ позволенья Апостолъ прочитатъ. Сказали попу тотъ благословилъ и какъ зачалъ солдатъ густымъ басомъ забирать громче да громче, такъ воѣ диву дались, а церковный староста пристѣлъ даже на короточки отъ удивленья. А когда солдатъ повелъ подѣ конецъ: „*Иліа человекъ бѣ подобострастенъ намъ*“, такъ въ окнахъ стекла задрожали, а по церкви такой гулъ пошелъ, что бабы подумали не самъ ли это Ілья Пророкъ въ тучѣ повѣхалъ. А на крылосѣ дьячокъ и пономарь такъ разсуждали съ поповичами:

— Ну голосина! молвилъ дьячокъ.

— Въ любой соборъ въ протодьяконы! подтвердилъ пономарь.

— Нашъ архіерейскій Ефремъ въ подметки ему не годится — козелъ передъ нимъ, просто смрадное козлище! жиленымъ голоскомъ промолвилъ одинъ изъ лоловскихъ сыновей.

— Эхъ, дернуть бы ему „*многая лѣта*“ али „*ѹсена да боится своего мужа*“—вотъ бы потѣшилъ! трякнувъ головой, сказалъ пономарь, но не договорилъ—время подошло „*аллилуйя*“ пѣть

Церковный староста послѣ обѣди къ себѣ зазвалъ служиваго ильинской нови повѣсть, ильинской баранины покушать, ильинскаго сота отвѣдать, на ильинской соломкѣ—деревенской перинкѣ послѣ обѣда послать подремать.* Служивый поблагодарилъ и хотѣлъ было взвалить котому на старыя лапчи, но староста того не допустилъ, сыну велѣлъ солдатское добро домой отвести.

Вина да ливца служивый у старосты выпилъ, щецъ съ соловиной похлѣбалъ, пирога поѣлъ съ грибами да ильинской баранины, полакомился и медкомъ. Пошли послѣ того

* Ильинская новъ (нова—новина) хлѣбъ, изъ пересѣятыхъ сноповъ. На востокѣ Россіи, особенно въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ къ Иавину дню рѣжутъ барана и часть его относятъ въ церковь для освященія, какъ куличъ и яйца на Пасху. Это — *моленный кусъ*. Въ Ватской губерніи его зовутъ *жертвой*, бѣольшая часть этой жертвы поступаетъ лоламъ. По другимъ мѣстамъ рѣжутъ барана на Петровъ день. *Первый ильинскій сотъ*—бываетъ на Иавю Пророка, тогда улья заламываютъ, бываетъ ранняя подрѣзка сотовъ. „Ильинска соломка—деревенска перинка“—свѣжая солома, оставшаяся отъ молотбы сноповъ для ильинской нови.

тары да бары, сталъ служивый про солдатское житье-бытье разказывать.

— Тяжела служба-то ваша солдатская? утирая рукавомъ слезы, умильно промолвила старостиha. У нея старшій сынъ пять годовъ какъ въ солдаты пошелъ и два года не было о немъ ни слуху, ни духу.

— Какъ кому, отвѣчалъ служивый.—Хорошему человѣку вездѣ хорошо, а ежели дрянъ, ну тутъ ужъ извѣстное дѣло...

— А все-таки тяжело чать и хорошему-то, пригорюнясь молвила старостиha.

— Ничего, отвѣтилъ служивый. — Вся наша солдатска наука только въ томъ состоитъ: стой—не шатайся, ходи—не слотыкайся, говори—не заикайся, колѣвъ не подгибай, брюха не выставляй, тянись да прямись, въ бокъ не задавайся и въ середкѣ не мотайся. Вотъ и вся солдатская мудрость. А на счетъ инаго прочаго такъ ужъ не взыщи, матушка. Извѣстно—расейскій солдатъ промежь неба на землѣ мается, такъ ужъ ему значить на роду писано. Три деньгу ему въ день—куда хочешь туда и день, сытъ крупой, льявъ водой, ломирай какъ умѣешь, только не на лавкѣхъ подъ сватыми, а въ чистомъ полѣ, подъ яснымъ небомъ.

Зарыдала старостиha, всплотивши своего старшенькаго. Представилось ей что лежитъ онъ, сердечный, на полѣ подъ небесами, а кровь изъ него такъ и бѣжитъ, такъ и бѣжитъ.

И когда служивый улегся въ клѣти на мягкой ильиной соломѣ, развязада она походную его котомку и сколько было въ ней порожняго мѣста, столько наложила ему на дорогу и хлѣба, и лироговъ, и баранины, что отъ обѣда осталась, картошки въ загнеткѣ * налекла туда же сунула, луку зеленого, стручковъ гороховыхъ лерваго бранья, даже каленыхъ орѣховъ, хотъ служивому и нечѣмъ было ихъ грызть. Наполнивъ съѣстнымъ котомку, добрая старушка набожно перекрестилась. Все одно что тайну милостыни на окно бобылкѣ положила **.

* *Загнетокъ* или загнетка то же что по инымъ мѣстамъ *горнушка*, *печурка*, *бабурка*, *паротокъ*—зауголокъ съ ямкой налѣво отъ шестка русской печки, куда загребають жаръ и золу.

** *Тайная милостыня* очень распространена на Горахъ. Ночью подходят тихонько къ избѣ бѣднака и на подоконь кладутъ

Хозяинъ съ гостемъ маленько соснули. Встали, умылись, бражки со сна налили, и позвалъ староста солдата на бесѣду воза кабака. Пошли.

Базаръ ужъ разѣхался; десяти порожнихъ воевъ не оставалось на засоренной всякой величинѣ площади. Иные послѣ добраго торгу кто въ кабацѣ, кто въ трактирѣ сидѣлъ, распивая магарычи съ покупателями, но больше народа на волѣ по саду толпилось. Жаръ свалилъ, вечерней прохладой начинало вѣять, и честная бесѣда челоѣкъ въ сорокъ весело гуторила у дверей кабака. Больше всего Миршѣицовъ тутъ было, были кой-кто изъ Якимовскихъ а также изъ другихъ деревень. Самъ волоостной голова вышелъ на площадь съ добрыми людьми покалякать. Не все жъ дѣла да дѣла—умные люди въ старые годы говаривали: „мѣшай дѣло съ бездѣльемъ—съ ума не сойдешь“. Про голосистаго солдата бесѣда велась. Въ церкви у обѣдни народу въ тотъ день было не много: кого базарная дѣла Богу помолиться не пустили, кто старики держался—расколнничалъ, но всѣ до единого знали каковъ у прохожаго „кавалера“ голосокъ — равняетъ, услѣвай только уши затыкать... Подошелъ и кавалеръ съ церковнымъ старостой, со всѣми поздоровался и всѣ ему по поклому отдали. Приѣхалъ на пристулочкѣ, слялъ фуражку, синимъ букашкимъ платкомъ лицо отеръ.

— Отколь, господимъ служба, Богъ несетъ? ласково, привѣтливо спросилъ волоостной голова.

— Изъ Польши идемъ, изъ самой Аршавы, отвѣтилъ служивый.

— А путь куда держишь? продолжалъ разспрашивать голова.

кусокъ хлѣба либо что другое изъ счастнаго, потомъ нѣсколько разъ перекрестившись, тихонько удаляются. Иныя набожныя старухи каада правою рукой тайную милостыню, лѣвую руку прячутъ подъ передникъ либо въ рукавъ шубы, чтобъ она не выдава что правая рука дѣлаетъ. Есть секта (изъ хлыстовскихъ), послѣдователи которой тайную милостыню называютъ „ангеломъ жемскаго пола“. Случается и нерѣдко, что положенная на подоконникъ милостыня дѣлается добычей собакъ. Если подавшій о томъ спровѣдаетъ, непременно подаетъ новую. Прежняя, значить, Богу не угодна была.

— Покамѣсть до Волги, до пристави значить, сказалъ кавалеръ.

— Ну, эта дорога не дальняя, молвилъ голова.—До пристави отсель всего пятьдесятъ верстъ. А спамтъ-то куда желаешь? Въ Казань что ли?

— Какая Казань! усмѣхнулся служивый.—Въ Сибирь пробираемся, ваше степенство, на родину.

— Далеко жь тебѣ брести, кавалеръ, покачавъ головой съ участиемъ сказалъ голова.

— Отсель не видать! добродушно усмѣхнулся служивый.

— Что жь? Сродники тамъ у тебя?

— А Господь ихъ знаетъ. Шелъ на службу, такъ били и сродники, а теперь кто ихъ знаетъ. Годъ цѣлый до полковъ гнали насъ новобранцевъ, двадцать пять лѣтъ вѣрой и правдой Богу и великому государю служилъ, безъ малаго три года отставка не выходила, теперь вотъ четвертый мѣсяцъ по матушкѣ Россіи шагаю, а какъ дойду до домовъ, такъ чуть ли ужь не тридцать годовъ будетъ съ тѣхъ поръ какъ покинулъ я родиму сторонушку... Гдѣ найти сродниковъ? Старые, поди, подобрались все, примеран, новы народились—такъ тѣ не знаютъ меня.

— За чѣмъ же такую даль идешь? спросилъ волостной голова.

— Эхъ, ваше степенство, глубоко вздохнувши молвилъ служивый.—Каждому человѣку мила сторона пдѣ нулекъ ему рѣзанъ; съ родной-то стороны и ворона пави красивѣй... Старъ ужь я человѣкъ—а все-таки вотосковался косточки по родимой землицѣ, хочется имъ лечь на своемъ погостѣ возлѣ родителей, хочется скорониться въ гробу что изъ нашей сосны долбленъ.

— Вѣстимо, сказалъ голова.—Не то что человѣкъ, и конь на свою сторону рвется, и пестъ на чужбинѣ тоскуетъ.

— Ну а въ Польшѣ-то каково житье? спросилъ лѣтшій старикъ, что рядомъ съ солдатомъ усѣлся.—Смакъ у меня тамъ тоже въ полкахъ службу справляетъ. Тоже чать тоскуетъ сердечный по родимой сторонушкѣ.

— Что Польша! махнувъ рукою молвилъ съ усмѣшкой служивый.—Самая безначальная сторона!... У нихъ, въ Польшѣ, жена мужа больше—вотъ каковы тамъ порядки.

— Значить, бабы мужьями владаютъ! съ удивленьемъ вскрикнулъ лѣтшій.—Дѣло!... Да что жь мужья-то за дураки? Дяче бабѣ къ рукамъ не приберутъ?

— Въ Польшѣ съ бабьемъ сладу нѣтъ, ни коимъ способомъ тамъ ихъ къ рукамъ не приберешь, отвѣчалъ кавалеръ.— Поэтому нельзя. Вотъ вѣдь у васъ ли въ Расае, у насъ ли въ Сибири баба мужика хоша и хитрѣй, да разумомъ до него не дошла, а у нихъ, у этихъ Поляковъ, баба и хитрѣй и не въ примѣръ умнѣй мужа. Чего ни захотѣла все на своемъ поставить.

— Ну сторона! о помы хлопнувъ руками молвилъ лѣшвый.— Жены мужьями владуютъ!... Вѣдь это ужъ самое распослѣднее дѣла!

Вся бесѣда подтвердила слова лѣшвыаго.

— Ты смотри, кавалеръ, нашимъ-то бабамъ про это не сказывай, молвилъ усмѣхался росамый старикъ съ широкой бѣлой бородою.— Ежели узнаютъ, тотчасъ подола въ зубы и драго въ Польшу, некому будетъ тогда и рубахи стирать.

Бесѣда захохотала во все горло.

— А что, кавалеръ, тяжеленька служба-то? спросилъ голова.

— Какъ сказать?.. Пошелъ на службу, потерли и нужду, безъ того нельзя, отвѣчалъ солдатъ.— А ежели держишь себя строго и нѣтъ за тобой никакого художества не пропадешь и въ солдатствѣ. Особливо ежели начальство доброе, солдата значить бережетъ... Вотъ у насъ полковой былъ—отецъ родной—двадцать лѣтъ съ годами довелось мнѣ у него подъ командой служить: ротнымъ былъ, потомъ батальоннымъ, послѣ того и полковымъ—во все двадцать лѣтъ я нехорошаго слова отъ него не слыхивалъ. И любили жъ его.... Передъ самой моей отставкой померъ онъ сердечный, такъ весь полкъ, братцы, ревно бабы, воймя выла по немъ.... Да, такихъ командировъ какъ былъ нашъ господинъ Якимовъ пожалуй теперь во-всей государственой арміи не осталось... Дай ему Богъ царство небесное!

— Якимовъ говоришь? А какъ его по имени да по батюшкѣ звали? спросилъ тотъ же лѣшвый что про Польшу разспрашивалъ.

— Петромъ Александрычемъ, отрывисто молвилъ и быстро махнулъ передъ глазами рукавомъ, будто норовя съ муху согнать, а въ самомъ-то дѣлѣ чтобъ незамѣтно смахнуть съ сѣдыхъ рѣсницъ слезу, пробившуюся при воспоминаньи о добромъ командирѣ.—Добрый былъ человекъ

и бравый такой, продолжалъ старый служака.—На Кавказѣ мы съ нимъ подъ самого Шамиля ходили!..

— Не нашъ ли это? молвилъ лѣтшвиный.—И нашъ вѣдь тоже Петръ Александръчъ, и тоже полковникъ, тоже въ Польшѣ стоялъ и тоже на Кавказѣ воевалъ. Ему тогда и оброкъ туда высылали..

— Высокій такой, изъ себя чернявый, кудравый, сказалъ солдатъ.

— На вотчинахъ онъ у насъ николи не бывалъ, мы его отродясь не видавали, а что Петръ Александръчъ и что въ Польшѣ стоялъ и на Кавказѣ воевалъ это вѣрно. А полкъ-отъ гдѣ служить Московскимъ прозывается. Въ тотъ полкъ теперь и оброкъ ему посылаемъ въ польскій городъ Аршаву.

— Онъ самый и есть, сказалъ служивый.—И вотъ вспомнилось мнѣ теперь что самъ я слышалъ какъ полковникъ, царство ему небесное, въ разговорахъ съ господами офицерами упоминалъ что у него вотчины есть гдѣ-то на Волгѣ.

— Да вотъ отсель съ поля на поле, молвилъ лѣтшвиный, протянувъ руку къ якимовскимъ деревнямъ.—Такъ вотъ оно какъ! Значить баринъ-отъ нашъ и жизнь свою кончилъ. Что жъ—царство ему небесное—жили мы за нимъ худо не видали. Милостивый былъ господинъ. Лѣтъ десять тому недородъ у насъ былъ, а на другой годъ хлѣбъ градомъ выбило, а потомъ еще черезъ годъ село выгорѣло, такъ онъ кажинаый годъ половину оброка прощалъ, а пожаръ у кого случится, овинъ либо баня сгорить, завсегда велить лѣску на выстройку дать. Хорошій баринъ, нечего сказать, душа добрая.

— Значить и баринъ былъ хорошій и командиръ хорошій, замѣтилъ служивый.—Кому жъ теперь-то вы достаетесь? спросилъ онъ немного погодя у лѣтшвиного.

— Нешто дѣтокъ-то не осталось? въ свою очередь спросилъ лѣтшвиный.

— Ни единого, отвѣчалъ солдатъ.—Барыня у него года три померла и не слышно чтобъ у него какіе сродники были. Развѣ дальніе, седьма вода на киселѣ. Барыниныхъ сродниковъ много. Такъ тѣ Поляки, полковникъ-отъ Полячку бралъ за себя, и вѣры не нашей была. А ничего—добрая тоже душа, жили межъ собой согласна... Какъ убивался полковникъ, когда хоронилъ ее—бѣда!

— Кому жъ мы доставаемся? въ раздумьи говорилъ лѣшивый.

— Насѣдники найдутся, сказалъ волоостной голова, — не сума съ котомой, не перья посаб бабushки Лукерья, не отъ матушки отолочки, да отъ батюшки опметочки, а дѣла вотчина осталась. Молитесь Богу, достались бы такому же доброму.

— Наврядъ такой отыщется, упрямо крута сѣдой уся, промолвилъ служивый. — Такихъ господъ какъ полковникъ Якимовъ не въ частую бываетъ.

— А ежели сродниковъ не отыщется, тогда мы кому?... сказалъ лѣшивый. Выморокъ-отъ * на мѣръ вѣдь идетъ. Стало-быть и у насъ всѣ угодыя мѣру доставутся?

— Идетъ выморокъ на мѣръ у крестьянъ только, сказалъ волоостной голова. — Дворянскимъ родамъ другой законъ писанъ. Посабъ господъ выморокъ на великаго государя идетъ. Царь вѣдь жаловалъ барокому роду вотчину, и когда весь жалованный родъ вымретъ, тогда вотчина назадъ царю идетъ. Такой законъ.

— Значить государевыми будемъ, казенными то-есть, какъ вы, миршенскіе, молвилъ лѣшивый.

— Тамъ ужъ какъ присудятъ, рѣшилъ голова. — Ваше дѣло теперь не шумаркать, а тихо да смирно выжидать какая липа выпадетъ. Вотъ что!...

— А все жъ таки со знающими людьми не мѣшаетъ показывать? сказалъ лѣшивый.

— Отчего жъ со знающими людьми не показывать? молвилъ голова. — Это можно. Только вотъ вамъ совѣтъ: оброковъ не задерживайте, управляющаго слушайтесь, а зачете возиться да гомозиться — до бѣды не далеко.

— Это такъ, это какъ есть самое настоящее дѣло, мотнувъ головой поддѣкнулъ служивый.

Опять тары да бары. Четвертуху на крылечко кабака вмесали, рослили и за другой послали. Стало еще веселѣй, еще говорливѣй. Кавалеръ разказывалъ про разныя мѣста, гдѣ ему бывать довелось, да все съ прибаутками, и всю бестѣду морилъ со смѣху. Говорилъ онъ про хитраго Нѣмчина, что на русскомъ хлѣбѣ жирно отъѣдается, а самъ безъ штуки и съ лавки не свалится — ноги тонки, глаза быстры, а хвостикомъ

* *Выморокъ* — выморочное имѣніе.

шлелъ-шлелъ, шлелъ... Разказывалъ про Литвина колдуна, про Шведа не рублену головушку, про Финляндію чортову сторонушку *, про крымскаго Грека, малосольнаго чело-
вѣка, что правду одинъ разъ въ году говоритъ, да сей-
часъ же къ полу бѣжить каяться въ великомъ согрѣше-
ніи. Разказывалъ служивый и про то какъ перваго Татари-
на свинья родила, отчего Татары свинины и не ѣдятъ, род-
ной бабушкой боятся оскороматься. А перваго Черемиса,
увѣрялъ кавалеръ, лѣшаго жена родила, оттого Череми-
сы и живутъ въ лѣсу. И про Русскихъ не мало болталъ
балагуръ, да все чинно таково и степенно, глазомъ не морг-
нетъ, бровью не шевельнетъ, ни на самую крошечку не
улыбнется. Говорилъ онъ разказывалъ, ровно масломъ раз-
мазывалъ, какъ стояли они въ Полтавѣ, въ городѣ хохлац-
комъ, стоитъ городъ на горѣ ровно лава, а весь въ грязи
ровно жаба, а Хохлы въ томъ городѣ народъ христіанскій, въ
одного съ нами Бога вѣруютъ, а все-таки не баба ихъ поро-
дила, а пидюшка высидѣла—изъ каждаго яйца по семи Хох-
ловъ. Оттого и глулъ Хохоль, а все-таки пальца ему въ ротъ
не клади, вороны глулѣй, за то чорта хитрѣй, повѣрить ему
можно, только съ опаской: соврать не совреть, да и правды
не скажетъ, а самъ упрямятъ какъ быкъ, али чортъ карамышев-
скій. Разказывалъ служба про глулую Вязьму что въ пря-
никахъ увязла, про безтолковый Дорогобужъ, про Смоль-
яны польску кость, что на нашихъ годахъ собачьимъ мя-
сомъ обросла. Говорилъ и про Елатомцовъ—бабешниковъ, и
про Моршанцовъ сомятниковъ, что заодно съ Кадомцами-
цѣловальниками сома въ печи ловили. Разказывалъ бывааый
солдатушка про Мордву тамбовскую толстолятую, и про
Темниковцовъ сомятниковъ, что въ озерѣ сову крестили,
гайтанъ съ крестомъ на нее надѣли, крещѣна сова полетѣ-
ла, на церковный крестъ свѣла, да тамъ да гайтанъ и удави-
лась, а Темниковцы за то воеводѣ платились, со двора
по двадцати алтынъ за давлену сову сорывалъ. Разказывалъ

* Солдаты Финляндію зовутъ „чортовой сторонушкой“ за ея ка-
менья. По ихъ повѣрью тѣми камнями черти играли, но когда
преподобные Варлаамъ и Германъ принесли на островъ Вааламъ
честнѣй крестъ, черти перепугались, въ воду побросались, а камни
какъ они играли, такъ и остались.

кавалеръ и про Ливенцовъ, что губернатора съ саламатой * встрѣчали, повезли со двора по корчагѣ да мостъ и обложили. Говорилъ и про знатный градъ Сѣвскъ, какъ тамъ поросенка на наѣсть сажали, а сами приговаривали: „цапайся, цапайся поросемочекъ, курочка о двухъ аалкахъ да и та держится, а у тебя четыре“. **

Распотѣшилъ служивый своими рассказами и прибаутками весь міръ-народъ миршенскій, весь міръ-народъ якимовскій и міръ иныхъ селъ и деревень. Напоили кавалера какъ слѣдуетъ, и сами нарѣзались ради хорошаго случая. Церковный староста и ужиномъ служиваго угостилъ, позвалъ на ужинъ и голову съ лѣшивымъ мужикомъ и еще кой-кого изъ пріятелей. Пришли не званые, не прощенные полъ съ дячкомъ, дяконъ съ пономаремъ да затага лоповичей послушать высокогласнаго воина, коему самъ Ефремъ протодяконъ въ подметки не годится. И по ихъ усильной просьбѣ проходій кавалеръ многолѣтіе выкликивалъ, *Кто Богъ велий* вытѣвалъ и такъ проревѣлъ *Разумѣйте языцы и покоряйтесь* что всѣхъ сосѣдей перебудилъ, а ребятишекъ до того исполошилъ что съ иными родимецъ приключился. На утрѣ честно проводили служиваго. Тѣмъ же шагомъ какимъ подъ Турку, подъ Венгерца и на Горцевъ хаживалъ, зашагалъ онъ, направляя путь къ приставамъ, чтобы плыть до-Перми, а оттолъ опять шагать да шагать до сибирской дальней родины...

Съ той поры по всѣмъ деревнямъ якимовскимъ пошли суды да пересуды кому доставаться имъ послѣ безнаслѣднаго барина. Вскорѣ исправникъ бумагу имъ вычиталъ что помѣщикъ ихній въ самомъ дѣлѣ покончилъ жизнь и надъ вотчиной, пока не объявятся наслѣдники, олека назначена. Года два прошло, а наслѣдниковъ нѣтъ какъ нѣтъ, пришла наконецъ бумага дѣлать Якимовекую вотчину на пятнадцать долей. Имѣнье въ разбродъ пошло и то якимовскимъ мужикамъ не по праву пришлось. А все-таки все у нихъ шло

* *Саламата*—жидкій прѣсный кисель изъ какой угодно муки.

** Чуть не каждому городу и многимъ селамъ и деревнямъ изстари даны подобныя затѣйныя прозванья. Ихъ гораздо больше тысячи. Нѣкоторыя вошли въ Далевское „Собраніе Пословицъ“

тихо, смирно, спокойно, за то въ Миршѣни сырѣ-борѣ загорѣлся.

Мирно, полюбовно раздѣлила стая наслѣдниковъ Якимовское имѣніе, бывшее въ разныхъ губерніяхъ. Одному изъ нихъ, какому-то и тѣломъ и умомъ жиденькому баричу, ни слова почти по-русски не знавшему, тщедушный свой вѣкъ гдѣ-то на теплыхъ водахъ въ чужихъ краяхъ изживавшему, доставались Орѣхово поле, Рязановы ложки и Тимохинъ борѣ. Заморскій выкидышъ Русской земли и взглянуть не захотѣлъ на наслѣдство, прислалъ на Горы повѣреннаго сбыть его съ рукъ лоскорѣй. На лѣсъ охотники тотчасъ напались, купили на срубъ, а на лашви да на дуга покульщиков не являлось. А наслѣдникъ межъ тѣмъ повѣренному то и дѣло отписываетъ: „продавай да продавай, за чтѣ хочешь отдавай, деньги только скорѣй высылай“.

Жалко было якимовскимъ съ угодами разставаться, однакожь они не очень тѣмъ обижались, потому что новые помѣщики ихъ всѣхъ до послѣдняго съ барщины на оброкъ перевели и отдали подѣ пахоту господскія поля чтѣ подошли подѣ самыя деревни. За то въ Миршѣни ни съ того ни съ сего поднялась сумятица.

Изъ службы ли выгнанный, отставной ли какой приказный поселился незадолго передѣ тѣмъ въ Миршѣни у сродника своего волостнаго писаря. За хлѣбъ, за соль, за тепло и за свѣтъ обѣщался онъ ему бумаги переписывать. А на пропой добывалъ деньги писаньемъ мужикамъ просьбъ по судамъ да писемъ къ сродникамъ, бывшимъ въ солдатахъ либо на работахъ въ Астрахани. Этотъ самый приказный въ надеждѣ на пожизну сталъ Миршѣнцамъ вбивать въ голову что Орѣхово поле, Рязановы ложки и Тимохинъ борѣ теперь по закону должны имъ поступить. „Жалованы были, говорилъ онъ, тѣ пустоши господину Якимову въ потомственное владѣніе, а тѣ господа чтѣ теперь подѣлили его имѣніе ему не потомки, оттого пустошамъ имъ владѣть и не слѣдуетъ, а слѣдуетъ владѣть тому кто до пожалованья Якимова хозяиномъ надъ ними былъ, значитъ вашему Миршѣнскому обществу.“

Слушали Миршѣнцы рѣчи приказнаго и показались онъ имъ вѣрными, безотѣнными. Что Якимовскимъ пустошамъ по закону надо къ нимъ отойти стало для нихъ дѣломъ ви-

дымьмъ, яснымъ, какъ въ синемъ небѣ красное солнышко. И по домамъ, и въ кабацѣ, и на базарѣ только и толковъ что о лустошахъ. Стали сходки собирать и на нихъ о томъ же судить да рядить... Сколько волостной голова мужиковъ ни разговаривалъ, порѣшили-таки Миршенцы просить начальство о возвращеніи имъ выморочныхъ лустошей. Выбрали ходоконъ, послали къ окружному. Окружной обозвалъ ихъ дураками и назадъ прогналъ. Воротились въ Миршенъ ходаки — сейчасъ же сходку давай, а приказный тутъ ужъ лохаживаетъ да самъ себѣ ухмыляется. „Судиться не Богу молиться, говорить онъ миршенскимъ мужикамъ, одними поклонами такого дѣла не сдѣлаешь. Зачѣмъ съ пустыми руками къ окружному ходили? Руки-то у него не въ кандалы вѣдь скованы. На что-нибудь онъ къ плечамъ да подвѣшены... И того-то вы люди разумные въ толкъ не сумѣли взять!“ Такъ говорилъ подъячій и совѣтовъ его миршенскій миръ послушался... Почесали сѣдые затылки старики, побряхтѣли, поохали, а денежки на мірское дѣло собрали, и повесли окружному. Тотъ ходоконъ и миръ не обидѣлъ, приносѣ не отвергъ, но все-таки подъ конецъ бесѣды молвилъ: „Пустое дѣло, старики, вы затѣваете—не видать вамъ якимовской земли, какъ ушей своихъ.“ Старики тому слову не вняли, послали другихъ ходоконъ въ Петербургъ чтобы тамъ хлопотать и ежели доведется до самого царя дойти.

Не разъ и не два миршенскихъ ходоконъ изъ Петербурга по эталу выпроваживали, но Миршенцы больше всякаго начальства вѣря подъячему да его сроднику волостному писарю, каждый разъ новыя деньги собирали, и новыхъ ходоконъ въ Петербургъ снаряжали. Кончилось тѣмъ что Миршенское общество обязали наконецъ подписками объ Якимовскихъ лустошахъ ни въ какихъ судахъ не хлопотать, а подъячаго съ писаремъ за писанье клеузныхъ просьбъ услали въ дальніе города на житье. Тутъ Миршенцы успокоились.

Пока они хлопотали, Орѣхово поле, Рязановы пожни и Тимохинъ боръ не продавались. Дальнимъ не съ руки было покупать, а ближніе потравъ боялись, захватовъ, разбоевъ на сѣнокосѣ да поджоговъ убраннаго хлѣба. Когда жъ въ Миршенѣ успокоилось все, дошли вѣсти что Орѣхово поле, Рязановы пожни и земля изъ-подъ-Тимохина бора

куплены помѣщицей не очень дальнеи деревни Родяковой, Марьей Ивановой. Алымовой. И тѣ вѣсти объявились вѣрными: мѣсяца черезъ полтора ее ввели во владѣніе.

LXII.

За Орѣховымъ полемъ, возлѣ Тимохина бора, между двухъ не высокихъ, но стоймя стоящихъ крутыхъ угоровъ и въ ширь и въ даль привольно раскинулась долина Фатьянка. Ровно шелковый зеленый коверъ разстилается по той долинь сочная, мягкая мурава, испещренная несмѣтнымъ множествомъ цвѣтовъ. Извиваясь серебристой змѣйкой среди зеленеющей Фатьянки быстрый ручей бѣжитъ. Вытекаетъ онъ изъ родника, съ необычной силой бьющаго изъ-подъ каменнаго угора. Подъ тѣмъ родникомъ вкопанъ до половины въ землю огромный дубовый чанъ, Богъ знаетъ когда и кѣмъ сдѣланный. Переливаясь черезъ край чана, вода свѣтлымъ потокомъ течетъ по долинь и потомъ выливается въ рѣчку подъ самой Миршенью. Чудная вода была въ томъ чану: лѣтомъ въ жары до того студена что рука не терпитъ, а въ трескучіе морозы отъ нея ровно изъ бани паръ столбомъ. Возлѣ родника деревянная вѣтхая часовенка стоитъ, въ ней старинный образъ Живоноснаго Источника, а въ заднемъ углу огромный дикарь,* песокъ изъ-подъ него вырытъ на половину. Это могила преподобнаго Фотина, въ давнія времена жившаго въ долинь, по имени его Фотиновой названной. Со временемъ названье это передѣлали, стали называть долину попросту Фатьянкой. Въ лѣтнюю пору, особливо по воскресеньямъ, сходится туда много богомольцевъ. Помолясь передъ иконой Живоноснаго Источника умываются они водой изъ чана и пьютъ ее ради изцѣленія отъ недуговъ, а потомъ берутъ песочку съ могилы преподобнаго.

Теперь родникъ „Святымъ Ключомъ“ зовется, а прежде „Поганымъ“ звали его. Вотъ что старые люди про него разказываютъ. Записи даже такіа есть.

* Гранитный валунъ, крѣпкій известнякъ или песчанникъ годный на бутъ и на постройку, зовется *дикаремъ*.

Когда жившіе на Горахъ люди не знали еще истиннаго Бога, у того родника подъ высокимъ краковистымъ * дубомъ они своимъ богамъ покланялись. Въ урочные дни собиравались они и справляли тутъ богомерзкую службу... И тогда въ дубовыхъ вѣтвяхъ слышались бѣсовскіе гласы и кличи, въ очію всѣхъ являлись дьявольскія мечты и коби, и въ долинахъ и по угорамъ раздавались срамный шумъ, безчинный голкъ, и ревъ, и зыкъ, и ливное рыканье и зміивый шилъ. То бѣсы творили на смущеніе людей, и на ихъ погубленіе — возлюбилъ они, окаянныя враги Божіи, то мѣсто и воцарились на немъ. И ежели который человекъ вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ, волей или неволею хотя перстомъ единымъ прикасался къ краковистому дубу или омывался водой изъ „Поганаго ключа“, тѣмъ же часомъ распалася онъ на грѣховную страсть и оттого много скверны творилось въ долинахъ и въ рощахъ ее окружавшихъ. Если же кто вкушалъ отъ воды, на того напалъ темень облакъ бѣсовскихъ мечтаний: становился тотъ человекъ людей ненавистникомъ, скорымъ на гнѣвъ, и на свару и на пролитіе крови. Таковы въ стары годы бывали въ Фатьянкѣ бѣсовскіе позоры и дьявольскія наважденія.

Когда же свѣтъ Христова ученія осіялъ живущихъ въ странѣ той, приходилъ невѣдомо отколь святъ мужъ, прелодобный отецъ Фотинъ. Срубилъ онъ у Поганаго ключа келью и сталъ пребывать въ ней пустынножительно. Постомъ и молитвой отогналъ прелодобный супротивную силу и стало мѣсто свято. Гласитъ преданіе и въ старинныхъ записяхъ написано: когда отецъ Фотинъ впервые пришелъ въ бѣсовскую долину и приступилъ къ „Поганому ключу“ ради утоленія жажды, освѣтилъ его крестнымъ знаменіемъ, внезапно въ высотѣ возгремѣло слово Божіе, а изъ яснаго неба пала на землю палючая молонья и разщепала въ мелкіе куски краковистый дубъ, Поганный ключъ мгновенно изсякъ, а возлѣ него хлынулъ изъ камня ивой потокъ — цѣлѣбноносный. И названъ былъ новый ключъ „Святымъ ключомъ“. Съ того дня о старцѣ Фотинѣ евангельскимъ свѣтомъ просвѣщенные люди страны той едиными усты и единымъ сердцемъ исповѣдывали: „воистину Божій человекъ сей!..“

* *Краковистый дубъ*—кражевистый, толстый, крѣпкій, здоровый. Слово нерѣдко встрѣчаемое въ быличахъ.

Преподобный Фотинъ сначала одинъ жилъ на Святомъ ключѣ. Дивясь знаменіямъ бывшимъ при его пришествіи никто изъ оковыхъ не смѣлъ къ нему приближаться. Великимъ и чуднымъ казался имъ преподобный—а онъ проходя подвигъ безмолвія, тщательно людей избѣгалъ. Съ кѣмъ ни встрѣтится, падетъ ницъ и лежитъ на землѣ пока отъ него не удалется. Многіе годы прошли въ такомъ отъ людей отчужденіи, потомъ умоленъ будучи слезами и мольбами народа да укажетъ прямой путь къ правой жизни на земли и къ вѣчному спасенію въ грядущемъ вѣкѣ, тѣмъ же лаче памятуя Христовы словеса: „грядущаго ко Мнѣ не иждену“, сталъ отецъ Фотинъ на духъ принимать приходившихъ. Низенькій, сгорбленный, вѣдкомъ сѣдинъ украшенный старецъ, въ бѣломъ какъ снѣгъ балахончикѣ,* въ старенькой епитрахили, съ коротенькой вѣткой манатейкой на плечахъ, съ хошевой лѣстовкой въ рукахъ, день и ночь допускалъ онъ къ себѣ приходившихъ и каждому давалъ добрые совѣты, утѣшалъ, исповѣдывалъ и поилъ водой изъ Святаго ключа.... Какъ море-океанъ отъ концовъ до концовъ земли разливается, такъ слава о чудесахъ отца Фотина разнеслась по близкимъ мѣстамъ и по дальнимъ странамъ. По маломъ времени въ долину его поселились благочестивые люди искавшіе спасенія—возникла невеликая обитель цюковъ. Не желая однако пребывать на многочисленствѣ скрылся преподобный неизвестно куда, но сряду пятнадцать годовъ приходилъ къ ученикамъ своимъ на Пасху и даи живота скончалъ между ними въ свѣтозарную ночь Воскресенія. По завѣту преподобнаго братія предала тѣло его землѣ возлѣ Святаго ключа, и надъ могилой поставила часовенку.

По кончинѣ Фотина насельники долины одинъ по другому по разнымъ мѣстамъ разбрелись, но свято мѣсто пока не оставалось пусто. По челобитію властей Троицы Сергіева монастыря Фотинова пустынь приписана была къ ихъ обители, а по времени окрестныя села, деревни, лѣса, пожни, рыбныя ловли, бобровые гоны дамы были изъ дворцовыхъ владѣній тому-жъ монастырю на поминъ души царя Михаила

* *Балахонъ*—лѣтняя крестьянская хошевая одежда, халатнаго покроя, безъ борозъ назади. Солдатскую лѣтнюю хошевую одежду называли по-нѣмецки *кителемъ*, но народъ знать не хочетъ нѣмечины и зоветъ китедь по-своему *балахономъ*.

Федоровича. Опречь того разныхъ чиновъ люди, владѣвшіе землями и селами вокругъ Фатьянки, отдавали ихъ въ домъ Живоначальной Троицы на лемияз душъ родительскихъ. Такъ досталось богатѣйшему въ Россіи монастырю и Орѣхово поле, и Рязановы лѣсны, и Тимохияз боръ, и самое село Миршѣа съ деревнями. Монастырскія власти о селахъ и угодьяхъ радѣли больше чѣмъ о Фотиновой лустыни, и съ той поры какъ въ Миршѣни завелось честныя отцы Вассіаны, Варлаамы да Нифонты отъ обители преподобнаго остались только вѣтхая часовенка съ его гробницей да чанъ съ цѣльбоносной водой.

Спустя много лѣтъ, жители околныхъ селеній стали замѣчать въ Фатьянкѣ какія-то чудныя сходбища. Лѣтней порой по темнымъ ночамъ тайкомъ собирались туда по двадцати и тридцати мужчинъ и женщинъ. Тамъ совершали они какія-то странныя дѣйства. Родившіе коней на ночную пастбу ребятишки говаривали, будто видали они какъ люди въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ пляшутъ возлѣ Святаго камюча, прыгаютъ, кружатся, скачутъ и водятъ хороводы, только не обычные. И про то ребятишки сказывали, что слышали они какъ ночью въ Фатьянкѣ лѣсны поютъ—словъ разобрать нельзя, а поютъ на голосъ мірскихъ лѣсенъ. По времени стали замѣчать что и въ келейныхъ рядахъ да въ заднихъ избѣхъ по цымы деревнямъ, у старыхъ дѣвокъ въ зимнія ночи люди собираются будто на сѣпрядки, крѣпко изнутри запираются, плотно закрываютъ окна ставнями, ставятъ на дѣрѣ караульныхъ, а потомъ что-то дѣлаютъ въ тайнѣ... Слышали что лѣсны поютъ, слышали какіе-то дикіе клики, пожной толотъ тоже слышали. И много чудились тому и не знали что о тѣхъ людяхъ подумать. Колдовствомъ одни дѣла ихъ почитали, другіе думали что они совершаютъ мерскую службу бѣсамъ... А полны тѣхъ людей за приверженность ихъ къ церкви межъ тѣмъ похваляли! И въ самомъ дѣлѣ каждый изъ нихъ всякій день у обѣда, у вечерни, у заутрени, раза по четыре въ году пріобщается. Всѣ до единого строгіе постаики, никто мяса не ѣстъ, ни вина ни другаго хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, на свадьбы, на крестины, даже на похороны ни къ кому не ходятъ, ни-когда ни съ кѣмъ не осорятся, и каждому во всемъ стараются угодить... Юродивые Богъ знаетъ отколь къ нимъ прихаживали, не рѣдко изъ самой Москвы чудной какой-то

человѣкъ прѣзжалъ — кѣмъ ли онъ былъ, лодвигъ ли молчанія наложилъ на себя, только никто отъ него слова не слыживалъ — съ кѣмъ изъ чужихъ ни встрѣтитса только въ землю кланяется да мычитъ себѣ, а въ калейныхъ рядахъ чтуть его за великаго человѣка.... Не то пятнадцать не то двадцать годовъ такъ велось въ Миршенѣ и въ околныхъ селеньяхъ. Вдругъ — наѣхали изъ Петербурга, накрыли тайное сходбище, и всѣхъ увезли. Никто не воротился... Тутъ пошам по народу толки что тѣ люди отъ истиннаго Христа отрекались и къ иному христу прилѣпились. Чтѣ за новый ихній христосъ, никто не зналъ и не вѣдалъ. А вѣру ту почему-то стали называть „фармазонской“... Брали изъ Миршенѣ фармазоновъ давно, когда еще царица Екатерина Русскую землю держала, потому и память о нихъ совсѣмъ почти перевелась. Лишь изрѣдка старики поговариваютъ что слышали они про тѣхъ фармазоновъ, отъ отцовъ своихъ, но молодые мало вѣры тому даютъ.

Вскорѣ послѣ того какъ Марью Ивановну ввели во владѣнныя пустошами она сама прѣехала на новыя свои земли. У миршенскаго крестьянина, чтѣ жилъ другихъ позажитчѣй весь домъ навала она. Отдохнувши послѣ прѣзда захотѣла объѣхать межи своего владѣнныя. Волостной голова, двое миршенскихъ стариковъ и повѣренный вмѣстѣ съ новою помѣщицей поѣхали.

На вершинѣ горы, чтѣ высится надъ Фатьянкой, Марья Ивановна вышла изъ коляски и съ радостнымъ видомъ смотрѣла на испещренную цвѣтами долину.

— Какое славное мѣсто! сказала она. — Мое оно?

— Ваше, сударыня, въ вашемъ владѣннѣ, отвѣчалъ голова. — Вся Фатьянка ваша и Святой ключъ тоже на вашей землѣ.

— Святой ключъ? переспросила Марья Ивановна.

— Святой, матушка, оказалъ волостной голова. — По вѣрѣ многія изцѣленія подаетъ во всякихъ болѣзняхъ и недугахъ. Вонъ онъ батюшка въ самомъ-то задѣ долины, гдѣ угоры-то сходятся. Видите часовенку?... Возлѣ самаго Святаго ключа она поставлена. Тутъ и гробница преподобнаго отца Фотина.

— Отца Фотина? спросила Марья Ивановна.

И голова разказалъ ей чтѣ говорятъ у нихъ про отца Фо-

тня, и про Святой ключъ. О фармазонахъ не помянулъ, не зная правду про нихъ говорятъ или вздоръ одинъ болтаютъ.

Марья Ивановна поѣхала на Святой ключъ и усердно молилась на могилѣ Фотина. Помолившись сказала повѣренному:

— Мнѣ очень понравилось это мѣстечко. Маленькую усадѣбку я построю тутъ — небольшой домикъ на случай прѣиздовъ, сказала Марья Ивановна.

— Лѣтомъ тутъ ничего, замѣтилъ голова, — а зимой порой совсѣмъ вась свѣгомъ занесетъ. Межь угоровъ такіе сугробы наноситъ, что страсть.

— Ничего. И въ сугробахъ люди живутъ, улыбаясь молвила Марья Ивановна. — Я же вѣдь лѣтомъ стану сюда прѣзжать.

Съ недѣлю прожила Марья Ивановна въ Миршѣаи, расгоряжаясь заготовкой лѣса и другаго нужнаго на постройку усадьбы. Уѣхала она обѣщаясь по скорости прислать управляющаго для найма плотниковъ и надзора за стройкой. Каждый день утѣщала она новыхъ сосѣдей, лоила Миршѣаиновъ чаемъ съ кренделями, потчивала ихъ медомъ, пирогами съ кашей, щедро дѣтей одѣлала лакомствами, а бабъ и дѣвокъ платками да ситцемъ на сарафаны; но никого виномъ не поподчивала. Иные кто посмѣлѣе и напрашивались у нея на чарочку, но щедрая барышня наотрѣзъ имъ отказывала, сердилась даже. Дивились тому, а лучше всего тому дивились какая она постоица, не то что хмѣльнаго, мяслаго въ ротъ не беретъ.

Закупѣли въ Фатьянкѣ работы, и мѣсяца черезъ два, сажаяхъ въ двадцати отъ Святаго ключа выстроенъ былъ помѣстительный домъ въ два яруса. Много въ немъ было устроено темныхъ переходовъ, тайниковъ, двойныхъ стѣнъ и половъ, жилыхъ покоевъ въ подвалахъ съ печами, но безъ оконъ. И домъ, и надворныя строенья обнесены были частоколомъ съ заостренными верхушками, ворота были только одни прямо передъ домомъ, а возлѣ частокола внутри двора было посажено множество деревь и кустарниковъ. Не недалеко отъ усадьбы съ полюджины крестьянскихъ избъ срубали.

Когда стройка была кончена прѣзжала Марья Ивановна на новоселье. Съ нею было человекъ двадцать прислуги, поселившейся внутри двора обнесеннаго частоколомъ. Семь крестьянскихъ семей переведенныхъ изъ Симбирскаго

помѣстья заняли избы. Какъ только всѣ размѣстились, таже-
лыя, желѣзомъ окованныя верѣта усадьбы были заперты
на три замка. Кто бы ни пришелъ, кто бы ни прѣхалъ,
долго ему надо было звонить въ подвѣшенный у воротъ ко-
локолъ, пока-то выйдетъ наконецъ изъ караулки приврат-
никъ, и послѣ долгихъ опросовъ не впуститъ на дворъ при-
шедшаго.

Поселокъ названъ былъ Фатьянкой. Такъ его и въ губерн-
скихъ спискахъ записали.

LXIII.

Проведя въ Фатьянкѣ три недѣли, Марья Ивановна по-
ѣхала, какъ говорила и домашнимъ и постороннимъ, въ Ря-
занскую губернію, къ двоюроднымъ братьямъ своимъ Дуло-
видкимъ. Верстахъ въ сорока свернула она съ прямой до-
роги и заѣхала въ тотъ городокъ гдѣ жилъ Марко Дани-
лычъ Смолокуровъ.

Радъ былъ столь великой чести Марко Данилычъ, глазамъ
не вѣря, бѣгомъ выбѣжалъ онъ изъ дома встрѣчать знатную,
почетную гостью, словъ придумать не могъ, какъ благода-
рить ее. Только-что вошла въ комнату Марья Ивановна вбѣ-
жала радостная Дуля и со слезами кинулась въ объятья не-
жданной, негаданной гостьи.

Подивились тому и Марко Данилычъ, и Дарья Сергѣевна.
Цѣлый почти годъ, съ самаго прѣзда отъ Макарья, никто не
видалъ улыбки на миловидномъ, но сильно поблѣднѣвшемъ
лицѣ Дули. Мало кто слышалъ и рѣчей отъ нея. Всегда су-
мрачная, угрюмая и задумчивая, рѣдко выходила она изъ
спальни своей, развѣ только къ обѣду да къ чаю, и день-день-
ской сидѣла надъ книгами. Марко Данилычъ похудѣлъ даже
глядя на дочь; ни ласки, ни журьба отцовскія не трогали Дулю.
Что бѣ ей ни говорили, какъ бы ее ни бранили она только
молчала, вздыхала и потомъ долго и неутѣшно плакала. Иной
разъ и говорила съ отцомъ, но рѣчи ея были какія-то чудныя,
ему совсѣмъ непонятныя. Съ сердечной болью сталъ Марко
Данилычъ подумывать ужъ не тронулась ли въ разумъ дочка
его ненаглядная. „Говорятъ же, рассуждалъ онъ самъ съ
собою, говорятъ же, что Библіи зачитываются и отъ того
съ ума сходятъ, можетъ и отъ другихъ книгъ не легче бы-
ваетъ“. Но сколько ни совѣтовалъ онъ Дули поменьше чи-
тать, отцовскимъ уговорамъ она не внимала.... И другое

ной разъ приходило на разумъ Марку Давидычу: „дѣвка на возрастѣ, кровь играетъ, замужъ бы ее поскорѣй“.... И прѣзжали женихи, люди все хорошіе и богатые, а изъ себя красавцы — двое изъ Москвы, одинъ изъ Ярославля, еще одинъ изъ Муромъ.... Ни о кѣмъ Дуня слова не перемолвила, а когда отецъ сталъ ей намѣкать, что вотъ дескать женихъ бы тебѣ, она вспомнила ему про колечко и про слова что сказалъ онъ даря его: „вѣнцомъ неволить тебя не стану, отдай кольцо волей тому кто полюбится“.... * Ни слова въ отвѣтъ не сказалъ на то Марко Давидычъ.... Дарья Сергѣевна чужихъ мыслей была, она полагала что Дуню лихіе люди испортили, либо лѣ вѣтру тоску напустили, либо сѣдъ у ней вынули... Но ни шепотъ причитаній надъ сонной Дуней, ни заговоры, ни умыванья съ уголька, ни спрыскиванья наговоренной водою нисколько не помогали. Дуня видимо стала удаляться отъ доброй Дарьи Сергѣевны, хоть названная „тетенька“ полпрежнему души въ ней не чаяла.... Вспомнилъ Марко Давидычъ про Аграфену Петровну, писалъ ей слезныя письма, прѣзжала бы къ Дуни хоть на самое короткое время. Аграфена Петровна прѣзжала и Дуня ей сначала обрадовалась, разговаривалась-было, даже повеселѣла, но на другой же день опять сѣла за книги и ея „сердечный другъ“ не могъ отъ нея слова добиться. Съ недѣлю прогостила Аграфена Петровна у Смолокуровыхъ и поѣхала домой, съ тяжкой мыслью, что Дуня стала ей совсѣмъ чужимъ человѣкомъ.

Не то случилось, когда неожиданно-негаданно явилась Марья Ивановна. Ни на шагъ не отходитъ отъ нея Дуня, наслушаться не можетъ рѣчей ея и до того вдругъ повеселѣла, что даже стала шутить съ отцомъ, и смѣяться съ Дарьей Сергѣевной.

— Какъ обрадовали вы насъ своимъ посѣщеніемъ, матушка Марья Ивановна, сидя за чайнымъ столомъ, съ доброй, веселой улыбкой говорилъ Марко Давидычъ.—А Дуня-то моя Дуняшка-то, поглядите-ка, ровно изъ мертвыхъ воскресла.... А то совсѣмъ было извелась. Посмотрите на нее, матушка, такая ли въ прошломъ году была, у Макарья-то?

— Чтò жь это съ тобой, душевья? пристально посмотрѣвъ на Дуню спросила Марья Ивановна. — Нездоровится что ли?

* Въ *Лѣсахъ* IV—227.

— Нѣтъ, у меня ничего не болитъ, нѣсколько потупилъ отвѣтила Дуся.

— Грустить все, тоскуеть о чемъ-то, слова отъ нея не добьешься, молвилъ Марко Давидычъ. — Самъ изъ дому ни шагу, и себя запустила совсѣмъ.... Мало ль какихъ у насъ наваласено нарядовъ — и поглядѣть на нихъ никогда не захочеть... И рукодѣлая всѣ ложила, а прежде какая была рукодѣлница!... Только книжки читаетъ, только наизусть сидитъ.

— Какія жь ты книжки читаешь, милая моя дѣвочка?... пытливо гадая на Дусю, спросила Марья Ивановна.

— *Правила жизни* госпожи Гюль, робко взглянувъ на Марью Ивановну тихо промолвила Дуся.

— Хорошая книга, полезная, сказала Марья Ивановна обращаясь къ Смолочурову.

— Хотя она и хорошая, хотя и полезна, а все бы не слѣдъ кажется надъ нею годъ цѣлый сидѣть, слегка нахмурившись молвилъ Марко Давидычъ.

Ни слова не отвѣтила Марья Ивановна. Чтобы перемѣнить разговоръ, она сказала:

— А вѣдь я, Марко Давидычъ, стала съ вами близкой соседкой. Недалеко отсюда маленькое цѣльище купила.

— Слышалъ, матушка, слышалъ и много тому порадовался, молвилъ Марко Давидычъ. — Думаю: теперь почтѣе будемъ видаться съ нашей барышней... Когда самъ къ ней съ Дунюшкой съѣзжу, а когда и она можетъ-быть къ намъ пожалуетъ...

— Ну вотъ видите, я ужь и пожаловала, улыбаясь сказала Марья Ивановна. — Прямо изъ Фатьянки... Вѣду въ Рязань къ братьямъ Луловицкимъ, а вы отъ прямой-то дороги всего верстахъ въ двѣнадцать.

— И того не будетъ, матушка, и десятка не наберется, замѣтилъ Марко Давидычъ.

— Какже было не заѣхать - то? сказала Марья Ивановна. — Я очень люблю вашу Дунюшку, не могла утерпѣть чтобъ съ ней не повидаться... А погостивши у братьевъ и совсѣмъ думаю въ Фатьянку на житье переѣхать. Я ужь и домикъ тамъ себѣ построила и душъ двадцать лѣтъ крестьянъ туда перевела.

— Наслышаны, матушка, и объ этомъ наслышаны, молвилъ Марко Давидычъ. — У Святаго ключа слышь построилась.

— Вова! самого Святого ключа, сказала Марья Ивановна. — Очень понравилось мнѣ тамшнее мѣсто, тихое такое, уединенное.

— Мѣстечко хорошее, подтвердилъ Смолокуровъ. — Доводилось и мнѣ раза два тамъ побывать. Только не знаю какъ будетъ тамъ весной во время водополы. Мѣсто-то низенько, всю долину сплошь водой заливаетъ.

— Я вѣдь немножко повыше построилась, а впрочемъ ежелибъ и стала вода одолаживать — канавъ нарою, слушаю ее, отвѣтила Марья Ивановна.

— Въ большую копѣйку станетъ, сказалъ Марко Данилычъ. — Канавы вѣдь надо вести версты на двѣ, коли не больше, а онѣ каждую весну плѣть будутъ, каждый годъ надо ихъ будетъ разчищать. Дорогоныко обойдется вамъ это, сударыня.

— Деньги, Марко Данилычъ, дѣло живое, съ улыбкой молвила Марья Ивановна. — Ихъ не должно жалѣть ежели на пользу идутъ.

— Оно конечно, сказалъ Смолокуровъ. — А все-таки по моему разсужденію не въ примѣръ бы лучше было на угорѣ вамъ построиться.

— Мѣсто-то ужъ очень мнѣ понравилось, не совѣмъ охотно проговорила Марья Ивановна.

— Мѣсто конечно хорошее, на рѣдкость можно даже сказать, молвила Марко Данилычъ. — Да лишнихъ-то расходовъ много съ нимъ будетъ.

Не отвѣтила на то Марья Ивановна.

Напившись чаю пошла она въ отведенную ей комнату. Дуня за ней. Заперла она дверь на крючокъ и стремительно бросилась къ гостѣ.

— Родная, святая душа!.. Какъ благодарить?... Какъ разказать что теперь у меня на душѣ?... Свѣтъ увидала!... Такъ въ порывистыхъ рыданьяхъ говорила восторженная, сильно взволнованная Дуня.

— Встань, дитя мое, встань, горлица моя возлюбленная! тихо, съ какой-то важностью, съ какой-то торжественностью сказала Марья Ивановна. — Сядемъ да поговоримъ.

Сѣли на диванъ. Обнявъ шею Дуни и съ нѣжностію глядя ее по волосамъ, Марья Ивановна молвила ей полуселотомъ.

— Такъ ты ужъ *Правила жизни* читаешь? Это хорошо... Все ли однако ты понимаешь?...

— Кажется понимаю немножко, а впрочемъ тамъ много такого, что мнѣ не по уму, съ дѣтской простодушной откровенностью и милой простотой, отвѣчала Дуня, восторженно глядя на Марью Ивановну и горячо цѣлуя у ней руку.—И въ другихъ книжкахъ я тоже не всякое слово могу понимать... Не ученая вѣдь я!.. А ужъ какъ рада я вамъ, Марья Ивановна!.. Вы ученая, умная—теперь вы мнѣ гауленько все растолкуете.

— А какія еще ты книги читала, голубокъ ты мой бѣленькій? съ нѣжною лаской спросила у Дуни Марья Ивановна. Дуня назвала нѣсколько мистическихъ книгъ.

— Откуда тебѣ Богъ послалъ такихъ хорошихъ книгъ? съ легкимъ удивленьемъ спросила Марья Ивановна.

— Тятенька на ярманкѣ купилъ, отвѣтила Дуня.

— Эти книги теперь очень рѣдки, замѣтила Марья Ивановна.—Иныя можно купить развѣ на вѣсѣ золота, а похвалуй и дороже. Другихъ же и совсѣмъ нельзя нигдѣ отыскать. Самъ Богъ послалъ ихъ тебѣ.... Я вижу въ этомъ перстѣ Божій.... Духъ Святый видимо ведетъ тебя Своєю благостью на путь истиннаго знанія, къ дверямъ истинной вѣры.... Блюди свѣтальникъ какъ мудрая дѣва, не угашай его въ ожиданіи небеснаго Жениха.

Замолчала Марья Ивановна... Дуня тоже ни словечка...

— Полонъ коробъ старыхъ книгъ купилъ мнѣ тогда тятенька, послѣ недолгаго молчанья сказала Дуня. — Много тутъ было романовъ и комедій; тѣ, помня ваше наставленіе, я сожгла. А эти оставила.

— Покажи-ка мнѣ твои книги, душевьяка, сказала Марья Ивановна.

Цѣлый ворохъ принесла изъ своей комнаты Дуня. Марья Ивановна сѣвши къ столу, стала пересматривать книги.

— Хорошія книги, хорошія, говорила она, внимательно перебирая одну за другой.—Какія жь ты изъ нихъ прочитала?

— Всѣ, отвѣтила Дуня, — всѣ до одной.

— И все поняла? спросила Марья Ивановна.

— Нѣтъ, не все, немножко смутясь отвѣтила Дуня.—По вашимъ словамъ я каждую по многу разъ перечитывала, до тѣхъ поръ читала одну и ту же пока не казалось мнѣ, что я немножко начинаю понимать. А все-таки не знаю, правильно ли понимаю. Опять же въ этихъ книжкахъ много странныхъ словъ есть, а я вѣдь не ученая, не знаю что означать.

— Эти книга нельзя читать какъ попало. Надо знать какую послѣ какой читать, сказала Марья Ивановна.—Иначе жетъ все въ головѣ перепутаться. Ну, да я тебѣ растолкую чего не понимаешь.... Нарочно для того подольше у тебя погощу.

— Голубушка!... Марья Ивановна!... радостно вскрикнула она. — Погостите подольше!... Вы мнѣ и свѣтъ и радость! и васъ я ровно изъ забытья вышла, ровно встала изъ мертвыхъ... А безъ васъ и день въ тоскѣ и ночь въ тоскѣ — не видѣла бы на вольный свѣтъ....

Съ восторгомъ и радостными слезами, сама себя не помня, рьяно цѣловала Дуна руки у Марьи Ивановны.

LXIV.

Вечеромъ того же дня Марко Данилычъ при Дунаѣ и при дѣвѣ Сергѣевнѣ такъ говорилъ гостямъ:

— Осчастливили вы насъ, матушка Марья Ивановна, своимъ драгоценнымъ посѣщеніемъ. И подумать вы, сударыни, не можете какую радость всемъ намъ доставили!... Какой праздникъ сдѣлали что и сказать не сумѣю... Душечка-то моя, Дуношечка-то!... Посмотрите-ка на нее на мою дубушку!... Совсемъ вѣдь другая стала при васъ... А прежде слышать было отъ нея и голосу; и сама-то она ровно чего не видѣла, ровно ничего не слышала, что вокругъ я дѣлается... Вы точно осіяли ее: и тоску и печаль съ дубушки моей какъ рукой сняли. Очень ужъ она любила васъ... Какъ хотите, Марья Ивановна, гнѣвайтесь, не гнѣвайтесь, а ужъ я буду униженно и слезно просить васъ, пошлите стану кланяться и не встану покаместъ не получу вашего согласія. Погостите подольше у насъ, порадуемъ бедную мою Дуношечку, а вошь при васъ совсемъ спадетъ ска съ нея.... Богъ знаетъ съ чего это она напала на нее. — Рада погостить у васъ, Марко Данилычъ, много благодарна вамъ за доброе приглашеніе, сказала Марья Ивановна. — Братья Дуловицкіе должно-быть еще не воротились изъ Воронежскихъ своихъ деревень, очень-то торопиться имъ лека еще нечего. Недѣльки двѣ или три могу у васъ погостить.

— Ахъ, Марья Ивановна!... Зачѣмъ же такъ мало? вскрикнула Дуна, сердечно ласкалась къ ней. — Много ль это три

ведѣли? Вы бы мѣсяца три у насъ погостили, а то и побольше...

— Нельзя, мой другъ, улыбаясь и цѣлуя Дуню сказала Марья Ивановна.—У меня вѣдь тоже дѣла, хозяйство... Особенно теперь сколько хлопотъ съ этой Фатьянкой. Везѣт свой глазъ нуженъ. Какому вѣрному человѣку ни поручи, все не такъ ладно выйдетъ. Такъ ли, Марко Давидычъ?

— Истинная правда, сударыня, отозвался онъ.—Хозяйскій глазъ дороже всего... Чужой-отъ человѣкъ желѣзнымъ обручемъ свяжетъ и то лопадется, а хозяинъ лычкомъ подвяжетъ и то въ прокъ пойдетъ.

Печально поглядѣла Дуня на Марью Ивановну. Отцовскій глазъ уловилъ ея взглядъ. Марко Давидычъ сказалъ:

— А вѣдь у васъ на новосельѣ-то чать не все еще въ полномъ порядкѣ?

— Какой еще полный порядокъ! сказала Марья Ивановна.—Въ полный-то порядокъ развѣ черезъ годъ приведу. Много еще хлопотъ впереди...

— Поди еще, и горницы-то не прибраны какъ надо имъ быть? съ заботливымъ участіемъ продолжалъ разспросы Марко Давидычъ.— Не спокойно думаю вамъ, матушка?

— Конечно, не все еще устроено, отвѣчала Марья Ивановна.—Какой еще покой? И печи не всѣ сложены, и двери не всѣ навѣшены, надо комнаты оштукатурить, обоями оклеить, полы выкрасить, мебель изъ Талызина перевезти. Много, много еще хлопотъ. Ну, да Богъ милостивъ. Полегоньку да потихоньку, съ Божьей помощью какъ-нибудь по времени устроюсь.

— Такъ ужъ я стану слезно просить васъ, матушка, милостивая барышня наша Марья Ивановна, чтобы сдѣлали вы намъ великое одолженіе и милость несказанную, и мнѣ, и Дунюшкѣ, говорилъ Смолокуровъ.

— О чемъ же это, Марко Давидычъ? спросила Марья Ивановна.

— Будьте милостивы, обѣщайте напередъ что нашу просьбу безпремѣнно исполните... вставъ съ мѣста и низко кланяясь, сказалъ Марко Давидычъ.

— Рада душой сдѣлать для васъ что могу, но какъ же можно, ничего не зная, обѣщать напередъ исполнить ваше желанье. Можетъ оно мнѣ и не по силамъ будетъ? говорила Марья Ивановна.

— По силамъ будетъ, матушка, по силамъ. Обѣщайте

только ради Христа!... еще ниже съ искренней покорностью и глубокимъ смиреніемъ кланяясь чуть не до земли, умолялъ ее Смолокуровъ.

— Ежели можно будетъ исполнить ваше желанье, готова напередъ обѣщаться, сказала Марья Ивановна.—Только я право не знаю...

— Нижайше благодаримъ за ваши слова золотыя, радостно вскрикнулъ Марко Давидычъ.—Вотъ въ чемъ дѣло, драгоценная, наша всѣмъ сердцемъ и всей душой возлюбленная барышня!... домикко у меня, изволите видѣть, не тѣснѣе, есть гдѣ разгуляться.... Такъ вы, добрая, милостивая наша барышня, пока не устроились въ Фатьянкѣ, погостите у насъ, порадуйте.... Такъ бы одолжили, такъ бы одолжили, что и сказать не умѣю... Матушка, сударыня, Марья Ивановна!... Хоша я теперь по милости Господней и купецъ первой гильдіи, хоша и значительнымъ капиталомъ владаю, хоша и большія дѣла веду по нашей рыбной части, а все жь вѣдь я ни на единую минуту не забываю, что мы ваши слуги прирожденные.... И дѣды и наши и прадѣды вашимъ родителямъ, матушка, всему вашему столбовому, свѣтлому роду вѣрными были слугами.... А родители ваши до насъ завсегда хороши и добры были.... И теперь, матушка Марья Ивановна, не плаково лочитаю, что мы ваши слуги, а вы наша милостивая барышня.. Удостите же за нашу къ вамъ любовь нелицемѣрную!... Вамъ будетъ у насъ хорошо и спокойно, никакой заботы до насъ не доведемъ... А до Фатьянки вѣдь рукой подать — лѣтомъ часовъ пять ѣзды, зимой и три за глаза. Вздумается взглянуть на имѣнье — коней не занимать стать, и возки найдутся и кибитки, угодно, карету дослѣдемъ. Вздумаете съѣздить въ Фатьянку—поѣзжайте съ Богомъ, осмѣтрите тамъ все, распорядитесь, олять къ намъ какъ въ свой домъ милости просимъ... А ужь какъ бы Дукюшка-то моя болѣзненная рада была!... Утѣшьте ее—согласитесь!...

Сначала Дуня не догадывалась къ чему отецъ рѣшился кланяться, но когда услышала послѣднія слова его, стремительно кинулась къ Марьѣ Ивановнѣ, опустила передъ ней, положила русую головку ей на колѣни, и со слезами въ глазахъ стала молить о согласіи:

— Марья Ивановна!... Голубушка!... Ясное солнышко!... всхлипывая говорила она въ полголоса.—Согласитесь!... Умру безъ васъ!... Не жаль развѣ будетъ вамъ меня?

— Подво, Дунюшка, подво, радость моя, тихо подвину ее, кѣжно промолвила Марья Ивановна и горячо подѣлала взволнованную дѣвушку, посадила ее рядомъ съ собой.

— Проси а ты Дуня, проси, голубка! дрожащимъ голосомъ говорилъ Марко Давилычъ. — Дарья Сергѣевна, вы то же не просите?

— Уважьте ихнюю просьбу, сударыня!... не совѣтъ оно, но съ низкимъ поклономъ проговорила Дарья Сергѣевна.

Сама не зная почему, съ перваго знакомства съ Марьей Ивановной не влюбилась ее добрая, незлобивая Дарья Сергѣевна почувствовала даже незнакомую дотолѣ душѣ ея неприязнь къ ней. Когда жь увидала что чуждавшаяся всѣхъ Дуня живо ожила отъ одной встрѣчи съ Марьей Ивановной. Ее отчетливая неприязнь выросла въ ней до злобной ненависти. То не зависть была, не досада, а темное, непонятное Дарья Сергѣевнѣ предвидѣніе чего-то недобраго...

Послѣ долгихъ колебаній Марьи Ивановны, послѣ усиленныхъ просьбъ Марка Давилыча, послѣ многихъ слезъ Дунюшки, согласилась барышня.

— Но съ условьемъ, сказала она.

— Съ какимъ, матушка? съ живостью спросилъ уже обрадованный Марко Давилычъ. — Съ какимъ, сударыня!

— Иной разъ какъ поѣду въ Фатьянку, отпустите вы мнѣ Дунюшку. Я, Марко Давилычъ, полюбила вашу дочь какъ самую близкую родственницу... Отпустите? сказала Марья Ивановна...

— Съ вами-то? радостно вскакинулъ Смолокуровъ. — Не то что въ Фатьянку, на край свѣта съ вами-то пустишь. Опрочь добра Дуня отъ васъ ничего не можетъ набраться. Навсегда вамъ благодаренъ останусь, милостивая, добрая наша барышня, за вашу любовь. За счастье почти ея Дунюшка при васъ неотлучно находиться будетъ....

Всѣ были радостны и довольны, всѣ, кромѣ Дарьи Сергѣевны. Низко опустивъ голову, сидѣла она грустная; съ зинка порой вздрагивала на рѣсницахъ ея, чуть слышно твердила она: „Господи помилуй!... Господи помилуй!“

А Марко Давилычъ ко сну отходя и даже стоя на молитвенное держалъ на разумѣ. „Слава Тѣ Господи, думалъ онъ. Какою честью мы теперь высканы!... Богатая помѣщица дочь нашего барина, у меня въ дому станетъ проживать. И ведетъ себя съ нами какъ равная.... „Люблю Дуню, гово-

рить, какъ близкую сродницу!... Ну-ка Онисимъ Савельичъ, дождись-ка любезный чести такой!... Вотъ озаится-то!... Городничаго залучить когда нагостины, и тоголовута такъ высоко почтеть носить, что и близко къ нему не подходитъ, а тутъ такая знатная барышня, безъ малаго тысяча душъ!... Долженъ дещъ съ зависти, первымъ же кускомъ подавится!... А Дунышка-то, Дунышка-то какъ рада голубонька!... Ожила, повеселѣла... Охъ, Дуня, Дуня моя, Дунышка!... Милое ты мое, сердечное дитятко!... Встала бы теперь изъ гроба покойница Олена Петровна!... Посмотрѣла бы на свою доченьку — съ какими людьми она знаетса!... Охъ Оленушка, Оленушка!..“

И засверкали слезы на глазахъ Марка Данилыча, при воспоминаньи о покойной женѣ.

Но вдругъ иныя мысли зародились у него въ головѣ: „Отписываетъ Корней изъ Астрахани, всю, слышь, икру на мѣстѣ скупилъ въ однѣ свои руки... Эка чудская свинья!.. Теперь у Макарья что хочетъ то и станетъ дѣлать по части икры.... Издохнуть бы тебѣ окаянному!“

И долго на разные лады мысленно ругалъ онъ Онисима Савельича Орошина, знаменитаго поволжскаго рыбака.

„А вѣдь наплевать же я Марьѣ Ивановнѣ!... И теперь будто считаю ее за свою госпожу!... Холодомъ ея считаю себя!... А она-то, сердечная... уши-то свои господскія и развѣсила!... Ахъ, Дунышка, Дунышка!... Для тебя, для одной тебя все это говорится и дѣлается!... На то ль еще для тебя я готовъ, милое мое сокровище?... На плаху пойду, на костеръ взойду — тебѣ бы только было хорошо да радостно!... Охъ, какъ вспомню я про мой горькій день какъ кончала жизнь свою Оленушка!... Младенчикомъ была тогда Дунышка, посадили ее возлѣ матери.... Оленушка въ послѣдніе разочки вздыхаетъ, а младенчикъ смѣется возлѣ ней, играетъ веселехонько ленточкой, что была въ вороту у покойницы.... Господи, Господи!... Взглянула на меня тогда Оленушка.... чуть-чуть холодѣвшей рукой повела она на Дунышку.... „Люби!“ чуть слышно промолвила.... Дунышка голубутка радость смѣется, ангельски веселится, а душа моей Оленушки летитъ къ Господу Богу небесному!... Какъ же мнѣ не любить мою Дунышку?... На все пойду, было бъ только ей хорошо!“....

И смочилъ подушку Марко Данилычъ обильными слезами.

(Продолж. слѣд.)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ *

ТРАГЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.
ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.
КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ.
ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.
АБРАМЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЛОПУХИНЪ.
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ НАРЫШКИНЪ.

1 }
2 } гарнизонные солдаты.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА.
ЦАРЕВНА МАРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА.
ЕВФРОСИНЬЯ ФЕДОРОВА.

* Въ № 6 *Русскаго Вѣстника* за 1872 годъ былъ напечатанъ мой „отрывокъ“ подъ заглавіемъ *Сцена изъ исторической трагедіи Царь Петръ и Царевичъ Алексѣй*. Считаю не лишнимъ замѣтить что между названною сценой и настоящимъ произведеніемъ нѣтъ ничего общаго. *Авт.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(1 февраля, 1718)

Комната въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛОПУХИНЪ, НАРЫШКИНЪ.

ЛОПУХИНЪ.

Делгонько-таки заставляетъ Толстой ждать себя.

НАРЫШКИНЪ.

Нужда ему къ намъ слѣшить!

ЛОПУХИНЪ.

Нарочно, вѣрь, томить. Царевича изловя, куда гордо, поди, сталъ о себѣ мыслить.

НАРЫШКИНЪ.

А по-моему и ждать его не къ чему. Право, Абрамъ Федорычъ, не лучше ли, пока до грѣха, пока самъ-отъ не вернулся, за шалки да по домамъ.

ЛОПУХИНЪ.

Царевну Марью, съ чѣмъ отъ царицы придетъ, все же обождать надо.

НАРЫШКИНЪ.

Ее обождемъ, пожалуй, а тамъ...

ЛОПУХИНЪ.

Эхъ, свать! Аль царевича намъ въ бѣдѣ вовсе покинуть? Зачѣмъ де въ счастья къ намъ добръ и ласковъ былъ!

НАРЫШКИНЪ.

Помочи ему, говорю, никакой не сдѣдаемъ. И себѣ, окромѣ рыку да крику, врядъ ли чего дождемся.

ЛОПУХИНЪ.

Эки страхи, подумашь! Нешто ты отъ самого, отричь худа, какое добро видѣлъ, а мнѣ что-то не доводилось. Да лихъ, кричи и рычи сколько душѣ угодно. Пусть самъ и въ родню насъ не вмѣняеть, все жь царевичу, какъ ни кинь, не чужіе выйдемъ. У тебя съ нимъ бабка одна, и дѣдъ одинъ же; я по матери—отъ вѣнчанной жены, слава Богу, прижить, не отъ гулящей какой—дядя родной. Царевна Марья олять по отцу тетка родная.

НАРЫШКИНЪ.

Вѣстимо. А правды все жъ намъ не скажутъ. Да что и слушать-то. Прощенье, баюють, царевичу за побѣгъ сказано. А по-моему: какъ Іуда Христа предалъ лобзаньемъ, такъ и его Толстой тѣмъ прощеньемъ изъ чужихъ краевъ выманилъ. Не подаваясь скушалъ. Не перваго, впрочемъ.

ЛОПУХИНЪ.

И я скажу: всякое лихо ему будетъ, а не прощенье. А что на той которая живетъ съ нимъ и бѣгала, на Офросиньи-то, жениться ему, говорятъ, позволяетъ, и то, вѣрь, для его же пущаго царевичева сраму дѣлается; тѣмъ осрамить хотять что къ крѣпостной дѣвкѣ привязался. И вправду, вѣдь, срамъ.

НАРЫШКИНЪ.

Охъ, безвременье тоскливое. Право, отъ грѣха бы...

ЛОПУХИНЪ.

Да слушай ты! Пойди мы по одиночкѣ, точно подозрѣніе лало бы: не о себѣ ли хлопочемъ? А то втроемъ. Хотя мы всѣ ему родные, да съ разныхъ сторонъ. И сами-то межъ собой свояки только, не одной фамиліи дѣти. Никакого усилку имѣть невозможно.

НАРЫШКИНЪ.

Такъ ты меня, выходитъ, для отвода прихватилъ? Спасибо, Абрамъ Федорычъ! Нечего сказать, удружилъ.

ЛОПУХИНЪ.

Аль тебѣ, Иванъ, своей головы не жаль? Аль, прости Господи, въ праведники записаться вздумалъ? Какъ ни верти, все сухъ изъ воды не выйдешь. Развѣ что ты о семъ дѣлѣ не только слова осудительнаго не молвилъ, а и мыслью не помыслилъ.

НАРЫШКИНЪ.

Гдѣ не помыслилъ! Сейчасъ вотъ... Стой. Царевна Марья никакъ отъ царя плетется...

ЯВЛЕНІЕ II.

НАРЫШКИНЪ, ЛОПУХИНЪ, ЦАРЕВНА МАРЬЯ.

ЛОПУХИНЪ.

Она и есть. Что, матушка-царевна, развѣдала ли что?

ЦАРЕВНА.

Письмо, сказываетъ, получила. Еще съ дороги писано, да сегодня только подали. Невѣдомо гдѣ задержалось.

ЛОПУХИНЪ.

Въ Преображенскомъ приказѣ, вѣрь, позагостилось. Тамъ и такъ его прочли, и эдакъ перечли, и на свѣтъ поглядѣли: нельзя ли де улики какой сыскать...

ЦАРЕВНА.

Въ своемъ ли ты, Абрамъ, умъ? Не дома сидишь, а такія рѣчи...

ЛОПУХИНЪ.

Дома, вѣрь, опаснѣе. Тутъ подслушивать не станутъ; въ мысль не придетъ чтобы кто говорить посмѣлъ. Да я и не прямо вѣдь, обинякомъ.

НАРЫШКИНЪ.

Охъ, тоска-кручина смертная!

ЛОПУХИНЪ.

Да ну тебя! Олять завздыхалъ... О чемъ такомъ въ лисьмѣ-то писано?

ЦАРЕВНА.

О предстательствѣ. Милостиваго предстательства просить.

ЛОПУХИНЪ.

Что жъ она?

ЦАРЕВНА.

Безпремѣнно-де сегодня же предъ царемъ печаловаться стану.

ЛОПУХИНЪ.

А ты мачихѣ вѣришь.

ЦАРЕВНА.

Добра вѣдь она, по себѣ знаю. Изъ бѣды не изъ бѣды, а изъ разныхъ провинностей выкручиваться помогала.

ЛОПУХИНЪ.

Твоими бы устами...

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ ЖЕ, ТОЛСТОЙ.

ТОЛСТОЙ.

Прости, государыня, помилуй, что ваше высочество дожидаться заставилъ. Доложили не ладно, сказали къ ея величеству пройти изволила.

ЦАРЕВНА.

Точно у царицы была. А теперь къ тебѣ вотъ, Петръ Андреечъ; будь милостивъ.

ТОЛСТОЙ.

Чѣмъ, государыня, служить прикажешь?

ЦАРЕВНА.

Да вотъ всѣ мы надумали, и я, и Абрамъ Федорычъ, и Иванъ Ивановичъ...

ТОЛСТОЙ.

Прощенья, господа, прошу: и не примѣтилъ васъ, войдя.

ЛОПУХИНЪ, тихо *Нарышкину*.

Слѣпота, чу, напала. *(Тотъ въ отвѣтъ тѣжело вздыхаетъ.)*

ТОЛСТОЙ.

О чемъ же, государыня, надуматься изволили?

ЛОПУХИНЪ.

А всѣ мы по родственному...

ТОЛСТОЙ, быстро повернувшись къ нему головою и сжмуривъ глазами.

Ась?—Слушаю, государыня.

ЛОПУХИНЪ, тихо *Нарышкину*.

Не токма слѣпота, глухота одолѣла. *(Тотъ опять отъскакиваетъ вздохомъ.)*

ЦАРЕВНА.

Пуškai ужъ Абрамъ говоритъ: потолковитѣ скажетъ. Дѣло-тъ у насъ общее.

ТОЛСТОЙ.

Абрамъ Федорычъ! тебѣ государыня говоритъ приказываетъ.

ЛОПУХИНЪ.

Говорю: всѣ вотъ мы втроемъ, по родственному, о царевичѣ навѣдаться надумались.

ТОЛСТОЙ.

Что жъ именно знать вамъ требуется?

ЛОПУХИНЪ.

Какъ сказать... ну, каковъ онъ въ себѣ, въ здоровьи то-есть?

ТОЛСТОЙ.

Ничего; далъ Богъ, здоровъ. Болѣ ни о чемъ не спросить?

ЛОПУХИНЪ.

Ужъ коли къ слову пришлось, будь ласковъ, утѣшь ты насъ, Христа ради. Баютъ, прощенье ему за любѣгъ отъ государя сказано, а правда-ль—не знаемъ.

ТОЛСТОЙ.

Сказано, точно.

ЛОПУХИНЪ.

Доброта-то государева... И съ чего ему только бѣжать
вздумалось!

ТОЛСТОЙ.

А ты какъ бы, Абрамъ Федорычъ, думаешь?

ЛОПУХИНЪ.

Ума не приложу. По глупости, чаю, а попросту ска-
зать: сауру.

ТОЛСТОЙ.

Не гораздо онъ глупъ. Ума у него на насъ двоихъ хва-
титъ.

ЛОПУХИНЪ.

И въ томъ только, Петръ Андреичъ, вся вина его и
есть что бѣгалъ?

ТОЛСТОЙ.

Въ томъ и вина его, Абрамъ Федорычъ; только всей
вины его и есть что отъ отца бѣгалъ. Ахъ не велика ло-
твоему? Коля такова мысль твоя, такъ приложи, примѣромъ,
его вину къ себѣ. Подумай: уйди отъ тебя сынъ, легко
ли тебѣ, отцу, будетъ? Какимъ волею тогда въ душѣ твоей
та малая вина встанетъ! А ближніе и дальніе твои что о
тебѣ скажутъ? На чью голову сыновняя вина падетъ? И
заые и средніе, все въ голосъ заговорятъ: хорошъ де отецъ,
когда сынъ родной не смогъ вытерпѣть его великаго ти-
ранства и, сыновство свое забывъ, по чужимъ угламъ сло-
маться пошелъ! Да мы съ тобой что! Не высокаго лета
соколы, не орлиного гнѣзда птенцы. А тутъ помыслить
страшно: кровпринцъ, великаго царства наслѣдникъ, поки-
нулъ счастье какое Господь только избранныкамъ своимъ
посылаетъ, короной пренебрегъ, все бросилъ, ото всего от-
вернулся, только бы съ отцомъ въ одномъ государствѣ не
быть! Краше, видно, ему нужду терпѣть, въ чужихъ предѣ-
лахъ скитаться, въ иноплеменныхъ крѣпостяхъ колодни-
комъ сидѣть, только бы волѣ отцовской не покоряться!

НАРЫШКИНЪ.

Господи, Господи!

ТОЛСТОЙ.

Каковъ же стыдъ на отцову-то голову? Не промежъ
деревенскихъ сосѣдей молва-то, а по всемъ имперіямъ и
королевствамъ, на весь міръ. Либо, скажутъ, онъ его при-
нуждалъ къ злодѣйскимъ поступкамъ какимъ неслыхан-
нымъ, либо мученіямъ какимъ лютымъ и несноснымъ под-
вергалъ... Э, да что тутъ!

ЦАРЕВНА.

Правда твоя, Петръ Андреичъ; великая твоя правда. Только скажи ты мнѣ, какъ же это? въ толкъ не возьму: къ шурина вѣдь своему, къ цесарю, царевичъ отъѣзжать изволилъ, къ государю великому и милостивому, а ты говоришь: ровню колодяка его тамъ въ крѣпостяхъ держали.

ТОЛСТОЙ.

Видно, матушка, и пресвѣтлѣйшему цесарю Римскому зазорно было нашего кречета залетнаго на виду держать. И самому, должно, не безъ сраму же было въ людяхъ показываться. И то, ваше высочество, прибавьте, что оба они и съ цесаремъ-то весьма опасались гнѣва его царскаго величества. Высока вѣдь рука государя нашего; честно и грозно его имя въ чужихъ краяхъ держать. И приходилось, страха ради, одному въ крѣпостяхъ хорониться, а другому хоронить его тамъ. А предъ очи свои такъ его цесарь и не допустилъ, какъ ни домогался.

НАРЫШКИНЪ.

Господи, Господи!

ТОЛСТОЙ.

Сперва въ Тироли, въ Эренбергѣ скрывался; никого близко къ крѣпости не подпускали, караулы вездѣ, ружья заряжены. А какъ провѣдалъ Румянцевъ что онъ тамъ, и сталъ я царскимъ словомъ предъ цесаремъ твердо настаивать, чтобъ либо выдали его мнѣ, либо меня къ нему съ отцовскимъ письмомъ допустили, такъ коварно отъѣкиваться стали будто не знаютъ ничего; можетъ де гдѣ скрытно въ цесарскихъ владѣніяхъ и проживаетъ, велики молъ они, всюду не досмотришь. А сами тѣмъ временемъ крадучись, по зарямъ да по ночамъ, провезли его черезъ всю Италію въ Неаполь. И тамъ даже, въ дали такой, не въ цесарскомъ дворцѣ жилъ, а прозябалъ въ крѣпостцѣ залерть, Сентъ-Эльмо прозывается. Да отъ насъ, далъ Богъ, и тамъ не схоронился: государевой рукой достали. Ну, и Италианцамъ спасибо, народъ разумный, не Австріяки криводушные.

ЛОПУХИНЪ.

Эки муки напрасныя, бѣдвяга, претерпѣлъ. А все то по веразумію, вѣрь, натворилъ.

ТОЛСТОЙ.

Жалѣешь ты его, Абрамъ Ѳедорычъ, а мнѣ великаго государя боля жалъ. На таковую высоту государство

свое возмездъ, толикія преславыя вѣкторіи одержалъ, славой неслыханною насъ одѣялъ, а скорбь и досаду терпѣть приужденъ. И отъ кого? Диви бы отъ врага, а то отъ сына роднаго... Чу, государева одноколка подѣхала. *(Быстро уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЦАРЕВНА, ЛОПУХИНЪ, НАРЫШКИНЪ.

ЛОПУХИНЪ.

Ишь, развитійствовался! Ему бы не съ нами разтобарывать, а въ церквахъ замѣсто Θεофана предики сказывать: ловокъ. Да ладно! Чтѣ надо было, узнаю. О побѣгѣ, кто совѣтовалъ, да кто дѣломъ помогалъ, разыскивать лучше всего, вѣрь, будутъ.

НАРЫШКИНЪ.

Дождались-таки грѣха; самъ теперь не по-толстовски учить станетъ.

ЛОПУХИНЪ.

Помолчи ты, Христа ради. И то даве развздыхался да разохался; того и чаялъ что рюи раслутишь. И полуталъ же меня лукавый тебя съ собою взять. Ровно въ нашемъ роду, Нарышкиныхъ, никого умнѣй нѣтъ.

НАРЫШКИНЪ.

Такъ бы съ тобой умный и поѣхалъ.

ЦАРЕВНА.

Полно вамъ шумѣть да кориться.

ЛОПУХИНЪ.

Полно и есть. Только ты, матушка-царевна, сама теперь разговоръ веди. А я тебѣ, вѣрь, какъ ты же мнѣ съ Толстымъ въ разговорѣ, умненько поддакивать буду. А то я да я впереди... Тс. Идетъ.

(Притихаютъ и не безъ страха ждуть какъ отворится дверь.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЪ ЖЕ, ПЕТРЪ, ТОЛСТОЙ.

ПЕТРЪ.

Чтѣ народу! И все-то свои, все родные да кровные.... Дивлюсь на васъ, господа: какъ у меня веселья часъ, барабаномъ васъ на ассамблею къ себѣ не загонить, а какъ въ дѣлахъ по горю... Здравствуйте. Зачѣмъ пожаловать изволили?

ЦАРЕВНА.

Тебя, государь, провѣдать пришли, о царскомъ здоровьѣ твоёмъ спросить.

ПЕТРЪ.

До какой чести Господь дожить привелъ: родные о здоровьѣ моемъ заботу возымѣли.

ЦАРЕВНА.

Грѣхъ вамъ, братецъ, что низко таково о насъ мыслить изволите. Каждодневно утромъ-вечеромъ о вашемъ здравіи вождеденномъ Бога молимъ.

ПЕТРЪ.

Благодарствую, сестрица... коли отъ сердца молитесь.

ЦАРЕВНА.

Какъ же и молиться-то, братецъ, какъ не отъ сердца?

ПЕТРЪ.

А такъ же какъ покойная, ваша родная, а моя сводная, сестрица царевна Софья Алексѣевна о здравіи нашемъ молебствовала. Бывало, въ церкви *Спаси Господи* поютъ, а на палерти деньги на убійство даютъ.

ЦАРЕВНА.

Вотъ ужъ этого за любовь мою, на старости лѣтъ, не ожидала чтобъ къ убійцамъ меня прировняли.

ПЕТРЪ.

Простите, сестрица, не помывшись сказалъ... Сама знаешь, легко ли мнѣ теперь.

ЦАРЕВНА.

Знаю, братецъ, что не можетъ не скорбѣть ваше сердце родительское. Для того и провѣдать ваше величество пришли чтобъ по силѣ-мочи успокоить тебя и утѣшить. И еще, братецъ, сказалъ намъ Петръ Андреевичъ что прощенье царевичу за побѣгъ объявить изволишь. И такая милость твоя, дастъ Богъ, въ чувство его приведетъ и образумится заставить.

ПЕТРЪ.

Дай Богъ, сестрица, дай Богъ.

ЦАРЕВНА.

Я натуру царевичеву, государь, довольно знаю: сердцемъ-то онъ весьма добръ, только что норовомъ вотъ упрямъ маленько. А теперь, любовь и полеченіе твое отеческое видя, упрямство свое отложить и вину свою предъ тобой заслужить.

ПЕТРЪ.

Ничего болѣ, кромѣ службы, отъ него и не требовалъ, сестрица. Вся ссора наша отсюда пошла. Не себѣ услуги прошу, а службы государству желаю. Чего ото всѣхъ, съ себя начиная, того же требую и отъ него. Такъ-то, сестрица. *(Рѣзко оборачиваясь къ Допухину:)* А вы, господа, зачѣмъ?

ЛОПУХИНЪ.

А съ царевною вмѣстѣ, государь великій, пришли по родственному ваше величество провѣдать.

ПЕТРЪ.

Правду говоришь, — спасибо. А зачѣмъ... Стойте. Вотъ вы всѣ меня корите что будто я отеческихъ законовъ порушитель, такъ придя домой заловѣди Господни подтвердите, а пуще лгую. А еще помните что въ сіе дѣло между мною и сыномъ никому ни слѣдъ вломиться, ни ползкомъ вползти не допущу. Тутъ единый Богъ мнѣ судья. А впрочемъ, простите. Мнѣ съ вами балагурить нѣкогда, и то за вами забылъ совсѣмъ было что Голландскимъ Шта-тамъ писъмо писать слѣдуетъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПЕТРЪ, ТОЛОСТОЙ.

ПЕТРЪ.

У, двоедушные! Медъ на устахъ,
А въ сердцѣ злоба. Рады укусить
Да силы нѣтъ... Да ну ихъ! И не стоить.—
Толстой! что чадушко-то наше?

ТОЛОСТОЙ.

Будто

Потихе стало; ласковѣй глядитъ,
Самъ разговоръ со мною начинается;
Нѣтъ замерзлаго того упорства
Что зналъ за нимъ въ Неаполѣ. Бывало,
Часъ битый говоришь—въ отвѣтъ ни слова.
Опять начнешь, и такъ-то мысль изложишь,
И иначе перевернешь,—молчать
Да подъ ноги себѣ глядитъ угрюмо.
Прощаться станешь. „Что же, спросишь, скажешь?“
т. с.хххш.

Чѣмъ батюшку порадовать велишь?"
 Еще съ минуто помолчить, а послѣ:
 „Навѣдайся де завтра. Разсужу
 О чемъ ты говорилъ, тогда отвѣчу“.
 На завтра то же. Девять дней томилъ.

ПЕТРЪ.

Какъ говоришь ты, онъ передъ очами
 Живой встаетъ. Привыкъ я, слава Богу,
 По лицамъ узнавать людей, умѣю
 Угадывать ихъ помыслы и думы
 И по чертамъ, и по глазамъ... А онъ?
 Что ты прочтешь въ его лицѣ недвижномъ?
 Безкровное, нѣмое, ровно маска
 Съ покойника снята: ни малый мускулъ,
 Ни жила не дрогнетъ. Молчить, какъ лень,
 Или сто разъ одно и то же слово
 Безмысленно, безчувственно твердить.
 Глаза потуплены, прикажешь прямо
 Чтобъ на тебя глядѣлъ, очами въ очи,—
 Не на тебя, а какъ-то внутрь себя
 Глядѣть начнетъ, какъ будто онъ тѣмъ взоромъ
 Сокровище въ сердечной глубинѣ
 Ревниво бережетъ отъ расхищенья.
 И только изрѣдка въ глазахъ, сверкая,
 Играютъ злые огоньки, и дразнятъ
 Проникнуть въ глубь, и говорить съ усмѣшкой:
 „А лучше не пытайся, не проникнешь;
 Скорѣй убьешь, чѣмъ мысль мою узнаешь“.

ТОЛСТОЙ.

Авось-ли поумнѣлъ теперь.

ПЕТРЪ.

О чемъ же

Съ тобою говорилъ?

ТОЛСТОЙ.

А все о ней,
 Все о своей любезной Офросимѣ:
 Позволишь ли ему на ней жениться.

ПЕТРЪ.

Вѣдь писано ему что позволяю.
 Аль слову моему не вѣрить?

ТОЛСТОЙ.

Вѣрить

И вновь не вѣрить. „Счастье, говорить,
Такъ велико что боязно повѣрить
Что сбудется.“ И дивно, государь,
Какъ любить оны ея! И не повѣрять:
Какъ станетъ влѣпывать да прибирать
Забавныя сердечныя словечки,
Едва отъ слезъ могу я удержаться.

ПЕТРЪ.

А какова она?

ТОЛСТОЙ.

Какъ я писалъ:

Не будь ея въ Неаполѣ, не смогъ бы
Его упрямства побороть. Она,
Она уговорила чтобъ прощенья
Сталъ у тебя просить. Простая
И добрая душа. Не мудрена,
За то правдивѣе ея не сыщешь.
„Какъ ни толкуй, безъ устали твердила,
А я въ глаза скажу что грѣхъ и грѣхъ
Отцу не покоряться.“

ПЕТРЪ.

Исполать ей.

Ея послуги вѣкъ я не забуду.

А больше ни о чемъ?

ТОЛСТОЙ.

Чуть не забылъ,

Все молить чтобъ прислать духовника.

ПЕТРЪ.

Зачѣмъ ему?

ТОЛСТОЙ.

Очистить душу хочетъ

Предъ тѣмъ какъ свидѣться съ тобой.

ПЕТРЪ.

Охъ, такъ ли?..

А не затѣмъ ли нуженъ духовникъ
Чтобъ ловко передать, кому потребно,
Что станетъ о любѣ говорить,
О чемъ смолчить и на кого намѣренъ
Свою вину сложить,—чтобъ послѣ
Не вышло разнорѣчья въ показаньяхъ?
Не называлъ духовнаго отца?

ТОЛСТОЙ.

Овъ просить чудовскаго Варлаама.

ПЕТРЪ.

Его-то можно. Тихій, кроткій старецъ,

Царю и Богу искренній радѣлецъ.

Дозволить.—Ахъ, Толстой! какъ это дѣло

Измаяло меня и истомило;

Сталъ подозрителемъ и малодушнемъ.

Нѣтъ, кончить. Вечеромъ собрать совѣтъ,

И чѣмъ рѣшить.... А то, ей-ей, не въ силахъ

Ни дѣлать ничего, ни лутно мыслить....

Посланца къ шаху даве отпускалъ я,

И—пустяки—давалъ ему наказъ

Какихъ звѣрей изъ Персіи доставить....

И вдругъ какъ вступилъ: замолчалъ, смутился,

Въ глазахъ темнѣть, голова кругомъ,

И словно на-ухо кричить мнѣ кто-то:

„Что жъ съ Алексѣемъ? Съ нимъ-то какъ-же быть?“

Не знаю, долго-ль было. А очнулся,

Всѣ на меня глядятъ въ нѣмомъ смущеньи,

И мысли нехорошія про нихъ

Зашевелились.... Ахъ, Толстой, Толстой!

Мнѣ легче было предъ Полтавскимъ боемъ:

Тогда щемило сердце, было жутко,

Страхился я за нашу мать Россію,

Но въ этомъ страхѣ забывалъ себя....

И Господу усердно помоляся,

Про страхъ забыть, надежда пробудилась

И съ бодростью я выѣхалъ къ полкамъ.

А нынѣ страшно, безотрадно страшно....

Охъ! отнялъ у меня Господь надежду

Что можетъ сынъ исправиться.... О! тяжко.—

По истинѣ, не плоть живить, но духъ;

Не плотью и любовь крѣпка, а духомъ:

Кто мой по духу, тотъ и сердцу любъ;

А сынъ, мое рожденіе по плоти,

Но духомъ чуждый, и для сердца чуждъ.—

Напрасно я стараюсь пробудить

Въ свсѣй груди отеческое чувство,

Напрасно жалость вымучить хочу:

Какъ камень сердце, и съ тоской холоднѣй

Я жду зловѣщаго.... Охъ тяжко, тяжко!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПЕТРЪ, ТОЛСТОЙ, ЕКАТЕРИНА.

ПЕТРЪ.

Что, Катеринушка? Что, мой дружокъ?

ЕКАТЕРИНА.

Пришла съ тобой поговорить о сынѣ.

ПЕТРЪ.

Ну, что вашъ шмечка? Здоровъ? Смѣется?

Все мамъ кулаченками грозить?

Горячъ лаутишка будетъ, какъ и батька.

ЕКАТЕРИНА.

Я не о немъ. Пришла тебя просить

За старшаго, за сына Алексѣя.

ПЕТРЪ.

Не сынъ оный мнѣ! Не смѣй, не смѣй ты сыномъ

Его передо мною называть!

Будь проклятъ часъ, какъ мать его увидѣла,

И радость та что ощутилъ я въ сердцѣ,

Когда мой первенецъ на свѣтъ родился....

ЕКАТЕРИНА.

Петрушенька, оломились! Богъ съ тобой.

ПЕТРЪ.

Я твердо помню, кто меня ослабилъ

Тираномъ гнуснымъ передъ цѣлымъ свѣтомъ...

О! еслибъ могъ я позабыть про это,

О! еслибъ могъ я сыну отпустить...

О, Господи! Передъ его любѣгомъ

Лежалъ я боленъ. Для чего жъ по душу

Ты ангела святаго не послалъ?

Зачѣмъ меня не разсудилъ Ты съ сыномъ,

И въ этомъ тяжкомъ злополучномъ дѣлѣ

Судьею надъ самимъ собой поставилъ?

Ахъ, мысль проклятая! уйди... Постой-ка...

Какое-то есть дѣло у меня

Да позабылъ.... А! слава Богу, вспомнилъ:

Къ Голландскимъ Штатамъ надо написать

Чтобы со Шведомъ не держали дружбы,

Не съ нимъ однимъ, со всѣми торговали;

Не то ихъ корабли пожжемъ... Толстой!

Идемъ работать. Ты поможешь мнѣ.

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

(3 февраля, 1718)

Другая комната въ Кремлевскомъ дворцѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ: АЛЕКСѢЙ и ТОЛСТОЙ.

ТОЛСТОЙ.

Приказано чтобъ здѣсь ты обождалъ,
 Какъ арестантъ, безъ шлага и съ повинной.
 Повинная съ тобой ли?

АЛЕКСѢЙ.

Здѣсь, со мною.

ТОЛСТОЙ.

Пожалуй шлагу, государь (*беретъ шлагу*).

Теперь

Пойду и доложу что все готово.

АЛЕКСѢЙ.

Ахъ! Петръ Андреечъ, погоди хоть малость,
 Дай съ мыслями собраться и окрѣпнуть.

ТОЛСТОЙ.

Не бойся ничего; все ладно будетъ.

Ты только не скрывай, а говори

По правдѣ все, какъ было.

АЛЕКСѢЙ.

Все же страшно;

Не можетъ онъ не гнѣваться, вѣтъ, вѣтъ!

Самъ чувствую что сильно и жестоко

Мной оскорбленъ...

ТОЛСТОЙ.

Онъ гнѣвенъ да отходчивъ.

Самъ на себѣ я испыталъ. Чай, слышалъ

Что съ молоду я былъ бѣдовый ларень:

Въ стрѣльцахъ служилъ; о батюшкѣ твоемъ

Лгалъ невѣсть что гдѣ только доводилось.

А на послѣдокъ — мало болтовни —

Бунтовщикомъ отчаяннымъ явился.

Достоинъ былъ я за свои дѣла
Жестокой казни. Что же? самъ ты видишь,
Не только здоровъ и невредимъ хожу,
А милостью и жалованьемъ взыскалъ.
Попрека даже никогда не слышалъ.

АЛЕКСѢЙ.

Не попрекнулъ? ни разу? ни намекомъ?

ТОЛСТОЙ.

Разъ, правда, попрекнулъ. Но какъ? не скорбью,
А свѣтлой радостью меня исполнилъ.
За ужиномъ сидѣли, лито было,
Онъ всталъ и сзади подошелъ ко мнѣ;
Рукою взялъ за лобъ и наклоняетъ
Мнѣ голову назадъ: прегрозно смотритъ
И на устахъ недобрая улыбка.
Съ минуту этакъ протомилъ, ахъ боля,
И молвилъ: „голова ты, голова!
Давно побѣдной на колу торчать бы,
Кабы ты, голова, да не была умята“.
И свѣтелъ сталъ лицомъ онъ, и меня
Поцѣловалъ въ уста; заздравный кубокъ
Пить повелѣлъ за вѣрнаго слугу,
И пиръ пошелъ веселой чередою.

АЛЕКСѢЙ.

Твое цное дѣло. Передъ нимъ
Ты прегрѣшилъ какъ подданный, и полно.
А я не только подданный, я сынъ...
Ахъ! во сто кратъ моя вина тяжелѣ.

ТОЛСТОЙ.

Опять ты заскучалъ! Не ладно. Полно.
Какъ давече я за тобой пришелъ
Чтобы сюда вести, ты былъ покоенъ:
Свѣтло смотрѣлъ, какъ будто сталъ инымъ.
И глядя на тебя тогда, подумалъ:
Вотъ правду говорятъ: кто покаяньемъ
Очистилъ душу, духомъ поновился.

АЛЕКСѢЙ.

На мигъ одинъ я поновился духомъ,
А вотъ теперь... Не то, Толстой, мнѣ страшно
Что наказанье на меня наложить,—
Я казни никакой не устращусь.

А страшенъ первый мигъ, какъ онъ войдетъ
 Да гнѣвнымъ окомъ въ душу мнѣ заглянетъ,
 И голосъ зазвучитъ.... О, этотъ голосъ!
 Когда, въ чужихъ краяхъ, въ мечтанныхъ снахъ
 Онъ мнѣ звучалъ, я съ крикомъ просыпался
 И лотъ холодный робко отиралъ.

ТОЛСТОЙ.

Что дѣлать! надо претерпѣть, царевичъ;
 Отцу вѣдь тоже не легко... Припомни
 Что Офросиньюшка твоя сквозь слезы,
 Прощаясь съ тобою, говорила:
 „Покоренъ будь; во всемъ, во всемъ випись;
 „Хоть стыдно признаваться, а випись.“

АЛЕКСѢЙ.

Да, правда, правда.—Погоди еще.
 Хочу спросить,—а ты ужь, ради Бога,
 По совѣсти и правдѣ отвѣчай—
 Какъ думаешь: сказать про обѣщанье
 Что батюшка мнѣ далъ на счетъ женитьбы?

ТОЛСТОЙ.

Какъ знаешь, государь. Остерегися,
 Не осерчалъ бы: „что жъ ты, закричитъ,
 Ужъ слову моему не вѣришь?“

АЛЕКСѢЙ.

Правда.

ТОЛСТОЙ.

Ну, я пойду; пора. А ты—крѣпился;
 Покоренъ только будь, и ладно выйдетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЕКСѢЙ, *одинъ.*

„Покоренъ будь!“ И Варлаамъ твердилъ
 Что надо покориться: „что отца молѣ.“
 Какъ онъ-то взглянетъ на мою покорность?
 Чего потребуетъ? Онъ обѣщалъ,
 Какъ былъ вдали я, полное прощенье.
 Проститъ онъ, вѣрю. Но за то наложить
 Невыносимо тяжкое условье:
 Лишить наслѣдства, и престола мой брату
 Заставитъ уступить... Глулецъ, глулецъ я!

Зачѣмъ вернулся? Развѣ я не могъ
Подъ велемощной цесаря рукою
Прожить невзгоду и дожидаться часа,
Когда Господь меня съ отцомъ разсудить?
Боялся что забудутъ, что не вспомнятъ
Меня въ тотъ часъ, а между тѣмъ царица
Въ правленьи утвердится... И еще...
Ахъ, Офросиньюшка! на горе мнѣ, на горе
Ты совѣсть пробудила... Ты права:
Я забывалъ кому обязанъ жизнью,
И имя грозное отца страшило
Мой духъ строптивый не своимъ величьемъ,
А только ужасомъ грядущихъ бѣдъ.
И вотъ теперь стою на перелутьи
Межъ полною покорностью отцу
И гордою, нелобѣдимой мыслью
Что царскимъ первенцомъ я былъ рожденъ,
Что царства у меня отягъ не въ правѣ
Никто, ни онъ... Непостоянный духъ мой!
Погубишь ты меня... О! что мнѣ дѣлать?...
Да, я смирюсь, на все я соглашуся,
Я притаюсь, меня неслышно будетъ.
А между тѣмъ—ломимо воли, стану
Ему живымъ упрекомъ... И умри онъ,
Пока мой братъ въ несовершенныхъ лѣтахъ,
Кто жъ будетъ править?... Неужли царица?
Нѣтъ! вспомнать обо мнѣ, и всѣмъ народомъ
Въ правители поставятъ.... И быть-можетъ....
О! вѣрю что буду я царемъ.—
Сюда всѣ мысли устремить мнѣ должно.
И потому: при всѣхъ его вопросахъ
На счетъ побѣга, кто мнѣ помогалъ,—
Быть на сторожѣ. Стану отвѣчать
Уклончиво, насколько есть возможность.
Всего открыть нельзя. Безумствомъ будетъ
Всѣхъ соучастниковъ побѣга выдать.
Неважныхъ назову. А остальное—
Во мнѣ умереть. Не сможетъ онъ узнать:
Въ моей душѣ не властенъ. А иначе
Себя ослаблю я, и ужъ никто
За малодушнаго во вѣкъ не станетъ.

И вотъ, разумной мыслью окрыленный,
 Я въ сердцѣ вновь надежду обрѣтаю,
 И есть чѣмъ жить, есть для чего смиряться.
 Ты грозенъ, мой отецъ! Но царственного духа
 Во мнѣ ты не убьешь, во вѣкъ не сломишь.—
 Итакъ, въ отвѣтъ... О, Господи! идеть...
 Спаси, помилуй, помози мнѣ, Боже!...
(Начинаетъ спѣшно креститься.)

ЯВЛЕНІЕ III.

АЛЕКСѢЙ, ПЕТРЪ, ТОЛСТОЙ, СВИТА.

АЛЕКСѢЙ, *бросаясь къ ногамъ отца.*

Царь-батюшка! прости меня, помилуй
 И удостой повинную принять.

ПЕТРЪ.

Примите, господи въ Толстой, и внятно
 Предъ всѣми потрудитесь прочесть.

ТОЛСТОЙ, *прикидается отъ царевича бѣ-
 магу и читаетъ.*

„Всемилоостивѣйшій государь-батюшка! — Понеже сознавъ
 свое согрѣшеніе предъ вами, яко родителемъ и государемъ
 своимъ, писалъ повинную и прислалъ оную изъ Неаполя;
 такъ и нынѣ оную приношу, что я, забывъ должность сы-
 новства и подданства, ушелъ и поддался подъ протекцію
 цесарскую и просилъ его о своемъ защищеніи. Въ чемъ
 прошу милостиваго прощенья и помилованія.“

ПЕТРЪ.

Итакъ, ты просишь?...

АЛЕКСѢЙ.

Милости и жизни.

ПЕТРЪ.

Встань. *(Царевичъ встаетъ.)*

Вслушай теперь рѣшеніе наше.—

По приговору Тайнаго Совѣта,
 За дерзости твои и противленья
 Повиненъ ты лишенью живота.
 Но соболѣзнуя отцовскимъ сердцемъ,
 Въ надеждѣ на раскаянье твое,

Мы объявляемъ полное прощенье,
 Отъ наказанія совѣсть освобождая.
 Но самъ поймешь что невозможно намъ
 Тебя своимъ наслѣдникомъ оставить.
 Какой наслѣдникъ ты! хотѣлъ отдать
 Семейный споръ съ отцомъ и государемъ
 На властный судъ цваго потентата.
 Какой ты сынъ! когда въ чужихъ краяхъ
 Прегнусной клеветой меня порочилъ,
 Мою жену и всѣхъ кого люблю я.

АЛЕКСѢЙ.

Прошу прощенья въ томъ...

ПЕТРЪ.

Сперва дослушай.

Рѣшили мы наслѣдникомъ поставить
 Второго сына нашего, Петра,
 Хотя еще младенца, не имѣя
 Иныхъ наслѣдниковъ. Ему на вѣрность
 Ты присягнешь сегодня всенародно.
 И долженъ записъ дать, скрѣпивши клятвой
 Передъ святымъ Господнимъ алтаремъ,
 Что никогда претендовать не будешь
 Наслѣдства ни подъ нимъ, ни лодо мною.
 Согласенъ ли?

АЛЕКСѢЙ.

Согласенъ, государь.

ПЕТРЪ, *считъ*.

Прошу наединѣ оставить съ сыномъ.
 Распорядитесь, господинъ Толстой,
 Чтобъ было все готово для присяги.—
 Мы выйти не замедлимъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПЕТРЪ, АЛЕКСѢЙ.

ПЕТРЪ.

Алексѣй!

Свое рѣшеніе на счетъ наслѣдства
 Тебѣ я объявилъ, какъ государь.
 Теперь прошу и Богомъ заклинаю:

Проникнись хоть на часъ сыновнимъ долгомъ
И какъ съ отцомъ со мною говори.

АЛЕКСВЙ.

Ахъ, батюшка!...

ПЕТРЪ.

Не стану я таиться,
Все выскажу что въ сердцѣ накопѣло,
Не буду умалать ни чувствъ, ни гнѣва.—
Соображалъ ли ты разумной мыслью,
Почувствовалъ ли сердцемъ размягченнаымъ,
Какъ много предо мною виновать?

АЛЕКСВЙ.

Я чувствую что сильно и жестоко
Ты мною оскорбленъ. О томъ сейчасъ
Я горько сътовалъ; спроси Толстова.

ПЕТРЪ.

Еще... Какъ изъяснить тебѣ, не знаю...
Ты самъ отецъ, но сына ты не любишь...
Прости, я оскорбилъ тебя невольно...
Положимъ любишь ты его, но онъ
Такъ малъ еще и понимать не можетъ.
Вообрази что ты его взростилъ,
Училъ, воспитывалъ и жилъ надеждой
Что станетъ онъ помощникомъ твоимъ,
Наслѣдникомъ и дѣлъ твоихъ, и мыслей.
И вдругъ твой сынъ, тебѣ на стыдъ и горе,
Явился непокорнымъ и упрямымъ,
И сталъ грозить что по отцовской смерти
Его дѣла разрушить онъ въ конецъ...
Тогда узналъ бы ты что значитъ горе
И горечь скрытую въ словахъ пророка:
Сынъ непокорливый отцу въ погибель.

АЛЕКСВЙ.

Ужасно, батюшка!

ПЕТРЪ.

Тебѣ въ мечтѣ ужасно,—
А каково жъ на дѣлѣ испытать?
Я звалъ тебя съ собою на войну,
А ты въ отвѣтъ на зовъ—безслѣдно скрылся.
Помысли самъ что сталося со мною?
Вѣдь ты мой сынъ, ты плоть моя и кровь!

Не все ль равно, какъ еслибы рука
Вдругъ оказалась нелокорна волѣ?
Ты ей велишь работать топоромъ,
Иль взяться за перо,—она ни съ мѣста.
Нѣтъ, мало этого, она тебя же
Бить начинаетъ по лицу, а ты
Стоишь оторопѣлый и безсильный...
Ахъ, Алексѣй!...

АЛЕКСѢЙ.

Душой о томъ крушуся...

Сейчасъ лишь сѣтовалъ; спроси Толстова.

ПЕТРЪ.

Когда бъ крушился ты не на словахъ,
А говорилъ отъ глубины сердечной,
Къ чему бъ тебѣ ссылаться на другихъ?
А мнѣ, сыновнюю кручину видя,
Къ чему бы слугъ спрашивать о ней?

АЛЕКСѢЙ.

Божуся, батюшка...

ПЕТРЪ.

Къ чему божба?

Иль мало клятвъ и живыхъ увѣреній
Я слышалъ отъ тебя? *(По молчаніи:)*

Отвѣтствуй мнѣ:

Съ какою мыслью ты бѣжать рѣшился
И чѣмъ руководился при побѣгѣ?
И почему ты къ цесарю бѣжалъ,
А не въ иную землю?

АЛЕКСѢЙ.

Самъ не знаю.

Страхъ гнѣва твоего меня осилилъ,
И я, говимый имъ, бѣжалъ безъ мысли.

ПЕТРЪ.

Зачѣмъ же къ цесарю?

АЛЕКСѢЙ.

Я какъ-то въ горѣ

Вскричалъ невольно: „ахъ, куда бы скрыться!“
А мнѣ шелкули: „къ цесарю бѣги,
Онъ шурина твой и государь могучій.“

ПЕТРЪ.

Иль мыслилъ ты что онъ твои права
Открытой силой защищать способенъ?

АЛЕКСВЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я объ одномъ лишь думалъ
Чтобъ время переждать...

ПЕТРЪ.

Пока умру я?

АЛЕКСВЙ, *тесердо*.

Пока твой гнѣвъ пройдетъ.

ПЕТРЪ.

Чего жь страшился?

АЛЕКСВЙ.

Какъ на войну въ Голштинію поѣхать,
Ты гнѣвенъ былъ, и требовалъ чтобъ я
Шелъ въ монастырь. И я, того страшася
Что угодить тебѣ не въ силахъ буду,—
Рѣшилъ бѣжать. Отчаялся я вовсе...
Бывало, батюшка, ты разные дѣла
Мнѣ поручалъ, и я бывалъ исправенъ,
И ты доволенъ былъ. А тутъ случилось
Что какъ ни быюся я....

ПЕТРЪ.

Ты лжешь въ глаза.

Когда я требовалъ, скажи по правдѣ,
Чтобъ безусловно шелъ ты въ монастырь?
Замѣтивъ что весьма ты сталъ склоняться
На сторону хулителей моихъ,
Не разъ тебѣ говаривалъ: что духъ мой
Не можетъ быть покоенъ, если ты
На дѣлѣ не покажешь послушанья.
Я выборъ предлагалъ тебѣ: работать,
Усердіе къ наукамъ показать,
Потребнымъ для наслѣдника престола,
Или отъ трона вовсе отказаться
И жить монахомъ... Ну, скажи на милость,
Что жь тутъ ужаснаго такого было
Чтобъ, позабывъ отечество свое,
Къ чужимъ бѣжать? Я самъ всегда въ трудахъ,
Работаю и мыслю, и руками,
И всѣ мои отличья и чины —
Я заслужилъ ихъ кровію и потомъ.

АЛЕКСѢЙ.

Простите, батюшка. Сказалъ не точно.
Я только выразить хотѣлъ что вовсе
Не годенъ я для царственнаго дѣла.

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, не негоденъ. А меня.... не любишь.
И не пойму, откуда эта злоба! —
Послушай, сынъ. Отъ юности моей
Одну я цѣль имѣю предъ собою:
Возвысить царство, данное мнѣ Богомъ,
И просвѣтитъ наукой благородной.
И я иду къ ней прямо, на проломъ.
Господь благословилъ мои стремленья,
Одѣлъ чело блистаніемъ любви;
Я вижу завязи моихъ трудовъ
И смѣю ожидать богатой жатвы.
Инымъ, я знаю, это не по праву,
И въ томъ числѣ тебѣ. Въ трудахъ всѣдневныхъ
Не только брань и злобныя хулы,
Но и хвалы мнѣ слушать не досужно.
Скажи жъ теперь по совѣсти и прямо:
Чѣмъ недовольны вы? Не осержуся;
Не бойся, говори.—Молчишь? ни слова?

АЛЕКСѢЙ.

Что я сказалъ, то снова повторю:
Не годенъ я для царственнаго дѣла.

ПЕТРЪ.

На все одинъ отвѣтъ... Такъ, видно, я
И не добьюсь: чего же ты страшился?

АЛЕКСѢЙ.

Боялся тягости трудовъ воинскихъ.

ПЕТРЪ.

Инакъ шелъ бы въ монастырь, а ты бѣжалъ
Отъ клобука. Нѣтъ, лжешь ты, явно лжешь!
Вѣрнѣ давече сказалъ что время,
Пока умру я, выждать ты хотѣлъ....
Чего жъ страшился ты? Что я замучу
Воинскими трудами, иль въ оласность
Пошлю тебя нарочно чтобъ убили?
Къ чему жъ бы было мнѣ съ тобой чиниться?
Грозить, упрашивать, и вновь грозить?

Къ чему теперь, какъ ты въ моихъ рукахъ,
 Я сталъ бы объявлять тебѣ прощенье?
 Когда бъ хотѣлъ убить, вину сыскалъ бы.
 По нашему руссiйскому закону,
 Не волея ли отецъ въ сыновней жизни?
 А я тебѣ—отецъ и государь.

АЛЕКСВЙ.

Въ одномъ, молю я, батюшка, повѣрьте:
 Что я не смѣлъ о васъ такъ низко мыслить.

ПЕТРЪ.

Болтаютъ, знаю, будто я хотѣлъ
 Безвиннаго тебя лишить престола
 Въ угоду мачихѣ твоей. Самъ знаешь,
 Похожъ ли я на тѣхъ кто какъ лтецы
 Умѣютъ маткѣ въ ротъ глядѣть, и полно!
 Иль я безволея, иль я слѣпъ и глухъ
 Что побреду, куда меня потянутъ?
 Иль вовсе Бога я забылъ, что видя
 Достойнаго наслѣдника престола,
 Иного пожелалъ бы... И кого жь?
 Младенца несмышленаго, который
 Живъ будетъ или нѣтъ—Господь лишь знаетъ.
 Да и теперь, когда онъ ужъ наслѣдникъ,
 Могу ли я увѣренно сказать
 Что будетъ онъ добрѣе и послушнѣй?
 Невесело опять тѣ думы думать
 Чтò грезилъ надъ твоею колыбелью.
 И съ тою разницей что нынѣ чаще
 Сомнѣнья будутъ душу отравлять....
 И самъ я старъ, и онъ... Повѣрь, когда бы
 Явился ты по зову моему
 И показалъ лишь малую охоту
 Покорнымъ быть,—какая сила въ мiрѣ
 Смогла бъ меня съ тобою разлучить?
 Съ какой бы радостью тебя я встрѣтилъ,
 Какъ началъ бы тогда тобой гордиться,
 Какъ полюбилъ.... О! чтò я говорю?
 Одумайся ты просто на дорогѣ,
 Или отъ цесаря явился самъ,
 Иль даже вотъ сейчасъ, сію минуту
 Пади къ ногамъ съ слезою покаянной....

АЛЕКСѢЙ.

Ей, батюшка, какъ слушаю я васъ,
То ощущаю глубже и сильнѣе
Что я дрянной, негодный человѣкъ.

ПЕТРЪ.

Ахъ! холодомъ твои всѣ рѣчи дышать.
Не грѣютъ сердца, а студятъ его.
Какъ дождь студеной осенью гнилою
Мертвить природу, такъ твои слова
Мертвятъ во мнѣ отеческое чувство.

(Долгое молчаніе).

Теперь послушай. Отвѣчай по правдѣ:
Живя у цесаря, не получалъ ты
Ни отъ кого предательскихъ услугъ?
Извѣстій, писемъ обо мнѣ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, нѣтъ.

ПЕТРЪ.

И самъ не замышлялъ мятежныхъ козней,
Не подговаривалъ, не открывалъ другимъ
Своихъ намѣреній, и думъ и плановъ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, батюшка.

ПЕТРЪ.

Ни строчки не писалъ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ.... Винавать, забылъ. Писалъ однажды,
По принужденью впрочемъ, не по волѣ,
Къ сенаторамъ и архиреямъ....

ПЕТРЪ.

Кто же

Принудить могъ тебя?

АЛЕКСѢЙ.

Велѣлъ

Мнѣ канцлеръ цесаревъ чтобъ извѣстилъ я
Такъ, въ общихъ терминахъ, что живъ и здоровъ,
И въ безопасности.

ПЕТРЪ.

Хорошъ царевичъ!

Чужой слуга велитъ ему писать,
А онъ слышитъ его исполнять волю,

т. сѣхпш.

Какъ секретарь. Да полно, такъ ли было?
И не писалъ въ письмѣ твоёмъ ни жалобъ,
Ни хитростныхъ намековъ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, клянуся.

ПЕТРЪ.

Гляди, не лги; узнаю, худо будетъ.—
Я требую чтобъ ты передо мной
Очистилъ душу полнымъ покаяньемъ.
Ты долженъ все открыть: дѣла и мысли,
Намѣренья, желанья, планы, думы.
И лишь тогда вполнѣ тебя прощу я
И возвращу любовь. Иначе помни:
Свидѣтельствуюсь Богомъ, не въ прощенье
Прощенье будетъ данное тебѣ.

АЛЕКСѢЙ.

Я соучастниковъ готовъ сейчасъ же....

ПЕТРЪ.

Услѣжь послѣ. А теперь—къ присягѣ.

(Занавѣсъ)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Комната въ Петергофскомъ Монплезирѣ.

(Май, 1718).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

МЕНШИКОВЪ, ТОЛСТОЙ.

МЕНШИКОВЪ.

Ты злобствуешь, клянешь меня нещадно
 И хочешь скрыть. И правъ ты, Петръ Андреичъ:
 Неблаговидна было бѣ, вздумай я
 Передъ концомъ выѣзжаться въ это дѣло.
 Его ты началъ, много потрудился,
 Тобой царевичъ возвращенъ отцу,—
 И вдругъ ты видишь что тебѣ дорогу
 Переступаютъ!

ТОЛСТОЙ.

Вѣрьте, ваша свѣтлость,
 И въ голову мнѣ то не приходило.

МЕНШИКОВЪ.

Не приходило, такъ могло придти.
 Будь на твоёмъ я мѣстѣ, какъ бы залился!
 Чѣмъ можно дорожить въ подобномъ разѣ
 Какъ не особой близостью къ монарху,
 Его довѣріемъ въ семейномъ горѣ?
 Передъ тобой онъ сердце обнажаетъ,
 Ты видишь сокровенныхъ думъ изгабы
 И слѣзы тайныя, и вздохъ невольный.
 Ужъ онъ тебѣ не царь—сердечный другъ,
 Къ тебѣ онъ ближе чѣмъ къ родному брату.
 И видя что тебя я отстраняю,
 Не могъ же ты не злобствовать, Толстой.

ТОЛСТОЙ.

Клянуся, ваша свѣтлость, не помыслилъ.

МЕНШИКОВЪ.

Эхъ, братъ Толстой! что ты со мной чинишься?
 Сознайся лучше.

ТОЛСТОЙ.

Ну, сказать по правдѣ,
Не мало клялъ я, Меншиковъ, тебя.

МЕНШИКОВЪ.

А съ коихъ поръ?

ТОЛСТОЙ.

А вотъ какъ привезли
Больную Офросинью изъ Берлина:
Она не маѣ, тебѣ поручена.

МЕНШИКОВЪ.

Я такъ и зналъ. За правду слушай правду.
Я не просилъ: онъ самъ меня назначилъ.
А я, ловѣрь, охотно отыныалъ бы.
И вотъ причина: Доведися штурмомъ
Другой Батуринъ брать, иль славный миръ
Съ врагами подписать—не уступилъ бы
Такой высокой чести никому,
И, грѣшный человекъ, не безъ интриги.
Тутъ можешь ты кулить любовь царя:
Твоей заслуги въ жизнь онъ не забудетъ,
И въ часъ вины—она твоя защита.
Тутъ и почетъ, и слава. Знаешь самъ
Что завоевано тобою на вѣки
Въ исторіи признательное слово.
А въ этомъ тяжкомъ злополучномъ дѣлѣ
Чего добьешься? Я не повторяю
О чемъ сказалъ, о близости къ царю.
А отъ людей? Ты сталъ для клеветы
Удобною и вѣчною мишенью.
Чуть захотѣлъ кто осудить тебя,—
И онъ де, скажетъ, былъ изъ тѣхъ людей
Что злобою своею сатанинской
Невиннаго царевича сгубили.

ТОЛСТОЙ.

Такъ разсуждая, и служить нельзя.
Великихъ дѣлъ не много и для нихъ
Не только умъ потребенъ, надо счастье...
И самъ скажи: не счелъ бы ты за милость,
Пошли тебя онъ къ цесарю за сыномъ?

МЕНШИКОВЪ.

Повѣхалъ бы, и съ радостью повѣхалъ,
И радъ тому что чаша миновала.

На время, впрочемъ. Охъ, Толстой! быть-можетъ
 Мнѣ горшая досталась въ часъ доля:
 Не тотъ кто началъ, кто конецъ устроить...

ТОЛСТОЙ.

Ахъ! поскорѣй бы приходилъ конецъ.
 А то вѣдь государь совсѣмъ извелся,
 Съ гостями весель, а въ душѣ тоска,
 Приладки сильно стали учащаться:
 Боюся, эпилепсія дойдетъ.

МЕНШИКОВЪ.

Конецъ?... Не скоро онъ, Толстой, наступитъ.
 Я въ этомъ дѣлѣ вижу далеко.
 Что ждетъ его? что ждетъ меня съ тобою?
 Наслѣдникъ нашъ—ребенокъ; слабый, хилый.
 Взростетъ ли онъ до смерти государя?
 Или вовсе не взростетъ? Какъ Алексѣй
 Переживетъ отца,—что насъ постигнетъ?
 Не уцѣлѣютъ головы на плечахъ.

ТОЛСТОЙ.

Случись о немъ въ Совѣтѣ говорить,
 Такое, Меншиковъ, подамъ я мнѣнье:
 Женить его скорѣй на Офросинѣ—
 Она его удерживать умѣетъ—
 И заперѣтъ въ Рождественнѣ, на мызѣ:
 Пусть догнѣваетъ вѣкъ. Надзоръ престогаго,
 Понятно, учредить, дабы никто
 Къ нему на дворъ не смѣлъ ступить ногою
 И отъ него—ни вѣсти, ни полвѣсти.
 Похоронить его въ глуши, живаго.
 И чѣмъ скорѣй забудется, тѣмъ лучше.

МЕНШИКОВЪ.

Не всѣ забудутъ. Вспомни: про кабуку
 Что говорили? „Не гвоздемъ прибьютъ де.
 Умереть отецъ, такъ снимется легко.“
 А что до клятвы не искать наслѣдства,
 То, вѣрь, найдутся архирей, снимутъ
 И на душу свою возьмутъ ту клятву.
 Еще ириломки: сынъ его растетъ.
 Найдутся люди, съ дѣтства натолкуютъ
 Что мы съ тобой отца его сгубили:
 И отомстить не намъ, такъ дѣтямъ нашимъ.

Тутъ куча зародилась дѣлъ кровавыхъ
И хватить на-долго ея, до внуковъ.

ТОЛСТОЙ.

Ты правъ. И мы, опасность сознавая,
Должны предупредить ее стараться.

МЕНШИКОВЪ.

Но отъ кого опасность намъ грозитъ?
Кто явится лособниками мщенья?
Толстой! ты дѣло наизусть, чай, знаешь:
Какой же выводъ сдѣлалъ изъ него?

ТОЛСТОЙ.

Дѣя стороны я въ дѣлѣ различаю.
Одна превздорная. Тѣ бабы сплетни,
Пророчества бездѣльныхъ чернецовъ,
Архимандритовъ льяныя видѣнья
На счетъ того что вотъ де царь умретъ
Тогда-то и тогда, пль помирится
Съ своею разведенною женой
Въ такой-то день и часъ, и то-то будетъ.
Кто этимъ глупостямъ въ нашъ вѣкъ повѣритъ?
Онъ годны единственно на то
Чтобъ старымъ дѣвкамъ, какъ царевна Марья,
За кофеинкомъ сидя съ приживалкой,
Нашлась матерія надъ чѣмъ поохать,
Да для того еще чтобъ въ глупой черни
Нелѣпостей побольше распускать
На всякій случай.

МЕНШИКОВЪ.

А другая въ чемъ?

ТОЛСТОЙ.

Другая въ томъ что чадущко-то наше
За прежнее упорство принялось.
Въ его словахъ и тѣни нѣтъ признанья,
Раскаянья ни капли не видать.
Все только путаетъ да прибираетъ
Кто дерзко говорилъ о государѣ.
Имень, именъ! что комаровъ на Волгѣ.
Какъ словно жертвы поставлять взялся
Для гнѣва государева, чтобъ сердце
Сорвавъ на нихъ, онъ позабылъ о немъ.

МЕНШИКОВЪ.

И тутъ тотъ пунктъ на чтò твое вниманье
Хочу я обратить. Именъ довольно,
А много ль знатныхъ ты начтешь межъ ними?
Одно или два. Все мелкіе людишки,
Служащіе, учитель-краснобай,
Кого оговорилъ совѣтъ напрасно;
Еще такіе кто и безъ того
Въ опалѣ былъ. Чтò жь родовитыхъ мало?

ТОЛСТОЙ.

Ты правъ: про черный день ихъ бережеть.

МЕНШИКОВЪ.

И явственно какъ партіи распались:
За сына—знатность съ родовой слѣсью,
У насъ же—умъ, наукой укрѣпленный.
На то и злы что нынѣ ужь нельзя,
Какъ дѣлалось при прежнихъ государяхъ.
Со всѣхъ сторонъ обтыкаться роднею
Чтобъ никого къ царю не допускать.

ТОЛСТОЙ.

Для всѣхъ равно, кажись, открыты двери.

МЕНШИКОВЪ.

Да дѣло въ томъ что намъ-то съ ними родомъ
Ровняться не зачѣмъ; они, напротивъ,
Наукой и умомъ ровняйся съ нами.
За чтò царя бранятъ они нещадно?
Что безразлично въ равенствѣ всѣхъ держать,
Что не умѣетъ выбирать людей,
Царевичъ лучше де: людей онъ знаетъ.
Съ тобою мы, Толстой, для нихъ не люди;
Ты кто? стрѣлецъ, а я простой пирожникъ.
И, вѣрь, они намъ отомстить сумѣютъ
Какъ встанутъ дружно въ оный тяжкій день,
Когда мы благодѣтеля лишимся.

ТОЛСТОЙ.

Но близъ царя не мало насъ, простыхъ...

МЕНШИКОВЪ.

Довольно насъ, да дружбы нѣтъ межъ нами.
О! еслибъ стать намъ дружною семьей....

ТОЛСТОЙ.

Согласенъ. Вотъ рука моя: ударимъ.

МЕНШИКОВЪ.

Спасибо, другъ. (*Бьетъ по рукамъ.*)

Какая будетъ сила,

Когда мы все сплотимся воедино!

Вѣка они насъ жить не допускали,

И первый Петръ прорвалъ ялтину эту.

Опричнина была при Грозномъ, правда;

Незнатныхъ бралъ въ нее. Изъ нихъ Борисъ

Возвысился до царства. Но была то—

Слѣлая сила. Петръ открылъ намъ очи

И, темный разумъ просвѣтивъ, намъ придалъ

Несокрушимую науки силу.

ТОЛСТОЙ.

Во истину великъ.

МЕНШИКОВЪ.

И мы.... Гляди-ка:

И государь вернулся изъ Кроншлота.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТОЛСТОЙ, МЕНШИКОВЪ, ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ.

И встрѣтить полѣнились! Охъ, мингеры,
Давно я васъ не жаловалъ дубинкой.

МЕНШИКОВЪ.

Помилуй, государь; заговорились.

ПЕТРЪ.

За разговоромъ дѣла не забылъ ли?

Все ль, какъ велѣлъ, исполнено, Давилычъ?

МЕНШИКОВЪ.

Допрошена, привезена сюда

Въ закрытой шлюпкѣ, и весьма секретно

Проведена въ твой кабинетъ.

ПЕТРЪ.

Спасибо.

И никому ни слова? Ни Толстому?

Ай да Давилычъ, молодецъ! (*Толстому:*)

Что, тезка?

Не досмотрѣлъ, авось ли domeквулся.

ТОЛСТОЙ.

Знать, Офросинью....

ПЕТРЪ.

Тс! Идемъ же къ ней.

Постой. Давилычу сказать за память:

Въ заливѣ повстрѣчалъ я галіотъ,

А капитанъ пріятель по Сардаму:

У одного хозяина служили.

Югана, толстогубаго, чай, помнишь:

Угацивалъ ливинкомъ въ кабачкахъ.

Такъ ты, пожалуста, по старой дружбѣ

На славу угости его, чтобъ помнилъ.

Идемъ, Толстой. Постой. А гдѣ жь бумаги?

МЕНШИКОВЪ, *подавая бумаги.*

Вотъ черновыя съ писемъ что писалъ,

Какъ онъ показывалъ, по принужденью

Къ сенаторамъ и архиреямъ.

ПЕТРЪ.

Ладно.

Сличи, Толстой: согласно ль съ показаньемъ.

МЕНШИКОВЪ, *также.*

Ея собственноручное писанье

Въ отвѣтъ на данныя тобой вопросы.

ПЕТРЪ.

• Есть важное?

МЕНШИКОВЪ.

Какъ взглянешь, государь;

По моему, весьма. Вотъ хоть бы это.

*(Указываетъ въ бумагахъ).*ПЕТРЪ, *читая.*

Да, да.

МЕНШИКОВЪ.

Иль это вотъ прочесть изволь.

ПЕТРЪ, *также.*

Гм, гм.

МЕНШИКОВЪ.

Въ концѣ весьма замысловато.

ПЕТРЪ.

Гм. Ласкою ты съ нею обращался?

Ни чѣмъ, ни даже гнѣвомъ не страдалъ?

МЕНШИКОВЪ.

Помилуй, государь! Какъ я посмѣлъ бы

Ослушаться твоихъ велѣній?

ПЕТРЪ.

Гм.—

Такъ лаской говорить?

МЕНШИКОВЪ.

Она сама

Съ великою охотою показала

Чтò влпомнила. Хитрить-то не умѣть:

Какъ въ зеркалѣ, въ глазахъ всѣ мысли явны.

Чуть захитрила, а въ глазахъ сейчасъ,

Какъ у ребенка милаго, сказалося:

„Я модъ съ тобою, дяденька, хитрю!“

ТОЛСТОЙ.

По истинѣ, какъ вижу предъ собою...

ПЕТРЪ.

Гм, ладно. Погляжу, узнаю самъ.

Идемъ, Толстой.

ЯВЛЕНІЕ III.

МЕНШИКОВЪ, вскорѣ ЕКАТЕРИНА, потомъ АЛЕКСѢЙ.

МЕНШИКОВЪ, одинъ.

Ни слова. Только очи

Какъ молвіи сверкнули. Быть грозѣ.

*(Входитъ Екатерина, въ фартукъ
и съ засученными рукавами.)*

ЕКАТЕРИНА.

Давнымъчъ! гдѣ же государь? вернулся?

МЕНШИКОВЪ.

Сейчасъ пріѣхалъ.

ЕКАТЕРИНА.

Ладно же. Я вафель,

Которыя онъ любитъ, налекла.

Пускай покушаетъ... Куда жъ онъ скрмся?

МЕНШИКОВЪ.

Съ Толстымъ лопелъ работать.

ЕКАТЕРИНА.

На тощакъ-то?

А вамъ и не въ домекъ ему наломить!

Ужъ вы! совсѣмъ его не бережете...

Какъ удались-то!.. Экая досада!...

Пойду-ка, поскребусь легонько въ двери.
Авось ли не разсердится.... Какъ скажешь?
Что тамъ за дѣло? Важное, аль такъ?

МЕНШИКОВЪ.

Нѣтъ, лучше не ходи.

ЕКАТЕРИНА.

Да что жь за дѣло?

МЕНШИКОВЪ.

Сказать не смѣю.

ЕКАТЕРИНА.

Полно, что такое?

Ну, говори жь, Давылычъ, говори.

МЕНШИКОВЪ.

Сказать ли, нѣтъ... Ну.... привезли ее.

ЕКАТЕРИНА.

Кого ее-то?

АЛЕКСѢЙ, *быстро вздохъ.*

Матюшка-царица!

Къ твоимъ столамъ усердно припадаю.

ЕКАТЕРИНА.

Что, батюшка?

АЛЕКСѢЙ.

Прости.... ты не одна....

Я думалъ.... Нѣтъ, въ другой ужь разъ.... не слѣшное.

МЕНШИКОВЪ, *тихо Екатерины.*

При мнѣ не хочетъ говорить.

(*Гролко:*) Пойду я,

Мнѣ государь сказалъ чтобъ поскорѣе.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕКАТЕРИНА, АЛЕКСѢЙ.

ЕКАТЕРИНА.

Ну вотъ ушелъ онъ. И чего боялся!

Не лютый звѣрь какой у насъ Давылычъ.

О чемъ же просить?

АЛЕКСѢЙ, *падалъ къ ея ногамъ.*

Матюшка-царица!

Дай жить, дай Богу за себя молиться.

ЕКАТЕРИНА.

Охъ, полно... Что ты!.. перестань-хоть плакать.

АЛЕКСВЙ.

Сама ты знаешь... много ль мнѣ утѣхи...
Она одна... Дай за себя молиться!..

ЕКАТЕРИНА.

О чемъ ты просишь? не пойму никакъ.

АЛЕКСВЙ.

Она вѣдь здѣсь... Ужь съ часъ какъ привезли...
Да подъ секретомъ... только-что провѣдалъ...

ЕКАТЕРИНА.

Да кто она-то? И Данилычъ тоже:
„Ее де привезли.“ Кого жь ее-то?

АЛЕКСВЙ.

Охъ!.. Офросивьюшку мою...

ЕКАТЕРИНА.

Да какъ же

Узнать ты могъ?

АЛЕКСВЙ.

Не спрашивай, не выдамъ.

Покуда живъ, не выдамъ.

ЕКАТЕРИНА.

Богъ съ тобой!

Я такъ спросила.

АЛЕКСВЙ.

Матушка-царица!

Дай жить, дай Богу за тебя молиться.

ЕКАТЕРИНА.

Встань; ради Бога, встань. *(Она встаетъ).*

Ну, такъ-вотъ ладно.

Да толкомъ говори, чего жь ты хочешь?

АЛЕКСВЙ.

Повидѣть бы ее... одну минутку...

Сказать словечко... больше и не надо...

ЕКАТЕРИНА.

Да я тутъ что же?

АЛЕКСВЙ.

Упроси отца.

Сама ты вѣдаешь, одна осталась...

Ей только живъ, ей только и дышу.

Давно прошу... да все не долускаютъ...

(Опять палъ къ ногамъ.)

Дай жить! дай Богу за себя молиться!

ЕКАТЕРИНА.

Встань, встань сейчасъ. *(Онъ встаетъ.)*

И если снова

Падешь мнѣ въ ноги, отступлюсь совсѣмъ.

АЛЕКСВЙ.

Не стану болѣ.

ЕКАТЕРИНА.

Перестань же плакать.

Ну батюшка увидитъ, хорошо ли?

Аль позабылъ, какъ осерчалъ на меня:

„Что хнычешь-то, молился бѣ лучше Богу“.

АЛЕКСВЙ.

Не буду плакать. Ей же ей, не буду.

ЕКАТЕРИНА.

Ну, что же сдѣлать?

АЛЕКСВЙ.

Батюшка теперь,

Должно, допрашивать ее изволить.

Боюсь, по допросѣ увезутъ,

Не доведется мнѣ ее повидѣть...

Ты попроси чтобъ на одну минутку,

Какъ кончитъ-то, позволилъ...

ЕКАТЕРИНА.

Ладно, ладно.

Охъ, Алексѣй! бѣда и мнѣ съ тобою...

Меня вотъ просишь, а съ отцомъ упрямъ.

Да ладно ужъ, схожу.

АЛЕКСВЙ, *цѣлуя ея руки.*

Я въ жизнь не позабуду.

ЕКАТЕРИНА.

Постой... Пройди-ка ты теперь ко мнѣ.

Пойдемъ, пойдемъ. *(Ведетъ къ дверямъ своей комнаты.)*

Умой лицо водою,

Чтобъ слезъ совсѣмъ, совсѣмъ не стало видно.

А то, пожалуй, батюшка войдетъ,

Обоимъ будетъ... Ну, иди жъ, умойся.

Веселымъ выходи, какъ лозову.

Не то, гляди ты у меня! *(Погрозилъ пальцемъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕКАТЕРИНА, МЕНШИКОВЪ.

МЕНШИКОВЪ. *заступая ей дорогу.*

Куда?

ЕКАТЕРИНА.

Тебѣ зачѣмъ? Иду, куда хочу я!..

МЕНШИКОВЪ.

Не долущу. Ты дѣлао все испортишь...

ЕКАТЕРИНА.

Съ ума сошелъ ты! пропусти, Давылычъ.

МЕНШИКОВЪ.

Я слышалъ все. И повторяю тебѣ:

Не долущу.

ЕКАТЕРИНА.

Пусти.

МЕНШИКОВЪ.

Царь страшно гнѣвенъ...

Онъ на тебѣ одной сорветъ все сердце...

ЕКАТЕРИНА.

И пусть сорветъ! Я все-таки пойду.

МЕНШИКОВЪ.

Зачѣмъ?

ЕКАТЕРИНА.

И говоришь что все ты слышалъ!..

Какъ плакалъ онъ!.. И не щемило сердце?

И не холодуло?.. Ахъ! жаль его мнѣ, жаль.

МЕНШИКОВЪ.

Нашла кого жалѣть.

ЕКАТЕРИНА.

У, безсердечный!

МЕНШИКОВЪ.

Коль хочешь пожалѣть, такъ пожалѣй

Ее ты, безталанную дѣвчонку,

Что ради изверга сего на вѣки

Себя огубила. А его жалѣть?

Нашла кого! Да первую тебя же,

Какъ государь умереть, онъ истравить.

ЕКАТЕРИНА.

Не звѣрь же онъ...

МЕНШИКОВЪ

Не звѣрь, а хуже звѣря.

Уми лишь государь...

ЕКАТЕРИНА.

Съ ума сошелъ ты!

Что выдумалъ! уми... Пусти, пусти же.

МЕНШИКОВЪ.

Не допущу.

ЕКАТЕРИНА.

Ты, близкицъ, позабылъ,

Такъ я напоминаю: я твоя царица.

МЕНШИКОВЪ, холодно.

Я вашего величества не смѣлъ бы

Удерживать, да государь велѣлъ

Чтобъ никого къ нему не допускалъ я.

ЕКАТЕРИНА.

Не лги. Будь правда, такъ сказалъ бы сразу.

Иль ты не слышалъ? Я твоя царица.

ЯВЛЕНИЕ VI.

МЕНШИКОВЪ, въ концѣ ЕКАТЕРИНА и ЕВФРОСИНЬЯ.

МЕНШИКОВЪ, одинъ.

Ишь, расфуфырилась! забыла, видно...

И я хорошъ! Ахъ впрямь съ ума сошелъ?

Чего боюсь? чего я испугался?

Что можетъ вздорное ея прошенье?

Какъ будто я допроса не читалъ,

И ничего не знаю.... Нѣтъ, царевичъ!

Твоя фортуна круто повернула

И подъ-гору покатится стремглавъ.

Простись съ мечтой что по отцовской смерти

Ты будешь царь, или правитель царства.

Нѣтъ, не дождешься ты! Иной найдется;

Сильнѣйшею, чѣмъ у тебя, рукой

Возметъ бразды.... О! есть за что бороться,

О! есть о чемъ.... Что это? Боже правый!...

Ведетъ ее сюда, щебечутъ объ,

И веселы....

(Вошли Екатерина и Евфросинья.)

ЕКАТЕРИНА, *ему.*

Уйди ужь ты, уйди! —

Царевичъ! выходи. Поговорите

А я сейчасъ же....

ЯВЛЕНИЕ VII.

ЕВФРОСИНЬЯ, АЛЕКСѢЙ.

ЕВФРОСИНЬЯ *бросаясь къ нему въ объятія.*

Батюшка ты мой!

АЛЕКСѢЙ, *также.*

Ты, Офросимьюшка? Жива, здорова?

Охъ! наконецъ-то Богъ привелъ меня

Съ тобою свидѣться.

ЕВФРОСИНЬЯ.

А ты здоровъ ли?

Дай погляжу. Ай! какъ ты похудѣлъ,

Зеленый сталъ какой да нехорошій.

АЛЕКСѢЙ.

Вся душенька извыла по тебѣ....

А ты-то, ты.... оправилась вовсе?

ЕВФРОСИНЬЯ.

Какъ видишь, слава Богу.... Не ждала я

Что нынче выпадетъ такое счастье....

АЛЕКСѢЙ.

Какъ привезли тебя, просилъ, молил....

Да развѣ онъ.... скорѣе звѣрь залакаетъ.

ЕВФРОСИНЬЯ.

Грѣшаю, грѣшаю на радостяхъ браниться.

Ты должень Бога за отца молить.

Какая доброта! Вижу такую,

Великую и страшную, простилъ.

Иной отецъ—изъ самыхъ изъ простыхъ,

Не то что царь—не отпустилъ бы, проклялъ;

За вдвое меньшую не пощадилъ бы.

Да первый ты, случись съ тобой такое....

АЛЕКСѢЙ.

Чуть свидѣлись, ужь и журить пошла!

Скажи-ка лучше.... Охъ! и не спрошу я....

Ты разрѣшилась мертвымъ, такъ ли, правда-ль?

ЕВФРОСИНЯ.

Да, мертвенькимъ.... И не видала даже....
 Безъ памяти лежала десять сутокъ;
 Какъ огонекъ лампадный колебалась
 Душа надъ тѣломъ. Инъ простилъ Господь.

АЛЕКСѢЙ, *улыуя се.*

За то теперь мы заживемъ съ тобою.
 Да, Офросиньюшка?... Ахъ! а допросъ-то...
 О чемъ допросъ тебѣ чинали, какъ?

ЕВФРОСИНЯ.

Намедни мнѣ Свѣтлѣйшій подалъ пункты
 Отъ батюшки, чтобъ написала я.
 Вечоръ ихъ возвратила, а сегодня
 Сюда велѣли....

АЛЕКСѢЙ.

Чтѣ жь? стращаль тебѣ?

Кричалъ что батюшка казнить прикажетъ?

ЕВФРОСИНЯ.

Помилуй Богъ! Съ такой отмѣнной лаской,
 Съ такою бережью со мною обращались
 Что ѳтороль взяла.

АЛЕКСѢЙ.

Чего жь страшилась?

ЕВФРОСИНЯ.

Какъ не страшиться! Не достойна я.
 Какъ только вспомню въ чемъ я провинилась!..

АЛЕКСѢЙ.

Ни въ чемъ не виновата. Полно вздоры...

ЕВФРОСИНЯ.

Кто? я не виновата? Первый грѣхъ
 Что стала жить съ тобою какъ былъ женатый;
 Твоя жена больная вѣдь лежала..
 Второй мой грѣхъ что бѣгала съ тобою:
 Вѣдь знала я куда, зачѣмъ бѣжишь.
 А третій грѣхъ—какихъ продерзкихъ словъ
 Наслушалась въ бѣгахъ про государя.

АЛЕКСѢЙ, *гнѣвно.*

Какія тамъ слова еще! Чтѣ мелешь?
 Все глупости однѣ... А вотъ скажи-ка:
 Какъ батюшка съ тобою?

т. схишн.

ЕВФРОСИНЬЯ.

А видишь,
 Какъ посадили въ кабинетъ къ нему,—
 Меня-то въ лодкѣ закачало малость—
 Я какъ пристала, и вздремнулось мнѣ.
 Вдругъ голоса; едва очнулась, входить.
 И испугалась же! Дрожмя дрожу
 Что твой листокъ осиновый; колѣни
 Не держать, гнутся и въ очахъ лотыма...
 Безъ памяти къ нему свалилась въ ноги,
 И зарыдала въ три ручья...

АЛЕКСВЙ.

Что жь онъ?

ЕВФРОСИНЬЯ.

Приподнялъ, посадилъ, велѣлъ налиться.
 Сталъ спрашивать; сперва о томъ, о семъ;
 И какъ съ тобой живу, давно ль, да давно ль.
 Тутъ сталъ читать мои отвѣты внятно,
 И послѣ каждаго: „ты твердо ль помнишь,
 По правдѣ ль говоришь?“ И въ очи
 Мнѣ прямо смотритъ строгими очами.
 Смutilась я маленечко, признаться,
 Да не надолго, обошлась скоренько,
 И стала отвѣчать, какъ слѣдъ, разумно.
 Чего бояться? думаю себѣ,
 Вѣдь я ему ни крошечки не лгу.

АЛЕКСВЙ.

Тутъ и царица?

ЕВФРОСИНЬЯ.

Нѣтъ. А видишь:

Онъ сталъ о чемъ-то говорить съ Толстымъ,
 А мнѣ велѣлъ чтобъ вышла въ образную.
 Чудесно тамъ; иконы всѣ какъ жаръ;
 Я предъ Скорбящею упала на колѣни,
 Перекрестилась, а меня легонько
 Вдругъ кто-то за плечо; гляжу: царица.
 Киваетъ мнѣ чтобъ шла за ней. Какъ вышла,
 Она поцѣловала и...

АЛЕКСВЙ.

Постой.

Не гавдался онъ слушая тебя?

ЕВФРОСИНЯ.

Ничуть. А только сталъ такой печальный,
Задумчивый такой. Отъ думъ головка
Совсѣмъ-то свѣсилаась...

АЛЕКСѢЙ, шепотомъ.

Помогауй Боже!

Неужто?... ахъ!

ЕВФРОСИНЯ.

Алеша! что съ тобой?

Голубчикъ мой! царевичъ мой желанный!
Съ чего ты блѣдень сталъ? съ чего тревоженъ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, ничего. Такъ... отъ волненья...

ЕВФРОСИНЯ.

Слушай:

Ужь ты не скрылъ ли отъ отца чего?
Не грѣхъ тебѣ. А какъ при разставаньи
Матъ заклинался и Христомъ, и Богомъ:
„Во всемъ-то молъ, до слова повинюсь.“

АЛЕКСѢЙ.

И какъ ты вздоры прибирать охоча!

ЕВФРОСИНЯ.

Охъ! скрылъ ты, скрылъ. Охъ! вижу по глазамъ.
Сгубила я тебя, на вѣкъ сгубила....
Алешенька, что жъ ранѣ не сказалъ ты?
Ужь я бы скрыла, утаить сумѣла;
Какъ приказалъ бы, такъ и отвѣчала;
Взяла бы грѣхъ...

АЛЕКСѢЙ.

Охъ, полно! перестань.

Что вздоры-то... Съ чего скрывать, подумай.
Пустое, можетъ, позабылъ сказать,
А важное, повѣрь, сказалъ до слова.
Посердится немного, и отпуститъ,
И не такія вины отпустилъ.

ЕВФРОСИНЯ.

Охъ! правда ли?

АЛЕКСѢЙ.

Прикажешь побожиться?

ЕВФРОСИНЯ.

Нѣтъ, не божися, а скажи что правда.

АЛЕКСВЙ.

До слова, любя, правда... И подумай:
 Теперь позволить обвиняться намъ,
 Уйдемъ мы въ Рождественно къ себѣ,
 И ставемъ жить да поживать тихонько.
 Ни намъ съ тобой ни до кого вѣтъ дѣла,
 А ни до насъ вѣтъ дѣла никому.
 И такъ-то вѣкъ...

ПЕТРЪ, за сценой.

Какъ смѣла ты, злодѣйка!

ЕКАТЕРИНА, *также*.

Петрушенька, прости... А пожалѣла...

ПЕТРЪ, *также*.

Еще хитрить, задерживать меня!..
 Проклятая!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЕВФРОСИНЯ, АЛЕКСВЙ, ПЕТРЪ, ЕКАТЕРИНА.

ПЕТРЪ.

Къ тебѣ я, Алексвй.

АЛЕКСВЙ.

Готовъ я, батюшка... Сейчасъ... Вотъ только..
 Ты, Офросиньяшка, пойдемъ съ царицей;
 Возьми ее ты, матушка, съ собой..
 По бережку морскому погуляйте,
 Пока мы съ батюшкой рѣшимъ о дѣлѣ.

ЕКАТЕРИНА.

Прикажешь, государь, идти?

ПЕТРЪ, *послѣ нѣкотораго колебанія*.
 Ступайте.

АЛЕКСВЙ, *проводя Ефросинью, тихо*.

Не бойся; ничего, ничуть не бойся.
 Не на меня сердить, а на царицу..
 Со мною тихъ... Иди... А мы о свадьбѣ..
 Прощай же, Офросиньяшка. (*Плечетъ и уходитъ*.)

ЕВФРОСИНЯ, *порывисто бросаясь къ нему*.

Постой!

На вѣкъ, на вѣкъ съ тобою расстаемся.
 Охъ, охъ! желанненькій.. (*повисла у него на шепъ*.)

АЛЕКСѢЙ.

Да полно, полно! (*На-ухо:*)

Иди смирененько, не сердь его.

ЕВФРОСИНЯ.

Я такъ лишь... Ничего... Прощай, голубчикъ.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ПЕТРЪ, АЛЕКСѢЙ.

ПЕТРЪ.

Дивлюся на тебя я, Алексѣй.

Какъ смѣлъ ты стать! глядишь отважно, гордо,

Какъ ровно подвигъ совершилъ какой,

И милости себѣ великой чаешь...

АЛЕКСѢЙ, *покорно*.

Что, батюшка, прикажешь... Я готовъ.

ПЕТРЪ.

Ты весель, Алексѣй! Чиста ли совѣсть,

Иль сжегъ ее до тла?

АЛЕКСѢЙ.

За что коришь

Не знаю я... вообразить не въ силахъ.

ПЕТРЪ.

Не можешь догадаться! Ахъ, ты бѣдный!..

Зачѣмъ ты скрылъ? Зачѣмъ ты не во всемъ,

Какъ отъ тебя я требовалъ, сознался?

АЛЕКСѢЙ.

Заламятовалъ, видно. И не чаю

Чтобъ было важное.

ПЕТРЪ.

Послушай:

Ты утверждалъ что писемъ не писалъ,

Окромъ двухъ, и тѣ по принужденью.

Ты ихъ писалъ, ты ихъ писалъ довольно,

И получалъ не мало изъ Москвы.

Но всѣ бумаги сжегъ передъ отъѣздомъ.

И это скрылъ.

АЛЕКСѢЙ.

Налутала она.

Какія письма тамъ! с проста болтаетъ.

Я точно сжегъ пустыя бумажонки,

Такъ, негодящія....

ПЕТРЪ.

А!... бумажонки!...

А отчего жь не сходны черновыя—
Ты сжечь ихъ позабылъ себѣ въ улику—
Съ твоимъ чистосердечнымъ показаньемъ
О подневольныхъ письмахъ? Въ черновыхъ
Не мало есть намековъ злоковарныхъ.

АЛЕКСВЙ.

Не помню, я; не сплрю что и есть.
Но въ бѣлыхъ все повычеркалъ, конечно.

ПЕТРЪ.

И въ томъ не сознаешься ты что слыша
Какъ чернецы сулили гибель мнѣ,
Всѣмъ сердцемъ веселился, похваляясь
Что самъ Господь сплшитъ тебѣ на помощь?

АЛЕКСВЙ.

Говаривалъ, но не въ такихъ словахъ.

ПЕТРЪ.

Пусть будетъ такъ. Еще ты увѣрялъ
Что побѣждалъ со страха и безъ мысли,
Бояся гнѣва и трудовъ воинскихъ....

АЛЕКСВЙ.

Конечно такъ.

ПЕТРЪ.

И повторялъ сто разъ

Что самъ ты чувствуешь что сталъ негоденъ
Для царственнаго дѣла....

АЛЕКСВЙ.

И готовъ

Тѣ повторить.

ПЕТРЪ.

Но, сознавая это,

Зачѣмъ же ты желалъ всегда престола?
Не послушаньемъ мыслилъ получить,
А противленьемъ и чужой защитой!
И клялъ меня, и лгалъ что будто я
Ищу гибели твоей....

АЛЕКСВЙ.

Быть можетъ,

Съ сердцовъ и бранивалъ, но о престолѣ,
Конечно, никогда не помышлялъ.

ПЕТРЪ.

Не помышлялъ? Такъ на, возьми бумаги.
Не скажешь ли что не она писала,
А я со злобы только говорю?

АЛЕКСѢЙ.

Ея рука, не спору. А не помню.

ПЕТРЪ.

Не помнишь ты! все важное забыть!...
Сознался ты во всякихъ пустякахъ,
Въ дурашномъ словѣ сказанномъ съ похмѣлья,
А позабылъ что побѣждалъ съ желаньемъ
Неправдою отыскивать престолъ?
А позабылъ какъ передъ ней хвалился
Что много знатныхъ встанетъ за тебя;
А позабылъ что всю свою надежду
Ты возлагалъ на мятежи и бунты
При мнѣ живомъ, по смерти ли моей?

АЛЕКСѢЙ.

Вольно ей лгаты!

ПЕТРЪ.

Не ты ли добровольно

Услалъ ее? Я кликнуть прикажу,
И пусть тебѣ въ глаза....

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! не надо....

Нѣтъ, не зови ея.... Я объясню сейчасъ....

ПЕТРЪ.

И если надгала она коварно
Чтобъ гнѣвъ жестокой возбудить во мнѣ
И погубить тебя,—то прикажу я
Ее, обманщицу, въ темницу бросить
И лютымъ пыткамъ подвергать....

АЛЕКСѢЙ.

Довольно...

Довольно за меня пытать и мучить,
И истязать за все!... За то что смѣли
Мнѣ тихо молвить ласковое слово,
Иль мимоходомъ улыбнуться мнѣ....
Нѣтъ, я не то.... Прости меня, прости....
Со страха за нее я дерзко молвилъ.

ПЕТРЪ.

Заматорѣлъ во лжи ты, Алексѣй.
И на нее языкъ твой повернулся!...

АЛЕКСѢЙ.

Не правду я сказалъ. Я все открою....
Я все скажу.... Довольно мнѣ молчать!...
Я забывать не долженъ и не смѣю,
А самъ ты помнишь ли что мнѣ писалъ,
Изъ-за границы выманить желая?
Ты общалъ мнѣ полное прощенье
И позволенье далъ на ней жениться....
А какъ пріѣхалъ я, то позабылъ.

ПЕТРЪ.

Безстыдный лжецъ! Созвайся ты во всемъ,
Очисти душу, какъ тебя молилъ я,—
Клянуся Богомъ, все бы я дозволилъ.

АЛЕКСѢЙ.

Но если думалъ ты исполнить все,
Зачѣмъ же въ объявленіи народу
Ты всячески лорочилъ и хулилъ
Не одного меня, мою невѣсту?
Да пожелай я душу всю открыть,
Прочтя хулы, я снова сталъ бы скрытенъ.

ПЕТРЪ.

Но ты желанья не имѣлъ... А что
Объявлено народу въ манифестѣ,
До слова правда. Или думалъ ты
Что у тебя прощенья всенародно
Просить я стану за позоръ и ложь
Которою, безстыдными устами,
Предъ цѣлымъ свѣтомъ осыпалъ меня?

АЛЕКСѢЙ.

И мало было что меня унижилъ:—
Чтобъ возбудить во всѣхъ ко мнѣ презрѣнье,
Не пощадилъ и матери моей.
Я сынъ, и осуждать ее не смѣю.
Но все же не могу ее хвалить
Что будучи монахиней невольной
Себя не соблауда, и полюбила.
Но кто причиной этого грѣха?
Не ты ль ее, еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ,
Безвинову насильственно постригъ?

ПЕТРЪ.

Ты матери не смѣешь осуждать,
За то судить отца, какъ видно, властенъ.

АЛЕКСѢЙ.

Тебя я не сужу. Но для чего же
Ты бросилъ грѣхъ ея молвъ народной
И честь жены на пошенье отдалъ?
Зачѣмъ неровною ты мѣрой мѣрилъ,
Себѣ прощая все, и ставя намъ
И малую вину за грѣхъ великій?
Иль ты безгрѣшенъ? Но скажи кто слово...

ПЕТРЪ.

Молчи, безумный! Иль вѣлю напомнить
Предъ кѣмъ стоишь ты, съ кѣмъ ты говоришь.
Вѣлю прочесть написанное мною:
Что и прощенье будетъ не въ прощенье
Когда со мной не бросишь ты лукавства
И не откроешь всей своей вины.

АЛЕКСѢЙ.

Но въ чемъ же я виновенъ предъ тобою?
За что ты на меня воздвигъ гоненье?
За что лишить наслѣдства возжелалъ?
Что смѣлъ я не любить трудовъ воинскихъ?
Ты требуешь чтобъ я во всемъ, во всемъ,
До тайныхъ мыслей и изгибовъ сердца,
Не смѣлъ по-своему ни слова молвить.
Оломился. Я человекъ, какъ ты;
Въ меня Господь вложилъ живую душу,
Меня къ путямъ великимъ предназначилъ,
И воленъ я и чувствовать, и думать
Что мнѣ угодно. Ты хотѣлъ узнать
За что тебя иные осуждаютъ?
За то винять, за то тебя не любятъ
Что стало тѣсно мыслить при тебѣ.
Ты знаешь лишь свою святую волю,
Но и моя свята. Ты любишь
Войну вести, я въ мирѣ думалъ править;
Ты тяготы нести народъ заставлялъ,
Я милость даровать ему желалъ;
Ты правишь страхомъ, я хотѣлъ любовью:
И раздвоилось царство между нами!

И если ты для всѣхъ могучъ и грозенъ,
 То помни также что меня зовуть
 Единою Россійскою надеждой.
 Ты Божій судъ желаешь измѣнить,
 И Божью волю силой уничтожить,
 Но позабыть меня ты не принудишь
 Что я царевичъ и избранникъ Божій!...

ПЕТРЪ.

Наслушался вралей длиннобородыхъ
 Что Бога я отринулъ и забылъ!...
 Вы Бога помните! Однимъ лишь вамъ
 Дано уразумѣть Его велѣнья...
 Я тяготами истомилъ народъ,—
 Скажи ужъ лучше что его достатки
 На прихоти безумно расточилъ.
 Люблю войну я! Ты сказалъ бы прямо
 Что я семнадцать лѣтъ, въ трудахъ жестокихъ,
 Борюсь съ врагомъ на сушѣ и на морѣ
 Лишь для того чтобъ царство разорить.
 Ты любишь миръ! Зачѣмъ тебѣ науки,
 Къ чему и знать военное искусство,—
 А я, тиранъ, велѣлъ тебѣ учиться:
 Какая тѣснота для вольной мысли!
 Трудовъ воинскихъ ты снести не можешь,
 Любя покой,—а я посмѣлъ твердить
 Что царь отечеству служить обязанъ,
 А не сидѣть на тронѣ бѣлоручкой,
 Иль разрушать отцовскія дѣла.
 Я Божій судъ хочу отвергнуть силой,
 А Кто велитъ намъ почитать отца?
 Взойдя на тронъ, ты воленъ былъ бы править
 По разумѣнью царственнаго дѣла,—
 Но развѣ ты отъ подданныхъ не сталъ бы
 И требовать покорности къ себѣ?—
 Зачѣмъ же самъ не хочешь покориться
 Мнѣ какъ отцу и власти предрекающей?
 Ты видишь самъ, какъ всѣ твои слова
 Что воскъ растаяли отъ здоровой мысли.
 Всю ненависть ко мнѣ излилъ ты нынче,
 Но какъ ни думаю, какъ ни верчу,
 А не пойму откуда эта злоба.

И вѣрить я готовъ теперь тому,
 Въ чемъ, полчаса назадъ, хотѣлъ я сомнѣваться....
 Повѣрю я теперь что могъ ты, могъ,
 Какъ говорить твоя же Офросинья,
 Услышавъ вѣсть что мнѣ грозитъ бѣда:—
 Какъ въ Мекленбургѣ прошедшимъ лѣтомъ
 Дворянскіе полки забунтовали,
 Замысли умертвить меня, царицу
 Въ монахиши постричь, твою же мать
 Освободить, тебя царемъ поставя,—
 Да, повторяю, вѣрю что ты могъ,
 О томъ услышавъ, сердцемъ веселиться....
 Пожалуй, былъ готовъ соединиться съ ними!

АЛЕКСѢЙ.

Ты думаешь?.. Такъ знай же до чего
 Твои гоненья сына доводили.
 Пришли они за мной, я бѣ къ нимъ поѣхалъ.
 Не только по твоей но смерти, нѣтъ!
 Но при тебѣ живомъ хотѣлъ поѣхать.

ПЕТРЪ.

Молчи. Ни слова. Иль убью на мѣстѣ.

(Схвативъ его за грудь:)

Скажи жъ ты мнѣ, проклятый бунтовщикъ,
 Матежный сынъ, отечества губитель,
 Скажи ты самъ, что дѣлать мнѣ съ тобой?
 Могу ли быть локоенъ хоть мгновенье
 Что снова ты не станешь умышлять
 Какъ погубить царя?.. О, Боже правый!
 Услышь мой гнѣвъ, и вразуми меня..
 Что дѣлать мнѣ? *(Подойдя къ дверямъ:)*

Толстой, Давылычъ!

Вотъ кто тамъ есть, скорѣй сюда бѣгите.

ЯВЛЕНІЕ X.

ПЕТРЪ, АЛЕКСѢЙ, МЕНШИКОВЪ, ТОЛСТОЙ, ПРИДВОРНЫЕ.

ПЕТРЪ.

Я обвиняю сына Алексея
 Въ измѣнѣ мнѣ, въ измѣнѣ государству.
 Но выше силъ моихъ его судить
 Судомъ отцовскимъ. И какъ врачъ недужный

Лѣчить себя въ болѣзни опасаясь,
Я отдаю царевича на судъ
Господь сената и властей духовныхъ.
И буду ихъ просить чтобъ это дѣло
По истинѣ вершили, не взирая
Что государь я, и что онъ царевичъ.
Указъ о томъ прошу я изготавить
Васъ, господинъ Толстой. А вамъ,
Князь Александръ Давылыч! поручаю
Арестовать... И въ крѣпость!..

МЕНШИКОВЪ, *подходя къ Алексу.*

Вашу шпагу.

(Занавѣсъ)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(26 іюня, 1718).

Комната въ гваризонѣ Петербургской крѣпости.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ДВОЕ СОЛДАТЪ, *убираютъ комнату.*

МОЛОДОЙ.

А что, дядюшка, спрошу я тебя: правда ль вонъ съ царевичемъ, какъ смертный приговоръ ему сказали, ударъ приключился, попросту сказать пострѣлъ? Еле можетъ, скажутъ, сердечный... Аль ужъ шибко залытали его?

СТАРЫЙ.

А ты мети, знай, пометывай, да молчи, другъ, помалчивай. Вонъ бумажки лоскутокъ валяется, подбери ее—твое дѣло. А про другое что—молчокъ.

МОЛОДОЙ.

Я не свое, вѣдь, дядюшка. Не выдумываль.

СТАРЫЙ.

Слушай ты, молодая душа, что я тебѣ старая костка солдатская стану сказывать. Молодъ ты еще, реляціи разводить любишь. А хочешь служить, такъ служи. Уши у тебя, какъ у красной дѣвки, чтобъ были завѣшаны, глаза мѣломъ забѣлены, а языкъ что песь на привязи. А то сбредешь сдуру такому жъ какъ самъ лоботрясу, анъ бѣда. Овъ третьему, да съ прибавкой, а третій иному, и дойдетъ вѣстка въ доброе мѣсто. Спросъ да розыскъ: кто вылутилъ добираться стануть. И такую-то тебѣ баталію на спикъ учинять, любо. Да за это еще Бога благодарить ставешь. Не то и вовсе пропадешь, какъ Шведъ подъ Полтавой. Ну, и эту самую субандирацію помни.

МОЛОДОЙ.

Охъ, дядюшка, не страдай. Закаюсь, и ни-ни!

СТАРЫЙ.

Цѣлый будешь. А станетъ языкъ чесаться, воды половнротъ набери, да и ходи такъ лѣлаторы сутокъ съ водой во

рту, а оплосая тою водой ротъ выполощи, чтобъ словечко какое тальное въ зубахъ не завязло. Маховькое оно да удаленькое: далеко заводить. Ну ладно; чего, дуракъ, струсилъ? Во мнѣ, милый человекъ, умерло... Что жь, комнату убрали, и прохладяться нечего: государь скоро прибыть изволить; дважды за нимъ царевичъ посылалъ. Ну-ка, направо кругомъ, маршъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ПЕТРЪ, ТОЛСТОЙ

ПЕТРЪ.

Сходи, Толстой, узнай впередъ каковъ онъ. Не уснулъ ли? что жь тогда его безлокоить. (*Самъ съ собою:*) И зачѣмъ онъ... или?... (*Громко:*) Стулай же, Толстой, стулай.

ЯВЛЕНИЕ III.

ПЕТРЪ, *одинъ.*

Боюсь идти, боюсь увидѣть сына..
 Но отчего? Что значитъ этотъ страхъ?
 Иль я себя преступнымъ полагаю?
 Но въ чемъ же, въ чемъ? Не все ли я исполнилъ
 Что долгъ и честь повелѣваютъ намъ?—
 Хотя законъ, вѣками освященный,
 Отмещетъ судъ между отцомъ и сыномъ
 И власть отцу даетъ въ сыновней жизни,—
 Я самовластно сына не казнилъ,
 Я не желалъ, я отдалъ это дѣло
 На разрѣшенъе подданнымъ моимъ
 И не царемъ въ судѣ былъ, стороною. —
 Но такъ ли, Петръ? Ты правду ль говоришь?
 Въ судѣ твой сынъ съ тобою былъ ли равенъ?
 Могли ль они допрашивать тебя,
 И показанія твои могли ли,
 Не довѣря имъ, отвергнуть?—Нѣтъ.
 Твои слова для нихъ святыней были,
 Какъ царское веленье. А его
 Они пытали, добываясь правды..
 И ты бывалъ при истязаньяхъ сына..

Зачѣмъ, зачѣмъ? Не скажешь ли: какъ царь,
 Вреда себѣ и царству оласаясь,
 Боялся я и слово проронить?
 Но это знакъ что ты не довѣрялъ
 Безстрастью тѣхъ, кого поставилъ въ судьи
 Между собой и имъ. Иль скажешь ты
 Что какъ отецъ ты жаждалъ екорбымъ сердцемъ
 Подслушать въ крикахъ, жалобахъ и столахъ
 За что жъ тебя, за что твой сынъ не любить?
 И это правда, правда. Но подумай:
 Кто, кто повѣритъ? Развѣ что такой же
 Какъ ты отецъ, злосчастьемъ удрученный.—
 Но что жъ стою я? Отчего я къ сыну
 На зовъ его сердечный не слѣшу?
 Нѣтъ, долженъ я идти. Да, долженъ
 Переломить въ себѣ, во что бы то ни стало,
 Сей ложный страхъ.... Нѣтъ, обожду Толстова.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ПЕТРЪ, ТОЛСТОЙ, потомъ АЛЕКСѢЙ.

Ну что онъ?
 ТОЛСТОЙ.

Плохъ.

ПЕТРЪ.
 Идемъ же.
 ТОЛСТОЙ.

Государь!

Онъ умолялъ меня чтобъ я позволилъ
 Перенести его сюда. Онъ хочетъ,
 Какъ говорить, идти на встрѣчу
 Отцу и государю, и молить
 Прощенья у тебя. И не посмѣлъ я
 Его послѣдней воли не исполнить.
 Его несутъ.

(Вносятъ въ кресла Алексѣя).

ПЕТРЪ.
 Ахъ, ради Бога, тише!
 Несите осторожнѣй. Опускайте
 Побережнѣй. Такъ, такъ. Оставьте насъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

ПЕТРЪ, АЛЕКСѢЙ.

ПЕТРЪ.

Ахъ Алексѣй! Что сдѣлалъ я съ тобою?

АЛЕКСѢЙ.

Голубчикъ-батюшка!..

ПЕТРЪ.

Алеша! Сынъ мой!

Прости, прости. Нѣтъ, нѣтъ, не улыбайся.

О! вѣрь мнѣ легче было бѣ услышать

Твой вопль и стоны, грозныя проклятыя,

Чѣмъ видѣть какъ, страданья заглушая,

Ты хочешь показать... О, Боже, Боже!..

Прости, прости!

АЛЕКСѢЙ.

О, батюшка!.. Не бойся,

Поправлюсь я. Теперь легко. Я счастливъ.

Спасибо что пришелъ. Страшился,

Не испросивъ отцовскаго прощенья,

Съ тобой не примирясь, умереть.

ПЕТРЪ.

Ахъ, Алексѣй! Прости меня и вѣрь

Что всѣ твои страданья отдаются

Въ ожившемъ для любви отцовскомъ сердцѣ.

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, не виновенъ ты! Молю, молю,

Охъ! выслушай, молю, мое признанье.

Не дай мнѣ безъ раскаянья погибнуть!..

Ты помнишь ли, вѣдь были мы съ тобой

Друзьями прежде... Какъ тебя любилъ я!

Какъ я тобой гордился, какъ желалъ

Быть на тебя во всемъ, во всемъ похожимъ!

ПЕТРЪ.

Не забывай!..

АЛЕКСѢЙ.

Дозволь... Случилось какъ-то

Что мы съ тобою кѣдолго растались...

Ты былъ въ разѣздахъ, я въ Москвѣ остался.

Тутъ стали навѣщать меня родные

По матери... ихъ близкіе друзья..

И стали исподволь они шептать мнѣ
 Что ты, губитель матери моей,
 Меня не любишь и любить не можешь;
 Что самый видъ мой для тебя неясенъ,
 Тебѣ твой тяжкій грѣхъ наломаная;
 Что рано ль, поздно ль, и меня погубишь.
 Я молодъ былъ, и искреннее слово—
 А ихъ слова такими мнѣ казались—
 Легко мнѣ въ сердце проникало. Мысль
 Что неавиственъ для тебя я стану
 Всосалась въ душу...

ПЕТРЪ.

О!...

АЛЕКСѢЙ.

Но не довольно

Что какъ отца тебя я разлюбилъ.
 Они твердили мнѣ что ты войною
 Всѣхъ знатныхъ разорилъ, что стонеть горько
 Подъ непосильной тягостью народъ.
 Что ты по-христіански жить мѣшаешь,
 Попралъ ногой обычай отцовъ
 И измѣнилъ церковныя уставы...
 Они съ великимъ жаромъ говорили,
 Ихъ рѣчь дышала силой убѣжденья!..
 Подумай, батюшка, и локурнися
 Какой я адъ носилъ въ душѣ своей!

ПЕТРЪ.

О!... лютыя злодѣи...

АЛЕКСѢЙ.

Повеяногу

Все славное твое я забывалъ,
 А все дурное непрестанно помнилъ:
 И сталъ чуждаться всѣхъ кого ты любишь.
 Ты знаешь, я учиться не лѣннлъ,
 Люблю читать, но тѣ науки даже,
 Что любишь ты, противны стали мнѣ...
 А ты являлся мнѣ какъ злая кара,
 Какъ гибель мнѣ несущая гроза.
 И про тебя что ни скажи, я вѣрилъ.
 Лежалъ ты боленъ, и сказали мнѣ
 Что ты больнымъ прикинулся нарочно
 Чтобъ тѣмъ вѣрнѣе погубить меня,—
 т. ехххх.

И вѣрилъ я.... Когда жъ меня томило,
 Когда я самъ своихъ страшился мыслей
 И душу мнилъ очистить покаяньемъ,
 И шелъ къ духовнику,—о! на признанье
 Что смерти я желалъ тебѣ, отцу,
 Что слышалъ я?—и вымолвить-то страшно:
 „Господь проститъ; мы всѣ того желаемъ.“—
 Проститъ ли, батюшка?

ПЕТРЪ.

О, милый сынъ мой!
 Ты молодъ былъ, и могъ всему повѣрить.
 Но я зачѣмъ, зачѣмъ же я-то вѣрилъ
 Лишь худу про тебя?...

АЛЕКСВЙ.

Голубчикъ, милый!..
 Но погоди... Не все еще исполнилъ...
(Силится подняться.)
 О, Боже мой!... Что это?... Иаъ усталъ я?..
 Будь милостивъ, прилодыми меня...

ПЕТРЪ.

Что хочешь ты?

АЛЕКСВЙ.

Припасть къ твоимъ ногамъ,
 Благодаря тебя за примиренье....

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не долущу. Не ты отцу,
 А я, отецъ, за всѣ твои страданья,
 Я долженъ сыну земно поклониться!
(Склоняетъ предъ сыномъ колѣни.)

АЛЕКСВЙ.

Охъ, что ты, батюшка! Ахъ! встань...

ПЕТРЪ.

О, Боже!

Ужель теперь какъ сына я обрѣлъ,
 Когда узналъ его святую душу
 И сердце полное любви,—ужели
 Его отнимешь у меня. *(Встаетъ съ колѣнъ.)*

Нѣтъ, нѣтъ!

Нѣтъ, Алексвй! Ты долженъ жить, и будешь!

АЛЕКСВЙ.

Жить, батюшка, я долго, долго буду
 И утѣшать тебя.. Но гдѣ же ты?..

Скорѣ руку въ руку мнѣ вложи...
 Иль нѣтъ, нѣмѣть.... Господи помилуй!...
 Къ губамъ... къ губамъ... (Петръ уцѣлуетъ сына.)
 Прими мой духъ...

ПЕТРЪ.

Скончался.—

Умилосердись, Боже, надо мною
 И отгони мучительную мысль
 Что не даетъ душѣ моей покоя
 И въ уши мнѣ кричить что я убійца...
 Нѣтъ, не убійца я... О, нѣтъ!.. Но, Боже,
 Могу ли я передъ Тобой сказать
 Что никогда, со дня его рожденья,
 Я скорой смерти сыну не желалъ?
 Что мысль моя во гнѣвѣ не кричала:
 „Когда жъ меня избавишь ты, Господь“?...
 Въ одномъ ли этомъ я предъ нимъ виновенъ?...
 Къ его слезамъ я оставался глухъ,
 Его всѣ клятвы подвергалъ сомнѣнью,
 Во всѣхъ дѣлахъ я зрѣлъ мятежный духъ,
 Давъ волю гнѣву, злобѣ и презрѣваю...
 Его вину я мѣрилъ во сто кратъ,
 Его я совѣсть почиталъ сожженной!...
 Сознаньемъ гордымъ буйно охмѣленной
 Что быть я не могу предъ сыномъ виноватъ,—
 Глубоко презиралъ его желанья,
 Стремленья сердца, мысли и мечты,
 И со своей могучей высоты
 Я ставилъ ни во что его страданья...
 Я вопли слушалъ хладною душой
 И смертный приговоръ безъ промедленья
 Я утвердилъ недрогнувшей рукой!..
 Умилосердись, Боже, надо мной
 И сердцу скорбному пошли цѣленье!

(Падаетъ съ рыданьемъ ницъ лицомъ.
 За сценой слышенъ звонъ).

ПЕТРЪ, вставая.

Звонъ по душѣ?... Кто смѣлъ?.. Я какъ отецъ
 У сына могъ вымаливать прощенье;

Какъ грѣшникъ, каяться. Какъ государь,
 Не возбудивъ презрѣнія и злобы,
 Я не могу сознаться что виновенъ:
 Мой сынъ преступникъ. Да.—Толстой!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ, ТОЛСТОЙ.

ПЕТРЪ.

Кто смѣлъ?

Кто смѣлъ звать?

ТОЛСТОЙ.

Тѣ, государь, звонятъ

Ко всемогущей.

ПЕТРЪ.

Что завтра?

ТОЛСТОЙ.

Годовщина

Побѣды славной при Полтавѣ.

ПЕТРЪ, *вздыхнувъ свободно.*

А!...

Идемъ молиться.....

*(Подходитъ проститься съ
 сыномъ.)*

(Занавѣсъ).

31го іюля, 1877.

Барнаво.

Д. АВЕРКІЕВЪ.

ТОЧНОСТЬ НИКОГДА НЕ ИЗЛИШНЯ

(ПО ПОВОДУ ГЛАВЫ ОБЪ УСТРОЙСТВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕ-
ДЕНІЙ ВЪ ПОЛИЦЕЙСКОМЪ ПРАВѢ ПРОФЕССОРА БУНГЕ)

Въ № 5 *Университетскихъ Извѣстій* Университета Св. Владиміра за истекшій годъ помѣщено продолженіе курса полицейскаго права профессора Н. Х. Бунге. Большая часть помѣщенного посвящена вопросу объ организаціи учебныхъ заведеній въ разныхъ странахъ. Къ сожалѣнію въ изложеніи вкрались значительныя неточности, не искупающіяся даже общою пріятною мягкостью сужденій и указать на которыя считаемъ небезполезнымъ, тѣмъ болѣе что содержаніе курса почтеннаго профессора по всей вѣроятности служить предметомъ лекцій студентамъ юридическаго факультета.

Г. Бунге съ наибольшою подробностью останавливается на описаніи системы народнаго образованія во Франціи. Это описаніе вызываетъ на слѣдующія замѣчанія.

„Во Франціи,“ говорится на стр. 54, „подъ университетомъ разумѣется совокупность *всѣхъ* учебныхъ заведеній.“ Это не вѣрно. Во Франціи подъ этимъ терминомъ (какъ можно справиться въ словаряхъ Литтре, Божана и др.) разумѣютъ корпорацію лицъ учебной службы состоящихъ въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія. Опре-
дѣленіе г. Бунге страдаетъ особенно съ юридической сто-

роны, распространяя права и обязанности членовъ университета на служащихъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерствъ военнаго и другихъ.

„Окончательное ученое образованіе раздроблено по факультетамъ, которые въ числѣ одного, двухъ или трехъ составляютъ *академіи*.“ (Стр. 54). „Высшія учебныя заведенія, *академіи*, числомъ 16, до 1876 года были исключительно правительственными учрежденіями“ (стр. 64). Если для *университета* нѣтъ соответствующаго установленія въ Россіи и возможна потому ошибка въ опредѣленіи его сущности, то для *академій* подобнаго смягчающаго обстоятельства нѣтъ: *академіямъ* у насъ отвѣчаютъ *учебные округа*. Академій дѣйствительно 16, если не считать 17ю Алжирскую; но почему же не считать ея? Каждая академія обнимаетъ собою пространство нѣсколькихъ департаментовъ, точно такъ же какъ учебные округа имѣютъ въ своемъ составѣ по нѣскольку губерній. Въ составъ академій, кромѣ ректора—попечителя, секретаріата—канцеляріи, инспекторовъ академіи—окружныхъ инспекторовъ, инспекторовъ начальнаго обученія—инспекторовъ народныхъ училищъ, совѣта академіи—попечительскаго совѣта, входятъ всѣ высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, правительственныя и частныя, подчиненныя министерству народнаго просвѣщенія. Вотъ что во Франціи именуется академіей. Есть академія (Шамбери) въ которой нѣтъ ни одного факультета: есть академіи съ пятью-шестью факультетами, расположенными въ разныхъ городахъ, не говоря уже о Парижской академіи, при которой кромѣ пяти государственныхъ факультетовъ имѣется три частныхъ (католическаго университета) и нѣсколько муниципальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Итакъ, академіи не высшія учебныя заведенія. * Поэтому нельзя говорить, какъ на стр. 62, что „университетъ состоялъ: а) изъ *академій*; б) изъ лицеевъ и в) начальныя школы.“

* Надлежитъ замѣтить что къ одному изъ послѣднихъ номеровъ *Университетскихъ Извѣстій* г. Вунге приложилъ листокъ поправки, коими старается устранить нѣсколько разъ встрѣчающуюся въ страницахъ его труда рѣзкую неточность смѣшенія французскихъ академій съ факультетами. Поправка какъ выражается авторъ сдѣлана „по сообщеннымъ ему замѣчаніямъ“, совпавшимъ, какъ видимъ, съ замѣчаніями настоящей статьи.

Ошибочно и то что „окончившіе курсъ лицеевъ держать въ *академіи* экзаменъ на бакалавра литературы или наукъ“ (стр. 63). Невѣрно и то что „академіи управляются ректоромъ и инспекторомъ“ (стр. 64). Инспекторовъ въ учебномъ округѣ бываетъ по одному на каждый департаментъ (кроме департамента Сены, гдѣ ихъ восемь). Эти лица, каждый въ своемъ департаментѣ, служатъ представителями учебной администрации и состоятъ членами департаментскихъ совѣтовъ (соответствующихъ отчасти нашимъ губерскимъ училищнымъ совѣтамъ), председателями которыхъ по праву префекты департаментовъ.

Вся совокупность *учебнаго дѣла*, состоящаго въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, дѣлится на три части: *enseignement supérieur, enseignement secondaire, enseignement primaire*. Въ курсѣ г. Бунге эти три отдѣла отмѣчены подъ названіемъ: низшее образованіе, среднее образованіе и высшія учебныя заведенія. Противъ такого обозначенія возражать трудно, такъ какъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ подходящаго термина для слова *enseignement*. Но почему г. Бунге измѣнилъ слово *enseignement* въ *éducation*? На стр. 51 онъ говоритъ о „такъ-называемомъ *éducation secondaire*, а на стр. 62 даетъ какъ терминъ—*éducation primaire*. Замѣна ненужная и крайне неудачная, такъ какъ слово *éducation* выражаетъ понятіе *воспитанія*, а воспитанія низшаго, средняго и высшаго нѣтъ въ организаціи учебнаго устройства европейскихъ государствъ. Если во Франціи принять терминъ *enseignement*, а не *éducation*, или *instruction*, то слѣдуетъ держаться именно этого термина.

Что касается свѣдѣній по устройству начальнаго образованія во Франціи, то они весьма скудны и не чужды ошибокъ и противорѣчій. На стр. 48 говорится что „начальное образованіе распадается на двѣ самостоятельныя области—на школы общественныя, состоящія въ непосредственномъ заведываніи управленія (?), при сильномъ вліяніи на нихъ духовенства, и на школы свободныя или частныя, въ которыхъ дается образованіе достаточнымъ классамъ, совершенно (!) изъятыхъ изъ вѣдѣнія администраціи;“ а на стр. 62 „низшее образованіе дается нынѣ въ школахъ общинныхъ и нормальныхъ, устроенныхъ общинами *свѣтскими* (?) и духовными братствами.“ Трудно примирить

одно съ другимъ. Въ дѣйствительности же въ нормальныхъ школахъ не дается начальнаго образованія, а приготавливаются учителя для начальныхъ школъ; школы частнымъ какъ это разумѣется само-собою, не изъяты изъ вѣдѣній администраціи; „сильное вліяніе“ духовенства сильно въ школахъ имѣ же учрежденныхъ, которыя относятся къ школамъ частнымъ; изъ общинныхъ школъ для мальчиковъ лишь десятая часть конгрегационистскихъ. Авторъ курса не даетъ точнаго указанія на то, существуетъ ли по закону безплатность начальнаго обученія или нѣтъ; на стр. 4 говорится что „отъ платы за ученіе, назначаемой муниципальными совѣтами, освобождаются бѣдные,“ а на стр. 6 утверждается что „община обязана обезпечить безплатное ученіе въ начальной школѣ“. Извѣстно что начальное обученіе во Франціи не безплатное.

„Учителя подготавливаются или въ качествѣ *élèves-maitres* stages, при начальныхъ школахъ, или же въ школахъ нормальныхъ“ (въ качествѣ чего?) Можно подумать что stage другой терминъ для подготавливающихся учителей, а между тѣмъ, подъ словомъ *stage* разумѣется извѣстный искъ обязательство посѣщать уроки для подготовки къ учительству въ теченіе опредѣленнаго срока: вмѣсто *stages* слѣдуетъ поставить *stagiaires*. Не лишне замѣтить что под терминомъ *élèves maitres* разумѣются также, и притѣмъ къ преимуществу, ученики нормальныхъ школъ. „Занятіе учительскаго мѣста, открытіе начальной школы, дозволяется лишь по исполненіи *длиннаго ряда* формальностей“ (стр. 67). Какого учительскаго мѣста, какой школы? Положимъ что дѣло идетъ объ учителяхъ (*instituteur*) общинныхъ школъ. Не о помощникахъ учителей (*instituteurs adjoints*), опредѣляемыхъ просто по выбору учителей, съ согласія префекта, изъ лицъ достигшихъ 18лѣтняго возраста, даже не обязанныхъ имѣть дипломъ на занимаемую ими должность. Положимъ что дѣло идетъ объ открытіи школы не общинной, а частной, требующей можетъ-быть для своего открытія большихъ формальностей. И что же оказывается? Никакого *длиннаго ряда* формальностей въ обоихъ разбираемыхъ случаяхъ не требуется. Учитель общинной школы опредѣляется префектомъ по представленію инспектора академіи, изъ лицъ имѣющихъ дипломъ на учительскую должность или званіе и аттестаты его замѣняющіе, и удовлетворяющихъ вѣ-

торымъ другимъ условіямъ возраста и неподсудности. Для открытія частной школы и съ лавсіономъ не требуется даже *дозволенія*: школа открывается по истеченіи мѣсяца со дня подачи меру заявленія ея учредителемъ, удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ образованія, возраста и неподсудности, если въ теченіе этого времени со стороны администраціи не будетъ выражено несогласія. Какихъ больше простыхъ формальностей требуетъ г. Бунге?

„Надзоръ этотъ (за преподаваніемъ и содержаніемъ школъ) вѣрнется... всего девяти *инстанціямъ*“ (стр. 63). Почему же девяти, а не девятнадцати? При неправильномъ употребленіи термина *инстанція*, къ приведеннымъ въ курсѣ инстанціямъ, къ числу которыхъ отнесены въ отдѣльности даже меръ, священникъ, выборные отъ кантона, нѣсколько членовъ отъ общины (въ офиціальномъ отчетѣ Дюрюи всѣ эти четыре *инстанціи* значатся подъ однимъ номеромъ), слѣдуетъ еще причислить помощника главнаго инспектора, генеральныхъ инспекторовъ, состоящихъ при министерствѣ, архіепископа, его викарія, прокурора, председателя суда и прочихъ членовъ окружнаго и департаментскаго учебныхъ совѣтовъ, которыхъ насчитывается не мало. На самомъ дѣлѣ ближайшій надзоръ за преподаваніемъ и содержаніемъ начальныхъ школъ вѣрнется инспектору начальнаго обученія того департаментскаго округа въ которомъ школа состоитъ и, въ слѣдующей инстанціи, инспектору академіи этого же департамента. Наконецъ, есть еще нѣсколько главныхъ инспекторовъ начальнаго обученія для всей Франціи; одинъ изъ нихъ управляетъ дирекціей начальнаго обученія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

„Не только учебное начальство, но префектъ и меръ могутъ удалить учителя отъ должности!“ (стр. 63) Что префектъ можетъ удалить учителя начальной школы отъ должности, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ опредѣляетъ учителя по докладу инспектора академіи. Что же касается мера, то г. Бунге едва ли укажетъ законъ дающій меру право удалять учителя отъ должности. Какая путаница была бы при выборныхъ мерахъ, еслибы они имѣли право устранять учителей, опредѣляемыхъ префектами!

Вотъ почти все что говорится въ курсѣ о системѣ начальнаго образованія во Франціи. Ни слова объ организа-

цію курсовъ для взрослыхъ, ни слова о пріютахъ, ни слова о женскихъ школахъ. Говорится еще о пассивномъ участіи общинъ въ устройствѣ школъ и о томъ что „учителя назначаются администраціей“ и не имѣютъ „самостоятельности“. Какой самостоятельности требуетъ авторъ курса для учителей начальныхъ общинныхъ школъ, для насъ остается неяснымъ.

Переходимъ къ среднему образованію.

„Во Франціи, въ такъ-называемомъ *edication (!) secondaire*, реальное образованіе не отдѣлено строго отъ классическаго ученаго“ (стр. 51). Удивительно что г. Бунге не подозреваетъ что во Франціи реальное образованіе строго отдѣлено отъ классическаго. Ему неизвѣстно что-такъ-называемое *enseignement secondaire* дѣлится на *enseignement classique* и *enseignement special*. Программы и организація французскаго реального курса въ томъ видѣ какъ онъ установленъ Дюрюи, были приняты въ соображеніе при составленіи у насъ устава о реальныхъ училищахъ, имѣющихъ со спеціальнымъ французскимъ курсомъ гораздо болѣе общаго чѣмъ съ прусскими реальными училищами. Французскій реальный или спеціальный курсъ—четырёхлѣтній, съ приготовительнымъ и дополнительнымъ классами; онъ допускаетъ видоизмѣненія въ составѣ предметовъ, съ цѣлью приспособленія курса къ потребностямъ данной мѣстности. Классическіе языки въ немъ не имѣютъ мѣста; начертательнымъ искусствамъ отмежевано по четыре часа въ трехъ младшихъ и шесть часовъ въ старшемъ и дополнительномъ классахъ. И такъ далѣе.

„Лицеи и коллегіи, соотвѣтствующіе гимназіямъ, даютъ по преимуществу классическое образованіе, но въ высшихъ классахъ воспитанники могутъ поступать въ отдѣленіе съ усиленнымъ преподаваніемъ математики, въ видахъ *приготовленія къ реальному образованію* (остатки бифуркаціи)“ (стр. 51). Не логичнѣе ли было бы сказать: для пригтовленія къ высшимъ спеціальнымъ школамъ, требующимъ какъ Политехническая обширной математической подготовки? О Политехнической Школѣ, составляющей очень важное звено въ цѣли учебныхъ учреждений Франціи (къ конкурентному испытанію для поступления въ Школу ежегодно готовится масса молодежи), авторъ и не упоминаетъ, включая ее повидимому въ число какихъ-то „политехниче-

скихъ институтовъ“, каковыхъ вѣтъ во Франціи. Что касается до классическаго и реальнаго образованія, авторъ имѣетъ объ этомъ своеобразное представленіе. „Основу, говоритъ онъ на стр. 50, ученаго образованія или правильнѣе классическаго составляютъ древніе языки греческій и латинскій; основу реальнаго математика и естествознаніе. И то и другое образованіе въ сущности можетъ быть или ученымъ или практическимъ.“ До сихъ поръ общепринято было что основу классическаго образованія составляютъ древніе языки и математика, а какимъ способомъ образованіе, по словамъ автора, основанное исключительно на древнихъ языкахъ можетъ быть практическимъ, уразумѣть для насъ не легко.

Обращаясь къ противорѣчащимъ между собою выпискамъ, какъ надо думать, изъ двухъ различныхъ статей о лицеяхъ, которыми г. Бунге далъ мѣсто въ своемъ курсѣ. „Лицеи суть учрежденія закрытыя, допускающія пансіонеровъ и полупансіонеровъ; внутреннее устройство ихъ и система воспитанія накладываютъ и монастырь и казарму“ (стр. 63). „Лицеи и коллегіи суть интернаты въ которыхъ допускаются приходящіе ученики“ (стр. 51). Допускаются приходящіе ученики или нѣтъ? Вотъ вопросъ, который на основаніи предыдущихъ выдержекъ рѣшить нельзя. Накладываютъ ли монастырь и казарму лицей Charlemagne, имѣвшій въ 1865 году (за который имѣются опубликованныя точныя данныя по всѣмъ лицеямъ) 938 экстерновъ и ни одного интерна, или лицей Кондорсе съ 82 интернами и 1.036 экстернами, или лицей Saint-Louis съ 388 интернами при 328 экстернахъ, или Анжерскій лицей со 153 интернами при 184 экстернахъ, или Брестскій лицей со 183 интернами при 229 экстернахъ, или Марсельскій лицей съ 370 интернами при 505 экстернахъ и такъ далѣе? Есть разумѣется лицеи въ которыхъ число приходящихъ менѣе числа пансіонеровъ, но вообще говоря, они устроены для пансіонеровъ, полупансіонеровъ и приходящихъ двухъ родовъ: *surveillés* и *libres*, состоящихъ подъ надзоромъ лицейскаго начальства и не состоящихъ. Общее число пансіонеровъ во всѣхъ лицеяхъ было къ 31му декабря 1865 года 18.135, общее число экстерновъ 14.495.

„Частныя училища, въ особенности основанныя духовенствомъ, довольно независимы. Для открытія ихъ необходимо *только* удовлетворить условіямъ которыя предписаны

закономъ" (стр. 51). „Кромѣ публичныхъ среднихъ заведеній есть еще частныя. Дозволеніе на открытіе ихъ исходить отъ исполненія *множества* условій и формальностей болѣе строгихъ чѣмъ при основаніи начальной школы" (стр. 64). А между тѣмъ число частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній „очень велико" (стр. 51). И дѣйствительно ихъ не мало, а *множество* условій и формальностей сводится къ извѣстной гарантіи возраста, знанія, неподсудности и къ заявленію инспектору академіи соответствующаго парламента о намѣреніи открыть школу; если въ теченіе мѣсяца не будетъ со стороны администраціи возраженій то школа можетъ быть открыта.

„Окончившіе курсъ лицеевъ держатъ въ академіи экзаменъ на бакалавра литературы или наукъ" (стр. 63). Невольно уже объ „академіи", нельзя не замѣтить что на бакалавра держатъ экзаменъ и не окончившіе курсъ въ лицейхъ, а съ другой стороны нѣтъ запрещенія для окончившихъ курсъ въ лицейхъ держать экзаменъ и на бакалавра наукъ и литературы (словесныхъ наукъ), или же на бакалавра наукъ особаго ограниченнаго курса, нѣтъ для нихъ и обязательства держать непременно экзаменъ на бакалавра. Экзамены на степенъ бакалавра производятся въ лицеевъ особыми комиссіями, назначаемыми въ каждой академіи изъ профессоровъ факультетовъ.

„Надъ мѣстнымъ ближайшимъ управленіемъ стоитъ еще высшее академическое и центральное — министерство его *советами*. Кромѣ того для наблюденія за парижскими лицейми учреждены комитеты: *comité du haut patronage* изъ прежнихъ воспитанниковъ, составившихъ себѣ имя въ наукѣ или литературѣ, и комитетъ слѣдящій за литературнымъ образованіемъ во Франціи" (стр. 64). Начать съ того что въ министерствѣ только одинъ высшій советъ народного просвѣщенія. Затѣмъ трудно понять, для чего къ административнымъ инстанціямъ приплетены два частныхъ комитета, которые и не входятъ въ составъ министерства и не могутъ имѣть иного значенія для парижскихъ лицеевъ, кромѣ совершенно частнаго.

„Отъ лицеевъ отличаются общинныя коллегіи, *colleges communaux* (244 въ 1872 году), съ меньшимъ числомъ учащихся, чѣмъ въ лицейхъ. Онѣ содержатся не государствомъ, но общинами и представляютъ большее разнообразіе

въ курсахъ.“ Дѣло конечно не въ числѣ учащихся, а въ томъ что коллегіи содержатся общинами. Не жѣлаетъ однако замѣтить что по бюджету на 1877 годъ, изъ 4½ миллионъ франковъ ассигнованныхъ на лицеи и коллегіи, послѣднимъ назначено 700.000 франковъ, преимущественно на стипендіи и учрежденіе кафедръ исторіи, математики или спеціальнаго курса. Что касается разнообразія въ курсахъ, то оно отнюдь не допускается. Коллегіи бываютъ двухъ классовъ; въ коллегіяхъ перваго класса ученіе совершенно совпадаетъ съ курсомъ лицеевъ, въ коллегіяхъ втораго преподается только большая или меньшая часть лицейскаго курса, но преподается по лицейскимъ программамъ.

„Это отголоски старой Франціи“ (стр. 64). Фраза громкая, но едва ли что выражающая. Существующія коллегіи учреждены не ранѣе 1803 года, онѣ учреждаются почти ежегодно, съ 1872 года число ихъ возрасло къ январю 1877 года на одиннадцать, не считая перечисленныхъ въ лицеи. Съ лицеями у нихъ близкое сходство; отличіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи. Въ чемъ тутъ „отголоски старой Франціи“? Въ домахъ занимаемыхъ коллегіями?

„Нѣкоторыя изъ такихъ коллегій основаны частными лицами, а потому положеніе ихъ очень не прочно.“ Изъ того что нѣкоторыя общинныя коллегіи основаны частными лицами, едва ли слѣдуетъ непрочность ихъ положенія. И въ чемъ состоитъ эта непрочность? Изъ предыдущаго видно что число коллегій все возрастаетъ; за послѣдніе годы не помнится чтобы послѣдовало закрытіе которой-либо изъ нихъ.

„Прежде они были свободныѣ. Наполеонъ III подчинилъ ихъ государству“ (стр. 64). Можетъ-быть прежде онѣ и были свободныѣ, ибо нельзя понять что разумѣется подъ словомъ свободныѣ, но вѣрно то что и до Наполеона III онѣ были подчинены государству. Не Первый ли Наполеонъ разумѣется подъ Третьимъ?

„Начальники—principaux, профессоры—régents и надзиратели—maîtres d'étude, опредѣляются министромъ“ (стр. 64). Декретомъ 12го января 1867 года названіе régents замѣнено названіемъ professeurs, а потому нѣсколько странно видѣть названіе régents въ курсѣ издаваемомъ десять лѣтъ спустя послѣ его отмены. Не указаны условія образованія которыя требуются отъ лицъ назначаемыхъ министромъ на должности учебной службы; не указаны они и для служа-

щихъ въ лицахъ. О преподавателяхъ послѣднихъ школъ сказано что „преподаватели нѣсколькихъ *разрядовъ съ нѣкоторыми подраздѣленіями*, принятыми для факультетовъ, подобно учителямъ начальныхъ школъ, не могутъ занимать *никакой* другой должности.“ Но и это показаніе курса не *выражаетъ подраздѣленій* факультетскихъ два, учительскихъ — пять (professeurs titulaires; professeurs divisionnaires, chargés de cours, suppléants, professeurs de langues vivantes), и уже эти подраздѣленія дѣлятся, кромѣ suppléants, на *разряды по содержанию*. Что касается до занятія другихъ должностей, то въ сборникѣ постановленій для лицеевъ запрещенія занимать другія должности ясно не выражено, но есть въ сборникѣ положительное воспрещеніе *всѣмъ* начальникамъ и преподавателямъ школъ вѣдомства просвѣщенія давать уроки въ частныхъ ередеучебныхъ заведеніяхъ.

Переходимъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Численность факультетовъ показана за 1874 годъ и при этомъ число богословскихъ увеличено двумя. Вообще о числахъ приводимыхъ въ курсѣ слѣдуетъ замѣтить что они могли бы быть свѣжѣ въ книгѣ издаваемой въ 1877 году.

„Академіи управляются ректоромъ и инспекторами, въ факультетахъ есть деканы, но всѣ эти лица назначаются отъ правительства и между отдѣльными факультетами нѣтъ связи.“ Г. Бунге смѣшивая академію съ факультетомъ, по видимому полагаетъ что во Франціи совокупность факультетовъ даннаго города управляется *короннымъ ректоромъ* (въ нашемъ смыслѣ) съ присоединеніемъ *какого-то еще инспектора*.

Авторъ говоритъ далѣе о „заступающихъ мѣсто профессоровъ (suppléants) и назначаемыхъ изъ такъ-называемыхъ agrégés, которые опредѣляются изъ высшей Нормальной школы по конкурсу.“ (Стр. 65). Они, agrégés, не опредѣляются изъ *высшей Нормальной школы*, а получаютъ это званіе по конкурсу, къ которому допускаются Французы не ниже 18 лѣтъ отъ роду, имѣющіе степень доктора соответствующаго факультета. Въ юридическомъ факультетѣ могутъ быть заступающими мѣсто профессоровъ докторъ права.

Не менѣе ошибокъ въ изложеніи способа пріобрѣтенія ученыхъ степеней. Въ курсѣ говорится что „на *общепознательныхъ факультетахъ* степень бакалавра пріобрѣтается по *окончаніи лицейскаго курса*“. (Стр. 65.) Между

окончаніемъ лицейскаго курса и степенью бакалавра нѣтъ юридическаго соотношенія: къ экзамену на бакалавра допускаются шестнадцатилѣтніе и при этомъ не требуется никакого свидѣтельства учебнаго заведенія.

„...По окончаніи *лицейскаго курса* (приобрѣтается) степень лиценціата чрезъ годъ, по представленіи удостовѣренія *о выслушаніи двухъ факультетскихъ предметовъ*...“ Чрезъ годъ послѣ чего? Чтобы быть допущеннымъ къ экзамену на степень лиценціата словесности или наукъ необходимо быть не менѣе года бакалавромъ соотвѣтствующаго разряда, и предъявить четыре записи на слушаніе лекцій (*inscriptions*); записи эти не требуются отъ служащихъ въ вѣдомствѣ министерства. *О выслушаніи двухъ предметовъ ничего не говорится.*

„На *спеціальныхъ факультетахъ* степени приобретаются *во время слушанія лекцій* (Ъ): бакалавра по истеченіи двухъ лѣтъ факультетскаго курса, лиценціата чрезъ годъ, по выслушаніи еще одного курса, а доктора по истеченіи четырехгодичнаго факультетскаго курса. Такіе же сроки, *болѣе или менѣе продолжительные*, назначены для приобретенія ученыхъ степеней на факультетахъ *богословскомъ и медицинскомъ* и для фармацевтовъ.“ (Стр. 65.) Что же это за спеціальныя факультеты, не богословскіе, не медицинскіе, не словесные, не точныя науки, въ которыхъ будто бы степени приобретаются *во время слушанія лекцій*? Такихъ факультетовъ не существуетъ. Если же подъ спеціальными факультетами разумѣлись юридическіе, то слѣдовало замѣтить что степень бакалавра юридическихъ наукъ приобретается не по истеченіи только двухъ лѣтъ курса, а по выдержаніи двухъ экзаменовъ; къ слушанію же курса юридическихъ наукъ допускаются только бакалавры словесности; степень лиценціата требуетъ не только *выслушанія еще одного курса*, а предварительной степени бакалавра правъ, выдержанія двухъ экзаменовъ и защиты диссертациі; степень доктора требуетъ предварительной степени лиценціата, выдержанія двухъ экзаменовъ, защиты двухъ диссертаций съ нѣкоторыми приложеніями, а не одного лишь истеченія четырехгодичнаго курса.

Что касается ученыхъ степеней на факультетахъ богословскомъ и медицинскомъ, то для приобретенія ихъ установлены особыя условія, изложить которыя было бы не безынтересно для студентовъ университета. Дѣло не въ

срокахъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ, а въ экзаменахъ и дипломахъ, необходимыхъ для допущенія къ экзаменамъ.

„За экзамены положена особая плата... за словесныя степени отъ 102 фр. 35 сант. за бакалавра до 180 фр. за лиценціата.“ Можетъ-быть плата эта и была когда-нибудь, но теперь, въ 1877 году, плата за степень бакалавра 120, а за лиценціата словесности болѣе семи лѣтъ платится 140 фр. Довольно странно что въ курсе для юристовъ приведены платы за степени почти всѣхъ факультетовъ, кромѣ только юридическаго.

„Разсудивкомъ преподавателей для лицеевъ и факультетовъ служить Высшая Нормальная школа. Сюда поступаютъ только выдержавшіе экзаменъ на бакалавра.“ Это только еще ничего особеннаго не представляетъ; даже и при первомъ испытаніи письменнаго степени бакалавра не требуется; важна не степень бакалавра, а *конкурсъ*. Вообще важное значеніе конкурсовъ въ системѣ французскаго ученія въ курсѣ г. Бунге не выставлено ни мало.

„Воспитанники,—казенные пансіонеры живутъ подъ строжайшимъ надзоромъ: они не могутъ безъ разрѣшенія ректора видѣться съ посторонними и два воспитанника не могутъ безъ дозволенія начальства *сообщаться о своихъ занятіяхъ*“ (ст. 66). Почему же не могутъ? г. Бунг по видимому не знаетъ что по четвергамъ и воскресеньямъ воспитанники Нормальной школы пользуются отпускомъ, что воспитанники третьяго курса занимаются въ комнатахъ по-двое и что при одномъ главномъ надзирателѣ и двумя помощниками невозможно запретить имъ *сообщаться о своихъ занятіяхъ*. При министрѣ Дюрюи въ которое время надзирателей и совѣтъ не было; кто же тогда слѣдилъ и тѣмъ чтобы воспитанники безъ дозволенія начальства не совѣщались о своихъ занятіяхъ?

Въ Collège de France „читаются публичныя лекціи по классическимъ предметамъ, философіи и естествознанію“ (ст. 66). Въ Collège de France въ 1877 году состояли гг. Серр по небесной механикѣ, Лиувиль по математикѣ, Клодъ Бернаръ по медицинѣ, и извѣстѣйшіе ученые по восточнымъ языкамъ; наконецъ въ Collège de France юристы могли бы прослушать лекціи естественнаго права, исторіи законодательства, политической экономіи и исторіи экономическихъ доктринъ, лекціи которыя читались такими учеными какъ Франкъ, Лабуле, Мишель Шевалье.

„Число *специальных учебных заведений* очень велико, господствующий въ нихъ духъ тотъ же. Строгое подчиненіе *формализму и дисциплинѣ, отсутствіе свободы въ преподаваніи и ученіи, доведенное до крайности* воспитаніе ведущее по оставленіи учебнаго заведенія къ злоупотребленію свободой“ (стр. 66). Что въ этой тирадѣ разумѣется подъ *специальными* учебными заведеніями? Если то что Французы называютъ *Grandes écoles spéciales*, то число ихъ вовсе не очень велико. Ихъ къ январю 1877 года было всего семь. Къ нимъ относится *Ecole pratique des Hautes Etudes*,—которая въ короткое время своего существованія, съ 1868 года, приобрѣла извѣстность изданіемъ ученыхъ трудовъ ея учителей и учениковъ. Сюда же причисляются Французская Школа въ Афинахъ, Французская Школа въ Римѣ, *Ecole Nationale des Chartes*, всѣ три дающія специалистовъ по классическимъ предметамъ и археологіи, Специальная Школа Живыхъ Восточныхъ Языковъ, наконецъ Нормальная Школа Высшая и Специальнаго Обученія. Странно сказать что въ нихъ господствуетъ подчиненіе формализму и отсутствіе свободы въ преподаваніи и ученіи, доведенное до крайности! Еще несостоятельны замѣчанія о воспитаніи, ведущемъ къ злоупотребленію свободой. Французская Школа въ Римѣ и Французская Школа въ Афинахъ пополняются молодыми учеными со степенью доктора или изъ числа *agrégés* и лучшихъ учениковъ *Ecole des hautes études*; остальные школы, за исключеніемъ двухъ Нормальныхъ, экстернаты. Такимъ образомъ упрекъ относительно воспитанія можетъ касаться только Нормальныхъ Школъ и, разумѣется, также неоснователей какъ и другія замѣчанія г. Бунге относящіяся къ Высшей Нормальной Школѣ.

„Для *реального высшего* образованія учреждено значительное число учебныхъ заведеній подъ разными названіями, какъ-то: *политехнические институты, сельскохозяйственные академіи, училища лесныя, горныя, коммерческія* и др. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ—*Conservatoire des arts et Métiers* (Консерваторія Искусствъ и Ремеселъ). Значительное число этихъ учрежденій основано правительствомъ, но есть и частныя предпріятія, состоящія подъ надзоромъ государства.“ (стр. 66.) Любопытно бы знать сколько именно во Франціи *политехническихъ институтовъ и сельскохозяй-*

стесненныхъ академій, и гдѣ они находятся. Высшихъ учебныхъ заведеній съ такими наименованіями нѣтъ ни одного. Есть знаменитая Политехническая Школа, но она одна во Франціи; есть только-что учрежденный Агрономическій Институтъ, есть три земледѣльческія школы, которыя относятся также къ высшимъ школамъ, но *сельскохозяйственныхъ академій* нѣтъ. Есть *Лѣсное Училище*, но *лѣсныхъ* нѣтъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ учебныхъ заведеній не можетъ быть *Консерваторія Искусствъ и Ремеселъ*, ибо она Французами и не считается учебнымъ заведеніемъ. О томъ что въ Парижѣ есть *Ecole Centrale des Arts et Manufactures*, извѣстная подъ именемъ *Ecole Centrale*, Г. Бунге, по видимому, не извѣстно.

Системѣ народнаго образованія во Франціи предпосланъ историческій обзоръ, несмотря на краткость не чуждый неточностей и неясностей. Вотъ два, три примѣра ошибочныхъ утвержденій: 1) говорится что *Нормальная Школа* была основана въ 1793 году (стр. 62), а между тѣмъ декретъ учреждавшій школу появился 9го брюмера III года (31го октября 1794 года), а курсъ ученія въ школѣ начался 19го января 1795 года; 2) говорится что *grand maître* университета (звание учрежденное въ 1808 году) съ 1824 года *переименованъ* въ министры народнаго просвѣщенія, а между тѣмъ съ 1815 года по 1822 не было *grand maître*овъ, а въ 1828—29 и въ 1845—48 были министры, носившіе, кромѣ министерскаго, титулъ *grand maître de l'université*; конечно, дѣло не въ названіи, и курсъ могъ бы обойтись безъ сообщенія о времени *переименованія*, но если уже сообщать, то сообщать точныя данныя; 3) „*новое* Наполеоновское правительство... подчинило учебную часть, *въ особенности* народныя школы, префектамъ и мерамъ“. Значить и высшія учебныя заведенія, хотя и не въ особенности, подчинены префектамъ и мерамъ. Г. Бунге вообще вся учебная часть Франціи представляется подчиненною „префекту и меру“: *все* подчинено государству и его администраціи (какой?), говорится на стр. 54.

Масса ошибочныхъ свѣдѣній о системѣ народнаго образованія во Франціи, какую встрѣчаемъ въ курсѣ г. Бунге, объясняется тѣмъ что авторъ при незнакомствѣ съ предметомъ заимствовалъ свои указанія изъ разныхъ статей, не обращаясь къ серіознымъ источникамъ. Значительная

асть невѣрностей не попала бы въ курсъ еслибъ онъ про-
го взялъ въ руки *Annuaire de l'Instruction publique*. Лашь
емногія замѣтки сдѣланы мною на основаніи капитальныхъ
рудовъ излагающихъ учебную систему во Франціи. Пре-
той календарь избавилъ бы курсъ отъ устарѣлыхъ дан-
ыхъ, отъ фальшивыхъ названій.

Не многимъ лучше французской системы изложены въ
урсѣ г. Бунге системы народнаго образованія въ Велико-
ританіи и Германіи.

Свѣдѣнія по части высшихъ и среднихъ англійскихъ
школъ почерпнуты изъ вторыхъ рукъ, главнымъ обра-
омъ изъ первыхъ двухъ изданій извѣстнаго сочиненія Визе:
Итальянскія письма объ англійскомъ воспитаніи. Первое изда-
іе этой книги, замѣчательной впрочемъ не столько съ
оридической и административной, сколько съ педагогиче-
ской стороны, появилось еще въ 1851 году, второе изданіе
представляетъ собою перепечатку перваго. Для курса из-
аваемого въ 1877 году данныя 1850—1851 года весьма уста-
ѣли; самъ Визе, выпуская свою книгу въ началѣ текуща-
го года третьимъ изданіемъ, послѣ ознакомленія на мѣстѣ
съ перемѣнами совершившимися въ системѣ народнаго об-
разованія въ послѣднія 25 лѣтъ, отказался отъ имѣли пе-
редѣлывать и исправлять свой первый трудъ, а придалъ къ
ему второй томъ, излагающій настоящее состояніе учебна-
го дѣла въ Великобританіи. Г. Бунге могъ не зять треть-
аго изданія писемъ Визе, но и помимо Визе выходили въ
свѣтъ сочиненія излагавшія въ болѣе систематическомъ и
для курса г. Бунге болѣе подходящемъ видѣ систему на-
роднаго образованія Великобританіи. Не касаясь различ-
ныхъ официальныхъ англійскихъ отчетовъ, укажемъ лишь
на два сочиненія Деможо и Монтуччи, излагающія весьма
обстоятельно устройство высшихъ и среднихъ школъ въ
Англии и Шотландіи; послѣднее сочиненіе въ русскомъ пе-
реводѣ по всей вѣроятности имѣется въ университетской
библіотекѣ.

Сочиненія Деможо и Монтуччи представляютъ полную
картину среднихъ и высшихъ школъ въ Англии и Шотлан-
ди относящуюся къ концу шестидесятыхъ годовъ. Визе пре-
имущественно останавливая свое вниманіе на старыхъ
университетахъ и публичныхъ школахъ, имѣющихся въ
Англии. Курсъ г. Бунге знаетъ только Оксфордъ и Кем-

бриджъ; Лондонскій университетъ съ примыкающими къ нему коллегіями не нашелъ себѣ мѣста въ курсѣ. Выходитъ такъ что всѣ студенты въ Англіи интерны, между тѣмъ какъ лондонскія коллегіи устроены для экстерновъ, да и въ Оксфордѣ и Кембриджѣ уже допущены экстерны. Сословныя разграниченія выводятся даже и въ старыхъ университетахъ; воспитательный элементъ силея также только въ старыхъ университетахъ.

По словамъ курса, „въ Ирландіи, кромѣ университетовъ основанныхъ на частныя средства, протестантскихъ и католическихъ, правительство учредило Дублинскій университетъ, безъ религіознаго отбѣика, но попытка эта оказалась неудачною“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 71) говорится что „Дублинскій университетъ и три ирландскія коллегіи (?) составляютъ исключеніе“, такъ какъ зависать отъ „правительства“. Начать съ того что въ Ирландіи только одинъ протестантскій и одинъ католическій университетъ основаны на частныя средства; затѣмъ въ Дублинѣ три университета, и третій, правительственный, не называется Дублинскимъ; даже, три ирландскія коллегіи составляютъ часть правительственного университета, и выдѣлять ихъ не слѣдовало; наконецъ, какъ понимать слова: „попытка оказалась неудачною“? могутъ подумать что университетъ королевы закрыть.

Порядокъ управленія шотландскихъ университетовъ измѣненъ въ 1858 году, а потому курсъ грѣшитъ довольно сильно, сообщая въ подробности порядокъ управленія до 1858 года, и опуская главнаго управителя университета, обыкновенно замѣняющаго собою и канцлера, и ректора, управителя назначаемого отъ короны и не состоящаго даже профессоромъ.

Неполнотой и устарѣлыми данными отличаются и свѣдѣнія относящіяся до среднихъ учебныхъ заведеній. Говорится напримѣръ что изъ учениковъ старыхъ публичныхъ школъ „немногіе живутъ въ самомъ училищѣ, прочіе—горожане (oppidans) у частныхъ лицъ, иногда у учителей“. Между тѣмъ во всѣхъ поименованныхъ г. Бунге школахъ (Итонъ, Гарроу, Рогби) пансіоны должны содержаться только учителями и постановленіе это въ настоящее время имѣетъ крайне малое число исключеній. Точно также указанія что въ „училищахъ не бываетъ иногда особыхъ комнатъ для

отдѣльных классовъ, *если* учатся въ одной заѣѣ, не можетъ быть допущено безъ оговорки, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени.

О среднихъ школахъ въ Шотландіи сказано въ курсѣ слѣдующее: „приготовительное профессиональное образованіе дается въ общинныхъ коллегіяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи общины, но процвѣтаніе школъ зависитъ главнымъ образомъ отъ родителей“. Здѣсь упушено изъ виду одна изъ самыхъ крупныхъ особенностей учебнаго дѣла въ Шотландіи: въ ней не только начальными, но и средними школами служатъ до сихъ поръ школы *приходскія*. Затѣмъ остается непонятнымъ, какимъ образомъ общинная школа главнымъ образомъ зависитъ отъ *родителей*. Не разумѣется ли подъ этимъ туманнымъ выраженіемъ порядокъ шотландскихъ школъ по которому плата за ученіе устанавливается на каждый предметъ отдѣльно, и родителямъ предоставляется выбирать изъ курса тотъ или другой предметъ обученія?

Нѣсколько удачнѣе относительно точности изложено состояніе начальнаго обученія въ Англіи. Но и тутъ не обошлось безъ промаховъ. Такъ, объ органѣ правительственнаго надзора за школами, учрежденномъ въ 1839 году, сказано: „учрежденъ особый комитетъ (of Privy Council) первое бюро воспитанія (Board of Education.“ (Стр. 67). Что же такое учреждено? Особый комитетъ, первое бюро? И что значать въ скобкахъ слова of Privy Council? Названіе этого особаго комитета? Между тѣмъ на дѣлѣ учрежденъ Committee of the Privy Council on Education, комитетъ при давно уже бывшемъ Тайномъ Совѣтѣ или Privy Council. Въ законѣ 1870 года говорится не только о религіозныхъ обрядахъ (стр. 68), но и объ урокахъ по Закону Божію. Цифра субсидій правительства за 1875 годъ въ новой книгѣ Визе показана въ 2,228,470 фунт., значительно выше приведенной въ курсѣ (1 548.000 ф. с.). Нельзя также не замѣтить что въ курсѣ не упомянуто о распространеніи въ Англіи обязательнаго обученія: по отчетамъ официальнымъ за 1876 годъ, оно распространено уже на 46 процентовъ населенія Англіи, и между прочимъ установлено въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ и другихъ большихъ городахъ. Не говорится ничего объ оригинальномъ способѣ распредѣленія субсидій по результатамъ ученія.

Остается сказать нѣсколько словъ объ изложеніи „Системы народнаго образованія въ Германіи“. На двухъ страничкахъ скѣпкано все относящееся къ этой *системѣ*, считающейся образцовою именно по своему законодательному устройству. Краткость поразительная, особенно по сравненію съ изложеніемъ системъ Франціи и Англіи. Что напримѣръ можно узнать о системѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи изъ слѣдующей тирады: „Среднее или приготовительное образованіе является сначала въ видѣ классическихъ гимназій; затѣмъ изъ городской школы развивается реальная школа и реальная гимназія, существующія въ настоящее время параллельно съ классическими гимназіями.“ Еще шесть строкъ о гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, и дѣлу конецъ. А между тѣмъ въ списокъ источниковъ поименованы Rönne, Wiese, Schmid... Но и при этой краткости гимназіи получили *ректора* отъ правительства (стр. 59), вмѣсто *директора*, реальные училища *коммерческія науки* въ свой курсъ (стр. 50)...

X.

ПО ПОВОДУ РОМАНА АЛЬФОНСА ДОДЭ

„НАБАБЪ“

Рѣдко литературное произведеніе возбуждало столько шума какъ извѣстный читателямъ *Русскаго Вѣстника* романъ Альфонса Додэ *Набавъ*, обнаружившій блестящее дарованіе автора, и разомъ поставившій его на ряду съ лучшими современными писателями. Появившійся сначала въ фельетонѣ парижской газеты *Temps*, откуда мы и заимствовали его, онъ тотчасъ же по окончаніи его печатаніемъ въ названной газетѣ выдержалъ болѣе тридцати изданій. Но не одно мастерство изложенія и интересъ романа привлекали публику и были причиной такого громаднаго успѣха. Шуму надѣлало послѣднее произведеніе Додэ еще и потому что въ типическихъ фигурахъ художественно выведенныхъ авторомъ публика непремѣнно хотѣла видѣть портреты лицъ дѣятельности которыхъ хорошо извѣстно парижскому обществу. Черты дѣйствительности подмѣченныя и воспроизведенныя авторомъ и пережѣшанныя съ вымысломъ открыли обширное поле для догадокъ и предположеній. Насколько эти догадки и предположенія, проявляя въ печать, справедливы, рѣшить конечно трудно, тѣмъ болѣе что сами французскіе журналисты, высказывающіе ихъ, не согласны между собой. Несомнѣнно одно, что изображая своего главнаго героя, Набаба, Додэ воспользо-

вался обстоятельствами жизни одного въ свое время весьма извѣстнаго французскаго депутата. Интересныя данныя по этому предмету сообщаетъ г. Перивье въ *Figaro* отъ 5го января, и мы считаемъ не лишнимъ передать ихъ и нашимъ читателямъ.

Набавъ, говоритъ г. Перивье, есть Франсуа Браве, знаменитый депутатъ Гардскаго департамента. Я зналъ его лично, а потому и могу изложить истинную драму его жизни, освобожденную отъ фикціи и украшеній романа.

И какъ будто вижу предъ собой Браве: высокій ростомъ, очень сильный, сутоловатый, черный лицомъ, курносый, съ большимъ ртомъ, съ толстыми, чувственными губами, настоящій тилъ варварійскаго пирата въ сюртукѣ, съ манерами людоѣда, но въ сущности добрый малый.

Онъ былъ очень дурень собою, но въ фizioноміи его было что-то такое что придавало ей необыкновенную прелесть. У него были изумительно простодушныя выходки, очаровательная улыбка, рѣчь живая, полная образности, простонародная и по временамъ напоминавшая героев Рабле. Онъ говорилъ громко, какъ всѣ жители юга, былъ мало образованъ, но зналъ многое и угадывалъ часто то чего не зналъ. Онъ былъ уменъ, очень уменъ, онъ былъ очень добръ, отвѣчалъ всегда скоро и мѣтко и владелъ словомъ въ совершенствѣ.

Щедрый, великодушный, онъ раздавалъ полными руками, совѣтуясь болѣе съ сердцемъ чѣмъ съ разсудкомъ, бросая золото безъ разбора врагамъ также какъ и друзьямъ, почти всегда поддаваясь обаманамъ льстецовъ и интригановъ его окружавшихъ.

Тщеславенъ онъ былъ до невѣроятности, страстно любилъ лесть, какъ всѣ жители Востока, къ которымъ онъ принадлежалъ на половину. Онъ любилъ говорить о своей прежней жизни какъ моряки о кораблекрушеніяхъ, отъ которыхъ они съ трудомъ успѣли спасти свою жизнь. Со своею грубою манерою онъ говаривалъ что „первую половину жизни онъ меръ съ голоду, а вторую умираетъ отъ несваренія желудка.“

Жизнь его была сказкой изъ *Тысячи и Одной Ночи*, фантазіей возбужденнаго воображенія.

Въ Египтѣ, благодаря дружбѣ Саидъ-паши, онъ наживалъ милліоны за милліонами, и въ нѣсколько лѣтъ какъ бы волшебствомъ воздвигъ зданіе того чудовищнаго богатства которое въ послѣдствіи приводило въ изумленіе Парижанъ. Браве нажилъ тогда болѣе ста милліоновъ во всевозможныхъ предпріятіяхъ, благодаря необычайной смѣлости, смѣлости и ловкости. Онъ былъ главнымъ поставщикомъ Египта; онъ доставлялъ туда, съ огромными для себя выгодами, все что эта еще варварская страна могла заимствовать у цивилизованной Европы. Все проходило туда чрезъ его руки.

Несмотря однако на все свое могущество, онъ зависѣлъ отъ прихоти повелителя, котораго былъ любимцемъ. Надо было видѣть какъ онъ искусно пользовался своимъ вліяніемъ. Разъ послѣ ссоры, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, онъ снова захотѣлъ войти въ милость. Онъ явился на аудіенцію съ головой покрытой *тарбузъомъ*, краснымъ головнымъ уборомъ, грязнымъ и шутовской формы.

— У васъ, замѣтилъ вице-король, — очень странный и смѣшной головной уборъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ Браве, — такой уборъ идетъ только человѣку находящемуся въ немилости. Возвратите мнѣ вашу милость и мой уборъ измѣнится какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

— Ну, я возвращаю вамъ ее!

И Браве бросилъ свой *тарбузъ*, досталъ совершенно новую феску изъ кармана и надѣлъ ее себѣ на голову къ великой потѣхѣ его свѣтлости и всего собранія.

Надо отдать справедливость Браве; онъ никогда не забывалъ что онъ Французъ. Браве уговорилъ Саида дать г. де-Лесселсу концессию на Суэзскій перешеекъ и доставилъ ему большую часть капиталовъ на это предпріятіе.

Гардскій департаментъ въ особенности воспользовался милліонами Браве. Невозможно себѣ представить сколько жителей южной Франціи налетѣло на Египетъ. Туземцы могли подумать что къ нимъ возвращается одна изъ тѣхъ лавъ отъ которыхъ страна ихъ страдала въ библейскія времена.

Оттого Браве и сдѣлался въ своемъ департаментѣ по крайней мѣрѣ столь же популярнымъ какъ Авиньонскій мостъ. Онъ былъ избранъ сначала членомъ генеральнаго

совѣта. Онъ купилъ огромныя помѣстья и между ними замокъ Сень-Романсъ, котораго такое прекрасное описаніе представилъ Альфонсъ Додэ въ своемъ романѣ, и который въ дѣйствительности носитъ названіе замка Бель-О. Это великолѣпное помѣстье принадлежало прежде маркизу Сибурю, архіепископу парижскому, бывшему также уроженцемъ Гардскаго департамента. Теперь оно принадлежит хорошо извѣстному парижскому миллионеру г. Бейлезу.

Г. Додэ повѣствуетъ что Набабъ вздумалъ дать тамъ праздникъ Тунисскому бейу во вкусѣ празднествъ которыя Фуке давалъ Лудовику XIV, но что бей отказался на немъ присутствовать. Здѣсь романъ оставляетъ дѣйствительность и переходитъ въ область вымысла. Праздникъ у Браве состоялся, вице-король Египетскій присутствовалъ на немъ и былъ имъ очарованъ.

Великолѣпіе означеннаго праздника было неслыханное. До пятидесяти тысячъ челоѣкъ приглашено было на это царское торжество, продолжавшееся трое сутокъ. Столы были разставлены на протяженіи гектара. Богатые и бѣдные сажались за нихъ. Счетъ уплаченный Браве простирается до 500.000 франковъ. Праздникъ былъ организованъ и исполненъ со вкусомъ и увлеченіемъ г. Карвало, нынѣшнимъ директоромъ Комической Оперы.

То было заключительнымъ букетомъ счастія Браве. Послѣ праздника началось его паденіе. Оно продолжалось двѣнадцать лѣтъ. Во всѣ эти годы онъ велъ страшную борьбу противъ людей и обстоятельствъ, защищая на смерть свои миллионы съ энергіей болѣе дикою, и съ настойчивостью болѣе неукротимою, чѣмъ тѣ которыя онъ употребилъ для приобрѣтенія ихъ.

Нынѣшній вице-король Измаиль-паша пожелалъ его разоренія и подъ конецъ достигъ его. Его ненависть къ Браве относится еще къ тому времени когда онъ былъ наследнымъ принцемъ и возникла отъ самой ничтожной причины.

Измаиль далъ слово Браве сдѣлать какое-то дѣло, но не сдержалъ его. Браве разсердился и сказалъ ему:

— Вы ведете себя не какъ принцъ, а какъ мелочной торговецъ улицы Кенканлуа!

Это и возбудило ярость принца. Онъ бы простилъ элитѣ мелочнаго торговца, но Кенканлуа—никогда. Онъ пожа-

ловался своему отцу что иностранецъ обозвалъ его *Кенкан-пуа* и требовалъ торжественнаго удовлетворенія. Вице-король Саидъ много смѣялся и на ту минуту укротилъ гнѣвъ *Измаила*; но послѣдній никогда не забылъ нанесеннаго ему оскорбленія и въ послѣдствіи жестоко отмстилъ за него, разоривъ въ концѣ Браве.

Краткая карьера Браве въ качествѣ депутата Гардскаго департамента доставила г. Альфонсу Додэ одну изъ самыхъ драматическихъ сценъ его романа, — сцену кассация выборовъ Набаба.

Въ дѣйствительности депутатскіе выборы Браве кассированы были два раза, но онъ все-таки по троекратномъ избраніи занялъ мѣсто въ законодательномъ корпусѣ, благодаря посредничеству герцога де-Морни (герцога де-Мора), горячо принявшаго сторону безвинно оклеветаннаго кандидата. Про него распустили ложные слухи, будто бы въ первые бѣдственные годы своей жизни онъ занимался въ Парижѣ неблаговидными промыслами и даже въ сообществѣ съ одною женщиной содержалъ домъ, пользовавшійся позорною извѣстностью.

Рѣчь произнесенная имъ по этому случаю въ палатѣ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Этотъ необразованный и неученый человѣкъ возвысился до истиннаго краснорѣчія, вырывавшагося изъ сердца и возбуждавшаго къ нему невольное сочувствіе слушателей.

„Да, милостивые государи, говорилъ онъ, — нищета ужасное дѣло! Я боролся противъ нея, терпѣлъ голодъ, жажду, а боролся и одержалъ побѣду! Ужели мнѣ придется выдерживать новую борьбу чтобы защитить себя отъ богатства? Ахъ! господа, я боюсь ее, этой борьбы, я боюсь пасть въ ней, ибо врагъ наседающій на меня — повсюду, а я не вижу его нигдѣ; имя ему — зависть. Я убиваю себя, и отъ него не могу защищаться, ибо онъ для меня неуловимъ.“

И онъ былъ правъ, бѣдный Браве! Враги его и во главѣ ихъ вице-король Египетскій не давали ему ни милауты покоя. Онъ долженъ былъ сложить съ себя депутатское званіе и возвратиться въ Египетъ чтобы спасти свое состояніе, которому угрожала крайняя опасность.

Отъ этого колоссальнаго имуществва болѣе чѣмъ во сто миліоновъ онъ не успѣлъ спасти ни копѣйки въ буквальномъ смыслѣ слова. Онъ ослѣплъ и около трехъ лѣтъ тому

назадъ умеръ въ нищетѣ, окруженный только своею семьей, которую онъ оставилъ безо всякихъ средствъ къ существованію.

Въ настоящее время вдова Браве проживаетъ въ одномъ изъ парижскихъ угловъ, перенося несчастье съ тѣмъ благородствомъ и стоическимъ мужествомъ къ которому только способны женщины, и—вотъ трогательная подробность, за обнародованіе которой я прошу у нея извиненія—она воспитываетъ троихъ дѣтей своихъ, благодаря маленькой пенсіи, которую выдаетъ ей одинъ изъ ея прежнихъ служителей, разбогатѣвшихъ на службѣ у ея мужа.

Изъ этого очевидно что гжа Браве отнюдь не соответствуетъ далеко не симпатичному типу Левантинки, изображенной въ романѣ г. Додэ. Она младшая дочь барона Шульца, человѣка весьма достойнаго, состоящаго голландскимъ генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ. Сестра ея состоитъ въ супружествѣ съ главой марсельскаго дома Пастре.

Второстепенныя лица романа г. Додэ гораздо менѣе отвѣчаютъ дѣйствительности, чѣмъ главное лицо Набаба, но тѣмъ не менѣе тому кто хорошо знакомъ съ парижскимъ міромъ не трудно поставить собственное имя на каждое изъ лицъ фигурирующихъ и вращающихся около Набаба.

Но здѣсь, повторяю, доля фикціи очень велика, что даетъ право, напримѣръ, г. Карвало отречься отъ всякаго сходства съ Кардельякомъ-скептикомъ, хотя любезный директоръ Комической Оперы находился долго въ дружескихъ сношеніяхъ съ Браве, а также и съ герцогомъ де-Мори, то-есть съ герцогомъ де-Мора, г. Альфонса Додэ. Кардельякъ скорѣе напоминаетъ собою Рокеллана.

Журналистъ Моассаръ также мало имѣетъ сходства съ покойнымъ Ганеско, хотя и напоминаетъ его. Правда что Ганеско основалъ нѣкогда газету *Parlement* на деньги Браве—около 600.000 франковъ. Браве не писалъ въ ней ни когда ни одного слова, не печаталъ въ ней ни одной корреспонденціи, и только однажды онъ своими мощными руками посреди улицы Мира страшно отколотилъ бѣднаго Ганеско, забывшаго достойное уваженіе къ такому важному патрону.

То же должно сказать о докторѣ Джекинсѣ. Общаго у него съ докторомъ Камбелломъ, красивое лицо коего извѣстно всему Парижу, только пресловутыя пиявы, которыя,

какъ говорить, производить такое магическое дѣйствіе на ослабленные организмы.

Что касается банкира Гемерлингга, то, конечно, онъ имѣетъ лишь смутное сходство съ Германомъ Оппенгеймомъ, нынѣ умершимъ. Предположеніе это могло возникнуть оттого, что Оппенгеймъ былъ дѣйствительно въ финансовомъ соперничествѣ съ Браве, но романъ значительно удался отъ дѣйствительности.

Masseur Кабассю, интересный профиль котораго появляется по временамъ въ Набабѣ, не кто иной какъ парижская знаменитость, извѣстный Шараве, фотографъ и масеуръ, который—вотъ раскрытіе должествующее изумить многихъ—былъ тотъ замаскированный боецъ, который привлекалъ весь Парижъ лѣтъ тому назадъ.

Что касается автора романа, то ему стоило только собрать свои личныя воспоминанія, чтобы написать *Набаба*; онъ былъ землякъ Браве, который отчасти содѣйствовалъ вступленію его въ парижскій свѣтъ, гдѣ съ тѣхъ поръ г. Альфонсъ Додэ занимаетъ столь почетное мѣсто.

Г.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брэддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЕТСЯ

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ
Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и из-
данный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (мифологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Лавія, Виргилія, Горация и Овидія.

Полный Словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ.

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря въ конторѣ типографіи и у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Кромѣ того въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ бесплатно; платящій за восемь экземпляровъ получаетъ два экземпляра бесплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экземпляровъ бесплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное ответственное число оплаченных экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру бесплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается за каждый отпускаемый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ. Такъ, напрымѣръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того въсовыхъ за сто фунтовъ.

Гг. иногородные со своими требованіями могутъ обращаться: въ Москву, въ контору Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

Оподпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878 году

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1878 въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **четырнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**; съ казенными объявленіями, издаваемыми, особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **шестнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой и пересылкой **девятнадцать рублей 50 коп.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногороднихъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ.



МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ П. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

1878

ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ВОПРОСЪ ОБЪ УМЕНЬШЕНИИ ВОДЪ ВЪ ИСТОЧНИКАХЪ И РѢКАХЪ. Я. И. Вейнберга.
- II. ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Гл. XXXVII—XXXIX. А. Д. Эиссермана.
- III. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ. Романъ. Часть вторая. В. Г. Авсеенка.
- IV. ПОДЪ ГРОМОМЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. (Изъ дневника вѣдѣннаго покойнымъ А. Д. Камоускимъ въ Крыму, во время военныхъ дѣйствій 1853 года.)
- V. РУССКІЙ ХУДОЖНИКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ. (Семейныя письма покойнаго Николая Александровича Рамазанова.) Гл. VI—XI.
- VI. ПОЛИТИКА РОССИИ ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ТЕКУЩАГО СТОЛѢТІЯ. Р.
- VII. РУССКІЕ, ГРЕКИ И ЮГО-СЛАВЯНЕ. Опытъ національной психологіи. К. Н. Леонтьева.
- VIII. ИЗЪ ГЁТЕ. Стихотвореніе. Князя Д. Н. Цертелева.
- IX. ДЕНЬГИ МИЛЕДИ. Эпизодъ изъ жизни молодой дѣвушки, разсказанный Уилки Коллинзомъ. Переводъ съ англійскаго. Часть первая.
- X. ОЧЕРКИ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОЗСТАНІЯ. Гл. X—XIII. Петра Петрова.
- XI. КОРРЕХИДОРЪ. Разказъ де-Аларкона. Переводъ съ испанскаго.
- XII. КЪ ВОПРОСУ О ВОЕННО-УЧЕБНОМЪ РЕАЛИЗМЪ. М. О. Де-Пуле.
- XIII. ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ ПРОСТРАНСТВА И МЕДИУМИЗМЪ. А. М. Бутлерова.
- XIV. ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Съ паденія Плевны до заключенія перемирія.) В. И.

ВОПРОСЪ ОБЪ УМЕНЬШЕНИИ ВОДЪ

ВЪ ИСТОЧНИКАХЪ И РЪКАХЪ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

660056

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1913

I.

Всякому занимающемуся естественными науками приходилось неоднократно быть свидѣтелемъ страннаго, повидимому, факта. Изслѣдованіе какого-либо ученаго или плодотворная высказанная имъ мысль проходить иногда совершенно незамѣченною, теряется въ массѣ другихъ вопросовъ, и лишь послѣ довольно длиннаго промежутка времени, безъ всякаго повидимому повода, мысль эта вдругъ возникаетъ вновь и одновременно въ умахъ нѣсколькихъ лицъ, достигающихъ одинаковыхъ почти результатовъ совершенно независимо одинъ отъ другаго. Такъ было, между прочимъ, съ открытіемъ планеты Нептунъ, на существованіе которой, прежде одновременныхъ изысканій Леверрье и Адамса, такъ твердо и почти осязательно указалъ великій Бессель; такъ было надняхъ и съ блистательнымъ превращеніемъ въ жидкія и твердыя тѣла газовъ, считавшихся до сего времени постоянными, произведеннымъ одновременно Каллете (Cailletet) въ Парижѣ и Пикте въ Женевѣ.

Ничто подобное видимъ мы и по отношенію къ знаменитому вопросу объ уменьшеніи водъ въ источникахъ и рѣкахъ, вопросу, который въ настоящее время обращаетъ

на себя общее вниманіе и ученыхъ, и публики. Еще въ 1837 году Берггаузъ въ своей физической географіи посвятилъ цѣлую главу вопросу о количествѣ воды протекающей ежегодно чрезъ русло германскихъ рѣкъ: Рейна, Эльбы, Везера и Одера. Изъ сравненія наблюдаемаго посредствомъ футштока (линейки раздѣленной на равныя части, на примѣръ футы и дюймы, *Pegel*) уровня водъ Эльбы въ теченіе болѣе вѣковаго періода (1728—1836) и Одера въ продолженіе почти 60 лѣтъ (1778—1836) Берггаузъ вывелъ заключеніе о послѣдовательномъ уменьшеніи водъ въ этихъ двухъ рѣкахъ, а принявъ во вниманіе изслѣдованія другихъ гидрографовъ, а также и специалистовъ по лѣсоводству, онъ высказалъ мысль что означенное уменьшеніе въ значительной степени обуславливается истребленіемъ лѣсовъ.

Казалось бы что изслѣдованія такого ученаго какъ Берггаузъ, въ особенности же касательно явленія такой громадной важности, по справедливости должны были обратить на себя вниманіе специалистовъ. Случилось однакоже противное: несмотря на отличные труды М. Беккереля, доказавшіе всю важность лѣса въ климатическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, вопросъ объ уменьшеніи проточныхъ водъ остался какъ бы въ забытіи, пока одновременное появленіе въ 1873 году двухъ замѣчательныхъ трудовъ гг. Векса и Эбермайера, трактующихъ впрочемъ о двухъ совершенно различныхъ предметахъ, не выдвинули на первый планъ изысканія объ уменьшеніи водъ и сопряженныхъ съ этимъ весьма важныхъ климатическихъ и сельско-хозяйственныхъ вопросовъ.

Въ сочиненіи своемъ (*Ueber die Wasserabnahme in den Quellen, Flüssen und Strömen, bei gleichzeitiger Steigerung der Hochwässer in den Culturländern*, von Gustav Wex, K. K. Ministerialrath und Oberleiter der Donau Regulirung bei Wien. Wien 1873) г. Вексъ доказываетъ: 1) уменьшеніе водъ Эльбы, Дуная, Рейна, Вислы, Одера и Мозеля; 2) послѣдовательное увеличеніе рѣчныхъ водъ во время половодій; это явленіе, какъ увидимъ послѣ, находится съ первымъ въ тѣсной связи, какъ ни парадоксально это кажется съ перваго раза; 3) причины обуславливающія главнымъ образомъ эти два явленія, и 4) средства для предотвращенія этихъ явленій, какъ могущихъ съ теченіемъ времени совершенно измѣнить экономическій бытъ народовъ и угрожающихъ будущимъ поколѣніямъ неисчислимыми бѣдствіями.

Воспользовавшись собственными своими сорокалѣтними наблюденіями, а также изслѣдованіями надъ высотой уровня водъ германскихъ рѣкъ и гидрографическими работами Берггауза, Мааса, Гагена и др., Вексъ получаетъ слѣдующіе результаты:

Наблюденія надъ Эльбой, произведенныя въ Магдебургѣ въ продолженіе 142 лѣтъ (1727—1869), даютъ, за полстоаѣтіе, уменьшеніе визшаго уровня на 16, среднего же уровня на 17 дюймовъ. Сорокашестилѣтнія наблюденія надъ Дунаемъ близъ Вьны (1826—1871) показываютъ уменьшеніе визшаго его уровня на 11", среднего же на 18", а близъ Орсовы наблюденія за 32 года показываютъ уменьшеніе визшаго уровня на 46", среднего на 55". Надъ уровнемъ Рейна мы имѣемъ рядъ шестидесятилѣтнихъ наблюденій (1770—1835), произведенныхъ близъ Эммериха и доказывающихъ уменьшеніе высоты визшаго его уровня на 20", среднего на 25" (въ теченіе полулѣтка), а пятидесятилетнія наблюденія близъ Кёльна доказываютъ уменьшеніе визшаго уровня водъ на 27", среднего на 8", визшаго на 14". Высота среднего уровня Вислы близъ Кракова (пятидесятишестилѣтнія наблюденія) уменьшилась на 19", а шестидесятилетнія наблюденія у Маріенвердера показываютъ уменьшеніе высотъ визшаго уровня на 44", среднего 26". Наблюденія надъ высотой уровня Одера и Мозеля показываютъ такіа же явленія, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что одновременно съ уменьшеніемъ количества водъ въ рѣкахъ въ обыкновенное время замѣчается послѣдовательное увеличеніе половодья, а вслѣдствіе этого рѣки все чаще и чаще выступаютъ изъ береговъ и вредъ отъ наводненій постоянно увеличивается.

Таковъ вкратцѣ результатъ долголѣтнихъ наблюденій произведенныхъ надъ высотой уровня германскихъ рѣкъ посредствомъ футштока и подробно рассмотрѣнныхъ выше сказанными учеными. Какъ, повидимому, заключенія Векса, основанныя на точныхъ наблюденіяхъ, ни кажутся достовѣрными, но со стороны двухъ отличныхъ гидрографовъ, каковы Гагенъ и Маасъ, они подверглись слѣдующимъ возраженіямъ: 1) Наблюденія съ футштокомъ показываютъ лишь *высоту* уровня рѣки, а не *количество* воды протекающей ежегодно чрезъ ея русло. Если идетъ дѣло объ уменьшеніи проточныхъ водъ, рѣшающимъ элементомъ

является не высота уровня, а количество воды. 2) Соглашаясь съ дѣйствительнымъ уменьшеніемъ высоты уровня Эльбы и Рейна, означенные ученые приписываютъ это явление *регулюванію* русла этихъ рѣкъ, т.-е. искусственному углубленію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ русла для болѣе удобнаго по нимъ судоходства; подобное углубленіе, при одномъ и томъ же количествѣ воды протекающей по рѣкѣ, естественно должно обуславливать уменьшеніе высоты уровня. 3) Во время весенняго половодья увеличивается и поперечный разрѣзъ русла и скорость теченія рѣчныхъ водъ, поэтому количество воды протекающее въ это время можетъ вознаградить убыль въ высотѣ рѣчнаго уровня, замѣчаемую въ остальные времена года. Вслѣдствіе сказаннаго Тагенъ и Маасъ не рѣшаются положительно высказаться по вопросу объ уменьшеніи проточныхъ водъ.

Эти весьма вѣскія возраженія Вексъ опровергаетъ слѣдующими доводами: 1) Если у верхняго теченія Эльбы русло этой рѣки и было углублено, то въ замѣвъ этого, въ среднемъ и нижнемъ теченіи, вслѣдствіе наносовъ, оно засорилось и уровень воды тамъ долженъ былъ бы подняться. 2) Близъ Орсовы, недалеко отъ знаменитыхъ Железныхъ Воротъ, Дунай прорывается чрезъ горный край и протяженіи шестнадцати миль, и на всемъ этомъ протяженіи русло въ продолженіе тысячелѣтій не измѣнялось; между тѣмъ именно въ этомъ мѣстѣ тридцатидвухлѣтніе наблюденія, какъ мы уже видѣли выше, показываютъ наибольшія уменьшенія высоты уровня водъ, именно низшаго уровня на 46", средняго же на 55". 3) Хотя количество воды протекающее чрезъ русло рѣки во время весенняго половодья огромно, но оно не въ состояніи вознаградить убыль воды во все остальное время года. Половодье (въ Германіи) продолжается отъ 10 до 20 дней въ году; самый низкій уровень водъ замѣчается въ продолженіи 40—50 дней, средній (или нормальный) же уровень продолжается около 300 дней, а потому при вычисленіи средней годичной высоты уровня водъ, нормальный уровень оказываетъ наибольшее вліяніе на результатъ. Дѣйствительно, въ вычисленіяхъ произведеннымъ Гребенау надъ количествомъ воды протекавшей въ продолженіе 28 лѣтъ чрезъ русло Рейна близъ Гермерсгейма оказывается что если взять въ соображеніе и половодье (то-есть увеличеніе въ этотъ періодъ величины русла и скорости теченія) и на основаніи

этого вычислить высоту средняго уровня, то окажется что послѣдній лишь на 2",5 превосходитъ высоту выведенную изъ непосредственныхъ наблюденій футштока. Такой же почти результатъ получилъ и профессоръ Harlachner изъ вычисленія количества водъ Эльбы ниже Боденбаха въ продолженіе двѣнадцатимѣсячнаго періода. А если такъ, заключаетъ Векозъ, то наблюденія надъ *высотой уровня* водъ германскихъ рѣкъ могутъ весьма приблизительно указывать намъ и на *количество* проточныхъ водъ и такимъ образомъ вышеозначенное возраженіе Гагена падаетъ само собою. 4) Наблюденія показываютъ что весьма высокое стояніе водъ германскихъ рѣкъ во время половодій теперь случается чаще чѣмъ въ прежнее время (что, какъ увидимъ послѣ, находится въ тѣсной связи съ уменьшеніемъ рѣчныхъ водъ вслѣдствіе истребленія лѣсовъ). Такъ, раздѣлая пятидесятичетырехлѣтній промежутокъ времени наблюденій надъ Рейномъ въ Кёльнѣ на два двадцатисемилѣтніе періода, увидимъ что въ первый періодъ высота половодья на 1',6 ниже чѣмъ во второй періодъ. Незначительность этой величины Берггаузъ объясняетъ тѣмъ что Рейнъ питается никогда не истощающимися притоками изъ альпійскихъ ледниковъ, а также и тѣмъ обстоятельствомъ что обширное Боденское озеро служитъ какъ бы регуляторомъ Рейна. Наблюденія надъ высотой уровня водъ въ Эльбѣ близъ Магдебурга (1728—1869), будучи раздѣлены на три почти равные между собой періода, показываютъ что въ первый періодъ времени половодья по отдѣльнымъ годамъ мало отличались другъ отъ друга и лишь два раза достигали 17 футовъ выше нуля (то-есть ординарнаго уровня); во второй періодъ половодья постепенно увеличиваются, десять разъ достигаютъ высоты 17'—17',7 (хотя въ то же время *средній* уровень понижается на 12"), увеличеніе половодья продолжается и въ третій періодъ времени; десять разъ высота водъ достигаетъ 17'—18' выше ординара, а средняя высота половодья на 3 дюйма выше таковой же за второй періодъ. Подобныя же явленія усматриваются и въ половодьяхъ Вислы и Дуная. Раздѣлая шестидесятирехлѣтнія наблюденія надъ высотой водъ въ Вислѣ на два равные періода, видимъ что въ первый половодье пять разъ достигаетъ высоты свыше 20', во второй же періодъ девять разъ и притомъ все выше и выше, вслѣдствіе чего наводненія становятся все чаще, а вредъ ими причиняемый чувствительнѣе.

По изслѣдованіямъ Векса, высота половодья Дуная (у Нундорфа) въ прошломъ столѣтіи достигала 8', нынѣ же она вѣроятно достигаетъ 16' выше ordinaria. Достойно замѣчанія обстоятельство что у Орсовы количество проточной воды въ настоящее время, даже во время половодья, меньше чѣмъ въ прежнее время. 5) Чѣмъ значительнѣе бассейны рѣки и чѣмъ далѣе, восходя по ея теченію, производятся наблюденія, тѣмъ болѣе становится разниа между уровнемъ ея и количествомъ воды за послѣднее время, сравнительно съ таковыми же за прежніе годы, а это явленіе указываетъ на уменьшеніе воды въ источникахъ и всѣхъ притокахъ питающихъ рѣку. Особенно важны въ этомъ отношеніи наблюденія произведенныя надъ нижнимъ теченіемъ Дуная, т.е. въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ русло его является пріемникомъ многихъ притоковъ, направленныхъ съ сѣвера на югъ (таковы Шила, Алута, Ардмизъ, Яломица, Сереть, Прутъ и другіе) и съ юга на сѣверъ (напримѣръ Тимокъ, Искаръ, Видъ, Осма, Янтра и др.), въ концѣ, по этой причинѣ, половодье наступаетъ въ разное время. Оказывается что высота уровня водъ Дуная съ теченіемъ времени уменьшается.

Уменьшеніе проточныхъ водъ въ означенныхъ германскихъ рѣкахъ подаетъ поводъ г. Вексу къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Послѣдовательное оскудѣніе водъ въ большихъ водныхъ артеріяхъ наводитъ на мысль объ уменьшеніи водъ и въ питающихъ ихъ малыхъ рѣкахъ и притокахъ. Заключеніе это оправдывается тѣмъ что на многихъ фабрикахъ, построенныхъ на рѣкахъ съ цѣлью воспользоваться живою силой падемія воды, вслѣдствіе уменьшенія послѣдней, принуждены были ввести паровыя машины.

2) Уменьшеніе воды въ германскихъ рѣкахъ не есть явленіе мѣстное, но по всѣмъ вѣроятностямъ происходитъ и въ другихъ странахъ Европы (къ сожалѣнію и у насъ въ Россіи) и въ прочихъ частяхъ свѣта и недалеко то время, когда главныя рѣки въ верхнемъ и среднемъ своемъ теченіи сдѣлаются вовсе несудоходными.

3) Рѣки меньшаго протяженія отъ недостатка воды лѣтомъ пересыхаютъ вовсе, весной же во время половодья онѣ превращаются въ бушующіе потоки (torrenti), разрушающіе все на пути своемъ. Такъ было, между прочимъ,

съ многочисленными рѣками вытекающими въ верхней Италіи изъ южныхъ склоновъ Альпійскихъ горъ, а также и въ Каринтіи.

Но если такъ, если дѣйствительно рѣки наши мѣлѣютъ и со временемъ угрожаютъ пересыханіемъ, то спрашивается: какая же этому причина? Какъ понимать что выхвѣтъ съ оскудѣніемъ воды въ рѣкахъ и источникахъ, половодья становятся все чаще и все губельнѣе? Какъ согласовать оба эти, повидимому, исключаютія другъ друга явленія?

Отвѣтъ на это мы получимъ, если обратимъ вниманіе на происхожденіе рѣчныхъ водъ и вообще на процессъ орошенія какой-либо мѣстности.

Многочисленныя наблюденія, измѣренія и вычисленія показываютъ что изъ всего количества выпадающихъ на данную площадь атмосферныхъ осадковъ (воды и снѣга), смотря по свойству данной мѣстности (ея наклонъ къ горизонтальной плоскости), свойству составляющихъ ее породъ (болѣе или менѣе поглощающихъ влажностъ) и по растительному покрову, лишь отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ этого количества жидкости стекаетъ непосредственно на самой поверхности почвъ въ русла рѣкъ и ихъ притоковъ, а отсюда (болѣе или менѣе быстро, судя по паденію) прямо въ Океанъ; остальное же $\frac{1}{6}$ до $\frac{2}{3}$ всего количества влаги *проникаетъ въ почву*, собирается въ земныхъ скважинахъ, подземныхъ вытѣслищахъ и также въ слояхъ проицаемыхъ для воды (напримѣръ песчаныхъ). Это-то количество просочившейся внутрь земли воды служить питателемъ нашихъ ключей и колодцевъ и составляетъ такъ-называемую подпочвенную воду. Что источники и рѣки существованіемъ своимъ обязаны именно этой *подземной* водѣ достаточнымъ доказательствомъ можетъ служить то что эта вода питаетъ наши рѣки, ключи и колодцы даже въ то время когда не выпадаетъ ни одной капли дождя въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль сразу. Правда что тогда количество воды, вълѣдствіе усиленнаго испаренія, значительно уменьшается, но достаточно чтобы въ окрестности выпалъ сильный дождь, и наши колодцы и ключи, вълѣдствіе просочившейся до нихъ подземной воды, снова достаточно снабжены ею. Вспомнимъ также что подпочвенной же водѣ обязаны мы произростаніемъ нашихъ растеній, всасывающихъ въ себя эту влагу посредствомъ корней.

Допустимъ теперь что вслѣдствіе какой-либо яричиной (о которой скажемъ въ послѣдствіи) влага, выпавшая изъ атмосферы на какую-либо площадь, менѣе всасывается въ почву, то-есть или быстро испаряется, или же быстро стекаетъ на самой поверхности въ рѣки и ихъ притоки. Ясно что вслѣдствіе такого быстрого приращенія количества воды русло рѣки все болѣе и болѣе наполнится; рѣка выступитъ изъ береговъ, и наводненіе послѣднихъ неизбежно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно что съ увеличеніемъ количества воды стекающей *по поверхности* земли, неминуемо должно воспослѣдовать уменьшеніе того количества которое, всасываясь и *проникая внутрь* почвы, питаетъ наши колодцы и источники, а вслѣдствіе этого количество воды въ послѣднихъ, а слѣдовательно и количество воды въ питаемыхъ ими рѣкахъ и притокахъ по необходимости должно уменьшаться.

Итакъ, если мы замѣчаемъ учащеніе и усиленіе половодій, то мы можемъ a priori заключить что значительная часть улавшей на землю атмосферной влаги (дождь и снѣгъ) стекла на ея поверхности, а не проникла въ землю, и что слѣдовательно подземные резервуары, питающіе наши ключи и источники, питающіе и наши растенія, по необходимости не заключаютъ въ себѣ столько воды сколько имѣли, еслибы послѣдняя могла проникнуть въ нижніе земные пласты. Другими словами, увеличеніе половодій и наводненій (даже въ томъ случаѣ если количество ежегодно выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ *остается неизмѣннымъ*) находится въ тѣсной связи съ оскуднѣніемъ проточныхъ водъ.

Что это дѣйствительно такъ, мы уже видѣли выше. Уменьшеніе водъ въ ключахъ стало особенно замѣтно во Франціи (въ Поату и въ департаментѣ Нижней Шаранты) съ 1825 года. Подобное же явленіе имѣетъ мѣсто и въ Германіи, въ особенности съ 1852 года, когда многіе колодцы, до сего времени изобиловавшіе водой, до того пересохли что пришлось или вовсе ихъ оставить, или же значительно углубить.

Можно привести нѣсколько еще болѣе осязательныхъ примѣровъ: извѣстно что Римъ, во время своего процвѣтанія, былъ изобильно снабженъ водой собственными ключами и водопроводами. Въ настоящее время многіе колодцы пересохли, а нѣкоторые водопроводы ничего не доставля-

ють; таковъ напимѣръ водопроводъ Aqua Virgine, имѣющій въ длину 20 километровъ. То же самое видимъ и въ Константинополѣ. Знаменитые водометы въ Версаль, стоившіе столько милліоновъ, въ настоящее время до такой степени терпятъ недостатокъ въ водѣ что послѣднюю приходится набирать въ продолженіе 23 часовъ для того чтобы заставить ее бить одинъ часъ, и теперь эти водометы показываются лишь одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подобное же замѣчается и въ знаменитыхъ вѣнскихъ садахъ: Belvedere, Schwarzenberg und Lichtensteingärten; знаменитые въ свое время ключи въ Schönbrunn теперь публичку болѣе не привлекаютъ и вовсе пересохли.

Что касается самаго города Вѣны, то тамъ уменьшеніе высоты уровня воды Дуная отозвалось и на водопроводахъ. Кромѣ 10.000 колодезей Вѣна имѣетъ еще девятнадцать водопроводовъ, чрезъ которые протекаетъ вода изъ окрестностей. Такъ какъ колодцы начали замѣтно пересыхать, а водопроводы тоже начали доставать менѣе воды чѣмъ прежде, то въ 1836 году устроенъ былъ новый водопроводъ (Kaiser Ferdinands-Wasserleitung) назначенный для доставленія воды городу, въ количествѣ 100.000 ведеръ ежедневно, изъ Дунайскаго канала близъ Нуседорфа. Вслѣдствіе паденія уровня воды Дуная и этотъ водопроводъ оказался недостаточнымъ и городу пришлось израсходовать шестнадцать милліоновъ гульденовъ на устройство новаго канала, длиной въ двѣ вѣмецкихъ милы, доставляющаго воды изъ Schneeberg'a въ количествѣ двухъ милліоновъ ведеръ ежедневно.

Уменьшенію проточной воды, по мнѣнію Бекеа, слѣдуетъ приписать безплодіе. нѣкогда столь цвѣтущей Персіи, а также уменьшеніе плодородія Палестины, Испаніи и Сициліи. Въ настоящее время, эти страны, столь прославленные въ древности богатствомъ растительности и изобиліемъ хлѣбныхъ растений, съ трудомъ доставляютъ пропитаніе своему населенію, хотя послѣднее значительно уменьшилось противъ прежняго. На нашихъ глазахъ возвышенность Каротъ въ Иллиріи мало-по-малу обратилась въ пустыню, благодаря пересыханію рѣкъ лѣтомъ и страшнымъ наводненіямъ тѣхъ же рѣкъ весной, покрывающимъ поля песчаными полосами и камнями. Обрати: прорытіе артезіанскихъ колодезей въ Сахарѣ видимо оказало пользу не только относительно доставленія воды путешественникамъ, но и

образованія оазиса изъ финиковыхъ пальмъ и другихъ тропическихъ растений у каждаго такого колодца. Известно также что со времени прорытія Суэзскаго канала и орошенія, вслѣдствіе этого, окрестныхъ полей посредствомъ многочисленныхъ обводныхъ каналовъ, растительность въ этихъ мѣстахъ и самый климатъ значительно улучшились.

II.

Причинами обуславливающими постепенное уменьшеніе водъ въ источникахъ и рѣкахъ Вексъ признаетъ слѣдующія:

1) Еще Берггаузъ и Мальтбрёнъ, указывая на уменьшеніе высоты уровня водъ Эльбы начиная съ 1782 года, причиной этого полагали *уменьшеніе количества атмосферныхъ осадковъ* выпадающихъ на площадь бассейна этой рѣки, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, которые „притяженіемъ оказываемымъ ими на атмосферную влагу и на электричество, увеличиваютъ атмосферные осадки.“ Въ свою очередь Вексъ не утверждая чтобы количество улаждающей влаги изъ атмосферы влаги уменьшилось сравнительно съ прежнимъ, указываетъ на сорокачетырехлѣтнія наблюденія Сейдла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Боденбахъ Богеміи, изъ коихъ явствуется что за послѣдніе двадцать два года количество выпадающей тамъ въ теченіе года влаги уменьшилось на 32 парижскихъ линіи, вслѣдствіе чего нѣкоторые сельскіе хозяйства въ Богеміи оставили земледѣліе, не возвращающее имъ даже посяговъ. Впрочемъ мы увидимъ ниже что съ мнѣніемъ о дѣйствительномъ уменьшеніи количества ежегодно выпадающей атмосферной влаги нельзя согласиться.

2) Главною причиною уменьшенія проточныхъ водъ Вексъ признаетъ *истребленіе лѣсовъ* и въ этомъ отношеніи мнѣніе его согласно съ мнѣніемъ многихъ ученыхъ. Дѣйствительно, вслѣдствіе физическихъ своихъ свойствъ, лѣсными насажденіями много должны способствовать переходу водяныхъ паровъ изъ газообразнаго въ жидкое состояніе. Находясь въ тѣни, лѣсная почва лѣтомъ и днемъ менѣе нагревается, чѣмъ открытая мѣстность и испареніе тамъ происходитъ гораздо медленнѣе чѣмъ въ полѣ—по меньшей мѣрѣ въ 4 или 5 разъ; поэтому атмосферная влага упавшая въ лѣсу остается тамъ долѣе и успѣваетъ пресачиваться въ землю. Съ дру-

гой стороны, разность температуры лѣса и открытаго поля причиняетъ воздушныя теченія, а водяныя пары, при встрѣчѣ съ холодною листвою, достигаютъ точки насыщенія и превращаются въ капельножидкое состояніе. Далѣе, хотя по причинѣ лиственного покрова, на почвѣ покрытой лѣсомъ выпадаетъ менѣе дожда чѣмъ на открытомъ полѣ (около 75%), но за то капли дожда достигаютъ земли съ меньшею скоростью, а потому не образуютъ потоковъ, но всасываются въ землю, въ особенности благодаря многочисленнымъ корнямъ, ихамъ, лишаямъ и сгнившимъ лѣсамъ, коими такъ богатъ лѣсъ и которые весьма жадно впитываютъ въ себя влажностъ. Вспомнимъ также что перегной покрывающій собою лѣсную почву поглощаетъ вдвое болѣе влажности, чѣмъ открытое поле, даже покрытое травой. Кромѣ того испареніе воды въ лѣсу лѣтомъ происходитъ весьма медленно какъ по причинѣ меньшей температуры сравнительно съ открытымъ полемъ, такъ и по той причинѣ что благодаря лиственному покрову и многочисленнымъ древеснымъ стволамъ и лѣсамъ, вѣтеръ внутри лѣса имѣетъ гораздо меньшую скорость и кромѣ того даже испарившаяся влага, при поднятіи своемъ встрѣтивъ холодную нижнюю поверхность листа, опять превращается въ капли и снова падаетъ на ту же лѣсную почву.

Если такимъ образомъ теоретическія разсужденія указываютъ намъ на важностъ лѣса и вліяніе его на количество жидкости впитывающей въ землю и поддерживающей наши источники и рѣки, то съ другой стороны многіе факты доказываютъ намъ справедливостъ этихъ теоретическихъ воззрѣній. Такъ во Франціи со времени французской революціи началось безпопечное истребленіе лѣсовъ, стали замѣчать обмелѣніе рѣкъ и одновременное измѣненіе климата, обнаружившееся на растительности. Въ Виваре (Vivara) въ XVI вѣкѣ виноградъ созрѣвалъ даже на высотѣ 1.800 надъ уровнемъ моря, теперь же онъ спѣетъ лишь въ долинахъ, и уборка винограда происходившая въ прежнія времена въ концѣ сентября, имѣетъ мѣсто теперь лишь 8—15 октября. Въ Каркассонѣ маслина въ продолженіе ста лѣтъ подвинулась на 2—2½, географическихъ миль болѣе къ югу. Въ Провансѣ прежде воздѣлывался сахарный тростникъ; теперь его вѣтъ тамъ, а апельсинныя, созрѣвавшіе прежде въ Хіерсе (Nîmes), теперь не могутъ зрѣть болѣе, а потому тамъ

алесянные деревья замѣнены абрикосовыми и миндальными. Въ Англіи прежде жители занимались разведеніемъ винограда какъ промысломъ, въ настоящее же время виноградъ слѣдуетъ лишь въ совершенно закрытыхъ мѣстахъ и то съ величайшимъ трудомъ. Когда въ Кастиліи, вслѣдствіе предразсудка жителей, полагавшихъ что лѣса притягиваютъ грозу, началось повсемѣстное истребленіе лѣсовъ, рѣки стали пересыхать и почва стала несравненно менѣ плодородною. Швейцарскія озера Біенское и Нефшательское уменьшились вслѣдствіе той же причины. Оскуднѣніе рѣкъ и озеръ вслѣдствіе истребленія лѣсовъ замѣтно не въ одной Европѣ: когда въ XV вѣкѣ на островѣ Мадерѣ пожаръ истребилъ лѣса, тамъ одновременно уменьшилось количество дождливыхъ дней. По наблюденіямъ Буссево, въ Южной Америкѣ ключъ исчезъ вслѣдствіе лѣсной порубки и появился снова, когда лѣсъ выросъ. Въ Венецуэлѣ, уровень воды въ озерѣ Такаригуа, вслѣдствіе значительныхъ лѣсныхъ порубокъ, произведенныхъ переселившимися туда Испанцами, повизился, но опять достигъ прежней своей высоты во время войны за независимость, когда о лѣсахъ заботились мало. Подобное же явленіе повторилось и въ Новой Гравадѣ, на Антильскихъ островахъ и въ Мексикѣ. Ученый Мельдрумъ (Meldrum) на островѣ Маврукія наблюдалъ значительное уменьшеніе воды и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе половодій съ тѣхъ именно поръ какъ вырублено было 70.000 десятинъ лѣса. Подобное же усмотрѣно и въ верхней Италіи: когда началась постройка желѣзныхъ дорогъ и на однихъ шпалахъ срублено было 20 милліоновъ деревьевъ, стали замѣчать пересыханіе лѣтомъ многочисленныхъ рѣкъ и одновременно выступленіе ихъ изъ береговъ весной. По причинѣ весьма значительнаго истребленія лѣсовъ, частію вслѣдствіе увеличенія мануфактурной дѣятельности и количества паровыхъ машинъ, частію же вслѣдствіе проведенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, наши рѣки обмелѣли и явленіе это замѣчается именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ истребленіе лѣсовъ идетъ особенно быстро, на примѣръ въ бассейнахъ Днѣстра, Днѣпра, Западной Двины, Буга, Дона и Волги. Въ высшей степени пострадали отъ этого наши южныя губерніи: истребленіе лѣсовъ въ средней полосѣ Россіи вредно отозвалось на эти губерніи, причинивъ обмелѣніе многочисленныхъ рѣкъ: когда рѣчекъ Новороссійскаго края и даже совершенное

ихъ пересыханіе. Вслѣдствіе этого край этотъ все болѣе и болѣе страдаетъ отъ засухъ и трудъ земледѣльца пропадаетъ даромъ. Измѣнился и климатъ тамошнихъ мѣстъ и въ значительной степени замѣчается оскудѣніе растительности.

Мы уже выше указали на физическія свойства лѣса, обуславливающія большое впитываніе въ почву испавшей атмосферной влаги. Обратное явленіе произойдетъ вслѣдствіе истребленія лѣса, въ особенности на отлогостяхъ горъ и кручахъ, которыя также, къ сожалѣнію, часто подвергаются обезлѣсенію, съ цѣлью отдать эти пространства подъ посѣвъ. Не трудно видѣть весь вредъ отсюда происходящій:

а) Вслѣдствіе быстрого таянія снѣга на почвѣ обнаженной отъ лѣсныхъ насажденій накапливается вдругъ много воды, внезапно и быстро направляющей свое теченіе къ рѣчному руслу, какъ самому низменному мѣсту; уровень воды быстро увеличивается, рѣка выходитъ изъ береговъ и затопляетъ окрестныя поля.

б) На горныхъ склонахъ и кручахъ ручьи, образовавшіеся отъ таянія снѣговъ, а также и отъ дождей, собираются быстро воедино; образуется быстрый потокъ, разрушающій все на пути своемъ, уносящій плодородную землю и обнажающій утесы. По обнаженнымъ такимъ образомъ рывинамъ вода течетъ еще быстрее, уноситъ множество камней, корней, лѣпей и т. л. и отлагая все это на пахотныя поля, дѣлаетъ ихъ совершенно негодными ни для произрастанія озимыхъ хлѣбовъ, ни для засыванія яровыми. О вредѣ причиняемомъ наводненіями находящимся близъ рѣки строеніямъ, мельницамъ, фабрикамъ нечего и говорить.

в) Образовавшіеся потоки причиняютъ не только временный вредъ, но и на будущее время, такъ какъ они уносятъ перегной (humus) и обнажаютъ утесы; уносятъ сплетшіеся корни растений и тѣмъ облегчаютъ дальнѣйшіе разливы. Кроме того эти потоки своею стремительностью уничтожаютъ молодую поросль и такимъ образомъ не только вредятъ взрослымъ, но и нарождающимся растеніямъ, коимъ суждено съ трудомъ прозябать на обнаженной почвѣ, лишенной перегноя и покрытой камнями и тому подобными обломками.

Такимъ образомъ усматривается тѣсная связь между обезлѣченіемъ рѣкъ и увеличеніемъ половодій; оба эти явленія относятся къ истребленію лѣсовъ какъ слѣдствія къ при-

чить. Много различныхъ и часто противорѣчащихъ мнѣній и воззрѣній высказываемо было касательно вліянія лѣсоистребленія на уменьшеніе проточныхъ водъ и вообще вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ метеорологіи и климатологіи. Но если о вліяніи обезлѣсенія на количество водъ въ нашихъ источникахъ и рѣкахъ спорить можно, то съ другой стороны несомнѣнно и всеми признано увеличеніе половодій и наводненій вслѣдствіе означенной причины какъ *обусловливающей измѣненіе въ водоволгъ распредѣленіи (régime) водъ*. Если разъ вода стремительно проявилась въ видѣ бурнаго потока, то количество ея въ послѣдствіи естественно должно уменьшиться и обмелѣніе рѣкъ въ остальное время года не замедлитъ обнаружиться, со всеми своими губельными послѣдствіями, каковы: прекращеніе или замедленіе рѣчнаго судоходства, приостановка мельницъ и фабрикъ, опустошеніе полей, разрушеніе цѣлыхъ селеній, гибель труда земледѣльца, образованіе на плодородныхъ доселѣ поляхъ болотъ, распространяющихъ міазмы. „Благодаря увеличившейся современной культурѣ почвы, безплощадно истребляющей лѣса, говоритъ Дове, Европа приготовляетъ себѣ все болѣе и болѣе неправильное распредѣленіе дождей, вслѣдствіе чего наши рѣки значительную часть года почти безводны, между тѣмъ какъ на короткое время онѣ наполняются такимъ громаднымъ количествомъ воды, которое онѣ не въ состояніи унести въ море.“ Говоря объ измѣненіи климата Сѣверной Америки вслѣдствіе обезлѣсенія, Дове замѣчаетъ что послѣднее остается безъ вліянія на *количество* атмосферныхъ осадковъ, но вліяетъ на *распредѣленіе* этихъ осадковъ въ теченіе года; противоположность между сухимъ и дождливымъ временемъ года становится рѣзче (*entschiedener*), подобно какъ мы замѣчаемъ это въ долинахъ Роны со времени французской революціи, когда истребленіе лѣсовъ предоставлено было произволу каждаго.

Что дѣйствительно увеличеніе половодій и наводненій находится въ тѣсной зависимости отъ истребленія лѣсовъ, можно доказать множествомъ фактовъ. Мы уже указали на обмелѣніе рѣкъ Франціи, начиная съ 1793 года. Но именно съ этого самаго времени начинаютъ жалобы меровъ разныхъ департаментовъ на усилившіяся наводненія. „Убытки отъ наводненій считаются у насъ милліонами“, значитъ въ

отчетъ одного мера; „рѣка Гаръ въ нынѣшнемъ (1793) году подымалась на 18 — 20 футовъ выше ordinaria“. „Лѣса не предохраняютъ насъ болѣе отъ сѣверныхъ вѣтровъ, жалуются другой, всѣ труды крестьянина погибли; множество различныхъ деревъ померзло, а постигшія насъ наводненія довершили разореніе.“ „Вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, доноситъ третій, ливни уносятъ плодородную землю; нѣтъ пастбищъ для скота, погибла жатва; наводненія все усиливаются и въ нынѣшнемъ (1795) году рѣка Савъ (Save) двѣнадцать разъ вышла изъ береговъ.“ И то же самое гласятъ множество скорбныхъ листовъ французскихъ меровъ о состояніи прекрасной некогда страны! Можно возразить что меръ не ученый ех профессоръ; меръ можетъ легко поддаваться предвзятому, но ошибочному мнѣнію публики, можетъ напрасно обвинять ничѣмъ неповинныхъ истребителей лѣсовъ. Но вотъ, между прочимъ, и научное подтвержденіе этого грустнаго факта: изъ наблюдений надъ половодьями, сообщенныхъ въ 1861 году Парижской Академіи Наукъ ученые производившіе эти наблюденія (Jeandel, Contégril и Bellaud) вывели заключеніе что насажденіе лѣсовъ есть дѣйствительнѣйшее средство противъ наводненій: „достаточно данное пространство, находящееся при равныхъ иныхъ условіяхъ съ другимъ, ему сосѣднимъ, обезлѣситъ на половину, чтобы тотчасъ *увеличить вдвое* наводняющую способность (action in-pondante).“ Обратное: въ той же Франціи замѣчено что начиная съ 1600—1860 годъ половодья Сены уменьшились постепенно съ 8,34 до 6,47 метровъ. Это объясняется тѣмъ что именно бассейны Сены болѣе чѣмъ какой-либо иной рѣчной бассейнъ Франціи предохраняемъ былъ правительствомъ отъ значительныхъ и неправильныхъ лѣсныхъ порубокъ съ цѣлью доставлять Парижу дешевое топливо.

Обезлѣсеніе не замедлило оказать губительныя вліянія на увеличеніе половодій въ Швейцаріи, Италіи и въ особенности въ Австріи. За послѣдніе десять лѣтъ въ послѣдней странѣ слышатся повсюду непрерывныя жалобы на увеличеніе быстроты горныхъ потоковъ, на частые наводны ила, песка, камней, на гибель поствовъ. Въ особенности въ послѣднее время страдаютъ отъ наводненія Тироль, Штирія и Каринтія: въ мѣстахъ гдѣ наводненій прежде вовсе не бывало, они стали ежегоднымъ явленіемъ и вредъ ими наносимый все болѣе и болѣе увеличивается. По мнѣнію

ученыхъ гидравликовъ, наводненія и слѣдующія за тѣмъ обмелѣнія австрійскихъ рѣкъ увеличиваются до такой степени что нельзя болѣе полагаться на судоходство даже самаго Дуная, несмотря на значительныя суммы потраченныя на регулированіе его фарватера.

Что касается Россіи, то тутъ, къ сожалѣнію, мы должны ожидать еще болѣшихъ наводненій чѣмъ въ западной Европѣ, по причинѣ: а) незначительности паденія рѣкъ и рѣчныхъ долинъ; б) измѣнности береговъ рѣкъ, въ особенности въ верхнемъ и нижнемъ ихъ теченіи; в) огромной массы снѣга выпадающей зимою и г) быстрого появленія весеннихъ дней, сопровождающагося столь же быстрымъ таяніемъ снѣговъ. Императорская С.-Петербургская Академія Наукъ признаетъ что бѣдствія причиняемая отъ наводненій Волги, Дона и Днѣпра были бы значительно уменьшены, если бы лѣса наши были предохраняемы отъ истребленія. Въ бассейнахъ Днѣстра, Днѣпра, Буга, Дона и Западной Двины, гдѣ лѣсоистребленіе, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и фабрикамъ, идетъ весьма быстро, бѣдствія отъ наводненія особенно чувствительны. Минувшій 1877 годъ въ этомъ отношеніи былъ одинъ изъ самыхъ бѣдственныхныхъ. Уже съ марта мѣсяца газеты стали почти ежедневно приносить извѣстія о страшныхъ наводненіяхъ, о разрушенныхъ строеніяхъ, поврежденныхъ полотнахъ желѣзныхъ дорогъ и о несчастныхъ случаяхъ съ лошадьми. Западная Двина причинила въ Ригѣ громадныя убытки; часть полотна Лавдарово-Роменской желѣзной дороги была размыта выступившими рѣками и то же самое случилось съ Ростово-Воронежскою линіей. Въ мартѣ мѣсяцѣ южный Бугъ разрушилъ совершенно 50 и значительно повредилъ 120 домовъ. Днѣстръ въ Могилевѣ разрушилъ 440 домовъ, причемъ погибло много людей. Наводненіе Днѣпра причинило много бѣдствій; въ одномъ Кіевѣ затоплено болѣе 600 домовъ. Въ особенности же пострадалъ Кременчугъ, весь затопленный въ началѣ апрѣля; вода доходила до третьяго этажа и много домовъ унесено или разрушено до тла; погибло много людей и 1400 семействъ остались безъ куска хлѣба. Пароходъ принадлежавшій Днѣпровскому обществу пароходства плавалъ по улицамъ Кременчуга, а на поляхъ найдены были трупы, унесенные водой изъ кладбищъ. По изслѣдованіямъ г. Борисяка оказывается, что въ періодъ 1852—1856 года, половодія Дона постепенно увеличивались,

что, по его мнѣнію, обуславливалось быстрымъ таяніемъ снѣговъ вслѣдствіе истребленія лѣсовъ. Замѣчено также что весенняя водополь рѣки Гжати въ последнее время стала значительнѣе; при этомъ время продолженія ея сократилось, такъ что суда до спада водъ не успеваютъ перейти всю рѣку и часто становятся на мель вслѣдствіе весьма быстрого пониженія водъ. По этой причинѣ пристаива на рѣкѣ Гжати съ каждымъ десяткомъ лѣтъ спускаются съ ея верховьевъ все ниже и ниже къ устью и не трудно предвидѣть что со временемъ судоходство по этой рѣкѣ прекратится вовсе.

Кромѣ изложенныхъ выше двухъ главныхъ причинъ обуславливающихъ уменьшеніе проточныхъ водъ Вексъ признаетъ еще слѣдующія:

3) *Осушеніе озеръ и прудовъ, а также и болотъ.* Эти водохранилища являются питателями нашихъ ключей и рѣкъ въ томъ отношеніи, что собираютъ и хранятъ дождевую воду, которая безъ того быстро унеслась бы въ рѣки. Изъ этихъ резервуаровъ вода посредствомъ подземныхъ каналовъ можетъ медленно проникнуть до ключей и такимъ образомъ медленно и постоянно снабжать послѣдніе водой. Кромѣ того озера, пруды и болота представляютъ значительную поверхность испаренію накопившейся въ нихъ дождевой воды; испарившаяся же вода, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вновь ниспадаетъ на землю въ видѣ капель, вновь просачивается въ почву и рано или поздно увеличиваетъ собою количество проточныхъ водъ.

На вліяніе какое оказываетъ на рѣки осушеніе озеръ прудовъ и болотъ, а также устройство *водопроводныхъ каналовъ*, пролагаемыхъ на поляхъ и въ городахъ (вслѣдствіе чего дождевая вода, не влившаяся въ почву, быстро сползаетъ въ рѣки и способствуетъ ихъ половодью) уже указалъ Беккерель старшій въ замѣчательномъ донесеніи своемъ Французской Академіи Наукъ, а также и профессора Kerner и Hunfalvy, специально разсматривавшіе этотъ вопросъ въ отношеніи къ Венгріи. Наблюденія этихъ ученыхъ доказали что вслѣдствіе означенныхъ причинъ испареніе уменьшается и сухость воздуха увеличивается, каимъ приобретаетъ болѣе континентальный характеръ, подпочвенныя воды уменьшаются, и вслѣдствіе этого понижается и уровень водъ въ рѣкахъ.

4) Четвертою причиною Вексъ признаетъ постепенно *увеличивающуюся обработку и застѣваніе полей*, такъ какъ наши хлѣбныя растенія, кормовыя травы и сочныя садовыя растенія поглощаютъ значительное количество влаги и потому меньшее количество оной приходится на текуція воды. Хотя съ перваго раза это обстоятельство кажется маловажнымъ, но тѣмъ не менѣе Вексъ обращаетъ на него вниманіе по той причинѣ, что излишекъ поглощенія атмосферной влаги вслѣдствіе усилившейся обработки почвы происходитъ на цѣлой поверхности рѣчныхъ бассейновъ и слѣдовательно на громадныхъ пространствахъ.

5) *Порубка лѣсовъ на возвышенностяхъ* и усиливающіеся вслѣдствіе сего потоки во время таянія снѣговъ и дождей признаются также причиною вліяющею на уменьшеніе рѣчныхъ водъ. Объ этомъ подробно нами было сказано выше.

6) На уменьшеніе текущихъ водъ, по мнѣнію Векса, вліяетъ также *увеличивающееся народонаселеніе и количество домашнихъ животныхъ*, потребляющихъ много воды изъ источниковъ, колодезевъ и рѣкъ. Принимая въ разчетъ что въ населенныхъ мѣстностяхъ вмѣстѣ съ домашними животными каждый житель потребляетъ воды круглымъ числомъ до двухъ кубическихъ футовъ въ сутки, изъ коихъ половина возвращается обратно, Вексъ исчисляетъ что на площади Дунайскаго бассейна выше Орсовы, въ продолженіе 32 лѣтъ, народонаселеніе увеличилось почти на шесть милліоновъ, что въ сутки даетъ увеличеніе потребленія воды на шесть милліоновъ куб. футовъ; а слѣдовательно въ продолженіе года около 2.190.000.000 кубическихъ футовъ воды вливаются въ русло Дуная менѣе прежняго и этимъ объясняется уменьшеніе уровня водъ близъ Орсовы за послѣднее время.

Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Народонаселеніе увеличивается не настолько быстро чтобы могло причинить замѣчаемое уменьшеніе проточныхъ водъ; даже, не во всѣхъ мѣстностяхъ означенное явленіе происходитъ совместно съ увеличеніемъ народонаселенія; наконецъ, если число домашнихъ животныхъ идетъ увеличиваясь, то несомнѣнно что число животныхъ въ дикомъ состояніи, благодаря постоянному ихъ истребленію въ особенности же уменьшенію лѣсовъ, значительно сократилось противъ прежнихъ временъ, а вмѣстѣ съ этимъ естественно должно было уменьшиться количество потребляемой этими животными воды.

III.

Мы рассмотрѣли причины и слѣдствія уменьшенія нашихъ текучихъ водъ. При этомъ рождается весьма важный вопросъ: нельзя ли хоть нѣсколько предотвратить грозящаго если не намъ, то по крайней мѣрѣ будущимъ поколѣніямъ бѣдствія, или же это есть зло непоправимое никакими усиліями человеческими? Еслибы, говоритъ Бексъ, уменьшеніе водъ на земной поверхности было результатомъ постоянно и неустойчиво дѣйствующихъ силъ природы, то намъ не оставалось бы ничего болѣе какъ сознать свое безсиліе, преклоняться предъ угрожающею человечеству грустною будущастью, предоставляя грядущія поколѣнія на произволъ судьбы. Къ счастью однакоже дѣло еще поправимо и отъ насъ зависитъ принять мѣры противъ уменьшенія нашихъ текучихъ водъ. Мы должны благоразумно извлекать выгоды изъ земной поверхности посредствомъ ея обработки, а не самопроизвольно и себялюбиво измѣнять оную такимъ образомъ чтобы неразумно извлекая всю возможную для себя выгоду временно, ничего не оставлять въ будущемъ ни для себя, ни для грядущаго потомства. Дружными и одновременными усиліями многихъ лицъ угрожающее бѣдствіе отъ уменьшенія водъ можетъ если не совсѣмъ быть устранено, то по крайней мѣрѣ отодвинуто на громадный промежутокъ времени. Если предки наши, раннею культурой земной поверхности, позаботились о насъ, то наша обязанность — озаботиться о нашихъ потомкахъ.

Что же мы можемъ дѣлать въ настоящее время для предотвращения уменьшенія водъ въ нашихъ источникахъ и рѣкахъ, для предотвращения или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія бѣдствій происходящихъ отъ наводненій? Какія мѣры надлежитъ принимать противъ этого и можно ли быть увѣреннымъ что мѣры эти дѣйствительно приведутъ къ желанной цѣли?

Мѣры эти, по мнѣнію Бекса, приводятся къ слѣдующему

1) Противъ произвольнаго и весьма нерѣдко неразумнаго истребленія лѣсовъ правительство должно принять дѣятельныя и строгія мѣры узаконеніями устанавливающими повсюду

правильную рубку лѣса и безусловно запрещающими рубку въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обезлѣсеніе положительно угрожаетъ опасными послѣдствіями для мѣстности. Узаконенія эти должны распространяться не только на казенные, но и на лѣса частныхъ владѣльцевъ. Тутъ очевидно не приложимо правило о неприкосновенности чужой собственности и о невмѣшательствѣ въ чужія дѣла: если всюду и всегда правительство не только въ правѣ, но и обязано воспретатьствовать дѣйствіямъ отдѣльныхъ лицъ направленнымъ ко вреду или ущербу ближняго (например, заводить въ центрѣ города фабрику, угрожающую опасностью или вредомъ окрестнымъ домамъ или жителямъ; оставлять безъ поправки ветхое зданіе, грозящее паденіемъ; копать яму или каналъ, угрожающіе паденіемъ мимопроходящему и т. п.), то, безъ сомнѣнія, право это вполнѣ предоставляемо правительству и въ тѣхъ случаяхъ, когда произвольное, беспощадное и неправильное истребленіе частныхъ лѣсовъ угрожаетъ (или въ послѣдствіи угрожать можетъ) бѣдствіемъ цѣлому краю.

Уже давно важность лѣса признана учеными и государственными людьми. Во Франціи, въ царствованіе Людовика XIV, геніальный Кольберъ въ 1669 году издалъ строгіе законы противъ лѣсоистребленія и эти законы болѣе столѣтія оказались благотѣльными во Франціи. Во время же французской революціи законы эти были отменены, и мы уже выше видѣли несчастныя послѣдствія этого, начиная съ 1793 года. Въ 1859—1860 годахъ изданы были новые законы касательно охраненія лѣсовъ и постановлено, что въ продолженіе десяти лѣтъ государство затрачиваетъ по милліону франковъ ежегодно на вспоможеніе лѣсовладѣльцамъ. Въ Шотландіи уже съ 1810 года постановлены правительствомъ ежегодная премія за лѣсныя насажденія. Въ Америкѣ, гдѣ истребленіе лѣсовъ производится также въ грандіозныхъ размѣрахъ, штатомъ Массачусетсомъ назначена премія въ 10.000 долларовъ выдаваемая чрезъ каждыя пять лѣтъ тому изъ земледѣльцевъ кто въ теченіе этого времени засадилъ деревьями наибольшее пространство земли.

Хотя у насъ закономъ 18го ноября 1796 года наложенъ былъ строжайшій запретъ на лѣсоистребленіе, но запрещеніе это имѣло въ виду лишь охраненіе мѣтвого лѣса. Законъ же 1803 года хотя и подтвердилъ необходимость охра-

ненія лѣсовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ чтобы крестьянинъ не терпѣлъ недостатка въ лѣсномъ матеріалѣ. Последняя мѣра, сама по себѣ въ высшей степени гуманная, имѣла однакоже послѣдствіемъ множество лѣсъ разныхъ видамъ и предлогами злоупотребленій, что повело къ безпощадному истребленію лѣсовъ, въ особенности въ послѣднее время, благодаря увеличившемуся народонаселенію, разномноженію фабрикъ, употребляющихъ много паровыхъ машинъ, быстрому расширенію сѣти желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій. Когда въ 1842 году, Мурчисонъ совершилъ свое геологическое путешествіе по Россіи, покойный государь Николай Павловичъ предложилъ ему вопросъ: „Что всего болѣе въ Россіи привлекло его вниманіе и поразило его при обзорѣ страны?“—„Меня всего болѣе поразила, отвѣтилъ великій геологъ, та быстрота съ которою истребляются лѣса по всему пространству вашего государства. Я не могу не заявить о томъ вашему величеству и умоляю васъ, во имя человечества, принять теперь же самыя энергическія мѣры къ прекращенію этого безразсуднаго расхищенія, грозящаго гибелью вашему прекрасному отечеству.“ Такъ выразился Мурчисонъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда лѣса еще не истреблялись въ такомъ громадномъ размѣрѣ какъ теперь, когда фабричная дѣятельность была гораздо менѣе развитой, когда наконецъ въ Россіи не было ни одной желѣзной дороги? Что сказалъ бы великій геологъ теперь, еслибы былъ свидѣтелемъ съ какою поразительною быстротою истребляются наши лѣса, не только въ средней и южной полосу Россіи, гдѣ имѣется наибольшее число желѣзныхъ дорогъ, но и на сѣверѣ; еслибы видѣлъ какъ легкомысленно отдаются на истребленіе вѣковые лѣса за ничтожную плату. Такъ, напримѣръ, еще въ 1875 году въ Вытегорскомъ уѣздѣ (Олонецкой губ.), по контракту, заключенному на *дѣсять лѣтъ*, одна компанія получила право на вырубку ежегодно тысячи десятинъ корабельнаго лѣса (платя за десятину 33—36 р.) и сверхъ того еще 15.000 куб. саж. дровянаго лѣса! А между тѣмъ лѣсъ этотъ, принадлежащій частію казнѣ, отчасти же частнымъ лицамъ, одинъ изъ лучшихъ въ губерніи!

2) Насажденіе лѣсовъ сѣдуетъ вполнѣ поддерживать установленіемъ премій, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гнѣхъ почва предоставляетъ значительныя къ тому

препятствія. На первое время эти плантаціи должны быть изъяты изъ поземельной подати, такъ какъ онѣ являютъ владѣльцу пользу лишь спустя 30—50 лѣтъ. Кромѣ того всѣчески надлежитъ распространять въ публичкѣ сочиненія, въ коихъ бы понятнымъ для всѣхъ образомъ изложена была вся необходимость и польза лѣсовъ и вредъ происходящій отъ ихъ истребленія. Правительство само должно подавать благой примѣръ установленіемъ правильнаго хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ и строгихъ взысканій съ нарушителей правилъ лѣсоводства, а также и разведеніемъ лѣсовъ на пустыряхъ, въ особенности же на горныхъ склонахъ и крутыхъ рѣчныхъ берегахъ. Такъ вслѣдствіе обласненія острова Св. Елены, тамъ въ настоящее время выпадаетъ двойное количество дождя, чѣмъ во время заточенія Наполеона I. Другой примѣръ представляетъ намъ Нижній Египетъ: во время знаменитой французской экспедиціи (1799), въ Каирѣ въ продолженіе вѣлаго года насчитывали лишь пять или шесть дождливыхъ дней. Когда же Мегеметь-Али и его наследникъ велѣли насадить двадцать милліоновъ деревьевъ, дожди въ Каирѣ стали выпадать 21—30 дней въ году и притомъ довольно обильно, такъ что въ народѣ существуетъ повѣрье что родъ Мегемета-Али волшебствомъ перенесъ съ собою дожди въ Египетъ.

3) Обезащесненіе крутыхъ отлогостей и волахиваніе ихъ слѣдуетъ строго запретить; въ противномъ случаѣ во время сильныхъ ливней (или таянія снѣговъ) сносятся въ рѣки большія массы земли, песка и камней; происходятъ обвалы, увесимые водой въ рѣки, русла которыхъ вслѣдствіе этого засариваются и изводненія усиливаются. На тѣхъ отлогостяхъ гдѣ подобныя размывы уже имѣютъ мѣсто, надлежитъ всѣчески препятствовать дальнѣйшему ихъ распространенію разведеніемъ кустарниковъ и растеній коихъ спадающіеся корни представляютъ значительное препятствіе теченію воды. Если же размывы достигли уже такого предѣла что средствами частныхъ лицъ устранить бытъ не могутъ, то надлежитъ обратиться къ государственной помощи правительства.

4) Для устраненія отложеній на нолѣ камней, увесимыхъ водой съ крутыхъ отлогостей, для уменьшенія также стремительности потоковъ, весьма полезно прокопать на означенныхъ отлогостяхъ поперечные рыи и буде возможно въ

нѣсколько рядовъ. Этой цѣли достигаютъ также механическія загражденія (Thalsperren).

5) Существующіе озера и пруды не только не должны быть осушаемы, но напротивъ углубляемы, такъ какъ они воспринимаютъ въ себя и лишнюю воду и уносимые ею твердые наносы. Издержки на углубленіе частію окупаются тѣмъ что илъ, извлекаемый изъ прудовъ, служитъ отличнымъ удобреніемъ для окрестныхъ полей.

6) Вблизи рѣкъ и притоковъ особенно часто выступающихъ изъ своихъ береговъ полезно устроить большіе водоемы и резервуары, куда, во время половодья, можетъ стекать излишняя вода и отсюда уже выпускаться мало-помалу. Въ остальное же время года эти мѣста могутъ съ пользою быть засѣваемы или служить пастбищемъ.

7) Изъ означенныхъ выше бассейновъ должны по всѣмъ направленіямъ (насколько позволяетъ мѣстность) быть проводимы каналы и ры вѣ окрестныя мѣста, нуждающіяся въ водѣ. Вслѣдствіе этого вода, гибельная своимъ извѣстествомъ въ одномъ мѣстѣ, разольется по полямъ удаленнымъ, разнося повсюду плодородіе.

8) Въ долинахъ, не позволяющихъ быстрого стока водъ, надлежитъ (Дюма) устроить колодцы, діаметромъ въ два метра, простирающіеся до водопроницаемыхъ слоевъ. Подобные колодцы, наполняемые камнями, щебнемъ и пескомъ, вбираютъ въ себя воду и послѣдняя мало-помалу, проникая далѣе, достигаетъ наконецъ источниковъ и ключей и вновь участвуетъ въ круговращеніи атмосферной влаги. Мюло вблизи Парижа устроилъ нѣсколько подобныхъ *поглощающихъ артезіанскихъ колодцевъ*, имѣющихъ 81 метръ глубины и 0,15 метр. въ діаметръ и поглощающихъ 100 кубическихъ метровъ воды въ часъ.

9) На обширныхъ равнинахъ не представляющихъ удобнаго стока для воды, надлежитъ устроить сѣтъ подземныхъ каналовъ, шириной и глубиной въ 0,5 метра и сверху покрытыхъ камнями, щебнемъ и землей. Подобные *фильтры* въ высшей степени способствуютъ стоку дождевой воды въ низшіе подземные слои.

10) Если данная мѣстность такова что несмотря на употребленіе вышеописанныхъ средствъ къ предотвращенію наводненій, рѣка, во время проливныхъ дождей, выступаетъ изъ береговъ, то остается регулировать ея теченіе

приведеніемъ ширины русла къ опредѣленной нормѣ, вслѣдствіе чего само русло углубляется, скорость теченія увеличивается, высота уровня водъ понижается, и вслѣдствіе этого устраняется возможность наводненія. Такъ регулирование Рейна между Гюнгянгеномъ и Мангеймомъ въ 1817 году имѣло слѣдствіемъ уменьшеніе высоты половодья почти на шесть футовъ и предотвращеніе наводненія во многихъ мѣстахъ.

11) Обводные каналы также оказываютъ отличную пользу, какъ потому что уменьшаютъ временное накопленіе водъ въ рѣкѣ, такъ и потому что сами служатъ путями сообщенія несравненно болѣе дешевыми, чѣмъ желѣзныя и шоссейныя дороги. Кроме того площадь испаренія воды увеличивается и верѣдко самыя русла такихъ каналовъ способствуютъ просачиванію воды въ низшіе слои, а слѣдовательно и питанію ключей.

Конечно, всѣ изложенные здѣсь способы требуютъ значительной затраты труда и капитала, но за то и окупаются съ избыткомъ. Эту истину постигли Китайцы еще за долго до Рождества Христова. Многія рѣки, берущія свое начало въ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горныхъ краяхъ, весной и во время проливныхъ дождей издавна причиняли въ Китаѣ громадныя наводненія, наводнившія нечисланныя бѣдствія этой прекрасной странѣ. Но еще въ 2300 году до Рождества Христова Китайское правительство обратило на это вниманіе и съ того времени начались громадныя, безпримѣрныя гидравлическія работы. Теченіе нѣкоторыхъ рѣкъ было измѣнено, выкопаны бассейны, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ протяженіе 38—78 квадратныхъ миль. Затѣмъ проведены были 4.000 каналовъ имѣющихъ многія тысячи миль въ длину и образующихъ собою цѣлую сѣть. Для предотвращенія губельныхъ наводненій, верхнее теченіе одной изъ рѣкъ пришлось отклонить на востокъ, причемъ взорвана была часть горнаго хребта. Въяцѣмъ всѣхъ этихъ неслыханныхъ гидравлическихъ работъ былъ Императорскій каналъ, простиравшійся отъ сѣвера къ югу на протяженіи 250 (а по нѣкоторымъ показаніямъ на 450) географическихъ миль и имѣющій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ширину 1000 футовъ и вездѣ глубину въ восемь футовъ. Благодаря этимъ гигантскимъ усиліямъ въ Китаѣ прекратились наводненія и всеразрушающіе прежде потоки стали тихо разливаться по тысячѣ жилищъ, разнося повсюду плодородіе и богатство.

Скажутъ: намъ Китай не примѣръ; тамъ экономическія условія совершенно иныя чѣмъ у насъ; тамъ и трудъ цѣнится иначе и рабочій классъ несравненно многочисленнѣе нашего и задѣльная плата иная. Совершенно вѣрно; но вотъ примѣръ изъ недавняго прошлаго и въ странѣ сравнительно весьма небогатой: мы уже выше говорили о послѣдствіяхъ регулированія русла Рейна начиная съ Гюкингена до Мангейма, вынужденнаго страшными наводненіями въ началѣ нынѣшняго столѣтія, причинявшими на всемъ означенномъ пространствѣ громадныя вредъ. Въ 1817 году правительства прибрежныхъ государствъ заключили между собой союзъ касательно регулированія русла Рейна общими издержками, что и дѣйствительно было исполнено. Вслѣдствіе угаубленнаго русла и понизившейся высоты уровня водъ, прибрежныя мѣста, прежде болотистыя и ни къ чему не пригодныя, обсохли и сдѣлались вполнѣ пригодными для земледѣлія до такой степени что затраченные на сказанныя гидравлическія работы 20 милліоновъ гульденовъ продолжаютъ приносить огромные проценты.

Спрашивается: дѣйствительно ли потребны громадныя работы для предупрежденія наводненій? Дѣйствительно ли прибыль воды весной такъ велика что требуетъ дорого стоящихъ и не вездѣ даже удобоисполнимыхъ гидравлическихъ сооруженій? Во власти ли человѣка предотвращать губельныя послѣдствія наводненій? Отвѣтъ на это даетъ намъ французскій ученый Дюма въ сочиненіи *Etudes sur les inondations, causes et remèdes*, Paris, 1857, увѣчанномъ Бордоскою Академіей Наукъ и написанномъ на тему предложенную означенною Академіей по поводу страшнаго наводненія опустошившаго южныя департаменты Франціи въ 1856 году. Авторъ соглашаясь съ тѣмъ что не во власти человѣка предотвратитъ основныя причины наводненія, т.е. временныя проливные дожди или же измѣнить видъ земной поверхности, приходитъ однакоже къ заключенію что вполнѣ отъ насъ зависитъ сдѣлать наводненія безвредными, такъ какъ по изслѣдованіямъ Дюма оказывается тотъ несомнѣнный фактъ что вслѣдствіе употребленія лѣсовъ и обезлѣсенія горныхъ склоновъ наводненія стали болѣе частыми и болѣе пагубными и что вслѣдствіе этой же причины, метеорологическіе факторы оказываютъ гораздо болѣе вредное дѣйствіе чѣмъ обыкновенно

полагають. Изъ многочисленныхъ измѣреній произведенныхъ на четырехъ глщаахъ бассейновъ Роны, Гаронны, Лоары и Сены, Дюма выводитъ слѣдующее замѣчательное заключеніе: количество воды вливающееся въ русло рѣки во время половодья и собственно причиняющее наводненіе составляетъ лишь $\frac{1}{80}$ долю того количества воды которое протекало бы чрезъ русло рѣки въ продолженіе цѣлаго года (въ нормальномъ состояніи ея уровня) или же около $\frac{1}{640}$ доли количества дождевой воды выпадающаго на площадь бассейна рѣки въ теченіи цѣлаго года. А если такъ, заключаетъ Дюма, то наводняющее количество (*quantité inondante*) вовсе не такъ велико (по крайней мѣрѣ во Франціи) какъ обыкновенно полагають и можетъ быть отведено естественнымъ стокомъ воды, резервуарами, каналами, рвами и поглощающими колодцами, о коихъ говорено было выше.

IV.

Сочиненіе г. Векса препровождено было Вѣнскою Академіею Наукъ разнымъ академіямъ и ученымъ обществамъ съ просьбой дать свое заключеніе по весьма важнымъ изложеннымъ тамъ вопросамъ. Считаешь не безполезнымъ ознакомить читателей съ заключеніями нѣкоторыхъ изъ ученыхъ обществъ:

Императорская Вѣнская Академія Наукъ для разбора сочиненія Векса назначила особую комиссію изъ пяти членовъ. Комиссія эта пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Замѣченное пониженіе уровня водъ за послѣдніе 10 лѣтъ въ Дунаѣ, Эльбѣ, Рейнѣ и Одерѣ должно быть приписываемо *уменьшенію количества проточной воды*. Согласно съ Вексомъ, комиссія также признаетъ уменьшеніе воды въ ключахъ и источникахъ.

2) Комиссія полагаетъ что мнѣніе касательно вліянія лѣсовъ на увеличеніе *количества выпадающей влаги* преувеличено, ибо: а) количество наблюденій касательно этого еще немногочисленно и самыя наблюденія не привели къ окончательному результату; б) наблюденія надъ количествомъ ежегодно выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ произведенныя въ Великобританіи и Ирландіи (1726—1866), Парижѣ

(1688—1870) и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ этого вліянія не показываютъ.

Противъ этого мнѣнія можно, казалось бы, возразить слѣдующее: а) количество *выпадающей* ежегодно влаги можетъ и не уменьшаться, а уменьшаться можетъ количество проточной воды—что именно и имѣетъ въ виду г. Вексъ; б) Великобританія, Ирландія и Франція имѣютъ болѣе морской климатъ, а потому даже уменьшившееся, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, годовичное количество атмосферныхъ осадковъ можетъ оказать слишкомъ незначительное вліяніе, сравнительно съ водяными парами, приносимыми воздушными теченіями изъ Океана; в) Вѣнская коммиссія сама признаетъ что въ прежнія времена дождевыя помѣщались слишкомъ высоко надъ почвой и собираемая вода оставалась въ нихъ слишкомъ долго до момента наблюденій, а вслѣдствіе этихъ причинъ количество осадковъ могло казаться менѣе дѣйствительнаго.

3) Тѣмъ не менѣе коммиссія полагаетъ вліяніе лѣсовъ на количество и на ежегодное распредѣленіе осадковъ вѣроятнымъ, хотя непосредственныя наблюденія этого и не показывали.

4) Вліяніе лѣсовъ на уменьшеніе испаренія и задерживаніе влаги коммиссія, согласно съ Вексомъ, признаетъ имѣющимъ капиталное значеніе (*der Einfluss kann nicht hoch genug angeschlagen werden*)

5) Вліяніе истребленія лѣсовъ на половодья и наводненія признается какъ фактъ несомнѣнный.

6) Вполнѣ соглашаясь съ Вексомъ касательно вліянія на уменьшеніе проточныхъ водъ истребленія лѣсовъ, осушенія озеръ и болотъ, обработки почвы и увеличенія народонаселенія и домашнихъ животныхъ, Вѣнская коммиссія принимаетъ также и мнѣніе высказанное Зееманномъ, по которому во внутренности земли происходитъ постоянное поглощеніе воды при образованіи минераловъ (гидратовъ); происходящее при химическомъ соединеніи поглощеніе громаднаго количества воды по необходимости обуславливаетъ уменьшеніе оной на земной поверхности.

Австрійское Общество Инженеровъ и Архитекторовъ (*Oesterreichischer Ingenieur und Architekten-Verein*) для обсужденія сочиненія Векса назначило въ 1873 году гидротехническую коммиссію изъ девяти членовъ. Эта коммиссія, для всесторонняго обсужденія вопроса, распалась на

нѣсколько подкоммиссій, имѣвшихъ цѣлью проверить данныя сообщенныя Вексомъ, а также собрать новыя наблюденія касательно обмелѣнія Дуная, Рейна и Эльбы.

Всѣ подкоммиссии, въ донесеніи своемъ отъ 17го апрѣля 1875 года, вообще соглашались съ мнѣніемъ Векса, приходить къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) Относительно Рейна: хотя наблюденія въ Кельнѣ показываютъ повышение высоты половодья и пониженіе уровня во время мелководья, а потому нельзя вывести прямого заключенія объ измѣненіи высоты средняго уровня воды сравнительно съ прежними годами, но за то наблюденія профессора Бейера доказываютъ уменьшеніе воды Рейна, а по изслѣдованіямъ Клауге оказывается что въ новѣйшее время мелководье повторяется чаще прежняго.

б) Наблюденія надъ Эльбой въ Дрезденѣ доказываютъ уменьшеніе высотъ низкаго, средняго и высокаго уровней. Впрочемъ Зассъ признаетъ количество наблюденій недостаточнымъ для окончательнаго рѣшенія вопроса.

с) Хотя относительно Дуная коммиссія признаетъ наблюденія произведенныя въ Пештѣ недостаточными, но тѣмъ не менѣе приписываетъ весьма важное значеніе пониженію водъ замѣчаемому близъ Оршовы.

Коммиссія вполнѣ справедливо полагаетъ наблюденія надъ одною лишь *высотой* уровня рѣкъ недостаточными, такъ какъ измѣненіе высоты можетъ обуславливаться не однимъ уменьшеніемъ количества проточныхъ водъ, но и измѣненіемъ профиля русла и паденія водъ (а слѣдовательно увеличенія скорости); но тѣмъ не менѣе она полагаетъ что въ трехъ вышеупомянутыхъ рѣкахъ количество водъ дѣйствительно уменьшилось. Кроме того, она полагаетъ вѣдъ всякаго сомнѣнія что распредѣленіе водъ въ рѣкахъ въ теченіи года (*régime des eaux*) измѣнилось съ теченіемъ времени, и потому коммиссія вполнѣ раздѣляетъ замѣчаніе Векса, что „если даже количество проточныхъ водъ въ общей сложности и не измѣнилось, то это не утѣшительно въ виду того что вредъ происходящій отъ измѣненія распредѣленія водъ остается однимъ и тѣмъ же, измѣнилось ли количество водъ или нѣтъ.“

Затѣмъ коммиссія разсматриваетъ два вопроса:

А) Представляетъ ли участіе половодій и уменьшеніе высоты уровня текущихъ водъ явленіе общее воимъ странамъ гдѣ произведены были наблюденія?

На этотъ вопросъ коммиссія отвѣчаетъ *утвердительно*. Вездѣ оказывается что въ настоящее время рѣки чаще и сильнѣе выступаютъ изъ береговъ; а съ другой стороны, болѣе продолжительное время бываютъ несудоходны. Это явленіе въ высшей степени замѣтно въ Австріи, именно въ Каринтіи, Тиролѣ и Штиріи; тамъ наводненія теперь бываютъ даже въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ въ прежнее время они бывали немыслимы.

Б) Какія причины обуславливаютъ сказанное явленіе?

1) Коммиссія не признаетъ что количество выпадающей въ году атмосферной влаги уменьшилось противъ прежняго, ибо: а) долготѣянія наблюденія, производившіяся въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, такого уменьшенія не показываютъ; б) хотя въ лѣсахъ испареніе происходитъ медленно, но многочисленные дожди не могутъ быть приписываемы медленному испаренію, а съ другой стороны, засуха не есть необходимое сѣдство быстраго испаренія; вообще же, отношеніе между количествомъ испаренія и атмосферныхъ осадковъ намъ до сего времени остается неизвѣстнымъ; в) замѣченное уменьшеніе водъ на малыхъ островахъ (Зеленаго Мыса, Маврикія, Мадерѣ и Мальтѣ) не можетъ быть прилажено къ материкамъ, находящимся подъ вліяніемъ горныхъ цѣпей, ледниковъ, степей и т. д., между тѣмъ какъ на островахъ вліяніе мѣстныхъ причинъ проявляется сильнѣе; д) наблюденія производились въ тропическихъ странахъ, гдѣ испареніе происходитъ чрезвычайно быстро и сухой воздухъ требуетъ для своего насыщенія огромнаго количества паровъ; Кромѣ того, эти страны подвержены чрезвычайно правильнымъ вѣтрамъ, какіе въ прочихъ мѣстахъ не бываютъ.

2) Коммиссія не согласна съ мнѣніемъ Векса касательно вліянія на уменьшеніе текучихъ водъ дренажа и обработки полей, такъ какъ это скорѣе можетъ вліять на годовое распредѣленіе водъ, а не на количество. Чтобы хлѣбныя растенія болѣе поглощали воды, чѣмъ травы (какъ полагаютъ Вексъ) также недоказано. Равнымъ образомъ коммиссія не признаетъ вліянія увеличивающагося народонаселенія и усиленія промышленности, такъ какъ вода потребляемая на фабрикахъ, а также для фонтановъ и орошенія улицъ, частію испаряется и во всякомъ случаѣ составляетъ ничтожную долю всего выпадающаго количества воды.

3) Вліяніе истребленія лѣсовъ, въ особенности же растущихъ на отлогостяхъ, коммиссія признаетъ безусловно одною изъ главныхъ причинъ уменьшенія проточныхъ водъ. Согласно съ Вексомъ, коммиссія также признаетъ вліяніе осушенія болотъ и озеръ.

Въ заключеніе коммиссія высказываетъ слѣдующія два положенія: 1) нельзя не признать увеличенія половодій и наводненій, а равно и пониженія высоты уровня среднихъ и низкихъ водъ въ большей части рѣкъ и притоковъ цивилизованныхъ странъ; 2) причины вредныхъ измѣненій въ годовомъ распредѣленіи рѣчныхъ водъ слѣдуетъ искать въ осушеніи болотъ, спускѣ озеръ и прудовъ, въ особенностяхъ же въ истребленіи лѣсовъ.

Королевская Датская Академія Наукъ для разсмотрѣнія сочиненія Векса назначила коммиссію изъ трехъ членовъ (между ними извѣстный Кольдингъ), въ донесеніи своемъ отъ 7го октября 1875 года выразившую слѣдующее мнѣніе: она вполнѣ соглашается съ доводами Векса, за исключеніемъ того чтобы отъ истребленія лѣсовъ уменьшалось количество ежегодно выпадающей атмосферной влаги; уменьшеніе же воды въ источникахъ и рѣкахъ вслѣдствіе означенной причины коммиссія признаетъ вполнѣ. Несмотря на малое протяженіе и на морской климатъ Даніи, тамъ усматривается высыханіе или же значительное обмелѣніе тѣхъ рѣкъ, которыя при прежнемъ обиліи лѣсовъ были богаты водой. То же самое можно сказать и объ озерахъ окружающихъ Копенгагенъ: тѣ изъ нихъ кои и нынѣ окружены лѣсами, имѣютъ болѣе воды, чѣмъ тѣ вокругъ которыхъ лѣса были вырублены и почва стала обрабатываться.

Коммиссія назначенная Императорскою С.-Петербургскою Академіею Наукъ изъ академиковъ Гельмерсена и Вильда въ донесеніи своемъ отъ 27го января 1876 года выразила слѣдующее заключеніе о сочиненіи Векса:

Коммиссія вообще соглашается со взглядами, доводами и заключеніями Векса, также какъ съ ними согласилась и коммиссія Вѣнской Академіи Наукъ и признаетъ что: „та часть южной Россіи въ которой 150—200 лѣтъ тому назадъ находились громадныя лѣсныя пространства нынѣ представляетъ собою голую степь съ безводными возвышенностями, жители которой вынуждены селиться по берегамъ тощихъ рѣченокъ, плоскихъ долинъ, чтобы только какъ-нибудь избѣгнуть пол-

наго недостатка воды. Нельзя не уломануть при этомъ и о Волгѣ съ Давлремъ, по берегамъ которыхъ съ юга на сѣверъ уничтоженіе лѣсовъ сдѣлало и продолжаетъ дѣлать такіе успѣхи, что среднія и нижнія части этихъ, столь необходимыхъ для русской торговли рѣкъ, протекаютъ нынѣ по мѣстностямъ совершенно лишеннымъ лѣса, въ которыхъ полныя воды достигаютъ уже бѣльшей высоты, чѣмъ въ прежнія времена. Кому не извѣстны ежегодно повторяющіяся тяжкія жалобы на видоизмѣненія рѣчного дна, на образование новыхъ мелей и на измѣненіе рѣчныхъ фарватеровъ. Кому не извѣстно что безводныя и зимой и сухимъ лѣтомъ балки, при быстромъ вѣшемъ таяніи снѣговъ въ обнаженной степи и при сильныхъ дождяхъ, превращаются въ шумные потоки, отрывающіе и совершенно губящіе участки плодороднѣйшихъ полей? Въ концѣ-концовъ, притоки и береговья рытвины доставляютъ рѣкѣ огромное количество смытыхъ землистыхъ веществъ—обильный матеріалъ для образованія новыхъ отмелей. Коммиссія считаетъ своею обязанностью высказать убѣжденіе что эти бѣдствія на Волгѣ, Донѣ и Давлрѣ въ значительной степени могли бы быть смягчены, еслибъ удалось найти средства предохранить береговья пространства этихъ рѣкъ отъ лѣсоистребленія.“

Но, соглашаясь вообще съ воззрѣніями Векса, коммиссія однакоже полагаетъ что для того чтобъ убѣдиться съ полною достовѣрностію въ постоянномъ, абсолютномъ уменьшеніи водной массы въ рѣкахъ не достаточно однихъ наблюденій надъ высотой уровня производимыхъ посредствомъ футштока (Pegel), а необходимо измѣреніе ежегодно движущагося по рѣкѣ количества воды, произведенное по многимъ поперечнымъ разрѣзамъ въ продолженіи значительнаго числа лѣтъ. Если же общее количество рѣчной воды остается постояннымъ, то измѣненія замѣчаемыя въ высотѣ уровня въ разные времена года могутъ обуславливаться измѣненіемъ въ распредѣленіи воды въ рѣкѣ въ теченіи года. „Это мнѣніе принято у насъ по отношенію къ Волгѣ: полагаютъ что масса воды въ ней не уменьшилась, но что, съ истребленіемъ лѣсовъ по берегамъ ея, вѣнныя половодья въ ней усилились, а лѣтній уровень воды понизился.“

Кромѣ того коммиссія полагаетъ что слѣдуетъ точнѣе,

чѣмъ какъ сдѣлано это въ сочиненіи Векса, различать слѣдующіе два вопроса:

1) Уменьшилось ли въ историческое время абсолютное количество протекающей по рѣкамъ воды? и 2) Измѣнилось ли болѣе или менѣе значительно распредѣленіе по временамъ года количества рѣчной воды, независимо отъ перемѣнъ въ общемъ годовомъ количествѣ ея?

На первый вопросъ комиссія не считаетъ возможнымъ отвѣтить утвердительно по слѣдующимъ причинамъ: а) пространство занимаемое океанами и главныя теченія атмосферы остаются постоянными; в) если количество воды въ одной какой-либо рѣкѣ уменьшается, то въ другой рѣкѣ можетъ увеличиваться; с) измѣненія въ количествѣ испаряющейся воды ничтожны сравнительно съ количествомъ паровъ приносимымъ вѣтрами; д) наблюденія надъ количествомъ ежегодно выпадающей атмосферной влаги въ западной Европѣ не показываютъ измѣненія этого количества ни въ одномъ изъ рѣчныхъ бассейновъ.

Что же касается втораго вопроса, то комиссія признаетъ, что на основаніи теоретическихъ соображеній, а равно и наблюденій произведенныхъ на лѣсныхъ станціяхъ, лѣса и болота должны безспорно считаться регуляторами атмосферной влаги и количества стекающей по рѣкамъ воды, а потому истребленіе лѣсовъ и осушеніе болотъ—какъ это подтверждаетъ, повидимому, и опытъ,—должны производить болѣе неравномѣрное противъ прежнихъ лѣтъ распредѣленіе стекающихъ по обваженной мѣстности въ продолженіи года рѣчныхъ водъ“.

Съ цѣлью вызвать всестороннее и возможно подробное обсужденіе вопроса возбужденнаго г. Вексомъ, С.-Петербургская Академія Наукъ сочла нужнымъ узвать мнѣніе и прочихъ ученыхъ обществъ въ Россіи объ этомъ предметѣ. Императорскому Московскому Обществу Испытателей Природы угодно было возложить разсмотрѣніе этого вопроса на нижеподписавшагося, Императорское Московское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи сочло нужнымъ для этой цѣли подъ его же предсѣдательствомъ назначить специальную комиссію. Московская комиссія, приступивъ 6го апрѣля минувшаго года къ своимъ занятіямъ, прежде всего подвергла тщательному

обсужденію постановку вопросовъ подлежащихъ входить въ программу ея занятій. Вопросы поставлены слѣдующіе:

1) Измѣнялось ли въ историческое время абсолютное количество выпадающей изъ атмосферы влаги на всѣмъ земномъ шарѣ или въ отдѣльных мѣстностяхъ?

2) Измѣнялось ли количество материковыхъ водъ (озеръ, источниковъ, рѣкъ и пр.), а также подпочвенныхъ водъ?

3) Какія причины могли обуславливать эти измѣненія и насколько важно въ этомъ отношеніи вліяніе лѣсовъ?

Такова первоначальная программа которую поставила себѣ Московская коммиссія, предоставляя себѣ измѣнить или дополнить оную по усмотрѣнію.

Для рѣшенія вопроса объ уменьшеніи количества воды въ рѣкахъ Россіи, коммиссія полагала бы нужнымъ на первый разъ производить наблюденія надъ уровнемъ и скоростью теченія Невы близъ Шлюссельбурга (для сужденія о количествѣ водъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ), Днѣпра близъ Кіева (чтобъ узнать какое вліяніе можетъ оказать осушеніе Пивскихъ болотъ), Волги въ Саратовѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Далѣе, коммиссія считаетъ весьма важными наблюденія надъ уровнемъ Каспійскаго моря, какъ пріемника водъ Волги, Урала и другихъ менѣе значительныхъ притоковъ.

Кромѣ того коммиссія желала бы чтобы произведены были наблюденія на особенно для этой цѣли устроенныхъ станціяхъ у береговъ Ледовитаго Океана и Балтійскаго моря, для уясненія вопроса объ измѣненіи уровня моря и отступленія его отъ береговъ. Въ настоящее время коммиссія собираетъ матеріалы для дальнѣйшей своей дѣятельности; сводъ же и критическую обработку данныхъ относящихся къ вопросу о вліяніи лѣсовъ на количество проточныхъ водъ предсѣдатель коммиссіи принялъ на себя.

Вопросъ подлежащій занятіямъ коммиссіи труденъ и обширенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важенъ въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ. Поэтому крайне желательно участіе специалистовъ по физической географіи и метеорологіи, а также по лѣсоводству и сельскому хозяйству. Специалисты по двумъ послѣднимъ отдѣламъ могли бы помочь коммиссіи весьма важными для нея практическими указаніями. Съ своей стороны она готова подѣ-

даться добытыми ею результатами со всѣми интересующимися ея работами. Вполнѣ сознавая всю трудность предстоящей ей задачи, Московская коммиссія надѣется встрѣтить сочувствіе и содѣйствіе не только специалистовъ, но и вообще лицъ интересующихся предметомъ ея занятій.

Весьма желательно было бы также чтобы богатые матеріалы, относящіеся къ означенному вопросу и имѣющіеся въ Гидрографическомъ Департаментѣ и иныхъ учрежденіяхъ министерствъ Путей Сообщеній и Государственныхъ Имуществъ были обнародованы и послужили бы основаніемъ для изслѣдованій специалистовъ.

Я. ВЕЙНБЕРГЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ *

XXXVII.

На Гамашинскихъ высотахъ мы расположились лагеремъ, полагая что здѣсь придется намъ продолжать скучное прозябаніе, надоѣвшее уже порядочно на Турчидагъ. Утѣшали мы себя тѣмъ что здѣсь по крайней мѣрѣ теплѣе, не такъ часты и непровицаемы туманы, вообще легче тянуть службу авампостную.

Вечеръ; пробили зорю; ударили на молитву; весь лагерь, по искони принятому прекрасному обычаю, огласился стройнымъ лѣніемъ въ каждомъ баталіонѣ молитвы Господней; построенныя на линейкахъ роты усердно осыпали себя большими крестами, слышался шелотъ произносимыхъ молитвъ, на темномъ фонѣ звѣздаго неба вырѣзывались обрывы, причудливой формы горныя цѣли, гдѣ-то вдали то мерцалъ, то исчезалъ огонекъ, торжественная тишина нарушалась изрѣдка только фырканиемъ лошадей въ коновязяхъ.... Раздалась послѣдняя барабанная дробь, обрядъ кончился, всѣ расползлись по палаткамъ, а люди назначенные въ цѣли, секреты и проч. тронулись въ путь.

* См. *Русск. Вѣст.* №№ 3, 4 и 12ü 1876 и 1, 2, 3ü 1877.

— Господинъ адъютантъ, слышу я зовъ моего баталіонера Сойманова,—извольте идти за приказаніями-сь.

— Сейчасъ иду.

И навѣсивъ шашку пускаюсь въ путь, безпреставно натыкаясь на коновязи, наступая на какого-нибудь за-вернувшася въ шинель фурштата, или цѣпляясь за палаточные кольца и веревки, что производитъ сотрясеніе въ палаткѣ и оттуда слышится сердитый голосъ: *какая тамъ скотина, или шельма, по палаткамъ ходитъ*. Добравшись кое-какъ до штаба, я получилъ совершенно неожиданная приказанія: въ семь часовъ утра пріемщикамъ отъ всѣхъ войскъ отпрѣвиться въ Казикумухъ для полученія провіанта, спирта, патроновъ и проч., затѣмъ въ 10 часовъ командующій войсками со штабомъ, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ, часть конной милиціи, нашъ и 2й баталіоны Дагестанскаго полка и четыре горныя орудія выступаютъ туда же, гдѣ присоединяютъ къ себѣ своихъ пріемщиковъ. Оба же Апшеронскіе баталіона съ остальною артиллеріей и двумя сотнями Донскихъ казаковъ остаются на Гамати, подъ начальствомъ генераль-майора Грамматина.

Я послѣшилъ назадъ чтобы поскорѣе уѣхать за составленіе требованій на сухари и проч., за эту квинтъ-эссенцію адъютантской премудрости. Но милѣйшій Илья Алексѣевичъ, выслушавъ приказанія штаба, въ свою очередь приступилъ къ отдачѣ приказаній по баталіону, уже описаннымъ мною раньше способомъ, и цѣлый битый часъ держалъ меня безо всякой надобности свидѣтелемъ безконечныхъ внушеній и распеканій фельдфебелей, заказовъ повару и т. п. Какъ только я порывался уходить, раздавались слова: *позвольте-сь, услѣдете-сь*.

Наконецъ уже въ десятый разъ выслушалъ я повторенія о назначеніи по десяти человекъ отъ каждой роты въ мое распоряженіе, и чтобы фурштаты хорошенько смотрѣли, а то если де у какой лошади окажется лобитая спина, то меньше лятисотъ палокъ не ждалъ бы, и чтобы поваръ приготовилъ бы закуску и пирожковъ съ кашей и т. д.; забрался я въ свою палатку, засталъ своего сожителя, баталіоннаго доктора, уже въ постели и весьма довольнаго перспективой выступленія въ Казикумухъ: все равно, куда бы то ни было, лишь бы не стоять на одномъ мѣстѣ, а главное коли бы гдѣ-нибудь *дѣла*, то-есть драки, перестрѣлки. Таковы были общія желанія офицеровъ, даже медиковъ,

не только ради честолюбивыхъ видовъ на награды, но и изъ простаго стремленія избавляться отъ скуки монотонной лагерной жизни; даже и солдаты, которымъ всякій походъ приносилъ лишній тяжелый трудъ, лишенія и опасности, предпочитали движеніе продолжительному пребыванію на мѣстѣ, гдѣ, собственно говоря, солдату оставалось тоже не много свободнаго времени и покоя. Аванпостная служба, исключительно отбывавшаяся пѣхотой, конвоированіе приемщиковъ продовольствія, при малѣйшемъ свободномъ времени ученія, собираніе по кручамъ и балкамъ горючихъ веществъ для варки себѣ пищи, тасканіе за двѣ-три версты по кручѣ огромныхъ ротныхъ котловъ съ водой, или на-примѣръ *нащипываніе руками* по скатамъ горъ травы для лошаковыхъ и своихъ артельныхъ лошадей, а вѣдь ихъ было не мало, штукъ 70--80 при баталіонѣ, все это и безъ похода дѣлало службу солдатскую далеко не легкою, а тянулась она тогда *de jure* 25, а *de facto* 28—30 лѣтъ!..

Покончивъ съ составленіемъ требованій и билетовъ больнымъ, которыхъ слѣдовало сдать въ Казикумухъ, я послѣдовалъ примѣру доктора, раставнулся на походную кровать, т. е. на холстъ натянутый между двумя вьючными сумачками, завернулся въ пальто и бурку, задулъ свѣчу и вскоре заснулъ.

7го іюля въ назначенный часъ сборная колонна была готова и мы потянулись гуськомъ по извилистой дорогѣ къ Казикумуху. Съ нами же поѣхалъ и старшій докторъ войскъ въ Дагестанѣ Эдуардъ Романовичъ Гольмблатъ, съ которымъ я былъ немного знакомъ, а въ этотъ разъ, вѣдучи мѣстѣ и все время въ разговорахъ о разныхъ дѣлахъ, познакомился ближе. Э. Р. Гольмблатъ былъ замѣчательный человѣкъ на Кавказѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, начавъ свою службу въ краѣ съ ранней молодости и не отличаясь никакими особенными по своей спеціальности заслугами, онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, переходя отъ одного повышенія къ другому, достигъ должности генералъ штабъ-доктора всей Кавказской арміи, съ чиномъ тайнаго совѣтника и нѣсколькими звѣздами до Бѣлаго Ора включительно—карьера въ медицинскомъ вѣдомствѣ довольно рѣдкая; во-вторыхъ, отличался многими такими куріозными оригинальностями что анекдоты объ немъ были неистощимымъ кладомъ для охотниковъ до забавныхъ и смѣхотворныхъ разказовъ. Особенно его чрезвычайная трусливость, не въ

смыслъ военномъ, ибо какъ доктору ему нечего было и отличатся храбростью, давала безконечный анекдотическій матеріалъ. Лошадей держалъ онъ не иначе какъ самыхъ старыхъ, отъявленныхъ клаячъ и на тѣхъ ѣздилъ только шагомъ, безпрерывно бранясь съ кучеромъ какъ только тотъ вздумалъ бы прикрикнуть на лошадей или взяться за кнутъ; а при малѣйшемъ спускѣ выходилъ изъ экипажа и брелъ лѣшкомъ. Такъ, не рѣдко случалось мнѣ видѣть и въ Шурѣ и въ Тифлисѣ покойнаго Эдуарда Романовича ѣдущаго съ семействомъ, и въ мѣстахъ мало-мальски неровныхъ онъ сѣзалъ и шелъ лѣшкомъ, а дамы его ѣхали дальше. При разѣздахъ по краю на почтовыхъ, садясь въ тарантасъ, онъ неизмѣнно на каждой станціи подтверждалъ своему челоуѣку и девицамъ, чтобы отнюдь не смѣли ѣхать скоро и предупреждали его гдѣ будетъ спускъ съ горки; ямщикъ не выдерживавшій двадцативерстнаго перегона и пускавшійся рысью, подвергался крику, брани и не получалъ на водку. Самое мучительное горе для почтеннаго доктора была необходимость отправляться съ отрядами, причемъ приходилось ѣхать верхомъ. Какъ ни жалка была кляча на которой онъ пускался въ путь, но все же и ей было подчасъ не въ терпѣжъ, особенно когда ее обгоняли другіе, и нѣкоторые шалуны изъ штабныхъ офицеровъ нарочно хапали нагайками, гикали и т. п.: она невольно пускалась вдругъ рысью... Эдуардъ Романовичъ хватался за гриву, баѣднѣлъ, краснѣлъ, звалъ своего вѣстового казака и тотъ долженъ былъ хватать разгорячившагося буцефала за поводья. Фигуру изображалъ онъ тогда изъ себя самую комическую, галстукъ вылезаетъ за воротникъ, брюки безъ штрипокъ поднимаются выше голенищъ, фуражка съѣдетъ на бокъ или затылокъ. Помню уморительную сцену. Кажется предъ походомъ въ 1852 году, въ Шурѣ, послалъ онъ своего казака на конный базаръ купить лошадь. Приходитъ казакъ и докладываетъ что приторговалъ у Татарина отличную лошадь, не старую, крѣпкую и дешево.

— Чтò же въ ней хорошаго? спрашиваетъ Эдуардъ Романовичъ.

— Во всемъ, говоритъ Донецъ, — хороша, ваше превосходительство.

— А шагъ у нея спокойный?

— И шагъ спокойный, и скачетъ хорошо, ваше превосходительство.

— Скачетъ?! Пошелъ вонъ, болванъ; не надо; даромъ не возьму!

Сковфуженный казакъ ушелъ въ недоумѣніи, а мы, собравшіеся у милѣйшаго Эдуарда Романовича съ воскреснымъ визитомъ нѣсколько офицеровъ, не воздержались и разразились хохотомъ, что весьма озлило хозяина и онъ ушелъ въ свою комнату, не простившись.

Большой любитель преферанса, покойный вѣчно горячился, выходилъ при проигрышахъ изъ себя, вскакивалъ, бравился, а шутики нарочно выкидывали разные штуки и ломали со смѣху. На эту тему анекдотовъ было тоже безъ числа.

Однако, какъ я уже сказалъ, проведя сорокъ пять почти лѣтъ на службѣ исключительно административной, покойный всегда пользовался почетомъ и особымъ расположеніемъ высшихъ властей.

Нѣсколько часовъ пути до Казикумуха укрѣпили наше знакомство, и только подъ конецъ мы чуть было не разошлись серьезно. У самого аула протекаетъ съ ревомъ и бѣшенствомъ, какъ обыкновенно въ горахъ, рѣка Кара-Койсу, чрезъ которую перекинутъ мостъ на правый берегъ къ нашему укрѣпленію; мостъ прочный, но узкій и по необъяснимой дѣйствительно безпечности безъ перилъ. Наскучивъ длинными скучными переѣздами шагомъ, я, по старой моей тушинской привычкѣ, выѣхавъ на ровную площадку предъ мостомъ вдругъ шаепнулъ нагайкой свою лошадь и маршъ-маршъ пронесся чрезъ мостъ на ту сторону и въ гору къ пропасти. Совсѣмъ не приготовленный къ такому внезапному съ моей стороны пассажу, докторъ обомлѣлъ, закрылъ глаза, скорѣе слѣзъ съ коня и когда тоже пріѣхалъ въ укрѣпленіе, встрѣтилъ меня весьма сердито и рѣзкимъ выговоромъ за неумѣстныя *надъ нимъ штуки*, прибавивъ что въ другой разъ со мною не поѣдетъ вмѣстѣ, что такихъ глупостей онъ не любитъ. Сколько я ни извинялся, все было напрасно и думая онъ на меня долго.

Покончивъ пріемку и послѣтивъ раненаго 21го іюня майора Дубельта, начинавшаго уже поправляться, я переправился обратно на лѣвый берегъ и присоединился къ прибывшему между тѣмъ отряду, расположившемуся на небольшой каменистой площадкѣ у самого аула, гдѣ мы застали уже давно тамъ расположенными 1й баталіонъ Ширванскаго и 1й баталіонъ Самурскаго полковъ.

Казикумухъ—резиденція хановъ, владѣнія коихъ довольно значительны и важны по своему центральному положенію въ Дагестанѣ и вблизи непокорной тогда части края; большой аулъ этотъ обыкновеннаго герскаго типа, съ каменными этажными саклями, узенькими переулками и кучами навоза кругомъ. Жители, большею частью торговцы, мѣдники и оружейники, слыва богатыми, отличались вѣрностью исламу и искони играли важную роль среди дагестанскихъ племенъ. Аулъ свой они съ гордостью называли *шагаръ* (городъ) и вообще считали себя нѣкоторымъ образомъ аристократіей. Ханы ихъ, послѣ Аварскихъ, играли главнѣйшую роль въ политическихъ судьбахъ Дагестана и нѣкоторые еще со временъ перваго похода Петра I къ Дербенту были важнѣйшими факторами въ нашихъ отношеніяхъ къ Кавказу. То они были на нашей сторонѣ, то противъ насъ, то вели двусмысленную политику, то пользовались большимъ вниманіемъ Русскаго правительства, производились въ генералы, то были преслѣдуемы, арестуемы или изгнаны. Послѣ долгихъ препятствій и интригъ между собою, ханомъ наконецъ былъ назначенъ не прямой наследникъ ханскаго рода, а дальній ихъ родственникъ Агаларъ-бекъ, зачисленный въ гвардію полковникомъ, и въ описываемый мною періодъ управлялъ онъ ханствомъ своимъ такъ усердно и добросовѣстно, въ смыслѣ нашихъ интересовъ, что Шамиль ни силой, ни происками, ни увѣщаніями ничего съ нимъ сдѣлать не могъ и всѣ попытки поднять противъ насъ Казикумухское ханство, да даже и другія сосѣднія общества, оставались тщетными. Командовавшій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ князь Аргутинскій цѣнилъ это и благоволилъ къ Агаларъ-беку, оказывая ему всаческое вниманіе; а этотъ, въ свою очередь, не только держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ свое владѣніе и отражалъ всякія нашествія мюридизма, но еще оказывалъ важную услугу намъ тѣмъ, что имѣя возможность по своимъ связямъ и влиянію получать важнѣйшія и подробныя свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ въ горахъ, сообщалъ эти извѣстія князю Аргутинскому; въ послѣдствіи онъ былъ тоже генералъ и со звѣздой, но къ сожалѣнію умеръ еще далеко не старымъ человекомъ. *

* Въ нынѣшнемъ году главный толчокъ возстанія въ Дагестанѣ послѣдовалъ изъ Казикумуха, гдѣ, какъ извѣстно, истреблено все

Вечеромъ пошелъ я по обыкновенію за приказаніями и къ общей радости узналъ слѣдующее: въ 6 часовъ утра наши баталіоны, первый Ширванцевъ, рота стрѣлковаго баталіона, команда саперъ, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ (1й и 10й эскадроны), 8 сотень конной милиціи, 10 горныхъ орудій и ракетная команда выступаютъ, а 1й баталіонъ Самурцевъ и 2й Дагестанцевъ, съ двумя орудіями, остаются у Кумуха. Куда идемъ, по какому поводу, намъ конечно не объявлялось. Въ первую минуту намъ и не до того было: главное—радость, идемъ съ командующимъ войсками и уже слѣдовательно не даромъ, будутъ дѣла.

Полагаю однако что дальнѣйшій разказъ о нашихъ движеніяхъ не имѣлъ бы достаточно интереса для читателя безъ нѣкотораго объясненія обстоятельствъ бывшихъ поводомъ этого похода. Всѣ относящіяся къ этому свѣдѣнія, само собою, сдѣлались мнѣ въ подробности известны только въ послѣдствіи, но я скажу о нихъ теперь и затѣмъ уже возвращусь къ разказу о моихъ личныхъ походахъ, насколько ихъ сохранила память.

Неудачная экспедиція генерала Граббе въ Ичкерію, весной 1842 года, когда въ первый разъ русскимъ войскамъ пришлось испытать отъ горцевъ сильное пораженіе, съ весьма значительною потерей, дала поводъ находившемуся тогда на Кавказѣ военному министру князю Чернышеву настоять на устанавленіи оборонительной системы дѣйствій противъ Шамиля. Несчастная система эта не замедлила принести печальные плоды. Она подняла духъ горцевъ, убѣдившихся въ нашей слабости и робости, она ободрила покорную часть населенія къ попыткѣ тоже сбросить съ себя власть гяуровъ; торжество ислама стало казаться имъ близкою осуществимымъ, они уже мечтали о возвращеніи заманчивой независимости, дававшей имъ возмож-

наше управленіе съ командой солдатъ въ 50 человекъ. Думаю что будь живъ Агаларъ-бекъ, едва ли бы что-нибудь подобное могло случиться. Теперь же главнымъ зачинщикомъ оказался сынъ его и еще нѣкоторые офицеры изъ туземцевъ, служившихъ въ конвоѣ въ Петербургѣ... Къ сожалѣнію слова мои о бесполезности такого рода воспитанія для кавказскихъ горцевъ оправдываются, да и не въ первый уже разъ. (См. объ этомъ подробнѣе въ моей статьѣ „Матеріалы для исторіи Кавказской войны“, *Русск. Вѣст.* ноябрь 1872 года). *Авт.*

ность нападать и грабить сосѣдей, жить хищничествомъ, не страшась возмездія.

Насталъ несчастный 1843 годъ. Дагестанъ поднялся и разбросанныя по всему обширному гористому краю, разбѣсѣнные горными тучабами мелкія части нашихъ войскъ оказались не въ силахъ противостоять обрушившимся на нихъ лавинамъ. Одно за другимъ пала наша слабая укрѣпленія, гарнизоны истреблялись, артиллерія, снаряды и проч. попали въ руки полчищъ Шамиля, а сильныхъ резервовъ не было подъ рукой. Въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ почти весь Дагестанъ ускользнулъ изъ нашихъ рукъ и только Шура держалась еще съ остатками своихъ защитниковъ, окруженная массами ликовавшаго непріателя, пока не выручилъ ее подослѣвшій съ Кавказской линіи генералъ Фрейтагъ.

Всѣ эти прискорбныя происшествія вынудили отказаться отъ оборонительной системы и возобновить наступательную. На Кавказъ былъ двинутъ весь пятый лѣхотный корпусъ и главнымъ начальникомъ назначенъ генералъ Нейдгартъ. Но и наступательныя дѣйствія 1844 года, не взирая на столь увеличенныя средства, не привели ни къ какимъ результатамъ. Неудлѣхъ былъ приписанъ неумѣлости главныхъ распорядителей; на мѣсто генерала Нейдгарта назначенъ князь Воронцовъ, со званіемъ и полномочіями намѣстника и главнокомандующаго. Ему предстояло повторить ударъ и положить конецъ борьбѣ, начавшей принимать слишкомъ грозныя размѣры...

Но знаменитая въ лѣтописяхъ Кавказской войны Даргинская экспедиція 1845 года, подъ личнымъ начальствомъ новаго главнокомандующаго, въ той же Ичкеріи гдѣ потерпѣлъ три года предъ тѣмъ пораженіе генералъ Граббе, окончилась почти еще неудачѣе, еще съ большими потерями, и отрядъ князя Воронцова, находившійся въ самомъ критическомъ положеніи, былъ вырученъ опять тѣмъ же Фрейтагомъ...

Въ этотъ разъ неудачу уже нельзя было приписать неумѣлости вождя, а пришлось сознаться что самая мысль покончить съ Кавказомъ однимъ ударомъ ошибочна. Гдѣ борьба происходитъ почти на тысячеверстномъ разстояніи не съ регулярною арміей, а съ цѣлымъ воинственнымъ народонаселеніемъ, имѣющимъ на своей сторонѣ такого союз-

ника, какъ грозная кавказская природа; гдѣ климатическія, этнографическія, религіозныя и соціальныя условія на каждомъ шагѣ ставятъ неожиданныя трудно-одолимыя преграды, а часто смѣняемые, не всегда соответствующія должностямъ или недобросовѣстныя начальствующие лица плохо ведутъ дѣло,—тамъ нельзя основаться на одномъ планѣ какого-нибудь сраженія, а надлежитъ выработать цѣльную обдуманную систему дѣйствій. Военныя предпріятія должны идти рядомъ съ административными, наступательныя дѣйствія съ оборонительными, и все въ примѣненіи къ данной мѣстности, къ характеру природы и народонаселенія, географическому положенію и разнымъ другимъ условіямъ, также разнообразнымъ какъ самъ Кавказъ, этотъ удивительный калейдоскопъ съ его сотнями различныхъ племенъ, варьчій, вѣрованій, обычаевъ, съ его собственными тропическими и полярными мѣстностями.

Князь Воронцовъ оказался на высотѣ этой трудной задачи. Хотя не сразу, но исподволь соответствующая система выработалась, и пройдя черезъ горнило ошибокъ и неудачъ, въ концѣ-концовъ, переданная въ энергическія руки князя Барятинскаго, сломала полувѣковое упорство кавказскихъ горцевъ-мюридовъ.

Неудачный опытъ 1845 года окончательно убѣдилъ что въ чеченскихъ лѣсахъ нужно дѣйствовать зимой и притомъ не одними ружьями, но и топорами, постепенно отхватывая у непріятеля его плодородныя поляны и заселяя ихъ казачьими станицами, обезлечиваемыми рядомъ укрѣпленій впереди. Лѣтомъ же дѣйствовать въ Дагестанѣ.

Такимъ образомъ въ 1847, 1848 и 1849 годахъ происходили зимнія экспедиціи въ Чечнѣ, лѣтомъ же собирались значительныя отряды въ Дагестанѣ. Наступленіе имѣло цѣлью овладѣвать укрѣпленными пунктами Шамиля, очевидно въ предположеніи лишить его точекъ опоры, наносить большія потери и тѣмъ подрывать его силу матеріальную и нравственную. Ближайшими къ нашимъ владѣніямъ непріятельскими укрѣпленіями были Гергебилъ, Салта и Чохъ. Они и послужили цѣлью дѣйствій.

Въ 1847 году начали съ Гергебиля. Но природная крѣпость мѣста, невозможность употребить въ дѣло осадную артиллерию, отчаянная храбрость горцевъ, особенно при защитѣ

укрѣпленныхъ мѣстъ,—общее свойство азіатскихъ народовъ, были причиною что геройство нашихъ войскъ сокрушилось объ эти препятствія: штурмъ былъ отбитъ и осада была снята...

Чтобы не произвести, однако, дурнаго нравственнаго вліянія на войска, не допустить торжества непріятеля и не возбудить противъ себя покорнаго мусульманскаго населенія, весьма чуткаго къ каждой нашей неудачѣ, рѣшено было перенести дѣйствіе къ Салтѣ. Пятьдесятъ два дня длилось здѣсь геройское сопротивленіе горцевъ, изумившихъ даже нашихъ испытанныхъ вождей, два штурма были ими отбиты, потери наши возросли до почтенной для Кавказской войны цифры; наконецъ мужество и неутомимость нашихъ войскъ взяли свое: Салта пала, небольшое число защитниковъ успѣли спастись. Одна Шамилевская твердыня была сокрушена.

На слѣдующій годъ та же участь постигла и Гергебиль и уже сравнительно легче, скорѣе и безъ значительныхъ потерь. Въ 1849 году подступили къ Чоху, доставивъ туда съ громадными усиліями нѣсколько тяжелыхъ осадныхъ орудій и мортиръ. Однако, не взирая на вредъ нанесенный и веркамъ укрѣпленія, и гарнизону, а въ нѣкоторыхъ стычкахъ и расположеннымъ кругомъ Чоха полчищамъ Шамиля, цѣль не была достигнута; укрѣпленіе осталось въ рукахъ непріятеля...

Послѣ такого трехлѣтняго опыта, стоившаго не малыхъ жертвъ, пришлось сдѣлать въ системѣ измѣненія: оставивъ въ силѣ часть ея, относившуюся до наступательныхъ зимнихъ дѣйствій въ Чечнѣ, успѣвшихъ уже выказать ощутительные результаты въ нашу пользу,—для Дагестана, вмѣсто наступленія, рѣшились ограничиться оборонительными дѣйствіями. И совершенно основательно. Еслибы всякая осада непріятельскихъ укрѣпленій даже увѣчивалась успѣхомъ, то все же это не могло имѣть вліянія на общій ходъ дѣла. Во-первыхъ, Чохъ, Салта или Гергебиль не то что какая-нибудь европейская крѣпость, имѣющая стратегическое значеніе и служащая опорой владѣнія извѣстною частью страны, опорой дѣйствій непріятельской арміи, источникомъ ея запасовъ или прикрытіемъ какого-нибудь важнаго пути и т. д. Вторыхъ, постройка такого укрѣпленія для горцевъ не сопровождалась никакими особыми трудностями или издержками.

Стоило отойти отъ какого-нибудь Гергебиля три-четыре версты и природа давала готовую крѣпость ничѣмъ не уступающую только-что потерянной, благо и матеріалъ подъ рукой, и рабочія руки не оплачиваемыя. Слѣдовательно, продолжать осады всякаго воздвигаемаго горцами укрѣпленія значило бы десятки лѣтъ вертѣться вокругъ да около, какъ въ заколочанномъ кругу, и каждое лѣто жертвовать множествомъ людей и денегъ, рискуя къ тому же терпѣть и неудачи. Къ такому заключенію вѣроятно и пришли военныя власти послѣ неудачной осады Чоха.

Такимъ образомъ съ 1850 года военная картина въ Дагестанѣ приняла новый видъ. Главная цѣль заключалась въ томъ чтобъ удерживать въ полномъ повиновеніи и порядкѣ покорную часть страны, укрѣплять административныя порядки и не давать непріятелю возможности проникать въ наши владѣнія ни для хищничества, ни для пропагандированія юридиклизма или возмущенія покорныхъ жителей. Для подобной задачи нельзя было найти болѣе соответствующаго человека, какъ генераль-адъютантъ князь М. З. Аргутинскій-Долгорукій. И какъ администраторъ, вслѣдствіе совершеннаго знанія края и характера народонаселенія, и какъ боевой генераль, вслѣдствіе долготѣней олытности въ горной войнѣ, при никогда не измѣнявшемъ ему счастіи, онъ въ теченіе своего командованія войсками огромнаго Прикаспійскаго края ни разу не допустилъ непріятеля торжествовать какой-нибудь значительный, серіозный успѣхъ. Оборонительные пункты, для расположенія лѣтомъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ отрядовъ, а зимой отдѣльных частей войскъ, были имъ выбраны такъ удачно что не взирая на громадное протяженіе обороняемаго края, на страшно пересѣченную хребтами горъ и дико ревущими горными рѣками мѣстность, не взирая на еще болѣе важную открытость и быстроту движеній непріятельскихъ партій, быстроту, о которой въ европейскихъ войнахъ и понятія не имѣютъ, Шамилю и его наѣздникамъ не удавалось добиться какого-нибудь важнаго результата.

Послѣ этого краткаго очерка, не претендующаго на подробное и рельефное изображеніе нашего военного положенія на Кавказѣ въ пятидесятыхъ годахъ, полагаю однако что читателю все же нѣкоторымъ образомъ станетъ немного яснѣе послѣдующій разказъ о событіяхъ, въ которыхъ при-

нялъ участіе отрядъ къ составу коего принадлежалъ 3й баталіонъ Дагестанскаго полка и съ которымъ я, въ качествѣ баталіоннаго адъютанта, совершилъ эти нижеописанныя движенія и дѣла.

Каждое лѣто, какъ только устанавливалась болѣе свѣсная погода и на горахъ показывалось достаточно травы для фуражированія, отряды выдвигались на Кутушинскія, затѣмъ на Гомашинскія и наконецъ на Турчидагскія высоты. Отъ этихъ трехъ центральныхъ пунктовъ, прикрывавшихъ собою тылъ, т. е. весь край до береговъ Каспійскаго моря, войска, какъ я уже упоминалъ въ предшествовавшей главѣ, могли удобно бросаться къ угрожаемымъ пунктамъ и—или преграждать непріятелю пути наступленія, или угрожать путямъ его отступленія. Для этого однако самымъ важнымъ было своевременное полученіе вѣрныхъ свѣдѣній о сборахъ и замыслахъ горцевъ. Князь Аргутинскій въ этомъ отношеніи былъ болѣе или менѣе обезпеченъ, благодаря отчасти устроеннымъ имъ отношеніямъ къ разнымъ ханамъ и владѣтелямъ покорныхъ обществъ, а также многимъ давнишнимъ его связямъ и знакомствамъ съ нѣкоторыми горцами, хотя и остававшимися въ рядахъ подвластныхъ Шамилю, но не стѣснявшимися за хорошее вознагражденіе измѣнять его дѣлу. Случалось при всемъ томъ однако что Шамилю удавалось съ чрезвычайною ловкостью вводить насъ въ обманъ и партіи его появлялись какъ свѣтъ на голову, гдѣ ихъ меньше всего можно было ожидать: такъ и случалось въ описываемое мною время—въ іюнь 1851 года.

Еще 17го іюня на Кутушинскихъ высотахъ князь Аргутинскій узналъ что горцы что-то замышляютъ, что Шамиль прибылъ изъ своей резиденціи Ведень въ окрестности Турчидага и собираетъ большія массы людей. По слухамъ онъ намѣренъ былъ ворваться въ Нухинскій уѣздъ, чему князь не повѣрилъ, ибо зная расположеніе войскъ въ соседнемъ районѣ Лезгинской кордонной линіи, находилъ такое движеніе невозможнымъ и грозившимъ Шамилю опасностью быть отрезаннымъ отъ горъ. Онъ думалъ что скорѣе горцы могли замышлять что-нибудь противъ лѣваго фланга Лезгинской линіи, то-есть Кахетіи. Въ этомъ случаѣ Аргутинскій очевидно ошибался, ибо такое движеніе по самымъ возвышеннымъ мѣстамъ главнаго хребта, въ іюнь еще покрытымъ

свѣдомъ, было бы сопряжено даже для горцевъ съ необычайными трудностями и опасностями. На всякій случай были сдѣланы нѣкоторыя передвиженія войскъ къ Казикумухскому ханству. Когда же 18го числа свѣдѣнія о прибытіи Шамиля къ Чоху окончательно подтвердились, часть собраннаго на Кутитинскихъ высотахъ отряда двинута была на Гамашинскія высоты.

Утромъ 21го числа произошло описанное мною выше * дѣло при подъемѣ на Турчидагъ, но уже къ вечеру того же дня получены свѣдѣнія что большая партія горцевъ потянулась черезъ южныя части ханства по направленію къ Кайтаху (Дербентской губерніи). Итакъ дѣло 21го числа было очевидно только демонстраціей. Тотчасъ были посланы два баталіона съ нѣсколькими сотнями конной милиціи и казаковъ въ соответствующемъ направленіи. Горцы 23го числа были встрѣчены неожиданно на одномъ изъ переваловъ и послѣ незначительной перестрѣлки отступили. Шамиль, разсерженный за такой неуспѣхъ, смѣнилъ всѣхъ трехъ наибовъ начальствовавшихъ партіей. 1го іюля опять пришло извѣстіе что Шамиль не оставилъ своего намѣренія и поручилъ дѣло своему лучшему помощнику, извѣстному наѣзднику наибу Гаджи-Мурату съ отборными сотнями Аварцевъ и что Гаджи-Муратъ ночью выступилъ изъ Чоха, но неизвѣстно въ какомъ направленіи. Немедленно было послано извѣщеніе всѣмъ войскамъ расположеннымъ въ разныхъ пунктахъ по направленію черезъ Мехтулинское ханство къ Шурѣ чтобъ удвоить бдительность; нарочные изъ конныхъ милиціонеровъ поскакали во всѣ концы съ „летучками“. Такъ назывались пакеты экстреннаго содержанія, и я помню что для приданія наружному виду этихъ пакетовъ лучшей экстренности и необходимости везти ихъ безостановочно отъ одного поста до другаго, къ сургучной печати приклеивали кусочекъ гусиного пера съ лукомъ, выходило уподобленіе крылу, а отъ того названіе „летучки“. На Лезгинской линіи практиковалось это постоянно еще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Иногда же, чтобы дать знать о прорывѣ хищнической партіи или внезапномъ нападении и т. л., посылались отккрытыя, не запечатанныя извѣщенія отъ поста до поста, отъ станицы

* См. Русск. Вѣстн. № 6, 1877 года.

до станицы, и эти извѣщенія назывались, даже и въ официальной перепискѣ, „цыдулами“ (?). Встрѣтишь, бывало, скачущаго по дорогѣ Довца.—Ты куда? „Съ *лмучкою* или съ *цыдулою*, ваше благородіе.“ Дошао до того что Довцамъ говорили: „эхъ ты, *лмучка*!“

Итакъ дали знать повсюду чтобы были осторожны и строго наблюдали за дорогами. Но это не помогло и Гаджи-Муратъ ночью на 2е число уже перешелъ между малымъ Дженгутаемъ и Дуравги (солдаты называли этотъ аулъ Дураки) въ Губденскіе лѣса, а на разсвѣтъ 3го числа очутился уже въ селеніи Буйнакъ, на почтовой дорогѣ изъ Дербента въ Шуру, въ тылу всѣхъ нашихъ отрядовъ, линий, укрѣпленій и проч. Въ тридцать часовъ онъ сдѣлалъ съ своими удалцами 150 верстъ по горамъ, оврагамъ и лѣсамъ, лавируя притомъ между войсками, пикетами и мѣстнымъ населеніемъ, между коими могли найтись и такіе что дали бы знать ближайшимъ русскимъ властямъ.

Буйнакъ, столь памятный читателямъ тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ по фантастической повѣсти Марлинскаго *Амалатъ-Бекъ*, аулъ принадлежащій къ владѣніямъ Шамхала Тарковскаго, расположенъ на плоской полостѣ прилегающей къ берегу Каспія; аулъ живописно раскинулся на небольшой горкѣ, среди садовъ, и своими каменными саками, двумя-тремя старинными башенками обращалъ вниманіе всякаго проезжаго въ Шуру. Здѣсь была почтовая станція, постъ съ десяткомъ казаковъ для конвоирования почты и т. п. Въ аулѣ жилъ, управлялъ и пользовался доходами съ него братъ Шамхала, гвардіи штаб-ротмистръ Шахъ-Вали.

Внезапно ворвавшись въ аулъ и прямо къ дому Шахъ-Вали, вздумавшаго защищаться, горцы самого его и нѣсколько человѣкъ его кучеровъ застрѣлили, весь богатый домъ ограбили, а жену съ латію дѣтьми и служанкой захватили съ собой, бросившись сначала по почтовой дорогѣ къ станціи и аулу Каякентъ, оттуда далѣе черезъ Терекмейскій участокъ Дербентскаго уѣзда въ Каракайтахъ, гдѣ присоединивъ къ своей партіи нѣсколько десятковъ мѣстныхъ разбойниковъ, Гаджи-Муратъ перешелъ въ Вольную Табасарань. (Названіе вольной она носила въ отличіе отъ другой Табасарань, имѣвшей своихъ бековъ-владѣльцевъ,

но обѣ Табасарани одинаково были изъ числа изстари намѣ локорныхъ и входили въ составъ Дербентской губерніи.)

Князь Аргутинскій, предполагая что Гаджи-Муратъ послѣднѣе съ награбленною добычей пробираться въ горы, распорядился занять всѣ извѣстныя пути, особенно тотъ по которому неудачно пробирались предшественники Мурата, а самъ остался въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій на Турчидагѣ.

Между тѣмъ смѣлый помощникъ Шамиля вовсе не думалъ объ отступленіи. Ободренный успѣхомъ и сочувственною встрѣчей среди населенія Кайтаха и Табасарани, на что при отдаленности этихъ обществъ отъ центра мюридизма онъ едвали много разчитывалъ, Муратъ рѣшился остановиться тамъ на болѣе продолжительное время и со своими семьями удалцовъ укрѣпиться въ дѣсу Улаумень. Это вынудило дербентскаго губернатора Г. М. Минькица собрать наскоро двѣ роты линейныхъ баталіоновъ и двѣ роты Самурскаго полка съ нѣсколькими милиціонерами и отправить ихъ въ Кайтахъ. Однако это не произвело никакого дѣйствія: такой отрядецъ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго, а между тѣмъ жители стали уже массами переходить на сторону мюридовъ. Оказалось что намъ предстоитъ дѣло уже не съ партіей Гаджи-Мурата, а съ возставшими населеніями двухъ значительныхъ обществъ, близъ самаго ядра южно-дагестанскаго мусульманскаго населенія, почти на границѣ Шемахинской губерніи и на нашихъ сообщеніяхъ. Требовались рѣшительныя мѣры. Это и было поводомъ выступленія отряда съ Турчидага.

Имѣя однако въ виду что Шамиль со значительнымъ скопленіемъ горцевъ все еще оставался недалеко отъ Казикумуха и въ наше отсутствіе могъ предпринять въ тылу что-нибудь, князь Аргутинскій вынужденъ былъ ограничиться небольшимъ числомъ бывшихъ въ его распоряженіи войскъ, прикрыть по возможности всѣ болѣе важныя пункты и такимъ образомъ занять довольно опасное, растянутое положеніе. Онъ самъ отлично понималъ это, но больше ничего не оставалось дѣлать. Обо всемъ этомъ, предъ выступленіемъ съ Турчидага, было донесено подробно военному министру, который, по заведенному порядку, всѣ подобныя донесенія докладывалъ государю, читавшему ихъ всегда съ

большимъ вниманіемъ. На этомъ военномъ журналѣ покойный государь Николай Павловичъ, 29го іюля 1851 года, собственноручно написалъ: „дурное начало“. Эти два законическія слова доказываютъ однако вполне ясно что онъ былъ отлично знакомъ съ кавказскими дѣлами и имѣлъ вполне правильный на нихъ взглядъ. И дѣйствительно, при такомъ положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ, достаточно было одной какой-нибудь неудачи, разбитія одного изъ разбросанныхъ по краю небольшихъ отрядовъ, или овладѣнія какимъ-нибудь укрѣпленнымъ пунктомъ, чтобы искра превратилась въ пламя, обхватила весь край и пошла бушевать какъ въ 1843 году. Не всегда можно было разчитывать на одну лишь беззапятную храбрость нашихъ войскъ: бывають случаи, когда и героямъ не удается побѣдить; опасность была тѣмъ болѣе серьезна что мусульманскій Кавказъ, да еще въ то время, можно сравнить съ вулканомъ, на которомъ мы стоимъ въ ежечасномъ ожиданіи взрыва.

XXXVIII.

Послѣ такого длиннаго отступленія, возвращаюсь къ прерванному разказу о нашемъ походѣ.

Великолѣпно было утро 8го іюля 1851 года. Въ самомъ веселомъ расположеніи духа вытягивались мы изъ Кумуха въ ущелье, провожаемые худо скрытою завистью оставшихся на мѣстѣ товарищей. Путь на югъ, или правильнѣе на юго-востокъ, былъ чѣмъ-то необычнымъ, особенно для насъ Дагестанцевъ; мы съ Апшеронцами и съ Самурцами все больше кружили по сѣверо-западной части края, а та южная составляла специальность Шарванцевъ, какъ поселенныхъ вблизи въ Кусарахъ. Понятно что любопытство было возбуждено въ высшей степени. Только и случилось: господа, куда это мы идемъ?

„Про то барабанщики знаютъ,“ сострѣлъ вдругъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ. (Барабанщики и горнисты идутъ всегда впередъ, а баталіонъ уже за ними.)

Послѣ небольшого перехода, мы привалили у селенія Кюлюли. Здѣсь въ 1842 году князь Аргутинскій, тогда еще генералъ-майоръ, начальникъ небольшого отряда, назыв-

вазшаго Самурскимъ и имѣвшаго ограниченныя районъ дѣйствій въ южномъ Дагестанѣ, разбилъ на голову горцевъ, успѣвшихъ возмутить Казикумухское ханство и захватить въ плѣнъ своего окружнаго начальника подполковника Снаксарева съ нѣкоторыми другими офицерами. Объ этомъ славномъ дѣлѣ зналъ весь Кавказъ, оно было главнымъ фундаментомъ извѣстности и послѣдующей карьеры князя Моисея Захаровича. Была и солдатская лѣтня про Кюмюлинское дѣло, въ которой помнится мнѣ прилѣтъ: „ай люди, ай люди, какъ мы брали Кюмюли, а генералъ Абасъ-Кули, растерялъ свои туфли“ и т. д. (Генералъ-майоръ Абасъ-Кули Бакихановъ, возведенный русскимъ начальствомъ въ кубанскіе аристократы, весьма преданный Россіи человекъ, былъ большимъ любимцемъ Аргутинскаго и всегда назначался начальникомъ кавалеріи въ отрядахъ, ибо кавалерія большею частью и исключительно почти состояла изъ туземныхъ милицій, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ сотенъ Донцовъ. Человекъ онъ былъ хорошій, но особую воинственность не отличался.

Въ позднія сумерки достигли мы селенія Хозрекъ. Я не говорю ничего о природѣ: это было бы лишь безпрерывнымъ повтореніемъ уже мною не разъ сказаннаго и давно извѣстнаго. Горы и горы, кое-гдѣ острья, шифернопластныя, кое-гдѣ покрытыя сочною зеленою травой; подъемы и спуски, вездѣ камень, солнце жжетъ, нигдѣ ни деревца. Хозрекъ извѣстенъ тѣмъ что здѣсь кажется въ 1823 или 24 году, еще въ самомъ началѣ возникновенія ученія мюридовъ и провозглашенія газавата, извѣстный слодвижникъ Цицiana, Ермолова и Паскевича, генералъ князь Мадатовъ разбилъ толпу фанатиковъ, впервые собравшихся осущестлять идею священнои войны противъ гяуровъ.

Послѣ ночлега у Хозрека, подошли мы 9го числа къ укрѣпленію Чирахъ—памятнику героическаго подвига двухъ офицеровъ нашихъ: Овечкина и Щербина, которые съ горетью солдатъ, лишенные воды, почти ужь безъ патроновъ, съ большею половиною израненныхъ людей, сами истекая кровью, все-таки отбили отъ нѣскольکو тысячной толпы осаждавшихъ укрѣпленіе горцевъ (этотъ подвигъ описанъ Марлинскимъ).

Такъ на Кавказѣ почти каждый шагъ напоминаетъ о доблести и отвагѣ русскаго вождата, о героически пролитой крови

и вдали отъ родины честно сложенныхъ костяхъ. Мы равнодушны къ нашей славѣ, мы какъ-то скоро забываемъ и не придаемъ особой цѣны подвигамъ, которые другая нація возвѣстила бы міру и въ стихахъ и въ прозѣ, и въ картинахъ, и въ памятникахъ. Какъ будто у насъ мало дѣлъ ничуть не уступающихъ подвигу Грека Леонида съ его тремястами человѣкъ защищавшаго Фермопилы! Вспомните дѣйствія полковника Карякина съ отрядомъ въ 400 человѣкъ противъ двѣнадцатитысячной арміи Персіянъ подъ начальствомъ Абасъ-Мирзы, вспомните подвигъ Овечкина и Щербина, вспомните защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія, взорвавшихъ себя вмѣстѣ съ непріателемъ на воздухъ, вспомните Баязита наконецъ. Это ли не подвиги! Развѣ не достойны удивленія и вѣчной славы солдаты Эриванскаго полка Гаврило Сидоровъ, бросающійся въ канаву и подставляющій свои плечи чтобы по немъ можно было провезти пушки, задерживающій отрядъ Карякина, и умирающій со словами: „прощайте, братцы, не ломинайте духомъ“, на что ему отвѣчаютъ: „моли Бога за насъ“. Вотъ и теперь, подъ Карсомъ, какъ лишетъ г. Терентьевъ въ *Русскомъ Мирѣ*, фельдфебель, смертельно раненый шестью пулями, испустилъ духъ со словами: „Господи, дай-то нашимъ успѣхъ!“ А унтеръ-офицеръ Даниловъ, сожженный на кострѣ Коканцами и не измѣнившій вѣрѣ и своему долгу?

На ночлегъ у Чираха присоединились къ намъ еще два баталіона Ширванцевъ. Великолѣпно, съ иголочки одѣтые, въ новыхъ недавно введенныхъ тогда въ армію юфтовыхъ ранцахъ, свѣжіе, бодрые люди, со старыми усачами и бабенбардистами молодцами въ гренадерскихъ ротахъ, съ захватскими лѣселяниками, Ширванцы, въ сознаніи своей древней боевой славы, импонировали намъ, сильно поизносившимся, съ холщевыми мѣшками вмѣсто ранцевъ, уже болѣе года въ походѣ бывшимъ Дагестанцамъ. Слышались легкія насмѣшки и намеки на наше происхожденіе отъ *русскихъ* полковъ. (Я уже упоминалъ что Дагестанскій полкъ только въ 1846 году былъ сформированъ изъ баталіоновъ Волынскаго и Мурскаго полковъ 5го пѣхотнаго корпуса, приходившаго на Кавказъ и не пожавшаго особыхъ лавровъ.) Я сейчасъ же замѣтилъ это отношеніе къ намъ и очевидное желаніе Ширванцевъ задать предъ нами шкуру. Ничего, думали мы въ свою очередь, подождемъ дѣла, видно будетъ лапше ли мы.

Когда Ширванцы подходили, мы невольно бросились въ глаза двѣ выдававшіяся фигуры, о которыхъ я и спросилъ у оказавшагося моимъ знакомымъ молодого ширванскаго прапорщика князя Гагарина, племянника кутаисскаго генералъ-губернатора. Фигуры эти были: артиллерійскій подпоручикъ, обращающій на себя вниманіе полнотою не по чину; оберъ-офицеръ, да еще ниже калитавскаго чина, долженъ быть если не худощавый, то отяудъ не толстый,—это привилегія генераловъ и штабъ-офицеровъ. А тутъ вдругъ подпоручикъ съ фигурой по крайней мѣрѣ штабъ-офицера! Это былъ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, известный нынѣ писатель по военнымъ вопросамъ, а тогда только-что возвратившійся изъ продолжительнаго заграничнаго проживанія и отправленный не по собственному желанію на Кавказъ артиллерійскимъ офицеромъ. Обстоятельства свели меня послѣ съ нимъ довольно близко, и въ своемъ мѣстѣ я подробно разкажу объ этомъ. Тогда же Фадѣевъ пользовался большимъ расположеніемъ Ширванцевъ за свой веселый характеръ и блестящее острословіе, сылавшее каламбурами, парадоксами, удачными сравненіями, и по-русски и по-французски, какъ ракетами.

Вторая фигура обращала на себя вниманіе еще болѣе небывалымъ видомъ: въ солдатской шинели, въ очкахъ и верхомъ (подумайте объ этомъ явленіи двадцать лѣтъ назадъ, при тогдашнихъ строгихъ порядкахъ!) и съ французскою книгой въ рукахъ. Это былъ сосланный по дѣлу Петрашевскаго изъ молодыхъ дипломатовъ, коллежскій ассессоръ Головинскій или Голынский, — не ручаюсь за свою память. На Кавказѣ вообще инокѣ былъ уже вкоренившійся обычай относиться самымъ снисходительнымъ, даже предупредительно внимательнымъ образомъ ко всякимъ разжалованнымъ Русскимъ, Полякамъ, безъ различія. Счастливцы были тѣ которые попадали къ намъ, а не въ Оренбургскій или Сибирскій корпусъ. Тамъ они встрѣчали педагогическій взглядъ того времени на „нижняго чина“, да въ добавокъ безъ исключенія офицеровъ изъ бурбоновъ, т.е. выслужившихся изъ кантонистовъ и сдаточныхъ, а такіе въ тѣ времена были бичомъ для солдатъ: бурбоны какъ будто вымѣщали то что перенесли когда-то сами: воспоминаніе о проглоченныхъ зуботычинахъ, о перенесенныхъ тысячахъ палокъ проявлялось какимъ-то зудомъ

производить такіа же операціи надъ другими. У насъ было нѣсколько ротныхъ командировъ изъ такихъ господъ, пользовавшихся особымъ благоволеніемъ полковаго начальства и въ такой же мѣрѣ ненавистью солдатъ... Я въ службы вовсе не маскировалъ своего къ нимъ презрѣнія. Нашъ полковой командиръ составлялъ и въ этомъ случаѣ исключеніе изъ принятаго на Кавказѣ обычая: къ разжалованнымъ относился безъ всякаго снисхожденія, И въ Дагестанскій полкъ былъ присланъ рядовымъ одинъ изъ участниковъ по дѣлу Петрашевскаго, нѣкто Толстовъ (объ немъ буду еще подробно говорить ниже), но его П. Н. Броневскій встрѣтилъ словами: „ослушайтесь закона!“ и лотачки никакой приказалъ не давать, хотя все же его принимали въ числѣ юнкеровъ и только бурбоны говорили ему „ты“. Повторяю уже сказанное: полковникъ Броневскій былъ человѣкъ образованный, но рабъ усвоеннаго имъ воззрѣнія на необходимость преувеличенной строгости, педантизма, какого-то аскетизма въ образѣ жизни войска, какъ будто безъ этого грозило распаденіе арміи. Къ тому же желчный, раздражительный.

Послѣ двѣдней, отрядъ тронулся дальше. Оставивъ вѣнчу аулъ Эмохъ, очень живописно раскинувшійся на зеленющей высотѣ, весь облитый горячими лучами утренняго солнца, отъ чего выбѣленные сакаи и мечеть съ минаретомъ казались какою-то особенно оригинальною бѣлою массой, въ противоположность большинства горскихъ ауловъ, всегда темнотраго мрачнаго вида, мы перелезали чрезъ крутую гору Кукма-дагъ и въ 11 часовъ прибыли въ Буршакъ, у подношья хребта отдѣляющаго Казикумухское и Кюрипское ханства отъ Вольной Табасарани. Недостатокъ положительныхъ свѣдѣній о непріятелѣ заставлялъ отрядъ отставаться 12е число у этого аула, что послѣ крайне трудныхъ переходовъ, конечно, весьма радовало солдатъ; у насъ же все сильнѣе и сильнѣе возбуждало нетерпѣніе скорѣе встрѣтить непріятеля.

Наконецъ стало достоверно извѣстно что Гаджи-Муратъ утвердился близъ Табасаранскаго аула Гужникъ, въ густомъ лѣсу покрывающемъ ущелье рѣки Рубасъ, что онъ укрѣпилъ дорогу сильными завалами, а мелкія партіи возмущавшихся жителей, подъ начальствомъ своихъ мюридовъ, разослалъ по разнымъ направленіямъ для распространенія

возстанія и наказыванія тѣхъ которые уклонялись отъ этого. Терроризованіе было всегда однимъ изъ самыхъ употребительнѣйшихъ средствъ Шамилевской системы.

Узнавъ однако о приближеніи самого командующаго войсками со значительнымъ отрядомъ, неуверенный въ возможности удержаться съ своими нѣсколькими стами человекъ, когда общаго возстанія народонаселенія онъ все еще не добился, а главное боясь быть отрѣзаннымъ отъ пути отступленія въ Аварію, Гаджи-Муратъ нашелъ нужнымъ бросить свою позицію у Гужника и отойти къ аулу Хива, отъ котораго легче можно было, въ случаѣ надобности, пробраться на Рычу въ горы. Обо всемъ этомъ свѣдѣнія были получены утромъ 13го числа и тотчасъ вся кавалерія была послана въ такомъ направленіи, чтобы преградить путь неприятелю на Рычу.

14го числа новыя свѣдѣнія убѣдили что Гаджи-Муратъ опять обманулъ насъ. Пустивъ слухъ о движеніи къ Хивѣ, чтобы ввести насъ въ заблужденіе и заставить думать будто онъ озабоченъ отступленіемъ, онъ снялся съ своею партией у Гужника и выступилъ совершенно въ противоположную сторону—внутрь края чрезъ южную въ сѣверную Табасаранъ къ аулу Хошми. Удаляясь такимъ образомъ отъ встрѣчи съ нами, онъ выигрывалъ время для возбужденія возстанія жителей, что и составляло его главную цѣль, въ случаѣ достиженія коей результаты могли оказаться для дѣла мюридовъ блестящими. Пришлось немедленно возвратить кавалерію, отбывшую напрасно два-три усиленныхъ перехода.

Смѣлый, ловкій партизанъ Гаджи-Муратъ удачно маневрировалъ, вводя насъ въ заблужденіе. Будь на мѣстѣ князя Аргутинскаго другой, менѣе знакомый съ горами и Кавказомъ генералъ, онъ легко могъ бы поддаваться всѣмъ подобнымъ, ловкимъ вполне достовернымъ, извѣстіямъ и бросался бы, конечно, съ отрядомъ то въ одну, то въ другую сторону, что въ горахъ, въ июльскій зной, напрасно изнурило бы отрядъ, обремененный къ тому же значительнымъ вьючнымъ обозомъ. Осторожный же нашъ Мойсей Захаровичъ не суетился, выжидалъ, медлилъ, ограничивался наконецъ одною кавалеріей, для которой два-три лишннихъ движенія дѣломъ, при обилии травы, не могли составить большаго обремененія, и вообще это былъ „кункаторъ Дагестанскій“.

Выждавъ возвращеніе кавалеріи и окончательно убѣдившись въ уходѣ непріятеля къ Хожан, князь Аргутинскій двинулъ 15го числа отрядъ впередъ. Поднявшись на довольно высокій хребетъ, мы увидѣли предъ собою все ущелье Рибаса. Картина была очаровательная. Въ северномъ и южномъ Дагестанѣ, среди голыхъ обрывистыхъ скалъ и угрюмо-мрачныхъ ауловъ, мы совсѣмъ отвыкли отъ такого рода мѣстности какая представилась здѣсь глазамъ нашимъ. Великолѣпные, густые лѣса, купы дикихъ фруктовыхъ деревьевъ, среди зелени одинъ за другимъ аулы Вольной Табасарани, все было чистенькія сакаи, раскинувшіеся на отлогихъ покатоствахъ, кругомъ еще не сжатыя густо заросшія хлѣбомъ и кукурузой поля, все глядѣло какъ-то особенно пріятливо, какъ бы улыбаясь чистому небу и жаркому солнцу. Прелестный, уютный уголокъ, созданный не для грохота пушекъ, не для меча и огня! Но взглянувъ на извивавшуюся съ горы въ ущелье дорогу терравшуюся затѣмъ въ лѣсныхъ чащахъ, мы предчувствовали что путь нашъ будетъ не тихо-идиллическими мечтаніями сопровождаться. Лѣсные завалы на узенькой дорожкѣ напоминали о нѣсколькихъ чеченскихъ катастрофахъ, знакомыхъ нѣкоторымъ по собственному опыту, другимъ по свѣжимъ разказахъ. Въ такихъ мѣстахъ, если необходимость уже заставляетъ непременно ихъ проходить, главное условіе быть войскамъ по возможности налегкѣ, чтобы артиллерія, и особенно обозы не задерживали и не стѣсняли движенія. И хотя у насъ артиллерія была исключительно горная, а обозъвьючный, но послѣдній, по невозможности разчитывать на продовольствіе реквизиціоннымъ или вообще мѣстнымъ способомъ, былъ весьма великъ и состоялъ изъ большого количества такъ-называемыхъ черводарскихъ, т.-е. наемныхъ у закавказскихъ Татаръ лошадей. Эти черводары были сущимъ нашимъ наказаніемъ. Коня у нихъ вѣчно приставали, падали подъ тяжелою ношею; вьюки сваливались; при подѣмахъ неуклюжія сѣдла съѣзжали на хвостъ, а при спускахъ на шею лошади; ежеминутныя остановки, перевьючиванія, пересѣдыванія, брань, крики. Арьергардному баталіону доставалась горькая доля мучиться съ этою „аравой“ и утомленнымъ солдатамъ не было худшаго наказанія, какъ помогать черводарамъ въ ихъ Сизифовой работѣ. Отрядъ успѣвалъ уже придти на пози-

цію, отдохнуть, разбить палатки, а арьергардъ все еще гдѣ-нибудь назади возился изъ-за одной улавленной лошади, или сваливагося съ кручи вьюка оухарей. Съ такимъ обозомъ предстоявшее намъ движеніе въ лѣса не могло не казаться рискованнымъ.

— А жарко будетъ сегодня, господа, оказалъ я, собравшимся за закуской у нашего баталіонера Соймонова нѣсколькимъ офицерамъ.

— Что же-съ, на то іюль мѣсяцъ, шуртучки снять можно-съ, отвѣчаетъ покойный Соймоновъ, какъ будто не понимая что я понималъ подъ словомъ „жарко будетъ“.

Однако мы напрасно безлокалились. Осторожный князь Аргутинскій не любилъ напрасныхъ потерь, да и къ лѣтней войнѣ не привыкъ: онъ весь вѣкъ все въ горахъ воевалъ. Осмотрѣвъ такъ картинно раскинувшееся предъ нами ущелье онъ счелъ за лучшее обойти его по гребню горъ, хоть бы и по худшимъ дорогамъ. И потянулись мы по какой-то тропинкѣ черезъ Кошанъ-дагъ, и по открытымъ отрогамъ хребта, то спускаясь, то поднимаясь, подвигались на слѣдующую горную цѣль и ночевали на Фухти-дагѣ.

16го іюля отъ разсвѣта и до самаго почти вечера двигались мы опять по какимъ-то горнымъ дорогамъ, то спускаясь чуть не въ преисподнюю, то опять взбираясь подъ облака; до перваго часа душный жаръ томилъ насъ до невозможности, а за тѣмъ вдругъ напозади тучи и разразился ливень, не оставившій на насъ сухой ниточки. Баталіонъ нашъ былъ въ арьергардѣ и набрались мы муки ужасной, — черводарскія лошади съ каждымъ днемъ становились слабѣе и не выдерживали горныхъ переходовъ. Наконецъ дождь пересталъ, небо стало очищаться отъ тучъ, воздухъ сдѣлался такимъ чистымъ, живительнымъ что даже измученныя клачи какъ будто легче стали выступатьъ, а लोगушники рѣже издавать свои дикіе покрики. Часовъ около шести вечера мы спустились на какую-то поляну, гдѣ отрядъ уже успѣлъ разбить лагерь, и ставъ на указанное намъ мѣсто тоже начали снимать съ коней перемокшія палатки и вьюки, — какъ вдругъ совершенно неожиданно почти совсѣмъ потемнѣло. Что за диво, въ шесть часовъ, въ іюль мѣсяцъ, ночь! Кинулись смотрѣть часы: всѣ съ незначительными разницей стоятъ около шести. Даже лагерьный шумъ какъ будто стихъ и всеобщее недоумѣніе разрѣшилось черезъ нѣсколько

минутѣ, когда вдругъ вновь разъяснило, солнце показалось еще въ полномъ блескѣ и мы вспомнили о предсказанномъ на 16е іюля 1851 солнечномъ затмѣніи.

17го числа взобрались мы опять на какую-то высоту Каргуль-Келухъ и по скату ея у аула Куярыхъ стали лагеремъ. Вдали на высотахъ видѣлись непріятельскіе ликеты и такимъ образомъ мы наконецъ послѣ десяти дней утомительнаго похода сблизились съ противникомъ. Окрестности Куярыха представляли довольно грустную выжженную солнцемъ картину; травы не было, да и воды немного. На фуражиромъ посланныхъ отъ лагеря версты за двѣ началъ непріятель, тотчасъ же атакованный съ одной стороны 2мъ баталіономъ Ширванцевъ, съ другой драгунами и кубанскими милиціонерами. Горцы засѣли за камнями и ложбинами довольно крутой высоты, по которой Ширванцы и ползали вверхъ. Намъ изъ лагеря отаично было видно все это дѣло, весь рядъ этихъ вонхивавшихъ бѣлыхъ дымковъ, самыя были сигналы рожковъ, наконецъ ура! и баталіонъ очутился на верху, а непріятель скрылся. Однако эта первая встрѣча въ видѣ интродукціи, обошлась намъ не совсемъ дешево: три солдата были убиты, два офицера и 26 человекъ солдатъ ранены.

18го числа отрядъ остался на мѣстѣ, а воиновъ раненыхъ и больныхъ отправили уже пройденнымъ путемъ назадъ въ укрѣпленіе Курахъ. Въ этотъ день къ намъ присоединились во множествѣ различные ханы, беки, аристократы-туземцы со своими конвоями и милиціями. Самымъ замѣтнымъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ Юсуфъ-бекъ, управлявшій Кюринскимъ ханствомъ, слышій за весьма искренно намъ преданнаго человека. Какъ братъ уведенной Гаджи-Муратомъ изъ Буйнака жены Шахъ-Вади, Юсуфъ-бекъ былъ особенно озабоченъ на мюридовъ, представителей чистаго демократизма и потому вообще враждебныхъ всемъ высшимъ мусульманскимъ сословіямъ.

Свѣдѣнія о непріятелѣ получались между тѣмъ разнорѣчивыя. Одни говорили что онъ будетъ держаться до крайней возможности, дабы въ случаѣ успѣшнаго отраженія русскихъ войскъ распространить возмущеніе; другіе утверждали что Гаджи-Муратъ только обманываетъ Табасаранцевъ и, видя невозможность успѣха, заботится о благополучномъ отступленіи со своими мюридами. Эти разнорѣчія вынуж-

дали князя Аргутинскаго не предпринимать ничего рѣшительнаго и выжидать. На всякій же случай, чтобы непріятель не могъ безнаказанно уйти, предписано было 1му баталіону Дагеставскаго полка, слѣдившему форсиреваемыми маршами изъ Чирьюрта на соединеніе съ отрядомъ, остановиться у укрѣпленія Чираха, откуда можно было удобно при первомъ извѣстіи броситься на перерѣзъ отступавшаго изъ Табасарани Гаджи-Мурата. Кстати вспоминаю здѣсь объ этомъ замѣчательномъ маршѣ 1го баталіона: въ семь дней онъ пришелъ изъ Чирьюрта на рѣкѣ Сулакѣ къ Чираху, сдѣлавъ болѣе 215 верстъ по горнымъ, каменистымъ дорогамъ, съ полнымъ походнымъ лагомъ на плечахъ, въ июльскіе жары, и оставивъ по дорогѣ заболѣвшими кажется ~~трехъ~~ ^{тридцать} человекъ изъ 750! Вотъ это Суворовскіе походы, никого однако на Кавказѣ не удивлявшіе.

На нашей лагерной позиціи между тѣмъ, для разнообразія, непріятель предпринималъ безвредныя для насъ демонстраціи. То ночью вдругъ съ нѣсколькихъ высотъ раздавались по лагерю выстрѣлы, на которые мы не отвѣчали; то нѣсколько человекъ подкрадывались къ мѣсту гдѣ лагерь бралъ воду, и изъ-за камней стрѣляли по людямъ,—одного солдата такъ и убили тутъ. Строжайше было приказано не пускать людей по одиночкѣ безоружныхъ къ водѣ, а нарядовать команды. По этому случаю вышла у насъ презабавная сцена. Только-что передали по ротамъ это приказаніе, а дежурный по отряду, одинъ изъ ширванскихъ штабъ-офицеровъ, получивъ сильную головомойку отъ командующаго войсками, бѣжалъ впопыхахъ по лагерю съ предвареніями не пускать людей къ водѣ,—смотримъ, нашъ солдатъ несетъ требуху отъ только-что зарѣзанной скотины и пробирается очевидно къ водѣ мыть ее. Мы стояли въ эту минуту съ баталіономъ у палатки.

— Эй, ты, иди-ка сюда, кричитъ Соймазовъ солдату.

Подходить.

— Ты куда это, миленькій, идешь?

— На воду, ваше высокоблагородіе, требуху помыть.

— Ахъ ты, такой-сякой, не слыхалъ приказанія? изъ-за васъ, скотовъ, тутъ отвѣчать приходится. Ординарецъ, возьми-ка у него эту требуху, да валяй-ка его по мордѣ.

Подбѣжавшій унтеръ-офицеръ беретъ мокрую требуху и хлопъ ею бѣднаго солдатика разъ-другой по лицу, обливая

его отвратительною вонючею жижицей... Кругомъ высылали солдаты; всеобщій хохотъ. Сконфуженный обладатель гастрономическаго куска ретируется, вытирая полою шинели заляпанную рожу.

Наконецъ 21го іюля рѣшено было идти и атаковать все еще остававшася у Хошни-Гаджи-Мурата. Чтобы еще болѣе облегчить предстоявшее движеніе по лѣсамъ, внушавшимъ непроходимому и непривычному къ нимъ князю Аргутинскому болѣнія опасенія, рѣшено было оставить отрядъ безъ палатокъ и облегчить до возможной степени обозъ, отославъ навадъ 400 вьюковъ. Въ это число включили почти все офицерскіе вьюки, за исключеніемъ конечно штабныхъ. Этимъ счастливицамъ всѣ удобства, хорошій столъ у начальства, спокойный сонъ, когда другіе всю ночь мерзнутъ и мокаютъ въ цѣли или секретъ, имъ же за то — лучшія и, главное какъ можно скорѣе, награды.

Такимъ образомъ мы остались уже совершенно налегкѣ; каждый изъ насъ могъ рѣшительно сказать: omnia mea mecum porto. Этотъ вьючный отрядъ рано утромъ выступилъ, подъ прикрытіемъ обеихъ драгунскихъ эскадроновъ и нѣсколькихъ сотъ конныхъ милиціонеровъ, чрезъ Курахъ въ Чирахъ. Въ предстоявшихъ лѣсныхъ дѣлахъ кавалерія никакой пользы привести не могла.

Часа чрезъ полтора послѣ выступленія этого обоза, двинулся отрядъ чрезъ хребетъ Карлузъ-Кавухъ къ ауламъ Вечрикъ и Куркакъ. На высотахъ, впереди и по бокамъ, видны были конные непріятельскіе аванпосты, которые дали нѣсколько выстрѣловъ и скрылись. Авангардный баталіонъ Ширванцевъ двигался почти безпрелютотно и безъ выстрѣла, вся же толпа по преимуществу лѣшаго непріятеля нашла на нашъ 3й баталіонъ Дагестанцевъ, занимавшій лѣвую цѣль, и частію на аріергардный 1й баталіонъ Ширванцевъ. Въ теченіе четырехчасоваго перехода то лѣсомъ, то открытыми мѣстами, по скверной узкой дорогѣ, горячая перестрѣлка не умолкала ни на минуту; но намъ благопріятствовала мѣстность въ томъ отношеніи что мы двигались выше, а непріятель занималъ покатость и пули его болѣею частію перелетали чрезъ наши головы, когда же онъ, понукаемый мюридами, придвигался ближе къ дорогѣ его встречали картечью, а резервные роты бросались съ громкимъ ура въ штыки и отгоняли его опять по склону внизъ. Будь въ этомъ мѣстѣ нашими противниками Чеченцы, они

Конечно не ограничили бы дѣйствіемъ съ боку, а преградили бы завалами дорогу и встрѣчали бы насъ одновременно съ фронта, что дѣлало бы положеніе гораздо опаснѣе и стоило бы большихъ жертвъ. Наконецъ мы вышли на обширную поляну къ упомянутымъ двумъ ауламъ, и хотя было еще очень рано, но отрядъ остановился, ибо дальше дорога пролегла еще болѣе густымъ лѣсомъ; къ тому же нужно было отдохнуть утомленнымъ войскамъ, двигавшимся подъ палящими лучами июльскаго солнца, нужно было оправиться, пополнить патронами сумки, а главное позаботиться о раненыхъ, которыхъ несли на рукахъ и не успѣли перевязать какъ слѣдуетъ. Потеря наша заключалась въ смертельно раненомъ офицерѣ нашего баталіона прапорщикѣ Герасимѣ Аглицковѣ (умершемъ чрезъ нѣсколько дней) и до 50 солдатъ убитыхъ и раненыхъ.

Расположились мы бивуакомъ на нежатыхъ, по преимуществу кукурузныхъ поляхъ. Всѣ торопились прилечь и вытянуть измороженные члены; солдаты составивъ ружья въ козлы и скинувъ тяжелые ранцы, раскидывались на просторѣ среди высокихъ стеблей. Мнѣ, какъ баталіонному адъютанту, однако не скоро еще можно было воспользоваться отдыхомъ; пришлось собрать свѣдѣнія о потеряхъ, о выпущенныхъ патронахъ, составить рапортъ и отвести въ отрядный штабъ, да десять разъ явиться на зовъ неугомоннаго баталіонера, для выслаушанія его приказаній. Наконецъ локоничалъ и я свои обязанности и явился къ устроенному между тѣмъ однимъ изъ нашихъ ротныхъ командировъ шалашу изъ кукурузныхъ стеблей. Ни выюковъ, ни деньщиковъ съ нами не было; являлся вопросъ, какимъ бы образомъ раздобыть стаканъ чаю. Но не успѣлъ я заговорить объ этомъ наиважнѣйшемъ дѣлѣ, какъ капитанъ Багизардовъ, командиръ 9й мушкетерской роты, кланкулъ горниста и торжественно произнесъ: „возьми чайникъ и завари чай, да живѣй“.

— Ахъ, благодѣтель вы нашъ, милый Степанъ Яковлевичъ, всю жизнь не забудемъ, раздалось нѣсколько головъ.

— То-то вы всѣ, франты, мало еще походовъ по Дагестану сдѣлали; а мы, старики, уже всего испытали и въ распахъ насъ не захватить; мы и безъ выюковъ запасецъ найдемъ,

и чаю выпьемъ, и водочки доставимъ, да и закусточку снарядимъ, произмесь не безъ нѣкотораго тщеславнаго само-довольствія Багизардовъ.

— Господа, ура капитану 9й роты!

Въ ожиданіи блаженной минуты, т.-е. появленія мѣднаго чайника, мы вели оживленный разговоръ о событіяхъ дня, вспоминали эпизоды драки, спорили и—нужно признаться—вели расчеты о будущихъ наградахъ.

— Однако что же чай?

— Горюистъ, что же тамъ долго варится, подавай скорѣе.

— Сейчасъ, ваше благородіе.

Несутъ, несутъ! неволью вспомнилъ я Хлестакова.

Положили ло куску сахару въ стаканы, наливаемъ, не идетъ. Засорилось горлышко что ли? продули, пропустили соломенку, не идетъ. Заглянули въ чайникъ—что за дьяволъ, чаю нѣтъ, а какая-то гуща только виднѣется на днѣ. Что же это такое? спрашиваемъ въ недоумѣніи.

— Эй, горюистъ! Ты что же это сдѣлалъ? гдѣ же чай?

— Точно такъ, ваше благородіе, чай сварилъ.

— Какъ сварилъ, что ты врешь?

— Точно такъ, вы приказали сварить, я и сварилъ.

Каковъ ударъ! варѣзалъ человекъ совсѣмъ: взялъ всю четверку чаю, высыпалъ въ чайникъ, налилъ воды и далъ выкипятъ!.. Сварилъ, какъ крутую кашу.

Взбѣшенный капитанъ готовъ былъ уже кинуться съ кулаками на недоумѣвающего, оторопѣвшаго герюиста, но мы его удержали, разразились смѣхомъ и посылали утѣшеніями. Пришлось еще разъ налить воды и дать закипятъ, такъ что чрезъ часикъ все-таки вылили стакана по два какой-то сѣрой жидкости, а для дальнѣйшаго похода рѣшились раздобыться чаемъ у извѣстнаго метръ-д'отеля князя Аргутинскаго, офицера изъ Имеритинъ Глахуна, съ которымъ я, благодаря грузинскому языку, былъ знакомъ. При этомъ было разказано не мало анекдотовъ, аналогичныхъ съ настоящимъ случаемъ, и одинъ особенно презабавный о томъ какъ сильно продрогши и проголодавшись два наши офицера пріѣхали въ Моздокъ или Георгіевскъ на станцію и не найдя тамъ ничего съѣстнаго, послали бывшего съ нами вѣстового: „бѣги скорѣе въ городъ и вотъ тебѣ два гривенника—на одинъ купи бѣлаго хлѣба, на другой мелоча.“—„Слушаю-съ.“ Проходитъ часъ востерпѣливѣйшаго

ожиданія. Наконецъ вѣстовой возвращается. „Привезъ?“— „Никакъ вѣтъ, ваше благородіе.“— „Это отчего?“— „Вывозать, ваше благородіе, перемѣшалъ гривенники кой на хлѣбъ, кой на молоко.“ Положимъ, это се поп е него... Но дѣйствительно попадались солдатики изъ Бѣлоруссовъ или Мордвы отъ природы тупые, къ тому же при ученияхъ въ резервныхъ баталіонахъ, палками до того притупленные что почти могли считаться идіотами.

Степняго; пробили зорю; пропѣли Отче нашъ; бивуачный шумъ и говоръ утихъ; я отправился въ штабъ за приказаніями.

Первое чтò я тамъ узналъ было непріятное извѣстіе что пока мы дрались съ лѣвыми толпами, Гаджи-Муратъ послалъ своєю конницу напасть на наши выюки. Пользуясь растянутостью въ одинъ конь, мюриды ворвались въ средину и начали рубить фурштатовъ и деньщиковъ, но драгуны, не взирая на неудобную мѣстность, отбили непріятеля и изрубили нѣсколько человѣкъ, при чемъ барабанщикъ 1го эскадрона отхватилъ голову знаменовосцу и взялъ значокъ. Однако нѣсколько верстъ дальше въ лѣсу, на выюки опять было сдѣлано нападеніе и въ этотъ разъ драгуны уже не помогли; горцы изрубили до 30 человѣкъ деньщиковъ и фурлейтовъ, захватили до 50 выюковъ и ушли. Это происшествіе очень олечалило бѣдное офицерство: у большинства все скромное имущество заключалось въ его выючной лошади и выюкъ, въ которомъ и платье, и бѣлье и прочій скарбъ хранился; завести все это вновь изъ скромнаго жалованья не легко. Нашъ баталіонъ оказался однако особенно счастливъ: ни одного офицерскаго выюка у насъ не пропало; пострадали больше казенные съ палатками.

Получивъ и передавъ приказаніе, по коему съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня отрядъ долженъ былъ выступить дальше, а нашему баталіону назначалось идти съ двумя орудіями въ арьергардъ, я вернулся въ шалашъ и легъ. Великолѣпная звѣздная тихая ночь покрывала бивуакъ, окрестныя лѣсистыя высоты въ волшебныхъ очертаніяхъ бросали на насъ свои тѣни, вдали таялся красноватый дымъ—это горѣли зажженные нами по пути аульчики и хлѣбными скирды...

22го іюля было великолѣпное утро. Красное солнце поднималось отъ Каспія и грозило жаркимъ днемъ. На небѣ ни облачка, только дымъ двухъ ближайшихъ зажженныхъ ауловъ лѣниво танулся къ лѣсу. Мы предчувствовали что намъ предстоитъ бой горячѣе вчерашняго. Пробили генераль-маршъ. Солдаты, крестясь, становились въ ружье; на всѣхъ былъ отпечатокъ серіозной думы. Наконецъ тронулся авангардъ, нѣсколько минутъ спустя одинъ за другимъ баталіонамъ Ширванцевъ, въ своихъ лоснившихся юфтовыхъ ранцахъ; потянулись вьюки, носилки съ ранеными, и когда все уже двинулось по дорогѣ, мѣсто бывака опустѣло, раздался голосъ нашего командира Сойманова: „8я гренадерская и 9я роты налѣво въ цѣль, 7я и 8я ротамъ, съ орудіями между ними, въ арьергардъ, да не растягиваться, соблюдать порядокъ и не стрѣлять безъ надобности, беречь патроны.“ Пошли. Верстахъ въ двухъ, на возвышенности, показалась большая толпа съ самимъ Гаджи-Муратомъ, окруженнымъ конными мюридами и нѣсколькими значками; слышны были явственно напѣвы *ла-и-лла, иль-Алла*. Отступали они, дѣлая нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ, еще версты двѣ, наконецъ, по мѣрѣ втягиванія отряда въ лѣсъ, все скопище свернуло влѣво и напало на Ширванцевъ. Шагахъ въ пятидесяти отъ дороги былъ глубокій густо заросшій оврагъ, отъ котораго по покатости было навалево нѣсколько рядовъ срубленныхъ деревьевъ и изъ-за нихъ-то началась жаркая пальба и по авангарду и особенно по разсыпанному въ лѣвой цѣли 1му баталіону Ширванцевъ. Пришлось остановиться. Огонь все усиливался, уже слышались крики ура, мы сближались къ мѣсту боя. Прискакалъ одинъ изъ адъютантовъ командующаго войсками съ приказаніемъ: всѣмъ вьюкамъ подъ прикрытіемъ нашихъ двухъ ротъ свернуть вправо отъ дороги въ рѣдколѣсье, а двумъ другимъ ротамъ съ орудіями усилить лѣвую цѣль и примкнуть къ 1му Ширванскому баталіону.

Соймановъ приказалъ мнѣ проскакать впередъ и заворачивать вьюки. Когда всѣ они перешли въ указанное мѣсто, гдѣ я увидѣлъ и князя Аргутинскаго въ шалкѣ съ наумниками,—онъ не могъ выносить гула пушечныхъ выстрѣловъ,—со всѣмъ его штабомъ и конвоемъ; наши 7я и 8я роты прикрыли это мѣсто, а я возвратился олять чрезъ дорогу къ цѣли. Нѣсколько попытокъ Ширванцевъ выбить

горцевъ изъ ближайшихъ къ дорогѣ заваловъ не имѣли успѣха. Какъ только люди бросались въ лѣсъ, крутая покатость мѣшала твердости хода, залпы въ упоръ вырывали переднихъ изъ рядовъ, нѣкоторые ближайшихъ горцы схватывали за штыки и стаскивали къ завалу, а вслѣдъ за тѣмъ на верхъ летѣли отрубленные головы... Раненные тоже скатывались внизъ и подвергались той же участи.

Между тѣмъ наши двѣ роты загнали немного лѣвымъ плечомъ впередъ и начали стрѣлять во флангъ заваловъ, что заставило горцевъ отдѣлать часть людей противъ насъ и они выйдя изъ оврага, разсыпались по густому хлѣбу, покрывавшему бывшую предъ нами поляну, и открыли частый огонь.

Такъ прошло съ добрыхъ полчаса, дѣло оставалось въ томъ же положеніи, къ счастью и въ этотъ разъ непріятель сосредоточился весь съ одной стороны, оставивъ безъ всякой хоть бы только демонстраціи правую сторону дороги, гдѣ весь все еще значительный обозъ и штабъ прикрывались только нашими двумя ротами. Наконецъ къ самому центру боя сосредоточили шесть орудій и послѣ десятка залповъ картечными гранатами по заваламъ, лихія Ширванскія роты съ крикомъ ура бросались внизъ. Раздались крики Алла, Алла, по лѣсу пошелъ какой-то гулъ и трескъ и стоя, ура все неслось сильнѣе и сильнѣе въ глубь оврага, бывшіе предъ нами кучки тоже бросались назадъ, провожаемые нашими пулями, и чрезъ какихъ-нибудь 15—20 минутъ все стихло. Ошеломякennыя, побитыя бросались толпы изъ заваловъ на другую сторону оврага въ чащу, и уже никакая сила не могла остановить бѣгства...

Путь былъ очищенъ, Ширванцы стянулись обратно на дорогу и отрядъ двинулся впередъ. Кратковременный бой этотъ стоилъ намъ трехъ офицеровъ и до 80 нижнихъ чиновъ. Отличный офицеръ Ширванскаго полка штабсъ-капитанъ Желтухинъ палъ на мѣстѣ, сраженный пулей въ голову.

Засвѣтло, не тревожимый болѣе непріателемъ, отрядъ достигъ аула Хожни.

Еще наканунѣ Табасаранцы, потерявшіе въ перестрѣлкѣ съ нами нѣсколько десятковъ человѣкъ и нѣсколько сожженныхъ ауловъ, пристали къ Гаджи-Мурату съ упреками что онъ все ихъ высылаетъ впередъ драться съ Русскими, а своихъ мюридовъ держитъ сзади въ выстрѣловъ; что

они потеряли много людей, потерпѣли разореніе, но результаты не видать. Гаджи-Муратъ, не очень-то полагавшійся на новыхъ прозелитовъ мюридизма и видѣвшій что какъ боевой элементъ они далеко не то что его Аварцы, само собою берегъ прибывшихъ съ нимъ нѣсколько сотъ мюридовъ какъ единственную надежную силу на которую въ крайнемъ случаѣ можно было опереться и держалъ ихъ въ резервѣ. Чтобы однако удовлетворить заявленнымъ жалобамъ Табасаранцевъ и ободрить ихъ къ дальнѣйшему сопротивленію, онъ отвѣтилъ что завтра, т.-е. 22го числа, его мюриды будутъ впереди и покажутъ какъ сѣдуютъ дратья отъ гаурами.

И дѣйствительно въ этотъ день бѣлая часть партіи Гаджи-Мурата участвовала въ дѣлѣ за завалами, что и было причиною относительнаго ожесточенія выше описаннаго боя. Но такъ какъ результатъ и въ этотъ разъ оказался не въ пользу ихъ и понесъ значительную потерю Табасаранцамъ вмѣстѣ съ мюридами пришлось удирать отъ огня нашихъ орудій и штыковъ Ширванцевъ, то раздумье наконецъ охватило болѣе разсудительныхъ. Они смекнули что Гаджи-Муратъ со своими притѣльцами уберется въ свои горы, а они останутся единственными отвѣтчиками предъ Русскими и должны будутъ вывести всю тяжесть заслуженнаго наказанія. Поэтому всѣ старшины возмущившихся ауловъ, тотчасъ послѣ пораженія 22го числа, отправили къ Гаджи-Мурату депутацію съ порученіемъ объявить ему, что изъ всѣхъ обѣщаній его ничего не вышло кромѣ разоренія и гибели людей, что до его прихода они жили спокойно и въ довольствѣ, а теперь имъ грозитъ гибель и что они не видать другаго исхода, какъ покориться и просить пощады у нелюбимыхъ Русскихъ.

Гаджи-Муратъ окончательно увидѣлъ что никакого успѣха въ затѣянномъ дѣлѣ ожидать нельзя и что самое лучшее поскорѣе спастись, пока, чего добраго, жители не перейдутъ на русскую сторону и сами не заградятъ ему отступленія. Продержавъ депутацію подъ разными предлогами до позднаго вечера, онъ отпустилъ ее, обѣщавъ на утро явиться для личныхъ объясненій и совѣщаній со старшинами, а между тѣмъ ночью незамѣтно снялся съ своей позиціи и ушелъ чрезъ Джуфу-Дагъ.

Расположенные по горамъ на границѣ своего ханства Кази-

кумуды, замѣтивъ движеніе партіи, тотчасъ дали знать объ этомъ только-что прибывшему къ укрѣпленію Чирахъ нашему Іму баталіону, о замѣчательномъ Суворовскомъ походе коего я говорилъ выше. Баталіонный командиръ подполковникъ Козаминцовъ (объ немъ я сообщу въ другомъ мѣстѣ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній), оставивъ свои тяжести при одной ротѣ возлѣ укрѣпленія, съ остальными тремя ротами бросился бѣгомъ на встрѣчу Гаджи-Мурату, котораго и встрѣтилъ у Эмоха. Горцы съ обмороженными шапками бросились на нашихъ въ атаку, жеско прочистить себѣ дорогу, но встрѣченныя убійственными залпами, шархнулись назадъ. Оправившись, они съ дикими криками повторили атаку, но наши роты, подпустивъ ихъ на какую-нибудь сотню шаговъ, опять дали убійственный залпъ и съ крикомъ урр двинулись впередъ. Тогда мюриды вынужденны были броситься въ сторону, въ оврагъ, и искать спасенія въ бѣгствѣ, въ разсѣпнуто. Преслѣдованіе утомленными пѣшими людьми конныхъ не было никакой возможности, тѣмъ болѣе что уже начинались сумерки, и потому Козаминцовъ велѣлъ битъ сборъ и собравъ людей потянулся назадъ къ Чираху. Въ рукахъ нашихъ молодцовъ осталось 120 лошадей, много добычи изъ награбленной горцами въ Будлакѣ и Табасарани, лѣтняя жена убитаго Шахъ-Вазы, ее служанка и одинъ ребенокъ, да восемь лѣтнихъ мурдочъ. Случись тутъ хоть одинъ эскадронъ драгуновъ, Гаджи-Муратъ и его партія погибли бы безъ сомнѣнія до сегодня. Не драгуны отдыхали въ Курахѣ и самый прекрасный случай они нѣтъ ускользнулъ.

Остатки разбитой партіи пробрались между Чирахомъ и Рычи и пустились къ Самуру. Въ одномъ мѣстѣ ихъ встрѣтилъ Рутульскій наибъ съ своею милиціей, но эти отруссы, какъ вѣрно не заковали-даться противъ еднородцевъ. 26го числа еще разъ встрѣтилъ уже весьма порфиритуръ партію помощникъ Самурскаго окружнаго начальника ретиниеръ Македонскій съ лѣтью сотнями милиціонеровъ и заградилъ ей путь. Гаджи-Муратъ, у котораго уже оставалось всего около 300 человекъ (половина, поверженная лошадей, разсѣялась и премиралась горами), выхватилъ шапку и какъ разъяренный тигръ бросился впередъ своихъ удаальцевъ. Милиціонеры дали залпъ, но не устояли и партія прецѣслась дальше, потерявъ съ десяткомъ убитыхъ, двухъ нѣтъ-

ныхъ и до двадцати лошадей. У милиціонеровъ оказалось до 40 человѣкъ потери, вѣрно изъ людей посланныхъ впередъ въ видѣ аванпоста.

Это была послѣдняя встрѣча, послѣ которой Гаджи-Муратъ, самъ раненый, уже безпрепятственно достигъ Аваріи, дорого заплатившись за смѣлый набѣгъ и мѣсячное пребываніе въ нашихъ предѣлахъ.

Отрядъ между тѣмъ оставался у Хожни. Сюда явились уже нѣкоторые изъ возмущившихся жителей съ покорностью, умолая о пощадѣ. 23го и 24го мы сдѣлали еще небольшіе переходы впередъ по Табасарани, не трогая уже ауловъ и все населеніе окончательно явилось съ повинною. Князь Аргутинскій объявилъ имъ прощеніе, потребовавъ только разчетки широкой просѣки въ лѣсу по пройденному отрядомъ пути. *Объщаніе*, конечно, было дано безпрекословно; исполненія же не послѣдовало....

26го іюля отрядъ двинулся обратно, не встрѣчая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, и 30го мы прибыли на знакомыя Гамашиевскія высоты. Здѣсь мы узнали что въ наше отсутствіе, 11го іюля, Шамилъ со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ атаковалъ отрядъ генералъ-майора Грамматина, а чтобы не допустить къ нему подкрѣпленія отъ двухъ баталіоновъ расположенныхъ въ Казикумухъ послалъ на ведущую туда дорогу другую партію для демонстрацій. Въ обоихъ Алшеровскихъ баталіонахъ съ двумя сотнями казаковъ и четырьмя орудіями, составлявшими отрядъ Грамматина, было не болѣе полутора тысячъ человѣкъ и имъ приходилось выдерживать натискъ тройного непріятеля, на сторону коего была еще та выгода что онъ владѣлъ всѣми командующими высотами. Но Алшеровцы, оставивъ двѣ роты и казаковъ для прикрытія своего лагеря и тяжестей, остальными шестью ротами заняли болѣе удобныя для защиты мѣста и почти цѣлая сутки съ успѣхомъ отбивались отъ атакъ, пока къ нимъ не подошелъ наконецъ изъ Кумуха 1й баталіонъ Самурскаго полка съ двумя орудіями, разставшіи по дорогѣ демонстрировавшую тамъ партію. Шамилъ вынужденъ былъ оставить свое предпріятіе и отступить съ значительною потерей. Алшеровцы отдѣлались кажется пятидесятью человѣками убитыхъ и раненыхъ и потеряли одного офицера.

Это былъ чрезвычайно важный успѣхъ, ибо въ случаѣ

разбитія этого отряда, Шамилю открывался свободный путь въ Акушу и разбросанныя мелкими частями на огромномъ протяженіи войска не въ состояніи были бы оказать ему нигдѣ достаточнаго сопротивленія, а при этихъ условіяхъ и при отсутствіи командующаго войсками въ Табасаранѣ могло послѣдовать возмущеніе большинства жителей, что въ свою очередь поставило бы и насъ, ушедшихъ такъ далеко отъ всякихъ опорныхъ пунктовъ, въ весьма критическое положеніе. Благодаря стойкости и мужеству генерала Грамматина, стараго служаки временъ Ермоловскихъ, и старыхъ молодцовъ Алшеронцевъ, все обошлось благополучно.

2го августа получено было положительное извѣстіе что Шамиль послѣ неудачной атаки на Алшеронцевъ, возвратъ къ Ругджѣ, все время держалъ свои скопища въ сборѣ; но когда узналъ о плачевномъ исходѣ экспедиціи Гаджи-Мурата, распустилъ все сборище по домамъ и самъ уѣхалъ въ свою резиденцію Ведень.

Вслѣдствіе этого, баталіоны изъ отряда были направлены на назначенные имъ по диспозиціи оборонительныя пункты, а самъ князь Аргутинскій, серьезно между тѣмъ заболѣвшій, отправился 3го августа въ Шуру, взявъ съ собою нашъ 3й баталіонъ.

Всю дорогу пришлось нести сильно больного на носилкахъ, для чего отъ баталіона наряжалась особая команда, заведываніе коей Соймаковъ поручилъ мнѣ, съ настойчивымъ, постоянно повторяемымъ внушеніемъ, чтобы все было въ порядкѣ, чтобы люди шли въ ногу, чтобы ихъ чаще мѣнять и т. д. Такимъ образомъ, я весь этотъ длинный путь, кажется въ теченіе пяти дней, сдѣлалъ пѣшкомъ у носилокъ. Лицо больного осунулось, глаза были какіе-то безжизненные, все устремленное въ одну точку, губы висели, — это былъ первый припадокъ паралича, отъ котораго, года чрезъ три впрочемъ, князь Аргутинскій и скончался.

Сдѣлавъ въ Шурѣ дневку, мы отправились 10го августа въ свою штабъ-квартиру Ишкарты, гдѣ сильно обвѣсившись, болѣе года бывшій въ походѣ баталіонъ долженъ былъ обмундироваться и привести себя въ порядокъ.

Осымнадцатидневное пребываніе въ нашей унылой штабъ-квартирѣ, такъ удачно названной монастыремъ, прошло въ

мелкихъ, неинтересныхъ хожденіяхъ изъ полковой канцеляріи въ шпальню, изъ шпальни въ ротные цейхгаузы и т. п. Одинъ разъ только оно было прервано интересною поездкой на лежащія недалеко Гимринскія высоты. Не помню уже по какому случаю, туда была послана небольшая колонна, къ которой я и примкнулъ чтобы полюбоваться видомъ, о которомъ много слышалъ. Довольно сносная дорога пролегла отъ Ишкарты, верстъ съ десять восточнѣе, чрезъ развалины большого аула Каранай къ обрыву, крутому, скалистому, у подножія коего, на берегу бурлящаго Койсу, на небольшой полянкѣ виденъ знаменитый на Кавказѣ аулъ Гимры, знаменитый впервые потому что онъ былъ взятъ штурмомъ отрядомъ барона Розена въ 1831 году, причемъ, погибъ извѣстный Кази-Мулла, восторжествовавшая же родина Шамиля. Видъ съ этого обрыва дѣйствительно поразительный. Горные хребты, одинъ выше другого, какъ бы нагромождены одинъ на другой; подъ вами мрачная пропасть, въ которой едва виднѣется аулъ, да кое-гдѣ отсвѣчиваетъ рѣка; за тѣмъ эта масса громадѣйшихъ разнообразнѣйшихъ очертаній и цвѣтовъ, то сѣрыхъ, то зеленѣющихъ, то синеватыхъ. Все вмѣстѣ какъ-то грозно величаво, производитъ подавляющее впечатлѣніе. Сила впечатлѣнія увеличивалась тогда еще въ зрителѣ мыслью что это впереди лежащее пространство и есть тотъ ужасный, медающійся намъ заколдованный міръ, захваченный крѣпкими руками Шамиля; что тамъ, среди этихъ торъ и труповъ, нѣтъ почти нѣста гдѣ не лилась уже кровь русская, что тамъ-то и есть Ахульго, Ашильта, Цатамытъ, Зырянъ и еще много другихъ, добытыхъ русскими штыками неприступныхъ ордъ гавздъ, и слова потерпѣвшихъ; что тамъ опять рано или поздно ждетъ насъ тотъ же кровавый міръ, что тамъ совершаются тѣ знаменитѣйшія битвы Кавказской войны героическіе подвиги о которыхъ намъ, новыми создателями отбѣсно разказываютъ... Обыкновенный зритель, стоя на Гимринскомъ обрывѣ, можетъ любоваться рѣдкими, поразительными видами, особенно если онъ еще не связанъ съ картинами дикой горной природы; но воспримать такіе впечатлѣнія, сопоставлять такимъ чудовищамъ, какія мучивались, въ первый разъ присутствіемъ на этомъ обрывѣ, — могъ только участникъ недавняго періода Кавказской войны

періода начатаго послѣ несчастной экспедиціи князя Воронцова въ апрѣлѣ 1845 года, и вообще человѣкъ достаточно знакомый съ исторіей минувшаго кроваваго періода.

Наконецъ баталіонъ былъ обмундированъ, обшитъ, люди отдохнули, отъ всѣхъ отдавало комиссаріатскимъ запахомъ юфти, новаго сукна и холста.

17го числа вечеромъ Соймановъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ что полковому командиру угодно чтобы я, какъ поручикъ, готовился въ ротные командиры и для этого занялся фронтовою службой, поэтому сдалъ бы должность адъютанта другому, а самъ поступилъ субалтернъ-офицеромъ въ 9ю роту къ капитану Багизарову.

— Мы съ вами отмахали славный походъ-съ, прибавилъ покойникъ Илья Алексѣвичъ;—все начальство баталіономъ довольно-съ; безъ наградшекъ не останемся. Завтра Павелъ Николаевичъ осмотритъ баталіонъ-съ, а 19го числа выступимъ въ Шуру-съ, караулы занимать-съ.

На этомъ кончилась моя кратковременная адъютантская должность. Приходилось поступать въ новую науку и я не безъ смущенія подумывалъ о предстоящемъ на другой день смотрѣ и моемъ дебютѣ въ строю. Я послѣдилъ къ капитану, явился въ качествѣ подчиненнаго, хотя у насъ отъ субалтерновъ въ отношеніи ротныхъ командировъ, по издавна вкоренившимся обычаямъ, строгой подчиненности не требовалось. Я передалъ ему о предстоящемъ смотрѣ и о моихъ опасеніяхъ. Но онъ меня успокоилъ увѣреніемъ что смотръ будетъ преимущественно хозяйственный, будетъ относиться главнѣйше до мундировъ и амуниціи и что поэтому субалтернъ-офицерамъ придется только присутствовать въ качествѣ зрителей.

И дѣйствительно, 18го числа, полковой командиръ перебралъ чуть не весь баталіонъ по одиночкѣ, остатривая приговку вещей, сапоги, ранцы и проч. За тѣмъ, поблагодаривъ баталіонера и ротныхъ командировъ за отличное состояніе баталіона, пропустилъ насъ „справа по отдѣленіямъ“, пожаловалъ людямъ по чаркѣ водки, раздалось „покорно благодаримъ ваше высокоблагородіе!“ и баталіонъ ушелъ съ плаца. А 19го числа, часу въ 10мъ утра, еще разъ осмотрѣваемые, мы выступили въ Шуру, провожаемые женскимъ населеніемъ Ишкарты, предъ которыми ротные лѣсенники постарались лихо затащить свои: „сѣни, мои сѣни, сѣни

новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!" съ акомпаниментомъ барабана, бубна, ложекъ и приплюской ложечника.

Когда мы поднялись на гору и оставшіяся за нами въ дощикѣ сѣрыя земляныя крыши штабъ-квартиры стали исчезать, я почувствовалъ облегченіе, какъ будто вырвался изъ заточенія на свободу. Человѣкъ перѣдко, безъ видимой причины, чувствуетъ антипатію къ другому человѣку; у меня бывала такая антипатія и къ нѣкоторымъ мѣстамъ. Къ этому разряду на Кавказѣ принадлежали Ишкарты и еще нѣкоторыя другія, о которыхъ придется говорить позже.

Въ Шурѣ мы простояли три недѣли, занимаясь хожденіемъ въ караулъ; при этомъ мнѣ поочереди пришлось нѣсколько разъ быть „визитиръ-рундомъ“, т. е. обязаннымъ обходить всѣ караулы и посты, повѣряя ихъ исправность. Ночью, особенно въ скверную погоду, это было сущее наказаніе; часовые разставлялись кругомъ по валу, которымъ Шура, какъ и всякая штабъ-квартира, была обнесена; протяженіе въ окружности составляло нѣсколько верстъ. Въ потемкахъ, по невылазной грязи, по ямамъ, рытвинамъ, всякимъ колдобинамъ, подъ проливнымъ дождемъ, или снѣгомъ, при проклятомъ вѣтрѣ, два раза за ночь совершить сонному такое лутешествіе тоже составляло своего рода подвигъ. Большинство офицеровъ ограничивалось однимъ разомъ, иные и вовсе не ходили, полагаясь на унтеръ-офицеровъ и заходя только на гаубтвахту расписаться въ книгѣ что въ такомъ-то часу обошелъ и нашелъ все исправно; но я не рисковалъ: на грѣхъ мастера нѣтъ, и ну, думаю себѣ, вдругъ какъ на зло случится какое-нибудь происшествіе и окажется что я не ходилъ повѣрять постовъ,—вѣдь подъ судъ отдадутъ. Къ счастью, за все это время въ Шурѣ стояла хорошая погода и визитиръ-рундство не такъ было тяжело, какъ пришлось мнѣ его испытать немного послѣ, въ самое мерзвѣйшее время года въ Ишкартахъ.

Къ 19му сентября возвращались въ Шуру Алшеронцы, оставшіеся на Гамашинскихъ высотахъ, и нашему баталіону приказано выступить въ Большія Казанищи на зимнія квартиры.

XXXIX.

Большія Казанищи, одинъ изъ значительнѣйшихъ ауловъ Шамхальскаго владѣнія, расположенъ всего верстахъ въ шести отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Выше его, по теченію небольшого ручья, лежитъ другой аулъ Малые Казанищи, отъ котораго начинается лѣсистый отрогъ, служившій источникомъ снабженія Шуры дровами, углемъ, лѣснымъ строительнымъ матеріаломъ и проч. Въ этомъ лѣсу, занятомъ Кази-Муллою въ разгаръ его дѣятельности, на урочищѣ Чумкескентъ было имъ устроено нѣчто въ родѣ укрѣпленія, въ коемъ онъ и засѣлъ съ толпою первыхъ мюридовъ. Отсюда онъ предполагалъ поддерживать свою пропаганду среди населенія Шамхальской плоскости, и безпрерывно тревожить наши, въ то время весьма малочисленные, войска, не имѣвшія прочно обезпеченныхъ сообщеній. Этотъ Чумкескентъ былъ однако взятъ штурмомъ нашими молодцами 42го Егерскаго полка, подъ командой отважнѣйшаго и распорядительнѣйшаго командира полковника Миклашевскаго, тутъ же, къ несчастію, убитаго. Миклашевскій былъ настолько извѣстенъ и грозенъ туземному населенію что смерть его возбудила особую радость, и вѣсть о гибели „кара-полковника“ (чернаго, онъ былъ брюнетъ) разнеслась быстро. Мюриды тоже потеряли много людей и сплсались бѣгствомъ чрезъ хребетъ въ Гимры.

Въ этомъ лѣсу былъ устроенъ другой редутъ уже нами, Агачъ-кале, въ которомъ находилась постоянная команда Алшеронскаго полка, въ видѣ прикрытія дровосѣковъ, угольщиковъ и проч., чѣмъ впрочемъ не мѣшало мелкимъ хищническимъ шабкамъ нѣрѣдко производить удачныя экскурсіи, убивать или захватывать въ плѣнъ одиночныхъ солдатъ, угонять лошадей и т. п.

Жители обоихъ Казанищъ, вслѣдствіе близости Шуры и постоянныхъ сношеній съ русскими войсками, имѣли видъ самаго мирнаго, покорнаго, дружелюбнаго населенія. Баталіоны, поочереды здѣсь зимовавшіе, размѣщались по сакамъ жителей, очищавшихъ на это время нѣкоторые дома со всѣмъ, а въ нѣкоторыхъ отдѣляли половину какою-нибудь перегородкой.

По приходѣ баталіона въ Казанищи, всѣмъ были указаны квартиры. Мнѣ досталась третья со вѣзда въ аулъ; одноэтажная сакля съ навѣсомъ, поддерживаемымъ шестью деревянными столбами, дѣлилась на четыре комнаты, если можно назвать этимъ именемъ подобныя жилья; одну изъ нихъ занялъ я; длинная, въ видѣ амбара, она была выбѣлена, а внизу обведена широкою полосой красноватаго цвѣта; полъ смазанъ глиной, превращавшеюся подъ нашими сапогами въ мелкую пыль; потолокъ подбитый лучками камыша; двери закрывались двумя тяжелыми дубовыми досками, которыхъ никоимъ образомъ нельзя было плотно притворить; куры, собаки находили у меня свободный пріютъ; былъ у меня каминъ, нѣсколько полокъ съ разнокалиберною посудой, даже два какихъ-то тусклыхъ зеркала, привѣшанныхъ подъ самымъ почти потолокомъ. Во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ саклями моихъ старыхъ друзей горцевъ Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа, даже Кахетинцевъ и элисуйскихъ Татаръ, сакля Шамхальца оказалась весьма приличною, опрятною и служила признакомъ благоосостоянія. Отъ всей души желалъ бы чтобы все русское деревенское населеніе когда-нибудь обладало такими жилищами и проводило жизнь среди такой матеріальной обстановки...

Благодаря моему знанію татарскаго языка, а еще болѣе азіатскихъ обычаевъ, я съ первыхъ же дней сталъ къ хозяевамъ въ наилучшія отношенія. Ни я, ни мой неизмѣнный Давыдъ, конечно, не позволяли себѣ никакихъ нескромностей и неприличій въ отношеніи къ женскому персоналу; то же было строжайше приказано и дѣвчонкѣ моему; за всякую медочъ я расплачивался, а дѣтей угощалъ сахаромъ. Ко мнѣ не собирались компаніи, шумно проводившія вечера за картами и выпивкой; тишина, спокойствіе и порядокъ, — все это даушало хозяевамъ даже въ некоторый родъ удивленія и они никакъ не хотѣли вѣрить словамъ моего Давыда, что я Русскій... Они, къ крайнему сожалѣнію, считали себя не достойныя подобнаго почитанія отъ насъ, потому что боядничество не прочь было зашибаться дѣломъ и побезобразничать; а между солдатами случались и ворюжки, и буланъ, и сквернословы. Мусульманскій — своего рода дуританскій: трезвый, приличный, недопускающій никакого безобразія, горделиво и съ достоинствомъ всегда себя дер-

жаций, онъ презрительно относится къ вѣкоторой распуцѣнности нашихъ нравовъ, къ слишкомъ свободному отношенію съ женщинами и т. л. Если прибавить къ этому религиозную ненависть, затаенную вражду къ побѣдителю и страхъ предъ грозною силой, то неудивительно, что какими расположеніемъ мы не пользовались даже здѣсь, въ шести верстахъ отъ центра нашего управленія, во владѣніи Шамхала—нашего генералъ-лейтенанта и стариннаго покорнаго слуги русской власти. Читатель не долженъ однако забывать, что мой разказъ касается дѣлъ давно минувшихъ и что и въ описываемое мною время уже многое было гораздо лучше, чѣмъ десять-пятнадцать лѣтъ до того, и что взгляды туземцевъ установились еще ранѣе, когда составъ войскъ былъ переполненъ многими элементами гораздо худшаго качества. По мѣрѣ развитія и просвѣщенія, по мѣрѣ улучшенія нравовъ въ самомъ русскомъ обществѣ, измѣнялся само собою къ лучшему и составъ войскъ, что не могло не повліять на измѣненіе понятій туземцевъ. Если это не подѣйствовало на смягченіе враждебности къ намъ, что доказывается кавказскими событіями 1877 года, то причиною нужно искать уже въ другомъ направленіи. Но объ этомъ говорить здѣсь не приходится: я и то слишкомъ часто отвлекаюсь отъ прямой цѣли передавать воспоминанія о моей кавказской жизни и службѣ.

Жизнь въ Казанищахъ проходила для меня въ невыносимой скукѣ; служебныхъ обязанностей никакихъ, если не считать пустой формальности разъ въ недѣлю быть дежурнымъ по баталіону; чтеніе и писаніе не могли занять много времени: первое стѣснялось недостаткомъ книгъ, второе отсутствіемъ матеріала, или лучше сказать непривычкой и неподготовкой. Тогда-то я и взялся, впрочемъ, впервые за составленіе моихъ воспоминаній, въ послѣдствіи напечатанныхъ въ *Современникѣ* 1854 года. Въжалъ я иногда верхомъ въ Шуру, съ непремѣннымъ приказаніемъ баталіоннаго командира къ вечеру возвратиться обратно, что исполнялось мною аккуратно. Одинъ разъ, помню живо и теперь еще, такая поездка сопровождалась трагикомическимъ приключеніемъ. Хотя до Шуры было очень близко, отъ Казанищъ не болѣе полуверсты, все же можно было динѣть, однако все же нельзя было считать этотъ поездъ совсемъ безопаснымъ. Не только два-три горца изъ

нелокорныхъ могли удобно нападать на одиночныхъ людей, но и свои подѣ видомъ нелокорныхъ могли соблазниться; а узнать ихъ, одинаково одѣтыхъ, не было возможности. Поэтому ѣздили съ конвоемъ въ 5—6 человекъ солдатъ и чтобы сократить скучную ѣзду съ лѣшими людьми, отправляли ихъ впередъ, за тѣмъ догоняли, проезжали вмѣстѣ съ версту, и опять уѣзжали впередъ уже почти въ виду часовыхъ у воротъ Шуры.

Одинъ разъ въ сѣрый дождливый день, я и поѣхалъ въ Шурѣ. Бывшему съ лѣтью рядовыми въ прикрытіи унтеръ-офицеру я приказалъ въ пять часовъ пополудни выйти за Шуринскія ворота, куда и я къ тому часу выѣду, если же бы я немного опоздалъ, то позволялъ ему идти не спѣша въ Казанищи, а я догоню его.

Заболтавшись что ли у знакомыхъ Алшеронцевъ, я сѣлъ на коня когда уже почти совсѣмъ смерклось и послѣдилъ къ воротамъ, а то вѣдь какъ стемнѣетъ и не выпустятъ. Спросилъ у часового про команду; оказалось что она уже давно ушла. Я логналъ рысью; но дорога была скользкая, у лошади ноги непрерывно расплзались, пришлось уменьшать шагъ чтобы не шлепнуться съ конемъ вмѣстѣ. А дождикъ какъ-то особеннымъ осеннимъ образомъ сѣялъ, темень, усиленная туманомъ, была непроглядная, соблазнила никакъ нельзя было потому что лошадь и фыркала и ногами по грязи шлепала. Мнѣ стало жутко. И въ который разъ уже приходилось бравить себя за непоматную глупость лускаться безъ конвоя! Какъ будто я не могъ заочевать въ Шурѣ и явиться на утро съ извиненіемъ?..

Проѣхалъ я версты двѣ или три, но при томъ настроеніи въ которомъ я тогда находился мнѣ казалось что уже давно бы пора и адулу быть. Я все подталкивалъ коня, осторожно стулавшаго и какъ бы тоже чувствовавшаго тревожное настроеніе,—вдругъ онъ разомъ улерся ногами, наострилъ уши... Я сталъ вглядываться въ темень и послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ секундъ замѣтилъ что-то бѣлѣющее, движущееся съ лѣвой стороны дороги. Чтѣ дѣлать? кромѣ шашки никакого оружія; уходить, и куда—впередъ, назадъ, или въ сторону? а сердце между тѣмъ стучитъ молотомъ и кровь то прильетъ, то отхлынетъ... Я рѣшился продолжать путь впередъ; тронулъ коня, проѣхалъ съ сотню шаговъ, слышу легкій свистъ и вижу уже явственнѣе движеніе чего-

то бѣлаго. Я опять остановился, замеръ и жду... Бѣлое блже, свистъ повторяется. Лошадь моя начинаетъ хралѣть, а невольно начинаю вытаскивать шашку изъ ноженъ, а ужъ окончательнo вижу неизбежность гибели и думаю только какъ бы не даться живымъ; а сердце стучить, и нервная дрожь по всему тѣлу мучительно работаетъ... Вотъ уже кажется сейчасъ подходить опасность, вотъ бросятся на меня два-три человека, у меня мелькаетъ въ головѣ именно въ эту минуту всплывшееся, когда-то давно читанное римское правило: на одного и на двухъ наладать, отъ трехъ и четырехъ защищаться, а бѣжать позволяется только отъ птерыхъ, и думаю—если ихъ только двое, не поступить ли въ самомъ дѣлѣ по-римски и вдругъ ринуться съ шашкой и гикомъ,—въ этотъ мигъ я вдругъ явственно слышу: „шарикъ, шарикъ“ и за тѣмъ легкій свистъ. Чтo за чертовщина? горцы, непріятель и „шарикъ“! Еще минутка и „бѣлое“ вышло на дорогу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, продолжая свое „шарикъ, шарикъ“ и свистъ. Оказалось что это былъ нашъ же солдатъ-охотникъ, что онъ для удобнѣйшаго подхода къ уткамъ устроилъ какой-то щитъ изъ холста, за которымъ и подвигался къ лугливой дичи, что заповдавъ онъ въ этотъ разъ и потерялъ свою драгоценную собаку шарика, коего и разыскиваетъ, а Татары онъ не боится, ибо „я и ночью ему зарядомъ въ самую рожу попадаю...“ И отправились мы вмѣстѣ къ аулу, куда и прибыли благополучно.

Но не всегда такъ оканчивались путешествія безъ конвоевъ; не всегда комическій финалъ заключалъ представленіе. Когда я явился къ Сойманову и разказалъ о своемъ приключеніи, онъ меня распекъ и сталъ доказывать всю глупость этого вкоренившагося у большинства офицеровъ улаштва—лускаться въ опасныхъ мѣстахъ впередъ отъ окасій, или и вовсе безъ нихъ; доказывалъ что слѣдуетъ отдавать за это подъ судъ, какъ за ослушаніе, ибо уже неоднократно отдаваемы были приказы, чтобы никто не смѣлъ этого дѣлать и т. д.

— Я бы васъ, господинъ поручикъ-съ, заключилъ онъ,—долженъ бы теперь арестовать-съ, но такъ какъ вы сами явились разказать и по новости можетъ еще не знали о существующихъ приказахъ, я только предвѣряю васъ, что въ другой разъ даже полковому командиру донесу-съ.

Это впрочемъ не помѣшало милѣйшему Ильѣ Алексѣвичу оставить меня у себя ужинать, начать любимѣйшій разговоръ о предстоящихъ за Табасаранскій походъ наградахъ, о производствѣ въ полковники и въѣздѣ въѣхъ желаній—„какой-нибудь полчишко бы получить-ся“.

Въ этотъ вечеръ я случайно присутствовалъ при приказаніяхъ и узналъ что на дняхъ готовится отправка отъ баталіона команды въ Петровскъ за какими-то локулками. Я тутъ же сталъ просить назначить меня вмѣсто очереднаго офицера, желая воспользоваться случаемъ увидѣть новыя мѣста, Каспійское море, и вообще поразнообразить монотонную жизнь. Соймановъ согласился и черезъ два дня назначено было выступленіе.

Команда изъ 40 рядовыхъ при четырехъ унтеръ-офицерахъ и барабанщикѣ, съ осмью ротными троечными повозками, собралась у воротъ Казаници рано утромъ, выйдя ноябрьскаго дня. Мы выступили съ тѣмъ чтобы къ вечеру быть въ Петровскъ—верстъ около сорока. Пришли мы на мѣсто поздно и команда расположилась у ротныхъ дворовъ постоянно квартировавшаго въ Петровскѣ лангонаго баталіона. На другой день люди производили покупки: свинаго сала, соли, луку, перцу и овчій—продукты доставляемые изъ Астрахани и обходящіеся здѣсь дешевле чѣмъ въ Шурѣ—а я бродилъ по приморскому городу Петровску и долго наблюдалъ за жоремъ, прибоемъ волкъ и кувырканиемъ небольшихъ судовъ. Погода была пасмурная, сильный вѣтеръ вздымалшій тучи пелеску, темнозеленый цвѣтъ волкъ, безлюдье,—все это очень уныло настраивало человѣка прѣзжаго, не имѣвшаго на живой душѣ знакомыхъ. Такъ я и бродилъ цѣлый день, въ сумерки улегся въ отведенной мнѣ у женатаго солдата квартирѣ и съ потерпѣніемъ ждалъ разсвѣта, чтобы пуститься въ обратный путь.

Петровскъ построенъ на томъ мѣстѣ гдѣ въ 1722 году Петръ Великій стоялъ лагеремъ, двигаясь къ Дербенту. Прежнее укрѣпленіе, назначеніе коего служить прикрытіемъ выгружающихся здѣсь для войскъ провіанта и востаныхъ принадлежностей, было въ нѣсколькихъ верстахъ восточнѣе и называлось Низовымъ. Въ 1843 году оно было осаждено и атаковано горцами, но успѣло удержаться до прибытія выручки; гарнизонъ потерялъ однако много людей, терпѣли

недостатокъ въ водѣ, а самая мѣстность Низоваго уже давно оказывалась никуда не годною въ климатическомъ отношеніи; укрѣпленіе не соответствовало своей цѣли. Обо всемъ этомъ задолго до Дагестанской катастрофы 1843 года мѣстный командующій войсками генералъ Клюки фонъ-Клугенау представлялъ по начальству; но все ограничилось перепиской. Наконецъ горцы положили свою резолюцію, тутъ же привели ее въ исполненіе и всѣ эти укрѣпленія были уничтожены, а переписка сама собою прекратилась. Въ 1844 году перенесли укрѣпленіе нѣсколько верстъ выше, на болѣе здоровое мѣсто, ближе къ Тарху—бывшей столицѣ Шамхаловъ—и назвали Петровскимъ, въ память великаго Преобразователя Россіи. Укрѣпленіе было возведено вдоль небольшой возвышенности и довольно красиво смотрѣло на море; у подножія горы былъ разбросанъ форштатъ или городъ, съ нѣсколькими лавками и изрядными домиками; на берегу моря лежали наваленныя десятки тысячъ кулей провіанта, развозившагося отсюда на арбахъ туземцевъ по всѣмъ магазинамъ Дагестана; рядомъ покоилось на брускахъ нѣсколько чугунныхъ пушекъ, назначенныхъ на вооруженіе какого-нибудь укрѣпленія; вдоль отлогато, но каменистаго морскаго берега свозили взадъ и впередъ небольшія лодки, а болѣе крупныя „косовыя“, на которыхъ люди рисковали переѣзжать море въ Астрахань, стояли поодаль на якоряхъ и кувыркались во всѣ стороны отъ порывистаго сѣверо-восточнаго вѣтра. Вдали близъ Тарки или Тарху видѣлся довольно большой лѣсъ, съ полуобнаженными вѣтвями, и развалины бывшаго здѣсь еще ранѣе укрѣпленія, тоже осаждавшагося Кази-Мудлой въ 1830 году. (Осаду эту я подробно описалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1864 года.) Все вмѣстѣ, повторяю, показалось мнѣ весьма непривѣтливымъ и унылымъ. Теперь, послѣ того какъ Петровскъ, при помощи казенныхъ милліоновъ, превращенъ въ портовый городъ, на Каспій развилось пароходство и усилились торговля и скошенія, тамъ вѣроятно кипитъ болѣе дѣятельная жизнь, городъ сталъ и впрямь городомъ, число жителей увеличилось и, безъ сомнѣнія, прежней безжизненности уже слѣдъ пропалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно полагать.

Возвратный путь, съ нагруженными повозками, мы уже не могли совершить въ одинъ день и ночевали у какого-то казачьяго поста, кажется Азень или Кумтуръ-Кале, не помню

хорошенько; а затѣмъ, безъ всякихъ приключеній, прибылъ въ Казанищи. И потянулась опять скучная, однообразная жизнь, еще болѣе скучная среди самоты и холода.

Для развлеченія я раза два ходилъ въ Малые Казанищи, гдѣ заказалъ себѣ у извѣстнаго оружейнаго мастера, Уста Омара, кивжалъ. При этомъ свелъ я съ нимъ довольно близкое знакомство и за трубками у насъ велись довольно интересные разговоры о *политикѣ*, до которой всѣ Азіатцы большіе охотники. Отъ Омара я между прочимъ узналъ тогда что между Шамилемъ и Гаджи-Муратомъ произошла серьезная ссора, разразившаяся чуть не междуусобною войной. Дѣло въ томъ что Гаджи-Муратъ возвратился изъ Табасарана съ остатками разбитой партіи; Шамиль остался весьма недоволенъ и выразилъ это при многихъ постороннихъ, чѣмъ Муратъ, конечно, оскорбился. Затѣмъ къ Шамилю прибыли нѣсколько табасаранскихъ муллъ и старшинъ, жалующься на Гаджи-Мурата что онъ ихъ возмущилъ, подвелъ подъ русское нашествіе и разореніе, не оказавъ обѣщанной поддержки и что такимъ образомъ они, не принося дѣлу мюридизма никакой пользы, совершенно напрасно только потеряли много людей и вообще сильно пострадали. (Кстати,—эта депутація хорошій примѣръ смиренія и покорности, только-что заявленныхъ Табасаранцами! Вотъ такъ дѣйствовали всѣ кавказскіе туземцы-мусульмане.)

Шамиль еще болѣе озабоченъ, смѣнилъ Гаджи-Мурата съ наибства и потребовалъ отъ него представленія всей награбленной въ набѣгъ добычи. Тотъ послалъ ему часть денегъ и драгоценныхъ вещей, взятыхъ въ Буйнакѣ у брата Шамхала, какъ говорили до четырехъ тысячъ рублей; отъ выдачи же остальнаго отказался. Имамъ, не привыкшій къ непослушанію, отправилъ нѣсколько сотъ своихъ мюридовъ наказывать ослушника и обобрать его до тла; но Гаджи-Муратъ успѣшилъ уйти изъ Хунзаха, гдѣ ему неудобно было защищаться, въ другой небольшой крѣпкой аулъ Бетлигачъ и собралъ около себя нѣсколько сотъ человѣкъ приверженцевъ. Дошло до перестрѣлки, и Шамилевскіе мюриды, потерявъ нѣсколько человѣкъ, должны были уйти ни съ чѣмъ. Дѣло грозило разыгратъ серьезное и послѣдствія могли сказаться для дѣла мюридизма плачевныя. Это поняли многіе изъ главныхъ сподвижниковъ имама, особенно весьма вліятельный въ горахъ наибъ Кибитъ-Магома, и успѣшили своимъ

посредничествомъ унять гнѣвъ Шамиля, готовившагося уже къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Посредники настояли на прекращеніи ссоры. Но Гаджи-Муратъ не могъ не понимать что съ этой минуты его значеніе пало и жизнь его будетъ въ постоянной опасности. Онъ обратился къ Шамилю съ просьбой позволить ему переселиться въ Чечню, вѣроятно полагая что среди Чеченцевъ труднѣе будетъ найти людей готовыхъ изъ преданности имаму посягнуть на его жизнь. Шамиль не согласился на его просьбу. Въ горахъ по этому поводу разнесся слухъ что Гаджи-Муратъ собирается бѣжать къ Русскимъ.

Всѣ эти свѣденія были чрезвычайно интересны. Я однако заявилъ Омару свои сомнѣнія на счетъ возможности измѣны Гаджи-Мурата дѣлу мюридизма, тѣмъ болѣе что въ горахъ онъ былъ одинъ изъ видѣйшихъ, извѣстѣйшихъ предводителей, пользовался большимъ почетомъ, а перейдя къ Русскимъ долженъ былъ бы поселиться гдѣ-нибудь въ Россіи и доживать незамѣтнымъ человѣкомъ, безъ всякой дѣятельности; что не могло соответствовать его самолюбію и джигитскимъ наклонностямъ. Я даже сомнѣвался въ серьезности самой ссоры, потому что Шамиль съ своей стороны не такъ легко рѣшился бы лишиться навсегда содѣйствія такого смѣлаго и опытнаго человѣка, единственнаго, можно сказать, успѣшно дѣйствовавшаго противъ насъ наиба.

Омаръ былъ того же мнѣнія и не хотѣлъ вѣрить чтобы Гаджи-Муратъ передался Русскимъ, которые могутъ и похитить его за многократные набѣги и разоренія.

Въ это время мы узнали что въ Шуру ожидаютъ главнокомандующаго князя Воронцова, совершавшаго одинъ изъ обычныхъ объѣздовъ по краю. Я попросился у Соймазова и поѣхалъ въ Шуру, надѣясь увидѣться съ кѣмъ-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ въ свитѣ князя. Узнавъ что въ числѣ пріѣхавшихъ находился В. П. Александровскій, я отправился къ нему.

Василій Павловичъ очень обрадовался увидѣвъ меня, сталъ разспрашивать о службѣ, походѣ и т. д. Между прочимъ сообщилъ мнѣ что князь получилъ извѣстіе о желаніи Гаджи-Мурата бѣжать къ нему, что онъ проситъ только обѣщанія князя не подвергать его казни или ссылакъ и что онъ ластарается сослужить намъ вѣрой и правдой. Я и Александровскому выразилъ тѣ же сомнѣнія, о которыхъ упоминалъ выше, а

прибавилъ что во всякомъ случаѣ довѣряться Азіятцамъ вообще, а такому какъ Гаджи-Муратъ въ особенности, отнюдь нельзя. Еслибы онъ дѣйствительно явился, то само собою это было бы хорошо, лишило бы Шамиля лучшаго помощника и во многомъ обезопасило насъ отъ набѣговъ, что не только казнить его мѣтъ резона, но даже оказать ему хорошій приемъ, дать денегъ, орденовъ,—пожалуй можно; только услатъ бы его куда-нибудь подальше на жительства и ужъ ни въ какомъ случаѣ не довѣряться, въ смыслѣ полезной службы противъ горцевъ.

— А князь, кажется, напротивъ, очень радъ заявленію Гаджи-Мурада и разчитываетъ извлечь изъ него много пользы.

— Можетъ-быть ошибаюсь, сказалъ я,—но думаю что „волка околько ни корми, онъ все въ лѣсъ смотреть,“ и я не довѣряю ни одному горцу, сколько бы онъ ни клялся въ преданности намъ.

— Но вѣдь онъ совсѣмъ рассорился съ Шамилемъ и ужъ разъ бѣжавъ едва ли рискнетъ возвратиться.

— Вопервыхъ, вся эта ссора что-то мнѣ подозрительна и во всякомъ случаѣ едва ли такъ серьезна, какъ объ ней говорятъ; вовторыхъ, Шамиль и Гаджи-Муратъ очень хорошо понимаютъ что имъ лучше жить въ обоюдномъ согласіи и потому найдутъ удобныя условія для совершеннаго примиренія, для чего стобитъ только Мурату раскошелиться и послать въ тощую казну имама нѣсколько тысячъ звонкихъ рублей; втретьихъ, Гаджи-Муратъ былъ нашимъ офицеромъ и бѣжалъ къ Шамилю; теперь бѣжить отъ Шамиля къ намъ; почему же ему не бѣжать опять отъ насъ къ Шамилю? Не на честное ли слово его положитьсь?...

Послѣ этого разговора, В. П. Александровскій предложилъ мнѣ представиться князю, которому пріятно будетъ видѣть меня фронтовымъ офицеромъ; да и вообще не бесполезно де освѣжить себя въ памяти намѣстника. Я поблагодарилъ и на другой день, благодаря любезности В. П., дѣйствительно былъ потребованъ къ князю, который встрѣтилъ меня своею всегдашнею дружественною улыбкой, спросилъ гдѣ служу, что дѣлаю и т. д., сказалъ нѣсколько ободрительныхъ словъ и отпустилъ.

На слѣдующій день былъ назначенъ отъѣздъ князя Михаила Семеновича изъ Шуры и я зашелъ къ Александров-

окому попроситься. При этомъ я просилъ его убѣдительно сдѣлать что-нибудь въ Тифлисѣ для скорѣйшаго окончанія все еще безлокоившаго меня дѣла о неоказавшихся послѣ смерти Челокаева деньгахъ (о чемъ подробно разказано въ первыхъ главахъ), что онъ и обѣщалъ мнѣ съ полною готовностью.

Вскорѣ послѣ этого стало извѣстно что Гаджи-Муратъ дѣйствительно бѣжалъ изъ горъ и съ двумя или тремя преданныѣйшими мюридами явился въ Тифлисѣ. Князь Воронцовъ принималъ его весьма милостиво; ему отвели хорошее помѣщеніе, отпускали ежедневно кажется по пяти полуимперіаловъ, приглашали на обѣды, возили въ театръ, давали верховыхъ лошадей для прогулокъ по окрестностямъ города; онъ присутствовалъ на парадахъ войскъ; однимъ словомъ любезностямъ не было конца. Проживъ довольно долго въ Тифлисѣ, Гаджи-Муратъ обѣщалъ оказать намъ великія услуги и просилъ предварительно позволенія обѣихъ наши передовыя линіи чтобы познакомиться съ расположеніемъ войскъ и укрѣпленій. Согласіе было дано и онъ лобылавъ во Владикавказѣ и Чечнѣ (подробности этихъ поѣздокъ мнѣ впрочемъ достоверно неизвѣстны), проѣхалъ на Лезгинскую линію въ Закаталы, а оттуда въ Нуху, гдѣ и остался временно жить. Въ качествѣ ассистента къ нему былъ назначенъ особый офицеръ, имѣвшій секретное порученіе наблюдать строго за гостемъ. Кромѣ того, нухинскій уѣздный начальникъ полковникъ Каргановъ прикомандировалъ еще квартальнаго надзирателя изъ туземцевъ, Халиль-бека, и казачьяго урядника. Почти каждый день послѣ обѣда Гаджи-Муратъ, въ сопровожденіи своихъ трехъ мюридовъ и еще одного возвратившагося изъ бѣговъ джарскаго Лезгина, а также Халиль-бека и урядника, ѣздилъ гулять по окрестностямъ Нухи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1852 года онъ однажды, немного позже обыкновеннаго, выѣхалъ на прогуку и удалившись верстъ на 6—7 отъ города вдругъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, убилъ наповалъ урядника, однимъ изъ его мюридовъ тяжело ранилъ квартальнаго и всѣ четверо поскакали по дорогѣ къ Элису. Но разчитавъ что вслѣдъ за тѣмъ послѣдуетъ погоня и, безъ сомнѣнія, по направленію въ горы къ ущелью Самура, гдѣ легко наткнуться на наши войска, онъ вѣроятно по совѣту измѣнника джарскаго Лезгина, хорошо знавшаго мѣстность, рѣшился

на хитрость, которая могла ввести преслѣдующихъ въ обманъ и дать ему возможность скрыться. Въмѣсто того чтобы броситься въ горы, бѣглецы пустились напротивъ внутрь края, съ цѣлю переправиться чрезъ Алазань на Нухинскую почтовую дорогу, куда никому и въ умъ бы не пришло идти за ними въ логоно; за тѣмъ, пройдя почтовою дорогою вверхъ по Алазани, опять переправиться на лѣвый ея берегъ и лѣсами, между сочувствующихъ ауловъ Закатальскаго округа, на Бѣлокань, уже пуститься въ горы. Хитрость удалась бы непременно, еслибы не помогъ намъ случай. Проскакавъ отъ мѣста убійства еще 5—6 верстъ, Гаджи-Муратъ съ своими слугами, въ виду аула Беляджикъ, бросился въ сторону отъ дороги по направленію къ Алазани. Въ это время уже смеркалось; они попали на сплошныя рисовыя поля, какъ извѣстно искусственно заливаемая водой, и бросаясь то вправо, то лѣво никакъ не могли доласть на тропинку, а все вязли въ топяхъ. Пробывши такимъ образомъ часа два и замучивъ лошадей, они рѣшились забраться въ видѣвшійся вблизи кустарникъ и дожидаться тамъ разсвѣта.

Между тѣмъ, оставшіеся въ Нухѣ офицеры, когда уже стемнѣло и Гаджи-Муратъ съ прогулки не возвращался, стали безпокоиться и послѣшили заявить уѣздному начальнику. Полковникъ Каргановъ, отлично знавшій туземцевъ, уже давно подозрительно относился къ бѣгшему наибу, и какъ только ему стало извѣстно такое долгое отсутствіе его, не сомнѣвался въ возможности побѣга. Схвативъ все что можно было наскоро собрать изъ вооруженныхъ жителей и пославъ приказанія въ ближайшіе аулы чтобы конные скакали за нимъ, Каргановъ пустился по слѣдамъ бѣглецовъ, въ надеждѣ узнать отъ кого-нибудь о ихъ направленіи. Въ то же время онъ послалъ нарочныхъ впередъ въ Элису къ приставау чтобы тотъ тоже собралъ милиціонеровъ и разослалъ извѣстія во всѣ стороны. Подѣзжая къ Беляджику, Каргановъ встрѣтилъ какого-то Татарина, возвращавшагося на арбѣ домой, и безъ особенной надежды узнать отъ него что-нибудь, а просто, какъ бы по наитію, остановилъ его вопросомъ: откуда ѣдешь? Получивъ отвѣтъ что съ работы въ поле, онъ еще спросилъ его: какаа же у тебя работа могла быть такъ поздно въ потьмахъ? Тогда Татаринъ разказалъ что въ сумерки, уже собираваясь домой,

онъ замѣталъ какихъ-то латерыхъ вооруженныхъ верховыхъ людей, развѣзжающихъ по полямъ, испугался и притаился въ канавкѣ, не смѣя подняться все время пока верховые кружили около него, очевидно отыскивая дорогу; когда же они въѣхали въ кусты, онъ незамѣтно проползъ къ оставленной въ сторонѣ своей арбѣ и отправился домой.

Обрадованный такимъ неожиданнымъ открытіемъ, Каргановъ тотчасъ послалъ вскачь нарочнаго къ элсудскому приставу, чтобы тотъ со своими людьми слѣдшилъ къ нему, а самъ, посадивъ Татарина верхомъ, приказалъ ему показывать кусты въ которые заѣхали бѣглецы. Ночь была совершенно темная, и пробравшись кое-какъ въскользь версты полемъ, Каргановъ, съ присоединившимися къ нему нѣсколькими десятками беляджикскихъ жителей, добрался до роковыхъ для Гаджи-Мурата кустовъ и окружилъ ихъ. Броситься въ кусты Каргановъ въ темнотѣ не рѣшился и до разсвѣта оставался въ наблюдательномъ положеніи, безпрестанно обходя кругомъ, чтобы не дать бѣглецамъ возможности воспользоваться олашностью плохо вооруженной, трусливой, да и не вполне надежной толпы. Чуть стало разсвѣтать, Каргановъ увидѣлъ пять слутанныхъ лошадей, щипавшихъ между кустами траву. Тогда, уже окончательно убѣжденный въ присутствіи здѣсь бѣглецовъ, онъ приказалъ сдѣлать въскользь выстрѣловъ чтобы подвѣять бѣглецовъ на ноги и велѣлъ своимъ людямъ идти въ кусты; но храбрецовъ, не взирая на угрозы, на просьбы, не оказывалось; а между тѣмъ, бѣглецы, въ свою очередь, поздно увидѣвъ себя окруженными, рѣшились защищаться, и сдѣлавъ два-три выстрѣла, уже ранили одного изъ милиціонеровъ. Каргановъ былъ въ отчаяніи; онъ боялся что если эти пять удалцовъ, выхвативъ пашки, бросятся на его толпу, она непременно обратится въ бѣгство и добыча ускользнетъ изъ рукъ... Онъ началъ кричать Гаджи-Мурату чтобы онъ лучше сдѣлался, что ему всѣ пути уже отрѣзаны и что положившись на милость сардара (главнокомандующаго) онъ сохранитъ свою жизнь и т. п. Въмѣсто отвѣта послѣдовали выстрѣлы, опять ранившіе человека. Тогда Каргановъ, не успѣвъ убѣдить своихъ полтораста человекъ броситься въ кусты, приказалъ имъ въ крайней мѣрѣ стрѣлять туда уцѣливо хоть наизомъ. Такъ длилось дѣло уже часа два безъ всякаго результата, пока наконецъ показалось человѣкъ сто элсудцевъ, скакавшихъ отъ исправляющихъ должность при-

става капитаномъ изъ туземцевъ Гаджи-Ага (моимъ бывшимъ помощникомъ, когда я былъ приставомъ въ Элису) и его сыномъ корнетомъ лейбъ-казацкаго полка Ахметъ-ханомъ. Сцена сейчасъ переменялась. Элисуйцы—не Нухинскіе жители, будучи болѣе близкими сосѣдями горцевъ, они болѣе воинственны и отважны. Гаджи-Ага выдвинулся съ своими людьми впередъ, крикнувъ по-аварски Гаджи-Мурату, съ которымъ онъ самъ, будучи когда-то въ бѣгахъ, былъ лично знакомъ: „сдавайся, а то погибнешь“; но когда тотъ отстрѣлилъ ему: „ты измѣнникъ святому дѣлу мюридовъ, попробуй меня взять,“ Гаджи-Ага сдѣлавъ по кустамъ залъ и выхвативъ саблю, съ сыномъ своимъ впереди, бросился къ кустамъ, за нимъ всѣ Элисуйцы и многіе ободренные примѣромъ Нухинцы. Пять выстрѣловъ встрѣтили ихъ почти въ упоръ; но это не остановило Гаджи-Агу и они наконецъ наскочили на бѣглецовъ. Гаджи-Муратъ, раненый уже до того нѣсколькими пулями, причемъ онъ вслѣдъ за вырывавъ изъ своего бешмета куски ваты и затыкалъ себѣ раны, сидѣлъ подъ кустомъ съ пистолетомъ въ рукахъ и какъ только показались первые люди выстрѣлилъ въ упоръ, убивъ наповалъ одного изъ Элисуйцевъ. Гаджи-Ага рубнулъ его саблей по головѣ разъ, другой, и знаменитаго наѣздника, грозу нашихъ передовыхъ линій въ теченіе девяти лѣтъ, лучшаго Шамилевскаго наѣбѣ не стало!.. Двухъ другихъ его спутниковъ изрубили, а двухъ раненыхъ взяли живьемъ.

У насъ убито два, ранено девять человекъ и нѣсколько лошадей. Такова была борьба этихъ пяти удаальцовъ противъ трехсотъ человекъ!

Голову Гаджи-Мурата отрѣзали и отправили въ Шемаху къ губернатору, а тотъ ее съ курьеромъ отослалъ въ Тифлисъ, гдѣ князь Воронцовъ, получивъ уже доносеніе о бѣгствѣ, былъ крайне огорченъ и взволнованъ, и успокоился только увидѣвъ такое реальное доказательство неудачнаго побѣга.

Голова была выставлена въ Тифлисѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней для любопытныхъ, а мѣстный художникъ Коррадини снялъ съ нее портретъ.

Элисуйцы воспользовались хорошою добычей, ибо кромѣ стального оружія, въ бешметѣ Гаджи-Мурата нашли разожженные между ватой и подкладкой нѣсколько десенныхъ, а по другимъ свѣдѣніямъ до 800 полуцирковъ, обере-

жизненных Гаджи-Муратомъ отъ нашихъ щедротъ, съ цѣлью конечно подарить половину по возвращеніи въ горы своему цаму и повелителю...

Хорошо что такъ кончилось, а то Гаджи-Муратъ, ознаменившись подробно со всеми нашими военными порядками, по возвращеніи въ горы, безъ сомнѣнія, скоро напомнилъ бы о себѣ отчаянными набѣгами.

Узнавъ въ маѣ мѣсяцѣ объ этомъ происшествіи, я вспомнилъ свой разговоръ съ В. П. Александровскимъ. Мои сомнѣнія вполнѣ оправдались.

Въ послѣдствіи я имѣлъ случай читать донесеніе князя Воронцова объ этомъ происшествіи покойному государю, бывшему тогда за границей, въ Потсдамѣ. На этомъ донесеніи Николай Павловичъ собственноручно написалъ слѣдующее: „Хорошо что такъ кончилось. Вотъ новое доказательство какъ слѣдуетъ довѣрять этимъ коварнымъ разбойникамъ! Но надобно отдать справедливость распорядительности мѣстнаго начальства и усердію туземныхъ милиціи. 13 (25) мая 1852.“

Покойный государь, какъ видно, отаично понималъ кавказскихъ туземцевъ, и во всякомъ случаѣ лучше многихъ мѣстныхъ правителей. Религіозный фанатизмъ въ соединеніи съ хищническими наклонностями—качества для устранения коихъ нужны многіе и многіе годы самой настойчивой, систематически и съ энергіей проводимой политики. Только совокупностью различныхъ, хорошо примѣняемыхъ мѣръ можно надѣяться въ будущемъ достигнуть среди кавказскаго мусульманскаго населенія ослабленія этихъ двухъ главныхъ золъ, источниковъ ихъ враждебности къ намъ. Мы, къ крайнему сожалѣнію, дѣйствовали въ разрѣзъ со стремленіями къ подобной цѣли, и если противъ хищничества принимали болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры, то противъ ослабленія фанатизма, противъ вреднаго вліянія мусульманскаго духовенства, не только не боролись, но всеми силами старались его поощрять и поддерживать... Мои слова могутъ показаться невѣроятными, даже клеветой; но увы, они совершенная истина и я еще вернусь къ этому предмету, вооруженный очевидными доказательствами..

(До слѣдующаго №.)

А. ЭНСЕРМАНЪ.

СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ*

Р О М А Н Ъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Л Г У Н Ы

I.

Наврядъ ли гдѣ-нибудь предприимчивая и слѣсивая голь умѣетъ обставляться такъ роскошно, какъ у насъ на Руси, и особенно въ Петербургѣ. Многоэтажные дома, въ которыхъ ни одинъ кирпичъ не принадлежитъ тому чье имя красуется надъ воротами; великолѣпныя квартиры, оплаченныя за первую треть случайно полавшимися въ руку чужими деньгами; кареты и рысаки, взятыя на прокатъ у кулака изъ Ямской; представительные лакеи, продолжающіе служить безъ денегъ, потому что имъ и такъ ужъ очень много задолжали; роскошная мебель, приобретенная въ разсрочку подъ сомнительною гарантіей титула или общественнаго положенія—все это такъ обыкновенно что перестало удивлять кого-нибудь. Люди практическіе находятъ даже что иначе и быть не можетъ, потому что кто

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 15 1878 года.

болѣе должно, тому болѣе вѣрять, и что надб же заставить честныхъ людей платить за мошенниковъ. Мы, Русскіе, вообще большіе охотники до круговой поруки.

Павелъ Юрьевичъ Луховецкій, отецъ уже извѣстнаго намъ Кокѡ, держался именно этого образа мыслей. Онъ принадлежалъ къ многочисленному вымче классу людей, у которыхъ когда-то были большія деньги, но въ настоящее время сохранилась только привычка оттопыривать губы и носить въ каждой чертѣ лица и въ каждой складкѣ платья сознаніе собственнаго достоинства. Онъ былъ впрочемъ несомнѣнно крупный баринъ. Большая голова, поставленная на широкія плечи, густыя, жесткія брови, подстриженные усы, оставшіеся рыжими несмотря на то что бакемы уже сильно побѣлѣли, а темя залѣшившаго—все носило отпечатокъ той нѣсколько грубой представительности, которая вырабатывается на Руси изъ старо-кадетской выправки и долгаго сидѣнья на начальственномъ креслѣ гражданскаго вѣдомства. Но увы, тѣ времена, когда Павелъ Юрьевичъ сидѣлъ на такомъ креслѣ, давно миновались. Офіціальное положеніе его было изъ тѣхъ которыя очень трудно опредѣлить, стало-быть изъ плохихъ. Тѣмъ не менѣе онъ остался большимъ баринѡмъ, сохранялъ всѣ свои связи, и гдѣ было нужно оказывался лицомъ вліятельнымъ. Состояніе его давно уже представляло огромную отрицательную величину, но жилъ онъ открыто и былъ близокъ со всѣми промышленными тузами, причемъ послѣдніе имѣли тысячу причинъ дорожить такою близостью. Все это достигалось средствами весьма сложными и обременительными, съ которыми мы еще будемъ имѣть случай познакомиться. Луховецкій принужденъ былъ извлекать изъ своей представительности гораздо больше чѣмъ она дала бы другому—задача очень изнурительная, требующая чрезвычайной изворотливости и вѣчнаго напряженія. Оттого въ маленькихъ стрѣхъ глазахъ его чувствовалось иногда что-то лаутоватое, а въ движеніяхъ что-то подозрительно-мягкое и глущее.

Утромъ того самаго дня, когда Безбѣдникъ давалъ зѣтракъ изъ трѣхъ музыкальными знаменитостями, Павелъ Юрьевичъ только-что вышелъ изъ своей уборной въ кабинетъ, какъ къ нему вошелъ Кокѡ. Они вѣдѣлись

довольно рѣдко, и этотъ равнѣй визитъ по обыкновенію не предвѣщалъ отцу ничего пріятнаго.

— Что новаго? спросилъ онъ, взглянувъ на сына своими разбѣгающимися глазками.

— Пе! произнесъ тотъ, кидаясь на диванъ и перекладывая одну на другую свои неловко длинныя ноги.—Погода довольно хорошая. Вы конечно не забыли что обѣщали мнѣ сегодня денегъ?

Хотя Кокѡ мало походилъ на отца, но не лишенъ былъ своего рода представительности, впрочемъ той какая покупается пробормомъ посередикъ, дворянскою нѣжностью кожи и безукоризненнымъ локономъ воротничковъ и лиджаковъ.

— Признаться, я очень мало объ этомъ думалъ, проворчалъ Павелъ Юрьевичъ, продолжая начатую еще въ уборной отдѣлку ногтей.

— Тѣмъ не менѣе вы обѣщали, папа, процѣдилъ сквозь зубы Кокѡ.

Привычка цѣдить была имъ усвоена отъ одного доморощеннаго дяди, убѣжденнаго что въ Англіи всѣ лордочныя люди непременно цѣдятъ.

— Я всѣмъ обѣщаю, когда нечего дать, возразилъ Павелъ Юрьевичъ.—Меня очень удивляетъ твоя претензія: ты знаешь что послѣзавтра у насъ раутъ и что мнѣ нуженъ деньги.

— Положимъ, онѣ вамъ вѣчно нужны, замѣтилъ съ тѣмъ же процѣживаніемъ Кокѡ.—Право я не понимаю, какъ можно имѣть семью и не имѣть денегъ, и почему это у насъ постоянно такъ бываетъ.

— Потому что семья приноситъ доходъ только у мужиковъ, возразилъ сердито отецъ;—а въ нашемъ кругу такъ бываетъ только у большихъ счастливыхъ, или у большихъ жерзавцевъ.

Эта мысль на минуту повидимому поразила Кокѡ. Онъ ничего не сказалъ и продолжалъ сидѣть, вырнувъ всѣмъ тѣломъ въ глубину оттоманки и высоко поднявъ свои длинныя ноги, такъ что почти не былъ видѣнъ изъ-за кожаныхъ. Павелъ Юрьевичъ находилъ такую позу несовсѣмъ почтительною, но такъ какъ онъ не былъ избалованъ сномъ въ этомъ отношеніи, то ограничился тѣмъ что повернувшись къ нему бокомъ и возобновилъ прерванныя манипуляціи съ ногтями.

— Для чего тебѣ нужны деньги? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Пс, тысяча надобностей. Вопервыхъ, у меня долги.

— Наше положеніе не такъ бластательно чтобы позволить себѣ платитъ долги, возразилъ отецъ.

— *C'est imprimé*, согласился сынъ;—но я долженъ Эрнесту. Это надо заплатить.

Павелъ Юрьевичъ посмотрѣлъ на сына со вниманіемъ которое могло быть очень лестно или очень оскорбительно для молодого человѣка.

— Ты долженъ кокоткѣ? переспросилъ онъ.

— Чтѣ жъ тутъ удивительнаго? возразилъ Кокѣ, какъ бы даже обидѣвшись.—Наши ѣздили вчера къ Дороту, я не обязанъ вѣчно имѣть при себѣ полный бумажникъ.

— Ты даровитѣе меня, проговорилъ съ нѣкоторою грустною ироніей Павелъ Юрьевичъ:—я никогда не умѣлъ додуматься до такого источника кредита.

— Жизнь становится труднѣе, скромно замѣтилъ Кокѣ.—Вы видите, папа, что деньги мнѣ необходимы. О насъ и такъ Богъ знаетъ что толкуютъ.

Павлу Юрьевичу показалось что сынъ напрасно сказалъ „о насъ“ вмѣсто „обо мнѣ“; но онъ не счелъ нужнымъ остановиться на этой обмолвкѣ. Его встревожила совѣтная другая мысль.

— Если ты ѣздишь вчера къ Дороту, стало-быть опять не былъ у Бакшеевыхъ? обратился онъ къ сыну.

— Разумѣется не былъ. Я терпѣть не могу тамъ бывать.

Павелъ Юрьевичъ повернулся вмѣстѣ съ кресломъ и взглянулъ на сына съ выраженіемъ горестнаго негодованія.

— Я никогда не спрашивалъ тебя, пріятно или нѣтъ тебѣ тамъ бывать, сказалъ онъ;—но ты ухаживалъ за княжной Полиной, и я думалъ...

— Ба, старый князь вовсе не собирается выдавать дочерей замужъ, перебилъ Кокѣ.—Скорѣе надо ждать что онъ запретъ ихъ въ монастырь. Онъ такъ всегда смотритъ на меня, какъ будто проглотить хочетъ. Я давно это бросаю. И притомъ тамъ зажигаютъ только одну лампу, такъ что я никогда не могъ хорошо разглядѣть Полину; какъ хотите, это подозрительно. И еще Карпушъ, который рветъ фалды,

точно никогда не видалъ фрака. Можетъ-быть его даже подучаютъ, почему я знаю?

Павелъ Юрьевичъ, заложивъ руку за жилетъ, продолжалъ глядѣть на сына все тѣмъ же взглядомъ горестнаго и негодующаго недоумѣнія. Одна изъ давно дѣланныхъ надеждъ его разрушалась. Онъ думалъ что Кокѣ женится на Полиѣ, возьметъ большое приданое, остепенится и перестанетъ быть бременемъ для семьи. Могло случиться даже что со временемъ онъ наследовалъ бы все состояніе стараго князя, такъ какъ Полина была его любимая дочь.

Онъ всталъ, вынулъ руку изъ-за жилета и сложилъ обѣ руки на груди.

— Скажи пожалуйста, ты полагаешь что эта вѣчная надобность въ деньгахъ вдругъ по волшебству прекратится? обратился онъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ къ сыну. — Ты ожидаешь наследства со стороны какого-нибудь богатаго родственника, скрывающаго до сихъ поръ отъ насъ свое существованіе? Или можетъ-быть ты выиграешь двѣсти тысячъ... безъ билета? Или тебѣ пожелаютъ аренду за то что ты числишься гдѣ-то тамъ на службѣ?

— Ну, лалѣ, вы всегда скажете что-нибудь непріятное, когда у васъ просишь денегъ, перебилъ его Кокѣ, слегка перекладывая ногу на ногу. — Скажите лучше, развѣ управляющій все еще ничего не прислалъ? Это даже глупо. У меня есть мысль самому поѣхать въ деревню.

— Только такихъ мыслей и можно ждать отъ тебя, проворчалъ Павелъ Юрьевичъ. — Ты понимаешь, вездѣ застой, ни на хлѣбъ ни на лѣсъ нѣтъ покупателя.

— Какъ это можетъ быть? въ провинціи всегда есть деньги, возразилъ Кокѣ. — Вотъ что я вамъ скажу, лалѣ: мнѣ нужны деньги можетъ-быть въ послѣдній разъ. Я хочу жениться.

— А-а! сказалъ Павелъ Юрьевичъ, и какъ онъ ни зомъ былъ на сына, но при этомъ неожиданномъ извѣстіи весь насторожился. — Ты хочешь жениться. Это хорошо. Стало-быть на богатой?

— Я думаю. Можетъ-быть полмилліона, продолжалъ Кокѣ.

Павелъ Юрьевичъ притахъ и ждалъ, не свѣда съ сына слегка загорѣвшагося взгляда. Онъ еще мало вѣрилъ тому что тотъ сказалъ. Но Кокѣ понималъ что усвоенная имъ

англійская флагема должна производить въ эти минуты особенный эффектъ, и не торопится продолжать.

— Ну? сказалъ наконецъ Павелъ Юрьевичъ.

— Каричъ, процѣдилъ Кокѳ.

При этомъ имени брови Луховецкаго - отца пришли въ странное движеніе; видно было что имя вызвало въ немъ самыя противоположныя впечатлѣнія.

— Каричъ? Тотъ что судился? Откупщикъ, концессіонеръ, подрядчикъ и заводчикъ?

Кокѳ помахалъ вокругъ пальца черепашковымъ моноклемъ на широкой черной ленточкѣ.

— Вы его знаете. Что жъ такое? отвѣтилъ онъ, болѣе обыкновеннаго цѣда сквозь зубы.

— Но вѣдь весь Петербургъ еще поломъ его скандальнымъ процессомъ, проговорилъ Павелъ Юрьевичъ, для котораго все еще оставалось неяснымъ, слѣдуетъ ли принять слова сына серьезно, или въ шутку.

— Онъ оправданъ, замѣтилъ сынъ.

— И ты думаешь, онъ въ самомъ дѣлѣ такъ богатъ? спросилъ озабоченно отецъ. — Этотъ процессъ долженъ былъ разорить его. Я не думаю чтобы онъ могъ попрежнему вести дѣла.

Кокѳ продолжалъ напертывать на палецъ ленточку отъ монокля.

— Вы знакомы съ Безбѣднымъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Съ адвокатомъ?

— Да. Онъ велъ его дѣла. Онъ долженъ знать.

Павелъ Юрьевичъ отошелъ отъ стола, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по кабинету и опять остановился предъ сыномъ.

— Я знаю Безбѣднаго, сказалъ онъ. — Я ѣздилъ къ нему вчера, чтобы пригласить на поведѣльничъ. Онъ должно-быть считаетъ Карича еще въ большой силѣ, потому что очень убѣждалъ прислать ему приглашеніе.

— Вотъ видите, процѣдилъ Кокѳ. — Богатство цѣмъ запахъ, который никогда меня не обманетъ.

— Ты мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ... объ этомъ плавъ, продолжалъ отецъ. — Я даже не зналъ что у Карича есть дочь.

— Потому что вы не читали процесса. Вы никогда ихъ не читаете и оттого такъ трудно съ вами говорить.

— Какъ, она тоже фигурировала на судѣ?

— Ну, немножко, прощѣдиль Кокѡ.—Очень милая дѣвушка: маленькаго роста, брюнетка.

— Гдѣ же ты ее видѣлъ?

— Пе, я часто тамъ бываю. Я очень люблю у нихъ бывать. По крайней мѣрѣ знаешь что это мошенники. Такъ гораздо лучше.

Павелъ Юрьевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына. Онъ уже очень привыкъ къ нему, но этотъ тонъ все-таки коробилъ его.

— Это очень интересно, когда человѣка судили, продолжалъ съ тѣмъ же прощѣживаньемъ Кокѡ.—Такимъ образомъ всякій знаетъ о немъ то, чего о другомъ никогда не узнаешь. И такъ какъ его оправдали, то никто не можетъ мнѣ запретить подавать ему руку. Совершенно новый тилъ въ нашемъ обществѣ. Это очень хорошо что теперь есть такіе суды. А пока вы все-таки доставайте мнѣ денегъ. И вообще это время нужны будутъ деньги. Маленькая Аннетъ ужасно любитъ брилліанты. Не мудрено—у нея такія славыя плечи.

II.

Павелъ Юрьевичъ соглашался что денегъ непременно нужно достать. Но это легче было сказать чѣмъ сдѣлать. Вчера, когда Безбѣдный настойчиво убѣждалъ его пригласить Карича, у него даже явилась идея попросить у миллионера тысячи три взаймы въ вознагражденіе за эту услугу; но послѣ того что сообщилъ Кокѡ, идея никуда не годилась. Онъ былъ такъ откровененъ что признался въ этомъ сыну. Кокѡ слегка посвисталъ.

— Видите, папа, намъ никогда не слѣдуетъ стрѣлять по одному зайцу, проговорилъ онъ.—Поищите въ другомъ мѣстѣ.

Павелъ Юрьевичъ взглянулъ на часы.

— У меня и безъ того тысяча дѣлъ; я еще и половинны не пригласилъ, проворчалъ онъ.—Очень пріятно хаолотать о раутѣ, да еще тутъ же доставать деньги. Я пошлю Каричу приглашеніе.

— Не лучше ли будетъ вамъ самому къ нему заѣхать? поправилъ Кокѡ.—Можетъ-быть онъ покажетъ вамъ Аннетъ.

— Ну, если время будетъ, тѣмъ же ворчавымъ тономъ отозвался отецъ.—Имѣй пожалуста въ виду что я вовсе не далъ тебѣ согласія; объ этомъ твоёмъ планѣ надо еще очень подумать.

— По, папа, вы не станете грозить мнѣ лишеніемъ наслѣдства, такъ какъ кромѣ долговъ вамъ нечего завѣщать, возразилъ Кокѳ.

Павелъ Юрьевичъ оставилъ безъ вниманія это замѣчаніе, и позволивъ, приказалъ заложить санки. Такъ какъ у него впереди была свободная четверть часа, то онъ прошелъ на половину жены.

Прасковья Викторовна Луховецкая, изъ захудалого графскаго рода, была очень высокая, сухоощавая женщина, съ острымъ носомъ, живыми глазами и рѣзкими, черными бровями. Въ молодости она была недурна собой и отащчалась сильнымъ и страстнымъ темпераментомъ; съ годами же стала только пронырлива. Съ затрудненіями, окружавшими ее на каждомъ шагѣ, она умѣла справляться какъ нельзя лучше, и въ этомъ отношеніи была отащчною помощницей мужу. Заме языки говорили, будто дѣло доходило даже до того что въ магазинахъ послѣ ея посѣщенія иногда не доискивались какого-нибудь куска; но едва ли такъ было на самомъ дѣлѣ. По временамъ однако эта вѣчная борьба съ обстоятельствами, эта необходимость ежедневно изворачиваться среди новыхъ и новыхъ затрудненій, страшно ей надоедали и приводили ее въ состояніе кислаго брюзжанья. Къ сожалѣнію, именно въ такомъ настроеніи находилась она сегодня.

— Я съ этимъ раутомъ совсѣмъ голову потерялъ, сказалъ Павелъ Юрьевичъ, замѣтивъ съ перваго взгляда дурное расположеніе духа жены, и заранѣе этимъ раздражался.—хлопотъ полныя руки, а что денегъ лойдетъ, просто съ ума можно сойти.

Прасковья Викторовна знала что мужа затрудняютъ все не хлопоты, а деньги; хлопотать же, вѣдуть съ приглашеніями и дѣлать закулки онъ даже очень любилъ. Но именно неизбежность разговора о деньгахъ и была ей противна.

Она только пожала плечами, обтянутыми какою-то тѣлою, но очень старою и полнялою майталей съ горноостами. Этой майталей Павелъ Юрьевичъ просто видѣть не могъ.

— Чѣмъ же я виновата? какъ будто мнѣ нуженъ этотъ раутъ! проговорила Прасковья Викторовна.

— Но вѣдь и я кажется плясать на немъ не собираюсь, возразилъ съ раздраженіемъ Павелъ Юрьевичъ.—Я думаю вы не хуже меня знаете что раутъ необходимъ для поддержанія связей, отъ которыхъ зависятъ всѣ наши дѣла. Кстати: этотъ Каричъ, миллионеръ, что судился, сильно напиралъ на приглашеніе. Должно-быть ему очень нужно. Я подозреваю что онъ имѣетъ интересъ воспользоваться съ барономъ Грабеномъ.

— Да самъ-то Каричъ больше никому не нуженъ, возразила съ кислою гримасой Прасковья Викторовна.

— Это по вашимъ соображеніямъ такъ, а я полагаю иначе. У Карича желчный миллионъ.

— Хотя бы два, такъ съ вами не подѣлится.

— Можетъ-быть и подѣлится.

Павелъ Юрьевичъ во время этого очень его раздражавшаго разговора ходилъ взадъ и впередъ предъ женой, подрагивая плечами и на поворотахъ сильно пристукивая каблукъ. Все это дѣйствовало на нервы Прасковьи Викторовны и заставляло ее усиленно брызгать и плюнуть съѣзжавшую съ плечъ несчастную горностаевую мантилью. Луговецкій понималъ что жена именно только брызгать, но въ сущности очень цѣлится то что онъ сообщалъ ей на счетъ Карича, и едва ли даже не посвящена въ планы Кокко. Поэтому онъ постарался не раздражаться больше, и поскорѣе перейти къ главной цѣли разговора.

— Во всякомъ случаѣ раутъ неизбеженъ, и я не знаю для чего мы объ этомъ толкуемъ, сказалъ онъ гораздо спокойнѣе.—Главное то что у меня нѣтъ денегъ, а достать въ такое короткое время просто невозможно. Ты не получила ли откуда-нибудь хоть немножко?

— Откуда бы я могла получить! возразила совершенно безнадежнымъ тономъ Прасковья Викторовна.

— Ты вѣдь тамъ производишь иногда нѣкоторыя операціи... съ бриллиантами что ли... появивъ съ нѣкоторою стыдливостью въ голосъ Павелъ Юрьевичъ.

Прасковья Викторовна хотя съ самаго прихода мужа ждала именно этого напоминанія о бриллиантахъ, но тѣмъ не менѣе вспыхнула. Ей ужъ очень было досадно и больно.

— Много ихъ у меня осталось! произнесла она съ лег-

ь даже скрипомъ зубовъ.—Что жь мнѣ на раутѣ безъ
гъ быть что ли? Или просить Шарлоту Федоровну
ѣ она одолжила мнѣ изъ своихъ фермуаровъ?

авелъ Юрьевичъ въ свою очередь вслыхнулъ. Прасковья
торовна давно знала о существованіи Шарлоты Федо-
вы, и относилась къ этому довольно спокойно, но при
кновеніяхъ съ мужемъ не пропускала лопрекнуть его.

Ну, я вижу что съ вами сегодня напрасно будетъ раз-
ривать, сказалъ онъ, зная по опыту что когда она за-
ется въ свою горюстаевую мантилью, то очень трудно
ести ее изъ дурнаго расположенія духа.—Не забудьте
крайней мѣрѣ что вамъ надо сегодня захватить ко мно-
ь, у кого вы еще не успѣли быть, добавилъ онъ, и сер-
о вышелъ изъ комнаты.

ь передней онъ нахлобучилъ теллау на ватъ фуражку,
ставилъ плечи камердимеру, ждавшему его съ шивелью
рукахъ, и спустился съ лѣстницы. У крыльца ему по-
а маленькія саночки, запряженныя старымъ, запалѣннымъ,
еще виднымъ рысаконъ.

- Въ Галерную, сердито крикнулъ онъ кучеру.

аричъ занималъ тамъ большой барскій домъ, еще не-
ао заново имъ перестроенный и отдѣланный со всѣми
итектурными и декоративными затѣями.

- Дома Яковъ Алексѣевичъ? спросилъ Луховецкій щего-
атаго швейцара.

- Пожалуйста-съ, отвѣтилъ тотъ какимъ-то грустнымъ
онъ, усвоеннымъ имъ со времени постигшаго Карича
частія.—Они внизу въ кабинетѣ, добавилъ онъ еще ме-
ходичѣе, сжимая шивель.

уховецкому показалось что не только швейцаръ, но и
таица, и корридоръ, и весь домъ, несмотря на подмолвен-
о отдѣлку, имѣли очень грустный видъ, совсѣмъ не по-
ій на прежнее. Здѣсь точно пахло покойникомъ или уго-
нымъ подсудимымъ. Лакей, отправившійся доложить о
ѣтателѣ, имѣлъ удивленный и какъ будто даже сконфужен-
а видъ. Но интересѣе всего конечно былъ самъ Каричъ.
ъ не казался сконфуженнымъ; напротивъ, движеніе съ
орымъ онъ оттолкнулъ кресло и поднялся на встрѣчу
ковецкому было исполнено свободы и величайшаго сло-
ѣствія. Его представительная фигура, облеченная въ про-
орную съ бархатными отворотами тужурку, его походка,

небрежная послѣднѣе съ которою онъ поправилъ широкій воротъ рубашки—все попрежнему носило самоуверенный и барскій отпечатокъ, выстъ съ выраженіемъ незаслуженнаго, но глубоко почувствованнаго оскорбленія. Только въ лицѣ замѣчалась какая-то новая тревожная игра мускуловъ.

Луховецкій первый протянулъ ему руку и проговорилъ съ едва примѣтнымъ оттѣнкомъ превосходства, котораго онъ никакъ не могъ не дать почувствовать:

— Душевно радъ что могу поздравить васъ. Мы очень давно не видались. Я пріѣхалъ пригласить васъ къ намъ на вечеръ, послѣзавтра. Надѣюсь, ничто не помѣшаетъ вамъ?

Каричъ поблагодарилъ. Такъ какъ Луховецкій поздравилъ его, то онъ спѣшилъ показать что съ своей стороны нисколько не затрудняется говорить о своемъ несчастіи. Онъ сказалъ что непремѣнно воспользуется приглашеніемъ, хотя здоровье его очень разстроено всеми испытанными неприятностями и тревоженіями.

— Да-съ, не думалъ не гадалъ, добавилъ онъ съ легкимъ вздохомъ, опускаясь вслѣдъ за Луховецкимъ въ кресло.

Дома, подъ впечатлѣніемъ непривычнаго удивленія, окружившаго его въ первые дни послѣ ареста, онъ чувствовалъ свой позоръ сильнѣе чѣмъ даже въ залѣ суда, и какъ бы держался оборонительнаго положенія.

— Для человѣка дѣловаго, какъ вы, это еще тяжелѣе, сказалъ Луховецкій, думая, не сообщитъ ли ему Каричъ, какъ отразился процессъ на его дѣлахъ. Но Каричъ возразилъ почти съ негодованіемъ:

— Чтѣ дѣла! слава Богу я въ нихъ не нуждаюсь. Честь, честь мнѣ дорога! прибавилъ онъ, ударивъ ладонью по широкой груди.

— Я воображаю, какія тяжелыя минуты пережила ваша дочь! Вѣдь у васъ есть дочь, Яковъ Алексѣевичъ? перебилъ Луховецкій разговоръ.

Каричъ только задумчиво поднялъ къ потоку глаза.

— Я очень сожалею что не имѣлъ до сихъ поръ случая познакомиться съ вашею дочкой, продолжалъ Луховецкій;— иначе жена просила бы позволенія украсить свой вечеръ ея присутствіемъ. Вѣдь она уже выѣзжаетъ?

— Благодарю васъ, промолвилъ грустно Каричъ.—Да, она вытѣзжаетъ.

Луховецкій былъ недоволенъ. Онъ оказывалъ ослороженному и можетъ-быть даже разорившемуся капиталисту величайшее вниманіе, и это вниманіе было принято равнодушно. Онъ далъ Каричу поводъ говорить о своей дочери, и тотъ этимъ поводомъ не воспользовался. Не ему же, Луховецкому, напращиваться на обличеніе при такихъ болѣе чѣмъ невыгодныхъ для Карича условіяхъ! Но онъ рѣшился сдѣлать еще одинъ шагъ.

— Мой сынъ, который, какъ кажется, часто посѣщаетъ вашъ домъ, очень много говорилъ мнѣ о mademoiselle Аннѣ, сказалъ онъ.

— Вашъ сынъ всегда оказывалъ большое расположеніе ко мнѣ и къ моей дочери, отвѣтилъ Каричъ прязнательными и попрежнему грустными тономъ.

И опять онъ не выразилъ ни малѣйшаго желанія продолжать этотъ разговоръ. Луховецкій былъ положительно оскорбленъ. Не можетъ же быть, чтобы Каричъ не замѣчалъ ухаживаній Кокд за его дочерью. Ужъ не находитъ ли эта разбитая биржевая кляча что такая партія для него мале заманчива? Или пожалуй Кокд навралъ, чтобы только выманить у отца денегъ?

— У васъ много будетъ? спокойно спросилъ Каричъ.

— Да, я пригласилъ довольно большое общество, отвѣтилъ Луховецкій, и уступая желанію еще разъ напомнить Каричу о его положеніи, добавилъ съ предупредительною улыбкой:

— Васъ не стѣснить это?

— О нѣтъ, нисколько; я привыкъ толкаться среди людей, возразилъ Каричъ.—Притомъ же, благодаря этому несчастному процессу я многихъ давно не видалъ, и мнѣ пріятно будетъ снова встрѣтиться.

— Да, разумѣется... протворилъ нѣсколько озадаченный Луховецкій.—Между прочимъ у меня будетъ баронъ Грабенъ...

— Очень кстати: онъ нѣсколько разъ заѣзжалъ ко мнѣ, но такъ какъ я эти дни не занимаюсь дѣлами, то и не принималъ его, объяснилъ почти съ величавою небрежностью Каричъ.—У васъ на раутѣ онъ найдетъ случай переговорить со мной о чемъ ему надо.

Это была неправда: баронъ совсѣмъ не заѣзжалъ къ нему, а напротивъ того Каричу было очень нужно его видѣть, потому что баронъ занималъ мѣсто ослрикасаившагося съ нѣкоторыми его операціями. Но такъ какъ Луховецкій пріѣхалъ пригласить Карича на вечеръ и вдобавокъ выражалъ желаніе познакомиться съ его дочерью, то къ ослышному капиталисту мало-по-малу вернулась его привычная наглость. Онъ даже не боялся что Луховецкій передастъ барону о его маимыхъ попыткахъ прорваться къ нему.

„Каковъ!“ подумалъ Луховецкій, и съ нѣкоторою первою торопливостію сталъ прещаться. Онъ очень бы не прочь былъ оборвать Карича, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему и пріятно было что тотъ держитъ такой тонъ: все-таки это говорило въ пользу солиднаго положенія его дѣла, а Павелъ Юрьевичъ любилъ связи съ богатыми и сильными людьми.

III.

Крупно отбивая нѣрами, запалѣнный рысакъ потащилъ Павла Юрьевича дальше. Кучеръ, получивъ вмѣсто всякаго приказанія только краткое: „пошелъ!“ ѣхалъ остерегаючись, и на перекресткахъ сильно осаживалъ, славяно пригашая барина оглядѣться и сказать основательно куда ѣхать. Но Павелъ Юрьевичъ такъ задумался что не замечалъ ни улицъ, ни перекрестковъ. Отъ крѣпкой заботы голова его забла подъ теплою ватною фуражкой. Онъ выѣхалъ изъ дому съ нерѣшительнымъ, назойливымъ вопросомъ: гдѣ бы достать денегъ, и притомъ сегодня же, сейчасъ? Ничего опредѣленнаго въ виду у него не было, и онъ просто рассчитывалъ что дорогой ему явится какая-нибудь новая счастливая мысль. Но вмѣсто новыхъ мыслей въ головѣ вертѣлось непріятное объясненіе съ женой, попрекавшю фермуарами Шарлоты Федоровы, нахальство Карича и безпутство Кокѣ, пользующагося кредитомъ у какой-то Эрнестины. Думать обо всемъ этомъ было рѣшительно непріятно. Но вдругъ, изъ сопоставленія этихъ досадныхъ воспоминаній и соображеній, возникла нѣкоторая счастливая идея, внезапно озарившая Павла Юрьевича. Онъ пріободрился, поддалъ лапчи и крикнулъ кучеру: — Въ Косой переулокъ!

Мѣстность эта была настолько знакома кучеру что, не требуя дальнѣйшихъ указаній, онъ подкатилъ прямо къ крыльцу небольшого трехэтажнаго дома.

Черезъ нѣсколько минутъ Павелъ Юрьевичъ уже сидѣлъ въ уютной гостиной, за столикомъ покрытымъ опрятною вязаною салфеткой, и пилъ кофе, который подавала ему изъ собственныхъ бѣлыхъ и короткихъ рукъ Шарлота Федоровна. Въ комнатѣ царствовалъ довольно пріятный запахъ, смѣшанный изъ одеколона и жаренаго цикорія, а на обояхъ окнахъ весело трещали среди зелени камаройки. Сама Шарлота Федоровна, въ отлицво вымытомъ пеньюарѣ, съ какою-то легкою вязаною косыночкой на головѣ, шутила и складывала губы сердечкомъ.

— Ну, и скушайте еще! такой маленькій кремдэм! ему надо такой маленькій мѣсто!

Голубые, хотя нѣсколько поднимавше глаза ея острѣлы при этомъ такъ восхитительно-гауно что Павелъ Юрьевичъ бралъ кремделекъ и кушалъ.

— Послушайте, Шарлота Федоровна, а не можете ли вы мнѣ большую, большую услугу оказать? обратилъ онъ къ ней послѣ второй чашки кофе.

— И что такое? спросила нѣсколько даже испугавшись Шарлота Федоровна.

— Да вотъ что: дайте мнѣ на короткое время двѣ тысячи.

Конечно, это была очень смѣлая идея просить у Шарлоты Федоровны двѣ тысячи. Но иногда только смѣлая идея и спасаетъ. Такъ было и на этотъ разъ: послѣ цѣлаго часа сопротивленія, отъ котораго Павла Юрьевича даже въ мотъ бросило, Шарлота Федоровна кончила тѣмъ, что подавая невольный вздохъ, вручила ему два розовенькіе банковые билета, радостно развѣсившиеся имъ въ то же самое утро.

Предъ вечеромъ къ опальному дому въ Галерной подѣхала извозничья карета, привезшая Софью Александровну Олжанскую. Пріѣхавъ она не удивила никого, такъ какъ во время ареста Карича она очень часто навѣщала его дочь и была, по выраженію самой Миле Аннетъ, ея добрымъ ангеломъ, а послѣ суда первая явилась поздравить, утѣшить и ободрить Якова Алексѣевича.

Задача была не самая легкая, потому что со своего торжественнаго обѣда Каричъ возвратился съ разбитыми нервами и въ состояніи чрезвычайнаго нравственнаго упадка.

Возбужденіе, вызванное виномъ, тостами, пресмыкательствомъ тѣхъ кого Безбѣдный называлъ „разною дрянью“, быстро разстѣлалось, когда онъ усталый и измученный вернулся домой. Оно только усилило тяжелое утомленіе, произведенное нѣсколькими мѣсяцами ареста и пыткой трехдневнаго процесса. Онъ былъ слишкомъ уменъ чтобы не знать настоящей цѣны сочувствію оказанному обѣдавшими съ нимъ друзьями. Наединѣ съ самимъ собою онъ создавалъ себя оловяннымъ, разбитымъ, отодвинутымъ куда-то съ почетной позиціи, которую привыкъ занимать. Послѣ, при личномъ столкновеніи съ тѣми самыми людьми, тайнаго суда которыхъ онъ боялся, онъ могъ вернуть къ себѣ свою обычную самоувѣренность и даже отвѣчать презрѣніемъ на приговоръ общественнаго мнѣнія; но въ опустѣлыхъ комнатахъ, встрѣтившихъ его съ какимъ-то нежилымъ, оловяннымъ видомъ, ему былъ страшенъ этотъ судъ, гдѣ-то тайно совершавшійся за стѣнами дома. Онъ не могъ безъ перваго содраганія видѣть газетные листы, напечатанные его процессомъ.

Въ эти дни услуги madame Олжанской были неоцѣнимы. Она составляла единственное звено между нимъ и обществомъ, она одна могла сказать ему, что дѣлается за стѣнами дома, тамъ гдѣ теперь читаютъ его процессъ и говорятъ о немъ. Для него было большимъ облегченіемъ получать эти свѣдѣнія именно черезъ нее. Она какъ врачъ перевязывала и лѣчила его рану. Въ ея присутствіи онъ не испытывалъ той мучительной неловкости, которая легла между нимъ и дочерью со времени ареста. Притомъ madame Олжанская дѣйствовала и за стѣнами дома. Она каждый разъ сообщала ему свой разговоръ съ тѣмъ или другимъ лицомъ, чтобы показать что онъ напрасно придаетъ столько значенія впечатлѣнію произведенному въ свѣтъ его дѣломъ. Она не отрицала, что впечатлѣніе крайне неблагопріятно; но бралась облегчить ему возобновленіе отношеній съ обществомъ. Мысль выступить въ первый разъ на раутѣ у Луховецкихъ принадлежала ей, и она впадала устроить чтобъ ему было одѣлано приглашеніе. Сегодня, еще не зная что Луховецкій былъ у него, она нарочно захотѣла сообщить, что онъ будетъ приглашенъ.

Она подвинулась по роскошной лѣстницѣ во второй этажъ и прошла корридоромъ мимо нарядныхъ гостиницъ въ кон-

нату Аннетъ. Обѣ бросились другъ другу навстрѣчу и на минуту замерли въ объятіяхъ.

— Вы гдѣ-то обѣдали, отъ васъ виномъ пахнетъ, тотчасъ замѣтила наблюдательная Аннетъ.

— Да, душечка, я была на большомъ dejeuner! отвѣтила Олжанская.

— Вотъ вы какая кутилка! сказала Аннетъ, продолжая обнимать ее обѣими руками за талію.—Гдѣ же это?

— У Безбѣднаго. У него было музыкальное утро, и сначала, роскошный завтракъ. Только дѣйствительно роскошный!

— Разкажите же, голубчикъ, все какъ было, просила Аннетъ, усаживая Софью Александровну на низенькій диванчикъ.—Вѣрно устрицы?

— И устрицы, и всякая-всячина. Особенно былъ хорошъ какой-то англійскій луддингъ, но ловимаете—совершенно англійскій!

— Сладкій?

— Нѣтъ, совсѣмъ не сладкій, а съ ветчиной, съ каше-скимъ перцемъ и еще съ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Однимъ словомъ прелесть. Ну, еще были форель свѣжая, трюфли à la serviette, какой-то салатъ изъ омаровъ, потомъ одна очень рѣдкая рыба grillé, бекасы au gratin... Но главное закуска была очень рѣдкая и разнообразная.

Читатель вѣроятно не удивится, что Mlle Аннетъ такъ сильно интересовалась этимъ затѣйливымъ меню: нынѣшніи барышни очень любятъ вкусно покусать, а о дамахъ ужъ и говорить нечего: для многихъ изъ нихъ обѣдъ или ужинъ въ ресторанахъ составляетъ верхъ благополучія...

— А что дѣлаетъ лалѣ? спросила Олжанская, истощивъ гастрономическую тему.

— Вѣроятно у себя; ему скажутъ о васъ. Вы вотъ въ этомъ салонѣ туалетъ были?

— Да, вѣдь я прямо съ завтрака.

— Очень хорошенькое платье.

Олжанская скромно оглядѣла себя: туалетъ дѣйствительно былъ прелестный.

— Угадаете гдѣ дѣлали?

— Ах Bêtes russes? засмѣялась Аннетъ, переиначивая извѣстную модную фирму.

Олжанская со смѣхомъ кивнула головой.

— Прелесть. Я рѣшительно думаю перейти туда. Хотя мнѣ жалъ бросить мою.

— Ахъ, бросьте, душка. Ужасно однообразна!

— Право не нахожу.

— Нѣтъ, однообразна. На дняхъ у Зизи Безруковой за обѣдомъ было около десяти дамъ, которыя пьютъ у вашей, и можете себя представить, всѣ въ совершенно одинаковыхъ платьяхъ. Ну точка въ точку! Всѣ такъ надъ вами смѣялись, говорили: *lancionъ madame Laure*. Переходите, душка, ахъ *Bêtes russes*.

— Скорѣ всего что я совсѣмъ перестану дѣлать туалеты, сказала Аннетъ.—На что мнѣ, куда я надѣну? Я здѣсь какъ въ монастырѣ.

— Нѣтъ, *mon ange*, хорошіе туалеты во всякомъ положеніи рѣшительно необходимы, возразила серьезно Олжанская.

— Вы другое дѣло, вы счастливица, продолжала Аннетъ.— У васъ каждый день выѣзды. Я бы хотѣла хоть одну зиму прожить такъ какъ вы.

— Ну, шерочка, не ропщите, вы еще совсѣмъ дитя, все придетъ въ свое время, сказала Олжанская, и обнявъ ее за тоненькую талію, прижала къ себѣ.

Это была очень интересная группа: крупная, эффектная блондинка и маленькая брюнетка со смуглыми, поддѣтски закругленными щеками и живыми, черными, совсѣмъ не поддѣтски глядѣвшими глазами. Хотя Олжанская была вдвое старше Аннетъ, но какъ блондинка она выигрывала нѣжностью кожи и блескомъ своихъ золотистыхъ волосъ. Когда онѣ цѣловались, эти двѣ красивыя головки пропадали въ картину.

— Не завидуйте мнѣ, милочка, свобода имѣетъ свои печальныя стороны, продолжала Олжанская, прижималась щекой къ смуглому личику дѣвушки.—Когда будете замужемъ, поломните мои слова, что всѣ эти развлечения, выѣзды, вся эта суета независимой жизни, очень скоро надоѣдаютъ вамъ.

— Нѣтъ, мнѣ такая жизнь никогда не надоѣдетъ, тономъ убѣжденія сказала Аннетъ.—Но замужъ... какъ я могу выйти замужъ когда меня никто не видитъ? Здѣсь кромѣ противнаго Кокѣ никого изъ молодыхъ людей не бываетъ.

— А Безбѣдный? наломнила Олжанская.

— Я его только раза два видѣла за обѣдомъ. Да развѣ это женихъ?

— Почему же нѣтъ?

— Онъ бываетъ по дѣлу.

— Душа моя, хорошее приданое самое серьезное дѣло на свѣтѣ.

Аннетъ была очень смѣшлива. Она разсмѣялась — замѣчанію ли Олжанской или тому что она можетъ одѣваться madame Безбѣдной. Смѣхъ точно искрами вспыхивалъ на ея лицѣ, усиливая его подвижную, своевольную красоту. Каричъ, явившійся въ эту самую минуту, былъ очень доволенъ что его дочь такъ весела.

— Моя дѣвочка только и смѣется когда съ вами, сказалъ онъ съ признательностью, пожимая руку Олжанской, и по обыкновенію долго не выпуская ее изъ своей тѣлой и мягкой ладони.

— Это мы только сейчасъ развеселились; а то мы хандрить собирались, пожаловалась Олжанская, улыбаясь Аннетъ.

— Скучно ей, промолвилъ потупляясь Каричъ.

Олжанская погладила маленькую смуглую ручку дѣвочки.

— Тяжело, когда въ этомъ возрастѣ нѣтъ матери, сказала она. — Я понимаю тѣхъ кто женится ради дѣтей второй разъ.

Каричъ поднималъ глаза къ потолку и снова потупилъ ихъ. Олжанская часто говорила ему о второмъ бракѣ. Ему самому эта мысль представлялась только мимоходомъ, не отвѣчая никакой внутренней потребности. Правда, его дочь могла выиграть; можетъ-быть и его собственная жизнь устроилась бы лучше; но какъ легко ошибиться! Онъ ничего не имѣлъ въ виду. Только съ тѣхъ поръ какъ Олжанская разъ сказала ему что намѣрена хлопотать о разводѣ, мысль о второмъ бракѣ какъ будто стала болѣе близка ему. Еслибъ онъ могъ жениться на Олжанской, онъ можетъ-быть рѣшился бы. Она всегда обнаруживала много расположенія къ нему. Въ особенности въ послѣднее время, когда на него обрушилось это несчастіе (онъ даже мысленно называлъ свое дѣло не иначе какъ несчастіемъ), она заняла подлѣ него положеніе предавшаго, любящаго,нисходительнаго и необходимаго друга. Этотъ выборъ кажется не бывъ бы рискованъ. Но онъ еще не успѣлъ вполне ослѣпнуть отъ своей катастрофы и не имѣлъ силы думать о будущемъ. Когда Олжанская сказала при Аннетъ что понимаетъ тѣхъ кто женится ради дѣтей во второй разъ, онъ почувствовалъ смущеніе, какъ будто его заставляли выразить рѣше-

нѣ, къ которому онъ еще не былъ готовъ. Онъ ничего не сказалъ и задумчиво глядѣлъ на широкій носокъ сапога.

— Но я не сообщила вамъ самаго главнаго, заговорила Олжанская, которой отъ этого молчанія какъ будто самой стало неловко: — послѣзавтра я васъ вывожу въ свѣтъ. Духовецкіе увѣрены что вы непременно примете ихъ приглашеніе.

— Онъ у меня былъ сегодня, сказалъ Каричъ.

— Ахъ, ужъ былъ? переспросила, слегка вслухнувъ, Олжанская: ей было досадно что ее предупредили. — Это очень любезно съ его стороны. Но отдайте мнѣ справедливость что я хорошая дипломатка и умѣю устроить всѣ такія вещи! добавила она съ нѣскольکو напряженною улыбкой.

Каричъ не зналъ что она не видала никого изъ Духовецкихъ и даже сама только сегодня по утру получила приглашеніе; поэтому ему представлялось очень правдоподобнымъ что онъ обязанъ ей визитомъ Павла Юрьевича. Несмотря на свою одышку, онъ всталъ и съ чувствомъ поцѣловалъ ей руку.

— Ужъ не знаю какъ и когда я разчитаюсь съ вами за всю вашу доброту, сказалъ онъ.

— И не разчитывайтесь, я люблю имѣть должниковъ, отвѣтила улыбаясь Олжанская.

IV.

Когда Липочка проснулась на другой день послѣ разболѣвки съ Безбѣднымъ и откинула пыльные занавѣски драпировавшія окно, ее пріятно поразило яркое солнце, косыми лучами ворвавшееся въ комнату. Долгіи утренній сонъ укрѣпилъ и успокоилъ ее, а это яркое зимнее солнце, этотъ голубоватый воздухъ, наполненный оверкающею ошѣнкою мглой, встрѣтили ее такъ пріятливо и радостно что на минуту она забыла все свое горе. Какъ рѣдки такіе дни! Ей хотѣлось жить, жить во что бы то ни стало, отъмахиваясь каждымъ нервомъ на этотъ торжествующій призывъ жизни. Потребность дѣятельности, дѣятельной борьбы, дѣятельнаго счастья разомъ пробудилась и схватила ее здоровымъ утреннимъ холодомъ.

Она позвонила горничную, велѣла подать себѣ чаю, и стоя предъ маленькимъ, жалкимъ зеркаломъ, воздвигнутымъ на колеблющемся комодѣ, торопливо занялась своимъ туалетомъ. Густыя темнорусыя ласмы волосъ послушно плелись и закручивались подъ ея тонкими пальцами; зеркальце отражало лобѣдѣвшее, нервное, но прелестьное въ этой тревожной красотѣ лицо—которымъ она также тревожно любовалась, въ то время какъ мысли обивчиво и быстро кружились въ головѣ. Она достала свое единственное хорошее платье, одѣлась и пошла къ Олжанской. Во всемъ Петербургѣ у нея была только одна знакомая женщина, и эта женщина внушала ей довѣріе. Ей нравились что Олжанская была хороша собою, что она такъ свободно и такъ прилично держала себя, что она сразу обладала ее и что она задала вопросомъ о женской независимости. Последнее обстоятельство казалось Липочкѣ особенно важнымъ, потому что она сама всегда сочувствовала этому вопросу, а въ теперешнемъ своемъ положеніи тѣмъ болѣе хотѣла сблизиться съ особой посвятившемъ себя дѣвицамъ ищущимъ высшего образованія и независимаго труда.

Ее нѣсколько удивилъ избытокъ чисто будничнаго изящества, которымъ отличалась обстановка Олжанской; она ожидала чего-нибудь болѣе солиднаго, важнаго и внушительнаго, отзывавшагося засѣданіями комитета и маленькими полуофициальными приѣмами. Но тѣмъ болѣе эти телеса, загроможденныя, нарядныя какъ атласная бойбоньерка комнаты располагали къ довѣрію. Олжанская въ суконномъ синемъ платьѣ, драпировавшемъ крупными складками ея стройную фигуру, сидѣла за письменнымъ столикомъ и кончала одну изъ безчисленныхъ записочекъ, которыя каждое утро разлетались изъ ея будуара; въ то же время она грызла крекелекъ и прихлебывала изъ маленькой чашки, стоявшей тутъ же на столикѣ.

По обыкновенію она крѣпко поцѣловала Липочку въ губы. Она умѣла очаровать своею пріятностью.

— Вотъ миле что вы не заставили долго ждать себя. Не хотите ли кофе? Нѣтъ, пожалуйста, я тоже буду еще пить, предложила она, и позвонивъ велѣла подать, несмотря на протесты Липочки. — Я все утро вспоминала васъ, вашъ голосъ стоитъ у меня въ ушахъ, продолжаетъ она;—а давно

не слыхала такого славнаго, сѣтѣлаго контралято. Вѣдь вы поступаете въ консерваторію, не правда ли?

— Я именно и пришла къ вамъ чтобы хорошенько обо всемъ переговорить и посоветоваться, сказала Липочка. — Мое величайшее желаніе разумѣется учиться здѣсь; и я во всякомъ случаѣ останусь. Я такъ и написала отцу. Но у меня нѣтъ никакихъ средствъ. Я могла бы что-нибудь заработать уроками, но не знаю какъ взяться. Во всякомъ случаѣ я не буду въ состояніи платить въ консерваторію.

— О, это мы устроимъ, сказала Олжанская, — вы будете стипендіаткой нашего общества. Если мы покровительствуемъ труду, то тѣмъ болѣе наша обязанность поддерживать талантъ.

— Вы очень добры, проговорила Липочка, еще не привыкшая къ этой роли таланта покровительствуемаго общественною благотворительностью.

Ей очень хотѣлось узнать, какую ей дадутъ стипендію, и хватить ли ей чтобы прожить въ Петербургѣ, но она никакъ не рѣшалась спросить.

— Я постараюсь поскорѣй найти себѣ квартиру, гдѣ-нибудь въ шамбръ-гарни; вѣдь это дешевле? сказала она. — Въ гостиницѣ все такъ дорого. Вообще я совсѣмъ не знаю, какъ тутъ лучше устроиться. Сколько нужно въ годъ чтобы прожить самымъ скромнымъ образомъ?

— Если нанимать комнату, посѣщать консерваторію, одѣваться сколько-нибудь прилично, то я думаю меньше какъ тысячею рублей невозможно обойтись, сказала Олжанская.

Липочка даже вслепнула руками.

— Тысяча рублей! но развѣ дадутъ такую стипендію?

Олжанская съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Стипендію? Но стипендія будетъ заключаться только въ томъ что за васъ внесутъ плату въ консерваторію! объяснила она.

Липочка почувствовала какъ почва разомъ заколебалась подъ нею.

— Чѣмъ же я буду жить? воскликнула она почти со слезами на глазахъ.

„Какая наивность!“ подумала Олжанская.

— Но развѣ вы не имѣете никакихъ другихъ средствъ? спросила она вслухъ.

— Я постараюсь найти уроки, или какія-нибудь занятія, отвѣтила Липочка, — но говорить это такъ трудно!

Олжанская недоумывала. Ужъ не воображаетъ ли Безбѣдный одать ей свою protégée на полное поличеніе? Это было сашкомъ неправдоподобно. Скорѣе что онъ не успѣлъ еще облизиться съ нею настолько чтобы предложить ей свою помощь.

— Уроки, это очень жалкій способъ существованія, сказала она. — Но можетъ-быть Евгенийъ Савичъ найдетъ для васъ особенно выгодныя условія.

— Ахъ, вѣтъ! протестовала Липочка, вся всныхмувъ: — я вѣроятно даже совѣтъ не буду видѣться съ Евгениемъ Савичемъ. И я ни въ какомъ случаѣ не приму отъ него ни малѣйшей услуги и не позволю заботиться обо мнѣ.

Олжанская начинала понимать.

— Вы поссорились? спросила она, улыбаясь.

— Я только убѣдилась, что очень, очень въ немъ ошибалась, отвѣтила Липочка, хмура свои подвижныя брови. Ей было досадно что Олжанская улыбается и тѣмъ доказываетъ что не смотритъ серьезно на ея размовку.

Софья Александровна была женщина съ воображеніемъ и потому тотчасъ представила себѣ всю вчерашнюю сцену между Липочкой и Безбѣднымъ почти совершенно такъ какъ она происходила въ дѣйствительности. Она не сомнѣвалась что Безбѣдный будетъ ее просить помирить его съ Липочкой, и что вообще во всей этой исторіи ей придется принять участіе. Хотя она и расположена была держать сторону Безбѣднаго, потому что очень ему симпатизировала и считала его человѣкомъ для себя нужнымъ, въ особенности въ виду дѣла о разводѣ, но какъ женщина ей было въ то же время очень пріятно думать о постигшей его неудачѣ и представлять себѣ различныя подробности этой сцены.

— Въ такомъ случаѣ ваше положеніе здѣсь будетъ довольно трудное, сказала она, переставъ улыбаться: — содержать себя самой, живя на квартирѣ, почти невозможно. Положимъ вы найдете уроки, но плата самая жалкая, и вообще это положеніе очень невѣрное.

— Однако вѣдь есть же здѣсь учащіеся дѣвушки которыя сами себя содержатъ, возразила Липочка.

— Есть, конечно, но право я даже не знаю, какъ онѣ изворачиваются, сказала Олжанская.— Кто-нибудь да помогаетъ имъ. Во всякомъ случаѣ положеніе ихъ самое бѣдственное, это я собственными глазами видѣла.

— Такъ для чего же тогда существуютъ все эти филантропическія общества? И какая польза что за меня заплатить въ консерваторію, когда мнѣ нечѣмъ жить? возразила съ горечью Липочка.— Какому-нибудь безполезному и даже вредному чиновнику правительство платить тысячи, въ то время какъ сотни молодыхъ людей не имѣютъ возможности окончить свое образованіе!

Олжанская грустно покачала головой. Она тоже была противъ чиновниковъ, съ тѣхъ поръ какъ ее мужъ не раздѣлялъ съ нею своего очень значительнаго оклада.

— Мы дѣлаемъ что можемъ, но наши средства все еще очень ограничены! сказала она.

Липочка продолжала хмурить брови, и въ сѣрыхъ глазахъ ея загорались искры. Она чувствовала что какъ бы ни омрачалось будущее, никакіе страхи не помѣшаютъ ей испытать своихъ силъ.

— Я постараюсь ограничить себя до послѣдней крайности. Вѣдь живутъ же люди въ нуждѣ, и безъ всякой надежды впереди; а я могу чѣмъ-нибудь быть современемъ, сказала она.

Олжанская одобительно улыбаулась ей.

— Вотъ вы какая! сказала она.

Ей нравилось что у Липочки есть характеръ, и она уже безъ всякаго расчета, просто по сочувствію, рада была бы одѣлать что-нибудь для нея. Если Безбѣдный заинтересованъ серьезно, то конечно не постоитъ за деньгами; а какимъ образомъ устроить чтобъ его помощь могла быть принята—это можно придумать. Поэтому, прощаясь съ Липочкой, она обѣщала оказать ей самое дѣлательное участіе и повторила просьбу обращаться къ ней во всѣхъ затрудненіяхъ.

Липочка поблагодарила, но при этомъ невольно вспыхнула: ее оскорбило предположеніе что можетъ-быть Олжанская предлагаетъ свою личную помощь. Она считала что общество обязано придти на встрѣчу бѣдной дѣвушкѣ, не имѣющей средствъ докончить свое артистическое образо-

заніе, но принять пособіе отъ частаго лица казалось ей большимъ униженіемъ.

Когда она очутилась опять на улицѣ, яркое солнце, сверкавшее сквозь морозную мглу, уже не производило на нее такого радостнаго впечатлѣнія. Она шла скорыми шагами, сжавъ губы съ выраженіемъ горькой рѣшимости. Тотъ кто борется, не можетъ сохранить постоянное равновѣсіе духа. Капля ожесточенія, какъ капля аду, попала въ ея кровь и производила въ ней броженіе. Она почти съ ненавистью изглядывала на прохожихъ, которыхъ какъ и ее гнала собственная забота въ этотъ еще ранній часъ дня. Можетъ-быть между ними были такіе же одинокіе, оскорбленные и бѣдныя какъ она, но каждый изъ нихъ боролся за свое собственное дѣло, и съ каждымъ изъ нихъ она могла встрѣтиться на узкомъ пути жизни какъ съ врагомъ.

Вдругъ она увидѣла Безбѣднаго, который, обогнавъ ее въ сапогахъ, обернулся и пристально смотрѣлъ на нее, словно не признавъ сразу. Она видѣла какъ онъ поспѣшно остановилъ кучера и выскочилъ изъ саней.

— Здравствуйте, Олимпиада Васильевна, сказалъ онъ подлѣ нея.

Она не оглянулась на него и отвѣтила совершенно равнодушнымъ тономъ:

— Здравствуйте.

И засунула руки поглубже въ муфту, какъ бы заранее протестуя противъ возможности положить ему руку.

— Я радъ что встрѣтилъ васъ, сказалъ Безбѣдный,—а вѣроятно не рѣшился бы явиться къ вамъ, не имѣя вашего позволенія. Теперь могу я просить васъ объ этомъ? Вамъ не будетъ непріятно меня видѣть?

Липочка все такъ же скоро и не глядя на него шла впередъ. Она не досадовала на эту встрѣчу, но ей было тяжело.

— Вамъ нечего у меня дѣлать. Развѣ между нами не все кончено? сказала она.

— Развѣ вы никогда не простите меня? отвѣтилъ онъ вопросомъ.

Первымъ движеніемъ ея было сказать: „никогда“. Но сердце ея такъ слабо билось что она не въ силахъ была выговорить это слово. Она сказала:

— Дѣло не въ прощеніи. Я считала себя вашей невѣстой, и вы объяснили мнѣ что я ошибалась. Зачѣмъ же намъ видѣться?

Ея поблѣдившія губы дрожали; такая страстная, мучительная и безсильная злоба сжала въ это мгновеніе ея сердце что еслибъ у нея былъ въ рукѣ ножъ, то можетъ-быть она ударила бы его. Безбѣдный чувствовалъ эту злобу; но онъ былъ болѣе доволенъ, чѣмъ еслибы встрѣтилъ полное равнодушіе.

— Развѣ не существуетъ снисхожденіе, состраданіе? сказалъ онъ.

Липочка гнѣвно вокинула на него глазами.

— Къ вамъ—снисхожденіе? состраданіе? за что? за то что вы не можете найти себѣ по своему вкусу любовницу? бросила она ему дрожащими губами.—Оставьте меня. Уйдите отъ меня.

Она черезъ силу удвоила шаги и скоро потерялась въ толпѣ. Губы ея были все также сжаты, и хмурая складка рѣзко лежала между бровями; но сердце свободнѣе билось въ груди, и она испытывала капризную радость облегченной горькими словами злобы. Пусть онъ знаетъ что эта слабая рука оттолкнула его безъ колебаній и пощады, презрительно и пренебрежительно....

V.

Раутъ у Луховецкихъ былъ очень многолюденъ. Въ гостиныхъ уже негдѣ было сѣсть, а между тѣмъ прибывали все новыя лица. Павелъ Юрьевичъ исполнялъ обязанности хозяина съ ловкостью и энергіей, стоявшими выше всѣхъ похвалъ. Можно было подумать что тутъ не одинъ Павелъ Юрьевичъ, а по крайней мѣрѣ десять—до такой степени онъ успѣвалъ появляться почти одновременно около каждой группы гостей.

Человѣкъ попавшій сюда въ первый разъ вѣроятно долго не могъ бы уяснить себѣ къ какому кругу принадлежитъ собравшееся здѣсь общество, и какіе интересы могли соединять его. Безъ сомнѣнія, былъ сдѣланъ строгій выборъ, и никого лишняго, приглашеннаго только ради комплекта, здѣсь не увидали бы. Все были люди съ вѣсомъ, съ извѣстностью, или по крайней мѣрѣ съ внѣшнею представительностью. Хозяинъ могъ бы дать строгій отчетъ, почему приглашенъ каждый изъ присутствующихъ. Одинъ занимаетъ видное официальное положеніе; другой обладаетъ милліономъ;

третій хотя ничего не имѣетъ, но можетъ участвовать въ партіи виста по какой угодно цѣнѣ; четвертый бываетъ у князя N и ѣздитъ верхомъ съ турецкимъ посланникомъ; пятый хлопочетъ о концессіи на желѣзную дорогу изъ Ташкента въ Калькутту; шестой можетъ не вставая изъ-за рояля сыграть всѣ до одной расклатки Листа; седьмой хотя занимаетъ у знакомыхъ кушамъ не свыше пяти рублей, но недавно плѣлъ въ Миланѣ подъ псевдонимомъ сивильора Москвитини и держитъ въ карманѣ листокъ италіанской газеты съ отзывомъ о его дебютѣ (этотъ отзывъ, увы! поглотилъ все его состояніе). Но главное преимущество вечеровъ у Луховецкихъ заключалось въ томъ что каждый приглашенный имѣлъ свою личную надобность быть тутъ. Здѣсь главнымъ образомъ крылась причина, почему Павелъ Юрьевичъ считался въ самыхъ различныхъ слояхъ петербургскаго общества человекомъ очень нужнымъ и даже съ вѣсомъ. Его домъ былъ нейтральною почвой, на которой сходились люди находившіе неловкимъ бывать другъ у друга. Графъ Z напимѣръ очень желалъ выиграть у длинноносаго, горбаченькаго биржевика нѣсколько тысячъ въ экартѣ, но не могъ ни пофхать къ нему, ни пригласить его къ себѣ; Павелъ Юрьевичъ съ предупредительною улыбкой подносилъ имъ карточки. У князя S есть конечно пріемные часы въ его канцеляріи, но этотъ самый биржевикъ конечно предпочтетъ переговорить съ нимъ о своемъ дѣлѣ здѣсь на раутѣ. Точно также для баронессы L будетъ очень интересно встрѣтиться со знаменитымъ адвокатомъ ведущимъ противъ нея крупное дѣло: здѣсь, на этой нейтральной почвѣ, самыя рискованныя встрѣчи и самыя щекотливыя разговоры какъ-то необычайно облегчались. И всѣ эти люди, безъ сомнѣнія, въ свою очередь не будутъ неблагодарны, когда Павелъ Юрьевичъ попроситъ ихъ при случаѣ оказать вниманіе къ его собственному интересу. Вотъ почему рауты у Луховецкихъ всегда были очень многолюдны, и вотъ почему радушные хозяева не щадили на нихъ издержекъ даже при самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Такъ какъ только немногіе изъ мушкетеровъ посѣщавшихъ рауты Луховецкихъ привозили съ собою каждый разъ своихъ женъ, то дамъ было мало, а дѣвицъ еще меньше. Это была слабая сторона раута и всѣ усилія хозяевъ не могли

лобороть ее. Показываться у Луховецкихъ считалось — un peu risqué, тѣмъ болѣе для молоденькой дѣвушки. Это былъ не то чтобы запрещенный плодъ, но такой котораго не сѣдуетъ кушать слишкомъ часто. Главная причина была та что въслѣдствіе нѣсколько особеннаго состава своего общества и въкоторыхъ своихъ частныхъ цѣлей, Луховецкій принужденъ былъ приглашать иногда дамъ занимавшихъ въ свѣтѣ не вполне опредѣленное положеніе. Но именно потому что дамъ собиралось немного, тѣмъ которыя рѣшались пріѣхать было всегда очень весело. Другія это знали и тѣмъ охотнѣе заисловили чтобъ отплатить за свое добровольное лишеніе. Добродѣтель, когда она не для всѣхъ обязательна, становится вдвое обременительна...

Олжанская, пропустившая уже нѣсколько раутовъ, сочла себя въ правѣ пріѣхать сегодня. Впрочемъ, ея дѣятельность на пользу женскаго образованія и женской независимости такъ удобно ее драпировала что она могла пренебрегать маленькими щелетельностями свѣта. Притомъ она пріѣхала не для себя, а для княжны Полины. Последняя явилась потихоньку отъ отца, который хотя давно былъ знакомъ съ Луховецкими, но ни за что бы не пустилъ ее къ нимъ на вечеръ. Но она вела такую скучную замкнутую жизнь, и эта жизнь до такой степени не соответствовала ея характеру что она не могла устоять противъ соблазна и упростила Олжанскую взять ее съ собою. Полина была вообще очень смѣлая дѣвушка и находила много случаевъ вырваться изъ-подъ опеки стараго психондрика, гадѣвшаго съ самымъ обиднымъ презрѣніемъ на весь новый складъ жизни. Олжанская ей помогала потому что терпѣть не могла стараго князя и въ душѣ очень сочувствовала легкомыслію Полины.

Съ выраженіемъ полубрезгливаго равнодушія на хорошенькомъ лицѣ, княжна оглядывала многолюдную толпу тѣснящуюся въ гостинныхъ. Несмотря на свою замкнутую жизнь, она имѣла очень практическія понятія обо всѣхъ вещахъ. Она могла сдѣлать надлежащую оцѣнку каждому въ этой разнохарактерной толпѣ. Нѣсколько оттопыренная, толстенная нижняя губа ея сохраняла саркастическое выраженіе даже въ то время, когда кто-нибудь устремлялъ на нее явно любующійся взглядъ. Но несмотря на презрительное отношеніе къ собравшемуся здѣсь обществу, это

общество нравилось ей. Она любила чувствовать себя выше. Ей было пріятно сознавать что она пріѣхала сюда тайкомъ какъ въ маскарадъ, что она можетъ разговаривать здѣсь съ кѣмъ хочетъ и дышать нѣсколько нездоровымъ воздухомъ, отъ котораго ее оберегали. Опустивъ полуобнаженные руки, сквозившія близкой слоновой кости подъ прозрачнымъ крепомъ, она обмѣнивалась короткими фразами со стоявшимъ подлѣ нея Кокѣ.

— Отчего вы перестали у насъ бывать? спросила она съ видомъ совершеннаго равнодушія къ тому къ кому былъ обращенъ этотъ вопросъ.

— Вы очень добры что замѣтили мое отсутствіе, прощадилъ Кокѣ.—Я бы хотѣлъ бывать у васъ каждый день, но вы знаете что вашъ папѣ...

— Каждый день не надо; но иногда?

— Да, разумѣется. Но въ послѣдній разъ вашъ папѣ сказалъ что только дураки могутъ разсуждать такъ какъ я.

— Зачѣмъ же вы разсуждаете? Папѣ никогда не стѣсняется выраженіями.

— Это правда. Я понимаю что надо имѣть вниманіе къ его лѣтамъ. Но онъ сказалъ что такихъ какъ я не слѣдуетъ лускать въ порядочный домъ.

— Неужели онъ это сказалъ? Впрочемъ онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. Вы все-таки можете приходить иногда. Когда никого нѣтъ, такъ скучно! Правда ли что здѣсь Каричъ?

— Онъ еще не пріѣхалъ. Я вамъ покажу его.

— Я читала его прѣдсезъ. Онъ ужасный мошенникъ. Я думаю здѣсь много мошенниковъ.

— Вы не можете такъ говорить о Каричѣ. Онъ оправданъ. Многие гораздо хуже его.

— Безъ сомнѣнія. Онъ привезетъ свою дочь?

— Нѣтъ. Сегодняшняя прическа удивительно идетъ къ вамъ. Гдѣ вы купили эту звѣзду?

— Какой вздоръ вы спрашиваете. Она всегда была у меня. Вамъ-то что за дѣло?

— Потому что я хочу купить такую для Mlle Аннетъ.

— Съ какой стати вы мнѣ рассказываете подобныя вещи?

— Вы не то подумали. Это дочь Карича.

— Такъ выражайтесь пожалуйста яснѣе.

— Вамъ будетъ непріятно, если я стану выражаться совершенно ясно.

— Оставьте меня въ покоѣ. Вонъ идетъ Безбѣдный. Пошлите его сюда.

Кокѣ отошелъ, поправляя съ видомъ невозмутимаго достоинства свои тугіе воротнички. Полина, сдвинувъ плечи и щуря свои прекрасныя—цвѣта морской воды—глаза, небрежно улыбалась подходившему къ ней Безбѣдному. Но въ этой улыбкѣ уже не было ничего презрительнаго.

— Какая жалкая участь: я каждого знакомаго должна упрекать, зачѣмъ онъ не бываетъ у насъ, сказала она, пока адвокат пожималъ ея руку, затаченную въ длинную по локоть перчатку.—Сейчасъ этотъ упрекъ я дѣлала Кокѣ, теперь должна вамъ сдѣлать. Гдѣ вы пропадаете?

— Въ судѣ, отвѣтилъ улыбаясь Безбѣдный.

— Развѣ засѣданія суда перенесены въ квартиру мадамѣ Ожбанской? Я два раза тамъ была наднахъ, и каждый разъ тотчасъ послѣ васъ:

— Это доказываетъ что я заѣзжалъ только на минутку, возразилъ Безбѣдный.

Полина оглянулась на стоявшія позади кресла.

— Сядемъ, а то я не увижу васъ больше во весь вечеръ, предложила она.—Неужели вы будете играть въ карты?

— Не думаю.

— Я бы никогда здѣсь не играла. Мнѣ кажется тутъ нельзя выиграть: столько подозрительныхъ фисіономій! Даже вашъ Каричъ будетъ сегодня.

— Почему бы ему не быть? Нельзя такъ строго относиться къ людямъ. Онъ вышелъ изъ-подъ суда оправданнымъ.

— Полноте.

— Нѣтъ, право. У многихъ есть привычка показывать на человѣка пальцемъ: вотъ-мошъ идетъ мошенникъ. Къ чему это? Чтобы судить, надо знать такія обстоятельства, которыхъ никто не знаетъ. А если я не могу судить, то зачѣмъ мнѣ слышать каждую минуту, что такой-то мошенникъ? Это все равно что шумѣть въ комнатѣ человѣка который хочетъ заснуть. И права, такъ трудно провести черту между честнымъ человѣкомъ и мошенникомъ. Репутация большею частью дѣло случая. Вѣдь еслибы Каричъ не попался, никто бы не считалъ его плутомъ.

Полина задумчиво повела на него глазами.

— Пожалуй, всё люди очень гадки; самое лучшее никому не доверять, сказала она.

— Люди дѣловые вообще не признаютъ личнаго кредита, объяснилъ Безбѣдный. — Надо доверять тому кто можетъ показать свои дѣла въ блестящемъ положеніи.

Полина прислонилась къ спинкѣ кресла и закинула голову, какъ будто туго-скрученная масса волосъ тяготила ее.

— Ваша философія чрезвычайно успокоительна, сказала она своимъ небрежнымъ тономъ, въ которомъ слышалась едва замѣтная, лѣнивая иронія. — Въ самомъ дѣлѣ, тутъ, въ этой гостиной, гдѣ мы съ вами сидимъ, есть по крайней мѣрѣ десятка два большихъ лаутовъ и негодаевъ. И что жъ, развѣ мы испытываемъ оттого какое-нибудь неудобство? развѣ они мѣшаютъ намъ сколько-нибудь? Напротивъ, между ними есть очень милые люди. И всё, кого мы тутъ видимъ, не только не опасаются ихъ, но даже очень рады съ ними встрѣтиться, потому что ожидаютъ отъ нихъ той или другой услуги. Гораздо чаще приходится быть обязаннымъ чѣмъ-нибудь мошеннику, чѣмъ честному человеку: честные люди вообще самый бесполезный народъ. И вдругъ кто-нибудь сталъ бы тыкать пальцемъ и кричать, что вотъ тотъ и тотъ мошенники. Кому это нужно?

— А главное никогда не слѣдуетъ думать о томъ что способно затруднять и тревожить, подтвердилъ Безбѣдный: — вездѣ есть противорѣчія, и легче сойти съ ума, чѣмъ доискаться цѣльной истины.

— Я не встрѣчала человека удобнѣе васъ, сказала тѣмъ же тономъ Полина. — Умные люди вообще кнѣже чрезвычайно удобны. Это черта нашего времени. Прежде было наоборотъ.

Безбѣдный подозрительно вскинулъ на нее глазами: ему заслышалась въ ея голосѣ какая-то словно дразнящая и насмѣхающаяся нотка. Но ея поза была такъ спокойна и пріщуренный взглядъ такъ лѣниво блуждалъ по движущимся группамъ гостей что онъ подумалъ: если она смѣется, то и надъ собою, и надъ всеми на свѣтѣ, и мнѣ нечего объ этомъ заботиться.

Въ эту минуту Каричъ вошелъ въ гостиную; щеголеватый, спокойный, небрежно покачиваясь своимъ грузнымъ

тѣломъ, онъ подвигался по ковру, отыскивая глазами хозяйку. Онъ имѣлъ видъ крѣпкого, нѣсколько тяжелаго чело-вѣка, котораго не собьешь съ ногъ и который привыкъ стулать твердо и увѣренно. Тутъ были его знакомые; но онъ не спѣшилъ раскланяться или заговорить съ ними, предоставляя имъ самимъ сдѣлать первый шагъ. Только замѣтивъ Безбѣднаго, онъ повернулся къ нему и съ небрежною привѣтливостію протянулъ руку.

— Сколько однако собралось! сказалъ онъ. — Я прямо изъ театра: Патти сегодня превзошла самое себя!

— Какъ это я васъ не замѣтилъ въ театрѣ? удивился Безбѣдный.

— Я вѣдь только на полчаса заѣзжалъ: дома меня задержали немножко. Однако я еще не видалъ хозяйки.

И онъ направился дальше, подрагивая тучнымъ корпусомъ и позвякивая жетонами. Навстрѣчу ему быстро шла Олжанская; онъ подалъ ей руку, и оба исчезли въ толпѣ.

Безбѣдный переглянулся съ Полиной.

— Это и есть Каричъ? спросила она. — Онъ безплодобенъ. Я не удивляюсь что его пригласили. Трудно найти болѣе порядочную фізіономію.

— Васъ никогда не разберешь, шутите вы или говорите серьезно, сказалъ почти съ упрекомъ Безбѣдный.

— Такъ точно какъ я не могла разобрать этого въ вашей защитительной рѣчи, отвѣтила Полина.

Ей доставляло наслажденіе явить и дразнить Безбѣднаго, словно она мстила ему за что-то попятное ей одной, тайно вѣтшавшееся въ ихъ отношеніяхъ...

VI.

Овладевъ Каричемъ, Софья Александровна взяла на себя создать ему на раутѣ приличное положеніе. Это оказалось тѣмъ удобнѣе что у нихъ было тутъ много общихъ знакомыхъ, и разговаривая съ нею, было естественно обмѣляться нѣсколькими фразами съ Каричемъ. Но нѣсколькихъ фразъ было вполнѣ достаточно чтобъ ослѣпный капиталистъ почувствовалъ подъ собою твердую почву. Онъ говорилъ однимъ что Патти въ *Тривітъ* тронула его до слезъ и что туалеты дамъ обращали общее вниманіе; другимъ что билеты въ концертъ Рубинштейна всѣ разобраны, но если

угодно онъ можетъ достать; третьимъ что русской музыкѣ предстоитъ будущность, но въ настоящее время ее давить система казеннаго управленія. Эти темы не обнаруживали большой изобрѣтательности, но онъ зналъ что не существуетъ болѣе приличнаго и для всѣхъ удобнаго разговора, какъ разговоръ о музыкѣ. У него были впрочемъ въ запасѣ нѣкоторыя вѣсти съ сегодняшней биржи и критическій взглядъ на одно крупное промышленное предпріятіе; но этотъ запасъ онъ расходовалъ осторожно, предполагая что его финансовый авторитетъ быть можетъ нѣсколько поколеблется. Тѣмъ съ кѣмъ онъ разговаривалъ отходили отъ него со смѣлкой взволнованными лицами, чувствуя что служатъ предметомъ общаго вниманія; но такъ какъ число ихъ все болѣе увеличивалось, то вниманіе къ нимъ ослабѣвало. Каричъ, все съ тою же невозмутимо серіозною улыбкой на умномъ лицѣ, продолжалъ говорить о слезахъ вызванныхъ лѣтніемъ Патти, и о вредѣ казеннаго управленія для русской музыки. Онъ очевидно владѣлъ огромнымъ запасомъ самообладанія, потому что до слуха его поминутно долетали неосторожныя и пророческія, способныя смутить даже самоувереннаго человѣка; но онъ не смущался, и спокойно выставлялъ на видъ нѣкоторыя особенности въ технику Рубинштейна и въ послѣднемъ баласѣ Общества Взаимнаго Кредита.

— Здравствуйте, баронъ, обратился онъ къ стоявшему въ двухъ шагахъ отъ него молоджавому господину, въ красивой наружности котораго многіе находили замѣчательное сходство съ Безбѣднымъ.—Я очень радъ что вижу васъ.

Баронъ молча и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ на его поклоны.

— Вечеръ удался какъ нельзя лучше, не правда ли? добродушнѣйшимъ тономъ продолжалъ Каричъ.

У него было очень неспокойно на сердцѣ, потому что въ эту минуту всѣ съ особеннымъ любопытствомъ слѣдили за ними, зная барона Грабена за человѣка очень надменнаго и поставленнаго въ свѣтѣ болѣе высоко, чѣмъ другіе знакомые Карича. Что если онъ вдругъ повернется къ нему спинной или другимъ образомъ оборветъ его? Кажется подобное намѣреніе уже мелькнуло на встревоженномъ лицѣ барона, но Каричъ понималъ что въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ не давать человѣку опомниться въ первыя минуты. Онъ еще немного подвинулся къ нему, отгнѣсавъ его

такимъ образомъ отъ ложилаго генерала, съ которымъ тотъ разговаривалъ, и фамильярно взялъ его за цѣлочку.

— На этихъ дняхъ непременно побываю у васъ, любезнѣйшій баронъ, сказалъ онъ. — Разчитываю на большое ваше содѣйствіе, чтобы подвинуть наше новое дѣло. Мы говорили, безъ меня оно совсѣмъ застряло.

— Я думалъ что вы больше не интересуетесь имъ, проговорилъ еще не оправившійся отъ своего замѣшательства баронъ.

— Напротивъ, напротивъ, возразилъ Каричъ, — я даже думаю подлить въ него свѣженькихъ тыщенокъ триста. Обстоятельства складываются чрезвычайно благопріятно; только надо торопиться, непременно надо торопиться, добавилъ онъ значительно, играя баронскими брелоками.

Онъ говорилъ громко, своимъ густымъ и нѣсколько сильнымъ голосомъ, принимавшимъ какой-то особенный вкусный и лакомый оттѣнокъ, когда рѣчь шла о большихъ деньгахъ. На лицѣ барона выступила краска. Онъ имѣлъ причины очень близко интересоваться дѣломъ о которомъ говорилъ Каричъ. Со времени катастрофы онъ считалъ это дѣло потеряннымъ, но тѣмъ пріятнѣе было узнать что оно всплываетъ съ подливкой „свѣженькихъ трехсотъ тыщенокъ“. Въ этихъ словахъ слышался раздражающій телестъ банковыхъ билетовъ. Должно-быть Каричъ не потонулъ, если держитъ себя такимъ образомъ. Это нахально, но отзывается силой. Можетъ-быть онъ даже нарочно взялъ барона за цѣлочку чтобы показать окружающимъ что катастрофа не повалила его; въ такомъ случаѣ благоразумно будетъ поддержать его.

Въ эту самую минуту Павелъ Юрьевичъ подошелъ къ нимъ съ распечатанною колодой. Баронъ, все еще красный, взялъ карточку. Каричъ, не дожидаясь приглашенія, сдѣлалъ то же самое, и ихъ руки столкнулись.

— Прошлый разъ вы меня обыграли; надо бы реваншъ взять, сказалъ съ сытымъ смѣхомъ Каричъ.

— Ну, мы поспоримъ, отвѣтилъ баронъ съ улыбкой, болѣе походившею на гримасу. Но въ ту же минуту лицо его приняло безстрастное, строгое выраженіе: онъ встрѣтился глазами съ Безбѣднымъ, который въ двухъ шагахъ отъ него съ непріятнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этою сценой. Это былъ самый чувствительный ударъ для барона: ни

предъ кѣмъ въ мірѣ онъ такъ не боялся уронить свое достоинство, какъ предъ Безбѣднымъ.

— Здравствуйте, холодно сказалъ онъ ему, протягивая три пальца той самой руки въ которой держалъ карту.

— Bonne chance, отвѣтилъ адвокатъ.—Какъ здоровье баронессы?

— Благодарю васъ, матушка совершенно здорова, процѣдилъ баронъ, направляясь въ боковую комнату.

Онъ былъ только нѣсколькими годами старше Безбѣднаго и также красивъ. Семейное сходство проявлялось въ обоихъ такими несомнѣнными чертами что именно благодаря этому сходству родстве ихъ сдѣлалось извѣстно всѣмъ. Но отношенія ихъ отличались чрезвычайно холодною и даже затаенною враждебностью, сохранившеюся еще съ той поры, когда Безбѣдный мальчикомъ бродилъ около дома Ксении Михайловны чтобы поколотить кого-нибудь изъ ея сыновей. Баронъ зналъ объ этомъ враждебномъ чувствѣ и платилъ за него холодною надменностью. Онъ хотѣлъ показать что какъ бы ни думали объ этомъ другіе, для него не можетъ быть ничего общаго съ побочнымъ братомъ.

Олжанская очень успокоилась, увидѣвъ что Каричъ пристроился за карточнымъ столикомъ. Теперь она была свободна отъ своей главной заботы, и весело улыбалась навстрѣчу подходившему къ ней Безбѣдному.

— Идите, идите сюда, маѣ надо поблагодарить васъ, сказала она, увлекая его въ фойе, гдѣ въ ту минуту никого не было.—Я вчера черезъ васъ провела очень глупую четверть часа.

— Какимъ образомъ? спросилъ Безбѣдный, хотя тотчасъ догадался что дѣло шло о Липочкѣ.

— Еще бы, не предупредивъ меня ни полсловомъ, вы заставили меня устраивать ваши отношенія къ этому поледовому цвѣтку... однимъ словомъ къ вашей protégée...

— Она была у васъ? спросилъ слегка мѣняясь въ лицѣ Безбѣдный.

— Да, и маѣ выпала печальная задача извести ея мечты на землю. Она была какъ институтка, хотя кажется очень упрямая дѣвушка. Но разкажите пожалуйста, что такое между вами вышло?

— Она сама ничего не сказала вамъ? спросилъ въ свою очередь Безбѣдный.

— Я не спрашивала.

— Мы немножко поссорились. Она действительно очень наивна, какъ вы говорите.

— Я рѣшительно не знала что ей сказать. Наше Общество конечно можетъ внести за нее плату въ консерваторію, и я даже обѣщала это устроить, потому что у нея въ самомъ дѣлѣ талантъ, но чѣмъ же она будетъ жить?

— Она говорила вамъ что остается здѣсь? Она поступаетъ въ консерваторію? спросилъ почти съ волненіемъ Безбѣдный.

— Вы даже и этого не знали? переспросила Олжанская, очень довольная что можетъ сообщить очевидно хорошія вѣсти.—Да, остается здѣсь, и такъ какъ вы чѣмъ-то очень страшно провинились предъ нею, то она будетъ списывать себѣ средства уроками или мѣткой носовыхъ платковъ—хорошенько ужъ не помню.

— Она вамъ дурно говорила обо мнѣ?

— Elle était furieuse.

Безбѣдный задумчиво повелъ глазами.

— Право, съ женщинами иногда очень трудно имѣть дѣло, сказалъ онъ.—Я не знаю, чѣмъ я виноватъ предъ mademoiselle Илатовой. Сотни дѣвушекъ на ея мѣстѣ взглянули бы гораздо проще на наши отношенія. Я хотѣлъ чтобъ она была счастлива. Я въ самомъ дѣлѣ люблю ее, и къ сожалѣнію убѣжденъ въ этомъ теперь болѣе чѣмъ до нашей размолвки. Эта размолвка мучаетъ меня.

— Alors, c'est sérieux? спросила Олжанская.

— Можетъ-быть, отвѣтилъ Безбѣдный, неопредѣленно пожавъ плечами.

Олжанская поглядѣла на него съ сочувствіемъ.

— Вы обѣщали на ней жениться? спросила она.

— Съ моей стороны не было ничего похожаго на формальное предложеніе, отвѣтилъ съ тѣмъ же движеніемъ плечъ Безбѣдный;—но дѣвушка за которую ухаживаютъ всегда убѣждена что на ней должны жениться. Это только доказываетъ что для нихъ бракъ привлекательнѣе чѣмъ для насъ.

— Бѣдняжка очень скоро разочаруется въ своихъ надеждахъ, сказала Олжанская.—Нужда ломаетъ и не такіе характеры. Ей придется помириться съ вами.

— Я не могу перенести мысли, что она будетъ нуждаться, возразилъ Безбѣдный.

— Но развѣ нельзя ей помочь? Можно сдѣлать такимъ образомъ, какъ будто мнѣ удалось выхлопотать для нея единовременную субсидію, предложила Олжанская.

Безбѣдный съ благодарностью взглянулъ на нее.

— Вы мнѣ окажете такую услугу? сказалъ онъ.

— Совсѣмъ не вамъ, возразила Олжанская:—мнѣ жаль бѣдную дѣвушку. Деньгами вы ее не купите, а между тѣмъ она будетъ избавлена отъ нужды.

Безбѣдный все-таки горячо благодарилъ ее, не безъ нѣкотораго впрочемъ недоумѣнія предъ ея логикой. Олжанская была очень довольна и кажется сама не совсѣмъ ясно сознавала свою роль въ этой интимной исторіи.

На другой день Безбѣдный, уѣзжая въ судъ, положилъ въ пакетикъ триста рублей и попросилъ Молостова лично съѣздить къ Софьѣ Александровнѣ и передать ей деньги для извѣстной ей цѣли.

VII.

Уже двѣ недѣли Молостовъ жилъ у Безбѣднаго, и все никакъ не могъ привыкнуть къ своему положенію. Матеріально онъ устроился довольно удовлетворительно, и получивъ жалованье за мѣсяцъ впередъ, пополнилъ важнѣйшіе пробѣлы произведенные въ его экипировкѣ пролажей чемодана. Занятій было еще не много, и на первое время они интересовали его. Ему пріятно было также убѣдиться въ совершенномъ довѣріи, какое оказывалъ ему Безбѣдный. Но онъ чувствовалъ, что внутренно они совсѣмъ не слѣлись между собою, и что ежедневно происходящее въ кабинетѣ и въ канцеляріи адвоката остается совершенно ему чуждо. Даже чѣмъ болѣе онъ входилъ въ этотъ новый для него міръ, тѣмъ болѣе разросталось въ немъ чувство сопротивленія, соединенное съ какимъ-то уныніемъ. Онъ не давалъ себѣ отчета, откуда это уныніе, но сознавалъ что оно охватываетъ его все полнѣе, крѣпче, и становится злѣе и ядовитѣе. Безбѣдный не дѣлалъ никакихъ безчестныхъ дѣлъ. Иногда Молостову казалось что на его непосредственный взглядъ слѣдовало поступить иначе, и онъ рѣшался спорить; но адвокатъ указывалъ ему такіе логическіе, ясные и притомъ окрашенные слегка торжествующею прокіей доводы, что онъ умолкалъ въ сознаніи своей неприготовленности

къ практическому дѣлу. Онъ долженъ былъ убѣдиться что его подозрительность не имѣетъ основаній, и что контору присяжнаго повѣреннаго нельзя сравнивать съ хищническимъ вертеломъ, какимъ онъ готовъ былъ считать ее въ первые дни. Но онъ чувствовалъ присутствіе какой-то злой силы, которая двигала здѣсь всѣмъ, давала жизнь всему, и наполняла своимъ дыханіемъ самый воздухъ. Неуловимая, безымянная, она торжествовала, захватывая подъ свою властительную руку все что подымалось надъ темнымъ прозябаніемъ или надъ созерцательнымъ бездѣйствіемъ, все что порывалось жить. Молостовъ не умѣлъ ни опредѣлить, ни назвать ее. Это не было беззаконіе грубое и явное, это не было царство неправды, на борьбу съ которымъ звали книги, университетскіе наставники, общія идеи, восприимчивыя вмѣстѣ съ поколѣніемъ. Но можетъ-быть это было вѣчто хуже.

Самъ Бездѣдный составлялъ для него предметъ постояннаго и почти страстнаго наблюденія. Онъ еще слишкомъ мало зналъ людей для того чтобы характеры опредѣлялись ему сразу. Несмотря на нѣкоторые ущербы нанесенные сближеніемъ, Бездѣдный сохранялъ въ его глазахъ свой авторитетъ. Но было въ этомъ человѣкѣ вѣчто, быть-можетъ самое главное, что оставалось замкнутымъ для него. Въ этотъ-то замкнутый уголокъ Молостовъ старался проникнуть, и не умѣлъ. Бездѣднаго считали человѣкомъ вполнѣ современнаго образа мыслей, а его рѣчи находили иногда даже слишкомъ рискованными. Его мнѣнія о русскихъ порядкахъ отличались американскою рѣзкостью. Онъ презиралъ Рафаеля, Шекспира и Пушкина съ увѣренностью фельетониста самой послѣдней формаціи. Онъ говорилъ что Россія безполезнѣйшимъ образомъ прожила тысячу лѣтъ, и что первые порядочные люди появились у насъ въ шестидесятыхъ годахъ. Онъ вѣрилъ въ злобщее значеніе классицизма. И что всего удивительнѣе, онъ сохранялъ полную искренность во всѣхъ такихъ рѣчахъ, хотя впрочемъ считалъ ихъ переливаньемъ изъ лустаго въ порожнее. Для Молостова же эти рѣчи были чрезвычайно драгоценны. Онъ также считалъ себя вполнѣ современнымъ человѣкомъ, хотя можетъ-быть съ нѣкоторою уступкой въ пользу Рафаеля и Шекспира. Онъ также думалъ что жизнь началась съ шестидесятыхъ годовъ, и раздѣлялъ всѣ общественныя симпатіи и антипатіи своего поколѣнія. А между тѣмъ онъ сознавалъ

себя чрезвычайно далекимъ отъ Безбѣднаго. Онъ съ возраставшимъ недоумѣніемъ замѣчалъ что та безыменная злая сила, противъ которой возставали въ немъ каждый нервъ и каждая капля крови, не возбуждала въ Безбѣдномъ никакого враждебнаго чувства. Подмытый ея торжествующею волной, адвокатъ пылалъ какъ въ своей родной стихіи. Предъ этимъ фактомъ Молостовъ каждый день становился въ тулики. Въ его представленіи, культъ современныхъ идей соединялся съ презрѣніемъ къ буржуазнымъ благамъ, съ самопожертвованіемъ, съ несеніемъ креста. Самодовольный, счастливый, сытый либералъ казался ему вопіющею фальшью. Разъ за обѣдомъ, когда Безбѣдный находился въ особенно хорошемъ расположеніи духа, отлично ѣлъ, и грѣя въ рукахъ стаканъ съ лафитомъ, прихлебывалъ изъ него крупными глотками, онъ сказалъ ему со внезапно охватившимъ его раздраженіемъ:

— Я не понимаю, какъ можетъ отдѣльный человѣкъ, не сдѣлавшій никакого честнаго общественнаго дѣла, чувствовать себя хорошо, когда кругомъ столько зла.

— Какого это зла? спросилъ съ недоумѣніемъ Безбѣдный.

— Какъ какого? оглянитесь вокругъ себя, мало развѣ вы увидите!

— Такъ причеиъ же тутъ отдѣльный человѣкъ, и почему я не могу чувствовать себя хорошо, когда мнѣ хорошо? възразилъ Безбѣдный.—Общественнаго зла мы съ вами не поправимъ, а что же мнѣ за радость мучить себя изъ-за того? Что кто-нибудь голодаетъ, такъ и я долженъ этотъ кусокъ мимо своего рта провосить?

И какъ бы въ доказательство что напрасно было бы ждать отъ него такой глупости, онъ вонзилъ вилку въ кусокъ сочнаго ростбифа и олустилъ его въ ротъ.

— Все это у васъ романтизмъ, продолжалъ онъ, работая крѣпкими бѣлыми зубами.—Да, да, романтизмъ въ новой формѣ. Много еще и теперь такихъ романтиковъ. Прежніе писали стишки къ лунѣ, да волочились за кисло-сладкими барышнями, а теперешніе бредятъ общественными подвигами, и вмѣсто барышень влюбляются въ сельскихъ учительницъ и въ акушеровъ. По-моему всѣмъ имъ одна цѣна—грошъ. Потому что романтизмъ—вотъ это-то и есть главная черта стараго поколѣнія. Я нынѣшняго человѣка понимаю именно въ томъ смыслѣ что онъ прежде всего

совершенно матеріальный человѣкъ и смотритъ на все въ мірѣ съ самой практической стороны. Вотъ въ этомъ-то и есть наша сила. А романтизмъ, въ какой бы формѣ ни выразился, больше ничего какъ золотуха.

— Матеріальные и практическіе люди тоже всегда были, возразилъ Молоствовъ.

— Да, но какъ они смотрѣли на вещи? умѣли ли они почувствовать, напримѣръ, освобожденію крестьянъ и встѣ этимъ реформамъ? Вотъ тутъ-то вы и увидите существенную разницу между двумя поколѣніями.

— Въ образѣ мыслей?

— Да, и въ образѣ мыслей, и въ сочувствіяхъ, и вообще въ направленіи, объяснилъ совершенно спокойно Безбѣдный.

Молоствовъ былъ очень мало удовлетворенъ этимъ объясненіемъ и ему казалось что въ умѣ молодого адвоката вопросъ разрѣшается слишкомъ просто, чересчуръ просто; но самъ по себѣ этотъ адвокатъ, не сомнѣвающийся, успѣвающій, сытый, либеральный и даже радикальный, представлялъ такой неоспоримый „фактъ“, предъ которымъ умъ вчерашняго провинціального студента пока безмолвствовалъ. Только все возраставшее, почти инстинктивное недоверіе къ Безбѣдному заставляло его сознавать что за этимъ безмолвіемъ что-то въ тайнѣ протестуетъ въ немъ противъ „факта“.

Неожиданный толчокъ отчасти подвинулъ его наблюденія и помогъ опредѣленности его отношеній къ патрону. Въ послѣднемъ письмѣ къ нему отца была такая приписка: „Кстати, ты можешь оказать услугу добрѣйшему Илатову. Онъ вчера приходилъ просить меня объ этомъ. Какъ тебѣ вѣроятно извѣстно, дочь его поѣхала въ Петербургъ, гдѣ она повидимому должна выйти замужъ за Евгенія Савича. Но дѣло въ томъ что она не пишетъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго, а между тѣмъ осталась въ Петербургѣ безъ всякихъ средствъ и хочетъ усовершенствовать себя въ пѣніи и музыкѣ. Все это, какъ ты понимаешь, страшно беспокоитъ отца и возбуждаетъ въ немъ различнаго рода опасенія и мрачныя мысли. Если Евгеній Савичъ дѣйствительно къ ней сватается и самъ совѣтовалъ ей остаться въ Петербургѣ и заняться своимъ музыкальнымъ образованіемъ, то безъ сомнѣнія она такъ бы и написала отцу. Но единственное письмо ея было коротко и неясно, и просто свело ста-

рика съ ума. Дѣвушка она совсѣмъ неопытная, въ Петербургѣ никогда не бывала, мало ли что можетъ случиться? Устраивать свои дѣла по-американски наши барышни къ сожалѣнію еще не умѣютъ. Сердце переворачивается, глядя какъ убивается старикъ. Пожадуста разузнай и напиши обстоятельно: гдѣ она, какъ устроилась, чѣмъ живетъ и особенно какіе можно предполагать виды и намѣренія со стороны Безбѣднаго. Ты понимаешь что дѣло это крайне деликатное, и Боже сохрани оскорбить какъ-нибудь почтеннѣйшаго Евгенія Савича. Но я пишу тебѣ отъ имени отца, права котораго нельзя не уважать. Онъ хотѣлъ самъ поѣхать въ Петербургъ, но во первыхъ очень слабъ, а во вторыхъ у него съ дочерью какія-то такіа отношенія что чуть ли онъ даже не боится ея. Сдѣлай о чемъ я тебѣ пишу непремѣнно; такъ какъ ты живешь у Безбѣднаго, то тебѣ это легко.“

Письмо заставило Молостова непріятно задуматься. Онъ догадывался что между Безбѣднымъ и Липочкой что-то произошло и отчасти даже былъ радъ, потому что какъ-то сразу почувствовалъ нерасположеніе къ ихъ сближенію. Но порученіе было очень ему непріятно, имѣя видъ внимательства въ чужое и притомъ интимное дѣло. Первою мыслью его было написать отцу что онъ уже давно не видитъ Липочку и ничего не можетъ сказать о ней; но потомъ онъ подумалъ что можетъ-быть недобросовѣстно будетъ съ его стороны уклониться отъ такой серьезной просьбы. Онъ рѣшилъ что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ повидаться съ Липочкой и сообщить ей о безпокойствѣ ея отца. Но въ отелѣ ему сказали что она уже выѣхала, не оставивъ своего адреса. Съ большимъ трудомъ отыскалъ онъ ее наконецъ въ одной изъ тѣхъ безчисленныхъ меблированныхъ квартиръ, которыми полны петербургскіе дома. Грязноватая служанка провела его по темному корридорчику и толкнула дверь. Липочка сидѣла предъ столомъ, покрытымъ не совсѣмъ опрятною скатертью, и внимательно читала какую-то книгу. Она съ удивленіемъ оглянулась на Молостова.

— А, здравствуйте, сказала она, ничѣмъ не обнаруживъ удовольствія по поводу этого неожиданнаго посѣщенія. Она со времени первой встрѣчи еще сохраняла не вполне дружественное отношеніе къ Молостову, и кромѣ того мысль

что можетъ-быть онъ подосланъ отъ Безбѣднаго, заставляла ее хмурить свои строгія брови.

Молостовъ извинился и сѣлъ на непривѣтливо предложенный ему стулъ.

— Я долженъ былъ отыскать васъ, потому что получилъ письмо, отчасти касающееся васъ, сказалъ онъ, стараясь отнестись какъ можно равнодушнѣе къ нелюбезному приему. „Я вѣдь по порученію,“ успокоивалъ онъ самъ себя.

— Изъ Т*? спросила еще болѣе нахмуриваясь Лилочка.

— Да, изъ Т*. Вашъ батюшка ловидимому очень о васъ беспокоится, и проситъ меня черезъ моего отца сообщить ему какія-нибудь вѣсти.

— Напишите что я жива и здорова, сказала Лилочка.

— Я боюсь что это не усложитъ вашего батюшку, возразилъ Молостовъ;—онъ очень интересуется знать какъ вы устроились, и вообще....

— Такъ осмотритесь и ошлите эту комнату, перебила Лилочка.

Молостовъ взглянулъ ей прямо въ глаза своими ясными карими глазами.

— Развѣ вы совсѣмъ разорвали съ вашимъ отцомъ? спросилъ онъ.

Лилочка въ свою очередь изподлобья взглянула на него и проговорила почти съ раздраженіемъ:

— Мнѣ нечего было разрывать, я всегда пользовалась свободой. Я пріѣхала въ Петербургъ чтобъ учиться пѣнію, и потомъ можетъ-быть поступить на сцену. Кому какое дѣло до этого?

— Вы вѣроятно поступили очень правильно, потому что у васъ чудесный голосъ, продолжалъ спокойно Молостовъ;—но вашъ отецъ беспокоится потому что первоначально у васъ была другая причина поѣздки въ Петербургъ, и кромѣ того ему извѣстно что вы взяли съ собою очень немного денегъ....

Лилочка сердито повела плечами.

— Развѣ я не писала отцу что мнѣ обѣщана стипендія? сказала она.—И кромѣ того мнѣ выдали триста рублей единовременнаго пособія.

— Вы получили ихъ чрезъ госпожу Олжанскую? спросилъ вѣскольکو даже вспыхнувъ въ лицѣ Молостовъ.

— Разумѣется, вѣдь она членъ благотворительнаго общества.

Молоствовъ колебался, сказать ли ей то въ чемъ онъ теперь не допуская ни малѣйшаго сомнѣнія. Но странное, злорадное любопытство толкало его сказать. Какъ въ тотъ разъ, на завтракъ у Безбѣднаго, его опять раздражалъ недружелюбный, почти враждебный тонъ Липочки. Внутреннее чувство говорило ему, что въ этой тайной борьбѣ между нею и Безбѣднымъ, которую онъ угадывалъ какимъ-то непонятнымъ чутьемъ, они могли быть союзниками. Зачѣмъ же она хотѣла быть заодно со своими врагами и отталкивала единственнаго человѣка сочувствовавшего ей безкорыстно и честно? Его раздраженіе было такъ велико, что ему хотѣлось наказать ее.

— Эти триста рублей вамъ прислалъ Безбѣдный, сказалъ онъ.

Липочка подняла на него глаза и нѣсколько секундъ молча на него глядѣла, какъ будто не умѣя понять его. Потомъ взглядъ ея выразилъ почти презрѣніе.

— Какой вздоръ, сказала она.

— Я самъ отвозилъ эти деньги къ госпожѣ Олжанской, возразилъ Молоствовъ.

— И вамъ было сказано что это для меня?

— Нѣтъ, но это ясно.

VIII.

Липочка отвернувшись, и поставивъ оба локтя на столъ, смотрѣла въ окно. Онъ не видѣлъ ея лица, но по слабому трепету ея рукъ догадывался что она очень страдаетъ. Ему было жаль ее, и въ то же время онъ продолжалъ испытывать злорадное удовольствіе. Вдругъ она подняла голову и взглянула на него широко-раскрытыми, мокрыми глазами.

— Зачѣмъ вы мнѣ сказали это? проговорила она съ горькимъ упрекомъ.

— Зачѣмъ что лучше вамъ знать. Я не могъ спокойно видѣть какъ васъ опутывали. Я догадывался и раньше, но теперь совершенно понялъ. Это отвратительно.

Она съ удивленіемъ взглянула въ его разгорѣвшееся лицо. Но у нея было такъ много своей заботы что она въ

ту же минутѣ забыла о немъ. Сжавъ руки, она глядѣла мимо него, въ пустой уголокъ комнаты, и глаза ея были мрачны.

— Я изтратила очень мало изъ тѣхъ денегъ; я возвращу ихъ, сказала она.

— Но чѣмъ же вы будете жить? возразилъ Молоствовъ.

— Я буду искать уроковъ, а локамѣсть у меня есть нѣкоторыя золотыя вещи, ихъ можно продать. Да наконецъ какое же вамъ до всего этого дѣло! воскликнула Липочка въ порывѣ внезапно вернушагося къ ней сильнѣйшаго раздраженія. — Вы не можете быть судьей. Онъ хотѣлъ помочь мнѣ.

— Да, чтобъ удержать васъ въ Петербургѣ.

— Ну да, чтобъ удержать меня въ Петербургѣ. Потому что онъ меня любитъ.

— Тогда вамъ незачѣмъ возвращать ему деньги.

— Съ какой стати вы хотите злить меня? проговорила Липочка голосомъ въ которомъ дрожали слезы.

Она опустила голову на руку и замолчала, вздрагивая плечами. Молоствовъ въ смущеніи всталъ, подошелъ къ окну, повернулся, взялъ со стола свою странную и уже порывѣвшую отъ петербургской погоды шляпу, и не зная уйти ли ему. Кажется ему здѣсь ужъ нечего было дѣлать, но онъ не испытывалъ больше злораднаго удовольствія, и ему больно было оставить Липочку одну съ этими муками, которыя онъ привнесъ ей. Онъ остановился подлѣ стола надъ которымъ она уронила голову.

— Простите меня, если я васъ разстроилъ, сказалъ онъ робко. — Мнѣ казалось что лучше вамъ знать. Вы говорите: онъ васъ любитъ. Я понимаю что вы никогда не захотите такой любви.

— Почему вы знаете что я никогда не захочу? и какая это любовь? возразила съ раздраженіемъ Липочка. — Съ какой стати вы мнѣ говорите объ этомъ?

— Я не буду больше говорить; я напишу въ Т* что вы получили стипендію и ищете уроковъ, сказалъ Молоствовъ. — Это для меня очень непріятное порученіе, но такъ какъ меня просили, то я исполнялъ.

— Неправда, вы потому и исполнили что это непріятно. Безбѣдный васъ раздражаетъ, потому что вы меньше его. Вы обрадовались помучить и меня и его, проговорила все съ тою же капризною и болѣзненною злобой Липочка. — Вы

еще тогда, на завтракъ, хотѣли сказать мнѣ что-нибудь неприятое. Я видѣла какъ васъ коробить.

Эта злоба дѣйствовала наконецъ и на Молостова раздражительно. Тогда на завтракъ его въ самомъ дѣлѣ коробило; онъ даже зналъ что не ужветъ скрыть этого. Но если она не понимаетъ отчего его коробило, то кто же наконецъ пойметъ?

— Я вовсе не считаю себя меньше, сказалъ онъ, чувствуя какъ краска бросилась ему въ лицо.—Есть странные люди, для которыхъ успѣхъ, карьера, деньги, общественное положеніе, не имѣютъ никакой цѣны. Они ищутъ чего-то другаго. Я принадлежу къ этимъ чудакамъ. И вы также можете принадлежать къ нимъ, если перестанете калризмичать.

Лилочка съ удивленіемъ раскрыла на него глаза.

— Съ чего вы взяли что я калризмичаю? И почему вы такъ увѣренно опредѣляете меня? Я совсѣмъ не такая какъ вы думаете, я именно хочу успѣха, карьеры, золота, проговорила она съ какимъ-то злораднымъ подчеркиваніемъ этихъ словъ.

— У васъ разыгрались нервы, возразилъ спокойно Молостовъ.—Но у меня есть удивительное чутье. Я вижу какая вы хорошая, честная, горячая натура, да еще даровитая. А я совсѣмъ не даровитъ. Но еслибъ у васъ было такое же чутье какъ у меня, вы догадались бы что мы смотримъ на вещи совершенно одинаково, и что въ сущности между всѣми окружающими насъ мы самые близкіе другъ къ другу люди. Вы еще сами не увѣрены въ нравственной цѣнѣ вашего поступка, и когда у васъ желчь разыграется готовы даже сожалѣть о немъ, а я со стороны имъ люблюсь и знаю что такъ могла поступить только совсѣмъ хорошая дѣвушка, которая изъ всякой житейской передраги выйдетъ чистою и неуязвимою.

Лилочка слушала его все съ возрастающимъ удивленіемъ. Она никакъ не могла предположить въ этомъ скучномъ и застѣнчивомъ человѣкѣ столько располагающей искренности и какого-то словно проповѣдническаго жара.

— Сядьте пожалуйста, сказала она. — Мы такъ недавно знаемъ другъ друга, что вы простите меня, если я не считывала встрѣтить съ вашей стороны такъ много участія. Вы всегда говорили наперекоръ тому что мнѣ было пріятно, и я считала васъ злымъ. Я вижу что вы совсѣмъ не злой, но можетъ-быть озлобленный человѣкъ.

— Даже и не озлобленный: рано еще, отвѣтилъ съ доверчивою улыбкой Молоствовъ.—Я не испыталъ никакихъ личныхъ неудачъ, и притомъ слишкомъ мало знаю жизнь чтобы озлобляться противъ нея. Но когда я вижу сильныхъ и слабыхъ въ борьбѣ между собою, у меня является неодолимая потребность быть съ послѣдними противъ первыхъ. Можетъ-быть это несправедливо, потому что не всегда же сильные виноваты, а слабые правы; но такъ для меня лучше.

— Вотъ и я такая же, сказала улыбающаяся Липочка.

— Оттого-то мнѣ такъ досадно было что вы относитесь ко мнѣ раздражительно, попрекнулъ Молоствовъ.

Липочка на это ничего не отвѣтила, но надъ бровями ея уже не лежала сердитая складка, и глаза улыбались одобрительно и ясно, словно она была рада тому что понимаетъ теперь Молостова совсѣмъ иначе чѣмъ прежде.

— Вы вѣдь живете у Безбѣднаго? вы у него въ родѣ помощника? спросила она.

Молоствовъ подтвердилъ.

— Но какъ вы могли догадаться... про нашу исторію? Онъ вамъ говорилъ что-нибудь обо мнѣ?

— Никогда.

— Ни разу за все это время онъ не вспомнилъ обо мнѣ? повторила Липочка съ признакомъ разочарованія.

— Онъ вспоминалъ о вашемъ имени. Но мы вообще рѣдко говоримъ съ нимъ не о дѣлахъ.

— Онъ ужасно перемѣнился. Я его знала совсѣмъ другимъ. Или можетъ-быть я была такъ неопытна что принимала за него фантомъ созданный собственнымъ воображеніемъ. Но мнѣ казалось что я чувствую въ немъ душу.

Молоствовъ молчалъ. Ему не нравилось что Липочка говоритъ о Безбѣдномъ. Онъ былъ такъ раздраженъ противъ него именно теперь, именно за нее, что хотѣлъ бы чтобы она совсѣмъ и навсегда выбросила его изъ своихъ мыслей.

— Вамъ придется думать о другомъ, сказалъ онъ.

— Какъ бы не умереть съ голоду? улынулась Липочка.— Пустяки, что-нибудь всегда можно заработать. Вѣдь житье же другія? Я напечатая въ газетахъ объявленіе: молодая пріѣзжая особа ищетъ уроковъ, въ отъѣздъ не согласна. Потомъ, я могу переписывать ноты. Въ крайнемъ случаѣ могу даже явить шалки—увѣряю васъ, не хуже гостиндворскихъ. Вотъ посмотрите, эту я сама сдѣлала.

Она сняла съ комода шляпку и нѣсколько разъ критически перевернула ее въ рукахъ.

— Немножко отзывается самодѣльщиной, но современемъ можно усовершенствоваться. А все-таки виденъ вкусъ, не правда ли?

Молоствовъ одобрительно улыбался. Онъ былъ очень радъ что Липочка такъ легко и весело смотритъ въ глаза будущему, сулящему такъ много лишений, нужды, и такъ мало радостей.

„На долго ли?“ мелькала въ его умѣ обезнадеживающая мысль.

— А когда вамъ станетъ очень тяжело, или очень скучно, вытребуйте меня, сказалъ онъ. — Пословица говорить: умъ хорошо, а два лучше. Да и скучать вдвоемъ все какъ будто легче.

— Хорошо. Но вы не дожидаетесь, заходите сами, пригласила Липочка, ласково на него глядя и протягивая маленькую, бѣленькую, искусную руку, съ тонкими и длинными музыкальными пальцами.

— Благодарю васъ, проговорилъ Молоствовъ, и вдругъ, покраснѣвъ, нерѣшительно поднесъ ея руку къ губамъ и поцѣловалъ. Это было такъ неожиданно и забавно, и смущеніе Молостова дѣйствовало такъ заразительно что Липочка сама покраснѣла и съ нѣкоторою досадою отняла у него руку.

Въ тотъ же день она имѣла продолжительное объясненіе съ Олжанской. Она положила на столъ деньги и сказала что не возьметъ ихъ назадъ, потому что знаетъ откуда онѣ. Олжанская выразила отчаяніе что желая сдѣлать добро оскорбила ее, и нѣсколько разъ съ сокрушеннымъ видомъ заламывала руки и приходила въ ужасъ отъ собственного легкомыслія. При этомъ она порывисто и крѣпко цѣловала Липочку, прижимаясь къ ея лицу своею нѣжною и слабо благоухающею щекой. Все это имѣло видъ такой несправимой и невытѣляемой вѣтренности что Липочка почти совсѣмъ перестала на нее сердиться. Между ними даже снова установились дружескія отношенія, когда Олжанская съ такою же ласковою стремительностію принялась восхищаться лостулкомъ Липочки и увѣрять что она олицетворяетъ ея идеалъ независимаго и сильнаго женскаго характера. Эти восторги имѣли нѣсколько ненадежный видъ,

но Липочка должна была цѣнить ласки Софьи Александровны, потому что во всемъ Петербургѣ не было другой расположенной къ ней женщины. Притомъ Софья Александровна послѣ перваго же прелестнаго очень охладѣла къ мысли покровительствовать ухаживанію Безбѣднаго и была расположена интересоваться Липочкой скорѣе со стороны женской самостоятельности и усовершенствованія вокальных средствъ. Если Липочкѣ суждено сдѣлаться знаменитостью, то конечно часть лучей ея славы должна будетъ упасть на Олжанскую, открывшую ей дорогу къ артистической карьерѣ.

Черезъ два дня Безбѣдный, узнавъ обо всемъ отъ Олжанской, сказалъ за обѣдомъ Молостову:

— Зачѣмъ вы передали Олимпіадѣ Васильевнѣ что отвозили отъ меня деньги? Изъ-за этого чортъ знаетъ какія непріятности могли выйти!

— Олимпіада Васильевна думала что эти деньги выданы ей благотворительнымъ обществомъ; а такъ какъ я зналъ что это неправда, то и сказалъ ей, отвѣтилъ слегка вслыхнувъ Молостовъ.

— И совершенно напрасно это сдѣлали. Могутъ случиться гораздо болѣе важныя и секретныя порученія—что же будетъ если вы вездѣ станете болтать о нихъ! Вамъ необходимо приучить себя къ крайней осторожности.

— Извините, я въ этомъ случаѣ иначе понимаю свои обязанности, возразилъ Молостовъ.—Тутъ былъ обманъ, и я его обнаружилъ.

Безбѣдный взглянулъ на него и перемѣнилъ разговоръ.

IX.

Какъ, собираясь обѣдать у Карича, былъ озабоченъ разномъ тремя вещами. Впервыхъ, онъ рѣшился подвинуть свой лавъ и объясниться съ mademoiselle Аннетъ. Онъ былъ того мнѣнія что съ этими вещами не слѣдуетъ таяуть. Бумажекъ его было нудтъ, кредиторы ему сильно надоели, и онъ чувствовалъ себя совершенно готовымъ ко вступленію въ бракъ. У Аннетъ была дурная манера дѣлать большіе глаза или хохотать ему прямо въ лицо, когда онъ намекалъ что желалъ бы жениться на такой дѣвушкѣ какъ она.

Правда что эта дурная манера очень шла къ ней, но нельзя же столько терять времени. Она должна догадаться что ему необходимо вступить въ бракъ именно теперь, и что если она не раздѣляетъ его готовности, то онъ поищетъ въ другомъ мѣстѣ.

Восторгахъ, онъ находилъ что маленькій подарокъ очень облегчалъ бы ему объясненіе. Но выбрать подарокъ вовсе не такъ легко. Надо чтобъ это была очень изящная и интересная вещь, достойная такой богатой дѣвушки какъ Аннетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вещь не должна быть цѣнная, потому что онъ еще не женихъ. Однимъ словомъ вѣщо очень дорогое и совершенно бесполезное, что производитъ только одинъ Парижъ.

Втретыхъ, такъ какъ отецъ все еще не далъ ему денегъ, то надо было купить подарокъ тамъ гдѣ ему еще оказывали кредитъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Кокдъ, прежде чѣмъ отправиться на обѣдъ, заѣхалъ къ своему куаферу. Тамъ былъ вѣкто monsieur Nestor, которому Кокдъ всегда поручалъ свой подбородокъ и свою уже значительно порѣдѣвшую шевелюру, и съ которымъ онъ любилъ совѣтоваться иногда даже о предметахъ гораздо высшаго порядка чѣмъ галстуки и филокомы.

Monsieur Nestor и на этотъ разъ его выручилъ. Въ своей страшно-ошкешенной и отдававшей всѣми благоволеніями жакеткѣ, онъ быстро принялся за дѣло и выложилъ предъ нимъ цѣлый ворохъ вещей, изъ которыхъ каждая по сумашедшей цѣнѣ и совершенной ни къ чему негодности какъ нельзя болѣе удовлетворяла требованіямъ Кокдъ. Тутъ были зонтики которыми нельзя закрыть коврика лица, porte-bonquet въ которые нельзя вставлять цвѣты, шарфики которыми нельзя надѣть, куклы которыми могутъ играть только взрослые, несесеры съ помощью которыхъ нельзя остричь ногтя. Кокдъ выбралъ какую-то непомѣрно дорогую игрушку и разрѣшилъ приписать ее къ украшенной его именемъ длинной страницѣ въ долговой книгѣ.

Mademoiselle Аннетъ благосклонно приняла подарокъ. Она любила очень дорогія и немужныя вещи; вся ея комната была заставлена ими. Олжанская, присутствовавшая тутъ-же, разсматривала игрушку съ такимъ интересомъ, который явно свидѣтельствовалъ что она сама охотно приняла бы что-

кабудь подобное. Она даже нагнулась къ Аннетъ и сказала ей, радостно улыбаясь:

— Кокò не на шутку за вами ухаживаетъ!

— О, смѣетъ онъ! засмѣялась на это Аннетъ, и пересѣла очень близко къ Кокò.

— Какой на васъ хорошенькій галстукъ, сказала она, удерживая легкое трепетаніе губъ.

— Это plastron, серьезно объяснилъ Кокò.

— Вы всегда такъ прелестно одѣваетесь.

— Я дѣйствительно не люблю быть дурно одѣтымъ. Это значитъ не уважать своихъ знакомыхъ. Но вы очень добры.

— До слабости.

Такъ какъ она очень долго удерживала тѣснившуюся на ея губахъ улыбку, то наконецъ позволила себѣ расхохотаться. Кокò глядѣлъ на нее почти влюбленными глазами. Ему ужасно нравилось что когда она улыбалась, то на ея лицѣ появлялось множество ямочекъ.

— Я обожаю слабыхъ женщинъ, сказалъ онъ.

— Это гораздо лучше чѣмъ слабые мужчины, отвѣтила Аннетъ.

— Я вовсе не слабъ.

— Какое мнѣ дѣло?

— Зачѣмъ же вы такъ говорите какъ будто думаете что я слабъ?

— Мнѣ говорилъ Безбѣдный что у васъ чахотка.

— Какой вздоръ! откуда онъ можетъ знать? У меня даже доктора нѣтъ.

— Вы имѣете болѣзненный видъ.

— Ну, это неправда. Я очень здоровъ.

Кокò надулся. Онъ очень не любилъ когда говорили о его тщедушномъ видѣ; Аннетъ это давно замѣтила. Разговоръ, направлявшійся какъ будто нарочно чтобъ облегчить объясненіе, принялъ неблагоприятный оборотъ. Тѣмъ не менѣе Кокò твердо рѣшился узнать не далѣе какъ сегодня, на чтò ему можно надѣяться. За обѣдомъ онъ сѣлъ подлѣ Аннетъ и все время мучительно надобѣдалъ ей своими услугами. Потерявъ терпѣніе, она даже толкнула его въ туману какъ онъ потянулся съ бутылкой къ ея стакану, и вино плеснуло на скатерть и въ тарелку.

— Какъ пріятно подлѣ васъ сидѣть, сказала съ гримасой Аннетъ.

— Я не виновать что вы меня толкнули.

— Въ другой разъ садитесь подальше, я не буду толкаться.

— Нѣтъ, ужъ я все-таки буду садиться подальше васъ.

Послѣ десерта Олжанская и Каричъ сѣли играть въ ликетъ. Кокѡ расположился подальше Аннетъ за другимъ столикомъ и училъ ее дѣлать какой-то новый ласьяносъ. Аннетъ не дождалась конца, взяла со стола книгу и пересѣла къ окну въ собственной маленькой гостиной, рядомъ. Кокѡ принималъ это за приглашеніе и направился вслѣдъ за нею.

— Что вы читаете? спросилъ онъ.

— Какъ я вамъ объясню? вы не знаете ни одного автора.

— Это правда, я мало читаю. То-есть я просматриваю газету, но для книгъ никогда не найду времени. Ихъ читаютъ только женщины, потому что имъ нечего дѣлать.

— Вы самый занятый человѣкъ въ Петербургѣ.

— Вы хотите сказать что я ничего не дѣлаю. Но утѣрю васъ, у меня никогда нѣтъ свободнаго времени. Я самъ не понимаю почему это такъ выходитъ. Послушайте, mademoiselle Аннетъ, оставьте эту книгу. Я вамъ хочу что-то сказать.

— Говорите.

— Нѣтъ, очень важное. Вы знаете что вы мнѣ всегда правились.

— Merci.

— Я не шучу. Я былъ бы счастливъ, еслибы вы согласились быть моею женой.

— Можетъ-быть.

— Что значитъ можетъ-быть?

Аннетъ больше не могла удерживаться и расхохоталась. Ямочки опять появились по угламъ губъ и на подбородкѣ. Она захохотала книгу, взглянула на Кокѡ и залилась еще звонче. Еслибы ея запрокинутая головка не была такъ очаровательна, молодой человѣкъ обидѣлся бы. Но онъ только сказалъ:

— Право, вы иногда не кстати смѣетесь. Развѣ я не могу сдѣлать предложенія?

— Нѣтъ, не дѣлайте.

— Но я уже сдѣлалъ.

— Перестаньте.

— Я не понимаю почему бы вамъ не выйти за меня замужъ.

— Полюбите, я не хочу вамъ отказывать. Вы пошутили.

— Я вовсе не шутилъ.

Аннетъ потеряла терпѣніе.

— Вы не хотите понять что должны считать это шуткой, проговорила она, переставъ смѣяться.— Не смѣйте никогда говорить мнѣ ничего подобнаго.

Кокѡ дадуся.

— Вы всегда были очень добры ко мнѣ, я былъ увѣренъ что вы пойдете за меня замужъ, прощѣдаясь.— Можеть-быть вы еще подумаете?

Аннетъ не отвѣчая встала и перешла въ большую гостиную.

Кокѡ былъ сконфуженъ. Онъ не ожидалъ такой обиды. Онъ былъ увѣренъ что молодежькая Аннетъ охотно пойдетъ за него замужъ. По его мнѣнію это была самая подходящая партія во всемъ Петербургѣ. Онъ не очень дорого цѣнилъ себя, но однако никакъ не ниже Аннетъ. Не всякій согласится взять дѣвушку, отецъ которой только-что судился. Что она о себѣ думаетъ? Еще неизвестно сколько за ней дадутъ. Положимъ, она хороша собою. Она даже очень ему нравится. Когда она смѣется, у нея на лицѣ выступаютъ восхитительныя ямочки. Онъ увѣренъ даже что у нея есть такія ямочки на плечахъ. Но ее вызывали въ судъ. Она сидѣла цѣлый день въ свидѣтельской комнатѣ и описана во всѣхъ газетахъ. Право, эти дѣвчонки иногда чортъ знаетъ что забираютъ себѣ въ голову.

Покачиваясь на стулѣ подлѣ ломбернаго столика, за которымъ Олжанская и Каричъ оканчивали игру, Кокѡ продолжалъ мысленно фыркать. Ему особенно противно было смотрѣть, какъ Каричъ, проигравшій всѣ короли, вынулъ изъ кармана толстѣйшій бумажникъ, болѣе похожій на чемоданъ чѣмъ на бумажникъ, и доставалъ оттуда деньги. Надо быть скотомъ чтобъ имѣть столько денегъ. У Кокѡ явилась даже идея—не попросить ли у него займы, пока Аннетъ не передала ему цѣль сегодняшняго разговора? Такъ какъ онъ конечно никогда здѣсь больше не будетъ, то это выходило очень удобно. По крайней мѣрѣ онъ оставилъ бы ихъ въ дуракахъ. Но потомъ Кокѡ подумалъ что Каричъ такая свинья что пожалуй не дастъ, и отказался отъ своей мысли.

Онъ взялъ шляпу и мрачно прошелся по ковру, въ которомъ отдалекѣи отъ общества. Аннетъ повидимому жалелась надъ нимъ и подошла сказала ласково:

— Вы уже уходите?

Ито же мнѣ больше дѣлать? возразилъ Кокд.—Мнѣ и здѣсь больше оставаться послѣ того какъ вы меня прогуляться.

И вамъ говорила что считаю все шуткой.

Завѣ вы шутили?

Ие я, а вы.

И не могъ такъ шутить. Можетъ-быть вы передумаете? идите ли, мнѣ трудно ждать. Лучше скажите теперь. Есть окончательно вышла изъ себя.

И вамъ сказала чтобъ вы не смѣли больше говорить гомъ! прикрикнула она, и даже приоткнула ножкой вру.

И не сказалъ вамъ вичего обиднаго, проговорилъ Коклодно со всѣми простился.

Есть повернулась на каблучкахъ, и подбѣжавъ къ Мше вской, прижалась щекой къ ея плечу.

Представьте, этотъ возмутительный Кокотка взду- дѣлать мнѣ предложеніе! сказала она не те смѣясь, не воевъ слезы.

А! и вы его лугнули! одобрительно проговорила Ол- кая.

Я думаю! Но это дерзость. Неужели онъ серьезно во- казъ что я пойду за негс?

Эта молодежь ужасно много о себѣ думаетъ.

Но я тоже немовко знаю себѣ цѣну. Мнѣ есть на- улпить что-нибудь подучше доаговязанаго Кокотки.

кавокая обняла Анметъ за талию и нѣжно поцѣловала лобъ.

Погодите, душечка, я сама выдамъ васъ замужъ, ска- она.

Есть улыбулась.

X.

лѣ Бакшеевъ занималъ бѣль-этажъ собственнаго очень наго дома въ Киречной. При его всѣмъ невѣст- скупости было даже непонятно, зачѣмъ онъ лѣмъ- на въ самой дорогой квартирѣ, за которую можно бы вать три или четыре тысячи. Но какъ во всемъ мномъ, такъ и въ скупости она была очень оригина- . Относительно своихъ жильцовъ онъ считалъ себя

чѣмъ-то въ родѣ узднаго предводителя дворянства, обижался зачѣмъ они не дѣлають ему визитовъ, и посылаалъ къ нимъ циркуляры, писанные его собственною рукою на листѣ сѣрой бумаги и подписанные: „Домовладѣлецъ отставной генералъ-майоръ князь Бакшеевъ.“ Поэтому онъ считалъ невозможнымъ уступить кому-нибудь лучшую въ домѣ квартиру. По такимъ же соображеніямъ онъ не могъ отказать держать лошадей, хотя самъ на нихъ не ѣздилъ и дочерямъ не позволялъ—да едва ли впрочемъ и можно было на нихъ ѣздить, такъ какъ отъ старости и ежуднаго корма онѣ только моргали глазами. Когда однажды ихъ велѣли запретъ, то сначала очень долго слышался изъ сарая топотъ какъ бы деревянныхъ ногъ, а потомъ, какъ-то странно кланаясь и присѣдая, выползали оттуда двѣ совершенно бѣлая, тощія и огромныя клячи и выволокли, къ величайшему изумленію всего двора и даже прохожихъ, нѣчто совсѣмъ невиданное, похожее на большой старинный комодъ. Это были парадныя четверомѣстныя сани красного дерева, съ коротенькою полостью и съ залытками. Они сидѣли такъ узко, и покрывавшій ихъ малиновый бархатъ былъ до того изъѣденъ молю и сыростью что старый князь, собиравшійся совершить на нихъ необычный выѣздъ, только обошелъ кругомъ, покивалъ головой, поскребъ кое-гдѣ ногтями, и вдругъ раскричавшись на кучера, приказалъ откладывать. У трехъ князей, наблюдавшихъ изъ окна за всею этою сценою, даже судороги сдѣлались отъ смѣха.

Мебель въ княжеской квартирѣ была приблизительно тѣхъ же фасоновъ какъ и санки, неудобная, старомодная и важная. Разставлялъ ее князь всегда самъ, и тоже старомодно, неудобно и важно. По стѣнамъ висѣли масляныя лампы, никогда не зажигавшіяся, такъ какъ едва ли кто-нибудь кроме самого князя владѣлъ тайной ихъ устройства. Каждый годъ однако, при переездѣ на дачу или въ деревню, ихъ снимали со стѣнъ и бережно укладывали, мебель покрывали чехлами и пересыпали какимъ-то порошкомъ, отъ котораго долго потомъ въ чихали и который оставлялъ на весь годъ ничѣмъ не истребимый запахъ. На окнахъ висѣли старинныя кисейныя занавѣски съ зубчатыми краями, до такой степени смывшіяся, что походили болѣе на полотенеца. Прислугу князь безпрестанно мѣнялъ, кромѣ старухи Сикантеи, явчавшей его покойную жену. Сикантея пользовалась

ограниченными доверіемъ и одна только имѣла входъ о спальную, но разсердившись, онъ толпалъ на нее ною и даже швырялъ чѣмъ попало.

ышая угловая комната, окнами на улицу, известна подъ нѣсколько пролическимъ названіемъ „дѣвичьей“. въ три княжны проводили цѣлые дни, скучая, болаяботая и наблюдая за проходившими и протѣжившими. Ямовластный надзоръ стараго князя чувствовался слабѣе, и дѣвицамъ было предоставлено собрать сюда удобную мебель и расположить ее по своему усмою. Тѣмъ не менѣе имъ было страшно скучно, и третья болтовня часто смѣнялась томительнымъ безмолвіепрерываемымъ только протяжными зѣвками, въ которы выражалась вся глубина дѣвической тоски. Потомъ, бы ислугавныя этою зловѣщею тишиной, сестры сънова разомъ принимались говорить, и бѣглый въ ихъ голосахъ достигалъ самыхъ отдаленныхъ угоадома.

аина была центромъ этого дѣвичьяго міра и представилицей оппозиціи противъ стараго князя. Старшая, Ализнавала что она не хороша собой, и потому ей не доло смѣлости. Младшая была слишкомъ лѣнива для о-нибудь постоянного чувства, даже для чувства недовѣства; она ворчала только если обѣдъ былъ очень непъ, но и тутъ скоро успокоивалась, посявъ кулить юи карманныя деньги орѣховъ или ластилы. Полина, отивъ, постоянно злоумышляла. Она говорила что небынно убѣжить изъ дому, и съ этою цѣлью даже нѣко разъ принималась колить деньги. Она вела въ своей ти даивный списокъ всѣхъ несправедливостей и груей стараго князя и считала долгомъ непрерывно воззвать этотъ списокъ въ памяти сестеръ. Она не скрываетъ что старика сѣдовало бы взять въ опеку, по что онъ совершенно выжилъ изъ ума, и даже совѣтотобратиться съ этою просьбой сообщая къ Безбѣдному. тотъ самый день когда Кокѣ произвелъ неудачное лание на Миле Аннетъ, въ „дѣвичьей“ царствовало особое оживленіе. Старый князь обѣдалъ въ клубѣ, и княжувствовали себя гораздо свободнѣе. Кроме того, интесовершенно особой важности былъ причиной ихъ неспокоеннаго возбужденія. Въ кругу гдѣ вращалась

madame Олжанская затѣвлася огромный ликуикъ. Александровна была такъ любезна что предложила вамъ принять участіе. Старшая отказалась, но Надина рѣшилась ѣхать. Понятно что все это мы скрыть отъ стараго князя. Для Полины не рѣдкость ѣздить съ Олжанской на балы потихоньку отъ ея обыкновенно она дожидалась когда онъ ляжетъ спать. ликуикъ же было условлено собраться къ восьми часамъ потому въ „дѣвичьей“ рѣшили сказать князю что идѣтъ Олжанской въ театръ. Оставалось однако очень не пріятное: старику въ этихъ случаяхъ не ложился спать не дождавшись дочерей.

— Ну, это какъ ему угодно, сказала Полина.—Потомъ только бы выбраться изъ дому. Еслибъ я знала какой день меня казнятъ, я бы все-таки поѣхала.

— А потомъ цѣлый мѣсяцъ придется подъ карауломъ сидѣть, напомнила менѣ рѣшительная Надина.

— Какая жь разница? Развѣ мы теперь хотимъ какой-нибудь свободой? возразила Полина.

— Однакожъ ты была на балѣ у Луховецкихъ, съ комъ попрека сказала Надина, вѣсколько завидую сестрѣ.

— Потихоньку-то! Этакъ я и изъ-подъ караула уйдѣла, возразила Полина.

— Вамъ-то хорошо будетъ веселиться, сказала Алина на меня тутъ все и обрушится, когда папѣ увидитъ что не возвращаетесь изъ театра.

— Ложись пораньше спать и запись, вотъ и все, сказала Полина.—Ну, Алинка, ты ужъ пожалуста не прибавляй она, возвышая голосъ.—Ты способна не папѣ отравить жизнь. Сама не хочешь ѣхать, такъ крайней мѣрѣ не мѣшай другимъ.

— Я вѣсколько не мѣшаю, но ты вѣчно что-нибудь тѣнешь. По-моему никакое удовольствіе не стоитъ ни страха ни непріятностей. Узнаетъ папѣ, сама не рада будешь.

— Чтѣтъ онъ можетъ мнѣ сдѣлать? Мнѣ двадцать лѣтъ! А отъ ежедневныхъ непріятностей все равно ничѣтъ избавишься, хоть по стрункѣ ходи.

— Господи, за чтѣтъ мы такіа несчастныя! вздохнула Надина.—Должно-быть все въ театрѣ ѣздитъ: карета за

той, прибавила она, поглядѣвъ въ окно.—Сегодня первый абонементъ?

— Да. Что жь это мы не собираемся? наша ложа пустая останется! отвѣтила со смѣхомъ Полина.—Патти будетъ сегодня не въ духѣ!

Надина вдругъ сбросила лежавшую у нея на колѣняхъ работу и вышла изъ комнаты.

— Я вѣѣла сдѣлать гогель-могелю, сказала она возвратясь.

— Зачѣмъ это? удивились обѣ сестры.

— Такъ. Сладкаго чего-нибудь съѣсть.

— Ну, Надина, ты вѣчно съ гадостями, брезгливо пожала плечомъ Полина.

— Чтѣ жь за гадость гогель-могель? Вотъ будемъ на пикникъ, такъ чего-нибудь получше съѣдимъ, возразила совершенно основательно Надина.

— Безъбѣдный будетъ? спросила старшая.

— Разумѣется. Всѣ будутъ. Рашковъ обѣщаль военную музыку.

— Я бы хотѣла съ нимъ мазурку.

— И безъ тебя ему будетъ съ кѣмъ.

— Только ужь я не съ Кокѣ.

— Софья Александровна говорила: два хора цыганъ.

— Ахъ, какъ славно!

— Mesdames, mesdames, лалѣ пріѣхалъ! вдругъ испуганно вскричала Алина, взглянувъ въ подъѣхавшія къ крыльцу извозничьи санки.

Трескачая болтовня мгновенно приотмолкла. Князя не ожидали такъ скоро, потому что обѣдая въ клубѣ онъ обыкновенно оставался сыграть нѣсколько робберовъ. Но сегодня не было его всегдашнихъ партнеровъ и партія не состоялась. Это привело князя въ дурное расположеніе духа, дошедшее до острой степени, когда одинъ изъ знакомыхъ сказалъ ему, что имѣлъ удовольствіе видѣть княжну Полину на послѣднемъ раутѣ у Луховецкихъ. Извѣстіе это точно обухомъ по головѣ ударило князя. Онъ тотчасъ оставилъ клубъ и пріѣхавъ домой направился прямо въ „дѣвичью“.

— Такъ вотъ чтѣ! Такъ вотъ вы на какія дѣла пускаетесь! Вотъ вы чтѣ наконецъ выдумали! закричалъ онъ, растворяя дверь въ комнату.

Всѣ три дѣвичьи сердца разомъ стукнули. Первою мыслью княжнѣ было что отецъ какъ-нибудь провѣдалъ о затѣваемомъ пикникѣ. Ясно что всѣ мечты разрушены.

— Полина! крикнулъ князь.

— Что вамъ угодно? отозвалась дочь, продолжая вѣсколко дрожавшими пальцами обметывать кусокъ кисеи.

— Съ кѣмъ ты ѣдила?

— Куда?

— А, ты не знаешь? ты не догадываешься? Такъ ты должно-быть не къ Луховецкимъ только ѣдила, если не понимаешь о чемъ я спрашиваю! продолжалъ запыхавшимся голосомъ князь.—Ты вѣрно еще гдѣ-нибудь была!

— Если вы спрашиваете про Луховецкихъ, то меня туда позвала Софья Александровна, отвѣтила Полина.

— Я такъ и зналъ! Я зналъ что это Софья Александровна. Да какъ же ты смѣла? какъ ты смѣла? какъ ты осмѣлилась?

— Что жь тутъ дурнаго? Она дама, да еще и родная мать.

— А, родная! Нѣтъ у меня такой родни! нѣту! на порогъ ее не вею пускать! кричалъ князь.—А ты знаешь ли, гдѣ ты была? ты знаешь кто тамъ бываетъ? ты забыла что я вамъ всѣмъ запрещаю тамъ бывать? Какъ ты смѣла лети-хольку отъ меня, ночью, выйти изъ родительскаго дома? Хочешь чтобъ на тебя пальцами указывали? чтобы твой срамъ на сестеръ упалъ?

— Вы бы лучше не говорили такихъ вещей, сказала Полина.

— Нѣтъ, буду говорить! буду! я тебя приведу въ ловиловеніе! кричалъ князь, схвативъ Полину за плечо.

— Оставьте, пала! произвела княжна, подавъ мгновенно поблѣднѣвшее лицо.

Князю неможко стыдно стало.

— А ты не доводи! не доводи! кричалъ онъ, отводя руку.—А потатчицу эту я на порогъ пускать закажу.—Гей, кто тамъ! Люди!

Явился лакей.

— Когда пріѣдетъ госпожа Олжанская, не принимать! Такъ и сказать: не приказано-молъ васъ принимать! распорядился князь.

— Слушаю-съ.

— И швейцару такъ сказать!

— Слушаю-съ.

— Вотъ этакъ-то спокойнѣе будетъ, промолвилъ князь, очень довольный принятою мѣрой.—Сама съ толку сбилась, да и другихъ тоже сбиваетъ. Пусть только попадется матъ на глаза, ужь я ей отчитаю отповѣдь!

XI.

Полина сложила на столъ работу и молча, своею тихою и гордою походкой вышла изъ комнаты. Придя въ спальную, она сѣла на постель, сжала руками голову, и чувствуя что слезы сейчасъ хлынутъ изъ глазъ, упала лицомъ на подушку. Но не горе, а злоба, гордая и безсильная, душила ее. Она знала что у нея нѣтъ смиренія. Да и какой смыслъ смиряться предъ тѣмъ пошлымъ, безсмысленнымъ безобразіемъ жизни, отъ котораго она страдала!

Слезы нѣсколько облегчили ее. Она встала, зажгла свѣчу и взглянула въ зеркало на свое заплаканное блѣдное лицо. Все-таки она была красива даже съ этими заплаканными красными пятнами. Но сознаніе красоты только раздражало ее оскорбленное чувство, и она съ досадою отвернулась отъ зеркала.

Дверь въ спальную тихонько отворилась и вошла Спикайтея.

— Чтò, никакъ лалаша опять гнѣвалась? сказала она.

Полина не отвѣчала.

— Ишь глазки-то наплакала... стоить того, продолжала старуха, вглядываясь въ лицо княжны.—И ничѣмъ ты его не обойдешь, князя-то! Изъ-за чего вывче-то у васъ сыр-боръ загорѣлся?

— Ахъ, няня, противно мнѣ говорить. Оставь меня, сказала Полина.

— Пустяки небось какіе. Все вѣдь онъ по пустякамъ-то. Завтра самому стыдно станетъ. А ты лучше поговори, разведи горе-то.

Полина подошла къ комоду, налила стаканъ воды и медленно, маленькими глотками выпила ее. Потомъ взяла луховой платокъ и покрыла имъ голову.

— Дай мнѣ, няня, шубку, сказала она.

— Куда это? Христосъ съ тобой.

— Я къ Софѣ Александровнѣ поѣду.

— Да съ кѣмъ же, родная моя? Вѣдь узнаетъ лалаша, еще больше того осерчаетъ!

— Ну повоо, няня. А то вѣдь я и такъ поѣду, сказала рѣшительнымъ тономъ Полина.

т. сжжж.

Олжанской въяло такую изящною, тельною лаской, что въ прибѣли себя какъ-то особенно легко суетствіе развѣживало и утишало, е подчинилась этому впечатлѣнію, биды притупилась, уступая почти овнаго изнеможенія. Она, такая искать сочувствія.

ончится. Нѣтъ силъ продолжать къ безсмысленно, такъ пошло... цѣли, безъ причины, когда дру- оворила она, часто мигая влаж- ова не знаю какой подвигъ взять истись отъ этой муки.

свѣтъ несчастье васъ! Вы мо- казала Олжанская.

легче? возразила Полина. — Я жа- тою дѣвушкой, по крайней мѣрѣ хотѣла.

тсѣ что ихъ свобода стѣснена дѣлать что захотите.

у? Развѣ у насъ бываетъ кто- видѣла, кагда съ вами выѣзжала. лько изъ окна на свѣтъ смотрѣть. нянь посватадась, я бы сейчасъ на якицкѣ, то первому кавалеру ть скажу: возьмите меня замужъ.

зала она;—мы сядемъ вчетверомъ: ѣ. Старичка моего я общала рить. Но вѣдь онъ милый, не моя, надо умѣть выйти замужъ. ѣ: вывѣшная молодежь травле- юклетъ.

овокъ прервалъ ихъ разговоръ

мною пріѣхалъ? высказала она

имѣю кое-что сказать милѣй- Олжанская, съ выраженіемъ мы- ый носикъ.

— Ахти, Мать Пресвятая Богородица! всполошилась старуха.—Экая ты непокорливая вѣдь какая! Чтò я съ тобой старая подѣлаю? Доведетъ тебя до грѣха твое сердце, помнишь мое гаулое слово! причитала она, подавая одна-кожъ княжнѣ шубку и заботливо ее укутывая.—А ужь одну я тебя не лущу, какъ ты себѣ хочешь. Анаушкѣ скажу чтобы проводила.

— Ну ладно. Только въ минуту.

— Горе мнѣ съ вами со всѣми, подлинно горе! ворчала старуха, шамшая по полу мягкими безъ каблуконъ башмаками.

Ей дѣйствительно было горе. Она любила Полину, любила ея сестеръ, любила даже стараго князя, хотя была того мнѣнія что онъ выжилъ изъ ума. Изъ этихъ безотвѣтныхъ, непоколебимыхъ привязанностей для нея протекала такая масса невидимыхъ невидимыхъ заботъ, глубокихъ огорченій, безмолвно отражаемыхъ обидъ, съ которыми могло справиться только ея испытанное, старое сердце, питавшееся изъ невидимаго источника беззавѣтной любви и рабской преданности.

Олжанская тотчасъ замѣтила что Полина плакала.

— Олять лалаша начудилъ чего-нибудь? встрѣтила она ее, цѣлуя въ непростывшія даже на холодѣ щеки.

Полина опустила подлѣ нея на диванъ и печально улыбнулась своими красивыми смѣлыми губами.

— Папѣ узналъ что я была на раутѣ у Луховецкихъ, сказала она.

— Вотъ чтò! И вамъ досталось?

— Досталось. Но главное, онъ ужасно разозлился на васъ и отдалъ торжественное приказаніе не принимать.

Олжанская засмѣялась.

— Значитъ между нами рѣшительный разрывъ? сказала она.—Я впрочемъ и безъ того бывала только ради васъ. Но надѣюсь вы все-таки будете на ликннкѣ?

Полина легла плечами.

— Ужь не знаю. Все это такъ противно что я не въ состояніи думать объ удовольствіяхъ. Я бы бѣжала на край свѣта.

— Бѣдная моя княжонька! пожалѣла Олжанская, обнявъ ее за талию и цѣлуя въ глаза, которые Полина замирилась съ видомъ утомленія.

Ото всего существа Олжанской вѣяло такою изящною, женственною и свисходительною лаской, что всѣ прибѣгавшіе къ ней чувствовали себя какъ-то особенно легко податъ нея, словно ея присутствіе развѣживало и утишало всякую боль. Полина тоже подчинилась этому впечатлѣнію, и тѣкая горечь недавней обиды притупилась, уступая почти пріятному ощущенію нервнаго изнеможенія. Она, такая гордая, хотѣла плакать и цекать сочувствія.

— Не знаю чѣмъ это кончится. Нѣтъ силъ продолжать такую жизнь. Все это такъ безсмысленно, такъ пошло... Мучиться безъ вины, безъ цѣли, безъ причины, когда другіе живутъ и дышать... говорила она, часто мигая влажными рѣсницами. — Я готова не знаю какой подвигъ взять на себя, чтобы только спастись отъ этой муки.

— Полноте, сколько на свѣтѣ несчастіе васъ! Вы молоды, красивы, богаты... сказала Олжанская.

— И что жь, развѣ мнѣ легче? возразила Полина. — Я жалю что не родилась простою дѣвушкой, по крайней мѣрѣ сдѣлала бы съ собою что хотѣла.

— Всѣ дѣвушки жалуются что ихъ свобода стѣснена. Выйдете замужъ и будете дѣлать что захотите.

— За кого это я выйду? Развѣ у насъ бываетъ кто-нибудь? Я только и людей видѣла, когда съ вами выѣзжала. Теперь остается развѣ только изъ окна на свѣтъ смотрѣть. Хоть бы какая-нибудь дрянъ посватаалась, я бы сейчасъ пошла. Право, если я поѣду на ярмарку, то первому кавалеру съ которымъ буду танцевать скажу: возьмите меня замужъ.

Олжанская улыбнулась.

— Право поѣзжайте, сказала она;—мы сядемъ вчетверомъ: вы, я, Безбѣдный и Каричъ. Старичка моего я обѣщала непремѣнно взять провѣтрить. Но вѣдь онъ милый, не правда ли? Поймите, душа моя, надо умѣть выйти замужъ. Безбѣдный правду говорить: вывѣщная молодежь травленая, на простую удочку не клюетъ.

Неожиданный громкій звонокъ прервалъ ихъ разговоръ. Полина вздрогнула.

— Ужъ не отецъ ли за мной пріѣхалъ? высказала она опасеніе.

— Отлично бы было: я имѣю кое-что сказать милѣйшему князю! проговорила Олжанская, съ выраженіемъ вызова вздернувъ свой розовый носикъ.

Она вышла въ слѣдующую комнату, и заглянувъ въ переднюю вернулась съ радостною и нѣсколько хитрою улыбкой.

— Успокойтесь, это Евгений Савичъ, объявила она вполголоса.

Полина всполошилась.

— Душечка, я не могу при немъ остаться, у меня все лицо залаковано, сказала она.

— Полноте, вы такъ интересны чѣмъ когда-нибудь, успокоила ее Олжанская, почти насильно усаживая въ кресло. Полина рѣшилась остаться, но пересѣла подальше отъ лампы.

Безбѣдный очень обрадовался ей: съ тѣхъ поръ какъ онъ пересталъ ухаживать за Олжанской, онъ нѣсколько тяготился заставлять ее одну. Онъ пріѣхалъ прямо изъ оперы, оживленный, свѣжій, довольный, словно на немъ еще лежалъ отблескъ театрального газа и нарядной, поазмой толпы. Послѣ множества дѣлъ, легко и удачно сдѣланныхъ въ сегодняшнее утро, онъ безлечно тратилъ нѣсколько послѣднихъ часовъ трудового дня.

— Значить вамъ надо чаю предложить? спросила Олжанская.

— Merci. Очень это хорошо было бы, отвѣтилъ онъ съ улыбкой человека сознающаго умѣренность своихъ желаній.—Театръ разумѣется былъ полонъ. Патти между прочимъ показала такую *givière* что дамы ахнули. Привѣтъ былъ въ русскомъ мундирѣ.

— Развѣ есть сегодня что-нибудь при дворѣ?

— Обѣдъ; всѣ были прямо оттуда. Я васъ совсѣмъ не вижу, княжна; вы прячетесь?

Олжанская улыбаясь сдернула съ лампы абажуръ. Головка Полины, облитая свѣтомъ, выступила изъ темноты.

— Что съ вами? Вы такъ блѣдны. Вы какъ будто даже плакали? обратился къ ней Безбѣдный.

Полинѣ сдѣлалось ужасно досадно. Этотъ Безбѣдный, ворвавшійся изъ какого-то другаго, веселаго, оживленнаго, наряднаго міра, куда она стремилась всѣми своими помыслами, снова разбередилъ ея раны. Она конечно не меньше его имѣла правъ принадлежать къ этому міру; и между тѣмъ она сидитъ тутъ залаканная и оскорбленная, съ сознаниемъ совершенной невозможности куда-нибудь дѣваться,

въ то время какъ онъ самодовольно и небрежно сіяетъ предъ ней отраженіемъ своего заимствованнаго блеска. Ей было больно домыслить что она, княжна Полина, изящная, хорошенькая, богатая, сочла бы за счастье сдѣлаться женой какого-то полу-мѣщанина Безбѣднаго, а этотъ Безбѣдный можетъ-быть въ эту самую минуту думаетъ о ней съ самодовольнымъ цинизмомъ избалованнаго холостяка... Съ какимъ злораднымъ наслажденіемъ она дала бы свободу своему раздраженному чувству! Но вмѣсто того она слабо улыбулась ему и сказала:

— Я въ самомъ дѣлѣ немножко плакала. Но вѣдь дѣвичьи слезы—роса, не правда ли?

— Не слѣдуетъ плакать такимъ смѣлымъ глазамъ какъ ваши. Могу я спросить что случилось? съ участіемъ сказалъ Безбѣдный.

— Ничего особеннаго. Къ сожалѣнію то-то и скверно, отвѣтила Полина.—Есть малороссійская пословица: гирше, або инше. Хоть хуже, да лишь бы иначе. Вы этого вѣрно никогда не чувствовали?

— Я больше придерживаюсь русской пословицы: отъ добра добра не ищутъ, отвѣтилъ съ довольнымъ смѣхомъ Безбѣдный.—Но какія горести могутъ васъ тревожить, княжна? Вы такъ молоды, у васъ такъ много правъ занять въ жизни привилегированное мѣсто...

— О, что касается до моихъ правъ, то я до сихъ поръ еще не рѣшила какую они имѣютъ цѣну, возразила съ горечью Полина.—Повидимому никто не слѣдуетъ съ ними справляться. А жаль, потому что я собираюсь воспользоваться самымъ несомнѣннымъ изъ нихъ—выпрыгнуть изъ окна, когда домъ занялся дымомъ.

Она встала, какъ будто только-что сказанныя слова разбудили утихшее на минуту волненіе, машинально раскрывла лежавшій на столѣ альбомъ и тотчасъ оттолкнула его отъ себя. Близко освѣщенное лампой лицо ея было блѣдно, и кружевная подшивка рукава замѣтно трепетала отъ дрожи въ рукахъ. Безбѣдный наблюдалъ за нею съ подозрительнымъ вниманіемъ человѣка привыкшаго быть насторожѣ противъ всякаго наладенія.

— Это очень грустно, то что вы говорите, сказалъ онъ.

Ожанская, тихо шевеля по ковру своимъ шелковымъ платьемъ, вышла поторопить съ чаемъ. Она не слѣдила

возвратиться, догадавшись съ свойственнымъ женщинамъ инстинктомъ что въ ея отсутствіи можетъ быть сказано нѣчто очень важное для обоихъ.

Полина подняла на Безбѣднаго задумчивые глаза.

— Кажется мы иногда сочувствовали другъ другу? сказала она.—Я вѣрю что вамъ грустно меня слушать. Когда я гляжу на себя со стороны, мнѣ самой невыразимо грустно. Изъ меня могъ бы выйти хорошій человѣкъ, да видно не судьба.

— Что вы хотите сказать? Вы рѣшаетесь на какой-нибудь рискованный шагъ? спросилъ Безбѣдный.

Полина сѣла на прежнее мѣсто поодаль отъ лампы и обмахнула лицо платкомъ. Отъ этихъ слезъ, которыхъ Безбѣдный не видѣлъ, но которыя онъ чувствовалъ на ея глазахъ, странное ощущеніе пробѣжало холодкомъ по его нервамъ. Что-то похожее на исполненную нѣжнаго состраданія симпатію слабо шевельнулось въ его сердцѣ.

— Я говорю: видно не судьба, повторила Полина. — Я могла бы быть счастлива и составить счастье другаго. Но ждать некогда. Жить въ семьѣ мнѣ невозможно, и я или выйду замужъ за перваго встрѣчнаго, или уйду куда-нибудь—въ гувернантки, въ сестры милосердія, въ актрисы—какъ случится. Вы не будете слишкомъ осуждать меня?

— По какому праву? возразилъ задумчиво Безбѣдный.

„Рискуется... Замаскированная атака“... мелькнуло у него въ умѣ.

— И можетъ-быть даже пожалѣете меня немножко, зная то что намъ иногда было не скучно другъ съ другомъ? продолжала Полина.

— Вы можете возбуждать зависть, а не сожалѣніе, клякша, отвѣтилъ Безбѣдный.—Я увѣренъ что вы выйдете замужъ за человѣка вполне вась достойнаго, который сумѣетъ цѣнить вась и составить ваше счастье.

Полина послѣ короткой паузы разсмѣялась натянутымъ, невзвучнымъ смѣхомъ.

— Въ такомъ случаѣ этотъ достойный человѣкъ долженъ потролиться, сказала она.—Я сейчасъ говорила Софѣ Александровнѣ что первому кавалеру, съ которымъ буду танцовать на ликиикѣ, предложу свою руку и сердце.

— Такъ вы будете на ликиикѣ? подхватилъ Безбѣдный, обрадованный что можно переменить разговоръ.

Олжанская въ эту минуту вернулась изъ столовой.

— Софья Александровна, кого вы мнѣ представите для перваго контрданса? мнѣ хочется знать свою судьбу, обратилась къ ней съ тѣмъ же натянутымъ смѣхомъ Полина, не отвѣчая на послѣдній вопросъ Безбѣднаго.

— Я вамъ буду представлять только женатыхъ, пошутила Олжанская.

— Ну, это уже жестоко: вы хотите чтобъ я не только сама сдѣлала предложеніе, но даже и ангажировала бы сама! продолжала въ томъ же напряженномъ тонѣ Полина. — А вы, Евгенийъ Савичъ, не знаете ли какого-нибудь антрепренера? Я могу играть во всѣхъ амплуа, отъ королевы до субретки, съ куластами и безъ куластовъ...

Олжанская засмѣялась чтобы замаскировать ощущеніе неловкости, которое всѣ испытывали. Она догадалась что въ ея отсутствіе взаимное отношеніе между ея гостями сдѣлалось очень натянуто, и почти съ неудовольствіемъ взглянула на Безбѣднаго. А Безбѣдному было тоже неловко: онъ догадывался что Полина также точно читаетъ въ его мысляхъ, какъ и онъ между строками ея рѣчи. Но въ глубинѣ души онъ былъ очень доволенъ что избавился отъ грозившей ему опасности, и принялся внимательно мѣшать ложечкой въ стаканѣ.

— А вы развѣ не хотите? спросила Олжанская Полину.

— Нѣтъ, мнѣ домой надо. Палъ и такъ я думаю въ ужасѣ что я пропала, отвѣтила княжна.

— Такъ смотрите же, душечка, не раздумайте на пикникъ, напомнила Олжанская, съ особеннымъ чувствомъ цѣлуя ее прямо въ губы.

Полина сказала что „не знаетъ“.

XII.

Неудача привела Кокò въ очень дурное расположеніе духа. Повязывая галстукъ и расчесывая фестоны по обѣимъ сторонамъ своего англійскаго пробора, онъ глядѣлся въ зеркало съ такимъ выраженіемъ, какъ будто предъ нимъ стоялъ человѣкъ лично его оскорбившій. Кое-какія мыслы, мотавшіяся въ его головѣ, складывались въ ворчащую форму. Онъ убѣдился что нѣтъ ничего хуже какъ имѣть

дѣло съ душой. Прежде онъ никогда не интересовался знать, есть ли у женщины умъ или нѣтъ, но теперь видѣлъ что это была ошибка. Еслибы маленькая Аннетъ не была такъ глупа, она не разстроила бы планъ, который онъ такъ хорошо обдумалъ. По настоящему ей сдѣдовало бы возвратить ему вчерашній подарокъ, если она не хочетъ выйти за него замужъ. Онъ могъ бы обижать его на цѣлую дюжину галстуковъ. Право, стоить сказать monsieur Нестор'у, чтобъ онъ переписалъ бездѣлку на счетъ этого скота, Карича.

Когда Кокдъ бывалъ не въ духѣ, и безъ денегъ, онъ обыкновенно являлся къ семейному завтраку. Но Луховенки въ нѣдрахъ своего семейства ѣли плохо, и скудная порція макаронъ, приправленныхъ какою-то подозрительною подавкой, не могла разсѣять тучи собравшейся на низкомъ лбу молодого человѣка.

— Что ты какъ сычъ какой глядишь? спросилъ его Павелъ Юрьевичъ.

Кокдъ презрительно поковырялъ вилкой и проворчалъ, отодвигая тарелку:

— Я не понимаю какъ можно кормить такою гадостью. Почему нѣтъ говядины?

— Что жъ все говядина! возразила обиженнымъ тономъ мать.

— Есть, мой милый, вещи поважнѣе говядины, замѣтилъ отецъ. — Вотъ женишься на Каричѣ, она будетъ кормить тебя ростбифами.

— Ну, папа, я вамъ скажу что это никуда не годится, возразилъ Кокдъ. — Она слишкомъ глупа чтобъ имѣть съ ней дѣло.

— А-а! сказалъ отецъ, съ гнѣвомъ кидая на столъ салфетку.

Потомъ онъ прибавилъ тшме:

— Да я ни минуты и не надѣялся, чтобъ она пошла за такого болвана. Я по первымъ словамъ Карича видѣлъ что это вздоръ.

Кокдъ только произнесъ: Пе!

— Ты всегда на него наладаешь, вступилась мать. — Что жъ онъ по-твоему не стоить Анетки что ли?

— А вотъ пусть женится, тогда и увидимъ чего онъ стоить, проговорилъ съ досадою Павелъ Юрьевичъ.

— И увидите. Я еще гораздо лучше женюсь, сказалъ совершенно увѣренно Кокѳ.

Отецъ даже ничего на это не замѣтилъ, такъ нехотѣли показались ему слова сына. Но вставая изъ-за стола онъ не удержался чтобы не сорвать накупившую досаду:

— Обратись лучше къ старинному способу: поище черезъ свахъ, въ Ямской, сказалъ онъ.

— Пс! отозвался Кокѳ.

Онъ вынулъ въ стаканъ остатки краснаго вина, фигурировавшаго за семейнымъ столомъ еще со дня раута, и съ четверть часа сидѣлъ, поставивъ оба локтя на столъ, съ созерцательнымъ выраженіемъ на недовольномъ лицѣ. Потомъ онъ вышелъ въ переднюю, наляпалъ на себя щеголеватое, но очень легкое пальто съ оторочкой изъ какого-то перусскаго мѣха, и вооружившись моноклемъ и тросточкой, направился къ Бакшеевымъ.

Было большимъ рискомъ съ его стороны идти туда послѣ того какъ старый князь почти выгналъ его изъ дому. Но Кокѳ обладалъ своего рода смѣлостью, происшедшею отчасти изъ сознанія что очень трудно заставить его почувствовать оскорбленіе. Во всякомъ случаѣ онъ находилъ что не сдѣлалъ князю ничего дурнаго и поэтому можетъ совершенно спокойно смотрѣть ему въ глаза. Если его не примутъ, то онъ по крайней мѣрѣ велитъ передать Полину что ему очень нужно ее видѣть, и она можетъ-быть назначить ему свиданіе у Олжанской или даже прійдетъ къ нимъ.

Къ удивленію, лакей впустилъ его прямо въ гостиную. Едва онъ успѣлъ взглянуть на себя въ зеркало, какъ высокая фигура князя, въ пальто и въ спальныхъ сапогахъ, появилась на порогѣ.

— А, это вы, сказалъ князь, не находя нужнымъ подать ему руку. — Вы можетъ-быть пришли поблагодарить что Полина была у васъ на балѣ? Такъ вѣдь она лотихоньку, а бы не пустила.

— Маманъ дѣйствительно поручила мнѣ передать... Почему же однако вы не пустили бы? сказалъ Кокѳ, стараясь принять по возможности независимый видъ.

— Да потому что ей тамъ не мѣсто. Олжанская, та другое дѣло; а Полина не мѣсто.

— Ну, я не знаю. У насъ все очень хорошо было. Баронъ Грабенъ былъ.

— Овъ, чай, не двѣца? Ну да ничего, сядьте, а вы барышнямъ чтобы вышли къ вамъ поболтать. Чѣмъ въ какихъ долгополыхъ сюртукахъ? Мода такая что ли?

— Да, теперь такъ шьютъ, отвѣтила съ достоинствомъ Кокò, олускаясь въ кресло. Но въ эту самую минуту тушь, лежавшій на коврѣ подъ кресломъ, такъ громко злобно рывкнулъ что Кокò какъ подстрѣленный вскинулъ на ноги. Старикъ расхохотался и раскашлялся.

— Цыцъ, Картушка, цыцъ! прикрикнулъ овъ, махавши краснымъ фуларомъ, — цыцъ, каналья! Это овъ недрогнулъ къ долгополымъ-то. Сядьте, не тронетъ.

Князь очевидно былъ въ отличномъ расположеніи духа. Это съ нимъ случалось иногда послѣ крупныхъ ишекъ и ссоръ, и Сикантея говорила что овъ хотя лѣтъ отходчивъ. Въ такихъ случаяхъ вмѣсто лютости и являлось только не лишенное язвительности благодушіе. Язвить овъ вообще любилъ и считалъ себя весьма умнымъ и острымъ человѣкомъ.

Шампая по полу спальными салагами, овъ подошелъ „дѣвичьей“ и приотворивъ немного дверь, крикнулъ тише.

— Алина! Полина! Надина! Кто изъ васъ въ ту комнату Гость пришелъ!

На это приглашеніе отозвались только двѣ маленькія дѣвушки: сестры нѣсколько стыдились что ихъ такъ много и потому избѣгали появляться вмѣстѣ. Жертвовала собой новенно старшая, некрасивая Алина.

Князь усѣлся въ кресло и устремилъ на молодежь проницательный взглядъ.

— Поболтайте, поболтайте, а тоже послушаю, проговорилъ овъ съ явной насмѣшкой подъ лаутовато-простодушнымъ тономъ.

Разумѣется „поболтать“ въ такой обстановкѣ было совершенно неудобно. Кокò чувствовалъ что языкъ его упрямится и чувствуетъ способность движенія. Ему хотѣлось сказать что-нибудь пріятное для князя, но умъ его былъ такъ притупленъ присутствіемъ этой заводящей страхъ фигуры что ни одна подходящая мысль не являлась въ голову. Наконецъ овъ остановился на томъ соображеніи что князь въ качествѣ старика и патріота долженъ интересоваться славянскими вопросами.

— Вчера меня познакомили съ однимъ добровольцемъ, и онъ очень интересно разказывалъ, знаете, про ту замѣчательную сербскую побѣду! сказалъ онъ.

— Вреть должно-быть, отвѣтилъ князь.—Сербы все врутъ. Разбѣгутся, да съ разбѣгу и врутъ. Куда имъ Турокъ бить!

— Да, но Черногорцы? возразилъ Кокѳ.

— Тѣмъ что — разбойники! отозвался князь.— Жрать нечего, они и рѣжутся.

— Однако въ народѣ большое одушевленіе, продолжалъ нѣсколько обитый Кокѳ.—Мы разказывали, одинъ старый унтеръ-офицеръ, съдой совсѣмъ, лѣтомъ явился въ Комитетъ—такъ и такъ говорить, отправьте меня на войну; Царю я уже послужилъ, теперь хочу спасенье души заслужить. Ну, въ Комитетѣ на него посмотрѣли, говорятъ: Куда тебѣ, старъ очень, не годисься. Такъ онъ даже заплакалъ. Пустите говорить на Турку, хоть одного да убью, все польза будетъ. Право, это.... это черта замѣчательная.

— Какая жь черта? возразилъ князь.— Выливши вѣрно былъ. Пьяницы они всѣ, эти отставные. Намедаюсь тоже одинъ такой взялся у меня дождевую трубу поправить, да и свалился съ крыши. Какая жь тутъ черта?

— Да, если такъ смотрѣть, разумѣется.... я не спорю... проговорилъ окончательно озадаченный Кокѳ.—Но и молодежь тоже рвалась. Даже былъ случай съ гимназистами... Впрочемъ я всегда говорилъ, нынѣшняя молодежь не то что прежняя. Прежде гораздо лучше было. Я думаю вы съ удовольствіемъ, князь, вспоминаете свое время?

— Почему же съ удовольствіемъ? Пустѣйшее было время.

— Да, во все-таки.... Духъ другой, люди другіе были....

— Конечно другіе. А все-таки скеты были.

Кокѳ больше ничего не могъ придумать чтобы угодить князю, и обратился къ Полиѣ. Онъ надѣялся что старику надобно въ наконецъ лефмыривать, и рѣшился пересидѣть его. Но князь повидимому не располагалъ лекинуть своего кресла, и зашмуривъ глаза слегка кивалъ головой, какъ бы обнаруживая тѣмъ свое участіе въ разговорѣ. Тогда Кокѳ, преодолевая страхъ и пренебрегая опасностью, принялся изощреннѣе ногой дразнить лежавшаго подъ нимъ Картуша. Послѣдній ограничиваясь сначала однимъ рычаніемъ, но наконецъ вылезъ на середину комнаты и подымъ носъ принялся такъ кенотово лаять что князь долженъ былъ встать и увести его въ свой кабинетъ.

Какъ только онъ вышелъ, Полина пересѣла къ окну и Кокѣ тотчасъ подошелъ къ ней.

— Знаете, это я нарочно, сказалъ онъ.

— Чтѣ такое?

— Картушъ. Я его потихоньку ногой. Ужасно неудобно разговаривать когда лапаша тутъ сидитъ.

— Онъ всегда вотъ такъ садится.

— Ужасно неудобно. Въ особенности мнѣ сегодня надо что-то сказать вамъ.

— На счетъ ликуика?

— Нѣтъ, очень важное.

— Ну говорите.

— Право.

Кокѣ поправилъ воротнички и потрогалъ рукой около пробора, какъ бы желая убѣдиться, сохраняетъ ли онъ свое мѣсто.

— Очень важное. Я не знаю отчего вашъ лапъ всегда такой сердитый. Никогда не знаешь съ какой стороны подойти къ нему. Я думаю съ нимъ очень трудно имѣть дѣло.

— Это и есть то чтѣ вы хотѣли сказать?

— Нѣтъ, я только такъ. Видите ли, это очень трудно. Еслибы лапа не былъ такой, я бы давно сказалъ.

Полина съ видомъ нетерпѣнія повела плечомъ.

— Ничего не понимаю, сказала она.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Представьте еслибы я захотѣлъ просить у него вашей руки.

— Какой вздоръ! сказала слегка вздрогнувъ Полина.

— Разумѣется я бы прежде переговорилъ съ вами. Чтѣ бы вы сказали?

— Чтѣ такъ не дѣлаютъ предложенія.

— Ну, это не то. Главное, вы меня поняли. Это всегда ужасно трудно объяснить.

Онъ чуть не прибавилъ: особенно два дня сряду.

Надѣвъ, слышавшей кое-что изъ этого разговора, вдругъ стало такъ страшно что она торопливо, на дыпочкахъ, вышла изъ гостиной. Полина глядя на Кокѣ изглазъ полный тайнаго и мучительнаго недоумѣнія.

— Вы такъ странно объясняетесь что я не знаю какъ вамъ отвѣтить, сказала она.—Обдумали ли вы вполнѣ то чтѣ говорите?

— Чтѣ жъ мнѣ обдумывать? возразилъ Кокѣ.—Это вамъ

надо обдумать. Я буду очень счастливъ если вы согласитесь быть моею женой.

— Но почему вамъ вдругъ вздумалось? произнесла Полина все съ тѣмъ же мучительнымъ взглядомъ, обращеннымъ куда-то въ глупину.

— Вовсе не вдругъ, отвѣтилъ Коко.—Видите ли, я не умѣю говорить этихъ вещей. Вы мнѣ всегда нравились. Почему бы вамъ не сдѣлаться моею женой, если вы согласны?

За большою гостинойю была другая, маленькая, отдѣлявшаяся портьерой. Полина встала, и закрывъ лицо руками быстро перешла туда. Коко, недоумѣвая, взглянулъ за нею. Полина сѣла, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, а по частому вздрагиванью плечъ видно было что она плачетъ.

Каждую минуту князь могъ вернуться. Коко не хотѣлъ терять времени. По нерѣшительному отвѣту Полины, по ея слезамъ, онъ видѣлъ что можетъ надѣяться. Онъ быстро подошелъ къ ней и дотронулся рукой до ея руки.

Въ рѣшительныхъ случаяхъ жизни очень маленькіе люди бываютъ иногда велики. Коко тоже былъ почти великъ, когда сказалъ княжѣ:

— Минуты дороги. Намъ могутъ помѣшать. Я знаю что буду хорешимъ мужемъ. Скажите ваше слово.

Полина медленно подвигая на него свои заплаканные глаза.

— Не удивляйтесь что я плачу: у меня нервы ужасно разстроены, сказала она.—Хорошо.

— Что хорошо?

— Ахъ, Боже мой! Ну да, я согласна.

Коко осторожно оглянувшись, и нагнувшись поцѣловалъ у Полины руку.

— Разумѣется, сказалъ онъ,—вотъ вы увидите, все очень хорошо будетъ.

Слезы продолжали катиться крупными каплями по лицу Полины. Она забыла о платкѣ и отирала ихъ голыми руками.

— Но послушайте... лапа никогда не согласится... говорила она, улыбаясь и плача.

Коко самъ зналъ что князь не согласится, и у него былъ планъ какъ все устроить; но онъ не умѣлъ его высказать такъ чтобы Полина не могла оскорбиться.

— Что жъ вы сдѣлаете? сказала она.

— Я не знаю. Я думаю надо такъ сдѣлать чтобы лапа согласилась. Видите ли какъ я придумалъ...

Полина яугливо подняла голову: за портьерой самшю было шуршанье спальных салоговъ князя. Она знакомъ остановила Кoko.

— Будьте осторожны, сказала она, и прибавила по-англійски:—надо найти случай. Подождите на лѣстницѣ.

— Very well, отвѣтилъ Кoko, знавшій немного этотъ языкъ.

Полина быстро и крѣпко положила ему руку и пошла навстрѣчу князю. Кoko, повертѣвшись съ минуту, сталъ прощаться. Но выйдя за дверь, онъ вмѣсто того чтобы спуститься съ лѣстницы досталъ изъ кармана портсигаръ, раскурилъ папироску, и обмахнувъ носовымъ платкомъ подокозникъ, спокойно усѣлся на немъ въ ожиданіи княжны. Онъ былъ совершенно доволенъ собою и снисходительно думалъ о томъ что какъ бы то ни было, а Полина, какъ женщина, не хуже будетъ маленькой Аветки.

XIII.

Ему не долго пришлось ждать: онъ не успѣлъ докурить папироски, какъ дверь тихо отворилась, и Полина вышла на лѣстницу. На ея лицѣ еще оставались слѣды слезъ, и выраженіе было серьезно и почти тоскливо.

— Переговоримте, сказала она.

Кoko бросилъ на каменную плиту окурокъ папироски.

— Я не думаю чтобы лалашу можно было убѣдить, сказалъ онъ.—Вамъ лучше убѣжать.

— Обвѣчаться тайно?

— Нѣтъ, убѣжать. Такъ чтобы былъ скандалъ.

Полина съ удивленіемъ раскрыла на него глаза.

— Видите ли, продолжалъ Кoko,—я такъ придумалъ. Вы убѣжите со мной, и мы возьмемъ маленькую квартирку въ гостиницѣ. Помято, это должно васъ компрометтировать.

— Къ чему вы говорите? Я никогда такъ не одѣлаю, возразила Полина.

— Нѣтъ, вы подумайте. Когда лала узнаетъ что вы убѣжали со мной, и что объ этомъ говорить въ городѣ, онъ долженъ будетъ согласиться на нашъ бракъ.

Полина гордо покачала головой.

— Я этого не одѣлаю, повторила она.

— Не знаю, отчего вамъ не сдѣлать? возразилъ Кокѡ.— Вѣдь вы все равно выйдете за меня замужъ. По крайней мѣрѣ я буду знать какъ прижать лалѣ.

Полина догадалась наконецъ, почему Кокѡ настаивалъ на этомъ лалѣ.

— Вы хотите заставить лалѣ выдать мое приданое? сказала она, чувствуя какъ краска бросилась ей въ лицо.— Успокойтесь, онъ дастъ и такъ. Онъ не станетъ мстить, когда увидитъ что нельзя измѣнить того что случилось. Во всякомъ случаѣ какъ онъ захочетъ, я не сдѣлаю ничего чтобы вынудить у него мое приданое.

Кокѡ съ нерѣшительнымъ и задумчивымъ видомъ показался на ногахъ.

— Видите ли, по-моему деньги всегда охотнѣе выдаютъ, когда къ этому понуждаютъ, сказалъ онъ.— Когда я хочу получить отъ моего отца, я всегда выдумываю что-нибудь послѣднее.

— Я не стану, нетерпѣливо повторила Полина.— Мнѣ не надо. Притомъ у меня есть наслѣдство покойной матери. Она оставила завѣщаніе.

Это обстоятельство значительно смѣняло дѣло. Конечно, собственныя лалѣ нравились Кокѡ гораздо больше, потому что такъ ему казалось вѣрнѣе добыть приданое отъ стараго князя. Но если Полина не соглашается, то можно удовольствоваться пока тѣми деньгами которыя она получитъ изъ наслѣдства матери. Кокѡ не былъ очень жаденъ, но онъ хотѣлъ имѣть что-нибудь въ рукахъ.

— Потому что, видите ли, я самъ никогда не могъ много приобрести, объяснилъ онъ Полину.— Я думаю что лалѣ дѣйствительно не станетъ вамъ мстить за то чего нельзя поправить. Это было бы очень глупо съ его стороны.

Ему было непріятно чувствовать на себѣ страшный, неприязненный и тоскливый взглядъ Полины. Ему казалось что она смотритъ на него такъ, какъ будто усиливается видѣть въсто него что-то другое. Потомъ брови ея сдвинулись, и лицо приняло такое жесткое, почти злое выраженіе, что онъ сказалъ съ несвойственною ему живостью:

— Вы не обращайтесь вниманія. Я сдѣлаю какъ вы хотите.

— Вы должны будете всегда дѣлать какъ я хочу. Слышите? почти крикнула на него Полина, и до боли сжала себѣ пальцы.

Кокѡ поигралъ моноклемъ.

— Вы увидите, все будетъ отлично, сказалъ онъ.

Полина разжала пальцы и уронила руки. Тоскливое, страшное выраженіе все еще блуждало по ея лицу.

— Мнѣ кажется вы не злой человѣкъ, проговорила она.

Кокѡ вмѣсто отвѣта склонилъ голову. Но состояніе нерѣшительности, овладѣвшее Полиной, продолжало стѣснять ея мысль. Это былъ не страхъ, но какое-то расслабленіе воли, какъ будто ноги ея не повиновались чтобы сдѣлать необходимый шагъ. Она взялась за ручку двери.

— Ну, такъ вотъ чтѡ... въ нѣсколько минутъ не обдумаешь всего... сказала она.—Я теперь ничего не могу сеобразить. Подождите до завтра... или до вечера... а вамъ дамъ окончательный отвѣтъ.

— Но вѣдь вы уже дали слово? возразилъ съ легкимъ испугомъ Кокѡ.

— Я не про то. Но вѣдь надо же сообразить, какъ все сдѣлать, и когда. Можетъ-быть я еще попытаюсь...

— Сказать papà?

— Не знаю, не знаю, дайте мнѣ нѣсколько часовъ. Я приду отвѣтъ. Прощайте.

И она быстро скрылась за дверью. Кокѡ слышалъ, какъ слабо стуканулъ желѣзный больтъ. Ему больше ничего не оставалось какъ спуститься съ лѣстницы, чтѡ онъ и сдѣлалъ, унося съ собою смѣшанное чувство торжества и нѣкотораго разочарованія.

День тянулся для него очень медленно. Никакой вѣсти отъ Полины не приходило. Вечеромъ онъ нарочно остался дома, и въ первый разъ въ теченіе можетъ-быть десяти лѣтъ раскрылъ какой-то завалавшійся на этажеркѣ романъ. Но никто не явился къ нему отъ Полины, и онъ легъ спать въ очень недовольномъ и даже тревожномъ состояніи духа.

Наконецъ на другой день, уже предъ самымъ обѣдомъ, ему подали записку. Въ ней стояли слѣдующія строки:

„Я кажется поступила очень глупо, сдѣлавъ попытку переговорить съ отцомъ. Впрочемъ нѣтъ: это все-таки слѣдовало сдѣлать. Нравственно я теперь спокойнѣе. Если вамъ все равно, то лучше скорѣе. Распорядитесь обо всемъ сами. Являться сюда вамъ разумѣется нельзя, но если я увижу васъ въ окно, то мы можемъ встрѣтиться на лѣстницѣ. Только я еще не оказала вамъ самаго главнаго. Я

хочу чтобы вы помнили почему я выхожу замужъ. Если это способно поколебать васъ, то вы въ правѣ считать какъ будто между нами ничего не было сказано. Подумайте объ этомъ за меня, потому что я не въ состоянii думать. И тогда дѣлайте какъ знаете.“

Коко сунулъ записку въ портсигаръ.

Онъ еще никогда не являлся къ семейному обѣду съ такимъ сосредоточенно-торжественнымъ и замысловатымъ выраженіемъ лица, какъ въ этотъ день.

— Что ты такимъ именинникомъ смотришь? не удержался отъ замѣчанія Павелъ Юрьевичъ.

— Ну, папа, вы напрасно говорили что я болванъ, и все такое, прощѣдилъ Коко, закладывая салфетку за луговицу.

— Кто жь это тебя такъ разувѣрилъ? спросилъ отецъ.

— Я вамъ говорилъ что женюсь гораздо лучше чѣмъ на Каричъ, и вотъ теперь вы увидите! отвѣтилъ Коко.

— Говори толкомъ, молвилъ съ явнымъ недоверіемъ Павелъ Юрьевичъ.

— Очень просто: я одѣлалъ предложеніе княжнѣ Полинѣ.

— Ну?

— Пфе! разумѣется она очень счастлива.

— Будто ужъ счастлива? на шею кинулась?

— Вотъ мы не вѣрите. Черезъ нѣсколько дней свадьба. Отецъ разумѣется не согласенъ, но мы рѣшили обвѣнчаться тайно.

— Какъ такъ тайно? Это еще что за вздоръ? встревожился Павелъ Юрьевичъ.

Коко откинулся на спинку стула и наверхъ въ потолокъ ленточку отъ монокла.

— Что жь такое? прощѣдилъ онъ.

Прасковья Викторовна тоже была встревожена, но съ другой стороны ей очень льстило что княжна Бакшеева будетъ тайно вѣнчаться съ ея сыномъ. Если только онъ не совралъ опять, добавляла она мысленно. Но въ присутствіи мужа она не хотѣла допрашивать Коко, потому что Павелъ Юрьевичъ, по ея мнѣнію, былъ несправедливъ къ нему, и разчитывала послѣ узнать все подробности.

— Что жь такое? повторилъ Коко, продолжая махать стекляншомъ. — Старый князь совсѣмъ не понимаетъ что дочерей надо выдать замужъ. Но Полина давно меня любитъ. Я еще въ прошломъ году говорилъ что женюсь

на ней. Elle est tres-bien. Она гораздо лучше маленькой Аннеты: Потрите-ка за шампанскимъ. Она проситъ какъ можно скорѣй. Старый вѣроятно поартачится первое время, но потомъ разумѣется отдастъ ей часть. Все-таки онъ ее любить больше другихъ. Вчера онъ былъ очень любезенъ со мною. Я ему разказывала про Черногорцевъ. Увидите, Полина сумѣетъ все это устроить. Притомъ у нея есть собственный капиталъ, отъ матери. Вамъ необходимо достать денегъ, и какъ можно скорѣе. Je veux trancher dans le vif. У меня это было гораздо лучше придумано, но она не хочетъ. У женщинъ всегда есть предрасудки. Послѣ свадьбы мы вѣроятно сейчасъ поѣдемъ за-границу.

Павелъ Юрьевичъ молчалъ. Онъ не совсѣмъ довѣрялъ сыну и не совсѣмъ надѣялся чтобы дѣло могло устроиться такъ благополучно какъ тотъ ожидалъ. Зная Полину и ея семейную обстановку, онъ допускалъ что она способна выйти за кого угодно, и даже безъ согласія отца. Но могло случиться что старый князь ничего не дастъ. О наследствѣ матери тоже ничего вѣрнаго онъ не зналъ. Но ему такъ надоѣло лаячьиться съ сыномъ, что мысль какъ бы то ни было устроить его и развязаться съ нимъ была для него очень успокоительна.

— Денегъ тебѣ много не надо, сказалъ онъ, когда Кокѳ наконецъ истощился въ краткихъ періодахъ красноречія. — Сколько нужно, я дамъ. Но я ни во что не выѣшиваюсь, ничего не знаю и ни за что не отвѣчаю. Вѣтъ тебѣ мой отвѣтъ. Дѣлай на свой страхъ.

— Разумѣется, процѣдилъ Кокѳ.

Въ „дѣвичьей“ у Бакшеевыхъ въ этотъ день было необыкновенно тихо. Хотя старый князь, послѣ бурной ещѣ поутру, не показывался изъ спальни, но сестры говорили шепотомъ и ходили на цыпочкахъ. Несмотря однакожь на эту тишину, всѣ были возбуждены въ чрезвычайной степени. Въ душной атмосферѣ чувствовалось приближеніе не то грозы, не то какого-то переворота, и всѣ жутко и радостно ждали, волновались и судили. Полина выходила замужъ! Полина объяснялась съ отцомъ! Полина рѣшилась тайно обвѣнчаться! Это было такъ необычайно, странно и весело, что сестрамъ казалось будто стоячая вода жизни внезапно получила движеніе. Страшные страхи, изумитель-

ныя соображенія выливались въ нескончаемомъ, взволнованномъ шутканьи...

Одна только Полина была молчалива. Облокотившись на окно, она машинально щипала листки молодого мирта, подымавшего изъ жардиньерки свою мелкую зелень. Странное, почти презрительное выраженіе блуждало на ея лицѣ. Она словно глядѣла постороннимъ, сухимъ и надменнымъ взглядомъ на ту Полину которую называли гордою и изящною, которая мечтала пройти гдѣ-то высоко надъ жизнью, безглавно отряхая ея прахъ и тину. Что жъ что ты гордая, изящная, безглавая?—какъ будто говорили презрительно сжатые губы.—Кому это нужно? Сила притяженія тянетъ внизъ, а не вверхъ. Она уже потянула миллионы живыхъ существъ, потянетъ и тебя...

В. АВСЪЕНКО.

ПОДЪ ГРОМОМЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ*

(Изъ дневника веденнаго покойнымъ А. Д. Камовскимъ въ Крыму, во время военныхъ дѣйствій 1853 года.)

*6го сентября, понедельник. Лагерь на рѣкѣ Альма. На-
конецъ наша военная жизнь, въ настоящемъ смыслѣ этого
слова, началась! Всѣ встреленулись и радуются что при-
шлось увидѣть врага носъ къ носу.*

1го сентября, по телеграфу, дали знать что флотъ въ чи-
слѣ семидесяти судовъ показался въ виду Севастополя. Все
зашевелилось. Коней осыдлали и какъ князь Меншиковъ,
такъ и вся его свита, а въ томъ числѣ и я грѣшный, а так-
же и прочія севастопольскія власти послѣжили поѣхать на
ближайшія къ морю возвышенности чтобы посмотрѣть на
эту армаду.

Направленіе принятое флотомъ обозначалось къ Евпа-
торіи.

* Авторъ предлагаемыхъ записокъ, бывшій воспитанникъ Царско-
сельскаго Лицея, сенаторъ и статсъ-секретарь, скончавшійся въ 1863
году сорока восьми лѣтъ отъ рожденія, въ эпоху Крымской войны
состоялъ при главнокомандующемъ, князѣ Меншиковѣ, и будучи
его постояннымъ спутникомъ, велъ записки ото дня ко дню подъ
горячимъ впечатлѣніемъ событій.

Съ вѣтра того же чина рѣшено было что князь оставляетъ Севастополь и ѣдетъ съ ранняго утра слѣдующаго дня на позицію для соединенія съ войсками, которые были уже размѣщены въ окрестностяхъ Мамашая и Буряка. Шестой корпусъ подъ командой князя Петра Дмитриевича Горчакова и другія, присоединенныя къ нему войска, такъ какъ корпусъ былъ не въ полномъ составѣ, должны были идти туда же къ Буряку на позицію.

Движеніе сдѣлалось общимъ. Горцы зашевелился. Прощаясь съ моими добрыми знакомыми, повсюду слышалъ восклицанія: „ну наконецъ-то пришли! наконецъ-то начнутся дѣйствія! Вотъ гдѣ разрѣшеніе задачи.“

Дамы со страхомъ, а мужчины съ одушевленіемъ говорили о появленіи враговъ. Духъ въ войскѣ славный!.. Все горитъ нетерпѣніемъ сразиться. Мнѣ не нравится только что отвѣтъ нашъ не совсѣмъ какъ-то весело смотритъ. Правда и то—отвѣтственность страшная на плечахъ!..

2го сентября, въ четвергъ, отправивъ письма домой и къ друзьямъ въ Петербургъ, пустился верхомъ съ полковникомъ Вушкетъ на рѣку Качу, въ деревню Мамашая, для соединенія съ княземъ, который остановился на ночлегъ въ домѣ занимаемомъ командиромъ гусарскаго герцога Лейхтенбергскаго полка.

Весь день дождь лилъ какъ изъ ведра. Мы ѣхали тихо и дорогой разсуждали: что-то насъ ожидаетъ? Какова-то будетъ развязка этого появленія враговъ? Мнѣ все что-то еще сдавалось что это только демонстрація съ ихъ стороны, хотя съ утра 2го сентября дали знать что болѣе 200 судовъ видно въ морѣ и всѣ идутъ по направленію къ Евпаторіи.

Около четырехъ часовъ вечера мы прибыли на дачу. Весь штабъ князя уже былъ тамъ, мы застали его въ веселой бесѣдѣ за чайнымъ столомъ. Потомъ поставили сытый ужинъ, добраго вина нѣсколько бутлякъ, каждому указана была походная постель для отдыха.

Я пошелъ къ князю. Какъ-то странно мнѣ показалась его встрѣча. Онъ будто не совсѣмъ былъ доволенъ что я оставилъ Севастополь.

— Равно вы присоединились, сказалъ мнѣ свѣтаѣйшій.— Еще дѣла не предвидится.

Меня это разсердило немного, такъ что я отвѣчалъ:

— Если прикажете я сейчасъ возвращусь.

— Нѣтъ, я вовсе не къ тому это говорю, поторопился прервать меня князь;—я очень радъ, милости просимъ: будемте бивуачничать.

Все время нашего разговора онъ лежалъ на постели и не въ нормальномъ какъ мнѣ казалось состояніи.

Между тѣмъ дождь не переставалъ стучать въ окна. Враги уже высаживались на берегъ. Безпрестанно приходили къ намъ объ этомъ свѣдѣнія. Мы радовались что несовооно гостепріимно и радушно принимаетъ ихъ незваныхъ, не-прошенныхъ крымскій каимать.

Утромъ 3го числа, въ пятницу, послѣ богатырскаго сна на бивуачной постели я всталъ и увидѣлъ что всѣ уже на ногахъ и готовятся къ дальнѣйшему походу.

Не длинны и не долги были и мои обзоры. Съ полковникомъ Вуншемъ мы уговорились во все время похода быть вмѣстѣ. Онъ человѣкъ бывалый и опытный, и для меня его сотоварищество истинно кладъ.

Въ пятницу мы пришли сюда и расположились на позиціи, гдѣ и теперь находимся: на южной сторонѣ рѣки Алымы, на высотахъ Буряюкскихъ. Войска 18й, 14й, 16й и 17й дивизій сюда же притянулись и расположились въ боевой позиціи на бивуакъ.

Штабъ нашъ не увеличился новыми лицами. Все тѣ же адъютанты, тотъ же полковникъ Вуншъ, а вчера прибылъ сюда и дипломатъ Гротъ, выписанный княземъ изъ Севастополя.

Намъ роздали тотчасъ по прибытіи сюда палатки, которыя и разбили мы около княжеской. У него щегольская изъ Парижа, хотя весьма не обширная, а у насъ простая солдатскія. Впрочемъ Вуншъ похлопоталъ чтобы у меня съ нимъ была офицерская.

Небывалый никогда въ походахъ, я по неопытности прибылъ сюда налегкѣ, не взявъ съ собою почти ничего. Маленькій чемоданъ да портфель отданный на береженіе писарямъ—вотъ и весь мой багажъ взятый изъ Севастополя. Остальное поручилъ оберегать тамъ моему человѣку. Впрочемъ такъ какъ съ перваго же дня сообщеніе съ городомъ было установлено правильное, то мы, то-есть я въ особенности, и выписали себѣ оттуда чтѣ по необходимѣ для комфортабельной жизни.

Позиція наша кромѣ достоинствъ военныхъ, о которыхъ, а, какъ не стратегикъ и не тактикъ, судить не берусь,

великолепна по живописности расположенія высотъ, рѣки и селенія. Вся армія союзниковъ вострѣветъ вдали у береговъ Евпаторіи. Мы видимъ отсюда даже лагерь ихъ.

На другой день по расположеніи нашемъ здѣсь, то-есть 3го числа, князь приказалъ мнѣ составить записку къ государю.

Не успѣвъ я прочесть ему перебѣленный проектъ какъ пріѣхавшій съ аванпоста офицеръ отъ казацкаго полковника донесъ что одиннадцать Французовъ взято въ плѣнъ.

— Браво! начало славное! не могъ я удержаться чтобы не воскликнуть. Къ вечеру ихъ привели и на меня же князь возложилъ поразспросить ихъ каждого по очереди.

Процедура мною избранная для исполненія этого порученія стоить того чтобы сказать о ней нѣсколько словъ.

Я допрашивалъ ихъ у палатки командира Владимірскаго полка полковника Ковалева, который вмѣсто свидѣльца, велѣлъ принести для меня барабанъ и угощеніе чаемъ, чтобы я могъ и допрашиваемыхъ склонять гостепріимствомъ и рономъ къ откровенности. Плѣнные, были шагахъ въ пятидесяти скрыты отъ палатки; ихъ приводили по одному и послѣ допроса уводили въ противоположную сторону, такъ что недопрошеннымъ еще неизвѣстно было какая участь постигала призванныхъ ко мнѣ. Поэтому многіе, являясь ко мнѣ, становились инстинктивно на колѣна, общая разказать всю правду о своемъ войскѣ и что знаютъ. Испуганнаго я ободрялъ ласковымъ словомъ и стаканомъ горячаго чая съ развязывающимъ языкъ прибавленіемъ.

Изъ показаній ихъ, во многомъ согласныхъ между собою, а во многомъ и разнорѣчивыхъ, можно было вывести то заключеніе что они пришли съ цѣлю де взять нашъ Севастополь. Средства для этого отъ 25 до 30 тысячъ Французовъ, отъ 15 до 20 тысячъ Англичанъ, четыре полка кавалеріи и 48 или 40 орудій. О Туркахъ не могли знать съ ними ли они или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ кажется что Турокъ не много. Впрочемъ эту численность иные хвастуномъ возрастили до 90 тысячъ Французовъ, до 40 тысячъ Англичанъ и до 200 орудій.

Французы показываютъ что въ составѣ ихъ войска есть зуавы, слагі, африканскіе егеря, вискенскіе стрѣлки и ажирскіе туркесы.

Вчера, 5го сентября утромъ, мы всѣ верхомъ отправились

на наши аванпосты чтобы полюбоваться позиціей нашихъ враговъ. Что за дивная погода и какая великолѣпная мѣстность! Казаки наши занимаются тѣмъ что жгутъ бурьянъ и сѣно и дымомъ думаютъ ослѣпить враговъ. Картина пожаровъ къ вечеру великолѣпна. Вображаю какими варварами величаютъ насъ наши пріатели. Въ самомъ дѣлѣ и поживиться-то имъ не даемъ.

Лагерь ихъ мнѣ показался гораздо менѣе нашего Красносельскаго, а потому я сомѣваюсь чтобъ ихъ тутъ было до 90 тысячъ. Впрочемъ посмотримъ какою-то силой они на насъ пойдутъ, если еще пойдутъ.

Въ запискѣ къ государю было написано:

„Атаковать непріателя, занявшаго позицію отъ моря до Соленыхъ озеръ, я не считаю нужнымъ, а буду ждать его атаки на нашу позицію, которую признаю весьма сильною и выгодною.“

Надобно замѣтить что лѣтныя Французы единогласно показывали что первое движеніе враговъ назначено было на слѣдующій день высадки, т.-е. 8го числа, а вотъ сего 6го взаимное наше положеніе нисколько не измѣнилось.

Разспрашивая Французовъ о дружбѣ ихъ съ Англичанами, я не удивился что вѣтранный народъ не заикнулся бранить своихъ союзниковъ, вставляя всю ошибку настоящей дружбы на виды правительства.

Кончаю, потому что пора уже и подъ шубу прикорнуть и приготовить силы на завтрашній день.

8го сентября четвергъ, въ Севастополь. 8е сентября 1854 года на всю жизнь останется въ моей памяти. Окончивъ коротенькое письмо домой, для успокоенія моихъ родныхъ, слѣшу записать въ мой дневникъ все чего я былъ свидѣтелемъ въ эти дни.

Первое—благодареніе Господу что сохранилъ здравя и невредима!

Не военный я, не сумѣю можетъ-быть тактически разказать какъ было намѣ, увы, не совсѣмъ благополучно окончившееся дѣло съ Англо-Турко-Французами, однако попытаюсь передать дневнику моему все что я самъ видѣлъ, что перечувствовалъ и о чемъ поразмыслилъ въ эти историческіе дни.

Стоя на нашей, казалось весьма выгодной, позиціи которой лѣвый флангъ, примыкая къ морю, по крутости скалистаго берега былъ лошадиному неприступенъ, мы смѣло

и съ радостію ожидали нападенія враговъ. Безпрестанно ихъ движенія доходили до насъ по рапортамъ аванпостамъ казаковъ.

Все было утѣрено что бой скоро будетъ. Князь разчитывалъ что нападеніе пріатели наши предпримуть не прежде вторника или среды, т. е. 7го или 8го числа. Къ намъ на позицію безпрестанно пріѣзжали изъ Севастополя моряки. Все любовались мѣстностью: все въ казалась она грозною и недосыгаемою для атакующаго. За три дня, т. е. 5го числа, пріѣхалъ генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Корниловъ. Князь повезъ его по всей линіи, показалъ ему нашу позицію и тотъ въ ободрительномъ расположеніи духа возвратился въ Севастополь утѣшить моряковъ, что врагамъ едва ли удастся безнаказанно приступить къ Севастополю.

У меня нѣтъ времени, ни порядка мыслей чтобы передать подробно о вчерашнемъ днѣ; я еще до сихъ поръ не приду въ себя, какъ князь живъ, какъ я живъ, какъ все мы живы. Но Боже мой, сколько ихъ уже и нѣтъ! Да буди святая воля Его. Благодарю Его отъ искреннаго сердца что Онъ допустилъ меня быть свидѣтелемъ такого страшнаго дѣла и безвредно вынесъ изъ обстоятельствъ гдѣ я многое испыталъ, а главное могъ себя испытать.

7го числа въ глазахъ нашихъ происходило небольшое дѣло. Кажется союзники хотѣли полпримѣриться къ намъ. Не знаю какое понятіе получили они о нашихъ стратегікахъ, только еслибы въ тотъ же вечеръ въ моей палаткѣ послушали разказъ генерала К. о его подвигахъ и надеждахъ на будущее, тогда не рѣшились бы насъ на слѣдующій день атаковать.

Рано еще до восхода солнца, мы подымались все на ноги. Князь безпрестанно получалъ донесенія что у враговъ все шевелится и готовится къ выступленію. Мы смотрѣли съ высоты своего помѣщенія на ихъ огни. Мало-по-малу стало разыгрываться утро жаркое, знойное. Потухали у нихъ и у насъ лагерные огни. Флотъ подтягивался къ нашему лѣвому флангу. Вотъ ужъ совершенно разсвѣло, и солнце крымскаго сентября освѣтило массы движущихся на насъ непріятельскихъ войскъ.

Князь отдалъ приказаніе приготовиться къ принятію боя. Ясно было что атака поведется рѣшительная. Англичане и Французы отдѣльными отрядами подвигались впередъ. У насъ велѣно было снять палатки и отвезти нашъ

обозъ подавалъ назадъ. Коня у всѣхъ были осѣдланымъ. Князь и всѣ мы ждали начала боя. Соперникамъ нужно было до нашей позиціи пройти по крайней мѣрѣ семь верстъ. Было время намъ поприготовиться. Конечно у каждого таилась своя мысль, своя надежда, свое чувство. Чтò думалъ въ это время командующій, трудно отгадать. Я наблюдалъ его. Онъ былъ, или казался, веселъ, шутилъ. Садясь на землю на томъ мѣстѣ гдѣ была его палатка, предлагалъ намъ въ шутку принимать воинственныя позы, чтобы громадные лагерротилиныя стекла, которыя казались вводили на насъ съ непріятельскихъ кораблей, передали насъ потомству въ картинныхъ и марціальныхъ группахъ.

Наши войска строились. Нѣкоторыя выдвигались впередъ за рѣку Альму, къ деревнѣ Бурлюкъ. Устроенная впереди того мѣста гдѣ на высотѣ были наши палатки батареинная батарея приняла грозный видъ, когда у орудій явились люди. Я на все смотрѣлъ съ необыкновеннымъ любопытствомъ и былъ увѣренъ что мнѣ придется съ этой же высоты быть только свидѣтелемъ боя, о развѣрахъ котораго по вчерашнему дню, у меня и въ головѣ не вѣщалось.

Наконецъ враги подступили уже близко и, сверхъ ожиданія всѣхъ, Французы упорно шли на лѣвый флангъ нашихъ позицій.

Князь сѣлъ на коня и мы всѣ последовали его примѣру. Сначала шагомъ, а потомъ и галопомъ поскакали мы на лѣвый флангъ.

Трудно мнѣ описать какъ происходилъ бой. Я еще и опомниться хорошенько не могу отъ всего видѣлагаго. Чтò за страшную картину судилъ мнѣ Господь увидѣть.

Около полудня мы были уже на лѣвомъ флангѣ, гдѣ завязалась перестрѣлка со влѣзавшими на крутизны Французами. Въ нашихъ глазахъ выстроились ихъ баталіоны. Я видѣлъ какъ какой-то генералъ, на бѣлой лошади, окруженный свитой, объѣхалъ баталіонъ, а тѣ отвѣчали ему крикомъ.

У насъ тутъ было не много войска. При князѣ находились всѣ его адъютанты, которыхъ онъ по временамъ рассылалъ съ приказаніями, генералъ-майоръ Китинскій, командовавшій всею артиллеріей, превосходный христіанинъ отличный, распорядительный, хладнокровный генералъ; пом-

ковникъ Вуишъ, исправляющій должность начальника штаба, флигель-адъютантъ Сколковъ, дипломатъ Гротъ, генеральнаго штаба ротмистръ Жолобовъ и я. При всѣхъ насъ были казаки.

Когда мы прибыли на лѣвый флангъ, гдѣ уже лежали убитые; когда выстроившіеся въ колонны Французы открыли ружейный огонь, когда потомъ открылись ихъ два орудія и граули изъ своего жерла, я не умѣю сказать что я почувствовалъ. Ядра и пуля просвистали мимо ушей и надъ головой. Со внутреннею молитвою, я смотрѣлъ на князя, рѣшась не оставлять его ни на минуту.

Онъ былъ великолѣпно хорошъ въ эти минуты, когда конечно для него разъяснилась уже игра дня. Спокойно отдавалъ онъ приказанія адъютантамъ, спокойно разсуждалъ съ генераломъ Кишинскимъ куда поставить артиллерію противъ орудій которыя явились между колоннами Французовъ. Въ пять кажется минутъ генералъ Кишинскій провѣлъ на скалу легкую № 4й батарейную батарею подъ командой полковника Кондратьева. Только-что онъ выстроилъ орудія какъ у него убиваютъ лошадь.

Огонь ружейный, орудійный и съ судовъ страшно усиливался. Князь приказалъ намъ не держаться въ кучкѣ.

Мы все еще были на лѣвомъ флангѣ, когда уже слышно было что бой завязался и въ центрѣ, и на правомъ флангѣ.

Князь безпрестанно посылалъ за войсками чтобы удержать лѣвую сторону нашей позиціи. Видя что орудія Французовъ бьютъ насъ сильно, князь подозвалъ къ себѣ ротмистра Жолобова чтобы отдать ему приказаніе привести Веймарскій гусарскій полкъ для атаки противъ этихъ орудій. Жолобовъ не успѣлъ дать шпоры своей лошади какъ ядромъ произошло ее насквозь. Онъ самъ живъ и кажется не тяжело раненъ въ ногу. Мы къ нему подскакали и стали вытаскивать его изъ-подъ лошади. Панаевъ особенно хлопоталъ чтобы отвезти его на перевязочный пунктъ.

Тогда князь самъ поскакалъ къ Веймарскому полку. Командиръ—мущина косая сажень въ плечахъ—встрѣтилъ его съ саблей до неба и принявъ повелѣніе тотчасъ заревѣлъ: „команда!“ такъ что я думаю Сентъ Арно и Роганъ слышали.

Полкъ спустился въ ложницу чтобы оттуда съ бока или

сзади атаковать и сбить непріятельскія орудія. Мы ждали, ждали и не дождались. Князь два раза спрашивалъ меня: не вижу ли я гдѣ Веймарскій полкъ. Ни я ни Гротъ не видали, а между тѣмъ канонада была страшная; я пришелъ въ ужасъ. Подъ этимъ градомъ лудъ и ядеръ, бомбъ и гранатъ, за себя я какъ-то не страшился. Но меня въ жаръ и холодъ бросало, когда я видѣлъ что при князѣ кромѣ насъ двухъ гражданскихъ чиновниковъ никого нѣтъ! Всѣ адъютанты были разосланы. Ну ежели бы, Боже сохрани, его ранили или уби. и; мы бы не знали даже куда его нести, гдѣ перевязочныя и лунки.

Къ успокоенію моему, присоединился къ намъ морякъ, лейтенантъ Стеценко, состоящій при князѣ за адъютанта.

Усилилась между тѣмъ и канонада съ центра и на правомъ флангѣ. Не дождавшись атаки Веймарскаго полка, князь поскакалъ на правый флангъ.

Дорогой къ намъ присоединился молодой князь Меншиковъ и другіе адъютанты. Мы ѣхали то рысью, то полнымъ галопомъ, изрѣдка шагомъ. Не успѣли мы добраться до праваго фланга, какъ прискакалъ офицеръ Веймарскаго полка, объявить что атака произведена успѣшно и орудія французскія сбиты.

— А! воскликнулъ обрадованный этимъ извѣстіемъ князь. — Поздравьте отъ меня генерала и скажите чтобъ онъ повторилъ, если осмѣлится поставить еще орудія.

Обратясь ко мнѣ свѣтлѣйшій сказалъ съ веселымъ видомъ указывая рукой на сторону боя въ центрѣ и на правомъ флангѣ куда мы ѣхали:

— Tout ce feu n'est rien, ce n'est que le decorum, si nretrre flanc gauche resiste.

Мы уже толковали о возможности удержать позицію, какъ пріѣхалъ снова къ князю офицеръ отъ командира Волынскаго пѣхотнаго полка, полковника Хруцова, спросить: не прикажетъ ли двинуться, такъ какъ нашъ лѣвый флангъ сильно бьютъ и тѣснятъ?

Надо было видѣть тутъ физиономію князя.

— А Веймарскій полкъ! Чтò же его атаки?

— Не знаю-съ! отвѣчалъ офицеръ. — Полка этого мы не видали; а орудія не умолкали.

Князь послалъ своихъ адъютантовъ, а самъ, и мы съ нимъ,

послѣдшилъ на правый флангъ, гдѣ также завязался крова-
вый бой.

На той возвышенности гдѣ были за нѣсколько часовъ
еще палатки мы нашли убитыхъ лошадей и людей дѣйстви-
тельно тутъ батареи.

Отсюда видно было какъ шли на насъ красноундирники—
Джонъ-Були! Солнце освѣщало ихъ оружіе, украшенное се-
ребромъ, ихъ красные мундиры были чрезвычайно эффек-
тны въ массѣ бойко и упорно подвигавшагося на насъ вой-
ска съ развернутыми знаменами.

Между тѣмъ у Алымы уже груды красныхъ мундировъ
лягали для меня страшную картину убійства. Я слѣдилъ все
время за княземъ. Онъ былъ важно слокоекъ.

Съ праваго фланга мы спустились къ центру. Тутъ бой
былъ или могъ быть уже рукопашнымъ, такъ близко мы
были другъ отъ друга. Градъ пуль осыпалъ насъ, вздымая
песокъ направо и налево, впереди и сзади. Нѣсколько ми-
нутъ князь оставался тутъ чтобы видѣть какъ пойдутъ
наши въ штыки; все казалось было готово. Шума и крика
много, а въ штыки между тѣмъ не пошли. Ружейная пальба
и изъ орудій такъ и уносила ряды.

Князь отправился далѣе. Въ это время ѣхавшій возлѣ
меня адъютантъ Веригинъ соскочилъ съ лошади, которую
смертельно ранило пулей. Не успѣли мы одѣлать еще нѣ-
сколько шаговъ, полковникъ Вуншъ схватился за бокъ и
сталъ бѣднѣть.

Князь поручилъ мнѣ проводить его на перевязочный
пунктъ, а самъ съ остальною свитой адъютантовъ поско-
калъ далѣе къ центру битвы.

Дорогой полковникъ Вуншъ выражалъ сомнѣніе чтобы
послѣ трехъ счастливо выдержанныхъ имъ ранъ на Кавказѣ
онъ благополучно отдѣлался отъ этой четвертой.

Я его утѣшалъ какъ могъ, а между тѣмъ внутренно ис-
крепно благодарилъ Бога что не меня задѣло.

На перевязочномъ пунктѣ оказалось что онъ не раненъ,
а сильно, но не опасно контуженъ. Его бокъ перевязали,
онъ одѣлся; мы поцѣбовались, я отъ души поздравилъ его
съ благополучною этою развязкой и собрался опять съ нимъ
въ полѣ битвы, на присоединеніе къ князю.

Вуншъ уговаривалъ меня не возвращаться въ ора-
женіе.

— Довольно уже испытанъ, говорилъ онъ мнѣ, — чего же еще вамъ хочется?

Какъ онъ ни убѣждалъ, но я не могъ преодолѣть чувства которое побуждало меня идти туда гдѣ князь, волевыми потому что я хотѣлъ снова испытать себя впечатлѣніями кроваваго боя, а восторжъ потому что я далъ себѣ слово не оставлять князя.

Я поѣхалъ. Мы нашли князя уже ретирующимся съ войсками. Съ нимъ былъ и князь Горчаковъ, который показавъ мнѣ восемь дыръ въ шивели. Движеніе наше было лѣво назадъ. Это меня и полковника Вуша крайне смутило.

— Чтò же? спросилъ я Вуша. — Значить насъ согнали съ позиціи?

— Какъ видите.

Лица всѣхъ были ласмурныя. Никто уже не обращалъ вниманія на безпрестанно ложившіяся у нашихъ ногъ и возлѣ снаряды.

— Quelle honte, monsieur, оказалъ мнѣ свѣтлѣйшій. — Les Russes battent la retraite. Nous avons perdu!

— Случайности военнаго дѣла! стараюсь я ободрить князя. — Сегодня васъ разбили, а завтра вы.

— Нѣтъ, нѣтъ! Завтра еще хуже будетъ! Они войдутъ въ Севастополь.

Меня это поразило. Между тѣмъ картина отступленія была не менѣе поразительная.

Войска шли въ безпорядкѣ, отстрѣливаясь. Раненныхъ везли на носилкахъ и тащили. Повсюду вой, воякъ.

Командиръ гусарскаго герцога Лейхтенбергскаго полка вздумалъ было прिवѣтствовать ретирующагося съ войсками князя крикомъ ура, но князь остановилъ его, сердито проговоривъ:

— Ваше ура похоже на насмѣшку.

Мы ѣхали шагомъ предъ Егерскимъ великаго князя Михаила Николаевича полкомъ. Въ это время шесть ядеръ или гранатъ упали между нами и полкомъ и взбуровили песокъ, поднявъ страшную пыль. Полкъ вскрикнулъ и побѣжалъ. Князь взмахнулъ ташкой и остановилъ его, закричавъ:

— Гл. офицеры! стройте рады.

Потомъ онъ велѣлъ выдвинуть музыку впередъ и повелъ полкъ церемональными маршемъ подъ музыку. Вображаю чтò подумали наши враги.

Чрезвычайно какъ непріятно было видѣть этотъ лавинный страхъ цѣлаго народа. Немуудрено. Я посмотрѣлъ на нихъ: все народъ молодой, конечно неслытный и никогда огня не видавшій.

Приближалось къ берегамъ рѣки Кача, разбродъ нашихъ войскъ все болѣе и болѣе увеличивался. Замокнали мало-помалу орудія, не было уже возаѣ моихъ ушей свиста пуль.

Мы прибыли на ночлегъ между Бельбекомъ и Качей. Стало уже темнѣть. Князь видимо утомился. Я не чувствовалъ ни ногъ, ни рукъ, ни снамы. Тутъ уже не до донесенія. Никто бы не былъ въ состояніи писать. Князь предложилъ адъютанту своему Грейгу отправиться въ Петербургъ и передать о нашемъ печальномъ положеніи.

Мы разцѣловались и простились съ Грейгомъ. Какъ-то онъ проберется до Симферополя? „Что съ вами завтра будетъ? Что съ вами завтра будетъ?“ говорилъ намъ Грейгъ, прощаясь.

Я не былъ въ силахъ держаться на ногахъ. Князь разложилъ огонь у своей крошечной налатки, прилегъ на траву и сталъ разсматривать карту. Безпрестанно онъ посылалъ узнавать, идутъ ли враги. Когда ему доносили нѣсколько разъ что не идутъ, а развеи огня, онъ не вѣрилъ, думая что ему не такъ доносить. Между тѣмъ съ Вуншемъ мы рѣшились вѣзть въ его метычанку (коляску) и отдохнуть до утра. Такъ я былъ утомленъ картинами ужаса, котораго мнѣ довелось быть свидѣтелемъ вчера.

Я всю ночь спалъ мертвымъ сномъ и проснулся когда уже очутился на Сѣверной сторонѣ въ четвертомъ номерѣ.

Встрѣтивъ тутъ Корнилова, просилъ его приказать перевезти меня на гичкѣ на Южную сторону въ прежнюю мою мирную квартиру, въ домъ Ушакова.

Корниловъ весьма угрюмо отзывался о нашемъ пораженіи.

— Ну теперь наша очередь показать себя, ежели сухопутныя войска ничего не умѣли сдѣлать.

Я ужъ не спорился съ нимъ ни въ какія разсужденія, видя что вчерашній день дурно настроилъ воиѣхъ въ Севастополѣ.

Моряки вообще сильно прихмурились. У нихъ все готовится къ выходу въ море. Покажемъ же мы себя! твердятъ такіе Черноморцы.

Дай Богъ намъ успѣха, а мнѣ подай Господи тихаго и безмятежнаго сна. Жестоко усталъ!

11го сентября, суббота, рано утромъ. Суета, суматоха, бѣготня, говоръ, распри, негодование въ Севастополѣ. Войска идутъ то на Сѣверную сторону, то съ Сѣверной на Южную. Сожитель мой, полковникъ Вуишъ, мечется во все стороны, несмотря на свою контузію, чтобы собрать свѣдѣнія о численности войскъ, чтобы узнать гдѣ кого и чего недостаетъ. Я смотрю на князя, который въ изнеможеніи, блѣдный отъ усталости, лежитъ у себя на квартирѣ и надъ картой Крыма вѣроятно что-то обдумываетъ, потому что когда я прихожу къ нему и упрашиваю чтобы онъ отдохнулъ, успокоился, старался бы заснуть,—„нѣтъ, любезный, отвѣчаетъ онъ,—слишкомъ грузъ великъ на плечахъ чтобы думать объ отдыхѣ. Да я и спать не могу. Мнѣ кажется я брежу. Не заговариваюсь ли я?“

Между тѣмъ его безпрестанно тревожатъ то тотъ, то другой.

Говорятъ что былъ собранъ военный совѣтъ, чтобы толковать что предпринять. Моряки рѣшительно кажется хотѣли выйти въ море и драться. Войска на это готовы. Да благословить ихъ Господь! Что же мы-то будемъ дѣлать? Князь удивляется что союзники не идутъ на насъ. Видно и они не менѣе нашего пострадали.

Изъ Севастополя многія семейства уѣзжаютъ. Полковникъ Вуишъ рѣшилъ и свое отправить въ Николаевъ.

Сейчасъ узналъ что князь рѣшился затолпить суда у входа на рейдѣ, и что морякамъ приказано разоружиться и оставить изъ экипажей баталіоны. Боже мой! что же это значитъ? Почему не идутъ моряки драться? Что же ихъ совѣтъ? Надо пойти и разузнать обо всемъ пообстоятельнѣе. Ужъ не узнали ли что враги подступаютъ къ Севастополю?

Флигель-адъютанты князь Оболенскій и ротмистръ Албедивскій пріѣхали сюда. Съ чѣмъ-то они прибыли? Удивительное время! все въ вопросахъ...

14го сентября, вторникъ. Вотъ мы опять не въ Севастополѣ.

Въ воскресенье князь, скрывая какъ видно ото всѣхъ и даже отъ насъ свое намѣреніе и свой планъ, объявилъ мнѣ просто что онъ станетъ лагеремъ въ трехъ верстахъ южнѣе города и приказалъ туда же перебраться. Я сталъ собирать свои пожитки. Прикупилъ лошадей, чтобы тройкой везти тарантасъ.

Флотъ, т.-е. нѣсколько судовъ и въ томъ числѣ корабль *Трехъ Святителей* затоплены. Боже мой, сколько ролота я слышалъ на это со стороны моряковъ. Встрѣтивъ Нахимова на улицѣ, думалъ что онъ въ азартъ своего негодованія меня приберетъ.

— Да что мы мальчишки какіе-нибудь что нами такъ играютъ, не говорилъ, а кричалъ онъ мнѣ. — То вооружайся, иди въ море, то разоружайся, строй баталіоны съ палками! Мы умѣли бы умереть и въ морѣ!

Я видѣлъ что его ничѣмъ урезонить нельзя, что онъ кричитъ такъ на улицѣ что всѣ слышатъ, рѣшился его успокоить тѣмъ что командующій вѣрно знаетъ лучше насъ всѣхъ что онъ дѣлаетъ и на что рѣшается. Павелъ Степановичъ Нахимовъ разсердился. „Это все проклятая дипломатія-съ!“ закончилъ онъ. Я съ нимъ расстался и пошелъ домой приготавливаться съ Вуншемъ къ выѣзду на позицію.

Мы выбрались изъ города поздно вечеромъ верхомъ; тарантасъ ѣхалъ возлѣ; прибыли на обозначенное княземъ мѣсто и къ удивленію нашему ни его, ни войска, ни лагерь не нашли. Это насъ озадачило. Кого на дорогѣ ни расспрашивали, никто не могъ объяснить намъ куда князь съ войскомъ дѣвался. Всю ночь почти мы прорыскали между Севастополемъ и Балаклавой. Наконецъ набрали на слѣдъ Воинскаго полка, который былъ на привалѣ, и тутъ узнали что и свѣтлѣйшій съ нимъ.

Отдохнувъ минутъ десять войско подвиглось и тихо, безъ разговоровъ двинулось далѣе. Князь окруженный своею свитой ѣхалъ молча въ страшномъ, казалось мнѣ, раздумьѣ. Любопытство было бы провикнуть, что, какія мысли роились у него въ головѣ.

Еще отдыхъ и привалъ слѣдали мы на Мекензіевой горѣ у хутора, гдѣ и напился чаю. Князь за картой разсуждалъ съ генералами: княземъ Горчаковымъ, Кирьяковымъ, Килинскимъ и другими.

Утромъ рано въ поведѣльникъ мы были уже на прелестной позиціи у деревни Отаркіой. Отсюда отправили флигель-адъютанта Альбединаскаго съ доносеніемъ къ государю.

Потомъ передвинулись мы еще къ высотамъ между Качей и Бахчисараемъ. Дѣло теперь опредѣлилось, и изъ доносенія къ царю вижу — какое духовное, мастерское движеніе князь

совершилъ: съ горстью удѣлѣвшаго войска онъ рискнулъ выйти изъ Севастополя съ южной стороны, чтобы появленіемъ въ тылу непріятеля, не подвигавшагося послѣ Альминскаго дѣла на городъ, обмануть его и заставить думать, что все войско пришло изъ Симферополя, и вмѣстѣ съ тѣмъ которое находится въ Севастополѣ (гдѣ кромѣ моряковъ никого нѣтъ) приметъ его въ два огня! Ловко, отчаянно, рискованно придумано! За то дѣло и увѣнчалось успѣхомъ. Мы сегодня узнали что непріятель, повидимому дѣйствительно вдавѣвшійся въ этотъ обманъ, послѣдшилъ перетянуться на южную сторону къ Балаклавѣ. Мы видѣли какъ при этомъ переходѣ онъ взорвалъ часть захваченнаго имъ нашего парка, который по медленности командира не успѣлъ весь проскользнуть изъ Севастополя къ намъ на Отаркiю.

Теперь мы обезпечены сообщеніемъ чрезъ Бахчисарай съ Симферополемъ и Россіей. Слава Богу! Слава и князю, предпринявшему такое отчаянное движеніе! Чрезъ сѣверную сторону, оставленную врагами, мы и съ Севастополемъ соединены. Боже праведный, какіе слухи оттуда яриходятъ! Моряки просто бѣснуются. Князя честятъ измѣнникомъ, бѣглецомъ! И все это за то что вышелъ изъ города, не сказавъ куда и зачѣмъ. Теперь они видятъ куда и для чего. Объяви князь о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, то можетъ-быть прежде чѣмъ бы онъ исполнялъ ихъ, враги узнали и вмѣсто того чтобъ очистить сѣверную сторону пошли бы прямо на Севастополь съ сѣверной стороны—и увъ! мы бы съ Севастополемъ простились!

Князь какъ-то пободръѣе сталъ и повеселѣе и намъ отъ этого отраднѣе. Разсуждая о неудачахъ подъ Альмой, повторилъ свою остроу, сказанную еще въ Севастополѣ 9го числа за обѣдомъ: *Nous avons tous espéré d'être faits comtes Almativa. Hélas, nous pouvions bien être Almamorte.*

2го октября, суббота. Безпрестанныя передвиженія, такъ что мнѣ и за журналъ мой нельзя было приниматься. Теперь мы, послѣ того что пробыли на Сѣверной сторонѣ у №4го, стоимъ на высотахъ Бельбекскихъ. Мѣстоположеніе великолѣпное! Бивуачная жизнь имѣетъ свои прелести. Отростивъ усы, бороду и бакенбарды, я самъ себя не узнаю. О комфортѣ и думать нечего. Палатка солдатская, чехолъ съ тремя перемѣнами бѣлья (которое давно уже не мыто), самоваръ, чай, тарантасъ, солдатская шинель, тулупъ,

туба, сигары, неизмѣнный портфель съ бумагами и листками дневника, письма отъ дорогихъ и милыхъ, кони татарскіе, пистолець, револьверъ, шашка, веселые разговоры, страшныя предположенія лессимистовъ,—а ихъ-таки не малая толика,—вотъ въ краткомъ очеркѣ подробности нашей бивуачной жизни. И, слава Богу, здоровъ и не скучаю, несмотря на то что къ такой нечистоплотной и безпорядочной жизни не привыкъ. Но надо все въ жизни испытать.

Что-то о Грейгѣ нашемъ ни слуху, ни духу. Къ намъ сюда безпрестанно прѣзжаютъ изъ Петербурга гости. Прѣхалъ графъ Левашовъ, флигель-адъютантъ, и слухъ о скоромъ прибытіи Великихъ Князей разнесся у насъ въ главной квартирѣ. Это утѣшительно тѣмъ болѣе что на безпрестанныя требованія князя о присылкѣ войскъ большой слѣшности въ распоряженіяхъ со стороны военнаго министра не замѣтно.

Каждую недѣлю князь получаетъ самые милостивые рескрипты отъ государя. Онъ пишетъ къ князю не только какъ царь, но и какъ христіанинъ. Кажется что съ прибытіемъ высокихъ гостей и войска намъ полприбавятъ. Графъ Левашовъ разъяснилъ молчаніе Грейга. Прѣздъ его смуталъ всѣхъ отъ мала до велика въ Петербургѣ. Добросотѣтанный его разказъ о дѣлѣ 8го сентября, котораго онъ былъ личный свидѣтель, принять за желѣзную повѣсть. Вотъ что значитъ привыкнуть къ чтенію лышанныхъ реляцій!

Молодаго Меншикова отправляютъ въ Петербургъ. Мнѣ кажется что цѣль его поѣздки разъяснить тѣ желѣзные слухи, которые распустили о князѣ изъ Севастополя.

Враги расположились на южной сторонѣ и начали воздвигать батареи. Съ 17го числа сентября началась уже пальба. Съ нашей стороны предприняты работы къ оборонѣ, и полковникъ Тотлебенъ, очень дѣльный инженеръ, трудится неутомимо.

Онъ прибылъ къ намъ еще до Альмы съ Дуная. Провѣзавъ его носатъ обѣда за разными картами, я помню, князь сказалъ мнѣ: „Перваго инженера встрѣчаю дѣльнаго и скромнаго.“ А князь и самъ отличный инженеръ.

Были уже съ нашей стороны и вылазки. Попадались плѣнные разныхъ націй. Ими обязанностью ихъ допрашивать, я не надвигаюсь бойкости съ которою нѣкоторые изъ нихъ, особливо Французы, разсуждаютъ о дѣлахъ и политикѣ.

Англичане болѣе молчаливы. Ирландцы съ негодованіемъ отзываются о своихъ собратяхъ-Англичанахъ. Но между Ирландцами попадаются страшные хвастуны, какъ напримеръ вчера приведенный сержантъ.

Слушаешь разнородныя показанія лѣтящихъ и повеселѣ думаешь: не хотятъ ли враги и насъ надуть. Подготавливая страшныя осадныя работы, не думаютъ ли скрытно отъ насъ улетѣть. Право, мнѣ что-то сдается что въ осаду ихъ есть кулиса!

Что за погода, что за чудная погода! Воображаю, будь иначе, натерлись бы мы въ нашихъ ламаткахъ, на нашихъ бивуакахъ.

Провесся слухъ о смерти въ Балаклаву маршала Севтъ-Арво. Мнѣ объявилъ объ этомъ предъ отъѣздомъ своимъ молодой князь Меньшиковъ. Что изъ этого выйдетъ?

Благодаря сообщенію курьерскою почтой съ Петербургомъ, каждую недѣлю получаю вѣсточку отъ родныхъ и близкихъ. Отраднo всегда знать что есть люди искренно благословляющіе васъ и усердно молящіеся за васъ. На этихъ дняхъ я былъ утѣшенъ мыслью, что нашу ламатку посѣтилъ ангелъ кротости и чистоты. Дѣйствительно, то была Платыня дѣвочка—Гречанка необыкновенной красоты, которая убѣжала изъ Балаклавы со своими знакомыми и недавно отысканная отцомъ, прибыла съ нимъ къ намъ въ лагерь чтобы найти средства отправиться въ Симферополь. Мы съ Вуашемъ пріютили ихъ, накормили, напоили и въ соседней ламаткѣ, за отъѣздомъ полковника Герсезамова, опять уложили.

12го октября, вторникъ. Страшную драму пережилъ Севастополь! Страшный былъ день, день 5го октября. Такъ много было впечатлѣній, такъ много мыслей и разсужденій, что не имѣя времени подробно все записать, внесу въ мой дневникъ только одиѣ замѣтки, чтобы современемъ съ этихъ листковъ развить ихъ въ настоящемъ дневникѣ подробно.

Недѣлю тому назадъ, во вторникъ, съ раннего утра началась бомбардировка усиленіемъ предшествовавшихъ дней. Громъ орудій загудѣлъ по всей линіи и жаркое небо загудѣло дымомъ. Къ полудню стали подтягиваться суда и началась адская канонада съ моря. Нельзя описать, какое чувство овладѣло всеми нами, когда мы, стоя на высотахъ Бельбека, слышали этотъ чудовищный свистъ, визгъ и гулъ

сварядовъ и видѣли огонь непрерываемо свѣтившійся въ густой массѣ дыма, покрывавшаго небо и море и заслонившаго собою лучи жаркаго палащаго солнца. Судьба Севастополя разыгрывалась. Князь тотчасъ поскакалъ съ вѣко-терыми адъютантами въ городъ. Я оставался и признаюсь лучше бы казалось было быть въ Севастополѣ нежели внѣ его, болѣе скорбя за его тяжкую участь, за его жестокія испытанія.

Во время обѣда лейтенантъ прибылъ изъ города объявить что адмиралу Корнилову оторвало ядромъ ногу.

Князь возвратился, ободривъ тамъ личнымъ присутствіемъ войска, которымъ былъ отданъ приказъ со словами рескрипта царя. О ранѣ Корнилова подтвердилъ и князь, съ прибавкой, что вѣрно не переживетъ.

Канонада не ослабѣвала. Мы безпрестанно подымались на высоты, чтобы видѣть этотъ адъ съ моря и сухаго пути. Первымъ не было силы выносить эту неумолкаемую адскую трескотню. Успокоивали себя тѣмъ что это вѣрно уже финалъ. Не успѣютъ разгромить Севастополя, уйдутъ.

По вторичномъ возвращеніи князя изъ города, привезено извѣстіе что Корниловъ умеръ.

Нервною ждемъ извѣстій изъ города: всѣ въ нервномъ расстройствѣ отъ неумолкаемаго гула, свиста, визга и взрывовъ въ воздухѣ.

Начало смеркаться. Канонада затихла, извѣстія изъ города отраднѣе. Почти все цѣло, а береговыя батареи въ особенности. Пишу дозвѣніе къ государю и не могу удержать слезы благодарности къ Богу.

Моряки молодцы, истинные герои!

6го числа канонада продолжалась, но только уже не съ моря.

Каждое утро мы пробуждаемся въ 6 часовъ заллами съ батареями непріятельскихъ и нашихъ.

Вотъ уже недѣля какъ мы къ этой музыкѣ пріучаемся.

Говорилъ съ княземъ о необходимости послать подробную реляцію объ Альминскомъ дѣлѣ, послѣ неоднократныхъ требованій государя, и послѣ краткаго описанія въ журналѣ военныхъ дѣйствій, которое могло только, по моему мнѣнію, разсердить всѣхъ въ Петербургѣ.

Реляція наконецъ послана. Въ ней и я фигурирую.

Я составляю опроверженіе на реляцію Сентъ-Арно, который увѣрялъ, между прочимъ, что онъ захватилъ экипажъ князя съ бумагами. Это государя обезпокоило и онъ спросилъ князя.

Не надивлюсь теплотѣ и милостивому изложенію рескриптовъ царя къ князю.

14го октября, четвергъ. Вчера, 13го числа, было молодецкое дѣло у генерала Липранди, отправленнаго съ отрядомъ въ тылъ англійскаго укрѣпленнаго лагеря. Дѣло очень удалось. Слава Богу, князь повеселѣлъ. Нашелся генералъ что-нибудь сумѣвшій порядочно выполнить.

Четыре редута и одиннадцать орудій взяты штурмомъ. Азовскій пѣхотный полкъ отличился. Командиръ полка полковникъ Крюднеръ и бригадный генералъ-майоръ Семакъ шли впереди.

Англійская кавалерія, подъ командой лорда Кардигана, бросилась отчаянно въ атаку на нашихъ гусаръ, ломая ихъ и бросилась потомъ на Донскую батарею. Многие канониры были изрублены. Но тутъ подослѣли наши уланы; бросились во флагъ и откинули Джонъ-Булей, которые ретируясь какъ разъ попали на перекрестный картечный огонь. Тутъ-то и досталось имъ. Говорятъ что лордъ, удирая во все лопатки на борзомъ скакунѣ, едва успѣлъ спастись.

Въ лѣвъ взято слишкомъ сто человекъ и въ томъ числѣ десять раненныхъ. Кавалерія Англичанъ почти уничтожена вся. Раненные и лѣванные ругаютъ Кардигана что сдурю сунулся.

У насъ также потеря была, хотя и не очень значительная.

Господь поможетъ и въ дальнѣйшемъ имѣть успѣхи.

Князь повидимому очень радъ и послалъ съ этимъ извѣстіемъ адъютанта своего капитанъ-лейтенанта Воллебранта.

Сегодня утромъ дали знать что на отрядъ Липранди ожидается нападеніе.

Князь поскакалъ туда. Послѣ вчерашняго дѣла какъ-то уже менѣе безпокоимся за Липранди. Я помню его пріѣздъ къ намъ.

— Нашему солдату, говорилъ онъ, — нужно ружье для штыка, а не для выстрѣла. Штыкъ на незаряженномъ ружьи — у насъ лучшее обезлеченіе успѣха.

Дѣйствительно это справедливо. Я видѣлъ подъ Альмою, какъ наши стрѣляютъ. Рѣдкій прикладывается, а еще рѣже кто-нибудь цѣлится. Есть патроны — солдаты и спокоены. Стрѣляетъ себя на угадъ и думаетъ что пока онъ лукаетъ, онъ цѣль, а кто-нибудь изъ его противниковъ уже убить. Если же у него нѣтъ выстрѣловъ, то онъ поневолѣ ищетъ спасенія въ штыкъ и быстрѣе бѣжитъ въ атаку, видя что товарищи падаютъ.

Говорятъ во вчерашнемъ дѣлѣ Азовскій полкъ такъ сдѣлалъ. Онъ бралъ редутъ штурмомъ, не имѣя ни единого патрона. Можно себя вообразить какъ грозно должно представляться врагу такое войско которое безъ выстрѣла подвигается впередъ, чтобы поработать штыкъ со штыкомъ. Въ него жарятъ и изъ штуцеровъ и картечью, а онъ себя идетъ да идетъ и ни выстрѣла въ отвѣтъ. Это лихо! За то штыкъ и сдѣлалъ свое дѣло!

Вчера мы перешли на позицію у деревни Чоргунъ. Что за дивное мѣстоположеніе. Впрочемъ мы только то и дѣлаемъ что мѣняемъ позиціи и одно мѣстоположеніе лучше, картиннѣе, живописнѣе другаго. Однако это Чоргунское—едва ли не лучше! А погода-то, погода! просто чудо! По ночамъ только холодновато, даже морозно.

Джонъ-Булли у насъ предъ глазами. Вотъ и тѣ высоты которыя были нами взяты 13го числа.

Прибылъ сюда генераль-майоръ Баумгартенъ. Князь его встрѣтилъ весьма ласково. Князь хочетъ послать его съ его бригадой въ Севастополь. И пора, а то тамъ развелось столько пессимистовъ, которые печальнымъ хоромъ смущаютъ умы всѣхъ и приводятъ князя въ отчаяніе. Только моряки-молодцы не унываютъ. Лихой народъ!

Сегодня съ форлостовъ доставили письма къ лѣтянымъ 13го числа. Въ одномъ изъ нихъ, адресованномъ отъ отца гусарскому офицеру Клоусу (Clowes), непростительно грубо выражено на счетъ нашего князя. Столь же благовоспитанно выразилась объ немъ и сестричка гна Клоуса. Такъ какъ всѣ письма къ лѣтянымъ должны проходить чрезъ мои руки, и я ихъ оберъ-паквизиторъ, то прочитавъ эти два письма счелъ нужнымъ подчеркнуть фразы и сдѣлать съ лоя сѣдующую карандашомъ замѣтку.

„A very fine expression indeed for a well accomplished man! And it is the expression of a man who of course considers us

as a barbarous nation. Notwithstanding we shall continue treating our prisoners as well as possible and of course more generously, than are treated our poor compatriots in England. We know the fate of the prisoners of Balaklava.“*

Подписалъ: а Russian gentleman.

Князь былъ доволенъ моею замѣткой и приказалъ мнѣ вручить письмо лѣвному будто бы лично отъ него. Къ сожалѣнію лѣвныя эти уже отвезены въ Симферополь.

Бомбардировка Севастополя не умолкаетъ. Наши тревожатъ враговъ вылазками. Безпрестанно слышимъ о какомъ-нибудь молодецкомъ подвигѣ и рѣдко не моряка, и не матросика.

Мало-по-малу прибываютъ къ намъ войска изъ Россіи.

28го октября, четверга. Пароходъ „Громоносецъ“. Четвертая сутки я живу на пароходѣ, а еще не удалось ни одной строки записать въ мой дневникъ. А есть что записать. Всего было вдоволь, но вотъ по порядку:

23го числа, въ субботу, рано утромъ, мы снялись съ позиціи у деревни Чоргунъ и перешли на Сѣверную сторону къ бастиону № 4. Трудно выразить удовольствіе какое я ощутилъ увидавъ себя подъ крышей.

Замышлялось большое наступательное движеніе. Диспозиція составлена княземъ.

Всѣ въ главной квартирѣ шепотомъ радовались и молились объ успѣхѣ. Проникла кажется эта новость о предпріятіи и въ Севастополь. И тамъ надежды всѣхъ, утомленныхъ осадой, оживились.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали развязки затѣяннаго дѣла.

Диспозиція князя была, по обыкновенію, коротка, можетъ-быть даже очень коротка, но ясна и понятна даже и невоенному человѣку. Частности предоставлялись соображенію отдѣльныхъ начальниковъ и обстоятельствамъ боя, кото-

* Поистинѣ прекрасное выраженіе со стороны хорошо воспитаннаго человѣка! Это выраженіе человѣка который разумѣется считаетъ насъ націей варварскою. Тѣмъ не менѣе мы будемъ продолжать обращаться съ нашими лѣвными такъ хорошо какъ только возможно и разумѣется великодушнѣе нежели обращаются съ нашими бѣдными соотечественниками въ Англіи. Намъ извѣстна судьба лѣвныхъ взятыхъ при Балаклавѣ.

рый, казалось, въѣми главными мѣрами, диспозиціей князя опредѣленными, обезпечивался въ услѣхѣ.

Въ этихъ ожиданіяхъ и надеждахъ главная квартира снялась съ позиціи у Чоргуна и отправилась къ № 4, что на Сѣверной сторонѣ Севастополя на самомъ берегу бухты.

23го числа передовой фельдъегерь прискакалъ объявить что вслѣдъ за нимъ ѣдутъ къ намъ и Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Его свѣтлость тотчасъ приказалъ намъ очистить помѣщеніе и перебраться въ лалатки, которыя мы тутъ же около дома разбили. Погода была чудесная, но всѣ боялись что находившія тучи испортятъ все. Однако со въѣздомъ къ намъ высокихъ гостей и небо прояснилось, а уходившіе за горизонтъ тучи еще живописнѣе дѣлали картину канонады, которую Великіе Князья застали въ самомъ разгарѣ.

Дѣло назначено было какъ я слышалъ на 23е число. Но Даренбергъ просилъ отложить до 24го, воскресенья. 23го была годовщина Ольгеницкому дѣлу.

Настало воскресенье. Небо сѣренькое. Моросилъ дождичекъ. Мы съ Вуншемъ рано утромъ, когда уже всѣ поднялись и Великіе Князья уѣхали, отправились также верхомъ на поле битвы, молясь искренно и ожидая трепетно услѣха.

Мы подѣхали къ Инкерманскому мосту и тутъ уже множество раненыхъ объяснили намъ что дѣло началось жаркое.

Свистъ штуцерныхъ пуль нервночески дѣйствуетъ на душу. Я вспомнилъ Альминскую драму и внутренно молился Богу, стараясь разглядѣть что и какъ происходитъ. При гулѣ ядеръ, при дымѣ и притомъ еще при туманѣ съ маленькимъ дождемъ ничего хорошенько разсмотрѣть не могъ. Войска двигаются, приходятъ, уходятъ, подвигаются впередъ; дѣло наше идетъ ладно. Англичанамъ жутко. Мы завтракаемъ въ полѣ. Пріѣхалъ Тотлебенъ уже флигель-адъютантомъ и Великіе Князья разцѣловали его.

Бой усилился. Начали сыпаться возлѣ насъ гуще и чаще пули и ядра. Войска идутъ назадъ, ляжутся; артиллерія подбита. Князь безлокопнѣе прежняго.

Былъ уже полдень. Тутъ я узналъ что 'молодого Мекшикова контузило ядромъ. Мы безпрестанно то подвигаемся, то отодвигаемся. Наконецъ сдѣлалось ясно что бой принимаетъ оборотъ не въ нашу пользу. Отъ чего это произошло, я уже не понималъ.

Ядра свистятъ и гудятъ около насъ.

Однимъ контузило возлѣ насъ адъютанта Грейга и флягель-адъютанта Альбединскаго. Непріятное чувство, когда видишь что изъ среды нашей стало вырывать людей.

Нѣтъ сомнѣнія дѣло не удастся, мы должны окончательно отступить.

Подъ конецъ дѣла князь, не желая чтобы Великіе Князья оставались послѣдними на полѣ, уговорилъ ихъ уѣхать и посвятить бастионы защищающіе Севастополь. Тамъ въ свою очередь была страшная жарня.

Князь куда-то поскакалъ; я увидѣлъ себя посреди войска ретировавшагося. Завидѣвъ свиту Великихъ Князей, ударилъ шашкой мою вѣрную Мышку и присоединился къ Ихъ Высочествамъ. Они разспрашивали меня какъ проѣхать на 1й и 2й бастионы.

Я служилъ какъ бы проводникомъ. Мы ѣхали подъ неумолкаемымъ гуломъ и полетомъ бомбъ и ядеръ. Въ Ушаковой балкѣ гулъ до того умножался эхомъ и раздроблялся на разные звуки что кони наши дрожали всѣмъ тѣломъ и разомъ вспѣнулись.

Мы посвѣтили бастионы № 1й и № 2й и Малаховъ Курганъ. Великіе Князья передавали морякамъ царское спасибо. Я былъ тронутъ до слезъ восторгомъ и бодростью моряковъ. Особенно была умилительна и трогательна встрѣча на Малаховомъ Курганѣ, гдѣ Великихъ Князей встрѣтилъ священникъ съ крестомъ и просфорой. Потомъ явился В. И. Истоминъ, весь закопѣлый, небритый. Великіе Князья разцѣловались съ нимъ. Ко мнѣ онъ бросился на шею. Правда, мы давно съ нимъ не видались и послѣ мирныхъ собраній въ Севастополѣ у Корнилова или Новосильскаго, вотъ гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ столкнулись!

Ихъ Высочества долго разговаривали съ моряками, а между тѣмъ орудія разговаривали по-своему. Непріятельскія ядра ложились почти у ногъ дорогихъ гостей.

На курганъ и съ кургана мы шли, по совѣту командира 2го бастиона, пѣшкомъ. Бомба ударила въ домикъ и въ глаза Ихъ Высочествъ разрушила его. При нихъ засыпало людей пескомъ и землей, взметанными ядрами.

Имъ хотѣлось посмотреть мѣсто гдѣ былъ раненъ Корниловъ, но Истоминъ, видя что бѣсѣда врага дѣлается крупнѣе и бойче, рѣшительно отговорилъ и увелъ съ кургана

Страшная грязь, мѣшавшая намъ идти, заставила меня призадуматься и вообразить всю трудность какую должны были наши солдатики одолѣть чтобы по грязи брать приступомъ горы. Но первыя высоты однако были взяты у Англичанъ. На послѣдующія, особливо какъ подошли Французы, у нашихъ ужъ и силъ не хватало. Да говорятъ еще о другихъ ошибкахъ, которыя разбирать я не могу, потому что не военный, да и грустно.

У Мортонова элига мы разстались съ Истоминнымъ и съѣли всѣ въ шлюпку чтобы отправиться къ 4му номеру на Сѣверную сторону.

Я взглянулъ на Севастополь... Боже мой! Таковъ ли онъ былъ; таковы ли были его условія два мѣсяца тому назадъ? Мы тамъ жили спокойно, по возможности и весело, не ожидая и переставъ ожидать десанта. А теперь что?...

Во время пути на шлюпкѣ, еще выстрѣлы слышались. Я молчалъ; другіе разказывали разные анекдоты и толковали о причинахъ неуспѣха.

Мое мнѣніе такое: пока будутъ дѣйствовать противъ насъ штуцерами, которые все у насъ бьютъ, и людей, и прислугу орудій, и лошадей, намъ не совладать со врагами; особливо же трудно намъ предпринимать большіе маневры когда нѣтъ у насъ генераловъ приготовленныхъ къ боевому военному дѣлу. Въ большомъ и сложномъ дѣлѣ войска растягиваются, и начальники теряютъ ихъ связь. Другъ друга не поддерживаютъ. Разсмыслной строй штуцерныхъ даетъ нашимъ противникамъ большое преимущество. Кажется намъ бы выгоднѣе дѣйствовать малыми отрядами противъ какой-нибудь мѣстности или батареи, не лезекась въ маневрированіа.

Усталый, измученный физически и морально, я бросился къ себѣ въ палатку, помолился усердно Богу и богатырски заснулъ забывъ и объ обѣдѣ.

На другой день 25го числа, въ понедѣльникъ, я постигъ князя на переходѣ. Его свѣтлость я нашелъ въ страшномъ уныніи. Онъ былъ встревоженъ, какъ сознавался самъ, до отчаянія. Это сознаніе было крайне грустно, но кончилось. Кто бы на его мѣстѣ, испытавъ вторую неудачу, остался равнодушнымъ?

Мы стали съ полковникомъ Вушемъ разсуждать о потерѣ. Всякій исчислялъ по-своему. Великіе Князья безпре-

станно подходили къ намъ съ вопросомъ: не извѣстно ли какъ велика убыль? Намъ казалось что Альминское дѣло стоило бôльшей потери. Оказалось противное. По числу раненыхъ, перенесенныхъ на Сѣверную сторону, уже видно было что убыль велика. Рапортами же съ разныхъ частей она опредѣлилась въ 12.000 человекъ. Ужасно!...

Слезы Истомина и восклицаніе: „Боже мой! чѣмъ же все это должно кончиться?“ непрестанно приходятъ мнѣ въ голову и терзаютъ душу!

Теперь мы съ княземъ живемъ на пароходѣ, т.-е. занимаемся и спимъ, а ѣдимъ въ палаткахъ, или на открытомъ воздухѣ. На пароходѣ лишутся бумаги, донесенія и приказанія.

Письмо къ военному министру отъ князя меня жестоко опечалило: онъ обнаруживаетъ въ немъ свое отчаяніе и убѣжденіе что Севастополь долженъ пасть. Не могу и мысленно допустить это несчастіе. Отчего же непременно пасть? Страдать, терпѣть, но еще не пасть. Да и моряки не допустить.

Вчера 27го числа мы получили съ флигель-адъютантомъ княземъ М. П. Голицынымъ извѣстіе что Виллебрантъ за привезенное донесеніе о дѣлѣ 13го октября произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ.

Онъ награжденъ еще болѣе тѣмъ что видѣлъ царя въ радости, что привезъ ему эту радость; но послѣ того награжденія которымъ порадовалъ и его царь, невольно спрашиваешь: чѣмъ же могутъ, послѣ этого, быть достойно награждены всѣ моряки, которые вотъ уже 24 дня безъ умолку испытываются Провидѣніемъ и твердо стоятъ на грани смерти? На землѣ нѣтъ имъ награды! Я часто объ этомъ думаю и разсуждаю съ полковникомъ Вуншемъ и разъ даже рѣшился выразить князю мое мнѣніе что пора бы и ему воспользоваться правомъ главнокомандующаго и награждать; что нельзя не награждать; что и государь—всегда столь милостивый—неоднократно предлагалъ ему раздавать награды и представлять къ наградамъ.

Къ сожалѣнію, не всѣ люди умные, очень, очень умные, одарены въ то же время и добрымъ сердцемъ! А есть даже и такіе которые считаютъ стыдомъ проявлять въ себѣ существованіе сердца и въ жизни своей поставляютъ для себя особенною задачею мёртвить всѣ чувства и какъ можно прочіе закалить сердце.

Грустно и грустно! А сколько такихъ героевъ, которые уже и покончили свое земное полприще, не утѣшенные ни малѣйшимъ вниманіемъ къ ихъ воинскимъ подвигамъ. Для нихъ, конечно, земной награды ужъ не нужно. Но какъ примѣръ, какъ поощреніе для другихъ, которымъ не пришла еще очередь пасть—необходимы и земныя награды!

Впрочемъ героизмъ и самоотверженіе севастопольскихъ богатырей такъ велики, что, повторю, нѣтъ достойной и соответственной ихъ дѣламъ награды на землѣ.

Ихъ награждать Богъ и исторія!..

Вчера—чуть-чуть было не забылъ замѣтить—Рагланъ и Канроберъ прислали къ князю письмо, въ которомъ жалуются будто бы Русскіе добиваютъ штыками лежащихъ раненыхъ враговъ; что это варварство, никогда и нигдѣ недопускаемое.

Князь показалъ мнѣ это письмо и я вылился гнѣвомъ, выразилъ князю мое опасеніе, что мы опять, по привычкѣ, будемъ какъ школьники предъ гувернерами только извиняться и просить прощенія.

Англичане, подумалъ я, громко смѣютъ называть насъ варварами, а сами грабятъ церкви и насилуютъ женщинъ, и не щадятъ дѣтей.

Не мудрено что наши иногда кололи лежащихъ; наши солдаты разказываютъ что они замѣтили, будто проклятый Джонъ-Буль нарочно падаетъ на землю, притворяясь раненымъ, а самъ лежа заряжаетъ штуцеръ и бьетъ противника по ногамъ. Ишь на какія штуки подыались! По дѣломъ если ихъ докалываютъ!

Не знаю, но искренно буду соболѣзновать если князь въ отвѣтъ станетъ только отдѣлываться учтивыми фразами. Я бы высказалъ имъ напрямикъ всю правду. Мы вѣдь все только расшаркиваемся, да раскланиваемся, даже и тогда когда насъ кормятъ пощечинами. Досадно право! Когда же наконецъ покажемъ и мы что можемъ учить другихъ, особливо великодушію и человеколюбію.

О потерѣ враговъ въ дѣлѣ 24го числа говорятъ разнo. Должно-быть однако велика. Слухи носятъ что три генерала пали и въ томъ числѣ одинъ дивизіонный.

30го октября, суббота. Сегодня я поднесъ Великому Князю копію съ приказа который отдавъ войскамъ вчерашняго числа. Приказъ этотъ составленъ мною; вотъ онъ:

Бызакъ у Сѣвернаго укрѣпленія, октября 29го дня 1854.

„Государь Императоръ душой и сердцемъ постоянно съ нами и не перестаетъ обращаться къ намъ съ монаршими своимъ отеческимъ словомъ. Вотъ что повелѣлъ онъ въ рескриптѣ на мое имя, отъ 19го числа, сказать вѣрнымъ мнѣ войскамъ:

„Надѣюсь на милость Божию; надѣюсь что начатое славно довершится. Меня счастливить геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которыми и примѣра еще не бывало. Я счастливъ что, зная моихъ моряковъ Черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго, былъ увѣренъ что эти несравненные молодцы вновь себя покажутъ, какими всегда были и на морѣ и на сушѣ. Скажи имъ *всѣмъ* что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится и всѣхъ отцовски благодарить, какъ своихъ дорогихъ и любимыхъ дѣтей.

„Вѣроятно дѣти мои придутъ еще вовремя, чтобъ участвовать въ готовящемся. Надѣюсь, что они покажутъ себя достойными своего званія; вѣрю ихъ войскамъ въ доказательство моей любви и довѣренности. Пусть ихъ присутствие среди васъ замѣнитъ меня.

„Да хранить васъ Господь въ великосердіи!“

„Товарищи! Вы уже знаете что дѣти нашего царя теперь съ нами. Вы уже видѣли что подъ непріятельскимъ огнемъ они были истинно *русскими молодцами!*

„Кто же изъ насъ не захочетъ оправдать довѣренность государя, который въ замѣнъ себя, прислалъ дорогихъ ему и всей Россіи сыновей?

„Достойнымъ отвѣтомъ нашимъ на всѣ милости царя можетъ быть только непоколебимое до конца исполненіе нашего святаго долга царю, вѣрѣ и отечеству.

„Исполнимъ же его!“

31го октября, воскресенье. Съ парохода „Громоносца“. Дѣло 24го числа, стоившее намъ людьми очень дорого, привело кажется и нашихъ враговъ въ нѣкоторое разстройство. Отовсюду доходятъ слухи что особенно у Англичанъ потеря велика. Эти слухи то поднимаютъ наши надежды, то у нѣкоторыхъ отнимаютъ, заставляя думать что враги рѣшатся на что-нибудь отчаянное и особенно на зимовку въ Крыму,—что насъ болѣе всего тревожить.

Князь Меншиковъ тоже постоянно переходитъ отъ унынія и даже отчаянія къ нѣкоторой бодрости и веселію. Впрочемъ у него не узнаешь гдѣ натура, гдѣ притворство.

Мнѣ, наблюдающему только всѣхъ и каждого, особенно замѣтно что только придуть свѣдѣнія что работы противъ Севастополя нѣсколько приостановлены, что стрельба уменьшилась, и сейчасъ пойдутъ у насъ разные толки, разные радужныя предположенія. А явится потомъ извѣстіе что воздвигаются новые редуты—и снова у всѣхъ какое-то уныніе. По моему мнѣнію ни унывать, ни радоваться до поры до времени не должно.

Будетъ все по Божьему велѣнію. Должно уповать и принимать хладнокровно и обдуманно всевозможныя мѣры къ защитѣ.

Прибывшій сюда флигель-адъютантъ князь Михаилъ Павловичъ Голицынъ, сверхъ рескрипта отъ царя, привезъ образъ отъ царицы и имѣлъ приказаніе обойти всѣ бастіоны и батареи, чтобы сказать морякамъ что государь безъ слезъ и уваженія не можетъ не только говорить, но вспоминать о защитникахъ Севастополя.

Образъ Спасителя государыня прислала какъ благословеніе свое защитникамъ Севастополя. Его обнесли по всѣмъ бастіонамъ и батареямъ и можно себя представить съ какимъ усердіемъ молились и прикладывались къ лику Спасителя храбрые наши воины, испытываемые уже двадцать седьмой день огнемъ и мечомъ.

„Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы“ гласитъ надпись на образѣ. На этомъ изреченіи и основалъ свое пастырское слово священникъ который служилъ молебствіе предъ образомъ, когда его привесли въ Михайловскую церковь.

Всѣ умиленно рыдали, слушая слово служителя алтаря.

Вице-адмиралъ Станюковичъ, губернаторъ города, прислалъ мнѣ это слово и я представлялъ его для прочтенія Ихъ Высочествамъ. Семейство царя нашего, какъ и самъ оный, чрезвычайно благочестиво.

Вчера получено извѣстіе что въ числѣ судовъ союзнаго флота есть австрійскій фрегатъ для наблюденій. Капитанъ этого фрегата донесилъ своему правительству что 5 (17) числа октября день страшной бомбардировки съ сухаго пути и съ моря, „а beaucoup coûté aux Français tant en matériel qu'en personnel, что англійскій пароходо-фрегатъ *Firebrand* взлетѣлъ на воздухъ“.

Это свѣдѣніе чрезвычайно всѣхъ насъ порадовало и князь громогласно самъ прочиталъ намъ объ этомъ депешу.

Для три уже какъ потери наши на бастіонахъ не такъ велики. Благодаря дождю канонада умѣренная. Всякій отдыхъ приноситъ душевную радость и вливаетъ какое-то отрадное спокойствіе. Каково же должны цѣниться всѣ эти минуты отдыха тѣми которые денью и ночью только и дѣлаютъ что отстрѣливаются, постоянно видя жертвы и постоянно ожидая каждый и для себя очереди! Ужасное, невыразимое положеніе!

Однако я до утомленія усталъ. Сегодня-таки досталось пописать и поработать. Сентябрь и октябрь мѣсяцъ были не совсѣмъ для насъ удачны. Что-то скажетъ наступающій завтра ноябрь?

(Продолженіе слѣдуетъ)

РУССКІЙ ХУДОЖНИКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ *

ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ

СЕМЕЙНЫЯ ПИСЬМА ПОКОЙНАГО НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА РАМАЗАНОВА

VI.

Изъ Мюнхена мы выѣхали прекраснымъ вечеромъ; вѣро отъ насъ горы лутались съ облаками. Ночь была лунная; мы не могли сомкнуть глазъ и все любовались окрестными крутыми горами, по которымъ приходилось проѣзжать. Въ этомъ случаѣ здѣшніе почталіоны выказали всю свою ловкость и умѣнье распорядиться экипажемъ и лошадьми чтобы тотъ и другіе не очутились гдѣ-нибудь въ преисподней. Съ нами въ каретѣ ѣхала изъ Баденъ-Бадена Тиролька очаровательной красоты въ своемъ національномъ костюмѣ; съ нею былъ ея малекъкій сынъ. Звуки тирольской лѣски, которую она лѣла, откликались на вершинахъ. Врядъ ли бы лѣвица на театральныхъ подмосткахъ, хоть сама Каталани, могла произвести большій эффектъ на слушателя. Представьте ту декорацію которая окружала насъ въ то время! Надъ нами висли дикія и угрюмыя скалы, на ребрахъ которыхъ держались полуразрушившіеся замки. Въ долинахъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 11ü 1877 года.

которыя иногда представлялись нашимъ глазамъ, ютились красивые домики, возвышались колокольни церквей и цѣлыя виноградники. Облака медленно опускались на горы и разстилались по нимъ. Ни одна ладья не тяготила волю потока, по берегу котораго мы ѣхали; онъ какъ бѣшеный заика, скакалъ, брызгалъ лѣной, велъ брань со встрѣчавшимися на пути его камнями и казалось лѣлъ былую свободу Тиролецъ; но послѣдніе уже не внимали его голосу и хладнокровно глядѣли на него, хлопая своими бичами или тормозя свои обозы, переваливавшіеся съ горы на гору. Вотъ декораціи посреди которыхъ Элиза заливалась въ свои лѣсныя. Оригинальность фигуры, горная свобода въ движеніяхъ и манерахъ, необыкновенный огонь въ глазахъ, французскій языкъ, которому не знаю гдѣ она научилась, сдѣлали то что я съ Кламченкой влюбился, да и не на шутку, и чуть было вмѣсто Рима не поворотили въ Баденъ-Баденъ. До сихъ поръ эта женщина видится мнѣ какъ что-то необыкновенное, и гармоника которую она подарила мнѣ на память хранилась въ моемъ чемоданѣ до послѣдняго римскаго карнавала, въ который въ полыхахъ я потерялъ мою игрушку и воспоминаніе.

Но все преходяще въ этомъ мірѣ и Инспрукъ насъ раздѣлилъ на вѣчно, за то и Инспрукъ я не видалъ, такъ что вычеркнулъ его изъ моего дорожнаго журнала. Забылъ еще вамъ описать одну черту въ моей красавицѣ. На границѣ Баваріи таможенныя обошлись съ нами весьма ласково, взглянувши на паспорта; но на чемоданъ Элизы напали и напали въ немъ огромный кусокъ шелковой матеріи на платье. Она должна была заплатить большой штрафъ, такъ что мы совершенно отчаялись видѣть ее въ прежнемъ веселомъ расположеніи духа; но она на наши сѣтованія засмѣялась, отвѣтивъ что какъ мужчины ни хитры, но никогда не перехитрятъ женщинъ. Мы узнали изъ ея словъ что она съ намѣреніемъ положила кусокъ матеріи на самый верхъ въ чемоданѣ, только бы отвратить вниманіе таможенныхъ отъ самой себя, и когда она приподняла юбку платья, то мы просто ахнули увидавъ и безподобныя кружева, и золотыя вещи и брилліантовые перстни. Она снова засмѣялась и заикалась лѣсней; оказалось что она контрабандистка. Чтѣ за красота, чтѣ за умъ, чтѣ за безнечность! а какъ лѣла!... Оставимте, оставимте этого дьявола въ образѣ женщины.

Между горами въ большой долинь лежалъ Бадень; онъ обрисовывался въ туманъ съ своими домиками и церквами какъ сквозь кисею. Въ немъ мы нашли прекрасный обѣдъ; но при выѣздѣ насъ очень поразила одна картина, сюжетомъ которой были сами жители этого города. Былъ праздникъ поминовенія родителей и намъ безпрестанно встрѣчались преживописныя группы молившихся предъ образами и изваянными Распятіями. Наконецъ встрѣтили толпу народа у церкви и увидѣли кладбище горѣвшее тысячами огней. При полномъ солнечномъ блескѣ всѣ могилы уставлены были зажженными свѣчами, что дѣлало эффектъ необыкновенный; но когда мы оставили за собою Бадень, то налетѣли ужасныя облака, грозившія намъ бурей. Благодаръ путешественниковъ мѣсяць долго и отчаянно бился съ разорванными тучами и изрѣдка освѣщалъ намъ самыя фантастическія небывалыя картины, такъ что мы едва своими глазами вѣрили. Облака ходили надъ нами и съ нами въ уровень и подъ нами. Такъ мы прѣѣхали до Триента, гдѣ насъ одолѣлъ ботатырскій сонъ. На утро восходъ солнца однако мы не проспали и были въ большомъ восторгѣ, потому что на пути къ Веронѣ на насъ повѣяло Италіей. Яркое небо, краски зелени, каларисы, тополи, виноградъ, осы, красавицы крестьянки, италіанскій языкъ, все это вмѣстѣ закружило намъ головы. Верона—чудесный, веселый городокъ; насъ хорошо кормили, давали превосходное вино, продали чудесныя сигары, однимъ словомъ было все что нужно для путешественника; однако мы въ ней оставались недолго и поторопились въ Виченцу. Не преувеличивая скажу вамъ, милые мои, что-то особенное, что-то чарующее проникаетъ въ душу когда дышешь здѣшнимъ воздухомъ. Понятны становятся и восторги Петрарки, и любовь Тасса, и Мадонны Рафаэля. Именно, нѣтъ можетъ-быть другаго мѣста въ мірѣ какъ Италия, которое могло-бы развить выше чувствительность челоѣка и его фантазію. Никакая картина, никакое перо не могутъ передать этой волшебной игры красокъ, этой всюду разлитой граціозности. Сами Италіанцы, родившіеся здѣсь, никогда не могутъ наслаждаться такъ своею родиною, какъ пришлецъ Сѣвера. Однако вотъ мы и въ Виченцѣ! Странныя распоряженія почты довели насъ до страшнаго голода, такъ что мы ужъ боялись не придется ли

намъ повторить сцену изъ Уголино; однако купленный чудесный пармеджіано и нѣсколько хлѣбовъ отъ красавицы булочницы подарили насъ отрадой. Канальи мальчишки, бѣжавшіе около кареты, такъ намъ надоели, прося подарить имъ сигаръ, что мы начали кричать имъ: *piccoli diavoli!* И точно будто чертенята! Представьте что во всѣхъ большихъ городахъ Италіи встрѣтишь мальчишекъ которыхъ иногда отъ земли не видно, а курятъ сигары. Замѣтя что у васъ сигара къ концу, онъ слѣдитъ за вами, и только что вы ее швырнете на мостовую, онъ налетитъ на нее лапкой, обчиститъ отъ пепла и въ ротъ.

Разчитавшись въ Падую съ хозяиномъ гостиницы, мы 3го ноября ночью двинулись въ омнибусъ къ желѣзной дорогѣ чтобы часа черезъ три быть въ Венеціи. О, проклятое отродье, вотъ настоящія порожденія крокодиловъ, существа хуже вилеръ, дѣти сатаны, племянники дьявола, чортъ знаетъ что такое! Вы удивитесь кого я такъ ругаю? Факиновъ, факиновъ Италіи, къ которымъ путешественникъ поладается въ руки какъ на пытку! Факиновъ, которые рѣшительно отравляютъ минуты путешественника когда бы онъ могъ восхищаться всѣмъ окружающимъ. Первый верблюдъ который вздумаетъ сдѣлать вождь по Италіи и тотъ потеряетъ съ ними свое колоссальное терпѣніе.

При чудесной погодѣ мы сѣли въ очень красиво устроенные вагоны и въ 10 съ половиной часовъ утра двинулись съ мѣста. Сердце билось сильнѣе и сильнѣе приближаясь къ Венеціи. Начались огромныя болота, мимо которыхъ мы ѣхали довольно быстро. Наконецъ завидѣли Адриатическое море. Чтобы сдѣлать формальное сообщеніе Венеціи съ материкомъ теперь идетъ гигантская работа, именно дѣлается насыпь земли и бутовка, дабы на нихъ устроить какъ на мосту желѣзную дорогу прямо въ Венецію. Когда намъ надо было пересеживаться изъ вагоновъ въ почтовые гондолы, то мы нѣсколько растерялись увидѣвъ что наши чемоданы несли въ какой-то сарай; мы разсуждали съ Климченкой куда намъ самимъ дѣться и въ это время подвернулась намъ маленькая фигурка какого-то путешественника, который очень внятно объяснилъ намъ по-русски куда намъ слѣдовало идти. Это былъ Французъ, живавшій проездомъ въ Россіи; мы его отблагодарили и отплыли къ Венеціи въ почтовыхъ гондо-

лахъ. Когда уже мы были близъ таможи, то могли об-
нять глазомъ эту дряхлую красавицу которая и въ уни-
женіи своемъ все еще прекрасна. Славная и свободная Ве-
неція со своимъ богатствомъ, съ роскошью жителей, съ сво-
ими мудрыми дожами, съ гондолами, съ своими брави, ле-
житъ теперь на морѣ скелетомъ былаго величія. Какое-то
очень грустное чувство вкралось въ душу при видѣ этого
города, вѣкогда полнаго сильной и могучей жизни; съ
проведеніемъ къ ней желѣзной дороги она еще болѣе измѣ-
няетъ свой характеръ. Къ довершенію впечатлѣнія полу-
ченнаго отъ Венеціи мы услышали изнутри города бой
австрійскаго барабана, который вторился надъ водами
Адріатики, гдѣ уже не скользятъ раззолоченныя гондо-
лы; послѣднія облекались какъ въ трауръ въ черную фла-
вель или сукно, что еще болѣе придаетъ печальный видъ
Венеціи. На пути по морю къ городу намъ встрѣчались
лодки, пассажиры которыхъ протягивали къ намъ въ гон-
долу мѣшки, привязанные на палкахъ, для того чтобы
мы давали милостыню. Изъ этого можно вывести что ни-
щихъ въ Италіи можно раздѣлить на сухопутныхъ,
морскихъ и воздушныхъ; послѣдніе обыкновенно помѣ-
щаются на подножкахъ кареты откинувъ одну ногу въ
воздухъ. Въ почтовой гондолѣ мы были въ числѣ десяти
человѣкъ Италянцевъ, которые очень горячо разсуждали
между собою о постройкѣ моста къ Венеціи; я съ Клим-
ченкой мѣнялся замѣчаніями и впечатлѣніями; наконецъ
мы, пораженные видомъ Венеціи, въ продолженіе послѣдняго
перѣзда не проронили ни слова. Наши оригинальные ко-
стюмы и молчаливость возбудили вниманіе Италянцевъ,
начавшихъ дѣлать догадки: кто бы мы такіе были? По-
слѣ разныхъ предположеній, они рѣшили что мы должно-
быть Жиды съ Мальты, и по этому случаю начали раз-
говаривать съ нами лоскѣиваться. Я весьма хорошо понималъ ихъ раз-
говоръ; но отвѣчать не умѣлъ, да и совершенно былъ
занятъ другимъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ спросилъ: да
вѣдь они вѣрно говорятъ по-италіянски или по крайней
мѣрѣ понимаютъ? Другой уставивъ на меня глаза, отвѣчалъ:
„думаетъ мало, вѣст много“. Чортъ знаетъ, подумалъ я, кто
имъ даетъ право ругаться надъ путешественникомъ; однако
это насъ болѣе разсѣлило нежели разсердило. Съ почто-
вой гондолы мы явились въ таможенную за чемоданами, а тамъ

навявъ городскую гондолу поѣхали по главному каналу, и въ два часа пополудни уже отдыхали въ Hôtel de l'Europe. Въ слѣдующемъ письмѣ * я предложу вамъ прогуляться по Венеціи и локататься въ гондолѣ.

VII.

Какъ ни хорошъ край въ которомъ я теперь живу, однако частенько приходятъ такіа грустныя минуты которыя заставляютъ хоть кого броситься въ Тибръ, но послѣдній такъ мутенъ что пропадаетъ охота толиться. Но за то зима выручаетъ часто все; представь, у меня каждый день въ комнатахъ свѣжія розы, которыя я самъ также на дняхъ привезъ изъ Виллы Мадама. Ты можетъ-быть захочешь узнать подробности объ этой виллѣ; изволь: *villa Madama* лежитъ на отлогости горы; построена по рисунку Рафаеля; пропорціональность цѣлаго и частей и въ особенности украшенія, живописныя и скульптурныя фрески, очаровательно граціозны; но все это проживетъ недолго потому что вся вилла въ ужасномъ запущеніи; когда мы входили въ нее, то встрѣтили только лай собаки и мѣрные шаги сторожа. И вотъ жилище гдѣ нѣкогда красовалась Маргарита Австрійская, вдова Александра Медичиса, потомъ жена Октавія Фарнезе, герцога Пармскаго, который также любилъ изъ этой виллы любоваться видомъ Рима и его окрестностей. Чтѣ за мѣсто!.. но можно ли на почтовомъ листѣ бумаги передать все необъятное пространство, всю необъятную прелесть, представившуюся моимъ глазамъ, когда я обернулся къ Риму, къ этому умершему исполнѣ, который прекрасенъ и въ гробу своемъ. Но чтобы не разочароваться имъ, не надо вступать въ него, не надо узнавать настоящей жизни Римлянъ, которые живутъ на счетъ славы своихъ предковъ, кормятся подаваніемъ любопытныхъ иностранцевъ; самъ пала мнѣ не болѣе какъ кустодъ Ватикана.

На этихъ дняхъ я получилъ письмо отъ самого К. А. Тона, въ которомъ онъ мои рисунки называетъ предестим-

* Этого письма не сохранилось. Можетъ-быть не было и писано. Въ дальнѣйшемъ художникъ описываетъ свое пребываніе въ Римѣ.

ми и вообще всеми-рисунками чрезвычайно доволенъ. Паменовъ въ своемъ письмѣ отвѣтилъ мнѣ что его задержали древніе русскіе костюмы, которые онъ только-что получилъ изъ Петербурга и что немедленно перешлетъ свои рисунки, о чемъ я сегодня же пишу къ Константину Андреевичу. Какую я бумагу купилъ для чистыхъ рисунковъ, просто прелесть! Надо будетъ щегольнуть работой предъ царемъ; мнѣ очень жаль что можетъ-быть вамъ не удастся увидѣть этихъ рисунковъ. Недѣли черезъ двѣ я надѣюсь ихъ уже послать. Статую мою я работаю постоянно и на дняхъ почти всю переломалъ; спросите почему? Попалась новая модель лѣтъ лятнадцати; да такая красота, такія пропорціи, такія неувловимыя линіи что я непремѣнно рѣшился придерживаться ея характера. Оно будетъ дольше; да вѣдь Италіяны говорятъ: presto e bene non conviene. На мраморъ же выправлять и перемѣнять не свой братъ. Я кажется писалъ что купилъ мраморъ; будучи увѣренъ что этотъ чудесный кусокъ принадлежитъ мнѣ, я уже взялъ деньги для уплаты, а вышло что мраморъ купилъ другой, именно скульпторъ Вольфъ, накинувъ на него 100 рублей противъ меня. Еслибъ я зналъ эту проделку я бы самъ накинулъ столько же, потому что мраморъ удивительный, безъ пятенъ, лютный, искристый и стоилъ всего 1.000 рублей, что было очень дешево для такого куска. Досадно, но вооружаюсь терпѣніемъ и ожидаю привоза изъ Каррары. Коммиссіонеръ мой къ частію пречестный человекъ, тотъ же самый который служилъ Логановскому и теперь служить Ставассеру. Какъ мила, друзья мои, *Русалка* Ставассера! Она будетъ истиннымъ украшеніемъ на выставкѣ; теперь она начинаетъ проглядывать въ мраморъ. Скажу вамъ, но по секрету, что послѣ статуи надъ которой работаю я думаю сдѣлать Діогена съ фонаремъ ищущаго людей; въ эскизѣ онъ моимъ товарищамъ очень нравится. Этого сюжета еще никто не трактовалъ. Изученія будетъ очень много; сама по себѣ статуя, исполненная цинизма и насмѣшливаго ума, должна быть интересна, а чего добраго еще какой-нибудь Англичанинъ захочетъ ее имѣть, для того чтобы зажигать фонарь у Діогена. Есть еще у меня для фонтана маленькая группа, даже двѣ; какъ сдѣлаю имъ эскизы, то напишу вамъ о сюжетахъ и даже приложу рисунки; теперешней же статуи рисунокъ надѣюсь

приложить въ будущемъ письмѣ. Переводъ Шлегеля уже на половинѣ; но я его теперь должень оставить; безъ того занятій очень много накопилось. Теперешнюю мою натурщицу зовутъ Розой; и точно роза, только загорѣлая на дѣшнемъ солнцѣ; она зная всю лыкость локонниковъ красоты и изящнаго, не иначе приходитъ въ мастерскую какъ съ матерью. Съ недѣлю тому назадъ ко мнѣ ходила также молоденькая натурщица, въ сопровожденіи матери съ груднымъ ребенкомъ и двухъ малятокъ братьевъ, такъ что мастерская моя принимала видъ дѣтской. Вотъ полюбуйте семейною картиною! Работать въ этомъ случаѣ не такъ-то ловко, да что жъ дѣлать? Блюдутъ невинность.

Вчерашній вечеръ я уже кажется осьмой или девятый разъ слышалъ Фреццоллини въ *Беатриче*. Что за лѣвица, да самая оперы такъ страстна и уваскательна что слушалъ бы ее вѣчно. Голосъ примадонны нельзя сказать чтобъ былъ слишкомъ обширенъ; но за то уже такъ обработанъ и округленъ искусствомъ и внутреннимъ чувствомъ; ноты какъ жемчужинки катятся и навязываются на нить вниманія публики. Вы можете-быть замѣтите что я нынче выражаюсь по-восточному; не удивляйтесь: проживя въ Римѣ можно заговорить и заговориться. Въ последнемъ случаѣ извините и не будьте строги. Итакъ обратимся опять къ оперѣ, въ которой также участвуетъ Поджи, мужъ Фреццоллини; но онъ повидимому скоро окончитъ свое поприще; голосъ его лагаетъ. Вчера также давалась сцена изъ *Лукреціи Борджіа* и была выполнена превосходно. Теперь я хочу поговорить съ вами о весьма любопытной матеріи, именно о балетѣ италіянскомъ, который поразилъ меня своею оригинальностью еще во Флоренціи. Представьте себѣ толлу людей, дѣйствующихъ по извѣстному сюжету, которые чувствуютъ, радуются, негодуютъ, любить, ревнуютъ, въ одинъ тактъ, въ одну мѣру музыки. Эта неестественная игра актеровъ до того странна и натавута что думаешь видѣть предъ собою куколъ, шевелящихся въ силу какой-нибудь одной пружины. Начинаешь неволью смѣяться и игра какого-нибудь отдѣльнаго лица исчезаетъ въ этомъ хаосѣ жестовъ, на которые ужасно щедра пылкая италіянская природа. Нынѣшнюю зиму въ Римѣ была превосходная танцовщица Чиррита; отъ нея вся молодежь съ ума сошла, а *principi* и *conti* просила у мамы

позволенія вѣнчать ее золотымъ вѣнцомъ, на что пала отвѣчалъ что Римъ вѣнчаетъ только головы, а не ноги. Послѣ послѣдняго представленія Чиритту забросали цвѣтами, оглушили криками, и когда за ужиномъ въ скалинадѣ (трактиръ) какой-то страстный обожатель танцовщицы принесъ флагъ съ которымъ она танцевала характерный тамецъ, то мы всѣ чуть не разорвали его по частямъ. Теперь primaдонна балета Монти, которая создана для того чтобъ очаровывать художника своею восхитительною стройностью и игрой физиономіи. Я съ Бене влюбился въ нее по уши и вызываю ее каждый разъ отъ души, такъ что я уже сломалъ зонтикъ который купилъ въ Дрезденѣ, стуча изо всей силы объ полъ. Надо посмотрѣть что такое здѣсь восторгъ публики или ея негодованіе. Представьте, не понравится вещь: если въ это время играетъ музыка, начинаютъ шикать, свистать, гукать подъ ея тактъ. Истинно музыкальный народъ! Ничего безъ такта не дѣлаетъ. Здѣсь есть нѣкто Сассандро, содержатель кукольнаго театра, называемаго Fiano. Это драхмый старикъ съ большимъ умомъ, смѣется надъ современностью, и цѣлыя сцены изъ настоящей жизни у него разыгрываютъ куклы, механизмъ которыхъ удивителенъ. Кассандро — Гофманъ въ своемъ родѣ; онъ своими куклами щелкаетъ страстишки людей; хоть и смѣются зрители, но въ этомъ смѣхѣ много и горькаго, потому что театръ посѣщается больше взрослыми нежели дѣтьми. Кассандро уже не одинъ разъ сидѣлъ и въ сарсеге за свои выходки; разъ какъ-то по его сценѣ должно было проходить ослу, который между прочимъ, спутавшись ногами, не могъ двинуться съ мѣста. „Странно, сказалъ Кассандро, за кулисами, у насъ нынче ослы въ большомъ ходу, а этотъ не двигается впередъ, хоть тресни!“ Публика локатилась со смѣху, а Сассандро взяли подъ руки карабинеры. Въ продолженіе полутора часа которые просидишь въ Fiano куклы удивительно примелькаются въ главахъ; къ тому же жесты первыхъ персонажей восхитительно вѣрны и всегда отвѣчаютъ рѣчамъ, которыя произносятся за кулисами Кассандро и его компаніей; тутъ же и маленькій, уже не кукольный оркестръ; такъ что все это вмѣстѣ заставляетъ забыть и видѣть какъ бы настоящихъ людей. Но уже нѣтъ ничего смѣшнѣе, когда посреди этого забвѣнія вдругъ появится рука изъ облаковъ, или изъ лѣсу, для

того чтобы поправить поднявшееся платье у какой-нибудь придворной дамы, или отцѣпить какого-нибудь франта отъ люстры, который спускаясь по парадной лѣстницѣ задѣлъ за нее своими фалдами; появленіе такой руки дѣлаетъ ужасный эффектъ и производитъ фуроръ между зрителями. Вы можете быть удивитесь какъ меня занимаетъ этотъ кукольный театръ, но я скажу вамъ откровенно что смерть люблю его посѣщать; онъ наводитъ на столько мыслей что каждый разъ какъ оставишь его такъ и просится перо въ руки.

Теперь весь Римъ въ большой ажитаціи, иностранцевъ наѣхало бездна, всѣ въ ожиданіи карнавала; уже готовятся платья, вывѣшиваются въ магазинахъ всевозможныя маски. Всѣ заняты одною мыслью повеселиться; можете себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ я, какъ новичокъ, жду этого зрѣлища, жду когда будетъ поданъ знакъ къ началу этого сумасшедшаго праздника. Меня удивляетъ то что назначеніе колокола въ Капитоліи только двоякое и чрезвычайно противоположное. Представьте, въ него ударяютъ только въ началѣ карнавала и потомъ въ минуту смерти лалы.

Теперь устраиваю мастерскую, которая между прочимъ сыра и холодна; но весна уже повѣяла своимъ дыханіемъ, въ поляхъ поднимаются цвѣты, а тамъ не замедлятъ и жары, во время которыхъ моя мастерская, какъ говорятъ всѣ, будетъ отрада. Я уже приискалъ хорошія модели, которыя не будутъ стоить дорого, за исключеніемъ женскихъ. Кривцовъ, уѣзжая отсюда, взялъ мои рисунки; я послалъ ихъ лять, не знаю которые выберутъ и утвердятъ работать изъ мрамора. Чтѣ затѣялъ я? вы спросите, и я скажу: Неалолитанскаго мальчика, слушающаго шумъ въ раковинѣ, потомъ играющаго въ бильбоке, потомъ ребенка плачущаго надъ разбитыми ядами, потомъ Нимфу которая ловитъ на своемъ плечѣ бабочку и наконецъ Вакханку отягавшую у Фавненка свирѣль. Иду къ Porto del Popolo и оттуда обратившись къ той сторонѣ гдѣ Петербургъ, кланяюсь въ поясъ родной землѣ и всѣмъ моимъ милымъ роднымъ и знакомымъ; да не забудьте поклониться отъ меня старушкѣ Марьѣ Васильевнѣ и кормилицѣ Дарьюткѣ.

Вообразите что здѣсь если надо позвать кого, то махаютъ рукой не къ себѣ, а отъ себя; чтобы лошадь заставить идти впередъ, то кричатъ: лтру! между тѣмъ какъ у насъ

это совершенно наоборотъ. Въ первое время ѣздивъ за городъ верхомъ и не зная что техника Юга такъ различается отъ сѣверной, я чуть не сломалъ шею черезъ это проклятое, теперь для меня двусмысленное лтру! Каратыгны ужасно надъ этимъ смѣялись; да что жь дѣлать, вѣдь что земля то обычай.

VIII.

Какъ только наступитъ совершенная весна, такъ сейчасъ буду рисовать окрестности и хотя изрѣдка пересылать къ вамъ въ письмахъ. Недѣли двѣ назадъ здѣсь рубили головы двумъ убійцамъ; я не имѣлъ времени сходить посмотреть; но здѣсь эти случаи перѣдки, предъ карнаваломъ кажется опять повторится эта операція. Ночныя нападенія съ ножами здѣсь весьма обыкновенная вещь; тѣ которые изъ насъ потрусливѣе рѣдко ночевать идутъ домой, если засидятся гдѣ поздно. Двое которые порѣшительнѣе заласались pistolsами; но это совершенно лишнее, потому что на дняхъ нашли зарѣзаннаго, а pistolsы были заряжены; не услѣлъ бѣдлага курковъ вывести или оробѣлъ. За меня не бойтесь. Итальянцы учатъ что въ случаѣ какой-нибудь неприятой встрѣчи надо отдать все что имѣешь въ карманѣ, а главное дѣло не кричать, иначе худо.

На этихъ дняхъ я потерялъ и голову и голосъ, но за то вышелъ насморкъ и кашель. Карнавалъ кончился 20го февраля и насталъ теперь для всѣхъ насъ отдыхъ какъ будто послѣ какой-нибудь битвы: кто намахалъ себѣ руку, кому подшибли глазъ, кто обжогъ носъ, а ревностѣйшіе локонники карнавала совершенно расклепались и неспособны управлять ни однимъ членомъ. Происхождение карнавала намъ извѣстно; бѣгъ же лошадей введенъ, какъ говорятъ, незадолго до Наполеона; прежде бѣгали по Корсѣ Жиана, на которыхъ надѣвались мѣшки; во время бѣга эти несчастные получали ужасные удары и толчки, такъ что иной не добѣгалъ живой до конца улицы. Мученики-бѣгуны покупали себѣ этимъ на годъ свободу проживать въ Римѣ, и съ каждымъ годомъ былъ новый карнавалъ и было новое страданіе угнетенныхъ, которымъ со временъ императора

Тита отведенъ въ Римъ особый уголокъ, гдѣ впрочемъ они живутъ ужасно нечисто и ихъ городскія ворота запираются ранѣе нежели въ прочихъ частяхъ города. Въ настоящее время Жиды являются въ утро первого карнавальнаго дня въ Капитолій и тамъ сенаторы даруютъ имъ свободу прожить слѣдующій годъ и берутъ за это позволеніе очень порядочную сумму денегъ, которую и употребляютъ на издержки праздника; главныя же издержки составляютъ денежныя призы для лошадей.

Наканунъ карнавала капитолійскіе лакеи, одѣтые въ красивые костюмы, развѣзжаютъ по городу верхомъ; при нихъ знамена изъ дорогихъ тканей, назначенныя также призами для скачки; трубачъ возвѣщаетъ канунъ праздника.

Теперь дайте мнѣ вздохнуть, друзья мои, а то силъ не хватитъ описывать дурачества большихъ дѣтей, къ числу которыхъ не замедлилъ пристать и я.

Ну теперь прислушайте!

Отобѣдавши дома въ два часа, вмѣстѣ съ Климченкой и Рязановымъ, мы слышали крики масокъ, появившихся на улицѣ гдѣ я живу. Я не намѣренъ былъ шалить и потому одѣвшись въ свое *quattro cento* отправился на Корсо, которое уже было усыпано пескомъ и народомъ. Изъ оконъ домовъ развѣвались разноцвѣтными тканями; большая часть магазиновъ были обращены въ лавки, убранныя на всевозможныя лады; балконы были обиты лентами; изъ всѣхъ улицъ устремлялся народъ; окна и балконы залестрѣли красавицами. Карнавалъ еще не начинался, ждали проѣзда сенатора; только горѣвшіе нетерпѣніемъ изрѣдка перебрасывались цвѣтами. Вдругъ послышалась музыка... Народъ разступается и лалокъ гвардія проходитъ церемоніальнымъ маршемъ, потомъ послѣдовали драгуны и наконецъ послышались трубы. Въ великолѣпной каретѣ которую везли лошади убранныя со всею помпой, явился сенаторъ; за нимъ слѣдовали еще нѣсколько каретъ со свитой. Поѣздъ скрылся и карнавалъ началъ разгораться; но мнѣ какъ-то странно показалось это перебрасываніе конфетами, эта мѣла букетами; я не встрѣчалъ ни одного знакомаго лица, мнѣ стало крѣпко грустно и я побрелъ вдоль по Корсо между экипажами, съ цѣлю посидѣть въ Швейцарской кондитерской, встрѣтить тамъ моихъ товарищей, какъ вдругъ.... не увидѣвъ свѣта,

осадила отъ муки, которой не пожалѣла потратить на меня пробѣжавшая мимо маска. Мука была за галстукомъ, на волосахъ, въ ушахъ; а черное бархатное *quatro cento* обратилось совершенно въ костюмъ лаца. Маска не довольствовалась тѣмъ что осыпала меня чуть ли цѣпымъ мѣшкомъ муки, а еще давай растирать ее на мѣ и валять какъ пирога, сопровождая эту любезность непотрѣвыми криками. Толпа и публика бывшая въ близъ лежащихъ окнахъ и на балконахъ начала на меня гукать, такъ что я совершенно растерялся въ первую минуту; но когда встрѣтившійся мнѣ Штернбергъ сказалъ что это также одно изъ удовольствій карнавала, я оправился, пошелъ далѣе по Корсу чтобы скорѣй достичь кондитерской, гдѣ и обчистился, и въ ту же минуту самъ получилъ непремѣнное желаніе кого-нибудь осыпать мукой, тѣмъ болѣе что узналъ кто была коварная маска. Только-что выхожу изъ дверей кондитерской, на меня летитъ дождь цвѣтовъ изъ коляски, гдѣ сидѣли знакомыя мнѣ русскія дамы. Представьте, отвѣтитъ нечѣмъ, я только рассказывался, ловилъ букеты и благодарилъ. „И видно что новичокъ въ карнавалъ!“ кричали мнѣ Воробьевъ и Монигетти, сопровождавшіе дамъ на залаткахъ. Я опрометью бросился искать цвѣтовъ и выждавъ коляску отвѣчалъ букетами и повеселялъ въ минуту какъ самъ карнавалъ. На слѣдующіе дни я уже былъ поумнѣе и посмѣлѣе, уже два раза проѣзжалъ самъ съ моими товарищами въ коляскѣ, и мы потратили въ два раза тысячи безъ малаго четыре букетовъ, а конфеты лудами намъ сыпали въ коляски. Пестрота нарядовъ, перелалка мучными конфетами, улыбки прелестнѣйшихъ женщинъ, крики, фарсы замаскированныхъ, импровизаціи; тутъ дѣлаешь ручку, тамъ бросишь отборную, щегольскую конфету, здѣсь самому тебѣ дѣлають ручку и отвѣчаютъ прекрасною конфетой; шумъ, гвалтъ, шалости, сумасшествіе! Старики и тѣ, особенно иностранцы, просто теряютъ умъ пуская такіа облака отъ конфетъ, что иной разъ возвращаешься домой какъ слоеный пирогъ. Я уже рѣшился доканать насъ карнаваломъ, такъ слушайте же! Когда мы ѣхали во второй разъ, то оказалось что ловчѣе прочихъ бросалъ и букетами и конфетами я, такъ что удивилъ самихъ Итальянокъ, стоявшихъ на высокомъ балконѣ одного огромнаго палаццо; я бы и самъ былъ готовъ къ нимъ

броситься, но чувствовалъ себя тяжелѣе всякаго букета и конфеты. За то докторъ Маркузи (изъ Дерпта) что ни бросить конфету, то вѣлпитъ въ стѣну или просто обронить; мальчишки пользуются этимъ и поднявши, иногда изъ грязи, тутъ же продаютъ вамъ. Однако будемъ продолжать о моей ловкости. Коляска наша остановилась на Piazza di Spagna, гдѣ въ одномъ изъ палаццо мы увидѣли удивительной красоты дѣвушекъ; окна были высоки и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ выстрѣловъ букетами рѣшили, чтобы я бросилъ конфетой. Дѣвушки кланялись намъ, улыбались, благодарили, дѣлая ручки, когда завидѣли въ моихъ рукахъ отличную конфету; но не она занимала ихъ, а предпочтеніе ихъ окна, и такъ-сказать, самая высокая степенъ предпочтенія, которая высказывается или отборѣйшимъ букетомъ или отличной конфетой. Я размахнулся изо всей силы, швырнулъ и конфета была въ рукахъ красавицъ; но въ то же время Рихтеръ, молодой человекъ, прѣхавшій изъ Петербурга, бывшій также съ нами, схватилъ себя за глазъ. Мы всѣ перепугались, и красавицы наши тоже. Я съ Рихтеромъ сейчасъ изъ коляски и на дворъ этого палаццо; швейцаръ намъ указалъ фонтанъ, въ который Рихтеръ погрузился вѣтмъ лицомъ, а я держалъ его за воротникъ; мнѣ крайне было совѣстно предъ нимъ, къ тому же я только-что съ нимъ познакомился; но онъ, отвѣтя что это можетъ случиться съ каждымъ, черезъ минуту былъ опять въ коляскѣ, и мы уже раскланивались съ вивонницами его несчастія. Къ сумеркамъ карнавалъ особенно разыгрывается и становится шуменъ необыкновенно; иногда лоторолишься отвѣтить на букетъ и въ торопяхъ бухъ..... прямо въ корзину съ мучными конфетами; иногда конфетой попадаешь въ лобъ хорошенькой женщинѣ, но все заканчивается улыбками и весельемъ. Красавицамъ такъ не приходится оставлять улыбки: постоянный дождь цвѣтовъ безпрестанно мелькаетъ предъ ихъ глазами. Нельзя не веселиться выйдя на Корсо, и веселишься совершенно какъ дитя; бѣснуешься какъ сорванецъ, потому что все бѣснуется. Предъ тѣмъ временемъ какъ надо бѣжать лошадямъ полиція распоряжается удивительно; по давному знаку, въ одну минуту на Корсо не видно ни одного экипажа—всѣ по сосѣднимъ улицамъ. Наша коляска помѣстилась недалеко отъ Корсо, и мы стоя на мѣстѣ въ ожиданіи бѣга спросили себя

вина и сигаръ. Только - что принялись подкрѣплять себя, какъ вдругъ слышимъ погребальное лѣніе, глядимъ—несутъ покойника съ факелами. Похоронное шествіе скрылось въ сосѣднюю улицу; маски встрѣтившіяся съ покойникомъ становились на козлы также какъ и не замаскированные; тутъ и весельчакъ пудличинель пересталъ веселиться, и букетъ дѣвушки, которая готова была бросить его юношѣ, сжался въ рукѣ испуганной видомъ смерти; на меня это появленіе сдѣлало чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Но чрезъ минуту же встрѣча съ жеманной которой я постоянно бросалъ букеты кучамъ, и получалъ также, совершенно прогнала печальную картину взволнованнаго воображенія. Скачка лошадей кончилась и насъ пустили опять на Корсо, гдѣ уже начались послѣднія ноты веселья: крики, лѣсны, скаканье на чужіе залатки, скачки въ чужія коласки. Но я останавливаюсь на этомъ, потому что хозяйка моя дурно распорядилась не купивъ мнѣ масла, которое уже выгорѣло все въ лючерѣ и мнѣ по необходимости надо, закуривъ трубку, идти въ постель. Прощайте, до завтра.

Лошадей для бѣга спускаютъ на Piazza del Popolo, гдѣ и устроены для зрителей особыя ложи и другія мѣста попроще. Любопытно видѣть эту несмѣтную толпу народа, въ которой до сихъ поръ не остыла страсть къ зрѣлищамъ; ту самую толпу, предки которой оставили намъ Колизей со всею кровавою его повѣстью. Въ народѣ не умолкаютъ въ это время крики, гуканье и свистъ; предъ бѣгомъ взадъ и впередъ проскакиваютъ драгуны и народъ въ ожиданіи бѣснуется. Стоить только выбѣжать на середину Корсо собакъ, ее начинаютъ гнать, гукать на нее, вслѣдъ за этимъ раздается хохотъ, и услуживное животное, поджавши хвостъ, пробѣгаетъ иногда всю улицу, сопровождаемое всегда ужасными криками. Повсюду маски, говоръ, смѣхъ. Но вотъ выводятъ лошадей и останавливаютъ у натянутой веревки: ихъ едва сдерживаютъ, при мнѣ одна скакнула за преграду и не удивительно; представьте, чтобы больше разгорячить ихъ, привязываютъ намъ ними на проволокахъ серебряныя бляхи съ иголочками, даже зажженный труть; къ ушамъ позвонки и въ разныхъ мѣстахъ фольгу листами и колокольчики, такъ что при малѣйшемъ движеніи лошади все это ее беспокоитъ и пугаетъ, и

въ заключеніе предъ самымъ бѣгомъ изъ кормятъ хлѣбомъ обмоченнымъ въ вино; онѣ льявѣютъ. Превосходная картина когда ихъ сдерживаютъ стальеры; какъ красиво, какъ чудесно рисуются эти груллы. Но вотъ веревка опущена, и восемь скакуновъ летятъ стрѣлами; разноцвѣтныя перья помѣщенныхъ на головѣ развѣваются, уборъ гремитъ и звенитъ, народъ сопровождаетъ опередившихъ одобрителными криками, а остальныхъ гуканьемъ и свистомъ. Въ другой разъ я былъ на Pizze di Spagna и ожидалъ когда лошади должны были прускакать. Въ окнахъ Palazzo di Spagna помѣщаются сенаторы, раздающіе призы и наблюдающіе за первенствующею лошадыю; въ концѣ Корсо натянуты два хоста, которые служатъ преградой. Я помѣщался на нарочно устроенныхъ мѣстахъ и въ ожиданіи бѣга началъ бросать букетами въ очень хорошенькую дѣвочку, бывшую противъ меня; но ловкость мнѣ измѣнила опять и я сбилъ шляпу одному bigasone (самому буйному званію изъ здѣшняго простонародья), шляпа полетѣла по Корсо и подава поводы къ новымъ свисткамъ и гуканьямъ. Олѣ взбѣсился, но я сейчасъ обратился къ нему съ извиненіемъ; дѣло кончилось ладно. Вообще говоря Италіянцы въ веселыя минуты принимаютъ шутку и рѣдко бываютъ ссоры въ подобныя праздники; каждая Италіянка, какого бы званія ни была, отвѣчаетъ на букетъ букетомъ; только заѣзжія дамы, при общемъ весельи, иногда не оставляютъ своей надутости и важности и за то наказываются жестоко. При мнѣ одинъ красивый Италіянецъ бросилъ—не назову по имени,—въ одну русскую барышню букетомъ, а она не отвѣтивъ на это еще бросила букетъ въ сторону; Италіянецъ вслыхнулъ и цѣлая лригоршая мучныхъ конфетъ брызнула въ несовсѣмъ смазливое личико русской барышни. Англичане, то-есть только мушны, позволяютъ себѣ ужасныя глупости и также жестоко бываютъ наказаны; ихъ подчуютъ со всего размаха алеельсинами и лицами начиненными мукой. Однако я отсталъ отъ лошадей, которыя бѣгутъ очень шибко и вотъ уже близки къ назначенной мѣстѣ. Поглядите какое молодечество въ этихъ стальерахъ, которые бросаются на шею, на груди бѣшеннымъ лошадямъ. Здѣсь снова картина и восхитительная! Ее можетъ передать только живописецъ и странно что до сихъ поръ никто не воспользуется этимъ сюжетомъ. Лошадь выигравшая призъ подводится къ окну занятому сенаторами и

стальеру, которому она принадлежитъ, вручается знамя, а потомъ деньги. Вы думаете можетъ - быть что этимъ и кончилось описаніе карнавала. Нѣтъ, погодите, я васъ также имъ измучаю какъ онъ измучилъ меня.

Пойдемте теперь въ театръ, гдѣ разыгрываются народныя сцены, о которыхъ я мало могу еще чего сказать, потому что мало помню: только 27го числа этого мѣсяца ко мнѣ началъ ходить Италіанецъ учитель. Но посмотрите на лублику которая расположилась въ ложахъ и въ партерѣ! Маски встрѣчаются безпрестанно; тутъ докторъ дѣлаетъ какого-то фразы отъ любви, предлагая ему кожаный баяжъ, который носить на своей рукѣ; тамъ мушкетеръ переодѣтый въ костюмъ Албанки съ открытымъ прекраснымъ лицомъ, сводитъ съ ума музыкантовъ въ оркестрѣ, дѣлая имъ глазки; здѣсь Пьерро тузитъ своихъ знакомыхъ по головѣ пузырями въ которомъ насыпанъ горохъ; то является Пульчинелъ съ своимъ дѣтскимъ крикомъ. Пестрота восхитительная, совершенно отвѣчающая этому празднику и заставляющая каждого шалить по-своему. Но вотъ антрактъ и вѣчное стучаніе такта лалками. Потомъ помню я еще что дѣлается въ воздухѣ. Представьте, изъ одной изъ верхнихъ ложъ спустился десятокъ бѣлыхъ голубей, у которыхъ связаны ножки и прикрѣплены букеты цвѣтовъ; но это сдѣлало ужасный эффектъ, въ ложахъ и въ партерѣ стали ихъ ловить и такъ понравилась эта выходка что въ слѣдующемъ антрактѣ вся лублика обратилась къ той самой ложѣ и начала кричать что есть мочи: голуби, голуби! Хотя непремѣнно повторенія, но его не было; да и повторенія уже не имѣютъ той цѣны, какъ и во всемъ. Теперь обратимся къ одному случаю касающемуся лично меня. Въ предпоследній день карнавала, уже въ сумеркахъ, я не имѣлъ больше ни букетовъ, ни конфетъ, и чтобы защитить себя отъ нападений пробираюсь по тротуару Корсо, накрывъ себя тою корзиной въ которой носилъ цвѣты. Вдругъ чувствую легкій ударъ по корзине, который вскорѣ опять повторился; снимаю корзину... предо мной въ ложѣ божественной красоты женщина... предлагаетъ мнѣ букетъ. Меня пришибло какъ молніей, отдать нечѣмъ, я растерялся, да и на языкѣ, то-есть моемъ италіанскомъ, сразу словъ не нашлось, бухнулъ на удачу по-французски: *Pardon madame, je ne sais comment vous le rendre!* сказалъ

я ей.—Ça ne vous empêchera pas sans doute de prendre mon bouquet. Я въ восторгѣ пожалъ ей ручку, и какъ заяцъ бросился въ близъ находившуюся кондитерскую, гдѣ по правдѣ сказать премерзкія конфеты, да дѣло было къ слѣху. Черезъ минуту я былъ у той самой лжи и отдалъ въ ручки прелестной женщины одну конфету за другой дабы имѣть случай положить пухленькую кисточку, на что мнѣ также отвѣчали. У меня въ головѣ сдѣлался пожаръ и я любѣжалъ тушить его у Лепре, обдумывая по дорогѣ какъ мнѣ поступить въ слѣдующій, то-есть послѣдній день карнавала.

20го февраля я одѣлся франтомъ, зашелъ въ лучшую кондитерскую, разорился почти на послѣдніе; но за то уже досталъ отличныхъ конфетъ. Я торопился къ заветной ложѣ, сердце горѣло какъ на угольяхъ и я все твердилъ на италіянскомъ языкѣ тѣ вопросы которые хотѣлъ одѣлать, какъ-то: будете ли вы въ фестивахъ? Въ какомъ костюмѣ? Но лучше не надѣвайте маски. Подхожу къ ложѣ... ея нѣтъ! Да и дѣвочки которая съ нею была тоже нѣтъ! Подожду, думаю! Можетъ-быть поздно встала послѣ вчерашнихъ фестивъ; однако проходитъ часъ, два и три—все нѣтъ! Я былъ взбѣшенъ когда рѣшительно узналъ что она брала ложу только на вчерашній день; экой дуракъ! сказалъ я самъ себѣ—что бы мнѣ спросить вчера, и съ этими словами долженъ былъ занести кулакъ на близъ стоявшаго мальчишку, который утащилъ въ моихъ глазахъ изъ корзинки конфету; я отнялъ и кладу обратно, и Боже! о ужасъ, это была уже послѣдняя, остальные семь украли вѣроятно въ то время когда я искалъ глазами мою красавицу. Мнѣ стало такъ досадно и горько что я послѣднюю съѣлъ самъ. О, какъ непрочно счастье человѣческое! сказалъ я и какъ убитый пошелъ по Корсо, гдѣ уже свѣтились огни, т.-е. зажигались свѣчи какъ знакъ погребенія карнавала и раздавались со всѣхъ сторонъ крики: è morto il carnevale! Окончаніе карнавала называется *moscolì*, и кто не имѣетъ свѣчки, или имѣетъ не зажженную, того дразнятъ крича: senza moscolì, senza moscolì! Молодежь всегда старается тушить ихъ у дамъ, которыхъ другая молодежь защищаетъ. Эффектъ этой картины поразителенъ и какъ я ни былъ увлеченъ этою суматохой, однако встрѣтивъ Рязанова съ обоженными носомъ и не могши забыть обмана любви послѣднимъ къ Лепре ужинать. Я Рязанова уговаривалъ идти вмѣстѣ;

но онъ до того освирѣлѣлъ что не чувствуя боли сталъ описывать свой отчаянный подвигъ, и точно, здѣсь подобная удача считается молодечествомъ; онъ что ни было у окна двѣицъ, у всѣхъ разомъ потушилъ свѣчи, да въ азартъ своею свѣчкой обжегъ себѣ носъ. Въ фестиваляхъ, т.-е. въ маскарадахъ, я любовался открытыми нецеремонными плясками низшаго класса, который весь въ маскахъ, да и вообще безъ масокъ мало, потому и интригъ и шалостей проласть; я самъ пустился интриговать и нѣкоторыхъ занялъ какъ нельзя больше; французскій языкъ мѣшалъ съ итальянскимъ, добавлялъ мимикой, забывшись иногда говорилъ и по-русски. Однимъ словомъ дурачился и веселился на пропалую. Послѣ послѣднихъ фестивалей большая часть Русскихъ собралась у Лепре и мы пили за смерть карнавала и за здоровье римскихъ красавицъ; у каждого щекотало на сердцѣ какое-нибудь воспоминаніе и мы слились въ одну дружную семью. 18го февраля мы были на вечерѣ у *Θ. А. Бруни*; у него былъ маскарадъ; мы очень пріятно провели время, танцуя съ хорошенькими Итальянками. Въ аттрактахъ были и характерные танцы. *Мме Бруни* съ *Мме Чебато* и еще съ одною Итальянкой и тремя Итальянками, танцевали салтареллу подъ звуки мандолины, на которой игралъ *Θ. А. Бруни*. Потомъ Росси танцевалъ качучу, наконецъ я вмѣстѣ съ нимъ плясалъ русскую и удалую; Итальянцы были все въ восторгѣ; одни изъ нихъ удивлялись какъ въ такомъ холодномъ климатѣ такой живой танецъ; другіе же приписывали эту живость именно холоду. У меня былъ очень порядочный русскій костюмъ и сдѣлалъ желаемый эффектъ. Когда *Пименовъ* увидѣлъ мой костюмъ и пляску, то его едва сдержалъ *Скарятинъ* за фалды фрака. Еще случай; мнѣ *Мме Больвилеръ* дала премиленькую корзинку для цвѣтовъ на *Corso*, и когда у меня не стало букетовъ, а надо было отвѣтить на букетъ одвою хорошенькой, то я бросилъ въ полыхахъ корзинку, и все что было кругомъ разразилось смѣхомъ. Addio!

IX.

Извини что замѣшался и опоздалъ письмомъ. Черварскіи праздники всему виной! Я увѣренъ что нигдѣ въ мірѣ такъ не веселятся, какъ мы веселились 2го мая. Представь себѣ кавалькаду изъ шестидесяти всадниковъ на лошадяхъ, да такое же число на ослыхъ. Надо было видѣть генерала ослиной кавалеріи: просто потѣха! Цѣлихъ еще болѣе; всего художниковъ 250 человекъ, а люболытетствующей публики которая насъ провожала въ коляскахъ и числа не было. Въ шесть часовъ утра начали собираться у *Porte Santa Maria Maggiore*. Рыцари, жандармы, Бедуины, Турки, Ганимеды; наконецъ костюмы которыхъ опредѣлить нельзя составляли самую пеструю, восхитительную картину. Штерибергъ отличился въ роли жандарма; на него безъ смѣха невозможно было смотрѣть; ну, сущій инвалидъ котораго отрыли на Альпахъ послѣ Суворовскаго похода. Щегольскими костюмами отличались Эллингеръ, Рязановъ, знаменотаскатель; Риттеръ, Монигетти, генералъ русской кавалеріи; Бетси, въ костюмѣ Бедуина; да еще много другихъ; всѣхъ не перечтешь. Около восьми часовъ явился президентъ въ колесницѣ, запряженной четырьмя быками; свита генераловъ и адъютантовъ, Шотландцевъ, чертей, солутствовала ему. Часть конницы ускакала впередъ; я, Росси и Кракау, съ тирсами въ рукахъ, предшествовали начальнику Ганимедовъ, который ѣхалъ въ телѣжкѣ, нагруженной бочками вина и убранной виноградомъ и плющемъ. Конница, ускакавшая впередъ, выстроилась парадомъ на полѣ для встрѣчи президента. Мы, какъ охранная стража виновныхъ налитковъ, проводили начальника Ганимедовъ до кухни; потомъ заняли свои мѣста между конными. Раздались звуки трюмелей, потомъ громогласное ура, которое мы здѣсь ввели очень удачно; конные составили кругъ, въ который въѣхалъ торжественно, уже верхомъ, президентъ, благодарившій всѣхъ тѣхъ которые падали съ лошадей или ословъ, или рисковали уласть. Все помирало со смѣху. Начался завтракъ, состоявшій изъ печеныхъ яицъ, ветчины и хлѣба; надо было видѣть какъ распорядилась наша полиція; какъ какой-нибудь рыцарь, прозѣвавшій лица, выпрашивалъ ихъ у жандарма,

или искалъ протекціи у ловара. Не забудь, всѣ должности исполняли художники! Во время завтрака я не успѣлъ еще войти въ роль Ганимеда, которую занималъ, и больше заботился о себѣ нежели о прочихъ; но когда уже мы достигли гротовъ Черваро, то я показалъ свою расторопность. Трудно вообразить себѣ живописность этихъ гротовъ, ископанныхъ въ камняхъ; происхожденіе ихъ неизвѣстно; постоянно же, круглый годъ въ нихъ живутъ ластухи. Предъ обѣдомъ вся толпа отправилась въ гротъ Сивиллы и тамъ послѣ сожженія фейерверка и множества уморительныхъ рѣчей и призывовъ Сивиллы, всѣ отправились на близъ лежащій холмъ, гдѣ президентъ раздавалъ награды отличившимся въ разныхъ должностяхъ; въ томъ числѣ получалъ картонный огромный крестъ владѣлецъ того мѣста гдѣ находятся Черварскіе гроты. По окончаніи раздачи наградъ, явилось Китайское посольство, которое было совершеннымъ сюрпризомъ какъ для самого президента Вервера (прекрасный акварелистъ), такъ и для всего общества. Эффектъ былъ ужасный; китайскій посолъ явился на носилкахъ подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи китайскихъ воиновъ. Тутъ были и китайскія рѣчи и привѣтствія; такъ что всѣ художники, всѣ дамы, вся публика каталась со смѣху. Вслѣдъ за этимъ всѣ отправились въ главный большой гротъ, гдѣ уже были устроены нами же столы и скамьи изъ камней, столы были покрыты вмѣсто скатертей зеленью. Президентское мѣсто на возвышеніи; его окружали знамена всѣхъ націй. Начался обѣдъ: супъ, жареное мясо и салатъ, все ѣлось руками, салатъ разносился просто въ корытахъ, Ганимеды шли при себѣ оловянные стаканы и огромныя кубышки; между Ганимедами я, по увѣренію всѣхъ, отличился въ особенности. Успѣвалъ наливать и художникамъ, и постороннимъ посѣтителямъ; въ особенности же угощалъ любопытныхъ хорошенькихъ Италянчекъ. Картина была удивительная. Смѣсь костюмовъ, націй, языковъ, слившихся въ одно цѣлое, лѣсившія на нѣсколькихъ языкахъ, потомъ мотивы изъ итальянскихъ оперъ; тарелки которыя валялись между камнями; жандармы строго отстаивавшіе свои посты; льяные Ганимеды; рыцари потерявшіе мечи и разсудокъ; генералы лишившіеся эполетъ; Бедуины которые вмѣсто салфетокъ утирались своими бурнусами; смѣхъ, крикъ, веселье на

распашку! Тосты, цѣлованья, и вся толпа устремилась по мановенію президента на ристалище. Огороженное мѣсто; главный пунктъ занятъ президентомъ, помѣстившимся съ генералитетомъ въ колесницы. Началось метаніемъ копій; цѣлю служить огромный уродъ, нарисованный на бумагѣ; кто попадалъ ему прямо въ глазъ выигрывалъ премію. Потомъ бѣгъ, скачки черезъ барьеръ; безъ сомнѣнія не обошлось безъ паденій, за которыми слѣдовали аплодисменты; публика размѣстилась за перегородками въ коляскахъ. Всѣ дѣлали все то что только могли придумать. Я подвѣля осли за переднія ноги себѣ на плечи и такъ прохаживался по ристалищу, которое должно было закончиться спускомъ воздушнаго шара; но спускавшій обжогъ себѣ лицо и руки, шаръ не полетѣлъ. Послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ всѣ собрались въ одну массу и отправились въ обратный путь. Частныхъ происшествій и анекдотовъ было столько что до сихъ поръ всѣхъ пересказать не можемъ. Я бѣсился на моего коня, потому что онъ былъ слишкомъ тихъ и я едва слѣдовалъ за кавалькадой. Бруни, котораго я встрѣтилъ въ коляскѣ, ужасно хохоталъ надъ моимъ костюмомъ и позой, которую я имѣлъ вслѣдствіе ужасной усталости. На пути сдѣлали привалъ. Вдругъ пошелъ небольшой дождь, которому мы чрезвычайно всѣ обрадовались; онъ насъ освѣжилъ. Сцены были уморительныя! Одинъ изъ жандармовъ потерялъ свой огромный деревянный палашъ и былъ въ отчаяніи; ѣздивъ на ослѣ едва держась на немъ и кричалъ: гдѣ мой палашъ? Нѣкоторые до ошибокъ надѣвали чужія шалки, шлемы; брали не своихъ лошадей и снова чтобы подкрѣпить себя искали Ганимедовъ, которые въ это время уже совершенно забыли свою должность. Кто скакалъ въ коляску, завидѣвъ въ ней хорошенькую дѣвушку; кто вставъ на заплатки, не разглядѣвъ, строилъ куры старухъ; кто плясалъ, кто пѣлъ, кто свистѣлъ. Изъ красиваго, стройнаго отряда который былъ утромъ, сдѣлался ералашъ ужаснѣйшій. Наконецъ спустили небольшой фейерверкъ. На лошадей! кричали наши генералы. На ослы! кричалъ генералъ ослиной кавалеріи и пустились въ Римъ; уже смеркалось... вдругъ зажигаютъ до пятидесяти факеловъ. Эффектъ страшный! Поѣздъ этотъ тянулся на полверсты, пестрота нарядовъ, увеличенная еще болѣе свѣтомъ факеловъ, безпреставные сюрпризы фейер-

верковъ, заготовленныхъ на дорогѣ; то лѣсія, то заздравные крики, шумъ, гвалтъ невиданный! Чудесно! Что-то совершенно новое!

Охъ! вздохнулъ я на другой день поутру; всталъ съ постели; ноги болятъ смертельно; по спинѣ будто конница проѣхала. Охъ! вздохнулъ я еще разъ и снова легъ въ постель. До сихъ поръ не могу отдохнуть послѣ этого чудеснаго праздника.

Я перемѣнилъ квартиру; теперь у меня есть солнышко, и несмотря на то что комнаты маленькія, но уютны и веселы. Вѣдь солнышко великая вещь! особенно итальянское. Подъ моими окнами маленькой дворикъ, а на дворикѣ вѣчно разговаривающій фонтанъ. Черезъ небольшую крышу, изъ оконъ виденъ садъ, наполненный лимонными и апельсинными деревьями; вамъ показалось бы что какіе-то невидимые духи собираютъ ароматъ съ этихъ растений и разносятъ его на утѣху человѣка. Я сейчасъ завтракалъ у Лепре, у котораго съ начала моего пріѣзда питалъ себя въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; но оказалось что дома обѣдать дешевле, вкуснѣе, да и вино гораздо лучше, — ужъ не говоря о несравненно меньшей цѣнѣ. Салатъ я ѣмъ какъ моль ѣстъ лѣтомъ мѣхъ, — и какихъ, какихъ нѣтъ его сортовъ. И здѣсь на блюда есть своя пора. Теперь производить фуроръ зеленый горохъ и земляника, вотъ уже недѣли двѣ. По всѣмъ лучшимъ тракторіямъ вино посредственное; въ простыхъ же австеріяхъ, въ особенности за городомъ, можно найти въ полномъ значеніи слова *vino sincero*. Любя откровенность я полюбилъ и здѣшнее вино, которое необходимо при здѣшней кухнѣ, гдѣ все готовится на свиномъ жирѣ; да и блюда вообще пикантныя, начиненныя всегда спеціями. Это кажется страннымъ, несообразнымъ въ такомъ жаркомъ климатѣ; но тебѣ еще покажется странно, когда я скажу, что здѣсь женщины, даже и хорошенькія, ужасно любятъ нюхательный табакъ; положимъ что онѣ нюхаютъ его граціозно; но для влюбливаго человѣка — это невыносимо! Такія бѣдовыя, все ищутъ сильныхъ впечатлѣній. Въ трактирахъ здѣсь обѣдаютъ, ужинаютъ, завтракаютъ и женщины, и дѣвицы, и лелы, и дѣти; сначала оно кажется дико, но потомъ и не замѣчаешь этого. Стало жарко — сюртукъ долой. Церемоніи вотъ устранены, исключая вѣроятно высшего

сословія общества; но члены этого общества, сколько мнѣ удалось узнать ихъ, заняты только франтовствомъ и то съ отсутствіемъ всякаго вкуса. У Лелре заманчивъ обѣдъ тѣмъ, что всегда встрѣтишь своихъ, послушаешь, самъ расскажешь что-нибудь, поспоришь; одинъ съ анекдотомъ, другой съ новою любовью, третій со старою любовницею; смѣхъ и говоръ постоянный. Привольно и раздольно житье здѣшнее! Вечеромъ откуда бы ни возвращался — надо проходить скалинаду, то-есть трактиръ на Piazza di Spagna; онъ бываетъ отпертъ до трехъ и четырехъ часовъ утра и вѣчно посреди уснувшаго Рима блеститъ привѣтнымъ огнемъ въ окна; вѣрно, подумаешь, есть кто-нибудь изъ нашихъ, зайду на минуточку; ну, а уже минуточка и растянется какъ угодно случаю. Въ этомъ трактирѣ можно имѣть часто хорошую рыбу, а еще лучше въ Дженсоло; но вообще здѣшняя рыба далеко уступаетъ нашей рѣчной; всегда есть какой-то запахъ. Наступили жары и мы плачемъ по нашей русской ботвиньѣ.

X.

19го мая. Расскажу одну сцену, которой я вчерашній день самъ былъ свидѣтелемъ. Стояла на улицѣ мать нищенка съ сыномъ; одинъ изъ прохожихъ бросилъ имъ байокъ; мать и сынъ бросились подаять, но мальчишка былъ проворнѣе ея, взялъ байокъ и никакъ не хотѣлъ отдать матери. Взбѣшенная женщина не оставила на малюткѣ мѣста которое бы не локрыла ударами кулака, и въ заключеніе укусила ему руку и вырвала монету. Эта сцена была звѣрская, отвратительная! Да, надо правду сказать, что звѣрства здѣсь во всемъ народѣ довольно. По приказанію полиціи, мясники не могутъ иначе провозить по городу убитыхъ быковъ, какъ покрывъ ихъ холстомъ; эта мѣра взята чтобы не приучать ихъ къ хладнокровному взгляду на кровь, а въ то же время надо посмотрѣть какъ они убиваютъ куръ, телятъ и барановъ. На площади, на улицѣ, открыто, публично, сперва дуять палками былыхъ животныхъ, и эта операція продолжается довольно долго, а потомъ уже рѣжутъ. Разгорячившійся Итальянецъ не разбираетъ ни братской, ни отеческой гру-

ди; его сердце въ эту минуту также нечувствительно какъ и ножъ которымъ онъ пырлетъ своихъ ближнихъ. Въ Сицилиі, тамъ мщеніе еще ужаснѣе, тамъ не довольствуются убить, а употребляютъ бритву которую всегда носятъ при себѣ, и рѣжутъ недругу лицо. Впрочемъ въ здѣшнемъ народѣ есть и добраго много. Я какъ-то ночью за городомъ ужиналъ въ лавѣ съ ластухами и разговаривалъ съ ними, хотя исковерканнымъ языкомъ, но долго, и они меня понимали и были очень любезны. Нѣсколько разъ сходилъ въ австеріяхъ съ простыми Италіянцами; наконецъ имѣлъ сношенія съ плотниками, кузнецами, сапожниками, и до сихъ поръ не встрѣчалъ безчестныхъ; вотъ другое дѣло виттуры, развѣзжающіе по городу съ колясками, съ ними держи ухо востро! Мошенникъ на мошенникѣ! Если навимаешь по часамъ, то за первый четыре лаоло, а за остальные по три, это въ будни, а въ праздникъ они ломаютъ цѣну какую хотятъ; а для неопытныхъ иностранцевъ всегда праздники, да и *per la bianno тако* неизбежно. Впрочемъ мы съ Петерсономъ напали и между ними очень честнаго человѣка, все съ нимъ и ѣдимъ. Для вице-консула Венеціи, прожившаго нѣсколько лѣтъ въ Германіи, гдѣ все разчитано, все размѣрено, здѣшнее распоряженіе экипажами показалось очень неудобнымъ. Но коляски, сами по себѣ, хороши и помѣстительны, такъ что мы садимся иногда въ шестеромъ. Одно несомно, что по выходѣ изъ театра, уже никогда, ни подъ какимъ видомъ, не найдешь экипажа, кромѣ нанятыхъ заранѣе. Сегодня у насъ воскресенье, и мы, какъ и во всѣ праздничные дни, собираемся за городъ обѣдать и осмотрѣть что-нибудь. О макаронахъ и ихъ кусѣ у меня не спрашивайте; я никогда не былъ ихъ партизаномъ, да и здѣсь въ ихъ отечествѣ не соблазняюсь этими хлѣбными веревками. Здѣсь ихъ готовятъ на всевозможные лады. Что здѣсь превосходно, это *аличи*, въ родѣ нашихъ килекъ; потомъ *финджи*, превкусный, сладкій плодъ, который ѣдятъ сырой; да есть много и другихъ вещей которыми можно повѣжить прихотливый желудокъ. Меня очень удивило что я въ Римѣ нашелъ пиво на диво, но лучшее все-таки въ нѣмецкихъ лавкахъ.

Теперь о моихъ ежедневныхъ занятіяхъ. Вотъ на это невозможно трудно отвѣчать, потому что еще серьезно не занимаюсь. Почему? спросить ты. Отвѣчаю: по случаю

скопленія впечатлѣній, въ головѣ произошло такое броженіе, какого я не ожидалъ. Все что было задумано, затѣяно въ Петербургѣ, всѣ планы, всѣ цѣли перелутались и я до сихъ поръ не могу освободиться отъ этого лихорадочнаго состоянія мозга; но надѣюсь на скорый переломъ болѣзни. Языкъ мнѣ дается легко и хочу изучить его до фовдовъ.

Весна обнажила предо мной всѣ италіянскія прелести, и до фортепьянъ я дотрогиваюсь только по вечерамъ и то для глупыхъ моихъ фантазій. Въ мастерской маленькіе эскизы. Любимая городская прогулка въ Ватиканѣ, въ этомъ лѣсу статуи и бюстовъ.

Я очень люблю въ верховую ѣзду, и очень часто на конѣ разѣзжаю по окрестностямъ; театръ посѣщаю охотно потому что есть теперь и лѣвцы и лѣвицы хорошіе. Съ художниками сошелся со многими, особенно изъ Нѣмцевъ и Италіянцевъ.

Тороплюсь, прощайте, цѣлую васъ всѣхъ; дай вамъ Богъ здоровья, это главное! Укладываю чемоданъ. Куда? узнаете изъ слѣдующаго письма.

XI.

Неаполь 1844, 30го мая. Теперь я еще дальше отъ васъ, дорогіе мои! Еще труднѣе обнять и поцѣловать милыхъ моему сердцу. Поѣздка моя въ Неаполь была чистою импровизаціей. Я и Рязановъ отправились на Чепрано. Только что перѣѣхали неаполитанскую границу, какъ растительность представилась намъ еще пышнѣе, богаче; да и въ Вальмоне, находящемся еще въ Палскомъ владѣніи, мы встрѣтили уже и большее изобиліе, и большую обработку земли. Лучшія картины мы видѣли выѣзжая изъ дикой долины лежащей между Албанскими, Сабинскими и Вальскими горами, которая къ югу покрыта виноградниками; но не такими виноградниками, какими мы восхищались подѣзжая къ Неаполю. Представьте себѣ цѣлые можно сказать лѣса, въ которыхъ деревья въ родѣ нашего вяза, разсаженные другъ отъ друга на разстояніи трехъ саженъ, съ одного на другое дерево переброшены пышными гирляндами виноградныхъ

лозы и все это провизано самымъ яркимъ солнцемъ. Смотришь—очаровываешься; это просто что-то сказочное, мифологическое, такъ и ждешь появленія фавновъ и нимфъ. По дорогѣ города которые мы встрѣчали почти всѣ расположены на горахъ; безпрестанно встрѣчаешь оставленныя башни, основаніе которыхъ относятся къ самоуправству Среднихъ Вѣковъ. Взгляните, взгляните! что это за громада свивается вдали; она какъ будто дышетъ, испуская клубы сѣраго дыма. Какъ прекрасенъ Везувій! Мы его увидали за нѣсколько миль. Дилижансъ остановился; мы мучаемся нетерпѣніемъ увидѣть море и Неаполь; но я усталъ послѣ дороги, дайте мнѣ вздохнуть!

Представьте, у насъ квартира съ балкономъ на самомъ берегу моря. Каждое утро просылаясь я встрѣчаю глазами Везувій, а на дняхъ видѣлъ необыкновенное зарево надъ нимъ. Что за жизнь здѣсь, какое движеніе въ сравненіи съ Римомъ, который покидаютъ теперь и путешественники и художники. Въ 5, въ 6 часовъ утра уже всѣ улицы кипятъ народомъ. Толедо (главная), богатая магазинами, лавками, кофейными, есть центръ этого страшнаго движенія. Магазиныцы, продавцы рыбъ, зелени, омнибусы, поклонницы моды, иностранцы, мѣталы, все въ ходу, въ бѣгахъ, въ полыхахъ. А вечеромъ на морской набережной, да это и заглядѣнье и объѣздѣнье! Мы съ Рязановымъ почти постоянно каждые двѣнадцать часовъ ночи объѣздились устрицами, тутъ же на берегу у *ostricatore Giuseppe*, который честилъ насъ есселенцами, а хорошенькая дочь его всегда добывала намъ прекраснаго вина. Острикаторе эти располагаются по набережной, со своими шалашиками, и торгуютъ самую разнообразную живностью моря, которое то шумно, то тихо катитъ свои воды къ столамъ Неаполя. Весь берегъ блеститъ огоньками рыбаковъ, да и на водѣ блестятъ ихъ огоньки, въ разныхъ направленіяхъ. Разъ въ двѣнадцать часовъ ночи былъ крѣпкій вѣтеръ и я по окончаніи трехъ дюжины устрицъ предложилъ Рязанову отправиться на Калри, до котораго лать часовъ ѣзды. Онъ отказался, а во мнѣ разыгралось желаніе испытать новое ощущеніе и я обратился къ *Giuseppe*. „Сильная погода, не хотать ѣхать!“ отвѣчалъ онъ мнѣ, а я еще болѣе заинтересовался этою поѣздкой и удвоивъ положенную плату, сѣлъ въ лодку; взялъ добрый запасъ, а два рыбака начали работать предельно веслами;

сына Giuseppe отпустилъ для прислуги. Это новое и нѣсколько рискованное для меня плаваніе породило во мнѣ много и новыхъ идей, и новыхъ чувствованій; я былъ совершенно счастливъ, видѣлъ сны наяву и наконецъ убавкаанный качкой воляъ заснулъ; но не надолго! „Солнце!“ сказалъ проснувшійся красивый молодой Неаполитаецъ, и я уже сидѣлъ на кормѣ. Дивная картина! Мы были на часъ ѣзды отъ Капри и потому весь Неаполь съ своими близъ лежащими городками рассыпался предо мною, по берегу залива, какъ нить бусъ. Предъ самымъ восходомъ солнца полки облаковъ собрались около вершины Везувія и какъ будто совѣщались съ нимъ о чемъ-то, а можетъ-быть говорили и о прошломъ. Въ ночь, скользящая съ веселъ вода блестяла фосфорическою лѣной; теперь уже поверхность моря заискрилась, заиграла волшебными красками; солнце то золотило, то серебрило обманчивую стихію. Все ожило, все проснулось въ природѣ; туманъ какъ покрывала подымался съ горъ. Вотъ мы и у берега Капри! Не вдамся въ подробное описаніе этого острова до вторичнаго моего посѣщенія; скажу только въ похвалу ему то, что одинъ Аагачаднъ-путешественникъ, бывшій тамъ проездомъ, остался и прожилъ тридцать лѣтъ. Боже всего я былъ заинтересованъ Лазурнымъ Гротомъ,—да и не хватало времени осмотрѣть дворецъ Тиберія, и бани Августа, который подъ старость провелъ четыре года на этомъ островѣ. Первымъ дѣломъ было подкрѣпить себя завтракомъ, выпить будылку превосходнаго *Capri bianco*; потомъ нанять маленькую лодченку съ двумя рыбаками, дабы пробраться во внутренность грота. Дѣло слажено — мы ѣдемъ! Волненіе не утихаетъ, старикъ рыбакъ пророчить что невозможно въ настоящую минуту попасть въ гротъ; меня это бѣситъ, я храбрюсь, обѣщаю на водку. Но представьте мое положеніе, когда лодченка наша обогнула островъ и очутилась въ открытомъ морѣ. Насъ начало такъ подбрасывать что маринары велили мнѣ сѣсть въ глубину лодки. Совершенно отвѣсныя, дикія, огромныя скалы ведутъ здѣсь почти постоянную борьбу съ волнами; море какъ звѣрь, съ шумомъ, съ шипѣніемъ бросается на ихъ каменные груди, реветъ и мечется. Мнѣ стало страшно. Вблизи самаго входа въ гротъ насъ волна взнесла такъ высоко и потомъ сбросила съ такою силой, что я схва-

тился за ребра лодки. Въѣхать въ гротъ не было никакой возможности, хотя молодой маринаръ и настаивалъ выждать удобную минуту, чтобы вслѣдъ за волной удариться въ узкое отверстіе, которое безпрестанно захлебывалось водой. Старикъ сдѣлалъ ему выговоръ, а мнѣ замѣчаніе что рисковать жизнью не слѣдуетъ, и мы воротились. Рыбаки, привезшіе меня изъ Неаполя, раздѣлили со мною трапезу, состоявшую изъ превосходной рыбы. Черезъ два часа мы уже летѣли на парусахъ въ городъ и были на мѣстѣ черезъ полтора часа. О, какъ хорошъ Неаполь! какъ хорошо это море! Сколько красокъ, сколько цвѣтовъ, сколько отливовъ, перемѣняетъ оно въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній. А Соренто, божественное Соренто! Дорога въ него изъ Каstellамаре самая игривая, самая калпривная, которая огибаетъ горы и безпрестанно даритъ новыми картинами. Гдѣ же домъ Тасса? Вотъ онъ, говорятъ мнѣ. Нѣсколько лѣтъ еще тому назадъ онъ принадлежалъ Гаэтану Спасіано, исходившему отъ Корвелліи, сестры поэта; теперь онъ окрашенъ и обращенъ въ гостиницу. На углу дома въ стѣнѣ виденъ остатокъ бюста Торквато, котораго не пощадили стрѣлки французской арміи, да и можно ли пѣвать на нихъ въ этомъ случаѣ, когда въ войнѣ и живымъ лошади вѣтъ. Въ церкви іезуитовъ мы нашли ленту надъ прахомъ незабвеннаго Цедрина; она находится на самой срединѣ церкви; а на стѣнѣ одной изъ калеллъ этой же церкви встрѣтили нѣсколько строкъ на русскомъ языкѣ, которыя означаютъ мѣсто для постановки бронзоваго барельефа, изображающаго умирающаго художника.

Въ Геркуланумѣ я лобывать не успѣлъ; но въ Помпѣи провелъ часовъ шесть, и можно сказать что вродъ ли есть что-нибудь въ свѣтѣ любопытнѣе этого огромнаго гроба. Здѣсь исторія налицо. Изъ расположенія и устройства домовъ частныхъ лицъ видно что Римляне предпочитали жизнь въ дома, лубличную, и что за исключеніемъ ночи и обѣденнаго часа они проводили почти весь день на форумѣ и подъ портиками. Атріумъ, принадлежность дома, также представляетъ родъ внутренняго, домашняго форума, гдѣ они принимали посѣщенія гостей, кліентовъ, друзей и продолжали жить на открытомъ воздухѣ. При выходѣ изъ атріума въ загородномъ домѣ *Діомеда* были найдены два трупа, изъ которыхъ у одного былъ въ рукахъ мѣшокъ съ монетами,—

въ этомъ трупѣ предполагають самого Діомеда, а въ другомъ его слугу. Не далеко ушли бѣдныя! Въ домѣ же Діомеда, въ его погребѣхъ, гдѣ до сихъ поръ видны прислоненныя къ стѣнѣ и наполненныя, вмѣсто вина, лавой амфоры, остался на стѣнѣ отпечатокъ жевщины, застигнутой потокомъ лавы, почти у самаго входа въ погребъ. Въ городскомъ музеумѣ сохраняется и обломокъ лавы на которомъ оттиснулись груди погибшей можетъ-быть красавицы въ цвѣтѣ лѣтъ и надеждъ. Во многихъ домахъ, при входѣ, я встрѣчалъ на полу надписи: *salve* (здравствуй), — и задумывался. Прахъ людей, погибшихъ такъ печально вслѣдствіе необъяснимыхъ законовъ природы, приветствуетъ меня изъ своей давно протекшей жизни. Кладбище украшенное тротуарами, окаймленное мавзолеями, представляетъ прекрасную улицу, которою такъ гениально воспользовался Карлъ Павловичъ Брюловъ. Всѣ улицы Помпей узки, но и колесницы, ѣздавшія по нимъ, сады которыхъ вѣзались въ каменную мостовую, были не широки; да къ тому же узкія и извилистыя улицы не такъ доступны солнцу. Бани прекрасны, но не велики, что заставляетъ думать, что въ послѣдствіи будутъ открыты и другія. Женскія бани боѣе изукрашены. Форумъ, нѣкогда шумный, говорливый, служившій дворцомъ, биржею Помпейцевъ, теперь совершенно безмолвенъ; развѣ только ащерица перебѣгаетъ съ развалины на развалину, да заѣзжій иностранецъ ломаетъ траву, которая такъ плодотворна въ развалившихся остаткахъ и на простывавшей столько вѣковъ лавѣ. А Везувій тотъ же; также страшенъ, особенно глядя изъ города который сдѣлалася его добычей, — только верхушка его еще выросла и онъ то прячетъ ее въ облака, то отогнавъ ихъ, смотритъ равнодушно на усилія людей откалывающихъ могилы своихъ собратьевъ. До сихъ поръ открыта только еще малая часть города; но пойдемте со мной взглянуть на остальное что есть любопытнаго. Народная казна сохранялась въ храмѣ Юпитера. Таковъ былъ обычай древнихъ. Въ Римѣ, во времена республики, казна находилась въ храмѣ Сатурна. Тѣмъ не менѣе утѣшительнѣе новѣйшихъ. Вотъ трибуналъ, гдѣ на возвышенныхъ мѣстахъ помѣщались судьи. Еще видны маленькія окна чрезъ которыя допрашивали обвиняемыхъ. Судопроизводство было публичное. Нѣкоторыя надписи, сохранившіяся на стѣнахъ этого зданія, даютъ узнать мысли

порожденныя въ народѣ прихотью, праздностью или желаніемъ свободы. Площадь *театра* прекрасна своими портиками. Видъ отсюда на море, отдаленное теперь на двѣ мили, а вдревле обмывавшее стѣны торговой Помпеи, восхитителенъ. Амфитеатръ одинъ изъ болѣе сохранившихся во всей Италіи. Въ немъ могло помѣщаться 20.000 народа; въ Помпеѣ это не шутка! Помпея показываетъ состояніе римскихъ колоній. Этотъ небольшой городъ, третьяго разряда, котораго только латая часть намъ известна, которую можно объжать въ полчаса, имѣетъ форумъ, восемь храмовъ, трибуналъ, три площади, термы или бани, два театра и превосходный амфитеатръ. Представьте что у городскихъ воротъ наши скелеты воина, одѣтаго въ латы, которыя хранятся въ музеумѣ, гдѣ также очень много мозаикъ и живописей, въ числѣ которыхъ есть и выѣски. Будущее лѣто я надѣюсь быть въ Сапиини и опять въ Неаполѣ, сѣдовѣтельно буду имѣть наслажденіе читать романъ Булвера въ самой Помпеѣ. Передайте Карлу Павловичу что послѣдняя ему кланяется и благодаритъ за свое воскресеніе. Грустно бродить между этихъ опустѣлыхъ и разрушенныхъ домовъ; но въ то же время любопытство заставляетъ пристально всматриваться въ эту великолѣпную гробницу уничтоженнаго разомъ народа, который такъ хорошо понималъ и любилъ жизнь....

(До слѣд. №)

ПОЛИТИКА РОССИИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ТЕКУЩАГО СТОЛѢТІЯ

Императоръ Александръ I. Политика и дипломатія. Сочиненіе С. Соловьева.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XXI.

Книга г. Соловьева представляет по своимъ достоинствамъ единственное и во всѣхъ отношеніяхъ весьма замѣчательное произведеніе которымъ ознаменовался въ нашей литературѣ юбилей рожденія императора Александра I. Въ послѣднее время обнародовано было у насъ многое относящееся къ событіямъ первой четверти текущаго столѣтія, но лица которымъ принадлежитъ эта важная заслуга не имѣли доступа къ бумагамъ нашего государственнаго архива; они должны были довольствоваться архивами частными, между которыми архивъ Воронцовскій, разрабатываемый г. Бартезовымъ, доставилъ особенно обильный вкладъ; они печатали документы случайно попадавшіеся въ ихъ руки, вслѣдствіе чего и нельзя составить себѣ полнаго понятія объ эпохѣ къ которой эти документы относятся. Очень многого должны мы ожидать отъ дѣятельности Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (и мы увидимъ сейчасъ что оно уже достойнымъ образомъ

оправдываетъ ожиданія), но до сихъ поръ оно сосредоточивало свое вниманіе преимущественно на событіяхъ царствованія Екатерины II. Все это придаетъ особый интересъ труду г. Соловьева, ибо извѣстно что онъ имѣетъ возможность пользоваться документами которые вѣроятно еще не скоро сдѣлаются достояніемъ публички и которые неизвѣстны другимъ нашимъ ученымъ. Но если книга интересна по вошедшимъ въ нее новымъ свѣдѣніямъ, то не менѣе интереса возбуждаетъ она и по сужденіямъ автора о характерѣ и значеніи Александровскаго времени.

Г. Соловьевъ остановился исключительно на внѣшней политикѣ Россіи въ царствованіе императора Александра и не говоритъ ничего о томъ что происходило тогда внутри нашего отечества. Никто конечно не постыжется на него за это: онъ былъ совершенно вольнъ въ выборѣ своего предмета и если остановившись на одной сторонѣ задачи сдѣлалъ для нея очень много, то было бы легкомысленно упрекать его зачѣмъ не было сдѣлано имъ столько же и для другой. Къ тому же внѣшняя политика играла такую важную роль въ царствованіе Александра и онъ принималъ въ ней такое дѣятельное участіе что изображая ее г. Соловьевъ имѣлъ полную возможность достигнуть главной своей цѣли, представить характеристику самого императора. Онъ исполнялъ это весьма искусно и съ несомнѣнною оригинальностью взгляда. Мы ясно видимъ предъ собою взаимныя отношенія европейскихъ государствъ и роль которую играла среди ихъ Россія, роль, которой нельзя отказать въ блескѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она не возбуждаетъ одобренія и которая какъ нельзя больше уславливалась личными свойствами и наклонностями императора Александра Павловича.

Относительно исполненія нельзя впрочемъ не отмѣтить въ книгѣ о которой мы говоримъ нѣкоторыя неровности. Первый ея отдѣлъ, заканчивающійся Вѣнскимъ конгрессомъ, обработанъ особенно тщательно. Здѣсь встречаемъ мы много неизвѣстныхъ еще доселѣ подробностей, проливающихъ яркій свѣтъ на борьбу которую велъ императоръ Александръ съ Наполеономъ, но во второмъ отдѣлѣ, посвященномъ авторомъ такъ-называемой эпохѣ конгрессовъ, эти новыя свѣдѣнія попадаются уже гораздо рѣже. А между тѣмъ автору приходилось тутъ имѣть дѣло съ событіемъ такой огромной важности какъ возстаніе Грековъ. И въ Германіи,

и въ Англіи, и отчасти во Франціи уже существуетъ о немъ обширная литература; множество документовъ обнаружено тамъ по его поводу, тогда какъ у насъ это вовсе совершенно нетрогнутый и еще требующій разработки. Въ виду великой важности которую представлялъ окъ для Россіи, въ виду того что окъ впервые обнаружилъ несостоятельность общевропейскаго союза, столь сильно плѣнявшаго воображеніе императора Александра, мы ожидаемъ что г. Соловьевъ удѣлитъ ему гораздо болѣе мѣста чѣмъ это сдѣлано въ его книгѣ. Авторъ можетъ сослаться на размѣры своей монографіи, но во многихъ случаяхъ окъ не считалъ нужнымъ стѣсняться этими размѣрами. Такъ на примѣръ окъ не задумался представить весьма подробную картину состоянія Франціи съ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы; окъ внимательно слѣдитъ за развитіемъ этой страны вплоть до 1825 года; окъ знакомитъ насъ не только съ различными политическими ея партіями, но отчасти и съ происходившимъ въ ней литературнымъ движеніемъ; ему показалось не лишнимъ упомянуть даже о такихъ фактахъ какъ вліяніе гослужи Каilla на короля Лудовика XVIII. Мы не думаемъ стѣновать за это на г. Соловьева. Все что сказано имъ о Франціи при Бурбонахъ очень дѣльно и очень умно, но жаль что событіямъ въ Греціи и дипломатическимъ переговорамъ по ихъ поводу не посвящено имъ столько же вниманія сколько дѣлаемъ французскимъ.

На заглавіи книги г. Соловьева обозначено что главнѣйшій ея предметъ политика и дипломатія. Естественно что окъ не могъ не заняться характеристикой наиболѣе видныхъ дипломатовъ того времени и характеристика эта сдѣлана имъ весьма искусно. Талейранъ, Меттернихъ и даже нѣкоторые другіе, не игравшіе столь важную роль, очерчены имъ какъ нельзя лучше, но при этомъ опять-таки нельзя не пожалѣть что читатель, на основаніи книги г. Соловьева, не составитъ себѣ понятія о нашихъ русскихъ дипломатахъ того времени. Вотъ что говоритъ уважаемый авторъ о Калодистріи: „Значительное время своей молодости провелъ въ Падуанскомъ университетѣ; потомъ перѣхалъ въ Вѣну, гдѣ ему посоветовали перѣхать въ Петербургъ. Здѣсь окъ вышелъ скоро на видъ, благодаря особенно покровительству Новосильцева и сталъ служить по дипломатической части, а приблизился къ государю не ранѣе 1814

года: „величайшее безкорыстіе относительно мѣстъ и денегъ, „простота и скромность поведенія, большая откровенность, „очень искусно соединенная съ большимъ подчиненіемъ“, день ото дня укрѣпляли, усиливали, по словамъ Генца, кредитъ Калодистріи у императора Александра. Другіе современники хорошо знавшіе Калодистрію, люди не романтическаго направленія (а развѣ Генцъ, мнѣніе котораго приведено сейчасъ, отличался романтическимъ направленіемъ?) отзывались о немъ что онъ очень уменъ, но иногда ему не достаетъ разсудительности; онъ обладаетъ провицательностью, тонкостью, но не всегда логикой; находили что у него нѣтъ опытности въ людяхъ и дѣлахъ, что онъ трудится для міра составленнаго изъ избранныхъ, столь же совершенныхъ какъ онъ самъ (?); его упрекали тѣмъ что онъ прельщенъ сочиненіями Гизо.“ Здѣсь сопоставлены различныя мнѣнія современниковъ, и любопытно что одно изъ нихъ, едва ли не наиболее благопріятное для Калодистріи, заимствовано у Генца, у котораго на ряду съ этимъ мнѣніемъ можно найти цѣлый рядъ другихъ, самыхъ враждебныхъ сотрудику императора Александра. Но какъ ни любопытно знать что думали о графѣ Калодистріи его современники, для насъ еще любопытнѣе было бы услышать о немъ мнѣніе самого автора. На судъ современниковъ нельзя полагаться особенно когда рѣчь идетъ о такомъ лицѣ которое имѣетъ привилегію еще и до сихъ поръ возбуждать недоброжелательные о себѣ отзывы въ европейской печати. Въ Германіи и Англіи не перестаютъ обсуждать дѣятельность Калодистріи *, а у насъ она еще не была предметомъ надлежащей оцѣнки, которой не встрѣтили мы и у г. Соловьева. Важныя данныя для нея находятся въ автобіографіи этого государственнаго чловѣка, помѣщенной въ III томѣ *Сборника Русскаго Историческаго Общества*. Другимъ вліятельнымъ хотя и не въ такомъ размѣрѣ дипломатомъ при императорѣ Александрѣ былъ Поццо-ди-Борго. Ему еще болѣе не посчастливилось въ разбираемой нами книгѣ. Г. Соловьевъ упоминаетъ въ ней между прочимъ о сильномъ раздраженіи которое возбуждали въ императорѣ клеветы распространявшіяся противъ министра иностранныхъ дѣлъ

* См. между прочимъ обширную монографію Мендельсона-Бартольди: Graf Johann Kapodistrias.

Румянцева. Онъ заподозрилъ что графъ Шуваловъ, отправленный въ 1809 году съ особымъ порученіемъ въ Вѣну, поддался этимъ клеветамъ, и писалъ ему по этому поводу слѣдующее: „Я это приписываю только вашей малоопытности. Я прежде всего по цвѣту призналъ представленіе сообщенное вамъ Поццо-ди-Борго. Это интриганъ совершенный, пансіонеръ Англіи, человѣкъ на всѣ средства и готовый перевернуть все чтобы только заставить насъ переменить систему. Мнѣ очень пріятно что вы вошли въ сношенія съ нимъ, ибо все что вы отъ него узнаете будетъ носить его печать. Я вамъ предписываю не оказывать ему ни малѣйшаго довѣрія и тщательно избѣгать малѣйшаго явнаго сообщенія съ нимъ.“ Помѣщая подобный отзывъ г. Соловьевъ долженъ былъ бы кажется рассмотреть что въ немъ заключалось справедливаго, не былъ ли онъ вызванъ минутнымъ раздраженіемъ императора, чѣмъ объяснить что несмотря на невыгодное о немъ мнѣніе Александра Павловича Поццо продолжалъ занимать важныя дипломатическія должности не только при немъ, но и въ слѣдующее царствованіе, заслуживалъ ли онъ тѣхъ похвалъ которыя расточали ему лица знавшія его лично (см. напримѣръ брошюру графа С. С. Уварова *Stein et Rosso di Borgo*): авторъ не считъ однако нужнымъ заниматься характеристикой Поццо-ди-Борго и это тѣмъ болѣе странно что онъ посвящаетъ въ своей книгѣ нѣсколько страницъ оцѣнкѣ дѣятельности и нравственныхъ или лучше сказать безнравственныхъ качествъ такого второстепеннаго дѣятеля какъ французскій министръ полиціи Фуше.

Великое значеніе первой половины царствованія императора Александра заключается въ упорной борьбѣ съ Наполеономъ. Образъ этого гениальнаго полководца очерченъ г. Соловьевымъ мастерски:

„Италія, говоритъ онъ, давно уже высмала сыновъ своихъ, которые отдавали свои способности и дѣятельность разнымъ государствамъ Европы. Недостатокъ государственнаго единства родной страны рано дѣлалъ ихъ космополитами, искателями приключеній въ родѣ старинныхъ сказочныхъ богатырей, которые служили въ семи ордахъ семи королямъ, приучая ихъ примѣняться къ различнымъ народностямъ и положеніямъ, служить многораз-

личнымъ интересамъ, оставаясь холодными ко всемъ этимъ интересамъ кромѣ собственнаго, личнаго. Оторванность отъ родной почвы безъ привязанности къ странѣ пріютившей ставила ихъ въ какое-то междуличное, нейтральное, международное положеніе, вслѣдствіе чего они преимущественно посвящали себя дипломатической дѣятельности; находясь между небомъ и землею они были очень способны создавать общіе широкіе смѣлые планы, въ которыхъ частнымъ соображеніямъ давалось мало мѣста: отсюда и въ ихъ дѣйствіяхъ и въ замыслахъ съ перваго раза странная смѣсь хитрости, коварства, неразборчивости средствъ и въ то же время широты и величія, смѣшаннаго съ фантастичностью. Эти черты даровитыхъ Италіянцевъ, служившихъ чужимъ государствамъ, чужимъ народностямъ, черты Мазарини, Альберони, Пиаццоли, Люккезини и другихъ находимъ и въ Бонапартѣ, Корсиканцѣ, пріемышѣ Франціи. Космополитизмъ, присущій ему по его положенію среди чужой народности, развился въ немъ еще сильнѣе отъ воспитанія, полученнаго во время революціи, проникнутой началомъ космополитизма, которое особенно усилилось вслѣдствіе потрясенія начала религіознаго: Бонапартъ былъ бы готовъ стать регентомъ и предводить войсками султана. Вообще революція если не породила, то развила многія основныя черты въ характерѣ Корсиканца. Среди страшной ломки, крушенія государственнаго зданія, онъ привыкъ безбоязненно и равнодушно вращаться среди опасностей, привыкъ къ игрѣ случая, къ возвышенію сегодня, къ паденію завтра, пріобрѣлъ магометанскую вѣру въ судьбу; привыкъ въ то же время къ развалинамъ и труламъ, привыкъ равнодушно располагать и жизнью человѣческою, и жизнью династій и государствъ. Корсиканецъ не принесъ въ революціонную Францію никакихъ государственныхъ и общественныхъ идеаловъ и убѣжденій; онъ былъ совершенно чистъ отъ нихъ; чуждый происходившему вокругъ него, по интересамъ борющимся, сокрушавшимъ другъ друга, онъ привыкъ дѣйствовать по инстинкту самосохраненія, бить чтобы не быть убиту, взбираться на верхъ по труламъ чтобы не быть погребеннымъ подъ ними. Привычка дѣйствовать по инстинкту самосохраненія развила въ немъ хищническіе приемы: притаиться, хитрить, ллести лестрыя

рѣчи для того чтобы обмануть, усыпить жертву и вдругъ скакнуть, напасть на непрigотовленныхъ.“

Г. Соловьевъ справедливо замѣчаетъ что вида какъ рѣзко порвала Франція съ своимъ прошедшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не лутая ни малѣйшаго уваженія къ новымъ ея учрежденіямъ, Наполеонъ не могъ быть для этой страны ни Вашингтономъ, ни Монкомъ. Вся окружавшая его обстановка побуждала его къ тому чтобы онъ присвоилъ себѣ верховную власть и явился деспотомъ.

„Но предстоялъ страшный вопросъ — долго ли можетъ просуществовать военный деспотизмъ во Франціи? Онъ былъ допущенъ усталымъ большинствомъ, которое требовало прежде всего и во что бы то ни стало внутренняго успокоенія чтобы отдохнуть, разобраться послѣ страшной бури. Военный деспотизмъ былъ допущенъ по закону реакціи, но надолго ли?... Отвѣтъ естественно долженъ былъ представляться отрицательнымъ особенно послѣ революціи, съ которою Бонапартъ долженъ былъ постоянно считаться, по крайней мѣрѣ формально; но можно ли было ограничиться только формами? Римскіе цезари считали нужнымъ считаться съ республикой, уважать ея формы, но въ ихъ время республика съ ея формами была явленіемъ отживающимъ свой вѣкъ, чего нельзя было сказать о началахъ провозглашенныхъ во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, и надо было дожидаться что устраненныя временно они появятся съ новою силою и предъявлять свои права на осуществленіе. Не въ характерѣ Бонапарта была однако возможность уступки имъ: съ другой стороны онъ не могъ не предвидѣть что при необходимомъ столкновеніи съ ними борьба должна быть страшная и побѣда вовсе не вѣрная. Но оставался выходъ, возможность предупредить борьбу. Право Бонапарта на мѣсто которое онъ занялъ во Франціи основывалось на его побѣдахъ, но на чемъ основывалось оно, тѣмъ должно было и поддерживаться.... Оставалось одно средство для новой непосвященной власти сохранять влодѣхъ свою силу — это постоянно отвлекать вниманіе народа отъ внутренняго ко вѣншаему, постоянно ослѣплять военнолюбивый народъ военною славой, поддерживать нравственное преклопеніе предъ властью постоянными ея триумфами; но и тутъ одной нравственной поддержки было недостаточно. Какъ для борьбы вѣншней,

такъ и на случай борьбы внутренней необходимо было войско, войско вполнѣ преданное, боготворившее вождя, а эту преданность войска государь вчерашняго дня могъ поддерживать только постоянными войнами и побѣдами.... Такимъ образомъ, кромѣ основнаго характера своего, какъ предводителя войска, характера, отъ котораго Бонапартъ, разумѣется, никакъ не могъ отказаться, который долженствовалъ быть всегда на первомъ планѣ и требовать постоянного удовлетворенія, по самому положенію своему, для поддержанія этого положенія онъ долженъ былъ вести постоянныя войны. Слова: Наполеонъ, Французская имперія, стали для Европы синонимами постоянной войны, постоянныхъ завоеваній, постоянныхъ территоріальныхъ измѣненій, не говоря уже о томъ что каждая война, оканчивавшаяся успѣхомъ, завоеваніемъ, порождала необходимо новую войну, усиливая обиду, увеличивая число обиженныхъ, раздраженныхъ“.

Время конца прошлаго и первой четверти нынѣшняго вѣка было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ и смутныхъ временъ такіа когда - либо переживала Европа. Французская революція вызвала Наполеона; Наполеонъ поставилъ себѣ задачей обуздать революціонный потокъ, но самъ при этомъ дѣйствовалъ чисто-революционными средствами и вынужденный постоянно прибѣгать къ войнамъ, подчинилъ невыносимому своему гнету почти всю западную Европу. Хотя онъ боролся съ революціей, но естественнымъ слѣдствіемъ его деспотизма, замѣчаетъ г. Соловьевъ, было то, что въ обществѣ опять начали возникать симпатіи къ революціоннымъ формамъ; симпатіи эти особенно пробудились послѣ низверженія Наполеона и въ свою очередь вызвали упорную реакцію. Россія не могла оставаться чуждою тому что совершалось въ Европѣ, не могла оградить себя непроницаемою стѣной отъ вліянія волновавшихся ее событій. Вмѣшательство Россіи было неизбежно, но какимъ же должноствовало оно отличаться характеромъ? Во главѣ нашего отечества находился государь, основныя качества котораго состояли, говоритъ г. Соловьевъ, „въ свободѣ и широтѣ взгляда, въ его многосторонности, которая даетъ способность признавать право на бытіе за многоразличными явленіями, интересами и отношеніями, и чрезъ это даютъ силу стремиться къ ихъ соглашенію“. Александръ

призналъ своею задачей какъ вѣншее такъ и внутреннее успокоеніе народовъ, примиреніе борющихся началъ. Онъ явился главнымъ двигателемъ въ борьбѣ противъ Наполеоновскаго ига, и по прекращеніи этой борьбы употреблялъ всѣ старанія для того чтобы въ дѣлахъ внутреннего устройства европейскихъ государствъ враждебныя начала стараго и новаго порядка вещей не вступили въ состязаніе между собою и не вызвали снова потрясенія и смуты. И въ томъ и въ другомъ смыслѣ Европа обязана была ему своимъ успокоеніемъ. Императоръ Александръ, по выраженію нашего историка, былъ столько же героемъ военныхъ коалицій, сколько мирныхъ конгрессовъ, игралъ роль „ластыря народовъ и Агамемнона среди царей“.

Давно уже утвердилось мнѣніе что характеръ императора Александра представлялъ смѣсь поразительныхъ противорѣчій, много страннаго и загадочнаго. Г. Соловьевъ держится совершенно противнаго взгляда. Онъ убѣждаетъ что подобный приговоръ могъ возникнуть лишь у людей „не одаренныхъ тонкою наблюдательностью“ или не принимавшихъ на себя труда вникнуть основательно въ то о чемъ они говорили: „не хочу дать себѣ трудъ изучить, объяснить явленія и объявляю его загадочнымъ“. Вотъ почему, продолжаетъ онъ, „для однихъ Александръ является опаснымъ либераломъ, возмутителемъ народовъ, ибо считаетъ необходимымъ признать законными извѣстная формы, выработанныя тѣмъ или другимъ народомъ на пути своего историческаго развитія; Александръ является опаснымъ либераломъ за то что первымъ условіемъ успѣха въ борьбѣ съ революціей поставлялъ избѣжаніе реакцій, избѣжаніе того поведенія со стороны правительствъ которое вызываетъ революцію. Для другихъ Александръ являлся главой союза направленнаго противъ свободы народовъ, потому что не считалъ согласнымъ съ интересами народовъ и ихъ свободы благопріятствовать подземной дѣятельности тайныхъ обществъ и солдатскимъ революціямъ. Ни одно изъ направленій боровшихся за господство послѣ паденія Наполеона не было довольно Александромъ, каждое высказывало неодобреніе его дѣятельности, и эти отзывы перешли къ послѣдующимъ поколѣніямъ...“ Для г. Соловьева не подлежитъ сомнѣнію что вся дѣятельность императора Александра обуславливается его характеромъ и воззрѣніями,

отличалась строгимъ единствомъ, необыкновенною послѣдовательностью. Онъ не находить нужнымъ объяснять въ ней что бы то ни было посторонними вліяніями. Объясненія подобнаго рода совершенно бесполезны, какъ скоро, по мнѣнію его, есть возможность доказать что все вытекало непосредственно изъ природы Александра, „постоянною цѣлью котораго было примиреніе интересовъ, улаживаніе“.

Постороннимъ вліяніямъ приписываютъ обыкновенно образъ дѣйствій императора по Польскому вопросу. Г. Соловьевъ не согласенъ съ этимъ. „Съ дѣтъ ранней молодости, говоритъ онъ, Польскій вопросъ сильно занималъ его, и нельзя думать что въ этомъ отношеніи онъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ Чарторыйскаго. Последний, какъ человѣкъ помѣщенный на вопросъ, могъ только наскучить Александру своею неотвязчивостью. Въ отношеніяхъ Александра и Чарторыйскаго по поведѣнію Польскаго вопроса мы ясно видимъ въ Чарторыйскомъ человѣка страстно относящагося къ дѣлу, а въ Александрѣ—человѣка спокойно обдумывающаго его, соображающаго всѣ благопріятныя и неблагопріятныя условія, испытывающаго то или другое средство для приведенія его къ концу въ связи со многими другими вопросами.“ Для императора Александра Польскій вопросъ имѣлъ двойное значеніе: съ одной стороны онъ не могъ допустить чтобы Наполеонъ воспользовался Поляками какъ орудіемъ противъ Россіи и потому старался привлечь къ себѣ ихъ симпатіи; подобная политика условливалась необходимостью и была вполне естественна. Но съ другой стороны прислушиваясь къ громкимъ воплямъ съ Запада противъ раздѣловъ Польши и къ заявленіямъ русскихъ людей что по этимъ раздѣламъ Россія лишь возвратила себѣ свое законное достоинствѣ, императоръ Александръ, оставаясь вѣрнымъ своимъ природнымъ наклонностямъ, хотѣлъ—говоритъ г. Соловьевъ—согласить обѣ стороны, примирить противоположные интересы. Но, позволимъ себѣ замѣтить, интересы эти рѣшительно не допускали примиренія. Стремиться къ нему можно было только путемъ уступокъ, а какія бы то ни было уступки въ пользу Поляковъ должны были вызывать ихъ притязанія въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Все это отлично понимали многіе изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, и все это подробно было изложено ими въ мемуарахъ, съ

которыми обращались они къ императору Александру— между прочимъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Если императоръ не обратилъ вниманія на ихъ представленія, то мы не можемъ согласиться съ г. Соловьевымъ будто происходило это оттого что онъ не былъ человѣкомъ крайностей, чуждался одностороннихъ направленій. Въ упомянутыхъ нами мѣняхъ не было ничего односторонняго и крайняго, а заключалась лишь строгая истина. Императоръ Александръ могъ оцѣнить ихъ по достоинству, но тѣмъ не менѣе остался вѣренъ своей любимой мысли: намъ кажется что какъ бы ни была сильна въ немъ наклонность къ „примиренію, соглашенію, улаживанію различныхъ интересовъ“, онъ убѣдился бы что нельзя руководиться этою наклонностью въ упомянутомъ вопросѣ. Повелѣніе приходится предположить что наряду съ нею господствовало въ немъ нѣчто другое, а подъ этимъ другимъ мы и подразумеваемъ именно постороннія вліянія. Тутъ является мысль и о вліяніи Лагарпа, который будучи воспитателемъ императора, сообщалъ космополитическій оттѣнокъ его образу мыслей, и о вліяніи Чарторыйскаго, роль коего слишкомъ умалена г. Соловьевымъ. Почтенный историкъ выставляетъ его фанатикомъ, помѣшавшимся на Польскомъ вопросѣ: фанатикомъ онъ былъ дѣйствительно, но политическій фанатизмъ не мѣшалъ ему дѣйствовать очень разчетливо и очень искусно, декавательствомъ чего сажать между прочимъ его подвиги въ западномъ краѣ.

До сихъ поръ почти всѣ писатели касавшіеся царствованія Александра I разграничивали рѣзкою чертой первую и вторую половину его царствованія и держались того взгляда что если до Вѣнскаго конгресса русская политика отличалась вообще вѣрными и здравыми началами, то послѣ 1815 года она, въ главныхъ чертахъ, нерѣдко уклонялась отъ нихъ. И это мнѣніе г. Соловьевъ готовъ приписать „недостатку тонкой наблюдательности“. По его словамъ одинъ и тотъ же духъ, одно и то же направленіе одушевляли начало и конецъ царствованія. Съ самаго вступленія своего на престолъ и до той минуты когда онъ сошелъ въ могилу, императоръ Александръ считалъ долгомъ удерживать за собою мѣсто во главѣ Европы не для какихъ-либо честолюбивыхъ цѣлей, а для выполненія важной исторической задачи.

Эта роль была как нельзя болѣе законная въ періодъ борьбы съ Наполеономъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ: „Въ Россіи могли найтись люди которые говорили: Франція далеко отъ насъ, наладать на насъ не можетъ, изъ-за чего же мы будемъ воевать съ нею, вмѣшиваясь въ чужія дѣла? Такой близорукій взглядъ не могъ быть раздѣляемъ государственными умами, ибо отдаленность и не такая какъ отдаленность Франціи отъ Россіи не спасла народовъ отъ нашествія завоевателей, и мудрость политическая состоитъ въ предусмотрѣніи и предотвращеніи опасности въ самомъ ея зародышѣ.“ Россія вступила въ борьбу и отстаивая въ этой борьбѣ свои интересы принесла въ то же время тяжкія жертвы для благосостоянія Европы; даже послѣ того какъ Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе въ ея предѣлахъ, она не захотѣла вступить съ нимъ въ сдѣлку, зная что прочный миръ невозможенъ съ этимъ нарушителемъ общаго спокойствія, и рѣшилась довести дѣло до конца; императоръ Александръ въ истинномъ смыслѣ слова явился Агамемнономъ царей, онъ былъ душой коалиціи образовавшейся для обезпеченія независимости народовъ. Повторяемъ еще разъ, эта политика при всемъ своемъ блескѣ была вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ нельзя болѣе рациональна, ибо въ основѣ ея лежали положительные интересы. Но другое дѣло политика господствовавшая послѣ 1815 года. Г. Соловьевъ выступаетъ безусловнымъ ея поклонникомъ. Онъ полагаетъ что она естественно вытекала изъ предшествовавшаго положенія дѣлъ, что необходимо было довершить задачу, что послѣ низверженія Наполеона слѣдовало одерживать революціонныя и реакціонныя страсти, примирять и соглашать ихъ съ цѣлью умиротворить Европу. Но тутъ возникаетъ цѣлый рядъ возраженій. Во первыхъ, ради чего Россія должна была принять на себя роль охранительницы спокойствія и безмятежнаго развитія западно-европейскихъ народовъ? Не подъ вліяніемъ ли той мысли что если враждебныя страсти на Западѣ придутъ въ столкновенія, то слѣдствіемъ этого будутъ перевороты и смуты, которые угрожали бы породить такія же бѣдственныя явленія, какія происходили въ Европѣ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка? Но основательны ли были предположенія подобнаго рода? Дѣйствительно ли опасность была такъ велика, какъ хотѣли увѣрить нѣкоторые изъ тогдашнихъ

государственныхъ людей? Въ настоящее время всѣ историки согласны относительно того что революціонная буря, на возможность коей указывали послѣ 1815 года, была скорѣе плодомъ напуганнаго воображенія, что люди наиболѣе усердно старавшіеся застрашивать ею сами не вѣрили въ этотъ призракъ, что волненія обнаруживавшіяся напимѣръ въ Германіи отличались эфемернымъ характеромъ и ограничивались лишь самою ничтожною частью общества, что солдатскія революціи въ Испаніи и Италіи были конечно весьма прискорбны, но вовсе не имѣли съ общевропейской точки зрѣнія той важности какую имъ приписывали: если такъ думаютъ теперь, то совершенно такого же взгляда держались и въ двадцатыхъ годахъ многіе изъ видныхъ дѣятелей, которыхъ отнюдь нельзя заподозрить въ лютворствѣ революціи. Для примѣра достаточно упомянуть о Штейнѣ. Это сдѣловательно вовсе не было такъ велико чтобы на устраненіе его направить всѣ свои помыслы и для достиженія этой цѣли жертвовать даже своими интересами. А несомнѣнно что Россія вынуждена была пріислать жертвы не пріобрѣтая равно никакихъ выгодъ. Съ этимъ согласенъ и г. Соловьевъ. Онъ говоритъ что „тяжесть блистательнаго положенія главы европейскаго союза необходимо соединялась съ ущербомъ въ свободѣ дѣйствій императора Всероссійскаго“. Странное зрѣлище представлялъ этотъ союзъ, возникшій для блага Европы. Такъ какъ исключительно европейскія государства должны были извлекать изъ него пользу, то сдѣловало предположить что европейскія правительства будутъ дѣйствовать въ немъ особенно безкорыстно, что они оцѣнятъ великодушныя усилія императора Александра и не менѣе энергически чѣмъ онъ будутъ трудиться надъ разрѣшеніемъ задачи, которая по ихъ же словамъ представлялась единственною преобладавшею надъ всѣми остальными задачами того времени. Между тѣмъ мы видимъ что они ни на минуту не забывали о своихъ интересахъ и воспламенялись мыслию о необходимости бороться съ революціей лишь въ тѣхъ случаяхъ когда революціонныя движенія прямо и непосредственно угрожали интересамъ того или другаго изъ нихъ. На Троппаускомъ и Лейбаховскомъ конгрессахъ Австрія очень хлопотала о подавленіи возстаній въ Неаполѣ и Піемонтѣ по той причинѣ что боялась ихъ послѣдствій для своего преобладанія на Аппе-

виномъ полуостровъ; другія державы относились къ уломянутымъ событіямъ съ замѣтнымъ равнодушіемъ. На конгрессѣ Веровскомъ французскіе уполномоченные выразили необыкновенную готовность дѣйствовать противъ испанскихъ революціонеровъ, потому во первыхъ, что имѣръ Испаніи могъ быть заразителемъ для сосѣдней съ нею Франціи, и что, во вторыхъ, правительство Бурбоновъ разчитывало удачнымъ походомъ приобрести военную сааву. И въ этомъ случаѣ обнаружилась такая же одержанность или даже явное нерасположеніе со стороны другихъ государствъ. Одинъ только императоръ Александръ намѣревался двинуть свою армію на помощь Австрійцамъ и объявилъ что Французы могутъ разчитывать и на нравственное и на матеріальное его содѣйствіе, только онъ одинъ весьма искренно руководился *идеями*. Идеи играютъ великую роль въ политическихъ отношеніяхъ, но лишь тогда когда онѣ находятся въ тѣсной связи съ положительными интересами. Вотъ почему мы не совсѣмъ полагаемся на коварныя увѣренія Генца будто императоръ былъ „двигателемъ, направителемъ, героемъ“ конгрессовъ. Ему принадлежало въ этихъ собраніяхъ въ высшей степени почетное мѣсто, но вліяніемъ его державы пользовались для своихъ цѣлей. „Меттернихъ, говоритъ г. Соловьевъ, не боялся усилить вліяніе Россіи на дѣла Европы если это вліяніе будетъ служить его цѣлямъ, если онъ успѣетъ направить его противъ революціонныхъ движеній; притомъ сила Россіи и не будетъ опасна когда ея правительство будетъ занято какимъ-нибудь внутреннимъ европейскимъ вопросомъ и противоудѣствуя революціонному движенію явится со строго охранительнымъ характеромъ; Австрія будетъ безопасна и будетъ играть важную роль какъ разумная сила, направляющая силы матеріальныя для охраненія спокойствія и общественнаго порядка; инициатива дѣла у нея, а всякое дѣло мастера боится.“ Въ этихъ словахъ г. Соловьевъ какъ нельзя болѣе вѣрно обозначилъ въ чемъ состояли разчеты Австрійскаго правительства, но онъ полагаетъ что если таковы были планы Австріи, то это еще не значитъ чтобы она успѣла осуществить ихъ. Намъ же кажется что она вполнѣ достигла своихъ цѣлей. Мы видимъ очель ясно, чего она достигла съ помощію конгрессовъ, но къ сожалѣнію не видимъ въ чемъ состояли успѣхи нашей политики. Импера-

торъ Александръ старался не допустить въ Европѣ ни торжества революціи, ни торжества реакціи и обезпечить господство такого порядка вещей который былъ бы основанъ на примиреніи враждебныхъ началъ: напротивъ, реакція все болѣе и болѣе имѣла право торжествовать полную побѣду, а попытки обуздать ее оказывались совершенно тщетными. На Лайбахскомъ конгрессѣ, благодаря главнымъ образомъ стараніямъ нашего правительства, официально заявлено было о желаніи государей, „чтобы король Неаполитанскій окружилъ себя людьми самыми мудрыми и честными, изгладилъ самую память о печальной революціонной эпохѣ установленіемъ такого порядка вещей, который въ самомъ себѣ носилъ бы ручательство за свою прочность, который соответствовалъ бы истиннымъ интересамъ народа и былъ бы способенъ успокоить сосѣднія государства на счетъ ихъ безопасности.“ Изъ всѣхъ этихъ благихъ желаній не осуществилось ровно ничего. Извѣстно также что еще предъ революціей вспыхнувшюю въ Испаніи, императоръ Александръ, чрезъ посланника нашего при Мадридскомъ дворѣ Татищева, обращалъ вниманіе короля Фердинанда VII на губительныя послѣдствія правительственной системы которая была имъ усвоена: предсказаніе это осуществилось вполнѣ; въ Испаніи вспыхнула революція, но послѣ подавленія ея Фердинандъ VII установилъ у себя такой порядокъ вещей, въ сравненіи съ которымъ можно было позавидовать даже прежнему. Иначе не могло и быть. Австрія имѣла положительный интересъ поддерживать всюду реакцію, точно также какъ Англія нѣсколько позднѣе, при Каннынгѣ, имѣла не менѣе положительный интересъ выступить поборницей либеральныхъ началъ, но политика которую преслѣдовало наше правительство въ двадцатыхъ годахъ была слишкомъ неопредѣленна, руководилась слишкомъ отвѣченными идеями чтобы достигнуть осязательныхъ результатовъ.

Меттернихъ называлъ ее романомъ. „Теперь кончился романъ и начинается исторія,“ сказалъ онъ получивъ извѣстіе о кончинѣ императора Александра. Г. Соловьевъ замѣчаетъ по этому поводу: „Но чрезъ двадцать два года, въ ту роковую минуту когда Меттернихъ, при видѣ разрушенія построеннаго имъ на пескѣ зданія, принужденъ былъ бѣжать изъ Вѣны, представлялся ли ему величественный,

привѣтливый и скорбный образъ государя съ романтическимъ направленіемъ? Признался ли „дипломатическій геній“ что въ *романѣ* было больше прочной дѣйствительности чѣмъ въ реальномъ направленіи вѣскоихъ мудрецовъ?“

Меттернихъ не строилъ зданіе на пескѣ, а уже напелъ его на пескѣ построеннымъ и вся его мудрость обращена была на то чтобы оно не рухнуло. Вотъ какимъ образомъ самъ г. Соловьевъ опредѣляетъ очень вѣрно задачу этого государственнаго человѣка:

„Спокойнымъ, свободнымъ отъ всякаго вліянія патріотическаго чувства взглядомъ взглянулъ Меттернихъ на Австрію и напелъ что она слаба, слаба не временно, не относительно только Франціи, но слаба вообще, слаба сравнительно съ Россіей, Франціей, Пруссіей; слабость заключается въ легкости состава имперіи, въ отсутствіи національнаго единства, что съ особенною ясностью выступило именно теперь, когда вопросъ народности становился на очередь вслѣдствіе Наполеоновскаго гнета... Въ Пруссіи движеніе было національное, нѣмецкое, оно обхватывало основное, теперь исключительное народонаселеніе государства и распространяясь на Германію, служило только къ поднятію значенія Пруссіи. Но въ Австріи, составленной изъ нѣсколькихъ народностей, національный вопросъ, вопросъ о національной равноправности, о келодиченіи одной національности другой велъ къ усобицѣ и разложенію монархіи. Какъ скоро страшная оласность была признана, въ основу системы было положено отсутствіе всякаго внутренняго движенія; все должно оставаться по-старому и пребывать въ полномъ спокойствіи. Но сохраненіе существующаго порядка внутри Австрійской имперіи чрезвычайно трудно если около будутъ происходить оласныя движенія и перемѣны. И потому главною задачей внѣшней политики Австріи должно быть сохраненіе старины по возможности во всѣхъ государствахъ Европы, преимущественно ближайшихъ... Это консервативное во что бы то ни стало стремленіе внутри и внѣ дало Австріи характеръ государства дипломатическаго: внутри, состоя изъ разныхъ государствъ, разныхъ народовъ, она должна управлять ими дипломатическими средствами сохраняя равновѣсіе, раздѣляя и властвуя; извнѣ сознаніе слабости, страхъ предъ рѣшительными мѣрами, предъ войной, заставляетъ поддерживать и поднимать свое

значеніе также дипломатическими средствами, лавируя между сильными, раздѣляя ихъ, одиоча сильнѣйшихъ. Эти черты австрійской политики стали являться постоянными съ тѣхъ поръ какъ завѣдываніе иностранными дѣлами принялъ Меттернихъ, человекъ системы. Создавъ себѣ развѣ систему Меттернихъ проводилъ ее неуклонно, и такъ какъ основная ея черта, консерватизмъ, могла быть проведена для Австріи только при помощи проведенія ея и въ другихъ государствахъ, то Меттернихъ является проповѣдникомъ этой системы; эта система по обстоятельствамъ времени пріобрѣла сочувствіе многихъ и многихъ; поэтому австрійскій министръ, авторъ системы, является главой школы, начинаетъ играть роль наставника государей, руководителя министровъ. Авторскій талантъ, сильная логика давали ему къ тому средства. Каждый политическій вопросъ учитель объяснялъ, указывалъ причины и слѣдствія, приводилъ въ связь съ своею системою, прилагалъ къ нему ея правила. Меттернихъ былъ охотникъ писать длинныя посланія которыя отзывались учительскимъ тономъ; основныя положенія онъ обыкновенно подчеркивалъ, точно въ учебникахъ, гдѣ важнѣйшее печатается крупнымъ шрифтомъ, а менѣе нужныя подробности мелкимъ. Меттернихъ зналъ все что дѣлается тайнаго въ разныхъ углахъ Европы и готовъ былъ служить каждому государю сообщеніемъ нужныхъ для послѣдняго свѣдѣній, причемъ сообщалъ свои взгляды на то какъ должно управлять народами для ихъ благоденствія и для благоденствія правительствъ.“

И система, и авторъ ея не возбуждаютъ конечно сочувствія. Напрасно только г. Соловьевъ по поводу дѣятельности Меттерниха высказываетъ соображенія о томъ что каждое правительство должно быть либерально и сильно, что народу нужно „либеральное, широкое воспитаніе чтобъ ему не колебаться, не мастись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стекло какъ дѣти которыхъ долго держали въ залерти и вдругъ выпустили на свободу.“ Все это золотыя слова, такъ они вѣрны и справедливы, только къ Австріи не имѣютъ они примѣненія и не имѣютъ его потому что Австрія находится въ совершенно иныхъ условіяхъ чѣмъ другія государства. Политика князя Меттерниха возмутительна съ нашей точки зрѣнія, но онъ могъ

похвалиться что достигъ ею важныхъ результатовъ: съ помощью этой политики успѣлъ онъ олутать сосѣднія съ Австріей государства; успѣлъ при стеченіи самыхъ критическихъ обстоятельствъ поддерживать независимое существованіе Порты и на много лѣтъ отдалилъ процессъ разложенія Австрійской монархіи, сохраняя за нею преобладаніе въ Германіи и видное мѣсто въ европейской политической системѣ. Это очень много и еслибы можно было сказать то же самое о преемникахъ Меттерниха, то они не желали бы конечно лучшей похвалы.

Меттернихъ умышленно преувеличивалъ значеніе революціонныхъ началъ въ Европѣ. Онъ старался увѣрить что противъ этого зла должны быть исключительно направлены усилія правительства. „Но какія же средства могутъ правительства противопоставить этому злу? спрашивалъ онъ въ одномъ документѣ, вышедшемъ изъ-подъ его пера: во-первыхъ, объединеніе интересовъ самосохраненія; во-вторыхъ—установленіе центровъ свиданій. Революціонеры враждебны всѣмъ государствамъ, монархіямъ чистымъ, монархіямъ конституціоннымъ, республикамъ; всѣмъ грозитъ одинаковая опасность отъ уравниателей (нивеллёровъ). Никогда еще не было такого единства между великими тѣлами политическими какое существуетъ въ два послѣдніе года между Россіей, Австріей и Пруссіей. Заботливо отдѣляя интересъ охраненія отъ интересовъ обыкновенной политики и подчиняя общему интересу всѣ интересы частные, три монарха нашли настоящее средство поддержать свой святой союзъ и совершить благое дѣло громадной важности.“ Итакъ „отдѣлять интересы охраненія отъ интересовъ обыкновенной политики, подчинять всѣ интересы частные интересу общему“, вотъ чего требовалъ австрійскій канцлеръ для прочности союза. Но готова ли была сама Австрія принести подобную жертву? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ нужно вникнуть въ чѣмъ состояли, по мнѣнію знаменитаго министра, частные интересы Австрійской монархіи. Г. Соловьевъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ:

„Кобенцель и Стадіонъ не сознавали слабости Австріи, слабости *коренной, неисцѣлимой* (и противъ которой, вопреки мнѣнію нашего почтеннаго историка, политика либеральная была столь же бессильна какъ и политика дипломатическая) они жили еще идеями XVIII вѣка, они не замѣчали

новаго начала становившагося на очередь, начала народности, они всецѣло были заняты борьбой съ Франціей, приче́мъ естественно признавали необходимость тѣснаго союза съ Россіей; ихъ беспокоили тѣсныя отношенія Россіи къ Турціи, но все же эти отношенія не стояли для нихъ на первомъ планѣ. Меттернихъ, надо отдать ему честь, первый почувалъ восходъ новаго начала, начала народности, и слѣдовательно почувалъ несостоятельность Австріи въ отношеніи къ этому началу... Взглядъ его былъ иной (чѣмъ взглядъ Кобенцеля и Стадіона); онъ не даромъ лежалъ во Франціи, поговорилъ съ Талейраномъ; онъ видѣлъ что у французскаго колосса глиняныя ноги, что онъ есть созданіе случайности, держится военнымъ гениемъ одного человѣка (Наполеона); не будетъ этого человѣка или измѣнитъ ему побѣда, и колоссъ рухнетъ. Гораздо опаснѣе слѣдовательно Россія, потому что основанія ея силы постоянныя, тогда какъ ослабленіе можетъ быть только временное, случайное... Меттернихъ, видя главную опасность для Австріи со стороны Россіи, видя что колоссальная держава волей-неволей стремится къ Балканскому полуострову, слилъ Восточный вопросъ съ австрійскимъ, поставилъ существованіе Австрійской имперіи въ тѣсную связь съ существованіемъ Турецкой...“

Таковы были дѣйствительно интересы Австріи и люди знакомые съ ея исторіей въ теченіе нынѣшняго вѣка могутъ рѣшить забывала ли она о нихъ хотя на минуту. Они знаютъ какъ ревниво радѣлъ Вѣнскій кабинетъ объ этихъ интересахъ въ то время когда убѣждалъ союзныя съ нимъ правительства „подчинять интересы частныя интересу общему,“ какимъ недоувѣріемъ былъ онъ проникнуть къ политикѣ императора Александра даже тогда когда не сомнѣвался что политика эта не преслѣдуетъ завоевательныхъ плановъ на Востокъ. Въ сущности „подчиняла интересы частныя общему интересу“ только Россія. Она оставалась вѣрна этой роли среди самыхъ критическихъ для нея обстоятельствъ, какъ это видно изъ приведенныхъ г. Соловьевымъ словъ, которыя были сказаны въ Веронѣ императоромъ Александромъ Шатобриану: „Не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; существуетъ только одна политика общая, которая должна быть принята и народами и государями для общаго счастья. Я первый долженъ показать вѣрность принципамъ на ко-

торыхъ я основалъ союзъ. Представилось испытаніе — возстаніе Греціи; религиозная война противъ Турціи была въ моихъ интересахъ, въ интересахъ моего народа, требовалась общественнымъ мнѣніемъ моей страны. Но въ волненіяхъ Пелопонеза мнѣ показались признаки революціонныя и я удержался.“

Въ теченіе цѣлаго десятилѣтія императоръ Александръ оставался вѣрнѣе выраженному въ этихъ словахъ взгляду и окончилъ однако тѣмъ что готовъ былъ отступить отъ него, рѣшился выдвинуть на первый планъ русскіе интересы, „частные“ интересы своей державы, какъ называлъ ихъ князь Меттернихъ, и этимъ самымъ произнесъ приговоръ надъ политикой которой слѣдовало наше отечество послѣ 1815 года.

Знаменательной эпохѣ императора Александра I посвященъ и XXI томъ *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, вышедшій ко дню юбилея рожденія этого государя. Означенный томъ былъ приготовленъ извѣстнымъ нашимъ ученымъ А. Н. Половымъ, слишкомъ преждевременно похищеннымъ смертью. Много потрудился онъ для науки, но въ послѣдніе годы своей жизни исключительно сосредоточилъ свои занятія на славнѣйшемъ событіи въ исторіи царствованія императора Александра и вообще въ исторіи нашего отечества. А. Н. Половъ разказывалъ что въ началѣ была у него мысль написать біографію графа А. В. Растопчина; затѣмъ рамки значительно расширилась и онъ хотѣлъ озаглавить свою монографію: *Растопчинъ и его время*; затѣмъ онъ счелъ совершенно неудобнымъ приурочивать великія событія о которыхъ намѣревался говорить къ личности знаменитаго московскаго генералъ-губернатора и окончательно остановился на изображеніи достопамятной Отечественной войны 1812 года. „Подготовительная его работы, говорится въ его некрологѣ, помѣщенномъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, были чрезвычайно обширны; онъ неутомимо работалъ въ архивахъ, старался отыскивать документы и въ другихъ мѣстахъ и любознательно было слушать его разказы о томъ какъ иногда случалось ему находить ихъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ихъ ожидать.“ Обширные отрывки изъ сочиненія А. Н. Полова появились еще при его жизни, въ различныхъ нашихъ по временнымъ изданіяхъ, а въ появившемся нынѣ XXI томѣ

Сборника Историческаго Общества обнародовалъ онъ часть того драгоценнаго матеріала, на которомъ основывались его изслѣдованія. Мы находимъ здѣсь между прочимъ дипломатическіе документы, относящіеся ко времени непосредственно предшествовавшему Отечественной войнѣ, а именно донесенія изъ Парижа императору Александру и канцлеру графу Румянцеву А. И. Чернышева и князя А. Б. Куракина отъ 1811—12 годовъ.

Нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на письмахъ и донесеніяхъ А. И. Чернышева. Конечно дѣятельность его была въ послѣдствіи въ высшей степени почетна, онъ долгое время занималъ должность военнаго министра, былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, но несмотря на заслуги оказанныя имъ на этомъ поприщѣ, нельзя не пожалѣть что онъ не избралъ для себя другое призваніе. Это былъ дипломатъ въ лучшемъ смыслѣ слова и изъ него вышелъ бы превосходный министръ иностранныхъ дѣлъ. Сколько мѣткой наблюдательности во всемъ что сообщалъ онъ изъ Петербурга, какой вѣрный взглядъ и на лица и на событія, какое глубокое пониманіе международныхъ политическихъ отношеній! Видно что делами его были по достоинству цѣнены императоромъ Александромъ, который на одной изъ нихъ, противъ того мѣста гдѣ Чернышевъ излагалъ свои мысли о томъ какого образа дѣйствій слѣдуетъ держаться относительно Наполеона, написалъ карандашомъ: „Pourquoi n'ai je pas beaucoup de ministres comme ce jeune homme.“ * Чернышевъ въ то время былъ еще очень молодъ, ему только что минуло двадцать пять лѣтъ и ему приходилось вести лично переговоры съ самимъ Наполеономъ въ аудіенціяхъ, изъ которыхъ напримѣръ одна продолжалась не менѣе четырехъ съ половиной часовъ сряду! Надо видѣть съ какимъ тактомъ выходилъ онъ изъ этихъ испытаній, въ которыхъ императоръ Французовъ то старался очаровать его любезностью, то принималъ грозный тонъ, но ни разу не успѣвалъ застигнуть его въ раслаохъ и выпытать у него что-либо такое, чего не слѣдовало говорить. Надо видѣть также съ какимъ талантомъ излагалъ Чернышевъ въ своихъ донесеніяхъ содержаніе этихъ продолжительныхъ бесѣдъ, сопровождая все это указаніями и даже

* Зачѣмъ нѣтъ у меня многихъ министровъ такихъ какъ этотъ молодой человѣкъ.

совѣтами, имѣвшими успѣхъ въ Петербургѣ, несмотря на то что они исходили отъ столь молодаго человѣка.

Въ делесахъ о которыхъ говоримъ мы необыкновенно рельефно выступаетъ фигура Наполеона. Что можетъ быть примѣръ характеристичнѣе слѣдующей сценѣ:

„Не правда ли, спросилъ императоръ, вы думаете что я жду только окончанія моихъ дѣлъ въ Исландіи чтобъ осуществить свой проектъ (проектъ возстановленія Польши)? Я отвѣчалъ что я еще очень молодъ и очень неопытенъ чтобъ имѣть свое мнѣніе и тѣмъ болѣе обязанъ смотрѣть на вещи только глазами моего государя. Тогда, вынуждая у меня отвѣты, Наполеонъ забавлялся шутя дергая меня за ухо * и увѣряя что не выпуститъ его пока я его не удовлетворю. Такъ какъ эта шутка начинала мнѣ надоедать потому что становилось больно, я ему сказалъ: Если ваше величество непремѣнно желаете знать мое мнѣніе, я скажу вамъ что мнѣ трудно опредѣлить соответствуетъ ли исполненіе такого проекта вашимъ интересамъ или нѣтъ; предположивъ что онъ кажется вамъ выгоднымъ, я не задумался бы допустить мысль что, не взирая на союзъ съ Россіей, вы будете стремиться къ возстановленію Польши лишь только освободитесь отъ другихъ войнъ. Наполеонъ отвѣчалъ что онъ не понимаетъ какъ можно такъ действительно приписывать ему подобное намѣреніе, что это даже не благо разумно, ибо постоянно твердя одно и то же можно даже натолкнуть его на такой планъ еслибы не оказалось другихъ средствъ усложнить Россію; что по его мнѣнію всякій Русскій, который залодозрилъ бы его въ упомянутомъ намѣреніи, то-есть въ намѣреніи отторгнуть отъ Россіи шесть милліоновъ жителей и лучшія ея области, не могъ бы считать его ничѣмъ инымъ какъ величайшимъ бичомъ и величайшимъ врагомъ своей страны, не могъ бы не желать борьбы съ нимъ на жизнь и смерть. На это послѣдовалъ съ моей стороны отвѣтъ, что не я началъ разговоръ о Польшѣ, что я былъ лишь вынужденъ настойчивыми требованіями его величества отвѣчать на его вопросъ. А сколько вамъ лѣтъ? улыбаясь спросилъ меня Наполеонъ. Двадцать лѣтъ, государь, отвѣчалъ я. Вотъ это я люблю (j'aime

* Извѣстно что эту вольность позволялъ себѣ Наполеонъ въ жару разговора со многими дипломатами даже и не такими лѣтъ какъ Чернышевъ.

села), продолжалъ онъ, вы равно начинаете вашу карьеру; а имѣю подробныя свѣдѣнія о вашемъ пребываніи въ Петербургѣ; не спрашивалъ ли васъ тамъ что вы привезли съ собою: опиумъ, медъ или отраву?...“

Несогласія Россіи съ Франціей, вызвавшія гигантскую борьбу 1812 года, состояли, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: Россія не допускала англійскихъ кораблей въ свои гавани, но не считала нужнымъ, сообразуясь съ точнымъ смысломъ договоровъ, заперать эти гавани для кораблей нейтральныхъ государствъ; Русское правительство издало тарифъ облагавшій высокою пошлиною произведенія французской промышленности, на что имѣло неоспоримое право, ибо эта мѣра касалась исключительно внутренней его политики; съ другой стороны оно негодовало на насильственный захватъ Наполеономъ ганзейскихъ городовъ и владѣній герцога Ольденбургскаго (родственника императора Александра), а главнымъ образомъ было справедливо встревожено замыслами Наполеона относительно Польши. Но важнѣе всего было твердое убѣжденіе, къ которому правительство наше пришло долгимъ опытомъ, что какія бы ни дѣлало оно уступки, борьба съ врагомъ общеевропейскаго спокойствія неизбежна, что нѣтъ возможности полагаться ни на его клятвы, ни на его обѣщанія, что только Россія служить преградой для его плановъ окончательно поработить Европу и что конечно онъ употребитъ всѣ усилія чтобы сломить эту преграду. Наполеонъ былъ разгаданъ по нѣ самымъ понималъ что его разгадали какъ нельзя лучше. Онъ однако не теряетъ и только усиливаетъ свои миролюбивыя заявленія, отличавшіяся такимъ характеромъ что еслибы мы знали съ какимъ человекомъ имѣешь дѣло, то нельзя было бы не поддаться обаянію ихъ искренности. По временамъ вдругъ поразительными красками начиналъ онъ изображать всѣ громадныя затрудненія которыя встрѣтилъ бы на своемъ пути еслибы предпринялъ походъ противъ Россіи. „Я не знаю бы что и дѣлать, восклицалъ онъ, углубившись во льды Польши или войдя въ долины Украины.“ Онъ утверждалъ что ни одинъ изъ вопросовъ возбуждавшихъ несогласія между нимъ и Русскимъ правительствомъ не имѣетъ серіознаго значенія и что онъ рѣшительно не постигаетъ какимъ образомъ могли бы они подать поводъ къ такому разрыву. „Еслибы судьба рѣшила такъ, говорилъ онъ, чтобы два могущественнѣйшія государства на землѣ

дрались изъ-за бездѣлушекъ, способныхъ интересовать лишь барышень (*pour des pécadilles de demoiselles*), то я буду воевать по-рыцарски, безъ всякой ненависти и злобы, и если обстоятельства позволятъ, то я предложу даже императору Александру завтракать вмѣстѣ на аванпостахъ". Но стоило только предложить Наполеону чтобъ онъ представилъ серьезныя гарантіи относительно вопросовъ; которые, по словамъ его, были такъ ничтожны, и относительно намѣренный будто бы совершенно ему чуждыхъ, онъ тотчасъ же принималъ другой тонъ, начиналъ толковать о своемъ достоинствѣ и чести, указывалъ какія громадныя силы находятся у него въ распоряженіи и чтобы вѣрнѣе подѣйствовать на собесѣдника не останавливался ни предъ чѣмъ, даже предъ поруганіемъ страны которая ввѣрила ему свои судьбы. „Надѣюсь, говорилъ онъ Чернышеву, что вы не вѣрите розказнямъ Англичанъ будто молодежи не существуетъ во Франціи, будто я не въ состояніи дѣлать новыхъ наборовъ: это до такой степени смѣшно и ложно что въ нынѣшнемъ же году у меня будетъ 50 тысячъ конскриптовъ. Знаю что это возбудитъ ропотъ, породитъ сильное неудовольствіе, но я достаточно изучилъ характеръ Французовъ; я сумѣю распорядиться такъ что всѣ пойдутъ за мною съ криками „да здравствуетъ императоръ!“ Не подлежитъ сомнѣнію, замѣчаетъ по этому поводу Чернышевъ, что „на совершенномъ знаніи характера народа которымъ управляетъ императоръ Наполеонъ, характера слабого, тщеславнаго и непослѣдовательнаго, по преимуществу основано его могущество. Онъ увѣренъ что только управляя имъ желѣзною рукою можно достигнуть цѣли и потому его система—система деспотизма и тиранинъ“. Любопытную черту представляетъ то обстоятельство что уполномоченный страны находившейся подъ самодержавнымъ правительствомъ приходилъ нерѣдко въ изумленіе отъ того цинизма, съ которымъ выражался о политическихъ правахъ и вольностяхъ представитель народа только-что произведшаго кровавую революцію во имя необузданной свободы. „Не стоитъ и царствовать если не развязаны руки“, „свобода печати—чудовищная вещь и совершенно несовмѣстна съ монархическою властью“—подобныя фразы были постоянно въ устахъ Наполеона. Чернышевъ удивлялся имъ не менѣе чѣмъ теоріямъ императора Французовъ о наиболѣе выгод-

номъ способѣ веденія войнъ. „Его величество, доноситъ онъ императору Александру, сказалъ мнѣ что затрудненіе въ которое ставятъ насъ наши финансы происходитъ отъ того что во всѣхъ обстоятельствахъ ваше величество всегда вели себя настоящимъ рыцаремъ, что вы постоянно считали своимъ долгомъ добросовѣстно улаживать издержки сдѣланныя во время войнъ; что вы не очутились бы въ такомъ положеніи еслибы поступали какъ онъ, т.-е. какъ разчетливый человѣкъ (*c'est à dire en homme de calcul*); что онъ (т.-е. императоръ Французовъ) только тогда испытывалъ недостатокъ въ деньгахъ когда велъ войну чрезъ своихъ генераловъ, ибо эти люди не радѣли надлежащимъ образомъ объ его интересахъ; когда же самъ онъ командовалъ войсками, то умѣлъ очень хорошо забирать все то что ему нужно...“

Говоря что система Наполеона основана на деспотизмѣ Чернышевъ видѣлъ въ то же время очень ясно что система эта не долговѣчна. „Императоръ Французовъ, читаемъ мы въ одномъ изъ его донесеній, жестоко злоупотребляетъ своею тиранніей и причиняетъ различными способами столько бѣдствій находящимся подъ его властью народамъ что невозможно вѣрить въ прочность такого положенія дѣлъ.“ Ни для одного изъ постороннихъ сколько-нибудь проникательныхъ наблюдателей не было тайной какъ сильно тяготилась сама Франція игомъ своего вѣнчаннаго полководца: одинъ только Наполеонъ не хотѣлъ слышать общественнаго ропота. „Нельзя и представить себѣ, писалъ Чернышевъ графу Румянцеву, какое отчаяніе, недовольство и бѣдность господствуютъ во Франціи, преимущественно въ южныхъ ея департаментахъ. Насильственныя мѣры правительства въ отношеніи къ жителямъ усиливаютъ телерешія бѣдствія. Независимо отъ тяжелыхъ налоговъ которыми обременено населеніе и неурожая хлѣба, который въ этомъ году былъ весьма значителенъ, насильственная и коварная система конскрипціи довершаетъ разореніе. Родители не только лишаются въ дѣтяхъ лучшей своей опоры и надежды, но поставивъ ихъ въ конскрипты, они еще обязаны отвѣчать своимъ имуществомъ за ихъ дальнѣйшее поведеніе, что даетъ поводъ къ ужаснымъ несправедливостямъ. Молодыхъ людей нерѣдко подговариваютъ къ побѣгамъ только для того чтобъ имѣть потомъ право наложить взм-

сканіе на родителей. Такимъ образомъ, поощряя подъ рукою любви, правительство извлекаетъ двойную выгоду, а именно увеличиваетъ число конскриптовъ, сейчасъ же замѣщая убылой нумеръ другимъ лицомъ и въ то же время собираетъ въ казну значительныя денежныя суммы. Самый отчаянный и наименѣе добросовѣстный послѣдователь Макиавелли не придумалъ бы болѣе отвратительной мѣры. Поэтому ненависть и отвращеніе ко главѣ Французскаго правительства всеобща. Этими чувствами проникнуты всѣ словія и они возрастаютъ со дня на день; сдерживаются они только ужасомъ и страхомъ, которые внушаетъ власть притѣснителя способнаго дѣлать все безнаказанно пока счастье ему благопріятствуетъ. При первой неудачѣ, однако, особенно если онъ потерлитъ ее въ какой-либо изъ отдаленныхъ странъ, все это быстро измѣнится... "Уже въ то время рѣзко обнаруживалось во Франціи явленіе, при которомъ неоднократно присутствуемъ мы и въ послѣдствіи: партіи находившіяся въ оппозиціи правительству не задумываются выражать сочувствіе и даже оказывать содѣйствіе всему что могло бы поставить его въ затруднительное положеніе, хотя бы это угрожало опасностями и самой странѣ. Патріотизмъ уступаетъ мѣсто совершенно инымъ чувствамъ. Приготовлялась страшная борьба между Россіей и Франціей: каждый изъ противниковъ дѣлалъ необходимыя для нея приготовленія, — многое зависѣло между прочимъ отъ того успѣетъ ли Россія заблаговременно заключить миръ съ Турціей для того чтобы въ рѣшительную минуту располагать всѣми своими силами. Этотъ вопросъ очень занималъ насъ, но не менѣе занималъ онъ и Французовъ — но вовсе не вслѣдствіе соображеній и чувствъ какихъ слѣдовало бы, кажется, ожидать съ ихъ стороны. „Все зависитъ теперь отъ скорѣйшаго окончанія войны съ Турціей, писалъ Чернышевъ: трудно выразить съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ этого счастливаго для насъ событія сами Французы..."

Глубокій разладъ между правительствомъ и народомъ — вотъ что представляла собою Франція подъ конецъ владычества Наполеона. Какой поразительный волюющій контрастъ съ тѣмъ что видимъ мы въ Россіи! А между тѣмъ Наполеонъ, утратившій чутье дѣйствительности, не задумывался въ эти критическія для него минуты обращаться къ императору Александру со слѣдующими словами: „На-

стулить время когда, ваше величество, признается что еслибы вы не перемѣнились съ 1810 года, еслибы вы, желая измѣненій въ Тильзитскомъ договорѣ, прибѣгли къ прямымъ откровеннымъ сношеніямъ, то вамъ принадлежало бы одно изъ самыхъ прекрасныхъ царствованій въ Россіи. У вашего величества не достало стойкости, довѣрія и—позвольте мнѣ это вамъ сказать—искренности. *Вы испортили все свое будущее...*“

Чернышевъ не только сообщаетъ въ Петербургѣ о своихъ бесѣдахъ съ Наполеономъ, о настроеніи умовъ во Франціи, но и рѣшается предлагать свои совѣты—между прочимъ о томъ какъ слѣдовало вести предстоящую войну. По этому поводу не можемъ не упомянуть о весьма вѣрномъ замѣчаніи высказанномъ въ книгѣ г. Соловьева. Почтенный историкъ указываетъ на то обстоятельство что во всѣхъ войнахъ задачей Наполеона было—кончать дѣло какъ можно скорѣе, нѣсколькими быстро слѣдовавшими одинъ за другимъ ударами сокрушить противника; но именно это приводило всѣхъ опытныхъ людей къ заключенію что единственно вѣрное средство поборотъ его заключалось въ томъ чтобъ избѣгать рѣшительныхъ битвъ, заманивать его внутрь страны, отнимать у него средства продовольствія. Съ этой точки зрѣнія г. Соловьевъ вполне оправдываетъ Кутузова (не желавшаго принять Аустерлицкаго сраженія), Каменскаго, Беннигсена. То была стратегія выработанная долгимъ опытомъ, и сильныя авторитеты высказывались въ ея пользу. Бернадотъ писалъ между прочимъ предъ войной 1812 года въ Петербургъ: „Я прошу императора не давать генеральныхъ сраженій, маневрировать, отступать, длить войну,—вотъ лучший способъ дѣйствовать противъ Французовъ. Если *онъ* (Наполеонъ) подойдетъ къ воротамъ Петербурга, я буду считать его ближе къ гибели чѣмъ если бы ваши войска стояли на берегахъ Рейна. Особенно употребляйте казаковъ: они даютъ вамъ большое преимущество предъ французскою арміею, у которой нѣтъ ничего подобнаго.“ Неудивительно что подобнаго взгляда держались такіе искусные полководцы какъ Бернадотъ, какъ упомянутые сейчасъ наши генералы, къ именамъ которыхъ нужно присоединить славное имя Барклая де-Толли. Но со стороны молодого человека двадцати пяти лѣтъ—мы говоримъ о Чернышевѣ—слѣдовало бы ожидать противнаго; слѣдовало бы

ожидать что подъ вліяніемъ весьма естественнаго въ эти годы увлеченія онъ будетъ разсуждать точно также какъ разсуждало въ послѣдствіи громадное большинство въ нашей арміи, смотрѣвшее на отступленіе какъ на измѣну. И съ этой стороны обнаруживается въ дѣлесахъ Чернышева основательный и вѣрный его умъ: „Императоръ Французовъ, писалъ онъ, могъ бы не опасаться войны съ Россіей въ томъ только случаѣ еслибы ему удалось окончить ее въ одну непродолжительную кампанію. Чего онъ долженъ опасаться и чего дѣйствительно опасается, это чтобы она не затянулась, зная очень хорошо бѣдность и недовольство господствующія во Франціи, равно какъ отчаяніе и плачевное положеніе различныхъ германскихъ государствъ, оставляя нѣтъ съ тѣмъ Испанскую войну во всемъ ея разгарѣ, несмотря на многочисленныя подкрѣпленія, которыя отправлены за Пиринеи. Онъ боится уѣхать на долгое время изъ Парижа, не имѣя—послѣ выхода въ отставку Фуше—способнаго человѣка который могъ бы предупредить и сдержать возмущеніе еслибъ оно вспыхнуло.“ Чернышевъ неоднократно возвращался къ этимъ соображеніямъ. „Необходимо, читаемъ мы въ другомъ его донесеніи, продолжать войну настолько это будетъ возможно. Опытъ доказалъ намъ что это единственный способъ побѣдоносно дѣйствовать противъ Наполеона, который затруднился и дѣлалъ ложныя движенія всякій разъ когда встрѣчалъ продолжительное сопротивленіе. Къ сожалѣнію никогда не умѣли пользоваться ложными положеніями въ которыя онъ себя ставилъ, по той причинѣ что никогда вовремя не заботились собрать необходимыя для того силы. Затягивать войну, умножать препятствія встрѣчаемыя непріателемъ, имѣть въ резервѣ достаточно войскъ, готовыхъ или поддержать главную армію если она потерпитъ неудачу или воспользоваться ошибками врага—вотъ вѣрное средство слутать совершенно ту систему войны которой держится Наполеонъ, заставить его отказаться отъ первоначальныхъ своихъ плановъ, привести въ разстройство его войска отъ недостатка продовольствія и невозможности получать подкрѣпленія или вынудить его къ ложнымъ операціямъ, которыя будутъ для него губительны.“

И книга г. Соловьева, и документы обнародованные въ *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества* относятся исклю-

чительно ко вѣдшей политикѣ Россіи въ первой четверти текущаго столѣтія; что же касается политики внутренней, то къ юбилею дня рожденія императора Александра не появилось по этой части ничего особенно замѣчательнаго. Впрочемъ въ той же книжкѣ *Сборника*, о которой мы уже говорили, напечатанъ представленный императору Александру М. М. Сперанскимъ отчетъ о ходѣ въ 1810 году вѣранныхъ ему дѣлъ. Собственно отчетъ этотъ не представляетъ ничего особенно новаго, ибо содержаніе его было уже значительно исчерпано графомъ Корфомъ въ известномъ его сочиненіи: *Жизнь графа Сперанскаго*, но во всякомъ случаѣ нельзя не быть признательнымъ за то что онъ обнародованъ нынѣ вполне. Документъ этотъ въ высшей степени важенъ для характеристики государственнаго человѣка, который выступилъ съ нимъ (въ февралѣ 1811 года) за нѣсколько мѣсяцевъ до разразившейся надъ нимъ катастрофы. Онъ свидѣтельствуетъ между прочимъ что катастрофа эта застала его совершенно неожиданно. Нельзя кажется согласиться съ мнѣніемъ высказаннымъ графомъ Корфомъ по поводу упомянутаго отчета, что Сперанскій понималъ шаткость своего положенія и изыскивалъ средства къ самосохраненію: правда, знаменитый государственный человѣкъ предлагалъ императору уволить его отъ нѣкоторыхъ должностей съ цѣлью противодѣйствовать враждебнымъ ему слухамъ будто бы старается онъ „привлечь всѣ дѣла въ свои руки“, но изъ собственныхъ же его словъ видно что довѣріе къ нему Александра считалъ онъ неизмѣннымъ, а кознямъ своихъ недоброжелателей не придавалъ цѣны. Если, писалъ онъ государю, буду я освобожденъ отъ исполненія нѣкоторыхъ обязанностей, то „зависть и злорѣчіе уелокотятся; они почтутъ меня испровергаемымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а ваше величество развѣ навсегда освободите себя отъ скучныхъ нареканій; симъ приведу я буду лаки въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ...“ Сперанскій указываетъ между прочимъ императору Александру на девизъ которымъ руководился онъ въ своей дѣятельности: „j'ai désiré de faire du bien. mais je n'ai pas désiré de faire du bruit, parceque j'ai senti que le bruit ne faisait pas de bien, comme le bien ne faisait pas de bruit“.

РУССКІЕ, ГРЕКИ И ЮГО-СЛАВЯНЕ

ОПЫТЪ НАЦІОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ

I.

Всѣмъ я думаю извѣстно что Греко-Славянскій православный Востокъ у насъ въ Россіи очень мало знали до послѣдняго времени.

Объ этомъ совсѣмъ особомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь существенно близкомъ намъ мірѣ долгое время думали и заботились лишь государственные люди Россіи, этнографы и люди прежняго славянофильскаго направленія, которые (справедливо ли, нѣтъ ли) ожидали что изъ этихъ славяно-греческихъ родниковъ извергнется особаго рода живая вода, которая измѣнитъ глубоко не столько политическій строй Европы, сколько культурный характеръ Петровской Россіи. Другими словами: они надѣялись что соприкосновеніе наше съ Юго - Славянами и отчасти съ единовѣрными намъ сосѣдями ихъ отклонитъ насъ отъ того общеевропейскаго пути, по которому мы, Русскіе, шли до сихъ поръ и будетъ способствовать отчасти соблюденію остатковъ древней Московской Руси, еще сохранившихся у насъ, отчасти же и созиданію чего-то новаго, невиданнаго доселѣ ни въ Европѣ, ни въ Азіи, словомъ національному творчеству на всѣхъ поприщахъ, начиная съ государственнаго и художественнаго, и кончая промышленнымъ.

Я вовсе не имѣю въ виду разсматривать здѣсь достоинства и недостатки этого ученія, хотя надо сознаться что въ неспеціальной части общества до сихъ поръ его вовсе почти не знаютъ, и большинство даже а много читающихъ людей воображаютъ что вся забота такихъ людей какъ покойные Кирѣевскій, К. С. Аксаковъ и Хомяковъ состояла именно въ достиженіи того что достигается постепенно теперь цѣлою Россіей, политическаго сближенія со Славянами, тогда какъ для этихъ прежнихъ корифеевъ нынѣ почти исчезнушаго (или быть-можетъ разочарованнаго) славянофильства освобожденіе Славянъ и политическое сближеніе ихъ съ Россіей должно было служить лишь средствомъ, а никакъ не цѣлью. Цѣль была цивилизація своя, непохожая на западную, культура по возможности независимая отъ хода европейской культуры.

Съ тѣхъ поръ какъ дѣйствовали и писали Кирѣевскій, Хомяковъ и К. Аксаковъ прошло много времени и все измѣнилось... Иное къ лучшему, многое къ худшему.

Перерождалось отчасти и самое ученіе... Славянами стали съ начала шестидесятыхъ годовъ заниматься у насъ многіе... Даже петербургскіе журналы и газеты „краснаго“ направленія.

Напримѣръ въ 61—62 году издавалась въ Петербургѣ незначительная, но очень ядовитая и раздражительная газетка *Современное Слово*. Она была однимъ изъ неопратныхъ шакаловъ, которые цѣлымъ хоромъ поднимали радикальный вой и визгъ по одному только знаку который подавалъ имъ *Современникъ*, Свисткомъ ли Добролюбова или статей Чернышевскаго.

И эта газетка заявляла тогда Славянами прилежно. Въ то время (61—62 году) Востокъ былъ также какъ и теперь весь въ волненіи. Только-что кончились Сирійскіе ужасы: въ Элладѣ падала Баварская династія; въ Герцеговинѣ боролся противу Турокъ Лука Вуколовичъ; черногорскіе молодцы точно также какъ и теперь наводили ужасъ на турецкихъ низамовъ несокрушимою отвагой своею; въ Сербіи мало-по-малу слагались тѣ обстоятельства которыя довели (благодаря усиліямъ Англичанъ) до бомбардированія Бѣяграда и около того же времени впервые начало назрѣвать церковное болгарское движеніе, ровно черезъ десять лѣтъ дошедшее до крайне печальнаго исхода.

Въ это-то время, говорю я, и органы вовсе ужъ не славянофильскаго духа стали заниматься все больше и больше Славянами.

Я упоминалъ именно о газеткѣ *Современное Слово* (которая была вскорѣ и запрещена за свое уже слишкомъ безцеремонное отношеніе къ Русской государственности) потому именно что редакция ея первая тогда изъ всѣхъ органовъ называвшихъ себя „честными“ догадалась что не слѣдуетъ оставлять Славянство въ рукахъ людей „не честнаго“ направленія. Подъ этимъ широкимъ названіемъ разумѣлось тогда все остальное, и *Московскія Вѣдомости*, и славянофилы, и г. Аскоченскій, и *Время Достоевскихъ*, *Страховыхъ* и *Григорьевыхъ*, и т. д.

Съ тѣхъ поръ и наша „лѣвая“ сторона обратила свои взоры на Юго-Востокъ. Наши растерзанные и незатѣдливые Луи-Бланъ, Фурье и Прудонъ пожелали освѣтить Славянство съ другой стороны, вовсе не съ той, съ которой освѣщали его люди подобные Е. Ковалевскому или Гильердингу.

Г. Пыпинъ издалъ свою сухую, скучную, хотя и не безполезную для справокъ книгу о славянскихъ литературахъ; Чернышевскій издѣвался надъ воззваніями славянофиловъ къ Сербамъ... и такъ далѣе, и такъ далѣе... Позднѣе и въ Москвѣ издавался (недолго) ученый и серьезный журналъ *Бесѣда*. Въ немъ замѣчалось какое-то странное и съ перваго взгляда не очень даже замѣтное сочетаніе Эмиля Кастелляра съ Курьевскимъ, Фихте съ Хомяковымъ... Въ большой и немногимъ ясно понятной статьѣ „Всеславянство“, краткое, но солиднаго тона историческое изслѣдованіе приводило къ тому что всѣ Славяне гораздо либеральнѣе западныхъ Европейцевъ, что они до того всегда не любили никакой власти внѣ ихъ воли стоящей что предпочитали насиліе иноплеменниковъ (Нѣмцевъ или Турокъ) взаимному междуславянскому подчиненію.

Вотъ куда постепенно стало отклоняться первоначальное славянофильское ученіе, получившее, впрочемъ, около того же времени (въ 69 году) наиболѣе противу прежняго ясное выраженіе въ сочиненіи г. Давилевскаго *Россія и Европа*.

Вотъ какъ раздвоилось первоначальное русло! Можно позволить себѣ назвать славянофильство г. Давилевскаго

бѣлымъ славянофильствомъ, отъ котораго далеко убѣгаетъ въ сторону другое славянофильство, выразившееся, между прочимъ, въ статьяхъ и наклонностяхъ журнала *Бесѣды*.

Въ этомъ раздѣленіи взглядовъ нѣтъ впрочемъ ничего самого по себѣ дурнаго. Напротивъ того намъ полезно изучать и Славянство и Востокъ съ разныхъ сторонъ, разсматривать ихъ съ самыхъ несходныхъ точекъ зрѣнія.

Я прибавлю даже что еслибы о Славянствѣ и Востокѣ высказывались у насъ самые оригинальные, смѣлые и какіе угодно крайніе взгляды, то и это могло бы привести свою относительную пользу.

Историческая связь наша съ Востокомъ и Славянствомъ до того живая, до того глубока, что всякое невѣдѣніе, всякое непониманіе наше можетъ современемъ, если не сейчасъ, отозваться очень вредно, сперва на внѣшней дѣятельности нашей, а потомъ и на внутреннихъ нашихъ дѣлахъ.

Для того чтобы дѣйствовать успѣшно, надо знать...

Участіе нашего общества къ дѣламъ Востока вырастаетъ и расширяется съ каждымъ новымъ движеніемъ, съ каждою новою вспышкой въ этой наэлектризованной и разлагающейся странѣ. Въ началѣ 60хъ годовъ впервые заговорила русская печать громче прежняго о христіанахъ Турціи и о нашихъ къ нимъ отношеніяхъ.

Во время Критскихъ дѣлъ (семь-восемь лѣтъ поздѣе) высшіе классы общества уже обнаруживали сильное движеніе, чего въ эпоху Герцеговинскихъ и Черногорскихъ дѣлъ 61—62 года еще не было...

Славянскій съѣздъ 67го года, совлавъ съ самымъ разгаромъ Критскаго возстанія, еще болѣе усилилъ это общеніе...

Наконецъ теперь вопросъ этотъ въ Россіи до того созрѣлъ (какъ-то незамѣтно, почти подкравшись) что весь народъ принимаетъ горячее въ немъ участіе.

Мы стоимъ, быть-можетъ, на рубежѣ великаго политическаго переворота, котораго искать, который ускерать намъ бы не было и нужды, еслибы не укоряли его сами противники наши...

Развязка, даже отложенная теперь, не заставитъ себя долго ждать.

ція не можетъ продолжать своего существованія въ гѣ по сю сторону Босфора и Дарданеллъ не потому чтобы всѣ Турки поголовно были изверги и звѣри, тому чтобы христіане всѣ были люди симпатичные, ые, или прекрасно воспитанные, но потому что управленіемъ милліонами иновѣрцевъ, создавшихъ уже свои права, воеваніи Корана въ наше время невозможно.

одной изъ депешъ своихъ нашъ государственный канцъвыразился, если не ошибаюсь, такъ:

не хочу отрицать способность Турецкой націи къ тѣмъ; я полагаю что ни одно племя человеческое не ю этой способности. Но я говорю только что Турки али неумѣніе свое управлять хорошо христіанами“...

II.

едавая въ этихъ замѣткахъ тѣ общія впечатлѣнія ыя я вынесъ изъ десятилѣтней жизни моей на Восто- хочу быть совершенно искреннимъ. Я не рѣшусь ждать что это непременно правда; я скажу только что го мнѣ кажется правдой. Многое здѣсь для единовѣр- нашихъ (образованнаго класса въ особенности) не бу- лество. Но пора лишить ихъ той странной привиле- оторую мы имъ дали посредствомъ нѣмага какого-то сія, привилегію быть единственными людьми не суди- изо всего свѣта. Самихъ себя, Русскихъ, мы не толь- димъ, мы уже лѣтъ 30—40 кажется постоянно только суждаемъ самихъ себя. Европейцевъ и Азіатцевъ мы гъ. Одни только Юго-Славяне всегда какъ будто бы пи. Къ чему это?

и они намъ очень близки, если они намъ братья, мы ы относиться къ нимъ какъ къ самимъ себѣ, съ пря- и откровенностью. Критика доброжелательности не ываетъ.

итическое призваніе Россіи требуетъ разсмотрѣнія ой задачи со всѣхъ ея сторонъ.

ежно потому что вѣроисловѣдная и племенная связь съ христіанскими націями Юго-Востока такъ крѣпка дественна, такъ жизненна для насъ, намъ нѣтъ ника- нужды ограничиваться этнографическими очерками т. скихъ.

патріархальнаго быта сербскихъ поселянъ, черногорскихъ удалцовъ, болгарскихъ земледѣльцевъ, или кандіотскихъ горцевъ. Этого рода литература и у насъ и на Западѣ такъ уже обильна что тѣ изъ читателей которые не составили себѣ до сихъ поръ довольно картиннаго представленія объ эпическихъ элементахъ христіанскаго Востока виноваты сами.

Гораздо менѣе занимались у насъ изображеніемъ жизни, духа, быта славяно-греческой буржуазіи, воспитанной какъ пришлось, по-европейски, однимъ словомъ той части общества, которую принято называть интеллигенціей..

Объ интеллигенціи этой писали у насъ много политическихъ статей. Но это обыкновенно касалось лишь извѣстныхъ политическихъ дѣйствій и движеній въ Афинахъ, Царьградѣ, Сербіи, Болгаріи... Писалось это подъ вліяніемъ возбужденія исторической минуты благосклонно или строго.... Мѣнялись теченія политическія, мѣнялись и наши взгляды.

А въ жизни самой вездѣ есть нѣкоторая вѣковая устойчивость бытоваго тѣла, общаго духа, который мѣняется медленно и который хорошо понять и разносторонне исслѣдовать полезно не только въ смыслѣ теоретическаго расширенія знаній, но и съ практическою цѣлью: ибо сколько ни мѣняются политическія теченія, есть однако извѣстные роковые предѣлы, за которые колебанія эти цѣлые вѣка переступить не могутъ.

Эти-то предѣлы политическихъ колебаній, возможные для одной и той же націи, и обуславливаются внутреннимъ строемъ этой націи, ея вѣроисповѣданіемъ, ея преданіями и даже вкусами, ея социальнымъ устройствомъ, которое кладетъ свою глубокую печать на личный типъ, или психическій строй самихъ гражданъ.

Больше объ этомъ я въ этихъ вступительныхъ словахъ распространяться не буду. Я надѣюсь, дальше станетъ яснѣе что я хотѣлъ сказать.

Здѣсь я прибавлю еще вотъ что:

Если сербская ли, болгарская, греческая интеллигенція намъ чѣмъ-нибудь не нравятся, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы мы не должны помогать всѣми силами народомъ, руководимымъ обыкновенно этимъ во главѣ ихъ стоящимъ слоемъ.

Думать такъ можетъ только человѣкъ слѣпкомъ простодушный въ политикѣ.

Напротивъ того, чѣмъ несовершеннѣе европеизованные вожди всѣхъ этихъ глубоко - родственныхъ намъ націй, тѣмъ больше должны мы сами позаботиться о нихъ, тѣмъ ближе должны мы постараться, пользуясь обстоятельствами, стать теперь къ тому высшему классу ихъ, который можно назвать элическимъ или патріархальнымъ по быту, къ тому классу который сохранилъ доселѣ въ своей жизни столь драгоценный для насъ и общій всему христіанскому Востоку славяно-византійскій стиль.

III.

Сравнимъ прежде всего Грековъ и Болгаръ между собою и съ Русскими. О Сербяхъ поговоримъ позднѣе.

Греческая нація и по темпераменту быть-можетъ своему, а вѣрнѣе по историческому положенію, шумнѣе, виднѣе, извѣстнѣе Болгарской.

Всѣ занимающіеся мало-мальски политикой знаютъ хоть сколько-нибудь духъ Грековъ. У Грековъ есть свободное государство, своя столица, свой университетъ, войска, палата депутатовъ. Число газетъ въ однихъ Аѣинахъ, имѣющихъ не болѣе 50.000 жителей, по временамъ, говорятъ будто бы доходить до ста; при всѣхъ дворахъ есть представители Элады.

Въ Константинополѣ у Грековъ есть древняя, признанная всѣмъ свѣтомъ, іерархія, которая служитъ во многомъ и политическимъ представителемъ народа; есть и газеты которыя лишутъ теперь довольно свободно. Разговоры же въ Турціи по кофейнямъ, мелочнымъ лавочкамъ, аптекамъ (въ которыхъ также имѣютъ многіе обычай собираться) издавна очень безбоязненны и откровенны.

Сверхъ того, во многихъ случаяхъ, что не дослышится какъ-нибудь въ Турціи, то можно узнать изъ Аѣины, Триеста, Молдо-Валахіи...

У Болгаръ, напротивъ того, не имѣющихъ ни столицы своей, ни палаты, ни войска; у Болгаръ, которыхъ газеты ничтожны и нѣтъ имъ крѣмъ ихъ самихъ не читаются, все происходило подъ турецкою властью тихо, незамѣтно, все шло посредствомъ подземной работы.

Вслѣдствіе этихъ различныхъ условій жизни Грековъ вообще судить легче чѣмъ Болгаръ. У Грековъ, какъ я уже говорилъ, выработалось уже гораздо больше фizioноміи

исторической за эти полвѣка, которыя прошли со дня ихъ перваго возстанія въ 21мъ году.

Они успѣли развиться больше Болгаръ не въ смыслѣ ума только или учености, а въ смыслѣ нѣкоторой организаціи и потому у нихъ больше разнообразія въ ихъ эллиномъ племенномъ единствѣ.

Сословія правда у нихъ нѣтъ никакихъ съ самаго начала; этого элемента разнородности и гармоніи они лишены. Но условія и географическія и историческія придали имъ гораздо больше національной пестроты чѣмъ Юго-Славянамъ.

Взглянемъ только на карту и намъ будетъ это понятно. Мы увидимъ строгій и пустынный Синай, дикія долины и горы Малой Азіи, торговую Смирну, столь близкую къ этимъ дикимъ странамъ, множество острововъ Архипелага, Средиземнаго и Адриатическаго моря, Аѣины у подножія Акрополя; прелестный Критъ; Морею пастушескую и разбойничью; Элиръ, носящій фустанеллу и сочиняющій до сихъ поръ въ безлѣсныхъ горахъ эллическія лѣсны. Въ двухъ часовой ѣздѣ моремъ отъ этого полуострова и вмѣстѣ съ тѣмъ (не странно ли?) очень грамотнаго Элира, почти итальянскій островъ Корфу, еще полный въ добавокъ памятниковъ и слѣдовъ британскаго протектората. Въ Кефалоніи у жителей опять иной характеръ. Корфіоты мягче и образованнѣе; Кефалониты страстнѣе, свирѣплѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ умнѣе. Македонскій Грекъ ничѣмъ почти въ быту своемъ не отличается отъ сосѣдняго ему Болгарина; Эракійскаго Грека даже по одеждѣ сельской не отличишь отъ Болгарина Эракіи; оба въ темносинихъ чалмахъ и коричневыхъ шальварахъ.

У Критянъ есть кой-что итальянское; но на Корфіотомъ, напримѣръ, они не похожи. Они оригинальнѣе, красивѣе, ловчичѣе, воинственнѣе, изящнѣе и т. д.

Буржуазія греческая, вслѣдствіе тѣхъ же историческихъ условій, гораздо разнообразнѣе болгарской. Тонкій, осторожный, обдумчивый Фанаріотъ * гораздо больше баринъ съ

* Настоящія, старыя семьи Фанаріотовъ уничтожены и разсѣяны почти всѣ послѣ 21го года. Но подъ Фанаріотомъ я разумѣю здѣсь вообще Цареградскаго Грека — богатаго, хорошо образованнаго и высоко стоящаго въ обществѣ.

виду, больше способенъ къ серіозной политикѣ, гораздо лучше воспитанъ въ общественномъ отношеніи чѣмъ азиатскій двигатель. Азиатскій образованный это что такое? Немножко риторъ древній, немного парижскій демагогъ, немного аферистъ; немного коломенскій монтеръ и таинваіс генге, когда примется любезничать съ дамами. Онъ все вѣрить слыло что Грекъ умнѣ всѣхъ на свѣтѣ, что Греческая нація единственный въ исторіи фениксъ, который до конца свѣта будетъ еще нѣсколько разъ возрождаться, чтобы осыпать человечество цвѣтами и лить его плодами своего генія.

Прогрессъ его впрочемъ не переступаетъ порога семейнаго. Въ семьѣ онъ хочетъ, какъ всякій другой Грекъ (точно также какъ и Сербъ, и Болгаринъ) быть главой. Съзидавши въ Россію, онъ не можетъ надивиться на беззаботность и свиходительность русскихъ мужей, братьевъ и отцовъ.

Я увѣренъ вотъ въ чемъ: еслибы въ какомъ-нибудь университетѣ подружались трое молодыхъ революционеровъ и политическихъ мечтателей, Грекъ, Болгаринъ и Русскій, и стали бы вмѣстѣ читать сочиненія разныхъ общественныхъ разрушителей, то Русскому бы могли поправиться анархическіе принципы Прудона, но не очень полюбился бы утилитарный и атеистическій его идеалъ. Онъ сталъ бы вѣроятно хвалить или полѣандрію Фурьеристовъ, или алюминіевые дворцы Чернышевскаго, въ которыхъ:

Сто юношей пылкихъ и жезъ
Сотлася на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ...

А Болгаринъ и Грекъ, не отказываясь отъ государственной анархіи, тотчасъ же бы соединились противъ Русскаго по вопросу семейному и стали бы на сторону Прудона.

Русскій бы воскликнулъ тотчасъ: „не говорите! этотъ Прудонъ ужасный буржуа!“ А Грека и Болгарина онъ никакими силами не могъ бы даже и вразумить что такое значить буржуа.

Буржуа—это политикъ, гражданинъ, житель города, образованный, богатый человѣкъ, что жъ тутъ дурлаго? Вотъ еслибы ты сказалъ: селянинъ, хоріатисъ, мужикъ, варваръ—

это дѣло другое; а то горожанинъ! буржуа! Это обыкновенно человѣкъ прогрессивный, либеральный, сознающій свое человѣческое достоинство... Чтò же это значить? съ недоумѣнiемъ спрашивали бы и Грекъ и Болгаринъ.. И они были бы правы отчасти въ своемъ непониманiи идеи русскаго товарища.

Вѣроятно Русскій этотъ принадлежалъ бы къ тому многочисленному классу который у насъ нѣкоторые консерваторы удачно прозвали „дворянскiй пролетарiатъ“; онъ былъ бы обломкомъ распавшагося барства, и лотому соединялъ бы въ себѣ два протеста, двѣ распущенности: завистливый протестъ бѣдности при нервахъ тонкихъ, и брезгливый протестъ нѣкотораго *comme il faut*, и нѣкоторой романтичности, скучающей отъ тѣснаго луга и огромнаго долга; соединялъ бы въ себѣ остатки распущенности родовой, аристократической, съ благопрiобрѣтенною раздражительностью демагогiи.

У Болгарина и у Грека нервы толще; старшiй братъ этого Болгарина ласетъ еще стада отца своего въ Балканахъ; одинъ дядя Грека этого, правда, министромъ Эллады; но за то другой дядя торгуетъ табакомъ въ Яннинѣ, въ маленькой холодной лавкѣ, а младшiй братъ служитъ мальчикомъ гдѣ-то въ кофейнѣ. И у Болгарина, и Грека воображенiе скромнѣе, умъ суше и практичнѣе; абсолюта ни тотъ, ни другой не ищетъ и не понимаетъ ихъ. *Comme il faut*ъ имъ и вообще эстетическiя требованiя ихъ и отъ себя, и отъ другихъ гораздо ограниченнѣе, фантазiю ихъ, сравнительно съ игрой великорусскаго воображенiя, крайне убоги и блаженны. Въ этомъ отношенiи они пожалуй Маниловы, мечтающiе о дружбѣ съ Чичиковымъ и о прекрасномъ видѣ на мостъ, впрочемъ до первой распри въ коммерческомъ судѣ.

IV.

Болгарскую нацию надо воображать себѣ слѣдующимъ образомъ. На значительномъ, сплошномъ континентальномъ пространствѣ, между Чернымъ Моремъ съ востока, Дунаемъ съ сѣвера, между Сербскимъ племенемъ съ запада и Греческимъ съ юга — живетъ одинъ и тотъ же народъ... Мѣстами, особенно въ верхней Болгарiи, онъ живетъ не

смѣшанный ни съ кѣмъ; къ югу, въ Фракіи и Македоніи, онъ живетъ смѣшанно съ Греками. Болгары преобладаютъ тутъ въ селахъ, Греки—въ городахъ.

Множество селъ, стоящихъ на разной степени по богатству или бѣдности, по плодородію или безплодію почвы и по другимъ условіямъ, населены земледѣльцами трудолюбивыми, трезвыми, упорными, терпѣливыми, экономными; къ великорусскому разгулу вовсе нерасположенными, очень осторожными и довольно лукавыми при всей ихъ кажущейся простотѣ. Между ними есть очень незначительные отѣнки во внѣшней физіономіи, въ бытѣ, въ одеждахъ, въ привычкахъ, въ духѣ даже (такъ горные Болгары болѣе смѣлы, болѣе молодцы чѣмъ Болгары Фракійскихъ полей), но объединенные всѣ издавна на сплошной континентальной области, подпавшіе всѣ вмѣстѣ подъ одну турецкую власть, они не могли выработать въ себѣ тѣхъ мѣстныхъ особенностей и значительныхъ отѣнковъ какіе выработались у Грековъ подъ вліяніемъ болѣе разнообразныхъ географическихъ условій, подъ вліяніемъ болѣе сложной исторіи за послѣднія времена. У Болгаръ со времени появленія Турокъ не было тѣхъ колебаній и переворотовъ политическихъ, какіе были у Греческаго племени; не было смѣны повелителей какъ у Грековъ-островитянъ (напримѣръ у Критянъ долгое венеціанское владычество, а потомъ, вовсе не такъ давно, турецкое завоеваніе; у Іонійцевъ, т.-е. Корфіотовъ и др. цѣлый рядъ господъ: Венеціанцы, французское занятіе, русское, Англичане, присоединеніе къ независимой Элладѣ). Все это вліяло на духъ, нравы, даже на мелкіе обычаи и выработало разные отѣнки въ Греческомъ народѣ, отѣнки иногда очень рѣзкіе и теряющіеся только въ общеевропейскомъ типѣ высшаго общественнаго положенія. У Болгаръ были только два вліянія, постоянно и однообразно дѣйствовавшія въ теченіи вѣковъ: вліяніе турецкое и греческое.

Поятное дѣло что такой народъ долженъ быть очень простъ, несложенъ, однообразенъ: онъ и до сихъ поръ находится въ состояніи почти первобытной простоты. Поэтому вообще онъ мало занимателенъ, сухъ, бѣденъ духомъ, хотя чрезвычайно настойчивъ и вѣренъ себѣ (это впрочемъ и весьма естественно; чѣмъ меньше у меня разныхъ вкусовъ, разныхъ впечатлѣній, идей, тѣмъ мнѣ легче достается

внутреннее единство упорства, тѣмъ меньше во мнѣ раздвоенія). Изрителю стороннему Болгарскій простой народъ даетъ мало разныхъ впечатлѣній; все что есть у простыхъ Болгаръ, есть и у Грековъ; но у Грековъ простыхъ, взятыхъ во всецѣлости отъ дикихъ береговъ Азіи до цвѣтущихъ острововъ прииталіянскихъ и до унылыхъ Фракійскихъ полей, найдется много разнородныхъ свойствъ и отѣнковъ, которыхъ у однообразной Болгарской націи не найдется и которые могутъ или нравиться, или возмущать, но во всякомъ случаѣ произведутъ болѣе сильныя впечатлѣнія на посторонняго наблюдателя, чѣмъ возможно скучный, хотя и весьма почтенный видъ болгарскаго простаго населенія.

Такъ какъ семейные обычаи, манера принимать и угощать гостей, строгіе и чистые семейные идеалы, даже одежда и пляски (настоящія болгарскія пляски круговыя, а греческія—разомкнутымъ полукругомъ; впрочемъ между тѣмъ и другимъ разницы не болѣе какъ между однимъ ларнымъ европейскимъ танцемъ и другимъ) мѣстами у Грековъ и Болгаръ очень схожи, то вообще можно про Болгарина сказать что онъ въ типическомъ отношеніи что-то такое въ родѣ Грека, только болѣе блѣдное, болѣе безцвѣтное, что онъ не что иное какъ македонскій и фракійскій Грекъ по обычаямъ, по тѣлу и характеру, но который говоритъ только по-славянски и которому вожди его долгою пропагандой внушили что у него съ этимъ столь схожимъ съ нимъ соеѣдомъ Грекомъ вовсе другіе политическіе и религіозные интересы.

Если писать статью чисто-политическую объ интересахъ и стремленіяхъ, то Болгаринъ и Грекъ явятся самыми свирѣпыми антитезами; и они конечно давно бы взялись за оружіе еслибъ ихъ не сдерживала Турція. Если же писать повѣсть похожую на дѣло, реальную, или этнографическій очеркъ, то-есть о нравахъ, типахъ, личныя характерахъ, то болгарскіе нравы и греческіе нравы, особенно въ сѣверныхъ континентальныхъ областяхъ, болгарскіе типы и греческіе типы вышли бы очень схожи. Та же крѣпкая, честная семья, то же трудолюбіе, почти та же восточная одежда, тѣ же привѣтствія, та же осторожность, скрытность, та же наивность первобытная и нерѣдко очень милая и пріятная.

Это сельское населеніе. Разница впрочемъ большая та что масса Болгаръ нѣсколько невѣжественнѣе, первобытнѣе, безграмотнѣе массы Грековъ. Но простоты, наивности и патріархальности много и у Грековъ вездѣ: на островахъ, въ Элирѣ, въ Македоніи, въ самой Элладѣ.

Что сказать о городскомъ населеніи? Если мы отдѣлимъ мысленно отъ народа такъ-называемую интеллигенцію (буржуазію), кулцовъ, докторовъ, адвокатовъ, учителей и т. п., то, сравнивая между собою обѣ эти націи, Болгарскую и Греческую, мы увидимъ опять то же самое: съ одной стороны значительное сходство въ типѣ, въ помятіяхъ, во вкусахъ, въ характерѣ, съ другой различіе въ томъ что среда греческой интеллигенціи отъ иностранныхъ примѣсей, отъ разнородности исторической, отъ болѣе стараго просвѣщенія, несравненно лестрѣе, богаче духомъ, обильнѣе разнообразіемъ чѣмъ среда болгарской буржуазіи.

Если мы будемъ сравнивать европеизованныхъ Грековъ и такихъ же Болгаръ съ Русскими, то первое наше впечатлѣніе будетъ что вообще восточные христіане суше, холоднѣе насъ въ частной своей жизни; у нихъ меньше идеализма сердечнаго, семейнаго, религіознаго, все грубѣе, меньше тонкости, но за то больше здоровья, больше здраваго смысла, трезвости, умѣренности. Меньше рыцарскихъ чувствъ, меньше сознательнаго добродушія, меньше щедрости, но больше выдержки, болѣе домашняго и внутренняго лорядка, меньше развращенности, раслуценности.

У нихъ меньше чѣмъ у насъ оригинальныхъ характеровъ, рѣзкихъ типовъ, гораздо меньше поэзіи; но за то у нихъ и помину нѣтъ о двушкахъ-нигилисткахъ, о сестрахъ просящихъ братьевъ убить ихъ, потому что скучно; о мужьяхъ вѣшающихъ молодыхъ женъ, потому что дѣла пошли худо; о юношахъ, почти отрокахъ, убивающихъ кучера чтобъ учиться революціи, и т. д. Самыя преступленія у восточныхъ христіанъ (у Грековъ и Славянъ безъ различія) носятъ какой-то болѣе попятный, разчетливый характеръ; этихъ странныхъ убійствъ отъ тоски, отъ разочарованія, съ досады просто или отъ Геростратоваго желанія лично прославиться, безъ цѣли и смысла, убійствъ обнаруживающихъ глубокую боль сердца въ русскомъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую нравственную раслуценность, — ничего подобнаго здѣсь и не слышно вовсе, ни

у Грековъ, ни у Болгаръ, ни у Сербовъ. Желаніе грабежа, ссора, месть, ревность, словомъ, болѣе естественныя, болѣе, пожалуй, грубыя, простыя, но вообще болѣе разчетливыя и сухія такъ-сказать побужденія бывають на Востокъ причинами преступленій.

О преступленіяхъ въ средѣ интеллигенціи почти и не слышно здѣсь; для этого интеллигенція слишкомъ разчетлива; но за то и великодушія и доброты гораздо меньше. Одинъ примѣръ. Я зналъ Грековъ и Болгаръ уже не молодыхъ, которые помнятъ Русскихъ еще владѣвшихъ крѣпостными. Они жаловались мнѣ съ удивленіемъ на то что слугъ послужившихъ хоть полгода у русскихъ чиновниковъ на Востокъ нельзя потомъ въ домъ къ себѣ брать; до того они балуются и привыкають къ свисходительности и щедрости господъ.

Это все сравненіе Русскихъ съ восточными христіанами вообще.

А если сравнить греческую интеллигенцію съ болгарскою, то увидимъ вотъ что. Насколько Греки кажутся сущіе Русскихъ и каждый отдѣльно и взятыя вмѣстѣ однообразіе Русскихъ, настолько Болгары кажутся для человека прожившаго и съ ними и съ Греками сущіе и однообразіе Грековъ.

И у тѣхъ и у другихъ, если сравнивать ихъ съ нами, преобладають: практичность, лукавство, выдержка, осторожность, духъ коммерческій, какой-то дипломатическій, надъ порывомъ, чувствомъ, идеальностью; но все-таки между Греками я зналъ чудаковъ, идеалистовъ, людей презирающихъ и коммерцію, и лукавство, и дипломатію въ частной жизни, и осторожность, и даже къ національной политикѣ равнодушныхъ. Я зналъ, хоть и меньше чѣмъ у насъ, мимыхъ болтуновъ, остроумныхъ, забавныхъ, симпатичныхъ оригиналовъ; а между столькими Болгарами, видѣнными мною, я встрѣтилъ до сихъ поръ только развѣ одного или двухъ такихъ, да и то не очень занимательныхъ. Членъ болгарской интеллигенціи—это буржуа *par excellence*; всегда сдержанъ, всегда разчетливъ, болѣе или менѣе скупъ и остороженъ, всегда дипломатъ или всегда купецъ, и въ дружбѣ, и въ бракѣ, и въ политикѣ...

Это опять то же. Это Грекъ второй руки; Грекъ немного окученный. Грекъ купецъ (хоть бы онъ былъ и не ку-

пецъ по ремеслу); Грекъ говорящій по-славянски; не Плу-таки вѣжливскій или одесскій, а Найдень Плутовичъ изъ Филиппополя или Рущука.

Мнѣ кажется что такимъ образомъ я довольно ясно изобразилъ психическій характеръ Болгаръ.

Теперь, если мы будемъ разсматривать Болгаръ по отноше-нію ихъ другъ къ другу, не выходя изъ ихъ собствен-ной среды, и разбирать ихъ взаимныя отношенія по слоямъ общественнымъ, то мы увидимъ вотъ что.

Дѣлами національными заведуетъ сравнительно незначи-тельное число людей, вышедшихъ большею частію изъ то-го же простаго сельскаго класса Болгаръ, который состав-ляетъ массу народа, или изъ простыхъ горожанъ.

Эти люди—епископы, доктора, купцы, адвокаты, богатые собственники, воспитавшіеся въ Европѣ или Константино-полѣ у Грековъ, или въ Россіи, или въ Молдо-Валахіи, при-обрѣли европеизма именно настолько, чтобы представлять свой народъ соціально, умственно и свѣтски—довольно пло-хо, разумѣется, а политически, напротивъ, очень ловко. Они настолько обучились, чтобы вести ловко политическую интригу въ современномъ духѣ и современными средства-ми, и не настолько воспитались, чтобы простой народъ ле-ресталъ ихъ понимать, или они его. У насъ скорѣе крестья-нинъ проведетъ человѣка высшаго круга; у Болгаръ стар-шины проводятъ народъ какъ имъ угодно. Это наши рус-скіе сельскіе міровѣды en grand, въ сюртукахъ, не совсѣмъ хорошо сшитыхъ.

За горестію этихъ солидно-ловкихъ докторовъ, султан-скихъ калуджи-баши, негоціантовъ, держащихъ въ рукахъ свое новосозданное духовенство, слѣдуетъ слой болѣе или менѣе молодыхъ учителей по большимъ и малымъ городамъ. Эти учителя, кой-какъ обученные сами, и не рѣдко въ шко-лахъ католическихъ и протестантскихъ—все пламенные фа-натики своего національнаго дѣла, люди бѣдные, которые тоже всѣ вышли изъ мужицкихъ и мѣщанскихъ семей, но не успѣли многому выучиться и обогатиться, и потому вполнѣ зависятъ отъ того тѣснаго круга важныхъ пред-ставителей которые принимаютъ къ турецкимъ мѣнист-рамъ и къ иностраннымъ дипломатамъ...

Вслѣдъ за этимъ молодымъ фанатикомъ болгаризма, пролитаннымъ дешевыми реалистическими европейскими

понятіями и одѣтымъ въ оборванный или грязный европейскій сюртукъ, интеллигенція обрывается вдругъ; и почти немедленно за этимъ молодымъ прогрессистомъ и демагогомъ слѣдуетъ простой сельскій міроѣдъ чорбаджи, въ толстой коричневой абѣ, въ шальварахъ, въ бараньей шалкѣ, или въ темносиней чалмѣ; онъ болѣею частію безграмотенъ, домоѣдъ, свѣту не знаетъ, религію свою понимаетъ плохо; онъ очень недовѣрчивъ и медленъ; но учителю Иисарову, вышедшему почти изъ того же села, не трудно его увѣрить въ чемъ бы то ни было, особенно напимѣръ въ томъ что греческіе епископы только изъ одной жадности, чтобы брать съ него поборы, не хотятъ освободить его, бѣднаго; или что раскола вовсе нѣтъ никакого, что „грцкій-то патрикъ“ все это неправду говоритъ, что вотъ и одѣваются наши лопы все также, и поютъ также какъ Греки, и служатъ также, и что нѣтъ никакого беззаконія и грѣха въ томъ что въ Филиппополѣ, въ Тульчѣ и въ самомъ Царьградѣ по два епископа—болгарскій и греческій. Гдѣ же болгарекому безграмотному мужику понять эти вещи, когда очень образованные и даже религіозные русскіе люди спрашиваютъ: „И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тутъ расколъ? И чтѣ за бѣда! Все бы это, кажется, такъ легко примирить!“

Такимъ образомъ выходитъ слѣдующая политическая картина:

Милліоны очень однообразнаго простаго Болгарскаго народа очень искусно и ловко управляюся подъ властью Турціи незначительнымъ числомъ рѣзко-отличныхъ отъ нихъ по образованію и понятіямъ и все-таки нѣсколько, хотя бы фактически, если не *de jure*, привилегированными старшинами и наставниками вышедшими изъ его же среды.

Такое устройство націи, очень демократическое и весьма простое, можетъ не имѣть въ себѣ прочности для будущаго, можетъ послѣ освобожденія быть причиной крайней демагогіи и раздоровъ, когда внутренніе вопросы обладаютъ надъ вѣшными (т.-е. когда не будетъ ни Турокъ, ни Грековъ, дававшихъ извнѣ), но теперь, при этихъ вѣшнихъ орудіяхъ объединенія, при этомъ вѣшнемъ давленіи, такое состояніе общества очень удобно для вершенія современныхъ національных дѣлъ и для искуснаго перевесенія политическаго вопроса на лже-религіозную почву,

Много низшихъ и мало высшихъ; господство осторожной, совольно согласной, ловкой, лукавой плутократіи.

У Болгаръ не было какъ у Грековъ независимой Эллады, избаловавшей уже народъ конституціей, рядомъ внутреннихъ возстаній, всеобщей подачей голосовъ, привычкой всѣхъ ко все мѣшаться. У Болгаръ несравненно меньше тѣхъ пореждствующихъ типовъ, смышлемо грамотнаго, бойкаго простонародья, который такъ многочисленъ между Греками; у нихъ нѣтъ, или очень мало такихъ людей, какъ греческіе моряки сорви-голова, греческіе мелкіе лавочники, мелкіе мастера, и слуги читающіе постоянно газеты, полигакующіе матросы и т. д.

Это болѣе значительное развитіе европеизма (я не могу сказать просвѣщенія, ибо я не въ силахъ понять, почему популяризація европейской буржуазности есть просвѣщеніе?) у Грековъ путаетъ дѣла; всякій во все мѣшается, всякій хочетъ имѣть свое мѣшаніе. Но за то у Грековъ всякій больше понимаетъ; у Грековъ труднѣе старшии, епископу и учителю обмануть народъ, напримѣръ, въ церковномъ дѣлѣ и представить ему черное бѣлымъ — канонамъ не канонами и т. л.

Вотъ въ чемъ разница.

V.

Историческія условія сдѣлали то что греческое и вообще восточное христіанское общество до самаго послѣдняго времени было церковнѣе русскаго въ своемъ воспитаніи. Церковь была смѣшаннѣе съ остальною націей; народъ и высшее общество стояли ближе къ церкви.

Религіозность Грековъ вслѣдствіе подчиненія Туркамъ незамѣтно для большинства ихъ самихъ приняла политическій характеръ. Разумѣется, пока ко всему остальному, къ сильнымъ чувствамъ личнымъ, къ личному мистическому настроенію, къ болѣющей сердечной любви прибавляется политическій, національный фанатизмъ, то религія въ народѣ достигаетъ верха своего могущества. Такъ и было у Грековъ прежде.

Но какъ только обстоятельства измѣнились, болѣе русской однообразная греческая почва оказалась сердечнѣе религіозною чѣмъ наша.

Пока съ одной стороны были Турки жестче, пока законы были безплощаднѣе, пока беззаконныхъ притѣсненій было больше, пока христіанъ убивали легко—была въраженная, былъ страхъ, страданія, молитвы, постъ строжайшіе были вольные мученики; монастыри валопылись аскетами.

Но Турція ослабѣла; законы смягчились; завелось больше порядка; явилось къ тому же больше грамотности, мелкобучености, свободы. Эллада обогнала въ демагогіи многія страны Европы; школы вездѣ множество; учителя почти безконтрольно говорятъ въ селахъ что хотятъ. И вотъ это чисто торговое, практическое, промышленное, поверхностно обучающее греческое общество остыло гораздо больше нашего къ религіи въ ея сердечныхъ сторонахъ, несмотря на всю хваленую близость къ народу, несмотря на всю церковность воспитанія. Вообще напрасны надежды на простой народъ, не онъ въ теченіе времени окрашивается высшіе слои, но эти высшіе слои вездѣ одинаково вліяютъ на низшіе.

Я долго думалъ, отчего же именно это такъ случилось?

Это случилось во первыхъ оттого что тошкія и глубокія психическія потребности высшей цивилизаціи не внесли въ это грубое, демократическое, елплошное общество восточныхъ христіанъ внутренняго возбужденія въ замѣвъ отупѣвшаго турецкаго меча. Во вторыхъ оттого что и самый умъ только практиченъ и еще нетребователенъ на Востокѣ. Мало мысли для мысли, мало идеальной образованности. И умъ и сердце грубы.

Если мы будемъ разсматривать поочередно Русскихъ, Грековъ, Сербовъ и Болгаръ и сравнивать ихъ всѣхъ другъ съ другомъ съ точки зрѣнія религіозности, то безъ труда убѣдимся что сила и степень этого качества распределяются у четырехъ единовѣрныхъ націй Востока такъ:

Первую степень, какъ я выше говорилъ, занимаютъ Русскіе. За ними слѣдуютъ Греки, потомъ Сербы и Болгары.

Это будетъ ясно изъ подробностей. Сравнимъ прежде всего Грековъ съ Русскими. Многія черты свойственныя Грекамъ, у нихъ общія и съ Сербами и Болгарами; такъ что говоря о Грекахъ мы будемъ подразумѣвать при этомъ и турецкихъ Славянъ; а послѣ уже будетъ легче объяснить почему Юго-Славяне не имѣютъ даже и тѣхъ условій которыми Греки выкупаютъ по отношенію къ православію свои недостатки и слабости.

да входишь у насъ въ Россіи на Пасхѣ или въ другой праздникъ въ церковь, то видишь что это вѣкъ мистическій, сердечный. Когда входишь къ Грекамъ — видишь праздникъ народный.

вѣрное замѣчаніе было мнѣ сказано однимъ изъ даровитыхъ консуловъ нашихъ на Востокѣ. Кратко сказано и ясно. Но ясно лишь для тѣхъ кто на Востоке только жилъ долго, но и мыслилъ живя тамъ.

для того кто мыслилъ не живя на Востоке, или кто на Востоке не трудясь мыслить, необходимы подробности.

Россіи общество уже со временъ Петра воспитывается раздо больше государствомъ, чѣмъ церковью. На Восточное христианское общество, долго подчиненное Туркамъ, цило своего естественнаго воспитателя въ церкви.

Россіи общество было дальше отъ церкви, отъ духовства; между священникомъ и дворяникомъ (до послѣдней степени почти единственнымъ начальникомъ народа и ставителемъ націи) стояли вездѣ: мелкій чиновникъ, школьный учитель Французъ, учитель Нѣмецъ; очень свѣтская, начитанная; отецъ который бранилъ

хвостъ и поповъ, самъ не зная почему и т. д. На Востоке мѣряне стояли къ духовенству ближе: они были всѣ равны и между собою и съ духовенствомъ. Положеніе духовенства было здѣсь совершенно иное чѣмъ у насъ. Оно было въ одно и то же время и униженіе и свѣтъ чѣмъ у насъ. Униженіе оно было противъ Турокъ отъ смысла что не имѣло того вѣщаго почта какъ у насъ; въ томъ смыслѣ что было бѣдѣ нашего и скорѣе его могло въ недавнія еще времена подвергнуться опасностямъ смерти, изгнанію и т. д. Такъ знаменитый патріархъ Григорій былъ повѣшенъ султаномъ Махмудомъ, негра на то, что незадолго до своей трагической смерти началъ всѣхъ бунтующихъ Грековъ отъ церкви въ сношеніи къ нимъ посланіи.

всѣмъ восточное духовенство было именно потому надъ нимъ было правительство иновѣрное и вчера еще было грубое. Турецкое правительство лишило само себя всеми фирманами патріархамъ правъ вѣмшиться во вѣрное управление христіанской церкви. Оно было

иновѣрное и потому именно не имѣло никакихъ средствъ мѣшаться такъ во всѣ подробности церковнаго дѣла, какъ можетъ мѣшаться правительство единовѣрное. Оно не имѣло нужныхъ для этой цѣли однородныхъ съ церковью принциповъ; не имѣло къ тому и особой охоты. Самъ Король приказываетъ судить христіанъ по Евангелію.

Сверхъ того надо не забывать, что рядомъ съ презрѣніемъ къ гяурамъ, у набожныхъ, знающихъ законъ свой Турокъ, всегда уживалось весьма своеобразное уваженіе ко Христу (Пророкъ Исса), Божіей Матери (Пророчица Маріамъ) и нѣкоторымъ другимъ христіанскимъ и еврейскимъ святынямъ. Понятно, что рядомъ съ притѣсненіемъ, съ наружною дерзостью и даже жестокостью было, у Турокъ нѣрѣдко внутреннее уваженіе къ христіанству.

Всѣ эти обстоятельства сдѣлали то, что на Востокѣ церковь, въ подробностяхъ безконтрольно начальствовала надъ народомъ и служила ему во всемъ національнымъ, политическимъ представителемъ. Епископъ въ Турціи и до сихъ поръ предъ правительствомъ есть не только духовный пастырь но и политическій, административный представитель христіанъ по многимъ вопросамъ.

Это издавна сближало, сшивало воедино духовенство съ народомъ. То же дѣлала и школа; той же цѣли достигала и семейная жизнь, и внутренняя организація духовнаго сословія.

Школа христіанская долго была исключительно въ рукахъ церкви: священники были долго единственными народными преподавателями. Понятно, что воспитаніе общества должно было быть на Востокѣ церковнаго чина у насъ.

Въ русской школѣ священная исторія и катехизисъ являлись лишь какъ нѣчто обязательное. Религіозныя впечатлѣнія юноша выносилъ гораздо болѣе изъ храма, въ который онъ шелъ съ семьей, изъ книжки, которую онъ дома прочелъ (не рѣдко изъ книжки французской или нѣмецкой, изъ Шатобріана или Шиллера, *Графъ Габсбургскій*, напр.) чѣмъ изъ уроковъ законоучителя въ шелковой рясѣ.

На Востокѣ на помощь церкви являлось прежде многое, именно вслѣдствіе зависимости. Священная исторія христіанства, догматы, катехизисъ, священники, епископы, были національными политическими опорами. Надія отъ церкви

малодушіе; другихъ исходовъ, другихъ значе-
ній другой силы не было. Не было даже долго другой
другой литературы.

Уже со временъ Екатерины были между дворянами
и вольтеріанцы, въ родѣ вельможи воспитаннаго Пуш-
кина: „Къ тебѣ привѣтливый потомокъ Аристила“, въ
лица Герцена (см. *Былое и Думы*), въ родѣ свѣтскаго
и въ повѣсти Тургенева *Несчастная*.

Въ началѣ этого вѣка, въ 20 — 50 годахъ, въ Россіи мы
имѣли духовенство составляющее особое сословіе, почти
ибо въ строѣ его была наследственность. Воспи-
тательный семинарій совершенно особое, вполнѣ церковное;
иное школьное мірское далеко не церковное; воспи-
тательное въ наиболѣе просвѣщенныхъ дворянскихъ
дѣтяхъ, чтеніе, обстановка вся располагающая или къ рав-
нодушію, или къ романтизму, къ мечтательности, къ сердеч-
ности и никакъ не къ національно-церковной.

На Востокѣ мы видимъ противоположное.

Видимъ не только монаховъ, но и бѣлое духовенство
иное съ народомъ, изъ него выходящее и въ него воз-
вращающееся. Священникъ выходитъ не изъ семьи свя-
щеннической, а изъ семьи земледѣльца, лавочника, учителя
и т. д., изъ семьи сельского капитана, одинъ священникъ
каваса, другой самъ былъ смолоду сельскимъ стра-
жникомъ, третьяго сынъ идетъ въ кавассы къ европейскому
дѣлу и т. д.

Мы видимъ на Востокѣ рѣзко обособленнаго семинар-
воспитаннаго. Здѣсь за то всѣ почти были больше се-
мьи члѣны у насъ.

Въ народная, въ то время когда у насъ ею правили
иные люди, здѣсь руководилась еще почти безъ контро-
льнотворствомъ. (Турки долго не мѣшались вовсе въ на-
родную школу и всякія попытки ихъ отклоняются и до сихъ
христіанами очень искусно.)

Въ семьяхъ самыхъ богатыхъ на Востокѣ жизнь тогда
жесткая, грубая, суха во многомъ; но эта семья
христіанскаго построена вся на таинствѣ, а не на
идеѣ романтизма христіанскаго отбѣга, какъ издав-
ность, на волѣ родителей, а не на любви и свободномъ
рѣшеніи. Дѣвочки мечтаютъ не о любви, а о бракѣ. Они

подобно германскимъ жещинамъ Тагита любятъ бракъ, а не мужа.

Чтобы нагляднѣе себѣ представить христіанскій Востокъ въ этомъ отношеніи вообразимъ себѣ русское общество (начала XIX вѣка) безъ дворянства, особенно безъ вышшаго; вообразимъ себѣ нѣчто въ родѣ кулцовъ и чиковниковъ Островскаго, но и то съ нѣкоторыми отгѣнками, напримѣръ съ меньшими увлеченіями вообще; съ одной стороны у старшихъ поменьше того что мы прозвали самодурствомъ; съ другой меньше и добрыхъ, щедрыхъ движеній; несравненно меньше влюбчивости и протеста со стороны дѣвицъ; вообще больше сухости, сдержанности, скупости и сердечнаго равнодушія.

Съ другой стороны надъ этимъ церковно-воспитаннымъ, благочестивымъ, но вовсе не романтическимъ, нѣсколько сухимъ и холоднымъ восточнымъ обществомъ первой половины этого вѣка, надо воздвигнуть мусульманскую грозю, надо повѣсить мусульманскій мечъ.

И тогда все будетъ ясно. Картина обществъ на Востокъ съ одной стороны похолодѣе нашей, съ другой трагичнѣе. Вообразите что въ чисто семейную и весьма церковную по многимъ принципамъ жизнь вторгается со стороны насиліе янычара и тогда вамъ будетъ еще понятнѣе какъ турецкая власть, которая верѣдко была дѣйствительно игомъ, способствовала на Востокъ единенію, смѣшенію всего христіанскаго: церкви, націи, школы, семьи, даже племенъ; ибо пробужденіе Болгаръ и ихъ движеніе противу Грековъ и греческой церкви началось сравнительно очень недавно, при временномъ облегченіи этого ига. Прежде они выѣхъ съ Греками считались у Турокъ просто христіанами и сами себя звали такъ.

IV.

Старое реторическое уподобленіе поэзіи цвѣтамъ или цвѣтовъ поэзіи, уподобленіе очень хорошее и вѣрное.

Цвѣты служатъ въ ботаникѣ наилучшимъ признакомъ для опредѣленія растенія; они суть какъ бы вышшее, сильнѣйшее выраженіе фізіологіи того дерева или травы изъ которыхъ расцвѣтають. Ихъ вѣтшность служитъ признакомъ внутреннихъ неясныхъ еще законовъ.

Посмотримъ же что скажетъ намъ сравненіе ново-греческой поэзіи съ русскою, особенно по религіозному вопросу. Заключение мое вотъ какое:

И въ поэзіи на сторонѣ Русскихъ мы видимъ больше капризнаго романтизма, больше сердечнаго мистицизма, больше и аскетической, и любящей боли, больше личной глубины. На сторонѣ Грековъ издавна гораздо больше смѣшенія національнаго чувства съ лично мистическимъ, меньше боли, меньше теплоты, романтизма; больше догмата, больше церковности и больше патриотизма.

Чтобы меня лучше поняли изъ примѣровъ я укажу на религіозныя стихотворенія Грека современнаго намъ, г. Танталиди, профессора древне-греческой поэзіи при богословскомъ училищѣ на Халкѣ (въ Царьградѣ).

Г. Танталиди лично вовсе не холодный риторъ; я имѣю честь его знать и многимъ онъ извѣстенъ какъ человѣкъ чрезвычайно прямой, теплый, искренній и чрезвычайно религіозный по сердцу, а не по національнымъ соображеніямъ; на большинство аеинскихъ писателей онъ не похожъ; онъ отъ большинства ихъ отличается именно силой и горячностью своего религіознаго чувства. Даже многіе изъ Болгаръ его уважаютъ (а это много значить, при непримиримыхъ предразсудкахъ Болгаръ противу Грековъ).

Прекрасные, звучаые стихи его я вынужденъ былъ бы переводить прозой, а потому и приведу изъ нихъ только какой-нибудь характерный отрывокъ чтобы дать понятіе о его тонѣ.

У г. Танталиди множество религіозныхъ стихотвореній и всѣ ихъ можно назвать вѣрнѣе еще церковными чѣмъ лично-религіозными по сюжету. Напримѣръ:

О Д А

На всесвѣтное воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста.

День торжества побѣдлаго!..

Великій день, великій праздникъ Православья!..

Днесь воздвигаемъ мы оружье мира,

Средь чистой радости, средь ликованія святаго.

На царственный престолъ восшедши,

Вѣра наша пріемлетъ скипетръ славы.

И церковь шествуетъ во сады побѣдоносному Кресту l'ос-
подню...

Въ этомъ родѣ много и другихъ: *На Введеніе Пресвятыя Богородицы, на Во плоти Рождество Господа нашего и Бога и Спасителя Иисуса Христа, на Преображеніе* и т. д.

Въ стихотвореніяхъ отъѣика болѣе политическаго, напри-
мѣръ „На пріѣздъ Его Высочества Великаго Князя Констан-
тина Николаевича въ Константинополь,“ православное чув-
ство занимаетъ также весьма видное мѣсто.

Вообще всѣ подобныя стихотворенія г. Танталиди бо-
лѣе всего напоминаютъ наши прежнія оды прошлаго вѣка
и начала нынѣшняго. Въ нихъ есть нѣчто праздничное,
торжественное, сходное съ одами Державина или Ломоно-
сова.

Со временъ Бѣлинскаго, который какъ извѣстно въ тече-
ніе своей довольно долгой литературной дѣятельности не
разъ увлекался самыми противоположными идеями, у насъ
уже шутя воображали что этотъ Державинскій родъ во вся-
комъ случаѣ самъ по себѣ не хорошъ. Всякій родъ хорошъ
у хорошаго писателя. Плохіе одописатели были плохи; без-
дарные романтики на образецъ Шиллера и Байрона были
бездарны; плохіе послѣдователи нынѣшняго сухо-объектив-
наго реализма отвратительны.

Вотъ въ чемъ бѣда. Нынѣшній сухо-объективный ре-
ализмъ считается единственно возможною формою искусства;
во времена Державина оды считались самою лучшею и пра-
вильною формою. Это все временныя увлеченія, временныя
вкусы, мода; неспособность современниковъ къ широкой,
всесторонней оцѣнкѣ и болѣе ничего.

Однако, я увѣренъ что даже и между самыми молодыми
людьми нашего времени, несмотря на ихъ дурное эстети-
ческое воспитаніе, найдется хоть нѣсколько которые
поймутъ что такіе стихи Ломоносова и по содержанію и по
силѣ выраженія гораздо выше разныхъ тощихъ граждан-
скихъ мотивовъ которые и цитировать совѣстно.

Я нарочно потому упомянулъ объ одахъ Державина и
Ломоносова чтобы дать хоть нѣкоторое приблизительное
понятіе о родѣ г. Танталиди.

Но при этомъ не надо забыть двухъ обстоятельствъ:
вопервыхъ что языкъ у г. Танталиди обработанный, старый,
превосходный; а у нашихъ поэтовъ прошлаго вѣка еще не
было въ рукахъ такого готоваго прекраснаго орудія.

Возражаясь, Греки наши у себя готовыми уже нѣсколь-

ко прекрасныхъ языковъ: Гомерическій языкъ, языкъ цвѣтущаго періода Софокла и Эукидида, языкъ ученыхъ переводившихъ Библію на греческій языкъ, языкъ позднѣйшихъ византийскихъ писателей и наконецъ тотъ новый языкъ, на которомъ вокругъ нихъ говоритъ и поетъ народъ, вышедшій языкъ, отчасти искаженный, отчасти украшенный примѣсью турецкихъ, славянскихъ, итальянскихъ и арнаутскихъ корней и оборотовъ.

Таково преимущество современныхъ греческихъ поэтовъ предъ поэтами русскими прошлаго вѣка и отчасти даже предъ нынѣшними. Ничего подобнаго нѣтъ у другихъ народовъ; богатство даже несоразмѣрное съ содержаніемъ которое можетъ дать поэзіи нынѣшняя греческая жизнь и уровень аѳинскихъ умовъ.

Другая же очень значительная разница между греческими одами г. Танталиди и одами, напримѣръ, Державина, есть именно та существенная черта, которая вообще отдѣляетъ рѣзко Русскихъ отъ Грековъ, черта грусти болѣе глубокой, черта меланхоліи и романической боли.

Державинъ представляется вовсе не грустнымъ поэтомъ, если сравнивать его съ другими Русскими; но и у него самыя несравненно болѣе боли, чѣмъ у Грековъ.

Всѣ религіозныя оды г. Танталиди безъ исключенія праздничны, торжественны, спокойны, почти веселы; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ даже просто привѣтственный характеръ, напримѣръ „Патріарху іерусалимскому Кириллу“, и т. п.

У него сверхъ того не замѣтенъ тотъ ужасъ смерти который охватывалъ Державина посреди барскихъ пировъ XVIII вѣка. Память смерти у г. Танталиди не носитя вопреки всему въ тоскующей душѣ самого поэта; она проявляется тогда лишь, когда есть къ тому внѣшнія возбужденія, напримѣръ въ его многочисленныхъ эпитафіяхъ.

Ужасъ смерти массы людей возбуждаетъ въ немъ мысль о кровопролитной войнѣ; подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ пишетъ на полу-простонародномъ языкѣ прекрасное, большое стихотвореніе: *На новой Годъ* „какъ Св. Василій идетъ изъ Неокесаріи на этотъ разъ безъ лера и безъ чернильницы...“ (Чтобы понять это надо знать что на Востокѣ дѣти колядуютъ подъ 1е января, т.-е. подъ Св. Василия, и въ лѣсѣ ихъ поется что „Св. Василій идетъ съ перомъ и съ чернильницей....“)

У Грековъ вѣтъ и Лермонтова, и Кольцова, хотя почти всѣ поэты ихъ вѣроятно читали тѣ грустными европейскія произведенія, о которыхъ, конечно, нашъ Кольцовъ зналъ развѣ по наслышкѣ. Грусть у Русскаго глубока и естественна; у Грека она не глубока и не находитъ поэтому для себя изящнаго, сильнаго выраженія ни въ религіозныхъ, ни даже въ эротическихъ произведеніяхъ.

Когда Грекъ вдохновляется религіей, она, иногда и незамѣтно для него самого, становится тотчасъ же побѣдною или обороняющею хоругвью, пышнымъ знаменемъ, которое онъ возноситъ съ гордостью надъ главою столь любимой имъ родной націи.

„За Вѣру Христа святую, за Церковь Восточную и Вселенскую я приму муки и смерть...“ говоритъ онъ. „Возвратите братья Греки на эту святую хоругвь, она спасла народность вашу отъ всѣхъ безжалостныхъ и враждебныхъ силъ! Читайте ее, братья Греки! Читайте это святое знамя спасенія и въ этой жизни и въ будущей...“

Для русскаго поэта религія не хоругвь торжественная: она икона древняя полустертая, предъ которою въ почти горитъ лампада болѣзненной любви!

О своей хоругви Русскій покоенъ. „Хоругвь эту за каждаго изъ насъ давно держитъ царь“, думаетъ Русскій, и тоскуя, быть-можетъ и о предметахъ иногда и не слишкомъ христіанскихъ — плачетъ яредъ своею одинокою лампадой въ темномъ углу.

Напрасно мы будемъ искать въ греческой поэзіи хотя бы малѣйшаго подобія такихъ чувствъ и любящихъ и колеблющихся какъ у Кольцова:

Спаситель, Спаситель
Чиста моя вѣра.
Но Боже! и вѣръ
Могила темна...

Напрасно будемъ мы искать у Грековъ такихъ романтическихъ, лично религіозныхъ стихотвореній, какія мы найдемъ у Пушкина и Лермонтова, напримѣръ: „Въ часы забавъ иль празднои скуки“ или передсженіе молитвы „Господи и Владыко живота моего“:

Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой...
или Лермонтова *Вѣтка Палестины*.

Ничего подобнаго мы не найдемъ въ греческой поэзіи.

Въ стихахъ элическихъ у Грековъ, въ стихахъ народныхъ, еще и до сихъ поръ мѣстами творимыхъ въ Эпирѣ и другихъ болѣе глухихъ краяхъ, мы встрѣтимъ полнѣйшее взаимное проникновеніе тѣхъ трехъ элементовъ, которые у насъ такъ отдѣльны: религіознаго, эротическаго, патріотическаго. Любовь — это невинная дѣвушка у окна или у колодезя, которая мнѣ понравилась и на которой я бы женился; это жена молодая благословенная церковью, съ которою я разстанусь чтобъ идти на войну, или на торговлю въ дальнія страны. Или, это безстыдная измѣнница, которую надо либо убить, либо бросить; или это просто развратная дѣвушка съ которою молодецъ можетъ-быть и согрѣшилъ въ минуту искушенія, но надъ которою онъ будетъ послѣ съ презрѣніемъ смѣяться.

Вѣра въ этихъ простонародныхъ стихахъ не моя вѣра, не вѣра моего бурнаго и усталого сердца, это не вѣра плачущая вопреки всѣмъ пресыщеніямъ богатства и даже быть-можетъ юнаго разгула и разврата; нѣтъ это вѣра которую гнететъ иконостасъ, у которой нѣтъ царя-защитника: защитникъ ей каждый изъ насъ, ружье мое, моя личная хитрость и отвага. Я не знаю тоски, скуки и слезъ пресыщеннаго разочарованія, я лежу за камнемъ и стерегу пробѣжаго Турка, который, быть-можетъ, недавно ворвался въ монастырь и исколотъ глаза нашимъ древнимъ иконамъ, ибо считаетъ ихъ идолами!

Нація, патріотизмъ—это та же вѣра, та же церковь, все тотъ же Христосъ. „Вотъ какъ сражаются наши молодцы христіане... Да! здѣсь Судія, злая Судія, здѣсь лопъ беретъ ружье и попададя несетъ заряды ему въ своемъ фартукѣ.

„Пусть патріархъ, человѣкъ ученый, различаетъ церковь отъ націи и не велитъ намъ буйствовать противу мірскаго князя—Турка. У насъ и лопы, и монахи, и дьяконы возьмутъ ножъ и ружье. Патріархъ бѣдный быть-можетъ отъ страха такъ лишетъ...“

Вотъ впечатлѣніе которое выносите изъ чтенія элическихъ греческихъ стиховъ нашего XIX вѣка. Я сказалъ полнѣйшее единство, первобытное сліяніе трехъ элементовъ: религіознаго, патріотическаго, эротическаго.

Что касается стиховъ не элическихъ, стиховъ греческихъ поэтовъ полуевропейски воспитанныхъ, то у нихъ мы

видимъ совсѣмъ иное, непохожее ни на пѣсню Грека-горца, ни на лирическое стихотвореніе рускаго поэта.

Греки нынѣшніе раздѣляютъ всѣхъ подобныхъ поэтовъ своихъ на три школы: фанариотскую, эпирскую и іоническую (семи острововъ). Я, сознаюсь, не понимаю еще на чемъ они основываютъ это различіе. Можетъ-быть при болѣе серьезномъ изученіи оно бы и стало понятнѣе мнѣ.

Теперь я убѣдился только въ одномъ, что у всѣхъ образованныхъ ново-греческихъ писателей особенно сильно выражается только патріотическое, національное чувство. Что касается религіознаго, то оно или совсѣмъ въ забвеніи, или очень холодно и искусственно, или вполнѣ торжественно, вполнѣ церковно, какъ у г. Танталиди.

Какое-то здоровье, спокойствіе, веселость, что-то сердечно-поверхностное, видны одинаково и въ простонародныхъ пѣсняхъ, и въ городской греческой поэзіи.

Но въ элическихъ горныхъ стихахъ эти черты принимаютъ чрезвычайно правдивую, гомерическую, свѣжую, наивную, оригинальную форму; а въ городскихъ?.. Я пересчитывалъ не разъ по самымъ распространеннымъ сборникамъ лирическіе стихи тѣхъ греческихъ поэтовъ которые наиболѣе прославлены на Востокѣ, которые получили преміи на состязаніяхъ въ Афинахъ, и нашелъ у всѣхъ у нихъ односильнымъ, глубокимъ, искреннимъ опять патріотизмъ; тутъ при патріотизмѣ рядомъ съ Оукидидомъ, Зевесомъ, Ареемъ, можно встрѣтить и Христа... Можно и не встрѣтить. Но вездѣ Эллина.

Страдальческихъ болѣзненно-глубокихъ русскихъ молитвъ и слезъ предъ лампадами въ темномъ углу я почти не вижу въ нихъ.

Вообще грусть и Грека, и Болгарина, и Сербя очень не глубока. Вотъ они лично не требовательны отъ судьбы, отъ жизни; здоровы, дѣятельны, терпѣливы, добры. Въ нихъ нѣтъ ни мистическаго исканія, ни аристократической требовательности и никакой болѣющей любви...

Въ городскихъ стихахъ у Грековъ эротическій отдѣленъ совсѣмъ отъ религіи. Онъ имѣетъ менѣе элическій, менѣе семейный характеръ; у Грековъ очень много стихотвореній эротическихъ, но ни у Рамгави, ни у обоихъ Судцо, ни у Балаорити, ни у другихъ я не нашелъ много боги сердечной... Только у Ахиллеса Парасхе, поэта нынѣ живущаго,

замѣтенъ религіозно-романтическій отбѣлокъ. Есть у него одно стихотвореніе (къ Божіей Матери).

Я снова иду въ Твою церковь пустынную,
Снова я вижу бѣдный Твой ликъ
Божія Матерь моя ненаглядная...

Это стихотвореніе, какъ и вообще стихи А. Парасхо, рѣзко отличается отъ другихъ. У него есть боль сердца.

Если въ чисто-религіозныхъ стихахъ своихъ Греки нашего времени ближе всего къ одѣ; въ эротическихъ они колеблются можно сказать между мадригалами и водевильнымъ куллетомъ. Опять та же веселость, спокойствіе выражающіяся въ любви или шуточною любезностью, или искусственными, лживыми, холодными вздохами.

Все „кустики“, „луна“, „свѣтъ очей моихъ“, „лоцѣау“ и „лоцѣау“. Цѣлуются безпреставно. А страсти не слышно; задумчивости нѣтъ и слѣда.

Всѣ эротическія стихотворенія Раягави, Суццо, Валаорити довольно однотонны. Иногда холодно и преувеличенно страстны; иногда тяжеловѣсно, семинарски-игривы. Выраженіе чувствъ, улодобленія, самый родъ чувствъ чрезвычайно стары, не своеобразны, извѣстны; это нѣчто полнялае, казенное, давно гдѣ-то слышанное и подешевѣвшее до крайности. И все это въ новыхъ Аѳинахъ вѣнчается лаврами!

Я нашелъ одно эротическое стихотвореніе Парасхо мало похожее на легонькія и черезчуръ уже нехитрыя и неграціозныя любезности Раягави и т. д. Въ немъ выражено чувство искренно мрачное, очень своеобразное въ сладкогласной и водевильно улыбающейся средѣ современныхъ Аѳинявъ. Вотъ оно.

Я не ищу, друзья, дѣвы неопытной въ любви:—я не хочу ея!

Робкій румянецъ невинности мнѣ вовсе не милъ!

Легка побѣда надъ сердцемъ некрѣпкимъ, влюбленнымъ въ незнакомое, обожающимъ неопытнѣе.

Нѣтъ! воинъ удамый никогда не убиваетъ беззащитныхъ.

Легкая побѣда охлаждаетъ его высокое мужество.

Онъ ищетъ свирѣлой схватки, онъ жаждетъ опаснаго боя.

И мечъ свой онъ хочетъ вонзить въ грудь могучаго бойца.

Да! и я зналъ лобзаніе безгрѣшной души,

И мнѣ знакомы вздохи чистой дѣвы...

Но я не слышалъ пламени въ ея лобзаньяхъ,

И вздохъ ея былъ стоиъ боязни, а не стоиъ любви!

Я? Я хочу найти душу убитую, полумертвую,
 Которая уже все испытала и которой уже нечему учиться.
 Такой души, которая знаетъ что такое страданье и... хочетъ
 опять страдать!
 ...Ищу я сердца осенняго... И падшаго ангела мнѣ радость
 вновь спасти!
 Да! я таковъ! Я ночь люблю больше дня,
 Падающій листъ предпочитаю душистымъ нарциссамъ,
 Звѣзды заката яркому сіянію утра,
 И дыханье полусмерти мнѣ милѣй всего живаго...

Есть у того же Парасхо и другое стихотвореніе на томъ же мотивѣ, гдѣ нѣкоторые отбѣнки того же чувства выражены еще сильнѣе. Поэтъ желалъ бы чтобы та которую онъ полюбить не имѣла ни брата, ни матери, и никакого близкаго, чтобы она ничего не смѣла любить кромѣ его и мечтала бы лечь съ нимъ въ одну могилу.

Оба стихотворенія эти не вездѣ одинаково художественны и выдержаны, но конечно они демоничнѣе, серіознѣе, романтичнѣе другихъ извѣстныхъ мнѣ эротическихъ стиховъ неогреческой музы.

Не любопытно ли что именно у Парасхо я нашелъ и религиозное молитвеннае стихотвореніе отлечающееся болѣе чѣмъ у другихъ Грековъ томительностью и свѣжестью сердечно-мистическаго чувства?

Конечно это совпаденіе любопытно, но оно весьма легко объясняется.

Соблазнительный демонъ романтической любви такой же вышій духъ какъ и чистый ангелъ цѣлсмудрія. Еслибы демонъ не былъ такъ могучъ, лучезаренъ и прекрасенъ (по выраженію А. Майкова), то его дѣйствіе на душу нашу не было бы такъ страшно.

Христіанство не отрицаетъ обманчиваго и коварнаго излещества зла; оно лишь учитъ насъ бороться противъ него и посылаетъ на помощь ангела молитвы и отреченія. Поэтому-то и родственность романтизма эротическаго и романтизма религиознаго въ душѣ нашей такъ естественна и такъ опасна. „Духъ тьмы часто даже принимаетъ видъ ангела свѣта“, говоритъ сама церковь. И прибавимъ еще, что и у насъ самый страстный изъ нашихъ романтическихъ поэтовъ, самый демоническій, именно Лермонтовъ, создалъ въ то же время едва ли не лучшія у насъ

могущественная и по Божі тоскующія стихотворенія. Итакъ за очень немногими исключеніями эротическая муза имѣвшихъ Эллиновъ и не глубока, и не изящна, и не грустна, и не демонична, даже и не опасна.. Искуситель Грековъ—это не мрачный страдалецъ Байрона и Лермонтова; не мыслящій Фаустъ, для котораго любовь есть такое же серьезное дѣло ума, какъ и сила науки, не пышный демонъ, на огненной порфирѣ коего горятъ два огненные крыла и съ которыми едва-едва подъ силу бороться чистому ангелу религіи; нѣтъ, искуситель имѣвшихъ баваро-французскихъ Аэний — какой-то веселый сатиръ, не злой, но и не любящій глубоко, главное не страдальческій для себя и не опасный для другихъ. Онъ, точно будто бы сейчасъ только заперъ торговую контору свою, потеръ руки, самоодогольно поглядѣлся въ зеркало и сказалъ себѣ:

— Ну теперь серьезныя дѣла кончены! Можно на досугъ и пріятнымъ Эротомъ заняться. Вѣдь и предки мои его читали. А они были великіе люди.

VI.

На Востокъ не только лица и націи, но и очень многое переходитъ въ наше время изъ простоты первобытисей въ простоту самой крайней и дешевой буржуазности.

Напримѣръ, горная тропинка, по которой едва идетъ мулъ, минуя красивое и извилистое шоссе, обсаженное деревьями, по которому вѣка ѣздили бы разнообразные экипажи, прямо переходитъ въ прямую линію желѣзныхъ рельсовъ. Въ Адрианополѣ, на рѣкахъ Тунжѣ и Марицѣ, нельзя до сихъ поръ найти ни красивой лодки для прогулки, ни разнородныхъ хорошихъ барокъ для перевозки; для перевозки тяжестей и переезда употребляются самые первобытные пласкородные, некрасивые, чуть сколоченные челноки и барки. А завтра тутъ начнутъ ходить пароходы.

Театральная, красивая одежда поселянъ и небогатыхъ горожанъ, вмѣсто того чтобы въ высшихъ классахъ населенія пріобрѣсть себѣ (какъ было, напримѣръ, въ Европѣ до XIX вѣка) утонченное и роскошное аристократическое выраженіе, прямо переходитъ въ дешевый сюртукъ и палатоны, т.-е. въ простую, вторично-упрощенную одежду либерально-лаичной Европы.

Въ греческихъ и славянскихъ горахъ горная эпическая жизнь еще не замолкла, а въ греческихъ и славянскихъ городахъ издаются уже давно газеты самаго радикально-буржуазнаго направленія и лишутся незатѣйливые стихи въ самомъ новѣйшемъ духѣ.

Такихъ примѣровъ на Востокѣ множество. Сельскій Болгаринъ немногимъ посложнѣе въ мысляхъ своихъ, въ бытѣ, въ потребностяхъ, въ идеалѣ, чѣмъ первобытный Болгаринъ временъ Симеона и Самуила; а его племянникъ, сынъ, братъ, побывавшій въ Царьградѣ, Одессѣ, Вѣнѣ или Николаевѣ, по мыслямъ, по идеалу, и т. д. нѣчто въ родѣ послѣдователя Гамбетты, конечно нѣсколько грубый, малосложный, не имѣющій за спиной своей вліяній великаго и цвѣтущаго прошедшаго.

Такимъ образомъ на Востокѣ очень многое, почти все, изъ простоты эпической переходитъ прямо въ простоту буржуазную, европейски-радикальную, минуя извилистые и сложные пути цвѣтенія самобытнаго, лестаго, оставляющаго и послѣ расторгенія прежняго, еще на значительный срокъ, разнообразныя слѣды. На Востокѣ нѣтъ нигдѣ того охранительно вѣковаго накопленія, которое замѣтно на примѣръ больше всего въ аристократической Англіи, менѣе въ континентальной Европѣ и еще менѣе, но все-таки замѣтно и въ Россіи.

Дѣйствительно, если взять Россію сравнительно съ націями Запада, то видишь что явленія сложнаго цвѣтенія у насъ были гораздо слабѣе и блѣднѣе чѣмъ въ главныхъ пяти-шести политическихъ организамахъ Европы. Разносторонній Гёте рѣзче и всемірнѣе по содержанію разносторонняго Пушкина. Равныя по прелести формы *Фауста* и *Годунова* далеко не равны по всемірному значенію содержанія. Демонъ Лермонтова менѣе страшенъ и менѣе широкъ въ своемъ вліяніи, чѣмъ демонъ Байрона; онъ болѣе примиримъ съ жизнью; его утѣшаетъ на примѣръ: „съ рѣзкими ставнями окно“. Ту же сравнительную блѣдность и черствость найдемъ и на государственномъ, и на научномъ, и на философскомъ поприщахъ, и въ области искусствъ.

Но если мы сравнимъ Россію и Русскихъ съ ихъ Восточными единовѣрцами, Греками и Славянами, то конечно современные Русскіе покажутся намъ представителями чрезвычайной сложности.

Въ Россіи характеръ сложнѣе и разнообразнѣе, потребности, роды воспитанія, привычки, вкусы, идеалы разнообразнѣе; мысли сложнѣе и все-таки оригинальнѣе чѣмъ на Востокѣ, въ средѣ интеллигенціи конечно. Состоянія и общественныя положенія гораздо дальше отстоятъ другъ отъ друга; всякаго разнообразія больше: сословнаго, племеннаго, религіознаго (расколы и мистическія ереси наши), чиновнаго; экономическія противоположности богатства и бѣдности рѣзче. Чувства тоньше и сложнѣе (то-есть глубже) поэтому неизбѣжно и страданія, и наслажденія живѣе, глубже, разнообразнѣе.

И чувства восторга и чувства боли сердечной поэтому должны быть сильнѣе у насъ, чѣмъ въ такомъ обществѣ, гдѣ характеръ малосложнѣе, потребности однороднѣе, вкусы однообразнѣе; гдѣ воспитаніе, пожалуй, нѣсколько и разное въ простомъ народѣ по областямъ, сливается однако наверху съ помощію грамотности, сюртука и демагогии, въ одинъ типъ свободнлюбиваго и властолюбиваго, алчнаго реалиста, греко-европейскаго и славяно-европейскаго буржуа. Боли мало; чувства грубѣе; потребности просты и легко удовлетворимы; фантазія не развита; аристократичности нѣтъ вовсе въ ближайшемъ прошедшемъ и потому и вкусъ и умъ и самое тѣло не такъ требовательны во всемъ: и въ поэзіи, и въ свѣтскомъ бытѣ (см. Абу * *Современная*

* Нельзя не согласиться что Абу отчасти правъ, описывая какъ на азиатскихъ балахъ кавалеры иногда говорятъ пресерьіозно съ дѣвицами о томъ что „у нихъ на всѣхъ пальцахъ мозоли“. Съ 54 года, и прочтя книгу Абу, молодые Греки, можетъ-быть, стали осторожнѣе и тоньше; но все-таки есть еще что-то въ этомъ родѣ; европейскій бытъ дѣлаетъ на Востокѣ ужасающія завоеванія; но преимущественно своими вѣшними и пошлыми сторонами. Замѣчательно напримѣръ, что и Турки, и христіане, надѣвшіе европейское платье, гораздо грязнѣе тѣхъ своихъ соотечичей которые носятъ восточную одежду. Молодаго героя поэмы или повѣсти въ греческой фустанеллѣ или въ черногорскомъ костюмѣ найти очень легко; онъ и въ жизни очень поэтиченъ; герой свѣтскій на Востокѣ почти немислимъ. Какъ примѣръ юго-славянской свѣтской тонкости можно привести слѣдующій случай. За дипломатическимъ обѣдомъ сидитъ русскій камеръ-юнкеръ рядомъ съ женой одного изъ самыхъ блестящихъ сербскихъ государственныхъ людей. Она печальна. „Что съ вами?“ спрашиваетъ русскій. „Чрево болитъ, господинъ мой!“ отвѣчаетъ знатная сербская дама.

Гречіи), и въ эротическихъ чувствахъ, и въ любви.... и наконецъ въ религіи.

Въ религіи что-нибудь одно—или наивная простота, или романтическая интенсивность. Тамъ гдѣ утрачивается простота первобытная, необходима интенсивность романтическихъ чувствъ; нужны страданія не простые, не грубые страданія которыя бывають вездѣ, а страданія которыя ищутъ исхода лишь въ идеальномъ мірѣ и въ идеальныхъ чувствахъ.

У насъ давшаяся (сравнительно) умственная развитость наша, развитость ума и изящества, въ средѣ нашихъ дворянскихъ семействъ, оставляя въ душѣ молодыхъ людей впечатлѣнія и церковныя болѣе изящныя, болѣе теплыя и тонкія, болѣе идеальныя и по вышности (хоть бы гдѣ-нибудь въ дѣтствѣ съ образованною матерью, или празники Пасхи въ Москвѣ, или поѣздки съ родными въ одинъ изъ хорошихъ монастырей нашихъ) оставляютъ въ сердцахъ образованной молодежи болѣе глубокіе слѣды чѣмъ могутъ оставить болѣе грубоватыя, болѣе простые, менѣе изящныя религіозныя формы и чувства на Востоцѣ. Кто же не замѣчалъ что и въ самой Россіи есть разница по слоямъ въ этомъ смыслѣ. Молодые люди и молодыя дѣвушки самаго высшаго круга сохраняютъ очень часто больше связи съ церковью чѣмъ ихъ сверстники и сверстницы изъ нашего растреланнаго и разсыянаго по землѣ мелкаго дворянства. Изящныхъ воспоминаній о семьѣ и церкви у высшихъ дворянъ больше.

Въ сельскомъ народѣ, какъ извѣстно, также много исканія, тоски, боли и т. д. И у него другими путями и отъ другихъ причинъ религіозныя чувства теплѣе повидимому чѣмъ у Грековъ и Юго-Славянъ.

Мы справедливо жалуемся иногда на религіозное равнодушіе нашего общества, на церковное невѣжество нашихъ образованныхъ людей, на расположеніе общества нашего къ вовсе неумѣстнымъ и непрощеннымъ реформамъ въ церковномъ устройствѣ. Мы имѣемъ право жаловаться на легкомысленное модничанье иныхъ іереевъ нашихъ, расшаркивающихся предъ мнѣніемъ, большинства (предъ тѣмъ что Милль зоветъ „la médiocrité collective“). Мы имѣемъ основаніе сожалѣть о томъ что значительная часть нашихъ образованныхъ соотчичей валадаютъ на монаховъ и монастыри,

не понимая ни религіознаго ихъ смысла, ни ихъ политическаго значенія. Эта часть нашего общества не понимаетъ что монастыри для церкви, для религіи то же что университеты, лицеи, каѳедры для науки; она не догадывается что въ обителяхъ происходитъ и предлагается міранамъ накопленіе охранительно религіозныхъ вліаній и впечатлѣній, почти также какъ происходитъ и предлагается накопленіе научныхъ впечатлѣній и поученій въ университетахъ.

Все это такъ, но съ другой стороны мы видимъ не мало и утѣшительныхъ явленій. Значительная часть нашего богатаго и образованнаго общества поддерживаетъ всячески церковь и монастыри. Я самъ видѣлъ какое множество жертвъшло изъ Россіи на Аѳонъ и отъ людей разныхъ классовъ; вездѣ отстраиваются новыя церкви безъ всякой задней политической мысли; въ Россіи монастыри благолѣпны и полны, и были бы еще гораздо многолюднѣе, еслибы гражданскіе законы не сдерживали охоты къ постриженію; богомольцевъ всѣхъ классовъ много и въ Россіи, и на Востокѣ. Я недавно познакомился въ Цареградѣ съ однимъ молодымъ французскимъ легитимистомъ, который безъ ума отъ нашихъ іерусалимскихъ локонниковъ; на этомъ только основаніи онъ вѣрилъ въ молодость, силу и будущность Россіи. (Правъ ли онъ былъ, считая Россію очень молодою, это другой вопросъ.) Дворянъ, чиновниковъ, офицеровъ, пропорціонально въ монашествѣ много: тамъ флотскій офицеръ игуменомъ, тамъ сенатскій немаловажный чиновникъ іеромонахомъ, тамъ дворянинъ кончившій курсъ въ университетѣ не утратилъ, однако, вѣру и постригся въ инокъ. О купцахъ богатыхъ и среднихъ и говорить нечего. И сколько хорошихъ, добрыхъ, искреннихъ монаховъ; сколько людей которые отказываются отъ позышеній, и которые именно тѣхъ міру и полезны волей-не-волей, что они хотятъ быть какъ можно менѣе отъ міра сего. Видна все-таки въ значительной части общества забота о религіозныхъ интересахъ, безъ всякаго отношенія къ политикѣ; видно, однимъ словомъ, что еще для многихъ Русскихъ православіе есть та лампада предъ иконою въ углу, о которой я говорилъ прежде, а не національное только знамя...

Когдаходишь въ храмъ внутри Россіи и видишь эту толпу такъ усердно молящуюся, понимаешь что тутъ вѣтъ

чужихъ, нѣтъ иностранцевъ, не предъ кѣмъ молиться для демонстраціи, нѣтъ Турокъ, Армявъ, вліятельныхъ католиковъ, какъ на Востокѣ. Видишь націю сильную, беззаботную о чуждомъ вліяніи, даже слишкомъ иногда беззаботную...

Итакъ, какъ ни дурны многіе признаки у насъ; на Востокѣ многое еще хуже. Души, теплоты, содержанія на Востокѣ меньше. Тамъ, повторяю, воспитаніе мірянъ церковнаго; у насъ оно, такъ-сказать, теплѣе, романтичнѣе.

Идеаломъ было бы соединеніе того и другаго. Намъ нужно побольше церковности, побольше знанія чтобы придать больше ясности и твердости нашей разнузданной теплотѣ, нашей горячей, воющей тоскѣ. Восточнымъ людямъ, и Славянамъ, и Грекамъ одинаково, нужно бы побольше тонкой развитости чувствъ въ высшихъ слояхъ, побольше теплоты, поменьше грубаго довольства мелкимъ проявленіемъ европейской буржуазной цивилизаціи. Они ужь очень всему рады. Слово „разочарованіе“, о которомъ у насъ изъ какого-то предразсудка нынче молчатъ, во которое многимъ слишкомъ коротко знакомо по чувствамъ, это слово тамъ вовсе не въ употребленіи. Чтобы перевести его однажды по-гречески мнѣ нужно было прибѣгать къ помощи профессоровъ и большихъ лексиконовъ. Г. Танталиди, профессоръ древне-греческой поэзіи, сказалъ, наконецъ, что это значить *алогитевсисъ*. Живя десять лѣтъ на Востокѣ, я во столькохъ разговорахъ ни разу этого слова не слышалъ.

Страданія на Востокѣ имѣютъ характеръ болѣе внѣшній; они рѣдко исходятъ изъ глубины собственнаго сердца.

Пока было жить страшно, пока Турки часто насиловали, грабили, убивали, казнили, пока во храмъ Божій нужно было ходить ночью; пока христіанинъ былъ собака, онъ былъ болѣе человѣкъ, то-есть былъ идеальнѣе. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ этого столѣтія были еще добровольные мученики (см. *Афонскій Патерикъ* на примѣръ); были матери которыя говорили сыновьямъ, какъ лакедемонскія матери: „лучше пусть убьютъ тебя Турки, нежели видѣть мнѣ тебя измѣнникомъ Христу!“ Въ монастыри шли прежде богатые и высокопоставленные люди. Богатые, знатные Фамаріоты, молдо-валашскіе бояры приносили въ даръ на церкви и обители огромныя имѣнія.

Но времена перемѣнились. Успѣхи русскаго оружія, удачныя возстанія Сербовъ и Грековъ и вообще успѣхи право-

юй политики на Востокъ обезпечили христіанъ болѣе
много отъ вышнихъ бѣдъ. Эти политическіе успѣхи
ви послужили косвенно и неожиданно къ ослабле-
православія сердечнаго, личнаго, мистическаго. Сво-
открыла настежь двери мелочнымъ европейскимъ влі-
гъ, мелкому самодовольству.

раздо большая привычка къ труду для пропитанія чѣмъ
въ высшихъ классахъ Россіи, большая грубость нер-
меньшая требовательность фантазіи, меньшая тон-
чувствъ и мыслей, въ добавокъ относительно Европы
огресса роль рагвену вчерашняго, который всѣмъ вос-
ется въ буржуазной Европѣ, — вотъ восточно-христі-
интеллигенція, греческая, сербская и болгарская.

росія, уже сама по себѣ болѣе сложная, то-есть болѣе
ая разными психологическими ресурсами и требова-
и, вступила въ сообщеніе съ Европой цвѣтущаго пері-
въ Европой гдѣ еще было много рыцарства, много утѣ-
ости, гдѣ и католичество и протестантство были еще
ны и свѣжи сравнительно съ нынѣшнимъ.

эки и Юго-Славяне вступили въ общеніе съ Западомъ
IX вѣкѣ, когда Европа суге, холодаѣе, растерянаѣе,
бе количественно, но ничтожнаѣе качественно...

VI.

уютніе монастырей есть, повторяю я, одно изъ луч-
мѣрилъ религіозной жизни въ исповѣданіяхъ гдѣ,
въ католицизмѣ и православіи, есть учрежденіе мона-
ва.

уютніе это характеризуется двумя вещами: 1) количе-
гъ людей желающихъ стать монахами и 2) тѣмъ, изъ
о класса общества идутъ люди въ монахи.

греческихъ областяхъ монаховъ очень много; я точ-
татистики не знаю, но отъ всѣхъ знающихъ людей
аалъ что ихъ гораздо больше чѣмъ въ Россіи. Но не
ю забывать что въ Россіи настоятельныя потребно-
абора и другія соображенія побуждаютъ издавна; гра-
жкій законъ стѣснять свободу постриженія. Еслибы въ
и дана была людямъ хоть половина восточной свободы
т. сжжжж.

въ этомъ направленіи, то зная характеръ Русскихъ, не трудно предвидѣть что число монаховъ у насъ сейчасъ же бы далеко превзошло число греческихъ. Это видно по количеству поклонниковъ и поклонницъ въ Іерусалимѣ и на Афонѣ. На Афонѣ, несмотря на близость Греческихъ странъ, поклонниковъ греческихъ почти вовсе нѣтъ.

Что касается классовъ общества изъ которыхъ идутъ въ монахи, то изъ образованнаго класса Грековъ, изъ офицеровъ, адвокатовъ, изъ богатыхъ купцовъ, писателей, чиновниковъ, въ монахи почти вовсе неидутъ, и давно уже.

Тайнаго пострига, не рѣдко встрѣчающагося въ Россіи, въ Греціи не знаютъ. У насъ такой постригъ происходилъ и происходитъ въ наше время не отъ однихъ тѣхъ вѣнскихъ, гражданскихъ стѣсненій, о которыхъ я говорилъ выше; онъ еще нерѣдко имѣетъ источникомъ и сложныя обстоятельства личныя. Были и есть у насъ люди, которые, давши ли клятву Богу, или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ сердечнымъ, желаютъ имѣть на себѣ, такъ-сказать, печать монашескаго обѣта; а вслѣдствіе ли закоренѣлыхъ привычекъ, другихъ важныхъ и серьезныхъ обязанностей, въ монастырь вдругъ на общее правило поступить не могутъ. Изъ такихъ людей нѣмало поселяются по близости монастырей, въ гостиницахъ, или въ своихъ домахъ; другіе, оставаясь на службѣ и вообще въ міру, бываютъ тайно пострижены.

На Востокѣ этого обычая не знаютъ и восточный нашъ единовѣрецъ еще принесетъ свою долю комфорта, какимъ пользуется, въ жертву (если ужъ приносить!) Эладѣ, Болгаріи и Сербіи, но не отдастъ на удовлетвореніе религіозной потребности:

Я никогда не забуду одного очень характернаго случая изъ моей жизни на Юго-Востокѣ.

Прѣздомъ черезъ Триестъ я встрѣтилъ одного Грека, очень приличнаго, красиваго, среднихъ лѣтъ, съ прекрасными манерами. Зашелъ разговоръ о религіи. „Да! сказалъ, глубоко вздохнувъ, этотъ Грекъ (вполнѣ Европейецъ хорошаго тона по вѣнкости), религію мы забываемъ, но когда насъ поражаютъ глубоко семейныя и другія несчастія, мы тогда вспоминаемъ о Богѣ и обращаемся къ религіи!“

Больше ничего. Обыкновенныя, кажется, слова? Отчего жь они такъ поразили меня? Оттого что я прожилъ около

десяти лѣтъ на Востокѣ, одинъ разъ всего только услышалъ ихъ отъ христіанина, одѣтаго по-европейски. Я слышалъ безпрестанно другое: „Православіе — это наша сила; христіанство — это узда и знамя для грубаго нашего народа; народъ нашъ исполненъ суевѣрія и тьмы, ему нужна еще церковь!“ или: „Да, я могу быть атеистомъ, я могу быть ученикомъ Фейербаха, но пусть Турокъ, католикъ или Нѣмецъ коснется православія, этой народной нашей святыни, о я!.. тогда я!.. и т. д.“ Грустнаго, сердечнаго тона я при разговорахъ о религіи съ восточными мірянами не слышалъ.

Еще доказательство. Одинъ изъ самыхъ опытныхъ русскихъ духовниковъ на Аѳонѣ, на предложенные мною вопросы по этому поводу, отвѣчалъ что онъ, проживъ болѣе тридцати лѣтъ на Аѳонѣ, видѣлъ за это время тамъ болѣе двухсотъ человѣкъ поклонниковъ изъ высшаго и средняго дворянства, не считая купечества, а изъ Грековъ соответственнаго воспитанія только двухъ (изъ нихъ одинъ былъ врачъ, желавшій изъ разчета устроиться на Святой Горѣ); изъ Болгаръ и Сербовъ не помнилъ что-то ни одного.

Одинъ изъ лучшихъ и умѣйшихъ лашей говорилъ мнѣ: „Я очень боюсь вашей Россіи, но я очень уважаю вашъ народъ. Я зналъ, напримѣръ, этого вертопраха Кельсіева, и много бесѣдовалъ съ нимъ: онъ очень умный человѣкъ. Правду говорилъ онъ что Русскіе на Дунаѣ занимаются политикой для религіи; а Болгары и Греки смотрятъ на религію большею частію какъ на политическое орудіе.“

Протестантскій миссіонеръ на Дунаѣ г. Флокенъ тоже говорилъ мнѣ что Русскіе несравненно симпатичнѣе, душевнѣе въ дѣлѣ религіи и Болгаръ и Грековъ. „Русскіе оттого крѣпки въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ (всѣ: православные, мезоканы и старообрядцы) что они думаютъ о нихъ и сильно чувствуютъ, а Болгары на пропаганду оттого не поддаются что они сухи и тулы.“ Г. Флокенъ одинаково цѣнилъ мало успѣха и между Болгарами и между Русскими. поэтому вѣрить ему можно.

Еще свидѣтельство греческое. Одинъ греческій епископъ, живущій давно на Святой Горѣ, сказалъ мнѣ разъ: „Отчего у насъ, Грековъ, нѣтъ такихъ благочестивыхъ христіанъ между высокопоставленными лицами какіе есть у васъ въ Россіи? (Онъ назвалъ мнѣ нѣсколько лицъ.)“

Сравнивая Болгаръ съ Греками, находимъ слѣдующіе отѣнки:

1) Болгары еще однообразнѣе Грековъ; гораздо однообразнѣе; еще ровнѣе по устройству.

2) Они имѣютъ менѣе ихъ церковности въ воспитаніи, ибо не жили такъ близко отъ древнихъ патріаршихъ великихъ центровъ, не имѣли преобладанія въ Іерусалимѣ и на Афонѣ, какъ имѣли его искони Греки; ибо у нихъ гораздо менѣе монастырей; гораздо меньше церковно-ученыхъ людей изетари; географически даже они были удаленнѣе Грековъ отъ большинства великихъ православно-византійскихъ памятниковъ, центровъ и преданій; сельскій народъ ихъ, прибавимъ, не понималъ даже ни слова въ церковной службѣ до послѣдняго времени.

3) У Грековъ все-таки больше поэзіи, больше романтизма, какъ вслѣдствіе большей образованности, такъ и отчасти вслѣдствіе преданій той эпохи при которой они возставали и возрождались къ городской жизни. При возрожденіи Грековъ, героями были: Байронъ, Шатобрианъ, кровавымъ подвигамъ Эллиновъ вторили лиры великихъ поэтовъ; болгарскому разчитанному и осторожному движению современны лишь свистъ локомотивовъ и журнальныя статьи. Сказать ли что о Сербахъ?

Сербы хвалятъ православіе; они чтутъ его. Они могутъ даже сражаться за него геройски. Но и у нихъ церковности воспитанія меньше чѣмъ у Грековъ; близости къ памятникамъ, къ патріаршимъ странамъ, къ преданіямъ, къ славіи византійской меньше; отъ Святыхъ Мѣстъ они гораздо дальше, чѣмъ Греки. Съ другой стороны, у нихъ тоже гораздо, несравненно менѣе чѣмъ у Русскихъ: идеализма, мечтательности, поэзіи; близости души вовсе нѣтъ; о тонкомъ, разнообразномъ развитіи, о сложныхъ потребностяхъ, о сложныхъ ресурсахъ и сложныхъ страданіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Они очень просты, и лично, и національно (т.-е. Сербы Турціи).

Поклонниковъ у Святыхъ Мѣстъ сербскихъ вовсе не видно; монашество въ свободной Сербіи въ упадкѣ. * Въ Сер-

* (Изъ Убичичи; *Les Serbes de Turquie*; стр. 78—79). „Монахи живутъ въ монастыряхъ. Монастырей въ Сербіи 44. Это даетъ по три монаха на каждый монастырь. Самый населенный и съ историче-

би были уже попытки къ упраздненію малочисленныхъ монастырей. На Аеоѣ Сербовъ-монаховъ всего два, три. Наконецъ, вспомнимъ и то что значительная часть Сербскаго племени, взятаго во всецѣлости въ Турціи и Австріи, не православнаго исповѣданія, а католическаго. Поэтому при очень возможномъ въ будущемъ пансербизмѣ, центръ національной тяжести можетъ не совпасть съ православіемъ, какъ совпадаетъ онъ у Грековъ и у Болгаръ. Этотъ центръ національной тяжести можетъ совпасть при пансербизмѣ съ чѣмъ-то среднимъ, вѣтъ Рима и вѣтъ Византіи стоящимъ.

Такова духовная, психическая почва съ которою намъ приходится имѣть теперь дѣло на Востока.

Она не совсѣмъ такова какъ у насъ обыкновенно многіе думаютъ. Она можетъ измѣниться такъ или иначе; но это дѣло будущаго.

Какой же изъ этого всего слѣдуетъ политическій выводъ? спросать меня.

На это я отвѣчу прежде всего что не считаю подобный выводъ обязательнымъ для каждой статьи, даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, столь бурныхъ, и требующихъ на все практическаго отвѣта.

Я назвалъ трудъ мой „опытомъ національной психологіи“; я изложилъ то что мнѣ казалось непосредственно истинной моего созерцанія, и больше ничего. Выводовъ частныхъ, я думаю, можно сдѣлать много разныхъ, смотря по убѣжденіямъ и наклонностямъ каждаго. Я же попрошу только съ одной стороны вспомнить что политическіе интересы очень часто не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, являются ли намъ жители какой-нибудь страны, или вообще хороши ли, или худы чѣмъ-нибудь люди какой-нибудь націи. Для политическихъ дѣлъ общее знамя важнѣе личныхъ

ской точки зрѣнія самый знаменитый, Студеница, въ 64 году былъ обитаемъ девятью монахами.“ Въ другихъ монастыряхъ по одному, по два монаха. И Дентонъ и Убичини согласны въ томъ что монастыри въ Сербіи малолюдны. Дентонъ объясняетъ это тѣмъ что монахи въ Сербіи не популярны, не любимы народомъ; что женатыхъ священниковъ народъ больше уважаетъ (у Русскихъ и у Грековъ наоборотъ).

свойствъ. Отвлеченныя идеи и общіе, одушевляющіе самыя разнородныя характеры интересы—вотъ что соединяетъ народы и государства въ союзы, или возстановляетъ ихъ другъ противу друга, доводя до открытой и кровавой борьбы; а не психическое достоинство и личные недостатки отдѣльныхъ лицъ; хотя бы эти достоинства или недостатки принадлежали и большинству той или другой націи.

Османъ-паша, на примѣръ, конечно выше какого-нибудь бѣднаго Сербъ который спрятался въ кукурузѣ; но Османъ для Россіи врагъ, а Сербъ даже и въ кукурузѣ спрятанный имѣетъ право на нашу помощь и состраданіе.

Самый грубый или алчный черногорскій воинъ, самый легкомысленный и пустой Румынъ, самый надменный коварный Грекъ, самый упрямый и лукавый болгарскій чорбаджи должны быть для насъ дороже и ближе самыхъ просвѣщенныхъ, изящныхъ и самыхъ благородныхъ по характеру англійскихъ лордовъ, дороже и ближе самыхъ простодушныхъ, даже честныхъ мусульманъ, самыхъ безукоризненныхъ по личнымъ свойствамъ и образу жизни папистовъ.

Это разъ. ●

А еще вотъ что: Мнѣ кажется что изъ этого очерка моего достаточно явствуетъ до какой степени еще богатъ и разнороденъ въ оттъѣкахъ своихъ нашъ восточно-православный міръ и до чего плодотворно можетъ стать все большее и большее сближеніе Русскаго народа съ его единовѣрцами, вступающими нынѣ въ новый періодъ исторической жизни...

К ЛЕОНТЬЕВЪ.

ИЗЪ ГЁТЕ

Вы снова здѣсь неясныя видѣнья,
Встаете вы знакомою толпой,
Опять во мнѣ безумное стремленье
Остановить волшебный этотъ рой!
Тѣснитесь вы какъ дымъ отъ дѣновенья
Колеблясь; что жь? Вставайте предо мной!
Попрежнему не чуя годовъ гнѣта
Трепещетъ грудь отъ вашего полета.

Вы мнѣ приносите очарованье
Минувшихъ лѣтъ, рядъ милыхъ мнѣ тѣней,
Какъ были опять звучать воспоминанья,
Встаетъ любовь и дружба прежнихъ дней,
И въ лабиринтѣ жизненномъ блужданья,
И прежняя тоска во мнѣ живѣй;
Опять я вижу тѣхъ кто надъ землею
Давно прошелъ обманутый судьбою.

Ужъ не слышать мнѣ прежняго привѣта,
И гдѣ теперь тѣ старые друзья
Встрѣчавшіе меня въ былыя лѣта:
Разошлась ихъ тѣсная семья,
Не будетъ имъ отрадой лѣтняя эта,
Не имъ пою — одинъ остался я;
Они не слышатъ по свѣту блуждая,
Вокругъ меня вездѣ толпа чужая.

И будто послѣ тагостной разлуки,
Волшебный край опять меня манитъ,
Невыятой лѣсны снова льются звуки,
Какъ будто вѣтеръ въ струнахъ говорить;
Я половъ прежнихъ грѣзъ и прежней муки,
Любовью сердце строгое горитъ,
Дѣйствительность мнѣ кажется мечтою;
А что прошло стоитъ передо мною.

КНЯЗЬ Д. ЦЕРТЫЛЕВЪ

ДЕНЬГИ МИЛЕДИ

ПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ МОЛОДОЙ ДѢВУШКИ,

РАЗКАЗАННЫЙ

УИЛКИ КОЛЛИНЗОНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЛИЦА ДѢЙСТВУЮЩІЯ ВЪ РАЗКАЗѢ:

Женщины.

Миледи Лидіардъ (*вдова лорда Лидіарда*).
[забела Миллеръ (*ея пріемная дочь*).]
[миссъ Пивкъ (*изъ Соутъ-Мордена*).]
юстотчимая мистрисъ Дромбледъ (*юестра достотчимого А. Гардимана*).

Мушны.

юстотчимый Алфредъ Гардиманъ (*конно-заводчикъ*).
[мистеръ Феликсъ Свитсъръ (*племанникъ леди Лидіарда*).]
[обертъ Муди (*фактотумъ леди Лидіарда*).]
[мистеръ Трой (*юрислъ леди Лидіарда*).]
[тарый Шаронъ (*изъ закоулковъ юридической богемы*).

Животное.

Бонни (*собака леди Лидіарда*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исчезновеніе.

ГЛАВА I.

Старая леди Лидіардъ сидѣла задумавшись предъ каминъ; на кофѣяхъ у нея лежали три открытыя письма.

Бумага выцвѣла отъ времени и чернила приняла рыжеватый оттѣнокъ. Всѣ письма были адресованы одному и тому же лицу, высокочтимому лорду Лидіарду, и всѣ были одинаково подписаны: „Вамъ преданный кузень Джемсъ Толмиджъ.“ Судя по этимъ образцамъ его корреспонденціи мистеръ Толмиджъ обладалъ однимъ великимъ достоинствомъ въ писаніи писемъ — достоинствомъ краткости. Письма его не истощили бы ничьего терпѣнія. Поэтому предоставимъ ему говорить самому за себя.

Первое письмо: „Отчетъ мой, согласно желанію вашего лордства, будетъ кратокъ и точенъ. Я имѣлъ успѣхъ въ качествѣ портретнаго живописца въ провинціи; у меня есть жена и дѣти о которыхъ я долженъ заботиться. При такихъ обстоятельствахъ, еслибы мнѣ приходилось рѣшать самому, я разумѣется подождать бы пока соберу нѣсколько денегъ прежде чѣмъ рѣшиться на серьезныя издержки сопряженныя съ наймомъ дома и студіи въ Лондонскомъ Вестъ-Эндѣ. Я положительно заявляю что вы, милордъ, поощрили меня сдѣлать этотъ опытъ не дожидаясь. И вотъ теперь я, безъ извѣстности и работы, безпомощный артистъ затерявшійся въ Лондонѣ, съ больною женой и голодными дѣтьми и угрожающимъ мнѣ банкротствомъ. На чьи плечи должна пасть такая тяжкая отвѣтственность за это? На ваши, милордъ!“

Второе письмо: „Послѣ недѣли ожиданія вы почтили меня, милордъ, краткимъ отвѣтомъ. Могу быть столь же кратокъ съ своей стороны. Я съ негодованіемъ отрицаю чтобы я или моя жена когда-нибудь имѣли въ мысли пользоваться именемъ вашего лордства какъ средствомъ рекомендаціи для заказчиковъ, безъ вашего на то дозволенія. Какой-нибудь

врагъ оклеветалъ насъ. Я заявляю свое право знать имя этого врага.“

Третье (и послѣднее) письмо: „Прошла еще недѣля, и я не получалъ ни одного слова въ отвѣтъ отъ вашего лордства. Но это все равно. Время это я употребилъ на размысли и наконецъ открылъ враждебное вліяніе которое удалило насъ отъ меня. Я какъ кажется имѣлъ несчастіе оскорбить (какимъ образомъ, не могу себѣ представить) леди Лидіардъ; и всемогущее вліяніе этой благородной дамы употреблено теперь противъ борящагося художника, котораго соединяють съ вами священныя узы родства. Пусть такъ. Я смогу пробить себѣ дорогу, милордъ, какъ это дѣлали другіе люди прежде меня. Еще можетъ настать день, когда радъ каретъ ожидающихъ у дверей моднаго портретиста будетъ заключать въ себѣ экипажъ миледи который принесетъ мнѣ запоздалыя выраженія сожалѣнія ея лордства. Предсказываю вамъ, лордъ Лидіардъ, этотъ день!“

Когда леди Лидіардъ прочла касающіяся ея тяжкія обвиненія мистера Толмиджа во второй разъ, раздумье ея внезапно кончилось. Она встала, взяла письма обѣими руками чтобъ изорвать ихъ, поколебалась и бросила ихъ обратно въ ящикъ бюро гдѣ они были найдены между другими бумагами, которыя не были приведены въ порядокъ со времени смерти лорда Лидіарда.

— Идіотъ! проговорила леди Лидіардъ думая о мистерѣ Толмиджѣ;—я никогда даже не слышала о немъ пока мужъ мой былъ живъ; я не знала даже что онъ въ родствѣ съ лордомъ Лидіардомъ пока не нашла этихъ писемъ. Чтѣ теперь сдѣлать?

Задавъ себѣ этотъ вопросъ она взглянула на брошенную на столъ газету, извѣщавшую о смерти „талантаиваго художника мистера Толмиджа, по слухамъ состоявшаго въ родствѣ съ извѣстными знатокомъ и любителемъ лордомъ Лидіардомъ“. Въ слѣдующихъ строкахъ авторъ некролога оплакивалъ бѣдственное положеніе мистрисъ Толмиджъ и ея дѣтей, „оставшихся безъ всякихъ средствъ, на мірекую помощь“. Леди Лидіардъ стояла предъ столомъ устремивъ глаза на эти строки и ясно видѣла направленіе куда онѣ указывали—онѣ указывали на ея книгу чековъ.

Обратась къ камину она позволила. „Я ничего не могу сдѣлать по этому поводу, думала она, пока не узнаю можно

ли полагаться на то что здѣсь говорится о мистрисъ Тамиджъ и ея семействѣ.“

— Вернулся ли Муди? спросила она когда слуга появился въ дверяхъ.

„Муди“ (управляющій миледи) еще не возвращался. Леди Лидіардъ отложивъ дальнѣйшія размышленія о вдовѣ художника до возвращенія своего управляющаго, обратила свои мысли на предметъ домашнего интереса близко касавшійся ея сердца. Любимая ея собака заболѣла нѣсколько времени тому назадъ и сегодня утромъ она не получала о ней еще никакого извѣстія. Она отворила дверь близъ камина, которая вела чрезъ небольшой корридоръ увѣшанный рѣдкими картинами, въ ея будуаръ.

— Изабела! крикнула она.—Что Томми?

Свѣжій молодой голосъ отвѣчалъ изъ-за портьеры въ дальнемъ концѣ корридора.

— Ничего не лучше, миледи.

Тихое ворчаніе послышавшееся вслѣдъ за свѣжимъ молодымъ голосомъ прибавило (на собачьемъ языкѣ): „Гораздо хуже, миледи, гораздо хуже!“

Леди Лидіардъ затворила дверь со вздохомъ сожалѣнія о Томми и стала ходить взадъ и впередъ по просторной гостиной ожидая возвращенія управляющаго.

Выражаясь точно, вдова лерда Лидіарда была мала ростомъ и толста и достигла шестидесятаго года со дня своего рожденія.

Но можно было сказать, не дѣлая ей комплиментовъ, что на видъ она была мѣложе по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ. Цвѣтъ лица ея имѣлъ нѣжный розовый оттѣнокъ какой иногда можно встрѣтить у хорошо сохранившихся старухъ. Глаза ея (также хорошо сохранившіеся) были свѣтло-голубаго цвѣта, который отличается прочностью и не смывается слезами. Прибавьте къ этому ея короткій носъ, полныя щеки не допускавшія морщинъ, сѣдые волосы завитые въ тугіе мелкіе локоны, и еслибы кукла могла вырасти, леди Лидіардъ въ шестьдесятъ лѣтъ была бы живымъ изображеніемъ этой куклы, легко смотрящей на жизненный путь, ведущій къ прекраснѣйшей изъ могилъ на кладбищѣ гдѣ мирты и розы цвѣтутъ круглый годъ.

Упомянувъ о ея достоинствахъ безпристрастнымъ разсужденіемъ. совѣтъ что въ числѣ ея недостатковъ

лао полнѣйшее отсутствіе такта и вкуса въ одеждѣ. Истекшее время траура по смерти лорда Лидіарда давало ей право цѣваться какъ угодно, и она украшала свою короткую голую фигуру цвѣтами слишкомъ яркими для женщины ея лѣтъ. [латья ея, при дурномъ выборѣ цвѣта, были можетъ-быть не урно сшиты, но она дурно ихъ носила. Въ нравственномъ отношеніи также какъ и въ физическомъ вѣщность леди Лидіардъ была ея худшею стороною. Аномаліи ея латья гармонировали съ аномаліями ея характера. Были минуты когда она чувствовала и говорила какъ прилично женщины высшаго круга; но были также другія минуты когда она чувствовала и выражалась какъ кухарка. Подъ этими рѣзкими несообразностями скрывалось великое сердце, замѣчательно правдивая и великодушная натура, которая ждала только достаточнаго повода чтобы обнаружиться. Въ пустыхъ свѣтскихъ разговорахъ она была откровенна до смѣшнаго. Но когда серьезныя и непредвидѣнные случаи подвергали испытанію тотъ металлъ изъ котораго она была дѣйствительно сдѣлана, люди которые громче другихъ смѣялись надъ нею, останавливались въ изумленіи и не могли понять что сталося съ хорошо извѣстною имъ особой которую они привыкли встрѣчать во вседневной жизни.

Миледи прошлаъ всего нѣсколько разъ по комнатамъ когда человѣкъ одѣтый въ черное безшумно появился у большой двери выходившей на лѣстницу. Леди Лидіардъ сдѣлала негерпѣливый знакъ чтобы онъ вошелъ въ комнату.

— Я ждала васъ, нѣсколько времени, Муди, сказала она. — Вы имѣете усталый видъ. Сядьте.

Человѣкъ одѣтый въ черное почтительно поклонился и сѣлъ.

ГЛАВА II.

Роберту Муди было въ то время около сорока лѣтъ. Это былъ застѣнчивый, тихій, смуглый человѣкъ съ бѣлыми гладко выбритымъ лицомъ, пріятно оживленнымъ большими черными глазами, помѣщенными глубоко въ своихъ орбитахъ. Ротъ его былъ можетъ-статься лучшею чертою его лица; у него были тонкія, хорошо очерченныя губы, которыя въ рѣдкихъ случаяхъ смягчались очаровательною улыбкой. Вся наружность этого человѣка, не взирая на

постоянную его сдержанность, внушала полнѣйшее къ нему довѣріе. Положеніе его въ домѣ леди Лидіардъ было не совсемъ ничтожное. Онъ былъ ея секретаремъ и управляющимъ, распредѣлялъ ея благотворительныя пожертвованія, писалъ дѣловыя письма, платилъ по счетамъ, нанималъ слугъ, пополнялъ ея винный погребъ, имѣлъ право брать книги изъ ея библіотеки и обѣдалъ въ своей комнатѣ. Такой особенной милости онъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ. По рожденію онъ принадлежалъ къ классу джентльменовъ. Отецъ его потерпѣлъ неудачу въ качествѣ провинціальнаго банкира во время коммерческой паники; онъ выплачивалъ своимъ компаніонамъ хорошіе дивиденды и съ разбитымъ сердцемъ удалившись за границу вскорѣ умеръ. Робертъ старался поддержать приличное ему мѣсто въ свѣтѣ, но несчастная судьба не давала ему подняться. Незаслуженныя неудачи преслѣдовали его съ одной службы на другую, пока онъ не оставилъ попытки бороться, простился съ своею гордостью и принялъ деликатно предложенное ему мѣсто въ домѣ леди Лидіардъ. Въ настоящее время никого изъ родныхъ его не было въ живыхъ, друзей у него всегда было не много. Въ свободное отъ занятій время онъ велъ уединенную жизнь въ своей маленькой комнатѣ. Среди женской прислуги дома было предметомъ всеобщаго тайнаго удивленія какимъ образомъ онъ до сихъ поръ не женатъ, несмотря на свои личныя достоинства и многіе случаи которые безъ сомнѣнія ему представлялись. Робертъ Муди не входилъ въ объясненія по этому поводу. Тихо и печально онъ продолжалъ вести свою тихую и печальную жизнь. Женщины, начиная съ красивой экономки, потерявъ надежду произвести на него впечатлѣніе, утѣшались пророческимъ предвидѣніемъ его будущей судьбы и истинительно предсказывали что „его время еще придетъ“.

— Ну, сказала леди Лидіардъ,—что вы одѣлали?

— Миледи кажется безпокоитесь о собакѣ, отвѣчалъ Муди обычнымъ своимъ тихимъ голосомъ.—Я прежде всего отправился къ ветеринарному врачу. Онъ былъ отозванъ въ деревню; но...

Леди Лидіардъ махнувъ рукой прервала заключеніе рѣчи.

— Нечего думать о докторѣ. Нужно найти кого-нибудь другого. Куда вы отправились потомъ?

въ вашему юристу, миледи. Мистеръ Трой поручилъ передать вамъ что онъ будетъ имѣть честь быть у

оставьте юриста, Муди. Я хочу узнать о вдовѣ хука. Правда что мистрисъ Толмиджъ съ семействомъ въ безпомощной бѣдности?

е советѣмъ такъ, миледи. Я видѣлъ священника ея, который принимаетъ въ ней участіе....

Лидіардъ прервала своего управляющаго въ третій

ы не назвали моего имени? спросила она рѣзко.

Конечно нѣтъ, миледи. Согласно вашему порученію я въ васъ какъ благотворительную особу которая ищетъ помочь дѣйствительной нуждѣ. Совершенно спрашиваю, что мистеръ Толмиджъ умеръ не оставивъ ничего семейству. Но у вдовы есть собственное небольшое имѣніе которое даетъ ей семьдесятъ фунтовъ доходу. Достаточно этого чтобы жить, Муди? спросила леди Лидіардъ.

достаточно для вдовы съ дочерью, отвѣчалъ Муди.—Занятіе представляютъ нѣкоторые долги и необходимость кормить двухъ сыновей. Говорятъ что они хорошіе мальчики и все семейство пользуется уваженіемъ сосѣдей. Свадьба предлагаетъ, заручившись нѣсколькими вліятельными именами, открыть въ пользу семейства подписку.

Не нужно подписки! протестовала леди Лидіардъ.—Мистеръ Толмиджъ былъ родственникъ лорда Лидіарда. Памяти моего мужа было бы удивительно собирать деньги въ пользу его родныхъ, хотя бы и дальнихъ. Двоюродная сестра!—воскликнула леди Лидіардъ внезапно спускаясь съ возвышенныхъ чувствъ къ низкимъ.—Мнѣ противно думать о нихъ! Человѣкъ который настолько близокъ мнѣ и считается со мною въ родствѣ и въ то же время настолько далеко что не можетъ пользоваться моимъ расположеніемъ, это какое-то двуличное существо, чего я терпѣть не могу. Вернемся однако ко вдовѣ и ея сыновьямъ. Сколько нужно?

Подписка въ пятьсотъ фунтовъ совершенно устроила бы, миледи, еслибы только можно надѣяться собрать такую сумму.

— Она *будетъ* собрана, Муди! Я заплачу ее изъ своего кошелька.

Послѣ этихъ благородныхъ словъ она испортила эффектъ своего великодушнаго порыва выраженіемъ скупости въ дальнѣйшей рѣчи.

— А вѣдь пятьсотъ фунтовъ хорошій кушъ денегъ, не правда ли, Муди?

— Совершенно справедливо, миледи.

Зная богатство и щедрость своей госпожи управляющій удивился однакоже выраженному ею желанію покрыть одной всю подписку. Леди Лидіардъ съ своею быстрою проныцательностью угадала его мысль.

— Вы не знаете вполнѣ моего положенія въ этомъ дѣлѣ, сказала она.—Когда я прочла въ газетѣ извѣстіе о смерти мистера Толмиджа, я стала искать въ бумагахъ покойнаго мужа какого-нибудь доказательства что они были дѣйствительно въ родствѣ. Я нашла нѣсколько писемъ мистера Толмиджа и убѣдилась что онъ былъ двоюродный братъ лорда Лидіарда. Въ одномъ изъ этихъ писемъ есть нѣсколько прискорбныхъ увѣреній представляющихъ мое поведеніе въ самомъ невѣроятномъ свѣтѣ; однимъ словомъ ложь,—загорячилась леди Лидіардъ по обыкновенію забывая свое достоинство.—Ложь, Муди, за которую мистера Толмиджа сдѣлало бы избить хлыстомъ. Я бы сама исполнила это еслибы покойный лордъ сказалъ мнѣ объ этомъ въ то время. Но все равно; теперь бесполезно толковать объ этомъ, продолжала она, овладѣвая собою и употребляя снова выраженія приличныя дамѣ съ ея положеніемъ въ свѣтѣ.—Этотъ несчастный человѣкъ былъ въ высшей степени несправедливъ ко мнѣ; побужденія мои могутъ быть ложно истолкованы еслибъ я вошла въ личныя сношенія съ его семействомъ. Если же не называя своего имени я помогу имъ въ настоящемъ затрудненіи, я избавляю ихъ отъ публичной подписки, и такимъ образомъ исполню то что покойный мужъ мой сдѣлалъ бы самъ еслибы былъ живъ. Мой портфель на другомъ столѣ. Принесите мнѣ его сюда, Муди. Помогите мнѣ заллатить добромъ за зло, пока я расположена сдѣлать это.

Муди молча повиновался. Леди Лидіардъ написала чекъ.

— Снесите это моему банкиру и принесите банковый билетъ въ пятьсотъ фунтовъ, сказала она. — Я пошлю его

священнику отъ имени „неизвѣстнаго друга“. Посѣдите. Я слабая смертная, Муди. Не давайте мнѣ времени пожалѣть о латиствахъ фунтовъ.

Муди вышелъ съ чекомъ. Не предвидѣлось никакого повода къ промедленію; контора банкира была очень близко, въ Сентъ-Джемсъ-Стритъ. Оставшись одна леди Лидіардъ рѣшила, чтобы поддержать свой умъ въ великодушномъ настроеніи, заняться составленіемъ письма къ священнику. Она уже вынула изъ портфеля листокъ почтовой бумаги когда слуга появился въ дверяхъ и доложилъ о посѣтителѣ: — Мистеръ Феликсъ Свитсэръ.

ГЛАВА III.

— Племянникъ! воскликнула леди Лидіардъ голосомъ въ которомъ выразилось удивленіе, безо всякой однако примѣси удовольствія. — Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ мы послѣдній разъ видѣлись? спросила она съ своею рѣзкою порывистостью когда мистеръ Феликсъ Свитсэръ подошелъ къ письменному столу.

Посѣтитель не былъ человекъ котораго легко можно было сконфузить. Онъ взялъ руку леди Лидіардъ и поцѣловалъ ее со свободою граціей. Въ манерѣ его былъ оттъѣокъ ироніи, пріятно смягченный шутивою вѣжливостью.

— Лѣтъ, милая тетушка? сказалъ онъ. — Посмотритесь въ зеркало и вы увидите что время оставалось неподвижно съ тѣхъ поръ какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. Какъ замѣчательно хорошо вы сохранились! Когда будемъ мы праздновать появленіе первой вашей морщинки? Я слишкомъ старъ; я не доживу до этого.

Онъ взялъ кресло безъ приглашенія; сѣлъ рядомъ съ теткой и окинулъ глазами ея дурно выбранное платье съ видомъ насмѣшливаго восхищенія.

— Превосходно! сказалъ онъ съ своею благовоспитанною беззащитчивостью. — Какъ удачно выбранъ этотъ яркій цвѣтъ!

— Что вамъ угодно? спросила леди Лидіардъ ни мало не смягченная комплиментомъ.

— Мнѣ угодно было засвидѣтельствовать мое уваженіе милой тетушкѣ, отвѣчалъ Феликсъ, совершенно нечувстви-
т. еххххх

тельнымъ къ ласковому приему и совершенно удобно помѣстившійся въ широкое кресло.

Нѣтъ надобности описывать портретъ Феликса Свитсера—фигура его слишкомъ хорошо известна въ обществѣ. Небольшаго роста, юркій человекъ, съ блестящими безлокойными глазами, длинными желѣзно-сѣрыми волосами спадающими кудрями на плечи; съ несмысливою походкой и вкрадчивыми манерами; неизвѣстныхъ лѣтъ, съ неисчислимыми талантами и неограниченною популярностью—онъ извѣстенъ всѣмъ и принятъ вездѣ. Съ какою благодарностью принимаетъ онъ ласковое вниманіе восхищеннаго свѣта, какъ щедро отплачиваетъ за это вниманіе! Всякій человекъ котораго онъ знаетъ—„превосходный человекъ“; всякая женщина которую видитъ—„вѣчная красавица“. Какіе пикиетки устраиваетъ онъ на берегахъ Темзы въ лѣтнее время! Какой хорошо-заслуженный небольшой доходъ получаетъ онъ отъ игры въ вистъ! Какимъ несравненнымъ актеромъ является онъ на всевозможныхъ свѣтскихъ спектакляхъ (не исключаая и брачныхъ)! Вы никогда не читали повѣсти мистера Свитсера, набросанной въ промежуткахъ между теплыми ваннами на германскихъ водахъ? Въ такомъ случаѣ вы не имѣете понятія что такое блестящій вымыселъ. Онъ никогда не написалъ второй повѣсти. Онъ дѣлаетъ все, и дѣлаетъ только однажды. Одинъ романъ—отчаяніе профессиональных композиторовъ. Одна картина, только чтобы показать какъ легко джентльменъ можетъ овладѣть искусствомъ и потомъ бросить его. Поистинѣ всесторонній человекъ, со всеми пріятностями и талантами постоянно сверкающими на концахъ его пальцевъ. Если эти скромныя страницы не достигнутъ никакой другой цѣли, онъ окажутъ по крайней мѣрѣ ту услугу лицамъ не принадлежащимъ къ высшему кругу что познакомятъ ихъ съ мистеромъ Феликсомъ Свитсеромъ. Его пріятное общество оживляетъ разговоръ; и читатель и писатель (пользуясь отраженнымъ свѣтомъ) лучше понимаютъ другъ друга, благодаря мистеру Свитсеру.

— Теперь, сказала леди Лидіардъ, — когда вы наконецъ вернулись, что вы можете разказать о себѣ? Разумѣется были за границей? Бѣ?

— По большей части въ Парижѣ, милая тетушка,—единственнымъ мѣстѣ гдѣ можно жить, по той простой причинѣ что Французы единственный народъ который умѣетъ взять

отъ жизни какъ можно больше. Но въ Англіи имѣешь родныхъ и друзей, приходится время отъ времени возвращаться въ Лондонъ...

— Когда проживешь въ Парижѣ всѣ деньги, добавила леди Лидіардъ.—Вы это хотѣли сказать, не правда ли?

— Чтѣ за блестящее существо! воскликнулъ онъ.—Чего бы я не далъ за вашу быстроту ума! Да, въ Парижѣ проживешь деньги, какъ вы говорите. Клубы, биржа, скачки; попытаешь счастья и здѣсь и тамъ и вездѣ. Выигрываешь и проигрываешь, теряешь и выигрываешь и никогда не можешь пожаловаться на скуку.—Онъ остановился; улыбка его исчезла и онъ посмотрѣлъ вопросительно на леди Лидіардъ.—Какъ прекрасна должна быть ваша жизнь, сказалъ онъ.—Вѣчный вопросъ тревожащій вашихъ близкихъ: гдѣ достать денегъ? никогда не произносился вашими устами. Завидная женщина!—Онъ опять остановился, удивленный и смущенный на этотъ разъ.—Чтѣ случилось, милая тетюшка? Вы какъ будто страдаете отъ какой-нибудь болѣзни.

— Я страдаю отъ вашего разговора, отвѣчала леди Лидіардъ рѣзко.—Деньги именно теперь мое больное мѣсто, продолжала она устремивъ пристальный взглядъ на племянника чтобы видѣть какое дѣйствіе произвести на него ея слова.—Сегодня утромъ я истратила пятьсотъ фунтовъ однимъ почеркомъ пера. И не болѣе недѣли тому назадъ поддалась искушенію пополнить мою картинную галерею.—При этихъ словахъ она взглянула на противоположный конецъ комнаты завѣшанный нортьерой малиноваго бархата.—Я содрагаюсь при мысли чего стоила мнѣ покупка одной картины. Ландшафтъ Гоббема; Національная Галерея явилась моимъ соперникомъ при покупкѣ. Но чтѣ за бѣда!—добавила она, утѣшая себя по обыкновенію разчетами на будущее.—Картина продается послѣ моей смерти дорожѣ чѣмъ я за нее заплатила; это меня успокоиваетъ!—Она опять взглянула на Феликса; на лицѣ ея появилась злорадная улыбка.—Чтѣ-нибудь случилось съ вашею часовой цѣлочкой? спросила она.

Феликсъ разсѣянно игравшій своею цѣлочкой вздрогнулъ, какъ будто слова тетки внезапно разбудили его. Пока леди Лидіардъ говорила, обычная живость мало-по-малу оставляла его, онъ смотрѣлъ такъ серьезно и такимъ старикомъ что ближайшій другъ едва ли бы могъ узнать его. Пробу-

ждевый отъ задумчивости внезапно обращеннымъ къ нему вопросомъ, онъ казалось искалъ въ умѣ первого попавшагося предлога чтобы оправдать свое молчаніе.

— Я раздумывалъ, началъ онъ,—отчего мнѣ не достаетъ чего-то когда я осматриваю эту прекрасную комнату; чего-то привычнаго, знаете ли, что я разчитывалъ непременно встрѣтить здѣсь.

— Томми? подсказала леди Лидіардъ, продолжая не безъ злорадства наблюдать за племянникомъ.

— Именно его! воскликнулъ Феликсъ найдя оправданіе и снова оживляясь.—Почему я не слышу позади себя его ворчанья, почему не чувствую его зубовъ въ моихъ ланта-лонахъ?

Улыбка обѣжала съ лица леди Лидіардъ; тонъ пріятный племянникомъ въ разговорѣ объ ея любимой собакѣ былъ въ высшей степени непочтителенъ. Она ясно дала ему понять что не одобряетъ его. Феликсъ, нечувствительный къ подобнымъ молчаливымъ упрекамъ, продолжалъ:

— Милый маленькій Томми! Такая пріятная толщина, и такой адскій нравъ! Не могу сказать люблю я его или ненавижу. Гдѣ же онъ?

— Боленъ, въ постели, отвѣчала леди Лидіардъ съ важностью которая изумила даже Феликса.—Я хотѣла поговорить съ вами о Томми. Вы знаете всѣхъ на свѣтѣ. Не знаете ли хорошаго собачьяго доктора? Я не довольна тѣмъ къ которому обращалась до сихъ поръ.

— Докторъ по профессіи? спросилъ Феликсъ.

— Да.

— Всѣ шарлатаны, милая тетушка. Видите ли, чѣмъ хуже собакѣ, тѣмъ больше ему придется получить. Я могу указать вамъ настоящаго человѣка—джентльмена. Знаетъ относительно лошадей и собакъ больше чѣмъ всѣ ветеринарные врачи вмѣстѣ. Мы вчера ѣхали съ нимъ вмѣстѣ на лароходѣ черезъ Каналъ. Вы конечно знаете его имя? Младшій сынъ лорда Ротерфильда, Алфредъ Гардиманъ.

— Владѣлецъ конскаго завода, воспитывающій знаменитыхъ скаковыхъ лошадей? воскликнула леди Лидіардъ.—Любезнѣйшій Феликсъ, какъ могу я рѣшиться безпокоить такое извѣстное лицо для моей собаки?

Феликсъ занялся своимъ веселымъ смѣхомъ.

— Никогда еще скромность не бывала болѣе неуменьства.

Гардиманъ умираетъ отъ желанія представиться вамъ, миледи. Онъ какъ и всякій другой слышалъ о великолѣпномъ убранствѣ вашего дома и жаждетъ осмотрѣть его. Онъ живетъ здѣсь близехонько, въ Пеллѣ-Меллѣ. Если онъ дома, то будетъ здѣсь черезъ пять минутъ. Можетъ-быть лучше прежде мнѣ взглянуть на собаку?

Леди Лидіардъ покачала головой.

— Изабела говоритъ что лучше ее не беспокоить, отвѣчала она. — Изабела понимаетъ ее лучше всѣхъ.

Феликсъ подвигалъ свои подвижныя брови съ выраженіемъ любопытства и удивленія.

— Кто такая Изабела?

Леди Лидіардъ была недовольна собою что неосторожно упомянула имя Изабелы въ присутствіи племянника. Феликсъ былъ не такой человекъ котораго она желала бы посвящать въ домашнія дѣла.

— Изабела прибавилась въ моемъ домѣ послѣ того какъ вы были здѣсь въ послѣдній разъ, кратко отвѣтила она.

— Молода и хороша? спросилъ Феликсъ.—А! Вы смотрите серьезно и не отвѣчаете. Конечно молода и хороша. Что мнѣ посмотреть прежде: прибавленіе къ вашему дому или прибавленіе вашей картинной галлерей? Вы смотрите на картинную галерею. Это вашъ отвѣтъ.—Онъ всталъ и пошелъ по направленію къ аркѣ раздѣлявшей комнату, но остановился при первыхъ шагахъ.—Красивая дѣвушка—большая отвѣтственность, сказалъ онъ съ видомъ насмѣшливой серьезности.—Знаете ли я не удивлюсь если Изабела будетъ стоить вамъ въ послѣдствіи больше Гоббема. Кто это въ дверяхъ?

Человекъ появившійся въ дверяхъ былъ Робертъ Муди, возвратившійся изъ банка. Мистеръ Феликсъ Свитсэръ будучи близорукъ принужденъ былъ надѣть лорнетъ и тогда уже разглядѣлъ перваго министра дома леди Лидіардъ.

— Ба! нашъ достойнѣйшій Муди! Какъ онъ сохранился. Ни одного сѣдаго волоска въ головѣ; а посмотрите-ка на мою! Чѣмъ вы красите волосы, Муди? Еслибъ у него былъ мой откровенный характеръ онъ бы сказалъ. Но теперь онъ держитъ языкъ за зубами. О! Еслибъ я умѣлъ удерживать мой языкъ, когда, знаете, я служилъ по дипломатической части, какое бы положеніе я занималъ въ настоящее время!

Я не буду мѣшать вамъ, Муди, если вы имѣете что-нибудь сказать леди Лидіардъ.

Отвѣтивъ на веселое привѣтствіе мистера Свитсера вѣжливымъ поклономъ, съ важнымъ видомъ изумленія, который положилъ конецъ быстрому потоку юмора этого джентльмена, Муди обратился къ своей госпожѣ.

— Достали вы банковый билетъ? спросила леди Лидіардъ.

Муди положилъ банковый билетъ на столъ.

— Я здѣсь лишний? спросилъ Феликсъ.

— Нѣтъ, отвѣтила его тетка. — Мнѣ нужно написать письмо; это займетъ не больше пяти минутъ. Можете остаться здѣсь или пойти посмотреть Гоббса, какъ хотите.

Феликсъ припрыгивая сдѣлалъ вторую попытку достичь картинной галереи. Приблизившись на нѣсколько шаговъ ко входу, онъ опять остановился привлеченный отвореннымъ шкаломъ итальянской работы наполненнымъ рѣдкимъ старымъ китайскимъ фарфоромъ. Будучи разумѣется опытнымъ знатокомъ мистеръ Свитсеръ остановился чтобы отдать дань удивленія содержимому шкала. „Прелестно! Прелестно!“ проговорилъ онъ самъ съ собою, склонивъ одобрительно голову нѣсколько набокъ. Леди Лидіардъ и Муди оставили его безпрепятственно любоваться фарфоромъ и занялись своимъ дѣломъ.

— Не записать ли намъ номеръ билета на всякій случай? спросила леди Лидіардъ.

Муди вынулъ кусочекъ бумаги изъ кармана своего жилета.

— Я записалъ номеръ, миледи, еще въ банкѣ.

— Очень хорошо, сохраните его. Пока я пишу письмо не надпишите ли вы адресъ на конвертѣ. Какъ зовутъ владельца?

Муди назвалъ имя и надписалъ адресъ. Феликсъ, оглянувшись на леди Лидіардъ и ея управляющаго пока оба они писали, быстро вернулся къ столу, какъ бы пораженный новою идеей.

— Есть еще третье перо? спросилъ онъ. — Не написать ли мнѣ теперь Гардману, тетюшка? Чѣмъ скорѣе вы будете знать его мнѣніе касательно Томми тѣмъ лучше, не такъ ли?

Леди Лидіардъ съ улыбкой указала на подставку для

перьевъ. Показать вниманіе ея собакѣ значило найти прямой путь къ ея сердцу. Феликсъ принялся за письмо, крупнымъ лорывистымъ почеркомъ, набирая много чернилъ и скрила перомъ по бумагѣ.

— Мы очень похожи на Клерковъ въ конторѣ, сказалъ онъ съ своею веселою манерой. — Уткнули носъ въ бумагу и пишемъ какъ будто бы этимъ спискивали себѣ пропитаніе. Вотъ, Муди, прикажите кому-нибудь изъ слугъ отнести это сейчасъ же въ квартиру мистера Гардимана.

Посланный былъ отправленъ. Робертъ вернулся и ждалъ стоя близъ своей госпожи съ надписаннымъ конвертомъ въ рукахъ. Феликсъ въ третій разъ направился припрыгивая къ картинной галлерей. Черезъ минуту леди Лидіардъ кончила письмо и вложила въ него банковый билетъ. Только-что взяла она изъ рукъ Муди конвертъ, только-что вложила въ него письмо какъ крикъ раздавшійся изъ внутренней комнаты гдѣ Изабела лаялась съ собакой заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

— Миледи! Миледи! отчаянно кричала дѣвушка. — Съ Томми сдѣлался обморокъ! Томми умираетъ!

Леди Лидіардъ уронила незапечатанный конвертъ на столъ и побѣжала—да, не взирая на свой малый ростъ и толщину—бѣгомъ побѣжала во внутреннія комнаты.

Оба оставшіеся взглянули другъ на друга.

— Муди, сказалъ Феликсъ съ своею лѣтливо-циническою манерой. — Думаете ли вы что еслибы съ вами или со мною сдѣлался обморокъ леди Лидіардъ побѣжала бы бѣгомъ? Ба! Это такія вещи которыя колеблютъ вѣру въ человѣческую природу. Я чувствую себя адеки измученнымъ. Этотъ проклятый переездъ черезъ Каналъ. Я трепещу до глубины желудка когда только вспомню о немъ. Достаньте мнѣ чего-нибудь, Муди.

— Чего вамъ прислать? холодно спросилъ Муди.

— Немножко кюрасао и сухарикъ. Прикажите мнѣ принести это въ картинную галлерей. Чортъ бы побралъ эту собаку. Пойду посмотреть Гоббема.

На этотъ разъ ему удалось достичь арки и онъ скрылся за портьерой отдѣлавшею картинную галлерей.

ГЛАВА IV.

Оставшись одинъ въ гостиной Муди взглянулъ на незапечатанный конвертъ на столѣ.

Принимая во вниманіе цѣнность вложенія, имѣлъ ли онъ право заклеить конвертъ въ видахъ сохранности? Подумавъ объ этомъ Муди рѣшилъ что не имѣлъ права запечатывать письма. Леди Лидіардъ могла найти нужнымъ сдѣлать какія-нибудь измѣненія или прибавить постскрипту къ написанному. Кромѣ этихъ соображеній, было ли благоразумно поступать такъ какъ будто домъ леди Лидіардъ былъ отелъ всегда отворенный для всякаго входящаго? Вещи стоившія вдвое болѣе пятисотъ фунтовъ были разложены вокругъ на столахъ и въ незапертыхъ шкапахъ. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій Муди удалился чтобы велѣть слугѣ подать мистеру Свитсэру просимый имъ напитокъ.

Слуга который привезъ кюрасао въ картинную галерею нашелъ Феликса развалившимся на диванѣ и восторгающимся картиной Гоббема.

— Не мѣшай мнѣ, сказалъ онъ брюзгливо, замѣтивъ что слуга остановился устремивъ на него глаза.—Поставь бутылку и иди!

Послѣ запрещенія смотрѣть на мистера Свитсэра, глаза слуги, когда онъ выходилъ изъ картинной галереи, невольно обратились съ изумленіемъ на знаменитый ландшафтъ. И что же онъ увидѣлъ? Онъ увидѣлъ вверху на небѣ большую тучу которая грозила дождемъ, два опустившіяся съ темными тѣнями дерева которыя казалось ждали дождя, пыльную дорогу которая стала еще хуже отъ бездождія и маленькаго бродягу который слѣдилъ домой испугавшись приближенія дождя. Такова была картина на взглядъ слуги. Возвратясь въ людскую слуга выразилъ вѣстное заключеніе о состояніи умственныхъ способностей мистера Свитсэра.

— На чердакѣ не въ порядкѣ у бѣдняги! такъ выразился слуга о блестящемъ Феликсѣ.

Тотчасъ же послѣ ухода слуги тишина въ картинной галерей была нарушена голосами доходящими въ нее изъ го-

стиной. Феликс приподнялся и сѣлъ на диванъ. Онъ различалъ голосъ мистера Гардмана который говорилъ: „Не безпокойте леди Лидіардъ“ и голосъ Муди отвѣчавшій: „Я только постучу въ дверь комнаты миледи, сэръ; вы найдете мистера Свитсера въ картинной галлерей.“

Портьера на аркѣ распахнулась и открыла фигуру высокого художаваго человѣка съ коротко остриженною головою нѣсколько лѣтъ посаженною на плечахъ. Неподвижная важность въ лицѣ и манерѣ, какую приобретаетъ повидавшему всякій Англичанинъ постоянно живущій въ обществѣ лошадей, таково было выраженіе джентльмена при входѣ его въ картинную галлерей. Онъ былъ хорошо сложенный мускулистый человѣкъ съ рѣзкими правильными чертами. Еслибъ онъ не былъ вполнѣ и исключительно занятъ лошадьми, онъ могъ бы имѣть большой успѣхъ въ обществѣ женщинъ. Алфредъ Гардманъ былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Ему предлагали вступить на обычную карьеру младшихъ сыновей аристовъ—церковную или дипломатическую службу; но онъ отказался отъ того и другаго. „Я люблю лошадей, говорилъ онъ, и хочу добывать себѣ средотвѣ къ жизни лошадьми. Не говорите мнѣ о положеніи въ свѣтѣ. Заботьтесь о положеніи моего старшаго брата, къ которому перейдетъ наслѣдство и титулъ.“ Начавъ жизнь съ этими благоразумными взглядами и не большимъ капиталомъ въ пять тысячъ фунтовъ, Гардманъ занялъ свое мѣсто въ той сферѣ которая вполнѣ удовлетворяла его. Въ то время къ которому относится этотъ разказъ онъ былъ уже богатымъ человѣкомъ и однимъ изъ величайшихъ авторитетовъ по части коннозаводства въ Англіи. Богатство не измѣнило его. Онъ остался все тѣмъ же важнымъ, спокойнымъ, настойчивымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ, въѣхавъ немногимъ друзьямъ съ которыми сблизился, и черезчуръ откровеннымъ въ выраженіи своихъ чувствъ къ людямъ которымъ онъ не довѣрялъ или которые ему не нравились. Когда онъ вошелъ въ картинную галлерей и остановился на минуту смотря на Феликса, сидѣвшаго на диванѣ, его большіе, холодные сѣрые глаза остановились на маленькомъ человѣкѣ съ равнодушнымъ граничившимъ съ презрѣніемъ. Феликсъ напротивъ вскочилъ на ноги съ теропливую вѣжливостью и привѣтствовалъ своего друга съ преувеличенною любезностью.

— Добрый старый другъ! Это очень любезно съ твоей стороны, началъ онъ. — Я это чувствую, увидавъ тебя, чувствую это!

— Вамъ ничего безнечнѣе чувствовать, послѣднимъ спокойный и непривѣтливый отвѣтъ. — Леди Лидіардъ гласила меня сюда. Я пришелъ посмотреть на саженъ на собаку. — Онъ окинулъ галлерею своимъ важнымъ и театральнымъ взглядомъ. — Я ничего не понимаю въ картѣ, замѣтилъ онъ съ видомъ локорности. — Я пойду вамъ гостиную.

Послѣ минутнаго размышленія Феликсъ послѣдовалъ за нимъ.

— Ну, сказалъ Гардиманъ, — что же?

— То дѣло? сказалъ Феликсъ вопросительно.

— Какое дѣло?

— Вы знаете. Можно до будущей недѣли?

— До будущей недѣли нельзя.

— Можно до завтра?

— Да.

— Въ какое время?

— Между двѣнадцатью и часомъ пополудни.

— Между двѣнадцатью и часомъ, повторилъ Феликсъ.

Онъ опять взглянулъ на Гардимана и взялся за шляпу.

— Передайте мои извиненія тетумкѣ, сказалъ онъ. — Я не могу больше дѣлать.

Онъ вышелъ изъ комнаты, съ избыткомъ отплативъ Гардиману за его равнодушную презрительность тою же монетой на прощанье.

Оставшись одинъ Гардиманъ взялъ стулъ и взглянулъ въ дверь которая вела въ будуаръ. Управляющій постучалъ въ эту дверь и исчезъ за нею, но не явился назадъ. „Бѣда, долго еще гостю леди Лидіардъ придется оставаться въ моемъ жилищѣ въ домѣ леди Лидіардъ?“

Пока этотъ вопросъ складывался въ его умѣ, дверь въ будуаръ отворилась. Въ первый разъ въ жизни самобытно оставило мистера Гардимана. Онъ вскочилъ на ноги въ всякій обыкновенный смертный, пораженный совершенно неожиданностью.

Вмѣсто мистера Муди, вмѣсто леди Лидіардъ, въ открытыхъ дверяхъ показалась смущенная молодая дѣвушка. Появленіе ея заставило сильнѣе забиться сердце Гардимана.

мама, когда взглядъ его остановился на ней. Была ли особа которая при первомъ взглядѣ повергла его въ смущеніе лицомъ особенно значительнымъ? Ничего подобнаго не было. Это была Изабела, по фамиліи Миллеръ. Даже въ имени ея не было ничего особеннаго. Просто Изабела Миллеръ. Могла ли она имѣть право на отличіе по своей наружности?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко. Женщины (дадимъ прежде слово худшимъ судьямъ) давно уже нашли что ей не достаетъ того изящества фигуры которое обуславливается тонкостью талии и длиной рукъ и ногъ. Мужчины (лучше понимавшіе) смотрѣли на ея фигуру со своей точки зрѣнія, и находя ее необыкновенно миловидною, не желали ничего большаго. Можетъ-быть свѣтлый цвѣтъ ея лица или сильный блескъ глазъ (такъ думали женщины) окрещая мужчинъ вообще и дѣлалъ ихъ неспособными различать ея недостатки. Но въ ней были и несомнѣнно привлекательныя черты которыхъ не отрицали самые строгіе критики. Улыбка ея, появляясь на губахъ, мгновенно развивалась по всему лицу. Очаровательная атмосфера здоровья, свѣжести и добродушія казалось окружала ее куда бы она ни шла и что бы она ни дѣлала. Наконецъ ея темнорусые волосы висло спускались на широкій бѣлый лобъ и были прикрыты маленькимъ бѣлымъ кружевнымъ челцомъ съ темно-лиловыми лентами. Прямой воротничокъ и рукавички окружали ея нѣжную круглую шею и полныя съ ямочками руки. Мериносовое платье, покрывавшее, но не скрывавшее очаровательныхъ линий ея бюста, было одного цвѣта съ лентами и было украшено бѣлымъ кисейнымъ фартукомъ кокетливо собраннымъ оладочками около кармановъ—подарокъ леди Лидіардъ. Краснѣя и улыбаясь она затворила за собою дверь, и застѣливо приблизясь къ незнакомцу сказала своимъ тихимъ яснымъ голоскомъ:

— Позвольте узнать, сэръ, вы мистеръ Гардиманъ?

Обычная важность знаменитаго коннозаводчика оставила его при первыхъ ея словахъ. Онъ улыбнулся отвѣчая утвердительно что онъ мистеръ Гардиманъ, улыбнулся подавая ей стулъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, сэръ, сказала она съ легкимъ граціознымъ наклономъ головы.—Меня послали сюда только затѣмъ чтобы передать вамъ извѣщеніе миледи. Она

посадила собаку въ теплую ванну и не можетъ оставить ее. Мистеръ Муди не могъ придти вместо меня потому что я была очень испугана и не могла ничѣмъ помочь, такъ что ему пришлось держать собаку. Мы бы очень желали, сэръ, знать полезна ли ей теплая ванна. Пожалуйста войдите въ комнату и объясните намъ.

Она направилась обратно къ двери. Гардиманъ естественно не спѣшилъ слѣдовать за ней. Когда человѣкъ очарованъ прелестью молодости и красоты, понятнo что онъ не станетъ спѣшить перенести свое вниманіе на большое животное въ ваннѣ. Гардиманъ воспользовался первымъ представившимся ему предлогомъ чтобы удержать ее въ гостиной.

— Мнѣ кажется что я буду въ состояніи скорѣе помочь вамъ, сказалъ онъ, — если вы прежде расскажете мнѣ кое-что о собакѣ.

Даже его манера говорить нѣсколько измѣнилась. Спокойный, сухой, монотонный голосъ какимъ онъ говорилъ обыкновенно, нѣсколько оживился подъ вліяніемъ настоящаго возбужденія. Что касается Изабелы, то будучи слишкомъ озабочена состояніемъ Томми, она и не подозрѣвала что становится жертвой стратагемы. Она отошла отъ двери и вернулась къ Гардиману. Во взглядѣ ея выражалось нетерпѣливое желаніе узнать что онъ скажетъ.

— Что я могу рассказать вамъ, сэръ? наивно спросила она.

Гардиманъ безжалостно воспользовался представившимся ему случаемъ.

— Можете вы сказать мнѣ какой породы эта собака?

— Да.

— Сколько ей лѣтъ?

— Да.

— Какъ ее зовутъ? Какой у нея нравъ? Чѣмъ она больна? Какія болѣзни бывали у ея матери и отца? какъ...

Голова Изабелы начинала кружиться.

— Не все сразу, сэръ! прервала она его съ умоляющимъ жестомъ. — Собака спитъ на моей постели и такъ безпокоила меня что я дурно провела ночь, боюсь что отъ этого я сегодня очень глуха. Ее зовутъ Томми. Намъ приходится такъ звать ее, потому что она не откликается ни на какое другое имя кромѣ того какимъ ее звали когда

миледи купила ее. Но мы лишемъ его съ i-е на концѣ, въ отащіе отъ обыкновеннаго имени на у. Мнѣ очень жаль, сэръ, что я забыла что еще вамъ нужно знать. Пожалуйста войдите и миледи все вамъ разкажетъ.

Она попыталась вернуться къ дверямъ будуара. Гардиманъ наслаждался видомъ красиваго подвижнаго личика, которое смотрѣло на него съ такимъ невиннымъ довѣріемъ къ его авторитету, вернулъ ее отъ дверей единственными средствами бывшимъ въ его распоряженіи. Онъ возвратился къ разспросамъ о Томми.

— Пожалуйста подождите минутку. Скажите мнѣ, какой породы себака?

Изабела снова вернулась. Описывать Томми было дѣломъ любви.

— Это самая красивая собака въ свѣтѣ! начала дѣвушка и глаза ея заблестали нѣжностью. — У нея самая прекрасная курчавая бѣлая шерсть съ двумя свѣтло-коричневыми пятнами на спинѣ, и *такіе* милые черные глаза! Ее называютъ шотландскимъ терьеромъ. Когда она здорова апетитъ у нея по истинѣ изумительный, она ѣстъ рѣшительно все, сэръ, начиная съ *pâté de foi gras* и кончая картофелемъ. Но вы можете-быть не повѣрите что у нея есть и враги. Люди которые не хотятъ простить ей что она иногда кусается (есть же на свѣтѣ такіе дурные характеры!) называютъ ее чудовищемъ. Не правда ли какъ стыдно! Но войдите пожалуйста и посмотрите на нее, сэръ; миледи вѣроятно ужъ наскучило ждать.

За этими словами послѣдовало новое путешествіе къ двери, встрѣтившее новое препятствіе.

— Пойдите минутку! Вы должны сказать мнѣ какой у нея нравъ, иначе я ничего не могу сдѣлать.

Изабела опять вернулась, чувствуя что на этотъ разъ дѣло серьезно. Важный видъ ея былъ еще очаровательнѣе ея веселости. Когда она подняла свое лицо съ широко открытыми серьезными глазами, выразившими сознаніе ответственности, Гардиманъ отдалъ бы любую лошадь изъ своихъ конюшенъ только бы имѣть право взять ее на руки и разцѣловать.

— У Томми ангельскій нравъ съ людьми которыхъ онъ любитъ, сказала она. — Если онъ кусается, то это обыкновенно значить что ему не нравятся чужіе. Онъ любитъ миледи,

любить мистера Муди, любить меня. Теперь я думаю все. Пожалуйте сюда, сэръ; мнѣ кажется я слышу что миссис зоветъ меня.

— Нѣтъ, оказавъ Гардиманъ съ своимъ непреодолимымъ упрямствомъ.— Никто васъ не звалъ. Такъ какотъ нравъ у собаки? Пойдетъ она ко всякому чужому? Какихъ людей она обыкновенно кусаетъ?

Красивый ротикъ Изабелы началъ складываться въ улыбку. Последній неразумный вопросъ Гардимана начиналъ открывать ей истину. Но все-таки участь Томми была въ рукахъ этого страннаго джентльмена, она считала своею обязанностью помнить это. Кромѣ того въ жизни Изабелы не каждый день случалось очаровывать знаменитаго человека, къ тому же красиваго и прекрасно одѣтаго. Она рискнула потерять еще минутку-другую и вернулась къ воспоминаніямъ о Томми.

— Я должна вамъ признаться, сэръ, что онъ ведетъ себя вѣсколько неблагодарно, даже съ тѣми изъ чужихъ кто интересуется имъ. Когда онъ выбѣгаетъ на улицу (что случается довольно часто) онъ садится на тротуаръ и воетъ пока соберетъ вокругъ себя кучку сострадательныхъ людей; когда кто-нибудь пытается прочесть на ошейникѣ его имя и адресъ, онъ бросается на нихъ. Слуги обыкновенно находятъ его и привосятъ домой; тогда онъ возвращается къ дверямъ и бросается на слугъ. Но я думаю что это онъ шутитъ. Посмотрѣли бы вы на него за обѣдомъ, какъ онъ сидитъ на своемъ креслѣ, ждетъ чтобъ ему подавали и положить переднія лалки на край стола, какъ руки джентльмена на публичномъ обѣдѣ когда онъ говоритъ спичъ. Но теперь,—воскликнула Изабела прерывая себя со слезами на глазахъ, я такъ говорю о немъ, а онъ такъ ужасно боленъ! Одни говорятъ что у него бронхитисъ, другіе боль въ печени. Вчера еще я выпустила его на улицу немощно ослабитъ и онъ остановился на тротуарѣ и былъ самъ не свой. Въ первый разъ въ жизни онъ не бросился ни на кого изъ прохожихъ и бѣднѣйка не имѣла даже охоты пойти похлопать фонарнымъ столбъ!

Едва Изабела успѣла разказать это послѣднее печальное обстоятельство какъ воспоминанія о Томми были внезапно прерваны голосомъ леди Лидіардъ, которая на этотъ разъ действительно звала ее изъ-за дверей будуара.

— Изабела! Изабела! кричала миледи. — Что вы тамъ знаете?

Изабела подбѣжала къ дверямъ будуара и отворила ихъ.

— Войдите, сэръ! Пожаауста войдите!

— Безъ васъ? спросилъ Гардиманъ.

— Я приду вслѣдъ за вами, сэръ. Мнѣ надо прежде кое-что одѣлать для леди Лидіардъ.

Она продолжала держать отворенную дверь указывая входъ въ будуаръ.

— Меня будутъ бравить, сэръ, если вы не войдете.

Это заявленіе не оставляло Гардиману другого выбора. Онъ безъ промедленія вошелъ къ леди Лидіардъ.

Затворивъ за нимъ дверь гостиной Изабела остановилась поглощенная своими мыслями.

Теперь она вполне сознавала какое впечатлѣніе произвела на Гардимана. Тщеславіе ея, надо сознаться, было поощрено его восхищеніемъ—онъ былъ такъ знаменитъ и такъ высокъ и у него были такіе красивые большіе глаза. Стоя съ опущенною головою и разгорѣвшимся лицомъ и уламбалась про себя дѣвушка казалась красивѣе чѣмъ когда-нибудь. Часы на каминѣ пробившіе полчаса вывели ее изъ задумчивости. Проходя мимо зеркала она заглянула въ него и подошла къ столу за которымъ писала леди Лидіардъ.

Методическій мистеръ Муди, призванный помогать дѣлать ванну Томми, не забывалъ объ интересахъ своей хозяйки. Онъ напомнилъ миледи что она оставила незапечатаннымъ письмо со вложеннымъ въ него банковымъ билетомъ. Занятая собакой леди Лидіардъ отвѣчала:

— Изабела ничего не дѣлаетъ, пусть она запечатаетъ его. Попросите мистера Гардимана сюда, продолжала она обращаясь къ Изабелѣ, — и потомъ запечатайте письмо, которое найдете у меня на столѣ.

— И когда запечатаете, добавилъ заботливый мистеръ Муди, — положите опять на столъ. Я возьму его когда миледи меня отпуститъ.

Таково было порученіе удержавшее теперь Изабелу въ гостиной. Она зажгла восковую свѣчу, закрывъ и запечатала открытый конвертъ, не полюбостествовавъ даже взглянуть на адресъ. Мистеръ Гардиманъ былъ главнымъ предметомъ ея мыслей. Оставивъ запечатанное письмо на столѣ она вернулась къ камину и стала внимательно осматри-

вать свое миловидное лицо въ зеркалъ. Время проходило—Изабела была занята своими мыслями. „Безъ сомнѣнія она видаеть многихъ красивыхъ дамъ,“ думала она колебаясь между гордостью и смирениемъ. „Удивляюсь, что онъ нашелъ во мнѣ?“

Часы пробили часъ. Почти въ то же мгновеніе дверь бу-
дуара отворилась и Робертъ Муди, освободившійся на-
ко-
нецъ отъ заботъ о собакахъ, вошелъ въ гостиную.

ГЛАВА V.

— Что, спросила Изабела съ жаднымъ любопытствомъ.—
Что говоритъ мистеръ Гардиманъ? Надѣется ли онъ что
можетъ вымѣнить Томми?

— Мистеръ Гардиманъ кажется умѣетъ обращаться съ
животными, сказалъ онъ.—Онъ приподнялъ вѣки собаки, по-
смотрѣлъ ей въ глаза и сказалъ что ванна была не нужна.

— Продолжайте! сказала Изабела нетерпѣливо.—Я думаю
онъ сдѣлалъ что-нибудь кромѣ того что сказалъ что ванна
не нужна.

— Онъ вынулъ изъ кармана ножикъ съ ланцетомъ....

Изабела всплеснула руками со слабымъ крикомъ ужаса.

— О, мистеръ Муди! Онъ поранилъ Томми?

— Поранилъ? повторилъ Муди негодуя на интересъ какой
она чувствовала къ собакамъ и на ея равнодушіе къ человѣку
(т.е. къ нему).—Поранилъ дѣйствительно! Мистеръ Гарди-
манъ пустилъ кровь скоту...

— Скоту! повторила Изабела и глаза ея засверкали.—Я
знаю вѣкоторыхъ людей, мистеръ Муди, которые дѣйстви-
тельно заслуживаютъ этого ужаснаго названія. Если вы не
можете сказать „Томми“ когда говорите о немъ въ моемъ
присутствіи, то будьте такъ добры говорите просто „со-
бака“.

— Муди уступилъ съ неудовольствіемъ.

— О, очень хорошо! Мистеръ Гардиманъ пустилъ кровь
собакамъ и тотчасъ же привелъ ее въ чувство. Мнѣ жору-
чено сказать вамъ...

Онъ остановился какъ будто данное ему порученіе было
въ высшей степени непріятно ему.

— Что же вамъ поручили сказать мнѣ?

— Я долженъ сказать вамъ что мистеръ Гардиманъ дастъ вамъ наставленіе какъ обращаться съ собакой на будущее время.

Изабела послѣдила къ двери, торопясь получить наставленіе. Муди остановилъ ее прежде чѣмъ она успѣла отворить дверь.

— Вы очень спѣшите увидѣть мистера Гардмана, замѣтилъ онъ.

Изабела оглянулась на него съ удивленіемъ.

— Вы только что сказали что мистеръ Гардиманъ ждетъ меня чтобы сказать мнѣ какъ обращаться съ Томми.

— Можеть подождать, угрюмо замѣтилъ Муди.—Когда я оставилъ его онъ былъ достаточно занятъ выраженіемъ своего лестнаго мнѣнія о васъ.

Блѣдное лицо управляющаго поблѣднѣло еще болѣе при этихъ словахъ. Съ прибытіемъ Изабелы въ домъ леди Лидіардъ „время его пришло“, какъ предсказывала женская прислуга. Наконецъ-то безчувственный человѣкъ почувствовалъ вліяніе женщины; наконецъ-то онъ узналъ муки любви, безнадежной любви къ дѣвушкѣ которая по лѣтамъ годилась ему въ дочери. Онъ уже не разъ говорилъ съ Изабелой въ такихъ выраженіяхъ которыя могли вполнѣ открыть его тайну. Но тлѣющій огонь ревности, раздутый въ пламя мистеромъ Гардиманомъ, обнаружился теперь въ первый разъ. Его взгляды, еще болѣе нежели слова, предостерегли бы всякую женщину знающую натуру такихъ людей чтобы она была осторожна въ своемъ отвѣтѣ. Молодая, безразсудная и неопытная Изабела поддалась внезапному увлеченію минуты, не думая о послѣдствіяхъ.

— Со стороны мистера Гардмана очень любезно хорошо говорить обо мнѣ, проговорила она съ веселымъ короткимъ смѣхомъ.—Надѣюсь вы не ревнуете его, мистеръ Муди?

Муди не былъ расположенъ переносить необузданную веселость молодости и хорошаго расположенія духа.

— Я ненавижу всякаго человѣка который восхищается вами, сказалъ онъ съ порывистою страстностью,—кто бы онъ ни былъ!

Изабела взглянула на своего обожателя съ непритворнымъ изумленіемъ. Какъ не похожъ онъ на мистера Гардмана, который съ начала до конца относился къ ней какъ къ леди.

— Какой вы страшный человекъ! сказала она.—Вы не понимаете шутки. Повѣрьте что я не желала оскорбить васъ.

— Вы не оскорбляете меня, вы дѣлаете хуже: вы дѣлаете меня несчастнымъ.

Изабела начала блѣднѣть. Веселость сошла съ ея лица; она серьезно посмотрѣла на Муди.

— Я не люблю чтобы меня незаслуженно обвиняли что я дѣлаю другихъ несчастными, сказала она.—Лучше будетъ если я уйду. Пустите меня пожалуста.

Сдѣлавъ одну ошибку, оскорбивъ ее, Муди сдѣлавъ другую пытался примириться съ ней. Подъ вліяніемъ страха что она дѣйствительно уйдетъ онъ грубо взялъ ее за руку.

— Вы всегда стараетесь уходить отъ меня, сказалъ онъ.—Желалъ бы я знать какъ могу я сдѣлаться пріятнымъ для васъ, Изабела.

— Я не позволяю вамъ называть меня Изабела! возразила она дѣлая усиліе освободиться.—Пустите мою руку. Вы дѣлаете мнѣ больно.

Муди выпустилъ ея руку съ короткимъ вздохомъ.

— Я не знаю какъ обращаться съ вами, сказалъ онъ просто.—Пожалуйте меня хоть немного.

Еслибъ управляющій имѣлъ какое-нибудь понятіе о женщинахъ (въ ея годы) онъ никогда не обратился бы къ ея жалости въ такихъ прямыхъ словахъ и въ такую неудобную минуту.

— Пожалѣть васъ? повторила она презрительно.—Это все что вы имѣете сказать мнѣ послѣ того какъ повредили мнѣ руку? Какой вы медвѣдь!

Она пожала плечами и кокетливо заложила руки въ карманы своего фартука. Вотъ какъ она жалѣла его! Его лицо становилось все блѣднѣе и исказилось страданіемъ.

— Ради Бога, не смѣйтесь надо всѣмъ что я говорю! воскликнулъ онъ.—Вы знаете что я люблю васъ всѣмъ сердцемъ и душой. Много разъ я просилъ васъ стать моею женой и вы смѣетесь надо мной какъ еслибъ это была шутка. Я не заслужилъ чтобы со мной обращались такъ жестоко. Это сводить меня съ ума—я не могу долѣе переносить этого!

Глаза Изабелы были опущены въ полъ, она садила кончикомъ своего изящнаго маленькаго башмачка линии

узоровъ на коврѣ. Она также мало понимала то что говорилъ Муди какъ еслибъ онъ говорилъ по-еврейски. Она была изумлена и смущена слыша выраженіе страсти которую бессознательно вызвала.

— Почему вы не можете говорить о чемъ-нибудь другомъ, проговорила она.—Почему бы намъ не быть друзьями? Простите меня что я напоминаю объ этомъ, продолжала она смотря на него съ жестокою улыбкой,—но вы такъ стары что могли бы быть моимъ отцомъ.

Голова Муди опустилась на грудь.

— Вы правы, сказалъ онъ со смиреніемъ.—Но есть кое-что что говорить въ мою пользу. Другіе люди моихъ лѣтъ бывали хорошими мужьями. Я посвятилъ бы всю мою жизнь чтобы сдѣлать васъ счастливою. Я спѣшилъ бы исполнять жалѣйшія ваши желанія. Вы не должны считать мои года. Я не растратилъ свою молодость легкомысленною жизнью; я могу быть болѣе вѣрнымъ и нѣжнымъ мужемъ чѣмъ многіе молодые люди. Не можетъ быть чтобы сердце мое было вполнѣ недостойно васъ если оно все принадлежитъ вамъ. Я велъ такую одинокую несчастную жизнь и вамъ такъ легко озарить ее. Вы добры ко всемъ, Изабела. Скажите же, почему вы такъ жестки ко мнѣ?

Голосъ его дрожалъ когда онъ взывалъ къ ней въ этихъ простыхъ словахъ. Наконецъ-то онъ избралъ настоящій путь чтобы тронуть ее. Она дѣйствительно пожалѣла его. Все что было правдиваго и нѣжнаго въ ея натурѣ начало выступать принимая его сторону. Къ несчастію онъ чувствовалъ слишкомъ глубоко и слишкомъ сильно чтобы быть терпѣливымъ и дать ей время. Онъ совершенно иначе понималъ ея молчаніе, превратно истолковалъ побужденіе заставившее ее отвернуться на мгновеніе чтобы собраться съ духомъ прежде чѣмъ отвѣчать ему.

— А! воскликнулъ онъ съ горечью, тоже отворачиваясь.—У васъ нѣтъ сердца!

Эти несправедливыя слова вызвали въ ней злобное чувство. Въ эту минуту они задѣли ее за живое.

— Вамъ лучше знать, сказала она.—Я не сомнѣваюсь что вы правы. Но помните одно, что хотя у меня и нѣтъ сердца, но я никогда не поощряла васъ, мистеръ Муди. Я всегда говорила что могу быть только вашимъ другомъ. Помогите это пожалуста на будущее время. Я не сомнѣваюсь что

найдется много прекрасныхъ женщинъ которыя будутъ рады выйти за васъ замужъ. Прощайте. Миледи будетъ удивляться что случилось со мной. Будьте такъ добры позвольте мнѣ пройти.

Мучимый пожиравшею его страстью Муди упрямо продолжалъ стоять между Изабелой и дверью. Недостойное подозрѣніе на ея счетъ, которое было въ его умѣ во все время разговора, вырвалось теперь наружу.

— Никогда ни одна женщина не мучила такъ ни одного человека какъ вы мучаете меня безъ всякаго повода, сказалъ онъ.—Вы замѣчательно хорошо сохраняли вашу тайну, но рано или поздно всякая тайна откроется. Я знаю что у васъ на умѣ также какъ вы сами это знаете. Вы любите другаго.

Лицо Изабелы вспыхнуло яркимъ румянцемъ; въ ней говорила гордость оскорбленной женщины. Она бросила на Муди негодующій взглядъ, не давая себѣ труда выразить свое презрѣніе словами.

— Пустите, сэръ! было все что она сказала ему.

— Вы любите другаго, повторилъ онъ страстно.—Отрицайте это если можете.

— Отрицать! повторила она и глаза ея заблистали.—Какое право имѣете вы предлагать мнѣ такіе вопросы? Развѣ я не имѣю права дѣлать что хочу?

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее обдумывая свой отвѣтъ и самообладаніе внезапно оставило его. Сдержанная ярость проглядывала въ его сурово устремленныхъ на нее глазахъ, сдержанная ярость обнаруживалась въ его дрожащихъ рукахъ, когда онъ выразительно поднялъ ихъ говоря слѣдующія слова:

— Мнѣ остается сказать еще одно, отвѣчалъ онъ,—и я кончилъ. Если я не буду вашимъ мужемъ, никто другой не будетъ имъ. Помните это, Изабела Миллеръ. Если между нами стоитъ кто-нибудь другой, я скажу ему только одно—не легко ему будетъ отнять васъ у меня!

Она вздрогнула и поблѣднѣла, но только на мгновеніе. Мужество, въ которомъ у нея не было недостатка, заблѣстало въ ея глазахъ и она взглянула на него безболзвенно.

— Угрозы? сказала она со спокойнымъ презрѣніемъ.—Вы объясняетесь въ любви, мистеръ Муди, очень страннымъ образомъ. Совѣсть моя чиста. Когда вы успокоитесь я

приму ваши извиненія. — Она остановилась и указала на столъ. — Тамъ лежитъ письмо которое запечатавъ я должна была оставить для васъ, продолжала она. — Вѣроятно вы получили о немъ какія-нибудь приказанія миледи. Не пора ли вамъ подумать о томъ чтобъ исполнить ихъ.

Презрительное спокойствіе ея голоса и манеры казалось уничтожило Муди. Не говоря ни слова злополучный управляющій взялъ письмо со стола. Не говоря ни слова онъ дошелъ до большой двери выходящей на лѣстницу, остановился на порогѣ чтобы взглянуть на Изабелу, постоялъ съ минуту блѣдный и молчаливый, и быстро вышелъ изъ комнаты.

Этотъ безмолвный уходъ, эта безнадежная покорность невольно подѣйствовали на Изабелу. Сознаніе перенесенной несправедливости исчезло минутой спустя послѣ того какъ она осталась одна. Не прошло минуты какъ она начала снова жалѣть его. Предшествовавшее свиданіе не научило ее ничему. Она была не въ такомъ возрастѣ, не имѣла достаточной опытности чтобы понять какой роковой переворотъ производить въ характерѣ человека любовь когда она овладѣваетъ имъ впервые въ зрѣлыхъ годахъ. Еслибы Муди поцѣловалъ ее при первомъ представившемся случаѣ, она разсердилась бы за свободу которую онъ позволилъ себѣ съ ней; но она совершенно поняла бы его. Его ужасная серіозность, его крайняя возбужденность, его внезапная жестокость, только смущали ее. „Я увѣрена что не хотѣла оскорбить его чувство“ (такова была форма которую приняло ея размышленіе при настоящей ея готовности къ покаянію), „но зачѣмъ онъ вызывалъ меня на это?... Это безстыдная ложь говорить мнѣ что я люблю другаго. Я готова ненавидѣть всѣхъ мужчинъ если всѣ они похожи на мистера Муди... Желала бы я знать, простить ли онъ мнѣ когда мы съ нимъ опять увидимся. Съ своей стороны я готова забыть и простить, особенно если онъ не будетъ настаивать что я должна полюбить его потому что онъ меня любитъ. О! какъ бы я желала чтобъ онъ вернулся пожать мнѣ руку.... Даже святой выйдетъ изъ терпѣнія если съ нимъ будутъ обращаться такимъ образомъ. Я бы желала быть безобразною! Безобразныя могутъ жить спокойно — мужчины не обращаютъ на нихъ вниманія.... Мистеръ Муди! мистеръ Муди!“ Она вышла на площадку лѣстницы и

тиховько позвала его. Отвѣта не было. Его уже не было въ домѣ. Съ минутой она простояла молча съ досадою и огорченіемъ. „Пойду къ Томми“, рѣшила она. „Изъ нихъ двоихъ Томми несомнѣнно болѣе пріятная компанія. Боже мой! тамъ еще мистеръ Гардиманъ ждетъ меня чтобы передать мнѣ свои наставленія! Желала бы я знать, на кого я похожа?“

Она опять посовѣтовалась съ зеркаломъ, поправила слегка волосы и челчикъ и поспѣшила въ будуаръ.

ГЛАВА VI.

Въ теченіе четверти часа гостиная оставалась пустою. По простествіи этого времени совѣщаніе въ будуарѣ окончилось. Леди Лидіардъ возвратилась въ гостиную сопровождаемая мистеромъ Гардиманомъ; Изабела осталась смотрѣть за собакой. Прежде чѣмъ дверь затворилась за ними, Гардиманъ повернулся чтобы повторить свои послѣднія медицинскія указанія — или, говоря правду, чтобы взглянуть еще разъ на Изабелу.

— Давайте ей лить побольше воды, миссъ Изабела, и маленькій кусочекъ хлѣба или сухарикъ если она захочетъ ѣсть. Пожалуйста ничего больше, пока я завтра не посмотрю ее.

— Благодарю васъ, сэръ, я буду заботиться...

На этомъ мѣстѣ леди Лидіардъ прервала обмѣнъ впечатлѣній и вѣжливостей.

— Затворите пожалуйста дверь, мистеръ Гардиманъ. Мнѣ душно. Благодарю васъ. Не нахожу словъ выразить вамъ мою признательность за вашу доброту. Еслибы не вы, бѣдная моя собачка была бы теперь уже мертвая.

Гардиманъ отвѣчалъ спокойнымъ, меланхолически-монотоннымъ голосомъ.

— Вамъ нечего больше безпокоиться, миледи, о собакѣ. Старайтесь только не обкормить ее. Ей будетъ хорошо подъ присмотромъ миссъ Изабелы. Кстати, ея фамилія Миллеръ, не правда ли? Не въ родствѣ ли она съ Ворвикширскими Миллерами изъ Джебборо-Гауза?

Леди Лидіардъ взглянула на него съ выраженіемъ насмѣшливаго изумленія.

— Мистеръ Гардиманъ, сказала она, — это уже четвер-

тый раз что вы спрашиваете меня объ Изабелѣ. Вы кажется очень интересуетесь моею маленькою компаніонкой. Пожалуста не извиняйтесь! Вы дѣлаете ей комплиментъ, а такъ какъ я очень люблю ее, то я понятно очень благодарна когда вижу что ею восхищаются. Въ то же время, добавила она, по обыкновенію быстро переходя въ другой тонъ,—я поглядывала на васъ и на нее когда вы разговаривали въ сосѣдней комнатѣ, и я не позволю вамъ одурочить дѣвушку. Она не принадлежитъ къ вашему обществу, и чѣмъ скорѣе вы это узнаете тѣмъ лучше. Вы смѣшите меня когда спрашиваете не въ родствѣ ли она со знатыми фамиліями. Она сирота, дочь провинціального аптекаря. У родныхъ ея нѣтъ ни гроша, кромѣ одной теткы которая живетъ въ деревнѣ и имѣетъ двѣсти или триста фунтовъ въ годъ. Я узнала о дѣвушкѣ случайно. Когда у нея умерли отецъ съ матерью тетка предложила взять ее къ себѣ. Изабела сказала: нѣтъ, благодарю васъ, я не хочу быть въ тягость роднымъ которые сами едва могутъ жить. Всякая дѣвушка можетъ честнымъ трудомъ заработать себѣ хлѣбъ если захочетъ; и я хочу попробовать устроиться сама. Вотъ что она сказала. Мнѣ понравилась такая независимость,—продолжала леди Лидіардъ возвращаясь къ болѣе высокому порядку мыслей и выраженій.—Въ то же время съ выходомъ замужъ моей племянницы я оставалась одна въ этомъ большомъ домѣ. Я предложила Изабелѣ поступить ко мнѣ въ качествѣ компаніонки и лектрисы сначала на нѣсколько недѣль, и потомъ рѣшить самой нравится ей такая жизнь или нѣтъ. Съ того времени мы не разлучались. Я бы не могла любить ее больше еслибъ она была моею родною дочерью; съ своей стороны она привязалась ко мнѣ всѣмъ сердцемъ. Она обладаетъ прекрасными качествами—скромна, весела, добронравна; настолько умна что понимаетъ свое мѣсто въ свѣтѣ, не увлекаясь моимъ расположеніемъ къ ней. Для ея пользы я постаралась чтобы въ этомъ вопросѣ не было сомнѣній. Было бы жестоко оставлять ее въ заблужденіи на этотъ счетъ въ виду будущаго ея замужества. Я буду заботиться чтобы ея будущій мужъ занималъ одинаковое съ нею общественное положеніе. Мнѣ хорошо извѣстно, по одному случаю въ нашемъ родствѣ, къ какимъ несчастіямъ ведутъ неравные браки. Простите что я такъ долго безсмыслила васъ моими домашними

дѣлами. Я очень люблю Изабелу, и дѣвущкѣ такъ не трудно вскружить голову. Теперь, когда вы знаете ея настоящее положеніе, вы будете также знать насколько можетъ простирается вашъ интересъ къ ней. Я увѣрена что мы поняли другъ друга и не буду говорить больше.

Гардиманъ слушалъ эту длинную рѣчь съ неподвижною важною бывшею принадлежностью его характера и измѣнившюю ему только когда Изабела застала его врасплохъ. Когда леди Лидіардъ дала ему возможность говорить, онъ имѣлъ сказать немного и это немного обнаружило что онъ не извлекъ для себя пользы изъ того что только-что выслушалъ. Мысли его были исключительно заняты Изабелой когда леди Лидіардъ начала говорить; онъ продолжали быть заняты ею и теперь въ томъ же самомъ смыслѣ, когда леди Лидіардъ кончила свою рѣчь.

— Да, замѣтилъ онъ спокойно, — миссъ Изабела замѣчательно прекрасная дѣвушка, какъ вы говорите. Очень красивая, съ такимъ простымъ, безыскусственнымъ обращеніемъ. Не отрицаю что она очень заинтересовала меня. Свѣтскія дѣвущки мнѣ не по праву. Но миссъ Изабела мнѣ нравится.

Лицо леди Лидіардъ выразило полнѣйшее смущеніе.

— Боюсь что мнѣ не удалось понятнo выразить вамъ то что я желала.

Гардиманъ какъ нельзя болѣе серіозно объявилъ что онъ вполне понялъ ее.

— Совершенно! повторилъ онъ со своимъ непреодолимымъ упрямствомъ. — Вы вполне точно передали, миледи, мое мнѣніе о миссъ Изабелѣ. Скромная, веселая и добродѣтельная, какъ вы говорите — всѣ эти качества для меня въ высшей степени привлекательны въ женщинѣ. Кроме того, красива, разумѣется, красива. Она будетъ истиннымъ сокровищемъ (какъ вы только-что замѣтили) для человѣка который женится на ней. Я кажется имѣю право судить объ этомъ. Два раза я самъ едва избѣгнулъ женитьбы; и хотя я не могу въ точности объяснить почему, но съ тѣхъ поръ не легко чтобы женщина мнѣ понравилась. Но миссъ Изабела нравится мнѣ. Мнѣ кажется я уже прежде говорилъ вамъ это? Простите что я повторяюсь. Я зайду посмотреть на собаку завтра въ одиннадцатъ часовъ утра, если вы позволите. Позже этого времени я долженъ отправиться во

Францію присутствовать при продажѣ лошадей. Очень радъ что могъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ вамъ, миледи. Прощайте.

„Онъ или очень ограниченный человѣкъ въ сферѣ своихъ конюшенъ, подумала она, или съ умысломъ отказывается понимать когда ему дѣлають ясные намеки. Ради Томми я не могу лорвать съ нимъ знакомства. Остается только держать Изабелу подальше отъ него. Моя милая дѣвочка не будетъ поставлена въ ложное положеніе пока я жива и могу беречь ее. Когда мистеръ Гардиманъ пожалуетъ завтра, она уйдетъ по моимъ порученіямъ. Когда онъ придетъ по возвращеніи изъ своей поѣздки, она будетъ на верху съ головою болью. Если же онъ попытается явиться еще разъ, она будетъ въ деревнѣ. Если онъ будетъ дѣлать какія-нибудь замѣчанія по поводу ея отсутствія, онъ увидитъ что я могу быть также безтолкова какъ онъ, когда это нужно.“

Прійдя къ такому удовлетворительному разрѣшенію затрудненія, леди Лидіардъ почувствовала непреодолимое желаніе позвать Изабелу и приласкать ее. Это была неизбежная реакція въ натурѣ горячо любящей женщины послѣ того какъ ея тревога о судьбѣ дѣвушки успокоилась вслѣдствіе принятаго ею рѣшенія. Она быстро отворила дверь и неожиданно вошла въ будуаръ. Даже въ выраженіяхъ горячей привязанности у леди Лидіардъ проявлялась рѣзкость манеры свойственная ей во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ.

— Поцѣловала я васъ сегодня утромъ? спросила она когда Изабела встала ей на встрѣчу.

— Да, миледи, отвѣчала дѣвушка съ очаровательною улыбкой.

— Такъ подойди и поцѣлуй меня также. Любишь ли ты меня? Хорошо; въ такомъ случаѣ считай меня своею матерью. Не называй меня больше миледи. Обними меня покрѣпче.

Что-то въ этихъ простыхъ словахъ или во взглядѣ ихъ сопровождавшемъ пробудило нѣжность Изабелы, которая проявлялась не часто. Умбающіяся губы ея дрожали, слезы заблестѣли у нея въ глазахъ.

— Вы такъ добры ко мнѣ, прошептала она склоняя

голову на грудь леди Лидіардъ,—могу ли я достойно отплатить вамъ моею любовью.

Леди Лидіардъ погладила красивую головку прижавшуюся къ ней съ такою дѣтскою нѣжностью.

— Хорошо, хорошо! проговорила она.—Ступай и играй съ Томми, другъ мой. Мы можемъ сколько угодно любить другъ друга; но зачѣмъ же плакать? Господь съ тобой. Ступай, ступай!

Она быстро отвернулась; ея глаза были также влажны, но было бы несогласно съ ея характеромъ выказать это предъ Изабелой.

„Къ чему я дѣлаю глупости? думала она направляясь къ двери гостиной. Впрочемъ все равно. Я стала не хуже отъ этого, а лучше. Странно, этотъ мистеръ Гардиманъ заставилъ меня почувствовать къ Изабелѣ болѣе нѣжности чѣмъ когда-нибудь.“

Съ такими размышленіями она вошла въ гостиную и невольно вздрогнула.

— Боже мой! воскликнула она раздражительно.—Какъ вы испугали меня! Почему мнѣ не сказали что вы здѣсь?

Оставивъ гостиную пустою леди Лидіардъ по возвращеніи нашла въ ней джентльмена таинственно появившагося въ ея отсутствіе на предкаминномъ коврикѣ. Новаго посетителя можно было назвать совершенно сѣрымъ. У него были сѣрые волосы, брови и бакенбарды; на немъ былъ сѣрый сюртукъ, брюки и жилетъ, и сѣрыя перчатки. Наружность его свидѣтельствовала о совершенномъ здоровьи и респектабельности, и на этотъ разъ наружность не была обманчива. Сѣрый человѣкъ былъ не кто иной какъ юристъ леди Лидіардъ, мистеръ Трой.

— Я очень сожалею, миледи, что имѣлъ несчастье испугать васъ, сказалъ онъ съ рѣзко выраженнымъ замѣшательствомъ.—Я имѣлъ честь передать вамъ чрезъ мистера Му-ди что буду въ этотъ часъ по дѣлу касающемуся вашего дома, миледи. Я надѣялся что вы ожидали встрѣтить меня здѣсь, ожидающаго чести...

До сихъ леди Лидіардъ слушала своего юриста устремивъ на него глаза съ выраженіемъ свойственной ей прямоты. Теперь она остановила его на срединѣ рѣчи перемѣной въ выраженіи лица которое ясно выразило тревогу.

— Не извиняйтесь, мистеръ Трой, сказала она.—Я вино-

вата что забыла ваше предупреждение и не сумела сдержать своих нервовъ какъ бы слѣдовало.—Она остановилась на минуту и сѣла прежде нежели проговорила слѣдующія слова.—Могу ли спросить, начала она опять,—есть что-нибудь неприятое въ томъ дѣлѣ которое привело васъ сюда?

— Рѣшительно ничего, миледи; дѣло простой формальности. Если желаете можно отложить его до завтра или до другого дня.

Леди Лидіардъ нетерпѣливо забарабанила пальцами по столу.

— Вы знаете меня довольно долго, мистеръ Трой, и можете знать что я не терплю отсрочекъ. Вы *имѣете* что-то неприятое сообщить мнѣ.

Юристъ почтительно протестовалъ.

— Увѣряю васъ, леди Лидіардъ!... началъ онъ.

— Такъ не годится, мистеръ Трой! Я знаю какъ вы смотрите при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и вижу какъ вы смотрите на меня теперь. Вы очень ловкій юристъ, но къ счастью для интересовъ порученныхъ вашей заботливости, вы въ то же время вполне честный человѣкъ. После двадцатилѣтняго знакомства со мною вы не можете обмануть *меня*. Вы привесли мнѣ дурныя вѣсти. Говорите сразу, сэръ, и говорите откровенно.

Мистеръ Трой уступилъ, но постепенно, шагъ за шагомъ.

— Боюсь что извѣстія мои могутъ васъ раскучить вамъ, миледи.—Онъ остановился и потомъ сдѣлалъ еще шагъ.—Это новость которую я самъ узналъ только войдя въ вашъ домъ.—Онъ опять остановился и подвинулся еще на шагъ.—Я случайно встрѣтилъ въ сѣнахъ вашего управляющаго, мистера Муди...

— Гдѣ онъ? прервала сердито леди Лидіардъ.—Его я могу заставить говорить и заставляю. Пошлите его сюда сейчасъ же.

Юристъ сдѣлалъ послѣднее усиліе нѣсколько замедлить приближавшееся разъясненіе.

— Мистеръ Муди сейчасъ придетъ сюда. Мистеръ Муди просилъ меня приготовить васъ, миледи....

— Позвоните вы въ колокольчикъ, мистера Трой, или я сама должна сдѣлать это?

Муди очевидно ожидалъ за дверями пока юристъ гово-

рилъ за него. Онъ избавилъ мистера Трой отъ труда позвать и самъ вошелъ въ гостиную. Леди Лидіардъ внимательно осмотрѣла его. Лицо ея мгновенно поблѣднѣло. Она не произнесла ни слова. Она смотрѣла и ждала.

Муди также молча положилъ на столъ развернутый листъ бумаги. Бумага дрожала въ его дрожащей рукѣ.

Леди Лидіардъ первая пришла въ себя.

— Это ко мнѣ? спросила она.

— Точно такъ, миледи.

Безъ минутнаго колебанія она взяла бумагу. Оба присутствовавшіе тревожно слѣдили за ней пока она читала.

Почеркъ былъ незнакомый. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Я нижеподписавшійся удостоверяю что податель этой записки, Робертъ Муди, передалъ мнѣ письмо которое ему поручено было доставить, съ адресомъ на мое имя и съ нетронутою печатью. Съ сожалѣніемъ долженъ прибавить что тутъ вышла, по меньшей мѣрѣ, какая-нибудь ошибка. Вложеніе о которомъ упоминаетъ неизвѣстный авторъ письма, подписавшійся „другъ въ нуждѣ“, не дошло до меня. Въ письмѣ, когда я вскрылъ его, не было никакого банковаго билета въ пятьсотъ фунтовъ. Моя жена присутствовала при томъ какъ я сломалъ печать и можетъ, если нужно, подтвердить настоящее заявленіе. Не зная кто такой мой благотворительный корреспондентъ (мистеръ Муди не имѣлъ разрѣшенія сообщить мнѣ о немъ какія бы то ни было свѣдѣнія) я могу только путемъ настоящаго заявленія передать о положеніи дѣла и предоставить себя въ распоряженіе писавшаго письмо. Адресъ моей квартиры помѣченъ въ верху письма. Самуилъ Брадстокъ, ректоръ церкви Св. Анны. Динсбери, Лондонъ.“

Леди Лидіардъ уронила бумагу на столъ. Въ настоящую минуту, несмотря на ясность съ какою изложено было заявленіе ректора, она повидимому неспособна была понять его.

— Ради Бога, что это значитъ? спросила она.

Юристъ и управляющій взглянули другъ на друга. Кому изъ нихъ слѣдовало начать говорить? Леди Лидіардъ не дала имъ времени рѣшить.

— Муди, сказала она сурово, — вамъ было поручено письмо. Я жду отъ васъ объясненія.

Черные глаза Муди заблистали. Онъ отвѣчалъ леди Лидіардъ не думая скрывать что не одобряетъ тона обращеннаго къ нему вопроса.

— Я взялся доставить письмо по адресу, сказалъ онъ.— Я нашелъ его залечатавнымъ на столѣ. Вы имѣете, миледи, письменное удостовѣреніе священника что я доставилъ ему письмо съ неповрежденною печатью. Я исполнилъ то что долженъ былъ сдѣлать и не имѣю представить никакихъ объясненій.

Прежде чѣмъ леди Лидіардъ могла возразить, мистеръ Трой скромно вмѣшался. Онъ ясно видѣлъ что требовалась его олытность чтобы направить изслѣдованіе на настоящій путь.

— Простите меня, миледи, сказалъ онъ съ тѣмъ счастливымъ соединеніемъ настойчивости и вѣжливости, тайной коего владѣютъ только юристы.— Есть только одинъ способъ добраться до истины въ прискорбныхъ дѣлахъ подобнахъ настоящему. Слѣдуетъ начать съ начала. Смыю ли я предложить вамъ одинъ вопросъ, миледи?

Леди Лидіардъ почувствовала успокоивающее вліяніе мистера Трой.

— Я къ вашимъ услугамъ, сэръ, проговорила она спокойно.

— Вполнѣ ли вы увѣрены что вложили банковый билетъ въ письмо? спросилъ юристъ.

— Я конечно думаю что вложила его, отвѣчала леди Лидіардъ.— Но въ то время я была такъ разстроена внезапномъ болѣзною моей собаки что едва ли имѣю право говорить утвердительно.

— Былъ кто-нибудь въ комнатѣ кромѣ васъ, миледи, въ то время какъ вы вкладывали билетъ въ письмо?

— Я была въ комнатѣ, сказалъ Муди,—и могу клятвенно утверждать что видѣлъ какъ миледи вложила билетъ въ письмо и письмо положила въ конвертъ.

— И залечатала его? спросилъ мистеръ Трой.

— Нѣтъ, сэръ. Миледи позвали въ другую комнату къ собакѣ, прежде чѣмъ она успѣла залечатать письмо.

Мистеръ Трой опять обратился къ леди Лидіардъ.

— Взяли вы, миледи, письмо съ собою въ другую комнату?

— Я была саашкомъ разстроена чтобы думать объ этомъ, мистеръ Трой. Я оставила его здѣсь на столѣ.

— Въ открытомъ конвертѣ?

— Да.

— Какъ долго пробыли вы въ другой комнатѣ?

— Полчаса или и больше.

— Гм! сказалъ мистеръ Трой самъ съ собою.—Это нѣсколько усложняетъ дѣло.—Онъ подумалъ нѣсколько минутъ и потомъ снова обратился къ мистеру Муди.—Зналъ ли кто-нибудь изъ слугъ о нахожденіи у миледи этого банкового билета?

— Никто, отвѣчалъ Муди.

— Подозрѣваете ли вы кого-нибудь изъ слугъ?

— Конечно нѣтъ, сэръ.

— Есть ли въ домѣ посторонніе рабочіе?

— Нѣтъ, сэръ.

— Не имѣлъ ли кто-нибудь доступа въ комнату во время отсутствія леди Лидіардъ?

— Здѣсь были двое гостей, сэръ.

— Кто такіе?

— Племянникъ миледи, мистеръ Феликсъ Свитсэръ, и досточтимый Алфредъ Гардиманъ.

Мистеръ Трой раздражительно покачалъ головой.

— Я не говорю о джентльменахъ съ высокимъ положеніемъ и репутаціей, сказалъ онъ.—Нелѣпо даже упоминать мистера Свитсэра и мистера Гардимана. Мой вопросъ относился къ постороннимъ которые могли получить доступъ въ гостиную, являясь напримѣръ, съ согласія миледи, по поводу благотворительныхъ подписокъ, или принося лаваты или какія-нибудь вещи для миледи.

— Подобныхъ лицъ, сколько мнѣ извѣстно, не было въ домѣ, былъ отвѣтъ мистера Муди.

Мистеръ Трой пересталъ спрашивать и задумчиво прошлепал по комнатѣ. Теорія на которой онъ основывалъ свое изслѣдованіе не привела ни къ какому результату. Опытность его подсказала ему что не слѣдовало долѣе терять время въ этомъ направленіи, а нужно было вернуться къ исходному пунктѣ, то-есть къ письму. Измѣнивъ точку зрѣнія онъ опять обратился къ леди Лидіардъ и направилъ свои вопросы въ другую сторону.

— Мистеръ Муди только-что упомянулъ, сказалъ онъ,—что вы, миледи, были отозваны въ другую комнату прежде чѣмъ успѣли залечатать письмо?

— была занята собакой, отвѣчала леди Лидіардъ.—Иза-Миллеръ не была ни за чѣмъ нужна въ будуарѣ. Я шла ей запечатать письмо.

Теръ Троу восторженъ. Новое направленіе которое онъ своему изслѣдованію начинало уже казаться правымъ.

Мнѣ кажется миссъ Изабела Миллеръ недавно живу васъ въ домѣ?

Около двухъ лѣтъ, мистеръ Троу.

Въ качествѣ вашей компаньонки и лектрисы, миледи?

Въ качествѣ моей пріемной дочери, отвѣчала леди Лидіардъ съ замѣтнымъ удареніемъ.

Огорченный мистеръ Троу правильно понявъ удареніе мыслей предостереженія прекратить дальнѣйшіе разсужденія леди Лидіардъ и обращаться съ имѣвшими послѣдствія болѣе серьезными вопросами къ мистеру Муди.

Кто-нибудь передалъ вамъ письмо предъ тѣмъ какъ вышли съ нимъ изъ дома, спросилъ онъ управляющаго, — не вы сами взяли его?

Я взялъ его самъ вотъ здѣсь на столѣ.

Было оно запечатано?

Да.

Присутствовалъ ли кто-нибудь при томъ какъ вы брали письмо со стола?

Миссъ Изабела Миллеръ была здѣсь.

Застали вы ее одну въ комнатѣ?

Да, сэръ.

Леди Лидіардъ открыла было ротъ чтобы говорить, но новилась. Мистеръ Троу разчистивъ предъ собою почву алъ роковой вопросъ.

Мистеръ Муди, сказалъ онъ, — когда миссъ Изабела Миллеръ получила порученіе запечатать письмо, знала ли что въ него вложенъ банковый билетъ?

Вмѣсто отвѣта мистеръ Муди со взглядомъ ужаса отступилъ отъ юриста. Леди Лидіардъ встала съ своего мѣста, и собралась говорить и опять остановилась.

Отвѣчайте ему, Муди, сказала она, дѣлая надъ собою нѣчайшее усиліе.

Теръ отвѣчалъ очень неохотно.

Я взялъ смѣлость наломить вамъ, миледи, что вы взяли письмо незапечатаннымъ, сказалъ онъ.—И въ

извиненіе мое упомянулъ—онъ остановился и поправился—*кажется* упомянулъ что въ письмѣ есть цѣнное вложеніе.

— Вамъ кажется? повторилъ мистеръ Трой.—Не можете ли вы говорить положительно?

— Я могу отвѣчать положительно, сказала леди Лидіардъ, устремивъ глаза на юриста.—Муди упомянулъ о вложеніи бывшемъ въ письмѣ въ присутствіи Изабелы Миллеръ и моемъ.—Она остановилась, внимательно слѣдя за собою.—Что же изъ этого, мистеръ Трой? прибавила она очень спокойно и твердо.

Мистеръ Трой отвѣчалъ также спокойно и твердо.

— Удивляюсь что вы, миледи, предлагаете мнѣ этотъ вопросъ, сказалъ онъ.

— Я настоятельно повторяю мой вопросъ, сказала леди Лидіардъ.—Я говорю что Изабела Миллеръ знала о вложеніи въ письмѣ, и спрашиваю—что же изъ этого?

— Отвѣчаю, сказалъ невозмутимый юристъ,—что подозрѣніе въ покражѣ падаетъ на вашу пріемную дочь, миледи, и ни на кого болѣе.

— Это ложь! воскликнулъ Робертъ въ порывѣ благороднаго негодованія.—Клянусь Богомъ, я желалъ бы никогда не говорить вамъ ни слова о пролажѣ банковаго билета! О, миледи, миледи! не позволяйте ему разстраивать васъ! Что знаетъ онъ въ этомъ дѣлѣ?

— Тш, сказала леди Лидіардъ.—Успокойтесь и выслушайте что онъ имѣетъ сказать.

Она положила руку на плечо Муди, отчасти чтобъ успокоить его, отчасти чтобы самой удержаться; и снова устремивъ взглядъ на мистера Трой повторила его послѣднія слова:

— Подозрѣніе падаетъ на мою пріемную дочь и ни на кого болѣе. Почему ни на кого болѣе?

— Готовы ли вы, миледи, подозрѣвать ректора церкви Св. Анны въ утайкѣ, или же вашихъ родственниковъ и людей равнаго съ вами общественнаго положенія въ кражѣ? спросилъ мистеръ Трой.—Падаетъ ли хотя тѣнь подозрѣнія на слугъ? Нѣтъ, если вѣрить свидѣтельству мистера Муди. Кто, какъ намъ достоверно извѣстно, имѣлъ доступъ къ письму пока оно было не залечтано? Кто оставался одинъ въ комнатѣ гдѣ оно лежало? Кто зналъ о бывшемъ въ немъ вложеніи? Предоставляю вамъ самимъ дать отвѣтъ, миледи.

— Изабела Миллеръ также мало способна совершить кражу какъ я сама. Вотъ мой отвѣтъ, мистеръ Трой.

Юристъ поклонился съ видомъ покорности и направился къ двери.

— Долженъ ли я считать ваше великодушное утвержденіе, миледи, окончательнымъ отвѣтомъ въ вопросѣ о пропащемъ банковомъ билетѣ? спросилъ онъ.

Леди Лидіардъ безъ колебанія приняла вызовъ.

— Нѣтъ, сказала она. — Пропажа билета извѣстна не только въ моемъ домѣ. Другіе люди могутъ подозрѣвать невинную дѣвушку какъ вы подозрѣваете ее. Для репутаціи Изабелы, для ея незапятнанной репутаціи, мистеръ Трой, необходимо чтобъ она узнала о томъ что случилось и имѣла случай защитить себя. Она въ комнатѣ рядомъ, Муди. Позовите ее сюда.

Мужество Роберта оставило его: онъ содрагался отъ одной мысли подвергнуть Изабелу ужасному испытанію которое ожидало ее.

— О, миледи! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ. — Подумайте еще разъ прежде чѣмъ вы рѣшитесь сказать бѣдной дѣвушкѣ что ее подозрѣваютъ въ воровствѣ. Пусть это останется тайной отъ нея—сердце ея разобьется отъ стыда!

— Оставить въ тайнѣ, сказала леди Лидіардъ, — когда и ректоръ и его жена знаютъ объ этомъ! Думаете ли вы что они оставятъ дѣло такъ какъ оно есть, даже еслибъ я могла согласиться замать его? Я должна написать имъ, и послѣ того что случилось я не могу писать безъ имени. Поставьте себя на мѣсто Изабелы и скажите, были ли бы вы благодарны тѣмъ кто зная что васъ невинно подозрѣваютъ скрываетъ это отъ васъ? Идите, Муди. Чѣмъ долѣе откладывать тѣмъ это становится тяжелѣе.

Съ опущенною на грудь головой, со страданіемъ написаннымъ въ каждой чертѣ лица Муди повиновался. Пройдя медленно короткій корридоръ раздѣлявшій двѣ комнаты и продолжая съ ужасомъ думать о возложенномъ на него порученіи, онъ остановился смотря чрезъ портьеру которою завѣшана была дверь въ будуаръ.

ГЛАВА VII.

То что увидѣлъ Муди тронуло его до глубины сердца. Изабела играла съ собакой. Въ числѣ многообразныхъ своихъ талантовъ Томми могъ принимать участіе въ игрѣ въ прятки. Ему завязывали голову шалью или носовымъ платкомъ такъ чтобы онъ не могъ видѣть и потому прятали между мебелью записную книжку или портсигаръ, или кошелекъ, предоставляя ему найти спрятанную вещь руководясь своимъ тонкимъ чутьемъ. Послѣ обморока и кровопусканія Томми оживился; Изабела только-что начала съ нимъ игру когда Муди заглянулъ въ комнату собираясь передать свое ужасное порученіе. „Горишь, горишь, Томми!“ кричала дѣвучка смѣясь и хлопая въ ладоши. Черезъ минуту она случайно оглянулась и увидѣла Муди стоявшаго у раздвинутой портьеры. По лицу его она тотчасъ же поняла что случилось нѣчто серьезное. Она приблизилась на нѣсколько шаговъ; глаза ея были устремлены на него съ выраженіемъ тревоги. Онъ былъ слишкомъ возбужденъ и огорченъ чтобы начать говорить. Въ сосѣдней комнатѣ леди Лидіардъ и мистеръ Трой не обмѣнялись ни словомъ. Посреди царившаго глубокаго молчанія слышно было только какъ собака лыхтѣла и скребла по мебели. Робертъ взялъ Изабелу за руку и ввелъ ее въ гостиную.

— Ради Бога пощадите ее, миледи! прошепталъ онъ.

Юристъ услышалъ его.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—будьте милостивы и скажите ей всю правду!

Онъ обращался къ женщинѣ которая не нуждалась въ его совѣтахъ. Врожденное благородство натуры леди Лидіардъ обнаружилось: ея великое сердце съ покорностью было готово ко всякому горю, ко всякой жертвѣ.

Обнявъ Изабелу — отчасти чтобы приласкать, отчасти чтобы поддержать ее—леди Лидіардъ приняла на себя всю отвѣтственность за послѣдствія и разказала ей всю правду.

Послѣ перваго потрясенія бѣдная дѣвучка овладѣла собою съ замѣчательнымъ мужествомъ. Она подыала голову и смотрѣла на юриста не говоря ни слова. Въ непритворномъ сознаніи виновности взглядъ ея имѣлъ въ себѣ какое-

то величіе. Указывая на Изабелу, леди Лидіардъ обратилась къ мистеру Трой.

— Считаете ли вы ее виновною? спросила она.

Мистеръ Трой не отвѣчалъ. Въ печальной опытности на которую осудила его его профессія онъ видалъ сознательныхъ преступниковъ имѣвшихъ видъ невинности и безпомощную невинность имѣвшую всѣ признаки преступности: и въ томъ и въ другомъ случаѣ самое внимательное наблюдение не могло открыть истины. Леди Лидіардъ превратно истолковала его молчаніе, какъ упрямую самоувѣренность безсердечнаго человѣка. Она презрительно отвернулась отъ него и протянула руку Изабелѣ.

— Мистеръ Трой еще не доволенъ, сказала она съ горечью.—Милая моя, возьми меня за руку и смотри на меня какъ на равную себѣ; въ такіа минуты я не ловимаю различія общественнаго положенія. Предъ Богомъ который слышитъ тебя скажи что ты невинна въ похищеніи банковаго билета.

— Предъ Богомъ который слышитъ меня, отвѣчала Изабела,—я невинна.

Леди Лидіардъ опять взглянула на юриста ожидая услышать вѣрить ли онъ *этому*.

Мистеръ Трой прибѣгнулъ къ дипломатіи молчанія—онъ кивнулъ головой. Это могло означать что онъ вѣритъ Изабелѣ, или же могло значить что онъ скромно отодвигаетъ собственное мнѣніе на второй планъ. Леди Лидіардъ не удостоила освѣдниться что именно означалъ этотъ кивокъ.

— Чѣмъ скорѣе окончимъ мы эту тяжелую сцену тѣмъ лучше, сказала она.—Я буду рада, мистеръ Трой, воспользоваться вашею профессиональною помощію въ извѣстныхъ предѣлахъ. Я прошу васъ въ моего дома не поощадить усилій къ отысканію того кто дѣйствительно похитилъ билетъ. Съ другой стороны я положительно настаиваю чтобы въ моемъ домѣ о пропавшихъ деньгахъ не упоминалось ни подъ какимъ видомъ до тѣхъ поръ пока усилія ваши не увѣнчаются отысканіемъ вора. А пока мистрисъ Толмиджъ и ея семейство не должны терлѣть ущерба отъ моей потери; я заплачу деньги вторично.—Она остановилась и сжала руку Изабелы съ лорывистою вѣжностью.—Дитя мое, сказала она,—еще одно слово тебѣ и я кончила. Ты останешься здѣсь и моя вѣра и любовь къ тебѣ ни мало не поколебались. Ты

стала дороже мнѣ чѣмъ когда-нибудь. Не забывая этого никогда!

Изабела наклонила голову и поцѣловала нѣжную руку которая продолжала держать ее. Ея присутствіе духа, возбужденное примѣромъ леди Лидіардъ, не сломилось подъ тяжестью положенія въ какое она была поставлена.

— Нѣтъ, миледи, сказала она спокойно и печально.—Этого не можетъ быть. Нельзя отрицать того что сказалъ обо мнѣ этотъ джентльменъ—очевидность говорить противъ меня. Письмо было открыто, я была одна въ комнатѣ и мистеръ Муди сказалъ мнѣ что въ немъ было цѣнное вложеніе. Я недостойна оставаться въ этомъ домѣ, недостойна жить вмѣстѣ съ честными людьми которые служатъ у васъ пока моя невинность находится подъ сомнѣніемъ. Для меня достаточно что вы не сомнѣваетесь въ ней. Послѣ этого я могу ожидать того дня который возвратитъ мнѣ доброе имя. О, миледи, не плачьте объ этомъ, прошу васъ не плачьте!

Въ первый разъ самообладаніе леди Лидіардъ покинуло ее. Мужество Изабелы сдѣлало ее еще дороже ей. Она опустилась на стулъ и закрыла лицо платкомъ. Мистеръ Трой внезапно отвернулся и принялся разсматривать японскую вазу, ни мало не заботясь о томъ на что онъ смотритъ. Леди Лидіардъ была въ высшей степени несправедлива къ нему, считая его безсердечнымъ человѣкомъ.

Изабела подошла къ юристу и слегка прикоснулась къ его рукѣ чтобы обратить его вниманіе.

— У меня есть одна родственница, сэръ, тетка, которая приметъ меня если я къ ней отправлюсь, сказала она просто.—Есть ли какое-нибудь прелѣтствіе къ моему отъѣзду? Миледи дасть вамъ мой адресъ если я буду нужна вамъ. Прошу васъ, избавьте насколько возможно леди Лидіардъ отъ всякихъ хлопотъ и горя.

Наконецъ сердце юриста заявило о своемъ существованіи.

— Вы благородное созданіе! сказалъ онъ съ восторженнымъ порывомъ.—Я согласенъ съ леди Лидіардъ и также какъ она считаю васъ невинною. И я не пожалѣю никакихъ усилій чтобы доказать это.

Онъ снова отвернулся и принялся разсматривать японскую вазу.

Когда юристъ не могъ видѣть его, Муди приблизилась къ Изабелѣ.

До сихъ поръ онъ стоялъ въ отдаленіи, наблюдая и слушающая ее молча. Ни одного ея взгляда, ни одного слова которое она произвела, не ускользнуло отъ его вниманія. Безсознательно съ ея стороны, безсознательно съ его стороны, она произвела теперь на его натуру очищающее и облагораживающее вліяніе которое одушевило его новою жизнью. Все что было себялюбиваго и жестокаго въ его страсти къ ней оставило его навсегда. Безпримѣрная преданность которую онъ въ послѣдствіи повергъ къ ея ногамъ, непоколебимое мужество съ какимъ онъ радостно рѣшился на самопожертвованіе когда того потребовали обстоятельства—зародились въ немъ именно теперь. Не стараясь скрывать слезъ быстро бѣжавшихъ по его щекамъ, напрасно пытаясь выразить тѣ новыя свои мысли которыя не поддавались выраженію, онъ стоялъ предъ нею, самый преданный другъ и самый вѣрный слуга какого когда-либо имѣла женщина.

— Другъ мой, сердце мое изстрадалось за васъ. Позвольте мнѣ помочь и послужить вамъ. Я увѣренъ что миледи съ своею добротой разрѣшитъ мнѣ это.

Онъ не могъ сказать ничего болѣе. Выразившійся въ этихъ простыхъ словахъ его сердечный порывъ тронулъ ее.

— Простите меня. Робертъ, отвѣчала она съ благодарностью,—если что-нибудь въ моихъ словахъ огорчило васъ когда мы разговаривали нѣсколько времени тому назадъ. Я не желала этого. Она подала ему руку и смиренно взглянула черезъ плечо на леди Лидіардъ.—Позвольте мнѣ уйти, сказала она тихимъ, надломленнымъ голосомъ,—позвольте мнѣ уйти.

Мистеръ Трой услышалъ ее и приблизился чтобы вмѣшаться прежде чѣмъ леди Лидіардъ успѣла отвѣтить. Человѣкъ этотъ теперь овладѣлъ собою; юристъ выступилъ въ немъ на первый планъ.

— Вы не должны оставлять насъ, другъ мой, оказалъ онъ Изабелѣ,—пока мистеръ Муди не отвѣтитъ мнѣ на вопросъ въ которомъ вы заинтересованы. Не сохранилось ли у васъ случайно нумера пропавшаго банковаго билета? спросилъ онъ обращаясь къ управляющему.

Муди подалъ ему клочокъ бумаги съ записаннымъ номеромъ. Мистеръ Трой снялъ съ него двѣ копіи, потомъ

возвратилъ бумажку. Одну изъ копій онъ положилъ въ свой карманъ, другую подалъ Изабелѣ.

— Сохраните это, сказалъ онъ. — Ни вы ни я не знаемъ какъ скоро это можетъ намъ понадобится.

Взявъ отъ него бумагу она машинально ощупала карманъ своего фартука ища записную книжку. Она спрятала ее играя съ собакой, но послѣ того она страдала и еще продолжала страдать такъ сильно что не была способна сдѣлать усиліе памяти. Ища случая помочь ей даже въ малѣйшихъ вещахъ, Муди догадался о случившемся.

— Вы играли съ Томми, сказалъ онъ, — не осталась ли она въ другой комнатѣ?

Собака чрезъ отворенную дверь услышала свое имя. Чрезъ минуту она вбѣжала въ гостиную держа въ зубахъ записную книжку Изабелы. Это былъ сильный, хорошо выхоленный шотландскій терьеръ крупной породы, съ блестящими умными глазами и крупно-волнистою бѣлою шерстью съ двумя свѣтло-коричневыми пятнами на спинѣ. Добѣжавъ до середины комнаты и осмотрѣвъ одного за другимъ всѣхъ присутствующихъ, собака со свойственною этой породѣ животныхъ тонкою симпатіей поняла что ея человѣческіе друзья въ горѣ. Хвостъ ея опустился; она тихонько завизжала подойдя къ Изабелѣ и положила книжку у ея ногъ.

Изабела олустилась на колѣна чтобы поднять книжку и приподняла товарища своихъ игръ въ лучшіе дни чтобы проститься съ нимъ. Когда собака отвѣчая на ея ласки положила переднія лапы къ ней на плечи у нея въ первый разъ выступили слезы.

— Какъ это групо, проговорила она слабымъ голосомъ, — плакать о собакѣ. Но я не могла удержаться. Прощай Томми!

Опустивъ его тихонько на полъ она направилась къ двери. Собака послѣдовала за нею. Она во второй разъ освободилась отъ нея. Но собака не уступала; она опять послѣдовала за нею и ухватилась зубами за складки ея платья какъ бы желая удержать ее. Робертъ попытался высвободить платье, но собака ворчала и сопротивлялась всѣми силами.

— Не будьте жестоки съ нею, сказала Изабела. — Положите ее на колѣни къ миледи, тамъ она будетъ спокойна.

Робертъ повиновался. Отдавая собаку, онъ сказалъ леди Лидіардъ нѣсколько словъ шепотомъ. Она казалось все

еще не могла говорить и молча кивнула въ знакъ согласія. Робертъ поспѣшилъ догнать Изабелу прежде чѣмъ она успѣла выйти въ дверь.

— Вы не уйдете одна! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.—Леди Лидіардъ разрѣшила. Позвольте мнѣ проводить васъ до дома вашей тетки.

Изабела взглянула на него, и уступила.

— Да, сказала она тихо,—чтобы загладить то что я говорила вамъ когда была безразсудна и счастлива!—Она подождала нѣсколько времени чтобы собраться съ силами прежде чѣмъ обратиться съ прощальными словами къ леди Лидіардъ.—Прощайте, миледи. Доброта ваша не была брошена на неблагодарную дѣвушку. Я васъ люблю и благодарна вамъ отъ всего сердца.

Леди Лидіардъ встала, положивъ собаку на свое кресло. Казалось она состарѣлась на нѣсколько лѣтъ въ немногія минуты которыя прошли съ тѣхъ поръ какъ она закрыла свое лицо.

— Я не могу перенести этого! воскликнула она сильнымъ надорваннымъ голосомъ.—Изабела! Изабела! умоляю васъ не покидайте меня!

Только одинъ человѣкъ могъ рѣшиться удержать ее. Этотъ человѣкъ былъ мистеръ Трой, и мистеръ Трой зналъ это.

— Успокойтесь, сказалъ онъ ей шепотомъ,—дѣвушка поступаетъ такъ какъ всего лучше и приличнѣе въ ея положеніи, и дѣлаетъ это съ изумительнымъ терпѣніемъ и мужествомъ! Она будетъ находиться подъ покровительствомъ ближайшей родственницы пока не будетъ восстановлено ея доброе имя, и ея положеніе въ вашемъ дѣлѣ будетъ вѣдъ всякихъ сомнѣній. Время ли теперь противиться ей въ этомъ? Будьте достойны себя, леди Лидіардъ, и подумайте о томъ днѣ когда она вернется свободная отъ всякой тѣни подозрѣнія!

Невозможно было спорить съ нимъ—справедливость его словъ была слишкомъ очевидна. Леди Лидіардъ уступила; съ терпѣніемъ которое вполнѣ было достойно ея она скрывала мучительное состояніе въ которое повергло ее ея собственное рѣшеніе. Обнявъ Изабелу она поцѣловала ее съ горячностью любви и горя.

— Бѣдная, милая дѣвочка! Дочка моя дорогая! не думай чтобъ это былъ прощальный поцѣлуй! Мы опять увидимся, я буду часто, часто навѣщать тебя у тетки!

Мистеръ Трой сдѣлалъ знакъ. Робертъ взялъ Изабелу подъ руку и увелъ ее. Томми слѣдившій за нею съ своего кресла приподнялъ свою бѣлую мордочку когда подружка его игрѣ оглянулась выходя въ дверь. Протяжный, грустный прощальный вой собаки былъ послѣднимъ звукомъ который слышала Изабела Миллеръ выходя изъ дома.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОЧЕРКИ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОЗСТАНІЯ *

Х.

Было совершенно темно когда мы вошли въ село Госличъ. Село!... Среди непроходимой грязи разжиженной дождемъ и таившимъ снѣгомъ, въ какой-то не то промоинахъ, не то амъ окаймленной каменными глыбами и грудами плитняковъ невѣсть кѣмъ и почему сложенныхъ, торчатъ пять-шесть крышъ безпорядочно разбросанныхъ неподалеку другъ отъ друга. На видъ убогій выселокъ затонувшій по крыши въ грязномъ болотѣ.

Изъ-подъ одной изъ крышъ валилъ дымъ и сквозь рѣдкую соломенную покрышку видѣлись красноватые отблески огня. Дымъ валилъ не изъ трубы или какого-нибудь отверстия замѣняющаго ее, а прямо изъ пролета изображающаго собою входъ.

Три человека, Герцеговинцы, въ невѣроятныхъ лохмотьяхъ сидѣли у огня, просушивая или скорѣе вылавывая на легахъ свои проквашенные опанки. Возлѣ каждого лежало ружье. Они повидимому незадолго пришли и начинали только обсушиваться, кутаясь въ свои темныя *струки*.

Взглянувъ на насъ и не говоря ни слова, они только потѣснились чтобы дать намъ мѣсто. Андро и Симо

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 11 и 12ѣ 1877.

живо растирили костеръ и вкорѣ всѣ мы примостились кое-какъ къ огню.

Внутренность этого первобытнаго обиталища была полна вѣдкимъ, вышибающимъ слезу изъ глазъ дымомъ, но Прайоръ на этотъ разъ не обращалъ уже ни малѣйшаго вниманія на подобныя мелочи; совершенно разбитый и изнуренный до крайности, онъ тотчасъ повалился у огня и только поворачивался съ боку на бокъ чтобъ отогрѣть свои окоченѣвшіе члены.

Надо было однако подумать о вѣдѣ и о томъ возможно ли будетъ провести тутъ ночь. Первый вопросъ ставилъ меня вѣскольکو въ тулику, потому что къ величайшему стыду я долженъ былъ сознаться что до этой минуты не подумалъ о томъ какъ накормить весь народъ приставшій къ намъ. Ясно было что консервовъ и прочей провизіи запасливаго Прайора не хватило бы что называется и на зубокъ такому количеству волчьихъ аппетитовъ.

Я отозвалъ Симо и Андро въ сторону чтобъ посоветоваться съ ними.

При первыхъ словахъ о вѣдѣ, Симо махнулъ рукой.

— Ништа, прервалъ онъ меня тряхнулъ головой.—У каждаго должно быть что-нибудь съ собой; а у кого нѣтъ, самъ виноватъ; зналъ вѣдъ куда шель.

— Не дѣло ты говоришь, перебилъ Андро.

— Какъ не дѣло? не кормить же ихъ всѣхъ. Не пристаи бы къ намъ, что бѣ они вѣи?

— Не пристаи бы, такъ они тогда были бы сами по себѣ: есть что—хорошо; а нѣтъ, такъ подтянулъ ласекъ покрѣплче и кончено... А тутъ, продолжалъ Андро попеременно взглядывая то укорительно на Симо, то заискивающе любовно на меня,—тутъ когда они *путуютъ* съ такими *эс-сокопоштованными* господами, такъ нельзя... Не безлокоитесь, господине, обратился онъ ко мнѣ, я ужъ позаботился чтобъ все было какъ слѣдуетъ.

— Какъ же ты устроился?

— А тамъ на горѣ, помнишь, мы повстрѣчали стадо барановъ... Такъ я купилъ на счетъ вашей милости двухъ и сказалъ *момаку* чтобъ велъ ихъ съ нами... По двадцати одному цванцигу * далъ за штуку, не дорого... Дóбро, господине, я сдѣлалъ али нѣ?

* Около восьми гульденовъ.

милѣ сладчайшая заискивающая улыбка.

Не сомнѣвался что это была новая эксплуатаціонная штукенная Андро, потому что объявленная цѣна была разнѣ высокая, но все-таки очень обрадовался его заискивающей конечно заботливости. Ужизъ для нашего брата былъ обезпеченъ.

Но какъ-то странно взглянулъ при этомъ на Андро, будто хотѣлъ сказать: ну ты, братъ, кажись ни въ водѣ, ни огнѣ выгдѣ не пропадешь.

А теперь, господине, какъ ѣда есть и вашей милости, такъ всѣмъ, надо будетъ *урядить* на счетъ ночи.

А что, ты спрашивалъ? Можемъ мы тутъ спокойно поочевать?

Переочевать-то можемъ, только не спокойно. Нужна же... Если вашей милости угодно будетъ, я *уряджу* это... надо будетъ четыремъ войникамъ сказать чтобы стали на службу, а тамъ что имъ ваша милость пожалуетъ за службу... *Доста*, перебилъ вдругъ Симо, почувявшій новую попытку своего товарища къ эксплуатаціи и находя вѣроятно что сто *войничкомъ* для такой эксплуатаціи будетъ „срамота“ Стулай готовить *вечеру* *, а я ужъ это дѣло уряджу.

Андро бросилъ на товарища взглядъ исполненный кѣмъ то извѣстнымъ и пошелъ почесывая затылокъ распорядиться на *вечеру*.

Но съ обычнымъ лаковизмомъ объяснилъ мнѣ что надо будетъ сторожить три *мѣста*, потому что, какъ сообщали *здѣшніе*, по долину рыскаютъ баша-бузуки, явно извѣстный ага Ченгичъ изъ Лилика съ лятидесятью товарищами.

Это *юнакъ* **, замѣтилъ при этомъ Симо.—Съ нимъ надо быть очень осторожнымъ: одинъ на троихъ полѣзаетъ, пѣсь. *мѣста* про которыя говорилъ Симо были три тропинки вѣдшія изъ долины у Госанича. По мнѣнію Симо—а въ дѣлѣ онъ, какъ говорится, собаку съѣлъ—надо было вѣсить на каждой тропинкѣ, въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ впереди, по войнику изъ надежныхъ.

Что же они увидятъ въ такую темноту да еще при вѣтрѣ? спросилъ я его.

Жизнь.

Молодежь.

— Ништа. Войникъ знаетъ дѣло: почуветь вовремя, и подыметъ насъ *отма* *.

— А какой сигналъ? выстрѣлить?

— Нѣ, господине, нѣ. То не добро будетъ; Турчинъ сразу узнаеть что тутъ *има войника* **. Мы на тотъ случай *имамъ одинъ глазъ такій*.

Этотъ „одинъ глазъ такій“, который мы въ послѣдствіи не мало приходилось слышать, было удивительно искусное подражаніе стону филина. Онъ принявъ здѣшними горцами сигналомъ для тревоги.

Симо, пользовавшійся какъ было видно большимъ почетомъ „въ горахъ“—всѣ рѣшительно встрѣчавшіеся Черногорцы и Герцеговинцы знали его и дружески привѣтствовали,—принявъ на себя, въ виду опасности, нѣчто въ родѣ роли начальника отряда: выбралъ двѣнадцать надежныхъ людей, разчиталъ ихъ на три очереди, указалъ каждому мѣсто и пр. Затѣмъ были приняты и другія мѣры предосторожности: чтобы въ полыхахъ не ошибиться оружіемъ, такъ какъ у каждого пристрѣлено по себѣ ружье—сказано было положить свое ружье возлѣ себя по лѣвую руку, разумѣется заряженное и тщательно осмотрѣнное; лошади и мазга отведены изъ Гослича на гору, куда и намъ всѣмъ было условлено ретироваться въ случаѣ тревоги; наконецъ сказано никому не разуваться.

Послѣднее условіе было особенно тягостно, такъ какъ у всѣхъ обувь насквозь промокла и ноги вздулись и болѣли отъ тягостнаго перехода по камнямъ и скаламъ.

Прайоръ, нѣсколько отогрѣвшись, придя въ себя и удостоверившись что саквы съ провизіей внесены и поставлены возлѣ него, принялся было, съ нескрываемымъ чувствомъ удовольствія, облегчать свои ноги отъ тяжеловѣсныхъ салоговъ съ какими-то необычайными винтами и необычайною подошвой лондонскаго издѣлія, здѣсь впрочемъ никуда не пригоднаго.

Я остановилъ его, рѣшившись наконецъ сообщить ему небезопасность нашего положенія. До тѣхъ поръ, добродушный Британецъ, занятый болѣе собою чѣмъ другими, не подозревалъ рѣшительно ничего. Разъясненія мои относи-

* Сейчасъ.

** Что тутъ имѣются ратники.

о обстоятельствъ въ которыхъ мы находились вызва-
его стороны нѣсколько типичныхъ замѣчаній.

Какъ вы думаете что *ces méchants garçons* могутъ на-
пасть, *mon ami*?

Да, если откроютъ насъ или наткнутся.

И намъ придется сражаться?

Если встретимся, да.

Но я вѣдь вамъ сказалъ что не могу сражаться. Въ
цѣмъ, *mon ami*, будутъ очень недовольны если узнаютъ
сражался. Мнѣ не разрѣшено этого. Я такъ не могу.

Да я и не говорю вамъ сражаться. У васъ и оружія

Но я вѣдь буду между вами...

Конечно.

А если они увидятъ что у меня нѣтъ оружія, будутъ
и стрѣлять въ меня? какъ вы думаете?

Ну это навѣрно.

Quels méchants garçons!... А если они захватятъ, *mon*
ami тогда они сдѣлаютъ со мной?

Этого я вамъ отъ души не желаю. Они никого не за-
иваютъ въ плѣнъ, а просто снимаютъ головы.

И если даже узнаютъ что я Англичанинъ?

Да какъ они это узнаютъ?

Я сейчасъ скажу, и покажу издали что съ пустыми
руками. Я международное право приведу... У меня бумаги

Какое тамъ право! Они прежде всего снимутъ вамъ
уши, а потомъ ужъ будутъ рыться въ вашихъ карманахъ.
Oh! quels méchants garçons!... Я теперь отлично понимаю
ти добрые инсургенты возстали противъ такихъ ди-
людей...

говоръ былъ прерванъ сдавленнымъ крикомъ и пред-
аннымъ хрипѣніемъ раздавшимся въ двухъ шагахъ отъ
и почти въ ту же минуту Андро и одинъ изъ Чер-
оцевъ втащили въ шалашъ обливающагося кровью ба-

Вследъ за тѣмъ другой крикъ съ хрипѣніемъ, и двое
ихъ людей втащили второго барана еще трелещущаго
редсмертныхъ судорогахъ. Тотчасъ же началась надъ
защипываемыми животными несложная операція ихъ изготав-
на жаркое: въ мигъ была содрана шкура, вынуты рукой
ревности, отрублена голова; затѣмъ баранъ цѣликомъ

воткнувъ въ дщину на кола, ноги переднія и заднія зомъ къ брюху накрестъ и пришпиленнымъ колышками. Минутъ десять оба барана уже жарились надъ огнемъ ищѣйки на вертѣхъ.

— Но и они тоже дикіе, мон ами! шелгулъ мнѣ съ сомъ Прайоръ, отвернувшись съ отвращеніемъ и откинувшій себѣ уши во время этой, правда, вѣскольно щей операціи.— Совсѣмъ тоже дикіе и кровожадные вѣрно у этихъ Турокъ научились!... Я ни за что въ ръ возьму этого маса.

— Возьмете.

— Нѣтъ, мон ами, ни за что!

— Возьмете когда ничего другого не будетъ вѣтъ: какъ рады будете.

— Нѣтъ! почти вскричалъ Англичанинъ, и сталъ зно рывъ въ своихъ саквахъ перебирая провизію.

— Мон ами, сообщалъ онъ мнѣ таинственно на ук кончивъ со своимъ осмотромъ,—я вотъ что вамъ хотъ зать: шоколатъ вѣдь это очень литательно и не замн много мѣста; у меня осталось его четыре лантки; а иъ часъ отдѣлю отъ прочаго, положу въ карманы, и не трогать до послѣдней крайности. Это станетъ мнѣ в семь дней, если вся провизія выйдетъ вдругъ.... А иъ дости, прибавилъ онъ возмущеннымъ голосомъ, бросивъ подлобья взглядъ на жарившихся барановъ,—не трогъ за что.

Три дня спустя онъ самъ нарѣзывалъ печенку отъ ко-что убитаго при немъ барана, пекъ ее собственнъ на угольяхъ и обжигалъ себѣ ротъ глотая съ жаднъ полуспекшіеся куски того что называлъ „гадостью“.

Потѣвъ кое-какъ, мы закутались въ струки, леды. м ла, кто что имѣлъ, и заснули какъ убитые.

XI.

Едва мерцаетъ день. Мороситъ мелкій дождикъ. Небъ дернуто низко нависнувшимъ сизымъ покровомъ. Днъ лежащая ниже насъ еще подернута мгlistымъ туманъ.

Въ семь часовъ мы тронулись. На этотъ разъ порнъ слѣдованія строго опредѣленъ въ виду опасности: ищѣ

къ во ста, Само Бѣлый съ двумя Черногорцами, из-
кающіе нѣчто въ родѣ авангарда; по бокамъ и сзади на
съ же разстояніи по три человѣка; мы съ Прайоромъ,
добровольцевъ и остальные Герцеговинцы съ Андри-
емъ являли главный отрядъ.

са три шли мы между кустарниками по промывтой гли-
нѣ тропинкѣ. Вдругъ впереди Симо остановился и при-
. Шедшіе съ нимъ Черногорцы сдѣлали то же, но ни
а, ни сигнала намъ. Мы остановились. Я слѣзъ съ ло-
и лошадь къ нимъ узнать въ чемъ дѣло. Увидѣвъ что я
ожу, Симо сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой чтобы я пригнулся.
Смотри, господинъ Русъ,—сказалъ онъ показывая впра-
вонъ они, чортовы дѣти, что у насъ наставили. Не будь
), и духу ихъ тутъ бы давно не было.

раво, въ верстѣ не болѣе, на склонѣ горы стояла ту-
ая *кула* Злостуль. Четырехугольный домъ сложенный
сѣраго камня; одинъ рядъ маленькихъ оконъ высоко
земли; дверь также сажени на полторы отъ низу; лло-
крыша съ вышкой; кругомъ дома каменная четырех-
ънная стѣна съ бойницами. Это незатѣливое строеніе
расположено на покатости, склономъ къ намъ, такъ
вся внутренность, не взирая на ограду, была видна какъ
адонь.

ками *кулами*, т.-е. блокгаузами, испещрена вся Герце-
на. Онѣ служатъ—теперь можемъ кажется сказать слу-
л—опорными пунктами, этакими, редюитами и пр. Гар-
въ ихъ измѣнялся смотря по величинѣ и важности
енія пункта отъ одной до трехъ ротъ. При искусствѣ
окъ защищаться за прикрытіями и стѣнами, и при со-
пешномъ отсутствіи артиллеріи у возставшихъ, кулы
ставляли очень серьезное прелѣтствіе, такъ какъ ихъ
едалось брать или штурмомъ или продолжительною
кадой. Штурмомъ было взято уже къ тому времени
еговинцами четырнадцать кулъ; что же касается до
раго способа, блокады, онъ удался только разъ за
время, такъ какъ почти всегда значительныя турец-
силы успѣвали являться изъ Мостара или Гацко на
учку угрожаемаго пункта.

а дворѣ кулы видѣлись люди. Надъ воротами находив-
гиса также на известной высотѣ отъ земли стоялъ ча-
ой. Почти у самой ограды было широкое ущелье. Симо

пояснилъ мнѣ что это входъ извѣстнаго дефиле Дуги, сквозь просоченнаго христіанскою и мусульманскою кровью.

— А тамъ будетъ еще такая же кула, Доу, по прозванію, сказалъ мнѣ полупешотомъ Симо кивая головой вѣво.— Это теперь вамъ самое опасное мѣсто, потому что подходимъ къ дорогѣ Никшичской. Турчинъ близко. Коней надо вести въ поводу визомъ, чтобъ не было видно изъ-за кустарника, и пробираться съ осторожкою.

Мы потянулись гуськомъ другъ за другомъ, укрываясь сколько было возможности, выбирая мѣста пониже и позакрытѣе. Кула постоянно видѣлась вправо отъ насъ почти въ одинаковомъ разстояніи, потому что мы огибали ее. Само остался назади слѣдить съ ближайшаго пункта за происходящимъ на дворѣ турецкаго блокауза, чтобы при малѣйшемъ признакѣ тревоги и движенія у Турокъ успѣть предупредить насъ.

Прайоръ понималъ что дѣло становится совсѣмъ серьезнымъ. Это повидимому пришлось ему очень не по душѣ.

— Mon ami, обратился онъ ко мнѣ голосомъ которому стараясь придать какую-то особенную торжественность,—вы помните или нѣтъ что обѣщали мнѣ на пароходѣ?

— Чтò?

— Что я не подвергнусь опасности. А между тѣмъ теперь...

— Прямой опасности нѣтъ; мы только принимаемъ предосторожности на случай нечаянной встрѣчи пока не минувемъ эти мѣста. Наконецъ вы сами знаете что мы разчитывали найти инсургентовъ гораздо ближе, въ Гослицѣ, до котораго луть совсѣмъ безопасенъ.

— Это все хорошо, но теперь?...

— Чтò жъ теперь? Пройдемъ благополучно и все тутъ.

— А если не благополучно?

— Постараемся какъ можно дешевле отдѣлаться.

— Ну а я?

— Вы?

— Да, я, подчеркнулъ онъ раздражительно,—вѣдь я вамъ сказалъ что не могу *сплываться* въ сраженіе.

Мнѣ были очень непріятны эти упреки въ подобную минуту.

— Все чтò я могу сдѣлать для васъ, если будетъ дѣло, отвѣтилъ я чтобы покончить разговоръ, — это прикрыть васъ своимъ тѣломъ.

— Такъ чтобъ я стоялъ за вами, mon ami? спросилъ меня совершенно наивно и смягченнымъ голосомъ Прайоръ.

Конечно.

Ну хорошо, мой ами, такъ я и сдѣлаю, отвѣтилъ онъ душно и покорно.

этность спускается довольно круто. Впереди откры-
пирокая ложбина безъ лѣса и кустарника, по которой
алась желтою лентой Никшицкая дорога. Симо, уже
вшійся къ намъ съ своего наблюдательнаго поста, про-
я вправо на возвышенное мѣсто и лежа на груди
ривалъ внимательно окрестность. Здѣсь намъ надо
по совершенно открытой мѣстности, въ виду турецкой

которая впрочемъ уже верстахъ въ четырехъ отъ
Требовалось двигаться возможно послѣднѣе и не
двухъ, трехъ человекъ вмѣстѣ, чтобы не привлечь
нїа Турокъ. Я былъ разумѣется съ Прайоромъ, ко-
ледантично шелъ чуть ли не шагъ въ шагъ за моею
и и упорно молчалъ. Мы были на самомъ полетѣ
и когда Англичанинъ вдругъ прервалъ молчаніе.

Dites moi, mon ami, раздался езади меня токенскій, съ
равнодушный его голосъ,—est ce qu'ils ont des balles
uvent traverser deux hommes à la fois? *

—они—относилось разумѣется къ Туркамъ. Этотъ
ски-эгоистичный и наивный вопросъ, которому ми-
придавала весьма острое значеніе, доказывалъ что
ительный Англичанинъ не торопясь и основательно
ремя взвѣшивалъ въ своемъ умѣ шансы представле-
юимъ недавнимъ предложеніемъ прикрывать его собою
учаѣ стычки.

ло двухъ часовъ быстрой ходьбы, почти безъ пере-
и. То спускъ, то подъемъ, небольшіе, пологіе; то
лько минутъ по совершенно открытому мѣсту, на ко-
къ все должно было быть видно какъ на ладони, то
кустарниками. Наконецъ мы подошли къ подошвѣ
той горы покрытой густымъ лѣсомъ. Это была Голя.
ныя мѣста миновались, потому что отсюда вплоть до
намъ приходилось шествовать „по брду“, т.-е. по вер-
мъ горъ, гдѣ возставшіе полновластно царствовали и
Турки не рѣшались заглядывать.

кажите мнѣ, мой другъ, имѣютъ ли они пули которыя могутъ
звать сразу двухъ человекъ?

т. схины.

27*

Англичанинъ, справлявшійся за эти два часа разъ десять: „скоро ли мы будемъ тамъ гдѣ вѣтъ больше Турокъ,“ не-сказанно обрадовался когда очень измученные быстрою ходьбой, но довольные и спокойные, мы присѣли чтобы отдохнуть и поѣсть. У него даже произошла при этомъ не-свойственная Британцу лирическая вспышка: онъ обнялъ меня и заявилъ растроганнымъ голосомъ что „непременно сообщить домой все что я для него сдѣлалъ, все, и какъ успокаивалъ его и какъ предложилъ прикрывать собственнымъ тѣломъ, все, все, все!“

Я не могъ удержаться чтобы не напомнить ему шутливо про „пули пронизывающія двухъ человѣкъ сразу“.

— Въ такія минуты мало ли что придетъ въ голову, шепати, отвѣтилъ онъ на это съ добродушною наивною улыбкой, нѣжно треля меня по плечу.—Вы знаете, я вѣдь не военный, я просто рисовальщикъ и женатый человѣкъ... Пожалуста не сердитесь на меня.

Подъемъ въ гору крутой и тяжелый, ереди дремучаго лѣса. Съ полугоры начинается глубокій снѣгъ по которому надо пробивать себѣ путь. Мы всѣ едва передвигаемъ ноги. Лошади идутъ впереди и проталтываютъ дорогу уходя по брюхо въ снѣгъ. Бѣдные добровольцы совершенно изнемогаютъ такъ что приходится сажать попеременно то одного то другаго на лошадь. Перевалы съ гребня на гребень; спуски, подъемы съ кручъ и на кручи. Снѣгъ валитъ хлопьями. Тучи висятъ такъ низко что кажется можно рукой достать, и клубятся. По временамъ раздаются глухіе раскаты грома, которые эхо горъ повторяетъ до безконечности.

Сумерки. Проводники совершенно неслостижимымъ чутьемъ не сбиваются съ пути и узнаютъ ничтожную горную тропинку занесенную на нѣсколько футовъ вышины снѣгомъ. Небо совершенно черно; отблескъ дѣвственнаго снѣжнаго полога одинъ освѣщаетъ намъ путь. Мы начинаемъ спускаться, спускаться, спускаться... Снѣгъ перестаетъ и мы обрѣтаемся въ полномъ мракѣ. Приходится держаться другъ за друга чтобы двигаться гуськомъ по крутому спуску. Изнеможеніе до того сильное что поминутно кто-нибудь изъ насъ опускается на землю, упрашивая отдохнуть на нѣсколько минутъ. Наконецъ, ни зги не видя, мы чуть не катимся по скользкому спуску по которому стремительно струится слякоть и вода. Внизу насъ окликаютъ голоса; Симо отвѣчаетъ какимъ-то страннымъ крикомъ.

— Ну, господишь Русъ, пришли! восклицаетъ радостно Авдро.

Къ намъ присоединяются какія-то тѣни съ ружьями. Говоръ, разпросы, смѣхъ, возгласы: „Здравствуй, ты кто?—Симо.—А! Симо ты мой драгіи!—А тамъ кто?—Господишь Русъ и Инглизъ.—Добро!...“

Нелюдаеку мерцаютъ огонекъ. Мы идемъ къ нему по колѣни въ водѣ. Каменный домъ довольно большой съ крошечными окнами или скорѣе бойницами высоко отъ земли.

— Пеко тутъ, говоритъ мнѣ Авдро.

Мы взбираемся по деревянной оквозной лѣстницѣ приставленной прямо отъ входной двери къ четырехугольному отверстію отдѣланному въ полу верхняго этажа.

Огромная комната или скорѣе чердакъ наполненный дымомъ. По срединѣ, исполинскій лень въ сажень длины по крайней мѣрѣ ярко пылаетъ. Кругомъ этого гомерическаго костра сидятъ и лежатъ на полу человекъ двадцать и курятъ. Сквозь чадъ и дымъ при отблескѣ пламени видны энергичныя характерныя лица, насупленные и молчаливыя, тиличныя фигуры въ живописныхъ позахъ и живописномъ одѣяніи. Всѣ въ шапкахъ; у нѣкоторыхъ чалмы на головѣ.

Наше появленіе не возбудило особеннаго вниманія: нѣсколько взглядовъ, человекъ два-три посторожилось чтобы дать намъ мѣсто у огня, вотъ и все.

Промокшіе продрогшіе, мы прежде всего желали отогрѣться. Я справился насчетъ Пеко, не видя его у костра. Мнѣ отвѣтили что онъ лѣжалъ къ полу Зимовичу и сейчасъ долженъ вернуться. Прейоръ, совершенно осовѣвшій при видѣ этой необычайной картины, этихъ лицъ, костюмовъ, обстановки, смотрѣлъ вылуча глаза. Чалмы въ особенности привлекли его вниманіе.

— Это не Турки, въ турбанахъ которые, топ ами? спросилъ онъ меня на уху.

Молчаливость, отсутствіе всякой пріветственной процедуры относительно насъ, а также мрачный видъ этихъ молодцовъ, кажется его потревожили.

— Они можетъ-быть сердиты что мы явились, топ ами?

— Да кѣтъ же. Почему вы думаете?

— А поглядите какъ смотрятъ на васъ... Вы навѣрно знаете что они вамъ друзья?

— Успокойтесь и лучше садитесь скорѣе, отогрѣвайтесь.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ человѣкъ средняго роста одѣтый въ странную смѣсь европейскаго платья съ мѣстными. На немъ былъ красный вырѣзной черногорскій жилетъ, поверхъ черная куртка опоясанная красными *пассе-кожъ*, обыкновенные панталоны коричневыя въ большую клетку, страшно потертые и истрепанные, и опанки; на головѣ черногорская капа.

— Не угодно ли вамъ помѣститься туда, поближе къ огню, обратился онъ къ Прайору по-англійски.

Звуки роднаго языка здѣсь, въ этой глуши, при этой обстановкѣ, произнесенныя однимъ изъ лицъ этой компаніи, произвели магическое дѣйствіе на Прайора. Онъ сразу успокоился и воспрянулъ духомъ. Лицо его выразило несказанное удивленіе и радость.

— Я узналъ сейчасъ по акценту что *monsieur* Англичанинъ, продолжалъ нашъ собесѣдникъ уже по-французски обращаясь ко мнѣ.—А вы, *monsieur*, не пожелаете ли тоже присѣсть поудобнѣе. Пойдемте вонъ туда, поближе къ мѣсту генералиссимуса, а вамъ все устрою.

Послѣ нѣсколькихъ словъ любезный собесѣдникъ спросилъ насъ „съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить“.

Мы сказали.

— Очень радъ познакомиться. Позвольте же и мнѣ въ мою очередь рекомендоваться вамъ: я герцогъ Медунскій.

Я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія, потому что это имя было мнѣ хорошо извѣстно. О герцогѣ Медунскомъ или скорѣе объ авантюристѣ носящемъ этотъ титулъ, я слышалъ совершенно легендарныя разказы: въ Парижѣ, какой-то псевдо-герцогъ Медунскій—*duc d' Medune* для однихъ, *duc de Medine* для другихъ—судился нѣсколько лѣтъ назадъ по очень куріозному дѣлу, причѣмъ Жюль Фавръ былъ его защитникомъ; въ Берлинѣ, нѣкто герцогъ Медунскій выкинулъ самозванную штуку необычайно дерзкую и смѣлую; въ Италіи было извѣстное скандальное дѣло псевдо-герцога Медунскаго съ принцессой Гаэтаню; наконецъ въ Рагузѣ мнѣ много разказывали объ удивительныхъ продажахъ герцога Медунскаго или какъ его звали по-саавянски: дуки отъ Медуны, въ Черногоріи, Австріи и Турціи Я зналъ также что нѣсколько лѣтъ уже о „дукѣ отъ Медуны“ или просто „дукѣ“ не было больше слуха въ этихъ краяхъ.

Неужели судьба привела меня встрѣтиться съ этою легендарною личностью, подумалось мнѣ, или тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Я внимательно осмотрѣлъ „герцога“.

На видъ ему было лѣтъ тридцать пять; фигура красивая, вѣсколько сухопарая; лицо изможденное, морщинистое, закоружелое, почти безъ растительности, носило едва замѣтные слѣды замѣчательной красоты; глаза юркіе и умные; улыбка лауоватая и заискивающая; манеры и видъ вульгарный.

Не можетъ быть чтобъ это былъ тотъ изящный авантюристъ, парижскій левъ на одну минуту, о которомъ я слышалъ!

— Вы недавно прибыли сюда? спросилъ я его.

— Недавно. Я все бросилъ, дома, помѣстья свои, промѣнялъ роскошь и прелести городовъ и цивилизаціи на это!— онъ показалъ рукой на окружающее—чтобы драться съ братьями за свободу! *La patrie est en danger—je suis là!*.. Теперь я здѣсь начальникомъ главнаго штаба генералиссимуса.

Французскимъ языкомъ владѣлъ онъ довольно хорошо, но съ италіянскимъ акцентомъ; говорилъ напыщенно и необычайно фразисто, такъ что каждая фраза казалась цѣлкомъ выхваченною изъ какого-нибудь романа Ксавье де-Монтелена.

Нѣтъ, должно-быть онъ самый и есть! И я очень обрадовался такой встрѣчѣ.

Въ это время вѣзду раздался громкій говоръ и послышались тяжелые шаги по лѣстницѣ.

А вотъ и генералиссимусъ! мой Богъ! мой Пеко! сказалъ „герцогъ“ съ пафосомъ.

ХП.

Вошелъ Пеко, главный предводитель возставшихъ; душа всего дѣла.

Замѣчательная это фигура! Одна изъ тѣхъ которыя сразу навсегда врѣзываются въ памяти.

Довольно высокаго роста, стройно сложенный, лѣтъ сорока пяти. Держится слегка согорбившись и гнетъ колѣни какъ разбитая на ноги лошадь, но при этомъ что-то осо-

бѣнно внушительное и осязистое во всей фигурѣ. Огромное продолговатое лицо съ длиннымъ прямымъ нависшимъ носомъ и сильно выдающеюся нижнею челюстью; черные ладающіе книзу усы, густыя мохнатыя брови. Подъ этими бровями медленно но постоянно движется пара огромныхъ черныхъ необычайно яркихъ зрачковъ, на половину закрытыхъ нависшими вздутыми вѣками и длинными рѣсницами. Взглядъ тяжелый, угрюмый и очень провидательный, не взираая на кажущуюся сноровчливость и лѣтвость; изъ тѣхъ взглядовъ которые Французы называютъ: *un mauvais regard*. Ротъ странной формы: оконечности круто загнуты кверху, а на самой срединѣ онъ какъ бы оттянутъ книзу.

Пеко, прозванный не даромъ „герцеговинскимъ волкомъ“, тридцать лѣтъ уже дерется постоянно противъ Турокъ, то въ качествѣ черногорскаго солдата, то какъ *харамбаша* (начальникъ шайки). Это замѣчательный умъ и характеръ. Храбрости онъ легендарной, опытности удивительной въ веденіи горной партизанской войны; страну, которую прошелъ вдоль и поперекъ несказанное число разъ, знаетъ какъ никто. Онъ правда свирѣлъ съ непріятелемъ, но сами обстоятельства сложились такъ что ему конечно приходилось быть такимъ. Злости и свирѣлости нѣтъ въ его характерѣ; подчиненные очень его любятъ и безусловно вѣрятъ ему; онъ съ ними дѣлится послѣднимъ, несетъ ту же самую жизнь и лишенія какъ послѣдній воинокъ, и справедливъ и безпристрастенъ ко всѣмъ. По натурѣ онъ молчаливъ, угрюмъ, не общителенъ, но разъ привязавшись, другъ вѣрный и надежный.

Образованія Пеко не имѣетъ ни малѣйшаго; ни читать, ни писать не умѣетъ.

Онъ былъ въ черногорскомъ платьѣ, поверхъ котораго надѣта была *тока* — нѣчто въ родѣ гусарской куртки безъ рукавовъ, шнуры которой замѣнены массивными серебряными луговицами; на груди вокругъ шеи что-то похожее на нашъ офицерскій „знакъ“, составленное изъ пяти серебряныхъ плоскихъ бляхъ.

Въ рукахъ Пеко держалъ трубку, съ которою никогда, даже въ бою, не разставался. Только въ послѣднюю минуту, когда нужно было выхватывать кинжалъ, онъ залихивалъ ее за шею чубукомъ внизъ.

Я уже три мѣсяца былъ знакомъ съ Пеко и сопровождалъ его въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ. Мы поздоровались, поцѣловались по здѣшнему обычаю; онъ спросилъ меня въ двухъ-трехъ словахъ о томъ что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, въ „Россіи и въ Цесарской землѣ“, и что говорятъ про возстаніе, и затѣмъ погрузился въ свое вѣчное молчаніе, посасывая трубку и глядя задумчиво на огонь.

Между тѣмъ „герцогъ“ или „дука“ увивался мелкимъ бѣсомъ вокругъ Прайора. Я прислушался къ ихъ бесѣдѣ и сразу смекнулъ что „герцогъ“ заигрываетъ и старается „обворожить“ Англичанина. Принимая во вниманіе то что я слышалъ о герцогѣ Медунскомъ,—а теперь не подлежало сомнѣнію что этотъ дука былъ тотъ самый легендарный герцогъ—причина подобнаго заигрыванія была очень понятна. Дука надѣялся вѣроятно содрать что-нибудь съ Прайора. Въ виду этого я рѣшился предупредить наивнаго и доверчиваго Англичанина и зорко слѣдить за дукой.

Явился Андро, потирая руки отъ холода, и подошелъ къ Пеко.

— Дѣшелъ тутъ одинъ человѣкъ; хочетъ тебя видѣть.

Пеко глянулъ на него изподлобья и спросилъ сопливо, не выпуская изъ рта трубки.

— Какой человѣкъ?

— Не знаю. Войникъ одинъ.

— Поди узнай какой это человѣкъ, обратился онъ тѣмъ же тономъ и продолжая посасывать трубку къ одному изъ сидящихъ возлѣ.

Тотъ всталъ, перешагнулъ между лежащими и исчезъ въ отверстіи. Черезъ минуту онъ вернулся и, сядя снова на свое мѣсто, сказалъ Пеко.

— То Ювица что стоялъ на Горанскомъ пути.

При этихъ словахъ что-то мимолетно мелькнуло въ сопливомъ взорѣ Пеко. Онъ вынулъ изъ рта трубку, повелъ глазами направо и налево и уставился въ сторону отверстія.

— А зачѣмъ онъ не идетъ? спросилъ онъ.

— Сейчасъ идетъ; одну тамъ только *стварь** поправляетъ, отвѣчалъ тотъ, доставая щипцами уголекъ для трубки.

* Вещь.

— Какую такую стварь?

Отвѣта не услѣло послѣдовать, потому что появилась самъ Иовица. Видъ его былъ очень куріозенъ. Возмутительно затасканная бѣлача въ дыркахъ, такіе же штаны и доколѣнники, на плечахъ струка, въ рукѣ ружье, словомъ все какъ слѣдуетъ; но головной уборъ придавалъ ему особенно странный видъ: черногорская шалка, превратившаяся отъ слишкомъ долгаго служенія въ плоскій невѣдомаго цвѣта блинъ, была прикрѣплена къ головѣ невыразимо салынымъ клѣтчатымъ платкомъ, подвязаннымъ подъ подбородкомъ. Эта бабья повязка такъ мало шла къ свирѣпому лицу и всей сухопарой но коренастой фигурѣ Иовицы что видъ его былъ не смѣшонъ а страшень.

Иовица остановился за „кругомъ“ и оперся на ружье. Пеко глянулъ на него спокойно и совливо, и уставился на огонь продолжая курить.

— Кто велѣлъ тебѣ уйти съ мѣста? спросилъ онъ медленнымъ голосомъ, не смотря на Иовицу.

— Я Слеса поставилъ лока. Сторожить.

Молчаніе.

— Чтѣ скажешь?

— Постѣкъ посланца турецкаго.

— Добро. Говори.

— Пробрался я, чуешь, къ самому къ спуску и привалился. Стою я, стою долго. Ништа; прошли только двѣ женки. Пыталъ откуда, казали: пробираемся *кыршемъ* * къ Лазарю въ станъ, до мужей. Обшарилъ—ништа. Пустилъ... Добро. Стою опять, стою долго. Вижу идетъ челоуѣкъ изомъ и сталъ подыматься кыршемъ и сторожится. Мыслию: то посланецъ какой долженъ быть, допустилъ его близко и къ нему. А онъ, яко яребица **, прочь. Я пуцнулъ, а онъ лежитъ и *овако* *** рукой дѣлаетъ... Добро. Я тутъ *Илашь*, кажу, *книжку* **** *какую?*—*Нема, богами, ништа*, кажетъ.—*Илашь*, кажу, *турскій пестъ; дай е, Гдѣ?* и досталъ ножъ. А онъ беретъ изъ-за лазухи книжку. За сел

* Утесами, не по дорогѣ.

** Куропатка.

*** Такъ вотъ.

**** Письмо.

того Петра и Иована, не убиё, дразитъ, кажется.—Откле*, кажу книжка?—Отъ каймакама **, дразитъ, кажется.—Добро, кажу, и пошлѣ *** его.

— Добро, процѣдилъ Пеко, продолжая глядѣть на огонь.— А пошарилъ? Нѣтъ другой книжки?

— Пошарилъ. Ништа не было другаго, а голову я при-
несъ.

„Вещь“ задержавшая внизу на минуту Иовицу была отрубленная голова, принесенная въ видѣ вещественнаго доказательства; онъ ставилъ ее въ сторонку.

— Гдѣ же книжка? спросилъ Пеко послѣ нѣкотораго молчанія.

— А вотъ.

Иовица досталъ изъ-за лазухи засаленный пакетъ съ печатью и подалъ Пеко. Тотъ посмотрѣлъ молча, повернулъ и положилъ возлѣ себя. Иовица между тѣмъ усѣлся къ костру и сталъ разказывать другимъ, какія отащивыя гачи и опанки были на убитомъ, и какъ онъ ихъ снялъ и забралъ съ собой.

— Дука, кликнулъ Пеко,—посмотри книжку.

Бесѣда съ Прайоромъ была прервана. Дука всталъ потягиваясь, кракнулъ, досталъ изъ кармана огарокъ, зажегъ его у костра, примостился на корточкахъ возлѣ Пеко, прикрѣпилъ огарокъ къ кофину локалавъ стѣарину, распечаталъ письмо и сталъ долго его разсматривать, будто стараясь разобрать написанное.

— А притко дука-то читаетъ! подшутилъ кто-то.—До сихъ поръ перваго слова разобрать не можетъ.

— Попробуй-ка самъ, отгрызнулся дука, не отрывая глазъ отъ письма.

— Ну чтó? можешь разобрать чтó тамъ? спросилъ наконецъ Пеко поглядывая искоса на дуку.

— Да такъ скверно писано что сразу разобрать нельзя. Цѣлый онъ должно-быть писалъ.

Кругомъ засмѣялись.

— А какъ писано, по-нашему или по-турски?

* Откуда.

** Каймакама Пивскаго округа, административный центръ котораго Горанско.

*** Отрубилъ голову.

— Писано-то по-турски.

— Такъ чего жь ты смотришь-то... Э-эхъ! и Пеко трянулъ головой съ недовольнымъ видомъ.— Скажи-ка Мариновичу, прибавилъ онъ обращаясь къ одному изъ сидѣвшихъ,—чтобы шелъ сюда.

— Я по-турски отлично знаю и читать могу все; я всего Саади наизусть знаю, заявлялъ между тѣмъ дука;—только это ужъ такъ скверно написано что...

— Да, знаемъ мы какъ ты турецкую грамоту разумишь! замѣтилъ кто-то со смѣхомъ.

— Дука-то нынѣ и по-турски читаетъ! подхватилъ другой. Кругомъ смѣялись. Дука, все сидя на корточкахъ и держа письмо, сталъ тоже смѣяться, огрызаясь направо и налево.

— Прочти-ка самъ! ну! Не разберешь, по-нашему или по-турски!

— Чего маѣ; я не говорю что по-турски читаю.

— Эхъ ты, темнота!

Пеко, столь же невозмутимый и молчаливый, поглядывалъ искоса на эту сцену, покуривая трубку.

Пришелъ Мариновичъ, маленькій человечекъ невзрачный собой, рябой, въ веснушкахъ. Онъ таращилъ саплавшіеся отъ сна глаза и теръ себѣ обѣими руками бедра.

— Глядь что тутъ писано, сказалъ ему Пеко.

Дука медленно всталъ побрякивая и расправляясь, потушилъ огарокъ и положилъ его съ достоинствомъ въ карманъ.

— Свѣчу давай, куда взялъ! набросился на него Мариновичъ, взявъ письмо.

— Свѣча моя, потому и беру, профессоръ!!! откололъ дука, оглядывая съ головы до ногъ Мариновича.

— Ну, ты...

— Что: ты? кулидонъ!... Я двѣнадцать языковъ знаю. Геркулесъ ты мой прекрасный; я Расина и Вольтера знаю, и Корнея, и Дюма, и д'Аламбера, а не то что твой паршивый каймаканъ изъ Горанска!... Темнота!

Кругомъ смѣялись.

— Э-эхъ! Дука, дука, укорительно, но съ полуулыбкой выѣшался Пеко, считая вѣроятно нужнымъ прекратить дальнейшій споръ. — Гайдъ * на мѣсто, да подай свѣчу! слегка прикрикнулъ онъ.

* Иди.

ка вскинулъ страдальческій взглядъ кверху, какъ бы вывая небо въ свидѣтели людской несправедливости, и медленню побрелъ на свое мѣсто почесывая спину, ухмыляясь и самодовольно поглядывая на окружающаго. Мариновичъ важно усѣлся, какъ прежде сидѣлъ, прикрѣпилъ также огарокъ къ кофину и сталъ разбираться въ письмѣ.

Что произошло одна изъ тѣхъ поражающихъ своимъ простотѣ сценъ которыя никогда не могутъ изгладиться изъ памяти.

Правда и сѣва меня шелъ говорить. Справа, безыскусственная элическая славянская рѣчь; сѣва, искуснѣйшее имитаторское напетываніе на французскомъ языкѣ. Слева, молчаливый, сумрачный Пеко, зѣвскій дикарь Тома и Карлъ Мариновичъ; сѣва, куріозная фигура дука личный лондонскій *kokney* Прайоръ.

Правда читалось письмо.

«Идите поскорѣе», переводилъ медленню и съ разговорами Мариновичъ, — «потому вамъ долѣе держаться въ мочи. Мы лѣтъ вотъ ужъ день ѣдимъ однихъ кочевниковъ, которыя аскеръ* достаетъ изъ-подъ сѣва кругомъ пести, и такъ что ихъ забито на этомъ занятіи довольно-важное число. Не дойдешь чрезъ четыре дня, мы не ждемъ удержаться, потому собачьи омы сидятъ вокругъ насъ, и ихъ превеликое множество. А *престасилося*** у насъ много за это время трудное.»

— Видишь что говорить: много ихъ подошло, замѣчаетъ Пеко.

— Кочерыжки ѣдятъ! смѣется другой.

— Ничего больше вѣтъ писаного? спрашиваетъ Пеко.

— Нѣтъ. Печать приложена только каймакамокая.

Сѣва до меня долетаетъ слѣдующій разговоръ по-французски.

— А вы сами изъ Лондона? подѣзжаетъ дука.

Аскеръ—регулярное войско.

* Турки говорятъ такъ про мусульманъ погибшихъ отъ руки вѣрныхъ.

— Да, *mon ami*, я изъ Лондона.

— *Mon Dieu! Mon Dieu!* какъ я люблю Лондонъ! Черингъ-Кросъ, Кингъ-Кросъ, Олдредъ, Вестъ-Эндъ! а Альгамбра! а Гайдъ-Паркъ! Какой это дорогой для меня городъ, и сколько воспоминаній!...

— Вы жили въ Лондонѣ?

— Жилъ ли я тамъ?!... Я тамъ не только жилъ, я тамъ былъ счастливъ... У меня тамъ сынъ оставленъ, прибавилъ онъ со вздохомъ и устремляя взоръ неопредѣленно въ даль, какъ бы подъ гнетомъ поднявшихся воспоминаній.

— У кого же онъ тамъ, у родныхъ?

— Нѣтъ... Я его оставилъ въ Лондонѣ потому что люблю этотъ городъ. Это сынъ отъ морганатическаго брака.

— Я очень радъ что Лондонъ вамъ нравится, *mon ami*, отвѣчаетъ съ довольнымъ видомъ Прайоръ, пожимая руку дука.

— И вы прѣехали сюда, въ этотъ адъ! перешагнулъ дука на другую тему, видя что та, какъ говорится, „не беретъ“.

— Да... Отчего адъ? Отчего же, если адъ, вы остаетесь здѣсь? спрашиваетъ протѣсечно и съ убѣжденіемъ Прайоръ.

— Я?! Отчего я тутъ?! Я долженъ: отечество и долгъ. Вотъ въ какомъ я положеніи, вы видите. Я, который носилъ кружевные рубашки и кальсоны изъ бѣлаго атласа!... Все теряю теперь, все... И представьте себѣ, все это по милости моего милаго банкира: не высылаетъ мнѣ до сихъ поръ денегъ... Просто ужасно!

— Чтò же это онъ? интересуется съ участіемъ Прайоръ.

— Не высылаетъ, каналья.

— Вамъ, однако, слѣдовало бы принять мѣры.

— Я уже нѣсколько разъ телеграфировалъ.

— И ничего?

— Ничего. Я послалъ тоже телеграмму другому, моему константинопольскому банкиру. Приказалъ ему выслать пока хоть двѣсти-триста дукатовъ.

— И тотъ не выслалъ?

— Представьте, до сихъ поръ ничего... А между тѣмъ, вотъ мои панталоны до чего дошли, взгляните!

Онъ выставилъ на показъ огромнѣйшую прорѣху на колѣнѣ.

— Выхаживайте!! Это у меня, который не могъ терпѣть на своихъ плечахъ никакого мѣха кромѣ соболя!

— Вы бы еще разъ телеграфировали.

— Да... надобно будетъ попробовать, но только теперь это невозможно, потому что я безъ гроша...

Справа между тѣмъ, молчаніе, послѣдовавшее за чтеніемъ письма каймакама, прервалось. Пеко оторвалъ свой задумчивый взоръ отъ огня, вынулъ трубку изо рта и обратился къ Иовицѣ, который лежъ на угольяхъ небольшой кусокъ мяса воткнутой на кончикъ кинжала.

— Иовица, чувствуешь что я тебѣ скажу: возьми ты эту каймакамскую книжку и оберни ею голову и приважи крѣпко, такъ чтобъ не развязалась... чувствуешь?

— Дѣло, дѣло, разумею.

— И возьми ты Іоко и Петра Миланова, и ступайте вы теперь, какъ темно, съ головой, и доберитесь вы до первой кулы... знаешь?

— Дѣло знаю: та что у еврага.

— Есть... И брось ты черезъ стѣну голову съ книжкой къ Турчину на дворъ, чтобы зналъ онъ что посланецъ не дошелъ до лаши... разумишь?

— Дѣло, разумею...

— Ну такъ иди.

— Сейчасъ, дай только съѣмъ... Дай немножко соли, обратился онъ къ сосѣду.

— Не имать, бѣгами, отвѣтилъ тотъ. Отвѣтилъ правду, потому что соли, какъ впрочемъ и другаго изъ съѣстной провизіи, не имѣлось вовсе въ „главной квартирѣ“.

— Имать.

— Не имать!

— Э-эхъ! кракнулъ съ сердцемъ Иовица,—и соли-то даже теперь нѣтъ.

Онъ снялъ мясо съ кинжала, оторвалъ зубами кусокъ и вышелъ пожевывать.

Слѣва продолжалось заигрыванье.

— Вы женаты? мягко наливается дука.

— Да, *топ аті*, женатъ.

— О! Боже! и вы рѣшились оставить жену, подругу, ангела вѣрою!—чтобы погрузиться въ этотъ омутъ!... Это благородно и великодушно, господинъ Англичанинъ. Вы для насъ пожертвовали всеми радостями и великолѣтіями...

Noble coeur! Но повѣрьте, мы все поймемъ и оцѣнимъ эту жертву... Дайте руку.

Прайоръ нѣсколько очумѣлъ отъ этого обильнаго изліянія похвалъ, тѣмъ болѣе что не сознавалъ, чѣмъ могъ заслужить подобную признательность отъ инсургентовъ.

— А вы желаты? спросилъ онъ дука, чтобы что-нибудь сказать.

— Былъ, отвѣтилъ дукъ съ глубокимъ вздохомъ. — Она умерла, и я поклялся на ея могилѣ не имѣть другой жены... *Pai juré, monsieur!* присовокупилъ онъ съ лаэосомъ.

Пеко снова прервалъ бесѣду. Сумрачному начальнику кажется не особенно нравилось шушуканье дуки на иностранномъ языкѣ.

— Дукъ, а дукъ! кликнулъ Пеко. — Поди-ка лучше помѣшай въ котлѣ. Посмотри что тамъ дѣлается.

— Вы видите что они со мною дѣлаютъ. *Mon Dieu!*... Я поварь! Я!! произнесъ онъ со вздохомъ, вскинувъ глаза къ небу, и пошелъ ворочать въ котлѣ.

— Этотъ бѣдный герцогъ нуждается въ деньгахъ для посланки телеграммы своему банкиру, шепнулъ мнѣ озабоченно Прайоръ когда мы укладывались рядышкомъ спать у костра.

— Вы обѣщали ему дать?

— Видите, *mon ami*, я даже самъ сейчасъ же предложилъ когда онъ сказалъ что не имѣетъ ни гроша на делешу, но онъ потомъ высчиталъ, и выходитъ что менѣе двухсотъ словъ послать невозможно, потому, надо все хорошенько объяснить банкиру... А это вѣдь будетъ дорого, *mon ami*, въ Константинополь.

— Еще бы! это около ста флориновъ.

Я понялъ штуку ловкаго авантюриста: пользуясь добродушіемъ Прайора, нѣсколько растеряннаго и озадаченнаго среди этого необычайнаго общества, дукъ замыслилъ сорвать съ него подъ предлогомъ телеграммы сколько возможно болѣе.

— Ну видите, шепталъ мнѣ съ испугомъ Прайоръ. — Что же мнѣ дѣлать?... Герцогъ говоритъ что не привыкъ и совсемъ не умѣетъ составлять короткихъ телеграммъ... Одолжить столько денегъ я теперь не могу, а между тѣмъ мнѣ право совѣстно предъ герцогомъ: какъ оставить его въ этомъ положеніи?

идя что дѣло поворачивается на почву махальнѣйшей инуатаціи, я счелъ долгомъ предупредить Прайора быть рожнымъ съ дукой и не принимать *à la lettre*, всего послѣднему вздумается ему говорить.

Хорошо, *mon ami*, благодарю васъ, я буду слушаться ихъ совѣтовъ, изъясняя мнѣ свою признательность только усложненнымъ Прайоръ,—но какъ же насчетъ теммы? я вѣдь самъ предложилъ ему...

Насчетъ этого не беспокойтесь; я беру на себя убѣдуку что для его телеграммы и двадцати словъ будетъ слишкомъ достаточно. Десять флориновъ можно дать—ни шао, но ни копѣйки болѣе.

ХІІІ.

Въ другой день, на разсвѣтъ, мы отправились осматривать Муратовицкое поле битвы.

Вѣстность которую слѣдовало обѣхать находилась вѣрѣ въ десяти отъ бивуака Реуфъ-паши по направленію Горанско. Малѣйшее движеніе Турокъ впередъ могло помѣшать выполненію главной цѣли моей поѣздки, потому шлоя возможно скорѣе локончить съ осмотромъ.

Вечеромъ я просилъ Пеко дать мнѣ проводника знающаго человѣка бывшаго въ битвѣ, который бы дать всѣ нужныя указанія и объяснить на мѣстѣ ходъ сѣнія.

Когда, выпивъ по маленькой чашкѣ крѣпчайшаго туркаго кофе съ гущей, мы собрались ѣхать, я не мало удивился увидѣвъ, кромѣ двухъ нашихъ, еще восемь застѣтыхъ лошадей стоявшихъ у дверей дома.

Для кого эти кони? спросилъ я у одного изъ державшихъ ихъ.

А для насъ съ тобой, раздался за мною голосъ Пеко. Онъ сидѣлъ на камнѣ закутанный въ плащъ и по обыкновенію курилъ.

Его не видѣлъ у костра когда мы собирались и подумалъ что онъ спитъ. На дворѣ же было еще настолько темно что едва возможно было различать предметы.

— Такъ ты ѣдешь съ нами? спросилъ я, удивленный.

— Да. Я подумалъ что такъ лучше будетъ, если я тебѣ самъ все покажу.

Мы поѣхали.

Утро было морозное, ясное. Нѣсколько звѣздъ еще бѣлово свѣтились на небѣ, исчезая одна за другою. Оквозь сизую дымку утренняго тумана видѣлись вокругъ контуры высокихъ горъ. Мы находились въ котловинѣ и ѣхали по берегу маленькаго извилистаго, мѣстами замерзшаго ручья. Вправо и влево торчало нѣсколько убогихъ безпорядочно разбросанныхъ лачугъ. Это—Смречко.

Мы стали подыматься изъ котловины, охваченной еще мгlistымъ туманомъ. Сдѣлалось вдругъ гораздо свѣтлѣе. Я осмотрѣлся на нашу конвой. Возлѣ Прайора я увидѣлъ дуку, шикарно гарцующаго и разказывающаго что-то съ жаромъ. Остальные шесть всадниковъ были, къ немалому моему удивленію, подобраны между извѣстнѣйшими юнаками изъ писургентовъ. Всѣхъ ихъ я зналъ въ лицо; всѣ были или „офицеры“ или начальники отрядовъ. Пеко, какъ всегда сумрачный и молчаливый, ѣхалъ локуривая трубку.

— *Bonjour, monsieur!* крикнулъ мнѣ дука по-французски когда я обернулся.—Вы видите, я васъ тоже сопровождаю. Генералиссимусъ поручилъ мнѣ господина Англичанина, чтобы все ему хорошенько объяснить.

Хороши будутъ объясненія, подумалось мнѣ.

— Впрочемъ, мнѣ, какъ начальнику главнаго штаба, во всякомъ случаѣ пришлось бы ѣхать съ господиномъ генералиссимусомъ, продолжалъ онъ пояснять мотивы своего присутствія.

Верстѣ чрезъ пять предъ нами открылась широкая долина покрытая снѣгомъ. Пеко подозвалъ одного изъ сопровождавшихъ, шелнулъ ему что-то, и тотчасъ четверо изъ нихъ поѣхали рысью впередъ и вскорѣ скрылись изъ виду.

— Вотъ гдѣ началась битва, сказалъ мнѣ Пеко указывая трубкой на невысокіе холмы лежавшіе впереди.

Мы подѣхали къ холмамъ.

Указаніе Пеко было изаишне: то что я увидѣлъ достаточно овидѣтельствоваало о происшедшей рѣзнѣ. Кругомъ лежали обезглавленные обнаженные трупы, слегка подернутые снѣжною леленой, будто саваномъ. Ихъ было множе-

ство и валялись они тѣсно. Мѣстами гдѣ снѣгъ почему-то лежалъ гуще, можно было только угадывать ихъ по снѣжнымъ очертаніямъ. Кой-гдѣ образовались такимъ образомъ бѣлые грядки. Въ иныхъ мѣстахъ, изъ-подъ снѣга вылезали то нога, то рука, то какой-то плоскій черноватый кругъ, похожій на плоскость распиленнаго круглаго полѣна, что при ближайшемъ осмотрѣ оказывалось частью шеи оставшейся при туловищѣ.

По груллировкѣ тѣлъ, довольно легко было прослѣдить ходъ битвы. Здѣсь они лежали рѣдко, въ разброску—это начало схватки, когда только завязалась перестрѣлка. Такъ тянулось на версту. Далѣе, гдѣ Славяне напали ближе и съ разныхъ сторонъ, количество труповъ увеличивается, попадаютъ группы въ три-четыре тѣла скученныхъ вмѣстѣ. Наконецъ, гдѣ долина суживалась образу горжу, гдѣ началась рукопашная свалка, земля была сплошь устлана тѣлами. Кой-гдѣ лежали они грудами, кой-гдѣ вплотную, образуя, какъ выше сказано, грядки.

Благодаря морозу трупы не разложились, и воздухъ не былъ зараженъ.

Врѣище было отвратительное, ужасное.

— Отчего ты не велишь закопать тѣла? спросилъ я у Пеко.

— Нельзя это дѣлать.

— Придетъ оттепель, такая пойдетъ зараза отъ нихъ что...

— Я тебѣ говорю: нельзя. Это будетъ срамное дѣло. Это поганое.

Точно такъ же разсуждаютъ Турки. Благодаря тому что оба противника считаютъ непріятельскіе трупы „погаными“, тѣла, оставленныя своими, остаются незарытыми. Шакалы, собаки и хищныя птицы выполняютъ здѣсь должность погребателей. Но когда тѣла скоплены въ такомъ множествѣ какъ на примѣръ на Муратовицкомъ полѣ, гдѣ ихъ лежало около тысячи, помощь хищныхъ птицъ и звѣрей оказывается далеко недостаточною. Такъ, въ мартѣ 1876 года, то-есть четыре мѣсяца спустя, произошла вторая битва на этомъ самомъ мѣстѣ, и—невѣроятное дѣло!—новый слой тѣлъ легъ на старые трупы еще устывавшіе ужасное поле.

Пеко передавалъ мнѣ ходъ битвы, передавалъ по обыкновенію этически просто и лаконично. „Такъ вотъ, гляжу,

они вышли оттуда и идутъ. Соколове *, ударимъ-ка, пора сказалъ я.... Тутъ мы стали стрѣлять, а тамъ *стѣча* почалъ и пр. Все въ такомъ родѣ. По мѣрѣ разказа, мы переѣзжали съ мѣста на мѣсто, какъ двигалась сама битва. Тѣмъ разсѣянные болѣе или менѣе гуето вокругъ служили какъ бы *вещественными доказательствами* словъ разказчика.

Параллельно съ простою безыскусственною рѣчью Пеко дукъ передавалъ Прайору по-французски ходъ Муравьевской битвы. *Передача* эта была нѣчто необычайное по игривости фантазіи и безпардоннѣйшему извращенію истинны. Въ устахъ дуки нестройная горная свалка между пятью тысячами Турокъ и такимъ же количествомъ Славянъ превращалась въ титаническое столкновение двухъ стройныхъ регулярныхъ массъ, въ огромнѣйшее генеральное сраженіе, удивительно веденное въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніи, изобилующее геройскими подвигами, гениальными непредвидѣнностями и необычайнѣйшими распоряженіями. Отряды или скорѣе шайки инсургентовъ превращались у него въ полки, бригады, дивизіи, корпусъ. Была даже „восточная армія“. Откуда-то взялась кавалерійская бригада и резервы артиллеріи, когда у Славянъ не было ни единой пушки и ни единого всадника въ бою. Появились въ разказѣ „эклереры“, адъютанты, ординарцы свита главнокомандующаго, штабъ и пр.

Это была совершенная оргія вранья, самого безпардоннѣйшаго, самого игриваго и потѣшнаго.

Самъ дука игралъ конечно чуть ли не первую, во всякомъ случаѣ самую геройскую роль въ своемъ разказѣ.

— Вы видите это мѣсто, вонъ эту возвышенность, повѣствоваль онъ между прочимъ бѣдному Прайору.

— Которое, мон ами?

— А вонъ тамъ: этотъ холмъ. Поѣдемъ туда, я вамъ покажу мѣсто гдѣ я стоялъ въ эту минуту битвы.

— Я вижу хорошо отсюда, мон ами... Такъ вы тамъ стояли?

— Да. Верхомъ на моемъ боевомъ скакунѣ... не эта дрянь конечно, прибавилъ дука, видя что глаза Прайора невольно остановились на его тощей облѣзлой маленькой клячѣ.— Ну такъ я сижу и смотрю. Кругомъ свита, ординарцы, адъю-

* Соколы.

тааты, конвойные и весь штабъ какъ слѣдуетъ... Генералиссимусъ сидѣлъ на камнѣ тамъ возлѣ, мрачный, задумчивый, погруженный въ стратегическія соображенія... Вокругъ все молчало, почтительно вглядываясь въ него, пожирая его глазами, ловя малѣйшее слово возлюбленнаго вождя... Онъ сидѣлъ невозмутимый, никого не видя кромѣ битвы... А битва рѣшалась со всѣхъ сторонъ, страшная битва! Никогда, ни раньше ни позже, я не видѣлъ подобнаго любовища, а между тѣмъ, кому кажется какъ не мнѣ можно дѣлать сравненія! Ни при Кастильфикардо, ни при Гаэтѣ, ни при Палермо, ни при Ментанѣ, ни при Маджентѣ, ни при Сольферино, ни при Кустоѣ, ни при Пуэблѣ, ни при Вера-Круцѣ, ни при Гравелоттѣ, ни при Марсѣ-ла-Турѣ, ни при...

Дука остановился въ своемъ необыкновенномъ перечисленіи видѣнныхъ имъ битвъ вѣроятно только потому что не могъ сразу припомнить еще какихъ-нибудь другихъ извѣстныхъ сраженій.

— Вы присутствовали на всѣхъ этихъ битвахъ! воскликнулъ удивленно Прайоръ.

— Это далеко не всѣ, милостивый государь, отвѣтилъ дука съ благородною простотой.—Такъ я вамъ говорилъ... что?... на чемъ я остановился?

— Вы говорили вообще что рѣшалась битва...

— Ахъ! да... Справа двигались стройныя фаланги дивизіи корпуснаго командира и воеводы Богдана Зимомича—восточная армія, и пальба тутъ была, милостивый государь! такая пальба!—адъ!... Слѣва напирала стрѣлковая бригада Максима Бачевича. Самъ генералъ Бачевичъ былъ на конѣ, на черномъ конѣ, совершенно черномъ, и велъ свои полки... Турецкая армія, развернувшись широко, шла прямо вонъ оттуда, и все идетъ, идетъ, идетъ... идетъ прямо на насъ... А генералиссимусъ все сидитъ погруженный въ думу... Я взглянулъ и сразу понялъ что надо сдѣлать рѣшительный ударъ. Оборачиваюсь—резервовъ уже нѣтъ; всѣ въ дѣлѣ! А Турки идутъ, идутъ и наступаютъ все ближе и ближе.... Пеко! говорю я генералиссимусу, пусти меня впередъ.—Оставь, отвѣтилъ онъ рѣзко и снова погрузился въ думу. Я подумалъ: надо сдѣлать что-нибудь рѣшительное, надо сразу покончить, надо спасти христіанскій край отъ полумѣсяца, надо спасти будущность моей родины!... Подумалъ это я все и рѣшилъ сразу... Отвѣтственность,

правда, страшная предъ моимъ Пеко, предъ братьями, исторіей, но что-то шепнуло мнѣ что предпріятіе мое дѣтъ увѣнчаемо успѣхомъ... Я рѣшилъ, куда ни шло... гомъ меня стоитъ свита, ординарцы, всѣ почти амы, много, очень много разныхъ офицеровъ... *Et mes amis!* вскричалъ я, *qui m'aime me suivent!*... Генералъ мусъ взглянулъ на меня мрачно... Пустя! вскричалъ я, окруженный блестящею геройскою толпою. Онъ махнулъ рукой и я ринулся во главѣ этого, могу сказать, достовѣрный государь, „священнаго баталіона“, этой отбѣ фалаанги сказочныхъ героевъ... Мы ринулись—вотъ отъ Хотите поѣдемъ, я вамъ покажу мѣсто? Нѣтъ? Ну! Хотите... Мы ринулись какъ львы прямо въ самое се Турокъ и разрѣзали ихъ фалаангу... Что тутъ было, достовѣрный государь! Да, распотѣшилъ я тутъ свою голову! *Duc! arrêtez-vous!* кричатъ мнѣ передніе храбрецы. Я не слышу и все впередъ, и сѣку, и рублю, и рѣжу какъ... *Duc! arrêtez!* кричатъ мнѣ опять. Куда ты лѣзешь!—Да, воскликнулъ я взмахнувъ моею саблей. *Do nous! nous avons besoin de vous!*... Они тутъ меня схватили и не пустили ни черти!... Клянусь вамъ, милостивый государь, будь у меня хоть одна пуля въ револьверѣ, я бы въ эту минуту умирать, прежде кто бы до меня коснулся изъ своихъ друзей, всѣ заряды были выпущены—это спасло жизнь человѣка. Странная судьба, не правда ли?... А потомъ, когда мы выиграли сраженіе, когда двѣ дивизіи генерала Бачева стрѣлковые баталіоны Зимовича погнали врага, генералъ симусъ всталъ молча и только произнесъ: *Ce diable de diable, il est toujours comme ça!* И только послѣ пожатія молча руку, но я видѣлъ какъ на его сѣдыхъ рѣсвицахъ навернулись слезы глядя на меня..

Дука до того увлекся что даже позабылъ о присутствіи Пеко; Пеко, котораго онъ такъ красно расписывалъ, шипящимъ, растроганнымъ и съ сѣдыми рѣсвицами; Пеко! котораго рѣсвицы были черны какъ смоль, а глаза—изъ которыхъ на которыхъ слезы немислимы, а натура—изъ которой натура которая кажется ничемъ не трогаются.

— А гдѣ же, *mon ami*, теперь всѣ эти войска? спросилъ Прайоръ, совершенно ослѣпшій отъ такой релакціи—и видѣлъ только однихъ инсургентовъ.

— *Oh! monsieur!* воскликнулъ дука съ пафосомъ:

Ces guerriers pleins de vaillance,
N'ont qu'au combat leur belle prestance!

къ, продолжалъ онъ послѣ цитаты, — они никогда кажутся вамъ чѣмъ-нибудь особеннымъ... Въ битвы, въ просты и скромны, прибавилъ онъ съ благородною отой въ голосъ.

это время прискакалъ къ намъ одинъ изъ всадниковъ тихъ впередъ, перекинулся словомъ съ Пеко и затѣмъ шалъ ко мнѣ, попросилъ табаку и сталъ набивать се-убку.

Нуешь, сказалъ мнѣ Пеко, — поѣдемъ теперь назадъ. осмотрѣли. Хочешь?

Поѣдемъ.

тронулись.

Поѣдемъ-ка рысью, сказалъ нѣсколько минутъ слу-Пеко.

Какъ хочешь.

ѣхали полною, рысью. По временамъ Пеко какъ-то нно внимательно окидывалъ взоромъ мѣстность.

и эта сцена заинтриговала меня. Мнѣ пришло на мысль вѣроятно что-нибудь да не ладно. Явились въ умѣ пред-кенія: зачѣмъ Пеко самъ захотѣлъ со мною ѣхать, за-эта отборная свита, зачѣмъ исчезновеніе всадниковъ, аецъ это быстрое возвращеніе послѣ появленія одного ихъ? Вѣроятно есть какая-нибудь опасность, можетъ-идутъ Турки, отрядъ Реуфъ-лаши, но почему же Пе-крываетъ это отъ меня? Нѣтъ кажется къ тому ника-причины.

проѣхали мы и десяти минутъ какъ вправо посамша-лаухіе отдаленные ружейные выстрѣлы.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

КОРРЕХИДОРЪ

РАЗКАЗЪ ДЕ-АЛАРКОНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИСПАНСКАГО

I

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, не вдалекѣ отъ одного изъ живописнѣйшихъ городовъ красивой Аліи возвышалась великолѣпная старинная мельница. Съ

** Отъ переводчика.* Желая познакомить русскихъ читателей незнакомъ почти у насъ испанскою беллетристикой, я обратилъ ся въ Мадридское общество ученыхъ и литераторовъ Е. А. за совѣтомъ относительно выбора испанскихъ произведеній перевода на русскій языкъ. Общество обязательно предоставило право пользоваться его обширною библіотекой и указало на Аларкону какъ любимѣйшаго современнаго испанскаго беллетриста, а на предлагаемый разказъ какъ на одно изъ лучшихъ произведеній. Я прочелъ этотъ разказъ и убѣдился, что его веселый юморъ вполне соответствуетъ и свѣтлому веселому и счастливому характеру ея жителей, а потому и рѣшилъ перевести *Коррехидора* на русскій языкъ. Переводъ сдѣланъ съ 3го изданія (Madrid 1877). Л. Молчановъ.

ы ея находился роскошный фруктовый садъ, напол-
 ѳ фиговыми, персиковыми и гранатовыми деревьями;
 гоѳ обширный огородъ, служившій берегомъ быстро
 ей рѣчки. Уже съ давняго времени это красивое, уеди-
 : жилище служило мѣстомъ вечерняго отдохновенія
 ьевныхъ заботъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, многимъ
 о стоящимъ лицамъ названнаго города. Это объясня-
 есьма многими причинами; вопервыхъ, къ мельницѣ
 очень хорошая дорога, удобная для всякаго рода эки-
 ; вовторыхъ, предъ зданіемъ находилась небольшая
 ая площадка, сверху и съ боковъ закрытая густыми ви-
 цными лозами, на которой обыкновенно возсѣдали всѣ
 ители мельницы, наслаждаясь въ одно время и свѣ-
 воздухомъ и красивымъ видомъ; третьихъ, самъ
 нъ былъ человекъ очень уважаемый, очень умный,
 почтительный, съ удовольствіемъ и радушіемъ уго-
 іѳ своихъ гостей тѣми благами которыя ему посылала
 ая южная природа: то первыми огородными овощами,
 янами, виноградомъ, миндалемъ и орѣхами; зимой же
 ывыми лепешками особаго приготовленія, жареными
 анами, или ломтями жирной ветчины съ прибавкой
 го, стараго вина. Когда вечера были холодные гости
 ыли время въ свѣтлой, веселой кухнѣ, находившейся
 ыжнимъ этажѣ и согрѣваемой большимъ каминомъ.
 ачитъ, мельникъ былъ очень богатъ, или его гости не
 комъ требовательны? спросить меня удивленный чита-

сколько, отвѣчу я, мельникъ былъ просто смышле-
 человекъ, знавшій хорошо людей и понимавшій что его
 ыенскія угощенія сопровождаемая почтительною по-
 тѣ съ тѣмъ радушною улыбкой, возвратятся къ нему
 ицей въ видѣ различныхъ льготъ и уступокъ со сто-
 ы важныхъ господъ. Не даромъ въ окрестностяхъ гово-
 что дядя Лука, какъ звали мельника, накопилъ себѣ
 ало денежекъ.

е позвольте ли вы мнѣ забрать старый лѣсъ остав-
 ая послѣ разрушеннаго городского дома? спрашивалъ
 одного; прикажите, ваше прелодобіе, отлустить мнѣ
 ыходимой зелени для моихъ шелковичныхъ червей изъ
 ытырскаго огорода, просилъ другаго; какъ бы я желалъ
 ычить позволеніе брать засохшія деревья изъ казеннаго

лѣса, намекалъ третьему; не откажитесь быть моимъ защитникомъ въ процессѣ который я долженъ завести съ сосѣдомъ, просилъ четвертаго. На всѣ эти просьбы, изложенныя во время дружескихъ бесѣдъ за стаканомъ вина, онъ получалъ немедленное согласіе, изъ чего можно судить что онъ умѣлъ вести свое дѣло и былъ далекъ отъ разоренія.

II.

Самою же главною причиною привлекавшею къ скромному жилищу мельника гостей, въ числѣ которыхъ были даже и такіе важные господа какъ мѣстный епископъ и коррехидоръ, была прекрасная донья Фраскита, жена дяди Луки, красотой которой восхищались даже привыкшіе къ красотѣ женщинъ жители Андалузій. Несмотря на то что она служила видимою приманкой многочисленнымъ гостямъ своего мужа, про нее всѣ сосѣди въ одинъ голосъ говорили что она женщина честная и вполнѣ достойная всеобщаго уваженія. Посвѣтителю же, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, утверждали что она своею необыкновенною красотой напоминала чистыхъ небесныхъ херувимовъ когда была весела, и неумолимыхъ ангеловъ мщенія и зла когда находилась въ дурномъ расположеніи духа. „Она похожа на древнюю греческую богиню,“ замѣчалъ мѣстный адвокатъ, пользовавшійся извѣстностью ученаго, какъ членъ историческаго общества „Это истинная дочь Евы,“ шепталъ намѣстникъ монастыря Св. Франциска. „Замѣчательное созданіе!“ восклицалъ полковникъ милиціи. „Это не женщина, а какой-то дьяволъ!“ прибавлялъ коррехидоръ. „И при всемъ этомъ она очень добра, очень мила въ обращеніи, услужлива и наивна какъ ребенокъ, въ этомъ нельзя не сознаться,“ говорили всѣ при выходѣ изъ мельницы, вспоминая проведенный вечеръ. Этотъ наивный ребенокъ считалъ себя между тѣмъ не менѣе тридцати лѣтъ: донья Фраскита была высока ростомъ, полная, даже слишкомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, что нисколько не мѣшало ей быть въ высшей степени подвижною и проворною во всѣхъ своихъ движеніяхъ; она была очень весела, разговорчива и имѣла привычку во время разговора дѣлать движенія своею красивою головою, что чрезвычайно шло ко всей ея подвижной фигурѣ.

Ни Лука ни жена его не были Андалузцами: онъ былъ уроженцемъ провинціи Мурсіи, она же Наваррка.

Когда ему было пятнадцать лѣтъ, онъ пріѣхалъ въ городъ, около котораго находилась его мельница, въ качествѣ полу-слуги, полу-довѣреннаго лица епископа, управлявшаго въ то время епархіей. Старикъ епископъ готовилъ Луку въ духовное званіе и желалъ привязать его къ этой мѣстности, гдѣ хотѣлъ сдѣлать его патеромъ, записалъ ему по духовному завѣщанію мельницу съ большимъ кускомъ окружной земли. Похоронивъ своего благодѣтеля и принявъ во владѣніе новое имѣніе, Лука сообразилъ что у него нѣтъ ни малѣйшаго призванія къ безбрачной патерской жизни и, сбросивъ монастырское платье, надѣлъ солдатскій мундиръ и поступилъ въ военную службу. Въ 1793 году онъ участвовалъ въ войнѣ въ западныхъ Пиринеяхъ подъ командой храбраго генерала Д. Вентуро-Коро; затѣмъ прослужилъ нѣкоторое время въ сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи, откуда и взялъ отставку.

Въ Эстельѣ онъ увидѣлъ молодую Фраскиту, влюбился въ нее и, получивъ ея согласіе, послѣ свадьбы уѣхалъ съ ней на свою мельницу, гдѣ они до сихъ поръ жили въ самомъ примѣрномъ согласіи.

Красавица-мельничиха, перевезенная изъ сравнительно шумной Наварры въ уединенное предіѣстье маленькаго городка, считала себя многимъ выше скромныхъ обитателей деревушки; одѣвалась она съ бѣлымъ вкусомъ и бѣлшею изящностью нежели ея сестѣдки, и при этомъ старалась дѣлать свои платья такимъ фасономъ, чтобъ изъ-подъ юбки можно было видѣть ея красивыя, маленькія ноги, обутыя въ нарядныя туфли; волосы свои она чесала по модѣ господствовавшей въ то время въ Мадридѣ и позволявшей любоваться ея бѣлою шеей; красоту ея довершали большія золотыя серьги, издававшія легкій шумъ при каждомъ поворотѣ ея прелестной головки; голосъ у нея былъ очень пріятный и давалъ понятіе, по мнѣнію ея безчисленныхъ поклонниковъ, о мелодическихъ голосахъ херувимовъ, славившихъ своего Создателя.

Перейдемъ теперь къ описанію портрета дяди Луки.

III.

Къ сожалѣнію слѣдуетъ признаться что Лука былъ не красивъ какъ смертный грѣхъ. Онъ былъ такимъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ, и конечно сорокалѣтній возрастъ не могъ измѣнить его безобразной вѣншности; но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно было найти челоуѣка болѣе симпатичнаго; благодаря этой-то симпатичности, покойный епископъ взялъ его къ себѣ и полюбилъ какъ роднаго; благодаря ей же его любили безъ исключенія всѣ, начиная съ командира и до послѣдняго солдата въ томъ полку гдѣ онъ служилъ. Ему также не трудно было покорить сердце красавицы Наваррки, имѣвшей всего двадцать лѣтъ и слывшей общею любимицей. Она не устояла противъ пламенныхъ взглядовъ, много-обѣщающей улыбки храбраго и ласковаго Мурсианца и отдала ему свою вѣрную руку. Лука былъ маленькаго роста, въ особенности въ сравненіи со своею высокою женою, очень сутуловатъ, такъ что издали его можно было принять за горбатаго. Смуглое лицо его, почти лишенное бороды, было украшено огромнымъ носомъ и обезображено ослонъ; вмѣстѣ всего этого безобразія онъ имѣлъ очень красивый, правильно-очерченный ротъ съ прекрасными бѣлыми зубами. За то душа мельника составляла самую крайнюю противоположность съ его некрасивою вѣншностью: онъ былъ честенъ, храбръ, добръ, любящъ и обладалъ очень немалымъ любознательнымъ умомъ. Таковъ былъ мужъ прекрасной Фраскиты.

IV.

Несмотря на свое наружное несходство, супруги любили другъ ко другу самую горячую и вѣрную любовь; красавица мельничиха считала себя самою счастливою женщиной на свѣтѣ, благодаря любви своего мужа. У нихъ не было дѣтей и они проводили жизнь свою тихо и мирно, стараясь доставлять другъ другу одни только удовольствія и избавлять отъ малѣйшихъ неприяностей. Трудно было найти на всей землѣ подобнаго счастливца какъ дѣда Лука: ни одинъ мельникъ не имѣлъ такого чистаго, опрятнаго

дома, такого вкуснаго, здороваго обѣда, тѣхъ безчисленныхъ мелкихъ домашнихъ удобствъ какъ онъ. И ни одна женщина, начиная съ самаго высшаго круга, не была предметомъ такой заботливости, такого ласковаго, любящаго обхожденія какъ сеньйора Фраскита. Время ихъ раздѣлялось между трудомъ и пріятнымъ отдохновеніемъ. Красивая Наваррка умѣла шить, вязать, вышивать, стряпать, мыть, гладить, ходить за домашнею птицей, такъ же хорошо какъ и пѣть, танцевать и играть на гитарѣ во время праздника; что касается мельника, то онъ считался первымъ въ окрестности какъ умный, предусмотрительный хозяинъ и какъ неутомимый работникъ. Будучи большимъ любителемъ цвѣтовъ, Лука много трудился надъ улучшеніемъ нѣкоторыхъ видовъ особенно имъ любимыхъ растений. Одаренный природными инженерными способностями, онъ изобрѣлъ новый способъ проведенія плотины и водопровода, на много сохранявшій ему воду; не имѣя дѣтей и обладая любящимъ сердцемъ, онъ воспитывалъ домашнихъ собакъ, приучалъ ихъ къ различнымъ забавнымъ штукамъ и даже имѣлъ въ домѣ прирученнаго волка, особеннымъ крикомъ извѣщавшаго о часахъ дня по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ самимъ хозяиномъ на удобномъ мѣстѣ; умное животное такъ привыкло узнавать время, что даже въ туманные дни и темныя ночи не пропускало ни одного часа безъ того чтобы не оповѣстить его своимъ крикомъ.

Старинная мельница, вмѣщавшая въ себѣ своихъ счастливыхъ обитателей, была настоящимъ земнымъ раемъ; какъ было сказано выше, съ одной стороны ея находилась большой огородъ; тутъ же не вдалекѣ былъ небольшой прудъ, обсаженный розовыми и жасминовыми кустами, въ которыхъ купалась довольная чета въ жаркіе дни; маленькая оранжерея для разведенія растений и дальнѣйшаго воспитанія наиболѣе нѣжныхъ изъ нихъ; птичный дворъ, голубятня, рыбный садокъ, шелковичные черви, прессъ со всѣми необходимыми принадлежностями для выдѣлки вина, наконецъ маленькія мастерскія и два особенно любимые осла, на которыхъ мужъ и жена ѣздили въ городъ.

Итакъ, дядя Лука и сеньйора Фраскита были примѣрными и счастливейшими супругами въ свѣтѣ; несмотря на то что она была такъ хороша, а онъ такъ безобразенъ, красавица

мельничиха едва ли еще не больше любила своего мужа чѣмъ онъ ее; такъ по крайней мѣрѣ можно было судить по тому что Фраскита была очень ревнива и подозрительно разспрашивала мужа, какъ проводилъ онъ время въ городѣ, когда ѣздилъ туда безъ нея, между тѣмъ какъ Лука съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ухаживанья и любезности расточаемыя женѣ его важными посѣтителеми; впрочемъ это было не оттого что онъ былъ бы въ состояніи отвести равнодушію къ чему-нибудь серіозному, но потому что онъ былъ глубоко увѣренъ въ вѣрности и честности своей жены и что ему пріятно было видѣть какъ даже такіе богатые и знатные господа восхищаются красотой его обожаемой жены. Вслѣдствіе этой увѣренности въ женѣ, онъ никогда не задавалъ ей вопросовъ о томъ что дѣлала она въ его отсутствіе. Спокойствіе съ которымъ онъ принималъ у себя въ домѣ поклонниковъ своей жены совсѣмъ не происходило отъ недостатка его любви къ ней, а истекало изъ того глубокаго уваженія которое онъ къ ней чувствовалъ и которое, какъ онъ самъ зналъ, она имѣетъ сама къ себѣ; онъ былъ не способенъ къ ни на чемъ несомнѣваемымъ подозрѣніямъ и лилъ безпредѣльную вѣру къ любимой женщинѣ; но еслибы ревность хоть одинъ разъ была возбуждена въ этомъ любящемъ сердцѣ, этотъ мирный человѣкъ мгновенно преобразился бы въ Шекспировскаго Оттелло, способнаго убить горячо любимую, но обманувшую его жену.

Перейдемъ теперь къ описанію того траги-комическаго случая, который судьба разыграла съ нимъ на сорокалѣтнемъ возрастѣ, послѣ мирной и спокойной жизни.

V.

На колокольнѣ городского собора пробило два часа полудни, время въ которое духовныя лица слѣшили въ церковь для служенія вечерни, а свѣтскія ложились отдыхать послѣ проведеннаго въ трудахъ утра. Поэтому очень странно было видѣть въ такой неурочный часъ и при жарѣ которая стояла, несмотря на октябрь мѣсяцъ, distinguished сеньора корректора, выходившаго изъ города, въ сопровожденіи одного только алгвазила. Личность почтеннаго судьи была такъ замѣчательна что невозможно бы-

мо ошибиться и принять его за кого-нибудь другого, благодаря огромной трехугольной шляпѣ, широкому плащу изъ краснаго сукна и прочимъ особенностямъ его замѣчательной фигуры. Важность важнаго судьи была очень не представительна, онъ былъ сгорбленъ еще болѣе дяди Луки (многіе называли его просто горбатымъ судьей, конечно втихомолку); ноги его были выврочены, такъ что при ходьбѣ онъ шатался изъ стороны въ сторону, какъ бы падая на каждомъ шагѣ. Лицо его было очень смугло (какія обыкновенно встрѣчаются у сыновей Кастильи), съ темными глазами, въ которыхъ сверкали поочередно гнѣвъ, самовластіе и чувственность; на его лицѣ лежалъ отпечатокъ хитрости, способной на все для достиженія цѣли, какія бы ни надо было употреблять для этого средства. Донъ Евгеній де-Зумьига де-Леонъ, такъ назывался судья, былъ въ это время человѣкъ лѣтъ пятидесяти лѣтъ. Онъ происходилъ отъ очень знатной мадридской фамиліи и былъ женатъ на не менѣе знатной сеньорѣ, которой отчасти по-бавлялся, какъ увидимъ ниже.

Къ довершенію описанія оригинальнаго костюма представителя власти слѣдуетъ прибавить что его кривыя ноги были обтянуты бѣлыми чулками и черными башмаками съ золотыми пряжками, единственная часть его туловища которую позволялъ видѣть длинный плащъ; при выходѣ въ поле, гдѣ жаркіе лучи солнца заставляли его болѣе раскрыться, можно было увидѣть весь остальной костюмъ: на немъ былъ свѣтлый батистовый галстукъ, саржевый жилетъ съ зелеными луговицами, черные шелковые панталоны и длинный сюртукъ изъ одиваковой съ жилетомъ матеріи. На боку привѣшена была шпага съ украшеніями и въ рукахъ палка съ большимъ набалдашникомъ и пара латевыхъ перчатокъ, которыя онъ не надѣвалъ по случаю жары.

Сопровождавшій его въ двадцати шагахъ алгвазилъ назывался Гардунья * и вполне оправдывалъ свое названіе. Худой, проворный, смотрящій въ одно и то же время направо и налѣво, назадъ и впередъ, съ длинною шеей, отталкивающимъ лицомъ, онъ очень походилъ на хищное животное отыскивающее себѣ добычу, что онъ и дѣлалъ, постоянно

* Въ переводѣ Ласточка.

выслѣживая скрывшихся преступниковъ и радуясь если ему удавалось поймать ихъ. Онъ служилъ уже довѣреннымъ лицомъ при четвертомъ коррехидорѣ, что вполнѣ говорило въ пользу его многочисленныхъ достоинствъ. Ему было около сорока восьми лѣтъ; одѣтъ онъ былъ во всеѣ черномъ, начиная съ чулокъ и кончая треугольною шляпой, гораздо меньшихъ размѣровъ нежели шляпа его господина. Эта темная фигура казалась тѣнью своего наряднаго начальника.

VI.

По какому бы мѣсту ни проходила эта замѣчательная лара, вездѣ поселяне, работающіе въ полѣ, встрѣчали ее низкими поклонами, въ которыхъ видѣлся скорѣе страхъ, нежели почтеніе, послѣ чего обыкновенно начинался въ полголоса слѣдующій разговоръ.

— Однако, равенько идетъ сегодня сеньоръ коррехидоръ въ гости къ донъ Фраскитѣ!

— И къ тому же одинъ, прибавила одна молодая женщина, — тогда какъ обыкновенно его сопровождаютъ другіе господа.

— Послушай, Мануилъ, замѣтила одна поселянка своему мужу, — не странно ли, что онъ идетъ туда сегодня одинъ?

— Придержи свой длинный языкъ за зубами, Жозефа, отвѣтилъ честный малый, — ты знаешь что Фраскита не способенъ...

— Я ничего не говорю противъ нея, быстро перебила его жена, — но нельзя же сказать, что онъ неспособенъ влюбиться въ нее; я много разъ слышала что изъ всѣхъ почитателей мельницы этотъ наибольшій поклонникъ женскаго пола.

— А ты почему знаешь что онъ большой поклонникъ женщинъ? спросилъ подозрительно мужъ.

— Конечно, я не говорю про себя; ужъ со мной не случится ничего подобнаго, будь хоть двадцать коррехидоровъ вмѣсто одного, съ достоинствомъ отвѣтила поселянка, забывшая что она безобразна до крайности.

— Оставь же въ покоѣ сеньору Фраскиту: и она, и дядя Лука — оба люди хорошіе и неспособные ни на что дурное.

Конецъ разговора заглушилъ скрилъ и шумъ повозокъ, переѣзжавшихъ на другое мѣсто.

VII.

Между тѣмъ на мельницѣ шла дѣлательная работа: Фраскита выметала и чистила площадку, дядя же Лука находился на самомъ верху покрытой виноградными лозами крыши, обрѣзал поспѣвшія кисти и укладывалъ ихъ въ корзину.

— Не шутя, Фраскита, сеньйоръ коррехидоръ начинаетъ серьезно за тобой ухаживать, продолжалъ начатый раньше разговоръ Лука.

— Я тебѣ это давно уже говорила, отвѣтила жена,—впрочемъ объ этомъ не стоить и вспоминать. Смотри, Лука, не упади, ты кажется не крѣпко сидишь!

— О нѣтъ, не бойся, я здѣсь въ такой же безопасности, какъ и въ комнатѣ. Мнѣ кажется что тобой ужъ слишкомъ любитесь и сеньйоръ...

— Послушай, Лука, перебила его нетерпѣливо жена,—я сама очень хорошо знаю, кто мной любитесь, а кто нѣтъ! Вотъ не могу сказать чтобы ты очень мной любовался!

— Очень понятно почему: я совсѣмъ не нахожу тебя красавицей, продолжалъ шутить Лука.

— Подожди немного, вотъ я сейчасъ взберусь на верхъ и сброшу тебя оттуда, отвѣтила тѣмъ же тономъ Фраскита.

— А я тебя привяжу къ этой крышѣ и ты не сможешь спуститься къ своимъ обожателямъ, воскликнулъ Лука,—которые назовутъ насъ поссорившимися обезьянами, въ особенности меня, съ моимъ горбомъ.

— Который я очень люблю, сказала весело жена.

— Въ такомъ случаѣ горбъ коррехидора ты должна любить еще сильнѣе, такъ какъ онъ гораздо больше моего.

— Э, сеньйоръ Лука, да вы никакъ вздумали ревновать?

— Я ревновать! Да еще къ этой старой образинѣ? Напротивъ, мнѣ очень нравится что онъ за тобой ухаживаетъ.

— А почему это тебѣ нравится?

— Потому что я знаю, какъ напрасно онъ страдаетъ, такъ какъ ты его никогда не полюбишь!

— А что бы ты началъ дѣлать, еслибъ я вдругъ его любила?

— Я? Это очень трудно объяснить; такъ какъ я тогда сдѣлался бы совсѣмъ другимъ человекомъ, то и не могу

сказать тебѣ теперь, какъ поступилъ бы тотъ другіи человекъ.

— А почему ты сталъ бы другимъ?

— Видишь ли почему: теперь я вѣрю тебѣ какъ самому себѣ и эта вѣра составляетъ всю мою жизнь! Потерявъ эту вѣру, я долженъ или умереть, или преобразоваться въ другого человека, который вѣроятно поступилъ бы съ тобой такъ, какъ не въ состояніи поступить я въ настоящее время. Очень можетъ быть что этотъ другой человекъ повернулся бы къ тебѣ спиной, очень можетъ быть что убилъ бы тебя, или же... Да чѣмъ это мы говоримъ о такихъ грустныхъ вещахъ безъ всякой необходимости! Чѣмъ намъ за дѣло до всѣхъ коррехидоровъ на свѣтѣ? Развѣ ты не моя вѣрная Фраскита?

— Ну конечно, варваръ ты этакій, отвѣтила не удерживаясь болѣе отъ смѣха красивая Наваррка, — я твоя Фраскита, а ты мой Лука, самый безобразный и самый лучшій изъ людей! А ужъ какъ я люблю тебя, то это ты увидишь когда спустишься внизъ! Ахъ, Боже мой! не обманываютъ ли меня глаза? Посмотри, Лука, вѣдь это самъ коррехидоръ идетъ сюда, да еще совершенно одинъ! И въ такой ранній часъ! Чѣмъ бы это значило?

— Онъ вѣрно надѣется застать тебя одну и объяснитьсь въ своей любви. Прими его, Фраскита, и не говори что я здѣсь: мнѣ хочется послушать его краснорѣчивыя изліянія!

И говоря такимъ образомъ, Лука передалъ женѣ корзину съ виноградомъ, а самъ запрятался лучше въ густыя вѣтви.

— Ахъ старый дьяволъ! воскликнула гнѣвно Фраскита, — ужъ не воображаетъ ли онъ что и я смотрю на него тѣми же боязливыми глазами, какъ его алгвазилы? Чѣмъ мнѣ за дѣло что онъ коррехидоръ! Смотри пожалуйста, идетъ прямо сюда! А вѣрный Гараунья, сопровождавшій его, вѣроятно сѣлъ гдѣ-нибудь въ тѣни, пока его высокородіе будетъ объясняться! Но спрячься получше, Лука, ужъ посмѣмся же мы съ тобой!

И дѣлая видъ что не замѣчаетъ входящаго коррехидора, молодая женщина принялась напѣвать фанданго такъ же правильно какъ урожденная Андалузьянка.

VIII.

— Богъ да поможетъ тебѣ, Фраскита, проговорилъ въ неголоса старый волокита при входѣ подъ навѣсъ.

— Это вы, сеньйоръ! И въ такое время, сказала какъ бы съ пріятнымъ удивленіемъ Наваррка, дѣлая ему почтительные реверансы;—садитесь скорѣй и отдохните послѣ такой трудной ходьбы въ жаркую пору! Почему же вы не подождали прочихъ господъ? Вотъ и всѣ стулья приготовлены для дорогихъ гостей! Сегодня мы ждемъ господина элискола, который обѣщалъ Лукѣ придти полпробовать нашъ первый сборъ винограда. А какъ поживаетъ ваша уважаемая супруга?

Несчастный любезникъ совершенно растерялся; счастливая случайность свиданья наединѣ съ Фраскитой казалась ему въ одно время и блаженнымъ своимъ и ловко устроенною западней, которую ему ставила жестокая судьба и въ которую онъ неминуемо долженъ былъ залутаться. Онъ постарался однако успокоиться и проговорилъ ровнымъ голосомъ:

— Теперь не такъ рано, какъ ты думаешь! Уже половина четвертаго.

— Ровно два часа съ четвертью, возразила Наваррка, съ улыбкой поглядывая на своего гостя. Послѣдній замолчалъ, точно уличенный преступникъ, отказавшійся отъ бесполезной самозащиты.

— А гдѣ же Лука? Спать? спросилъ онъ черезъ минуту.

Здѣсь сѣдуетъ прибавить что почтенный судья, совершенно лишенный зубовъ, говорилъ особеннымъ шипящимъ образомъ и какъ бы жуя свои губы; на обыкновенномъ, простонародномъ языкѣ про такихъ людей говорятъ что они *шалкають губами*.

— По всей вѣроятности, равнодушно отвѣтила хозяйка,—въ этотъ часъ онъ обыкновенно засмываетъ, гдѣ бы сонъ ни засталъ его: въ сарай ли, въ огородѣ, около рѣчки, ему все равно.

— Ну и оставь его.... пусть спитъ.... прошелталъ гость, блѣднѣя какъ полотно,—а ты, дорогая Фраскита.... выслу-

шай меня.... сядь здѣсь, поближе. Я имѣю очень много о чемъ переговорить съ тобой.

— Вотъ я здѣсь! отвѣтила мельничиха, садясь на низенькомъ стулѣ какъ можно ближе къ судѣ.

Сѣвши на стулѣ, она положила одну ногу на другую, нагнулась немного вѣсьмъ корпусомъ впередъ и положила на одну изъ своихъ рукъ свое прекрасное и свѣжее лицо, и въ этомъ выжидательномъ положеніи, съ улыбкой на устахъ и глазами устремленными на своего гостя, приготовилась его слушать. Ея неволькій обожатель, приготовившійся говорить, совершенно потерялъ даръ слова при видѣ этой несравненной красоты, этихъ жгучихъ, насмѣшливыхъ глазъ, всей этой свѣжести и неподражаемости красокъ, достойныхъ кисти безсмертнаго Рубенса.

— Фраскита! пробормоталъ наконецъ коррехидоръ слабымъ и невнятнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ его блѣдное, покрытое лѣтомъ лицо выражало невыносимую муку,—Фраскита!...

— Чтѣ? съ лукавою усмѣшкой спросила дочь Пиренесъ.

— Все чтѣ ты только желаешь! съ жаромъ воскликнула старикъ.

— Вы знаете чего я желаю, отвѣтила мельничиха; — я давно прошу васъ дать мнѣ место секретаря моему племяннику, который тогда могъ бы уѣхать съ родины, гдѣ ему приходится переносить много неприятностей.

— Я уже говорилъ тебѣ, Фраскита, что это невозможно; вымышленный секретарь....

— Нынешній секретарь воръ, мошенникъ и лъавица!

— Все это справедливо, но у него большія связи и я не могу назначить другаго безъ согласія сената, въ противномъ случаѣ я подвергаюсь....

— Я подвергаюсь! я подвергаюсь! повторила нетерпѣливо хозяйка, — а чему не подвергаемся мы всѣ въ этомъ домѣ до самой послѣдней кошки!

— А полюбишь ли ты меня за эту цѣну? прошепталъ чуть слышно влюбленный старикъ.

— Нѣтъ, сеньйоръ, мы любимъ васъ не изъ корысти.

— А ты любишь меня?

— Вѣдь я вамъ сказала что люблю.

— Но....

— Чтѣ за но! Еслибы вы знали какой молодецъ мой племянникъ! И какъ онъ красивъ!

То не такъ красивъ какъ ты, Фраскита!

А я вамъ правлюсь?

Гробишься ли ты маѣ? Для меня не существуетъ дру-
зницъ на свѣтѣ, кромѣ тебя! Гдѣ бы я ни былъ, во
и часть дня и ночи мысль о тебѣ не покидаетъ меня!
Итъ вы говорите? А развѣ свою супругу вы не люби-
хъ какая жалость! проговорила хитрая женщина та-
комичнымъ, соблазвующимъ тономъ, что заста-
бы расхохотаться самого отчаяннаго ипохондрика;—а
тѣмъ мой Лука говорилъ маѣ что она очень краси-
илюда и добра какъ ангелъ!

Онъ правъ, онъ правъ, но не севсѣмъ, пробормоталъ
равшійся отъ этой рѣчи судья.

А отъ другихъ я слышала что она вспыльчива, ревни-
что вы до смерти боитесь ея, продолжала неумолимая
ичиха.

Это тоже несправедливо, съ отчаяніемъ отвѣтилъ гость,
съ сдѣлавшись красивымъ не меньше своего плаща; —
ора немного раздражительна, это правда, но далеко
до того чтобъ я ея боялся; вѣдь я не даромъ коррекци-

Но наконецъ объясните маѣ, любите ли вы ее?

Видишь ли... я ее люблю, или лучше сказать, я любилъ
того времени пока увидѣлъ тебя. Но съ тѣхъ поръ
ой произошла большая перемена и она сама это ви-
... Я любилъ ее прежде, но теперь я люблю тебя, и
имѣть право любить и цѣловать когда хочу эти ру-
ку шею, это лицо, я отдалъ бы все на свѣтѣ.....

проговоривъ эти слова сладкимъ, развѣженнымъ то-
онъ хотѣлъ овладѣть рукой Фраскиты, но та, не дола-
мая, протянула свою руку ко влажной груди своего обо-
да съ такою силой и неожиданностью что несчастный
ръ вмѣстѣ со стуломъ полетѣлъ на землю и только
ривыя ноги заботались въ воздухѣ.

Пресвятая Богородица! воскликнула съ громкимъ смѣ-
Наваррка, — по всей вѣроятности этотъ стулъ былъ
ръ!

Что случилось? спросилъ въ эту минуту Лука, высо-
между листьями свое безобразное лицо. Почтенный
хидоръ, лежавшій все еще на полу, съ неописаннымъ

ужасомъ посмотрѣлъ на этого человѣка такъ внезапно появившагося надъ его головой.

— Случилась очень непріятная исторія, отвѣтила ему жена, — сеньйоръ коррехидоръ толкнулъ стулъ, который вѣроятно немного подломанъ, и упалъ на землю.

— Господи Іисусе! воскликнулъ въ свою очередь будто съ безпокойствомъ мельникъ, — не ушиблись ли вы? Не подать ли вамъ воды съ уксуомъ?

— Я не ушибся, отвѣтилъ судья, поднимаясь какъ умѣлъ, и злобымъ голосомъ прошепталъ Фраскитъ: — вы мнѣ заплатите.

— Ну и слава Богу! сказалъ мельникъ, — за то мнѣ вы слали жизнь, могу навѣрно сказать! Можешь себѣ представить, жена, что осматривая виноградъ, я преспокойно заснулъ на перекаладинахъ, и не упали сеньйоръ, и не закричи ты такимъ страшнымъ голосомъ, а бы лежалъ теперь съ разбитою головой и поломанными членами.

— Чтѣ ты говоришь? спросилъ радостно коррехидоръ, — въ такомъ случаѣ, я радъ, душевно радъ что своимъ безвреднымъ паденіемъ спасъ тебѣ жизнь!

— Ты одна заплатишь мнѣ за все! проговорилъ онъ обращаясь тихимъ голосомъ къ мельничихѣ.

Злоба съ которою онъ произнесъ эти слова заставила придуматься даже неустрашимую Наваррку; она догадалась что успокоенный объясненіемъ Луки, изъ котораго вывелъ заключеніе что тотъ ничего не слышалъ и не видѣлъ, злобный, отверженный любезникъ перенесъ всю свою месть на нее.

— Слѣзай же скорѣй внизъ, Лука, да помоги мнѣ обчистить сеньйора, потому что онъ весь въ пыли, воскликнула мельничиха. И въ то время какъ Лука спускался и колотилъ несчастнаго коррехидора по горбатой спинѣ и залысенной головѣ, какъ бы обчищая отъ пыли, она прошептала ему на ухо:

— Бѣднаяга ничего не слышала: онъ спитъ также крѣпко какъ мертвый.

— Дерзкая! Я тебѣ отлачу! бормоталъ съ лѣвой у рта бѣсившійся старикъ.

— Неужели вы на меня сердитесь? спросила смиреннымъ тономъ Наваррка. Увидѣвъ что его гнѣвъ служить ему въ пользу, коррехидоръ посмотрѣлъ на мельничиху еще съ большею яростью; но встрѣтивъ ея глаза, выражавшія моль-

бу, онъ потерялъ всякое самообладаніе и сказалъ слабымъ голосомъ, почти захлебываясь собственными словами:

— Отъ тебя все зависитъ, ангелъ мой.

Въ это мгновеніе дядя Лука спустился внизъ и присоединился къ разговаривающимъ.

Усадивъ вычищенного коррехидора на другой стулъ мельничиха обмѣнялась веселымъ взглядомъ со своимъ мужемъ, на лицѣ котораго увидѣла вмѣсто прежняго спокойствія едва удерживаемое желаніе расхохотаться. Потомъ она обратилась къ своему гостю и подавая ему корзиночку сказала заискивающимъ голосомъ:

— Не хотите ли попробовать нашего винограда?

Фигура красавицы-мельничихи въ ея простомъ но живописномъ костюмѣ, со свѣжимъ, улыбающимся лицомъ, была достойна кисти лучшаго художника.

— Посмотрите, сказала она своему успокоившемуся гостю,—это первый сборъ въ этомъ году, даже господинъ епископъ не попробовалъ еще ни одной ягоды.

Въ это самое время въ концѣ площадки показался епископъ, сопровождаемый адвокатомъ, двумя канониками довольно преклонныхъ лѣтъ, секретаремъ, двумя молодыми послушниками и двумя слугами.

На мгновеніе епископъ остановился при взглядѣ на эту живописную, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени комическую группу и продолжая потомъ свое шествіе, сказалъ шутливымъ голосомъ:

— Развѣ вы забыли что всякая новинка должна быть предложена прежде всего церкви и ея представителямъ; но сеньйоръ коррехидоръ хочетъ и въ этой льготѣ воспользоваться своею неограниченною властью.

— Богъ да благословитъ ваше преосвященство за то что вы осчастливили насъ своимъ посѣщеніемъ, привѣтствовалъ его Лука, съ уваженіемъ цѣлуя его руку; послѣ него подъ благословеніе почтеннаго старика подошла Фраскита и затѣмъ хозяева пригласили уважаемаго гостя садиться.

— Вотъ, ваше преосвященство, доля должная церкви, сказалъ коррехидоръ, вынимая изъ корзины лучшую кисть и предупредительно подавая ее епископу,—можете быть увѣрены что я еще не пробовалъ этого винограда.

И говоря эти слова, онъ бросилъ циническій и быстрый взглядъ на мельничиху, какъ бы давая понять что онъ подразумеваетъ.

— Надѣюсь что этотъ виноградъ не окажется такимъ же зеленымъ, какъ въ знаменитой баснѣ, замѣтилъ адвокатъ.

— Тотъ виноградъ не былъ зеленъ, сеньйоръ, сказалъ епископъ,—но онъ оказался недоступнымъ жадной лисицѣ; однако не будемъ заставляя просить нашихъ милыхъ хозяевъ и попробуемъ великолѣпные плоды ихъ трудовъ. Онъ взялъ одну ягоду и передавая всю кисть своему секретарю, сказалъ:—какой прелестный виноградъ и какая жалость что онъ вреденъ для моего здоровья!

Секретарь послѣдовалъ примѣру своего начальника, посявъ чего осторожно положилъ кисть обратно въ корзинку.

Воспользовавшись завязавшимся между гостями разговоромъ дядя Лука, отошедши въ сторонку, съ удовольствіемъ принялся улаживать сочные ягоды.

Усѣвшись вокругъ стола, гости заговорили о необычайной сухой осени, о предполагаемой войнѣ между Наполеономъ и Австріей, о томъ, приметъ ли Испанія въ ней участіе; затѣмъ адвокатъ съ завистью сталъ вспоминать доброе старое время, въ которое жили ихъ отцы, вѣроятно, съ такою же завистью говорившіе о томъ блаженномъ времени, когда жили ихъ предки. Бой часовъ извѣстилъ хозяевъ что наступилъ шестой часъ вечера, и по знаку данному епископомъ одинъ изъ слугъ вышелъ и черезъ минуту возвратился съ великолѣпнымъ тортомъ, который взялъ изъ экипажа. Епископъ самъ разрѣзалъ тортъ на столько равныхъ частей, сколько было присутствующихъ, включая и хозяевъ, а заходившее солнце освѣтило своими розовыми лучами эту мирную картину, гдѣ царствовали, несмотря на различія общественнаго положенія, согласіе, веселье и довольство.

IX.

Проведя еще часа два въ этихъ спокойныхъ разговорахъ, довольные другъ другомъ собесѣдники начали прощаться съ гостепріимными хозяевами. Сеньйоръ епископъ со своею многочисленною свитой сѣлъ въ ожидавшій его экипажъ, остальные же отправились пѣшкомъ.

Худой, высокій адвокатъ и два жирные, откормленные каноника, проводивъ коррехидора до дверей думы, гдѣ по

его увѣренію у него была еще работа, направлялись медленными шагами къ своимъ домамъ, такъ какъ наступила уже полная темнота, а луна не показывалась еще изъ-за горизонта. По узкимъ улицамъ маленькаго города мелькалъ тамъ и сямъ свѣтъ ручнаго фонаря, которымъ освѣщался путь шедшаго въ гости Андалузца; чуть не у каждаго дома видѣлась темная фигура: то былъ обожатель какой-нибудь черноокой сеньоры, довольствовавшійся тихою бесѣдой со своею возлюбленной сквозь чугунную рѣшетку, защищающую обыкновенно окна нижняго этажа въ Испаніи.

— Однако мы сегодня запоздали, сказалъ адвокатъ,—сомнѣваюсь чтобы о насъ хорошо подумали въ домѣ, увидя наше возвращеніе въ такое позднее время.

— А еще лучше подумаютъ видящіе насъ на улицѣ!

— Надо будетъ оставить эти ночныя гулянья!

— Надо бы... Но какъ мы будемъ жить безъ этой очаровательной мельницы?

— Моя жена начинаетъ очень коситься на эти прогулки, сказалъ адвокатъ такимъ тономъ, въ которомъ ясно слышался страхъ.

— А мои племянницы, замѣтилъ одинъ изъ толстаконъ,—прямо объявили что это неприлично моему духовному саву.

— Между тѣмъ, прибавилъ другой,—ничего не можетъ быть невиннѣе этихъ пріятныхъ прогулокъ.

— Еще бы! Самъ преосвященный ходитъ туда съ нами...

— И къ тому же въ наши лѣта! Мнѣ вчера исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ, замѣтилъ чуть не лолающійся отъ жира патеръ.

— А какъ хороша была сегодня сеньора Фраскита!

— О, что касается ея красоты, то это вопросъ давно рѣшенный, сказалъ адвокатъ, стараясь казаться равнодушнымъ.

— Очень хороша, повторилъ патеръ задумчиво.

— Несчастный коррехидоръ влюбился въ нее до нелзя!

— Это ясно какъ день, подхватилъ патеръ.

— Слишкомъ ясно! сказалъ адвокатъ, останавливаясь предъ своимъ домомъ,—позвольте пожелать вамъ, господа, спокойной ночи.

— Спокойной ночи! отвѣтили его спутники.

Нѣсколько шаговъ было сдѣлано въ глубокомъ молчаніи.

— Этотъ молодецъ также не особенно равнодушенъ къ красавицѣ мельничихѣ, проговорилъ наконецъ шепотомъ одинъ изъ патеровъ, указывая рукой на квартиру адвоката.

— Я и самъ того же мнѣнія, отвѣтилъ его товарищъ;—но вотъ и моя скромная келья, спокойной ночи, коллега, до завтра.

— До завтра; да пошлетъ вамъ Господь мирную ночь!

Оставшись одинъ на улицѣ, достопочтенный патеръ, который благодаря своей необычайной телцнѣ, казалось не шелъ, а катился, погрузился въ размышленія о прошедшемъ вечерѣ; дойдя до своего дома, и ожидая пока на его звонокъ отворятъ дверь, онъ воскликнулъ, относясь мысленно къ своему собрату по профессіи:—Что ни говори, а и самъ ты не совсѣмъ къ ней равнодушенъ! И дѣйствительно, прибавилъ онъ черезъ минуту,—нельзя не сознаться, очень хороша эта очаровательная мельничиха!

Х.

Между тѣмъ коррехидоръ вошелъ въ сопровожденіи Гардуньи въ одну изъ залъ и завелъ съ нимъ интимный разговоръ, не совсѣмъ обыкновенный между такимъ важнымъ лицомъ и простымъ адввазидомъ.

— Повѣрьте, ваша милость, хорошему чутью опытной охотничьей собаки, сказалъ послѣдній.—сеньйора Фраскита влюблена въ васъ, я это вижу изъ всего что вы рассказали мнѣ, это ясно, какъ ясенъ свѣтъ этой лампы.

И онъ указалъ рукой на небольшую лампу, весьма скудно освѣщавшую одинъ уголокъ огромной комнаты.

— Я не такъ убѣжденъ въ этомъ. какъ ты, Гардунья, со вздохомъ отвѣтилъ его начальникъ.

— Я не понимаю почему вы сомнѣваетесь! Если вы (простите, ваша милость, за дерзость), если вы подразумеваете свой тѣлесный недостатокъ...

— Но вѣдь этотъ недостатокъ имѣетъ точно также и Лука. Онъ еще болѣе горбатъ, чѣмъ я!

— Еще бы! Нѣтъ никакого сравненія—гораздо больше! За то лицо у васъ очень пріятное, красивое, между тѣмъ какъ дядя Лука до нельзя безобразенъ...

Коррехидоръ самодовольно улыбнулся.

— Кромѣ того, продолжалъ соблазнитель, — Фраскита женщина честолюбивая и рѣшится на все лишь бы получить мѣсто секретаря для своего племянника.

— Въ этомъ мы съ тобой одного мнѣнія: это мѣсто—единственная моя надежда.

— Въ такомъ случаѣ, сеньйоръ, надо дѣйствовать безотлагательно: я уже изложилъ вамъ свой планъ. Сегодня же ночью можно привести его въ исполненіе!

— Я тебѣ говорилъ тысячу разъ что не нуждаюсь въ совѣтахъ, съ раздраженіемъ въ голосъ закричалъ коррехидоръ, точно вспомнивъ что онъ имѣетъ привычку сердиться на своихъ подчиненныхъ.

— Я думалъ что вы у меня ихъ спрашиваете, съ недоумѣніемъ пробормоталъ Гардунья.

— Можешь думать про себя и не возражать мнѣ, былъ отвѣтъ грознаго начальника. Алгвасиль поклонился.

— Итакъ, ты говоришь, началъ послѣ короткаго молчанія коррехидоръ, — что сегодня же ночью мы можемъ все устроить? Чортъ побери! Надо же наконецъ выдти изъ этой жестокой неувѣстности. Онъ направился рѣшительными шагами къ столу, взялъ бланкъ, написалъ на немъ нѣсколько словъ, и положилъ бумагу въ конвертъ, который запечаталъ, сказалъ:— Вотъ назначеніе племянника Фраскиты! Хорошо ли я сдѣлалъ?

— Отлично, воскликнулъ съ восхищеніемъ Гардунья,—лучше ничего быть не можетъ! Предшественникъ вашей милости тоже не долго раздумывалъ когда слѣдовало дѣйствовать.

— Замолчи! Мой предшественникъ долженъ былъ быть порядочнымъ негодяемъ, если держалъ тебя при себѣ. Но займемся дѣломъ! Ты твердо убѣжденъ въ томъ что мельница Луки принадлежитъ сосѣднему, а не здѣшнему округу?

— Какъ нельзя быть больше, отвѣтилъ Гардунья.

Коррехидоръ взялъ кусочекъ бумаги, написалъ короткую записку и запечатавъ ее отдалъ своему собесѣднику, говоря:

— Вотъ тебѣ записка къ окружающему альяду которую ты просилъ; все остальное касающееся до мелочей ты объяснишь ему на словахъ. Ты видишь что я слѣпо слѣдую твоимъ совѣтамъ! Но берегись, если благодаря имъ я останусь въ дуракахъ! Я тебѣ этого не прощу!

— Будьте спокойны! Сеньйоръ Хуанъ Лелесъ знаетъ за собой не мало грѣховъ и получивъ вашу записку сдѣлаетъ все чего вы ни пожелаете. Вѣдь онъ даже въ настоящее время долженъ не менѣе двухъ тысячъ мѣрокъ зерна въ запасные

казенные и крестьянскіе магазины. Это совершенно противозаконно, а главная вещь что это отступленіе отъ закона сдѣлаано не въ пользу какого-нибудь честнаго нуждающагося земледѣльца или бѣдной вдовы, а въ пользу извѣстнаго всѣмъ льяницы, обманщика, игрока, который позоритъ своимъ присутствіемъ все населеніе. И этотъ-то человѣкъ обладаетъ огромною властью! Гдѣ же на свѣтѣ справедливость?

— Повторяю тебѣ, замолчи! Ты мнѣ надоелъ, проворчалъ начальникъ.—Но возвратимся къ дѣлу, прибавилъ онъ другимъ тономъ.—Теперь восьмой часъ. Вопервыхъ, ты пойдешь въ мой домъ и предупредишь сеньору чтобъ она не ждала меня къ ужину, что я даже не буду ночевать дома. Скажи ей, что я заваленъ здѣсь дѣлами до ночи, а что ночью намѣреваюсь объѣхать съ тобой нѣкоторыя мѣста, гдѣ какъ мнѣ дали знать завелись разбойничьи притоны; однимъ словомъ разкажи ей это все такъ ловко чтобы въ ней не зародилось ни малѣйшаго подозрѣнія, и чтобы она спокойно могла спать. Скажи по дорогѣ дежурному чтобы онъ принесъ мнѣ сюда ужинъ, такъ какъ я не осмѣлюсь явиться предъ семьей сегодня вечеромъ: она такъ хорошо меня знаетъ что сумѣетъ прочесть всѣ мои мысли. Да пусть онъ скажетъ кухаркѣ, чтобы она положила побольше тѣхъ вкусныхъ пирожковъ которые пекли сегодня. Еще скажи ему чтобы онъ принесъ мнѣ изъ таверны бутылку вина, но такъ чтобы этого никто не видѣлъ. Понимаетъ? Потому ты отправишься къ алькаду, куда послѣдешь къ половникъ девятого.

— Ровно въ восемь часовъ я буду тамъ, воскликнулъ Гардуя.

— Не перебивай меня! разсердился коррехидоръ, вспоминая что онъ начальникъ.

Гардуя поклоулся.

— Итакъ, продолжалъ усложненнымъ тономъ судья,—ровно въ восемь часовъ ты будешь у алькада, откуда до мельницы считается... я полагаю считается не болѣе поаверсты?..

— Именно поаверсты!

— Не возражай мнѣ!

— Поаверсты, продолжалъ судья,—такъ что часовъ въ десять... Какъ ты думаешь, можно въ десять часовъ?

— Раньше, ваша милость: въ половникъ десятого вы снѣло можете постучать въ дверь мельницы.

— Послушай, мошенникъ! Не учи меня пожалуйста, что я долженъ дѣлать! Итакъ, ты будешь тамъ...

— Я буду вездѣ, но главною квартирою моею будетъ ограда мельницы. Да, чуть не забылъ! Идите лѣшкомъ и не берите съ собой фонаря.

— Чортъ тебя побери съ твоими совѣтами! Не думаешь ли ты что я дѣлаю подобающее путешествіе въ первый разъ.

— Простите... Да, еще одна важная вещь! Не стучите въ большую дверь выходящую на площадку, а въ ту маленькую которая находится на горкѣ надъ латиною.

— Хорошо, хорошо; не надоѣдай мнѣ больше!

— Еще одно послѣднее слово: не забудьте что теперь разсвѣтаетъ въ шесть часовъ.

— Совершенно безполезный совѣтъ, въ пять часовъ я буду дома. Но довольно, можешь уходить!

— Итакъ, сеньйоръ, желаю вамъ успѣха, проговорилъ его наперсникъ, не двигаясь съ мѣста и глядя въ сторону. Коррехидоръ подалъ ему небольшую серебряную монету и тотъ, послѣ низкаго поклона, исчезъ изъ комнаты.

— Ахъ проклятье! совсѣмъ забылъ сказать чтобы мнѣ привесли также колоду картъ, пробормоталъ судья, оставшись одинъ,—время прошло бы для меня не такъ скучно до девяти часовъ!

XI.

Было около девяти часовъ вечера, когда дядя Лука со своею красавицей-женой, окончивъ всѣ работы относящіяся къ домашнему хозяйству и къ мельницѣ, сѣли уживаться. На столѣ, накрытомъ бѣлою, чистою скатертью, красовалась миска съ солодомъ, блюдо жареной съ томатами говядины и корзинка съ оставшимся отъ гостей виноградомъ; поужинавъ и выпивъ по стакану вина, Фраскита сказала мужу послѣ короткаго, полусдержаннаго звѣдка: я думаю, можно и спать ложиться. Въ это самое мгновеніе раздались два громкихъ стука въ главную дверь. Мужъ и жена съ удивленіемъ переглянулись: они не привыкли къ посѣтителямъ въ такой поздній часъ.

— Я пойду посмотрю, кто это можетъ быть, сказала безстрашная Наваррка, направляясь къ двери.

— Останься! это мое дѣло, воскликнулъ ей мужъ такимъ

голосомъ что она невольнo уступила ему дорогу.—Кто тамъ? спросилъ онъ подойдя къ двери.

— Во имя закона! раздалось со двора;—отворите сеньйору алькаду.

Приложивъ глаза къ замочной скважинѣ, дядя Лука увидѣлъ алгвазила изъ сосѣдняго округа.

— Не отворялъ бы я такъ скоро лѣвицѣ алькаду, проворчалъ хозяинъ, отодвигая засовъ.

— Все равно, что ему что мнѣ, отвѣтилъ входящій,—потому что я принесъ отъ его милости приказъ въ этой запискѣ. Желаю вамъ добраго вечера, прибавилъ онъ менѣе официальнымъ тономъ, войдя въ комнату.

— Спасибо, Таньуэлло, отвѣтилъ хозяинъ,—посмотримъ что это за приказъ! Я полагаю, сеньйоръ Хуанъ Лопесъ могъ бы выбрать часъ болѣе удобный для своихъ приказаній, когда имѣетъ дѣло съ честными людьми! Впрочемъ, ты вѣроятно заблудился по дорогѣ и оттого пришелъ такъ поздно. Не хочешь ли хлебнуть вина?

— Благодарю, дядя Лука, но у насъ нѣтъ ни минутки свободной. Одѣвайтесь, да пойдемъ немедленно.

— Куда пойдемъ? съ удивленіемъ спросилъ мельникъ, держа въ рукахъ бумагу.—Ну, жена, посвѣти-ка мнѣ!

Фраскита положила въ сторону какую-то вещь которую держала въ рукахъ и поднесла мужу свѣчку. Посмотрѣвъ внимательно на этотъ предметъ, Лука увидѣлъ что это его большой пистолетъ, которымъ Фраскита вооружилась на всякій случай. Онъ бросилъ на нее взглядъ полный благодарности и вѣжности и прошепталъ: „Моя вѣрная Фраскита!“ между тѣмъ мельничиха, блѣдная какъ мраморная статуя, держа предъ мужемъ свѣчку, проговорила хриплымъ, изобличавшимъ волненіе голосомъ: „читай скорѣй!“

Мельникъ прочелъ приказъ, заключавшій слѣдующее:

„Для службы его величества нашего короля, повелѣваю Лукѣ Фернандесу, мельнику, явиться немедленно по полученіи сего приказанія въ мою канцелярію; никакихъ отговорокъ къ выполненію моего приказа я не принимаю. Такъ какъ дѣло по которому я его требую весьма важно, то онъ будетъ строго наказанъ въ случаѣ неповиновенія. *Алькаде Хуанъ Лопесъ.*“

— Послушай-ка, пріятель, что это можетъ быть, какъ ты думаешь? спросилъ мельникъ по окончаніи чтенія.

— А мнѣ почему знать, сказалъ пришедшій, лаутовское лицо котораго очень мало говорило въ пользу его искренности;—я слышалъ какъ говорили что-то про фальшивыхъ монетчиковъ и что васъ хотѣтъ спросить въ видѣ свидѣтеля... Впрочемъ я навѣрно ничего не знаю, сеньйоръ алькадъ объяснитъ вамъ все.

— Странно, проговорилъ мельникъ,—скажи ему что я приду завтра.

— Э, вѣтъ, сеньйоръ. Вы должны отправиться со мной сію минуту; такъ мнѣ приказано алькадомъ и я не смѣю ослушаться.

Наступило молчаніе; въ глазахъ мельничихи сверкалъ сдерживаемый гнѣвъ; глаза же Луки были задумчиво опущены къ землѣ.

— Ты мнѣ позволяешь по крайней мѣрѣ пойдти въ конюшню и осѣдлать себѣ осла, воскликнулъ онъ наконецъ поднимая голову.

— Ночь такая прекрасная и къ тому же такъ недалеко, что мы дойдемъ и лѣшкомъ.

— Послѣ цѣлаго дня работы я совсѣмъ не имѣю охоты прогуляться лѣшкомъ, сказалъ рѣшительно мельникъ.

— Въ такомъ случаѣ не будемъ терять время: а помогу вамъ.

— Ха, ха, ха, ты кажется боишься что я убѣгу?

— Я ничего не боюсь, отвѣтилъ равнодушно солдатъ,—я посланъ во имя закона. И говоря такимъ образомъ онъ раскрылъ плащъ, подъ которымъ видѣлось полное вооруженіе.

— Будь такъ любезенъ, Таньюэлло, сказала мельничиха,—осѣдай также и другаго осла.

— Для чего? спросилъ Лука.

— Потому что я поѣду съ вами, отвѣтила жена.

— Это невозможно, сеньйора Фраскита, мнѣ приказано взять дядю Луку одного и запретить вамъ, въ случаѣ вашего желанія, слѣдовать за нами. Я не могу вамъ этого позволить, вы сами видите. Пойдемъ же, дядя Лука, не будемъ терять время!

— Совершенно неловкая вещь! пробормоталъ мельникъ.

— Чтѣ бы это значило? сказала про себя Фраскита.

— Я кажется догадываюсь что это значитъ, прошепталъ Лука такъ тихо что его не могъ слышать солдатъ.

— Хочешь я поѣду въ городъ къ коррехидору и разкажу

ему что у насъ происходитъ, спросила Фраскита! шепотомъ своего мужа.

— Нѣтъ, отвѣтилъ тотъ громко,—это не поможетъ!

— Что же ты хочешь чтобы я сдѣлала? продолжала она.

— Посмотри на меня, отвѣтилъ ей съ волненіемъ мужъ.

Супруги нѣсколько секундъ молча смотрѣли другъ на друга, и то ясное спокойствіе и непоколебимая энергія, которыя каждый прочелъ въ глазахъ другого, показали имъ всю неосновательность ихъ безпокойства. Послѣ того дядя Лука зажегъ фонарь и выходя во дворъ сказалъ насмѣшливо солдату:

— Пойдемъ, пріятель, помоги мнѣ осѣлать моего осла!

Черезъ двѣ-три минуты Лука снова появился предъ дверьми мельницы, верхомъ на прекрасномъ осленкѣ и въ сопровожденіи лѣшаго алгвазила. Прощаніе супруговъ было очень коротко.

— Замкни хорошенько двери, сказалъ мельникъ женѣ.

— Закутайся получше плащомъ; вечеръ довольно прохладный, отвѣтила Фраскита, затворяя дверь, и въ ночной тишинѣ раздался свистящій звукъ задвигаемаго засова.

Больше не сказано было ни одного слова, не дано ни одного поцѣлуя.... Къ чему? Они надѣялись черезъ полчаса увидѣться.....

ХІІ.

Послѣдуемъ за Лукой въ его таинственномъ путешествіи; половина дороги уже было сдѣлано и ни одинъ изъ спутниковъ не пророчилъ ни одного слова, какъ вдругъ какая-то темная фигура ясно выдѣлилась на тропинкѣ облитой луннымъ свѣтомъ. Замѣтивъ приближающихся людей, фигура эта быстро спряталась, такъ что самое появленіе ея можно было принять скорѣе за обманъ зрѣнія, нежели за дѣйствительность. Возбужденный своимъ неожиданнымъ путешествіемъ, мельникъ воскликнулъ подозрительно:

— Таньувало, мнѣ кажется это Гардуиля въ своей трехуголкѣ?

— Я ничего не вижу, отвѣтилъ невозмутимый алгвазиль.

— Теперь и я ничего не вижу, отвѣтилъ мельникъ.

Но подозрѣніе, которое родилось въ немъ еще на мельницѣ, теперь такъ овладѣло его головой что онъ не могъ болѣе успокоиться.

Мое путешествіе есть не что иное какъ военная хитрость коррехидора; объясненіе которое я слышалъ сегодня съ крыши доказываетъ что старый волокита не увлекается. Судя по этому, я могу смѣло утверждать что онъ нарочно удалилъ меня чтобы явился къ нему сегодня же ночью. Но что мнѣ до того? Я не знаю Фраскиту? Она не отворитъ дверей хотя бы грозили сжечь домъ! Даже еслибы она и отворила, имъ коррехидоръ и пробрался къ ней благодаря какой-нибудь хитрости, все же она сумѣетъ спровадить его, по крайней мере съ побоями. Я ее знаю! Однако—прибавилъ онъ въ некоторомъ раздумьи,—я постараюсь какъ можно скорее вернуться домой, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей.

Въ это время они подъѣхали къ дому алькада и Лука съ своего осла и вошли въ сопровожденія алкада въ домъ.

XIII.

Альдоръ Хуанъ Долестъ, какъ частный человѣкъ и какъ адъ, былъ олицетвореніемъ жестокости, самолюбія и эгоизма, въ особенности въ обращеніи съ своими подчиненными. Въ этотъ вечеръ, по окончаніи своихъ дневныхъ дѣлъ и отсчитавъ своей женѣ ежедневное количество овсяной пшеницы, онъ сидѣлъ за столомъ, уставленнымъ разными бутылками; кругомъ стола помѣщались его секретарь и латеръ сосѣдней церкви; разговоръ, заливаемый виномъ, былъ въ полномъ разгарѣ, когда въ комнату вошелъ мельникъ.

Милости просимъ, дядя Лука, воскликнулъ весело алькада,—каково проживаете? Эй, секретарь, поднесите-ка дядѣ стаканчикъ вина! А прелестная Фраскита? Веселится ли? Давненько я не видалъ ее! Что за богачомъ вымолотъ въ этомъ году, э, не правда ли? Да садитесь дядя Лука, отдохните, намъ слава Богу не къ слѣху!

И я того же мнѣнія, спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ мельникъ, подозрѣнія котораго еще болѣе увеличились при такомъ необычайно-любезномъ приѣмѣ со стороны алькады своимъ грубостію алькада и въ особенности по строгому приказанію немедленно явиться по важному дѣлу.

— И отлучно, весело подхватилъ алькадъ,—такъ какъ мы оба не слышимъ, то вы перемочуете у меня, а завтра рано утромъ мы займемся и дѣломъ.

— Съ удовольствіемъ, тѣмъ же тономъ отвѣтилъ мельникъ.

— Въ этомъ дѣлѣ вамъ не угрожаетъ ни малѣйшей опасности, сказалъ алькадъ, обманутый хитрымъ мельникомъ, котораго самъ хотѣлъ обмануть.— Эй, Таньуэлла, подай-ка стулъ дядѣ Лукѣ, да вотъ еще стаканчикъ. И онъ подавъ мельнику полный стаканъ вина.

— Сначала отпейте вы, ваша милость, а я потомъ.

— За ваше здоровье, сказалъ алькадъ и выпилъ половину.

— За ваше! отвѣтилъ мельникъ, допивая остальное.

— Мануэлла! закричалъ хозяинъ,—скажи-ка своей госпожѣ чтобъ она дала подушку и покрывало, да чтобы приготовила дядѣ Лукѣ на чердакѣ постель.

— Не стоитъ труда, и отлучно засну и на соломѣ.

— Какъ хотите, но вѣдь тутъ нѣтъ никакого труда.

— Позвольте васъ попросить отлучить меня, сказалъ Лука зѣвая во весь ротъ,—я два дня молчалъ безъ перерыва и едва стою на ногахъ отъ усталости.

— Съ Богомъ, дядя Лука, можете идти, если хотите, милостливо согласился хозяинъ.

— Я думаю и намъ пора по домамъ, сказалъ латеръ, допивая свой стаканъ вина;—вѣроятно уже около десяти часовъ.

— Десять безъ четверти, сказалъ секретарь, выливая въ стаканы все что еще оставалось въ бутылкахъ.

— Спокойной ночи! провозгласилъ хозяинъ, выливая свою часть.

— До завтра, отвѣтилъ мельникъ, осушая свой стаканъ.

— Таньуэлла, посвѣти дядѣ Лукѣ!

— До завтра, если на то будетъ милость Божья, сказалъ латеръ, выливая остатки изъ каждаго стакана, и направившись къ дверямъ, пошатываясь и напѣвая въ подголосъ „De profundis“.

— Какой простякъ этотъ мельникъ, сказалъ алькадъ своему секретарю, когда они остались одни,—вѣдь онъ ни о чемъ не догадался. Мы можемъ совершенно спокойно ложиться спать, пожелавъ всякаго успѣха сеньйору корректору!

XIV.

Черезъ минутъ пять какой-то человѣкъ тихо сходилъ по лѣстницѣ чердака. Спустившись осторожно на землю, онъ подошелъ къ навѣсу, гдѣ было привязано нѣсколько ослонъ и лошадей, отвязалъ своего осленка, повелъ его безъ малѣйшаго шума къ воротамъ, отодвинулъ засовъ и очутился на пустынной улицѣ. Тамъ онъ вскочилъ проворно на смирное животное и помчался во весь духъ въ сторону противоположную городу. Этотъ человѣкъ былъ Лука, спѣшавшій къ своей мельницѣ.

„Завтра же я отправлюсь къ епископу, который не причастенъ этому дѣлу, и разкажу ему все, что съ нами дѣлается, съ негодованіемъ разсуждалъ самъ съ собой взбѣшеный мельникъ. Это ни на что не похоже! Вызвать меня такимъ образомъ и въ такой неурочный часъ! Не позволить моей женѣ сопровождать меня, говорить про обязанности и службу королю, про фальшивыхъ монетчиковъ, про нужные свидѣтельства, и все это для того, чтобы дать мнѣ два стакана вина и послать спать! Не можетъ быть ничего яснѣе: Гардуния отдалъ алькаду приказаніе взять меня, а коррехидоръ въ это время находится на мельницѣ. Кто знаетъ, что ждетъ меня дома? Кто знаетъ?... Но что я говорю! Могу ли я сомнѣваться въ моей вѣрной Наварркѣ! Сомнѣваться въ ней—значитъ грѣшить! Развѣ она способна на это! Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, чтобы моя Фраскита... Невозможно? А есть ли на свѣтѣ что-нибудь невозможное? Вѣдь вышла же она, такая красавица, замужъ за меня, такого уроды! Это казалось тоже невозможнымъ!“ И при этой послѣдней мысли, несчастный залился горькими слезами. Желая успокоиться, онъ остановилъ мчавшееся животное, вынулъ сигару и началъ выстѣкать огонь; въ это самое мгновеніе саженьяхъ въ тридцати отъ того мѣста гдѣ онъ выходилъ послышался какой-то шорохъ.

„Какъ я неостороженъ, подумалъ Лука, что если меня бросились искать и этими искрами я выдамъ имъ себя головой.“ Онъ поспѣшно затушилъ огонь и прилегъ головой къ шеѣ своего осла; но послѣдній отвесся совершенно иначе къ послышавшемуся шуму нежели его хозяинъ и весело

заржалъ. Ахъ ты проклятый! воскликнулъ съ отчаяніемъ Лука, стараясь руками сжать ему морду; въ это самое время, со стороны откуда слышался шумъ, раздалось отвѣтное ржанье. Боясь потерять время, онъ стегнулъ осла и бросился въ бокъ отъ дороги.

Лука съ удивленіемъ увидѣлъ что всадникъ ѣхавшій на животномъ привѣтливо отвѣтившимъ его осленку былъ вѣроятно не менѣе услуганъ неожиданною встрѣчей, такъ какъ онъ тоже измѣнилъ свой первоначальный путь и скрылся въ сторону. Не видя болѣе налугавшаго его ночного путника, мельникъ послѣдно продолжалъ дорогу къ своему дому, говоря про себя: „Какую жизнь веду я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ! Путешествіе неизвѣстно зачѣмъ въ сопровожденіи алгвазила! Алькадъ вступающій въ заговоръ противъ моей чести, подъ прикрытіемъ закона! Даже мой оселъ чуть не подвергъ меня бѣдѣ своимъ ржаніемъ! А самое главное несчастіе причиняетъ мнѣ мое бѣдное сердце, оемѣливающееся сомнѣваться въ честнѣйшей женщинѣ въ мірѣ! О! Боже, Боже, позволь мнѣ скорѣе увидѣть мой домъ и мою дорогую жену, спокойно ожидающую меня!“

Послѣ этой молитвы, вырвавшейся со слезами изъ его груди, онъ замолчалъ; наконецъ, часовъ около одиннадцати ночи, оселъ его остановился предъ главною дверью ведущею въ мельницу. Кто можетъ описать удивленіе и услуги несчастнаго Луки? Дверь была отворена настежь!!

XV.

Дверь была отворена, а между тѣмъ онъ ясно помнилъ какъ Фраскита при его отъѣздѣ задвинула засовъ. Слѣдовательно, никто иной, кромѣ нея, не могъ отворить дверь. Но зачѣмъ? Когда? Кому? Вслѣдствіе ли обмана? Вслѣдствіе новаго приказанія? Или же добровольно, вслѣдствіе заранѣе установленнаго уговора между ею и коррехидоромъ? Чтò предстояло ему увидѣть за этою гостепріимно-отворенною дверью? Была ли его жена дома или убѣжала, спасаясь отъ преслѣдованій недостойнаго старика, или можетъ-быть находилась въ его позорныхъ объятіяхъ? „Коррехидоръ надѣялся что я не возвращусь ранѣе слѣдующаго утра, сѣ-

замъ въ полголоса мельникъ; алькаду было по всей вѣроятности приказано посадить меня подъ арестъ, въ случаѣ еслибъ я сталъ сопротивляться, это ясно... Но вопросъ въ томъ, знала ли все это Фраскита? Участвовала ли она также въ заговорѣ, или же была, какъ и я, жертвой обмана?“

Всѣ эти вопросы съ быстротой молніи промелькнули въ головѣ его, когда онъ проходилъ площадку и вошелъ въ кухню. Здѣсь новое неожиданное зрѣлище представилось его глазамъ: въ каминѣ, не топившемся обыкновенно ранѣе декабря—пылалъ яркій огонь! Кухня была пуста, но на столѣ стояла зажженная лампа, весьма рѣдко употребляемая хозяевами.

Что все это могло означать! Что могъ означать этотъ яркій свѣтъ въ соединеніи съ мертвою тишиной, господствовавшей во всемъ домѣ? Съ недоумѣніемъ обведя глазами вокругъ, точно не узнавая собственной кухни, онъ увидѣлъ нѣсколько стульевъ, на которыхъ, очевидно въ торопяхъ, было навѣшено разное чужое платье для просушки. Подойдя ближе, онъ едва удержалъ бѣшеный крикъ ярости, узнавъ въ этомъ сушившемся платьѣ все что было въ тотъ вечеръ на коррехидорѣ. Несчастный мельникъ съ отчаяніемъ приложилъ руки къ своей груди, между тѣмъ какъ глаза его не могли оторваться отъ роковаго зрѣлища. Никакого сомнѣнія не могло быть: трехугольная шляпа, саржевый жилетъ, длинный сюртукъ, бѣлые чулки, башмаки съ золотыми пряжками; черные шелковые панталоны, даже шлага и латевыя перчатки—все лежало предъ его глазами и ясно свидѣтельствовало о его безчестіи! Тутъ же въ сторонѣ валялся листометъ, который два часа тому назадъ держала его жена. Мельникъ схватилъ его, убѣдился что онъ заряженъ и злобная улыбка появилась на его блѣдныхъ губахъ; „они тамъ“, пробормоталъ онъ и медленными шагами подошелъ къ лѣстницѣ ведущей въ спальню; но, на минуту остановившись, оглянулся назадъ:

— Никого, прошелталъ онъ сквозь зубы,—никого... Одинъ только Богъ видитъ и проститъ меня!

Онъ уже хотѣлъ подниматься по лѣстницѣ, какъ вдругъ лежавшая на столѣ сложенная бумага обратила на себя его вниманіе; броситься къ столу и прочесть ее было дѣломъ одной секунды; несчастный мученикъ съ отчаяніемъ

опустилъ руки: это было назначеніе племянника Фраскиты на мѣсто секретаря, подписанное полнымъ именемъ корехидора.

— Вотъ плата за безчестіе! проговорилъ медленно Лука,— я всегда подозрѣвалъ что она больше любитъ своихъ родныхъ, нежели меня! Она чувствуетъ потребность въ иной любви, а между тѣмъ у насъ нѣтъ дѣтей: здѣсь надо искать истинной причины всего нашего настоящаго несчастья.

Слезы готовы были снова брызнуть изъ его глазъ, но онъ удержалъ ихъ и воскликнулъ рѣшительнымъ тономъ.

— Скорѣй наверхъ! Онъ сталъ быстро подниматься, неся въ рукахъ пистолетъ; дойдя до послѣдней ступени, Лука замѣтилъ особый лучъ свѣта, выходившій чрезъ скважину замка.—Они тамъ! повторилъ онъ и остановился какъ бы затѣмъ, чтобы собраться съ силами для исполненія своего плана. За дверью не слышалось ни малѣйшаго шума...

Что если тамъ никого нѣтъ, шепнула ему, не покидающая человѣка въ самыя роковыя минуты, надежда.

Но неумолимая дѣйствительность не позволила ему долго оставаться въ сомнѣніи: черезъ тонкую дверь ясно и отчетливо раздался сухой кашель. Этотъ кашель такъ знакомъ несчастному! Исчезла послѣдняя надежда!

На губахъ мельника появилась страшная улыбка, между тѣмъ какъ всѣ муки ада были ничто въ сравненіи съ тѣми которыя онъ испытывалъ въ настоящее время.

Постоявъ съ минуту предъ дверью, онъ понемногу сталъ приходить въ себя и отчасти успокоился: дѣйствительность, какъ ни была она ужасна, казалась менѣе тяжелою нежели предшествовавшая ей неизвѣстность. По его собственному объясненію (которое онъ имѣлъ съ женой въ этотъ вечеръ), съ того самаго мгновенія какъ онъ потерялъ вѣру въ нее онъ переродился въ другаго человѣка. Подобно Шекспировскому Мавру, съ которымъ мы его уже сравнивали въ началѣ, обманъ любимой женщины какъ бы мгновенно уничтожилъ ту глубокую любовь которую онъ чувствовалъ къ ней въ продолженіи столькихъ лѣтъ и заставилъ его иначе взглянуть на весь міръ. Единственная разница между ними состояла въ томъ что Лука былъ менѣе трагиченъ, менѣе жестокъ, чѣмъ мстительный Отелло.

Но какъ непонятно устроено человѣческое сердце. Сомнѣніе или скорѣе надежда все еще не покидала Луку!

„Можетъ-быть я ошибся? Можетъ-быть это кашляла Фраскита?“ подумалъ онъ, на минуту забывая видѣнное внизу платье; подойдя къ самой двери и дрожа отъ волненія и надежды онъ приложилъ глаза къ скважинѣ; небольшое отверстіе позволяло видѣть только часть изголовья; но этого было слишкомъ достаточно для несчастнаго мужа: онъ увидѣлъ голову коррехидора! Опять та же страшная дьявольская улыбка скользнула по его лицу: можно было подумать что онъ обрадовался!

— Наконецъ истина въ моихъ рукахъ, прошелталаъ онъ и сталъ осторожно спускаться внизъ;—положеніе слишкомъ важно и нельзя дѣйствовать необдуманно; у меня есть довольно времени. Придя въ кухню, онъ сѣлъ на стулъ и закрылъ лицо руками; такъ прошло нѣсколько минутъ; наконецъ поднявъ голову, онъ увидѣлъ пистолетъ, лежавшій у него на козлахъ и пробормоталъ, откладывая его въ сторону:—Нѣтъ, говорю тебѣ нѣтъ! это не годится! Всѣ тогда будутъ сожалѣть ихъ и обвинять меня! Дѣло идетъ о коррехидорѣ, о! убить коррехидора вещь несомнѣнно обыкновенная въ Испаніи; еще пожалуй скажутъ что я убилъ его изъ однихъ подозрѣній... скажутъ что и жена пострадала напрасно... А я буду ловѣнъ!.. Заобидные люди поднимутъ меня же на смѣхъ, на томъ основаніи что мое несчастье весьма естественно: она такъ хороша и не могла оставаться вѣрною такому безобразному мужу!.. Мнѣ необходимо отплатить за себя!.. Это мщеніе позволяетъ мнѣ восторжествовать надъ ними, смѣяться, много смѣяться надъ всѣми безъ исключенія!.. И ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ обратиться въ насмѣшку мой горбъ, который былъ бы такъ неутомителенъ на висѣлицѣ!

Говоря такимъ образомъ и не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ неопредѣленныхъ словахъ, онъ опустилъ голову внизъ, потомъ поднималъ ее къ потолку, какъ бы ища вокругъ себя помощи для изобрѣтенія плана сдѣлать смѣшными свою жену и коррехидора, вмѣсто того чтобъ искать себѣ утѣшеніе въ молитвѣ, правосудіи или даже собственной смерти, какъ бы сдѣлалъ другой въ его положеніи.

Въ такомъ неопредѣленномъ душевномъ состояніи, глаза его остановились на одеждѣ коррехидора; мгновенно кака-то новая мысль преобразовала его неподвижное лицо... Онъ всталъ; сначала улыбка показалась на его губахъ, затѣмъ

она перешла въ деркій, сдержанный смѣхъ, усиливающийся съ каждымъ моментомъ и наконецъ дошедшій до такой степени что онъ упалъ на стулъ хохоча точно въ истерическомъ припадкѣ. Смѣхъ этотъ былъ тѣмъ болѣе ужасенъ что онъ происходилъ безъ шума, безъ боязни быть услышаннымъ сверху. Насмѣявшись въволю, онъ вскочилъ, началъ быстро раздѣваться и такъ же быстро надѣвать на себя плаще корректора, начиная съ чулокъ и башмаковъ и кончая оригинальною шляпою; затѣмъ пристегнулъ шпалу, накинулъ на плечи красный плащъ, взялъ въ руки перчатки и выйдя изъ мельницы, направился къ городу, нѣсколько разъ повторая про себя фразу, ясно выражавшую его намѣреніе:

— Вѣдь жена корректора также очень хороша!

XVI.

Оставимъ на время дядю Луку и возвратимся на мельницу, гдѣ проводивъ мужа, сеньйора Фраскита замкнула дверь. Прошло около часа послѣ его отъѣзда, какъ вдругъ огорченная Наваррка, рѣшившаяся не ложиться до возвращенія мужа и находившаяся въ своей спальнѣ, услышала жалобный голосъ возлѣ самой двери выходившей изъ комнаты на платину. „Помогите, я тону! Фраскита, Фраскита, помогите!“ просилъ какой-то слабый мужской голосъ съ отчаяннымъ отчаяніемъ.

„Если съ Лукой что-нибудь случилось?“ подумала съ ужасомъ мельничиха.

Она подошла къ маленькой двери, выходившей какъ намъ извѣстно на часть водопровода, и послѣшнво отворила ее, принявъ слышанный голосъ за принадлежащій ей мужу. Благодаря лунному свѣту, Фраскита увидѣла корректора, съ большими усилиями вытѣзавшаго изъ воды: на немъ не было ни одной сухой нитки.

— Спаси меня, Боже! прости меня Господи! бормоталъ недостойный старикъ,—я думалъ что лотому!

— Что это значитъ? Зачѣмъ вы здѣсь? Знаете ли вы который часъ? съ негодованіемъ воскликнула мельничиха, отступая на шагъ.

— Постой, постой, не торопись, ты все узнаешь! говорилъ онъ стараясь войти въ комнату. Дѣло въ томъ что

я чуть не утонулъ: посмотри, какъ вымокло все мое платье!

— Убирайтесь-ка отсюда по добру по здорову! воскликнула съ большимъ гнѣвомъ мельничиха, — я не хочу васъ слушать! Слишкомъ хорошо понимаю я все и безъ вашихъ объясненій! Развѣ моя вина что вы чуть не утонули! Развѣ я звала васъ? Ахъ, какое безстыдство! Такъ вотъ почему вы среди ночи взяли Луку изъ дому!

— Да выслушай же меня...

— Я вамъ уже сказала что не нуждаюсь въ вашихъ объясненіяхъ!.. Стулайте себѣ съ Богомъ, сеньйоръ, вотъ вамъ мой совѣтъ! Не оставайтесь здѣсь болѣе ни минуты, или я не отвѣчаю за себя!

— Чтѣ ты хочешь этимъ сказать?

— То чтѣ говорю... Вы знаете что мой мужъ въ отсутствіи и что я одна дома. Поэтому, примите мой совѣтъ и уходите немедленно, если не хотите чтобъ я васъ бросила въ воду собственными руками!

— Тшш, ради Бога! Не кричи такъ страшно, вѣдь я не глухъ, проговорилъ успокоительнымъ тономъ старый волокита. — Если я здѣсь, то имѣю на то свои причины: я пришелъ освободить твоего мужа, котораго алькадъ взялъ по ошибкѣ. Но прежде всего необходимо чтобы ты высушила мое платье.... Я промокъ до костей!

— Какое мнѣ дѣло до того что вы промокли! Повторяю вамъ, уходите!

— Да замолчи же, безумная! Ты ничего не знаешь! Посмотри, я принесъ тебѣ назначеніе твоего племянника на секретарское мѣсто! Видишь ли? Лучше посвѣти мнѣ, да поговоримъ спокойно. Вопервыхъ, пока будетъ сушиться мое платье, я желалъ бы немного отдохнуть...

— А, такъ вы пришли лично ко мнѣ! Такъ для этого вы взяли хозяина ночью изъ его дома! Такъ вы принесли съ собой бумагу назначающую моего племянника на мѣсто секретаря! Пресвятая Богородица! Чтѣ воображаетъ обо мнѣ эта горбатая обезьяна!

— Фраскита! Не забывай что я коррехидоръ!

— Да хотя бы вы были самъ король! Чтѣ мнѣ до этого? Я жена своего мужа и хозяйка въ своемъ домѣ! Вы думаете что я боюсь васъ? Я сумѣю найти дорогу въ Мадридъ, чтобы потребовать правосудія и защиты противъ

старого негодая, прикрывающагося своею властью для достиженія позорныхъ цѣлей! И кромѣ того, завтра же я постараюсь увидѣть вашу жену....

— Ничего этого не сдѣлаешь ты, безумная! воскликнулъ старикъ громкимъ голосомъ, надѣясь перемѣной тактики услугать негостепріимную хозяйку,—потому что, если ты не согласишься выслушать меня, я застрѣлю тебя сію же минуту....

— Вы меня застрѣлите? спросила глухимъ голосомъ Наваррка.

— Да.... и даже не буду отвѣчать за это.... Къ счастью, я сказалъ въ городѣ что отправился на поиски появившихся въ окрестности мошенниковъ и мнѣ не трудно будетъ обвинить тебя въ соучастіи съ ними.... Ты видишь что всѣ выгоды на моей сторонѣ.... поэтому лучше оставь гнѣвъ и люби меня.... какъ я люблю тебя...

— Итакъ, вы хотите убить меня! повторила мальчишка, наклонясь впередъ вѣсмы тѣломъ, какъ бы готовая наброситься на своего противника.

— Повторяю тебѣ, не сопротивляйся! Или я рѣшусь на это чтобъ избавиться развѣ навсегда отъ твоихъ угрозъ и твоей дьявольской красоты, отвѣтилъ старикъ, вынимая изъ кармана револьверъ.

— А! въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой давно желанное назначеніе племянника! сказала хозяйка.—Выборъ не подлежитъ сомнѣнію! Подождите здѣсь, сеньйоръ, одну минуту, я пойду за свѣчей, чтобы посвѣтить вамъ.

И оставивъ судью, она бросилась къ дѣйствицѣ и въ нѣсколько прыжковъ очутилась въ кухнѣ. Непрошенный гость вошелъ въ комнату и послѣдовалъ за хозяйкой, боясь чтобъ она не убѣжала отъ него; но благодаря своимъ слабымъ ногамъ, онъ медленно спускался съ дѣйствицы и вошелъ въ кухню въ тотъ моментъ, когда Фраскита уже приготавлилась выходить изъ нея.

— Итакъ, вы хотите убить меня? воскликнула неустрашимая женщина,—въ такомъ случаѣ, сеньйоръ, приготовьтесь умереть, я также умѣю стрѣлять! И она прицѣлилась въ него изъ пистолета, который оставила въ кухнѣ при отъѣздѣ Луки.

— Остановись, несчастная! воскликнулъ полумертвый отъ испуга старикъ,—что ты хочешь дѣлать? Я пошутилъ,

честное слово.... посмотри... револьверъ даже не заряженъ.... а между тѣмъ, вотъ обѣщанная бумага.... я тебѣ ее дарю.... и совершенно даромъ... на, возьми!...

Онъ положилъ на столъ дрожащими руками бумагу.

— Можете оставить ее здѣсь, насмѣшливо отвѣтила мельничиха,—завтра она пригодится мнѣ для разведенія огня, когда я буду готовить завтракъ своему мужу. Если же когда-нибудь мой племянникъ пріѣдетъ къ намъ въ гости, онъ сумѣетъ очень *чувствительно* поблагодарить васъ за оказанныя намъ милости, можете быть въ этомъ увѣрены! Однако, довольно! Убирайтесь вонъ, да поскорѣй! Я наконецъ начинаю терять терпѣніе!

Испуганный волокита не отвѣтилъ ни слова на ея рѣчь; лице его покрывалось смертельною блѣдностью съ какимъ-то синеватымъ оттѣнкомъ, бессмысленно смотрѣвшіе глаза закатились и сильная дрожь пробѣжала по всему тѣлу; затѣмъ зубы его застучали, точно въ лихорадкѣ, онъ не устоялъ на своихъ слабыхъ ногахъ и упалъ на полъ.

Испугъ вслѣдствіе паденія въ воду, мокрая одежда охватившая холодомъ его слабое тѣло, послѣдовавшая за тѣмъ спена, наконецъ страхъ предъ наведеннымъ на него пистолетомъ, всего этого было слишкомъ достаточно чтобы лишить послѣднихъ силъ слабого старика.

— Кажется я умираю, прошепталъ онъ чуть слышно,—позови скорѣй Гардуныю... онъ долженъ быть недалеко.... Я не долженъ умереть въ этомъ домѣ.... Больше онъ не могъ продолжать, закрылъ глаза и остался неподвиженъ точно мертвый.

— Еще и въ самомъ дѣлѣ умереть! проговорила въ раздумьи хозяйка;—этого только не доставало! Чтѣ я тогда буду съ нимъ дѣлать? Чтѣ скажутъ обо мнѣ? Чтѣ подумаетъ Лука? И какъ смогу я оправдаться, когда я сама отворила двери? Я не могу оставаться здѣсь съ нимъ! Прежде всего, я должна найти своего мужа! Принявъ это рѣшеніе, она выпустила изъ рукъ пистолетъ, отворила дверь, выбѣжала во дворъ и стала въ торолахъ сѣдлать осла; затѣмъ отворивъ ворота и вскочивъ такъ проворно на осла, какъ бы была маленькимъ, легкимъ ребенкомъ, она выѣхала на большую дорогу.

— Эй, Гардуныя! закричала мельничиха громкимъ голосомъ.

— Я здѣсь, откликнулся алгвазилъ, приближаясь къ ней, — это вы, сеньйора Фраскита? Чтò случилось?

— То что твой господинъ умираетъ; бѣги скорѣй на мельницу.

— Чтò вы говорите?

— Скорѣй, скорѣй, не теряй времени!

— А куда же ѣдете вы въ такое время?

— Я?.. Я ѣду въ городъ за докторомъ, отвѣтила она, и направила своего осла на тропинку ведущую къ жилищу алькада и которая была противоположна большой городской дорогѣ.

Испуганный неожиданною вѣстью Гардунья не обратилъ на это вниманія и послѣдними шагами отправился къ мельницѣ, говоря про себя: „Бѣдныя, не выдержи! Надо же заболѣть въ такое неудобное время! Правду говорить пословица: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ“.

XVII.

Когда Гардунья вошелъ въ кухню, корридоръ уже сталъ лонемногу приходить въ чувство.

— Ушелъ этотъ дьяволъ? было первымъ вопросомъ очнувшегося начальника.

— Какой дьяволъ?

— Развѣ не понимаешь? Мельничиха!

— Точно такъ, сеньйоръ. И если не ошибаюсь, то въ очень дурномъ расположеніи духа...

— Ахъ, Гардунья, я вѣроятно умру!

— Но чтò съ вами, сеньйоръ?

— Я упалъ въ воду... и теперь всѣ мои кости ноютъ самымъ невыносимымъ образомъ.

— Надо скорѣй помочь бѣдѣ. Имѣйте терпѣніе, сеньйоръ, я сейчасъ все устрою.

Говоря такимъ образомъ, онъ взялъ въ одну руку зажженную свѣчу, въ другую мокраго начальника, и такимъ образомъ сталъ подниматься по лѣстницѣ въ спальню; тамъ онъ его раздѣлъ и положилъ въ постель, укрывъ теплымъ одеяломъ; затѣмъ спустился снова въ кухню, съ мокрымъ платьемъ въ рукахъ, зажгъ тамъ большую лампу, развелъ

въ каминъ огонь, и развѣсивъ на нѣсколькихъ стульяхъ пострадавшую начальническую одежду, возвратилась наверхъ.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ онъ коррехидора, подбѣгая свѣчу къ самому его носу чтобы увидѣть слитъ ли онъ.

— Отлично! Я начинаю лѣтѣть. Послушай, Гардунья, завтра я тебя велю повѣсить!

— Меня повѣсить? За что же? Что случилось?

— То что проклятая мельничиха чуть не убила меня. Вотъ чего я достигъ благодаря твоимъ совѣтамъ! Завтра же тебя повѣсятъ!

— Здѣсь что-то не такъ, сеньйоръ.

— Какъ ты смѣешь говорить мнѣ такія дерзости! Не потому ли что я лежу и не могу наказать тебя?

— Нѣтъ, сеньйоръ, но я думаю что сеньйора Фраскита не могла быть къ вамъ такою жестокою, когда она отправилась въ городъ за докторомъ, безпокоясь о вашемъ здоровьѣ.

— Милосердный Боже! съ ужасомъ воскликнулъ судья.— Ты увѣренъ въ томъ что говоришь?

— По крайней мѣрѣ она сама такъ сказала мнѣ.

— Бѣги, лети, Гардунья! Ахъ, я погибъ! Понимаешь ли ты зачѣмъ она отправилась въ городъ? Ни за чѣмъ инымъ какъ чтобы все разказать моей женѣ... Боже мой, Боже мой! Какъ могъ я улустить это изъ виду? Я думалъ что она поѣхала искать своего мужа, и зная что его хорошо стерегутъ, совершенно былъ спокоенъ. Но отправиться въ городъ... Гардунья, бѣги скорѣй! Ты хорошій ходокъ, поспѣешь туда раньше ея и тѣмъ спасешь меня. Не допусти чтобы эта ужасная мельничиха вошла въ мой домъ...

— И вы меня не повѣсите?

— Напротивъ, я подарю тебѣ свои старые башмаки, которые еще въ довольно хорошемъ видѣ и мнѣ не годятся. Я тебѣ подарю еще много вещей, если хочешь.

— Въ такомъ случаѣ я не пойду, а полечу! Уските спокойно: не больше какъ черезъ полчаса я возвращусь, посадивъ предварительно подъ арестъ дерзкую мельничиху.

И усложивъ встревоженнаго начальника, Гардунья исчезъ.

Во время его отсутствія на мельницу возвратился ея хозяинъ, и произошла вышеописанная нами сцена.

Предоставимъ коррехидору испытывать благотворное дѣйствіе лота на его больныя кости, предоставимъ Гардуна слѣзнуть за Фраскитой въ городъ, куда черезъ четверть часа отправился и дядя Лука, переодѣтый въ грознаго судью, и послѣдуемъ за неустрашимою Наварркой въ ея ночномъ путешествіи.

XVIII.

Единственнымъ приключеніемъ встрѣтившимся мельничихѣ на ея пути къ алькаду былъ легкій услугъ при видѣ какого-то всадника ѣхавшаго по окольной дорогѣ и выскказшаго огонь.

„Что если это одинъ изъ прислужниковъ коррехидора, который вздумаетъ задержать меня?“ съ невольнымъ трепетомъ подумала Фраскита.

Въ это время раздалось невдалекѣ ржаніе осла.

„Оселъ въ полѣ въ такой часъ! Между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни огорода, ни ластбища. Помилуй насъ Боже! Вѣрно домовые разыгрались въ эту ночь.“

Почти въ это самое время оселъ на которомъ ѣхала мельничиха также громко заржалъ.

— Замолчи, проклятый! гнѣвно проговорила Фраскита ударивъ его по мордѣ, и боясь результатовъ размѣненныхъ животными привѣтствій, быстро направила своего осла на сосѣднее поле.

Желая узнать что дѣлаетъ налугавшій ее всадникъ, она оглянулась и совершенно успокоилась: человекъ выскказшій огонь по всей вѣроятности былъ испуганъ не менѣе ея, такъ какъ и онъ направила въ противоположную сторону.

„Ну, на воръ и шалка горитъ, усмѣхнулась она. Это вѣрно какой-нибудь несчастный въ родѣ меня, принужденный избѣгать встрѣчи съ людьми.“

Безъ дальнѣйшихъ приключеній, часамъ къ одиннадцати ночи, она подѣхала къ воротамъ дома алькада.

XIX.

сеньоръ алькадъ уже спалъ, повернувшись спиной къ дражайшей половинѣ, когда въ дверь его спальни резко постучался Тамбуэлло и доложилъ что сеньораита желаетъ его видѣть. Мы не будемъ повторять брани и ругательствъ которыя произнесъ раздраженный пробужденіемъ алькадъ въ то время пока одѣвался. Идѣвъ, войдя въ приемную и зѣвая во весь ротъ, онъ явился къ мельничихѣ со слѣдующими словами:

Здравствуйте, сеньора Фраскита. Что привело васъ не взирая на мое приказаніе переданное вамъ Тамбу? Такъ-то вы уважаете законъ!

Я хочу видѣть моего Луку, отвѣтила она,—и видѣть е минуто. Прикажите сказать ему что я здѣсь.

Хочу! Сию минуто! усмѣхнулся алькадъ. — Вы забыли, сеньора, что говорите чуть не съ королемъ!

Бросьте шутки въ сторону, сеньоръ, мнѣ не до нихъ! Комъ хорошо вы должны знать что съ нами хотятъ! Слишкомъ хорошо знаете, зачѣмъ понадобилось изъ дома моего мужа!

Я ровно ничего не знаю, могу васъ увѣрить, сеньора. Что же касается вашего мужа, то онъ преспокойно въ нисколько не хуже чѣмъ дома. Эй, Тамбуэлло, пока на чердакъ, да пригласи сюда дядю Луку. Разкажи теперь, сеньора, что съ вами случилось? Вы лежишь одна ложиться спать?

Не будьте такъ неостати насмѣшливы, сеньоръ: я уже сказала что мнѣ не нравятся ваши шутки! То что мною случилось, вещь очень нехорошая: вы и коррехидоръ захотѣли погубить меня, но не удалось! Я здѣсь, какъ это единственное свидѣтельство моей невинности сеньоръ коррехидоръ можетъ-быть умираетъ въ эту ту...

Онъ умираетъ? спросилъ услугавый подмачивалый,—вѣрно что вы говорите?

Ну конечно вѣрно. Онъ упалъ въ воду, чуть не утонулъ, но кое-какъ вылезъ и должно-быть простудился... Очень меня очень мало интересуеъ что съ нимъ та... Я пришла чтобы найти своего мужа и завтра же

отправляюсь въ Мадридъ, гдѣ все разкажу королю и у него правосудіа!

— Ахъ, чортъ возьми! бормоталъ растеряннымъ голосомъ, что тутъ дѣлать? Эй, Таньуэлло! осылай мнѣ скорѣе кого-нибудь мула, я поѣду самъ на мельницу, сейчасъ бѣда вамъ если вы съ нимъ что-нибудь сдѣлали!

— Сеньйоръ, сеньйоръ, проговорилъ быстро въ комнату услужанный Таньуэлло, — чердакъ пустъ! И исчезъ вмѣстѣ со своимъ осломъ!

— Неужели? воскликнулъ алькадъ.

— Святая Заступница! Что только происходитъ у насъ въ домѣ! съ отчаяніемъ проговорила мельница послѣдшимъ туда, сеньйоръ, не теряя ни минуты! Мужъ въ состояніи убить коррехидора, заставъ его въ этотъ часъ!

— Вы думаете что онъ на мельницѣ?

— Гдѣ же ему больше быть? Да къ тому же, покуда сюда я встрѣлилась съ нимъ, не узнавъ его. Безъ сомнѣнія это былъ онъ. Боже мой! какъ подумаю я что у насъ ныхъ гораздо болѣе ума нежели у людей! Наши осмысленные часъ же узнали и привѣтствовали другъ друга, какъ тѣмъ какъ мы съ Лукой проѣхали мимо, стараясь не удалиться.

— Хорошъ вашъ Лука, нечего сказать! сказалъ алькадъ. — Но за то и достанется же вамъ за него! Я шутить не люблю! Я—законъ! Я—король! Но тотъ добрякъ котораго мы имѣемъ въ Мадридѣ, а тотъ который царствовалъ еще въ Севильѣ подъ названіемъ Домъ-Педро Жестокосерднаго. Эй, Мануэлла, подай мнѣ ку и скажи своей госпожѣ что я ухожу!

Служанка исполнила приказаніе, и такъ какъ мужъ ожидалъ его, то грозный алькадъ въ сопровожденіи Фраскиты и Таньуэлло отправился въ путь.

XX.

Между тѣмъ Гардуния, добѣжавъ въ нѣсколько миль до города, бросился въ домъ коррехидора. Вѣтры были раскрыты какъ среди бѣлаго дня: такъ обыкновенно когда представитель власти находится дома, для исполненія своихъ священныкъ обязанностей. Въ ожиданіи его возвращенія нѣсколько алкадъ

на лѣстницѣ и въ пріемныхъ комнатахъ; увидя Гардунья, своего непосредственнаго начальника, они оживились. Скоро возвратиться сеньйоръ?

Онъ вѣтъ еще... Я пришелъ чтобъ узнать, все ли въ спокойно и не случилось ли чего новаго.

Все совершенно въ порядкѣ.

Гдѣ сеньйора?

Въ своихъ комнатахъ.

Не приходила сюда никакая женщина?

Ни одинъ человѣкъ не входилъ въ домъ въ теченіе времени.

Слушайте же! Не допускайте въ домъ ни одного чека, подъ какимъ бы предлогомъ онъ ни желалъ войти: робекности не допускайте никого къ сеньйорѣ, а навѣзъ, еслибы кто пришелъ чужой, отведите его въ тюрьму.

Должно-быть сегодня ночью вы разчитываете на нею добычу? спросилъ одинъ изъ алгвазиловъ.

И очень даже, таинственно отвѣтилъ Гардунья.—Вы ете представить себѣ что дѣло важное, когда сеньйоръ—мы дѣйствуемъ лично! Ну, однако прощайте, да держите ухо востро!

Счастливаго успѣха, сеньйоръ Бастіанъ, пожелали ему

Моя звѣзда начинаетъ закатываться, проговорилъ изъ зубы вышедшій на улицу Гардунья.—Плохо дѣло да даже женщины сумѣютъ обмануть и оставить въ дуракахъ! Эта проклятая мельничиха отправилась за своимъ сѣмъ, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ городъ... Эхъ, Гардунья, куда дѣвалось твое чутье!

Послѣ этихъ словъ онъ направилъ свои шаги къ мельницѣ. Правъ былъ огорченный алгвазилъ, упрекая себя въ потерю своего стараго чутья: онъ не замѣтилъ что какой-то овѣкъ при встрѣчѣ съ нимъ внезапно спрятался за дерево, пробормотавъ сквозь сжатые губы: „Надо остерегаться, это Гардунья, и онъ не долженъ меня видѣть!“

Тотъ человѣкъ былъ Лука, уже переодѣтый въ платье коррехидора и направлявшійся въ городъ къ дому послѣднѣму, обдумывая свой планъ

Итакъ, Гардунья прошелъ мимо, не замѣтивъ и чрезъ короткое время находился уже на мельницѣ. А Лука пошелъ къ дому коррехидора...

XXI.

При возвращеніи Гардуньи на мельницу, коррехидоръ лежалъ на постелѣ въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ его оставилъ.

— Какъ отлично я вслотѣлъ, Гардунья; этотъ благословенный ларъ спасъ меня отъ немалой болѣзни, я въ этомъ увѣренъ, воскликнулъ начальникъ.—Гдѣ же Фраскита? Видѣлъ ты ее? Говорила она съ сеньйорой?

— Эта мельничиха обманула меня какъ стараго дурака, сеньйоръ, она совсѣмъ не была въ городѣ, а отправилась въ лоиски за своимъ мужемъ. Простите меня, ваша милость!

— И отлично! Превосходно! воскликнулъ со злобою за-сверкавшими глазами коррехидоръ.—Въ такомъ случаѣ все спасено! Прежде чѣмъ наступитъ разсвѣтъ, эта милая ларочка отправится по дорогѣ къ суду и сможетъ разказать другъ другу всѣ свои приключенія въ превосходныхъ подвалахъ нашихъ тюремъ! Принеси мнѣ скорѣе мое платье, Гардунья; оно должно-быть уже сухо. Живѣ! Теперь обожатель обратится въ строгаго судью!

Гардунья спустился въ кухню за платьемъ.

XXII.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой сцены, къ мельницѣ подошли Фраскита, алькадъ и Таньуэло.

— Я войду первый, воскликнулъ алькадъ,—такъ какъ я представитель власти! Слѣдуй за мной, Таньуэло, а вы, сеньйора Фраскита, подождите, пока я васъ позову.

Сеньйоръ алькадъ вошелъ на площадку, гдѣ при свѣтѣ луны увидѣлъ сгорбленнаго, почти совсѣмъ горбатаго человека, одѣтаго какъ дядя Лука: на немъ были сѣрые суконные лавталоны и такая же куртка, голубые чулки, суконный колпакъ вмѣсто шляпы и на плечахъ простой плащъ.

— Это онъ! воскликнулъ алькадъ.—Во имя закона! Остановитесь, дядя Лука!

Сгорбленный человекъ хотѣлъ броситься обратно въ мельницу.

Удавайся, закричалъ въ свою очередь храбрый Тань-и схвативъ предполагаемаго мельника за воротъ, ѡмъ ударомъ повалилъ его на землю.

это самое время какая-то темная масса набросилась въуэлао и сбивъ его съ ногъ, начала отсчитывать ему за ударомъ. Это была Фраскита, восклицавшая:

Не смѣй бить моего Луку!

время этой схватки къ дерущимся послѣшно подо-

Гардунья и принявъ за коррехидора лежащаго на Таньуэлао, котораго продолжала колотить раздражен-мельничиха, отбросилъ ее въ сторону, причемъ она, шувшись, утала на землю; однако неустрашимая мель-ка не потерялась: ударивъ своею сильною рукою не ожи-аго того Гардунья, она съ удовольствіемъ увидѣла и онъ присоединился къ лежащимъ уже на полу по-еннымъ! Такимъ образомъ четыре особы барахтались млѣ, желая какъ можно скорѣе подняться. Между тѣмъ идъ подбѣжавъ къ предполагаемому мельнику при-лъ ему грудь одною ногой, чтобы помѣшать тому ѣ.

Гардунья! Помогите! Остановитесь, во имя закона! Я эхидоръ! закричалъ несчастный, чувствуя что тяжелая алькада обутая въ грубый, подбитый гвоздями са-, можетъ совсѣмъ продавить его слабую грудь.

Какъ коррехидоръ? воскликнулъ пораженный подчи-ый, отступая назадъ. Въ одинъ мигъ всѣ были на кѣ.

Я васъ всѣхъ посажу въ тюрьму! Я васъ всѣхъ ло-ур! съ гнѣвомъ закричалъ избитый начальникъ.

Но, сеньйоръ... умоляющимъ голосомъ проговорилъ аль-становаясь на колѣна предъ коррехидоромъ, — ради , простите! Кто могъ думать что это не Лука? Кто узнать васъ въ этой одеждѣ?

Глулецъ! отвѣтилъ коррехидовъ,—не по своей же волѣ къ нарядился! Развѣ ты не знаешь, что украли все мое ѣ! Не знаешь, что шапка мошенниковъ, предводитель-емая Лукой....

Вы лжете! воскликнула Фраскита.

Послушайте, сеньйора, сказалъ Гардунья, обращаясь ей,—если вы не постараетесь исправить все дѣло, то ѣ всѣхъ повѣсятъ, начиная съ Луки....

— Но за что? Что случилось? спросила недоумѣвавшая Фраскита.

— Вотъ что: дядя Лука въ эту самую минуту бродитъ гдѣ-нибудь по городу переодѣтый въ коррехидора, и Богъ знаетъ чего ни надѣлаетъ. Можетъ-статься, что заберется въ спальню самой сеньйоры, жены коррехидора.

Она разказала ей въ нѣсколькихъ словахъ покражу платья.

— Господи Иисусе! воскликнула мельничиха съ отчаяніемъ— неужели Лука считаетъ меня виновною? Неужели онъ пошелъ въ городъ съ тѣмъ чтобъ отомстить за свою поправную честь? Послѣшимъ скорѣй въ городъ и мы должамъ меня оправдать предъ глазами моего мужа!

— Послѣшимъ въ городъ чтобы помѣшать этому человеку увидѣться съ моею женой и пересказать ей тѣ глупости которыя онъ себѣ вообразилъ, сказалъ коррехидоръ, направляясь къ одному изъ ословъ.—Помогите мнѣ сѣсть, сеньйоръ алькадъ!

— Послѣшимъ, прибавилъ отъ себя Гардунья.—Дай Богъ, сеньйоръ коррехидоръ, чтобъ озлобленный дядя Лука удовольствовался только однимъ разговоромъ съ сеньйорой!

— Что ты говоришь? спросилъ услуганный коррехидоръ,— развѣ ты думаешь что онъ способенъ?...

— О, онъ способенъ на все, подтвердила Фраскита.

XXIII.

Было уже половина перваго, когда ночные лутанки постучали въ дверь дома коррехидора; все было темно, а двери заперты; казалось, что и городъ и его начальники покончили всѣ счеты съ прошедшимъ днемъ.

„Скверно“, подумалъ Гардунья, и сталъ колотить въ дверь руками. Прошло нѣкоторое время, но внутри не слышалось ни малѣйшаго движенія. Ревнивая мельничиха пожелтѣла какъ воскъ. Коррехидоръ искусалъ беззубыми деснами до крови свои губы отъ злости; стояла мертвая тишина...

— Бумъ! бумъ! бумъ! раздавали оба алгвазила и алькадъ щедрые удары въ неподатливую дверь... Въ отвѣтъ было одно молчаніе... Никто не отвѣчалъ... Никто не открывалъ... Слышался только нѣжный шорохъ небольшого фонтана находившагося во дворѣ. Такъ проходили минуты.

долгія какъ вѣчность! Наконецъ около часа ночи, послѣ новаго усиленнаго приступа, открылось окно въ нижнемъ этажѣ и женскій голосъ спросилъ: кто тамъ?

— Это голосъ кормилицы, прошептала Гардулья.

— Я! отвѣтилъ коррехидоръ.—Отворите скорѣй дверь!

Настало опять минутное молчаніе...

— А кто вы такой? повторилъ опять тотъ же голосъ.

— Развѣ вы оглохли, кормилица? Это я, хозяинъ дома, коррехидоръ.

Новая пауза.

— Ступайте себѣ съ Богомъ! отвѣтила наконецъ спокойнымъ голосомъ кормилица.—Мой хозяинъ вернулся домой съ часъ тому назадъ и давно уже спать. Послѣдуйте моему совѣту и ложитесь тоже спать, чтобы лишній хмѣль оставилъ ваши грѣшныя головы. Послѣ этихъ словъ она быстро захлопнула окно; несчастная Фраскита закрыла лицо руками.

— Кормилица! прогремѣлъ взбѣшанный хозяинъ.—Я вамъ приказываю отворить сію минуту! слышите ли? Развѣ вы не знаете кто я такой? Или вы хотите, чтобы я и васъ повѣсилъ съ остальными мошенниками?

Окно опять отворилось.

— Однако что же это такое? воскликнула кормилица.—Что вы за народъ, чтобы кричать такимъ образомъ?

— Я коррехидоръ!

— Вотъ потѣха! Не сказала ли я уже вамъ, что сеньйоръ коррехидоръ вернулся домой ранѣ двѣнадцати часовъ. Я собственными глазами видѣла, какъ онъ удалился въ свою спальню вмѣстѣ въ сеньйорой. Вы должно-быть хотите разыгрывать комедію среди ночи и безпокоить мирныхъ людей? Подождите немного и увидите что это не такъ легко!

Въ это самое время отворилась дверь и цѣлая толпа слугъ, вооруженныхъ кнутами и палками, набросилась на стоявшихъ предъ ней, восклицая:

— Посмотримъ, гдѣ этотъ мудреный коррехидоръ? гдѣ этотъ ночной путникъ?

И они стали щедрыми руками раздавать полновѣсные удары направо и налево, отъ которыхъ не мало досталось коррехидору, алькаду и двумъ алгвазиламъ. Двѣ такіа битвы, включая купанье въ холодной водѣ, были достаточнымъ наказаніемъ согрѣшившему старику.

Что касается мельничихи, она стояла въ сторонѣ отъ драки и закрывъ лицо руками, плакала въ первый разъ въ своей жизни, восклицая:

— Ахъ Лука! и ты могъ сомнѣваться! О! наше счастье навсегда исчезло!

XXIV.

— Что это за шумъ? раздался сверху дерущихся спокойный и мелодическій женскій голосъ. Всѣ подняли головы и увидѣли на балконѣ перваго этажа молодую женщину, одѣтую въ черномъ.

— Сеньйора! проговорили въ одинъ голосъ слуги и прекратили драку.

— Моя жена! пробормоталъ, получившій не мало ударовъ на свою долю коррехидоръ.

— Пусть войдутъ эти люди, продолжалъ голосъ, — сеньйоръ коррехидоръ позволяетъ. Слуги отступили и хозяинъ въ сопровожденіи своихъ ночныхъ компаньйоновъ вошелъ въ домъ. Ни одинъ преступникъ не подходилъ такими дрожащими шагами къ висѣлицѣ, какъ этотъ виновный хозяинъ поднимался по лѣстницѣ собственнаго дома. И между тѣмъ мысль о безчестіи преобладала надъ всѣми непріятностями которыя онъ испыталъ въ эту ночь: занятый ею, онъ забылъ и боль отъ побоевъ, и свое смѣшное положеніе...

„Прежде всего, подумалъ онъ, не слѣдуетъ забывать, что я — донъ Евгенийъ де Зуныга де Леонъ! Горе тѣмъ которые втоптали въ грязь это имя! Горе моей женѣ, если она посмѣялась надъ нимъ!“

XXV.

Жена коррехидора приняла своего супруга съ компаніей въ одномъ изъ главныхъ пріемныхъ салоновъ дома; она была одна и стояла посреди комнаты въ ожиданіи ихъ прибытія. Это была величественная женщина, довольно молодая еще, самой строгой и правильной красоты; ея костюмъ вполнѣ соответствовалъ суровому требованію того времени: узкая юбка и буфчатые рукава высокаго лифа были изъ черной шелковой матеріи, косынка изъ дорогаго желтоватаго кру-

кеза покрывала ея полныя плечи; широкая оборка чернаго гюля служила окончаніемъ рукава. Въ одной рукѣ она держала роскошный вѣтеръ, привезенный съ Филиппинскихъ острововъ, въ другой—дорогой батистовый платокъ, обшитый широкимъ кружевомъ. Она спокойно обмахивалась своимъ вѣтромъ, правильныя колебанія котораго вполнѣ соответствовали ея ровнымъ и изящнымъ манерамъ. Эта прекрасная женщина напоминала величественную королеву и въ то же время имѣла въ себѣ нѣчто свойственное игуменьѣ монастыря и внушала однимъ своимъ видомъ большое уваженіе, почти страхъ видѣвшимъ ее.

Ея богатый костюмъ, ослѣпительное освѣщеніе огромнаго салона въ такое необыкновенное время показывали что она хотѣла придать какъ можно болѣе театральной торжественности приему своего провинившагося супруга. Окончивъ описаніе этой сеньоры тѣмъ что до замужества она называлась Мерседесъ Кирильо де Альборносъ Еспиноза де лосъ-Монтеросъ и была дочерью, внукой, правнучкой и т. д. знаменитыхъ завоевателей города. Ея семейство ради тщеславія принудило ее ко браку со старымъ вельможей, и она, желавшая поступить въ монастырь, согласилась принести себя въ жертву ихъ волѣ. Въ описываемое время у нихъ было двое дѣтей.

— Мерседесъ, воскликнулъ при входѣ коррехидоръ,—я хочу немедленно знать...

— А, дядя Лука! Чтѣ вамъ здѣсь надо? Развѣ на мельницѣ что-нибудь случилось? перебила его жена.

— Сеньйора, я далека отъ шутокъ! отвѣтилъ яростно коррехидоръ.—Прежде чѣмъ объяснить вамъ свое поведеніе, я хочу знать чтѣ вы сдѣлали съ моею честью!

— Мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до вашей чести! Развѣ я могу отвѣчать за то чтѣ мнѣ не было ввѣрено на сохраненіе?

— Какъ не было ввѣрено? Я думаю, жена отвѣчаетъ за честь имени своего мужа!

— Конечно; и поэтому спросите объ этомъ свою жену: къ счастью она здѣсь присутствуетъ.

Фраскита, остававшаяся возлѣ дверей; при этихъ словахъ не могла удержаться отъ стога душившей ее злобы.

— Подойдите ближе, сеньйора, и садитесь, обратилась къ ней донья Мерседесъ, садясь въ свою очередь на софу.

Великодушная Назаррка проявила поведеніе этой оскорбленной жены, оскорбленной вдвойнѣ... Поэтому, не желая оказаться недостойною этой благородной женщины, она удержалась отъ дальнѣйшаго выраженія своего гнѣва. Кромѣ того, будучи увѣрена въ своей невиновности, она не слѣшила и не хотѣла оправдываться; напротивъ, она хотѣла обвинять и обвинять жестоко, но конечно, не донью Мерседесъ. Человѣкъ противъ котораго она была въ высшей степени раздражена былъ Лука, а его-то именно и не доставало.

— Сеньйора Фраскита, повторила хозяйка, видя что мельничиха не двигается со своего мѣста,—отчего вы не садитесь?

Это второе приглашеніе было сдѣлано голосомъ болѣе задушевнымъ нежели первое; казалось, донья Мерседесъ также инстинктивно угадала что имѣеть дѣло не съ низкимъ и презрѣннымъ существомъ, но съ другою несчастною и несчастіе которой происходило единственно отъ знакомства съ коррехидоромъ. Такимъ образомъ, обмѣнявшись долгимъ взглядомъ, обѣ женщины съ удовольствіемъ увидѣли что онѣ не соперницы, а напротивъ, что души ихъ имѣютъ много общаго. Подъ вліяніемъ этого радостнаго чувства, Фраскита твердыми шагами вошла въ комнату и сѣла на кресло. Надѣясь видѣться съ чужими людьми, она, при выѣздѣ изъ мельницы, надѣла черную фланелевую мантилью, чрезвычайно шедшую къ ея взволнованному лицу и казалась принадлежащею къ болѣе высокому классу.

Что касается коррехидора онъ хранилъ глубочайшее молчаніе въ продолженіе этой сцены; грозное похищеніе Фраскиты и ея появленіе рядомъ съ его женой до крайности раздражали его: эта женщина начинала внушать ему страхъ не менѣе судившей его жены.

— Итакъ, дядя Лука, продолжала послѣдняя, обращаясь къ нему,—вотъ ваша жена: можете возобновить свой допросъ.

— Мерседесъ, ради самого Бога! заревѣлъ коррехидоръ.—Ты не подозрѣваешь, на что я способенъ. Повторяю тебѣ снова: оставь шутки и разкажи мнѣ по совѣсти все что произошло въ мое отсутствіе! Гдѣ этотъ человѣкъ?

— Какой человѣкъ? Вы говорите про моего мужа? Онъ уже всталъ и не замедлитъ присоединиться къ намъ.

— Всталъ!? почти простоналъ ея мужъ.

— вы кажется удивлены? Гдѣ же, по вашему мнѣнію, бѣ бытъ въ подобное время всякій порядочный чело- какъ не у себя въ домѣ, и въ спальнѣ со своею за- о женой?

Мерседесъ! Понимаешь ли ты что говоришь? Вспомни ась слушаютъ! Вспомни что я коррехидоръ! восклик- выѣ себя хозяинъ дома.

То жалуста не кричите, дядя Лука, или я велю алгва- ть сію же минуту посадить васъ подъ арестъ!

Подъ арестъ! Меня! коррехидора этого города!

Коррехидоръ этого города, представитель правосудія. енныя короля, сказала такимъ строгимъ голосомъ . Мерседесъ что мнимый мельникъ невольно замолчалъ, — атиса въ свой домъ въ должное время для отдыха благородныхъ занятій своей службы, чтобы завтра съ ми силами быть защитникомъ чести и жизни своихъ ждавъ, неприкосновенности чужаго очага и уваженія енской стыдливости; чтобы собственнымъ примѣромъ альнаго поведѣнія уничтожить возможность всякому кѣ, переодѣтому въ коррехидора или кого другаго, по- утъ на чью-либо честь...

Мерседесъ! Что ты говоришь? прошипѣлъ ея мужъ; все что ты сказала произошло въ моемъ домѣ, то зна- ; ты вѣроломная женщина!

Съ кѣмъ однако говорить этотъ челоѣкъ? спросила а Мерседесъ, вставая и обводя глазами присутствую- кѣ,—не сумашедшій ли онъ? При всемъ моемъ желаніи, я югу повѣрить чтобъ это былъ честный дядя Лука, не- грѣ на его одеждѣ.

вѣряю васъ, сеньйоръ алькадѣ, что мой мужъ пришелъ ой уже около часа тому назадъ; слуги и алгвазилы при ѣ его одѣтаго какъ обыкновенно, въ своемъ плащѣ, хугольвой шляпѣ и прочихъ принадлежностяхъ своего дневнаго костюма, привали его съ поклонами и проводи- его до дверей жилыхъ комнатъ; послѣ того всѣ огни бы- потушены, двери замкнуты и ни одинъ чужой челоѣкъ проикъ сюда. Развѣ это не правда! Скажите вы, обра- ась она кѣ стоявшимъ все время въ дверяхъ слугамъ. — Это правда! Такъ, дѣйствительно! было единственнымъ фтоиъ.

— Възвѣтъ отсюда! прорезѣлъ съ лѣвой у рта разъяренный коррехидоръ. Гардуны! Арестуй вѣсѣхъ этихъ дерзновенныхъ, забывающихся предо мною! Всѣхъ ихъ въ тюрьму! Всѣхъ на висѣлицу!

Гардуны не оказалось нигдѣ и никто не отвѣчалъ ему.

— Предположимъ, сеньйоръ, сказала донья Мерседесъ видѣвшая что сѣдуетъ положить конецъ этой сценѣ, признавъ его своимъ мужемъ,—предположимъ что вы мой супругъ, донъ Евгеній Зуньига де Леонъ...

— Нечего и предполагать! Это истинная правда!

— Предположимъ что вы совершенно справедливо себя приписываете вину, про которую вы говорите, такъ какъ мнѣ трудно было не принять за своего мужа пришедшаго въ мою спальню человѣка одѣтаго въ ваше платье...

— Проклятіе! закричалъ коррехидоръ хватаясь за саблю и встрѣчая вмѣсто нея мягкій поясъ мельничковой одежды. Фраскита закрыла частью мантильи лицо чтобы скрыть отъ присутствующихъ слезы ревности.

— Предположимъ, все это правда... продолжала спокойнымъ голосомъ донья Мерседесъ;—но отвѣтите вы мнѣ: имѣете ли вы право жаловаться? Имѣете ли право обвинять? Можете ли являться моимъ судьей? Или вы думаете читать мнѣ проповѣди, исповѣдывать меня? И откуда явились вы въ этомъ странномъ одѣяніи? Откуда пришли въ сопровожденіи этой женщины? Гдѣ провели вы половину ночи?

— Позвольте, воскликнула точно ужасенная мельничиха, вскакивая на ноги и становясь предъ доньей Мерседесъ.

Коррехидоръ только-что приготовившійся говорить остался съ открытымъ ртомъ, парализованный гнѣвнымъ видомъ Фраскиты.

Но донья Мерседесъ спокойно отвѣтила:

— Сеньйора, не беспокойтесь давать мнѣ безполезныя объясненія; я у васъ ихъ не спрашиваю. Вотъ человѣкъ который можетъ требовать ихъ по своему праву! Объяснитесь съ нимъ, это будетъ лучше! И она указала рукой на входившаго Луку.

Дядя Лука, одѣтый съ головы до ногъ въ платье коррехидора, выходилъ изъ сосѣдняго кабинета.

XXVI.

— Доброй ночи, сказалъ новоприбывшій, снимая свою шляпу и шатаая губами какъ коррехидоръ. Потомъ онъ прошелъ всю залу, шатааясь изъ стороны въ сторону, и лопцѣвалъ руку доньи Мерседесъ. Всѣ присутствующіе остолебенѣли: сходство его съ коррехидоромъ было неподражаемо. Даже слуги и самъ алькадъ не могли удержаться отъ громкаго смѣха.

Донъ Евгеній де Зуаьига позеленѣлъ отъ злости и хотѣлъ броситься на Луку; но тутъ вмѣшалась Фраскита, протянувъ свою руку по направленію къ коррехидору; испуганный ея движеніемъ и зная на что она способна, онъ остановился не сказавъ ни слова; по всему видно было что эта женщина была создана на его несчастіе. Дядя Лука поблѣднѣлъ какъ мертвецъ при видѣ поступка своей жены, но овладѣвъ собою и приложивъ руки къ сильно бьющемуся сердцу, онъ обратился къ ней, все еще копируя коррехидора:

— Здравствуй Фраскита! Послала ты уже своему племяннику бумагу назначающую его на мѣсто секретаря?

Надо было видѣть въ эту минуту оскорбленную Наваррку!

Она сорвала съ головы своей мантилью, обратила къ мужу блѣдное съ сверкавшими глазами лицо и сказала страшнымъ голосомъ:

— Я тебя презираю, Лука!

Всѣ были поражены видомъ ея фигуры, звукомъ ея голоса. Лицо мальчика преобразилось: радость проникнувшая въ сердце выразилась на этомъ поблѣднѣвшемъ лицѣ. Точно забывъ все что онъ видѣлъ въ своемъ домѣ, онъ воскликнулъ со слезами на глазахъ и съ душевнымъ волненіемъ:

— Развѣ ты все еще моя Фраскита?

— Нѣтъ, гнѣвно отвѣтила Наваррка, — нѣтъ, я не твоя Фраскита. Благодаря твоимъ безумнымъ похиженіямъ и дѣйствіямъ этой ночи, ты разбилъ сердце такъ горячо любившее тебя! И слезы обильными ручьями полились изъ ея глазъ, точно внезапно образовавшійся ручей изъ растаявшаго снѣга какой-нибудь высокой горы. Донья Мерседесъ не могла сдержать своего волненія и приблизившись къ ней сжала ее въ своихъ объятіяхъ. Фраскита отвѣтила ей

лоцѣлуемъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ что во-кругъ нея происходило и какъ огорченное дитя прильнувшее къ ласкающей ее матери проговорила сквозь рыданья:

— О, сеньйора! какъ я несчастна!

— Не такъ какъ вы думаете, отвѣтила успокоительнымъ тономъ донья Мерседесъ, плача въ свою очередь.

— Вотъ я, такъ несчастна, прошептала Лука, стараясь скрыть свои слезы.

— А я, воскликнулъ донъ Евгений, смущенный женскими слезами или можетъ-быть надѣявшійся умиловить своимъ раскаяніемъ оскорбленныхъ имъ,—ахъ, я не менѣе несчастенъ! Хуже того, я чудовище! презрѣнный человѣкъ, влодя въ заслужившій вылавшее на мою долю наказаніе!

Даже алькадъ казался тронутымъ; что же касается присутствующихъ слугъ, то они не старались удерживать своихъ слезъ и комната огласилась громкими рыданіями.

XXVII.

Дядя Лука первый пришелъ въ себя среди всеобщаго плача, при вспоминаніи той картины которую онъ видѣлъ на мельницѣ и которую на мгновеніе забылъ подъ вліяніемъ словъ жены.

— Однако, я думаю, не мѣшаетъ разъяснить все это, сказалъ онъ.

— Здѣсь нечего разъяснять, отвѣтила донья Мерседесъ,—ваша жена, дядя Лука, святая женщина!

— Хорошо... но... если...

— Безо всякихъ *если*! Предоставьте ей говорить и вы увидите какъ чиста она выйдетъ изъ всей грязи. При первомъ взглядѣ на нее я это угадала, несмотря на все то что вы мнѣ рассказали.

— Хорошо! Пусть она говоритъ, согласился Лука.

— Я не буду ничего говорить! воспротивилась мельничиха;—если кто долженъ говорить, то это *ты*. Потому что, по справедливости, *ты*...

И честная женщина не сказала болѣе ни слова, благодаря глубокому уваженію которое внушала ей донья Мерседесъ.

— Ну а *ты*? спросилъ Лука, снова теряя возродившуюся въ нее вѣру.

— Теперь не о ней рѣчь, воскликнулъ коррехидоръ, возвращаясь къ преобладавшей въ его головѣ мысли,—теперь должны говорить вы и моя жена. Ахъ, Мерседесъ! Кто бы могъ подумать что ты....

— А ты? спросила поворачиваясь къ нему жена.

И въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ оба супружества продолжали повторять безсмысленный вопросъ, вполне доказывавшій ихъ душевное состояніе:

— А ты?...

— Ну, а ты?...

— Нѣтъ, говори что ты?...

— Нѣтъ, не я, а ты...

— Но какъ могъ ты?...

— Да вѣдь не сама ли ты? и т. д.

Этотъ разговоръ грозилъ продолжаться безконечно долгое время, еслибы донья Мерседесъ не положила ему конецъ, обратившись къ мужу:

— Замолачи, однако. Мы имѣемъ довольно времени впереди для собственныхъ объясненій: прежде всего надо вернуть спокойствіе дядѣ Лукѣ, что чрезвычайно легко, по моему мнѣнію, такъ какъ сеньйоръ алькадъ и Таньюэлло могутъ подтвердить гдѣ была сеньйора Фраскита все время.

— Я обойдусь и безъ ихъ свидѣтельствъ! отвѣтила мельничиха,—у меня есть два такихъ свидѣтеля, про которыхъ никто не сможетъ сказать что я ихъ уговорила сказать въ мою пользу.

— Гдѣ же они? спросилъ Лука.—Пусть войдутъ съ позволенія сеньйоры.

— Эти двѣ бѣдашки не могутъ подняться по лѣстницѣ.

— А! такъ это двѣ женщины! Кто же это такія?

— Это даже не женщины; одинъ мой свидѣтель называется Пильона, а другой Ливіана.

— Наши ослы! Фраскита, не смѣешься ли ты?

— Нисколько, я могу подтвердить, благодаря свидѣтельству нашихъ ослицъ, что не находилась на мельницѣ въ то время, когда ты видѣлъ тамъ сеньйора коррехидора....

— Объяснись ради Бога!

— Слушай же, Лука, и уми отъ угрызений совѣсти что могъ усомниться во мнѣ! Когда ты направлялся къ нашей мельницѣ сегодня ночью, убѣжавъ отъ алькада, я выѣзжала изъ нея по дорогѣ къ алькаду и такимъ образомъ мы встрѣтились на пути. Ты сталъ выскать огонь....

— Дѣйствительно! Я для этого на минуту остановился. Продолжай!

— Въ это время наши ослы разбѣгались громкимъ привѣтствіемъ, какъ слѣдуетъ хорошимъ друзьямъ, между тѣмъ какъ мы съ испугомъ бросились въ разные стороны!

— О, да, да... Да благословить тебя Богъ! Такъ все было! Но довольно, довольно, Фраскита! Мнѣ слишкомъ тяжело это слушать!

— Ты видишь, продолжала Наваррка, — что я не была на мельницѣ! Если хочешь знать почему сеньйоръ лежалъ у насъ на постелѣ, то его мокрое платье, которое ты надѣла, объяснить тебѣ все! Сеньйоръ упалъ въ воду и Гардунья раздѣла его и развѣсила платье для просушки! Если хочешь знать почему я отворила ему дверь, то я скажу тебѣ что приняла его крики за твой голосъ и думала что ты тонешь! И наконецъ, если хочешь знать про бумагу.... Но я думаю это уже излишне! Когда мы будемъ одни, ты можешь потребовать отъ меня объясненій до послѣдней подробности, которыя я не хочу давать предъ этою сеньйорой!

— Все это истинная правда! Она не была на мельницѣ, когда сеньйоръ коррехидоръ лежалъ тамъ, воскликнулъ алькадъ, желая прислужиться донѣ Мерседесъ, справедливо судя что она главное лицо, а не коррехидоръ.

— Да, да! подтвердилъ и Таньуэлло.

— Все.... что касается ея! воскликнулъ коррехидоръ, въ высшей степени обрадованный что разказъ Наваррки не продолжался далѣе.

— Итакъ ты не виновна! воскликнулъ радостно Лука. — Ты все еще моя Фраскита! Прости меня и позволь обнять тебя, моя дорогая.

— Не торопись! отвѣтила отстраняясь Фраскита;—прежде чѣмъ обнимать меня, ты долженъ тоже объясниться.

— Я вамъ дамъ желанныя объясненія и за него и за себя, выѣхалась донья Мерседесъ.

— Я жду ихъ въ теченіе цѣлаго часа, отвѣтилъ коррехидоръ, стараясь говорить строгимъ голосомъ.

— Но я не скажу ни полслова до тѣхъ поръ пока вы не перемѣните платье, отвѣтила донья Мерседесъ, презрительно обратившись къ своему мужу;—да и то эти объясненія услышатъ только ты, кто достоинъ того....

— Скорѣй переодѣваемся! сказалъ Лука, счастливый мыслію что не убилъ коррехидора, но смотрѣвшій на него

съ невыразимымъ отвращеніемъ. — Платье вашей милости меня душитъ; я былъ очень несчастливъ пока носилъ его!

— Потому что оно не принадлежитъ тебѣ, отвѣтилъ судья, — между тѣмъ я желаю какъ можно скорѣе его надѣть чтобы ловѣсить и тебя и всѣхъ, если меня не удовлетворять объясненія моей жены.

Донья Мерседесъ, слышавшая эти слова, успокоила собраніе веселою улыбкой.

XXVIII

Какъ только Лука и коррехидоръ вышли изъ комнаты, донья Мерседесъ сѣла на диванъ и посадила возле себя Фраскиту; потомъ обратившись къ слугамъ сказала имъ ласковымъ голосомъ:

— Ну, расскажите теперь вы все дурное что знаете про меня.

Мгновенно всѣ приблизились и сразу раздалось десятокъ голосовъ; но кормилица, какъ особа болѣе привилегированная въ домѣ, одержала побѣду надъ остальными и начала свой разказъ слѣдующимъ образомъ:

— Видите ли, сеньйора Фраскита, я и сеньйора мы сидѣли долго возле дѣтей въ ожиданіи хозяина, который, по увѣренію Гардуны, былъ занятъ важными розысками въ эту ночь и поэтому намъ казалось неприличнымъ ложиться спать въ то время, когда сеньйоръ исполнялъ свои тяжелыя обязанности. Вдругъ мы услышали деркій шумъ въ спальнѣ сеньйоровъ; мы вошли въ спальню полумертвыя отъ страха и увидѣли, помилуй насъ Господи, человѣка одѣтаго въ платье хозяина и старавшагося спрятаться подъ кровать. Воры! закричали мы въ одинъ голосъ и въ ту же минуту комната наполнилась слугами и дежурными алгвазилами. Моя госпожа, узнавшая въ чужомъ человѣкѣ, какъ и мы всѣ, дядю Луку, но не ловившая его страннаго костюма, выразила оласеніе не убилъ ли онъ сеньйора. „Воръ! убійца! въ тюрьму его!“ закричали тогда мы всѣ, бросаясь къ дядѣ Лукѣ, неподвижно стоявшему возле стѣны; но когда вооруженные алгвазилы хотѣли его взять чтобы отвести въ тюрьму, онъ появлялъ что долженъ наконецъ объяснить свое непонятное поведеніе и сказалъ, обращаясь къ госпожѣ: „сеньйора, не я воръ и убійца; воръ и убійца мой чести находится въ моемъ домѣ у моей жены!“

— Бѣдный Лука, вздохнула Фраскита.

— Эти слова сказали и мы, продолжала кормилица, — бѣдный дядя Лука, бѣдная ваша госпожа! Потому что услышавъ что вашъ господишъ пришелъ къ вамъ ночью, мы не знали что вы...

— Кормилица! перебила ее хозяйка, — вы не должны продолжать такимъ образомъ!

— Позвольте, сказалъ одинъ алгвазилъ, воспользовавшійся минутнымъ перерывомъ чтобъ овладѣть словомъ, — дядя Лука, котораго мы приняли за нашего господина, когда онъ проходилъ по лѣстницѣ, конечно пришелъ не съ добрыми намѣреніями.

— Ну вотъ! Замолчи ты! перебила его кухарка. — Ты только гаупости говоришь! Итакъ, сеньйора Фраскита, вашъ мужъ конечно долженъ былъ объяснить причины приведшія его въ домъ господъ. Услышавъ ихъ сеньйора наша не могла удержаться чтобы не ударить его по губамъ для прекращенія его разказа. Я сама обозвала его всѣми дурными словами которыя только пришла мнѣ въ голову; потому что, несмотря на то что онъ вашъ мужъ, вы понимаете что....

— Ты лустая болтунья! воскликнулъ привратникъ, ставясь предъ ней; — послушайте меня, сеньйора Фраскита: наша госпожа, преодолевъ свой справедливый гнѣвъ, обратилась къ дядѣ Лукѣ со слѣдующими словами: не взирая на ваше безчестное намѣреніе, которое я никогда не смогу простить, необходимо чтобы мой мужъ и ваша жена, виновные въ невѣрности, оставались въ убѣжденіи что вы отплатили имъ одинаковою монетою! Никакое другое наказаніе не будетъ болѣе чувствительнымъ! Послѣ этихъ словъ сеньйора научила насъ тому что мы должны дѣлать при возвращеніи господина. Могу безъ хвастовства сказать что мнѣ удалось такъ хорошо поподчивать Гардунью что онъ этого во всю свою жизнь не забудетъ!

При послѣднихъ словахъ привратника въ залу вошли корредикоръ и Лука, каждый въ своемъ платьѣ.

XXIX.

— Теперь моя очередь, сказалъ грозно коррехидоръ, стуча своею палкой по полу, какъ бы показывая присутствующимъ что онъ вполне вошелъ въ свои права и обратился къ женѣ:

— Мерседесъ, я жду твоихъ объясненій!

Мельничиха тѣмъ временемъ встала и, направившись къ мужу, очень чувствительно его ущипнула за руку, что доставило тому истинное наслажденіе и освѣтило счастливою улыбкой его лицо. Коррехидоръ видѣвшій эту сцену и не зная что Фраскитъ было разказано, съ удивленіемъ смотрѣлъ на это безпричинное примиреніе. Затѣмъ онъ обратился къ своей женѣ:

— Сеньйора, кажется мы одни не можемъ примириться; выведите меня изъ заблужденія! я вамъ это приказываю какъ мужъ и какъ коррехидоръ! и онъ стукнулъ снова палкой по полу.

— Развѣ вы уходите? спросила донья Мерседесъ, приближаясь къ мельничихѣ и не обращая на своего мужа ни малѣйшаго вниманія.— Въ такомъ случаѣ позвольте увѣрить васъ что этотъ скандалъ не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Реза! посвѣти этимъ сеньйорамъ. Прощайте, желаю вамъ всего хорошаго!

— О, нѣтъ! воскликнулъ становясь предъ нимъ хозяинъ дома,—Лука долженъ остаться здѣсь: я его арестую и не выпущу до тѣхъ поръ пока не узнаю всей истины! Эй, алгвазилы! Сюда!

Всѣ алгвазилы и слуги вопросительно посмотрѣли на донью Мерседесъ и не слѣшили ему повиноваться.

— Послушай, другъ мой, я совѣтую тебѣ скорѣе отлупить ихъ и не дѣлать себя еще болѣе смѣшнымъ, съ презрительною улыбкой сказала ему жена, и затѣмъ обратившись ко всѣмъ присутствующимъ отпустила ихъ благоклоннымъ наклоненіемъ головы и легкимъ поклономъ всего туловища, поклономъ бывшимъ въ модѣ въ тѣ времена.

— Но а... но ты... но мы... но они... бормоталъ до того растерявшійся коррехидоръ, что началъ дергать жену за платье, точно этимъ могъ заставить ее и нелюбимыхъ слугъ повиноваться.

Безполезное желаніе! Никто не обращалъ на него вниманія.

Наконецъ когда всѣ удалились и супруги остались одни въ салонѣ, донья Мерседесъ сказала мужу съ такимъ достоинствомъ и величіемъ во всей фигурѣ, которымъ могла бы позавидовать любая королева:

— Живи хоть сто лѣтъ, и ты никогда не узнаешь что произошло сегодня ночью въ моей спальнѣ. Еслибы ты былъ въ ней, какъ подобаетъ порядочному мужу, ты не имѣлъ бы надобности спрашивать меня о томъ. Я же со своей стороны не признаю себя обязанною объяснять тебѣ что-либо, ибо презираю тебя такъ глубоко что еслибы ты не былъ отцомъ моихъ дѣтей, то я въ состояніи была бы выбросить тебя собственными руками за окно! И затѣмъ, позвольте пожелать вамъ спокойной ночи, сеньйоръ!

Произнеся эти слова, на которыя донъ Евгеній не возражалъ ни однимъ звукомъ, такъ какъ будучи наединѣ со своею супругой онъ былъ смирнѣе ягненокъ, она удалилась въ кабинетъ, изъ котораго вошла въ спальню и затворила за собой на ключъ двери; ошеломленный ея словами старикъ остался посреди комнаты, но чрезъ минуту успокоился и съ неподражаемымъ цинизмомъ проговорилъ:

— Однако, я счастливо отдѣлался и теперь Гардунья мнѣ долженъ найти другую!

XXX.

Птицы уже начали привѣтствовать веселымъ лѣніемъ просылавшуюся природу, когда Лука съ женой приближались къ мельницѣ; они шли лѣшкомъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ плелись усталыя животныя.

— Слѣдующее воскресенье ты долженъ отправиться на исповѣдь, сказала мельничиха своему мужу, — чтобы очиститься отъ всѣхъ дурныхъ мыслей и намѣреній этой страшной ночи.

— Ты это хорошо придумала, согласился Лука. — Я, со своей стороны попрошу тебя: отдай пожалуста бѣднымъ тюфяки и бѣлье съ постели, на которой лежало это ядовитое животное.

— Не напоминай мнѣ о немъ, Лука! сказала Фраскита, — и будемъ говорить о другомъ. Я тоже хочу просить тебя объ одной вещи...

— Проси о чемъ хочешь.

— Слѣдующее лѣто поѣдемъ на морскія купанья.

— Зачѣмъ?

— Можетъ-быть послѣ нихъ Богъ пошлетъ намъ дѣтей.

— Счастливая мысль! Поѣдемъ непременно!

Солнце еще не взошло, но на востокѣ появились нѣжныя, розовыя полоски, когда хозяева вошли въ свой домъ.

Вечеромъ этого дня, къ великому удивленію супруговъ, не надѣявшихся, по случаю происшедшаго скандала, на по-
сѣщеніе своимъ обыкновенныхъ гостей, на мельницу яви-
лось большое общество. Епископъ, нѣсколько канониковъ
мѣстный юриконсультъ, два намѣстника сосѣднихъ мона-
стырей и много другихъ особъ, заняли почти всю красивую
площадку. Недоставало одного коррехидора. Когда всѣ при-
бывшіе сѣли на свои мѣста, епископъ сказалъ маленькую
рѣчь, въ которой упомянулъ что несмотря на недоразумѣ-
ніе случившееся въ этомъ домѣ онъ будетъ съ удоволь-
ствіемъ продолжать свои посѣщенія, чтобы доказать всѣмъ
и каждому что честные мельники нисколько не потеряли
его уваженія и что всеобщаго презрѣнія достоинъ только
одинъ человекъ который своимъ позорнымъ поведеніемъ
нарушилъ ихъ домашнее спокойствіе. Затѣмъ, пожелавъ
мельникамъ долгой, счастливой жизни въ обществѣ много-
численныхъ дѣтей, онъ сказалъ что съ удовольствіемъ по-
ѣстъ немного винограда, такъ какъ чувствуетъ большую
жажду. Всѣ гости послѣдовали его примѣру и публичное
возстановленіе чести мельника стоило послѣднему двухъ
корзинъ сочнаго винограда.

Прошло немного болѣе трехъ лѣтъ, когда противъ вся-
каго ожиданія, въ Испанію вторгнулись Наполеоновскія
войска и началась война за независимость.

Почтенный епископъ, жирные каноники, даже адвокатъ
и многіе другіе посѣтители мельницы умерли въ самомъ
началѣ войны, не будучи въ состояніи перенести вида вра-
говъ на своей родинѣ.

Коррехидоръ, котораго никогда болѣе не видѣли на мель-
ницѣ, былъ смѣненъ французскимъ маршаломъ и посаженъ
въ тюрьму (гдѣ вскорѣ и умеръ) за то что не хотѣлъ при-
знать чужеземнаго владычества.

Донья Мерседесъ не вступила во второй бракъ и вполнѣ
предалась воспитанію своихъ дѣтей; къ старости, когда

дѣти выросли, она поступила въ монастырь и умерла среди всеобщихъ сожалѣній.

Гардунья перешелъ на сторону Французовъ, что ему показалось выгоднѣе.

Сеньйоръ Хуанъ Лопесъ, бывшій алькадъ, поступилъ въ ряды сражающихся вмѣстѣ съ своимъ Таньузалаю и умеръ въ одной знаменитой битвѣ, убивъ въ свою очередь цѣлую массу Французовъ.

Наконецъ, дядя Лука и сеньйора Фраскита,—не имѣвшіе дѣтей, хотя перебивали на многихъ куланьяхъ и богомоляхъ,—продолжали попрежнему окружать другъ друга любовью и заботами; въ концѣ своей жизни, довольно продолжительной, имъ удалось увидѣть паденіе стараго и появленіе новаго режима въ Испаніи. Несмотря на долгіе годы прошедшіе послѣ описанной нами исторіи, они не могли видѣть трехугольных шляпъ, которыя вошли уже въ всеобщее употребленіе, безъ воспоминанія о той непріятной ночи своей молодости, въ теченіе которой они такъ много перенесли страданій.

ВОПРОСУ О ВОЕННО-УЧЕБНОМЪ РЕАЛИЗМѢ

эпоху которую мы теперь переживаемъ, когда рѣшаются
чайшія міровыя событія, когда еще шумитъ гроза воен-
нелюбоды, естественно что всякіе внутренніе вопросы
идутъ на второй планъ и даже отлагаются въ сторону,
оцѣне благоприятнаго времени; къ числу такихъ вопро-
совъ относится и педагогическій, который болѣе другихъ
гнѣвнаго и выжидающаго свойства. Очень можетъ-быть
статья наша о „военно-учебномъ реализмѣ и о военно-
образовательной реформѣ“, напечатанная въ прошлогодней апрѣль-
ской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, явилась не въ пору и что
именно въ другое время, интересъ для много бы вы-
звала, больше было бы голосовъ и возраженій о кото-
рыхъ мы просили, заканчивая статью, больше было бы сло-
вотвора и обдуманности въ отношеніи къ поднятому нами
вопросу, который ни улразднить, ни затушевать невозможно
какими педагогическими софизмами и полемическими вы-
сказаніями. Впрочемъ авторъ этихъ строкъ, живя въ провинці-
альномъ городѣ, не имѣлъ возможности слѣдить за всею на-
шею періодическою печатью; а по этой причинѣ и знать не
имѣетъ всѣхъ отзывовъ о своей статьѣ. Онъ имѣетъ въ виду
только немногіе и весьма краткіе фельетонные отзывы.

Рьяныхъ реалистовъ статья наша задѣла за живое. Одни изъ нихъ, вмѣсто дѣла, пустились въ личныя выходки, объясняя появленіе нашей статьи служебными неудачами; другіе, какъ фельетонистъ *Сѣвернаго Вѣстника* (см. 1877 года, № 13), * приравнивая насъ къ Туркамъ и башки-бузукамъ, которыхъ онъ серьезно считаетъ врагами нашихъ военныхъ гимназій, положительно утверждаетъ что статья наша писана по заказу редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника*, будто бы потерпѣвшихъ неудачу въ своихъ походахъ противъ Медико-Хирургической Академіи. Третьи, не зная что сказать въ своей защитѣ военныхъ гимназій, пустились въ довольно странную аргументацію, предоставлявъ рѣшеніе поднятаго нами вопроса усѣхамъ русскаго оружія. Слѣдую этой аргументаціи, пришлось бы послѣ перехода черезъ Дунай и Балканы нашей арміи оправдывать существованіе нашихъ военныхъ гимназій, во время долгаго стоянья подъ Плевной и нѣкоторыхъ боевыхъ неудачъ—требовать ихъ закрытія, а въ эпоху послѣдующихъ разгромовъ турецкихъ силъ—прославлять военныя гимназіи и благоговѣть предъ ихъ воспитательно-образовательною силою. Не зная что сказать, по незнанію военныхъ гимназій (если только не по незнакомству съ педагогическимъ дѣломъ вообще), наши рьяные реалисты вообразили себѣ что статья наша писалась на заданную намъ редакціей *Русскаго Вѣстника* тему, которою имѣлось въ виду прославить старые кадетскіе корпуса и возвеличить классическія гимназіи, которыми военныя гимназіи якобы не дадутъ спокойно существовать. Останавливаясь на этомъ пріятномъ заблужденіи и яросимъ нашихъ противниковъ свизойти до спокойнаго объясненія, въ которомъ отказывается намъ ученый фельетонистъ *Сѣвернаго Вѣстника*.

Но прежде чѣмъ возражать, было бы желательно приподнять забрало нашихъ противниковъ чтобы видѣть, кто они? Что они за реалисты? Если они скажутъ намъ: „мы просто русскіе реалисты“; тогда намъ не о чемъ спорить,—мы друга друга не поймемъ, ибо русскій реализмъ есть до такой степени нѣчто особенное и ни на что непохожее, что между нимъ и серьезными педагогическими

* Статья г. М. М. носитъ куріозное названіе: „Мѣстные враги нашихъ военныхъ гимназій.“ Какъ-будто наши военныя гимназіи имѣютъ всемірное значеніе и всемірныхъ враговъ.

задачами рѣшительно нѣтъ ничего общаго. Но если они скажутъ: „мы защищаемъ реальныя училища на тѣхъ же соображеніяхъ по какимъ ратуютъ за учрежденія этого рода не мало педагоговъ въ Пруссіи, Германіи и Швейцаріи“, тогда другое дѣло, мы могли бы понять другъ друга. Но понять тогда горячую защиту военныхъ гимназій было бы не легко. До 1873 года, когда реальныя училища совсѣмъ у насъ не было, реальная тоска, побуждавшая сочинять и защищать „военныя гимназіи“, еще могла оправдываться обстоятельствами: на безлюдьѣ и Ома дворянствѣ. Но съ 1873 много воды утекло. Явились реальныя училища, съ каждымъ годомъ возрастающія въ числѣ. Состоялся законъ о всеобщей воинской повинности, уничтожившій сословныя привилегіи и оставившій нерушимой только одну привилегію,—за образованіемъ. Многое измѣнилось за эти послѣдніе четыре года; но ни съ чѣмъ не измѣнились и ничему не научились наши реалисты. Въ качествѣ таковыхъ, имъ слѣдовало бы перенести свои симпатіи съ военныхъ гимназій на реальныя училища; въ качествѣ прогрессивныхъ лублицистовъ они должны бы теперь иначе относиться и къ военнымъ гимназіямъ, какъ заведеніямъ сословнымъ, нарушающимъ принципъ равноправности въ общеобязательной воинской повинности. Но они этого не дѣлаютъ и продолжаютъ лѣть старую лѣсню. Такой образъ дѣйствій нашихъ противниковъ ставитъ насъ въ крайнее недоумѣніе относительно ихъ педагогической компетентности: мы ни желали бы приравнивать ихъ къ фельетоннымъ реалистамъ, которымъ претитъ латынь и которыхъ вся педагогическая мудрость заключается въ томъ чтобы ученіе было какъ можно легче и пріятнѣе, безъ всякой „ерунды“. Намъ остается одно предположеніе. Наши ученые реалисты продолжаютъ защищать военныя гимназіи вовсе не во имя идеала реальной школы, а *чего-то другаго*; писали и ишутъ они статьи свои по заказу, если не *кого-то*, то *чего-то*. Это нѣчто постороннее, можетъ-быть личное, несомнѣнно вовсе не педагогическое, двигало и движетъ всею ихъ полемикой противъ классическихъ гимназій; оно же, и послѣ пораженія ихъ, не даетъ имъ покоя; оно же вывело ихъ изъ себя и довело до неприличнаго раздраженія при чтеніи статьи нашей о военно-учебномъ реализмѣ. Такова статья г. М. М., фельетониста *Свернаго Вѣстника* изъ школы реалистовъ *Вѣстника Европы*.

Еслибы г. М. М. сохранилъ больше самообладанія, то онъ долженъ былъ бы сначала опровергнуть главныя положенія нашей статьи, а затѣмъ доказать что военныя гимназіи больше подходятъ къ типу нѣмецкой реальной школы, чѣмъ наши реальныя училища. Ничего подобнаго г. М. М. не дѣлаетъ, между тѣмъ какъ теперь, въ 1877 году, нельзя же успокоиваться на „особенномъ типѣ“; ибо особенный типъ имѣютъ теперь и реальныя училища, которыхъ обходить молчаніемъ невозможно: онъ или лучше или хуже военныхъ гимназій, или равны имъ. Объ этомъ и долженъ былъ бы сказать что-нибудь неподкупный реалистъ. Если наши реальныя училища хуже,—докажите; если они равны военнымъ гимназіямъ, — будьте послѣдовательны, примите ихъ подъ свою защиту, и пожелайте чтобъ они получили одинаковыя съ военными гимназіями привилегіи. Обозвать положенія противника „безобразіями“ еще не значитъ что-нибудь доказать; а отказываться отъ его вызова, подъ тѣмъ жалкимъ предлогомъ что онъ якобы не заслуживаетъ возраженія, значитъ свидѣтельствовать о своей неправотѣ, о своей педагогической несостоятельности и непониманіи дѣла. Дѣлаемъ вызовъ ученому фельетонисту *Свернаго Вѣстника* и просимъ его опровергнуть слѣдующія положенія нашей статьи:

1) Военныя гимназіи имѣютъ характеръ низшихъ начальныхъ школъ, а не средне-учебныхъ заведеній, каковы нѣмецкія реальныя школы. Характеръ этотъ обуславливается элементарнымъ преподаваніемъ, проходящимъ почти чрезъ всѣ классы, и типомъ военно-учебныхъ педагоговъ.

2) Педагогическіе курсы, готовящіе этихъ педагоговъ, выпускаютъ хорошихъ учителей для начальныхъ школъ, но не для среднихъ училищъ; хорошимъ же учителямъ въ самихъ военныхъ гимназіяхъ выработаться невозможно, — не на чѣмъ, при низкомъ уровнѣ учебныхъ требованій и при путаницѣ курсовъ элементарнаго съ систематическимъ.

3) Если и можно еще, по видимости, военныя гимназіи приравнивать къ реальнымъ нѣмецкимъ училищамъ, то единственно по математикѣ, но никакъ не по иностраннымъ языкамъ; ибо взглядъ на эти послѣдніе обнаруживалъ и продолжаетъ обнаруживать крайнее шатаваніе, какъ это доказывается преподаваніемъ одного иностраннаго языка (въ шестидесятыхъ годахъ) и военно-педагогическою практикой при переводахъ изъ классовъ въ классы.

4) Преподаваніе въ военныхъ гимназіяхъ отечественнаго языка даетъ такіе жалкіе результаты, которые были бы невѣроятны, еслибы не подтверждались источниками вполнѣ официальнаго свойства.

5) Если заведенія подобной низкой учебной формаціи какъ военныя гимназіи не мѣшаютъ процвѣтанію нашей военной спеціальности, то этимъ мы обязаны военнымъ училищамъ и спеціальнымъ военнымъ академіямъ, а отнюдь не военнымъ гимназіямъ.

6) Если военныя гимназіи не мѣшаютъ процвѣтанію нашей военной спеціальности, то не мѣшаютъ ему и такія заведенія какъ классическія гимназіи, семинаріи и реальныя училища, въ которыхъ математика преподается теперь не менѣе серіозно, а учебныя требованія и ученическій трудъ поставлены несравненно выше.

7) Желать тѣхъ же привилегій для учениковъ классическихъ гимназій, семинарій и реальныхъ училищъ, какими пользуются воспитанники военныхъ гимназій, не только справедливо, но и патріотично.

Вотъ наши главныя положенія. Съ извѣстной точки зрѣнія они пожалуй могутъ казаться несправедливыми; но что же въ нихъ безобразнаго? Впрочемъ г. М. М., возражая намъ, не прочиталъ нашей статьи со вниманіемъ, читалъ ее тревожно, торопливо, иначе онъ былъ бы осторожнѣе въ своихъ выводахъ. Онъ не могъ бы называть статьи нашей компиляціей трудовъ г. Коховскаго, тонъ и содержаніе которыхъ не допускаетъ самой возможности заимствованія, но противоположности нашихъ взглядовъ; онъ остановился бы предъ клеветой будто мы въ статьѣ своей „обругали общество“. Сказать что общество не имѣетъ надлежащей педагогической, медицинской, вообще научной компетенціи еще не значитъ „ругать“ его, а только сказать правду. Гораздо неблаговиднѣе льстить ему или вводить его въ заблужденіе, навазывать ему свои симпатіи, агитировать во имя неправаго дѣла. Что вамъ Гекуба, г. М. М.! И изъ-за чего горячитесь вы, ратуя за военныя гимназіи? Если онѣ стоятъ прочно, если сочувствіе къ нимъ общества несомнѣнно, какъ вы увѣряете; то откуда же идутъ ваши тревоги, ваше наивное изумленіе отъ свободы критическаго отношенія къ излюбленнымъ вами школамъ, которыя вы не прочь бы застраховать отъ критики?

Очевидно что идеаль .серіозной германской реальной школы здѣсь не причеъ. Ученый фельетонистъ *Свернаго Вѣстника* является ,больше военно-учебнымъ педагогомъ, чѣмъ сколько нужно для защиты военныхъ гимназій.

Мы понимаемъ что можно еще вести полемику за необходимость существованія военныхъ гимназій, отирааясь отъ того положенія что такъ или иначе, но онѣ болѣе пригодны для специальныхъ военныхъ училищъ, чѣмъ другія наши учебныя заведенія. Но за такую полемику могутъ вѣзаться только люди дѣйствительно военной специальности, а не педагоги-реалисты, почитатели нѣмецкихъ реальныхъ училищъ, изъ числа которыхъ г. М. М. конечно себя не исключаетъ. Если военный специалистъ станетъ защищать военныя гимназіи; то побужденія его къ защитѣ будутъ намъ понятны, какъ прямо вытекающія изъ интересовъ военнаго дѣла; мы можемъ не согласиться съ его защитой, но не въ правѣ будемъ отказать ей во вниманіи. Но защита этихъ заведеній педагогами реалистами совершенно мелопытна и источникъ ея весьма не прозраченъ. Какъ бы ни были хороши военныя гимназіи, но вѣдь онѣ заведенія профессиональныя, служащія для военныхъ цѣлей, а не общеобразовательныя, по поводу которыхъ и изъ-за которыхъ идетъ полемика между классиками и реалистами. Пусть военныя гимназіи наши будутъ превосходны; пусть по образцу ихъ и въ другихъ земляхъ устроятся такіе же заведенія и для тѣхъ же цѣлей; да намъ-то съ вами; г. М. М., мирнымъ педагогамъ, литераторамъ и публицистамъ, но совсѣмъ не военнымъ людямъ, какое до этого дѣло! А если уже вѣтъ по военнымъ гимназіямъ забывая всякіе реальные принципы, то не лучше ли быть послѣдовательными и удивить міръ педагогическимъ абсурдомъ выразивъ его въ такой формѣ: *Россия не нуждается ни въ какихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, кроаъ военныя гимназіи. Гимназіи и прогимназіи невоенныя, семинаріи и реальные училища должны быть закрыты; вѣсто ихъ должны возникнуть вездѣ военныя гимназіи. Студенты русскихъ университетовъ и духовныхъ академій, подобно юнкерамъ военныхъ училищъ, должны получать только военно-гимназическое образованіе?* Мы назвали абсурдными эти педагогическія вожделѣнія и полагаемъ что г. М. М. и подобныя

ему реалисты ихъ не примутъ; но спрашиваемъ ихъ не изъ правднаго любопытства: можно ли желать чтобы воспитанникамъ военныхъ гимназій было предоставлено право поступать въ университеты?

Итакъ долговременное ратоборство нашихъ реалистовъ, въ концѣ-концовъ, сводится къ личнымъ вкусамъ и симпатіямъ: они нашли себѣ пріютъ и успокоеніе въ военныхъ гимназіяхъ. Requiescant in pace!

До тѣхъ поръ пока г. М. М. не выскажется, не приметъ нашего вызова, намъ не о чемъ съ нимъ спорить: мы другъ друга не понимаемъ, какъ это доказываетъ статья его, ничѣмъ не отличающаяся отъ обыкновенныхъ реалистическихъ фельетоновъ. Г. М. М. путаетъ воспитаніе съ образованіемъ, корпуса съ военными гимназіями, чужія, приводимыя нами слова съ нашими мнѣніями; вмѣсто доказательствъ указываетъ на служебныя повышенія лицъ, можетъ-быть и почтенныхъ, но никому и ничѣмъ неизвѣстныхъ; вмѣсто опроверженій, разражается фразами, вызывающими на перебранку. Возможенъ ли споръ съ подобнымъ противникомъ?

Въ числѣ отзывовъ о нашей статьѣ есть одинъ который мы не можемъ оставить безъ вниманія: это статья г. Носовича, подъ названіемъ *Нѣсколько словъ въ защиту военныхъ гимназій*, напечатанная въ № 265 *Голоса* за прошлый годъ. Авторъ статьи принадлежитъ къ числу военныхъ педагоговъ и занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ военно-учебной администраціи. Въ слокоиствѣи его тона громадная разница съ тономъ статьи г. М. М., приличествующимъ развѣ старому кадету изъ „спартапцевъ“! Мы благодарны автору названной статьи за его благосклонный отзывъ о нашей педагогической дѣятельности, а еще болѣе за то что онъ, не раздѣляя нашихъ взглядовъ, не становится на сторону нашихъ реалистовъ и не считаетъ насъ баши-бузукомъ, пущеннымъ редакціей *Русскаго Вѣстника* противъ военныхъ гимназій. Авторъ статьи *Голоса* имѣлъ въ виду указать нѣкоторыя неточности нашей статьи, что онъ и дѣлаетъ; но указаніе нашихъ неточностей (которыхъ мы не отрицаемъ, какъ равно „давленіе личныхъ интересовъ“ и нѣкоторой мѣстасй окраски) заставляетъ его по поводу ихъ высказывать свои мнѣнія. Очень жаль что почтенный

авторъ поспешилъ этими послѣдними, многое оставляетъ безъ отвѣта, а иногда говорить не достаточно ясно. Изъ нашей статьи г. Носовичъ извлекаетъ семь положеній. За исключеніемъ втораго, всѣ они вѣрны, но къ первому надобно прибавить: „военная гимназія совсѣмъ не реальная“. Эти семь положеній, приводимыхъ г. Носовичемъ, далеко не исчерпываютъ семи нашихъ положеній, представленныхъ выше, въ настоящей замѣткѣ. Однако и при такой неполнотѣ г. Носовичъ оставляетъ читателя своей статьи въ недоумѣніи: всѣ ли эти положенія онъ отрицаетъ, или же въ которыхъ принимаетъ, если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ. Очевидно, г. Носовичъ не желалъ останавливаться на подробностяхъ, быть-можетъ, опасаясь наскучить ими читателю: напрасно! Цѣль автора защиты состоитъ въ томъ чтобы доказать необходимость существованія военныхъ гимназій. На этихъ доказательствахъ мы и остановимся.

Г. Носовичъ врагъ всякихъ ломокъ и реформъ составляемыхъ въ комитетахъ и канцеляріяхъ и не оправдываемыхъ жизненными потребностями. Почтенный авторъ совершенно справедливо полагаетъ что „здоровые общественные интересы возникаютъ не иначе какъ при владычествѣ твердаго закона и при издавна установившейся привычкѣ къ правильнымъ отношеніямъ.“ Такъ и въ военныхъ гимназіяхъ, по его мнѣнію, все бы обстояло благополучно, лишь бы соблюдались принципы законности и правомѣрности; ибо, по остроумному замѣчанію автора, „директорскія дочки и зятя, напримѣръ, по штату военныхъ гимназій не полагаются.“ Но, кромѣ такого довода въ пользу военныхъ гимназій, авторъ защиты представляетъ болѣе вѣскій: примѣромъ Пруссіи онъ удостовѣряетъ насъ что военная гимназія рѣшительно необходимы для арміи и что безъ нихъ наша армія „обмелѣла бы“ (если позволить намъ авторъ употребить здѣсь этотъ терминъ Ростовцева). Въ прусской арміи, по словамъ автора, „около половины всего числа офицеровъ изъ кадетскаго корпуса и только 30% имѣютъ аттестаты объ окончаніи полнаго курса въ гражданскихъ заведеніяхъ.“ А у насъ?.. Но чтобы разсуждать по этому вопросу, надобно принять въ соображеніе многія обстоятельства. Согласимся что кадетскій корпусъ (но не военная гимназія), т.-е. воспитаніе съ дѣтства въ военной школѣ,

необходимъ для процвѣтанія военной спеціальности: что дѣлать, если она уже такой Молохъ, требующій столько жертвъ! Но согласившись, надобно желать чтобы жертвъ этихъ было какъ можно меньше. Допустимъ, что русская армія, по своей численности, нуждается въ большемъ числѣ корпусовъ, чѣмъ прусская; но все же такое число военныхъ гимназій, какое у насъ, притомъ же съ каждымъ годомъ увеличивающееся, не можетъ не тревожить cadaго „патріота“ (повторяемъ это слово, какъ ни кажется оно непріятнымъ фельетоннымъ реалистамъ). Пусть военныя гимназіи будутъ не хуже кадетскихъ корпусовъ; пусть онѣ будутъ лучше, цѣлесообразнѣе; но тревожное чувство отъ ихъ распространенія, отъ ихъ прославленія и идеализаціи со стороны мало знающихъ ихъ публицистовъ, нисколько не уменьшается. Военныя гимназіи теперь претендуютъ на то же положеніе, въ какомъ находились кадетскіе корпуса въ 50хъ годахъ и стремятся къ преобладанію, увѣренному въ своемъ превосходствѣ. Цѣль наша указать на вредныя, если не опасныя, стороны такого положенія. Неоспоримо что процвѣтаніе нашей военной спеціальности, военного искусства, требуетъ многихъ жертвъ; допустимъ что оно требуетъ военныхъ гимназій. Но еслибы можно было опредѣлить ежегодныя *дѣйствительныя* боевыя потребности нашей арміи въ спеціально-образованныхъ офицерахъ, то нѣтъ сомнѣнія, потребность въ военныхъ гимназіяхъ сократилась бы по меньшей мѣрѣ на половину. Мы убѣждены (и г. Носовичъ едва ли разувѣритъ насъ) что собственно армія, то-есть пѣхота и кавалерія, нисколько не нуждаются въ военныхъ гимназіяхъ: это удостовѣряютъ и военныя училища, изъ которыхъ только слабые юнкера выпускаются въ армію. Юнкерскія училища, пѣхотныя и кавалерійскія, несравненно полезнѣе для арміи, потому что онѣ даютъ спеціальныя свѣдѣнія, совершенно достатчныя для армейскаго офицера. Для корпуса артиллерійскихъ офицеровъ эти свѣдѣнія, конечно, должны быть шире и глубже; этой цѣли удовлетворяютъ у насъ военныя училища и только отсюда начинается необходимость въ *спеціальныхъ* военно-учебныхъ заведеніяхъ. Но артиллерія, фортификація, тактика и другія военныя науки научнымъ образомъ изучаются не въ этихъ училищахъ, а въ особыхъ заведеніяхъ или въ академіяхъ.

Почему же, спрашивается, для военно-учебныхъ учреждений нужна какая-то особая подготовка слушателей, какое-то особое ихъ общее образованіе? Намъ говорятъ что такое образованіе должно быть реальнымъ, преимущественно математическимъ. Но еслибы и такъ, то причѣмъ же тутъ военныя гимназіи и гдѣ же права ихъ на договѣнность? Г. Носовичъ думаетъ что мы оплакиваемъ доброе старое время, время кадетскихъ корпусовъ. Мы только говорили и говоримъ что кадетскіе корпуса были научные, серьезныя и реальныя военныя гимназіи; если же послѣднія болѣе удовлетворяютъ потребностямъ военныхъ наукъ,—намъ только остается подивиться!

Благодаря автору защиты, мы имѣемъ теперь возможность указать на обстоятельство упущенное изъ виду въ нашей статьѣ; приводимъ его словами г. Носовича. „Цѣлью воспитанія въ военныхъ гимназіяхъ, по мысли реформаторовъ, должно было быть исключительно общечеловѣческое развитіе, съ тѣмъ чтобы по окончаніи курса воспитанники сознательно избрали себѣ карьеру по призванію.“ Такъ дѣйствительно и было въ принципѣ въ первые годы военно-учебной реформы, то-есть военныя гимназіи, съ одной стороны, признавались необходимою жертвою для высшихъ интересовъ арміи, а съ другой, по окончаніи курса—выходи себѣ на волю! Принципъ, безспорно очень либеральный, но не свидѣтельствующій о трезвомъ пониманіи этихъ интересовъ. Но мало ли куріозовъ указано въ нашей статьѣ о военно-учебномъ реализмѣ! Жаль что наши оппоненты умышленно ихъ обходятъ. Въдѣ по меньшей мѣрѣ куріозно—въ 1862 году провозглашать что „надобно отказаться отъ воспитанія офицеровъ,“ а черезъ десять лѣтъ возвращаться къ идеямъ того же Ростовцова, система котораго съ такимъ усердіемъ ломалась! Отъ нашихъ похвалъ корпусамъ и системѣ Ростовцова не позовится; но военнымъ гимназіямъ, если уже неизбежно ихъ существованіе, ничего не остается какъ переродиться по ихъ подобію въ школы *серіозно всенныя учебныя и истинно-реальныя*.

Защищая всенныя гимназіи, г. Носовичъ какъ бы забываетъ о томъ что у насъ существуетъ теперь законъ общедоинской повинности и что съ изданіемъ этого закона,

военно-учебный вопросъ изъ частнаго военно-научнаго, переходитъ въ сферу высшихъ общественныхъ интересовъ. Военно-учебныя заведенія (все равно корлуса или гимназій) школы сословныя. Онѣ наполнялись и естественно должны будутъ наполняться преимущественно дѣтьми военно-служащихъ и служившихъ. Не грозитъ ли это тѣмъ что со временемъ высшее военное сословіе наше должно составить особую касту. Совмѣстна ли была бы такая каста съ закономъ объ общей воинской повинности и со справедливостію, и неужели она необходима для процвѣтанія военного искусства? Говоря это, мы далеки отъ мысли выставять себя лоборниками „демократизаціи арміи“. Мы высоко цѣнимъ всякаго рода историческія преданія, слѣдовательно и военныя, но далеки отъ утвержденія что преданія эти всего лучше сохраняются въ замкнутой кастѣ. Противъ нашихъ словъ есть, повидимому, готовое возраженіе, живой фактъ существованія открытыхъ *всесословныхъ* военныхъ гимназій. Но что же доказываетъ этотъ фактъ, и къ чему приведутъ и на какія мысли наводятъ эти гимназій? Надобно быть слишкомъ увлеченнымъ, слишкомъ слѣпымъ чтобы не видѣть и не лопать что всесловныя военныя гимназій открываютъ прежде всего широкія двери къ выходу отъ обязательной военной службы. Онѣ, естественно, по вкусу всѣмъ и каждому, ибо избыть эту повинность, что бы ни говорили, желательно тоже каждому. Но распространять такія всесловныя открытыя гимназій значило бы, смѣемъ думать, играть въ опасную игру; ибо это, съ одной стороны, подрывало бы въ корнѣ принципъ равноправности, положенный въ основаніе закона о воинской повинности, а съ другой стороны такое распространеніе было бы столь же (если не болѣе) вредно для русскаго просвѣщенія, какъ были вредны кадетскіе корлуса въ послѣдніе годы своего существованія. Если мы (для полемическаго удобства) согласились съ г. Носовичемъ въ томъ что военныя гимназій необходимы для процвѣтанія русскаго военного искусства; то позволяемъ себѣ надѣяться что почтенный защитникъ ихъ не будетъ противъ того что необходимость эта составляетъ жертву, особенно тяжкую послѣ 1874 года, съ изданія закона о всеобщей воинской повинности, и что подобная жертва нуждается не въ отягченіи, а въ облегченіи.

Впрочемъ, г. Носовичъ, какъ замѣчено, беретъ военно-учебныя заведенія въ всякаго вліянія великой военной реформы 1874 года. „Какъ въ прежнее царствованіе, говоритъ онъ, такъ и теперь, армія наша даетъ самыя широкія права всѣмъ окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ и университетахъ.“ Онъ доказываетъ это производствомъ университетскихъ кандидатовъ чрезъ три мѣсяца въ первый офицерскій чинъ и пріемомъ безъ экзамена въ военныя училища кончившихъ курсъ воспитанниковъ гражданскихъ гимназій. Что касается до офицерскаго чина (конечно, по арміи, а не по артиллеріи), мы уже говорили что это производство не имѣетъ никакого отношенія къ военно-учебному вопросу: въ армейскіе чины производились и производятся унтеръ-офицеры изъ рядовыхъ, воспитанники юнкерскихъ училищъ, прежніе юнкера и т. д. лица, которымъ однако же запираются двери въ военныя академіи, а этимъ самымъ преграждается путь къ быстрой и блестящей военной карьерѣ. Дѣло не въ томъ что студентъ университета поступаетъ въ военную службу рядовымъ, а юнкеръ военныхъ училищъ офицеромъ артиллеріи; дѣло въ томъ что *армейскій* офицеръ изъ студентовъ никогда не перегонитъ бывшаго военного гимназиста, предъ которымъ настежь открыты двери заведеній, выпускающихъ *ученихъ офицеровъ*. Только этимъ послѣднимъ, и притомъ въ раннюю, юношескую пору, принадлежит весь блескъ нашей военной карьеры. *Широкія* же права, о которыхъ говоритъ г. Носовичъ, развѣ немногихъ счастливцевъ, да и то къ старости, доведутъ до командованія подкомъ! Гораздо существеннѣе указаніе г. Носовича на свободный доступъ въ военныя училища для воспитанниковъ гражданскихъ учебныхъ заведеній; извиняемся въ этой неточности, вкравшейся въ нашу статью отъ недостаточнаго знакомства съ военными училищами. Итакъ, въ военныя училища, какъ оказывается, открытъ свободный доступъ и воспитанникамъ гражданскихъ заведеній; но они, говорятъ, не идутъ туда. Почему? Намъ не объясняютъ. Объ „униженіи военного ремесла,“ какъ замѣчено въ нашей статьѣ и какъ выражались въ 60хъ годахъ, теперь не можетъ быть и рѣчи. Воспитанники классическихъ гимназій, положимъ, не идутъ потому въ военныя училища что идутъ въ университеты, какъ воспитанники семинарій идутъ въ духовныя академіи; ну, а

ученики реальныхъ училищъ?... Къ 1му января 1876 мы имѣли 47 реальныхъ училищъ, съ восьмью съ половиной тысячами учащихся (см. Календарь Суворина на 1878, отд. 1, стр. 256); чрезъ два года цифры эти должны значительно увеличиться, а послѣдняя съ каждымъ годомъ будетъ возрастать прогрессивно. Общеобразовательный курсъ этихъ новыхъ училищъ реаленъ именно въ томъ смыслѣ, какъ это всегда у насъ требовалось для военно-учебныхъ заведеній, т.-е. безъ латинскаго языка. Итакъ для процвѣтанія военнаго искусства, для военныхъ училищъ и академій, контингентъ у насъ, и кромѣ военныхъ гимназій, есть не малый: реалисты невоенные, гимназисты не пошедшіе въ университетъ, студенты имѣющіе въ виду военное полприще, да мало ли и другихъ образованныхъ людей имѣющихъ ту же цѣль. Контингентъ немалый, а въ училища военныя, говорятъ, нейдутъ, даже послѣ военной реформы. Если такъ, вѣтъ ли вины въ самихъ училищахъ? Недостаточно предоставить право свободнаго вступленія въ военныя училища, надобно сдѣлать возможнымъ и полезнымъ самое пребываніе въ нихъ. Нельзя ли сократить курсъ военныхъ училищъ, выбросивъ изъ нихъ предметы общаго образованія *, совершенно ненужные для молодыхъ людей не изъ военныхъ гимназистовъ? Нельзя ли задачи военныхъ училищъ перевести на училища юнкерскія, болѣе всѣхъ слодручныя? Нельзя ли преподаваніе военныхъ наукъ и другихъ предметовъ въ такихъ училищахъ сдѣлать научнѣе, а требованія серіознѣе? Пора же признать непреложность того факта что воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній были и будутъ всегда болѣе зрѣлы и болѣе трудолюбивы, чѣмъ военныхъ,—кадеты и гимназисты. Нельзя же ихъ удовлетворить тѣмъ чѣмъ могутъ довольствоваться эти послѣдніе, — легкими курсами и требованіями, легкимъ преподаваніемъ. Нельзя, наконецъ, не согласиться что для процвѣтанія спеціальныхъ училищъ положительно необходимъ одинаковый уровень умственной зрѣлости обучающихся, и если малозрѣлыхъ юношей льстить сотоварищество съ болѣе зрѣлыми, то нечего удивляться, ежели послѣдніе избѣгаютъ общенія съ первыми.

* Общеобразовательный курсъ военныхъ гимназій заканчивается въ военныхъ училищахъ.

Намъ кажется, еслибы при штабахъ военныхъ округовъ открыть училища, гдѣ бы преподавались только однѣ военныя и высшія математическія науки, подчинивъ эти училища начальникамъ военныхъ округовъ; тогда не было бы надобности ни въ теперешнихъ военныхъ училищахъ, ни въ литающихъ ихъ военныхъ гимназіяхъ: онѣ не остались бы пустыми, въ нихъ охотно пошли бы даже тѣ молодые образованные люди которые обязательно несутъ солдатскую службу.

Оставаиваемся, чтобы г. Носовичъ не обличилъ насъ въ посягновеніи на бытіе не однѣхъ военныхъ гимназій, но даже и военныхъ училищъ. Почтенный авторъ сѣтуетъ на насъ что мы не предложили указаній, какъ поправить недостатки военныхъ гимназій; но при нашемъ убѣжденіи въ образовательномъ ихъ убожествѣ, не опровергнутомъ авторомъ защиты, странно было бы ожидать отъ насъ указаній и рецептовъ!

Подобно г. Носовичу, лично мы также не партизаны ломокъ; но военно-учебный вопросъ у насъ совсѣмъ особеннаго свойства, какъ нигдѣ. Онъ если не волнуетъ, то тревожитъ наше общество съ самыхъ сороковыхъ годовъ. Эту тревогу не успокаивалъ, а скорѣе возбуждалъ самъ Ростовцовъ своею усердною защитой кадетскихъ корпусовъ, грозившихъ преобладаніемъ. Въ шестидесятыхъ годахъ корпуса падаютъ подъ ударами реформаторовъ; возникаютъ заведенія *срочныя*, на время (на 6—7 лѣтъ), съ другимъ названіемъ, не соответствующимъ дѣлу, съ „особымъ таломъ“, но съ низшею учебною формаціей, чѣмъ корпуса. По простествіи срочныхъ лѣтъ разрушающая рука начинаетъ упрочивать и увѣковѣчивать временно-созданное. Настаетъ эпоха процвѣтанія военныхъ гимназій, — теперешніе семидесятые годы. Наши *доморощенные* реалисты, враги учебной „ерунды“ и борники легкости и пріятности обученія, не только принимаютъ ихъ подъ свою защиту, но и *даютъ имъ форсъ* и притязанія на преобладаніе. Крайняя бѣдность въ воспитательныхъ средствахъ и возможность избѣгнуть солдатчины, не особенно пріятной каждому, *несомненно* привлекаютъ къ нимъ вниманіе общества. Нерѣдки случаи что послѣднее съ 1874 года не только проситъ, но и жаждетъ военныхъ гимназій. Это одна картина, одна сторона дѣла или

вопроса. А вотъ другая: результаты великихъ реформъ; подъемъ умственной жизни, русской культуры, русской науки; масса новыхъ учебныхъ заведеній; легіонъ образованной молодежи, жаждущей дѣла и часто его не находящей... Обращаемся къ чувству справедливости г. Носовича и спросимъ его: подобные контрасты, подобныя противорѣчія, подобныя явленія, положительно вредныя для блага русской образованности, могутъ ли долго оставаться не освѣщенными, не указанными? Вѣдь только такіе многотрудные мужи какъ г. М. М. могутъ желать запретить все русское юношество въ военныя школы, какъ желали этого въ старину поборники кадетскихъ корпусовъ; только подобные люди могутъ не понимать вреда своихъ пожеланій, но не г. Носовичъ, допускающій военныя гимназіи лишь въ интересахъ военнаго дѣла, а не въ смыслѣ ихъ превосходства предъ всѣми прочими учебными заведеніями Имперіи. Наша вина противъ военныхъ гимназій лишь въ томъ что мы первые громче другихъ о нихъ заговорили и указали на ихъ аномалію.

Въ заключеніе статьи своей г. Носовичъ проситъ насъ отказаться отъ трехъ обвиненій которыя по его мнѣнію весьма пристрастны. Не останавливаясь на двухъ послѣднихъ и не отказываясь отъ нихъ, скажемъ нѣсколько словъ о *меркантилизмѣ образованія*. Съ этимъ меркантилизмомъ случилось то же что съ „коварствомъ, вѣроломствомъ, драками, воровствомъ и т. п.“ свойствами, въ которыхъ реформаторы военно-учебныхъ заведеній обвиняли бывшихъ кадетъ, и которыя безъ церемоніи приписали намъ наши реалисты (несмотря на нашъ протестъ противъ такихъ крайнихъ обвиненій), утверждавшіе что въ этихъ качествахъ мы изобличаемъ военныхъ гимназистовъ. Въ нашей статьѣ о военно-учебномъ реализмѣ *прямо и непосредственно* мы нигдѣ не обвиняли военныя гимназіи въ меркантилизмѣ образованія, точно также какъ и теперь прямо обвинить ихъ въ этомъ не можемъ; но мы были и остаемся въ той увѣренности что меркантилизмъ является неизбежнымъ результатомъ школъ узко-утилитарныхъ, *альбиныхъ*, гдѣ все идеальное изгоняется по принципу. Рекомендуемъ автору защиты прочесть любопытное въ этомъ отношеніи мнѣніе спеціальнаго корреспондента хорошо расположенной къ намъ берлинской газеты *National-Zeitung*, находив-

шагося при Кавказской арміи, о которой онъ отзывался съ уваженіемъ. (См. *Московскія Вѣдомости* 1877, № 237.)

Г. Носовичъ принадлежитъ къ такимъ противникамъ которые понимаютъ необходимость свободы во всякой честной полемикѣ, которые не вызываютъ на своихъ оппонентовъ прещеній и не отсылаютъ ихъ, для рѣшенія спора куда-нибудь на-сторону. Почтенный авторъ защиты, не увѣрены, не пошлетъ насъ на поле битвы, не засадитъ насъ за изученіе формулярныхъ списковъ; ибо онъ очень хорошо понимаетъ что всякаго рода педагогическіе, образовательные, культурные вопросы (а въ числѣ ихъ и военно-учебный) не имѣютъ ничего общаго съ доблестями арміи: со славой оружія, и что спокойному ихъ обсужденію ни что не можетъ и не должно мѣшать,—ни слава оружія, ни его неудачи.

М. ДЕ-ПУЛЕ.

Тамбовъ. Февраль 1878.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ ПРОСТРАНСТВА И МЕДИУМИЗМЪ

Wissenschaftliche Abhandlungen von Joh. Carl Friedrich Zöllner,
Professor der Astrophysik an der Universität zu Leipzig.
1й томъ 1878.

Книга заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи явилась недавно въ Лейпцигѣ. Авторъ, извѣстный громомъ и физикъ, профессоръ Лейпцигскаго Университета, обнародовалъ въ ней свои труды философско-критическаго содержанія и нѣкоторыя свои физическія изслѣдованія. Въ одной изъ статей первой категоріи, посвященной названію „О дѣйствіяхъ на разетолніи“ (Ueber Wirkungen in die Hölle), есть много такого что не можетъ не заинтересовать всякаго серьезно мыслящаго читателя, а въ концѣ книги сообщаются наблюденія крайне страннаго и разительнаго характера. Я рѣшился взять на себя трудъ познакомить съ общеприятными выдающимися сторонами книги Цöllнера эту русскую публикацию которая старается сдѣлать за успѣхъ человеческой мысли и знанія. Между этою публикаціею и людьми, надѣюсь, люди которые умѣютъ безъ предубѣжденій съ уваженіемъ относиться ко всякому исканію истины, хотя бы оно могло повести и къ результатамъ несогласнымъ съ ихъ привычными воззрѣніями.

Читателямъ этой статьи извѣстно мое отношеніе къ вопросу о такъ-называемыхъ медиумическихъ явленіяхъ. Они поймутъ поэтому съ какимъ живымъ интересомъ встрѣтился я въ книгѣ Цёлльнера съ первою попыткой связать нѣкоторыя изъ этихъ явленій съ научною теоріей. Особенно выдается здѣсь то обстоятельство что Цёлльнеръ сначала спекулятивнымъ путемъ дошелъ до необходимости допустить возможность нѣкоторыхъ фактовъ, а затѣмъ уже позже имѣлъ случай убѣдиться что такіе факты дѣйствительно существуютъ. Факты эти оказались лежащими въ области медиумизма, и Цёлльнеръ не отвернулся отъ нея съ высокомеріемъ, какъ это еще дѣлается большинствомъ ученыхъ нашего времени.

Я самъ не математикъ и не считаю себя философомъ настолько чтобы принять на себя отвѣтственность въ правдивости положеній защищаемыхъ и проводимыхъ Цёлльверомъ, но громкія имена людей проложившихъ путь по которому идетъ этотъ ученый заставляютъ меня съ уваженіемъ отнестись къ его идеямъ. Это же самое обстоятельство, думается мнѣ, обязываетъ cadaго по меньшей мѣрѣ къ величайшей осторожности въ сужденіи объ этихъ идеяхъ. Совпаденіе же апріорныхъ выводовъ съ реальными фактами во всякомъ случаѣ не можетъ не обратить на себя вниманіе и его-то въ особенности желаю я констатировать.

I.

Прошло около сорока лѣтъ съ того времени какъ я увидалъ впервые, въ Казани, нашего знаменитаго математика Николая Ивановича Лобачевского. Онъ былъ тогда профессоромъ и ректоромъ Казанскаго Университета. Въ послѣдствіи я имѣлъ удовольствіе ближе узнать его. Я научился тогда уважать его глубокія, разностороннія знанія, его любовь къ наукѣ, и могъ оцѣнить ту сердечную теплоту съ которою онъ относился къ любознательной молодежи, всегда умѣя дѣлательно опираться ея первые шаги на научномъ пути. Я знаю что многіе подтвердятъ мои слова. Всѣ близкіе знавшіе Лобачевского какъ человѣка любили и уважали его искренно. Но для людей мало знакомыхъ съ нимъ онъ являлся задушевнымъ ученымъ оригиналомъ, ви-

имъ въ самой математикѣ въ какихъ-то наотвлеченныхъ сферахъ. О его „воображаемой геометріи“ говоритъ улыбкой снисходительнаго сожалѣнія къ чудачку. Установленію такого взгляда содѣйствовали повину возрѣнія нѣкоторыхъ математиковъ, сотоварищей Лобачевскаго. Между тѣмъ, другіе труды Лобачевскаго отозвались на второй планъ, а „воображаемая геометрія“ заняла почетное и почетное мѣсто въ исторіи науки. Въ 1846 году, нитый германскій математикъ, гёттингенскій профессоръ Гауссъ, писалъ своему другу Шумахеру: „Недавно мнѣ пришлось просмотрѣть снова книжку Лобачевскаго (*Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien* *). Она означаетъ въ себѣ основанія той геометріи которая *должна* существовать если Евклидова геометрія *не* есть истинная. Яггардъ называлъ такую геометрію *астральною*, а Лобачевскій *воображаемою*. Вы знаете что я уже пятьдесятъ чело года имѣю подобныя же убѣжденія. Дѣйствительно го въ книжкѣ Лобачевскаго для меня поэтому нѣтъ, нѣ проложилъ къ своимъ выводамъ путь отличный указаннаго мной и сдѣлалъ это мастерски, въ духѣ ннаго геометра. Я считаю долгомъ обратить ваше вниманіе на эту книжку, которая доставитъ вамъ истинное ажденіе.“ (стр. 228 **)

но что Лобачевскому вполнѣ принадлежитъ честь самостоятельнаго входа въ новую область, и мы, Русскіе, во всякомъ случаѣ въ правѣ гордиться именемъ этого глубокаго мыслителя.

новы *воображаемой* геометріи, правда, не были новостью для Гаусса, но уже и прежде Гаусса понятіе объ *оллютнолѣ пространствѣ* существовало для гениальнаго ануила Канта; а Кантъ въ свою очередь, если не вътъ именно понятію, то вообще въ своемъ міровоззрѣніи, елся съ Беркелеемъ, умершимъ въ 1753 году, когда ту было только двадцать девять лѣтъ отъ роду. Такъ ище основныя идеи передаются какъ духовное наслѣдіе поколѣнія къ поколѣнію, развиваясь и вырастая притъ постепенно.

Издано на нѣмецкомъ языкѣ въ Берлинѣ, 1840 году.

Здѣсь и ниже мы даемъ указанія на страницы книги Цобаль-
я.

II.

То что матеріально существуетъ внѣ насъ, познается нами лишь по впечатлѣніямъ которыя оно производитъ на наши чувства, т.-е. по извѣстнымъ измѣненіямъ происходящимъ въ насъ самихъ. Мы сознаемъ, въ сущности, собственно только эти измѣненія, и лишь опытъ, наглядность, научаютъ насъ относить ихъ къ опредѣленнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Безъ данныхъ опытныхъ нѣтъ и представленія о предметахъ. Въ отвлеченіи существуетъ напримѣръ общее понятіе о треугольникѣ какъ плоскостной формѣ ограниченной тремя линіями, но въ представленіи нашемъ, если мы мыслимъ треугольникъ, рисуется непременно въ каждый данный моментъ треугольникъ той или другой опредѣленной величины и формы, и представленіе это будетъ необходимо основано на данныхъ предшествовавшихъ наблюденій. Но совершенно независимо отъ всякихъ данныхъ наблюденія и опыта присуще человеческому разуму сознаніе о причинности: *законъ причинности априориченъ*. Это признано одинаково и Кантомъ, и Шопенгауэромъ, а пятидесятью годами позже, хотя вполне независимо отъ предшественниковъ, Гельмгольцемъ (стр. 218). Шопенгауэръ въ 1816 году говоритъ: „умъ, вслѣдствіе своей природы, *a priori* понимаетъ, т.-е. *прежде* воспріятія всѣхъ опытныхъ данныхъ (которыя безъ того и невозможны), каждое ощущеніе тѣла какъ *воздѣйствіе* (своего понятнаго лишь самому уму), которое, какъ таковое, необходимо *должно имѣть причину*.“ (Стр. 236) Гельмгольдъ въ своей *Физиологической Оптикѣ*, въ 1867 году, высказываетъ ту же мысль: „*Законъ причинности, вслѣдствіе котораго мы заключаемъ по дѣйствию о причинѣ, долженъ быть признавъ за предшествующій всякому опытному свѣдѣнію. Вообще, мы не можемъ придти къ какимъ-либо опытнымъ свѣдѣніямъ о предметахъ природы, не признавъ что законъ причинности уже дѣйствуетъ въ насъ. Следовательно онъ вытекаетъ не изъ данныхъ опыта...* Мы приходимъ такимъ образомъ къ признанію существованія *независимой* отъ нашего хотѣнія и представленія, и следовательно *оптичной*, причины нашихъ ощущеній“ (стр. 237). Эта вѣчная независимая причина ощущенія, истинная сущ-

ность которой всегда остается недоступною, и есть „вещь о себѣ“ (Ding an sich) Канта, говорящаго: „я признаю что „вѣѣ насъ есть тѣла, т.-е. *вещи*, относительно которыхъ мы „совершенно не знаемъ что такое онѣ сами о себѣ, хотя и „знаемъ ихъ по нашимъ *представленіямъ*, т.-е. по вліянію ими „производимому на наши чувства. Этимъ *представленіямъ* „мы и даемъ названіе *тѣлъ*, слово обозначающее лишь *проявленіе* намъ неизвѣстнаго, но тѣмъ не менѣе *дѣйствительно существующаго* предмета.“ (стр. 218).

Въ приложеніи къ понятію о *пространствѣ*, это „дѣйствительно существующее“, „по сущности намъ неизвѣстное, составляющее независимую вѣѣшнюю причину“ нашего обычнаго представленія о пространствѣ, и есть „абсолютное пространство“, между тѣмъ какъ его частное содержаніе, т.-е. извѣстное и доступное чувствамъ человѣка пространство съ его тремя измѣреніями, * есть продуктъ наблюденія и опыта. По словамъ Цёлльнера обыкновенное понятіе о пространствѣ „могло составиться, при помощи *аpriorнаго закона причинности*, только изъ тѣхъ впечатлѣній и ощущеній которыя поражаются совокупностью существующихъ въ мірѣ причинъ (вещей о себѣ) и могутъ быть восприняты нашею тѣлесною, ограничечною во времени и пространствѣ, организаціей. Но мы не принимаемъ за совокупность всѣхъ тѣлесныхъ формъ міра предметы представляющіеся нашему вниманію въ теченіе короткаго промежутка времени, напримѣръ одной минуты; столь же мало въ правѣ мы это сдѣлать относительно тѣхъ впечатлѣній которыя, въ теченіе всей нашей жизни, или даже въ теченіе жизни всего человѣческаго рода, даютъ намъ опытный матеріалъ для нашихъ *представленій* о мірѣ и о *законахъ* его измѣненій“ ** (стр. 218). По словамъ Цёлльнера, „присутствіе *эмпирическихъ* элементовъ въ понятіи о пространствѣ, свойственномъ въ частности намъ, людямъ, сознано было Кантомъ съ полною ясностью еще въ 1747 году, когда ему было 23 года

* У плоскости—два измѣренія, длина и ширина, у тѣла, т.-е. того что занимаетъ часть пространства—три измѣренія, длина, ширина и высота (или глубина, или толщина).

** Считаю не лишнимъ пояснить что здѣсь какъ и во всѣхъ цитатахъ подчеркнутыя слова подчеркнуты самимъ Цёлльнеромъ, а не мною.

отъ роду, и это нисколько не противорѣчитъ тому положенію Канта что самая способность къ пространственнымъ представленіямъ—понятіе о пространствѣ въ общности и отвлеченіи—условливается особымъ *апріорнымъ* воззрѣніемъ нашего ума“ (стр. 221 также стр. 218 и 226).

Но если представленіе о пространствѣ, свойственное и доступное намъ, людямъ, заключаетъ въ себѣ не одни *апріорные*, но и *опытные* элементы, то отсюда слѣдуетъ заключить что не всѣ выводы геометріи могутъ считаться *абсолютно* вѣрными или, что все равно, нѣкоторыя положенія геометріи не могутъ быть доказаны одними умозаключеніями. Это сознали, какъ было указано выше, и Лобачевскій, и Гауссъ. Оба они нашли недоказаннымъ въ Евклидовой геометріи то положеніе ученія о параллельныхъ линіяхъ, по которому сумма обоихъ внутреннихъ угловъ, образуемыхъ двумя параллельными прямыми линіями, пересѣченными третьею прямою, абсолютно равна 180° , т. е. двумъ прямымъ угламъ. Но такъ какъ обѣ параллельныя прямая, вмѣстѣ съ заключеннымъ между ними отрѣзкомъ пересѣкающей ихъ прямою, могутъ быть разсматриваемы какъ стороны треугольника, изъ которыхъ двѣ бесконечно-длинны, и въ такой треугольникъ постепенно, чрезъ непрерывный рядъ измѣненій, можетъ перейти всякій треугольникъ, если удалить вершинную точку одного изъ его угловъ отъ противоположащей стороны, то подлежатъ сомнѣнію будетъ и то основное положеніе обыкновенной геометріи что сумма всѣхъ угловъ въ плоскостномъ треугольникѣ равна двумъ прямымъ угламъ. „Если же сумма эта *можетъ* быть больше или меньше 180° , и если на этомъ, очевидно *болѣе общемъ*, предположеніи можно построить особую геометрію, не заключающую противорѣчій въ самой себѣ, то придется спросить, *какую* именно величину имѣетъ въ дѣйствительности сумма угловъ треугольника и какъ можемъ мы вѣрить и окончательно установить эту величину? Такъ какъ она не можетъ быть выведена а priori, одними умозаключеніями, то ее приходится опредѣлять эмпирически, при помощи явленій доступныхъ нашимъ чувствамъ“ (стр. 229). Эта „особая“, „абсолютная“ геометрія,—*не-Евклидова* геометрія Гаусса, *воображаемая* геометрія Лобачевского—имѣетъ дѣло съ пространствомъ „анти-Евклидовскимъ“, „абсолютнымъ“. Она серьезно занимала различныхъ изслѣ-

дователей и, по мнѣнію Цолльнера, можетъ имѣть практическое значеніе. При нѣкоторыхъ предположеніяхъ, „способъ воззрѣнія на то пространство, въ которомъ мы принуждены наблюдать всѣ доступныя нашимъ чувствамъ явленія міра, т.-е. видѣть міръ какъ *представленіе*, находясь бы въ *необходимой* связи съ основными свойствами тѣлъ, а именно со свойствами атомныхъ центровъ соединенныхъ между собой дѣйствіемъ на разстояніи. И если *абсолютному* пространству принадлежитъ, какъ то думаютъ Кантъ, Гауссъ, Болиай, Лобачевскій и Риманъ — *самостоятельная* реальность, то всѣ законы *абсолютной* геометріи выражали бы опредѣленныя истины физической природы“ (стр. 232)....

„Уже пять лѣтъ тому назадъ въ моей (Цолльнера) книгѣ „О натурѣ кометъ“ (стр. 340), и въ прошломъ году, въ моихъ „Основаніяхъ электродинамической теоріи вещества“ я указалъ на значеніе и связь не-Эвклидовой геометріи съ физическими фактами, опираясь при этомъ на авторитетъ Риманна“ (стр. 234).

III.

Если понятія о пространствѣ, свойственныя собственно намъ, заключаютъ въ себѣ эмпирическіе элементы, основываются не на одномъ чистомъ умозрѣніи, но также на результатахъ наблюденія и опыта, т.-е. на данныхъ доставляемыхъ уму чувствами, то *мыслимо* что въ предѣлахъ нашихъ пространственныхъ представленій могутъ существовать *факты* обнаруживаемые наблюденіемъ, реальныя, но тѣмъ не менѣе такіе, необходимость которыхъ не вытекаетъ изъ общихъ основаній мышленія какъ непремѣнное логическое слѣдствіе, не выводится изъ нашего понятія о пространствѣ трехъ измѣреній. По мнѣнію Канта, такой фактъ представляется симметрией тѣхъ тѣлъ которыя не симметричны въ своихъ частяхъ. Факты этого рода окружаютъ насъ постоянно и не удивляютъ насъ только вслѣдствіе своей обыкновенности; а между тѣмъ въ нихъ лежитъ противорѣчіе между наблюдаемымъ, очевиднымъ, и законами логическаго мышленія, *если только при этомъ послѣднемъ мы руководимся обычнымъ понятіемъ о пространствѣ*.

Вотъ слова Канта (стр. 225): „Если два предмета во *всѣхъ* частяхъ *вполнѣ* одинаковы (и по размѣрамъ, и по

качеству), причемъ эти части на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности могутъ быть распознаны, то изъ этого должно бы необходимо слѣдовать что одинъ изъ этихъ двухъ предметовъ всегда можетъ быть помѣщенъ на мѣсто другаго такъ что обмѣнъ не вызоветъ ни малѣйшаго замѣтнаго измѣненія.... Что можетъ быть сходнѣе во всѣхъ отношеніяхъ съ моею рукой или моимъ ухомъ, какъ не отраженіе ихъ въ зеркалѣ? А между тѣмъ такая рука, какъ видимая въ зеркалѣ, не можетъ быть помѣщена на мѣсто моей руки, давшей изображеніе; если эта рука правая, то та въ зеркалѣ—будетъ лѣвою рукой; отраженное изображеніе праваго уха является также лѣвымъ, и одно никакъ не можетъ быть помѣщено на мѣсто другаго. Здѣсь нѣтъ внутренняго различія *мыслимаго улова*, а между тѣмъ *чувства* говорятъ намъ что внутреннее различіе существуетъ: мы знаемъ что лѣвая рука не можетъ быть заключена въ тѣ границы въ которыхъ находится правая, несмотря на всю одинаковость, все сходство обѣихъ, онѣ не могутъ совпасть; перчатка одной руки не можетъ быть надѣта на другую.“ Различіе между такими симметричными предметами можетъ быть опредѣлено только опытнымъ путемъ, противоположеніемъ ихъ одного другому. Это различіе составляетъ для насъ логическое противорѣчіе, такъ какъ оно несомнѣнно существуетъ, но не можетъ быть мыслимо какъ слѣдствіе существующаго понятія о пространствѣ.

„Въ чемъ же заключается разрѣшеніе вопроса?“ спрашиваетъ Кантъ и даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Предметы эти не представляютъ вещей такими каковы онѣ *сами по себѣ*, и какими ихъ распозналъ бы *чистый разумъ*; эти предметы суть только результаты ощущеній, *проявленій*, которыхъ возможность уславливается отношеніемъ къ нашимъ чувствамъ вещей, остающихся намъ неизвѣстными по своей сущности.“

Объясненіе подобныхъ вопросовъ, говоритъ Руманъ, вообще можетъ быть достигнуто только при помощи измѣненія „прежняго способа пониманія и объясненія явленій“, причемъ исходя изъ прежнихъ воззрѣній „*перерабатываются*“ постепенно пониманіе и объясненіе, на основаніи тѣхъ *фактовъ*, которые прежними воззрѣніями не могли быть объяснены“. (стр. 235). Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ объясненіи явленія симметріи тѣлъ. Объясненіе это можетъ

основано на допущеніи извѣстныхъ пространствен-
отношеній между двумя, симметричными между собой,
ыми предметами и тѣми „вещами о себѣ“ которыя
тѣя недоступными нашимъ чувствамъ.

IV.

межде всего“, говоритъ Цёлльверъ (стр. 244), „надо раз-
тъ вопросъ о томъ, въ состояніи ли мы указать та-
звѣстныхъ намъ отношенія между предметомъ и его дѣй-
ми, при которыхъ форма и порядокъ дѣйствій зави-
бы существенно отъ откошенія“ существующаго между
сетомъ и мѣстомъ проявленія его дѣйствій. Еслибы ни-
лодобнаго указать было нельзя, то очевидно пришлось
тречья отъ всякой попытки объясненія за неимѣніемъ
тавленій, которыя мы, при помощи аналогій и индукцій
и бы приложить къ отношенію намъ пока еще неиз-
ному.

а дѣлѣ однакоже аналогичныя явленія есть, и они
жаютъ насъ каждодневно, подобно тѣмъ чудесамъ сим-
и тѣмъ, которыя должны быть объяснены обобщеніями
ествующихъ аналогій.

...Стоитъ только взглянуть на тѣнь своей руки отбро-
ую на стѣну или гладкую ширму. Тѣневое изображе-
на плоскости можетъ быть непосредственно превраще-
юворотомъ дающей тѣнь руки изъ праваго въ лѣвое
юоборотъ, причемъ сама рука не претерпѣваетъ ника-
и измѣненія, а измѣняется лишь одно пространственное
ошеніе между ею и плоскостью принимающею ея про-
ю. Мы видимъ здѣсь наглядный примѣръ существованія
и трехъ измѣреній, руки (которая сама по себѣ остается
неизмѣняемою), и причинно связаннаго съ нею измѣняюща-
я явленія (плоскостной тѣни).

Мы можемъ стало-быть производить на плоскости по
изволу симметрическія изображенія, единственно по-
дстаемъ измѣненія пространственныхъ отношеній между
юй и плоскостью проекціи на которую тѣнь падаетъ,
и этомъ вѣтъ надобности въ томъ чтобы въ трехмѣр-
тъ * пространствѣ, въ которомъ предметъ (рука) нахо-

Будемъ употреблять выраженіе *двулирный, трелирный, ви-
„двухъ измѣреній“, „трехъ измѣреній“* и проч.

дится, присутствовали симметрическія *тѣла*. Совершенно также *нѣтъ* надобности въ существованіи симметрическихъ объектовъ въ пространствѣ *четыре*хъ измѣреній (*четыре*-*мѣрно*), если симметрію предметовъ существующихъ въ извѣстномъ намъ наглядно трехмѣрномъ пространствѣ мы объяснимъ тѣмъ что предметы эти суть только произведенія процесса проекціи, совершающагося надъ неизвѣстными намъ четырехмѣрными предметами“....

„Если принять во вниманіе что *представленіе* всего *видимаго* міра (съ его *тремя* измѣреніями) складается въ нашемъ умѣ единственно по тѣмъ *изображеніямъ* различной формы и яркости которыя представляютъ реальныя измѣненія на *плоскости* сѣтчатой оболочки нашего глаза, т.-е. въ области двумѣрной, то надобно заключить что *представленіе* о существованіи въ мірѣ *третьяго* измѣренія есть результатъ работы нашего ума. Онъ приводится къ этому представленію тѣми противорѣчіями которыя являются если принять только два измѣренія: въ этихъ двухъ измѣреніяхъ наблюдаются перспективные измѣненія, уменьшенія, взаимныя покрыванія предметовъ, а въ то же время *другими* способами мы познаемъ что на дѣлѣ предметы при этомъ не измѣняются“ (стр. 246).

Подобнымъ же образомъ и противорѣчіе представляемое явленіемъ симметріи существующимъ въ трехмѣрномъ пространствѣ устранивается допущеніемъ новаго понятія о *четвертомъ* измѣреніи пространства или лучше сказать, о *множественности* измѣреній пространства, такъ какъ допустивъ „четвертое“ измѣреніе *нѣтъ* никакого основанія видѣть въ немъ границу мыслимаго. Явленіе симметрій тѣлесныхъ предметовъ, безъ этого не понятное уму, получается такимъ образомъ объясненіе, согласно словамъ Римана (241 стр.). „Дополненіе и улучшеніе системы нашихъ понятій составляетъ *объясненіе* неожиданныхъ наблюденій. Исторія объясняющаго естествознанія, насколько можно прослѣдить ее въ прошлое, показываетъ что таковъ дѣйствительно путь по которому идетъ развитіе познанія природы. Системы понятій лежація нынѣ въ его основаніи произошли постепеннымъ измѣненіемъ прежнихъ, и поводъ къ новымъ объясненіямъ сводится всегда къ противорѣчіямъ или невѣроятностямъ обнаружившимся въ прежнихъ объясненіяхъ. Составленіе новыхъ понятій, насколько то возможно по

результатамъ наблюдений, совершается именно посредствомъ такого процесса.“

Мыслие о необходимости указаннаго расширенія въ понятіи о пространствѣ выражено было Цолльверомъ также около года тому назадъ, въ его „Основаніяхъ электро-динамической теоріи матеріи“ и въ статьѣ „О физическихъ отношеніяхъ между гидро-динамическими и электро-динамическими явленіями“. Онъ приводитъ теперь свои слова (стр. 247).

„Предметы, дѣйствуя на нашъ организмъ, производятъ измѣненія въ ощущеніяхъ. Какъ протяженность этихъ измѣненій, такъ и ихъ напряженіе, могутъ быть объяснены двумя причинами совершенно различными одна отъ другой, а именно, *вопервыхъ*, измѣненіемъ напряженности дѣйствія и протяженій самаго предмета, или *вовторыхъ*, измѣненіемъ отношеній предмета къ наблюдателю, безъ измѣненія свойства самаго предмета. Третье измѣреніе пространства и есть не что иное какъ выраженіе этого измѣненія отношеній объекта къ нашему воспринимающему ощущенія субъекту, т.-е. выраженіе возможности объяснить различія въ дѣйствіи внѣшнихъ предметовъ на нашъ организмъ, не принимая измѣненій въ свойствахъ самыхъ предметовъ“... „Геометрическія фигуры, не представляющія въ самихъ себѣ различія мыслимаго умомъ (различія въ положеніи, формѣ или величинѣ частей) не должны различаться и наглядно; фигуры сами въ себѣ тождественныя въ умозрительномъ смыслѣ должны давать возможность приведенія ихъ въ такое отношеніе къ нашему воспринимающему ощущенія тѣлу что дѣйствія ими на насъ производимыя будутъ вполне тождественны.“

„Фигуры двумѣрныя удовлетворяютъ этому условію: тѣ изъ нихъ которыя сами по себѣ тождественны для ума всегда могутъ быть приведены къ совладенію, т.-е. могутъ покрываться взаимно. Возможность этого покрытия обуславливается однако *на дѣлѣ* возможностью вращенія плоскостной фигуры, т.-е. процессомъ возможности котораго обуславливается третьимъ измѣреніемъ пространства. Такимъ образомъ, возможность объяснить всѣ явленія имѣющія мѣсто въ мірѣ двумѣрномъ представляется лишь для трехмѣрныхъ существъ; пользуясь третьимъ измѣреніемъ, существа эти всегда могутъ производить такія измѣненія въ положеніи двумѣрныхъ фигуръ тождественныхъ *въ мышленіи*, что онѣ

становятся тождественными и *наглядно*. А для существъ которыя обладали бы представлениемъ о двухъ только измѣреніяхъ явленіе симметріи плоскостныхъ фигуръ оказалось бы *недоступнымъ пониманію*“.... Подобнымъ же образомъ и „въ пространствѣ трехъ измѣреній существуютъ явленія для насъ *необъяснимыя* умозрѣніемъ, т. е. такія которыя не могутъ быть сведены къ опредѣленному отношенію между причиною и дѣйствіемъ. Итакъ, если окружающій насъ міръ явленій долженъ быть объясненъ..... то надобно допустить *четыре измѣренія пространства*.“

Ко всему этому, сказанному имъ прежде, Цолльнеръ прибавляетъ теперь: „Съ самомъ дѣлѣ, пространство въ которомъ можно было бы объяснить *безъ противорѣчія* видимый міръ *должно* имѣть по меньшей мѣрѣ *четыре* измѣренія. Безъ этого допущенія фактъ существованія симметрическихъ тѣлъ никакъ не можетъ быть сведенъ къ законности.“ Цолльнеръ ссылается при этомъ на слова Гельмгольца (стр. 248): „Если мы не имѣемъ возможности свести явленія природы къ опредѣленному закону,... то исчезаетъ *всякая возможность* пониманія такихъ явленій. Но мы должны пытаться понять ихъ; у насъ нѣтъ другого средства покорить ихъ господству нашего разсудка; мы, стало-быть, *должны* приступить къ изслѣдованію явленій въ томъ *предположеніи* что они могутъ быть поняты“ *.

* Тутъ (стр. 249) Цолльнеръ пускается въ рѣзкую полемику съ однимъ изъ своихъ критиковъ Dr. Бенно Эрдманномъ (въ Берлинѣ), не выдающимъ противорѣчій въ явленіи симметріи. „Я уже указалъ выше, говоритъ Цолльнеръ, что одно изъ характеристическихъ отличій заурядной головы—не признавать противорѣчій тамъ гдѣ они обнаруживаются для богаче развитыхъ умственныхъ силъ тѣхъ людей которые вдумываются глубже. Быть-можетъ и мой критикъ не посмѣетъ не согласиться съ тѣмъ что Кантъ и Гауссъ были люди давнѣе блестящаго доказательства своего высокаго ума. Отчего же зависить бѣдность собственнаго мышленія критика, прежде всего, гдѣ тѣ доказательства его ума, которыя могли бы дать ему право отвергать.... противорѣчія тамъ гдѣ Кантъ и Гауссъ, независимо одинъ отъ другаго, сдѣлали яснымъ ихъ существованіе для каждаго мыслящаго человѣка? Эта юношеская заносчивость была бы для меня столь же непонятна, какъ „непонятны“ выше изложенныя соображенія для моего критика, еслибы подобное явленіе не было весьма обыкновеннымъ у *такъ-называемыхъ* фи-

явленія, подобное нынѣшнему развитію понятія о четверть измѣреніи пространства, встрѣчаемъ мы въ исторіи романи. Тамъ постепенно пришли къ сознанію значенія гьяго измѣренія, при помощи котораго сдѣлалось возможнымъ объясненіе явленій видимыхъ на небесномъ сводѣ, иду тѣмъ какъ ранѣ ихъ представляли себѣ происходящи на плоскости, то-есть въ двухъ измѣреніяхъ. По слову Цёлльнера, сознаніе человечества, по отношенію ко мѣ явленіямъ воспринимаемымъ чувствами, находится нынѣ въ стадіи развитія подобной той, въ которой 340 лѣтъ ту назадъ находился умъ Коперника по отношенію къ романическимъ явленіямъ. „Третье измѣреніе небеснаго пространства, кажуцася намъ поверхностью, дало тогда путь къ объясненію небесныхъ движеній; точно также доценіе *четвертаго* измѣренія дастъ въ будущемъ ключъ къ объясненію всѣхъ явленій имѣющихъ мѣсто въ *трехъ* пространствѣ“.

Пространство есть только наглядное выраженіе того *эмпирически* найденнаго факта что дѣйствія тѣла на насъ и другія тѣла могутъ измѣняться безъ того чтобы то тѣло не подверглось измѣненію“ (стр. 254).

Зѣ подкрѣпленіе высказываемыхъ мнѣній приводитъ Цёлльнеръ (стр. 256) цитаты изъ недавно появившагося въ вѣтъ маленькаго сочиненія Руделя (*Von den Elementen und undgebilden der synthetischen Geometrie*, Bamberg 1877). первая часть этого сочиненія разсматриваетъ пространство съ обыкновенной, а вторая—съ *высшей* точки зрѣнія. первая часть начинается слѣдующими словами:

„Элементы синтетической геометріи суть точки, линіи, поверхности и пространство.... Еслибы мы существовали какъ сти *поверхности*, вмѣсто того чтобы занимать собой части *пространства*, то у насъ не было бы и никакого представленія о пространствѣ,—мы знали бы только *одну* поверхность, именно только ту на которой существуемъ.“

софизмъ.... Быть-можетъ объясненіе упомянутого размогласія ѣдется въ слѣдующемъ вопросѣ, сдѣланномъ профессоромъ Лихтенбергомъ 97 лѣтъ тому назадъ (*Lichtenberg's Gedanken und Mathem.* Изд. Грузенбаха. 1871, стр. 156): „Mein Gott! wenn ein Kopf id ein Buch zusammenstossen und es klingt hohl, ist denn das allemal 1 Buche?“

Въ началѣ второй части говорится: „Наше *понятіе о пространствѣ* представляетъ опредѣленную форму воззрѣнія основанную единственно на томъ что мы сами существуемъ какъ тѣла, т.-е. составляемъ части пространства. Отъ такого существованія вполнѣ зависитъ форма воззрѣнія: съ нимъ вмѣстѣ она измѣняется, имъ поддерживается и съ нимъ ладаетъ. Попробуемъ исходя изъ такого положенія опредѣлить какія понятія о пространствѣ должны бы имѣть тѣ существа которыя не были бы подобно намъ ограничены тремя измѣреніями, не были бы формами *третьяго* порядка, а представляли бы формы *четвертаго* порядка... (Существа которыя были бы частями плоскости явились бы тогда существами *второго* порядка.)... Существо четвертаго порядка будетъ, по отношенію къ нашему тѣлесному міру, занимать мѣсто подобное тому какое мы занимаемъ по отношенію къ плоскостнымъ формамъ. Для такого „*четыrehмѣрнаго*“ существа нашъ міръ явится крайне ограничекою частью всего міра явленій—частью, существующею только въ *трехмѣрномъ* пространствѣ—плоскою, безъ четвертаго измѣренія. Въ какомъ отношеніи стоимъ мы къ тѣламъ *четыrehхъ* измѣреній? Но прежде спросимъ, какъ бы отнеслось существо *двухмѣрное* къ нашему тѣлесному міру еслибъ оно додумалось до понятія о *возможности* его существованія?“ Такъ какъ о представленіи формы *трехмѣрной*, тѣла, у такого существа не можетъ быть и рѣчи, то оно будетъ себѣ представлять образъ тѣла какъ бы проектированнымъ на плоскость, для того чтобъ имѣть возможность воспринять его какъ плоскостную фигуру. Точно также и для насъ, *четыrehмѣрное* тѣло теряетъ свое четвертое измѣреніе чрезъ проекцію въ наше *трехмѣрное* пространство, въ которомъ это тѣло само по себѣ, въ своей сущности, помѣщаться не можетъ,—изъ котораго оно выдается во множествѣ направленій, имѣя съ нимъ общему только *фигуру спеченія*....

„...Если мнѣ удалось показать въ предыдущихъ строкахъ что *наши* воззрѣнія и способъ пониманія не единственны, не высшіе и не послѣдніе, что возможность формъ воззрѣнія неограниченна, и міръ явленій, по всей вѣроятности, заходитъ далеко за предѣлы круга нашихъ воззрѣній, то цѣль моя достигнута.“

Съ перваго взгляда можетъ показаться что расширеніе понятій о пространствѣ, и взглядъ на *трехмѣрные* тѣла

о пространства какъ на проекціи изъ пространства ихъ измѣреній, налагаетъ обязанность объяснить ка-
 зибудь образомъ самый, такъ-сказать, механизмъ обра-
 я этихъ проекцій. При ближайшемъ разсмотрѣніи та-
 ебованіе не представляется однакожь основательнымъ:
 гомъ дѣлѣ, еслибъ о предметахъ вѣшняго міра мы
 лонятіе только по ихъ проекціямъ на плоскость,
 мѣръ наблюдая ихъ изображенія въ камеръ-обскурѣ, то
 умавшись до возможности существованія этихъ предъ-
 въ въ пространствѣ трехъ измѣреній, мы никакъ не
 бы вообразить себѣ наглядно механизмъ превращенія
 ѣрнаго образа предметовъ въ двухмѣрный. Для этого
 ь не достало бы знакомыхъ намъ представленій, а
 тѣмъ объяснить или описать ближе, значить выра-
 въ *знакомыхъ* представленійхъ.

къ, согласно словамъ Римана, противорѣчія резуль-
 тъ мышленія съ наблюдаемыми фактами приводятъ
 и здѣсь къ расширенію понятій. Только благодаря
 чаемымъ противорѣчіямъ, мы дѣлаемъ успѣхи въ
 ваніи міра, и чѣмъ больше и сильнѣе поражаютъ насъ
 ротиворѣчія, тѣмъ сильнѣе потребность и стремленіе
 ширенію познаній. „Если потребность эта остается
 влѣтвормою вслѣдствіе *недостаточной* силы разсуд-
 изъ этого возникаетъ *пессимистическое* міровоззрѣ-
 ринимающее границы существующихъ въ данное вре-
 мятій за *окончательныя*. Но умъ болѣе сильный гар-
 чески разъясняетъ и устраняетъ противорѣчія; осво-
 ая нашъ духъ отъ угнетающаго безлокойства, всегда
 ождающаго сознаніе безсилія предъ задачей кото-
 мы не въ состояніи овладѣть“ (стр. 272).

V.


ущеніе множественности измѣреній пространстваведетъ
 звѣстнымъ заключеніямъ основаннымъ на аналогіяхъ,
 равненіи извѣстныхъ намъ отношеній между трехмѣр-
 предметами и ихъ двумѣрными плоскостными проек-
 а, съ тѣми отношеніями которыя должны имѣть мѣсто
 у предметами допускаемаго нами четырехмѣрнаго міра
 въ трехмѣрными проекціями, т.е. предметами нашего
 пространства.

Представимъ себѣ изображеніе треугольника, вырѣзаннаго на примѣръ изъ тонкой бумаги, видимое въ камерѣ-обскурѣ. Площадь этого изображенія будетъ достигать своего максимума тогда когда плоскость треугольника и плоскость принимающая проекцію будутъ параллельны. При нарушеніи этой параллельности, т.-е. при поворачиваніи треугольника, площадь его изображенія будетъ уменьшаться все болѣе и болѣе; она почти исчезнетъ, когда треугольникъ станетъ перпендикулярно къ плоскости проекціи и постепенно будетъ увеличиваться при дальнѣйшемъ вращеніи треугольника, причемъ вновь полученное изображеніе его будетъ симметричнымъ и противоположнымъ съ первоначальнымъ изображеніемъ, т.-е. представитъ какъ бы отраженіе этого послѣдняго въ зеркалѣ. Существо имѣющее представленія лишь о двухъ измѣреніяхъ необходимо увидѣло бы въ описанныхъ измѣненіяхъ изображенія противорѣчіе съ аксіомой неисчезаемости матеріи: оно видѣло бы уменьшеніе и увеличеніе площади треугольника, не наблюдая въ то же время появленія на плоскости, въ новомъ мѣстѣ, какого-либо изображенія, по величинѣ своей соответствующаго той части площади которая исчезла. Такія же точно измѣненія должны бы мы были видѣть въ членахъ собственнаго нашего тѣла и въ другихъ симметрическихъ трехмѣрныхъ предметахъ, еслибы мы могли по произволу превращать ихъ изъ праваго въ лѣвый и наоборотъ. Видимый процессъ такого превращенія состоялъ бы въ уменьшеніи предмета, исчезновеніи его на мгновеніе и появленіи оный въ новомъ видѣ (стр. 264). „Всѣ подобные процессы, прибавляетъ Цолльнеръ, казались бы съ точки зрѣнія нашихъ теперешнихъ понятій чудесами..... но при высшемъ воззрѣніи на пространство противорѣчія исчезаютъ“ (стр. 265). Слѣвавшись для насъ обычными, подобные процессы „развились бы въ насъ современемъ наглядное понятіе о четвертомъ измѣреніи пространства, подобно тому какъ это совершилось, при помощи такихъ же процессовъ, съ третьимъ измѣреніемъ.“


„Для правильнаго пониманія этихъ аналогій нужно только всегда помнить что познаваніе *естъ* другихъ свойствъ тѣла, на примѣръ ихъ осязаемости и тяжести, основано столько же на получаемыхъ *ощущеніяхъ*, какъ познаваніе видимыхъ свойствъ — на свидѣтельствѣ зрѣнія. Поэтому


перенесеніе понятія о проектированіи на свойства тяжести и осязаемости не заключаетъ въ себѣ *новаго* принципа.“ (Тамъ же).

Временное исчезновеніе предмета изъ видимаго пространства мыслимо и въ другихъ случаяхъ. Представимъ себѣ точку, помѣщенную на плоскости, внутри замкнутой линіи, напримѣръ въ кругѣ. Двигая эту точку *только* въ означенной плоскости, то-есть по двумъ измѣреніямъ, нельзя ее вынести за предѣлы круга безъ нарушенія его цѣлости. Для существа двумѣрнаго, находящагося въ той же плоскости, разрѣшеніе задачи представлялось бы невозможнымъ и осуществленіе переноса точки за кругъ—было бы чудомъ. Но, пользуясь третьимъ измѣреніемъ—имѣя возможность перемѣщать точку не по двумъ только, а по тремъ измѣреніямъ—мы разрѣшаемъ задачу очень просто: приподнимаемъ точку съ плоскости (то-есть перемѣщаемъ ее по *третьему* измѣренію) и переносимъ за кругъ *черезъ* линію его очерчивающую, опуская тамъ ее снова на прежнюю плоскость. Для существа двумѣрнаго моментъ подаятія точки съ плоскости являлся бы моментомъ ея исчезновенія, а при опусканіи точки, ея прикосновеніе съ плоскостью представилось бы мгновеннымъ появленіемъ ея за предѣлами круга. Существо двумѣрное никогда не могло бы составить себѣ нагляднаго представленія о такомъ процессѣ переноса точки. Такимъ же образомъ мыслимо для насъ, хотя и не можетъ быть наглядно себѣ представлено, перенесеніе точки за предѣлы замкнутаго трехмѣрнаго пространства, напримѣръ шара, въ которомъ эта точка помѣщена. Мыслимо же осуществленіе этого переноса при помощи *четвертаго* измѣренія, по которому движеніе точки не встрѣтитъ препятствій, также какъ око не встрѣчаетъ его когда точка, находившаяся въ кругу, на плоскости, перемѣщается по третьему измѣренію (стр. 276). „Намъ показалось бы, прибавляетъ Цёлльнеръ, что законъ такъ-называемой непроницаемости матеріи въ трехмѣрномъ пространствѣ можетъ быть нарушаемъ.“

Представимъ себѣ, далѣе, гибкую линію, прямую, занимающую слѣдовательно одно измѣреніе. Сгибая линію, мы произведемъ движеніе по второму измѣренію и можемъ дать этой линіи, напримѣръ ниткѣ, видъ , при-

чемъ, такъ какъ она безконечно тонка, всѣ ея части будутъ лежать въ одной плоскости. Привести такую согнутую нитку, не разрывая ея, въ прежнее прямое состояніе и притомъ такъ чтобы *во время распрямленія* всѣ ея части постоянно оставались въ первоначальной плоскости—можно только такимъ образомъ что одинъ конецъ будетъ обращенъ по цѣлой окружности круга на 360° (стр. 272 и 273).*

Для существъ двумѣрныхъ такіа дѣйствія надъ ниткой соотвѣтствовали бы тому что мы, существа трехмѣрныхъ, называемъ завязываньемъ и развязываньемъ узла. Пользуясь нашимъ третьимъ измѣреніемъ, мы можемъ развязать двумѣрный узелъ, т.-е. разогнуть уломянутый круговой сгибъ, гораздо проще того чѣмъ сказано выше, не заставляя конецъ нитки описывать полный кругъ; для этого намъ стобитъ только отъ двумѣрнаго узла  перейти къ перегибу

 Обратными дѣйствіями въ *трехмѣрномъ* пространствѣ, двумѣрный узелъ можетъ быть также и завязанъ безъ описыванія концомъ нитки полной окружности. При завязываніи двумѣрнаго узла, при помощи движенія нитки по третьему измѣренію, ея части очевидно также должны были бы на время исчезать изъ вида у существъ двумѣрныхъ.

„Переносъ по аналогіи эти соображенія на *трехмѣрный*, т.-е. настоящий узелъ, легко видѣть что какъ завязыванье, такъ и развязыванье подобнаго узла возможно только посредствомъ такого дѣйствія, при которомъ части нитки опишутъ линію *двойной* кривизны, какъ это видно изъ фигуры.



„Для насъ, какъ существъ трехмѣрныхъ, завязыванье и развязыванье такого узла возможно только при полномъ круговомъ поворотѣ (на 360°) одного конца нитки, въ плоскости *наклонной* къ той въ которой находится двумѣрная часть узла; но еслибы между нами были существа могущія по произволу производить движенія матеріальныхъ тѣлъ въ четырехъ измѣреніяхъ, то они были бы въ состояніи завязывать и развязывать трехмѣрные узлы гораздо быстрее, способомъ совершенно аналогичнымъ съ описаннымъ выше по отношенію къ завязыванію двумѣрнаго узла

* Въ ней концы нитки *продѣты* въ образовавшіяся петли.

второе измѣреніе пространства и медиумизмъ. 963
„помощи третьяго измѣренія.“ (Стр. 274). Свобода кон-
тактки при этомъ нужна не была бы, нитка могла бы
быть бесконечною. „Такимъ образомъ, если оба конца нит-
каны вмѣстѣ и запечатаны, то разумное существо-
нне предпринять произвольно четырехмѣрные сгиба-
и движенія нитки должно быть въ состояніи завязать
стой ниткѣ * одинъ или нѣсколько узловъ, не нару-
шители печати.“ (Стр. 726).

VI.

„Тѣ-то опыты“, говоритъ Цёлльнеръ (стр. 726) „и
я мнѣ въ теченіе немногихъ минутъ, при помощи
канскаго медиума, г. Генри Следа, въ Лейпцигѣ 17го
мая (н. ст.) 1877 года, въ 11 часовъ утра.“

и распространенномъ нынѣ предубѣжденіи противъ
нности медиумическихъ явленій, для многихъ изъ мо-
читателей можетъ показаться страннымъ что Цёлль-
пришла мысль искать въ медиумизмѣ проверки и под-
свенія своихъ научно-философскихъ воззрѣній. Но въ
то и дѣло, что Цёлльнеръ не былъ ослѣпленъ ни само-
іемъ, ни тою излишнею вѣрой въ нелогичность *су-
вующихъ нынѣ* научныхъ воззрѣній которая можетъ
удачно охарактеризована именемъ „научнаго суевѣ-
іа“.

Онъ, повтому, тотчасъ же замѣтилъ, что нѣкоторыя
го апріорныхъ замѣчаній, основанныхъ на допущеніи
змѣренности пространства, совпадаютъ съ такъ-называемъ-
и медиумическими феноменами. Хотя Цёлльнеру, до
опытовъ со Следомъ, не случилось лично наблюдать
мическихъ явленій (стр. 277), но торжествомъ знанія
считалъ не высокомѣрное отрицаніе, а изслѣдованіе и
сненіе. Онъ соглашается вполнѣ (стр. 240) съ Рима-
, говорящимъ слѣдующее:

или наступаетъ то, что по существующимъ понятіямъ
ставляется необходимымъ или возможнымъ, то эти по-
и подтверждаются и на такомъ подтвержденіи основы-
ся наше довѣріе къ нимъ. Если же происходитъ то что
уществующимъ понятіямъ не ожидается и представ-
ся *невозможнымъ* или нелѣпнымъ, то возникаетъ

Г.-е. на ниткѣ одинакой, взятой не вдвое.

необходимость дополнить эти понятія, или, если нужно, переработать ихъ такъ чтобы на дѣлѣ наблюдаемое перестало быть *невозможнымъ* или *невѣроятнымъ*. Дополненіе и улучшеніе системы понятій составляетъ *объясненіе* неожиданнаго наблюденія. Вслѣдствіе такого процесса, наши воззрѣнія на природу становятся все полнѣе и правильнѣе, и въ то же время мы все далѣе проникаемъ въ глубь явленій* (стр. 235).

Цолльнеръ къ этому прибавляетъ (стр. 236): „Въ приведенныхъ словахъ Риманъ не только допускаетъ *возможность* явленій выхъ для насъ необъяснимыхъ или такъ-называемыхъ чудесъ*, но онъ указываетъ также что когда подобныя явленія доказаны *надежными* наблюденіями и опытами, и сдѣлались такимъ образомъ *фактами*, то для нашего ума возникаетъ задача переработать и расширить существующую систему понятій такъ чтобы эта *расширенная* и *обобщенная* система сдѣлала упомянутыя явленія доступными разсудку и объяснимыми, т.-е. дала бы возможность при помощи закона причинности свести ихъ къ опредѣленному отношенію между причиной и дѣйствіемъ.

Что же касается собственно до медиумическихъ явленій, то Цолльнеръ приводитъ (стр. 187) сказанное о нихъ кембриджскимъ профессоромъ математики Чаллисомъ: „Существующія доказательства настолько полны и согласны между собою что надо или признать факты въ томъ видѣ какъ о нихъ сообщается, или окончательно отказаться отъ возможности подтвержденія фактовъ человѣческимъ свидѣтельствомъ“. Но Цолльнеръ считаетъ необходимымъ строго установить опредѣленіе *объективно-реальнаго* съ точки зрѣнія идеализма (стр. 276). „Если *все* ощущаемое даетъ намъ только представленія, производимыя неизвѣстными причинами, то отличительнаго признака *объективно-реальнаго* (тѣла) отъ *субъективно-реальнаго* (фантазмы) надобно искать не въ *сущности*, а въ различныхъ атрибутахъ процесса производящаго представленія. Если причины намъ неизвѣстныя производятъ въ насъ такое представленіе что оно *одновременно* наблюдается въ одинаковомъ видѣ разными

* По такому опредѣленію, замѣчаетъ Цолльнеръ, и симметрія тѣла, на необъяснимость которой указано Кантомъ,—принадлежитъ къ числу чудесъ (стр. 240).

людьми, съ тѣми только отличіями которыя зависятъ отъ различнаго *положенія* наблюдателей въ пространствѣ, то мы относимъ такое представленіе къ реальному объекту, существующему *вне насъ*; если же этого условія нѣтъ, то представленіе относится нами къ причинамъ *въ насъ самихъ* находящимся и получаетъ названіе галлюцинаціи. „Принадлежать ли медиумическія явленія къ первой или второй категоріи представленій—этого я рѣшить не смѣю, такъ какъ до сихъ поръ никогда не былъ свидѣтелемъ подобныхъ явленій *“. Съ другой стороны, предъ такими людьми какъ Гёггинсъ, Круксъ, Уаллесъ и др., я не имѣю столь высокаго мнѣнія о *моёмъ* умѣ чтобы думать что я не подвергнусь, при сходныхъ условіяхъ, тѣмъ же впечатлѣніямъ какими подвергались они.“

Философское направленіе Цёлльнера, и въ особенности изученіе имъ Канта, заставляетъ его далеко расходиться съ большинствомъ въ способѣ отношеній къ медиумизму. Цёлльнеръ позволяетъ себѣ думать (стр. 200) что „отношеніе, къ медиумизму современныхъ естествоиспытателей и философовъ, столь надменныхъ въ своихъ заблужденіяхъ“, заставляетъ ихъ играть „смѣшную и наивную (einfältig) роль“, и что причина эта кроется въ „совершенномъ незнакомствѣ съ литературными сокровищами прошлаго, т.-е. въ недостаткѣ *истиннаго* образованія“. „То что сказалъ Кантъ 111 лѣтъ тому назадъ прилагается зачастую и нынѣ: „нѣкоторые *новѣйшіе мудрецы* (neue Weltweisen)—какъ они себя любятъ называть—проходятъ очень легко эти вопросы“, и это обстоятельство Кантъ сопоставляетъ съ тѣмъ что слова *я не знаю* не очень-то благосклонно выслушиваются академіями“. Въ цитатахъ приведенныхъ Цёлльнеромъ изъ Канта встрѣчаются между прочимъ слѣдующія мѣста: „Признаюсь, я очень склоненъ допускать бытіе нематеріальныхъ существъ и причислять собственную мою душу къ классу этихъ существъ“ (стр. 201)... „Почти доказано, или не трудно доказать, если говорить пространно, или вѣрнѣе, будетъ доказано въ будущемъ, гдѣ и когда не знаю,—что человеческая душа и въ этой жизни находится въ неравновѣсной связи и общеніи со всѣми нематеріальными суще-

* Цёлльнеръ поясняетъ что это было писано имъ въ августѣ 1877 (См. стр. 727).

ствами міра духовнаго. Она взаимодействуетъ съ ними, и получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія, но человѣкъ не сознаетъ ихъ, пока все обстоитъ благополучно“ (стр. 202 и 203).

Свое собственное мнѣніе о Кантѣ Цёлльнеръ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Ни одинъ философъ ни до, ни послѣ Канта не даетъ столькохъ доказательствъ умственнаго превосходства“.

VII.

Описывая свой опытъ со Следомъ *, Цёлльнеръ напоминаетъ приведенное выше опредѣленіе реально-существующаго и галлюцинаціи, и говоритъ что во время опытовъ онъ не забывалъ постоянно имѣть въ виду критерій отличающій *субъективную* фантазму отъ *объективнаго* предмета.

Описаніе опыта съ узлами пояснено особо приложеннымъ рисункомъ, изображающимъ двѣ руки лежація на столѣ и оттискъ печати Цёлльнера, подъ которою скрыты связанные концы бичевки. Подъ соединенными большими пальцами рукъ лежитъ двойная бичевка, опускающаяся въ видѣ цѣпной петли ниже стола. Тутъ же изображена эта бичевка отдѣльно, въ болѣе крупномъ масштабѣ, чтобъ яснѣе показать завязанные на ней узлы. Они сдѣланы, разумѣется, на одинаковой бичевкѣ (то-есть не вдвое взятой для каждаго узла). Для того чтобъ сдѣлать такой узелъ обыкновеннымъ доступнымъ человѣку способомъ, нужно, согнувъ бичевку петлей, *продѣть* сквозь эту послѣднюю *концы* бичевки. Бичевка взята была прочная, болѣе одного миллиметра толщиной.

„Рисунокъ, говоритъ Цёлльнеръ, изображаетъ положеніе моихъ рукъ, съ которыми была соединена лѣвая рука Следа и рука еще одного лица... Печать постоянно оставалась лежащею на столѣ, предъ глазами насъ всѣхъ, а находившаяся на столѣ какъ показано на рисункѣ часть бичевки была крѣпко прижата къ поверхности стола большими пальцами обѣихъ моихъ рукъ; остальная часть бичевки ** висѣ-

* Въ статьѣ *Thomson's Dämonen und die Schatten Plato's.*

** То-есть сгибъ ея или образованная ею дачинная петля.

ла, спускаясь на мои колѣни. Я желалъ плучить *одинъ* узелъ, а между тѣмъ въ теченіе немногихъ минутъ, завязаны были на бичевкѣ *четыре* узла совершенно вѣрно изображенные на рисунокѣ“ (который выше описанъ). Нѣсколько дѣлае Цолльверъ прибавляетъ: „Четыре узла на упомянутой выше бичевкѣ съ *неповрежденною* печатью еще и теперь лежатъ предо мною; я могу представить эту бичевку на разсмотрѣніе каждому, я могъ бы послѣдовательно отправить ее ко всѣмъ ученымъ корпораціямъ всего свѣта для того чтобъ убѣдить ихъ что дѣло идетъ здѣсь не о *субъективной* фантазмѣ, а о такомъ *объективномъ* дѣйствиіи съ остающимися послѣдствіями которое совершенно въ *мірѣ реальномъ*, тѣлесномъ, и которое ни одинъ человѣческій умъ не въ состояніи объяснить при помощи нашихъ *нынѣшнихъ* понятій о пространствахъ и силѣ. (Стр. 727.)

„Если несмотря на все это, захотятъ отвергнуть вѣрность сообщаемого факта, возможность котораго выведена мною на основаніи *расширеннаго* понятія о пространствахъ, то остается еще одинъ только способъ объясненія. Способъ этотъ, правда, вытекаетъ изъ формы *нравственныхъ* понятій весьма *нынѣ* распространенной и заключается въ допущеніи что мы, то-есть я и тѣ почтенные люди, лейпцигскіе граждане, въ присутствіи которыхъ совершалось наложеніе печатей на *многія* подобныя бичевки, или сами *низкіе обманщики* или не находились въ здоровомъ умѣ и не могли увидать какъ Следъ, прежде наложенія печатей, завязалъ узлы на *всѣхъ* упомянутыхъ бичевкахъ такъ что мы этого совсѣмъ не замѣтили. Обсужденіе такой гипотезы принадлежало бы однакожъ уже не къ области *науки*, а къ области *общественныхъ приличій*. Маленькую лекцію по этому предмету съ демонстраціями на живыхъ субъектахъ, * читатели найдутъ въ моей первой статьѣ *О дѣйствиіи на разстояніи*.

* Цолльверъ подразумѣваетъ здѣсь рѣзкія замѣчанія о профессорѣ Пфаундаерѣ, который впрочемъ вызвалъ ихъ своими болѣе чѣмъ рѣзкими, можно сказать грубыми, выраженіями. Тиндалль, какъ извѣстно, описалъ въ статьѣ „Наука и духи“ свое участіе въ одномъ спиритическомъ сеансѣ происходившемъ близъ Лондона, въ частномъ домѣ, хозяйку котораго Тиндалль характеризуетъ названіемъ „интеллигентной женщины“. Пфаундаеръ позволялъ себѣ по этому поводу выразить сожалѣніе что Тиндалль сдѣлался жертвой англійскаго строгаго этикета, не дозволившаго ему тутъ же на мѣстѣ „обнаружить и заклепнуть безчестность“ лицъ участвовавшихъ

„Если впрочемъ мои коллеги Гельмгольцъ и Пфаундлеръ будутъ склонны причислить меня и упомянутыхъ почтенныхъ людей (между ними есть одинъ, имя котораго вписано неизгладимыми чертами и золотыми буквами въ автописи естествознанія) къ классу „чудотворцевъ“ (Wunderthäter) и „вѣрующихъ безъ критики“ (kritiklos Gläubige) или даже къ „благородной сволочи“, то я позволю себѣ имъ замѣтить что я, пока не сдѣлаюсь самъ свидѣтелемъ этихъ явленій, находился на той же точкѣ зрѣнія, какъ и ихъ клиентъ Тиндаллъ. Этотъ послѣдній именно говоритъ: „Я вовсе не былъ абсолютно невѣрующимъ и считалъ, напротивъ, вѣроятнымъ что въ основаніи этихъ явленій лежитъ какой-либо физическій принципъ неизвѣстный самимъ спиритуалистамъ.“

„Различіе между Тиндаллемъ и мною заключалось въ томъ только что первый считалъ свой умъ развитымъ до такой необычайной высоты, что одной *четверти часа* проведенной подъ столомъ ему достаточно для того чтобы открыть этотъ *физическій принципъ*. („Я *заямъ* подъ столъ. Я *оставался* подъ столомъ по меньшей мѣрѣ *четверть часа*“—слова Тиндалла). Я же напротивъ считалъ мои умственные силы настолько недостаточными для объясненія этихъ замѣчательныхъ феноменовъ что при началѣ моихъ опытовъ со Следомъ имѣлъ лишь слабую надежду быть осчастливленнымъ при концѣ постоянного

въ сеансѣ. Лишь этихъ Пфаундлеръ не стѣсняется называть „благородною сволочью“ (das noble Gesindel). Ср. стр. 172 книги Цолльнера.

Безпристрастному читателю будетъ очевидно что это все та же всегдашняя исторія *заранѣе составленнаго* твердаго убѣжденія (то есть *предубѣжденія*) въ непремѣнномъ существованіи обмана и обыкновенно соединеннаго съ такимъ убѣжденіемъ страстнаго (а потому и пристрастнаго) отношенія къ вопросу!

* Названія „чудотворцевъ“ и „вѣрующихъ безъ критики“ принадлежатъ Гельмгольцу. Они употреблены имъ (см. стр. 175 и 176 кн. Цолльнера) по поводу все той же статьи Тиндалла и нападокъ на него Цолльнера въ известной книгѣ *О натурѣ кометъ*.

Интересно что Гельмгольцъ и Пфаундлеръ въ особенности старались защитить Тиндалла отъ предположенія которое вслѣдствіе сказаннаго Цолльнеромъ въ упомянутой книгѣ можетъ родиться у людей незнакомыхъ съ самою статьею Тиндалла, а именно будто Тиндаллъ вѣритъ въ существованіе медиумическихъ явленій.

восьмидневнаго старательнаго опытнаго изслѣдованія полученіемъ *фактическихъ* доказательствъ въ пользу вѣрности моей теоріи, къ которой я пришелъ посредствомъ „синтетическихъ аліоріныхъ заключеній“ *.

* Къ этому Цобальнеръ прибавляетъ въ особой сноскѣ: „Мнѣ удалось еще и другіе болѣе удивительные опыты, придуманные мною съ точки зрѣнія моей теоріи пространства, такіе, которыхъ удачу самъ Следъ не считалъ возможною. Разумный и сочувствующій читатель оцѣнитъ мою живѣйшую радость по этому случаю и найдетъ понятнымъ что я передалъ Следу на память о времени проведенномъ въ Лейпцигѣ (Zur freundlichen Erinnerung an die in Leipzig verlebten Stunden) 16 томъ моихъ „Основаній электродинамической теоріи матеріи“, въ которыхъ я обсуждалъ въ прошломъ году расширенную теорію возвращеній на пространство въ приложеніи къ физическому тѣлесному міру. Такъ какъ на меня и моихъ друзей г. Следъ произвелъ впечатлѣніе *дѣтства*, то осужденіе его въ Лондонѣ за обманъ должно было возбудить и *нравственное* участіе наше. Въ самомъ дѣлѣ, по тѣмъ наблюденіямъ которыхъ мы имѣли случаи сдѣлать въ его присутствіи надъ чрезвычайно-разнообразными явленіями физическаго характера, нѣтъ ни малѣйшаго *разумнаго* основанія допустить чтобы Следъ хотя бы въ *одномъ только* случаѣ прибѣгнулъ къ сознательному обману. Такимъ образомъ, въ нашихъ глазахъ Следъ былъ *несомнѣнно* осужденнымъ, жертвой ограниченнаго ума его обвинителя, его судьбы.

„Когда г. Следъ узналъ что его юный обвинитель, лондонскій профессоръ Рей-Ланкастеръ, приготовленъ въ „люди науки“ и подвергся выучкѣ (eingeschult worden) здѣсь въ Лейпцигѣ, то онъ съ особенною радостью нѣсколько разъ заставлялъ мнѣ и моихъ друзей что считать себя счастливымъ, убѣдивъ въ своей невинности учителя и наставника своего обвинителя, и что готовъ для этой цѣли съ удовольствіемъ отдать себя бесплатно въ его распоряженіе. Не г. Следъ виноватъ въ томъ что этого не случилось. До сихъ поръ въ Германіи было въ обычаѣ принимать участіе въ невинно-осужденныхъ. Но если нынѣ такъ-называемая „образованная печать“ ожидаетъ отъ германской публики что она сдѣлаетъ честь человѣка зависающему отъ ума и сужденія двухъ *женщинъ* (Цобальнеръ намекаетъ здѣсь на случай въ Берлинѣ: журналистъ Эанхо при помощи двухъ дамъ бывшихъ на сеансѣ Следа рѣшилъ сразу что всѣ происходящія явленія представляютъ грубый обманъ, о чемъ и напечаталъ въ *Gartenlaube*), въ *противность* сужденію независимыхъ и заслуженныхъ натуралистовъ, то это доказываетъ вѣрность моего мнѣнія. А именно, я утверждаю что нашъ вѣкъ не

VIII.

Итакъ, къ числу свидѣтельствъ въ пользу фактическаго существованія медиумическихъ явленій, свидѣтельствъ данныхъ людьми науки и уже не малочисленныхъ, прибавилось еще одно вѣское свидѣтельство. Вѣско оно не потому только что принадлежитъ человѣку занимающему весьма видное мѣсто между германскими учеными, но потому что самый фактъ констатируемый имъ простъ и разителенъ до крайности, и это первый изъ медиумическихъ фактовъ поставленный въ прямую связь съ научною, независимую отъ медиумизма, теоріей. Честь перваго шага на этомъ пути безспорно принадлежитъ Цёлльнеру. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ что завязка узла на *безконечной* бичевкѣ дѣло невозможное по нашимъ *обыкновеннымъ* понятіямъ; а допустить поддѣлку явленія при условіяхъ подъ которыми экспериментировалъ Цёлльнеръ, конечно труднѣе чѣмъ принять его взглядъ на многомѣрность пространства и его выводы. Для надменныхъ отрицателей остается одинъ выходъ, на который Цёлльнеръ и указываетъ. Къ этому выходу, судя по опытамъ прежняго времени, вѣроятно и прибѣгнетъ большинство, проникнутое „научнымъ суевѣріемъ“, вѣрующее непоколебимо въ свою непогрѣшимость, а потому и считающее дозволеннымъ каждый разъ останавливаться во что бы то ни стало на извѣстномъ приговорѣ: *этого не могло быть, потому, что это невозможно.*

Что касается самого меня, то повторю что не будучи ни математикомъ, ни философомъ по профессіи, я не берусь оцѣнивать вѣрность идей Цёлльнера и его предшественниковъ, но принимая его свидѣтельство о фактѣ не могу не признать крайне замѣчательнымъ совпаденіе факта съ теоріей.

Тѣ кто найдутъ возможнымъ прямо отвергнуть свидѣтельство Цёлльнера обвинять конечно меня (и уже не

имѣть права, ни по развитію умовъ, ни по своему нравственному значенію, величаться предъ тѣми временами когда были ожигаемы колдуны и вѣдьмы, а Коперникъ писать свой безсмертный трудъ *De revolutionibus orbium coelestium* (1473—1543) въ тишинѣ монастырской кельи.*

въ первый разъ) въ содѣйствіи распространенію предразсудковъ въ публикѣ. На это пусть будутъ отвѣтомъ слова Канта, приводимыя Цёлльнеромъ (стр. 284):

„Служеніе обществу силами своего разума должно быть всегда свободно; одно оно можетъ распространять просвѣщеніе въ человечествѣ. Подъ именемъ же свободнаго служенія разумомъ со стороны ученаго я понимаю то которое совершается предъ всѣмъ читающимъ міромъ.“ „Впрочемъ публика и сама можетъ просвѣщать себя, и это даже почти неизбѣжно, если только ей предоставятъ свободу. Въ этомъ случаѣ всегда найдутся нѣсколько самостоятелно-мыслящихъ лицъ даже между самыми олекунами толпы, и они, сбросивъ съ себя самихъ иго несовершенности, будутъ распространять вокругъ духъ разумной оцѣнки призванія и собственнаго значенія каждаго человѣка.“

Я не сомнѣваюсь что и въ нашей публикѣ найдется не мало лицъ которыя отнесутся къ занимающему насъ вопросу, „сбросивъ съ себя иго несовершенности“. Въ опытахъ Цёлльнера эти лица увидятъ конечно новое доказательство справедливости извѣстныхъ словъ профессора де-Моргана: „Спиритуалисты, безо всякаго сомнѣнія, стоятъ на томъ пути который вель ко всякому прогрессу въ физическихъ наукахъ....“

А. БУТЛЕРОВЪ.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* мы окончили военное обозрѣніе паденіемъ Плевны. Зимнее время года, къ тому же необыкновенно суровое, заставляло предполагать что этимъ успѣхомъ закончится кампанія прошлаго 1877 года и что до весны едвали произойдетъ что-либо серьезное на Европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Сражавшіяся арміи раздѣлялись высокимъ хребтомъ Балканъ, на вершинахъ котораго при 20градусномъ морозѣ разыгрывались страшныя метели; Турки озадаченные неудачей не потеряли еще присутствія духа и принимали мѣры чтобы воспользоваться естественною преградой, за которою надѣялись приготовить прочную оборону; Европа не придавала особаго значенія передвиженіямъ нашихъ войскъ, подобно Туркамъ полагаясь на содѣйствіе Балканъ и стужи; дипломатія дремала, считая положеніе далеко не опаснымъ; словомъ, наступило нѣкоторое затишье, вскорѣ нарушенное проявленіемъ всѣхъ необыкновенныхъ качествъ русскаго солдата. Наперекоръ всеобщимъ ожиданіямъ, наперекоръ стихіямъ, рѣшено было совершить зимнюю кампанію, чтобы воспользоваться плодами побѣды и наверстать потерянное время. Подобное рѣшеніе возможно бы-

до принять положившись на выносливость русскаго челоѣка, на преданія нашей несравненной арміи, привыкшей безпрекословно исполнять приказанное. Много ужасныхъ жертвъ и страшнаго напряженія силъ пришлось потребовать отъ подчиненныхъ, но въ результатѣ ожидалось сокращеніе военнаго времени и та удача которая всегда сопровождаетъ обдуманныя энергическія дѣйствія.

Надо было во что бы то ни стало пробиться въ Румелію, надо было свести войска съ высокихъ позицій которыя они занимали, надо было перешагнуть Балканы и стать опять лицомъ къ лицу съ противникомъ, стараясь захватить его въ открытомъ полѣ для нанесенія окончательныхъ ударовъ. Въ такомъ смыслѣ выработанъ былъ новый планъ и сдѣланы распоряженія изложенныя въ нижеслѣдующей телеграммѣ Главнокомандующаго тотчасъ по взятіи Плевны. „Я послалъ на подкрѣпленіе Гурко 3ю гвардейскую пѣхотную дивизію и 9й корпусъ, дабы онъ могъ первый открыть выходъ за Балканы съ увѣренностью въ успѣхѣ; Карцеву и Радецкому я приказалъ приготовить. На подкрѣпленіе послѣдняго я послалъ отдѣльный отрядъ Скобелева изъ 16й дивизіи, трехъ баталіоновъ 3й стрѣлковой бригады и 9го Донскаго полка. Карцева подкрѣпилъ только 10мъ стрѣлковымъ баталіономъ. Какъ только Гурко перешагнулъ Балканы, я приказалъ немедленно и Радецкому и Карцеву проложить себѣ путь, а Деллисгаузену отвлекать напоръ турецкихъ силъ демонстраціями на Ахметли, Твардицу и Ханкюй. Въ распоряженіе Радецкаго я далъ еще 30ю пѣхотную дивизію и три кавалерійскіе,—одинъ драгунскій, одинъ уланскій и одинъ казачій полки.“ Освободившаяся армія, только-что окончившая блокаду Плевны, направлена была частями, какъ видно изъ приведенной телеграммы, на усиленіе отрядовъ занимавшихъ передовыя позиціи. Въ числѣ этихъ отрядовъ находился и гвардейскій корпусъ, на долю котораго выпала честь перваго перевала черезъ Балканы. Почти два мѣсяца занималъ гвардейскій корпусъ свои позиціи, послѣдовательно выбилъ непріятеля изъ цѣлаго ряда укрѣпленныхъ пунктовъ и остановился за недостаткомъ силъ у выхода изъ Этропольскихъ Балканъ, близъ Араба-Конака, защищеннаго природою и цѣлою турецкою арміей. Два мѣсяца всевозможныхъ лишеній довели отрядъ до крайне тяжелаго состоянія. Ну-

ждаясь въ теплой одеждѣ, почти безъ обуви, грѣясь у костровъ на вершинахъ со всѣхъ сторонъ пронизываемыхъ вѣтромъ, онъ уже совершенно не напоминалъ того блестящаго по вѣнкости войска какимъ привыкли представлять себѣ русскую гвардію. Но чѣмъ труднѣе становилось положеніе, тѣмъ болѣе выросталъ духъ отряда, безъ малѣйшихъ признаковъ унынія, отличавшагося неоптѣнимымъ добродушіемъ и покорностью судьбѣ. „Намъ не съ сахаромъ, да вѣдь и ему не съ медомъ“, утѣшали себя солдаты, вспоминая другіе дни, другую обстановку. Наконецъ относительное бездѣйствіе отряда было нарушено, подошедшія подкрѣпленія давали возможность двинуться впередъ, но при какихъ условіяхъ? Чтобы овладѣть позиціей Араба-Конака рѣшено было прибѣгнуть къ обходнымъ движеніямъ, тѣмъ болѣе необходимымъ что фронтальная атака не представляла вѣроятія успѣха и сопряжена была бы во всякомъ случаѣ съ громадными потерями; стало-быть имѣя впереди себя отличное шоссе приходилось сворачивать въ сторону и двигаться безъ дорогъ по обледенѣлымъ вершинамъ съ девятифунтовою артиллеріей, съ запасами провіанта и снарядовъ на себѣ. 12го декабря началось движеніе колонны генерала Рауха, раздѣленной на три части, отъ Вратеша въ юго-западномъ направленіи и въ то же время бригада 31й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, двинулась также отъ перевала, забирая еще болѣе къ западу.

Отрядъ генерала Рауха, имѣвшій во главѣ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, долженъ былъ выйти къ деревнѣ Ташкиссея, расположенной близъ шоссе въ тылу Араба-Конака, а отрядъ генерала Вельяминова выйти на шоссе много западнѣе Ташкиссена у Бугарова, чтобы образовать заслонъ по направленію къ Софіи. Одновременно съ начатымъ движеніемъ начальникомъ всего отряда генераломъ Гурко сдѣланы были распоряженія дабы окружить Араба-Конакъ и высоту Шандорникъ, расположенную у выхода изъ Стригль-Балкана къ востоку отъ Арабы, съ фронта и лѣваго фланга. Практиковалось обходное движеніе употреблявшееся до сего времени такъ успѣшно войсками гвардейскаго отряда. Но движеніе колонны генерала Рауха неожиданно замедлилось, войскамъ пришлось преодолевать на пути такіа трудности,

какія едва ли можно было предвидѣть и въ заключеніе узнать что деревня Ташкиссенъ была заранѣе укрѣплена и брать ее приходилось съ бою. Вырубая лѣтвицы по обледѣвшимъ склонамъ, спуская орудія не только на рукахъ но при ввязывая ихъ къ деревьямъ, цѣлые шесть дней шли солдаты Рауха пока наконецъ вздохнули свободнѣе на южномъ склонѣ и тотчасъ, не давая Туркамъ оломаться, съ трехъ сторонъ двинулись къ Ташкиссену. Цѣлый день продолжалось сраженіе, рѣшительное появленіемъ колонны генерала Курова въ тылу непріятельской позиціи, что и побудило Турокъ воспользоваться темнотою ночи и кинуться на юго-востокъ въ долину Топольницы къ деревнѣ Петричево. Появленіе нашихъ войскъ у Ташкиссена и овладѣніе этимъ пунктомъ понудило главную массу турецкихъ силъ занимавшую Арабъ-Конакъ и Шандорникъ немедленно очистить свои позиціи и ночью отступить на то же Петричево съ цѣлю дальнѣйшаго движенія на Татаръ-Базарджикъ для соединенія съ войсками не задолго до того прибывшаго Сулейманъ-паши. На утро 20го декабря войска генерала Гурко находились уже за Балканами и приступили къ преслѣдованію бѣгущаго непріятеля.

Но войскамъ отряда генерала Гурко предстояло разрѣшить двѣ задачи: вопервыхъ, по возможности отрѣзать уже разбитаго непріятеля, вовторыхъ, овладѣть Софіей и отбросить занимавшій ее гарнизонъ. Турки понимали важность этого послѣдняго движенія, которое передавало въ наши руки почти всю западную Болгарію, а потому старались предупредить наше намѣреніе. Съ этою цѣлю 21го декабря, то есть на другой день послѣ боя у Ташкиссена, они сами вышли изъ Софіи, надѣясь опрокинуть слабый численностію отрядъ генерала Вельяминова и появившись въ тылу нашихъ войскъ понудить ихъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе. Сознавая важность минуты, генералъ Вельяминовъ геройски выдержалъ наступленіе превосходнаго числомъ непріятеля и вынудилъ его къ отступленію, чѣмъ и уничтожилъ его предположеніе. Между тѣмъ генералъ Гурко, устроивъ правильное преслѣдованіе опрокинутой части арміи Шакиръ-паши, самъ съ частью своего отряда двинулся на усиленіе генерала Вельяминова и послѣ перестрѣлки у селенія Враждебны занялъ мостъ на рѣкѣ Искерѣ, послѣ чего Турки не рѣшились болѣе сопротивляться и предпочли удалиться въ юго-запад-

номъ направленіи на Костендиль, уступивъ отряду нашихъ войскъ безъ боя вторую столицу Болгаріи—Софію, которая и занята была генераломъ Гурко 24го декабря. Смѣлое движеніе отряда генерала Гурко, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ, уничтожило надежды Турокъ устроить правильную оборону Румелии, но они и не предчувствовали того новаго пораженія которое уже висѣло надъ ихъ головой и рѣшило участь безпримѣрной по быстротѣ кампаніи.

Для того чтобы лучше уяснить себѣ послѣдующія событія, нужно припомнить взаимное положеніе сражавшихся къ концу декабря мѣсяца.

Послѣ паденія Плевны, Турки поняли невозможность дальнѣйшей защиты въ сѣверной Болгаріи и потому немедленно рѣшились перенести центръ тяжести кампаніи на южный склонъ Балканъ, въ Румелию. Сулейманъ-паша, неудачно подвизавшійся въ пространствѣ знаменитаго четырехугольника, съ большею половиною своей арміи перевалилъ за хребетъ и кинулся на западъ дабы подготовить оборону того пространства которому въ будущемъ угрожало наступленіе усиленнаго 9мъ корпусомъ гвардейскаго отряда. Въ распоряженіи его находилась желѣзная дорога, облегчавшая турецкому полководцу возможность передвиженія, и къ половинѣ декабря онъ уже составлялъ резервъ Шакировой арміи, занимая Татаръ-Базарджикъ и горные проходы Ихтимана по направленію къ Софіи. Такимъ образомъ западная Болгарія защищена была по предгорію Балканъ до Софіи включительно первою линіей турецкихъ войскъ подъ начальствомъ Шакира и далѣе къ югу отъ Татаръ-Базарджика на сѣверо-западъ къ Ихтиману и на западъ къ Самакову войсками Сулейманъ-паши въ количествѣ 80ти таборовъ пѣхоты при значительномъ числѣ кавалеріи и артиллеріи. Выходы изъ центральныхъ Балканъ по долинамъ Тунджи занимали отдѣльные отряды вплоть до Казанлыкской долины, гдѣ сосредоточенъ былъ сильный корпусъ въ 32 тысячи человекъ, оборонявшій главнѣйшій изъ центральныхъ переваловъ, Шилкинскій. Далѣе на Востокъ близъ Ямболи и Сливны находилась корпусъ Реуфа-паши въ количествѣ не менѣе 30 тысячъ, а въ Адрианополѣ и Константинополѣ собиралась новая резервная армія подъ начальствомъ осторожнаго Мегеметъ-Али.

Владѣя такими силами и почти неприступными позиціями, Турки не считали своего дѣла окончательно проигран-

ными, тѣмъ болѣе что до весны, когда по ихъ предположеніямъ могло начаться наступленіе нашихъ войскъ, можно было усилить резервную армію подкрѣпленіями изъ Малой Азіи и новыми наборами нерегулярныхъ полчищъ.

Для того чтобы совершенно уничтожить турецкій планъ рѣшено было, какъ сказано выше, прибѣгнуть къ зимней кампаніи и перевалить центральные Балканы одновременно на всѣхъ занятыхъ нами пунктахъ.

Гвардейскій отрядъ уже сдѣлалъ свое дѣло и готовился немедленно двигаться впередъ съ цѣлью обойти позицію Сулеймана, отступавшаго отъ Ихтимана къ Трояновымъ Воротамъ, въ то время когда генералъ Карцевъ приступилъ къ переходу Балканъ у Троянова перевала, на высотѣ 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря при жестокой стужѣ и метели, а генералъ Радецкій къ выполненію труднѣйшихъ маневровъ съ цѣлью окружить Шилкинскую турецкую армію. Пять мѣсяцевъ оборонялся славный 8й корпусъ въ Шилкинскомъ проходѣ, выдерживая по началу жестока атаку, затѣмъ бомбардировку при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Отсутствіе постоянныхъ корреспондентовъ при генералѣ Радецкомъ лишало общество возможности слѣдить изъ дня въ день за всѣми лишеніями съ которыми приходилось бороться этому героическому отряду. Извѣдка только дойдетъ какое-нибудь извѣстіе о новыхъ потеряхъ, о жестокихъ морозахъ, о недостаткѣ теплаго платья, и только; но между тѣмъ всѣ невольно понимали трудность подвига вылазавшаго на долю Шилкинскихъ орловъ и скромнаго ихъ предводителя; всѣ съ трепетомъ слѣдили за перипетіями обороны во время блокады Плевны, сознавая что только благодаря Руцукскому и Шилкинскому отрядамъ возможно было достигнуть окончательной расправы съ упорно сопротивлявшимся Османомъ. Первоначальный планъ кампаніи намѣтилъ Шилку главнѣйшимъ пунктомъ въ наступленіи арміи. Не владѣя этимъ переваломъ, находящимся въ кратчайшемъ разстояніи отъ нашихъ сообщеній, едва ли было возможно предпринять походъ на Адрианополь. Услѣхи отряда генерала Гурко находились въ прямой зависимости отъ дѣйствій центра, и вотъ по прошествіи пяти мѣсяцевъ 8му корпусу суждено было довести свое дѣло до конца, подвести итоги своей дѣятельности и усиленному значительными подкрѣпленіями, нанести тотъ сокрушительный

ударъ, отъ котораго Туркамъ уже невозможно было оправиться.

Наканунъ Рождества Христова началось одновременное движеніе двухъ боковыхъ отрядовъ съ цѣлью зайти въ тылъ турецкой арміи; съ востока двигался князь Святполкъ-Мирскій, съ запада отъ Зеленаго Древа шелъ испытанный въ бояхъ генералъ Скобелевъ 2й; съ фронта, выжидая спуска въ Казанлыкскую долину названныхъ отрядовъ, караулилъ Турокъ самъ Радецкій. Турки очевидно не почувствовали приготовленной имъ западни; общая увѣренность въ невозможности перейти зимой Балканы еще разъ сослужила намъ службу. Сердце обливается кровью вспоминая ужасы трехдневнаго движенія боковыхъ колоннъ, но въ концѣ-концовъ, преодолевъ природу, борющихся съ нею на каждомъ шагу, двигаясь цѣлые часы на пространствахъ нѣсколькихъ сажень, отряды перешли Балканы и появились на южномъ ихъ склонѣ въ прославленной „долинѣ розъ“, къ ужасу ошеломленнаго непріятеля. Первымъ спустился отрядъ князя Святполкъ-Мирскаго и 27го декабря вступилъ въ упорный бой, выжидая появленія генерала Скобелева 2го. 28го декабря соединеннымъ усиленіемъ обоихъ отрядовъ удалось опрокинуть Турокъ и завладѣть ихъ тыльными шанцами въ то самое время когда генералъ Радецкій велъ фронтальную атаку почти неприступныхъ позицій, съ цѣлью отвлечь на себя главныя силы противника. Героемъ дня по удостовѣренію очевидцевъ былъ командиръ Углицкаго полка полковникъ Памютинъ, командовавшій авангардомъ Скобелевскаго отряда. Бодро, въ ногу, развернутыми линіями, при звукахъ музыки, какъ на парадѣ, шла несравненная лѣхота въ атаку укрѣпленій, сокрушая на пути ожесточенное сопротивленіе и вынося на себѣ всю тяжесть боя за недостаткомъ артиллеріи. Трудность перевала, крутизна подъездовъ и спусковъ, глубина снѣговъ, въ которыхъ люди проваливались по грудь, не дала возможности отряду Скобелева перетащить съ собою къ моменту сраженія тяжелыхъ орудій, одна только горная батарея капитана Орлова явилась вовремя, и чтобъ обмануть противника зарывала хоботы орудій, стараясь навѣснымъ огнемъ проникнуть въ глубь непріятельскаго расположенія. Окруженные со всѣхъ сторонъ Турки не сочли возможнымъ

сопротивляться долѣе; къ общей радости измученныхъ труженниковъ предъ отрядомъ Скобелева былъ выкинутъ Турками парламентарскій флагъ и бой закончился. Вся армія противника въ количествѣ 32.000 человекъ, при 93 орудіяхъ, подъ начальствомъ Вессель-паши, положила оружіе. Побѣдители взяли при этомъ въ плѣнъ трехъ пашей, 280 офицеровъ и 10 знаменъ. Таковы были результаты этого безпримѣрнаго боя, украсившаго лѣтописи нашей военной исторіи; такова была награда славнаго начальника, дождавашагося радостнаго дня, подготовленнаго латынскими страданіями. Рѣдкая побѣда производила такое впечатлѣніе: вся Россія откликнулась на подвигъ своей неопытной арміи, а Англія съ ужасомъ увидѣла какъ обманулась она въ своихъ разчетахъ. Весенній походъ совершался въ декабрѣ мѣсяцѣ и остановить его уже было невозможно. Черезъ 22 дня послѣ Шилкинскаго боя заключено было Адрианопольское перемиріе.

28го декабря законченъ былъ переходъ Балканъ на всѣхъ предназначенныхъ пунктахъ: отрядъ генерала Гурко занялъ Софійскую долину; отрядъ генерала Карцева долину Тунджи; отрядъ генерала Радецкаго Казанлыкскую долину. Турки поняли свое бѣдственное положеніе и корпусъ Ресуфъ-паши былъ торопливо двинутъ отъ Ямболи и Сливны для защиты Константинополя. Оставалась послѣдняя нетрогнутая армія Сулейманъ-паши, прикрывавшая Адрианополь отъ напора отряда Гурко, на пространствѣ отъ Татаръ-Базарджика до Ихтимана и Самакова. Еще не зная ничего о славномъ Шилкинскомъ боѣ, генералъ Гурко составилъ планъ атаки Сулеймановой арміи, стараясь окружить ее со всѣхъ сторонъ и тѣмъ поставить въ безвыходное положеніе. Силы Сулейманъ-паши сосредоточены были главнымъ образомъ у Самакова и близъ Трояновыхъ Воротъ въ количествѣ не менѣе сорока таборовъ въ каждомъ пунктѣ. „Эти-то силы—говоритъ корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*, князь Левъ Шаховской—и собирался атаковать генералъ Гурко, направивъ изъ долины Софіи вѣтранный его командованію отрядъ на Малые Балканы четырьмя отдѣльными колоннами. Одну подъ начальствомъ генерала Вельяминова на Самаковъ, другую подъ начальствомъ графа Шувалова на Ихтиманъ и Трояновы ворота; остальные двѣ, подъ начальствомъ генерала Шильдеръ-

Шульднера и барона Криденера, обходными путями прямо на Татаръ-Базарджикъ, съ приказаніемъ двумъ послѣднимъ колоннамъ зайти въ тылъ турецкихъ позицій въ Трояновыхъ Воротахъ". Вышелъ приведенный планъ грозилъ Туркамъ подвергнуть ихъ участи Шилкинскихъ товарищей, но въ это время Сулейманъ получилъ извѣстіе о сдачѣ Вессель-лаши и потому не теряя времени рѣшилъ оставить свои позиціи чтобы торопливымъ отступленіемъ успѣть прибыть для защиты Адрианополя. Такимъ образомъ намѣреніе генерала Гурко не могло быть приведено въ исполненіе и вмѣсто предполагаемыхъ маневровъ пришлось обратить все вниманіе на преслѣдованіе убѣгавшаго непріятеля, но преслѣдованіе затруднялось пространствомъ выиграннымъ противникомъ; войска наши еще не успѣли достигнуть Трояновыхъ Воротъ къ тому времени когда непріятель покинулъ свои позиціи, отступая къ Татаръ-Базарджику и далѣе. 1го января генералъ Гурко во главѣ колонны графа Шувалова спустился съ горъ въ долину рѣки Марицы, но не могъ настигнуть непріятеля торопливо бѣжавшаго отъ Ихтимана и принужденъ былъ обратить свое вниманіе на вторую половину Сулеймановой арміи отступавшей отъ Самакова. Эта вторая половина турецкой арміи двигалась почти параллельно линіи нашего наступленія, слегка опережая части отряда Шувалова и преслѣдуемая колонной генерала Вельяминова. Рѣка Марица раздѣляла противниковъ; справа по извилистой дорогѣ двигались Турки, слѣва по прекрасному Филиппопольскому шоссе двигались наши войска; вопросъ заключался въ томъ кто раньше достигнетъ бродовъ, Турки или Русскіе? Еслибы Туркамъ удалось опередить наше наступленіе, они могли бы соединиться съ Ихтимандовскимъ отрядомъ и представляя въ сложности армію не менѣе 50ти тысячъ человекъ, отступать къ Адрианополю; поэтому генералъ Гурко двинулся форсированнымъ маршемъ почти безъ отдыха, признавая справедливость сужденія генерала Нагловскаго, что всѣ солдаты которые отстанутъ въ этомъ усиленномъ маршѣ подойдутъ къ своимъ частямъ на первомъ привалѣ, за то все что отстанетъ отъ Турокъ уже не пристанетъ къ нимъ и будетъ наше. Два дня продолжался обоюдный бѣгъ, причемъ противники нерѣдко по условіямъ мѣстности сходились на разстояніе обыкновеннаго ружейнаго выстрѣла, но не тратили заряды: обѣ стороны одинако-

во понимали важность предпринятыхъ движеній; наконецъ войска графа Шувалова добрались до первыхъ бродовъ у Кадыкіоя и хотя еще не окончательно опередили Турокъ, приступили къ переправѣ на правый берегъ Марицы, съ цѣлю разрѣзать противника надвое; въ то же время генераломъ Турко движуты были третья гвардейская дивизія генераль-лейтенанта Дандевилля и сводная драгунская бригада генерала Краснова въ юго-восточномъ направленіи къ Станимаку, съ цѣлю перехватить здѣсь путь отступленія Турокъ. 3го января въ окрестностяхъ селенія Кадыкіоя начался трехдневный кровопролитный бой, закончившійся полнымъ пораженіемъ послѣдней турецкой арміи.

Остаткованные въ своемъ движеніи, Турки вынуждены были принять генеральное сраженіе, начавшееся при селеніи Кадыкію и продолжавшееся у Дермендере. Здѣсь колонна генерала Вельяминова старалась задержать ихъ демонстративнымъ боемъ въ то время когда главныя силы колонны Шувалова дѣлали захожденіе лѣвымъ флангомъ, стараясь отрѣзать противника отъ пути его отступленія на Станимаку и далѣе на Хаскію. Турки дрались съ ожесточеніемъ, вполнѣ понимая что неудачный исходъ грозилъ имъ страшными бѣдствіями, тѣмъ болѣе что въ тылу ихъ находились высоты бездорожнаго Деспотодага. Весь второй день сраженія прошелъ въ удержаніи графомъ Шуваловымъ турецкаго отряда Фуадъ-лаши у высотъ Дермендере, а въ то же время отрядъ генерала Дандевилля съ авангардомъ подъ начальствомъ генерала Краснова сражался съ другою колонной турецкой арміи подъ личнымъ начальствомъ Сулейманъ-лаши двинувшагося на соединеніе съ Фуадомъ.

Переправа отряда Дандевилля сопряжена была съ громадными трудностями: единственный мостъ черезъ Марицу былъ совершенно уничтоженъ Турками, а оба брода, находившіеся по близости, были по грудь людямъ, такъ что двинуть по нимъ пѣхоту въ зимнее время года представлялось совершенно невозможнымъ. Пришлось прибѣгнуть къ лошадямъ 2й кавалерійской дивизіи, лодкамъ и паромамъ, что разумѣется задержало переправу, но несмотря на это къ вечеру авангардъ генерала Краснова уже былъ на правой сторонѣ рѣки и не теряя времени двинулся атаковать противника. Стремительность натиска увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, Турки были опрокинуты и бросили 18 орудій, коихъ

обратно уже не могли вернуть, несмотря на ожесточенныя атаки. На третій день боя, то-есть 5го января, колонны генераловъ Вельяминова, Шувалова и Дандевиля продолжали окружать противника, тѣснили его къ сторонѣ Деспотодага. Турки вынуждены были очистить Дермендере и занять южную сильную позицію у селенія Бѣлесицы. Чтобы повудить Турокъ къ дальнѣйшему отступленію генералъ Гурко приказалъ колоннѣ Дандевиля атаковать Бѣлесицу, а генералу Вельяминову атаковать лѣвый флангъ Турокъ. Оба эти движенія удались вполнѣ, причемъ колонной генерала Дандевиля взято 11ть орудій, а колонной графа Шувалова 17. Выбитые изъ позицій, Турки въ паническомъ страхѣ лѣзли въ горы бросая съ кручъ остатки своей артиллеріи и стараясь спастись уже не правильными отрядами, а въ разсыпную по одивочкѣ. На четвертый день боя, т.-е. 6го января, отряда Фуадъ-паши уже не существовало, оставалась только колонна самого Сулеймана, торопиво отступавшаго къ Хаскию; преслѣдовать эту колонну послана была кавалерія генерала Скобелева 1го. Въ ночь съ 5го на 6е января Сулейманъ ночевалъ въ Тахтамы и въ три часа утра 6го января двинулся черезъ Карджиларъ на Кюмюрджи. Впереди шла турецкая пѣхота, затѣмъ 40 орудій и наконецъ въ хвостѣ въ прикрытіе артиллеріи еще пять таборовъ. Утромъ 7го января № 30го казачій полкъ полковника Грекова настигъ отступавшаго противника у Караджилара и немедленно пошелъ въ атаку. Пораженное ужасомъ прикрытіе разбѣжалось и казаки Грекова захватили всѣ 40 орудій, такъ что пѣхота Сулеймана только съ самымъ незначительнымъ числомъ горныхъ орудій двинулась къ Хаскию, гдѣ была предупреждена появленіемъ русскихъ отрядовъ изъ центральной арміи, спустившейся послѣ Шилкинскаго боя въ Казанлыкскую долину. Трехдневный бой у Филиппополя былъ единственнымъ генеральнымъ сраженіемъ въ открытомъ полѣ за всю кампанію; силы сражавшихся были почти одинаковы, Турки оборонялись съ фанатическимъ ожесточеніемъ, паши кидались въ рукопашныя схватки чтобы увлечь своихъ подчиненныхъ и несмотря на это сраженіе имѣло характеръ погрома. Противникъ былъ уничтоженъ, лишенъ всей артиллеріи и бѣжалъ не только безъ признаковъ порядка, но въ разсыпную. Этому результату, говоритъ генералъ Гурко въ своемъ официальномъ рапортѣ, мы были обя-

завы храбрости, энергіи, неутомимости, находчивости сердечному и горячему отношенію къ дѣлу генералъ-адъютанта графа Шувалова и храбрости и распорядительности генераловъ Дандевиля и Краснова. Поведеніе войска было выше всякой похвалы, а потому, говоритъ командиръ отряда, я ограничусь только простымъ заявленіемъ факта: войска вѣреннаго мѣ отряда сдѣлали въ шесть дней 150 верстъ, пройдя два весьма трудные перевала и послѣ этого перехода три дня сражались съ ранняго утра до поздняго вечера, причемъ ночи проводили на боевыхъ позиціяхъ.

Пока происходили вышеописанныя событія, не теряли времени и центральныя части нашей славной арміи, занятыя отправкой 32.000 лѣвннхъ, взятыхъ въ сраженіи 28го декабря у Шилки. Они немедленно выдвинули впередъ летучіе отряды, которые наводнили собою всю Румелію, отрѣзали остаткамъ Сулеймановой арміи возможность отступленія на Адрианополь и въ нѣсколько дней закончили кампанію.

Событія послѣдовавшія за сраженіемъ у Шилки подробно изложены въ нижеслѣдующемъ рапортѣ Великаго Князя Главнокомандующаго на имя Государя Императора.

„Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о славномъ Шилкинскомъ боѣ и о лѣвненіи Шилкинской арміи 28го декабря, Его Высочество Главнокомандующій Дѣйствующею Арміей безостановочно направился за Балканы чтобы лично ускорить дальнѣйшее общее наступленіе и не дать Туркамъ времени опомниться отъ неожиданной для нихъ катастрофы на Шилкѣ.

„Еще 27го декабря Великій Князь Главнокомандующій выѣхалъ изъ Богота, 30го былъ въ Габровѣ, а 31го уже перешелъ черезъ Балканы и вечеромъ прибылъ въ Казанлыкъ.

„На другой же день, 1го января 1878 года, Его Высочествомъ Главнокомандующимъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія для ускоренія общаго наступленія:

„1) Заладному отряду генералъ-адъютанта Гурко, въ случаѣ занятія Филиппополя, составить правую колонну общаго наступленія къ Адрианополю и идти черезъ Хаскію въ обходъ съ юга, на Демотику.

„2) Кавалеріи отряда генералъ-лейтенанта Карцева послать подъ начальство генералъ-лейтенанта Скобелева 1го, быстро выдвинуться отъ Карлова къ Филиппополю, войти въ связь съ Заладнымъ отрядомъ и дѣйствовать совокупно

съ его кавалеріей на основаніи общихъ указаній Великаго Князя и подъ ближайшимъ руководствомъ генералъ-адъютанта Гурко.

„3) Пѣхотѣ отряда генералъ-лейтенанта Карцева безостановочно наступать отъ Карлова на перерѣзъ Туркамъ на Филиппополь или на Чирпанъ, смотря по обстоятельствамъ, или какъ прикажетъ генералъ-адъютантъ Гурко, подъ начальство котораго отряду поступить. Во всякомъ случаѣ держать связь съ авангардомъ средней колонны.

„4) Авангарду средней колонны, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2го, двинуться 3го января на Адрианополь чрезъ Эски-Загру, Сейменли-Тырново и Германлы, выслать немедленно впередъ всѣ три полка 1й кавалерійской дивизіи для занятія Эски-Загры, Эни-Загры и для захвата важныхъ желѣзнодорожныхъ узловъ у Тырнова и Германлы, а также моста черезъ Марицу. Начальство надъ 1ю бригадою 1й кавалерійской дивизіи было возложено на свиты Его Величества генералъ-майора Струкова.

„5) Средней колоннѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ганецкаго, выступить изъ Габрова 2го января и возможно поспѣшнѣе переваливать черезъ Балканы, помогая при этомъ подъему и спуску артиллеріи и обозовъ 8го корпуса, 16й и 30й пѣхотныхъ дивизій и обозовъ Главной Квартиры, собираться въ Казанлыкъ и окрестныхъ деревняхъ; по мѣрѣ сбора выступать отсюда по-бригадно, забирая съ собою и тѣ батареи 16й и 30й артиллерійскихъ бригадъ, которыя одновременно будутъ спущены съ Балканъ.

„6) Лѣвой колоннѣ, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Радецкаго, принявъ самыя энергическія мѣры для ускоренія спуска съ Шилки артиллеріи и обозовъ, двинуться черезъ Эски-Загру и Эни-Загру къ Ямболи и оттуда долиной Тунджи, черезъ Ваково, къ Адрианополю. Авангардъ двинуть немедленно 2го января для скорѣйшаго занятія Эни-Загры и, если возможно, Ямболи.

„Три полка 8й кавалерійской дивизіи съ батареями, находящіеся въ составѣ Восточнаго отряда, стануть въ окрестности Тырнова къ Раховицамъ и Лесковицамъ и затѣмъ немедленно двинуть черезъ Твардицкій проходъ къ Ямболи и далѣе, на присоединеніе къ своему корпусу.

„7) Лѣвому боковому отряду, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Деллинсгаузена, перейти Балканы

черезъ Твардицкій проходъ, занять Сливно и Ямболи; охранять лѣвый флангъ арміи и сообщенія ея съ тыломъ черезъ Балканы и выслать отряды на Котель и Карнабатъ, разѣзды къ Айдосу, стараясь войти тамъ въ связь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Циммермана, и особый летучій отрядъ въ Бургасъ.

„Впредь до прибытія частей этого отряда (т.е. отряда генерала Деллинсгаузена) къ Ямболи, генералу-отъ-инфантеріи Радецкому оставить тамъ, для обезпеченія своего тыла, Орловскій полкъ.

„Тремъ полкамъ 24й пѣхотной дивизіи, по окончаніи конвоирования лѣвѣхъ, перейти Балканы, собраться въ Сливно и Ямболи и поступить также въ составъ отряда генералъ-лейтенанта барона Деллинсгаузена.

„8) На смѣну частямъ 26й пѣхотной дивизіи, охранявшимъ Тырново со стороны Котла, выслать временно части 11й пѣхотной дивизіи съ Османъ-Базарской дороги, смѣнивъ ихъ въ свою очередь Болгарскимъ ополченіемъ, когда оно окончитъ конвоированіе лѣвѣхъ.

„9) Для конвоирования взятыхъ на Шилкѣ лѣвѣхъ отъ Казанлыка черезъ Тырново до Царевича назначить особыя части войскъ расположенныя на этой линіи.

„10) Для охраненія Шилкинскаго перевала, комендантомъ котораго назначенъ генералъ-майоръ Ломкаревъ, и въ помощь артиллеріи и обозамъ оставить особыя части войскъ.

„11) Всѣмъ полевымъ войскамъ оставшимся по ту сторону Балканъ (кромя отряда генералъ-лейтенанта Циммермана) образовать одинъ Восточный отрядъ, подъ общимъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и перейти въ общее наступленіе къ сторонѣ Руцука, Разграда, Ески-Джумы и Османъ-Базара, подаваясь преимущественно правымъ флангомъ впередъ и стараясь прежде всего овладѣть Османъ-Базаромъ. Если окажется возможнымъ, то овладѣть Разградомъ; во всякомъ случаѣ постараться стать на желѣзнодорожномъ сообщеніи Руцука съ Шумлой.

„12) Части полевыхъ войскъ находящіяся на лѣвомъ берегу Дуная и подчиненныя также Его Императорскому Высочеству Начальнику Восточнаго отряда, при первой возможности (какъ только установится переправа или станетъ ледъ), двинуть на присоединеніе къ своимъ частямъ, а также за Балканы къ Адрианополю.

„13) Нижне-Дунайскому отряду генералъ-лейтенантъ Гаммермана перейти главными силами въ наступленіе на Иджи-Оглу-Базарджикъ; стараться овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ и затѣмъ разрушить Рундукско-Варшавскую желѣзную дорогу, выдвинуть отрядъ на Праводы и стараться установить связь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта барона Деллинггаузена, выслать разѣзды въ Идосу и Карлабату. Для обезпеченія своего правого фланга выставить брѣвовой отрядъ для наблюденія за Силистрией для обезпеченія себя съ тыла и со стороны моря—на линію Черноводы-Кюстенджі частями 36й пѣхотной дивизіи.

„14) Принять указанныя мѣры для охраненія коммуникаціонной линіи.

„15) Въ Казанлыкскомъ округѣ установить временное военное управленіе, назначить военнымъ начальникомъ округа полковника генеральнаго штаба Ильинскаго. Главная задача этого управленія—привести въ извѣстность найденныя повсюду громадныя турецкіе запасы и организовать правильное пользованіе ими.

Всѣ эти распоряженія привели къ слѣдующимъ результатамъ.

„1) Западный отрядъ. Генералъ-адъютантъ Гурко, да войскамъ необходимый отдыхъ и оставивъ въ Софіи генералъ-майора Арнольди съ частью войскъ, 25го и 28го декабря началъ со всѣми остальными войсками Западнаго отряда наступленіе къ Татаръ-Базарджику четырьмя колоннами.

„Правая колонна, генералъ-лейтенанта Вельяминова (баталіоновъ, 12 сотенъ и 12 орудій)—отъ Софіи черезъ Савкофо.

„Правая средняя колонна, генералъ-адъютанта графа Швалова (30 баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 74 орудій)—по долине се черезъ Ихтиманъ и Троянскы Ворота.

„Лѣвая средняя колонна, генералъ-лейтенанта Шильдер-Шульднера (6 баталіоновъ, 8 орудій)—по долинѣ рѣки Топольницы.

„Лѣвая колонна, генералъ-лейтенанта барона Кривцова (24 баталіона, 24 эскадрона и 58 орудій)—черезъ Мекленбургскую Отлукию (Панагюрище).

„28го декабря, въ день Шилкинскаго боя, были заняты Ихтиманъ, Пойбренъ (въ ущельи рѣки Топольницы) и Угличъ (на Отлукинской дорогѣ).

„30го декабря генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ взялъ по-
въ упорнаго боя Самаковъ, а генералъ-адъютантъ графъ Шу-
иовъ безъ выстрѣла занялъ Трояновы Ворота, выставивъ
валерію къ Вѣтрекову. Трудный перевалъ черезъ Троя-
вы Ворота достался намъ безъ сопротивленія, потому что
лейманъ-паша, получивъ 29го вечеромъ извѣстіе о Шил-
нской катастрофѣ, въ ту же ночь послѣдшю началъ от-
улять по всей линіи.

„31го декабря былъ занятъ Татаръ-Базарджикъ.

„3го января 1878 года одержана побѣда у Айранли и Кады-
оя и взяты Филиппополь. Турки отброшены отъ пряма-
лута отступленія къ горамъ.

„4го января происходилъ бой у Дермендере и Карагача
реѣка армія разбита, причемъ взято 18 орудій.

„Въ тотъ же день прибыла въ Филиппополь кавалерія ге-
ралъ-лейтенанта Скобелева 1го. Генералъ-адъютантъ Гур-
ко, усиливъ ее сводною драгунскою бригадою (Екатерино-
авскій и Астраханскій полки), немедленно направилъ ее на
ганимаки.

„5го января происходилъ бой у Бѣлесицы, въ которомъ
на половина турецкой арміи, потерявъ въ ожесточенномъ
ую свою артиллерію, бѣжала въ горы на югъ въ полномъ раз-
ройдѣ. Другая же половина турецкой арміи, подъ лич-
нымъ начальствомъ Сулейманъ-паши, бросилась горными же
рогами на востокъ, черезъ Тахталы, Караджаларъ и Кю-
орджи, по направленію на Хаскию.

„Въ теченіе 6го января происходило энергическое преслѣдо-
аніе разгромленныхъ остатковъ турецкой арміи. На другой
ень, 7го января, полковникъ Грековъ съ удачнымъ Довскимъ
е 30го полкомъ съ налету захватываетъ у Караджалара
ю полевую артиллерию колонны Сулейманъ-паши, 40 ору-
дъ, разсѣявъ прикрытіе состоявшее изъ пяти таборовъ.

„Послѣ шестидневнаго труднаго похода и послѣдовавшаго
а тѣмъ трехдневнаго упорнаго боя, Западный отрядъ дол-
енъ былъ на время пріостановиться и вздохнуть, а также
одтянуть свои обозы и парки, оставшіеся далеко позади.
енералъ-адъютантъ Гурко далъ своимъ измученнымъ вой-
камъ отдыхъ у Филиппополя, выдвинувъ къ 6му января
вардейскую кавалерію генерала Скобелева 1го къ Кетенику.

„10го января генералъ-адъютантъ Гурко выступилъ изъ
Филиппополя оставивъ тамъ бригаду.

„По достовернымъ свѣдѣніямъ, генераль-адъютантъ Гурко имѣлъ противъ себя 3, 4 и 5го января около 90 таборовъ, изъ которыхъ около 40 было привезено между 3мъ и 13мъ декабря по желѣзной дорогѣ изъ Ямболи и Сливно въ Татаръ-Базарджикъ. Эти таборы состояли изъ 600—700 человекъ каждый и были подъ начальствомъ Фуадъ-паши и Сабитъ-паши. Остальные таборы, числомъ около 50, составляли собственно армію Шакиръ-паши, уже разстроенную и слабого состава: отъ 250—300 человекъ въ таборѣ. Такимъ образомъ численность всей разсѣянной арміи Сулейманъ-паши была отъ 40 — 45.000 человекъ. Турки потеряли 110 орудій, изъ коихъ 108 Крулловскихъ, лучшихъ современныхъ системъ.

„2) Отрядъ генераль-лейтенанта Карцева перешелъ 1го января изъ Карлова въ Чукурли, на другой день прибылъ въ Карателракъ, а оттуда, получивъ свѣдѣніе что Турки уже уходятъ изъ Фалилпололя, направился наперерѣзъ имъ къ Чирлану. Отсюда, по приказанію генераль-адъютанта Гурко, генераль-лейтенантъ Карцевъ двинулся черезъ Каяджикъ (на рѣкѣ Марицѣ) къ Хаскию, куда и прибылъ 9го января и гдѣ онъ долженъ былъ выждать прибытія Западнаго отряда.

„3) Авангардъ средней колонны генераль-лейтенанта Скобелева 2го исполнилъ возложенную на него задачу блистательно.

„1го января выступила изъ Казанлыка кавалерія и въ тотъ же день прибыла въ Эски-Загру, а 2го января была двинута оттуда по тремъ направленіямъ: Петербургскіе уланы—на Эни-Загру, Московскіе Его Величества лейбъ-драгуны—на Сейменли, а Донской № 1го полкъ—на Чирланъ. Въ тотъ же день всѣ три пункта были заняты.

„Петербургскіе уланы, выждавъ прибытія въ Эни-Загру Донскаго № 23го полка (авангардъ лѣвой колонны), двинулись оттуда на присоединеніе къ своему авангарду и 5го января прибыли въ Карабунаръ.

„Свиты Его Величества генераль-майоръ Струковъ, дойдя съ Московскими лейбъ-драгунами до Сейменли, послалъ въ ту же ночь, со 2го на 3е января 2й эскадронъ на Тырновъ. Лихимъ набѣгомъ эскадронъ прервалъ телеграфное сообщеніе и разобралъ рельсы.

„3го января, утромъ, генераль Струковъ съ лейбъ-эскадронъ Его Величества овладѣлъ важнымъ мостомъ черезъ

Марицу, станціей и телеграфомъ въ Тырновъ, обратилъ въ бѣгство таборъ лѣхоты и латитысячную толпу вооруженныхъ жителей и взялъ шесть стальныхъ Крупловскихъ орудій.

„Въ тотъ же день выступилъ изъ Казанлыка съ главными силами генераль-лейтенантъ Скобелевъ 2й и сдѣлавъ въ 40 часовъ 82 версты стянулъ 5го января весь свой авангардъ къ Тырнову. Боковой отрядъ занялъ Гютерлю еще 4го января.

„Въ ночь съ 4го на 5ея января генераль Струковъ съ Московскими лейбъ-драгунами занялъ Германлы, а 5го генераль Скобелевъ 2й, тотчасъ по прибытіи лѣхоты къ Тырнову, выдвинулъ оттуда на подкрѣпленіе генерала Струкова къ Германлы, Владимірскій лѣхотный полкъ и 11й стрѣлковый баталіонъ съ четырьмя орудіями.

„6го января генераль Скобелевъ 2й стянулъ къ Германлы всѣ свои войска, а дивизіонъ Московскихъ лейбъ-драгунъ, подъ начальствомъ генерала Струкова, выслалъ къ городу Мустафъ-Пашѣ, который и былъ занятъ лейбъ-драгунами послѣ небольшой стычки съ баши-бузуками.

„7го января въ Мустафу-Пашу собралась вся 1я бригада 1й кавалерійской дивизіи и одна сотня Донскаго № 1го полка. Въ тотъ же день генераль Скобелевъ 2й, узнавъ что по дорогѣ изъ Хаскіоя въ Германлы тянется огромный обозъ съ коновоемъ турецкой лѣхоты, выслалъ противъ него полковника Панютина съ Углицкимъ полкомъ, 11мъ стрѣлковымъ баталіономъ и двумя орудіями. Полковникъ Панютинъ, наголову разбивъ и разсѣявъ прикрытіе, состоявшее изъ шести таборовъ, овладѣлъ обозомъ въ составѣ свыше 20.000 повозокъ.

„8го января генераль Струковъ, оставивъ 1½ эскадрона въ Мустафъ-Пашѣ, съ остальными частями Московскаго лейбъ-драгунскаго и Петербургскаго уланскаго полковъ занялъ безъ выстрѣла Адрианополи, покинутый какъ властями, такъ и войсками, бѣжавшими въ ланическомъ страхѣ.

„10го января прибылъ въ Адрианополи генераль-лейтенантъ Скобелевъ 2й съ головными частями своего отряда: Владимірскимъ и Шуйскимъ лѣхотными полками, 11мъ стрѣлковымъ баталіономъ и четырьмя 9тифунтовыми орудіями. Немедленно по прибытіи въ Адрианополи, онъ двинулъ генерала Струкова съ кавалеріей дальше, на Кирикилису и Люле-Бургась, и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился чтобы гвардейская кавалерія немедленно шла на Демотику.

„Такимъ образомъ, благодаря лихому налету кавалеріи и быстротѣ движенія лѣхоты и авангарда, намъ удалось нагнать на Турокъ такую панику что они бросили вторую свою столицу и отдали ее въ наши руки безъ выстрѣла. Все это молодецкое дѣло было покончено въ восемь дней: 1го января кавалерія выступила изъ Казанлыка, а 8го уже вступила въ Адрианополь.

„4) Средняя колонна (гренадерскій корпусъ) выступила изъ Габрова 2го января, но движеніе ея было такъ сильно задержано одновременнымъ слускомъ съ горъ артиллеріи и обозовъ всѣхъ войскъ участвовавшихъ въ послѣднемъ Шипкинскомъ бою, а также движеніемъ обоза Главной Квартіры что головной эскадронъ (1я бригада 2й гренадерской дивизіи) могъ выступить изъ Казанлыка только 11го января.

„5) Лѣвая колонна выступила изъ Казанлыка: авангардъ князя Святополкъ-Мирскаго—2го января, а главные силы генерала-отъ-инфантеріи Радецкаго—6го января. Эви-Загра и Ямболи были заняты безъ боя. Къ 10му вся колонна стянулась въ Ямболи.

„6) Лѣвый боковой отрядъ началъ переходить Балканы черезъ Твардицкій проходъ 2го января. Въ продолженіе шести дней Петрозаводскій лѣхотный полкъ усиленно трудился надъ разработкой дороги для движенія артиллеріи и обозовъ, и благодаря этимъ трудамъ, почти весь отрядъ сосредоточился въ Сливѣ и окрестностяхъ къ 10му января. Городъ Сливно былъ занятъ еще 4го января, безъ боя, 2мъ дивизиономъ Орденскихъ драгунъ, которые тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ освѣтили мѣстность во всѣ стороны и выяснили что Турки отовсюду отступили на Адрианополь.“

Такимъ образомъ ровно черезъ недѣлю послѣ выхода кавалеріи изъ Казанлыка передовымъ отрядомъ генерала Струкова занятъ былъ Адрианополь, вторая столица имперіи Османовъ. Занятіе столь важнаго пункта нашими войсками при одновременномъ захватѣ почти всей Румелии произвело потрясающее впечатлѣніе на Турокъ; услугавные жители, вспоминая звѣрства учиненныя ими надъ беззащитными Болгарами ожидали себѣ безпощадной мести, а потому бросая жилища кинулись къ послѣднему пункту обороны—Константинополю. Произшло движеніе напомнимшее соборъ далекаго времени переселенія народовъ; десятки тысячъ повозокъ съ сотнями тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей торо-

ливо лотянулись къ укрѣпленіямъ столицы пораждая усиленную панику; правительство Османовъ сознавая полную невозможность всякой дальнѣйшей обороны предписывало своимъ уполномоченнымъ. выслааннымъ въ нашу Главную Квартиру принять всѣ условія побѣдителя, вызывая къ его великодушію и милости. А между тѣмъ войска наши продолжали наступленіе, дабы прочно закрѣпить добытые результаты и предупредить всякую возможность со стороны непріятеля оказать въ дальнѣйшемъ будущемъ, то-есть въ случаѣ неудачи переговоровъ, какое-либо сопротивление. Едва только главные силы нашей арміи приблизились къ Адрианополю какъ изъ этого города въ двухъ различныхъ направленіяхъ двинуты были передовые отряды къ Константинополю и перешейку Галлиполійскаго полуострова. Въ ночь съ 12го на 13е января отрядъ генерала Струкова занялъ Люле-Бургасъ, захвативъ станцію желѣзной дороги, причемъ нагналъ до 15ти тысячъ повозокъ съ удалявшимся населеніемъ, которое обезоружилъ и направилъ къ Родосто, по берегу Мраморнаго Моря, откуда по слухамъ мусульмане перевозились на азіатскій берегъ. Отрядъ генерала Шнитникова 14го января занялъ безъ боя Демотику, соединительную станцію желѣзной дороги изъ Константинополя къ Эносу. Это послѣднее движеніе въ направленіи къ Галлиполи произвело въ Англіи потрясающее впечатлѣніе. Министерство отдало торопливое приказаніе эскадрѣ стоявшей въ бухтѣ Безика немедленно войти въ Дарданеллы и проникнуть въ Мраморное Море, и столь же торопливо, по причинамъ не вполне еще разъясненнымъ, отменило прежнее рѣшеніе и возвратило выдвинутую эскадру въ мѣсто ея обыкновенной стоянки.

Между тѣмъ одновременно съ быстрыми ударами наносимыми Туркамъ за Балканами войска Придунайской арміи также овладѣли значительнымъ пространствомъ. 14го января, то-есть въ день занятія Демотики, войска 1й пѣхотной дивизіи послѣ незначительнаго сопротивленія заняли сильно укрѣпленный Турками Разградъ, а 15го января былъ занятъ Османъ-Базаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ войска 14го армейскаго корпуса отряда генерала Циммермана еще 10го января двинулись къ Базарджику, и послѣ двукратнаго пораженія нанесеннаго противнику сначала у Чаирхармана, а затѣмъ подъ стѣнами самаго города, 15го января заняли Базаръ.

джикъ, находящійся въ двухъ переходахъ отъ Варны, и въ трехъ отъ Шумлы.

Всѣ эти успѣхи, а главнымъ образомъ приближеніе нашихъ войскъ къ Константинополю, несмотря на вышесприведенныя обѣщанія Россіи, продолжали возбуждать серьезныя опасенія въ Англіи и въ Австріи; обѣ державы хорошо понимали что при положеніи занятыхъ нашею арміей, послѣ безпримѣрнаго по быстротѣ и выполненію забалканскаго похода, трудно, почти невысказимо допустить возможность остановки побѣдоносныхъ войскъ у самой заветной цѣли каждаго воюющаго—столицы противника. Обѣ умѣренности Россіи Англія не хотѣла слышать; сознавая себя главною виновницей всего происшедшаго она конечно въ правѣ была ожидать законнаго возмездія. Пришло извѣстіе о заключенномъ 19го января въ Адрианополѣ перемиріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ представитель Англіи въ Константинополѣ продолжалъ извѣщать свое правительство о наступательномъ движеніи русской арміи, несмотря на перемиріе; „Русскіе двигаются къ Константинополю“, „Русскіе двигаются къ Галлиполи“, сообщалъ онъ ежедневно, и чуть не ежечасно. Эти извѣстія, быть-можетъ сознательно искажаемыя, произвели свое дѣйствіе. Въ парламентѣ сторожаики правительства, разжигаемые вожаками, произвели цѣлую бурю, а на улицѣ толпы народа двинулись къ квартирѣ главнаго представителя оппозиціи Гладстона и къ редакціи газеты *Daily News* съ враждебными манифестаціями, выбивая окна камнями. Казалось не Турція, а Англія стояла на краю пропасти, казалось не въ Лондонѣ, а въ Константинополѣ сосредоточивался вопросъ объ англійскомъ могуществѣ. Въ это-то время наше правительство, по окончаніи всѣхъ необходимыхъ передвиженій войскъ, официально опубликовало какъ условія перемирія такъ и подписанныя предлиминаріи имѣвшаго послѣдовать окончательнаго мирнаго договора. Оказалось что движенія оловѣщаемыя испуганнымъ Леярдомъ происходили въ дѣйствительности, но не въ силу вѣроломства Россіи, а на основаніи условій заключеннаго перемирія. Вѣрная до конца своимъ обѣщаніямъ Россія добровольно отказалась отъ вступленія въ Константинополь и занятія Галлиполійскаго полуострова. Но ничто уже не могло удовлетворить Англію, она почувствовала нанесенный ей ударъ, отъ котораго едва ли ей суждено опра-

виться на Востокъ. Она поняла что рѣшеніе Восточнаго вопроса ускользало изъ ея рукъ. Пришлось сбросить маску и нагло показать предъ цѣлымъ свѣтомъ что для Англіи ничего не существуетъ вѣдъ англійскихъ интересовъ. Снова былъ двинутъ въ Дарданеллы англійскій флотъ, съ цѣлю якобы охраненія интересовъ англійскихъ подданныхъ, но на самомъ дѣлѣ въ надеждѣ угрозою Россіи понудить послѣднюю къ уступкамъ въ добытыхъ ею результатахъ освобожденія христіанскаго Востока.

Приводимъ подлинный текстъ какъ прелиминарій мира такъ условій перемирія.

I.

Въ виду предстоящаго заключенія перемирія между воюющими арміями русскими и оттоманскими, ихъ превосходительства Серверъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ Высокой Порты, и Намыкъ-паша, министръ двора его императорскаго величества султана, прибыли въ Главную Квартиру Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, Главнокомандующаго русскою арміей, снабженные полномочіями Высокой Порты; предложенныя Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ, отъ имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссійскаго, основанія мира, по принятіи ихъ турецкими уполномоченными, были съ общаго соглашенія изложены въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

1. Болгарія, въ предѣлахъ опредѣленныхъ большинствомъ болгарскаго населенія, и которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть менѣе предѣловъ указанныхъ на Константинопольской конференціи, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ, христіанскимъ и туземною милиціей. Оттоманская армія не будетъ болѣе тамъ находиться.

2. Независимость Черногоріи будетъ признана. Увеличеніе владѣній, соотвѣтственное тому приращенію которое отдала въ ея руки судьба оружія, будетъ за нею утверждено. Окончательныя границы опредѣлятся въ послѣдствіи.

3. Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана. Первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное поземель-

ное вознагражденіе, а для второй произведено исправленіе граицъ.

4. Босніи и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе, съ достаточными обезпеченіями. Подобнаго же рода преобразованія будутъ введены въ прочихъ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи.

5. Порта приметъ обязательство вознаградить Россію за ея издержки на войну и за потери которыми она должна была себя подвергнуть. Способъ сего вознагражденія— деньгами, либо поземельною уступкой, либо чѣмъ инымъ, будетъ опредѣленъ въ послѣдствіи. Его величество султанъ войдетъ въ соглашеніе съ Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданелльскомъ.

Немедленно будутъ открыты переговоры въ Главной Квартирѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго между уполномоченными двухъ правительствъ для установленія предварительныхъ условій мира.

Какъ только настоящія основанія мира и условія о перемиріи будутъ подписаны, послѣдуетъ пріостановленіе непріязненныхъ дѣйствій между воюющими арміями, включая румынскую, сербскую и черногорскую, на все время продолженія переговоровъ о мирѣ. Главнокомандующіе обѣими арміями въ Азіи немедленно будутъ о томъ увѣдомлены, для заключенія между ними перемирія, которое равногѣрно пріостановитъ военныя дѣйствія.

Императорское Оттоманское правительство дастъ приказаніе оттоманскимъ войскамъ очистить, какъ только перемиріе будетъ подписано, крѣпости Виддинъ, Рущукъ и Силистрію въ Европѣ, и крѣпость Эрзерумъ въ Азіи. Кроме того, русскія войска будутъ имѣть право на военное занятіе, въ продолженіи переговоровъ, извѣстныхъ стратегическихъ пунктовъ, обозначенныхъ въ условіяхъ о перемиріи на обоихъ театрахъ войны.

Въ удостовѣреніе сего, настоящій протоколъ былъ составленъ и подписанъ въ двухъ спискахъ въ Адрианополѣ двятнадцатаго (тридцать перваго) января тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмага года.

Подписано: **НИКОЛАЙ.**

Сергеевъ.

Намьикъ.

II.

Условія перемирія между Императорскими Россійскими войсками и ихъ союзниками и императорскими турецкими войсками.

Вслѣдствіе предложенія Блистательной Порты и заявленнаго ея уполномоченными, ихъ превосходительствами Серверъ-пашой и Намыкъ-пашой, согласія принять предъявляемыя Россіей основанія для заключенія мира между воюющими сторонами, Главнокомандующій Россійскою Императорскою Дѣйствующею Арміею изъявилъ согласіе прекратить военныя дѣйствія.

Для заключенія перемирія назначены уполномоченными со стороны Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго: начальникъ штаба Дѣйствующей Арміи генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Нелокойчицкій и помощникъ его, свиты Его Величества генералъ-майоръ Левицкій и со стороны уполномоченныхъ Блистательной Порты: генеральнаго штаба дивизіонный генералъ Неджибъ-паша и бригадный генералъ Османъ-паша.

Лица эти, по предоставленнымъ имъ полномочіямъ, согласись на слѣдующія условія для перемирія:

1. Перемиріе заключается между русскими, сербскими и румынскими, съ одной стороны, и между турецкими вооруженными силами, съ другой, на все время веденія переговоровъ о мирѣ, впредь до благопріятнаго ихъ окончанія или до ихъ перерыва.

Въ послѣднемъ случаѣ, о возобновленіи военныхъ дѣйствій каждая изъ сторонъ обязана предупредить другую за три сутокъ, съ обозначеніемъ числа и часа открытія враждебныхъ дѣйствій. Трехдневный срокъ будетъ считаться съ того времени когда одна изъ сторонъ сообщитъ другой на мѣстѣ приказаніе высшаго начальства по этому поводу.

Императорское Россійское правительство предложитъ Черногоріи прекратить военныя дѣйствія и примкнуть къ условіямъ перемирія между Россіей и Турціей; а Блистательная Порта, въ свою очередь, прекратитъ военныя дѣйствія противъ Черногоріи.

2. Перемиріе вступаетъ въ свою силу въ минуту подписанія этихъ условій, и войска той или другой стороны, переступившія послѣ этого срока указанную ниже демаркаціонную линію, должны возвратиться назадъ, равно возвратить захваченную при этомъ добычу:

3. Императорскія турецкія войска кромѣ очищенія крепостей: Виддина, Рушукъ и Силистріи, оставляютъ Българчику, Разградъ, Хаджи-Оглу-Базарджакъ, и на этомъ основаніи между Императорскими русскіими, румынскими и сербскими войсками съ одной стороны и императорскими турецкими войсками съ другой, устанавливается слѣдующая демаркаціонная линія:

Демаркаціонная линія направится отъ Бальчика и Хаджи-Оглу-Базарджика по прямому направленію на Разградъ, съ нейтральною полосой шириной въ пять километровъ впереди этой линіи; далѣе, линія продолжится отъ Разграда прямо на Эски-Джуму; отъ Эски-Джумы на Османъ-Базаръ и Котелъ (Казанъ), которые занимаютъ русскіими Императорскими войсками, и нейтральная полоса проходитъ на пять километровъ впереди этой линіи. Затѣмъ демаркаціонная линія протекаетъ по рѣкамъ Мѣдванъ, Деликамчикъ, Богазъ-Дере и черезъ селеніе Огланкюй и Хаджи-Дере до Месември, причемъ нейтральная полоса, пять верстъ шириной, протекаетъ по обѣ стороны этихъ рѣкъ, достигаетъ Чернаго Моря и доходитъ вдоль берега до Деркосского озера. Однако русскія войска занимаютъ на берегу Чернаго Моря лишь Бургасъ и Мидію, для облегченія доставки продовольствія войскамъ, за исключеніемъ военной контрабанды.

Далѣе демаркаціонная линія прѣходитъ отъ Деркосского озера, отъ Чекмедже черезъ Карджали, по прямому направленію, пересѣкая желѣзную дорогу, на правый берегъ Карасу, вдоль теченія котораго она опускается до Мраморнаго Моря.

Турецкія войска очищаютъ линію укрѣпленій точно также какъ и Деркосъ, Хадемкюй и Буюкъ-Чекмедже. Демаркаціонная линія оттоманскихъ войскъ проходитъ отъ Кучукъ-Чекмедже по прямому направленію черезъ Св. Георгія и Акбунаръ (на берегу Чернаго Моря). Пространство между русскою и турецкою линіями составитъ нейтральную полосу, гдѣ нельзя будетъ ни воздвигать, ни усиливать, ни

исправлять укрѣпленій во все время продолженія перемирія. Отъ Мраморнаго Моря демаркаціонная линія проходитъ перешейкомъ Галлипольскаго полуострова, по линіи Шаркіой-Урша. Далѣе берегомъ Эгейскаго моря до Деде-Агача и Макри включительно, затѣмъ водораздѣломъ между притоками рѣкъ Марицы (въ томъ числѣ и Арды) и рѣками впадающими въ Эгейское море—до Джумы; послѣ по линіи на Костендиль, Вранья, Плавина - Голякъ, деревню Меслицу, Плавина, Грапашвица и деревню Любче до границы Ново - Базарскаго санджака и по ней до границъ Сербіи, до мѣста называемаго Копаоникъ Плавина; Джума, Костендиль и Вранья занимаются русскими или сербскими войсками. Приштина—турецкими войсками. Установленіе демаркаціонной линіи между турецкими императорскими и черногорскими войсками должно быть произведено особою комиссіей изъ уполномоченныхъ Турціи и Черногоріи, при участіи уполномоченнаго отъ Россіи.

Опредѣленіе на мѣстѣ границъ демаркаціонной полосы между войсками Императорскими русскими и турецкими должно быть произведено безотлагательно, тотчасъ послѣ подписанія этихъ условій, посредствомъ комиссіи изъ уполномоченныхъ офицеровъ ближайшихъ корпусовъ и отрядовъ обѣихъ армій; тамъ же, гдѣ войскъ вблизи не будетъ, демаркаціонная полоса будетъ проходить по указаннымъ выше естественнымъ рубежамъ, о которыхъ объявляется для свѣдѣнія въ обѣихъ арміяхъ.

Демаркаціонная полоса отъ Джумы черезъ Вранью до границъ Новобазарскаго санджака опредѣляется на мѣстѣ комиссіей изъ уполномоченныхъ отъ императорскихъ турецкихъ и сербскихъ войскъ, при участіи русскаго уполномоченнаго.

4. Войска обѣихъ враждующихъ сторонъ, которыя ко времени подписанія этого условія будутъ находиться вѣдѣ означенной линіи, должны быть немедленно отведены назадъ и исполнить это отнюдь не позже трехдневнаго срока.

5. Императорскія турецкія войска, оставляющія указанные имъ къ § 3. укрѣпленные пункты, отходятъ съ оружіемъ, всѣмъ боевымъ снаряженіемъ и всѣмъ имуществомъ, которое можетъ быть увезено по слѣдующимъ направленіямъ:

Изъ Виддина и Бѣлградчика черезъ проходъ Св. Николая на Акъ-Паланку, Нишъ, Лесковацъ и далѣе черезъ

Приштину или Вранью, для ближайшаго выхода на желѣзную дорогу въ Ускюбъ.

Изъ Рущука, Силистрии, Хаджи-Оглу-Базарджика и Разграда—на Варну или Шумлу, по усмотрѣнiю турецкаго военнаго начальства.

Военное и боевое имущество крѣпостей, военныя и казенныя суда со всѣмъ имуществомъ могутъ быть увезены или оставлены по описи въ двойномъ экземплярѣ за подписью военныхъ начальниковъ обѣихъ сторонъ, на попеченiе русскаго военнаго начальства, которое приметъ мѣры для сохраненiя его впредь до заключенiя мира.

Что же касается провiанта, подверженнаго порчѣ, то онъ можетъ быть или проданъ, или уступленъ русскому военному начальству за вознагражденiе по взаимному соглашенiю.

Частное имущество остается неприкосновеннымъ.

Оставленiе названныхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ должно быть исполнено не позже семидневнаго срока со времени полученiя приказанiя о томъ мѣстнымъ начальствомъ.

6. Турецкiя императорскiя войска и военныя суда оставляютъ въ трехдневный срокъ и Сулину, если ледъ не будетъ тому препятствовать. Русское же военное начальство, въ свою очередь, сниметъ на Дунай всѣ загражденiя и по немъ откроетъ свободное плаванiе, но подъ надзоромъ русскаго военнаго начальства.

7. Въ провинцiяхъ занимаемыхъ русскими или союзными войсками, въ которыхъ во время подписанiя этихъ условiй будутъ находиться турецкiя административныя власти, онѣ должны остаться при исполненiи своихъ обязанностей для охраненiя спокойствiя и порядка въ населенiи. Онѣ будутъ исполнять по мѣрѣ возможности требованiя русскихъ военныхъ властей.

8. Желѣзнодорожныя линiи, которыя отойдутъ въ районъ расположенiя русскихъ войскъ, остаются неприкосновенными, какъ всякая частная собственность, и цѣмъ дозволяется свободное движенiе на протяженiи всѣхъ линiй. Для сего Оттоманское правительство разрѣшаетъ компанiямъ свободное движенiе ихъ подвижнаго состава по всей линiи, занятой какъ императорскими турецкими, такъ и русскими войсками.

Въ движеніи частныхъ лицъ и грузовъ допускается полная свобода, только со слѣдующими ограниченіями: провозъ предметовъ военныхъ потребностей и войскъ черезъ демаркаціонную линію воспрещается.

Перевѣздъ же черезъ демаркаціонную линію отдѣльныхъ военныхъ лицъ допускается по взаимному соглашенію частныхъ военныхъ начальниковъ.

Движеніе въ расположеніи каждой воюющей стороны производится подъ надзоромъ ея военныхъ агентовъ.

9. Блистательная Порта на все время перемирія сниметъ блокаду съ портовъ Чернаго Моря и не будетъ препятствовать свободному къ нимъ подходу судовъ.

10. Больные и раненые, принадлежащіе турецкой императорской арміи, которые останутся въ районѣ расположенія русскихъ, румынскихъ и сербскихъ войскъ, принимаются на леченіе русскаго и союзнаго военнаго начальства, но при турецкомъ медицинскомъ персоналѣ, если таковой окажется на мѣстѣ. Они не считаются военно-плѣнными, но не имѣютъ права безъ особаго разрѣшенія русскаго и союзнаго военнаго начальства на свободный перевѣздъ въ другіе пункты.

11 Начало перемирія считается съ семи часовъ пополудни девятнадцатаго (тридцать перваго) января 1878 года. Что же касается до другихъ сроковъ—они обозначены въ самомъ текстѣ перемирія.

Для Азіятскаго театра войны опредѣленіе подробностей перемирія имѣетъ быть произведено уполномоченными отъ Главнокомандующаго Россійскою Императорскою Азіатскою Дѣйствующею Арміею и отъ Оттоманскаго правительства.

О срокѣ начала перемирія на Европейскомъ театрѣ войны управленіе Русскою Европейскою Дѣйствующею Арміею сообщить по телеграфу таковому же управленію Азіатской арміи.

На подлинномъ подписано: *Непокойчицкій.*

Левичицкій.

Недѣжубъ.

Османъ.

Такіе результаты добыты были главнымъ образомъ благодаря удивительнымъ свойствамъ нашей превосходной арміи. Отъ вождя до послѣдняго солдата она показала себя

на высотѣ призванія и свискала себѣ сердечную благодар-
ность и уваженіе своего народа.

Мы оканчивали наше *Обозрѣніе* въ то время когда полу-
чено было радостное извѣстіе о подписаніи окончательнаго
мира. День 19го февраля отнынѣ станетъ праздникомъ на
всемъ христіанскомъ Востокѣ и въ славянскомъ мірѣ.

В. И.

При семъ № предлагается особое объявленіе для всѣхъ подписчи-
ковъ отъ музыкальных магазиновъ П. ЮРГЕНСОНА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

РОМА СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО

Я Н В А Р Ъ.

	Стр.
роисхождение человека по Геккелю. <i>И. О. Циона</i>	5
важна ***. Трагедія въ октавахъ. <i>А. Н. Майкова</i>	72
ритика отвлеченныхъ началъ. Гл. X—XI. <i>В. С. Со-</i> <i>ловьева</i>	103
черки современной исторической литературы. <i>Р.</i>	133
въ Сербіи 1876—1877. Записки добровольца. Гл. I—III. <i>В. В. Яшерева</i>	18
крежетъ зубовой. Романъ. Часть первая. <i>В. Г.</i> <i>Австенька</i>	226
урция и турецкіе дѣатели. <i>Н. В. Щербаня</i>	308
икшичъ. (Изъ Ненадовича.) Стихотвореніе. <i>Н. Боова</i>	366
е Горахъ. Разказъ. Глава. LIX—LXIV. <i>Андрея Пе-</i> <i>черскаго</i>	370
аревичъ Алексѣй. Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. <i>Д. В. Аверкіева</i>	408
очность никогда не излишняя. (По поводу главы объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ <i>Полицейскомъ</i> <i>правѣ</i> профессора Бунге.) X.....	469
о поводу романа Альфонса Додэ „Набабъ“. <i>Г.</i>	487

Ф Е В Р А Л Ь.

	<i>Стр.</i>
Вопросъ объ уменьшеніи водъ въ источникахъ и рѣ- кахъ. <i>Я. И. Вейнберга</i>	495
Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Гл. XXXVII — XXXIX. <i>А. Л. Зиссермана</i>	529
Скрежесть зубовой. Романъ. Часть вторая. <i>В. Г. Австенька</i>	582
Подъ громомъ Крымской войны. (Изъ дневника веден- наго покойнымъ А. Д. Камоускимъ въ Крыму, во время военныхъ дѣйствій 1853 года.).....	658
Русскій художникъ за границей въ сороковыхъ годахъ. (Семейныя письма покойнаго Николая Алексан- дровича Рамазанова.) Гл. VI—XI.....	687
Политика Россіи въ первой четверти текущаго сто- лѣтія. <i>Р.</i>	718
Русскіе, Греки и Юго-Славяне. Опытъ національной психологіи. <i>К. Н. Леонтьева</i>	747
Изъ Гёте. Стихотвореніе. <i>Кн. Д. Н. Цертелова</i>	789
Деньги Миледи. Элизодъ изъ жизни молодой дѣвушки, разказанный Уилки Коллинзомъ. Переводъ съ англійскаго. Часть первая.....	791
Очерки Герцеговинскаго возстанія. Гл. X — XIII. <i>П. Яшарова</i>	839
Коррехидоръ. Разказъ де-Аларкона. Переводъ съ испан- скаго.....	868
Къ вопросу о военно-учебномъ реализмѣ. <i>М. Ѳ. Де-Пуле</i> . ..	929
Четвертое измѣреніе пространства и медиумизмъ. <i>А. М. Бутлерова</i>	945
Военное обозрѣніе. (Съ паденія Плевны до заключенія перемирія) <i>В. И.</i>	979

Олодпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1878 въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **четырнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **шестнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой и пересылкой **девятнадцать рублей 50 коп.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногороднихъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ.

—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ), 112
на Страстномъ Бульварѣ.

Digitized by Google

